

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Lif-Gardet

Finska Skarpskytte-Bataillons

BIBLIOTHEK.

¹/₂ = Afdelningen.

N° 24

~~Utskrift af...~~

~~Vet. Stav. Per. 2~~

~~R. 6 (in a 2)~~

Vet DK4. S2775 C85

1848

7-8

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга седьмая.

=====
І Ю Л Ъ.
=====

— 803 —

САНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го іюля 1848 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

Ценсоръ *Рочфортъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жернаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Римскій-Корсаковъ и его военныя дѣйствія въ Швейцаріи, въ 1799 году. Соч. *А. Савельева-Ростиславскаго*. 1—36

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛЮТОНЬСЬ И ПОЛЪИТКА.

Внутреннія новѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Обоаръніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 мая по 15 іюня сего года. — Иностранныя новѣстія. Обзоръ современныхъ замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Великобританія. — Швеція и Норвегія. — Пруссія. — Даринштадтъ. — Австрія. — Италія. — Греція. — Остъ-Индія. — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. — Мексика. — Вестъ-Индія. — Мысль Доброй Надежды) . . . . . 1—68

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Въ альбомѣ и не въ альбомѣ. Соч. *Д. Сушкова*. . . . . 1—1
Минута разлуки. Соч. *В. Калашникова*. . . . . 2—2
Нина. Эпизодъ изъ дневника моего пріятеля. Соч. *Александръ Писемскаго*. . . . . 3—30

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Землемѣръ. Романъ *Купера*. (Продолженіе). . . . . 1—92
Стефанъ и Юсифъ. Повѣсть *Марме*. . . . . 93—126

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Путешествіе въ Лапландію. *Адахльберта де-Бомона*. . . 1—16

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Систематическое описаніе Помпей, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. *В. Классовскаго*. *Барона Розена*. — Журнальныя замѣтки. Письмо

къ Москвитяину, отъ барона Розена.—Совѣсть купца Лагушова, Романъ О. М.—Москва и Москвичи, Записки Богдана Ильича Бальскаго, издаваемые М. Н. Загоскинымъ.—Отвѣтъ Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ. *К. Масальскаю*.—Бытъ Русскаго народа. Соч. А. Терещенки. — Полный нѣмецко-русскій словарь, составленный В. Эртелемъ.—Игры: преферансъ, преферансъ-вдвоемъ и вистъ-преферансъ. . . . . 1—48

VII. СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна.—Охота на ягузровъ въ Буеносъ-Айресскихъ пампасахъ. (Разказъ французскаго путешественника.)—Общественная жизнь въ Константинополѣ. (Квицмана).—Прогулка по Барбадосу. (Роберта Шомбургка).—Пальмовыя деревья. — Административное устройство Китая.—Состояніе Калифорніи въ новѣйшія времена.—О нынѣшней живонси въ Китаѣ.—О способѣ приготовленія рокфорскаго сыра.—Сборъ и приготовленіе чайныхъ листьевъ. — Образецъ мужей. — Министръ по ошибкѣ.—Основательное требованіе.—Попугай английской королевы Викторіи.—Удивительное явленіе въ Сѣверной Америкѣ.—Оригинальный проситель.—О жизни и сочиненіяхъ Тунмана.—Отвѣтъ на антикритику.—Парижскія театры.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги. 1—118

Къ этой книгѣ *Сынъ Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Всего 28 печ. листовъ.

Русская Исторія.

РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

И ЕГО ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ,

въ 1799 году.

Въ исходъ XIV вѣка, въ 1390 году, при Великомъ Князѣ Василіѣ Димитріевичѣ, выѣхалъ къ намъ въ Москву изъ великаго княжества Литовскаго Венцеславъ Жигмундовичъ Корсакъ. Потомокъ его, пріобрѣвшій извѣстность въ концѣ прошедшаго столѣтія, — генералъ отъ инфантерій Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ былъ сынъ статскаго советника. Онъ родился въ Москвѣ 13 августа 1753 года, и на 15 году отъ рожденія (въ 1768 году) записанъ былъ капраломъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ *. Въ 1769 году произведенъ въ подпрапорщики, а въ 1770 въ сержанты. Въ 1774 г. пожалованъ прапорщикомъ; въ слѣдующемъ году — подпоручикомъ и наконецъ, въ 1778 г. назначенъ подполковникомъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ. Находился въ

* См. Воен. Энциклопед. Лексиконъ, т. XI, стр. 403.
К. VII. — Отд. I.

польскихъ походахъ 1778 и 1779 годовъ; въ 1779 году, исправляя должность оберъ-крюгсъ-коммисара, и въ томъ же году произведенъ въ полковники. Во вторую Турецкую войну, въ царствованіе Екатерины Второй, Римскій-Корсаковъ, находясь въ качествѣ акредитованнаго чиновника въ австрійскомъ корпусѣ принца Саксенъ-Кобургскаго, участвовалъ (въ 1788 году) въ завоеваніи Хотина; оказалъ необыкновенное мужество въ побѣдѣ, одержанной, при селеніи Гангуръ, генераломъ Каменскимъ, 19 декабря 1788 года, надъ Турками и Татарами; въ 1789 году предводительствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и небольшого числа конницы: сразился и разбилъ 1 апрѣля, при Берладѣ, 8000 Турокъ, гналъ ихъ до деревни Максимень, при рѣкѣ Серетъ, и, получивъ подкрѣпленіе, состоявшее изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и трехъ эскадроновъ кавалеріи, напалъ на трехъ-бунчужнаго Якубъ-Папу, который занималъ выгоднѣйшую позицію; обратилъ его въ бѣгство и отбросилъ къ Галацу, а потомъ, присоединившись къ корпусу генералъ-поручика Дерфельдена, помогъ овладѣть Галацемъ. Послѣ того, Корсаковъ отправленъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ, отъ главнокомандующаго, объ одержанныхъ побѣдахъ надъ неприятелемъ, и въ Петербургъ получилъ отъ Императрицы *«за усердную службу, мужество и неустранимость»*, орденъ Св. Георгія 4-й степени, чинъ бригадира и почетное званіе секундъ-маіора лейбъ-гвардіи коннаго полка (9 мая). 14 іюля того же года, Александръ Михайловичъ поступилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ и переведенъ изъ молдавской арміи въ финляндскую. Императрица Екатерина Великая письменно рекомендовала его графу Мусину-Пушкину, называя ревностнымъ, храбрымъ и искуснымъ офицеромъ. Римскій-Корсаковъ явился въ финляндскую армію въ то время, когда принцъ Нассау-Зигенъ, 13 августа, одержалъ славную побѣду, близъ Фридрихсгама, надъ шведскимъ адмираломъ Эренсвердомъ, а главнокомандовавшій нашъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ рѣшился атаковать самого короля, который находился съ главнымъ корпусомъ между Кюменгардомъ и Гегерсомъ. **Веліко было сдѣлать на-**

позвалю генераль-поручику Ловицкому. Онъ раздѣливъ отрядъ свой на три колонны и одну изъ нихъ возвратилъ Александру Михайловичу, который помогъ разбить Шведовъ, 21 августа, при Кюменгардъ и охранялъ потомъ, со вѣрнымиъ ему лѣтучими силами отрядомъ, Нейшлотъ и Помалазуудъ. — «Первый предметъ попеченія вашего долженъ быть тотъ,» — писалъ къ нему графъ Мусинъ-Пушкинъ 24 августа — «чтобы, охраняя границу, не только не допустить непріятеля вернуться въ оную, но стараться всякое покушеніе оного обращать въ его собственный вредъ; а второй, не меньшаго вниманія и осторожности требующій, чтобы, изыскивая благонадежныя способы и употребляя въ пользу вашу положеніе непріятельское, заносить и самому ему удары въ собственные его предѣлахъ.» Рижскій-Корсаковъ вполне оправдалъ довѣренность начальства: онъ прекратилъ покушенія Шведовъ, овладѣвъ Нейшлотомъ и, дѣйствуя наступательно, взявъ непріятельскую батарею, которая была расположена на противоположной сторонѣ Сѣмивискаго пролива, 28-го сентября, захватилъ тамъ четыре орудія; два изъ нихъ, за тяжестью, оставлены однакожь на мѣстѣ. 19 апреля 1700 года, онъ почти совершенно истребилъ шведскій постъ, занимавшій деревню Юляксонъ, въ 25 верстахъ отъ киремаскской ширки. Этотъ постъ находился подъ защитою 1000 человекъ и батареи. — Корсаковъ, вечеромъ 19 апреля, двинулся большою дорогою съ баталіономъ Рязанскаго полка, и въ то же время приказалъ полковнику Миллеру обойти озеро на прѣстранствѣ тридцати верстъ, съ восемью ротами Нарвскаго полка. Окруженные со всѣхъ сторонъ Русскими, Шведы отстрѣливались изъ пазъ, но были выбиты и обращены въ бѣгство. Побѣдителю досталось: 31 человекъ пѣхотини, одна пушка, нѣсколько ружей, барабановъ и другихъ вещей; десять лодокъ, два магазина, батарея и роташпагетъ истреблены, но приказанію Александра Михайловича. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ золотою шапкою, съ надписью: за храбрость, а 8 сентября того же года, въ первый день мирнаго торжества, получилъ орденъ Св. Владимира 2-го класса и 2000 рублей ежегодно

изъ Кабинета. Когда онъ вступилъ въ столицу съ Семеновскимъ полкомъ, который охранялъ подъ его начальствомъ границу, во время шведской войны, Императрица Екатерина Великая встрѣтила храбрыхъ своихъ воиновъ у Выборгской заставы. Эту эпоху Римскій - Корсаковъ называлъ потомъ *счастливейшею* въ своей жизни.

Въ 1793 году онъ произведенъ въ генералъ-маіоры и отправленъ при графѣ д'Артуа, (который потомъ былъ королемъ Французскимъ, подъ именемъ Карла X), моремъ въ Англію, гдѣ пробылъ до мая мѣсяца 1794 года. Послеъ того, Римскій-Корсаковъ поступилъ волонтеромъ въ австрійскую армию, находившуюся тогда во Франціи, подъ командою принца Кобургскаго. Баронъ Тугутъ писалъ о Корсаковѣ къ графу д'Артуа, 12 октября 1793 г.: «Хотя Императоръ и постановилъ правиломъ не имѣть волонтеровъ въ своихъ войскахъ; но изъ уваженія къ Императрицѣ Россійской, изъявляетъ согласіе на принятіе господина Корсакова, котораго храбрость и военные способности ему извѣстны.» — Александръ Михайловичъ участвовалъ при взятіи города Камбре; при отступленіи соединенной арміи изъ Франціи во Фландрію; въ сраженіяхъ при Куртрѣ, Турне и Флерусѣ, а осенью отправился въ Польшу и вступилъ въ нашу армию, предводимую Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ; впрочемъ, взятіе Варшавы прекратило военныя дѣйствія еще до его прибытія.

Въ 1796 году Государыня Екатерина Вторая назначила два корпуса въ Персію, для усмиренія мятежнаго Аги-Магометъ-Хана: первымъ корпусомъ командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а вторымъ, вспомогательнымъ, генералъ Римскій-Корсаковъ. Александръ Михайловичъ содѣйствовалъ Зубову, 10 мая, въ покореніи Дербента, за что, 3 іюня, получилъ въ награду орденъ Св. Анны 1-го класса; 10 декабря, занялъ, послеъ восьмидневнаго сопротивленія, крепость Ганжу (Елисаветполь); а по окончаніи военныхъ дѣйствій вызванъ въ Петербургъ Государемъ Павломъ Петровичемъ, гдѣ и награжденъ, 12 декабря 1797 года, въ чинѣ генералъ-маіора, орденомъ Св. Александра Невскаго, съ назначеніемъ инспекторомъ С. петербургской дивизіи, по инфантеріи,

подъ командою Наслѣдника Престола. 8 февраля 1798 года, Римскій-Корсаковъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенантъ, съ оставленіемъ командиромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, шефомъ котораго былъ Великій Князь Александръ Наволовичъ. Служба эта невольнo сблизила Александра Михайловича съ Наслѣдникомъ Престола, который удостоилъ его *своею благосклонностію*. 14 августа 1798 года Римскій-Корсаковъ получилъ повелѣніе отправиться въ Вильну и, являсь тамъ къ генералъ-фельдмаршалу князю Репнину, ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, Корсаковъ назначенъ шефомъ Ростовскаго мущкатерскаго полка, а 14 апрѣля 1799 года, ему ввѣрено командованіе центральною арміею противъ Французовъ. Она долженствовала состоять изъ 45,000 русскихъ войскъ, 20,000 швейцарскихъ и 12,000 баварскихъ; на самомъ же дѣлѣ, не вмѣщала въ себя даже и половины предположеннаго числа войска: вмѣсто 20,000, обѣщанныхъ Англіею швейцарскихъ войскъ, къ Римскому-Корсакову присоединились только три слабые баталіона; Курфирстъ же Пфальцъ-Баварскій, послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ и послѣ цюрихскаго сраженія, прислалъ своего войска до 2000 человекъ. Сверхъ того, отъ арміи Корсакова отдѣленъ былъ корпусъ генерала Ребиндера и присоединенъ къ итальянской.

Планъ дѣйствія союзниковъ состоялъ въ томъ, чтобы атаковать Французовъ тремя арміями въ собственной ихъ землѣ. Первая армія, подѣ командою эрцгерцога Карла, должна была выгнать Французовъ изъ Швейцаріи и идти чрезъ Базель въ Гювнингъ; вторая, подѣ начальствомъ Римскаго-Корсакова, пройти черезъ Швейцарію во Франшъ-Конте; а третья, —итальянская, предводительствуемая генералиссимусомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, въ Бургонію. Такимъ образомъ, армія Корсакова, находясь между арміями Александра Васильевича Суворова и эрцгерцога Карла, должна была содѣйствовать и тому и другому, соображаясь съ обстоятельствами.

Генералъ Римскій-Корсаковъ форсированнымъ маршемъ пришелъ въ Швейцарію и тотчасъ же узналъ, что эрцгерцогъ

Карль получалъ повелѣніе отъ австрійскаго двора, — не прибѣгая Русскихъ въ Швейцарію, немедленно двинуться со всею арміею въ Германію на Рейнъ. Римскій-Корсаковъ представлялъ эрцгерцогу, что по плану, утвержденному тремя союзными дворами, рейнская армія должна вытѣснить Французъ изъ Швейцаріи, идти чрезъ Базель въ Гюнингъ, и что войско его, долженствовавшее состоять почти изъ 65,000, не превосходить в 28,000 человекъ, приведенныхъ нинъ изъ Россіи; да притомъ половину его арміи составляетъ кавалерія, которая не можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ гористой Швейцаріи, гдѣ ему невозможно вести войну — не только наступательную, но даже и оборонительную противъ 80,000 неприятеля. Эрцгерцогъ Карль отвѣчалъ, что онъ и самъ предвидитъ дурныя послѣдствія этого распоряженія, но не можетъ не исполнить верховной воли своего брата Императора, почему немедленно и возвращается съ арміею въ Германію, на Рейнъ.

Между тѣмъ 3-го августа, Французы атаковали въ малыхъ кантонахъ Австрійцевъ, подъ командою генералъ-маіора Елашича, и принудили ихъ, съ потерею 5,000 человекъ, оставить кантоны Цугъ, Шёнцъ и Гларусъ. Наканунъ этого сраженія эрцгерцогъ Карль предлагалъ Корсакову занять эти кантоны только двумя баталіонами. Римскій-Корсаковъ отозвался, что ему нельзя охранять двумя баталіонами пространство, занятое 18 баталіонами Австрійцевъ. Эрцгерцогъ отвѣчалъ, что это происходитъ отъ излишества войскъ. Впрочемъ, и излишнее это войско не устояло и было опрокинуто съ урономъ. 4-го числа Эрцгерцогъ Карль, желая отомстить неприятелю, совѣтовался съ Александромъ Михайловичемъ и рѣшился атаковать лѣвое крыло французской арміи; почему и предпринято переправиться черезъ рѣку Ааръ, у деревни Гроссъ-Дёттингенъ, при устьѣ рѣки Сурбъ. Войска, назначенныя къ переправѣ и атакъ, состояли изъ 40 баталіоновъ Австрійцевъ и Русскихъ. 6-го числа они построились въ три

* У Д. Н. Бавтыша-Каменскаго это событіе отнесено къ 14-му августа, обратно новаго стиля. См. Словарь Достопамятныхъ Людей Т. III. ст. 76. (годъ 1847 года).

колонны, подъ командою генераловъ: Пауендорфа, князя Рейса и Римскаго-Корсакова; приблизились поутру къ переправѣ, подъ защитою 20 орудій, и утвердили двѣ трети моста, оставалось только его окончить и спокойно переправляться, потому что Франгузы, по слабости военныхъ силъ въ этомъ мѣстѣ, не могли сильно препятствовать нашему переходу; но вдругъ, къ общему удивленію—пишетъ въ своихъ запискахъ генераль-маіоръ Вистицкій—«Его Королевское Высочество приказалъ отступить, претекствуя, что дно рѣки Аара каменистое, на коемъ будто невозможно якорями установить понтоновъ, хотя подполковникъ королевско-императорской службы, изъ Англичанъ, Вильямсъ, бралъ на себя сіе совершенно исполнить, отвердая оныя камнями.»—Въ слѣдствіе того, войска оттянулись къ прежнимъ своимъ мѣстамъ, къ Клотену и Цюриху. «И такъ изъ всего сего»—продолжаетъ генераль Вистицкій—«можно безошибочно заключить, что эрцгерцогъ вовсе не имѣлъ истиннаго намѣренія атаковать Франгузовъ, а только маскировать, дабы отвлечь непріятеля изъ малыхъ кантоновъ, и тѣмъ самымъ доставить генералу Елашичу удобство къ безопасному изъ оныхъ кантоновъ отступленію **.»

Девятаго числа Римскій-Корсаковъ получилъ повелѣніе отъ Суворова отрядить къ нему генераль-лейтенанта князя Горчакова 1-го съ 10,000 человекъ пѣхоты. Но дорога въ Италію была уже занята Франгузами, путь же черезъ Тироль былъ весьма отдаленъ; слѣдственно, войска наши, по этому пути, не могли бы въ назначенное время прибыть въ Италію. Описавъ все это, Римскій-Корсаковъ отправилъ курьера къ генералиссимусу; а въ то же время самъ получилъ предложеніе отъ эрцгерцога Карла идти на лѣвый флангъ Австрійцевъ и, соединясь въ Уднцахъ съ фельдмаршаломъ-лейтенантомъ Готцемъ (имѣвшимъ 10,000 войска), атаковать правое крыло и центръ непріятеля. Эрцгерцогъ обѣщавъ, немедленно по достиженіи ими вершины Альбиса, вы-

* Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторія и Древностей Россійск. 1846, ст. 7. Опис. дѣйст. Римс.-Корс. въ Швейцаріи соч. Вистицкаго 2-го.

двинуть всю свою армию, черезъ Цюрихъ, и выгнать Французовъ изъ Швейцаріи. По этому распоряженію сражаться приходилось только однимъ Русскимъ; генералъ Готцъ имѣлъ подъ командою слабый отрядъ, а прочая австрійская армія хотѣла оставить свою позицію только тогда, когда Русскіе выгонять Французовъ изъ малыхъ кантоновъ. Александръ Михайловичъ согласился, думая хотя этимъ удержать эрцгерцога отъ возвращенія въ Германію, и приказалъ своему корпусу собраться у города Уцнаха.

Осмотрѣвъ непріятельскую позицію, генералы: Римскій-Корсаковъ, князь Горчаковъ и Готцъ, избрали три дороги для трехъ колоннъ, и предположили сдѣлать атаку на непріятеля рано утромъ 16-го числа. Правую колонну долженъ былъ вести Римскій-Корсаковъ, среднюю—князь Горчаковъ, а лѣвую Готцъ. Но предъ самымъ исполненіемъ этого плана, генералъ Готцъ получилъ приказъ отъ эрцгерцога Карла, отрядить изъ его корпуса 6,000 человекъ и немедленно прислать къ нему, потому-что онъ долженъ, какъ можно скорѣе, идти съ арміею въ Германію на Рейнъ, а если Русскіе захотятъ драться въ горахъ съ Французами, то ему достаточно будетъ остальнаго войска, для того, чтобы имъ содѣйствовать.

Генералъ Готцъ представлялъ эрцгерцогу Карлу, что Русскіе не могутъ одни сражаться съ Французами; что непріятель, втрое сильнѣйшій уже въ виду союзниковъ. Александръ Михайловичъ, съ своей стороны, не только просилъ оставить людей, но и требовалъ: письменно подтвердить данное ему обещаніе выслать изъ Цюриха австрійскую армію, какъ скоро онъ достигнетъ вершины Альбиса. Въ отвѣтъ на это, Готцъ получилъ выговоръ за ослушаніе, съ подтвержденіемъ отправить немедленно требуемое войско въ Цюрихъ. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Корсаковъ принужденъ былъ возвратиться къ Цюриху. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ имъ Высочайшій рескриптъ: «Господинъ генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ! Изъ депешей Двора

* Г. Бантышъ-Каменскій пишетъ, что атаку назначено было произвести 22-го августа.—Словарь Дост. Люд. Т. III. ст. 77.

Ванскаго извѣстію Мнѣ, что вы стараетесь удержать въ Швейцаріи Австрійскую армію Эрцгерцога Карла; даю вамъ замѣтить, что ваше положеніе сообразно плану Двора Вѣнскаго и Лондонскаго, апробованному Мною, и повелѣваю вамъ, занявъ въ Швейцаріи ту самую позицію, которую занимала армія Эрцгерцога, оставаться до прибытія Фельдмаршала князя Италійскаго, графа Суворова-Рымническаго *.

Между тѣмъ генераль Готцъ, отправя 6,000 человекъ къ эрцгерцогу Карлу, отступилъ къ Гларусу съ остальными и тамъ занялъ позицію за рѣкою Линтомъ. Послѣ того, Римскій-Корсаковъ, командуя меньшимъ числомъ войска, противъ восьмидесяти пяти тысячной арміи, по неволѣ долженъ былъ строго сообразоваться съ мѣстностію при расположеніи войскъ: съ этою цѣлію онъ занялъ позицію по обоимъ берегамъ рѣкъ Лигната и Аара, простиравшуюся по дорогѣ отъ Цюриха до рѣки Рейна на 56-ть верстъ, а къ сторонамъ Уцнаха по озеру на 54 версты. Главная часть корпуса поставлена при Цюрихѣ, а резервъ позади его, въ Зеебахѣ, посредникъ отрядовъ, чтобы имѣть возможность подкрѣплять, въ случаѣ надобности, на всѣхъ пунктахъ, отдѣльные отряды.

Оставленный Эрцгерцогомъ съ 20,000 человекъ, предъ Уцнахомъ и въ кантонъ Гларусъ, генераль Готцъ былъ вытѣсненъ черезъ шесть дней неприятелемъ изъ Гларуса и отступилъ къ Куру и Уцнаху, потерявъ 2,000 человекъ. Этотъ генераль писалъ къ Римскому-Корсакову 23-го числа и просилъ у него въ подкрѣпленіе 3 или 4 баталіона, говоря, что въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ оставить Уцнахъ. Александръ Михайловичъ имѣлъ самъ ограниченное число войска, однакожъ послалъ къ нему мушкетерскій Старонингерманландскій полкъ, который поставили въ Рапершвилъ.

5-го сентября, Александръ Васильевичъ Суворовъ оставилъ въ Италіи всю австрійскую армію, а самъ, съ одними только русскими войсками, (числомъ до 18,000 человекъ)

* Въ «Словарѣ Дост. люд.», Д. Н. Бантыша-Каменскаго этотъ рескриптъ нѣсколько измѣненъ прогнвъ заимокъ Вестницкаго.

двинулся — почти через непроходимыя мѣста — на соединеніе съ Римскимъ-Корсаковымъ, претивъ котораго находился непріятель съ превосходнѣйшими силами. Прибывъ къ Белинсону, генералиссимусъ послалъ къ Римскому-Корсакову и генералу Готцу планъ диспозиціи, для производства вмѣстѣ съ нимъ атаки на Французовъ. По этому плану, онъ самъ долженъ былъ 10-го сентября перейти гору Сен-Готаръ и прибыть 15-го въ Люцернъ; генералъ Готцъ, получивши 15-го числа въ Удлахъ 5,000 пѣхоты отъ Корсакова, долженъ былъ придти 16-го числа въ Цугъ; Римскій-Корсаковъ, 16-го же сентября, обязанъ былъ атаковать все непріятельскія позиціи на вершинѣ Альбиса, а 17-го числа все трое должны были соединиться при Ааръ и двинуться далѣе къ границамъ Франціи. Между тѣмъ Массена двинулся впередъ и тѣмъ разрушилъ эти предначертанія. Суворовъ приказывалъ въ Белинсоны Корсакову, чтобы заготовить для нашего войска на шесть дней съѣстныхъ провасовъ и миллионъ патроновъ; но какъ могъ это исполнить Александръ Михайловичъ, имѣя и для своихъ войскъ только на нѣсколько дней провіанта? Что же касается до патроновъ, то австрійская лабораторія едва могла въ три мѣсяца заготовить комплектъ ихъ для арміи Римскаго-Корсакова. Соединеніе трехъ армій у рѣки Ааръ сопряжено было съ большими затрудненіями, потому-что Массена, имѣя войско, превосходящее числомъ все три арміи, могъ легко пользоваться мѣстными выгодами и удобствами; но, несмотря на это, Русскіе преодолѣли все преграды. 13-го числа отрядъ при Лиматъ и Ааръ порученъ генералъ-лейтенанту Дурасову. Отдѣливъ отъ себя 5,000 къ Удлаху, Римскій-Корсаковъ понималъ всю опасность своего положенія и писалъ объ этомъ къ Готцу, находившемуся тогда въ Цюрихѣ. Генералъ Готцъ оправдывалъ его; но, съ своей стороны, объявлялъ Александру Михайловичу, что если не получитъ, назначенныхъ по диспозиціи, 5,000 русской пѣхоты, то не сдѣлаетъ шагу впередъ и останется на своемъ мѣстѣ. Находясь въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, Римскій-Корсаковъ рѣшился послать къ нему свой резервъ, опасаясь,

чтобы тѣ несчастія, которыя могли случиться съ генераломъ Готцемъ, не приписали бы ему, какъ послушному приказанію генералиссимуса: «Я предвидѣлъ» — пишетъ въ своихъ запискахъ Римскій-Корсаковъ — «несчастіе, которое со мною послѣдовало; но долженъ былъ повиноваться!»

Еслибы Александръ Михайловичъ имѣлъ резервъ свой при себѣ, то онъ не допустилъ бы Французовъ перенравиться чрезъ рѣку Лимать, потому-что, при ослабленіи своемъ, Русскіе цѣлый день неустрасливо боролись съ превосходившими ихъ въ четыре раза непріателемъ; а тогда, не отдаляясь отъ нашей диспозиціи, наше войско легко могло бы соединиться съ непобѣдимымъ Суворовымъ, который 15-го числа находился уже близъ Альторфа, въ 65-ти верстахъ отъ Цюриха.

Массена, узнавъ объ отдѣленіи резерва и о нашемъ планѣ атаки, самъ вознамѣрился сдѣлать нападеніе, съ сорока тысячами войска, на нашъ корпусъ, на другой день рано по утру, въ трехъ различныхъ пунктахъ.

Въ концѣ пятого часа (по полувочи) наши услышали пушечную пальбу внизу рѣки Лимата, около Вадена; потомъ, выстрѣлы какъ будто приближались все болѣе и болѣе къ Цюриху. Между тѣмъ Массена приказалъ произвести атаку въ трехъ мѣстахъ: лѣво отъ Цюриха, близъ деревни Валсгофенъ; предъ Цюрихомъ, и около селенія Аттиконы, гдѣ расположено было наше правое крыло, подъ командою генералъ-лейтенанта Дурасова. Римскій-Корсаковъ усилилъ правое крыло отрядомъ генералъ-маіора Шепелева, состоявшимъ изъ одного драгунскаго полка и одного баталіона гренадеръ, и приказалъ немедленно возвратиться шести баталіонамъ, посланнымъ 13-го числа къ Готцу *. Въ отрядъ генерала Дурасова было восемь баталіоновъ пѣхоты, десять эскадроновъ кавалеріи, два полка казаковъ, 16-ть орудій: и съ этимъ-то Русскимъ отрядомъ, Дурасовъ, къ стыду нашему, отступилъ, безъ выстрѣла, отъ непріателя! Между тѣмъ на лѣвомъ кры-

* Въ «Словарѣ» Д. Н. Бантыша-Каменскаго сказано, что Готцу послано 8 баталіоновъ. (Т. III. ст. 78.); а у Вистяцкаго, что 6 баталіоновъ (Т. въ Имп. Об. Ист. и Др. Рос. № 2, ст. 98).

лъ, при селеніи Валисгофенъ, загорѣлся жестокой бой у Аллансандра Михайловича съ Французами; онъ продолжался въ теченіе пяти часовъ, и наконецъ Французы были разстрѣаны, обращены въ бѣгство и выбиты изъ главной своей позиціи (по горѣ Альбису). Въ это время, получено извѣстіе, что непріятель въ четырехъ большихъ колоннахъ *, съ значительнымъ числомъ артиллеріи, спѣшить по Бремгартенской дорогѣ, чтобы атаковать насъ подъ самымъ городомъ Цюрихомъ, гдѣ войска нашего было менѣе 5,000. Римскій-Корсаковъ немедленно приказалъ князю Горчакову возвратиться съ лѣваго фланга къ Цюриху. Князь Горчаковъ вскорѣ прибылъ, и войско наше опрокинуло и прогнало снова непріятеля съ урономъ. Въ то же самое время Корсаковъ получилъ горестное извѣстіе объ отступленіи генерала Дурасова и переправъ Французовъ чрезъ Лимагъ, на правомъ флангѣ нашей позиціи, въ 12-ти верстахъ отъ Цюриха, близъ Аттиконы (Дитиконы); только посланные на помощь праваго фланга драгуны и баталіонъ гренадеръ мужественно удерживали, до семи часовъ вечера, десяти тысячный отрядъ непріятеля, который имѣлъ намѣреніе проникнуть въ западную часть Цюриха.

У генерала Римскаго-Корсакова оставалось только 7,000 пѣхоты. Подъ Цюрихомъ происходила кровопролитная битва: два раза непріятель атаковалъ нашъ центръ, и два раза былъ опрокинутъ и отброшенъ. Войска, сражавшіяся въ Валисгофенѣ, двинулись противъ непріятельскаго лѣваго фланга; къ нимъ присоединились шесть баталіоновъ, возвратившихся съ дороги къ Уцнаху. Сраженіе снова запылало. Это третье сраженіе было гораздо кровопролитнѣе прежнихъ двухъ. Оно продолжалось до 11-ти часовъ вечера. Французы, прогнанные въ третій разъ, остановясь въ шести верстахъ отъ Цюриха, на дорогѣ между Эглизау и Виттентуромъ, отрезали магазины, бывшіе въ Швабин и Шафгаузенѣ. Оставалась только дорога къ Уцнаху, которою наша армія могла

* У Н. Д. Баттыша-Камеискаго написано, что 5 непріятельскихъ колоннъ хотѣли атаковать Русскихъ. Словарь Дост. Люд. Т. 3, стр. 78.

получать провіантъ и вмѣстѣ отступать, въ случаѣ неудачи.

О генералѣ Дурасовѣ не было никакого извѣстія.

Въ ночь съ 14 на 15 сентября, Русскіе генералы рѣшили, отправить весь обозъ къ Репершвилю, атаковать непріателя, не смотря на малочисленность своихъ войскъ, и тѣмъ достигнуть предначертаннаго генералиссимусомъ плана. Съ этою цѣлю, они должны были твердо держаться на своей позиціи и удерживать Французовъ, чтобы они не могли отдѣлать части войска, которая бы препятствовала войскамъ Александра Васильевича Суворова переходить неприступныя горы. 15 сентября, въ три часа по полуночи, получено извѣстіе отъ принца Виртембергскаго и генерала Петраша, что Австрійцы, атакованные 14 числа въ Уднахъ, отступили къ Фельдкирхену, Лихтенштейну и Брегенцу; что храбрый генералъ Готцъ * убитъ при деревнѣ Шаннисъ; что непріатель большими колоннами идетъ къ Цюриху и хочетъ обойти нашъ корпусъ, у котораго съѣстныхъ припасовъ только уже на одинъ сутки. Ночью непріательская армія еще болѣе усилилась. Французы, имѣя многочисленную артиллерію, заняли весь дефиле и мѣста, чрезъ которыя должно было проходить Русское войско въ числѣ 12,000 человекъ. Въ такомъ критическомъ положеніи имъ оставалось выбрать одно изъ двухъ: или, очистивъ себя путь оружіемъ, со славою пробиться сквозь непріателя вчетверо сильнѣйшаго, или постыдно положить оружіе. Александръ Михайловичъ выбралъ первое. Составленъ былъ планъ прохода Русскихъ войскъ. Въ шесть часовъ утра, наше войско атаковало дефиле по дорогѣ къ Винтентуру. Сражаясь большую часть дня, оно неоднократно было отбиваемо, но наконецъ достигло своей цѣли, овладѣло дефилею и открыло себѣ путь сквозъ непріателя; къ ночи 15 числа, Римскій-Корсаковъ, съ колонною князя Горчакова 1-го,

* Въ статьѣ: *Революціонныя войны*, помѣщенной въ XI томѣ «Воен. Энциклопедическаго Лексикона», на стр. 314 сказано, что генералъ Готцъ убитъ 23 сентября въ самомъ началѣ сраженія, и принявшій команду генералъ Петрашъ принужденъ былъ отступить чрезъ Лихтенштейнъ въ С-Галленъ.

прибыль въ Эглингу. Исходно ночью приехали туда и генералъ Дурасовъ съ своимъ отрядомъ. Онъ объявилъ, что 14 числа занималъ свои посты на Лимату и Аору, предполагая, что Французы имѣютъ намѣреніе совершить въ этихъ мѣстахъ переправу; но потомъ рѣшился собрать всѣ посты, кромѣ одного батальона пехоты и одного казачьего полка, стоявшихъ при мѣстечкѣ Клингенгау, и идти къ деревнѣ Шюлисдорфу, лежащей впереди неприятельской арміи; откуда узнавъ, что наше войско пошло изъ Цюриха къ Эглингу, и онъ двинулся на соединеніе съ Русскою арміею. Въ тотъ же день присоединилось къ Римскому-Корсакову 2,000 баварскаго войска, подъ командою генералъ-маіора Бардеса.

Александръ Михайловичъ въ оба эти дни потерялъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ до 4,000, въ томъ числѣ трехъ генераловъ, 220 офицеровъ и 18 пушекъ*. Неприятельская потеря была гораздо значительнѣе нашей; но надобно замѣтить, что австрійскіе генералы Науэндорфъ и Клинцфельдъ, во все время этого неровнаго и кровопролитнаго боя, находились вблизи отъ Цюриха и не тронулись съ мѣста! Австрійскія, въ Упшахъ, Французы забирали сълыми батальонами: они потеряли, не считая убитыхъ и раненыхъ, одними лишь людьми, 3,500 человекъ и 20 пушекъ. Корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, по присоединеніи къ нему 2,000 баварскаго войска и по приближеніи корпуса принца Конде, занявшаго позицію въ Целль, близъ Констанскаго озера, имѣлъ подъ ружьемъ столько же людей, сколько у него было до Цюрихскаго сраженія.

* Н. Д. Бантышъ-Каменскій пишетъ, что баварское войско приняло 16 числа, стр. 80; у Вистицкаго же именно сказано, что 15, см. стр. 28.

** Французы и эрцгерцогъ Карлъ говорятъ, что Корсаковъ потерялъ подъ Цюрихомъ 100 орудій... Г. Хмельницкій пишетъ: «Вся артиллерія его состояла изъ 5 ротъ (60 орудій) и 30 полковыхъ орудій т. е. изъ ста десяти. Изъ нихъ: 28 были оставлены на Рейнѣ, 29 были при отрядѣ генералъ-лейтенанта Дурасова. Предполагаю, что остальныя орудія достались неприятелю, все же число ихъ (53) далеко не доходитъ до того, сколько показываютъ иностранные источники. По этому, намъ кажется, что потеря, показанная Вистицкимъ, не многимъ разнится отъ истины». Г. Бантышъ-Каменскій показываетъ потерю Корсакова однаково съ Вистицкимъ.

Въ ожиданіи прибытія Александра Васильевича Суворова, Римскій-Корсаковъ занялъ 16 сентября позицію на правомъ берегу Рейна: отъ Рейнау чрезъ Шаагаузенъ, Дизенгофенъ, Биборахъ и Штейнъ, правымъ флангомъ къ австрійскому отряду генералъ-маіора Кинмейера, а левымъ—къ корпусу Конде (къ Констанскому озеру). 17 числа исправили мостъ въ Дизенгофенъ, а 21-го навели pontonный въ Бизингенъ; таиничъ образомъ, наши флаги были обезначены при переходѣ чрезъ Рейнъ, когда Суворовъ приближился къ Люнерну. 20 сентября отрядъ генералъ-маіора Эссона 3, состоявшій изъ 2000 пикоты и 2 эскадроновъ лейбъ-кирасиръ, занялъ теть-де-понъ (мостовое укрѣпленіе) у селенія Бизингенъ.

Эрцгерцогъ Карлъ, узнавъ, что Цюрихъ занятъ непріятелемъ, приблизился съ войскомъ къ Рейну, въ Донауэшингенъ. Французы оставили противъ него только 2,000 человекъ; все же остальное войско направили противъ Римскаго-Корсакова и Суворова. Трудно понять: съ какою цѣлю эрцгерцогъ Карлъ упустилъ благоприятный случай разбить Французовъ! Онъ легко могъ бы перейти Рейнъ и напасть съ тыла на непріятеля, тогда какъ въ то же время, Александръ Васильевичъ Суворовъ, перешедшій уже С.-Готардъ, могъ бы атаковать его съ фланга, а Римскій-Корсаковъ и принцъ Конде ударили бы съ фронта, и тогда — побѣда была бы непременно выиграна союзными войсками.

По прекращеніи сообщеній чрезъ Швейцарію, Александръ Михайловичъ послалъ на Фельдкирхенъ извѣстіе къ Суворову о занятіи Французами Цюриха, о числѣ войскъ нашихъ и непріятельскихъ, и потомъ попрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ, 25 числа, Римскій-Корсаковъ уведомялся, что дивизіи: Менара, Лоржа, Гацана и другихъ хотятъ напасть на другой день на Бизингенскій теть-де-понъ, Дизенгофенскій мостъ и въ то же время атаковать войска принца Конде. Въ это время, противъ лѣваго французскаго крыла находилась громадная армія эрцгерцога, а противъ праваго фланга былъ генералиссимусъ Суворовъ; но первый не предпринималъ ничего, во какой-то непонятной политикѣ; второй же — противоборствуя сильнѣйшему непріятелю въ двѣри-

ступниыхъ горахъ—принужденъ былъ, по удаленіи изъ Гларуса Линкена, идти въ Куру, а потомъ въ Аммау (въ Швабіи). И такъ Александръ Михайловичъ и здѣсь, какъ подъ Цюрихомъ, вынужденъ былъ сражаться съ одними своими силами. Чтобы не дать возможности неприятелю атаковать себя съ разныхъ сторонъ, онъ переправился утромъ 26 числа черезъ Рейнъ не съ намѣреніемъ остаться на лѣвомъ берегу, а чтобы этимъ маневромъ, обративъ на себя вниманіе неприятеля, дать возможность генералиссимусу Суворову сблизиться съ нашимъ войскомъ, и потомъ возвратиться на прежнюю позицію. Такимъ образомъ, оставивъ часть войска при Бизингенъ, Дизенгофенъ и Штейнъ, Корсаковъ съ 16 баталіонами и 30 эскадронами, 26 числа въ семь часовъ утра переправился въ Бизингенъ на противоположную сторону. Между тѣмъ Французы шли въ атаку на бизингенскій тетъ-де-понъ. Обѣ арміи встрѣтились въ 6 верстахъ отъ Рейна, близъ деревни Шлаттъ. Французы захотѣли воспользоваться лѣсомъ; но Римскій-Корсаковъ въ ту же минуту послалъ баталіонъ егерей занять лѣсъ, находившійся въ лѣвой сторонѣ неприятеля, а самъ построилъ войска въ двѣ линіи колоннами. Передъ фронтомъ французской позиціи было болото, препятствовавшее употребить въ дѣло нашу кавалерію: Корсаковъ принужденъ былъ ограничиться дѣйствіемъ одной только пѣхоты. Первая наша линія, безъ выстрѣла, устремилась впередъ и, вытерпѣвъ сильнѣйшій неприятельскій огонь, ударила на него въ штыки. Неприятель дрогнулъ и бросился въ чрезвычайномъ безпорядкѣ въ лѣсъ, находившійся въ трехъ верстахъ позади его позиціи. Получивъ тамъ подкрѣпленіе, они сами захотѣли атаковать насъ, но, снова приведенные въ разстройство, обращены въ бѣгство и были преслѣдуемы нашими егерями даже въ самомъ лѣсу; только ночь прекратила погоню,—и послѣ десяти-часоваго сраженія войско наше, въ обыкновенномъ порядкѣ, заняло прежнюю позицію... Въ то же время, Французы атаковали дизенгофенскій постъ и войско принца Конде при Констансѣ. Генераль-маіоръ Гудовичъ прогналъ ихъ отъ Дизенгофена; спѣшившійся лейбъ эскадронъ Каргопольскихъ драгунъ штыками отбилъ четыре ору-

дн. Войско принца Конде, отражавшее съ безпримѣрною храбростію натискъ непріятеля, наконецъ уступило многочисленности и отступило къ городу, гдѣ снова возобновилось сраженіе, продолжавшееся до глубокой ночи. Ночью принцъ перешелъ рѣку и остановился за городомъ Петерсгаузеномъ. Потеря наша подъ Шлаттомъ и Дизенгофеномъ простиралась до 500 человекъ; непріятель же потерялъ, по его счету, до 4,000 *.

«Во многихъ французскихъ газетахъ» пишетъ генералъ-маіоръ Вистидкій 2-й, «и публичныхъ нѣмецкихъ перепискахъ вмѣщенная реляція мнимой побѣды генерала Массены сказуетъ, что генералъ Римскій-Корсаковъ въ началѣ сраженія имѣлъ токмо моментный авантажъ, а впоследствии былъ онъ принужденнымъ отступить и переправиться за Рейнъ. Несправедливость реляціи сей доказывается и тѣмъ, что генералъ Римскій-Корсаковъ продолжалъ упорную съ осьмага часа утра до седьмага вечера битву, одерживая въ оной важную поверхность; возвращеніе жъ его на прежнюю свою позицію не есть принужденный отступъ, поелику онъ, генералъ, по истинѣ не намѣревался пребыть долѣе на лѣвомъ берегу Рейна, и для того далъ сраженіе, чтобы отогнать непріятеля далѣе отъ Рейна и тѣмъ самымъ обезопасить свою позицію, въ чемъ онъ и успѣлъ пресовершенно такъ, что

* Д. Н. Баттисше-Каменскій пишетъ: «Достигнувъ своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю переправиться черезъ Рейнъ, Римскій-Корсаковъ занялъ прежнюю свою позицію, что побудило Французовъ напечатать въ газетахъ, будто онъ, после кратковременнаго успѣха, долженъ былъ отступить за рѣку. Нашъ генералъ опровергаетъ въ своихъ Запискахъ это обвиненіе, ссылаясь на самую битву, которая продолжалась отъ 8 часовъ утра до 7 по полудни, на малыхъ силахъ своих, препятствовавшія ему держаться на лѣвой сторонѣ Рейна, и, наконецъ, на бездѣйствіе непріятеля, который послѣ этого дѣла оставилъ его въ занимаемой имъ прежде позиціи. Потеря наша убитыми и ранеными простиралась до 763 человекъ, въ томъ числѣ было штабъ и оберъ-офицеровъ 8, ранено 17. Непріятель, по собственному сознанию, лишился на полѣ сраженія до 1,000 человекъ, кромѣ 3,000 раненыхъ; въ плѣнъ взято нашими 50 человекъ; отбито 2 орудія». Словарь Дост. Люд. Т. III. стр. 82 и слѣд.

Французы не осмѣлились возвратиться и возобновить жребій савиний его атаковать» *.

* Вотъ пассиво и два отрывка изъ доносеній Массены. Они могутъ служить призоромъ особенной старости и должной справедливости, которую отдаютъ намъ иностранцы.

Письмо Массены въ Стразбургъ.

Главная квартира въ Базелѣ. 5 Вандемьера VIII года.

Съ живѣйшимъ участіемъ сообщаю вамъ извѣстіе о вступленіи нашихъ войскъ въ Цюрихъ.

Непріятель оказалъ изумительное сопротивление. Онъ истребилъ съ кукки. Число убитыхъ у него можно полагать до 6000. Земля покрыта ими. Между плѣнными, число которыхъ еще неизвѣстно, находится 2000 раненыхъ. Генералъ Готцъ убитъ, вчера мы похоронили его съ военными почестями. Три Русскіе генерала взяты въ плѣтъ.

Массена.

Дунайская армія.

Главная квартира въ Цюрихѣ. 17 Вандемьера VIII года.

Въ этомъ доносеніи Массена пишетъ: «Передо мною находилась русская армія Корсакова. Она занимала лѣвюю отъ Цюриха до впаденія Аара въ Рейвъ, австрійская армія Готца правый берегъ Лимата, и наконецъ австрійскій корпусъ генерала Бмещица, занимавшій выходъ изъ Граубиндена.

«Подъ защитой ложной атаки, направленной генераломъ Менаромъ на Брукъ, для привлеченія къ этому мѣсту части непріятельскихъ войскъ, я переправился 3 Вандемьера, открытою силою, черезъ Лиматъ у Дитикона, и черезъ Лиматъ между озерами Цюрихскимъ и Валенштатскимъ. При переправѣ у Дитикона, суда были спущены на воду подъ непріятельскимъ огнемъ и подъ защитою нашей артиллеріи; и менѣе чѣмъ въ два часа, благодаря искусству нашихъ повтонеровъ, управляемыхъ артиллерій бригаднымъ шефомъ Деданомъ, у насъ была мостъ на Лиматѣ и 8,000 человекъ на другомъ берегу. Генералъ Газанъ командовалъ авангардомъ подъ начальствомъ генерала Лоржа, который командовалъ дивизіею. При переправѣ черезъ Лиматъ, 200 пловцовъ съ саблями въ зубахъ и пиками въ руки, переправились черезъ Лиматъ, составили авангардъ, перерѣзали непріятельскіе посты и приготовили тѣмъ успѣхъ того дня. Этою операціею командовалъ генералъ Сультъ. Последствіями сраженія, даннаго послѣ этихъ двухъ переправъ, было занятіе западной части Цюрихсберга и наше утверженіе по всему правому берегу Лимата. Крѣпость Цюрихъ, отъ которой потребовали слати, предложила такія условія, часть коихъ была принята; но, по неслышанному злыречью, Русскіе атакуютъ стали стрѣлять по нашему парламентеру и ранили двухъ штурмачей; по этому я далъ непріятелю сраженіе 4 числа, въ слѣдствіе котораго Цюрихъ взятъ открытою силою. Маршъ Суворова былъ рассчитанъ извѣстѣ съ атакою, которую должны были произвести противу насъ армія Готца и Корсакова. Захвативъ С.-Готардскимъ проходомъ, онъ шелъ со всѣми силами на малые кантоны, чтобы оттуда идти на соединеніе съ сими двумя арміями, принять надъ

никимъ советомъ ни о занятіи иль позиціи, ни о той, какую занималъ непріятель. Онъ могъ бы, пользуясь численными превосходствомъ, которое доставило союзникамъ прибытіе его корпуса, вытѣснить Массену съ горы Альбисъ, но отказался отъ этого, и въ одномъ разговорѣ съ эрцгерцогомъ Карломъ довелъ *завлосчивость* до смѣшного. Эрцгерцогъ, указывая ему пункты, которые необходимо было охранять, сказалъ: «Здѣсь нужно поставить *баталіонъ*.» — Да, отвѣчалъ Корсаковъ: *роту*. «Я говорю о баталіонѣ.» — Ну да: *австрійскій баталіонъ* или *русскую роту!*... — Съ такимъ-то тономъ оскорбительнаго превосходства принималъ Корсаковъ советы отъ весьма знаменитаго полководца» и т. д.

Намъ кажется, что въ этомъ поступкѣ Александра Михайловича и заключается главная причина неудовольствія на него Австрійцевъ, которые ясно видѣли въ подобномъ происшествіи уничтоженіе ихъ надутаго самолюбія и гордости.

Современникъ Рыллинскаго и Италійскаго героя, — авторъ чрезвычайно любопытной книги о томъ времени, изданной въ Москвѣ М. П. Погодинымъ подъ названіемъ «Разсказы стараго воина о Суворовѣ», — такъ передаетъ намъ мнѣніе учениковъ безсмертнаго нашего полководца: «Будь вмѣсто Корсакова Дерфельденъ — и Массена разбилъ бы свою голову о его твердокаменную грудь; и Вилимъ Христофоровичъ не далъ бы себя въ обманъ Гофъ-Кригсъ-Рату, и не подвергъ бы себя несчастію, подобно Корсакову. Такъ говорили (*давно говорили*) люди, знающіе толкъ, люди съ отличными военными талантами.»

Господинъ же Хмельницкій говорить: «Изъ журнала Вистцкаго мы узнаемъ, что Рямскій-Корсаковъ *предвидѣлъ несчастный исходъ военныхъ дѣйствій* и смѣнилъ войска эрцгерцога только въ слѣдствіе строгаго повелѣнія Императора Павла; что, получивъ планъ общихъ военныхъ дѣйствій въ Швейцаріи, составленный Вейротеромъ, — котораго

* См. Разсказы Старика воина о Суворовѣ. Москва 1847 г. ч. II, ст. 237.

боясь ишювникомъ и аустерлицкихъ несчастій, — хотъ не хотъ, въ походъ къ Готцу своего резерва, который, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, могъ бы дать другой видъ сраженію. И такъ не въ пониманіи военнаго дѣла, можно обвинять Корсакова, а развѣ въ слѣпномъ буквальномъ исполненіи полученныхъ инструкцій.»

Эрагеръ о Карлѣ пишетъ: «Русскіе явились на театрѣ войны со славою прекрасныхъ военныхъ качествъ, именно отличной храбрости и дисциплины, достоинство которыхъ можетъ быть испытано въ высшей степени, если начальникъ умѣетъ управлять сообразно съ целью. Ихъ храбрость основывалась на физической силѣ, которая рѣшительна въ рукопашномъ бою, т. е., въ такомъ образѣ дѣйствія, который, съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены надала дѣйствующія орудія, и придуманы движенія, удерживающія непріятеля въ отдаленіи, случается рѣдко и въ большихъ сраженіяхъ, и то при сходственныхъ маневрахъ обѣихъ сторонъ. Русскія войска, какъ пѣхота, такъ и кавалерія, не были приучены къ быстрымъ манерамъ (?). Они стремились только къ той строгой, исключавшей подвижность, точности, которая необходима при первоначальномъ образованіи солдатъ въ малыхъ отдаленіяхъ, но не при употребленіи большихъ корпусовъ, гдѣ дѣло идетъ о тактическомъ порядкѣ цѣлаго. На казаковъ опиралась безопасность арміи. Привыкнувъ отъ безпрестанныхъ движеній и тревоженія непріятеля, рассчитывать каждый свой шагъ, приносятъ они мало пользы на мѣстности, неудобной для дѣйствія кавалеріи, и въ оборонительной позиціи за рѣдкимъ пропадаю преимущество ихъ образа дѣйствій. Вся потребность арміи тащали Русскіе за собою въ огромномъ обозѣ, затруднявшемъ всякое движеніе. Организованные для войны въ негостепримныхъ стѣняхъ Турціи, они едва были въ состояніи считать многое ненужнымъ, и, сообразно съ новою системою войны, находить всюду самонужнѣйшее и обходиться малыми запасами. Только съ 1763 года съ одними Турками (только съ одними!?) вели они значительныя войны, въ которыхъ рѣшимость, личная храбрость

и сомкнутость войскъ въ густыхъ массахъ, безъ особенной помощи маневрирнаго искусства, рѣшаетъ побѣду. По такимъ правиламъ исключительно образовались лучшие изъ генералы и офицеры (!) и остались чужды новымъ требованіямъ искусства.* (Сомнительная истина!) Гордыя своими послѣдними побѣдами надъ Турками, одушевленные французскими эмигрантами презрѣніемъ къ новымъ Французамъ, а слѣдовательно къ Австрійцамъ, не могшимъ привести къ окончанію столь легкой, по ихъ мнѣнію, войны, увѣренные, что одно прибытіе Суворова переизмѣнило военное счастье въ Италиі, они и начальники ихъ были ослѣплены самолюбіемъ. Это было не то благородное самосознаніе, которое возвышаетъ душу и настраиваетъ къ великимъ подвигамъ, но признакъ нравственной слабости и упадка духа въ несчастіи. Корсаковъ такъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ, что полагалъ, что непріятель непременно будетъ поступать по его намѣреніямъ, и что въ Швейцаріи столько же нужно осторожности, сколько и въ степяхъ Днѣстровскихъ. Какъ будто вообще *неповоротливый* могъ опредѣлить намѣреніе *болѣе поворотливаго*, и какъ будто каждый непріятель и каждая страна не требуютъ особаго примѣненія основныхъ правилъ военнаго искусства.» *

Отвѣтимъ и возразимъ на это замѣчаніе эрцгерцога словамит-на Хмельницкаго: «Что касается до обвиненія нашихъ войскъ въ *неумѣніи маневрировать*, должно припомнить, что *то же самое* говорили Австрійцы и *послѣ Аустерлицкаго сраженія*. Нельзя, однакожъ, не указать на слѣдующее обстоятельство: три баталіона этихъ дурно маневрирующихъ войскъ, поддержанные казачьимъ полкомъ и семью орудіями, всего *около 2,000 человекъ*, потребовали для атаки *8,000 Французовъ* и уступили такому страшному численному превосходству только *послѣ упорнаго и продолжительнаго сопротивленія*; кажется, для этого нужна не

* См. Geschichte des Feldzuges von 1799 in Deutschland und Schweitz T. II. S. 183.

одна простая храбрость, но также и искусство. Ни въ первомъ, ни во второй день сраженія ни одна боевая единица русскихъ войскъ не положила оружія передъ Французами, которые были почти втрое сильнѣе Русскихъ; между тѣмъ, какъ Сульта, атаковавшій превосходно маневрировавшихъ нашихъ союзниковъ равными силами, — (у Сульта было 22,000 войска, а у Готца около 11,000; следовательно, силы почти равныя) — забирала ихъ въ плѣнъ цѣлыми батальонами.» Вся беда, намъ кажется, въ томъ: какъ поступали сами Австрійцы, составлявшіе планъ военныхъ дѣйствій. — «Выбравъ одно какое-либо положеніе противника,» — продолжаетъ г. Жюльиенскій, — «они предполагали, что во все время, необходимое для исполненія ихъ предположеній, онъ будетъ оставаться неподвижно въ своей позиціи, и на этомъ произвольномъ положеніи основывали все свои расчеты *». Такъ и въ настоящемъ случаѣ, австрійскій главный штабъ, разставляя издали сѣти Массенъ, отдавалъ ему съ жертвою корпусъ Корсакова, на который, какъ на ближайшій и стоявшій на рѣшительномъ пунктѣ, могъ онъ обрушиться съ превосходными силами, разбить его или стѣснить, и тѣмъ разстроить все планы своихъ противниковъ. Планъ этотъ, въ подробностяхъ, былъ довольно рабское подражаніе маневровъ Лекурбю, помощью которыхъ незадолго передъ тѣмъ выгналъ онъ Австрійцевъ изъ Рейнской долины и овладѣлъ С.-Готтардомъ **». Не смотря на его нелѣпость, онъ, можетъ-быть, удался бы, если бы Корсаковъ могъ удержаться въ Цюрихѣ дней 12 или 15. По этому, можетъ-быть, лучше было бы приказать Корсакову укрѣпить предмѣстія Цюриха и держаться въ этой позиціи до послѣдней крайности, чѣмъ отбѣгать его войска для несвоевременной атаки Альбиса. Можетъ быть, Корсакову следовало бы самому выбрать эту нѣру тотчасъ по отбѣгѣ эрцгерцога Карла, если онъ не хотѣлъ, при первомъ нападеніи Французовъ, покинуть Цюрихъ, довольно

* См. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous le règne de Napoléon v. 122 p. 34.

** См. Dedon. Relation du passage de la Limat p. 22.

дорого доставшійся Австрійцамъ. Не слѣдовало также Корсакову держать своего обоза въ Цюрихъ. Занимая съ главными силами позицію впереди дефиле, онъ долженъ былъ держать его свободнымъ для прохода войскъ, чтобы уменьшить невыгодность своего положенія. По этому, кажется, лучше было бы отправить обозъ въ Винтентуръ или Эглинау и выдвинуть для прикрытія его часть кавалеріи, оставшейся безъ всякой пользы на Рейнъ»¹.

Прислушаемся теперь какое слѣдствіе на общій ходъ событій произвели дѣйствія Римскаго-Корсакова, или точнее, медленность генерала Дурасова, не присоединившагося къ войскамъ Корсакова, бывшимъ въ бою. Почтенный ветеранъ Суворовской эпохи передастъ намъ то, что самъ видѣлъ и что слышалъ отъ Багратіона, бывшаго въ числѣ любимѣйшихъ учениковъ гениальнаго русскаго полководца.

«Ратники Царя Бѣлаго», — пишетъ авторъ Разказовъ Русскаго война о Суворовъ — «вступая въ предгорья Альповъ, шли однако жъ не весело: одна безпредѣльная преданность къ Царю-Государю, одна невыразимая любовь къ отцу Александру Васильевичу — были душою, и вели насъ въ путь. Сильно негодовали мы на австрійское правительство; разговоры всѣхъ вообще воинновъ были отлично невыгодны для Австрійцевъ; высоко, невыразимо высоко презирали ихъ наши войска, — и анекдоты о былыхъ временахъ, разказы о неблагодарности къ Россіи Цесарцевъ сыпались во фронтъ Русскихъ войскъ.» Потомъ, описывая вступленіе генералиссимуса съ войскомъ въ Швейцарію и коварство барона Тугута, онъ говоритъ: «по распоряженію Гофъ-Кригсъ-Рата, принцъ Карлъ съ 60,000 арміею своею вышелъ изъ Швейцаріи; Римскій-Корсаковъ съ 20,000 корпусомъ Русскихъ занялъ его посты на всѣхъ пунктахъ, — и былъ разбитъ Массеною 14 сентября. Это быть тотъ самый день, въ который Александръ Васильевичъ Суворовъ разбилъ Французовъ при Чертовомъ мостѣ. Если бы Александръ Васильевичъ нашелъ въ Белинсонъ

¹ См. въ Им. Об. Ист. и Др. Рос. 1846 г. № 2. Предисловіе къ Описанію Дѣйствій Корп. Рим.-Кор. въ Швейц. стр. III, IV и V.

нужность, необходимых для подвоза тяжестей, которыхъ австрийское правительство обязалось и должно было доставить къ 4-му сентября, тогда армія наша была бы, 12 или 13 числа, въ Швиць, и Массена не могъ бы двинуть свои войска на разгромленіе Корсакова, по неопровергаемой причинѣ: Александръ Васильевичъ ударилъ бы ему въ тылъ, и поставилъ бы между двухъ огней, т. е. между собою и Корсаковымъ; посылка Массены была бы неизбежна. Но разчисленія враждебнаго Тугута были математически точны на пагубу войскъ Русскаго Царя, благодетеля Австріи. — Массена, разбивъ Римскаго-Корсакова, обратился на Александра Васильевича, съ вѣрною надеждою разбить насъ. — Но надежда его не сбылась: — онъ при Мунтсгалъ самъ былъ разбитъ, какъ говорится, въ пухъ, — и смертельно побитый, былъ снесенъ съ мѣста боя больше 10 верстъ, и едва спасся въ г. Швиць, унеся съ собою подарокъ, полученный отъ убитаго офицера Ребиндера полка *Махотина*. — Думать можно, что Массена долго помнилъ его. Подарокъ былъ чисто Русскій! **.

«Князь П. И. Багратионъ, передавая намъ слова Александра Васильевича Суворова, говорить: «Баронъ Тугутъ нанесъ намъ величайшій вредъ своими распоряженіями, да намъ и снелзя было ожидать отъ него ничего добраго: этотъ человекъ былъ въ полной мѣрѣ тонкій, безчестный дипломатъ, ступившій въ міръ военный тактикъ и въ высочайшей степени гордецъ и эгоистъ, нанесшій своему отечеству неизобра-

* Махотинъ пробился къ нему и убилъ подъ нимъ лошадей: тогда, схвативъ мезюца за воротникъ, — говоритъ самъ Махотинъ, — я сорвалъ съ плеча его эполетъ (эполетъ былъ латнаго золота) и бросилъ, и опять за него, за шиньротъ; а онъ еяеюю своей сабли огрѣлъ меня въ грудь довольно порядочно, и полулежащій оборонялся какъ медвѣдь. Видя, что онъ добромъ не сдастся, и чувствуя боль въ груди, я далъ ему леща *всю правую*, да такого дала, что онъ упалъ на спину. Но французскій офицеръ спасъ его. Тогда, продолжая Махотинъ: «я пустилъ въ него пулю въ прокожатые, подидя эполетъ, сунулъ его въ сухарный мѣшокъ, и началъ опять работать.» За это дѣло храбрый Махотинъ произведенъ Государемъ Императоромъ Павломъ Второгочемъ въ подпоручикъ. Разск. Стар. Воина о Сувор. Ч. 2, ст. 236 и 241.

** См. Разск. Стар. Воина о Суворовѣ, Ч. 2, ст. 235 и 186.

«зимья бѣдствія. Его честили по заслугамъ. 17 числа по-
 «требованъ я былъ къ Александру Васильевичу; прибылъ, и
 «увидѣлъ его въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во
 «всѣхъ орденахъ. Онъ шибко ходилъ, и, противъ своего обы-
 «кновенія, не подарилъ меня не только словомъ своимъ, но и
 «взглядомъ. Казалось, онъ не видалъ меня, и былъ сильно
 «встревоженъ. Лицо его было важно, величественно: такимъ
 «я не видалъ его никогда. Онъ ходя говорилъ самъ съ собою
 «отрывками: *Парады!... разводы!... большое къ себѣ уваженіе!.. обернется: шляпы долой! — Помилуй Господи!.. да, —*
 «и это нужно, да во время... а нужнѣе-то... это: знать
 «какъ вести войну; знать мѣстность; уметь расчестъ;
 «умѣть не дать себя въ обманъ; уметь бить! А битому
 «быть?... не мудрено! — Погубить столько тысячъ?... и ка-
 «кихъ?... и въ одинъ день?.. Помилуй Господи!... И многое,
 «многое говорилъ Александръ Васильевичъ, хотя и не замѣчая
 «меня. Я видѣлъ, что я здѣсь не у мѣста, и вышелъ вонъ.
 «Въ скорости прибылъ Великій Князь Константинъ Павловичъ
 «и съ нимъ всѣ генералы и значительные по военнымъ талан-
 «тамъ полковники. Мы вошли, Александръ Васильевичъ встрѣ-
 «тилъ насъ поклономъ; сталъ, закрылъ глаза, задумался; ка-
 «залось, онъ боролся съ мыслями сказать о бѣдствіи, насъ
 «постигшемъ. Но не прошло и минуты, онъ взглянулъ, и взоръ
 «его какъ молнія поразилъ насъ. — Это не былъ уже тотъ
 «Александръ Васильевичъ, который между рядами воиновъ, въ
 «сраженіи, велъ ихъ въ бой съ высокимъ самоотверженіемъ,
 «съ быстротою сокола, или такъ, за-просто, во время похо-
 «да, веселыми своими разговорами заставлялъ всякаго лю-
 «бить его душевно: нѣтъ! Это былъ уже величайшій человекъ,
 «геній: онъ преобразился! Черезъ минуту онъ началъ гово-
 «рить :

«*Корсаковъ разбить, и прогнанъ за Дюрлахъ! Готцъ про-
 «палъ безъ вѣсти, и корпусъ его разсыпанъ. Прочія австрій-
 «скія войска (онъ называлъ ихъ начальниковъ), шедшія для
 «соединенія съ нами, опрокинуты отъ Гларуса и пропаны.
 «И такъ, весь операціонный планъ для изгнанія Французовъ
 «изъ Швейцаріи исчезъ!...»*

«Тутъ Александръ Васильевичъ началъ излагать, съ самаго
 «прибытія своего въ Италію, всѣ интриги, всѣ препятствія,
 «дѣланныя ему барономъ Тугутомъ, съ его Гоеъ-Кригсъ-Ра-
 «стомъ; говорилъ, что всѣ планы и всѣ его предположенія бы-
 «ли австрійскимъ кабинетомъ неуважаемы; что Гоеъ-Кригсъ-
 «Ратъ связывалъ ему руки во всемъ и во все время; и что
 «походъ изъ Италіи однихъ Русскихъ войскъ въ Швейцарію
 «былъ только благовидный предлогъ *удалить его съ Русскими*
 «*войсками изъ Италіи, для лучшаго себя присвоенія въ ней*
 «*областей*; что этотъ предлогъ удаленія насъ, и въ такое позд-
 «нее время года, былъ прикрытъ обещаніемъ, что принцъ Карлъ,
 «съ арміею своею въ 60,000, не оставитъ своего пѣста въ
 «Швейцаріи до-тѣхъ-поръ, пока Александръ Васильевичъ не
 «соединится съ корпусомъ Корсакова, гоня предъ собою Фран-
 «цузовъ, занимавшихъ С.-Готардъ и Чортовъ мостъ, и въ
 «этомъ торжественно увѣрилъ въ Вѣнѣ министровъ-посланни-
 «сковъ, нашего и англійскаго. Но тогда жъ, и въ то же время,
 «за сѣмъ увѣреніемъ, Тугутъ *далъ скрытно повелѣніе* принцу
 «Карлу, ятобы онъ, сдавъ всю линію, занимаемую имъ въ
 «Швейцаріи, генералу Корсакову, слѣдовалъ со всею арміею
 «внизъ по Рейну въ Германію, и занялъ мѣста, вовсе неугрожае-
 «мыя нападеніемъ непріятели. Генералъ Римскій-Корсаковъ
 «*спаль съ разставленную Тугутомъ сѣть*, занялъ 20,000 своимъ
 «корпусомъ всю линію, принцемъ Карломъ занимаемую (болѣе,
 «чѣмъ на 100 верстъ), и погибъ 14 сентября. Но что болѣе
 «всего доказываетъ враждебную ненависть Тугута къ намъ,
 «къ Царю-Императору нашему, вѣрному союзнику и помощ-
 «нику австрійскаго престола, и уготованную намъ пагубу, —
 «такъ-то, что мы, вошедши въ альпійскія горы, не нашли въ
 «Бенинсонъ муловъ, обещанныхъ намъ торжественно подъ
 «свозъ горной артиллеріи, ея снарядовъ, боевыхъ ружейныхъ
 «патроновъ, и на продовольствіе наше сухарей; и единственно
 «но сему только случаю мы должны были простоять тутъ
 «пять дней, тщетно ожидая ихъ. Это была уже *дѣлая измѣна*
 «*общему дѣлу правды*, приготовленная *заблаговременно* имъ,
 «Тугутомъ, *по тайнымъ сношеніямъ съ агентами французской*
 «*директоріи*. — Будь мулы въ Бенинсонъ, найди мы ихъ

сданы 4 сентября, мы были бы на мѣсто (въ Муттенгаузъ) 10 или 11 числа; и Мессена никакъ не могла бы достигнуть своей цели: линия на порожисте Корсакова и Готца *.

Заключить сужденія современниковъ о дѣйствіяхъ Корсакова словами генерала Выстницкаго: «За всѣ сдержанныя въ сей италійской кампаніи победы, Австрійцы обречены по большей части Россіянамъ. Какой же плодъ произвели сей победы и завоеванія Милана, Турина, Александріи, Тортоны, Нови, Савоны, Пескьеры и Мантуи? По происшествіи 10 мѣсяцевъ, Бонапарте бѣжъ затрудненъ, и почти бѣжъ прятствій, взявъ всѣ краности обратно у прекраснѣйшаго и знающаго военное искусство войска, и съ армією своею, такъ сказавъ, подъ стѣнами Вены трактовалъ о мирѣ» **.

Императоръ Павелъ I-й, недовольный дѣйствіями Александра Михайловича въ Швейцаріи, отставилъ его отъ службы 24 октября и удалилъ въ деревню, не смотря на то, что дѣлоряженія Римскаго-Корсакова были сдѣланы Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ, «который находилъ,» — пишетъ г. Бантынь-Каменскій, — «что всѣ дѣйствія его являлись къ императору иперіятель, и что единственный виновникъ происшедшаго — генералъ-лейтенантъ Дурасовъ, не присоединившійся къ войскамъ, бывшимъ въ бою» ***. Живя въ своемъ разстроенномъ имѣніи, Римскій-Корсаковъ переносилъ терпѣливо нужду и лишения, когда вдругъ получилъ отъ

* Разск. Стар. Война о Суворовѣ Ч. 2, ст. 210, 211, 212, 213 и 214. — Конечно замѣтить, что этой превосходной книгѣ, у насъ вовсе не была отдана журналами должная справедливость. Только братъ мой, извѣстный своими историческими трудами, авторъ «Славянскаго Сборника» и сотрудникъ барона Л. Ш. Зеллера въ «Исторіи Военнаго Искусства» и въ «Военномъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ», Ц. В. Савельевъ-Ростиславичъ обратилъ вниманіе публики (въ Академ. С.П.Б. Вѣдомостяхъ, 1847) на важность этой книги о Суворовѣ, равно какъ и на записки Выстницкаго о дѣйствіяхъ Корсакова. — Вышій профессоръ Военной Академіи, воинъ-писатель Н. Д. Небеловъ совершенно раздѣляла съ нами это самое мнѣніе касательно сей дѣлоряжн. книгъ.

** Читенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1846 г. № 2, ст. 41 и 42, въ записк. Выстницкаго.

*** Словара Дост. Люд. Бант.-Кам. Ч. III, ст. 82 и 83.

Наслѣдника Престола 20,000 рублей: «за мушкетерскую и мѣбель его, оставшуюся въ Семеновскихъ казармахъ», которая въ действительности не стоила и пятьсотъ рублей, замѣчаетъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

По вѣстившій на престолъ Императора Александра Благословеннаго, Римскій-Корсаковъ, 16 марта 1801 года, опять былъ принятъ въ службу, съ зачисленіемъ по арміи, а 15 сентября того же года произведенъ въ генералы отъ инфантерій, съ старшинствомъ въ этомъ чинѣ съ 23 ноября 1799 г.; въ тотъ же день онъ получилъ аренду въ Курляндіи, которая давала доходу казны 3,800 талеровъ. Въ 1802 году покойный Императоръ поручилъ ему въ управленіе Бѣлорусскій край. Римскій-Корсаковъ, незнакомый съ порядкомъ новой службы, просилъ Государя уволить его отъ новаго назначенія, и получилъ слѣдующій рескриптъ отъ 29 марта: «Александръ Михайловичъ! Взявъ вамъ управленіе Бѣлорусскихъ губерній, Я зналъ совершенно, что положеніе сего края требуетъ «начальника, не столько навыкомъ въ дѣлахъ гражданскихъ, сколько безкорыстіемъ и правотою мыслей отличнаго, и по сему поспѣшно обратилъ на васъ Мое избраніе. Въ продолженіе служенія вашего по сей части Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что выборъ Мой вы совершенно оправдываете: по сему заключить можете, сколь неожиданно для меня было встрѣтить желаніе ваше оставить сіе званіе, тѣмъ болѣе, что не смогу Я признать достаточными причины, васъ къ тому побуждающія. Знаю ваше твердое расположеніе къ общественному благу, не могу себя представить, чтобы встрѣчаемыя вами «затрудненія могли совратить васъ съ пути, вамъ предназначенаго. Если есть злоупотребленія, конкъ истребленіе, по «какимъ либо уваженіямъ, не можетъ быть совместно съобыкновеннаго, законною гласностію, вы всегда имѣете свободу «открыть Мнѣ ихъ частно, съ полнымъ увѣреніемъ, что въ отвѣщеніе ихъ приняты будутъ мѣры, столько же близкія къ «человѣчеству, какъ и сокрытыя отъ всѣхъ противъ васъ пре- «судирежденій; а чтобы дать вамъ очевидный тому опытъ, «Я требую и прошу отъ васъ сего довѣрія. Впрочемъ смѣни- «вать закоренѣлыя безпорядки подчиненныхъ съ поведеніемъ

«главнаго начальника, и поставлять ихъ на личномъ отчетѣ сего добраго имени, никогда не было Моимъ правиломъ и, конечно, для васъ не будетъ. Я желаю, чтобы вы точно «размыслили о семъ Моимъ распоряженіи: ибо увѣренъ Я, что «послѣ сего бремя служенія вашего найдете вы не только легкимъ, но и совершенно соответствующимъ тѣмъ понятіямъ «о порядкѣ и общественной пользѣ, кои всегда Я въ васъ съ «удовольствіемъ предполагалъ, пребывая всегда вамъ благо- «склонный Александръ». Вскорѣ послѣ этого Императоръ, обозрѣвая губерніи, ввѣренныя управленію Римскаго-Корсакова, наградилъ его табакеркою, осыпанною брилліантами, съ Своимъ портретомъ, а 24 января 1803 года назначилъ инспекторомъ по инфантеріи Московской инспекціи, подъ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Салтыковымъ, «съ порученіемъ, — какъ сказано въ Высочайшемъ Рескриптѣ—*довести полки оной до надлежащаго устройства*». Спустя два года послѣ того Александръ Михайловичъ сдѣланъ былъ командиромъ корпуса, формировавшагося на прусской границѣ, а 6 октября 1805 года, назначенъ начальникомъ резервной арміи. Эта армія должна была состоять изъ четырехъ корпусовъ и расположиться на западной границѣ, отъ Полаугена до Проскурова. Въ ноябрь мѣсяць того же года, часть ввѣренной Римскому-Корсакову резервной артиллеріи была откомандирована къ составленію резервнаго корпуса, который долженъ былъ, при первомъ востребованіи, дѣйствовать въ Галиціи. Командиру его, генералу отъ кавалеріи Михельсону, велено расположиться между Врестомъ Литовскимъ и Бродами. «Важность Вильны», пишетъ Императоръ 8 ноября, къ Александру Михайловичу «при настоящемъ положеніи обстоятельствъ, «требуетъ вашего пребыванія тамъ и скорѣйшаго образованія «остающейся въ начальствѣ вашемъ части резервной арміи. «Возлагая сіе на попеченіе ваше, я совершенно увѣренъ, что «отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію вашею поспѣшите вы «вынѣшнимъ наборомъ рекрутъ укомплектовать сколь возмож- «но скорѣе командуемая вами войска, и привести оныя во «всѣхъ частяхъ въ должное устройство». Въ февраль 1806 года, ввѣрено было Римскому-Корсакову командованіе 3 и 4

дѣвизіями. Черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ, 20 сентября, онъ былъ назначенъ военнымъ-губернаторомъ въ Вильну. «При настоящемъ положеніи обстоятельствъ,» — писалъ опять къ Корсакову Императоръ, — «обращая особенное вниманіе къ должности Виленскаго военнаго-губернатора, требующаго генерала испытанной дѣятельности, Я, руководствуясь довѣренностію, на которую приобрѣли вы совершенное право, и вида «при томъ опыты попечительнаго управленія вашего по части, нынѣ вамъ ввѣренной, возлагаю оную должность на васъ, «въ полномъ увѣреніи, что вы и въ семъ случаѣ явите новыя «доказательствавашаго усердія.» Въмѣстѣ съэтими назначеніемъ, Римскому-Корсакову поручены были войска, расположенныя въ Виленской, Гродненской и Минской губерніяхъ. Такимъ образомъ составилъ резервный корпусъ, который обязанъ былъ наблюдать за безопасностію границъ. Корсакову предписано было распределить всѣ войска въ бригады, назначить командировъ и состоять подъ вѣдѣніемъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею. Отправивъ въ началѣ 1807 года 4,000 человекъ къ генералу отъ кавалеріи Барону Боннигсену, для укомплектованія арміи, онъ занялся обученіемъ остальныхъ рекрутъ, которые также усилили дѣйствующую армію. Тогда Императоръ Александръ въ знакъ *«особаго Своєю благоволенія и признательности къ усердной, продолжительной и отличной службѣ Римскаго-Корсакова»*, 25 апрѣля 1807 г. принялъ старшаго сына его лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ портупей-прапорщикомъ, съ позволеніемъ быть при отцѣ, для узнанія порядка службы, а черезъ три мѣсяца онъ былъ произведенъ прапорщикомъ въ тотъ же полкъ. По окончаніи войны, Корсаковъ получилъ (28 іюня 1807 года), орденъ св. Владимира 1 класса *«за труды и подвиги, дознанные опытами въ продолженіе долговременнаго и усерднаго служенія, особливо явленныя имъ въ теченіи послѣдней войны, въ которое время, имѣя съ самаго начала оной въ начальствованіи своемъ Резервный корпусъ, неутомимою дѣятельностію и пламенною ревностію споспѣшествовалъ во многомъ дѣйствию*

арміи, доставляя къ оной все военныя снабженія, нужныя къ продолженію дѣятельной войны *.

7 ноября 1807 года Александръ Михайловичъ назначенъ командиромъ 4, 7 и 10 дивизіи, въ корпусъ генерала отъ инфантеріи графа Буксгевдена, съ сохраненіемъ званія литовскаго военнаго-губернатора. 20 января 1808 года, Высочайше пожаловано ему 30,000 рублей, изъ оставшихся у него экономическихъ денегъ отъ покупки лошадей, повозокъ и другихъ вещей для запасныхъ артиллерійскихъ парковъ; почти въ это же время онъ получилъ въ подарокъ двѣ табакерки съ портретами Государынь Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны.

Неудовольствія Корсакова съ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ были причиною замѣчанія, сдѣланнаго Государемъ Александру Михайловичу 18 марта 1809 года. «Я долженъ вамъ сказать» писалъ къ нему Императоръ, «что званіе военнаго министра есть первое въ арміи, и ему подчинены все военные чины, отъ перваго до послѣдняго, не смотря на то, въ какую бѣ должность употребленъ кто ни былъ; следовательно, сему общему правилу и вы должны покоряться безпрекословно. Фельдмаршалъ князь Прозоровскій, службою и чиномъ старѣе васъ, и братъ Мой Константинъ Павловичъ служатъ лучшими примѣрами подчиненности». По слабости здоровья Римскій-Корсаковъ просилъ объ увольненіи его въ отпускъ, до излеченія болѣзни. Просьба его была исполнена: онъ получилъ увольненіе, 3 іюля.

Внѣ службы онъ находился до 17 апрѣля 1812 года, когда былъ назначенъ во второй разъ военнымъ-губернаторомъ въ Литву, которою управлялъ еще въ теченіе восемнадцати лѣтъ по 20 декабря 1830 года. Многотрудная служба Александра Михайловича была награждена: въ 1819 году, ассигнованіемъ ему изъ Государственнаго Казначейства, вмѣсто арендныхъ денегъ, которыя онъ получалъ съ 1801 года, на 20 лѣтъ, 10976 рублей серебромъ ежегодно; въ 1820 году табакеркою, осыпанною брилліантами, съ портретомъ Импера-

* Д. Н. Бантыша-Каменскаго Словарь Дост. Людей Рус. Земл. Ч. III. ст. 89.

тора Александра Павловича; 1821 г. 22 августа, въ день коронаціи нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1830 году онъ былъ наименованъ Членомъ Государственнаго Совѣта, и въ этомъ званіи получилъ, въ 1831 году, знакъ отличія безпорочной службы за LV лѣтъ; арендные же деньги, пожалованныя въ 1819 году на 12 лѣтъ, тогда же обращены ему въ пожизненный пенсіонъ, сверхъ пожизненнаго жалованья по чину 4,560 рублей и столовыхъ по 12,000 руб. въ годъ. Въ последнее время своей жизни, мастытый старецъ не могъ уже ѣздить въ Совѣтъ; но, не смотря на преклонныя лѣта, сохранилъ еще довольно свѣжую память и любилъ рассказывать о походахъ своихъ и сраженіяхъ подъ предводительствомъ Румянцова-Задунайскаго и графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Кончина 87-ми лѣтняго, почтеннаго старца послѣдовала 13 мая 1840 года. Она была тиха и безъ страданій. 16 мая происходило отпѣваніе тѣла усопшаго въ Исакиевскомъ соборѣ. Военный министръ князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ почтили память его своимъ присутствіемъ. Бренныя останки Александра Михайловича препровождены въ село Сукромну, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, которое принадлежитъ въ настоящее время сыну его.

Римскій-Корсаковъ во всю жизнь свою отличался благородствомъ характера и добротою; зналъ хорошо французскій, нѣмецкій и англійскій языки и оставилъ на французскомъ языкѣ любопытное описаніе битвъ, происходившихъ подъ Цюрихомъ, которымъ совершенно оправдалъ понесенное имъ пораженіе. Отличный отзывъ объ Александрѣ Михайловичѣ Императрицы Екатерины Великой и Императора австрійскаго Франца II; привязанность и расположеніе Государя Александра Павловича, котораго онъ называлъ своимъ благодѣтелемъ; вниманіе къ нему нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Павловича; наконецъ дружба Румянцова-Задунайскаго, съ которымъ онъ былъ постоянно въ перепискѣ,—слу-

жать лучшимъ доказательствомъ его благородныхъ свойствъ. Принцъ Саксенъ-Кобургскій, когда Римскій-Корсаковъ былъ еще полковникомъ, письмомъ убѣждалъ его въ 1789 году «о продолженіи къ нему дружбы, которою всегда былъ удостоенъ», и отдавалъ полную справедливость его военнымъ дарованіямъ. Изъ молодыхъ полководцевъ, болѣе всѣхъ былъ друженъ съ Александромъ Михайловичемъ — Беннигсеномъ, и общалъ ему подробно, случалось даже прямо съ поля битвы, о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1805, 1806 и 1807 годахъ.

А. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТЕСЛАВЧЪ.

Современная Лытопись и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

На правомъ флангѣ кавказской линіи выслана была 11-го числа изъ Ахметъ-Горскаго укрѣпленія команда, въ числѣ 50-ти человекъ 3-го кавказскаго линейнаго баталіона, за дровами. Скрывавшаяся недалеко партія Горцевъ, около 400 человекъ, подъ предводительствомъ Канамета Тлагодлукова, внезапно бросилась на эту команду въ шашки, но была мужественно отражена. По первымъ выстрѣламъ, воицкій начальникъ укрѣпленія, штабсъ-капитанъ *Грушецкій*, выслалъ на помощь 40 человекъ пѣхоты и 60 казакъ донскаго № 38-го полка, подъ начальствомъ есаула *Семиколънова*. Пѣхота смѣло ударила въ штыки, казаки бросились въ пики на встрѣченнаго по дорогѣ сильнаго непріятеля. Такимъ образомъ, обѣ команды, окруженныя въ пятеро сильнѣйшимъ непріателемъ, съ необычай-

ною храбростію старались проложить себѣ дорогу, чтобы соединиться. Горцы, усиливаясь людьми, стекавшимися изъ-за рѣки Лабы, и раздраженные геройскимъ мужествомъ командъ, безпрестанно кидались въ шашки, руками сорвали съ нѣсколькихъ ружей штыки и шашками взрубили 15 ружейныхъ стволовъ. Но храбрая горсть Ахмедъ-Горскаго гарнизона, не взирая на несоразмѣрность силъ, мужественно отражала атаки, бросаясь въ штыки и наконецъ объ команды успѣли соединиться. Въ этихъ схваткахъ убить храбрый есаулъ *Семикольниковъ*. Послѣ него приняли начальство: надъ пѣхотою фельдфебель *Бондаренко*, надъ казаками урядникъ *Петровъ*. Въ это самое время непріятельская партія, болѣе 100 человекъ, дѣйствовала противъ самаго укрѣпленія, чтобы не допускать помощи къ высланнымъ командамъ; но воинскій начальникъ успѣшно отражалъ ихъ пушечными выстрѣлами, сибѣ выступилъ изъ укрѣпленія съ послѣднимъ резервомъ, при орудіи, и оттѣснилъ ближайшаго къ укрѣпленію непріятели.

Послѣ 2-хъ часового жестокаго боя, непріятель, разбитый на голову, бѣжалъ чрезъ лѣсъ за Лабу, понеся значительную потерю. Лазутчики единогласно показываютъ, что у непріятели убито и тяжело ранено однихъ извѣстнѣйшихъ лицъ болѣе 20-ти человекъ; въ числѣ тяжело раненыхъ самъ предводитель партіи и старшій по немъ, бѣглый нагайскій князь Тлатустанъ *Абуловъ*. Много убитыхъ лошадей съ сѣдлами и тѣло извѣстнаго казильбековскаго старшины *Шепеяка* остались въ рукахъ храбрыхъ. Съ нашей стороны, къ сожалѣнію, убить храбрый есаулъ *Семикольниковъ* и 3 рядовыхъ; ранены: казань 1, нижнихъ чиновъ 6; контужено: казаковъ 9, рядовыхъ 15; лошадей убито и ранено 7.

Государь Императоръ, при полученіи о семъ донесенія начальника праваго фланга кавказской линіи, Высочайше соизволилъ произвестъ: фельдфебеля *Бондаренка* въ прапорщии, а урядника *Петрова* въ Хорунжіе, пожаловать имъ особое денежное награжденіе на обмундировку. Възвѣсть съ тѣмъ Его Величество Всемилостивѣйше соизволилъ назва-

чить 6-ть знаковъ военнаго ордена, для награды наиболее при этомъ случаѣ отличившихся, и по три рубля серебромъ на каждого изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ при этомъ подвигѣ.

12-го мая возвращались въ крѣпость Грозную 40 казаковъ донскаго № 30-го полка, сопровождавшихъ на кавказскую линію курьера. Партія Чеченцовъ, болѣе 400 человекъ, подъ предводительствомъ трехъ наибовъ, замѣтивъ эту малочисленную команду, отрезала ей путь къ Грозной и понеслась на Донцовъ, считая ихъ вѣрною своею добычею.

Командовавшій казаками Хорунжій *Поюжеевъ*, видя предъ собою непріятеля, вдесятеро сильнѣйшаго, спѣшилъ казаковъ и построилъ ихъ въ кружокъ. Чеченцы подскочили на пистолетный выстрѣлъ, съ обнаженными пашками. Донцы опрокинули ихъ выстрѣлами. Старшій изъ наибовъ *Талшкъ*, окруживъ казаковъ, открылъ сильный огонь и нѣсколько разъ бросался въ пашки, но не успѣлъ разстроить кружка. Донцы съ непоколебимою стойкостію и хладнокровіемъ, отстрѣливаясь безъ суеты, болѣе получаса держались противъ всей толпы непріятельской. Наконецъ Чеченцы, замѣтивъ, что войска подбѣгаютъ изъ кр. Грозной, сдѣлали послѣднее усиліе: всею массою хлынули на казаковъ. Черезъ нѣсколько мгновеній, пороховой дымъ разсѣялся, и тогда только войска, изъ крѣпости подоспѣвшія, увидѣли горсть казаковъ, до того закрытыхъ густою толпою непріятеля. Чеченцы бѣжали и въ преслѣдованіи разсѣяны картечными выстрѣлами.

Донцы 39-го полка храбро выдержали бой съ непріателемъ, болѣе чѣмъ вдесятеро сильнѣйшимъ. Изъ 40 человекъ киванды, 14 ранено, 3 контужено; лошадей 7 убито, 15 ранено. О потерѣ непріятеля свѣдѣній еще не получено.

Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе генералъ-лейтенанта *Фрейтага* объ этомъ блистательномъ подвигѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: Хорунжаго *Поюжеева*, прозвѣстовать въ слѣдующій чинъ; казакамъ, наиболее отличившимся въ этомъ дѣлѣ, назначить шесть знаковъ военнаго ордена и всѣмъ выдать по пяти рублей серебр.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННОГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО И РАСПОРЯЖЕ-
НИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СЪ 15 МАЯ ПО 15 ІЮНЯ СЕГО ГОДА.

УСТАВЫ О СЛУЖБѢ ГРАЖДАНСКОЙ.

Государь Императоръ, признавая необходимымъ опредѣ-
лить преимущество по службѣ тѣхъ Кавказскихъ и Закавказ-
скихъ уроженцевъ, кои воспитываются, на счетъ казны,
въ Университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Им-
періи, для приготовленія исключительно на службу въ
Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, и кои обязаны прослу-
жить тамъ не менѣе 6-ти лѣтъ, Высочайше соизволилъ по-
вѣлеть: 1-е, всѣхъ вообще воспитывающихся, на казен-
ный счетъ, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи,
Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ, по окончаніи
ими курса наукъ, обращать въ распоряженіе Намѣстника
Кавказскаго, предоставивъ ему опредѣлить ихъ тотчасъ по
прібытіи, въ такія должности, кои будутъ соответствовать
тѣмъ классамъ или ученымъ степенямъ, коими они будутъ
удостоены при выпускѣ. Такимъ образомъ воспитанники,
получившіе, при выпускѣ, девятый классъ или ученую
степень, этому классу соответствующую, должны быть
опредѣлены въ должности никакъ не ниже IX-го, деся-
тый въ должности X-го класса и т. д. О должностяхъ, въ
кои сии молодые люди, при первомъ поступленіи ихъ на
службу, будутъ назначены, предоставить Намѣстнику со-
общать г. Предсѣдателю Кавказскаго Комитета, для докла-
да Его Императорскому Величеству. 2-е, при отправленіи
сихъ воспитанниковъ, выдавать каждому, изъ казны: во
первыхъ — двойные прогоны соответственно полученнымъ
ими при выпускѣ чину или классу ученой степени; а во
вторыхъ — единовременно, въ пособіе, годовое жалованье,
присвоенное тѣмъ должностямъ, кои также соответствующи

полученнымъ ими при выпускѣ чину или классу ученой степени. Такимъ образомъ, воспитанникамъ, удостоеннымъ девятого класса, выдавать единовременно 600, десятого класса 500, двѣнадцатаго класса 350, а четырнадцатаго 250 рублей серебромъ. 3-е, во все время служенія въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ, предоставить означеннымъ молодымъ людямъ пользоваться всеми вообще преимуществами, кои предоставлены служащимъ тамъ русскимъ чиновникамъ, а именно: тѣмъ, кои будутъ служить въ Закавказскомъ краѣ, изложенныя въ ст. 1289—1298 т. III-го св. уст. о служб. по опред. отъ Правит., и въ ст. 272—277 того же тома св. уст. о пенс.; а тѣмъ, кои будутъ служить въ Ставропольской губерніи, означенныя въ ст. 1246—1258 т. III св. уст. о служ. по опред. отъ прав. и въ ст. 250 и 251 того же тома св. уст. о пенс., изд. 1842 года и прод. онаго; и 4-е, поручить ихъ особому вниманію Намѣстника Кавказскаго, предоставивъ ему, въ теченіи 6 лѣтъ, назначенныхъ для ихъ службы на Кавказъ или Закавказь, по окончаніи каждаго года доносить Его Императорскому Величеству, или сообщать г. Предсѣдателю Кавказскаго Комитета для доклада Его Величеству, о томъ, какъ сіи молодые люди служатъ и ведутъ себя, а также о томъ, какія должности они занимаютъ.

Государь Императоръ, согласно положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила, постановленныя въ ст. 1239—1244, тома III св. уст. о сл. по опред. отъ прав., изд. 1842 года и продолж. онаго, о выдачѣ изъ казны двойныхъ прогоновъ и не въ зачетъ годоваго жалованья всемъ чиновникамъ, отправляющимся на службу въ Ставропольскую губернію, распространить вполне на всѣхъ вообще лицъ, опредѣляемыхъ на службу въ Ставропольской губерніи по духовно-учебному ведомству.

Государственный советъ, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи о новыхъ штатахъ совѣстныхъ судовъ, *милнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ: 3 мая 1848 года, *ложилъ*: 1.) Составленные въ министерствѣ юстиціи штаты

совѣстныхъ судовъ поднести на Высочайшее благоусмотрѣніе. 2.) Штаты сіи привести въ исполненіе въ отношеніи канцелярій совѣстныхъ судовъ, со времени изданія оныхъ, а въ отношеніи совѣстныхъ судей и засѣдателей, при новыхъ въ каждой губерніи выборахъ въ сіи должности; до того же времени оставить ихъ при получаемомъ нынѣ содержаніи. 3.) Дѣйствіе означенныхъ штатовъ ограничить, со дня изданія оныхъ, трехгодичнымъ срокомъ, представивъ министру юстиціи, по минованіи сего срока, войти съ представленіемъ или объ окончательномъ утвержденіи тѣхъ штатовъ, или объ измѣненіи оныхъ по обстоятельствамъ, какія опытомъ указаны будутъ. 4.) Въ число требующейся въ текущемъ 1848 году прибавочной по упомянутымъ штатамъ суммы 55,139 р. 48 к., 10 т. отнести на счетъ экономическихъ суммъ Московскаго, а 20 т. р., на счетъ тѣхъ же суммъ С. Петербургскаго сенатскихъ казначействъ, а остальные за тѣмъ 25,139 р. 48 к. обратить на сумму, опредѣленную по государственной росписи нынѣшняго года на чрезвычайныя издержки. Съ 1-го же января 1849 года всю потребную на содержаніе совѣстныхъ судовъ сумму отнискать изъ государственнаго казначейства. 5.) Положенныя въ штатахъ секретарямъ совѣстныхъ судовъ квартирныя деньги производить не иначе, какъ по особому назначенію министра юстиціи, тѣмъ только изъ свѣхъ секретарей, которые отличныиъ къ службѣ усердіемъ обратятъ на себя вниманіе начальства. 6.) Силу статей 487 и 488 учрежд. орден. (св. зак. тома I-го), относительно награжденія орденами служащихъ по выборамъ дворянства, распространить и на тѣхъ совѣстныхъ судей, которые въ должность сію будутъ избраны дворянствомъ по изданіи настоящихъ штатовъ, съ тѣмъ, чтобы они были представляемы къ ордену Св. Владиміра, ежели, прослужа два шестидцѣтїа, будутъ выбраны на третье; и къ ордену Св. Анны, 2-й степени, если, по полученіи ордена Св. Владиміра, прослужили еще одно шестидцѣтїе. Само собою разумѣется, что постановленіе сіе не относится

къ совѣстнымъ судьямъ, опредѣляемымъ отъ правительства.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ 4 и 18 мая, Высочайше повелѣть соизволилъ: по несуществованію въ Севастополѣ званія уѣзднаго предводителя дворянства, изъясненныя въ 9 и 10 пунктахъ прил. къ ст. 600 св. зак. том. III устава о служ. по опредѣленію отъ правительства (по 5-му продолженію) обязанности уѣзднаго предводителя дворянства, относительно присутствія въ Севастопольскомъ уѣздномъ училищѣ при испытаніи лицъ, удостоиваемыхъ къ производству въ первый классный чинъ или почетное гражданство, возложить на тамошняго полиціймейстера.

Уставы о повинностяхъ.

Военный совѣтъ, рассмотрѣвъ представленіе инспекторскаго департамента и основываясь на удостовѣреніи военно-медицинскаго ученаго комитета, о дѣйствительной пользѣ изслѣдованія груди, посредствомъ стетоскопа, у людей, принимаемыхъ въ рекруты, а равно имѣя въ виду, что 4-ю статьею наставленія, приложеннаго къ 268 ст. рекр. устава вѣщено врачу въ обязанность, при опредѣленіи всякой внутренней болѣзни, руководствоваться не однимъ какимъ либо признакомъ, но совокупностію всѣхъ, или большей части признаковъ, которые бы онъ могъ указать незнающему медицины,—положилъ: при приѣмѣ въ рекрутскихъ присутствіяхъ людей въ рекруты, употреблять для изслѣдованія груди стетоскопъ, наблюдая при семъ и упомянутое правило объ указаніи прочимъ членамъ присутствія видимыхъ признаковъ болѣзни, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ несовершенно явныхъ и положительныхъ признаковъ болѣзни рекрута, отправлять его немедленно въ военный госпиталь. Государь Императоръ, такое положеніе военного совѣта, въ 4 день мая сего года, Высочайше соизволилъ утвердить.

УСТАВЫ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: въ отиѣну и дополненіе тѣхъ статей свода устава таможеннаго и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, гдѣ опредѣлены штрафы и взысканія за нарушеніе правилъ транзита европейскихъ товаровъ чрезъ Закавказскій край, постановить слѣдующее: 1., Товарные транспорты, коимъ надлежало слѣдовать по товарной дорогѣ подъ прѣсмотромъ таможеннаго служителя, если открыты будутъ по боковымъ дорогамъ или направленіямъ, должно останавливать и изслѣдовать тому причины, исключая тѣ случаи, когда на основаніи 2323 ст. VI т. св. уст. тамож. (изд. 1842 г.), они своротили на сторону по разлитію водъ, поврежденію мостовъ, или совершенному разстройству дороги, слѣдуя однако по направленію къ таможенѣ. 2., Если таковой транспортъ оставитъ товарную дорогу въ сопровожденіи таможеннаго служителя и если притомъ всѣ товарныя мѣста найдены будутъ въ сходствѣ съ имѣющимися при транспортѣ таможеннымъ ярлыкомъ и безъ поврежденныхъ таможенныхъ пломбъ или обвязокъ, то никакого взысканія не налагать. Если же противу ярлыка окажутся несходства или невѣрности, то во взысканіи за оныя поступать по § 15 Высочайше утвержденныхъ 14-го декабря 1846 года правилъ Закавказскаго транзита. 3., Но если по причинѣ болѣзни, или по другому случаю, таможенный служитель не могъ продолжать пути съ товарнымъ транспортомъ, и таковой транспортъ открытъ будетъ не на установленной товарной дорогѣ, безъ сопровожденія таможеннаго служителя, и притомъ не доказана будетъ необходимая надобность, по которой транспортъ своротилъ съ товарной дороги, то за сіе налагается денежное взысканіе: по пяти рублей серебромъ за каждый пудъ брутто всѣхъ отправленныхъ съ транспортомъ товарныхъ мѣстъ, сверхъ того взысканія, какое можетъ причитаться въ случаѣ недостатка товаровъ противу таможен-

наго ярлыка или поврежденія таможенныхъ пломбъ и обвязокъ. Правило, содержащееся въ ст. 937 улож. о наказ. и въ ст. 2322 т. VI св. уст. тамож. изд. 1842 г. (по продолж. VI.), объ отрѣшеніи отъ должности сопровождавшаго транспортъ таможенного служителя, который дозволить оному перемѣнить дорогу безъ законной причины, остается въ своей силѣ.

Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлено въ поясненіе и измѣненіе ст. 1511 и 1514 устава лѣснаго свода законовъ тома VIII, востановить слѣдующія о денежныхъ взысканіяхъ за самовольныя порубки маломѣрнаго дубоваго лѣса правила: 1.) Въ корабельныхъ рощахъ, а также и въ тѣхъ казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ, которыхъ почва, по надлежащемъ освидѣтельствованіи чиновниками морскаго вѣдомства, признана будетъ способною для произрастенія благонадежныхъ къ кораблестроенію дубовыхъ деревьевъ, взысканія за самовольныя порубки дубоваго лѣса всякаго возраста, производить на основаніи ст. 976 и 978 улож. о наказ. и ст. 1514 уст. лѣсн. свода закон. тома VIII и прод. VI того же тома, и 2.) Въ казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ, съ несвойственною или малосвойственною дубу почвою, за самовольную порубку тонкомѣрныхъ дубовыхъ деревьевъ, не болѣе двухъ сажень длины и одного вершка толщины въ верхнемъ отрубѣ, отъ самосѣва ли они, или отъ пней произрастаютъ, взыскивать, какъ за дрова, посаженные деньги, ежегодными таксами опредѣляемые; а за дубовыя деревья, превышающія означенный размѣръ, но менѣе трехъ сажень длины и четырехъ вершковъ толщины, взыскивать попенныя деньги, какъ положено ежегодными таксами за трехсаженныя деревья четырехъ-вершковой толщины; за порубку же большемѣрныхъ и мачтовыхъ дубовыхъ деревьевъ, производить взысканіе, согласно 978 ст. улож. о наказ., по цѣнѣ, установленной особою таксою на дубовыя деревья.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Государь Императоръ, по представленію наивѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правило, постановленное въ ст. 264 тома X Св. зак. гражд. изд. 1842 г. (по VI продолж.) о томъ, чтобы дѣла о продажѣ имѣній малолѣтнихъ, изъ гражданскихъ палатъ восходили въ правительствующій сенатъ чрезъ начальниковъ губерній, — не распространять на закавказскій край, но дѣла сего рода въ этомъ краѣ, представлять правительствующему сенату чрезъ губернскія правленія, кромѣ Дербентской губерніи, гдѣ за неимѣніемъ губернскаго правленія, эти дѣла должны быть представляемы чрезъ военнаго губернатора.

Г. министръ финансовъ представилъ на разрѣшеніе правительствующаго сената вопросъ о томъ не слѣдуетъ ли съ прошеній встрѣчныхъ, заключающихъ въ себѣ по словамъ 2274 ст. X. т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.) обратный искъ на истца, взыскивать пошлины по 1 р. 80 к. сер., определенныя 411 ст. св. зак. т. V уст. пош. съ прошеній исковыхъ? Сообразивъ вопросъ этотъ, правительствующій сенатъ находитъ, что закономъ (Св. зак. гражд. изд. 1842 года ст. 2269—2275) определены разные роды прошеній, въ числѣ коихъ заключаются исковыя, мировыя и встрѣчныя; но уставомъ о пошлинахъ (:ст. 410:) взиманіе пошлинъ положительно определено только съ прошеній исковыхъ и мировыхыхъ; при чемъ постановлено (:ст. 412:) что подъ именемъ исковыхъ прошеній, подлежащихъ установленной 411 статьею пошлинъ, разумѣть тѣ только, коими отыскиваются вознагражденія за причиненныя обиды, за держаніе бѣглыхъ, также за владѣнныя и пожилыя деньги, проценты съ заемныхъ денегъ и тому подобныя; съ прошеній же о возвратѣ собственности, о справкѣ имѣнія или о какой либо защитѣ, равно съ тѣхъ, коими кто отыскиваетъ принадлежащаго ему по исправленію должности, какъ-то: заслуженнаго жалованья, чина, увольненія отъ службы, или другаго

чего, нетребующаго суда, никакой пошлины не взимать. По буквальному смыслу сего закона, правительствующій сенатъ находитъ, что какъ исковыми прошеніями почитаются тѣ, кои и *истцы ищутъ исковъ*; (:св. зак. граж. ст. 2271:) а встрѣчное прошеніе есть *ответъ* или *защита* ответчика противъ исковаго прошенія, при приѣмъ коего пошлины уже взяты; то съ таковыхъ встрѣчныхъ прошеній, по закону существующему, пошлинъ, установленныхъ съ истцовъ начинающихъ дѣло или искъ, взыскивать не слѣдуетъ. При чемъ само собою разумѣется, что если по окончаніи дѣла, ответчикъ начнетъ искъ на прежняго истца за причиненныя начатымъ искомъ обиды или убытки и по другимъ предметамъ на основаніи ст. 412 св. зак. гражд., то таковыя прошенія, теряя свойство встрѣчнаго и заключая новый уже искъ, должны подлежать платежу пошлинъ.

Законы уголовные.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ правительствующаго сената, по вопросу, какъ поступать съ лицами женскаго пола, исключенными изъ духовнаго званія за дурное поведеніе, *мильнѣмъ*, Высочайше утвержденнымъ 26 апрѣля сего года, *положилъ*: 1.) Въ дополненіе подлежащихъ статей св. зак. постановить, что съ исключенными изъ духовнаго званія и неподлежащими суду гражданскому вдовами священнослужителей поступается, въ отношеніи записки ихъ, буде онъ по происхожденію своему не принадлежать къ дворянскому сословію, въ одно изъ податныхъ состояній, по тѣмъ же правиламъ, какія постановлены для передаваемыхъ въ распоряженіе губернскихъ правленій священнослужителей (:св. зак. т. XIV уст. о предуп. впресѣч. преступ. ст. 215:). Но вдовы сіи и при перечисленіи ихъ въ податное сословіе остаются не подлежащими наказаніямъ тѣлеснымъ, если только не вступятъ въ бракъ съ лицомъ, по состоянію своему, не изъятымъ отъ сихъ наказаній (Улож. о наказ. прилож. I ст. 3 пункт. 2.)

2.) На сѣмъ основаніи разрѣшить и частный случай, изъ коего возникъ настоящій вопросъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6-го минувшаго мая Государю Императору благоугодно было удостоить Полтавское дворянство слѣдующею Высочайшею грамотою во Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ пожертвованію сѣмъ дворянствомъ тысячи-пяти-сотъ воловъ на мясныя для войскъ порціи.

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

Всѣроссійскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему любезновѣрному дворянству Полтавской губерніи.

Мы всегда были увѣрены въ ревностныхъ чувствахъ любви и преданности къ Престолу и Отечеству, которыми во всѣхъ случаяхъ отличалось Наше любезновѣрное дворянство Полтавской губерніи.

Нынѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ Мы видимъ новое тому доказательство изъ постановленія собранія предводителей Полтавской губерніи, которые, свидѣтельствуя о единодушномъ стремленіи всѣхъ дворянъ содѣйствовать видамъ и желаніямъ, изложеннымъ въ Манифестъ Нашемъ отъ 14-го минувшаго марта, представляютъ о сдѣланномъ дворянствомъ сей губерніи пожертвованіи тысячи-пяти-сотъ воловъ на мясныя для войскъ порціи.

Разрѣшивъ употребить это пожертвованіе по назначенію, Намъ пріятно изъявить за сіе любезновѣрному дворянству

Полтавской губерніи искреннюю Нашу признательность, и удостоверить его въ неизмѣнномъ Нашемъ благоволеніи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С.—Петербургъ, мая 6-го дня 1848 г.

Государь Императоръ, Высочайше повелѣвъ обложить пошлиною привозимыя изъ заграницы иностранныя книги, въ 5 день минувшаго мая Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующія постановленія: 1.) Со всѣхъ книгъ при ввозѣ изъ за-границы въ Имперію, взимается тажеюжяи пошлина *по пяти копѣекъ серебромъ* съ каждаго отдѣльнаго тома, какого бы объема и формата онъ ни былъ, принимая за томъ и каждую отдѣльно брошюрованную тетрадь тѣхъ изданій, которыя издаются выпусками (livraisons). Съ книгъ, получаемыхъ въ листахъ неброшюрованными, съ періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ пошлина взимается съ *всѣхъ по пяти копѣекъ серебромъ* съ фунта. Съ романовъ и повѣстей взимается потомъ дополнительная пошлина еще *по пяти копѣекъ серебромъ*. 2.) Отъ пошрины освобождаются: а.) книги, присылаемыя пребывающимъ въ Россіи иностраннымъ дипломатическимъ особамъ; б.) книги, выписываемыя Императорскими университетами, академіями и другими учеными и учебными вѣдомствами, имѣющими право получать книги безъ цензуры; в.) книги, газеты и журналы, присылаемые по почтѣ; г.) книги, привозимыя пассажирами и путешественниками съ собою и книги, въ Россіи изданныя, которыя, бывъ вывезены изъ Имперіи, обратно привозятся; д.) книги, напечатанныя въ Царствѣ Польскомъ; е.) книги на Еврейскомъ языкѣ, для которыхъ существуетъ особое положеніе. 3.) При высылкѣ запрещенныхъ иностранныхъ книгъ обратно за границу, на основаніи ценсурныхъ постановленій, взысканная съ нихъ при ввозѣ пошлина возвращается владельцамъ. 4.) Книги, неочищенные пошлиною въ теченіи 12-ти мѣсяцевъ, на основаніи ст. 796

т. VI св. зак. уст. тамож. (изд. 1842 г.) обращаются въ собственность казны. Изъ нихъ книги позволенныя продаются съ публичнаго торга, а прочія препровождаются въ комитетъ цензуры иностранной, для храненія въ библіотекѣ его. Примѣчаніе. Существующая пошлина съ переплетовъ остается по прежнему.

Г. Министръ народнаго просвѣщенія, въ слѣдствіе переданной ему записки изъ журналовъ комитета Гг. министровъ 27 апрѣля и 11 мая сего года, сообщилъ г. министру юстиціи, что Государь Императоръ, по положенію комитета, Высочайше соизволилъ утвердить 7 мая, въ видъ опыта, на три года, проектъ новаго положенія для посѣтителей Императорской публичной библіотеки, въ замѣнъ III отдѣленія начертанія подробныхъ правилъ для управленія сею библіотекою, Высочайше утвержденнаго 23 февраля 1812 года.

ПОЛОЖЕНІЕ

Для посѣтителей Императорской публичной библіотеки.

1. Императорская публичная библіотека каждую недѣлю во вторникъ открывается для пуплики съ 11 часовъ утра до 2 по полудни, (исключая табельныхъ праздники и весь іюль мѣсяць). Въ сей день впускаются посѣтители единственно для обозрвнія всѣхъ частей библіотеки. Посѣтители, желающіе обозрѣвать библіотеку, обращаются къ дежурному, который даетъ знать объ этомъ одному изъ библіотечарей, или ихъ помощниковъ, въ сопровожденіи коего они и проходятъ залы библіотеки.

2. Если посѣтитель, обозрѣвающій библіотеку, пожелаетъ при этомъ посмотреть какую-нибудь книгу; то сопровождающій его библіотечарь или помощникъ его удовлетворяетъ его желаніе.

3. Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права самъ брать книги изъ шкафовъ.

4. Для чтенія печатныхъ книгъ и извлеченія изъ нихъ выписокъ, Императорская публичная библиотечка открыта ожедневно, за исключеніемъ одного вакаціоннаго мѣсяца іюля, съ 10 часовъ утра до 9 часовъ вечера лѣтомъ, а зимою до захода солнца. Въ воскресные и табельные дни чтеніе и выписки могутъ продолжать только тѣ лица, которымъ книги были уже выданы въ обыкновенные недѣльные дни.

5. Каждый, желающій заниматься въ библиотекѣ, предварительно долженъ получать отъ дежурнаго на свое имя билетъ, который имѣетъ силу на весь текущій годъ. По полученіи билета, онъ можетъ записать нужныя ему сочиненія въ особо заведенную для того книгу.

6. Посѣтитель, записавшій такимъ образомъ нужныя ему книги, получаетъ оныя отъ дежурнаго на другой день, если то не будетъ, воскресенье или табельный праздникъ; а въ противномъ случаѣ, получаетъ уже въ понедельник или слѣдующій день. Для выписокъ, онъ найдетъ готовые чернила, но перья и бумагу долженъ приносить съ собою. Въ столахъ, приготовленныхъ для занимающихся, устроены ящики, въ которые они могутъ свои бумаги, (а не книги, библиотекѣ принадлежащія) запираетъ и ключъ уносить съ собою. Посѣтителю разомъ болѣе двухъ сочиненій не выдается; исключеніе изъ сего правила можетъ быть допущено только съ разрѣшенія директора по особеннымъ уваженіямъ. Книги считаются за требовавшимъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ имѣть въ нихъ болѣе надобности. Но если посѣтитель въ теченіи двухъ недѣль ни приходилъ заниматься чтеніемъ выданныхъ ему книгъ, то онъ возвращаются по принадлежности на свои мѣста. И для того посѣтитель, каждый разъ послѣ чтенія, при возвращеніи читаемыхъ имъ книгъ дежурному, долженъ вкладывать въ оныя особо изготовленныя закладки, съ числомъ того дня, чтобы такимъ образомъ видно было, какъ долго книги оставались безъ употребленія. Книги, возвращаемыя дежурному безъ такихъ закладокъ, будутъ считаться уже ненужными читателю,

которому онъ выданы были. Романы, повѣсти и отдѣльныя драматическія піесы, безъ разрѣшенія директора, не выдаются. Сочиненія, выходящія выпусками и спеціально-ученые журналы за текущій годъ выдаются тогда только, когда уже переплетены, прочіе же журналы и политическія газеты, не иначе какъ по истеченіи года.

7. Кто изъ желающихъ заниматься чтеніемъ въ библіотекѣ не можетъ самъ придти для записки нужныхъ книгъ, тотъ можетъ прислать на имя дежурнаго записку слѣдующаго содержанія: г-ну дежурному при Императорской публичной библіотекѣ.—Такой-то (означать чинъ или званіе, имя и фамилію) желаетъ завтра быть въ библіотекѣ; ему нужно имѣть такія-то книги (число, мѣсяць и годъ). По сей запискѣ, требуемыя книги будутъ отобраны, и онъ, являсь въ библіотеку, можетъ ими заниматься по произволу.

8. Для занятія чтеніемъ и выписками назначены въ библіотекѣ особенныя двѣ комнаты, одна для чтенія обыкновенныхъ печатныхъ книгъ, а другая для чтенія книгъ первопечатныхъ и вообще всѣхъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость. Кромѣ этихъ двухъ комнатъ, посѣтителю нигдѣ не имѣютъ права заниматься. Выписки изъ книгъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, дѣлать дозволяется читателямъ только обыкновеннымъ или чернымъ карандашомъ, отнюдь не чернилами. Занимающимся чтеніемъ въ библіотекѣ дозволяется имѣть и собственныя, съ собою принесенныя книги, по предъявленіи однако ихъ дежурному, который даетъ знать о томъ сторожу, при входѣ каждаго изъ читателей съ собственною одною или многими книгами.

9. Никто изъ читателей не имѣетъ права входить въ другія залы, кромѣ тѣхъ комнатъ, которыя назначены для чтенія.

10. Если многіе посѣтителю въ одно время будутъ требовать книги, которой одинъ только экземпляръ находится въ библіотекѣ, то оную получаютъ напередъ тотъ, кто имѣетъ въ ней нужду по своему знанію. Такимъ образомъ, въ случаѣ требованія богословскихъ сочиненій, духовныя особы

предпочитаются свѣтскимъ, книгами, до военнаго искусства относящимися, военные чиновники пользуются прежде гражданскихъ; но когда одна книга будетъ требуема въ одинъ день многими лицами одного званія, тогда бібліотекаръ выдаетъ эту книгу тому изъ нихъ, кто первый требоваль.

11. Посѣтители обязаны пользоваться книгами со всевозможною бережливостію. Они не должны загигать листовъ, писать на поляхъ, даже и карандашемъ, марать или портить переплетъ, а тѣмъ болѣе драть и выдирать листы.

12. По прошествіи часовъ, назначенныхъ для чтенія и другихъ ученыхъ занятій, время закрытія бібліотеки будетъ возвѣщаемо звономъ колокольчика, послѣ чего, кромѣ дежурнаго, никто не имѣетъ права оставаться въ бібліотекѣ; тогда каждый посѣтитель долженъ отдать взятую имъ книгу дежурному, который ставитъ оную въ особый, для сего назначенный шкафъ.

13. Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права брать съ собою на домъ книги изъ Императорской публичной бібліотеки.

14. Посѣтитель, замѣченный въ нарушеніи вышеозначенныхъ правилъ, никогда уже не будетъ впускаемъ въ Императорскую публичную бібліотеку.

15. Въ депо манускриптовъ или хранилище рукописей никто, для чтенія оныхъ иначе входа имѣть не можетъ, какъ съ дозволенія директора бібліотеки, къ которому всякій желающій и обращается письменно съ просьбою о дозволеніи. Для занятій рукописями и для выписокъ изъ нихъ Императорская публичная бібліотека открыта ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ дней и іюля мѣсяца съ 10 часовъ утра до 2-хъ по-полудни. Читатели рукописей занимаются въ одной комнатѣ съ читателями рѣдкихъ и дорогихъ книгъ. При выпискахъ изъ рукописей и снимкахъ съ оныхъ (*fac simile*) и съ рисунковъ въ рукописяхъ находящихся, употребленіе чернилъ строго воспрещается, а дозволяется только употребленіе обыкновеннаго или чорнаго карандаша. Однакоже употребленіе красокъ можетъ быть допущено для копировки рисунковъ, но не иначе какъ по

особенному разрѣшенію директора и подъ непрестаннымъ наблюдениемъ дежурнаго. Никто, безъ разрѣшенія директора, не имѣеть права списать и издать въ всѣтъ, какъ исполнѣ какую-либо рукопись, такъ равно части ея, составляющія самостоятельное цѣлое.

16. Посѣтители, получившіе дозволеніе заниматься рукописями, должны обходиться съ ними, при чтеніи или разсматриваніи, крайне осторожно и бережно, а именно: листовъ не загибать и скоро или сильно ихъ не переворачивать, потому что ветхіе изъ нихъ могутъ быть отъ того повреждены; руками по писанному, по рисованному и по позолотѣ не водить и не тереть, на открытую рукописную книгу другой такой-же и вообще ничего не класть, чтобы тѣмъ не повредить письма или рисунковъ въ открытой рукописи. Преступившій сіи правила лишается права заниматься рукописями навсегда. Лица, занимающіяся рукописями, по окончаніи назначеннаго времени для занятій, передають ихъ библіотекарю, завѣдывающему отдѣленіемъ рукописей. Для занятій печатными географическими картами какъ отдѣльно, такъ и при чтеніи книгъ, также для разсматриванія эстамповъ, назначается то-же время и та-же комната, какъ и для занятія рѣдкими печатными книгами и рукописями. Снимка съ географическихъ картъ дозволяется дѣлать только рисовальнымъ или чернымъ карандашомъ на прозрачную бумагу, непропитанную масломъ или другими жирными жидкостями: накладывать-же циркуль на карты запрещается. Копировать гравюры или эстампы посредствомъ наложенія на нихъ прозрачной бумаги (т. е. посредствомъ калькированія) воспрещается, равно какъ и употреблять при томъ чернила и краски. Ненаклеенныя гравюры или эстампы не выдаются.

17. По отъѣвной теплотѣ всѣхъ комнатъ въ библіотекѣ, даже въ самое холодное зимнее время, посѣтители во внутренность оной въ шинеляхъ, плащахъ, салопахъ, шубахъ и бекешахъ впускаемы не будутъ, а могутъ означенная платье оставлять въ сѣнякѣ у сторожа, въ холодныкъ-же оюрту-

сѣхъ входить дозволяется. Непристойно одѣтые особы не могутъ имѣть входа въ библіотеку.

18. Слуги въ ливрахъ во внутренность библіотеки впускаемы не будутъ; пріѣхавшіе съ посѣтителями должны оставаться внизу въ теплыхъ сѣняхъ.

19. Посѣтители не должны входить въ залы со шпагами и палками, а могутъ, оставлять ихъ въ сѣняхъ у сторожа.

20. Дабы занимающіеся чтеніемъ или выписками не могли быть развлекаемы въ ихъ упражненіяхъ, строго запрещаются не только посѣтителямъ, но и служащимъ въ библіотекъ, громкіе разговоры всякаго рода, а тѣмъ болѣе шумъ и непристойности. Сверхъ того посѣтитель, въ подобныхъ поступкахъ замѣченный, никогда впредь въ библіотеку впускать не будетъ, а чиновникъ библіотеки, если доказано будетъ очевидными свидѣтелями, что самъ былъ причиною такого безпорядка, лишается своего мѣста.

21. Статьи сего начертанія, касающіяся правъ и обязанностей посѣтителей, должны быть напечатаны особо на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и для общаго свѣдѣнія прибиты въ залахъ библіотеки, назначенныхъ для чтенія посѣтителей.

22. Всякое пожертвованіе, сдѣланное частными людьми въ пользу Императорской публичной библіотеки, къ ирриращенію хранящихся въ ней сокровищъ, будетъ принято съ отличнымъ уваженіемъ Правительства; имя дарителя, если оно извѣстно, съ Высочайшаго дозволенія, припечатается въ публичныхъ вѣдомостяхъ, и въ самой библіотекѣ написано будетъ на столбахъ, внутренность сего зданія украшающихъ. Сверхъ того, по важности сдѣланнаго пожертвованія, даритель, въ возмездіе за усердіе его къ общей пользѣ, ожидать можетъ и другихъ знаковъ Монаршаго благоволенія.

По представленію г. министра финансовъ, журналомъ комитета гг. министровъ Высочайше утвержденнымъ 4 мая сего года повелѣно: лстертую серебряную монету принимать и обмѣнивать, по маршальской ея цѣнѣ, во всякъ

уездныхъ казначействахъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, со дня полученія о томъ на мѣстахъ предписанія.

Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшихъ вопросовъ о томъ: какимъ порядкомъ производить дѣла о Закавказскихъ уроженцахъ, отыскивающихъ дворянство, по пожалованію предковъ ихъ въ это достоинство русскимъ правительствомъ, Высочайше соизволилъ повелѣть, согласно представленію г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго комитета, дѣла подобнаго рода, согласно общепринятому порядку, вносить въ Герольдію Правительствующаго сената, чрезъ мѣстное дворянское депутатское собраніе, безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ советѣ главнаго управленія Закавказскаго края.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: примѣняясь къ ст. 16, прил. къ ст. 648, том. II св. учр. губ., изданія 1842 года (продол. VI), дозволить кутаисскому военному губернатору, съ утвержденія Намѣстника Кавказскаго, опредѣлять къ себѣ двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, сверхъ состоящихъ при немъ штатныхъ, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ правъ службы, одному старшаго, а другому младшаго чиновниковъ особыхъ порученій, но безъ жалованья.

Государь Императоръ, согласно ходатайству Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, 8 мая сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: выпущеннаго въ 1847 году изъ 1-го кадетскаго корпуса Хорунжимъ въ артиллерію войска донскаго Василія *Кучерова* назначить старшимъ Хорунжимъ, и впредь воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, назначаемыхъ въ донскую артиллерію, въ сравненіе съ сверстниками ихъ, выпускаемыми въ подпоручики арміи, выпускать старшими Хорунжими.

Государь Императоръ, по прочтеніи всеподданнѣйшаго донесенія Орловскаго военнаго губернатора о бывшемъ въ городѣ Орлѣ 26 минуваго мая, пожарѣ, которымъistre-

близко две трети этого города и объ открытіи тамъ шайки зажигателей, Высочайше повелѣть соизволилъ судить сихъ послѣднихъ военнымъ судомъ, а тѣхъ, кои взяты на мѣсть преступленія, осудить въ 24 часа, возстановивъ для сихъ преступниковъ при утверженіи о нихъ приговоровъ дѣйствіе постановленій о зажигателяхъ, въ 1842 году состоявшихся и потомъ въ 1844 году отъзнанныхъ. На будущее же время силу означенныхъ узаконеній 1842 года распространить исключительно на тѣ только случаи, когда будутъ открыты шайки зажигателей.

10 апрѣля сего года Высочайше утверждены уставъ и штатъ Императорскаго Александровскаго Лицея. *

Высочайше утверждены 10 мая сего года: 1., Уставъ и штатъ тифлискаго мусульманскаго училища омарова ученія. Государь Императоръ, при утверженіи сего устава, согласно положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть означенный уставъ привести въ дѣйствіе, сначала въ видѣ опыта, на два года. 2., Составленные и рассмотрѣнные, по особому повелѣнію Его Императорскаго Величества, въ Кавказскомъ комитетѣ, уставъ и штатъ учрежденнаго фамилією *Лазаревыхъ* въ Москвѣ, лазаревскаго института восточныхъ языковъ. **

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Мая 10. Изъ отставныхъ: кол. сов. *Очкинъ* чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. *Назначены:* Управляющимъ московскою палатою госуд. имущ., управляющей тульской палатою стат. сов. *Ренкевичъ*. Испр. должность управляющаго тульской палатою, совѣтникъ московской палаты надв. сов. *Вишневскій*. Состоящимъ въ должности иркутскаго гражд. губернатора, служащей въ вѣдомствѣ почтоваго деп. кол. сов. *Зоринъ*, съ

* Означенный уставъ и штатъ напечатаны при № 45 С. Петербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

** Означенные уставы и штаты напечатаны въ № 80 С. Петербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

произв. въ етатокіе совѣтники. Мая 12. Тайные совѣтники: Директоры канцеляріи министра госуд. имущ. *Тукмачевъ* и 1-го того деп. министерства *Прокоповичъ-Антонокій*, присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Мая 16. Коллеж. совѣтники: Штабъ-докторъ 2-го пѣхотнаго корпуса, *Агафоновъ*, старшимъ помощникомъ генераль-штабъ-доктора дѣйствующей арміи. Ординаторъ варшавскаго военнаго госпиталя, *Россетъ*, старшимъ докторомъ главной квартиры той же арміи. Дивизионный докторъ 2-й пѣхотной дивизіи, *Озерскій*, штабъ-докторомъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Директоромъ канцеляріи министерства госуд. имущ., вице-директоръ деп. сельскаго хозяйства дѣйст. стат. сов. *Холодовскій*. Директоромъ 1-го деп. госуд. имущ., председательствующій въ почетельномъ комитетѣ о поселенцахъ южнаго края Россіи дѣйст. стат. сов. *Ганъ*. Председательствующимъ въ комитетѣ о поселенцахъ южнаго края Россіи, управл. таврической палатою госуд. имущ. дѣств. стат. сов. баронъ *Розень*. Управляющимъ таврической палатою, вологодскій губернской лѣсничій полковникъ *Брадке*. Мая 23. Управляющимъ конторою Императорскихъ московскихъ театровъ, инспекторъ репертуарной части кол. сов. *Верстовскій*. Мая 30. Оберъ-прокурору 1-го отдѣленія 5-го деп. правит. сената дѣйст. стат. совѣт. графу *Толстому*, повельно быть герольдмейстеромъ, а состоящему нынѣ въ сей должности дѣйст. стат. сов. *Замятнину*, членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Іюня 4. Главному попечителю калмыцкаго народа и управляющему астраханскою палатою госуд. имущ., состоящему по кавалеріи генераль-майору *Оленичу-Гнепенко*, повельно быть херсонскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ по кавалеріи.

Увольненіе отъ должности или отъ службы.

Мая 10. *Отъ службы*: Иркутскій гражданскій губернаторъ дѣйст. стат. сов. *Пятницкій*. По управленію государ. коннозаводства оставн. генераль-майоръ *Бахметевъ*, за назначеніемъ его почетнымъ попечителемъ новгородской гимназіи. По *болѣзни*: Членъ комитета госуд. конноз., дѣйст.

стат. сов. *Жуковский*, съ мундиромъ, послѣдней должности присвоеннымъ. Управляющій московскою палатою дѣйст. стат. сов. камергеръ *Левшинъ*. По прошеніямъ: Мая 11. Отъ должности: главнаго доктора обуховской градской больницы и директора состоящей при ней школы для образованія фельдшеровъ, дѣйст. стат. сов. *Майеръ*, съ оставленіемъ дѣйствительнымъ членомъ С. пет. совѣта дѣтскихъ пріютовъ и директоромъ Введенскаго пріюта. Отъ службы: сост. при гусударственномъ канцлерѣ чиновникомъ особыхъ порученій V класса и инспекторъ зданій и служительской команды мин. иностр. дѣлъ. дѣйст. стат. сов. *Орловъ*. Мая 15. Виленскій вице-губернаторъ кол. сов. *Наврозовъ*. Мая 18. Отъ должности: вице-директоръ 2-го деп. по части люстраціи, камергеръ стат. сов. *Рожицкий*, съ назначеніемъ членомъ специальной комиссіи, учрежд. при деп. селѣскаго хозяйства, по дѣламъ объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Мая 19. Отъ службы, по прошенію: Бывшій воронежскимъ вице-губернаторомъ, нынѣ сост. при мин. внутр. дѣлъ, стат. совѣт. *Басовъ*. Мая 22. Отъ должности: Предсѣдателя иркутской палаты стат. сов. *Ларвиновскій*, съ причисленіемъ къ министерству финансовъ.

Дозволеніе именоваться графскимъ титуломъ.

По Высочайше утвержденному 21 апрѣля сего года мнѣнію государственнаго совѣта, послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе, полковнику *Виктору де-Шамборанту*, съ потомствомъ его въ прямой нисходящей линіи, именоваться въ Россіи графами французскаго королевства.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Мая 16. Дѣвица *Варвара Бутурлина*, пожалована во фрейлины къ Е. И. В. Великой княгинѣ *Еленѣ Павловнѣ*.

НАГРАДЫ.

Произведены:

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: Мая 15. Инспекторъ церковныхъ построекъ въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній *Половцовъ*, управляющіе палатами государ. имущ.: таврическою баронъ *Розенъ* и вятскою *Игнатъевъ*. Мая 22. Завѣдывающій учебнымъ отдѣленіемъ восточныхъ языковъ *Демезовъ* и орлярарный профессоръ *Мирза Джафаръ-Топчибашевъ*. Мая 25. Тифлискій вице-губернаторъ *Беръ*.

Въ статскіе совѣтники.

Изъ кол. совѣтниковъ: *За отличіе*, мая 10. Управляющій починковскимъ округомъ госуд. конноз. *Книперъ*. Мая 15. По вѣдом. мнн. госуд. имущ. инспекторъ 3-й люстраціонной инспекціи *Пицалло*, управляющій подольскою палатою *Абаза* и помощникъ начальника комиссіи уравниенія денежныхъ сборовъ съ госуд. крестьянъ *Зальскій*. Мая 22. Шлиссельбургскій уездный предводитель дворянства полковникъ *Чоголковъ*. *За выслугу лѣтъ*: Апрѣля 20. Совѣта главнаго управ. путей сообщенія и публичныхъ зданій правитель дѣлъ *Ивановскій*. Мая 6. Испр. должн. директора закавказскихъ училищъ инспекторъ тифлиской гимназій *Росковшенко*. Мая 11. Собственной Е. И. В. Канцелярій V отд. производитель дѣлъ *Бураковъ*. Директоръ дома убогихъ въ С. Петербургѣ, по вѣд. Императорскаго человеколюбиваго общества, *Щуденниковъ*. Мая 12. Оберъ контролеры: деп. военныхъ отчетовъ *Посниковъ* и ревизионнаго комитета по черноморскому интендантству *Лобода*. Мая 25. Житомирскій губернскій почтмейстеръ *Шаржинскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. равноапостольнаго князя владимира 1-й степени.

Мая 12. Верховный патріархъ эчмиадзинскій, каталикось всѣхъ Армянъ, *Нерсесъ*.

БЛАГО ОРЛА.

Мая 2. Начальник штаба войска Донскаго, генераль-лейтенантъ *Хомутовъ*.

Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени.

Апрѣля 29. Генераль-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, генераль-лейтенантъ *Фрейтагъ 1-й*.

Св. Анны 1-й степени.

Мая 16. Генеральнаго штаба генераль-маіоръ, начальникъ военной съемки Могилевской губерніи, *Фитинковъ 1-й*. Мая 31. Вице-директоръ д-та госуд. казн. дѣйст. стат. сов. *Северинковъ*.

Св. Станислава 1-й степени.

Мая 1. Дѣйст. стат. сов. главный докторъ С. Петербургскаго воспитательнаго дома, *Депль*. Дѣйст. стат. сов., Вице-директоръ департ. сельскаго хозяйства, *Холодовскій*. Мая 4. Дѣйст. стат. совѣтн., директоръ канцеляріи председателя комитета государственнаго коннозаводства *Калашниковъ*. Мая 7. Дѣйст. стат. сов. Почтъ-инспекторъ 1-го округа *Фонъ-Дрейлингъ*. Мая 8. Генераль-маіоръ, окружный генералъ перваго военнаго округа войска донскаго, *Орловъ*. Мая 18. Дѣйст. стат. сов. *Брюнетъ*. Мая 22. Дѣйст. стат. сов., засѣдающій въ общемъ присутствіи артиллерійскаго деп. военнаго министерства *Захаринъ*.

Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени.

Апрѣля 5. Старшій чиновникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, дѣйст. стат. совѣт. *Михаилъ Поповъ*. Апрѣля 6. Дѣлопроизводитель 1-й экспедиціи инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства кол. совѣт. *Суворовъ*. Апрѣля 7. Командиръ 2-й бригады 1-й флотской дивизіи, контръ-адмиралъ *Колубакинъ*, генераль-маіоры, члены общихъ присутствій департаментовъ морскаго министерства: комиссаріатскаго *Бурнашевъ* и *Коростовецъ* и артиллерійскаго *Балашовъ*. Апрѣ-

ля 8. Управляющій канцелярією С.—Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, дѣйст. стат. совѣт. *Ждановъ*.
 Апрѣля 10. Начальникъ отдѣленія кабинета Его Императорскаго Величества стат. совѣт. *Антоновъ*.
 Апрѣля 11. Начальникъ флотиліи округовъ вахатныхъ солдатъ Новгородскаго и старорусскаго удѣловъ, состоящій по флоту генераль-маіоръ *Измайловъ*.
 Старшіе чиновники канцеляріи статсъ-секретаріата царства польскаго, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Свидерскій-Ностюковскій* и *Госцимскій*, и чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарь, кол. совѣт. *Политковскій*.
 Помощникъ директора института корпуса горныхъ инженеровъ полковникъ *Сивербрикъ*.
 Завѣдывающій малолѣтнимъ отдѣленіемъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса полковникъ *Черкезь*.
 —Апрѣля 9. Старшій цензоръ С. Петербургскаго почтамта стат. сов. *Ульрихсъ*.
 Апрѣля 11. Инженеръ генераль-маіоръ директоръ строительнаго училища главнаго управленія *Баронъ Притвицъ*. и Членъ совѣта сего же управленія *Эспехо*.
 Начальникъ 6 округа корпуса жандармовъ, *Черкесовъ*, Начальникъ 8 округа того же корпуса, *Влахопуловъ* и состоящій для особыхъ порученій при шефѣ жандармовъ, числящійся по кавалеріи *Ахвердовъ* и помощникъ командира С.—Петербургскаго инженернаго округа, полевой инженеръ полковникъ *Ласковскій*.
 Консультантъ хирургической клиники Императорской С.—петербургской медико-хирургической академіи, заслуженный профессоръ стат. совѣт. *Саломонъ*.
 Полковники состоящіе по арміи, Управляющій Кременчугскою провіантскою комиссією *Калустровъ*, состоящій по особымъ порученіямъ при генераль-провіантмейстерѣ завѣдывающій С.—петербургскими провіантскими магазинами *Наумовъ*, завѣдывающій Новгородскимъ военнымъ госпиталемъ, дежурный штабъ-офицеръ гренадерскаго корпуса, состоящій по артиллеріи, *Фоминъ*, и состоящій при департаментѣ военныхъ поселеній, корпуса инженеровъ военныхъ поселеній *Иваницкій*.
 Члены общихъ присутствій департаментовъ военнаго министерства: провіантскаго, статскій совѣтникъ двора Его Императорскаго Величества въ звѣ-

ніи камергера, *Свистуновъ* и Инженернаго, инженеръ полковникъ *Набаловъ*. Начальникъ архива инспекторскаго департамента военнаго министерства, статскій совѣтникъ *Румянцовъ*. Таубовскій губернскаго предводитель дворянства, штабсъ-капитанъ князь *Гагаринъ*. Мая 4. Членъ комитета государственнаго коннозаводства въ должн. шталмейстера дѣйст. стат. сов. *Юшковъ*.—Мая 18. По вѣдомству оберъ-священника гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ преобразованскаго всей гвардіи собора протоіерей *Василій Сицилинскій*. Кіевософійскаго кафедральнаго собора протоіерей *Каллистратъ Соколовскій*. Святотроицкія Акександроновскія лавры намѣстникъ, архимандритъ *Веніаминъ*. С. пет. казанскаго собора протоіерей Тимоѳей *Никольскій*. Московскаго большаго усненскаго собора протопресвитеръ *Василій Платоновъ*. Псковской духовной семинаріи Ректоръ, архимандритъ *Антоній*.

Св. князя *Владимира* 4-й степени съ бантомъ.

Марта. 31. Кавказскаго сапернаго баталіона подполковникъ *Эгеръ*, Навагинскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Артемовъ* 2-й, 1-го Сунженскаго линейнаго полка Есаулъ *Прокоровъ* и сотникъ *Старицкій* 2-й.

Того же ордена и степени безъ банта.

Марта 29. Ординарный профессоръ физиологіи и деканъ медицинскаго факультета при дерптскомъ университетѣ, стат. совѣт. *Биддеръ*. Апрѣля 11. Членъ С.—петербургскаго биржеваго комитета, коммерціи совѣтникъ *Николай Харичковъ*, съ тѣми по сему ордену правами какія принадлежатъ лицамъ купеческаго званія. Апрѣля 11. Корпуса жандармовъ: полковникъ *Исуповъ*, Состоящій при 1-мъ отдѣленіи департамента генеральнаго штаба, генеральнаго штаба капитанъ *Баумгартенъ* 2-й. Главный тайша 27-ми родовъ Балаганскихъ бурятъ 14-го класса *Алексій Андреевъ*. Апрѣля 20. Ординарный профессоръ астрономіи при дерптскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ *Медлеръ*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ.

Золотою, съ надписью «за усердіе,» для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ: Іюня 2. Агентъ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ почетн. граждан. Василій *Чернышевъ*.
 Мая 21. Золотыми, для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ: Пятигорскій 1-й гильдіи купецъ *Крутицкій*. Шуминскій гражданинъ Амираджанъ *Испандіаровъ*. Іюня 2. Казначей яузскаго отдѣленія попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Режизовъ*. Почетный старшина красноярскаго дѣтскаго пріюта, 1-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ *Рязановъ*. Исполняющій обязанность помощника архитектора при С. петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ, иностранецъ Луиджи *Борсари*.

=

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Въ предъидущемъ номеръ Сына Отечества мы сказали уже о несогласіи, возникшемъ между англійскимъ и испанскимъ кабинетами, въ слѣдствіе вмѣшательства Англіи въ дѣла Испаніи, и подавшемъ поводъ къ удаленію изъ Мадрита представителя британскаго правительства при мадритскомъ дворѣ, г. *Бульвера*, и затѣмъ къ удаленію испанскаго посланника, г. *Истуриса*, изъ Лондона. Переписка, происходившая по этому случаю между обоими правительствами, по настоящему требованію нѣкоторыхъ членовъ парламента, была представлена нижней палатѣ. Послѣдовавшія по этому случаю разсужденія были особенно замѣчательны въ засѣданіи нижней палаты 5 іюня. Г. *Бенксъ*, чтобы нападеніемъ торіевъ на лорда *Пальмерстона* придать болѣе силы, предложилъ, что изъ представленной корреспонденціи палата съ сожалѣніемъ видитъ въ какое упозительное положеніе поставило вмѣшательство въ иностранныя дѣла и британское правительство и представителя его при мадритскомъ дворѣ и что теперь надобно опасаться прекращенія дружественныхъ отношеній между обоими дворами. Г. *Шиль* краснорѣчиво защищалъ министра иностранныхъ дѣлъ. Съ большимъ жаромъ указалъ онъ на справедливость, право, искусство и честь Англіи въ этомъ дѣлѣ и что Англія, помогшая королевы Изабеллы вступить на испанскій престолъ, конечно, можетъ заботиться о томъ, исполняетъ ли правительство королевы тѣ условія, при которыхъ только королева можетъ удержаться на своемъ тронѣ. Онъ указалъ при этомъ

на подобную же политику прежняго англійскаго министра лорда *Абердина*. За тѣмъ многіе ораторы говорили въ пользу министра. Лордъ *Джонъ Россель* замѣтилъ при этомъ, что и испанское правительство вмѣшивалось недавно въ дѣла Неаполя. Онъ и все министерство приняли на себя ответственность за всѣ поступки сэра г. *Бульвера*. Г. *Д'Израели* жаловался, что Испанія не предложила еще до-сихъ-поръ ни какого удовлетворенія за оскорбленіе. Онъ хвалилъ поступки г. *Бульвера*, чтобы хоть этимъ дать просторъ своей непріязни къ лорду *Пальмерстону*, и унизить его политику. Сэръ *Робертъ Пилъ* явился на помощь министрамъ и говорилъ противъ предложенія г. *Банкса*, не одобряя однакожъ тона сношеній, употребленнаго лордомъ *Пальмерстономъ*. Съ столь гордою націею, какова испанская, такой языкъ не возможенъ. Лордъ *Пальмерстонъ*, съ свойственною ему остроотою, защищалъ друга своего г. *Бульвера* отъ всѣхъ обвиненій и заключилъ тѣмъ, что ожидаетъ окончательныхъ съ обвѣхъ сторонъ объясненій и надѣется представить ихъ палатѣ прежде, нежели будетъ составлено рѣшеніе. За тѣмъ предложеніе г. *Банкса* было устранено безъ балотировки.

Въ томъ же засѣданіи, г. *Мюльцъ* обратилъ вниманіе палаты на дѣла Италіи и спросилъ, дѣйствительно ли англійскій посланникъ въ Неаполь одобрялъ, какъ утверждаютъ, бывшее тамъ недавно кровопролитіе и вообще вмѣшивается ли Англія въ италіянскія дѣла въ пользу Австріи. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что эти слухи ложны; британское правительство хотя и участвовало въ вѣнскомъ договорѣ, установившемъ отношенія и предѣлы италіянскихъ государствъ, но оно не связано этимъ договоромъ такъ, чтобы должно было при настоящихъ обстоятельствахъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи (одобреніе). Что касается до происшествій въ Неаполѣ, то министръ обѣщалъ представить донесеніе посланника, изъ котораго видно, что Англія не принимала участія въ бывшихъ въ Неаполѣ происшествіяхъ. — За тѣмъ г. *Уркуартъ* спросилъ, одна ли Англія, или вмѣстѣ съ другими державами ведетъ посредничество въ датско-германской войнѣ? Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что при

настоящихъ переговорахъ между Данією и Пруссією онъ ничего болѣе не можетъ сказать, какъ только то, что Англія приняла въ этомъ дѣлѣ посредничество одна. Касательно англійской политики въ отношеніи къ Даніи, мы находимъ болѣе подробныя и интересныя разсужденія въ газетѣ Times:

«Мы почли бы себя счастливыми, если бѣ узнали, что надежда на примиреніе Даніи съ Германскимъ союзомъ, вскоре исполнится. Лордъ *Пальмерстонъ* не разъ доказывалъ свою энергію, но это было бы пятномъ на англійской дипломатіи, если бѣ рѣшительный тонъ употребляли только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше право вмѣшательства подлежитъ сомнѣнію, въ отношеніи къ державамъ, слишкомъ слабымъ, чтобы намъ противиться, и если бѣ онъ становился робкимъ, когда дѣло идетъ о явномъ нарушеніи трактатовъ, я мы не рѣшились бы оказать Даніи пособіе, къ которому обязываютъ насъ договоры. Мы не станемъ заранѣе судить о свойствѣ и обширности усилій, которыя сдѣлаетъ британское правительство; но, мы убѣждены, парламентъ в Англія надеются, что эти усилія будутъ вполне соответствовать ожиданію нашихъ сѣверныхъ союзниковъ, нашимъ выгодамъ и нашимъ обязательствамъ. Положеніе болѣе рѣшительное со стороны Англіи могло бы предупредить непріязненные дѣйствія Пруссіи; но какъ война уже вспыхнула, то теперь надобно облегчить Германцамъ средства, отступить безъ вреда для чести. И теперь время приступить къ этому, если не хотять, чтобы война приняла болѣе серьезный характеръ, потому-что, очевидно, сѣверныя державы не позволяютъ подавить Данію изъ уваженія къ крикамъ германской революціонерной партіи.

«Россійскій Императоръ повелѣлъ своимъ представителямъ въ чужихъ краяхъ объявить, что «занятіе Пруссаками Ютландіи Онъ будетъ считать *causus belli* (поводомъ къ войнѣ), и будетъ защищать датскаго короля всѣми своими силами, сухопутными и морскими». Въ Швеции и Норвегии нападеніе Пруссаковъ на Данію также возбудило общее негодованіе, и король шведскій рѣшился помочь Даніи. Надеемся, что

британское правительство не предоставило другимъ державамъ пещись о поддержаніи началъ, обеспечивающихъ безопасность нашей торговли въ Балтійскомъ морѣ и изложенныхъ въ договорахъ нашихъ съ Даніею. Для Англии важнѣе, чѣмъ для всякой другой страны, упрочить Даніи ея независимость и сохраненіе всѣхъ ея провинцій, равно какъ и всѣхъ морскихъ правъ. Нельзя допустить, чтобы король датскій принужденъ былъ купить миръ уступками безпорядочному либерализму другой державы, и если бы подобныя уступки были вырваны у него насиліемъ, то безчестіе этого падеть въ особенности на союзниковъ, которые измѣнили ему въ минуту опасности.

«Ничто не можетъ быть дальше отъ идей и выгодъ европейскихъ державъ, не подверженнаго политическимъ потрясеніямъ, какъ вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя другія государства почтутъ нужнымъ предпринять; однакожъ очень естественно, что мы должны питать болѣе уваженія и болѣе довѣренности къ тѣмъ правительствамъ, которыя умѣли охранить свою власть, чѣмъ къ тѣмъ, которые пустились на опасное поприще, не имѣя другаго руководства, кромѣ надменной воли черни. Поэтому Россійскій Императоръ, въ послѣдніе три мѣсяца, еще болѣе пріобрѣлъ уваженіе охранительной партіи во всей Европѣ. Невозможно принять положеніе болѣе твердое, болѣе достойное, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе умѣренное и примирительное. Онъ не изъявилъ ни малѣйшаго желанія раздражать или атаковать эфемерныя правительства, порожденныя революціонною бурей. Онъ не выказалъ ни малѣйшаго желанія воспользоваться потрясеніемъ всей Европы, чтобы осуществить намѣренія, которыя всегда приписывали честолюбивой политикѣ Россіи. Въ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ отъ Его имени, замѣтно, что Онъ не боится войны, но и не желаетъ ея, и что мнѣнія Его объ обязанностяхъ, возлагаемыхъ трактатами, не измѣнились. Между тѣмъ какъ Франція, Германія, Италія, борются съ затрудненіями и переворотами, не худо припомнить, что континентальныя и морскіе интересы

Англіи совершенно согласны съ интересами Сѣвера Европы. Дѣла еще не въ такомъ положеніи, чтобы налагали на нашихъ министровъ обязанность заключить отдѣльный континентальный союзъ, но если бѣ наступила минута, когда подобный союзъ сдѣлался бы необходимымъ для сохраненія мира или для защиты великихъ общественныхъ выгодъ, то надежнѣйшими нашими друзьями будутъ сѣверныя морскія державы. Политическое соглашеніе между Англіею, Россіею, Швеціею, Даніею, Голландіею и Бельгіею было бы лучшимъ обезпеченіемъ правъ и независимости этихъ государствъ. По стеченію обстоятельствъ, Данія первая изъ всѣхъ правильно устроенныхъ государствъ въ Европѣ, подверглась нападенію иностранной арміи, и мужество, выказываемое ею въ этой борьбѣ, вѣроятно, послужитъ къ тѣснѣйшему соединенію державъ, которыя имѣютъ одинаковое съ нею положеніе и одинаковыя выгоды».

Въ засѣданіи 20 іюня, г. Юмъ предложилъ планъ парламентской реформы: «Нижняя палата, по его словамъ, въ настоящемъ своемъ устройствѣ не есть надлежащее представительство народонаселенія, собственности и промышленности государства, что производитъ въ умахъ многихъ сильное и постоянно возрастающее неудовольствіе; въ слѣдствіе того, для улучшенія національнаго представительства, необходимо предоставить всѣмъ главамъ семействъ свободу выборовъ, посредствомъ тайной баллотировки, ограничить эти избранія трехлѣтнимъ срокомъ, и установить болѣе правильное отношеніе числа депутатовъ къ числу народонаселенія». Это предложеніе, поддерживаемое гг. *Бурниномъ* и *Фоксомъ* и опровергаемое *Друммондомъ*, лордомъ *Джономъ Росселемъ* и *М. д'Израели*, было отложено на неопредѣленное время.

— Хартисты еще не совсѣмъ унялись. Но ирры, принятыя правительствомъ, ручаются за спокойствіе столицы. Такъ, напримѣръ, хартисты затѣяли-было большую демонстрацію 12 іюня; но еще 10 іюня правительство объявило по всему городу, что собранія хартистовъ и ирландскихъ репилеровъ запрещены. Въ воскресенье усилили ирры безопасности; многія публичныя зданія и домъ парламента были заняты

войсками, вывезены пушки и пароходы вооружены. Тысячи граждан опять записывались въ констебли. Противъ такихъ мѣръ хартисты ничего не могли предпринять. Центральный уголовный судъ приговорилъ большую часть мѣщъ, задержанныхъ при сходбищахъ хартистовъ, къ заключенію въ тюрьму отъ девяти мѣсяцевъ до года, и къ каторжной работѣ. Пятеро зачинщиковъ *Уилльямсъ*, *Фузель*, *Джонсъ*, *Шертъ* и *Вернонь*, въ ожиданіи суда, отданы на поруки.

Ирландія.

Митчель, предводитель такъ называемой Юной Ирландіи, приговоренъ къ 14-ти лѣтней ссылке въ Ботани-Бей, въ Австраліи. Онъ былъ закованъ въ цѣпи и съ выбритой головою отправленъ въ Спэйнъ-Эйландъ-Коркъ. Не смотря на требованіе клуба, народъ не сдѣлалъ никакой демонстраціи въ пользу осужденаго. Спэйнъ-Эйландъ есть тюрьма близъ Кова, въ которой содержатся преступники, приговоренные къ ссылке на семь лѣтъ. Они занимаются тамъ разбиваніемъ камней. Этотъ строгій судъ надъ *Митчелемъ* совершенно разстроилъ такъ называемую ирландскую конфедерацію, которая хотѣла дѣйствовать вооруженною силой. Репильный союзъ, основанный *Даниломъ О'Коннелемъ*, находится въ плохомъ положеніи. Добровольцыя пожертвованія, которыми онъ содержался, прекратились, и *Джонъ О'Коннель* лишился своего вліянія на общественное мнѣніе, почему въ послѣднемъ собраніи въ Conciliation-Hall онъ самъ предложилъ распустить это общество, чтобы впослѣдствіи преобразовать его на новыхъ основаніяхъ.

Франція.

Національное собраніе, въ Парижѣ, продолжаетъ свои засѣданія безостановочно; по принятому порядку, члены собранія и сходятся и расходятся въ определенное время; по принятому же порядку, одни изъ членовъ представляютъ предложенія и проекты законовъ, а другіе размышляютъ и разсуждаютъ объ этихъ проектахъ. Все хлопочутъ, суетятся;

всѣ стремятся къ чему-то. Но къ чему стремятся, и какія мѣры принимаютъ къ достиженію предположенной цели? Вотъ вопросъ, который рѣшается только фактами. Но прежде, чѣмъ обратимся къ этимъ фактамъ, приведемъ сужденія самихъ Французовъ о дѣйствіяхъ современнаго правительства.

Всѣ журналы горько жалуются на беспорядочность дѣйствій національнаго собранія, на шумъ, происходящій въ засѣданіяхъ, на огромную потерю времени, причиняемую длинными спорами о предметахъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго вниманія и страстію новыхъ депутатовъ выказываться, страстію, которая побуждаетъ ихъ непрерывно дѣлать новыя предложенія, большею частію самыя пустыя. Такъ было въ первыя засѣданія, такъ еще и теперь. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ газета la Presse: «Засѣданія національнаго собранія обыкновенно начинаются неблаготворнымъ дождемъ предложеній. Между всеми этими предложеніями, попадаются, конечно, и полезныя; но много и такихъ, которыя не соответствуютъ важности мѣста, гдѣ дѣлаются. Напримѣръ, одинъ почтенный членъ входитъ на каедрю, чтобы повѣрить палатѣ, Франціи, Европѣ, всему свѣту, что совѣсть его возмущается противъ рюмокъ ликера, стакановъ лимонада и чашекъ бульона, которыя онъ выпилъ на счетъ республики. Почему онъ и предлагаетъ, по видамъ государственной экономіи, уничтожить буфетъ, существующій въ собраніи или по-крайней-мѣрѣ заставить представителей платить за то, что они тамъ съѣдаютъ или выпьютъ. Неужели же этотъ желудочный пуританизмъ не могъ высказаться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не на каедрѣ? И надобно было посмотреть, съ какимъ чувствомъ, съ какимъ глубоко-разтроганнымъ видомъ, почтенный ораторъ убѣждалъ своихъ почтенныхъ товарищей принести эту послѣднюю жертву на алтарь отечества! Впрочемъ, собраніе рѣшительно расположено въ пользу буфета, дароваго буфета, и это монархическое злоупотребленіе долго еще будетъ сопротивляться республиканскимъ преобразованіямъ. Другой членъ требовалъ, чтобы исполнительная коммиссія

представила подробный отчет и съ приложеніемъ документовъ, о расходахъ и приходахъ во сто-двадцать-семь дней владычества временнаго правительства. Но, видно, правительство на это ухо, глухо: этихъ документовъ отъ него уже давно требуютъ. Надобно однакожь надѣяться, что рано или поздно оно съ ними разстанется. Не худо поразсмотреть, дорого ли стѣять дешевыя правительства и давнишнее республиканское безкорыстіе.»

О собраніи 29 мая, въ журналѣ аббата *де-Ламнѣ*, *le Peuple Constituant*, находятся слѣдующія строки:

«Вотъ всходитъ на кафедру г. *Крембѣ*, министръ юстиціи, г. *Крембѣ*, отъ имени исполнительной комиссіи предлагаетъ національному собранію возстановить разводъ. По всей залѣ раздается крикъ удивленія. Этого уже, конечно, никто не ожидалъ. Неужели этотъ законъ составляетъ такую неотлагательную потребность? Кто же его требовалъ? Мы думаемъ, что исполнительная комиссія могла бы представить прежде этого многіе другіе проэктъ законовъ, касающіеся до интересовъ и страданій болѣе существенныхъ. Подобныя законы, связанныя съ основными началами общественной нравственности, требуютъ, кажется, болѣе продолжительныхъ разсужденій. Прежде чѣмъ ниспровергать эти начала, не худо бы знать куда пускаешься».

Этотъ законъ встрѣтилъ однако сильное сопротивленіе въ отдѣленіяхъ національнаго собранія. Г. *Дюпенъ* и епископъ орлеанскій объявили себя рѣшительно противъ развода; то же мнѣніе раздѣлялъ и *Викторъ Консидеранъ*, который между тѣмъ считается коммунистомъ; но за то въ пользу развода возстали нѣкоторыя женщины. Большинство комиссіи, занимавшейся проэктъ закона о возобновленіи развода, объявило себя противъ этого проэкта, представленіе котораго она считаетъ не своевременнымъ.

31 мая, поступило въ національное собраніе предложеніе генераль-прокурора, г. *Порталиса*, о разрѣшеніи отдать подъ судъ г. *Луи-Блана*. Президентъ собранія прочелъ обвиненіе противъ *Луи-Блана*, изложенное въ отношеніи генераль-прокурора. Въ отношеніи было сказано, что слѣдствіе

по преступленію 15 мая, показанія свидѣтелей, документы и отзывы самаго Луи-Блана подають важныя причины полагать, что онъ принималъ участіе въ смутахъ, тревожившихъ національное собраніе, что онъ два раза говорилъ съ народомъ, ворвавшимся въ собраніе, въ слѣдствіе чего и былъ внесенъ въ триумфъ въ залу собранія; что въ самомъ собраніи онъ сказалъ мятежникамъ: «Поздравляю васъ; вы снова завоевали право лично подавать ваши прошенія палатѣ; теперь у васъ никто его уже не отниметъ»; а изъ всего этого явствуетъ участіе Луи-Блана въ покушеніи, учиненномъ противъ собранія 15 мая, что и подходитъ подъ 87 статью уголовного кодекса, о преступленіяхъ, имѣющихъ цѣлю низпровергнуть или измѣнить правленіе. Луи-Бланъ взбѣжалъ на кафедру и объявилъ, что обвиненіе совершенно справедливо, за исключеніемъ только одного пункта.—«Казните меня смертію!» вскричалъ онъ въ заключеніе. Ему отвѣчали со всѣхъ сторонъ, что смертная казнь за политическія преступленія отменена. «Позвольте, подождите, отвѣчалъ Луи-Бланъ, не вы, не мы, обвиненные, возстановимъ ее; но сила вещей, обстоятельства заставятъ снова воздвигнуть эшафоты». На слѣдующій день, г. Жюль-Фавръ, отъ имени комиссіи представилъ докладъ о требуемомъ уполномоченіи отдать Луи-Блана, подъ судъ. Въ засѣданіи 3 іюня, президентъ Бюше объявилъ, что многіе члены предлагаютъ рѣшить судьбу Луи-Блана безъ всякихъ преній. Это предложеніе возбудило сильный ропотъ, и пренія были начаты. Гг. Маттіасъ, Лараби, Бакъ и другіе сильно противились разрѣшенію отдать его подъ судъ, большею частію потому, что видѣли въ этомъ опасный примѣръ, который можетъ повести къ тому, что большинство будетъ угнѣтать меньшее число. Г. Жюль-Фавръ защищалъ докладъ комиссіи, разсматривавшей это дѣло. Наконецъ приступлено было къ собиранію голосовъ и результатъ оказался слѣдующій: число всѣхъ голосовъ 706; въ пользу предложенія комиссіи 337, противъ него 369. Такимъ образомъ предложеніе разрѣшить отдачу Луи-Блана подъ судъ отвергнуто большинствомъ 32 голосовъ.

При рѣшеніи дѣла *Луи-Блана* многіе министры подали голосъ въ пользу предложенія комиссіи, которая полагала разрѣшить генераль-прокурору преслѣдовать его судомъ за участіе въ дѣлѣ 15 мая. Почти все журналы, за исключеніемъ радикальныхъ, сильно возстаютъ противъ этого. «Возможно-ли безъ стыда, безъ негодованія присутствовать при зрѣищѣ, которое представляютъ намъ люди, облеченные званіемъ министровъ! говоритъ *Journal des Débats*. Мы не предполагаемъ, невозможно предполагать, чтобы генераль-прокуроръ и прокуроръ республики рѣшились на дѣло столь важное безъ вѣдома, безъ согласія правительства и министра юстиціи. Какъ же министры и, первый, министр юстиціи подали голосъ противъ предложенія, сдѣланнаго съ ихъ разрѣшенія, по ихъ приказанію? Какое прекрасное, назидательное зрѣище: министр юстиціи вождаетъ голосъ въ собраніи противъ генераль-прокурора республики! Г. *Кремьё* и его товарищи, вѣроятно, уже прежде знали въ чемъ дѣло: на нихъ характеръ, который эти пренія приняла въ собраніи, не могъ подѣйствовать; пренія не могли сообщить имъ свѣдѣнія, которыхъ бы они не имѣли прежде, не могли просвѣтить ихъ. Изъ всѣхъ министровъ только одинъ подалъ голосъ въ пользу предложенія комиссіи. Этотъ одинъ былъ г. *Бастидъ* (министръ иностранныхъ дѣлъ). Такое положеніе невыносимо. Подобное правительственное безначаліе, слишкомъ продолжительное, унижить власть и уничтожить все нравственныя понятія въ народѣ. Конечно, остается еще одно утѣшеніе: сказать, что это не правительство. Правда; но оно очень прискорбно». На другой день министр юстиціи г. *Кремьё* подалъ въ отставку. На мѣсто г. *Кремьё*, министромъ юстиціи назначенъ, 8 іюня, г. *Бетмонъ*.

Въ засѣданіи 5 іюня происходили выборы президента, вице-президентовъ и секретарей собранія, которые избираются только на одинъ мѣсяць. Въ президенты избранъ г. *Сенаръ*, въ вице-президенты гг. *Бетмонъ*, *Маррасть*, *Корбонъ*, *Кормененъ*, *Августъ Порталисъ* и *Лакроссъ*; въ секретари гг. *Эдмонъ Лафайеттъ*, *Ландренъ* и *Бераръ*.

7 июня, парижский меръ *Арманъ Маррасть*, съ обыкновенною церемонією, провозгласилъ, на площади передъ ратушею, имена вновь избранныхъ членовъ національнаго собранія. Въ представители избраны: гг. *Коссидьеръ*, *Море*, *Гудшо*, (бывшій министръ финансовъ) *Пьеръ Леру* (который теперь водъ стражей, по дѣлу 15 мая), *Шангартье* (известный генераль алжирскій генераль-губернаторъ) *Тьеръ* (въ пользу его подано 71,287 голосовъ) *Ирудонъ* (коммунистъ), *Викторъ Гюю*, *Людовикъ Бонапарте* (84,420 гол.), *Лагранжъ*, *Горе*, *Боассель*. До самаго вечера, въ городѣ не было ни малѣйшаго волненія. Зрители, собравшіеся передъ ратушею, были большею частію члены разныхъ клубовъ и притомъ самыхъ восторженныхъ; но они разошлись однакожъ спокойно. Къ ночи образовались въ разныхъ мѣстахъ сходбища. Часовъ въ десять нѣсколько колоннъ, правильно устроенныхъ, вышли изъ предмѣстій и отправились къ дому, занимаемому г. *Тьеромъ*, крича: *Долой Тьера!* Они окружили его жилище и съ тѣми криками перелезли черезъ рѣшетку сада. Къ счастью, подоспѣла національная гвардія и выгнала ихъ. Часовъ въ одиннадцать спокойствіе было возобновлено. Но вооруженные отряды національной гвардіи всю ночь разхаживали по всѣмъ окрестнымъ улицамъ.

Последніе выборы возбудили въ Парижѣ всеобщее удивленіе. Никто не можетъ постичь какое значеніе имѣютъ подобныя сближенія: коммунистъ *Пьеръ-Леру* подлѣ *Тьера*, предводителя лѣваго центра въ прежней палатѣ депутатовъ, челоуѣка, котораго *Людовикъ-Филиппъ* назначилъ президентомъ совѣта, за нѣсколько минутъ до своего отреченія отъ престола, и рядомъ съ нимъ *Людовикъ Бонапарте*, претендентъ на французскій престолъ, сдѣлавшій некогда высадку въ Булони и сидѣвшій за это нѣсколько лѣтъ въ Гамской крѣпости, который уже послѣ февральской революціи, два раза былъ высланъ изъ Парижа, какъ челоуѣкъ опасный! Чтѣ такое въ особенности этотъ послѣдній выборъ? Проявленіе бонапартистскихъ мнѣній? Протестъ противъ декретовъ объ изгнаніи царствовавшихъ династій?

или просто реакція идей порядка и власти, прѣтивъ безначалія, которое губить Францію? Но социалисты *Пьеръ-Леру* и *Прудонъ*, люди, стремящіеся къ совершенному низпроверженію нынѣшняго порядка вещей въ обществѣ, то же избраны. Недѣль шесть назадъ, не болѣе, половина Парижа кричала: *долой коммунизмъ!* а теперь двухъ коммунистовъ выбираютъ въ представители. Наконецъ, при всѣхъ этихъ несообразностяхъ большинство новыхъ депутатовъ все таки принадлежитъ къ умѣренной партіи, потому-что вмѣстѣ съ *Людвикомъ Бонапарте*, *Пьеромъ Леру* и *Прудономъ*, избраны *Шангарнье*, *Тьеръ*, *Морбъ*, *Гудшо*, *Боассель*, *Викторъ Гюго*. Какъ-же все это согласить? «Намъ кажется, говоритъ *Journal des Débats*, что напрасно ищутъ опредѣленнаго смысла въ томъ, въ чемъ его совсѣмъ нѣтъ, и что несообразности списка новыхъ парижскихъ депутатовъ объясняется очень просто: *половина избирателей не потрудились принять участіе въ выборахъ; небрежность непрощительная!* Непостижимо какъ люди, которые, вѣроятно, любятъ свое отечество, люди, изъ коихъ каждый имѣетъ мнѣнія, интересы, которые ему надобно защищать, не потрудились удѣлить нѣсколько минутъ времени на то, чтобы положить свой списокъ въ избирательную урну. Вотъ почему всеобщее право избирательства бываетъ часто не что иное, какъ ложь. Меньшія партіи могли дѣйствовать свободно.»

Особенно избраніе *Людвика Бонапарте* послужило поводомъ къ шумнымъ совѣщаніямъ собранія, равно какъ и къ нарушенію общественнаго порядка въ Парижѣ. Толпы народа тѣснились, 12 и въ слѣдующіе дни, на улицахъ и бульварахъ, и кругомъ собранія, въ ожиданіи прибытія *Людвика Бонапарте*. Во время засѣданія 12 іюня, разнесся слухъ о бунтѣ въ пользу *Людвика Бонапарте*. *Г. Ламартинъ* предложилъ собранію принять декретъ объ изгнаніи *Людвика Бонапарте*. На другой день, *г. Жюль-Фавръ* представилъ докладъ отдѣленія, которое разсматривало избраніе *Людвика Наполеона Бонапарте* и предложилъ признать его представителемъ. (*Сильное волненіе.*) *Г. Буше* сказалъ, что онъ былъ въ тотъ же отдѣленіи, которое раз-

считавало это избраніе, но не согласенъ съ мнѣніемъ большинства, утвердившаго докладъ; что, если даже Людовикъ Бонапарте ни въ чемъ не виновенъ, то національное собраніе не можетъ принять въ число своихъ членовъ человека, котораго одно имя возбуждаетъ мятежь. Гг. Бюше, Дегузе и въ особенности Ледрю-Ролленъ, сильно противились утвержденію Людовика Бонапарте представителемъ. Не смотря на то, въ 6 часовъ, приступлено къ балотировкѣ и избраніе Людовика Бонапарте утверждено. Но самъ избранный отказался отъ сдѣланной ему чести, приславъ на имя президента слѣдующее письмо изъ Лондона, отъ 15 іюня: «Г. президентъ. Я гордился тѣмъ, что меня избрали въ Парижъ и другихъ департаментахъ въ представители народа; для меня это было полнымъ вознагражденіемъ за тридцать лѣтъ изгнанія и шесть лѣтъ заключенія; но оскорбительныя подозрѣнія, возбужденныя мнѣ избраніемъ, но смятенія, къ которымъ оно послужило предлогомъ, но неприязненность исполнительной власти, налагаютъ на меня обязанность отказаться отъ чести, которой, какъ иные думаютъ, я добился интригами. Я желаю порядка и республики, разумной, разсудительной, великой; и если я неволью способствую безпорядкамъ, то—не безъ живѣйшаго сожалѣнія, — прошу уволить меня отъ званія представителя.

«Надѣюсь, что спокойствіе вскорѣ возстановится и позволить мнѣ возвратиться во Францію, простымъ гражданиномъ, однимъ изъ наиболее преданныхъ спокойствію и благоденствію моего отечества».

Въ засѣданіе 19 іюня, собранію былъ представленъ проектъ государственнаго уложенія, которымъ занималась особая коммиссія. Вотъ главныя черты этого проекта:

Въ первыхъ статьяхъ излагаются права и обязанности человека. Десятой статьею объявляется, что правленіе во Франціи республиканское, что верховная власть принадлежитъ народу и не можетъ быть отнята отъ него. Французскій народъ поручаетъ свою власть собранію, которое избирается всѣмъ народомъ, на четыре года. Оно состоитъ изъ 750 представителей. Собранія, избираемая для пересмотра

государственного уложения, могут состоять из 1,200 членов и полномочие их продолжается два года. Национальное собрание издает законы и декреты. Законы касаются только частных или специальных интересов. Всеобщие выборы производятся в главном месте кантона, по спискам. Лица, занимающие места, которых могут лишиться по распоряжению начальства, не могут быть представителями. Члены национального собрания, занимающие какие либо другие должности, не получают по ним жалованья, пока остаются представителями. — Исполнительная власть вверяется президенту, избираемому всем народом. Если ни один из кандидатов не получит надлежащего большинства, национальное собрание избирает президента, посредством тайной баллотировки, из пяти кандидатов, получивших наибольшее число голосов. Президент избирается на четыре года и сам назначает вице-президента. Президент республики получает 600,000 фр. содержания; он командует армиями (но не лично), подписывает договоры, и ни в каком случае не может распустить национальное собрание. Избирательное начало вводится отчасти и в судебную часть; некоторые назначения по этой части зависят от президента. Смертная казнь за политические преступления и поставка за себя рекруты отменяется. Преподавание свободно, но состоит под надзором правительства.

Объ этой конституции, *Journal des Débats* отзывался следующим образом: «Мы можем заметить только одно, что авторы этого проекта верны началам революции, которую должны были утвердить. Смысл можно сказать, что более радикальной, более демократической конституции ни у одного народа не бывало. Вся она основывается на всеобщем правъ выборов. Впрочем, в ней вполне, окончательно определены только состав законодательной и исполнительной власти. Что касается до устройства второстепенных властей, административной, судебной, то для этого будут изданы специальные законы».

Заседание национального собрания 20 июня было очень за-

исключительно по двумъ рычажъ, совершенно противоположнаго характера, произнесеннымъ *Викторомъ Гюго* и *Коссидеромъ* при рассмотрѣніи проекта закона о назначеніи трехъ милліоновъ франковъ на національныя мастерскія. Одна отличается изящнымъ, поэтическимъ языкомъ, другая языкомъ грубымъ, простонароднымъ, но сильнымъ; одна какъ бы съ любовью выдѣлана рѣзцомъ, другая съ плеча вырублена топоромъ. Обѣ весьма замѣчательны; обѣ произвели на собраніе сильное впечатлѣніе. *Викторъ Гюго* рѣшительный противникъ національныхъ мастерскихъ, на которыя, впрочемъ, теперь уже всѣ жалуются. «Не съ тѣмъ вступилъ я на кафедру, сказалъ онъ, чтобы прибавить страсти къ преніямъ, которыя васъ волнуютъ, не съ тѣмъ, чтобы прибавить горечи къ спорамъ, которыя васъ раздѣляютъ. Въ такое время, когда все можетъ сдѣлаться опасностію, я бы постыдился произвольно усиливать затрудненія, съ которыми борется правительство. Въ нынѣшнее время въ дѣлахъ нужна твердость, въ рычажъ необходимо миролюбіе». Сначала краснорѣчивый ораторъ старался доказать, что эти такъ называемыя національныя мастерскія не что иное, какъ напрасная трата огромной силы. «Что произвели эти мастерскія въ четыре мѣсяца? Ничего. Я не стану вдаваться въ изчисленіе работъ, которыя необходимо произвести, которыхъ Франція требовала, которыя всѣмъ вамъ извѣстны; но посмотрите: съ одной стороны огромное количество работъ возможныхъ, съ другой огромное число работниковъ праздныхъ; а результатъ? Ничто! (*Сильное впечатлѣніе*). Ничто? Я ошибаюсь. Результатъ былъ не ничтожный, а вредный, вредный вдвойнѣ: вредный въ отношеніи финансовомъ, вредный въ отношеніи политическомъ. Впрочемъ, моя строгость допускаетъ извиненія; я не захожу такъ далеко какъ другіе, которые говорятъ съ строгостію, слишкомъ близкой къ гнѣву, чтобы быть справедливостію: «Національныя мастерскія средство пагубное. Вы разслабили сильныхъ сыновъ труда; вы лишили часть народа любви къ труду, любви спасительной, которая заключаетъ въ себѣ достоинство, гордость, уваженіе къ себѣ самому и здравіе совѣсти. Тѣхъ, которые дотолъ знали

только благородную силу руки работающей, вы познакомили съ постыдною силою руки, протянутой для подавнiя; вы отучили плеча носить почетное бремя честнаго труда, вы приучили совѣсть носить унижительное бремя милостыни. Мы знали праздность богатства, вы создали праздность нищеты, которая во сто кратъ опаснѣе и для себя самой и для ближняго. При монархическомъ правленіи были праздные, при республиканскомъ будутъ лѣнливцы». (*Общее одобреніе*). Я не говорю; я не думаю, чтобы нашъ народъ могъ дойти до такой степени униженія: Парижъ не Неаполь, Парижъ не Константинополь; если бъ и хотѣли, изъ нашихъ рабочихъ, которые умѣютъ читать и мыслить, говорить и слушать, не сдѣлаютъ ни ладзароновъ во время мира, ни янычаровъ, для войны. Никогда! (*Сильное впечатлѣніе*). Если бъ и захотѣли! Эти слова у меня вырвались невольно; прошу васъ не искать въ нихъ обвиненія посредствомъ намека. Я не думаю, не могу думать, чтобы въ головѣ, не только нашихъ правителей, но чьей бы то ни было, могла родиться чудовищная мысль превратить парижскаго работника въ кондоттиери, наемнаго разбойника, и въ городъ самомъ просвѣщенномъ во всемъ мѣрѣ, изъ прекрасныхъ элементовъ, составляющихъ наше рабочее сословіе, создать преторіанцевъ мятежа въ услуженіи у диктатуры». (*Сильное движеніе*). Но на этой похвалѣ парижскимъ работникамъ Викторъ Гюго не остановился; съ обыкновенной хвастливостью Французовъ, которой не чужды и умнѣйшіе изъ нихъ, онъ прибавилъ: «Парижъ нынѣшняя столица образованнаго міра»....—Извѣстно! иронически закричалъ ему кто-то изъ радикаловъ.— «Извѣстно? повторилъ ораторъ. Конечно, извѣстно. Удивляюсь этому замѣчанію. Странно было бы, если бъ Парижъ былъ столицею образованнаго міра, а міръ этого и не зналъ! (*Очень хорошо! Смѣхъ*). Я продолжаю. Чѣмъ нѣкогда былъ Римъ, то нынче Парижъ. Что Парижъ совѣтуетъ, о томъ Европа размышляетъ; что Парижъ началъ, Европа продолжаетъ».

За тѣмъ, объявивъ, что послѣ этихъ замѣчаній, онъ готовъ утвердить проектъ правительства съ измѣненіями, пред-

леженными комиссією, *Викторъ Гюго* просилъ позволенія обратиться къ новѣйшимъ мыслителямъ, къ социалистамъ, и высказалъ имъ нѣсколько горькихъ истинъ, укорялъ ихъ въ односторонности взгляда, въ томъ, что они видятъ только часть народа, не обращая вниманія на остальную. «Не забудьте, прибавилъ онъ: со времени февральскаго переворота, въ слѣдствіе глубокаго потрясенія, которое необходимо должно было произвести разрушеніе, развалины, нищета явилась не въ одномъ только томъ классѣ, который собственно называютъ народомъ, но и во всѣхъ другихъ частяхъ націи. Довѣренность исчезла; кредитъ не существуетъ, промышленности нѣтъ, торговли нѣтъ, требованія прекратились, рынки закрылись, банкротства умножились, плата за наемъ домовъ и откупъ земель остановилась; все вдругъ исчезло: богатые семейства въ нуждѣ, бѣдные голодаютъ.... Вмѣсто того, чтобы спустить богатство, вы подняли нищету. (*Совершенно справедливо! Прекрасно!*) Чтò же вышло? Вышло мрачное положеніе, въ которомъ чтò не погибло, то погибаетъ, чтò не погибаетъ, то сомнительно. Но вотъ чтò еще усиливаетъ нашу невыразимую горестъ: другіе наслаждаются нашими бѣдствіями, другіе ими пользуются. Между тѣмъ какъ Парижъ терзается въ этомъ пароксизмѣ, который враги наши—они ошибаются!—принимаютъ за предсмертныя муки, Лондонъ въ радости, въ Лондонѣ праздникъ; торговля тамъ утроилась, роскошь, богатство, промышленность нашли тамъ убѣжище. О, тѣ, которые волнуютъ улицу, вызываютъ народъ на площадь, тѣ, которые вовлекаютъ его въ беспорядки, въ мятежи и возстанія, тѣ, которые обращаютъ въ бѣгство капиталы, заставляютъ закрываться лавки, эти люди плохо разсуждаютъ, но я еще не вѣрю, чтобы это были дурные Французы, и я говорю, кричу имъ: Тревожа Парижъ, возмущая массы, возбуждая мятежи и смуты, знаете ли вы сами, чтò вы дѣлаете? Вы создаете силу, благоденствіе, богатство, могущество, величіе и превосходство Англіи. (*Сильное движеніе*), Да, и Англія, улыбаясь, садится на краю пропасти, въ которую низвергается Франція».

Въ продолженіе этой рѣчи, *Виктора Гюго* не разъ спрашивали, какія же средства нужны для того, чтобы изменить картину, которую онъ начерталъ такими мрачными красками? Практическихъ средствъ онъ не предлагалъ, а выразилъ мысль свою общими словами. «Какія средства? вскричалъ онъ при одномъ изъ этихъ вопросовъ. Я уже говорилъ не разъ, что для этого нужно: спокойствіе, согласіе, сила въ правительствѣ, добрая воля, добрая вѣра во всемъ и во всяхъ». (*Правда! Правда! Очень хорошо!*)

Въ концѣ засѣданія, на кафедре вошелъ *Коссидьеръ*, и однимъ уже своимъ появленіемъ возбудилъ всеобщее любопытство. Онъ произнесъ рѣчь, о которой *Journal des Débats* отзывался слѣдующимъ образомъ: «Самое громкое одобреніе приобрѣлъ г. *Коссидьеръ*. Конечно, не правильностію своего языка и не отборными выраженіями. Право, г. *Коссидьеръ* введетъ въ моду слогъ, который до нынѣ не употреблялся на трибунѣ. Но мало ли что революція 1848 года изменила! У г. *Коссидьера* по-крайней-мѣрѣ есть увлеченіе и оригинальность, которою онъ обязанъ отчасти природѣ, отчасти искусству. Онъ умѣетъ разсмишнить и растрогать; увлекаетъ, а иногда поражаетъ непріятно. Его тонкость походитъ на простодушіе, а его простонародность кажется ловкимъ расчетомъ. Онъ умѣетъ не разсердить, говоря вещи очень рѣзкія, которыя, пожалуй, можно бы принять и за угрозы; а когда захочетъ, онъ говоритъ вещи весьма разумныя, весьма справедливыя. Онъ народъ, онъ буржуа. Только такой человекъ и могъ быть всеобщимъ избранникомъ, соединить голоса клуба національной гвардіи. Г. *Коссидьеръ* говорилъ противъ національныхъ мастерскихъ, и его возваніе къ согласію произвело на слушателей сильное впечатлѣніе. Въ палату будетъ сбѣгаться толпа, когда узнаютъ, что *Коссидьеръ* намѣренъ говорить!»

Не вдаваясь въ отвлеченности, не отдѣлываясь общими мѣстами и громкими фразами, г. *Коссидьеръ* обставилъ свои дѣльные предложенія такими забавными выходками, такими простонародными картинками, что собраніе не разъ хохотало и слушало его безъ усталы.

— Между тѣмъ, какъ собраніе разсуждало о новыхъ формахъ правленія и новомъ порядкѣ вещей, беспорядочные люди успѣли взволновать умы народа до такой степени, что наконецъ разыгралась, въ стѣнахъ Парижа, кровавая драма, которую давно уже предсказывали люди, смотрѣвшіе на революцію съ истинной точки зрѣнія. Еще 22 іюня утромъ, толпа работниковъ, человекъ въ 400, пришла къ люксембургскому дворцу и объявила, что имѣетъ надобность поговорить съ членами исполнительной комиссіи. Эта толпа принадлежала къ числу 12000 работниковъ изъ національныхъ мастерскихъ, которыхъ назначено было отправить въ департаменты, но которыхъ разные негодяи испугали, увѣривъ ихъ, что въ департаментахъ съ ними будутъ обходиться очень дурно. Одинъ изъ членовъ исполнительной комиссіи, г. *Марі*, объявилъ, что онъ готовъ принять депутацію отъ этихъ людей; пятеро изъ нихъ явились къ нему и предводитель ихъ хотѣлъ говорить; но г. *Марі* отказался выслушать его, потому-что этотъ человекъ былъ въ числѣ мятежниковъ, ворвавшихся 15 мая въ національное собраніе. Обратясь къ остальнымъ четверымъ, г. *Марі* сказалъ: «Вы вѣдь не рабы этого человека: вы можете говорить сами». Воротившись къ товарищамъ, которые ожидали ихъ на площади Сень-Сюльписъ, эти уполномоченные, сказавъ слова г. *Марі*, объявили, что онъ называлъ ихъ невольниками. Тогда вся толпа принялась кричать: *Долой Марі! Долой исполнительную комиссію! Долой національное собраніе!* и съ этими криками толпа работниковъ, къ которой, разумѣется, присоединилось множество любопытныхъ, ходила по улицамъ, набережнымъ, предместьямъ Сень-Антуанъ и Сень-Марсо. Подъ вечеръ они расположились на площади Бастиліи. Тутъ явилось нѣсколько полицейскихъ комиссаровъ, чтобы разсѣять сборище. Въ толпѣ раздавались крики: *Да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ Императоръ! Долой Марі!* Парижъ былъ сильно взволнованъ этими криками и беспорядками. Окрестности ратуши и люксембургскаго дворца заняты были войсками. По бульварамъ и въ улицахъ Сень-Дени, Сень-Мартень и Тампльской стояли многочи-

сленныя группы. Ночью сборища не расходились и нѣкоторые патрули національной гвардіи были обезоружены. 23 ч. въ 9 часовъ утра начали бить сборъ во всѣхъ легіонахъ національной гвардіи. Значительныя силы собрались вокругъ національнаго собранія. Президентъ его и исполнительная коммиссія еще наканунѣ получили извѣстіе, что на 23 число готовится возстаніе для низпроверженія правительства и распущенія національнаго собранія. Всѣ члены исполнительной коммиссіи явились къ президенту *Сенару* и вмѣстѣ возложили командованіе всеми вооруженными силами на генерала *Кавеньяка*. Движеніе началось на площади Бастиліи, гдѣ около половины десятаго утромъ, образовалось первое сборище работниковъ. Оттуда толпа, состоявшая уже изъ 6 или 700 человекъ, двинулась къ бульварамъ, къ Сенъ-Мартенскимъ и Сенъ-Денискимъ воротамъ, съ криками: *Долой національное собраніе! Долой Ламартинъ! Долой Ледрю-Роленъ! Долой Марі!* Да здравствуетъ республика демократическая и социальная! Въ десять часовъ у Сенъ-Денискихъ и Сенъ-Мартенскихъ воротъ начали строить баррикады. Тысячи двѣ человекъ вышли изъ предмѣстій съ флагами національныхъ мастерскихъ. Между ними были и люди въ мундирахъ республиканской стражи. Въ баррикадахъ было множество дѣтей и женщинъ. Мужчины врывались въ дома и повсюду забарали оружіе. Въ половинѣ 12-го на Сенъ-Мартенскомъ бульварѣ началась ружейная пальба. Но тамъ были еще только нѣкоторые отдѣльные отряды національной гвардіи; въ полдень она стала собираться баталіонами и стрельба усилилась. Въ часъ генералъ *Кавеньякъ* привелъ баталіонъ легкой пѣхоты. За нимъ прибыли подвижная гвардія и потомъ артиллерія. Между тѣмъ линейныя войска и подвижная гвардія заняли ратушу, префектуру полиціи и нѣкоторые мосты на Сенъ. Въ окрестностяхъ всѣхъ этихъ мѣстъ мятежники строили баррикады. Дворецъ юстиціи, Лувръ и Тюильри были заняты національною гвардіею. На площади Согласія стояли драгуны. Люксембургскій дворецъ охранялся многочисленными отрядами. До пяти часовъ повсюду раздавались ружейныя и пушечныя выстрѣлы; но

потомъ проливной дождь заставилъ прекратить пальбу. Многие генералы и воспитанники политехнической школы предложили національному собранію и генералу *Кавеньяку* свои услуги. Генералъ *Кавеньякъ*, сопровождаемый *Коссидьеромъ*, являлся повсюду гдѣ требовалось его присутствіе. Съ нимъ были представители.

Ночь съ 23 на 24 прошла безъ драки, но мятежники возстановляли разрушенныя баррикады.

24 числа утромъ битва началась съ новымъ ожесточеніемъ. Національное собраніе не расходилось цѣлый день. Оно объявило, что будетъ засѣдать постоянно; что республика усыновляетъ дѣтей гражданъ, которые пали, защищая порядокъ; въ этотъ же день оно объявило Парижъ въ осадномъ положеніи и возложило всю исполнительную власть на генерала *Кавеньяка*. По всему было видно, что это возстаніе было дѣломъ заговора, давно устроеннаго. Работники, число которыхъ простиралось отъ двадцати до тридцати тысячъ, всѣ были хорошо вооружены и дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ. Притомъ они дѣйствовали, очевидно, по плану обдуманному. Они строили баррикады въ разныхъ частяхъ города, чтобы развлечь своихъ противниковъ, но главныя свои силы расположили по обоимъ берегамъ Сены, съ цѣлію овладѣть префектурою полиціи и ратушею, центральными позиціями, нѣкотораго рода читателями, откуда заговорщики, въ случаѣ успѣха, могли бы издавать свои декреты. Мѣры генерала *Кавеньяка*, на котораго возложена была вся гражданская и военная власть, мѣры, принятыя съ большимъ знаніемъ дѣла, единствомъ и энергіею, разстроили эти планы. 24 числа пушечные и ружейные выстрѣлы раздавались непрерывно и повсюду дрались съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и наканунѣ. Генералъ *Кавеньякъ* распорядился такъ, что сосредоточилъ свои силы въ главныхъ пунктахъ, чтобы дѣйствовать большими массами и сдѣлать всякое сопротивленіе невозможнымъ. Противъ баррикадъ употребляли сначала артиллерію; потомъ войска, національная гвардія, подвижная гвардія, республиканская стража, которые всѣ дѣйствовали съ величайшею

неустранимостью, брали их приступомъ. Но инсургенты противопоставляли имъ такое упорное, ожесточенное сопротивление, что нѣкоторыя баррикады не разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Битва, или лучше сказать война, упорная, кровопролитная, продолжалась и 25 числа. Во весь день войска, національная гвардія и всѣ силы, находившіяся въ распоряженіи правительства, дѣйствовали успешно; но мятежъ далеко еще не былъ вполне подавленъ. Къ вечеру этого дня, инсургенты, которые въ началѣ расположили свои силы огромнымъ полукружіемъ по обоимъ берегамъ Сены, такъ что занимали почти полъ-Парижа, держались уже только въ предмѣстіяхъ Тампль, Сентъ-Антуанъ, Сентъ-Дени и Пуассоньеръ, и въ кварталахъ Тампльскомъ и Сентъ-Мартенскомъ. Генералъ *Кавеньякъ* дѣйствовалъ съ благоразумною медленностію, пада жизнь своихъ подчиненныхъ. Слѣдующее донесеніе парижскаго мера, читанное въ національномъ собраніи, показываетъ, съ какимъ упорствомъ защищались инсургенты и какъ трудно было преодолѣть ихъ сопротивление.

«Гражданинъ президентъ. Спѣшу уведомить васъ, что наступательное движеніе, начатое вчера, продолжается нынче утромъ съ величайшей энергіею и повсюду увѣнчивается успѣхомъ. Сейчасъ наши колонны овладѣли самою страшною, самою неприступною изъ всѣхъ позицій, которыя были заняты инсургентами. Контора мера 9-го округа и всѣ окрестныя улицы отягаты у нихъ, и огромныя баррикады разрушены послѣ самой упорной битвы и послѣ многихъ горестныхъ потерь. Непомыслимое упорство инсургентовъ принуждено было уступить геройскому усердью войскъ. Я не могу сообщить вамъ подробностей; но чтобы вы могли судить о затруднительности этого дѣла, скажу вамъ только, что въ большей части узкихъ, длинныхъ и покрытыхъ баррикадами улицъ, которыя идутъ отъ ратуши къ улицѣ Сентъ-Антуанъ, инсургенты завладѣли почти всеми домами; прикрыли матрацами окна и стрѣляли изъ нихъ безопасно и наизвѣстно; оттого потери наши многочисленны и жестоки. Подвижная

гвардіи и линейныя войска принуждены были осаждать каждый домъ; это было тѣмъ болѣе опасно, что четырнадцать домовъ, занятыхъ инсургентами, были соединены между собою внутреннимъ сообщеніемъ, такъ что эти люди могли пробираться, какъ по крытымъ ходамъ, изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ въ центръ своихъ баррикадъ. Такимъ образомъ изъ всего квартала они сдѣлали огромную крѣпость, которую надобно было разрушать шагъ за шагомъ, и этимъ объясняется, отчего оно долго продолжалось и дорого намъ стоило.»

Въ прѣпискѣ къ этому письму г. *Арманъ Маррасть* говоритъ, что госпитали и временныя лазареты наполнены ранеными и что никогда еще мостовая Парижа не обогрѣлась такимъ огромнымъ количествомъ крови.

Въ этотъ день были ранены генералы *Лафонтенъ* и *Дювилю*, а генералъ *Негріе*, одинъ изъ квесторовъ національнаго собранія, убитъ.

Генералъ *Кавеньякъ* потребовалъ отъ инсургентовъ безусловной покорности и далъ имъ время для размышленія до 10 часовъ утра 26 числа, угрожая въ противномъ случаѣ принудить ихъ къ тому оружіемъ. По наступленіи этого срока, колонна генерала *Ламорисьера* двинулась съ одной стороны, колонна генерала *Перро* съ другой, и началась битва. Но она была непродолжительна: вскорѣ инсургенты объявили, что они сдаются безусловно. Генералъ *Кавеньякъ* заставилъ ихъ самихъ разрушать свои баррикады и длинная улица предмѣстія была занята тремя батальонами. Генералъ тотчасъ далъ знать объ этомъ президенту *Сенару*, но еще и послѣ того продолжались частныя стычки, такъ что только во второмъ часу получено было отъ него слѣдующее официальное донесеніе: «Г. президентъ. Благодаря положенію, принятому національнымъ собраніемъ, благодаря превосходному поведенію національной гвардіи и арміи, возстаніе подавлено и спокойствіе восстановлено. Какъ скоро чрезвычайная власть, возложенная на меня, не будетъ болѣе нужна для общественной безопасности, я почтительно возвращаю ее національному собранію».

26 числа національное собраніе назначило двѣ комиссіи, одну для производства слѣдствія о послѣднемъ возстаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ о заговорѣ 15 мая, съ которымъ оно состоитъ въ связи; другую для опредѣленія декрета о ссылкѣ людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

27 іюня окрестности національнаго собранія все еще походили на военный лагерь; повсюду были войска съ артиллеріей. Неутомимый президентъ *Сенаръ* открылъ собраніе въ 11 часовъ. Онъ объявилъ, что за исключеніемъ ничтожныхъ частныхъ стычекъ между караулами и отдѣльными инсургентами, весь Парижъ въ эту ночь спалъ спокойно. Въ Марсели вспыхнуло возстаніе, подобнае парижскому, но вскорѣ было подавлено. Въ другихъ городахъ все спокойно.

Кромѣ генераловъ и представителей, которые лишились жизни или были ранены, убитъ еще генераль *Бреа* и притомъ самымъ гнуснымъ образомъ. Онъ атаковалъ 22 числа одну баррикаду въ предмѣстіи Сень-Жакъ. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, онъ съ своими адъютантами г. *Манженомъ* выступилъ впередъ довольно далеко отъ своего отряда и старался убѣдить инсургентовъ, чтобы они, избѣгая пролитія крови, сдались добровольно. Тѣ вышли къ нему на встрѣчу, какъ бы для совѣщаній; но, потомъ схватили его и адъютанта и утащили за баррикаду. Тамъ они хотѣли заставить его дать своимъ войскамъ письменное приказаніе удалиться, но какъ генераль на это не согласился, то они варварски умертвили и г. *Бреа* и г. *Манжена*.

Плачевная судьба постигла еще парижскаго архіепископа. Рано утромъ 26 іюня онъ явился къ генералу *Кавеньяку* и предложилъ ему свои услуги. Генераль отвѣчалъ, что не можетъ принять на себя уполномочить его подвергать себя опасности, но предоставляетъ ему поступить по собственному устрѣвлю. Г. *д'Аффри* тотчасъ зашелъ на минуту домой, потомъ съ двумя своими вваріями отправился на Бастильскую площадь и, предупредивъ черезъ парламентаря инсургентовъ, что желаетъ говорить съ ними, влѣзъ на баррикаду и началъ увѣщевать людей, бывшихъ за нею. Пока онъ говорилъ, раздался нешзвѣстно откуда выстрѣлъ;

за нимъ послѣдовалъ барабанный бой; инсургенты начали стрѣлять, подвижная гвардія отвѣчала имъ и несчастный архіепископъ упалъ. Пуля попала ему въ бокъ и проникла въ животъ. Судя по направленію раны, выстрѣлъ, которымъ она нанесена, съманъ былъ сверху, вѣроятно изъ окна. Г. д'Афрѣ скончался послѣ двухъ дней невыразимыхъ страданій.

Инсургенты, которые четыре дня подвергали Парижъ вѣсьмъ бѣдствіямъ междоусобной войны, еще ужаснѣйшимъ въ огромномъ и старинномъ городѣ, гдѣ множество узкихъ, извилистыхъ улицъ, предавались величайшимъ неистовствамъ. Такъ напримѣръ на площади de L'Estrapade они взяли нѣсколько человекъ въ плѣнъ. Принужденные покинуть свою баррикаду, они, чтобы не отпустить плѣнныхъ, умертвили ихъ. Одинъ изъ представителей самъ это видѣлъ. Такимъ образомъ погибли пять человекъ, служившихъ въ подвижной гвардіи. Имъ отрезала головы женщина, кухоннымъ ножомъ! Въ кварталахъ Ситѣ, Сенъ-Денискомъ и Сенъ-Мартенскомъ, взрослые поили водкой мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтъ и, съ ружьемъ въ рукахъ, выпускали за баррикады. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣтей убиты при взятіи баррикадъ приступами. Въ числѣ пуль, вынутыхъ изъ ранъ, есть пули жевачья, и другія, съманныя изъ свинца и мѣди. Одному пѣхотному офицеру, взятому въ плѣнъ, злодѣи отрезали обѣ руки; одному драгуну отрубили пальцы ногъ и потомъ посадили его на лошадь; какого-то несчастнаго, служившаго въ подвижной гвардіи, посадили на колъ. Подлѣ убитаго *Лароша*, главнаго редактора террористскаго журнала *Le Père Duchesne*, найдены пожарная труба, наполненная купороснымъ масломъ, которое мятежники пускали въ лицо своимъ непріятелямъ, и нѣсколько бутылокъ терпентина, который служилъ для зажиганія домовъ. Наконецъ, взято нѣсколько маркитантокъ, которыя продавали защитникамъ порядка отравленную водку. Немудрено: въ числѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ, даже въ числѣ ихъ главныхъ предводителей, найдено множество каторжниковъ съ позорнымъ клеймомъ на плечѣ.

Въ засѣданіи 28 числа, генераль *Кавеньякъ* сложилъ съ себя свою власть и въ слѣдъ за нимъ все министры отказались отъ своихъ должностей. Президентъ предложилъ изъяснить генералу *Кавеньяку* признательность отечества, и это предложеніе было принято съ энтузіазмомъ. Г. *Мартинъ* предложилъ собранію слѣдующій декретъ: «Национальное собраніе ввѣряетъ исполнительную власть генералу *Кавеньяку*. Онъ имѣетъ называться президентомъ совѣта министерства. Онъ самъ назначаетъ министровъ.» Голоса были собираемы о каждомъ параграфѣ этого декрета отдѣльно. Первые два приняты единогласно; послѣдній—значительнымъ большинствомъ. Засѣданіе было отсрочено до вечера, и въ вечернемъ собраніи генераль *Кавеньякъ* объявилъ имена лицъ, которыхъ онъ назначилъ министрами. Такимъ образомъ составлено слѣдующее новое управление: президентъ генераль *Кавеньякъ*; министры: внутреннихъ дѣлъ — г. *Сенаръ*; военный — генераль *Ламорисьеръ*; публичныхъ работъ — г. *Рекюръ*; торговли — г. *Туръ*; морской — адмираль *Лебланъ*; юстиціи — г. *Бетмонъ*; иностранныхъ дѣлъ — г. *Бастидъ*; финансовъ — г. *Гудшо*; народнаго просвѣщенія — г. *Карно*.

— По распоряженію генерала *Кавеньяка* газета *la Presse* запрещена, и главный редакторъ ея *Эмиль Жирарденъ* посаженъ въ тюрьму.

Для полнѣйшаго изображенія современнаго состоянія Франціи, приведемъ нѣсколько отзывовъ о ея правительствахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *La Presse* находимъ слѣдующее: Нѣтъ, никогда французское правительство не падало такъ низко, даже и въ самые тяжкіе дни! Куда же идетъ это правительство? Куда оно ведетъ насъ? Если къ терроризму черезъ крайнюю бѣдность, къ рѣкъ крови черезъ болото грязи, такъ по-крайней-мѣрѣ пусть оно сократитъ нашъ путь.

«Да развѣ оно знаетъ куда ведетъ насъ? Оно не знаетъ, куда и само идетъ! Угодно доказательство, одно изъ тысячи? Между тѣмъ какъ оно, съ 15 мая, держитъ въ Венсенской тюрьмѣ гг. *Барбеса*, *Бланки*, *Собріе* и проч., оно же на-

значаетъ префектами лица, участвовавшія въ тѣхъ же самыхъ событіяхъ. Такъ префектомъ Котъ-д'Орскаго департамента, одного изъ самыхъ важныхъ, назначенъ недавно одинъ бывший Верхне-Сонскій нотаріусъ, г. *Мюре де Жи*, который 15 мая отлучался въ національномъ собраніи своею дерзостію и потому былъ призываемъ къ одному изъ судей, производящихъ слѣдствіе по этому дѣлу! Отчего же однимъ тюрьма, а другимъ мѣсто префекта? Какъ объяснить такія несообразности, такія противоположности? Министръ внутреннихъ дѣлъ, если только можно называть министрами странныхъ людей, которые получаютъ министерское содержаніе, министръ внутреннихъ дѣлъ, котораго спрашивали объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ уступилъ требованію исполнительной комиссіи. Хороша исполнительная власть, которая подвергается съ одной стороны подобнымъ признаніямъ, съ другой уликамъ г. *де Боасси*!»

Последній намекъ относится къ письму г. *Боасси*, адресованному на имя министра иностранныхъ дѣлъ, г. *Бастиды*. Г. *Боасси* указываетъ на худой выборъ, дѣлаемый министромъ, который совершенно повинуетъ своей партіи. Известно, что между дипломатическими агентами и иностранными консулами Французской республики есть много обанкротившихся негодяевъ и другихъ лицъ, бывшихъ во враждѣ съ юстиціею. Г. *Боасси* объявлялъ, что въ последнее время былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ суфлеръ одного изъ малыхъ бульварныхъ театровъ и одинъ изъ содержателей пестыднаго дома, бывшаго впрочемъ подъ вывѣскою родильнаго.

«Европа скажетъ, говоритъ онъ, и къ сожалѣнію справедливо, что, при такихъ агентахъ, составъ нашего дипломатическаго корпуса не лучше состава внутренняго управленія, гдѣ въ числѣ комиссаровъ, облеченныхъ неограниченною властію, людей, изъ которыхъ возложено управленіе страной и сохраненіе общественной безопасности, были освобожденные каторжники и разбойники».

— Въ *Gazette du Midi* напечатано: «Каждый день мы узна-

емъ самыя назидательныя подробности на счетъ департаментскихъ комиссаровъ, назначенныхъ г. *Ледрю-Ролленомъ*. Все знаютъ, что въ Гавръ онъ отправилъ одного освобожденнаго каторжника; но тотъ не могъ отстать отъ своихъ прежнихъ привычекъ, и боясь, чтобы одинъ изъ его бывшихъ товарищей не проболтался, зарывзалъ его. Теперь узнаемъ, что комиссаръ, назначенный въ Авиньонъ, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ ужасномъ уголовномъ дѣлѣ, въ которомъ рѣчь идетъ объ убійствѣ, прелюбодѣяннн и кровосмѣшеннн; не больше.

«И вотъ люди, которымъ этотъ правитель Франціи ввѣрялъ цѣлыя области?»

— Въ газетѣ *Constitutionnelle* напечатана длинная статья о нынѣшнемъ положеннн Франціи; извлекаемъ изъ этой статьи нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ.

«Франція скучаетъ!» говорили намъ нѣсколько времени назадъ. Если такъ, то Франція страдала обыкновенной болѣзнью богатыхъ людей. Отъ этой болѣзни ее жестоко вымъчили. Теперь она страдаетъ недугомъ совершенно противоположнымъ. Ее мучить, и всякой дець все больше и больше угрожаетъ ей — нищета, нищета всеобщая, бичъ временъ варварскихъ, который въ наше время казался невозможнымъ. Чтобы нищета сдѣлала такіе успѣхи въ столь короткое время, нужна была не одна революція, которая породила бы ее какъ очень натуральное, но скоропроходящее послѣдствіе великаго переворота; необходимы были партнн, или люди, которые старались бы развить это общественное бѣдствіе, въ надеждѣ употреблять его какъ правительственное средство. Эта чудовищность проявилась въ наше время, нашлись люди до того жестокіе, что съ намъреннѣемъ и притомъ съ большимъ искусствомъ производили и развивали нищету. Поговоримъ сначала о тѣхъ, которые не въ такой степени виновны въ этомъ преступленнн, но своимъ поведеннѣемъ много содѣйствовали усиленнн бѣдствнн, неизбежныхъ при сильномъ политическомъ потрясеннн».

Изчисливъ ошибки, сдѣланныя правительствомъ съ самаго его основаннн, изобразивъ пагубныя послѣдствнн учрежденнн

комиссія объ организаціи труда, заседавшей въ люксембургскомъ дворцѣ, и разпространенія системы *Луи-Блана*, *Constitutionnel* продолжаетъ:

«Такимъ образомъ одни, чтобы поставить преграду между собой и тѣмъ что они называютъ реакціей, другіе, чтобы осуществить свои промышленныя мечты, третьи наконецъ, еще болѣе преступныя, чтобы создать общественный хаосъ и собрать кое-какія крохи въ этой мочи цивилизаціи, одни безъ опредѣленнаго намѣренія, другіе съ злодѣйскимъ умысломъ, но все, все безъ исключенія, принялись за правительственныя или оппозиціонныя средства, которыхъ прямымъ результатомъ было порожденіе нищеты частныхъ лицъ и государства. Состояніе разоренія, въ которомъ мы находимся, есть не только горькій плодъ, который приносятъ самыя лучшія революціи, но искусственное произведеніе дѣйствій, самыхъ непредусмотрительныхъ или самыхъ гнусныхъ. Отсюда всеобщій застой въ мастерскихъ, гдѣ производились предметы роскоши, отсюда то, что фабриканты, за недостаткомъ работниковъ, принуждены отказываться отъ заказовъ, отсюда—въ рѣдкіе дни спокойствія—совершенная бездѣйственность, совершенное отсутствіе покупателей въ лавкахъ, дремлющій видъ Парижа, котораго улицы, обыкновенно самыя многолюдныя, самыя оживленныя, теперь ходятъ на улицы провинціального городка, такъ что торговцы не знаютъ, что печальнѣе, тѣ тревожные дни, когда они принуждены приниматься за оружіе, чтобы обуздать мятежъ, или тѣ мрачные дни, когда они съ отчаяніемъ въ душѣ смотрятъ на разорительную праздность, къ которой принуждаетъ ихъ подавленіе мятежей».

Бельгія.

26-го іюня, въ часъ по полудни, король съ обыкновенными церемоніями открылъ лично чрезвычайное засѣданіе палаты на 1848 годъ. Король былъ приветствованъ при входѣ въ залу громкими криками и произнесъ слѣдующую тронную рѣчь:

«Господа! Считаю себя счастливымъ, что нахожусь опять

между представителями. Въ то время когда вся Европа волнуется, Бельгія спокойна, исполнена довѣрія и силы. Мы пріятно высказать открыто благодарность и справедливую гордость, которыя наполняют мое сердце. Измѣненіе политическихъ дѣлъ различныхъ государствъ не измѣнили нашихъ междунаціональныхъ отношеній. Наши официальные связи съ французскою республикою основаны на взаимномъ благоволеніи. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы доказательства дружескаго расположенія къ намъ и уваженія.

«Важными законами занималось последнее засѣданіе. Кругъ политическихъ правъ былъ значительно расширенъ и первое примѣненіе реформы выборовъ показало, что мы не излишне довѣрились благоразумію націи.

«Организація гражданской гвардіи ревностно продолжается. Отличное расположеніе духа народа облегчаетъ ее.

«Обстоятельства наложили на страну тяжкое бремя. Она должна понимать его необходимость и мужественно нести его. При помощи финансовыхъ мѣръ, принятыхъ въ последнемъ собраніи, наша патріотическая армія приведена въ хорошее оборонительное положеніе. Мы старались поддержать работы. Государственное казначейство въ состояніи исполнить всѣ свои обязательства. Бремя не обеспеченнаго долга уже не тяготѣетъ на кредитъ. Будущее вознаградитъ жертву прошлаго.

«Субсидіи на чрезвычайные расходы назначены только до 1 сентября. Не благодаря предусмотрительности въ расходахъ, новые налоги не необходимы.

«Всѣ наши усилія, господа, должны клоняться къ тому, чтобы улучшить финансы. На этомъ покоятся сила и безопасность. Нормальный бюджетъ расходовъ будетъ сокращенъ. Мое правительство намѣрено постоянно стремиться къ сбереженіямъ.

«Многіе налоги должны быть измѣнены въ ихъ основаніяхъ. Мы постоянно будемъ заботиться объ облегченіи состоянія рабочаго класса.

«Мы живемъ въ тяжкую эпоху испытаній европейскаго

общества. Бельгія не сойдеть съ мудраго и безопаснаго пути, на который однажды вступила. Чтобы удержаться на этомъ пути, нужно только, чтобы нація довѣряла сама себя и была единодушна. Вы, господа, какъ выраженіе ея чувствъ и желаній, какъ представители ея интересовъ, должны достойно соответствовать ея ожиданіямъ.

«Вы будете споспѣшествовать правительству въ исполненіи тяжкихъ его обязанностей, и наши соединенныя усилія будутъ благодѣтельны для государства.»

Эта рѣчь была принята съ восторгомъ. Крики: да здравствуетъ король! не прекращались, пока король не оставилъ залу вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Засѣданіе было закрыто.

Швеція и Норвегія.

30-го мая, норвежскій Сеймъ, въ тайномъ засѣданіи, рѣшилъ единогласно, отправить норвежскія линейныя войска и флотилію на помощь Даніи противъ Германскаго союза и Пруссіи, и назначить для этого чрезвычайныя субсидіи въ 260,000 риксдалеровъ.

— Вооруженія на сушѣ и на морѣ дѣятельно продолжаютъ и въ Швеціи. Шведская эскадра находится на водахъ Мѣна. Крѣпости Ваксгольмъ и Карлстенъ приводятся въ оборонительное положеніе.

Пруссія.

Вечеромъ 14 іюня, въ Берлинѣ, былъ атакованъ арсеналь и большое количество оружія и аммуниціи оттуда похищено. Въ Прусскомъ Монитерѣ напечатана прокламація военнаго министра, въ которой жителей Берлина приглашаютъ содѣйствовать всѣмъ зависящимъ отъ нихъ средствами къ возвращенію оружія и другихъ похищенныхъ вещей, и сверхъ того объявленіе генераль-прокурора при уголовномъ судѣ, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы лица, имѣющія эти оружія и вещи въ рукахъ своихъ, немедленно возвратили ихъ, а всѣхъ другихъ гражданъ приглашаетъ сообщить ему все, что имъ извѣстно объ этомъ преступленіи.

ДАРИШТАДТЪ.

11-го іюня, въ 3 часа по полудни, скончался отъ апоплексическаго удара его королевское высочество великій герцогъ Гессенскій Людвигъ II. Августѣйшій покойникъ родился 26 декабря 1777 года и вступилъ на престолъ, по кончинѣ своего родителя, 6 апрѣля 1830. Это прискорбное происшествіе погрузило въ глубокую горестъ всю великогерцогскую фамилію и всѣхъ жителей столицы, и вѣсть о немъ принята съ такою же печалію и во весь государствъ.

АВСТРІЯ.

Въ официальной части вѣнской газеты напечатанъ императорскій декретъ, подписанный въ Инспрукъ, 22 мая, которымъ австрійскій старинный уголовный кодексъ значительно измѣняется; между прочимъ отмѣнены тѣлесныя наказанія, выставка и клейменіе.

— Въ аугсбургской всеобщей газетѣ напечатано слѣдующее письмо изъ Вѣны: «Видя какъ разрушается созданіе столькихъ вѣковъ, нельзя не сокрушаться горестію; но положеніе наше въ особенности нестерпимо потому, что не знаешь, на что рѣшиться. Какъ защищать правительство, которое, по слабости, само себя куетъ цѣпи! Оно все думаетъ спастись уступками и не понимаетъ, что трудно управлять, лишившись уваженія. Какое же правительство когда-нибудь спаслось уступками? Уступки могутъ доставить минутное отдохновеніе; но больше ничего. Спрашивается, что лучше, это ли отдохновеніе, дарованное какъ бы изъ милости, купленное цѣною чести, или открытый бой, который можетъ доставить побѣду? Я и не думаю о реакціи невозможной; конечно, надобно идти впередъ; но идти по собственной волѣ, собственными силами, а не тащиться порывами, повинувшись чуждому вліянію. Послѣ мартовскихъ событій, правительство не сдѣлало само ни одного шага. Послѣ каждаго скачка, salto mortale, который заставляютъ сдѣлать, оно опускается въ изнеможеніи и спокойно отдыхаетъ отъ трудовъ, пока новое гальваническое потрясеніе не толкнетъ его опять впередъ.

«Въ ожиданіи, пока наступитъ очередь рабочихъ, теперь у насъ господствуютъ студенты. Право, видя, что дѣлаютъ эти политическія дѣти, я готовъ сложить съ нихъ всякую ответственность: они походятъ на дикаря, который поджигаетъ домъ, потому-что видѣлъ, какъ зажигали огонь въ каминъ; нельзя же отъ него требовать, чтобы онъ понималъ разность этихъ двухъ дѣйствій! Эти бѣдьяки студенты не желаютъ зла; напротивъ; но если меня убили камнемъ, какая мнѣ надобность знать, какъ его бросили, по злобѣ или по нечеловкости. Хоть бы они были по-крайней-мѣрѣ забавны! Глупость собственная, врожденная, можетъ быть иногда оригинальною; но бѣшенство такъ сказать принитое можетъ произвести только утомительное обезьянство. 26 и 27 мая въ особенности можно было видѣть, что это такое. Множество народа трудилось надъ постройкою баррикадъ, единственно для того, чтобы придать вѣнской мостовой давнишнюю знаменитость мостовой парижской или хотя недавнюю знаменитость берлинской мостовой. Нельзя же отстать отъ этихъ городовъ; надобно же показаться иностранцамъ.

«Посреди этихъ нелѣпостей, всего удивительнѣе несравненное добродушіе вѣнскихъ гражданъ, которые слезно жалуются, что Императоръ не возвращается, а сами дѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы сдѣлать возвращеніе его невозможнымъ.

«Вѣну теперь не узнаешь: объ экипажахъ давно уже и рѣчи нѣтъ; даже фіакры исчезаютъ, превращаются въ мшечъ и только изрѣдка своимъ появленіемъ напоминаютъ о прежнихъ, благополучныхъ временахъ. Театры пусты, какъ во время холеры; кучи не видятъ другихъ посѣтителей, кромѣ нищихъ. Это многихъ пугаетъ и нерѣдко слышишь грустное предсказаніе: «Да, Вѣна сдѣлается второй Венеціей!» О, нѣтъ, добрые Вѣнцы, откажитесь отъ этого еще слишкомъ лестнаго заблужденія! Даже и въ глубочайшемъ своемъ униженіи Венеція обладала сокровищами, которыя вамъ неизвѣстны: славными воспоминаніями, произведеніями искусства, и небомъ, вѣчно голубымъ и прекраснымъ. У васъ, напротивъ, историческихъ воспоминаній нѣтъ; самая слабая

память легко удержитъ изчисленіе вашихъ измѣнчухъ промедленій, а климатъ вашъ нигуда не годится. Вы всегда умѣли только хорошо жить, а теперь и то забыли; а приобрѣли ли вы какіе-нибудь новые таланты, въ этомъ еще можно сомнѣваться. Поэтому ваша Вѣна никогда не будетъ Венеціей, которая и въ несчастіи своемъ все еще такъ прекрасна, а городомъ опустыленнымъ и печальнымъ, въ который путешественники будутъ заглядывать развѣ только проездомъ изъ Регенсбурга въ Константинополь.»

— Въ Прагѣ, 29 мая, образовалось временное правительство или высшій совѣтъ. Графъ Ностицъ и г. Ригеръ отправлены были въ Тироль просить Императора объ утвержденіи этого учрежденія. Но министерство представило Императору незаконность этихъ дѣйствій, чтобы воспрепятствовать признанію Императоромъ упомянутого временнаго правительства. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ земскимъ чинамъ Богеміи и другихъ частей государства не признавать его законнымъ. Повелѣніемъ отъ 11 іюня Императоръ утвердилъ министерское рѣшеніе, которымъ учрежденіе въ Прагѣ отвѣтственнаго правительственнаго совѣта, независимаго отъ совѣта министровъ, объявляется незаконнымъ. Послѣ этого въ Прагѣ возникли важные безпорядки.

Въ лейпцигской газетѣ находятся слѣдующія извѣстія объ этихъ безпокойствахъ: «Демонстрація Чеховъ 11 іюня противъ военныхъ, благодаря твердости князя *Виндишгреца*, не удалась. 12-го обвѣдно служили подъ открытымъ небомъ; народу было много. По окончаніи обвѣдн толпа завѣла славянскія пѣсни и отправилась къ воротамъ такъ называемой пороховой башни, но увидѣвъ, что улица занята баталіономъ гренадеровъ, остановилась и начала строить баррикады. Князь *Виндишгрецъ* велѣлъ сказать возмутителямъ, что если они въ продолженіе часа не уничтожатъ баррикады, то онъ будетъ стрѣлять въ нихъ картечью. Выстрѣлъ изъ одной гостиницы, слышанный студентомъ *Муромъ*, убилъ стоявшую въ окнѣ противоположнаго дома супругу князя, который тотчасъ велѣлъ солдатамъ дви-

нуться впередъ. Началось сраженіе. Къ 11 часамъ вечера войска одержали верхъ. Сыну князя выстрѣломъ раздробило коленно. Одинъ полковникъ убитъ камнемъ. 13 іюня была сильная перестрѣлка. 15 числа съ утра до ночи стрѣляли по инсургентамъ. Улицы были загромождены баррикадами. Комендантъ объявлялъ, что желающіе могутъ выехать изъ города, потому-что онъ намѣренъ бомбардировать его съ высотъ и укрѣпленій. Многіе изъ жителей воспользовались этимъ позволеніемъ и разсѣялись въ разныя стороны. 17 іюня баррикады частію разобраны для возстановленія проѣзда по улицамъ. Къ вечеру однакожь снова началось сраженіе. Бомбы и гранаты, брошенные въ городъ, произвели во многихъ мѣстахъ пожары; студенты побросали оружіе и 18 числа утромъ вышли изъ города. Въ тотъ же день обнародована прокламація коменданта графа *Видишигреца* и президента графа *фонъ Туна*, въ которой сказано, что переговоры не произвели никакого благоприятнаго результата, и что мятежный городъ будетъ покоренъ оружіемъ, если до полудня жители не выдадутъ своего оружія и не представятъ въ заложники четырнадцать человекъ, номинированныхъ въ прокламаціи. Граждане, пораженные страхомъ, покорились и ровно въ полдень войска заняли Старый Городъ.

И т а л і я.

Изъ Рима отъ 18 пишутъ, что тамъ начались выборы, но что весьма немногіе принимаютъ въ нихъ участіе. Министерскимъ предписаніемъ отъ 12 мая учрежденъ государственный совѣтъ, состоящій изъ десяти ординарныхъ совѣтниковъ, пяти экстраординарныхъ и двадцати четырехъ аудиторовъ. Въ числѣ членовъ совѣта находятся четыре кардинала. Другимъ постановленіемъ отъ того же числа, назначены сорокъ шесть членовъ высшаго совѣта въ палату верховъ. Папа не утверждалъ перваго списка этихъ членовъ, представленнаго министерствомъ. Увидѣвъ въ спискѣ имя г. *Вико*, іезуита и отличнаго астронома, Пій

IX сказалъ: «Вы поставили тутъ это имя для того, чтобы показать, будто іезуиты не терпятъ гоменія въ Римѣ. Я не хочу содѣйствовать обману.» И онъ вымаралъ имя Вико.

Пій IX продолжаетъ противиться войнѣ. Министры продолжаютъ вести ее отъ его имени. Съ девяти часовъ утра до пяти по полудни, кофейни, журналы, уличныя трибуны, разглагольствуютъ противъ папы, не какъ первосвященника, а какъ свѣтскаго властителя; а съ пяти до семи, баталіоны гражданской гвардіи идутъ одинъ за другимъ въ Квириналь, чтобы принять благословеніе папы и поднести ему букетъ. Во всемъ этомъ дѣло идетъ о раздѣленіи духовной власти со свѣтской и не сегодня, такъ завтра, оно должно совершиться.

Флоренція. 15 мая обнародованъ великогерцогскій эдиктъ, которымъ жители Массы, Каррары, Луинджіаны и Гарфаньяны приняты въ число тосканскихъ подданныхъ.

Австрійскія войска взяли Виценцу и бомбардируютъ Падую. Фельдмаршалъ графъ *Радецкий*, обложивъ Верону и Мантую, пошелъ со всеми своими силами въ Венеціанскія владѣнія, чтобы покорить эту провинцію австрійскому скипетру.

Греція.

Новѣйшія извѣстія изъ Греціи, доходящія изъ Аѳинъ до 7 (19) мая, не успокоительны. Инсуррекція, произведенная лицами, вступившими въ Грецію въ слѣдствіе амнистіи, по видимому, распространилась и производитъ опустошеніе въ нѣсколькихъ провинціяхъ, а именно: въ Доридѣ, Мессеніи и Акарнаніи.

— Изъ *Албаніи* получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ извѣстнаго тамошняго мятежнаго начальника *Джулеки*; онъ привезенъ въ монастырь, резиденцію албанскаго губернатора, Решадъ-беемъ, братомъ начальника трикальскихъ дефилеесъ Гаджи-Гуссейна-паша.

— Пишутъ изъ Афинъ, что 5-го ч. н. м. нов. ст. нѣкто Апостоль Надиръ, находившійся въ услуженіи у секретаря турецкаго посольства въ Греціи, вошелъ, въ 4 часа по полудни, въ кабинетъ турецкаго посланника г-на Муссуруса, подъ предлогомъ, будто бы у него было къ нему письмо, и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Посланникъ хотѣлъ было отвести пистолетъ, и поднялъ правую руку; въ это самое время весь зарядъ, состоявшій изъ пяти пуль, попалъ ему въ локоть. Злодѣй тотчасъ обратился въ бѣгство, но былъ схваченъ на улицѣ, и преданъ въ руки правосудія. Неизвѣстна еще причина, побудившая его къ этому преступленію; ему 25 лѣтъ отъ роду; онъ родился въ Константинополѣ, и обучался въ галата-серальской школѣ. Король Оттонъ отправилъ немедленно одного изъ своихъ адъютантовъ къ г-ну Муссурусу, для изъясненія ему своего соболезнованія по этому случаю. Пули были вынуты изъ его руки, и состояніе его не внушаетъ ни какого опасенія на счетъ его жизни, но полагаютъ, что онъ будетъ не въ состояніи, по-крайней-мѣрѣ, на долгое время, владѣть рукою. Говорятъ, что греческое правительство согласилось передать турецкому правительству покусившагося на жизнь г-на Муссуруса, Апостола *Надира*, для произведенія надъ нимъ суда, съ условіемъ, чтобы онъ не былъ преданъ смертной казни.

Остѣ-Индія.

Изъ Калькутты получены извѣстія отъ 3 мая, изъ Бомбей отъ 12 и изъ Китая отъ 24 апрѣля:

Войска Сиковъ перешли на сторону инсургентовъ, въ Мультанѣ, два англійскіе агента *Андерсонъ* и *Амью* избиты, и обрывки ихъ тѣлъ выставлены на показъ вокругъ города и на укрѣпленіяхъ. Къ несчастію, мачинающіеся жары не позволяютъ ничего предпринять для укрощенія бунтовщиковъ прежде октября или ноября, иначе въ походъ погибла бы половина Европейцевъ.

— Туги начали опять свирѣпствовать въ Пенджабѣ и уже паразиты много жертвъ. Туги, какъ известно, образуютъ тайное общество убійць, которые, дѣйствуя на основаніи политическихъ и религіозныхъ началъ, странно перебивавшихъ между собою, безжалостно умерщвляютъ путешественниковъ, встречаемыхъ ими на дорогахъ или въ лѣсахъ, особенно Европейцевъ и тѣхъ туземцевъ, которые держатъ сторону послѣднихъ. Правительство Остъ-Индской компаніи нѣсколько лѣтъ дѣятельно преслѣдовало это гнусное общество, которое уже начинали считать если не совершенно истребленнымъ, то по-крайней-мѣрѣ до такой степени ослабленнымъ, что предпріятій его можно было страшиться не болѣе, какъ и предпріятій отдельныхъ злоумышленниковъ. Если правда, что оно опять поднимаетъ теперь голову на берегахъ Сутледжа, то это служить доказательствомъ существованія между туземцами большаго неудовольствія, нежели какое предполагаютъ въ нихъ Англичане.

Съездо-американскіе Соединенные Штаты.

Получено извѣстіе о ратификаціи мирнаго договора Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою.

— Изъ Орегона получено извѣстіе о возстаніи Индѣйцевъ противъ американскихъ колонистовъ.

Были уже четыре битвы: въ трехъ первыхъ побѣдили бѣлые; но Индѣйцы въ возмездіе за это опустошили пресвитеріанскую миссію Валлахъ-Валлахъ-Валлей, гдѣ убили 19 человекъ и взяли въ плѣнъ отъ 60 до 70 человекъ. Въ Вашингтонѣ посланъ нарочный просить пособія противъ этихъ страшныхъ враговъ, угрожающихъ уничтожить дѣвствующія и полныя будущности колоніи, которыя Американцы устроили въ Орегонѣ. Президентъ Полкъ уже предложилъ конгрессу отправить туда корпусъ войскъ.

Индія.

На время успокоившійся Юкатанъ сдѣлался снова добычею ужасовъ войны между двумя поколѣніями, дикимъ и образованнымъ.

Въ слѣдствіе нарушенія бѣлыми трактата, не давно заключеннаго, снова вспыхнула война, еще болѣе прежняго жестокая. Индѣйцы вступили въ Мериду 7 мая и первый день занимали ее спокойно, но потомъ предались всякимъ нештотствамъ.

Вестъ-Индія.

Въ извѣстіяхъ съ Гаити (Жакмель, 10 мая) говорятъ о новомъ возстаніи. Борьба между черными и бѣлыми произошла отъ того, что президентъ черныхъ, г. Сулукъ, приказалъ арестовать генерала Ардуэна, какъ государственнаго измѣнника. Его арестовали 16 апрѣля, а 23 числа бѣлые потянулись большими толпами въ Порто-Пренсъ съ намѣреніемъ свергнуть президента. Послѣдній пошелъ на встречу имъ и въ происшедшемъ при этомъ сраженіи пало много съ обѣихъ сторонъ. Бѣлые были побѣждены, искали покровительства французскаго и англійскаго консуловъ и нѣсколько дней не смѣли показываться на улицахъ. Черные жестоко мстили бѣлымъ. Послѣ того было возстаніе на югъ и другое въ Мирагуакъ, подавленные президентомъ. Президентъ издалъ прокламацію, въ которой объявляетъ значительное число лицъ лишенными покровительства законовъ.

Мысль Доброй Надежды.

Война въ землѣ Кафровъ, длинный рядъ убійствъ и опустошеній, при которомъ одна изъ самыхъ образован-

ныхъ націй во всемъ мірѣ принуждена была соперничать въ жестокости съ дикарями, коичена. Заключенъ миръ, по которому вся земля Кафровъ подпадаетъ подъ власть Англіи. Кафрами будутъ управлять ихъ собственные начальники, но эти начальники будутъ утверждаемы въ должности губернаторомъ колоніи.

=

Русская Словесность.

ВЪ АЛЬБОМЪ и не ВЪ АЛЬБОМЪ.

Васъ не любить—грѣшно,
Любить же безразсудно,
Бѣжать отъ васъ — смѣшно,
Быть съ вами вмѣстѣ — трудно!

При васъ — себя мнѣ жаль,
Врознь съ вами—просто мука,
При васъ въ душѣ печаль,
Безъ васъ—хандра и скука!

Такъ это вы, кого я такъ любилъ,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
О комъ мечталъ я, кѣмъ я жилъ,
И жертвовалъ кому не разъ я вдохновеньемъ!
Такъ, это вы?... Я не узналъ бы васъ!
Смотрю и мышлю: это вы ли!
Увы, огонь очей погасъ,
И сердце, комъ вы шутили,
Мертво и нѣмо въ этотъ часъ,
Какъ нѣкогда вы сами нѣмы были!

А. Сушковъ.

МИНУТА РАЗЛУКИ.

Я помню мигъ... она стояла
Полна тоски передо мной,
И, отуманенныхъ слезой,
Очей небесныхъ, ангелъ мой,
Съ меня, безумца, не спускала.
Руки хладящей своей
Отъ губъ моихъ не отнимала,
И съ дѣтскимъ трепетомъ внимала
Рѣчамъ безумства и страстей
Души растерзанной моей!
Ребенокъ!... Въ грозный часъ разлуки
Она впервые поняла,
Любовь, которую жила,
И сердца вопль, и сердца муки,
И злобы черныя дѣла!
А я... но гдѣ же взять мнѣ силы,
Откуда словъ скажите взять,
Въ какихъ мнѣ звукахъ передать
Страданья, коимъ тьма могилы
Не въ силахъ исцѣленье дать!....
Свершилось рока указанье!
Мой ангелъ скрылся. Жизнь прошла,
Душа для очастья умерла....
Вся жизнь слилась въ одно страданье,
Въ одно объ ней воспоминаье!

В. Жалашниковъ.

Н И Н А.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА МОЕГО ПРІЯТЕЛЯ.

Ахъ, обмануть меня не трудно,
Я самъ обманываться радъ!

А. Пушкинъ.

I.

Я зналъ Нину, когда ей было еще тринадцать лѣтъ. Отецъ ея, старшій Нѣмецъ, былъ когда-то присланъ уздѣнымъ врачомъ въ М... Вильгельмъ Федоровичъ (такъ звали отца Нины), не смотря на свое докторское званіе, никого не лечилъ. Странный былъ онъ человѣкъ! Сынъ аптекаря,—онъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ былъ приготавливаемъ въ лекаря; но, кажется, очень мало обнаруживалъ охоты и способностей къ этому званію, потому-что былъ страшно лѣнивъ и разсыянъ, и гораздо болѣе любилъ читать *Иліаду* и смотрѣть на картинки, украшавшія *Одиссею*, въ нѣмецкомъ переводѣ. Но не смотря на это, благодаря неусыпному вниманію отца, а отчасти щелчкамъ, на которые не скунилъ старшій аптекарь, Вильгельмъ Федоровичъ, лѣтъ въ семнадцать, порядочно зналъ естественныя науки и фармакологию; онъ уже готовился поступить въ академію, какъ вдругъ аптекарь умеръ. Вильгельмъ Федоровичъ, сдѣлавшись свободнымъ,

тотчасъ же продалъ аптеку и отправился путешествовать. Онъ записывался почти въ каждомъ университетѣ слушателемъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не бывалъ на лекціяхъ болѣе двухъ разъ, и, во все это время, то читалъ Гёте, Шиллера, Шекспира, то знакомился съ проезжими артистами, покупалъ статуи, картины, пріобрѣталъ образцовыя сочиненія— во всевозможныхъ изданіяхъ—и былъ даже, говорятъ, актеромъ въ одной провинціальной труппѣ. Не мотая денегъ почти ни на что, кромѣ означенныхъ покупокъ, онъ, въ то же время, проживалъ каждый годъ до восьми тысячъ рублей, потому-что безпрестанно терялъ кошельки и почти въ каждомъ трактирѣ варварски обсчитывался. Такимъ образомъ у Вильгельма Федоровича, послѣ трехъ лѣтъ заграничной жизни, не осталось ничего; онъ вернулся въ Петербургъ, прожилъ нѣсколько времени въ вопіющей бѣдности и, вспомнивъ о медицинѣ, началъ снова приготовляться въ академію. Богу одному извѣстно, какихъ усилій стоило ему, при его слабой памяти и при отвращеніи ко всякому положительному занятію, приготовиться къ экзамену; но онъ поступилъ въ академію и, черезъ четыре года, былъ уже посланъ лекаремъ въ М... На другой же годъ, послѣ своего пріѣзда, Вильгельмъ Федоровичъ женился на дочери одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, принесшей ему съ собою, сверхъ прекрасныхъ качествъ, сто не заложенныхъ душъ. Онъ очень удивился, когда изъ его Теклы, стройной, нѣжной и скромной Теклы, года черезъ три, образовалась толстая, звонкоголосая и бранчивая барыня. На пятый годъ ихъ супружества родилась у нихъ Нина. Не минуло еще ей трехъ лѣтъ, какъ Вильгельмъ Федоровичъ вышелъ въ отставку и совершенно пересталъ лечить. Сдѣлавшись свободнымъ, онъ снова принялся читать Фауста, толковать о Гамлетѣ и писать по временамъ стихи. Голова его вѣчно была наполнена отвлеченностями: онъ не занимался ни хозяйствомъ, ни женой, ни даже воспитаніемъ единственной дочери. Въ городѣ—одни называли его фантазеромъ, а другіе просто сумасшедшимъ; но я любилъ и уважалъ его, я видѣлъ во всехъ ошибкахъ его жизни, что онъ былъ, какъ

говорится, художникъ въ душѣ. Такіе люди существуютъ на свѣтѣ и, не знаю, справедливо ли преслѣдуютъ ихъ насмѣшками? Вильгельмъ Федоровичъ, какъ и весь ему подобные, дѣйствительно самъ не произвелъ ничего хорошаго, но все-таки былъ художникъ, потому-что, въ пятьдесятъ лѣтъ, сохранилъ самую живую, юношескую любовь ко всему прекрасному, имѣлъ тонкій и образованный вкусъ, глубокія и оригинальныя сужденія о произведеніяхъ искусства. Ни жизни, ни наукъ не зналъ онъ, и даже читалъ мало, потому-что читалъ только лучшихъ авторовъ. Прочитавъ любимаго имъ Фауста, или что нибудь изъ Шекспира, въ сотый разъ, Вильгельмъ Федоровичъ обыкновенно зажималъ глаза и, по цѣлымъ вечерамъ, просиживалъ въ такомъ положеніи. Это онъ дѣлалъ, какъ самъ часто имъ говорилъ, для того, чтобы, удалясь отъ внѣшнихъ впечатлѣній, яснѣе воспроизвести прекрасныя образы, развить и уяснить себѣ тонкіе намеки, которыхъ такъ много у великихъ писателей,—чтобы, разбирая каждый характеръ отдѣльно, пережить съ нимъ все моменты его нравственной жизни, начиная отъ самыхъ спокойныхъ до сильно-драматическихъ. Почтенная супруга Вильгельма Федоровича, Фекла Петровна, также думала, что мужъ ея не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Послѣ страшнаго его отрѣченія лечитъ, она выдержала трех-недѣльную горячку и съ тѣхъ поръ начала, что называется, денно и нощно грызть мужа; но Нѣмецъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи и никого не лечилъ. Лѣтъ черезъ пять и Фекла Петровна привыкла къ своему, какъ она выражалась, несчастью и въ утѣшеніе себѣ обыкновенно говорила: не всѣмъ Богъ даетъ умныхъ мужей; мой по-крайней-мѣрѣ не няница, онъ бы и съ практикою ничего не нажилъ: все бывало бѣдныхъ лечилъ, да еще и лекарства на свой счетъ покупалъ. Вотъ каково было семейство, гдѣ родилась моя Нина.

Не знаю почему, я въ этой дѣвушкѣ предполагалъ многое. Нельзя сказать, чтобы она была красавица; но она была очень мила: высокая не по лѣтамъ, стройная, съ маленькою головкою, но, въ то же время, съ прекрасно-развитою грудью; въ большихъ темно-голубыхъ глазахъ ея и въ дѣт-

ской улыбкѣ была видна какая-то задумчивость, что придавало ея круглому личику такое выраженіе, какъ будто бы она о чемъ-то постоянно грустила, и мнѣ казалось, что это была тоска Миньоны по небесамъ. Не для здѣшняго міра рождена ты! часто думалъ я, глядя на нее; но иногда мысли мои мѣнялись: я представлялъ Нину черезъ десять и двадцать лѣтъ,—и невольно задавалъ себѣ вопросъ: что будетъ тогда съ нею? Странное дѣло—этотъ вопросъ всегда рѣшался одинакимъ образомъ: мнѣ казалось, что, рано или поздно, на это, спокойное теперь созданіе, пахнѣтъ суровое горе жизни, и что Провидѣніе наложитъ на нее крестъ тяжелыхъ испытаній, а я буду утѣшать ее. Мало этого,—мнѣ казалось, что ея страданія пронестутъ изъ собственныхъ ея заблужденій, которыя непременно постигнутъ ее, потому-что она, какъ мнѣ казалось, вполне наследовала художественную натуру отца, следовательно натуру способную увлекаться и ошибаться; въ этой мысли меня еще болѣе убѣждало то, что Нина прекрасно пѣла и играла на фортепіано. Были даже минуты, когда я, въ порывѣ моей мечтательности, думалъ жениться на Нинѣ и, съ волнующимъ вниманіемъ, развить всѣ ея прекрасныя склонности и предохранить ее отъ неизбежнаго зла. По волѣ судьбы, мнѣ снова было назначено прожить почти цѣлый годъ въ М.... На другой же день, послѣ своего прѣзда, бросился я къ старому Нѣмцу. Нинѣ было уже семнадцать лѣтъ; она нѣсколько попомнѣла, въ чертахъ лица ея не было уже прежней нѣжности, но она была по прежнему задумчива, глаза ея были также прекрасны. Чувства мои, мало изгладившіяся продолжительною разлукою, снова возродились: по цѣлымъ часамъ глядѣлъ я на Нину, когда она, склонившись на руку, въ какомъ-то раздумьи, глядѣла въ окно. Не знаю, понимала ли Нина то, что я чувствовалъ къ ней, но она была со мною холоднѣе, чѣмъ съ прочими, и я помогалъ, что это происходило по совѣту матери: она любила и слушалась ее, а мать терпѣть меня не могла за то, что я, бывая у Нинѣ, никогда почти не говорилъ съ нею, не разска-

зываетъ ей городскихъ сплетней, а толковалъ больше съ добрыми Нямцемъ. Такъ прошла вся осень.

Съ наступленіемъ зимы, въ М..., сверхъ обыкновенія, за-
тѣлись собранія: ихъ составилъ Семень Семеньчъ; къ нему
присталъ откупщикъ, и перѣехали въ городъ: помѣщикъ Ко-
вьяевъ и всѣми уважаемый, другой помѣщикъ Коаулинъ; они
разобрали вечера и назначили по воскресеньямъ собранія. Ни-
нѣ надобно было выезжать: Оекла Петровна была въ ужасныхъ
хлопотахъ; сама она не могла выезжать, потому-что страда-
ла постоянно флюсомъ, который совершенно перекошилъ ея
лицо на одну сторону; Нину поручила она Клеопатрѣ Алек-
сандрѣ. Минѣ это весьма не нравилось: избранная патронес-
са была глупа и надута; она конечно не захочетъ, или,
лучше сказать, не сумѣетъ заняться порученною ей дѣлуш-
кою. Я сказалъ было объ этомъ Вильгельму Фодоровичу,
но тотъ только махнулъ рукою, приговаривая: «не наше дѣ-
ло, mein lieber, тутъ самъ чортъ ничего не сдѣлаетъ.» Нача-
лись собранія и вечера. Я, собственно для Нины, рѣшился
выезжать. Я видѣлъ, какъ бросилась ей кровь въ лицо, ко-
гда она, въ первый разъ, вошла въ освѣщенную залу и
увидѣла толпу разряженныхъ мужчинъ и женщинъ; я ви-
дѣлъ, какъ она, сначала, не смѣла отойти отъ своей патронес-
сы, не смѣла даже взглянуть въ сторону; съ какою-то чисто
дѣтскою робостію подала она потомъ руку подошедшему
къ ней кавалеру и просившему ее на вальсъ; видѣлъ, какъ
она увлекалась, какъ движенія ея дѣлались постепенно бы-
стрѣе и живѣе; подъ конецъ собранія, она уже очень без-
заботно танцевала мазурку съ офицеромъ и чему-то смѣя-
лась: съ лица ея пропала обычная задумчивость. Ребе-
нокъ!— думалъ я,— какъ она способна воспринимать впе-
чатлѣнія! Но ты недолго проживешь чужою радостію, ты
снова задумаешься! И дѣйствительно, Нина скоро задума-
лась. Минѣ въ голову тогда не приходило, что это было отъ
усталости. Когда кончилась мазурка, я подошелъ къ ней.

— Вамъ было весело, Нина Вильгельмовна? спросилъ я.

— Весело, отвѣчала она.

— Но отчего жъ вы задумались?

— Такъ.

— Нѣтъ, не такъ, возразилъ я, — вамъ скоро все это наскучитъ.

— Никогда, отвѣчала она, — мнѣ только дома очень скучно.

— Отчего же вамъ дома очень скучно?

— Да такъ! все сиди, папенька всегда читаетъ, иногда заставляетъ меня слушать—мнѣ это очень скучно! или, по нѣлымъ вечерамъ, играй ему на фортепiano, а онъ плачетъ—очень весело!

Въ первый разъ еще услышалъ я, что Нинѣ скучно оттого, что отецъ читаетъ и заставляетъ ее играть, — и эта мысль болѣзненно отозвалась въ моемъ сердцѣ. Она молода, она ничего не понимаетъ, подумалъ я въ утѣшеніе себя.

Нина, воспользовавшись моимъ молчаніемъ, тотчасъ отошла отъ меня. Я видѣлъ, что она снова начала разговаривать съ своимъ мазурочнымъ кавалеромъ и отъ души сѣялась. Мнѣ сдѣлалось какъ-то горько и досадно: я тотчасъ ушелъ.

II.

Уездное собраніе, какъ и всѣ почти уездныя собранія, имѣло одинъ недостатокъ: въ немъ было чрезвычайно мало кавалеровъ. Положеніе дѣвицъ весьма непріятно! Такъ говорили многіе. Какая нибудь Дарья Семеновна, дочь почтеннаго отца, дававшего постоянно вечера, часто принуждена была пропускать танцы. Дарья Семеновна, прошлую зиму, жила въ Москвѣ и тамъ сдѣлала, какъ говорилъ отецъ, такое впечатлѣніе, что, просто, удивительно. Что дѣлать? кавалеровъ мало! Правда, былъ одинъ щеголь, который подлинно танцевалъ, сколько силъ доставало, и ему даже официантъ, подавая уживъ, обыкновенно говорилъ:

— Вамъ, сударь, можно покушать, — вы, чай, протанцевались?

— Да, братецъ, нечего сказать! — изрядно пропотѣлъ! обыкновенно отвѣчалъ онъ.

Принявши это въ соображеніе, ни кому конечно не будетъ удивительно, что появленіе новаго кавалера, блистательнаго, богатаго, красавца, произвело на всѣхъ ощутительное дѣйствіе. Это было подѣ новый годъ. Семень Семенычъ пріѣхалъ позже своего семейства и тотчасъ же подошелъ къ Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, ходившей съ моею Ниною и еще двумя дѣвками.

— Поздравляю барышень съ новымъ кавалеромъ, сказала Семень Семенычъ: Мазуринъ пріѣхалъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! вскрикнула Клеопатра Алексѣевна, — вотъ прелесть!

— Что такое, папá? спросила Дарья Семеновна, проходя мимо.

— Мазуринъ пріѣхалъ.

— Не можетъ быть! сказала Дарья Семеновна, — за чѣмъ вы, папá, такъ ужасно шутите?

— Что жъ за шутки. Сейчасъ присылалъ ко мнѣ за билетомъ.

Дарья Семеновна отошла въ волненіи и, взявши подѣ руку одну изъ подругъ, сказала ей: Ма сhère, мы сегодня съ вами будемъ ходить. Потомъ, помолчавъ, прибавила: кажется, Мазуринъ пріѣхалъ.

— Право? сказала ея подруга, сколько возможно спокойнымъ голосомъ; но лицо ей измѣнилось — она сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

Новость, сообщенная Семеномъ Семенычемъ, заняла всѣхъ. Я посмотрѣлъ на Нину: въ лицѣ ея не было обычнаго спокойствія, она, кажется, раздвѣляла общее любопытство. Спустя четверть часа, Мазуринъ вошелъ въ залу, и взоры всѣхъ, какъ бы невольно, приковались къ нему. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ: высокій, стройный ростъ; открытое, умное, съ правильными чертами лица, благородство въ пріемахъ, изысканная простота въ одеждѣ—все это производило то, что онъ дѣйствительно казался между всѣми какинь-то отиѣтнымъ соборемъ. Съ четверть часа, вивствъ съ прочими, смотрѣлъ и я, не спуская глазъ, на Мазурину.

— Какъ онъ хорошъ! сказалъ я одной молодой дамѣ.

— Очень хорошъ, отвѣчала она: и страшный богачъ! говорить, у него славные, золотые прииски!

Начался вальсъ. Я видѣлъ, какъ безпокойство пробѣжало по всѣмъ лицамъ танцующихъ дамъ, и не мудрено! Представьте себѣ положеніе ихъ: онѣ должны были танцовать съ своими туземными кавалерами предъ Мазуринымъ, который, хотя самъ не танцевалъ, но ужъ конечно превосходно вальсируетъ. Франтъ взялъ одну изъ дѣвицъ, Мардохеевъ дочь откупщика, на которой, говорятъ, хотѣлъ жениться; но это все еще сносно! Ну, а Дарья-то Семеновицъ съ кѣмъ? Она подошла къ своему родителю и рѣшительнымъ голосомъ сказала ему, какъ старшинѣ, чтобъ онъ велѣлъ перестать играть вальсъ, и хорошо сдѣлала, потому-что ей угрожала не малая опасность: къ ней подходилъ кавалеръ, который былъ не авантенъ въ вальсъ и до такой степени, что судья, человекъ очень скромный, обыкновенно говорилъ про него: козелъ! совершенный козелъ! Каково же, предъ Мазуринымъ, танцовать съ козломъ? Вальсъ прекратился; сигналъ поданъ къ французской кадрили; Мазуринъ кладетъ шляпу.... натягиваетъ перчатки.... одна дѣвица, вмѣстѣ съ Дарьей Семеновной нарочно прошла мимо него и посмотрѣла самымъ значительнымъ взоромъ. Мазуринъ пошелъ, посмотрѣлъ на дочь откупщика,—она покраснѣла и тяжело вздохнула, Мазуринъ поворотилъ влѣво и.... какъ странно нынѣшняя молодежь ведетъ себя въ обществѣ! Этотъ Мазуринъ, вмѣсто того, чтобы почтить или дочь почтеннаго Семена Семеновича, или по-крайней-мѣрѣ дочь откупщика, — прошелъ всѣхъ мимо и подошелъ къ Нинѣ. У меня замерло сердце... Этотъ поступокъ Мазурина какъ бы обличалъ его передо мною: Мазуринъ красавецъ, свѣтскій человекъ, онъ всю жизнь провелъ въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, онъ вѣроятно любить въ женщинѣ только молодость, свѣжесть и невинность, а Нина была тутъ всѣхъ моложе, всѣхъ свѣже, больше всѣхъ походила на ребенка! Мазуринъ не случайно взялъ ее!... онъ ее погубитъ!... Въ прекрасномъ лицѣ его я сталъ замѣчать много чувственности и, съ той же минуты, далѣ

себя слово строго наблюдать за Ниною и, если возможно, предостеречь ее. Не могли удержать себя, я подошел и сѣлъ отъ нихъ недалеко. Мазуринъ разспрашивалъ Нину объ ея отцѣ, говорилъ, что онъ знаетъ старика и общался быть у нихъ на другой день. Это еще болѣе усилило мои подозрѣнія. Мазуринъ танцевалъ съ Ниною еще кадрили и взялъ ее на мазурку.

III.

Не смотря на свой, нѣсколько странный поступокъ, Мазуринъ все-таки оставался интереснымъ кавалеромъ. Дарья Семеновна, въ то же собраніе, подошла къ отцу и сказала:

— Что, папá, будетъ ли у насъ завтра Мазуринъ на вечеръ?

— Какъ же это, душа моя, отвѣчалъ тотъ: я вѣдь съ нимъ не знакомъ, а самъ-то онъ не знакомится.

— Вы всегда, папá, такъ: ничего не умѣете порядочно сдѣлать!

Семень Семенычъ, видно, сознавая справедливость замѣчанія дочери, ничего не отвѣчалъ и задумался.

— Да, какъ же? сказалъ онъ, помолчавъ: я ужъ не знаю, право неловко.

— Это ужасно! сказала Дарья Семеновна и, пожавъ плечами, отошла отъ родителя. Семень Семенычъ, во все остальное время бала, заходилъ къ Мазурину то справа, то слѣва; но Мазуринъ не замѣчалъ этого и занимался, по большей части, Ниною. Одна изъ дѣвицъ дѣйствовала рѣшительнѣе Дарьи Семеновны: танцуя съ Мазуринымъ французскую кадрили, она сказала:

— Здѣсь городъ не большой, а очень веселятся.

— Это видно, отвѣчалъ Мазуринъ.

— Въ собраніи еще не такъ, а вотъ на вечерахъ — очень приятно; здѣсь много вечеровъ.

— Право?

— Да! вотъ у Семена Семеныча, у Ковылева;— его семейства сегодня нѣтъ; у насъ.... Я надѣюсь, прибавила она жеманнымъ голосомъ, что вы доставите намъ удовольствіе видѣть васъ въ нашемъ домѣ?

Мазуринъ поклонился.

— Отчего жъ вамъ, папá, сказала Дарья Семеновна, на другой день за утреннимъ чаемъ: не съѣздить къ Мазурину? Онъ ужъ не мальчикъ.

— Конечно, отвѣчалъ отецъ: да все какъ-то неприлично.

— Полноте, папá, что это за глупыя приличія въ уѣздномъ городѣ,—только стѣсняють удовольствія!... въ столицѣ другое дѣло.... Повѣжайте!

Семенъ Семенычъ, убѣжденный этимъ доводомъ, часу въ двѣнадцатомъ отправился къ Мазурину съ визитомъ.

Дарья Семеновна, оставшись дома одна, хотѣла было читать французскій романъ, но не могла, отъ внутренняго волненія. Черезъ часъ родитель ея возвратился съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, Даша, говорилъ онъ: обдѣлалъ дѣло, какъ нельзя лучше! Онъ отличнѣйшій малой: извинялся, извинялся, что самъ первый не пріѣхалъ, — вышелъ самъ провожать на крыльцо.

— Да, будетъ ли онъ, папа, на вечеръ-то?

— Вотъ на вечеръ! Обѣдать пріѣдетъ!

— Чтò вы!

— Я тебѣ говорю! Онъ было у меня началъ просить, чтобы я ему сегодня же позволилъ отплатить визитъ, — нѣтъ, говорю я, милостивый государь, оставимте эти церемоніи: если будете такъ обязательны,—пожалуйте къ намъ сегодня откушать; «съ большимъ, говоритъ, удовольствіемъ!»— и такъ, знаешь, говоритъ свободно,—сейчасъ видно чловѣкъ съ обращеніемъ. Назадъ повхавши, къ Ковылеву заѣхалъ,—позвалъ къ себѣ; пусть познакомится и пригласитъ его къ себѣ на вечера.

— Ахъ, папá, какъ вы все прекрасно сдѣлали! вскричала Дарья Семеновна и побѣжала хлопотать о туалетѣ и о

столъ. Часа черезъ два, гости съѣхались. Передъ обѣдомъ, Семенъ Семенычъ подвелъ Ковылева къ Мазурину.

— Позвольте вамъ рекомендовать Григорья Васильевича Ковылева—это истинный веселитель всего, можно сказать, адъшняго узда.

Ковылевъ отвѣсилъ, на сколько сумъль, въжливый поклонъ, проговоря густымъ басомъ: сдѣлайте милость,—прошу познакомиться!.. Надвюсь, прибавилъ онъ, что вы уже обяжете посъщеніемъ: у меня вечера по вторникамъ. Такимъ образомъ Мазуринъ приглашенъ былъ всеми,—и онъ бывалъ вездѣ. Я видѣлъ, что Нина была главнѣйшимъ предметомъ его вниманія, и онъ умѣлъ искусно приучить ее къ себѣ. Она простодушно болтала ему всякій вздоръ, отъ души смѣялась, когда онъ рассказывалъ ей пошлые, давно избитые анекдоты; она почти всегда выбирала его въ мазуркѣ: ея самолюбіе видимо щекотилось вниманіемъ Мазурина; съ другими кавалерами она сдѣлалась серьезнѣе и улыбалась только одному Мазурину. Въ обществѣ уже начали говорить, что Мазуринъ заинтересованъ Ниною и врядъ ли ужъ не сватался, потому-что Фекла Петровна, на обѣдѣ у откушника, что-то очень важничала и такъ подняла носъ, что странно было смотрѣть; къ Нинѣ же всѣ сдѣлались ласковѣе и внимательнѣе: въ провинціяхъ вниманіе къ дѣвушкамъ богатаго жениха—вещь важная. А впрочемъ и въ столицахъ тоже.

Вдругъ Мазуринъ пересталъ съ Ниною танцовать. Первый вечеръ она была очень весела, до слезъ почти смѣялась и шутила съ другими кавалерами, но потомъ сдѣлалась задумчива и грустна: я видѣлъ, какъ она смотрѣла, по временамъ, на Мазурина какимъ-то болъзненнымъ взоромъ; но онъ былъ холоденъ и равнодушенъ,—онъ едва отвѣтилъ на ея прощальный поклонъ. «Она его любитъ страстно!» подумалъ я и рѣшился, во что бы ни стало, вывѣдать у Нины ея тайну. Цѣлую недѣлю не имѣлъ я возможности исполнить моего желанія, хотя всякій почти день бывалъ у Нинца. Во все это время я наблюдалъ прилежно за Ниною: она сдѣлалась еще задумчивѣе; по цѣлымъ часамъ сидѣла она надъ своею работою, наклонившись; не работы не прибывало; я

часто замѣчалъ, что глаза ея были красны, какъ будто бы она недавно плакала, и много плакала; при каждомъ скривнѣ полоза на ситѣ, она стремительно взглядывала въ окно и потомъ снова погружалась въ задумчивость; одинъ разъ она взглянула, проѣхавъ Мазуринъ, Нина поблѣдѣла и долго глядѣла ему вслѣдъ.

Наконецъ я засталъ Нину одну; мать повѣхала на ярмарку закупать наряды, а отецъ спалъ. При моемъ входѣ, Нина встала и хотѣла было разбудить отца, но я попросилъ не беспокоить старика и съѣлъ напротивъ ея.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, началъ я: мнѣ хочется спросить васъ... будете ли вы со мною откровенны?

— Я съ вами всегда откровенна.

— Нѣтъ, я прошу у васъ такой откровенности, какую бы вы имѣли съ вашей подругою, или, лучше сказать, я васъ прошу быть откровенными со мною такъ, какъ вы откровенны сами съ собою, съ вашею совѣстью.

Нина посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и страхомъ.

— Скажите мнѣ, продолжалъ я: кто вамъ больше нравится изъ кавалеровъ?

Нина вспыхнула.

— Вся нравится, отвѣчала она притворно спокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не вся; я знаю, кто вамъ нравится.

Нина смѣшалась.

— Кто же? спросила она, но такъ тихо, что я едва могъ разслушать.

— Вамъ нравится....

— Не говорите! перебила она вдругъ: скажите только начальную букву.

— Первая буква фамиліи М.

— Не правда!

— Правда, Нина; правда потому, что вы тотчасъ догадаетесь, о комъ я говорю.

Нина ничего не возразила; она была въ сильномъ волненіи, руки ея дрожали, на глазахъ показались слезы.

— Онъ теперь сердитъ на меня, какъ бы невольно проговорила она.

— А за что? спросилъ я.

Нина не могла долже выдержать моего вопроса, она встала и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ вышелъ старшій Нѣмецъ: Нина его разбудила. Когда она возвратилась въ гостиную, я замѣтилъ, что она недавно плакала. Съ грустью въ сердцѣ уѣхалъ я домой. Что это за человекъ Мазуринъ? думалъ я. Нельзя предполагать, чтобы онъ дѣйствовалъ тутъ съ чистымъ намѣреніемъ: онъ свѣтскій человекъ, ему тридцать лѣтъ, боюсь я его!... Бѣдная Нина!... Но что мнѣ было дѣлать? Она видимо меня чуждалась. Сказать отцу? матери? Это слишкомъ щекотливое дѣло! Можетъ-быть, страсть Нины пустое, ребяческое увлеченіе, которое кончится ничѣмъ и, можетъ-быть, самъ Мазуринъ кружить голову Нинѣ такъ, отъ бездѣлья..

IV.

Я познакомился съ Мазуринымъ. Сначала онъ очень туго сходился со мною: въ немъ уже не было ничего юношескаго. Не смотря на мое стараніе вызвать его на разговоры о любви, о женщинахъ, объ искусствѣ,—онъ отпалчивался, или говорилъ общія фразы. Изъ этого я заключилъ, что Мазуринъ человекъ скрытный, и полагалъ, что эта видная въ немъ поверхность простирается не отъ бѣдности содержанія, но отъ скрытности, какъ это часто бываетъ съ людьми, постоянно жившими въ свѣтѣ; но дальнѣйшія мои съ нимъ сближенія разубѣдили меня въ томъ: Мазуринъ былъ, если не глупъ, то очень не развитъ. Я никогда не могъ возбудить въ немъ интереса ни разказами про различные драматическіе случаи жизни, ни высокими образцами искусства, ни наукою. После я узналъ, что онъ ничего даже и не читаетъ; но

за то онъ далеко ушелъ во внѣшней жизни. Вся чувственные потребности, сильно развитыя въ немъ, были въ то же время деликатны: у него былъ превосходный поварь, онъ могъ пить только отличное вино; мастерски ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ на лету ласточекъ, и съ одного приѣма часто оканчивалъ партію на билліардѣ. Нужно ли говорить, что онъ много занимался своею наружностію: онъ обыкновенно надѣвалъ на голову плотный колпакъ, чтобы не смять своихъ волосъ, клалъ въ футляръ свои пальцы съ длинными ногтями и каждое утро купался въ ароматической ваннѣ; одѣвался онъ щегольски не на показъ, а для себя, изъ собственнаго эстетическаго чувства; одну только сильную нравственную черту характера замѣтилъ я въ немъ: онъ былъ очень упрямъ, что ему нѣкоторымъ образомъ и давало возможность брать почти всегда превосходство надъ другими и господствовать даже надъ сильнѣйшими натурами. Узнавши такимъ образомъ Мазурина, я еще болѣе испугался за мою бѣдную Нину, потому-что люди, подобные ему, совершаютъ зло какъ бы инстинктивно и не сопровождаютъ его даже раскаяніемъ, по рѣшительному отсутствію сознательной жизни; но меня успокоивало то, что Мазуринъ съ Ниною былъ по прежнему въ холодныхъ отношеніяхъ. Я видѣлъ, что она страдала, но все такъ это было лучше, потому-что, какъ знать, до чего бы дошелъ Мазуринъ, ласкаясь къ этой дѣвушкѣ и поселяя въ ней къ себѣ доверіе; меня удивляло только то, отъ чего Мазуринъ такъ перемѣнился къ ней. Я спрашивалъ объ этомъ Нину, но она отмалчивалась, и сама была къ Мазурину невнимательна; но я видѣлъ, что это было притворство; она тайно страдала.

Наступилъ великій постъ. Я пришелъ къ Мазурину часу въ четвертомъ по полудни; въ это время я обыкновенно приходилъ къ нему, потому-что онъ, отобѣдавъ, не занимался своимъ туалетомъ, не дрессировалъ своихъ собакъ, а лежалъ и отдыхалъ.

— Je vous salue! сказалъ Мазуринъ, при моемъ при-

ходь, приподнимаясь нѣсколько съ дивана; позвольте мнѣ не перемѣнять моего положенія—оно очень покойно.

— Спокойствіе дороже всего, сказалъ я.

— Именно.

Въ комнату было немного вещей и въ углу стоялъ открытый чемоданъ.

— Вы куда-то идете? спросилъ я.

— Да, въ деревню.

— Надолго?

— Надолго.

Это извѣстіе меня обрадовало. Славу Богу, думалъ я, драма оканчивается комедією: Нина поскуачаетъ, пострадаетъ, — это еще небольшая бѣда.

— Вы ужъ-со всѣми знакомыми простились? спросилъ я, желая вывѣдать, говорилъ ли онъ Нинѣ объ его отъѣздѣ.

— Да, съ нѣкоторыми.

— Какъ вы думаете проводить время въ деревнѣ?

— Очень пріятно.

— Что же вы будете тамъ дѣлать?

— Въ деревнѣ я обыкновенно просыпаюсь въ 11 часовъ, пью кофе, послѣ одѣваюсь; часу въ первомъ или иду играть на билліардъ, или ѣзжу верхомъ; хожу иногда пѣшкомъ, потомъ обѣдаю и славно обѣдаю; высплюсь; до чаю хожу, емъ разные фрукты изъ моей оранжереи и такъ далѣе... Славно, право славно! только женскаго общества совершенно нѣтъ!

— Въ деревнѣ хорошо сосредоточиваться въ самомъ себѣ, сказалъ я.

— Что такое?

— Я говорю, что въ уединеніи хорошо припоминать свою прошлую жизнь, прошлыя ощущенія.

— Да это можно и въ городѣ: я очень помню и здѣсь все, что со мною было.

— Легко припоминать факты и внѣшнюю только жизнь, но есть еще жизнь внутренняя.

— Все глупости! — возразилъ Мазуринъ.

— Есть ли у васъ библіотека? спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія, нѣсколько озадаченный подобнымъ замѣчаніемъ.

— Есть,—но я не люблю читать.

— Отчего же?

— Потому, что въ романахъ все врутъ.

— Что же такое врутъ?

— Увѣряють, на примѣръ, что можно умереть отъ любви.

Это вздоръ! Никогда ни одна женщина, ни одинъ мужчина не умирали отъ любви.

Я посмотрѣлъ на Мазуряна: въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно веселъ и говорливъ, — это меня нѣсколько удивило.

— Можно любить и измѣнять, пачалъ я, но все-таки нельзя сказать, чтобы это совершалось безъ страданія, — и какъ знать, чѣмъ могутъ кончиться эти страданія, особенно въ женщинѣ?

— Никакихъ тутъ нѣтъ страданій! все, что выдумали господа романисты, это дѣло ихъ воображенія; въ жизни нѣтъ этого.

— Нѣтъ, возразилъ я: романисты не усиливаютъ жизни, а скорѣе не досказываютъ того, что совершается въ ней. Вся поэты міра не высказали, можетъ-быть, того, что произошло въ душѣ одного человѣка, въ продолженіе его жизни. Знаете ли, есть стихи:

О, если бѣ — безъ слова,
Сказаться душой было можно!

Они описываютъ одни только выпуклости, а мало ли тонокихъ, переходныхъ линій.

Мазуринъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливымъ взоромъ.

— Вы иногда очень вычурно говорите: пророчу вамъ быть современемъ романистомъ.

Въ это время пробило четыре часа. Мазуринъ проворно всталъ и началъ одѣваться. Онъ просилъ у меня извиненія, говоря, что ему нужно кое-что закупить.

— Ничего не понимаетъ, говорилъ я самъ съ собою,

выходя отъ него, и побѣхалъ къ Вильгельму Федоровичу: мнѣ хотѣлось увидѣть Нину и посмотрѣть, что съ нею.

Старый Нѣмецъ сидѣлъ, по обыкновенію обложенный книгами.

— Добрый вечеръ! вскричалъ онъ, увидѣвъ меня.

Мѣсто, гдѣ обыкновенно Нина сидѣла за работою, было пусто.

— Знаете ли, что я теперь читаю? продолжалъ Нѣмецъ, едва давши мнѣ свѣсть.

— Шекспира?

— Нѣтъ.

— Фауста?

— Нѣтъ!.. Я читаю Вильгельма Мейстера.

— Въ который разъ?

— Конечно ужъ не въ первый; но еще ни разу не могъ дочитать до конца.

— Это почему?

— Почему? — не знаю... Но нѣтъ, я вамъ скажу, — вы меня поймете. Въ Вильгельмѣ Мейстерѣ, Гёте глубоко заглянулъ въ душу человека, или, по-крайней-мѣрѣ, въ душу ко мнѣ: этотъ романъ вызываетъ у меня самыя глубокія мои помысленія, самыя тайныя движенія моего сердца, самыя темныя желанія, которыя, хотя и были во мнѣ, но я самъ не подозревалъ ихъ,—а это возрожденіе меня самого мнѣ тяжело, особенно, когда я взгляну на мою обыденную, пошлую жизнь, которая и милліонной долж не удовлетворила того, къ чему я стремился... Но, нѣтъ—я говорю не ясно, меня трудно понять, прибавилъ онъ и задумался.

Но я понималъ его. Боже мой! думалъ я: и это говорить старикъ, въ которомъ ни житейскія заботы, ни лѣта, ни званіе врача, ничто не уничтожило этой полноты ощущеній, этого художественнаго сочувствія ко всему прекрасному; но въ то же время мнѣ было горько, что добрый Нѣмецъ, погруженный въ свои созерцанія, слишкомъ оторгнулся отъ жизни и, не углубляясь въ нее, не давалъ ей никакого значенія.

Два человека были передо мною: Мазуринъ и Нѣмецъ, и оба не понимали жизни: первый потому, что совналъ только съ внѣшнею ея стороною и слѣдовательно былъ ниже ея, а другой, живя въ отвлеченіяхъ, слишкомъ уже поднялся надъ нею, не видѣлъ и не понималъ, что въ этомъ видимомъ хаосѣ таится величайшій порядокъ, самая строгая мысль; что въ этомъ видимомъ спокойствіи разыгрывается вѣчная драма, можетъ-быть гораздо поразительнѣе той, надъ чтеніемъ которой онъ плачетъ.

Такъ думалъ я,—а все-таки Нина не выходила у меня изъ головы.

V.

На другой день, часу въ десятомъ, я отправился къ Нѣмцу. Провзжая мимо квартиры Мазурина, я спросилъ объ немъ у дворника; но мнѣ сказали, что онъ еще ночью уѣхалъ. Не увезъ ли онъ Нину? подумалъ я, входя къ Нѣмцу на крыльцо. Вильгельмъ Федоровичъ сидѣлъ, по обыкновенію, съ своими книгами; Нины не было въ гостиной.

Оекла Петровна не пріѣхала еще? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А Нина Вильгельмовна?

— Нина больна: должно быть, простудилась.

— Чѣмъ же она нездорова? едва могъ проговорить я.

— Лихорадочное состояніе: въ ея лѣта, у женщинъ это очень обыкновенная болѣзнь.

Мнѣ сдѣлалось невыразимо грустно. Мнѣ хотѣлось повидаться съ Ниной, и, на этотъ разъ, желаніе мое, сверхъ чаянія, исполнилось.

— Барышня приказала васъ просить къ себѣ, сказала, входя, горничная.

Я почти побѣжалъ въ спальню больной; въ первый еще разъ Нина захотѣла меня видѣть: это меня обрадовало и испугало.

— Не долго тамъ будьте, кричалъ мнѣ вслѣдъ Нинецъ: лучше потолкуемте.

Нина лежала на диванѣ.

— Чтѣ съ вами, Нина Вильгельмовна? спросилъ я, садясь на ближній стулъ.

— Ничего, отвѣчала она протяжно. Въ голосъ ея слышалось отчаяніе.

— Какъ ничего! умоляю васъ — будьте со мной откровенны!

Она сплеснула руками и упала на подушку, потомъ, быстро приподнявшись, схватила меня за руки.

— Онъ увѣхалъ? спросила она, послѣ долгаго молчанія. Я ничего не отвѣчалъ. Это воспоминаніе снова возбудило въ ней отчаяніе; напрасно я ее успокивалъ. Старикъ меня клыкалъ, и я каждую минуту ожидалъ, что онъ войдетъ въ спальню.

— Послушайте, Нина Вильгельмовна, сказалъ я: отчаяніе великій грѣхъ!

— Не говорите этого, Бога ради, не говорите!

— Нѣтъ, Нина Вильгельмовна, я буду говорить! Много людей страдаетъ подобно вамъ; страдаютъ и болѣе вашего, но они молятся—и молитва ихъ спасаетъ — молитесь и вы!

— Нѣтъ, я не могу молиться, я хочу умереть!

— Послушайте, зачѣмъ вамъ умирать! говорилъ я ей, но внутренно былъ убѣжденъ, что это легко можетъ случиться. — Неужели вы еще его любите? спросилъ я, послѣ минутнаго молчанія. Любовь ваша была просто мечта.

— Mein lieber! кричалъ старикъ: пойдите сюда.

Я принужденъ былъ встать.

— Дайте мнѣ, Нина Вильгельмовна, слово не приходите снова въ отчаяніе, сказалъ я, взявъ ее за руку. — Послушайте, отрекитесь отъ свѣта, къ которому васъ такъ не правильно приготавливали. Ваше назначеніе не таково: вы дочь художника, вы наслѣдовали его прекрасное сердце; обратитесь къ искусству; вы уже теперь прекрасно играете на фортепiano, прекрасно поете—займитесь этимъ, уединитесь въ вашей домашней жизни, перестаньте думать о за-

мужствъ и о свѣтъ. Повѣрьте: у васъ будутъ такія наслажденія, которыхъ вы теперь и не предполагаете, вы будете въ тысячу разъ счастливѣе, потому-что это ваше призваніе. Такъ говорилъ я, вполнѣ убѣжденный, что Нина родилась быть артисткою.

— Это невозможно, сказала она.

— Почему же невозможно?

— Потому, что маменька не позволить: она будетъ требовать, чтобы я вышла замужъ.

— Такъ выберите себѣ человѣка благороднаго, человѣка съ душою, а не свѣтскаго бездушника. Какъ знать, можетъ-быть ужъ есть такой человѣкъ, который готовъ для васъ сдѣлать все, если только вы сами захотите.

Нина посмотрѣла мнѣ въ лицо. Говоря это, я почти не понималъ самого себя: въ эту минуту Нина была такъ прекрасна; въ ея глазахъ, полныхъ еще слезъ, высказывалось столько благодарности... Она крепко сжала мнѣ руку.

— Я буду спокойна, сказала она.

— Прошу васъ объ этомъ, сдѣлайте это для меня!

— Буду спокойна для васъ.

Я поцѣловалъ ея руку и вышелъ къ Нѣмцу, который началъ-было мнѣ снова толковать о Вильгельмѣ Мейстерѣ; но я, отозвавшись зубною болью, скоро ухвѣлъ. Да, я рѣшился жениться на Нинѣ, если только она полюбитъ меня. Это юное созданіе способно воспринять всѣ впечатлѣнія: я разовью въ ней ея художественныя наклонности, я дамъ ей истинное направленіе, отъ котораго она такъ была удалена неправильнымъ воспитаніемъ; своею любовью и уваженіемъ я заставляю ее забыть минутную свою привязанность, если она только существуетъ. Вотъ что думалъ я, прѣхавъ домой.

Въ тотъ же вечеръ, я опять былъ у Нѣмца и видѣлъ Ни-ну. Въ этотъ разъ она уже была гораздо спокойнѣе, но была очень грустна и молчалива. На другой день прѣехала мать, и мнѣ было уже невозможно оставаться съ Ниною на-единѣ. Она была по-прежнему печальна и мрачна, по временамъ тяжело вздыхала и по цѣлому почти часу глядѣ-

ла на одинъ предметъ, не сводя глазъ. Последнее обстоятельство меня очень пугало: я боялся, чтобы она не помяшалась. Со мною она сдѣлалась снова холодна и какъ бы остерегалась меня.

Такъ прошла недѣля. Неожиданное обстоятельство заставило меня оставить М... Я получилъ письмо, извѣщавшее меня о тяжелой болѣзни моего отца. Мнѣ тяжело было оставить Нину, но дѣлать было нечего. Грустный и расстроенный, пришелъ я къ Вильгельму Фёдоровичу. Нина сидѣла въ гостиной. У нихъ былъ гость, какой-то толстый баранъ, съ которымъ Фекла Петровна, какъ видно, была въ самыхъ пріятныхъ разговорахъ о хозяйствѣ, называя его по временамъ: Сергѣй Сергѣвичъ. Одинъ только добрый Нѣмецъ замѣтилъ, что лицо мое было блѣдно.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

Я сказалъ ему печальную новость и объявилъ, что сегодня же въ ночь ѣду. При этихъ словахъ, я невольно взглянулъ на Нину: она была грустна, но спокойна. Передъ отъѣздомъ, я подошелъ и сѣлъ близъ нея.

— Прощайте, Нина Вильгельмовна, началъ я въ полголоса: не впадайте въ отчаяніе, помните, что есть человекъ, искренно любящій васъ.

Нина ничего не отвѣчала.

— Пишите ко мнѣ,—адресъ мой есть у Вильгельма Фёдоровича. Напишите?

— Можетъ-быть, напишу.

— Вѣтъ, непременно напишите.

— Хорошо...

— Нина Вильгельмовна! прощайте!... Охъ, какъ мнѣ тяжело... разстаться съ вами. Прощайте! До свиданія!

У меня на глазахъ навернулись слезы.

Нина наклонилась на пальцы и начала шить. Лицо ея горѣло....

— Мнѣ еще тяжелѣе вашего! проговорила она.

Я всталъ и вскорѣ уѣхалъ. Последнія слова Нины я тогда отнесъ къ себѣ.

VI.

Отца моего не засталъ я уже въ живыхъ. Я много потерялъ въ немъ: онъ былъ мнѣ другомъ, руководителемъ и единственнымъ человекомъ, который могъ благотворительно ограничивать мою стремительность. Способный глубоко чувствовать всю горести, но неспособный переносить ихъ, я упалъ совершенно духомъ, а вмѣстѣ съ этимъ не выдержало и тѣло мое: я сдѣлался боленъ горячкою; но едва возвратилось ко мнѣ сознание, я снова началъ думать о Нинѣ. Писемъ отъ нея не было: мнѣ казалось, что и она больна. что она, можетъ-быть, умерла. У меня никого нѣтъ теперь! говорилъ я самъ съ собою: отца нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Нины! Я не читалъ обыкновенно ни одною нисья изъ М..., страшась, что непременно въ который нибудь изъ нихъ меня уведомятъ о смерти Нины. Мысль о томъ, что ее уже болѣе не существуетъ на свѣтъ, еще болѣе утвердилась тѣмъ, что я отъ Вильгельма Федоровича получилъ письмо съ черною печатью. Сердце мое сжалось! Я посмотрѣлъ только на адресъ и, не смѣя распечатать, бросилъ письмо въ огонь. Но время шло. Здоровье мое поправилось. Пріятели мои мучили меня каждодневно, или говоря мнѣ безъ всякаго смысла утѣшительныя фразы, или давая ни къ чему не ведущіе совѣты. Видя, что я ничѣмъ не занимаюсь, нигдѣ не служу, они твердо убѣдились, что меня непременно надобно женить, и безпрестанно мнѣ о томъ толковали; благодаря ихъ усерднымъ хлопотамъ, были присканы двѣ очень выгодныя невесты съ прекраснымъ родствомъ и состояніемъ; но я рѣшительно отказался и, мнѣ кажется, что причиною моего отреченія было по преимуществу то, что обѣ дѣвушки ни сколько не походили на Нину. Странное дѣло, какъ она совпала съ моимъ идеаломъ!

Спустя три года, я опять вѣхалъ черезъ М... Боже мой!

Этотъ городъ не имѣлъ уже для меня никакого значенія: въ немъ нѣтъ уже Нины, а слѣдовательно нѣтъ и ничего. Съ глубокою тоскою въѣхалъ я въ ту улицу, гдѣ жилъ Вильгельмъ Федоровичъ... Но вотъ и его домъ... Я невольно выглянулъ изъ экипажа и чуть не упалъ въ обморокъ: у раскрытаго окна сидѣла Нина. Мнѣ хотѣлось было тотчасъ же взойти къ Нѣмцу, но я вспомнилъ, что былъ не одѣтъ: тайное предчувствіе говорило мнѣ, что я не могу въ этомъ домѣ по прежнему являться запросто, и я велѣлъ ямщику, что есть духу, гнать въ гостиницу. Не могу выразить того, что было со мной въ эти минуты!... Мнѣ было весело, очень весело!... Тоска моя вмигъ улетѣла отъ меня на тысячу верстъ. Попадавшіеся на встрѣчу люди казались мнѣ такими красивыми, такими счастливыми, такими добрыми; лѣтній день, какъ будто бы, сдѣлался яснѣе и свѣжѣе, и солнце менѣе пекло; всюду было, казалось мнѣ, такъ много жизни, довольства!... Желтые каменные дома купцовъ, сѣрые деревянные, плохая мостовая, бесконечно длинныя заборы, оборванный школьникъ, съ сумкою черезъ плечо, баба съ рѣпой и морковью на лоткѣ—все это казалось мнѣ картинно и живописно! Я не чувствовалъ уже въ себѣ вѣчныхъ моихъ спутниковъ, физическихъ страданій: я какъ будто бы поздоровѣлъ въ одну минуту; я забылъ мое горькое прошедшее и предчувствовалъ впереди отрадное будущее. Нужно ли говорить, какъ торопился я переодѣться. Я самъ сбѣгалъ за водою, чтобы умыться, рылся въ чемоданѣ, бранилъ за неповоротливость моего лакея. Одѣвшись, я почти бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ лакейской у Нѣмца меня остановилъ человекъ, въ ливрѣ, вопросомъ: какъ прикажете доложить? Это меня удивило: у Вильгельма Федоровича никогда не бывало этого обыкновенія.—Скажи, что пріѣхалъ такой-то. Слуга ушелъ и, возвратившись черезъ минуту, проговорилъ: «пожалуйте!» Я быстро прошелъ залу и почти не въриль себѣ: я шелъ по паркету, мнѣ попадали въ глаза: то огромное зеркало, то китайскій билліардъ, то бронзовый канделябръ, и мало ли что еще! Неужели это я

въ домъ у Вильгельма Федоровича? подумалъ я; но, войдя въ гостиную, я не видѣлъ уже ничего, потому-что предо мною была Нина. При моемъ приходѣ, она привстала съ кресель.

— Mon Dieu! Вон юнг, неожиданный гость! сказала она, протягивая мнѣ руку: прошу садиться.

Я не могъ еще прійти въ себя... Это была точно Нина, и она была также хороша, но значительно пополнѣла; ея голось былъ гораздо звонче, грустная улыбка замѣнилась какимъ-то выраженіемъ надменности.

— А вашъ батюшка? спросилъ я, садясь въ кресло.

— Батюшка въ деревнѣ, а матушка здѣсь, отвѣчала она. Какъ вы перемѣнились! постарѣли!... вскрикнула она, всмотрѣвшись въ мое лицо.

— Не мудрено: я много перенесъ! у меня умеръ отецъ.

— Скажите — какое несчастіе!

— Но и вы перемѣнились.

— Право? что дѣлать—я уже теперь старуха: третій годъ замужемъ.

— Замужем! повторилъ я, не могши скрыть волненія: третій годъ замужемъ!

— А вы и забыли? хорошъ знакомый!

— Я не зналъ, я не думалъ, что выйдете такъ скоро замужъ!

— Почему?

Она позвонила въ это время въ колокольчикъ.

— Потому, что я оставилъ васъ очень больною: помните, какъ вы тосковали.

— Старья глупости! сказала она, сдѣлавши гримасу.

Въ это время вошелъ лакей.

— У васъ никогда не стерто со столовъ! сказала Нина, нахмурясь: посмотри сколько пыли.

— Да я стиралъ, началъ было лакей; но Нина нахмурясь посмотрѣла на него, и онъ молча началъ перетирать весь столы.

Тутъ только началъ я разсматривать, что сижу въ красно-убранной гостиной, далеко непохожей на ту, въ которой я нѣкогда бывалъ у Нѣмца: вмѣсто небольшихъ, съ мелкимъ переплетомъ, оконъ, были уже вставлены цѣльныя стекла, мебель ореховаго дерева съ золотомъ, огромныя зеркала, мягкій, съ прекрасными узорами, подъ ногами коверъ, мраморный каминъ, столъ съ сотнею модныхъ бездѣлушекъ. Вотъ что сдѣлалось изъ любимой комнаты Вильгельма Федоровича, въ которой прежде, кромѣ жесткой и увѣсистой мебели, да разбросанныхъ книгъ, ничего не бывало. Я не спрашивалъ Нины, кто ея мужъ: мнѣ стыдно было признаться, что я, боясь услышать о ея смерти, не читалъ писемъ изъ М...

— Вотъ мой мужъ, сказала Нина, указывая мнѣ на входящаго толстаго мужчину.

Это былъ Сергѣй Сергѣичъ, котораго я видѣлъ прежде у нихъ.

— Рекомендую тебѣ стараго знакомаго, продолжала она.

— Очень пріятно! отвѣчалъ тотъ, кланяясь и отирая катившійся съ лица потъ. Онъ видно очень усталъ, и почти повалился въ кресла.

— Куда это ты, помилуй, забѣжалъ? начала Нина, не слишкомъ ласковымъ голосомъ, обращаясь къ своему мужу: мнѣ нужно было вѣхать съ визитомъ — а вотъ и просидѣла.

— Въ увздвнй судъ ѣздилъ.

— Прислалъ бы лошадей, самъ бы могъ прійдти и пѣшкомъ.

— Чего пѣшкомъ — я и такъ усталъ!

— И прекрасно, что усталъ: тебѣ моціонъ очень полезенъ. Дарья Семеновна на дняхъ уже три раза была у меня съ визитомъ, а я у нея ни разу. Ни на что не похоже! Хорошъ мужъ! заѣдетъ и сидитъ, точно не знаетъ, что одинъ кучеръ.

— Да что же дѣлать, душа моя!

— Вели, по-крайней-мѣрѣ, поскорѣе заложить другую пару: эти устали.

— Ничего, и эти сvezуть.

— Вы всегда такъ, непременно напротивъ!

Сергѣй Сергѣичъ видѣлъ необходимость повиноваться: крихтя, всталъ онъ, съ кресель и поплелся въ залу.

Я смотрѣлъ на Нину и ни слова не говорилъ: мнѣ было досадно на нее, на себя, на весь міръ; она тоже молчала. Но безмолвная наша бѣсѣда прервана была приходомъ третьяго лица: это была Дарья Семеновна, которая имѣла счастье также быть замужемъ за Сашенькою Поддѣвкинымъ.

— Машетъ! Ниночка! вскрикнули въ одинъ голосъ обѣ дамы и звонко поцѣловались.

— Ахъ, душа, какъ я тебѣ рада, начала хозяйка: извини, что я у тебя не была, сейчасъ хотѣла ѣхать—вотъ свидѣтель!

Она указала на меня.

— Фи, та сѣге, что за счеты визитами! А я, сейчасъ, была у Лопатиныхъ.

— Ну, что? Расскажи, пожалуйста.

— Умора! тотъ, знаешь, сидитъ тутъ.

— Ну!

— Ну, ничего! рисуешь ей въ альбомъ что-то.

— Какія нѣжности!... Да, поздравляю! въ домъ Гвоздниковыхъ извѣстная тебѣ исторія кончена.

— Не можетъ быть!

— Я тебя увѣряю!... Онъ сватается за старшую дочь. Другъ друга стоятъ. Пара будетъ!

— Гдѣ ты вчера была?

— На обѣдъ у Бахмуровой. Какъ была Ковылева одѣта!

— Воображаю.

— Нѣтъ, трудно вообразить даже! Представь себѣ: ярко-голубое шелковое платье, съ черною бархатною отдѣлкою, шоколаднаго цвѣта камаль, съ какими-то огромными кистями, и блондовый чепецъ, съ желтыми лентами,—совершенно червонная дама!

— Ахъ, какое безвкусіе!... Будешь въ концертъ у Тирольцевъ?

— Нѣтъ, та сѣге, не поѣду: дорого очень, три рубля!

— Говорятъ, бѣдное семейство, пѣшкомъ изъ столицы пришли.

— Много ихъ бѣдныхъ шляется!

Я не могъ долѣе выдержать и началъ раскланиваться. Нана спросила меня: долго ли я еще здѣсь пробуду; но я сказалъ, что не знаю; она просила меня, когда-нибудь пріѣхать къ нимъ отобѣдать. Я молча поклонился.

И такъ, думалъ я, прѣвхавъ домой: Нина не умерла, Нина вышла замужъ ; Нина хозяйничаетъ , бранить слугъ, командуеть мужемъ, помѣшана на визитахъ и сплетняхъ! А я думалъ, что она не для здѣшняго міра рождена! Неужели мнѣ цѣлый вѣкъ суждено ошибаться въ людяхъ? Неужели она такъ измѣнилась? Нѣтъ, всегда она видно была такая, но только я придалъ ей то, что мнѣ хотѣлось видѣть въ ней, и Нину живую облекъ въ форму Нины мечтательной. Дай мнѣ Богъ такъ ошибаться весь вѣкъ и видѣть человека лучшимъ, нежели онъ въ самомъ дѣлѣ! Дорого мнѣ стоило разубвденіе въ Нинѣ!...

Нину болѣе я не видалъ, уѣхалъ изъ М... и забылъ ее; но помню другую Нину, Нину мечты моей!

Александръ Писемскій.

Иностранная Словесность.

ЗЕМЛЕМОРЬ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Продолженіе *).

VIII.

Люблю смотрѣть на эти деревья, переплетающіяся въ лихой свободѣ, свои вѣтви надъ дорогою! на эти прозрачныя ручьи, текущіе посреди свѣжей зелени лѣсовъ. Цвѣты растутъ во множествѣ, и наполняютъ ароматомъ мѣста, до которыхъ никогда не достигался заступъ.

Врімь.

Мнѣ довольно хорошо была извѣстна вся молодость моего отца; потому я зналъ, что тотъ человѣкъ, съ которымъ я встрѣтился, игралъ въ ней не маловажную роль, пользуясь совершеннымъ довѣріемъ моего отца. Впрочемъ, я сомнѣвался въ томъ, былъ ли Сускуэзусъ и Безслѣднѣй одно и то же лицо, хотя нѣсколько разъ слышалъ эти имена. Во всякомъ случаѣ, въ немъ я нашелъ друга, и потому мнѣ нечего было опасаться. Это было для меня большимъ утѣшеніемъ, потому-что очень неприятно путешествовать съ какимъ нибудь незнакомцемъ, ду-

* См. майскую книгу Сына Отечества нынѣшняго года.

мая, что при первомъ поворотѣ дороги, онъ можетъ пронизать пулей.

Сускуузусъ былъ старъ. Наружность его была замѣчательна: онъ держался также прямо, какъ и въ цвѣтущей своей молодости. Впрочемъ дикари рѣдко горбятся отъ другихъ причинъ, кромѣ слишкомъ преклонныхъ лѣтъ и употребленія горячихъ напитковъ. Сускуузусъ не пилъ. Походка его была скорая и легкая.

Въ первые минуты, Индѣецъ разговаривалъ со мною о послѣдней войнѣ и о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мы участвовали оба: О себѣ онъ говорилъ скромно, а не съ тѣмъ хвастовствомъ, къ которому такъ склонны краснокожіе. Поговоривъ о войнѣ, я вдругъ переимѣнилъ разговоръ.

— Ты былъ не одинъ въ сосновомъ лѣсу, Сускуузусъ; я говорю про тотъ лѣсъ, изъ котораго ты вышелъ, передъ встрѣчей со мною?

— Конечно нѣтъ... я былъ не одинъ... тамъ много народу.

— Что же, тамъ живутъ какія-нибудь семейства?

Лицо моего спутника омрачилось; я замѣтилъ, что вопросъ, предложенный ему, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Онъ нѣсколько времени не отвѣчалъ, но потомъ сказалъ съ грустью:

— У Сускуузуса нѣтъ семейства. Тридцать уже лѣтъ, какъ я оставилъ Онондаговъ, и не люблю Могавковъ.

— Кажется, я слышалъ что-то про это, отъ моего отца. Онъ даже говорилъ, что причина, заставившая тебя отдѣлаться отъ своихъ, дѣлаетъ тебѣ честь... но въ лѣсу кто-то пѣлъ.

— Да; пѣла молодая дѣвушка. Молодые дѣвушки любятъ пѣть; воины любятъ ихъ слушать.

— А слова этой пѣсни, на какомъ языкѣ?

— На языкѣ Онондаговъ, тихо сказалъ Индѣецъ.

— Я никогда не думалъ, чтобъ ваша музыка была такъ пріятна. Давно я не слышалъ звуковъ, которые болѣе бы трогали меня, хотя я и не понималъ словъ.

— Это пѣла птичка... хорошенькая птичка.

— А много у васъ такихъ пѣвицъ? Если много, такъ я непременно буду чаще приходить къ вамъ.

— А почему же нѣтъ? Дорога хороша... коротка. Дѣвушка будетъ пѣть, сколько вамъ угодно.

— Въ такомъ случаѣ, я на этихъ же дняхъ непременно

прійду. Гдѣ ты живешь теперь? Скажи мнѣ: въ эту минуту, ты Сускуэзусъ или Безслѣдный? Я вижу, что ты вооруженъ, но не раскрашенъ, какъ это дѣлается всегда передъ войной.

— На этотъ разъ топоръ зарыть глубоко. Долго никто не возьмется за него. Могавки помирились... Онеиды помирились... Онондаги помирились... всѣ зарыли свои топоры.

— Тѣмъ лучше для насъ владѣльцевъ. Я пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ продать или отдать въ наймы мои земли. Много ли нынче молодыхъ людей, которые отыскиваютъ фермы на это дѣло?

— Лѣса наполнены ими. Ихъ также много, какъ и голубей. Какъ вы продаете землю?

— Это зависитъ отъ ея качества. Развѣ ты хотѣлъ бы рунить, Безслѣдный?

— Вся земля принадлежитъ Индѣйцу, когда онъ нуждается въ ней. Онъ ставитъ свою хижину, гдѣ ему вздумается.

— Да, я знаю, что нѣкоторые изъ васъ, Индѣйцевъ, имѣютъ на это претензію; конечно, никто вамъ этого запрещать не будетъ, пока край не выйдетъ изъ своего легкаго состоянія; но ты не можешь дѣлать посѣвовъ и собирать жатву.

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей... хлѣба надо Сускуэзусу немного... у него нѣтъ никого.

Безслѣдный повторилъ эти слова тихо, но твердо, съ какою-то мужественною грустью. Человѣкъ, который жалуется, возбуждаетъ мало сочувствія; тотъ, кто плачетъ, — перестаетъ внушать уваженіе; но я не знаю зрѣлища болѣе трогательнаго, какъ видѣть человѣка, который умѣетъ владѣть собою въ несчастіи.

— Если у тебя нѣтъ ни жены, ни дѣтей, Сускуэзусъ, скажешь я,—за то есть друзья.

— Вашъ отецъ мнѣ другъ... сынъ его, надѣюсь, также мнѣ другъ. Вашъ дѣдушка то же былъ мнѣ когда-то другомъ; но онъ уѣхалъ, и не возвращался болѣе. Я хорошо зналъ всѣхъ вашихъ, и отца вашего и мать, словомъ, всѣхъ, всѣхъ.

— Выбери, Безслѣдный, какую тебѣ угодно землю; обработывай ее, продавай, дѣлай съ ней, что угодно.

Индѣецъ пристально посмотрѣлъ на меня, и я замѣтилъ легкую улыбку самодовольства на лицѣ его. Трудно было, однакожъ, заставить его измѣнить своему привычному хладнокровію; улыбка эта была мгновенна, какъ лучъ солнца, въ зим-

Нѣй день. Каждый бѣлый непремѣнно взялъ бы меня за руку, и наговорилъ бы въ знакъ благодарности тысячу фразъ; мой же спутникъ оставался равнодушнымъ, и кромѣ легкой, минутной улыбки, я не замѣтилъ никакой перемѣны въ его наружности; впрочемъ онъ былъ довольно учтивъ, чтобъ не оставить меня безъ отвѣта.

— Хорошо! сказалъ онъ помолчать; очень хорошо со стороны молодого вонна. Благодарю. Птицъ много... рыбы много... мнѣ не нужно земли. Можетъ, однако прійдти время, и оно безъ сомнѣннй прійдетъ для всѣхъ старыхъ Индѣйцевъ, которые живутъ въ этихъ окрестностяхъ....

— О какомъ времени ты говоришь, Сускузузъ? Во всякое время, во всякомъ случаѣ ты вынешь во мнѣ друга.

Индѣецъ остановился, опустилъ ружье и ослерся на него; стоя нечаянно, онъ походилъ на прекрасную античную статую.

— Да, прійдетъ время, когда старый воннъ будетъ жить въ своей хижинѣ и говорить съ молодыми воннами о прическахъ, о судахъ, объ охотѣ и войнѣ; теперь же онъ вяжетъ метлы и плететь корзины.

Сказавъ это, Индѣецъ взброеилъ ружье на плечо и, молча, мы пошли дальѣ.

— Не былъ ли ты въ Ревиснестѣ съ моимъ отцомъ, спросилъ я навоонецъ: въ то время, когда канадскіе Индѣйцы хотѣли поджечь домъ?

— Я былъ; тогда убили молодого голландскаго начальника.

— Да; его звали Гуертъ-Тенъ-Энкъ; отецъ мой, мать и старшій нашъ другъ, полковникъ Фоллокъ, всегда съ почтеніемъ вспоминають о немъ.

— Одни ли они вспоминають его теперь? спросилъ Индѣецъ, бросивъ на меня провинцательный взглядъ.

Я догадался, что онъ намекалъ на тетушку Мери, которая должна была выйдти за-мужъ за молодого Албанца.

— Нѣтъ, сказалъ я, есть еще женщина, которая оплакиваетъ его, какъ своего мужа.

— Это хорошо; женщины не всегда плачуть долго... рѣдко... иногда.

— Скажи мнѣ, Сускузузъ, не знаешь ли ты одного человека, котораго называютъ землемѣромъ? Онъ служилъ въ полку, и ты, вѣрно, встрѣчался съ нимъ во время войны.

— Здаю ли я землемѣра! Я зналъ его на полѣ сраженія; потому жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсу. Онъ изъ нашихъ; землемѣръ мой другъ.

— Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать это, потому-что онъ и мнѣ другъ; землемѣръ благороднѣйшій человекъ.

— Скоро и онъ начнетъ вязать метлы, сказалъ съ сожалѣніемъ Индѣецъ.

Бѣдный Андрей! Безъ помощи преданныхъ ему друзей, какихъ онъ имѣлъ въ насъ, онъ, конечно, могъ бы дойти до этой крайности. Заслуги, какія онъ оказалъ во время революціи, очень мало помогли ему, потому-что правительство было слишкомъ бѣдно, чтобъ выдавать жалованье своимъ защитникамъ. Впрочемъ я не обвиняю ни народъ, ни правительство, — въ этому принуждали обстоятельства. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, послѣ заключенія мира, трудно представить себѣ финансовую бѣдность края; но потомъ, мало-по-малу, какъ ребенокъ, оправляющійся отъ тяжелой болѣзни, надія укрѣпилась, поправилась, замѣнивъ оружіе сохою.

— Да, продолжалъ я, землемѣръ бѣденъ, какъ большая часть людей одного съ нимъ сословія; но у него есть друзья, и ни онъ, ни ты, Сускуэзусъ, пока я владѣю землями, не будете принуждены заниматься женскимъ рукодѣльемъ. У меня вы всегда найдете пріютъ.

Улыбка, также мгновенная, какъ и первая, мелькнула на лицѣ Индѣйца. Онъ былъ тронутъ моимъ дружескимъ расположеніемъ; взявъ мою руку, онъ крѣпко пожалъ ее.

— Давно ли вы видѣли ихъ? спросилъ онъ меня вдругъ.

— Кого? землемѣра?.. болѣе уже года; съ того самаго времени, какъ распустили войско.

— Я говорю не о землемѣрѣ, сказалъ Сускуэзусъ, протянувъ впередъ руку; а о домѣ, фермѣ и землѣ?

— А! ты спрашиваешь, когда я былъ въ Ревнестѣ? Никогда, Сускуэзусъ; я пріѣхалъ въ первый разъ.

— Смѣшно! Какъ же вы владѣете землями, которыхъ никогда не видѣли?

— У насъ есть законъ, по которому имѣніе переходитъ отъ отца къ сыну. Я получалъ Ревнестъ въ наследство отъ дѣда моего, Германа Мордоунта.

— Какъ можно считать своими земли, которыхъ никто же оберегаетъ?

— Они оберегаются если не людьми, то разными актами и условіями.

— А знаете ли, гдѣ вы теперь?

— Не совсѣмъ; но думаю, что мы приближаемся къ Ревис-весту.

— Посмотрите сюда: вотъ дерево, на которомъ нарублена замѣтка, здѣсь начинается ваша земля.

— Благодарю, Сускуэзусъ. Вѣдь и отецъ не узналъ бы своего ребенка, если бы встрѣтился съ нимъ въ первый разъ. Вспомни, повторяю: я здѣсь въ первый разъ въ жизни.

Безслѣдный свернулъ съ дороги и повелъ меня другою тропой, которая сокращала путь по-крайней-мѣрѣ мили на двѣ. Проводникъ мой превосходно зналъ всѣ дороги. Пройдя нѣкоторое разстояніе, онъ взобрался на пригорокъ и указалъ мнѣ, не подалеку отъ ручья, остатки большого огня. Тамъ, у этой границы нашего владѣнія, онъ располагался каждый разъ, когда не хотѣлъ входить въ него.

— Въ тавернѣ слишкомъ много рому, сказалъ онъ... не хорошо быть близко къ рому.

По этимъ словамъ можно было судить, какъ твердо владѣлъ собою Сускуэзусъ; впрочемъ я всегда считалъ его за необыкновеннаго Индѣйца. Я никогда не могъ узнать, почему онъ оставилъ свое поколѣніе; въ послѣдствіи мнѣ сказали, что землемѣръ зналъ это. Старикъ Андрей увѣрялъ меня, что причина, заставившая Сускуэзуса удалиться отъ своихъ, была достойна похвалы; но онъ никогда не рѣшался довѣрить мнѣ ее.

Постоявъ не много на пригоркѣ, Сускуэзусъ повелъ меня на другую возвышенность, съ которой видъ на мои владѣнія открывался во всѣ стороны. Мы остановились; я сѣлъ на свалившееся дерево и сталъ съ особеннымъ удовольствіемъ любоваться видами. Земля прекрасна сама по себѣ; но въ глазахъ владѣльца она несравненно лучше.

Хотя прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ это имѣніе было даровано моему дѣду, но нигдѣ не замѣтно было и слѣда тѣхъ быстрыхъ и энергическихъ улучшеній, которыя ознаменовывали подобныя предпріятія съ самаго начала.

Прежде, земля населялась медленно, и каждая колонія

представлялась какъ бы отдѣльною землею. Такъ, напримеръ въ Нью-Йоркъ прѣезжало очень мало эмигрантовъ изъ Новой Англіи, хотя изъ этого улья вылетѣлъ большой рой, который постепенно занялъ большую часть республики. Если образованіе, приносимое ими, не такъ высоко; если многого можно еще желать, по крайней мѣрѣ все, относящееся къ образованію и благоденствію, тщательно предусматрѣно. Однимъ словомъ, фундаментъ зданія положенъ твердо, но мало еще обращено вниманія на вѣншія украшенія.

Я знаю, что съ этимъ взглядомъ мовѣ на вещи, никогда не согласился бы мой отецъ; но предрасудки исчезаютъ со дня на день, ослабѣваютъ болѣе и болѣе, и наконецъ, Голландцы и особенно Янки видятъ явную невозможность соединиться. Быть можетъ у моего сына желанія и взглядъ на предметы будутъ еще обширнѣе. Но при этомъ я желалъ бы дать совѣтъ эмигрантамъ, котораго они не должны были бы забывать; этотъ совѣтъ заключается въ томъ, что эмигрантъ долженъ уважать привычки и мнѣнія тѣхъ, съ которыми селится, и что совершенство находится не всегда въ томъ только уголку, гдѣ мы живемъ. Но возвратимся къ Ревинсесту.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе тридцати лѣтъ, мало сдѣлано было успѣховъ въ расчисткѣ земель; но само время принялось за работу. Въ этой сторонѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ гористыхъ участковъ, деревья были той особой породы, которую мы зовемъ крѣпкимъ деревомъ; корни его, однакожъ, истлѣваютъ вчетверо скорѣе, чѣмъ корни обыкновенныхъ деревьевъ, какъ скоро срубленъ стволъ. По этому всѣ корни на поляхъ были истреблены. Вокругъ этихъ обнаженныхъ полей, возвышался дѣвственный лѣсъ, мрачно окаймляя прекрасный ландшафтъ. Противоположность была разительная: съ возвышенности, на которую ввелъ меня Индѣецъ, мнѣ представилось обширное пространство, устланныя хижинами и анбарами, зеленѣющими садами и полями, засѣянными рожью; которая колыхалась при едва замѣтномъ даже вѣтрѣ. Двѣ или три дороги вились между зданіями; на самомъ же югѣ видѣлось селеніе, состоявшее изъ двѣнадцати деревянныхъ домовъ; въ числѣ домовъ была гостиница, магазинъ, кузница, школа; далѣе сады, анбары и прочее. Близъ селенія, которое называ-

лось Ревниность, находившись мельницы; ихъ было четыре: одна пильная, другая мукомольная; третья для приготовления масла, четвертая валльная. Ни одинъ изъ домовъ, даже самый лучший, не былъ окрашенъ, хотя всѣ были испещрены разными архитектурными украшеніями; въ каждомъ было не менѣе четырехъ наружныхъ дверей. Безпредѣльная цѣпь лѣсовъ, составляла задній планъ картины. Они тянулись по всѣмъ направленіямъ; взбѣгали на вершины горъ или прятались въ глубинѣ ущелій. Этотъ лѣсъ походилъ на таинственную завѣсу, отдѣлавшую этотъ уголокъ земли, отъ всего остального міра. Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ, въ самой чащѣ лѣса, виднѣлись одно жъ жилища; вѣсколько тропинокъ перерѣзывали его въ разныхъ направленіяхъ, изрѣдка встрѣчались хижины, построенныя, вѣроятно, охотниками, квакерами или краснокожими, которые жили посреди этого мрачнаго величія пустыни.

IX.

О, еслибъ я захотѣлъ привести васъ въ ярость, я оскорбилъ бы Брута и Кассія, но я не сдѣлаю этого. Въ тысячу разъ лучше оскорбить память умершихъ, оскорбить васъ и не пощадить самого себя, нежели обидѣть людей столь почтенныхъ.

— Такъ вотъ Ревниность! вскричалъ я, разсматривая его въ молчаніи: вотъ помѣстье, оставленное мнѣ моимъ дѣдомъ, гдѣ случились происшествія, занимающія столь важное мѣсто въ исторіи моего семейства, происшествія, въ которыхъ ты самъ, Сускуэзусъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Индѣецъ испустилъ какой-то глухой звукъ; но, вѣроятно, онъ несовсѣмъ хорошо меня понялъ. Что дикіе нанали на домъ, убили вѣсколько человѣкъ и содрали съ нихъ волосы, это было для него не такъ необыкновенно, чтобъ онъ вспомнилъ о томъ черезъ четверть вѣка.

— Я не вижу главнаго строенія, Сускуэзусъ, прибавилъ я; того дома, гдѣ жилъ мой дѣдъ.

Онъ тогда не сказалъ ни слова; но только указалъ рукою на сѣверовостокъ. Я узналъ мѣсто, по сдѣланнымъ мнѣ объ

немъ обисавимъ, хотя разрушительная рука времени покусалась уже его. Простыя бревна, складенныя въ кучи, при подобныякъ условіяхъ могутъ пролежать безвредно отъ тридцати до сорока лѣтъ, смотря по качеству дерева и потому, какъ они были покрыты. Разстояніе не позволяло мнѣ вѣрно судить о настоящемъ состояніи строеній; но кромѣ того, что видѣлъ, я могъ заключить, что нѣмъ не слишкомъ пріятное жилище. Тамъ поселилось одно семейство, и я видѣлъ нѣсколько сыровъ, приготовленныхъ на прекрасной фермѣ, принадлежавшей къ дому, а также огородъ и поля, по видимому хорошо обработанныя. Но домъ нѣмъ видѣтъ печальный и мрачный, и только фермою своею и трубами отличался отъ простой кучи бревенъ.

Меня поразило торжественное молчаніе, которое царствовало повсюду; исключая нѣсколькихъ полунагихъ дѣтей, бродившихъ около ближайшихъ жилищъ, я не видѣлъ ни одного человѣка. На поляхъ не было никого, хотя паслось много рогатого скота.

— По видимому, фермеры мои не нуждаются въ скотѣ, сказалъ я Сускузусу; настища покрыты нѣмъ.

— Это все молодой скотъ, отвѣчалъ Онондаго; причиною тому война. Старый скотъ перебили для солдатъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ это поселеніе спаслось отъ грабежа, то жители его вѣрно получили выгоды, дѣлая поставки для войска. Я помню, какъ трудно было доставать въ военное время всякіе припасы и какъ они были тогда дороги.

— Безъ сомнѣнія: жители продавали обѣимъ сторонамъ; это было очень выгодно: кормить и Янкошь и Англичащъ.

— Я этому нимало не удивляюсь, потому что земледѣлецъ о томъ только и думаетъ, какъ бы выгоднѣе сбыть произведенія полей своихъ. Но куда же всё дѣлится? я не вижу ни одного человѣка.

— Вы ихъ не видите?—Тамъ отвѣчалъ Индѣецъ, показывая мнѣ на селеніе. Судья сегодня созвалъ всѣхъ на совѣтъ и вѣрно говорить теперь рѣчь.

— Въ самомъ дѣлѣ, они собрались у дома, въ которомъ помещалась школа. Но кого ты разумѣешь подъ именемъ судьи и кто говорить рѣчь?

— Старый школьный учитель, который пришелъ отъ соленого озера; большой вацтаникъ вѣснаго дѣда.

— А! это Нырокъ, мой повѣренный. Правда; а я едва не забылъ, что онъ глава здѣшняго поселенія. Ну, Сускузузъ, пора опять въ путь, и когда придетъ въ таверну, то можетъ быть узнаемъ, чѣмъ занимается великій совѣтъ. Не говори ничего о цѣли моего путешествія: я хочу рассмотреть, что тамъ дѣлается, прежде чѣмъ заговорю о самомъ себѣ.

Индѣецъ всталъ и пошелъ съ возвышенія по знакомой ему тропинкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, мы вышли на большую дорогу и были уже недалеко отъ селенія. Я ничего не сохранилъ изъ моей городской одежды, и трудно было бы узнать помещика въ путешественникѣ, который шелъ нѣшкомъ, въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ въ рукахъ и въ сопровожденіи Индѣйца. Никто не былъ предупрежденъ о моемъ скоромъ прибытіи, и по дорогѣ мнѣ пришла мысль осмотрѣть все внимательно. Чтобы хитрость моя удалась, не бесполезно было сказать еще нѣсколько словъ Индѣйцу.

— Сускузузъ, прибавилъ я, вида, что мы приближаемся къ селенію: я надѣюсь, что ты узналъ меня. Не нужно говорить это я; если тебя спросятъ, ты можешь отвѣчать, что я твой другъ; ты не солжешь, потому-что я всю жизнь буду имъ.

— Хорошо! у молодого начальника есть глаза; онъ хочетъ узрѣть ихъ. Хорошо! Сускузузъ понимаетъ!

Черезъ минуту, мы были въ толпѣ, передъ входомъ въ школу. Индѣйца всѣ такъ хорошо знали и такъ часто видѣли, что появленіе его не произвело никакого впечатлѣнія. Суда по одушевленнымъ лицамъ разговаривавшихъ и группамъ, которыя собиравались, можно было заключить, что дѣло шло о чемъ-то важномъ. Всѣ были въ такомъ волненіи, что почти не обратили на меня вниманія; я стоялъ внѣ этой толпы, состоявшей изъ шестидесяти или семидесяти человѣкъ, кромѣ такого же числа молодыхъ людей. Однакожъ я услышалъ, что спрашиваютъ, кто я и имѣю ли право подавать голосъ. Любопытство мое сильно возбудилось и я уже готовъ былъ спросить о причинѣ собранія, какъ вдругъ въ дверяхъ школы явилась какая-то особа и начала излагать дѣло. Это былъ человѣкъ не большого роста, сѣдой, худой, сморщенный, съ довольно пронзительнымъ взглядомъ, и одѣтый лучше большей части окружающихъ его, хотя одежда его не отличалась ни изяществомъ ни чистотою; ему было дѣтъ шестьдесятъ. Онъ говорилъ очень хладнокровно и

невозможно, какъ человѣкъ давно привыкшій присутствовать въ такого рода собраніяхъ, но съ сильнымъ конквистадорскимъ акцентомъ. Когда перелъ началъ рѣчи, ораторъ открылъ ротъ, чтобъ вынуть табакъ, а услышалъ кругомъ ропотъ:

— Тихе! вотъ судья; мы услышимъ что-нибудь.

Это былъ Ньюкомъ, мой повѣренный, главный обитатель населенія.

— Сограждане, началъ онъ, вы собрались сегодня, чтобы разсуждать о дѣлѣ самомъ важномъ и необходимомъ и вамъ нужно развернуть теперь всѣ ваши силы. Дѣло въ томъ, чтобы дать названіе вновь воздвигаемой вами церкви, и вы видите, что нѣкоторымъ образомъ даже спасеніе душъ вашихъ зависитъ отъ этого вопроса. Вы начали ваши пренія, совершивъ прежде молитву, и теперь готовы приступить окончательно къ собранію голосовъ. Между вами существуетъ разномысліе. Вы всѣ знаете, какая важная причина заставляетъ насъ скорѣе окончить это дѣло. Выѣзжающимъ лѣтомъ ожидаютъ сюда помѣщика, котораго все семейство отвержено, по несчастію, къ идолопоклонническому исповѣданію, отвергаемому болышею частію изъ васъ; по этому необходимо нужно, чтобы церковь была уже выстроена и совершенно готова до его пріѣзда и чтобы такимъ образомъ устранивъ его отъ вмѣшательства въ это дѣло. До сихъ поръ мы всѣ были различныхъ мнѣній, но теперь должны между собою согласиться. Въ послѣдній разъ подано было двадцать-шесть голосовъ за конгрегационистовъ, двадцать-пять за пресвитеріанъ, четырнадцать за методистовъ, девять за баптистовъ, три за универсалистовъ и одинъ за принадлежащихъ къ епископскому исповѣданію; ясно, что болышинство должно управлять, а меньшая часть повиноваться. Сначала, какъ умѣренный, я былъ того мнѣнія, что на сторонѣ конгрегационистовъ болышинство одного голоса, но нѣкоторые выразили сомнѣніе, и я готовъ согласиться, что въ семъ случаѣ число двадцать-шесть составляетъ не болышинство, а такъ сказать только *многочисленность*. Однакожъ такъ какъ двадцать-шесть или двадцать-пять суть болышинство въ отношеніи къ девяти, къ тремъ и къ одному, какъ ни брать эти числа, порознь или вмѣстѣ, то ваше собраніе рѣшило, что баптисты, универсалисты и принадлежащіе къ епископской церкви должны быть исключены изъ состязанія, и что въ слѣдующее собраніе могутъ быть подаваемы голоса за тѣ толь-

ко три исповѣданія, въ пользу которыхъ давно уже проголо-
валось число голосовъ, а именно: конгрегационистовъ, пре-
свитеріанъ и методистовъ. Каждый имѣетъ право подать голосъ
за какое ему угодно исповѣданіе, только непременно за одно
изъ этихъ трехъ. Я полагаю, что меня ново поняли и потому
предлагаю начать избраніе, если никто не имѣетъ сдѣлать на-
кихъ-нибудь замѣчаній.

— Господинъ умѣренный, вскричалъ изъ средины толпы тол-
стый и видный поселенецъ: можно ли теперь говорить?

— Безъ сомнѣнія, сударь. Тихе, господа, тихе! Маіоръ Го-
смеръ можетъ встать и говорить.

Маіоръ Госмеръ всталъ, что сдѣлать было ему тѣмъ легче,
что мы всѣ стояли; но выраженіе это было парламентское и
потому всѣ его поняли.

— Господинъ умѣренный, я принадлежу къ числу баптистовъ;
и нахожу настоящее рѣшеніе несправедливымъ, потому что
оно принуждаетъ насъ или подавать голосъ за то, что намъ не
правится, или во все не подавать.

— Но вы согласны съ тѣмъ, что большинство должно управ-
лять? прервалъ предсѣдатель.

— Безъ сомнѣнія; это даже одинъ изъ догматовъ моего вѣ-
роисповѣданія, отвѣчалъ старикъ съ видомъ совершеннаго чи-
стосердечія: но я все не вижу, почему большинство на сторонѣ
конгрегационистовъ, а не баптистовъ.

— Мы снова соберемъ голоса, маіоръ, чтобы сдѣлать вещь
удовольствіе, отвѣчалъ Ньюкомъ самымъ умѣреннымъ то-
номъ. Господа, кто изъ васъ согласенъ съ тѣмъ, что баптисты
не должны быть избираемы на слѣдующемъ собраніи, пусть по-
трудится поднять руку.

Всѣ, не принадлежавшіе къ этому вѣроисповѣданію, подняли
руки, которыхъ числомъ оказалось шестьдесятъ-девять. Въ
пользу баптистовъ, какъ и въ первый разъ было только девять
голосовъ. Маіоръ Госмеръ объявлялъ, что онъ доволенъ, хотя
по видимому настоящее дѣйствіе казалось ему не совсемъ пра-
вильнымъ. Какъ секта баптистовъ была самоею многочислен-
ною изъ трехъ исключенныхъ сектъ, то двѣ остальные по не-
волѣ промолчали. Онѣ были малочисленны, а малочисленность,
какъ часто случается въ Америкѣ, имѣетъ мало правъ.

— Теперь, сказалъ умѣренный. бывшій образцомъ покорно-

ош общему избѣнію: остается сдѣлать избраніе между конгрегационистами, пресвитеріанами и методистами. Начнемъ съ конгрегационистовъ. Не угодно ли тѣмъ, которые въ пользу этого стараго добраго коннектикутскаго вѣроисповѣданія, поднять руки.

Сладкій тонъ голоса, умоляющее выраженіе взгляда и слова: старое, доброе вѣроисповѣданіе, показали мнѣ, къ чему стремились желанія умѣреннаго. Сначала подвигъ только тридцать четыре руки; но умѣренный камъ-то нащупалъ еще три и съ безпристрастіемъ объявилъ, что въ пользу конгрегационистовъ оказалось тридцать-семь голосовъ. Такимъ образомъ изъ числа тринадцати голосовъ, поданныхъ членами другихъ сектъ, одиннадцать, по всей вѣроятности, были управляемы умѣреннымъ. Потомъ наступила очередь пресвитеріанъ, и кромя двадцати пяти голосовъ, которые они уже имѣли, подали голоса въ ихъ пользу два баптиста. Методисты остались при своихъ четырнадцати голосахъ.

— Такъ какъ теперь ясно, господа, сказалъ умѣренный, что методисты не приобрѣли болѣе ни одного голоса, и что число ихъ въ сравненіи съ другими менѣе, то я, ссылаясь на ихъ всѣмъ извѣстное христіанское смиреніе, хочу спросить ихъ, не лучше ли они сдѣлають, если откажутся отъ избранія.

— Голоса собирать! голоса! сколько за насъ! вскричалъ одинъ анабаптистъ.

— Пусть будетъ такъ, господа.

Оказалось четырнадцать голосовъ за избраніе и шестьдесятъ четыре противъ.

— Никакое вѣроисповѣданіе не устоитъ противъ такого большинства, сказалъ умѣренный съ видомъ совершеннаго чистосердечія. Мнѣ, право, очень жаль, что у насъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобъ построить храмы для всѣхъ сектъ въ мірѣ; но мы дѣлаемъ, что можемъ, и методисты съумѣють покориться необходимости. Теперь, господа, остается рѣшить вопросъ между конгрегационистами и пресвитеріанами. У нихъ нѣтъ большаго различія въ вѣрованіяхъ, но должно очень сожалѣть, что есть и малое различіе. Готовы ли вы, господа? Всѣ молчать, и такъ приступаемъ къ собиранію голосовъ.

Число голосовъ оказалось равное съ той и съ другой стороны, по тридцати-деяти. Я замѣтилъ, что умѣренный былъ недо-

воленъ, и думалъ уже, что онъ, присоединивъ къ другимъ своей голосъ, дастъ перевѣсъ той или другой сторонѣ; но я не зналъ этого человека. Ньюкомъ не любилъ никогда показывать, что имѣетъ вліяніе на дѣла; большинство было главнымъ его призомъ, и онъ при всякомъ случаѣ прибѣгалъ къ большинству. Исправленіе такой шаткой должности, какъ должность президента, могло возбудить зависть; но тотъ, кто слѣдовалъ всегда за большинствомъ, могъ быть увѣренъ, что сохранить всеобщее къ себѣ участіе. Ньюкомъ подавалъ свое мнѣніе только тогда, когда большинство было на его сторонѣ.

Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что самыя ложныя идеи о правахъ большинства начинаютъ распространяться у насъ; теперь принимаютъ за политическую аксіому господство большинства. Аксіома эта можетъ быть безошибочна, только тогда, когда ее примѣняютъ съ благоразуміемъ и при томъ къ такимъ дѣламъ, которыя рѣшаются по большинству голосовъ. Но избави Богъ отъ господства большинства всегда и во всемъ, какъ здѣсь такъ и вездѣ!... Такой порядокъ вещей былъ бы невыносимымъ, и правительство, допустившее его, сдѣлалось бы самымъ ненавистнымъ. Выше всего стоять и всегда должны господствовать главныя, неоспоримыя начала, основанныя на справедливости; только вопросы не столь важные могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, и лучше всего, чтобы большинство не присвоивало себѣ могущества, принадлежащаго только этимъ началамъ. Истину эту надобно повторять какъ можно чаще, потому—что, кажется, ее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забываютъ.

Ньюкомъ старался избѣгнуть необходимости подать свой голосъ, какъ президентъ. Три раза онъ собиралъ голоса и три раза они раздѣлялись поровну. Я замѣтилъ, что онъ началъ серьезно беспокоиться. Этотъ постоянный результатъ показывалъ твердую рѣшимость, и обѣ равносильныя стороны не хотѣли уступить одна другой. Надобно было употребить искусство; въ этомъ Ньюкомъ былъ силенъ, и вотъ что онъ придумалъ.

— Вы видите, любезные сограждане, что вышло. Образовались двѣ партіи; онѣ равносильны, и теперь вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу одной изъ нихъ. Съѣздъ Виллансъ, не потрудитесь ли вы сходить ко мнѣ въ домъ и спросить у министра

Ньюкомъ послѣдній томъ государственныхъ законовъ? Можетъ-быть, мы найдемъ тамъ какое-нибудь полезное поясненіе.

Собравъ Виллисъ выслушалъ его и удалился; въ послѣдствіи узналъ я, что онъ былъ ревностный пресвитеріанинъ. По несчастію для его секты, онъ стоялъ прямо противъ умѣреннаго, такъ что непременно долженъ былъ привлечь его вниманіе. Я думалъ, что г. Ньюкомъ начнетъ опять собирать голоса; но такая хитрость была бы слишкомъ груба, а онъ умѣлъ избѣгать затруднительныхъ положеній. Времени оставалось еще довольно; онъ хорошо зналъ, что жена его не найдетъ требуемаго въ томъ законовъ, который онъ далъ на время какому-то судѣ. Между тѣмъ онъ началъ тихонько совѣтоваться съ однимъ или двумя изъ своихъ друзей.

— Чтобъ не терять времени, г. умѣренный, сказалъ одинъ изъ его сообщниковъ, я предлагаю собранію объявить, что учрежденіе здѣсь пресвитеріанской церкви есть мѣра автореспубликанская, противная нашимъ главнымъ постановленіямъ и важнѣйшимъ выгодамъ всего рода человѣческаго. Предлагаю этотъ вопросъ моимъ согражданамъ, не входя въ разсмотрѣніе его, и желаю знать мнѣніе ихъ о немъ.

Предложеніе было принято; начали собирать голоса, и оказалось тридцать девять голосовъ за предложеніе и тридцать восемь противъ него; и такъ рѣшили, что основаніе пресвитеріанской церкви есть противуреспубликанское. Выдумка была хороша: съ той минуты, какъ всѣ признали, что государственныя постановленія противны основанію пресвитеріанизма, не могло уже быть о томъ болѣе и вопроса; потому-что никакая религія не можетъ существовать въ этой странѣ, если она противна политическимъ мнѣніямъ.

Довольный первымъ успѣхомъ, сообщникъ умѣреннаго не остановился на этомъ.

— Г. умѣренный, сказалъ онъ, теперь, когда вопросъ принялъ другой видъ, партія, на сторонѣ которой большинство, можетъ, кажется, не затрудняться въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ партіи малочисленной. И такъ я предлагаю, чтобы тѣ, которые противъ пресвитеріанизма, составили тайное собраніе и назначили особую комиссію, обязавъ ее выбрать для церкви наименованіе, какое она найдетъ приличнѣйшимъ. Надѣюсь, что предложеніе мое будетъ принято безъ прекословія; дѣло

идеть о религии, а это такой предметъ, о которомъ должно набѣгать всякихъ споровъ.

Начали собирать голоса, и большинство оказалось на той-же сторонѣ; одна половина собранія одержала верхъ надъ другою, на томъ основаніи, что преимущество должно принадлежать большинству.

Побѣдители собрались въ зданіи школы и назначили комиссію изъ двадцати шести членовъ. Комиссія эта не долго соображалась; она единогласно признала, что конгрегаціонизмъ есть исповѣданіе, къ которому наиболѣе привержены жители Ревявскаго мѣста.

Умѣренный представилъ немедленно предложеніе это на утвержденіе всего собранія, и прежнее большинство одного голоса оказалось въ его пользу. Въ то время, какъ умѣренный свиренно объявлялъ объ этомъ, явился въ толпѣ посланный, крича:

— Господинъ судья, мистриссъ Ньюкомъ не наша книга; она говоритъ, что вѣроятно вы отдали ее кому-нибудь.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ судья. Да вамъ она и не нужна теперь. Любезные сограждане! мы разсуждаемъ теперь о самомъ важномъ для человѣка предметѣ. Въ подобномъ дѣлѣ единодушіе всего важнѣе. И какъ теперь нельзя уже предполагать, чтобъ кто-нибудь былъ противъ общаго желанія, то я еще разъ обращаюсь къ голосамъ, чтобъ яснѣе обнаружилась это единодушіе. Не угодно ли тѣмъ, которые за конгрегаціонистовъ, поднять руки.

Почти три четверти числа всѣхъ рукъ поднялись къверху. «Единогласіе! единогласіе!» кричали со всѣхъ сторонъ. Я насчиталъ семьдесятъ три руки. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ молчали; но такъ какъ никто не возражалъ, то почти можно было допустить единогласіе. Умѣренный и еще двое или трое изъ его пріятелей сказали по короткой рѣчи, въ которыхъ выразили свою благодарность. Выслушавъ эти рѣчи, собраніе стало расходиться.

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія сооруженіе церкви конгрегаціонистовъ въ Ревявскаго мѣста; вопросъ былъ единодушно рѣшенъ въ ихъ пользу; хотя противъ семидесяти восьми голосовъ, оппозиціонныхъ нашлось пятьдесятъ два; все это для чести республики.

Никто не возражалъ болѣе. Народъ сталъ расходиться, и

Ньюкомъ, скромно пробравсь сквозь толпу, замѣтилъ меня въ первый разъ. Онъ съ большимъ вниманіемъ посмотрѣлъ на меня, но по безпокойству, которое я замѣтилъ на его лицѣ, мнѣ показалось, что имъ начинало овладѣвать сомнѣніе. Въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ, быть-можетъ, сдѣлать мнѣ первый вопросъ, Джапъ пріѣхалъ въ телѣгѣ. Негръ былъ коротко знакомъ съ Ньюкомомъ. Прибытіе его, равно какъ и сходство мое съ родителемъ моимъ, объяснили все.

Ньюкомъ смѣшался; но замѣтно старался сохранить хладнокровіе свое.

— Я имѣю удовольствіе видѣть маіора Литтлшеджа? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ. Вы напоминаете мнѣ генерала, когда я зналъ его въ молодыхъ еще лѣтахъ; а также и Германа Мордоунта, отца вашей матушки. Давно ли вы пріѣхали, маіоръ?

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, отвѣчалъ я уклончиво. Вы видите, вотъ телѣга и мой человекъ; мы прибыли изъ Альбани. Я пріѣхалъ въ самую пору, потому-что вижу здѣсь, кажется, всѣхъ жителей.

— Да, почти всѣхъ. У насъ было небольшое собраніе, въ которомъ мы толковали о дѣлахъ религій. Вы, маіоръ, вѣроятно, пріѣхали къ концу засѣданія?

— Именно, г. Ньюкомъ... къ самому концу.

Мой отвѣтъ, казалось, сбросилъ съ Ньюкома ужасную тяжесть, потому-что ему было бы очень неприятно узнать, что я слышалъ отзывы его о томъ вѣроисповѣданіи, которому слѣдовало наше семейство. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ на время скрыть себя и тѣмъ самымъ узнать настоящій характеръ моего агента. Теперь я зналъ, по-крайней-мѣрѣ, чего держаться, разговаривая съ нимъ.

— Да, милостивый государь; религій важна для человекѣа, а между тѣмъ она давно находится въ пренебреженіи между нами, продолжалъ умѣренный. Видите ли тамъ новый храмъ; это первый, который былъ сооруженъ здѣсь, и мы намѣрены поднять его сегодня послѣ полудня. Шесты и подставки приготовлены уже; мы ждемъ только сигнала, чтобъ приступить къ дѣлу. Согласитесь, маіоръ, что очень не дурно было ускорить построеніе храма, прежде чѣмъ рѣшили, какое онъ долженъ носить наименованіе, потому-что при этомъ, каждый трудился какъ бы для своей секты. Потому-то, работа у насъ можно сказать,

кишла; теперь все готово; половья доски, оконныя рамы, скамьи, однимъ словомъ все. Остается только размѣстить вещи и начать службу.

— Почему же вы, не приготовивъ совершенно храма, приступили къ окончательному собранію голосовъ?

— Въ противномъ случаѣ, мы не достигли бы цѣли, маіоръ. Мы хорошо обдумали дѣла и убѣдились въ необходимости предложить на обсужденіе этотъ вопросъ. Все кончилось, какъ нельзя лучше, и мы рѣшили, большинствомъ голосовъ, что будемъ конгрегационистами. Единодушіе прекрасная вещь въ религиозномъ дѣлѣ.

— А вы не опасаетесь того, чтобъ не охладѣло усердіе, и чтобъ недовольные не отказались заплатить плотникамъ, малярамъ и шестору?

— Пусть себѣ бѣсятся; а все же заплатятъ. Вашъ примѣръ, маіоръ, произвелъ благотворное вліяніе.

— Мой примѣръ, г. Ньюкомъ! Я васъ не понимаю; въ первый разъ въ жизни я слышу про этотъ храмъ.

Ньюкомъ откашлянулся и, помолчавъ немного, сказалъ мнѣ:

— Да, я сказалъ: вашъ примѣръ, милостивый государь, потому-что рѣшительно все равно, что вы, что вашъ батюшка; а первая мысль къ сооруженію храма была подана генераломъ Литтльпеджемъ, задолго еще до начала революціи. Въ военное время нельзя и думать о постройкахъ, а потому и сооруженіе этого храма замедлилось; но когда мы начали пользоваться тишиной и миромъ, мнѣ казалось, что наступила минута привести въ исполненіе великій проэктъ вашего батюшки.

Я надѣялся, что все будетъ окончено ранѣе вашего пріѣзда. Вотъ письмо генерала Литтльпеджа, одну страницу котораго я прочелъ жителямъ, назадъ тому не болѣе получаса.

— Безъ сомнѣнія, всѣ жители, и не имѣя храма, не переставали быть благочестивыми....

Я взялъ у Ньюкома письмо моего отца; оно было написано въ 1770 году, ровно за четырнадцать лѣтъ до начала постройки храма. Между прочимъ я увидѣлъ, что мой отецъ уменьшилъ для своихъ фермеровъ поземельную плату, съ тѣмъ, чтобъ они пожертвовали 500 долларовъ на сооруженіе храма. Разсматривая квитанціи, я увидѣлъ, что 500 долларовъ были собраны въ тотъ же годъ и отданы сиюпа Ньюкому, у котораго и нахо-

длалась они съ тѣхъ поръ; сбереженіе этихъ денегъ конечно было неубыточно для него.

— Эта сумма, вѣрно была употреблена такъ, какъ желалъ батюшка? спросилъ я, отдавая письмо.

— До послѣдняго доллара, маіоръ; а когда вы осмотрите храмъ, вы увидите, какъ много способствовали ваши деньги къ его сооружеиію. Скольکو прекрасныхъ чувствъ пробудить эта мысль въ душѣ вашей! Какое счастье для владѣльца думать, что онъ богатствомъ своимъ улучшилъ участь своихъ ближнихъ!

— Это справедливо, потому-что я разсматривалъ всѣ отчеты, представленные моему отцу, и замѣтилъ, что онъ никогда не получалъ даже малѣйшихъ доходовъ.

— Очень можетъ быть, маіоръ; но погодите, прійдетъ время, когда эти земли возвысятся въ цѣнѣ, и тогда вы соберете плоды вашего усердія и щедрости.

На все это я не сказалъ ни слова. Телѣга моя стояла у дверей гостинницы; вѣсть о пріѣздѣ моемъ распространилась быстро, и нѣкоторые изъ стариковъ-колонистовъ, помнившихъ еще Германа Мордоунта, привѣтливо окружили меня. Обнимая ихъ по очереди, я подумалъ, что отношенія владѣльца къ фермеру должны быть исполнены довѣренности и доброты. Я не имѣлъ никакой нужды увеличивать своихъ доходовъ и располагалъ ожидать выгодъ, какія могъ получить со временемъ отъ этого имѣнія. Я пригласилъ войти въ гостинницу всѣхъ бывшихъ со мною, приказалъ подать пуншу, какъ необходимую принадлежность всякой радостной встрѣчи, и всѣми средствами старался понравиться новымъ своимъ знакомымъ. Толпа женщинъ ожидала меня у дверей; выхода изъ гостинницы, я долженъ былъ подвергнуться безконечной церемоніи представленій. На каждомъ шагу я замѣчалъ рѣдкое радушіе.

X.

Сохраняй всегда, при всѣхъ испытываемыхъ тобою скорбяхъ и несправедливостяхъ, росу юности въ сердцѣ и улыбку истины на устахъ.

Longfellow.

Представленія были далеко еще не кончены, какъ вдругъ раздался вдали крикъ: «подъемъ! подъемъ!» за которымъ послѣдовало всеобщее движеніе. Каждый побѣжалъ, какъ могъ, скорѣе, и я самъ, отдавъ нѣсколько приказаній на счетъ моего помѣщенія, послѣдовалъ за толпой.

Подъемъ храма въ Америкѣ—важное событіе. Исключая, можетъ-быть, нѣсколькихъ отъявленныхъ домосѣдовъ, не выходящихъ никогда за черту города, нѣтъ ни одного Американца, который не присутствовалъ бы при такомъ зрѣлищѣ. Что касается до меня, то я наслаждался имъ нѣсколько уже разъ. При настоящемъ случаѣ, всѣ тѣмъ болѣе радовался, что бревна строенія были сложены очень скоро и чрезвычайно плотно соединялись одно съ другимъ. Товарищъ мой, майоръ, утѣрялъ меня, что онъ никакъ не могъ засунуть острія своего ножа ни въ одинъ пазъ. «И что всего удивительнѣе, милостивый государь, прибавилъ онъ (майоръ, хотя самъ служилъ въ милиціи, почиталъ однако жъ непочтительнымъ давать мнѣ тотъ же титулъ, дакой имѣлъ самъ), такъ это то, что все зданіе сложено только сегодня утромъ, безъ всякой предварительной пробы! Только дѣшнїе плотники умѣютъ строить такъ скоро и хорошо!»

Видно, что Новый Свѣтъ не отличался скромностью и почиталъ себя во всемъ выше Старого.

Когда я пришелъ на мѣсто, избранное для храма, большое число поселенцевъ собралось уже передъ главною частью строенія, въ готовности поднять его, между тѣмъ какъ у каждаго столба стояли надежные люди, вооруженные ломами, топорами и всѣми инструментами, необходимыми для поддержанія частей строенія, отъ крѣпости которыхъ зависѣла жизнь людей, готовившихся поднять эту тяжелую массу. Опасность была тѣмъ болѣе велика, что строеніе было обширно, и потому надо бы-

ло принять всѣ предосторожности. Одного мѣста, съ особенностью, не знаю почему, каждый старался избѣжать, какъ будто предоставляя другому, болѣе способному занять его; это былъ столбъ, который надо было удержать въ прямомъ направленіи. Распорядитель работъ просилъ, чтобы кто-нибудь занялъ это опасное мѣсто, потому-что этого только и не доставало, чтобы начать подъемъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, ожидая, что кто-нибудь выйдетъ,—какъ вдругъ раздался крикъ:

«Землепирь идетъ!... Землепирь!... Его-то и надо!»

Дѣйствительно, это былъ старикъ Андрей. Сильный и здоровый, онъ шелъ твердымъ шагомъ, не смотря на то, что ему было уже семьдесятъ лѣтъ. Мой старый товарищъ сохранилъ отъ прежняго своего званія только косу и постушь, потому-что послѣ восьми лѣтъ дѣятельной службы, нельзя въ одинъ годъ потерять военныя ухватки. Онъ одѣтъ былъ совершенно какъ житель лѣсовъ. На немъ была, какъ и на мнѣ, охотничья блуза, штابلеты и кожаная шапка безъ мѣха. Нарядъ этотъ не только не казался страннымъ, напротивъ совершенно согласовался съ его бодрою старостью. Андрей былъ ростомъ пяти футовъ и шести дюймовъ; онъ держался также еще прямо, какъ и въ двадцать лѣтъ, и время не только не ослабило его здоровья, но, казалось, укрѣпило его для перенесенія усталости. Голова Андрея была бѣлая, какъ снѣгъ; а кожа — того смуглаго цвѣта, который придаютъ ей непогоды. Выраженіе лица его всегда было пріятное; нависавшія на немъ доброта и открытость смягчали мужественный и нѣсколько гордый видъ его.

Землепирь увидѣлъ меня только тогда, какъ подошелъ къ строенію. Физиономія его вдругъ одушевилась; въ лицѣ выразилось живое удовольствіе. Шагая черезъ бревна, какъ человекъ, привыкшій презирать опасности, онъ сильно пожалъ мнѣ руку. Я видѣлъ, что онъ прослезился; кажется, если бы я былъ роднымъ его сыномъ, онъ и тогда не могъ бы любить меня болѣе.

— Тысячу разъ привѣтствую васъ, любезный Мордоунтъ! сказалъ онъ. Вы прибыли сюда потихоньку, какъ кошка, которая хочетъ напасть разомъ на мышей; но я узналъ о вашей поѣздкѣ и хотѣлъ встрѣтить васъ. Я не могу только понять, какъ и гдѣ вы могли пробѣжать.

— Какъ бы то ни было, мой старый и добрый другъ,—но

повѣрьте мнѣ, что я очень радъ увидѣться съ вами. Пойдемте со мной въ гостиницу, тамъ мы поговоримъ на свободѣ.

— Погодите минуту, одну минуту, мой любезный. Здѣсь я необходимъ; надо имъ помочь. Дайте намъ только поднять это строеніе, и я къ вашимъ услугамъ на недѣлю, пожалуй хоть на годъ.

Я отошелъ на нѣсколько шаговъ, а землемѣръ занялъ почетное мѣсто, предоставленное ему, какъ самое опасное. Работа началась. Трудъ этотъ не совсѣмъ безопасенъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда число рабочихъ было совершенно не пропорціонально тяжести массы, которую надо было поднять. Жемщины толпились у ограды, чтобъ взглянуть, какъ будутъ работать ихъ мужья и братья. Всѣ были одѣты въ лучшія платья, хотя и можно было желать болѣе вкуса и изящества. Не смотря однако жъ на то, въ этой пестрой толпѣ попадались и хорошенькія лички.

Мнѣ кажется, что я былъ не хуже большей части молодыхъ людей моихъ лѣтъ и званія, и конечно, если бы я явился передъ подобной толпою въ другое время, то удостоился бы, по крайней-мѣрѣ, нѣсколькихъ взглядовъ. Но въ эту минуту никто не обратилъ на меня вниманія. Глаза всѣхъ были устремлены на работниковъ, да и самъ я, признаюсь, раздѣлялъ общее участіе. По данному знаку, мужичны общимъ усиліемъ подняли верхнюю часть строенія. Мальчики, державшіе въ рукахъ готовыя подпорки, посиѣшили ихъ подставить и потому работавшіе могли минуту отдохнуть. Мнѣ было стыдно, что я ничего не дѣлалъ въ подобномъ случаѣ; но боясь помѣшать, вмѣсто того, чтобъ быть полезнымъ, я оставался въ сторонѣ простымъ зрителемъ.

— Теперь, товарищи, еще одно усиліе, сказалъ распорядитель, который помѣстился такъ, что легко могъ управлять работою. Поднимемъ дружище; тогда работа подвинется впередъ. Готовы ли?... Ну!

Каждый принялся за дѣло съ такимъ жаромъ и ловкостью, что вся тяжесть была поднята въ этотъ разъ выше головъ и остановилась, поддержанная новыми подпорками.

— Ну, теперь рѣшительная минута, товарищи, вскричалъ распорядитель. Каждый къ своему столбу! Господинъ землемѣръ, будьте внимательны! Вашъ столбъ поддерживаетъ все зданіе; если онъ пошатнется, мы погубимъ.... Ну, разомъ!...

Сидите!... Идите!... Живите, ребята, подставляйте подпорки... Хорошо! Теперь можем отдохнуть.

Действительно, надо было отдохнуть, потому что никто не берег себя и минутный отдых был необходим для восстановления сил. Часть строения, которую поднимали тогда, достигла такой высоты, что уже нельзя было действовать руками, надо было прибегнуть к помощи шестовъ, съ заостренными желѣзными наконечниками; это была одна изъ самыхъ трудныхъ частей работы. До тѣхъ поръ все шло хорошо, и одно только могло ослабить бодрость работавшихъ,—это страхъ, что соединенныя усилія ихъ будутъ недостаточны, чтобъ окончательно поднять такую тяжелую массу; а между тѣмъ, помочь этому было невозможно, потому что каждый изъ присутствовавшихъ, исключая меня, занималъ уже определенное мѣсто. Молодой человекъ, съ пріятнымъ лицомъ, въ нарядѣ, который былъ чѣмъ-то среднимъ между городскимъ и лѣснымъ, вышелъ изъ толпы женщинъ и также вооружился шестомъ. Должно предупредить читателя, мало знакомаго съ операціей подъема, что подымающіе зданіе по необходимости находятся полъ нимъ, и если оно упадетъ, они непременно будутъ раздавлены. Не смотря на опасность, шутки шли своимъ чередомъ.

— Послушайте, милостивый государь, сказалъ маіоръ: такъ какъ мы служимъ теперь своими плечами, то я думаю, что это зданіе можетъ иногда служить мѣстомъ собранія и для насъ, диссидентовъ?

— Никто, я думаю, не предполагаетъ, чтобы свобода вѣроисповѣданій не существовала въ этомъ поселеніи, отвѣчалъ умѣренный. Безъ сомнѣнія, другія секты могутъ пользоваться этимъ зданіемъ всякій разъ, когда законные его владѣльцы не будутъ имѣть въ немъ нужды.

Выраженіе это было неудачно. Никто однако не хотѣлъ оставить работу. Только нѣкоторые изъ диссидентовъ позволили себѣ сказать нѣсколько двусмысленностей на счетъ умѣреннаго. Боясь, чтобъ вся эта болтовня не кончилась дурно, распорядитель работъ счелъ нужнымъ поторошить приняться снова за дѣло.

— По мѣстамъ, товарищи! Потрудитесь не много, конецъ близокъ. Видите ли тамъ эту подпорку, у которой стоитъ Тимъ Триммеръ? подвинемте строеніе такъ, чтобы подпорка подошла подъ него, и тогда мы спасены. Осмотря хорошенько подпорку, Тримъ. Твердо ли она стоитъ?

Тривъ отвѣчалъ утвердительно; но такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ молодъ, то двое или трое мужчинъ пошли осмотрѣть подпорку и подтвердили, что бояться нечего.

— Ну же, друзья! восклицалъ распорядитель. Разомъ!...

Вооруженные данными шестами, бѣдняки употребили страшныя усилія; но мѣвъ не удалось, что зданіе не подвигается съ мѣста. Уступая непреборимому чувству и стыдась, что оставался такъ долго въ бездѣйствіи, въ подобную минуту, я бросился въ середину работавшихъ, къ самому опасному мѣсту и, схвативъ шесть, сталъ напирать въсьхъ силъ.

— Ура! закричалъ распорядитель; вотъ и нашъ молодой помощникъ съ нами. Смѣлѣе!... Разомъ!

Работавшіе удвоили усилія. Зданіе было поднято на нѣскольکو футовъ; но не доставало еще нѣсколькихъ дюймовъ для того, чтобы оно могло быть опущено на новыя подставки. Двадцать голосовъ кричала въ одно время, чтобы держали крѣпче, потому-что всѣ чувствовали, что малѣйшая уступка въ силѣ будетъ пагубна. Распорядитель работъ подбѣжалъ къ намъ на помощь; а Тривъ, воображая, что подпорка будетъ держаться и безъ него, оставилъ ее, схватилъ одинъ изъ длинныхъ шестовъ и началъ работать вмѣстѣ съ другими. Подпорка, никѣмъ не поддерживаемая, пошатнулась и наклонилась въ сторону, такъ что сдѣлалась рѣшительно бесполезною. Я видѣлъ всю опасность и въ то же время чувствовалъ, что тяжесть, которую я поддерживалъ, съ каждой секундой увеличивалась болѣе и болѣе.

— Подымайте, друзья! подымайте! кричалъ распорядитель, отчаяннымъ голосомъ, потому-что спасеніе всѣхъ зависѣло отъ этого послѣдняго усилія.

Одинъ только ребенокъ оставилъ свое мѣсто, тогда какъ двадцать человекъ работали; и все строеніе могло упасть на насъ! Говорите послѣ этого объ опасностяхъ на приступахъ и при взятіи батарей! Что все это въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ мы находились? Отойди одинъ изъ насъ или ослабѣй на минуту, мы всѣ погибли бы. Прошло двадцать ужасныхъ секундъ; я терялъ уже надежду, какъ вдругъ какая-то молодая дѣвушка выбѣжала изъ середины смущенной толпы и схвативъ подставку, поставила ее въ настоящее положеніе.

Оставалось поднять строеніе на одинъ дюймъ. Я закричалъ утомленнымъ работникамъ, чтобы они подымали всѣ вмѣстѣ;

мнѣ возмужавши, и я видѣлъ, какъ молчали дѣвушка вѣрно и твердою рукою поставила подпорку. Работавшіе съ нашей стороны освободились, и мы побѣждали помогать тѣмъ, которые находились на другой сторонѣ. Мало-по-малу подпорки были подставлены и всѣ, освободясь отъ работы, могли въ иррациональномъ мнѣніи раздумать объ опасности, которой избѣжали.

Этотъ случай произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я шелькомъ видѣлъ дѣвушку, догадливость и присутствіе духа которой такъ много помогли намъ. Но мнѣ казалось, что я во всю жизнь свою не видѣлъ ничего прелестнѣе. Формы ея были изысканны; въ ней не было ни болѣзненной худобы, которая рождаетъ мысль о страданіи, ни изысканной полноты, а что-то среднее между тѣмъ и другимъ. Часть лица ея, совершенно почти закрытаго локонами прекраснѣйшихъ бѣлокурыхъ волосъ, которую я замѣтилъ, совершенно согласовалась въ ней со всѣмъ остальнымъ. И въ самомъ настоящемъ поступкѣ ея не было ничего противорѣчащаго природной ея ловкости. Въ этомъ случаѣ требовалась не сила, но одно хладнокровіе и смѣлость.

Можетъ-быть, чувство опасности, испытанной нами, усилило дѣйствіе, произведенное на меня явленіемъ этой дѣвушки, которую, какъ я воображалъ, само небо послало для нашего спасенія.

Утомленный непривычными усиліями, едва дышущій, я не переставалъ, однако же, думать о той, которую отуманенный взоръ мой не находилъ болѣе. Ея стройная талія, легкая походка, живыя движенія и прелестные волосы увеличивали въ воображеніи моемъ цѣну ея удивительнаго поступка. Нѣсколько успокоившись я оборотился; но дѣвушки уже не было. Женщины жались одна къ другой, какъ испуганные цыплята. Онѣ подымали руки къ небу, съ громкими восклицаніями; но ни одна изъ нихъ не напоминала собою образа, начертаннаго въ моемъ сердцѣ. Видѣніе исчезло такъ же быстро, какъ и явилось.

Землемръ принялъ начальство надъ работами, безропотно переданное ему распорядителемъ. Онъ былъ, какъ мнѣ казалось, въ сильномъ волненіи, хотя вполне сохранилъ надъ собою власть. Съ этой минуты, онъ уже распоряжался работами и успѣлъ такъ искусно распределить силы, что всякій дѣлалъ гораздо болѣе, не чувствуя усталости, Зланіе, наконецъ, было

совершенно поднято. Главное было сдѣлано; остальные части строенія были не такъ уже тяжелы.

— Наконецъ конгрегационисты имѣютъ помѣщеніе! сказалъ старшій майоръ, слегка насмѣшливымъ тономъ; они обязаны этимъ землебру, да еще кой-кому, кого я не хочу назвать. Но подождѣте! Придетъ и наша очередь, потому-что Ревизность быстро увеличивается и одного вѣроисповѣданія для него будетъ достаточно.

— Безъ сомнѣнія! отвѣчалъ землебръ, который, казалось, собирался уйдти. Со временемъ, здѣсь будетъ столько же вѣроисповѣданій, сколько недовольныхъ, и мы увидимъ много подобныхъ зданій а еще болѣе пасторовъ.

— Вы, кажется, хотите оставить насъ, господинъ землебръ? А вѣдь нужно поднять еще многія части строенія и поставить нѣсколько столбовъ.

— Главное сдѣлано; а остальное вы легко окончите. Мнѣ надо поговорить еще съ молодымъ нашимъ промѣщикомъ. Ну, за работу, товарищи! Помните, что вы будете поклоняться въ этомъ зданіи существу, не принадлежащему ни къ конгрегационистамъ, ни къ пресвитеріанамъ, однимъ словомъ, ни къ одной изъ вашихъ сектъ.

Меня удивило хладнокровіе, съ какимъ мой старшій другъ выражалъ свои чувства, не могшія найти отголоска въ подобномъ собраніи; а еще болѣе то, что его свисходительно слушали. Но Андрей, репутаціей честнаго и прямаго человѣка, приобрѣлъ всеобщее уваженіе; мнѣнія его имѣли большой вѣсъ, потому-что онъ никогда не говорилъ «сдѣлайте,» а всегда «сдѣлаемъ». Присоединяя дѣйствія къ словамъ, онъ всегда первый подавалъ примѣръ. Если человѣкъ съ такимъ характеромъ слѣдуетъ природному влеченію, умѣряемому благоразуміемъ и разсудкомъ, то всегда имѣетъ большое вліяніе на людей, съ которыми находится въ сношеніяхъ.

— Пойдемте, любезный Мордоунтъ, сказалъ онъ мнѣ, когда мы вышли изъ толпы; я буду вашимъ путеводителемъ къ дому, гдѣ вы можете распорядиться, какъ полный хозяинъ.

— Къ какому дому?

— Разумѣется къ вашему, а не къ другому. Онъ, подобно намъ, старымъ волнамъ, обветшалъ; но мы, по возможности, поправили его для васъ, и по-крайней-мѣрѣ вы найдете тамъ все въ хорошемъ порядкѣ. Мебель вашего дѣдушки тамъ еще.

Франкъ Мальбонъ, Урсула и я учредили тамъ нашу главную квартиру, съ тѣхъ поръ, какъ живемъ въ этой сторонѣ. Вы, вѣдь, сами поручили мнѣ это.

— Да, помню, помню. Развѣ не все, что я имѣю, принадлежить вамъ? Но я думалъ, что вы, кромѣ того, построили себѣ хижины въ музериджскомъ лѣсу.

— И то сдѣлано; мы переходимъ съ одного мѣста на другое. Негры мои живутъ въ хижинахъ; а Франкъ, Урсула и я явились сюда встрѣтить васъ.

— У меня здѣсь есть экипажъ; я зайду въ гостиницу и прикажу заложить его.

— Для чего это? Развѣ мы оба не привыкли ходить пѣшкомъ? Экипажъ годится только для поклажи. Истинный солдатъ всегда ходитъ пѣшкомъ.

— Я согласенъ! Такъ впередъ, старшій товарищъ. Я не отстану отъ васъ. Позвольте мнѣ только предупредить моего слугу, чтобъ онъ приготовился и слѣдовалъ за нами съ поклажей.

Джапъ и землеѣръ, часто бывавшіе прежде вмѣстѣ, узнали другъ друга. Джапъ, во все продолженіе войны, слѣдовалъ за полкомъ, и исправлялъ иногда должность слуги, иногда обязанности солдата, или завѣдывалъ лошадьми; но съ тѣхъ поръ, онъ какъ состарѣлся, я сдѣлалъ его неотлучнымъ лицомъ при себѣ.

— Еще одно слово, Андрей. Я встрѣтился съ Индѣйцемъ, котораго вы, бывало, въ лѣсахъ называли Безслѣднымъ, и хотѣлъ пригласить его идти съ нами.

— Онъ отправился впередъ, чтобъ извѣстить домашнихъ о нашемъ приходѣ. Я видѣлъ, какъ онъ скорымъ шагомъ шелъ по дорогѣ, съ часъ тому назадъ. Онъ, вѣрно, уже давно пришелъ.

Мы пустились въ путь, оставя поселенцевъ, дѣлательно занятыхъ постановкой остальныхъ частей строевія. Я замѣтилъ, что прибытіе мое въ поселеніе не произвело того впечатлѣнія, какое сдѣлало бы оно, если бы общее вниманіе не раздѣлялось между подъемомъ молезнаго дома и мною. Многие изъ жителей Ревнсаеста, моложе двадцати пяти лѣтъ, хотя рождены въ христіанской странѣ, и воспитаны въ христіанской религіи, никогда не видѣли званія, посвященнаго богослуженію. Храмы были рѣдки въ 1784 году, даже въ нью-іоркскомъ штатѣ.

Въ Альбани считалось только два прихода. По этому-то я

замѣтилъ, что молодая дѣвушка, съ нетерпѣніемъ желавшая увидѣть какой-нибудь храмъ, едва удостоиваясь взглядомъ новопривышнаго.

— Вотъ мы опять идемъ вмѣстѣ, другъ мой, сказалъ я Андрею, когда мы отправлялись; но теперь мы идемъ не на враговъ.

— Этого ждать не долго, отвѣчалъ хладнокровно Андрей, хоть и не все то золото, что блеститъ. Мы славно бились съ вами, маіоръ, и надѣюсь, что впереди будетъ не хуже.

Меня удивило это замѣчаніе; во Андрей никогда не обманывался. Какъ истинный Голландецъ, онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на прибытіе эмигрантовъ изъ восточныхъ штатовъ и не ожидалъ отъ этого ничего добраго.

— Поглотите, сказалъ я ему: мы соберемъ со временемъ плоды нашихъ трудовъ. Какъ идутъ дѣла въ Музериджъ; кто у васъ тамъ межевщикомъ?

— Дѣла тамъ идутъ довольно хорошо, Мордоунтъ; пока еще не кому мѣшать намъ. Мы сняли для васъ на карту десять тысячъ акровъ земли, раздѣленныхъ на мелкіе участки, во сто акровъ каждый; за вѣрность измѣренія ручаюсь вамъ.

— Кто же вамъ помогаетъ?

— Франкъ Мальбонъ, братъ Уреулы. Это былъ первый его опытъ, но будьте спокойны, онъ всегда мѣрялъ вѣрно.

— Такъ должно было бы всегда дѣлать здѣсь, гдѣ нѣтъ недостатка въ землѣ. Впоследствии, легче будетъ составлять межевые акты, и мы избѣгнемъ черезъ это многихъ хлопотъ.

— И многихъ тяжбъ, прибавилъ землемеръ, качая головою. Но правдѣ сказать, Мордоунтъ, я бы лучше согласился взять на себя этотъ трудъ въ какомъ-нибудь голландскомъ поселеніи, за полцѣны, чѣмъ провести границу между владѣніями двухъ Янковъ, за двойную цѣну. Голландецъ набьетъ себѣ трубку и курить ее, пока идетъ работа; а Явка безпрестанно хлопочетъ о томъ, какъ бы оттягать лишній кусокъ земли въ томъ или другомъ мѣстѣ; такъ что надо обѣими руками держать совѣсть, чтобъ цѣна не уклонилась въ ту или другую сторону.

Я зналъ предубѣжденіе Андрея противъ Янковъ, а потому цѣрмѣнилъ разговоръ и началъ говорить о любимомъ его предметѣ, о политикѣ. Такимъ образомъ прошло около часу въ разговорахъ, и я не замѣтно очутился у своего дома. Вблизи, дѣмъ казался нѣсколько лучше; огороды и луга, окружающіе его, бы-

ли хорошо воздѣланы; на землѣ не было ни пней, ни корней. Звоніе походило, однако жъ, нѣсколько на тюрьму, потому-что снаружи совсѣмъ не было оконъ и только одна дверь.

Мы остановились на минуту передъ входомъ, чтобъ взглянуть на окрестности. Кто-то вышелъ изъ дому и возлѣ меня вдругъ очутился Сускуэзусъ. Въ то же время раздался полный и гармоническій голосъ, который я уже однажды слышалъ въ маленькомъ сосновомъ лѣску; онъ пѣлъ индѣйскія слова, но мелодіа, очевидно, была произведеніемъ какой-нибудь образованной страны. Я забылъ вдругъ и дуга, и огороды, и Сускуэзуса и землетря; думалъ только объ этой чудной Индіянкѣ, которая такъ хорошо знала европейскую музыку. Сускуэзусъ, казалось, былъ восхищенъ не менѣе меня; онъ стоялъ неподвижно до конца пѣнія. Старикъ Андрей улыбался, ожидая конца пѣсни; наконецъ, онъ съ гордостью произнесъ имя Урсулы и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ домъ.

XI:

Если не влюбится въ васъ, со временемъ, сестрица, то вричиною тому будетъ музыка. Если принцъ слишкомъ торопится, скажите ему, что всему есть время, и отклоните отвѣтъ какой-нибудь пѣсней.

Бетриса.

— Урсула! повторилъ я тихо... Такъ это не Индіянка? это Урсула, Урсула землетря, Урсула Прассилы Бэйярдъ!

Вѣроятно, Андрей услышалъ меня, потому-что онъ остановился на дворѣ и сказалъ:

— Да, это Урсула, моя племянница. Этотъ ребенокъ, какъ птичка, запоминаетъ всѣ навѣвы. Когда она поетъ какую-нибудь голландскую нашу пѣсню, вѣрите ли, Мордоуитъ, она трогаетъ меня до глубины души. А когда начнетъ пѣть по-англійски, то, право, подумаешь, что она кромѣ этого языка другаго и не знаетъ.

— Но та пѣсня, которую я слышалъ, была индѣйская, судя по словамъ.

— Да, слова индѣйскія, но напѣвъ, говорятъ, шотландскій. Впрочемъ, какой бы онъ ни былъ, любезнѣйшій другъ, а онъ задѣваетъ меня за сердце.

— Какимъ образомъ ваша племянница успѣла научиться индѣйскому языку?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что это птичка, которая переимаетъ все, что услышитъ. Она такъ повятлива, что изъ нея можно было бы, не больше какъ въ недѣлю, сдѣлать такого же искуснаго межевщика, каковъ и братъ ея. Вы знаете, между сколькими народами довелось мнѣ жить до начала войны. Урсула вездѣ была со мною. Поэтому-то и она научилась языкамъ; а ужъ что разъ она выучить, того никогда не забываетъ. Урсула такъ долго жила въ лѣсахъ, что стала почти дикаркою, а все же прекрасная дѣвушка; я горжусь ею.

— Скажите мнѣ: никто кромѣ ея не поетъ здѣсь, въ окрестностяхъ, по-индѣйски? Нѣтъ ли какихъ-нибудь женщинъ при Сускуэзусѣ?

— При немъ? Нѣтъ, онъ нетакой человѣкъ! Кромѣ племянницы моеи, я никого не знаю здѣсь, кто бы пѣлъ.

— Вы сказали мнѣ, если я не ошибаюсь, что сегодня утромъ вы выходили ко мнѣ на встрѣчу; вы были одни?

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы были всѣ, Сускуэзусъ, Франкъ, Урсула и я. Мы всѣ отправились встрѣтить молодаго помѣщика и поздравить его съ счастливымъ прїездомъ. Урсула, правда, немного поморщилась, стала говорить, что молодой дѣвухкѣ не прилично идти встрѣчать молодаго человѣка. Я согласился бы съ нею въ этомъ, если бы дѣло шло не о васъ, но вы для насъ не чужой, вы не какой-нибудь бродяга Янка. Я хотѣдъ совѣтъ семействомъ идти къ вамъ на встрѣчу; но не скрываю, что Урсула отказывалась намъ сопутствовать.

— Значить, миссъ Урсула была съ вами. Странно, право, что мы не встрѣтились.

— Ну, не такъ странно, какъ вамъ кажется; теперь я начинаю догадываться, какую штуку сыграла съ нами плутовка. Надо вамъ замѣтить, Мордоунтъ, что когда мы отошли немного, она посовѣтовала намъ свернуть съ дороги въ маленькій сосновый лѣсокъ, чтобъ закусить. Плутовка сдѣлала это съ намѣреніемъ, надѣясь, что вы между тѣмъ пройдетѣ, и такимъ образомъ она избѣжитъ встрѣчи съ вами.

— Такъ теперь я слышалъ голосъ Урсулы... виноватъ: миссъ Урсулы?

— Пожалуйста, безъ церемоній. Называйте просто Урсулой, какъ я и Франкъ зовемъ еѣ.

— Да, но вы ей дядя, а я для нея чужой.

— Чужой! Нѣтъ, нѣтъ! Я слишкомъ часто говорилъ о васъ и съ ней и съ ея братомъ; они оба любятъ васъ почти также, какъ я люблю васъ.

Бѣдный Андрей! какое тягостное чувство заставилъ онъ меня испытать, открывъ мнѣ, что тѣ, съ которыми я долженъ былъ познакомиться, знаютъ уже меня по описанію, конечно, слишкомъ лестному, сдѣланному имъ. Трудно удовлетворить возбужденному ожиданію, и признаюсь, меня очень занимала мысль, что подумаетъ обо мнѣ Урсула. Пѣсня, которую я слышалъ, все еще звучала у меня въ ушахъ, и съ той минуты, какъ я узналъ, что это пѣла Урсула Мальбонъ, образъ ея занялъ наибольшее мѣсто въ моемъ воображеніи. Отступить не было никакой возможности; я попросилъ, однако жъ, землемѣра идти впередъ. Такъ какъ мнѣ неминуемо должно было увидѣться съ молодой дѣвушкой, то мнѣ казалось, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Зданіе, въ которое мы вошли, было въ началѣ родъ крѣпости; всѣ окна и двери выходили на дворъ. Одна сторона защищалась остатками ветхаго палисада, впрочемъ совершенно бесполезнаго, потому что зданіе находилось на крутой возвышенности, которая могла служить надежнымъ оплотомъ противъ нападений и набѣговъ.

Внутренность дома далеко превосходила его наружность. Окна придавали двору веселый и оживленный видъ, и нарушали однообразіе этой тяжелой, деревянной массы, сложенной безъ вкуса и симметріи. Я зналъ, что дѣлъ мой Мордоунтъ отдѣлялъ часть дома собственно для себя; а потому нимало не удивился, когда, войдя въ домъ, нашелъ нѣсколько комнатъ, которыя хотя не были убраны роскошно, однако вмѣщали въ себѣ все необходимое.

— Урсула, вѣрно, здѣсь, сказалъ землемѣръ, отворяя дверь и приглашая меня войти. Поздоровайтесь съ ней, Мордоунтъ; увираяю, она коротко васъ знаетъ.

Я вошелъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ прелестной дѣвушки. На ней было то же платье, въ которомъ я видѣлъ ее въ

первый разъ. Урсула обрубала бумажный лѣтчатый платокъ, какіе дялюшка употреблялъ изъ экономіи. При входѣ моемъ въ комнату, она встала и привѣтливо отвѣтила мнѣ на мой почтительный поклонъ.

— Что за церемонія, оказалъ Андрей, протяните-ка лучше другъ другу руки. Ты знаешь, Урсула, что я люблю Мордеунта Латтльпеджа, какъ роднаго сына.

Урсула повиновалась. Я съ удовольствіемъ взялъ ея маленькую ручку, нѣжную какъ бархатъ. Не могу выразить, какъ я былъ доволенъ этимъ, потому-что нѣжность этой руки доказывала, что Урсула не имѣла надобности заниматься тяжелыми и грубыми работами. Я зналъ, что у Андрея было нѣсколько невольниковъ, которые вмѣстѣ съ его компасомъ, землеѣрными цѣблями и шпагомъ, составляли все его имущество, и, безъ сомнѣнія, благодаря этимъ-то невольникамъ, племянница его избавлена была отъ всякой тяжелой работы.

Я все держалъ еще руку Урсулы, но никакъ не могъ удивить ея взгляда. Она немного отвернулась и, повидимому, желала не вдругъ познакомиться такъ коротко, а ограничиться на первый разъ развѣномъ обыкновенныхъ вѣжливостей. Тамъ какъ я видѣлся съ ней въ первый разъ, и потому, конечно, ничѣмъ не могъ оскорбить ее, то и приписывалъ настоящее ея поведеніе ложной стыдливости и замѣтательству, въ которое она пришла, при мысли, что еще недавно видѣла ее въ совершенно другомъ положеніи. Я почтительно поклонился и прежде чѣмъ выпустилъ ручку, тихо пожалъ ее, чтобы ободрить ту, которой она принадлежала.

— Что жъ ты, Урсула, не предложишь чашку чаю молодому нашему хозяину? спросилъ Андрей, чрезвычайно довольный дружескими отношеніями, которыя устанавлились между нами. Майоръ сдѣлалъ сегодня большой переходъ и конечно не откажется освѣжиться.

— Вы называете меня майоромъ, любезный другъ; а сами же любите, когда даюгъ вамъ этотъ титулъ.

— О! большая разница! Вы молоды, можете сдѣлаться генераломъ, и, конечно, будете имъ, прежде чѣмъ достигнете тридцати лѣтъ. Мое же время прошло. Теперь я никогда не вернѣню уже того мундира, который снова надѣлъ. Въ немъ я началъ мое поприще, въ немъ и окончу.

— Но вы мнѣ сами говорили, что вамъ надѣли вычисленія?

— Совершенная правда. Я никогда не могъ поладить съ цифрами, а въ семидесять лѣтъ люблю ихъ столько же, какъ люблю въ семнадцать. Вотъ Франкъ Мальбонъ, братъ Урсуды, косячитъ другое дѣло: онъ распоряжается колоннами цифръ точно также, какъ вашъ батюшка распоряжался своими батальонами при переходахъ черезъ рвы. Я люблю таскаться съ цѣпью, это занимаетъ меня. Ремесло мое требуетъ прежде всего честности. Говорить, что цифры не лгутъ, Мордоунтъ; о цѣпи этого сказать нельзя: иногда она изрядно вретъ.

— Гдѣ же господинъ Франкъ Мальбонъ? Я очень желалъ бы познакомиться съ нимъ.

— Онъ остался, чтобъ помочь поднять строеніе.

Я услышалъ позади себя легкій вздохъ и невольно обернулся. Урсуда, какъ бы стыдясь своей слабости, покраснѣла, и я въ первый разъ въ жизни услышалъ, какъ она заговорила. Приятный голосъ, какъ мужской, такъ и женскій, есть одинъ изъ счастливейшихъ даровъ неба. Голосъ Урсуды могъ бы лѣпить самый извѣженный слухъ; онъ былъ чистъ, приятенъ, вѣженъ; лучшаго произношенія нельзя было желать.

— Я думала, сказала она: что это новое строеніе поставлено наконецъ, и что Франкъ возвратится вмѣстѣ съ вами. Я очень удивилась, добрый дялюшка, когда увидѣла, съ какимъ рвеніемъ вы трудились для пресвитеріанцевъ.

— То же самое я могъ бы сказать и о васъ, миссъ Урсуда, отвѣчалъ улыбаясь Андрей: вы также изумили меня. Впрочемъ дѣло не въ пресвитеріанахъ, а въ конгрегационистахъ. Я думаю, что и для нихъ ты не отказалась бы сдѣлать то же?

— Все, что я сдѣлала, сдѣлала для васъ, для Франка, для господина Литтльведжа и для тѣхъ, которые находились подъ строеніемъ.

— Да, миссъ Урсуда, сказалъ я: мы всѣ чрезвычайно обязаны вамъ; безъ вашей помощи, мы подвергались страшной опасности быть раздавленными.

— Конечно, этотъ поступокъ несогласенъ съ привычками моего пола, сказала Урсуда, почально улыбувшись: но когда живешь въ лѣсахъ, то надо стараться приносить пользу и другимъ.

— Кажется, такая жизнь не нравится вамъ?

— Почему же не нравится? Вѣдь я живу съ дялюшкой и съ Франкомъ. Они для меня все, съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ уже

моей покровительницы. Ихъ жилище—мое жилище, ихъ счастье и удовольствіе составляютъ и мое удовольствіе и счастье.

Слова эти могли бы показаться натянутыми, если бы не были сказаны такъ чистосердечно. Я видѣлъ по глазамъ Андрея, что онъ вонималъ свою племянницу и хорошо зналъ прямой и откровенный характеръ ея. Урсула, высказавъ свои чувства, удалилась, какъ будто стыдись, что не затаила ихъ въ душѣ своей. Чтобъ скрыть ея замѣшательство, я перемѣнилъ разговоръ.

— Господинъ Ньюкомъ, какъ кажется, умѣетъ управлять общественнымъ мнѣніемъ, сказалъ я землемѣру. Какъ искусно онъ придалъ двадцати одному конгрегаціонисту, которые были на его сторонѣ, видъ большинства, тогда какъ они не составляли и трети всего собранія.

— Да, онъ въ подобныхъ дѣлахъ не подражаемъ! вскричалъ Андрей. Онъ самъ говоритъ, что хорошо знаетъ людей; а съ помощію разныхъ военныхъ хитростей умѣетъ такъ хорошо распорядиться, что вы, думая, что исполняете свою волю, будете повиноваться волюй его собственной. Это рѣдкій талантъ.

— Правда; и такому таланту можно бы позавидовать, если бы только имъ пользовались всегда честно.

— А! въ томъ-то и штука! Что онъ пользуется имъ, это бесспорно; но какъ—это другой вопросъ. Мнѣ иногда досадно, а иногда, такъ просто смѣшно смотрѣть, какъ онъ управляетъ этими людьми, заставляя ихъ двигаться туда и сюда; а самъ вѣдь никогда не мѣшается въ дѣло. Я отвѣчаю вамъ за то, что онъ хорошо знаетъ свое дѣло.

— Согласенъ съ вами; надо имѣть особенный талантъ, чтобы приобрести вліяніе такого рода.

— Да; но надо начать съ того, чтобы лгать и обманывать; правда, что онъ ни мало не затрудняется въ этомъ.

— Кажется, мой повѣренный не принадлежитъ къ числу вашихъ друзей; надо будетъ подумать объ этомъ хорошенько.

Сказавъ это, я сталъ спрашивать землемѣра о томъ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ домъ и помѣстье, за которыми я поручилъ ему исключительный надзоръ.

Жившіе тамъ были люди простые и скромные; они заняли только кухню и службы, а чистыя комнаты оставались свободными, и отъ того большая часть мебели была еще годна къ употребленію. Помѣстье процвѣтало безъ посторонней помощи. Деревья выросли; поля хотя не обрабатывались систематически,

по-крайней-мѣрѣ не были истощены, и все вообще, если не улучшилось, то не пришло однако и въ упадокъ.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, Урсула приготовляла чай. Когда она пригласила насъ къ столу, я удивился чистотѣ и даже нѣкоторой роскоши въ посудѣ. Тарелки и ножи были порядочные; а на подносѣ стояла прекрасная, старинная, серебряная посуда, на которой были вырѣзаны гербы. Я пристально разсматривалъ ее, ожидая увидѣть свой фамильный гербъ; но его не было. Я взялъ молочникъ и никакъ не могъ догадаться, кому принадлежалъ вырѣзанный на немъ гербъ.

— Удивляюсь, видя здѣсь это серебро, сказалъ я Андрею. Я зналъ, что дѣдъ мой былъ богатъ, но никакъ не думалъ, чтобы онъ простеръ свою расточительность до того, чтобы оставить здѣсь эти вещи. И притомъ эти гербы ни Мордаунтовъ, ни Литтльпеджей. Нельзя узнать, кому они принадлежатъ.

— Мальбонамъ. Это серебро Урсулы.

— Да, дядюшка, и вы могли бы прибавить, что это все, чѣмъ я владѣю, сказала съ живостью Урсула.

— Это посуда удивительно хороша, прибавилъ я.

— Я принуждена была выставить ее на показъ, потому что сегодня утромъ разбила единственный чайникъ, какой былъ у насъ въ цѣломъ домѣ. Франкъ хотѣлъ купить другой, но до-сихъ-поръ не является. А что до ложекъ, то у насъ другихъ и нѣтъ. Взявши чайникъ, я сочла за лучшее разомъ показать вамъ всѣ мои богатства. Посуда эта явилась сегодня въ свѣтъ въ первый разъ послѣ долгаго, очень долгаго времени.

Не смотря на всѣ усилія Урсулы казаться равнодушною, въ голосѣ ея было что-то печальное и трогательное. Грубая радость какого-нибудь выскочки, упоеннаго своими богатствами, отвратительна; но падшее величiе неволью возбуждаетъ въ душѣ нашей глубокое сочувствiе, особливо, являясь въ образѣ невинности и добродѣтели. Урсула говорила безъ тщеславiя и гордости; это серебро составляло все, что ей осталось отъ ея семейства; не удивительно послѣ этого, что она такъ къ нему привязалась, в что возбуждаемая имъ воспоминанiя производили на нее глубокое впечатлѣнiе.

Мнѣ очень прiятно было видѣть чувствительность, неволью обнаруженную Урсулою; а еще прiятнѣе то, что она не предавалась вполне этой чувствительности. Урсула понимала, чего требовалъ отъ нея принятый ею образъ жизни; она одѣвалась про-

сто, но со вкусомъ. Въ нарядѣ ея не было изысканности сѣтскихъ дѣвидъ, ни грубой простоты дѣвушекъ того класса, къ которому она, казалось, принадлежала теперь сама. Изъ старинныхъ матерій, оставшихся ей послѣ ея семейства, она сшила себѣ платья, совершенно приличныя настоящему ея положенію, и въ нихъ была очень мила. Хотя она не старалась казаться выше другихъ, но по ея одеждѣ и приемамъ легко можно было догадаться о ея происхожденіи. Во всякомъ случаѣ, она была прелестна.

— Отвѣдайте этихъ пирожковъ, сказалъ мнѣ Андрей, искавшій всевозможныхъ случаевъ выказать свою племянницу; ихъ пекла Урсула. Сама госпожа Вашингтонъ не приготовила бы лучшихъ.

— Если бы госпожа Вашингтонъ занималась когда-нибудь этимъ, то конечно могла бы теперь позавидовать. Я, право, никогда не ѣлъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

— Вы хорошо сдѣлали, что прибавили: въ этомъ родѣ, живо сказала Урсула. Меня научила дѣлать ихъ моя благодѣтельница; но здѣсь не найдешь всего нужнаго для этого, какъ бывало у насъ.

— Да, у васъ, въ пансіонѣ, вѣрно никогда не было недостатка въ сладкомъ.

Урсула засмѣялась; но ея стройный, хотя и гармоническій смѣхъ заставилъ меня вздрогнуть.

— Молодымъ дѣвушкамъ приписываютъ много такого, въ чемъ онѣ совершенно невинны, сказала она. Въ пансіонѣ запрещено было ѣсть пирожки, и насъ выучили ихъ дѣлать изъ сожалѣнія ко вкусу мужчинъ.

— Вашихъ будущихъ мужей, сказалъ землемѣръ, вставъ, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Нашихъ отцовъ, братьевъ и дядей, перебила Урсула, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Мнѣ извѣстно, миссъ Урсула, сказалъ я, когда Андрей оставилъ насъ однихъ, что дѣлалось у васъ въ пансіонѣ, потому что я коротко знакомъ съ одной изъ вашихъ прежнихъ подругъ.

Урсула ничего не отвѣчала, но смотрѣла на меня своими большими голубыми глазами, которые, казалось, дѣлали мнѣ вдругъ сто вопросовъ.

Я замѣтилъ, что глаза ея наполнились слезами; это случилось съ ней всегда при воспоминаніи о пансіонѣ.

— Я говорю о массъ Приссилѣ Бэйрлдъ; она вѣрно принадлежала къ числу вашихъ друзей, прибавилъ я.

— Приссила! повторила удивленная Урсула. И вы съ ней коротко знакомы?

— Я не такъ выразился; вы можете упрекнуть меня въ легкомысліи. Я долженъ бы сказать, что наши семейства, по особымъ причинамъ, въ короткихъ отношеніяхъ. Отступаюсь отъ первыхъ моихъ словъ и прошу извиненія.

— Не понимаю, почему вы отступаетесь отъ нихъ, но, признаюсь, что все то, что я услышала отъ васъ, чрезвычайно огорчаетъ меня.

Странно! Урсула говорила чистосердечно; это доказывала блѣдность ея лица и необыкновенное волненіе, обнаруженное ею. Признаться ли въ сумасбродныхъ мысляхъ, которыя промелькнули у меня въ головѣ? Почему же нѣтъ. Я общалъ говорить правду и долженъ сдержать слово. Урсула, думалъ я, огорчена тѣмъ, что единственный, порядочный человекъ, встрѣченный ею въ теченіе цѣлаго года, который можетъ-быть понравился ей, влюбленъ уже, какъ она полагала. Въ другомъ случаѣ, такое быстрое и явное признаніе возмутило бы меня; но всѣ слова и движенія Урсулы были такъ естественны, что участіе мое къ ней увеличилось еще болѣе. Этимъ сильнымъ ощущеніемъ, возбужденнымъ тогда въ душѣ моей, я приписывалъ то, что эта чудная дѣвушка такъ скоро овладѣла моимъ сердцемъ. Мгновенно влюбиться, кажется смѣшно, а все же иногда случается. Я убѣжденъ, что одинъ взглядъ, одна улыбка, одно възъ тысячъ другихъ подобныхъ средствъ, данныхъ намъ природою для выраженія сочувствія, можетъ возбудить въ насъ страсть; но для поддержанія ея, необходимо что-нибудь большее. Сначала дѣйствуетъ одно воображеніе; сердце уступаетъ уже потомъ, повинуваясь болѣе продолжительному и разнутому вліянію.

Ослабленіе мое продолжалось не долго. Догадалась ли Урсула о томъ, какъ я толковалъ ея чувства,—не думаю, потому-что она была слишкомъ чистосердечна; или сочла необходимымъ не оставлять меня въ сомнѣніи, только она призналась мнѣ. Откровенно ли было ея признаніе и какъ она избѣгала всего, что могло оскорбить подругу, довѣрившую ей свою тайну, могутъ судить тѣ, которые будутъ имѣть терпѣніе продолжать чтеніе этихъ записокъ.

XII.

Вотъ идутъ любовники; веселые и радостные. Привѣтствую тебя, счастливая чета! Привѣтствую! Да наслаждаются сердца ваши прекрасными днями любви.

Сонъ съ лѣтнюю ночь.

— Я должна разсѣять всѣ ваши сомнѣнія, господинъ Литтлпеджъ, сказала, немного помолчавъ, Урсула. Я очень привязана къ Приссилѣ Бэйардъ, и она заслуживаетъ вашего удивленія и вашей любви....

— Моего удивленія, это такъ, миссъ Урсула; но до-сихъ-поръ я никогда не былъ соединенъ съ нею никакимъ другимъ, болѣе нѣжнымъ чувствомъ.

Лицо Урсулы замѣтно прояснилось. Чистосердечная, она повѣрила мнѣ при первомъ словѣ и, казалось, избавилась отъ какого-то внутреннего безпокойства. Она улыбнулась насмѣшливо и виѣстѣ печально, говоря: *до-сихъ-поръ*, можетъ много значить, когда дѣло идетъ о такой молодой дѣвушкѣ, какова Приссила. Слова эти показываютъ, что то, чего еще нѣтъ, скоро можетъ случиться.

— Миссъ Бэйардъ мила, я согласенъ; но то, на что я такъ неловко намекнулъ, относилось къ ея брату, который просилъ руки младшей моей сестры. Этотъ предполагаемый бракъ не тайна, и потому я не хочу скрывать его.

— Но онъ скорѣй всего можетъ подать мысль и о вашемъ бракѣ съ Приссильой! сказала Урсула дрожащимъ голосомъ.

— И да, и нѣтъ; смотря по характеру. Одинъ найдутъ эту причину достаточною, другіе—нѣтъ.

— Вопросъ этотъ занимаетъ меня потому, перебила Урсула, что одинъ мой знакомый влюбленъ въ миссъ Бэйардъ, и признаюсь, я душевно желаю ему успѣха. Вы были бы для него очень опаснымъ соперникомъ, тѣмъ болѣе, что ваше семейство въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Приссилы.

— Съ моей стороны не опасайтесь ничего; мое сердце теперь также свободно, какъ было и въ тотъ день, когда я въ первый разъ увидѣлъ миссъ Бэйардъ.

Лучъ радости блеснулъ на лицѣ Урсулы; потомъ она снова задумалась.

— Не будемъ лучше говорить объ этомъ, сказала она, помолчавъ. Моему полу присвоены нѣкоторыя привиллегіи, которыхъ я не могу изрушить. Вамъ удалось, господинъ Литтльпеджъ, прибыть въ такое время, когда всѣ ваши арендаторы собрались въ одномъ мѣстѣ; вы всѣхъ могли видѣть разомъ.

— Я имѣлъ еще другую удачу и цѣлую жизнь не забуду обстоятельство моего пріѣзда.

— Вы вѣрно очень любите смотрѣть, какъ поднимаютъ зданія? Или—можетъ, быть, вамъ нравятся сильныя ощущенія, до такой даже степени, что вы сами хотѣли бы попасть въ силокъ, какъ попадаютъ бѣдныя птички, которыхъ ловить иногда мой дядюшка.

— Я говорю ни о подъемѣ зданія, ни о томъ, что оно могло упасть на насъ, хотя смѣлость и присутствіе духа, которыхъ вы показали, не позволяютъ мнѣ забыть этого. (Урсула потупила голову и покраснѣла.) Мнѣ пришла теперь на мысль цѣсня, которую я слышалъ; слова индѣйскія, а мелодія шотландская; она дала мнѣ первое понятіе о томъ, что служить украшеніемъ этого далекаго уголка свѣта.

— Не такъ однакожъ далекаго, чтобы до него не могла достичь лесть. Пріятно слышать, когда хвалятъ цѣсни, будь онѣ хоть индѣйскія; но, право, гораздо пріятнѣе узвать что-нибудь новое о Приссилѣ; поговоримте о ней.

— Могу увѣрить васъ, что миссъ Бэйярдъ раздѣляетъ вполне вашу привязанность къ ней; она всегда съ энтузіазмомъ говоритъ о дружбѣ своей къ вамъ.

— Ко мнѣ! такъ она помнитъ еще меня, заброшенную такъ далеко отъ свѣта! но она такъ добра, что это еще усиливаетъ въ ней привязанность ко мнѣ. Она вѣрно не думаетъ, чтобы я сожалѣла о прежнемъ моемъ положеніи; я не простила бы ей этого.

— Напротивъ, она удивляется вамъ.

— Странно, что Приссила говорила вамъ обо мнѣ! Я сама поступила легкомысленно, наговоривъ вамъ такъ много, и потому должна теперь уже досказать. Впрочемъ, мнѣ извинительно, если я не обхожусь съ вами, какъ съ совершенно чужимъ человѣкомъ, потому что дядюшка, по-крайней-мѣрѣ сто разъ въ

день вспоминаетъ о васъ. Вчера еще, въ продолженіе одного часа, онъ разъ двѣнадцать заводилъ о васъ рѣчь.

— Какъ онъ добръ! Я, право, горжусь привязанностью этого достойнаго человѣка! Однакожь, что вы хотѣли объяснить вашему старому другу, если смѣю только принять это названіе.

Урсула улыбулась немного насмѣшливо, но чрезвычайно мало. Потупивъ глаза, она задумалась на минуту, какъ будто какая-то важная мысль занимала её, потомъ, вдругъ поднявъ голову, сказала:

— Хочу быть съ вами откровенной; я увѣрена, что выиграю этимъ въ вашемъ мѣнніи. Не забывайте только, господице Литтльседжъ, что я говорю съ вами, какъ съ лучшимъ другомъ моего дяди.

— Это названіе для меня драгоцѣнно; я всѣми мѣрами буду стараться сохранить его.

— Хорошо. Знайте же, что Приссела Бэйярдъ, въ продолженіе осьми лѣтъ была подругой моей и искреннѣйшимъ моимъ другомъ. Взаимная привязанность наша началась еще въ дѣтствѣ и съ лѣтами усилилась. За годъ почти до окончанія войны, братъ мой Фрэнкъ, который теперь помогаетъ здѣсь дядюшкѣ, часто посѣщалъ меня. Полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ посланъ въ Альбани, и онъ имѣлъ время бывать у васъ въ пансіонѣ. Видѣть меня, значило видѣть и Приссису, потому-что мы были неразлучны; а видѣть Приссису, по-крайней-мѣрѣ для бѣднаго Фрэнка, значило полюбить её. Онъ сдѣлалъ меня своей повѣренной, и теперь, вы понимаете, какъ я голжна была встревожиться при мысли, что у него можетъ быть такой опасный соперникъ, какъ вы.

Эти слова объяснили мнѣ все; хотя я и удивился чрезвычайной простотѣ или, лучше сказать, силѣ характера Урсулы, которая заставила её сдѣлать мнѣ такое странное признаніе. Когда, впоследствии, я узналъ её короче, тогда я все понялъ; но въ эту минуту не могъ не удивиться.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, миссъ Мальбонъ....

— Миссъ Мальбонъ! Почему вы не хотите называть меня, какъ всѣ, Урсулой? Черезъ недѣлю это будетъ; такъ не лучше ли начать теперь же: вы вѣрно не захотите отличать элишь отъ другихъ?

— Общаю вамъ, миссъ....

— Опять? Знаете ли, вѣдь я могу подумать, что вы нарочно

васмѣхаетесь надо мной, потому-что я не болѣе, какъ хозяйка у бѣднаго землемера. Да, господишь Литгальпаджъ, мы бѣдны, очень бѣдны, мой дяюшка, Франкъ и я. У насъ ничего нѣтъ.

Она сказала это не съ отчаяніемъ, а самымъ чистосердечнымъ и трогательнымъ тономъ.

— Но у Франка, по-крайней-мѣрѣ, есть что-нибудь; вѣдь вы сказали мнѣ, что онъ служилъ въ полку?

— Да, онъ былъ капитаномъ; но что же онъ выслужилъ? Мы не жалуемся на правительство; намъ извѣстно, что государство теперь также бѣдно, какъ и мы, хотя не всегда находилось въ такомъ положеніи. Я долго была въ тягость друзьямъ моимъ; надо было заплатить кое-какіе долги. Если бы я знала объ этомъ, дѣла, можетъ-быть, приняла бы другой оборотъ. Но теперь я не могу иначе благодарить ихъ за все, что они для меня сдѣлали, какъ живя съ ними въ этой пустынѣ.

— По-крайней-мѣрѣ вы остаетесь всегда здѣсь, въ этомъ домѣ? вамъ, вѣрно, не приходилось жить въ хижинѣ, которая въ музериджскомъ лѣсу?

— Я была вездѣ, гдѣ былъ дяюшка, и буду сопутствовать ему всюду, пока жива. Мы никогда не разлучимся; лѣта его и благодарность за его благодѣянія обизываютъ меня къ тому. Франкъ, конечно, могъ бы найти занятія выгоды, но онъ не хочетъ оставить насъ. Бѣдные люди сильно привязываются другъ къ другу.

— Я просилъ вашего дяюшку считать этотъ домъ своею собственностью и думалъ, что онъ воспользуется имъ по-крайней-мѣрѣ для васъ.

— Да. Но когда случается тащить дѣньги миль за двадцать отсюда? Каждый разъ приходитъ сюда слишкомъ далеко.

— Ваша обязанность, конечно, состоитъ въ томъ, чтобъ сопутствовать своимъ друзьямъ и стараться успокоить ихъ послѣ тяжелой дневной работы, не такъ ли?

Урсула взглянула на меня и улыбнулась; потомъ задумалась и снова насмѣшливо улыбнулась. Я слѣдилъ за всѣми перемѣненіями ея лица, съ невыразимымъ участіемъ, потому-что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ наблюдать живыя и чистыя движенія души, выражающіяся на лицѣ хорошенькой женщины.

— Я умѣю дѣйствовать шью, сказала Урсула, успокоясь.

— Дѣйствовать шью? Боже мой! вы, можетъ-быть, и умѣете, но, вѣрно, никогда не дѣлали этого?

Урсула покраснѣла, взглянула на меня, и, ангельски улыбаясь, наклонила голову въ знакъ подтвержденія.

— Такъ вы дѣлали это, конечно, шутя, чтобъ только имѣть послѣ право похвалиться?

— Чтобъ помочь дядюшкѣ и брату, потому-что имъ не на что нанять лишняго человѣка.

— Боже мой!... Миссъ Мальбонъ.... Урсула!...

— Называйте меня по имени; оно гораздо приличнѣе землемѣркѣ, отвѣчала, смѣясь, Урсула.

Она вдругъ взяла меня за руку, и видя какое тяжелое впечатлѣніе произвели на меня ея слова, продолжала:

— Почему же, вамъ такъ непріятно, что я раздѣляю почтенныя и полезныя для здоровья труды? Не думаете ли вы, что я хочу состязаться съ вами, мужчинами? и развѣ сестра не можетъ помогать брату?

Урсула опустила мою руку также быстро, какъ и взяла еѣ, и съ какимъ-то легкимъ трепетомъ, какъ будто стыдась своей смѣлости.

— Но эта работа прилична только мужчинамъ, замѣтилъ я.

— Женщина также можетъ заниматься ею, и даже съ успѣхомъ; спросите у дядюшки. Въ первое время я боялась только того, что не въ силахъ буду сдѣлать много и замедлю работу; но дядюшка и братъ были очень свиходительны ко мнѣ. Я ходила только по сухимъ мѣстамъ, гдѣ не могла промочить ногъ, и въ дѣсахъ, гдѣ нѣтъ кустарниковъ и колючихъ растеній. Я не хочу скрывать отъ васъ того, что всѣмъ уже извѣстно, и что вы рано или поздно узнали бы и не отъ меня. Къ тому же я не люблю скрытности, особливо, видя теперь, что вы обходитесь со мной, какъ съ равню со себѣ.

— Миссъ Мальбонъ! ради Бога, не говорите такъ! Я ничего не зналъ; иначе никогда не допустилъ бы васъ до этого.

— А какъ бы вы это сдѣлали, господинъ Литтльведжъ? Дядюшка взялъ на себя весь трудъ, за извѣстную цѣну, а наемъ работниковъ — было ужъ его дѣло. Бѣдный Франкъ! Если дядюшка гордится тѣмъ, что считается здѣсь лучшимъ землемѣромъ, то неужели я должна стыдиться раздѣлять съ нимъ всю заслуженную извѣстность.

— Но, миссъ Мальбонъ! развѣ особа, получившая хорошее воспитаніе, подруга Приссылы Бэйлардъ, сестра Франка, находится на своемъ мѣстѣ; занималась подобными работами?

— Право трудно рѣшить, какое именно мѣсто наиболѣе прилично женщинѣ. Безъ сомнѣнiя, мѣсто ея—въ домашнемъ хозяйствѣ; но многое зависитъ и отъ обстоятельствъ. Развѣ не было примѣровъ, что жены слѣдовали за мужьями на поле битвы? Развѣ сестры милосердiя не оставляютъ своихъ обитателей, чтобы служить больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ? Я, право, ничего не вижу дурнаго въ томъ, чтобы помогать своему отцу, когда можно тѣмъ предохранить его отъ нужды.

— Боже мой! и дядюшка вашъ ничего не говорилъ мнѣ! Онъ, вѣдь, зналъ, что я всегда готовъ помочь ему. И какъ могли вы переносить нужду среди изобилiя, которое господствуетъ въ здѣшнемъ поселенiи, которое, какъ мнѣ писалъ вашъ дядюшка, находится только въ пятнадцать или двадцати миляхъ отъ вашей дѣсной хижины?

— Стѣстныхъ припасовъ тамъ много, я согласна, но у насъ не было денегъ; да, къ тому же, развѣ трудъ тяжелъ? Дядюшка пробовалъ было день или два употреблять на это дѣло нашего стараго Негра Килiана, но вы знаете, какъ трудно вбить въ голову этому народу что-нибудь несогласное съ ихъ обыкновенными занятiями. Тогда я предложила свои услуги. Я, вѣрюсь, довольно понятлива, продолжала она, гордо поднявъ голову, и вы не повѣрите пока не увидите на опытѣ, сколько у меня силы и ловкости для такого простаго и легкаго дѣла. Мѣрять землю не то, что рубить дрова или складывать полѣнницы.

— Или воздвигать зданiя, прибавилъ я, смѣясь, (потому-что нельзя было не увлечься такимъ рѣшительнымъ характеромъ); признаюсь, я удивлялся вашей ловкости въ этомъ родѣ занятiй.... Однакожь это должно кончиться. Къ счастью, я могу теперь предложить господину Мальбону выгодное мѣсто, которое позволитъ ему сдѣлать сестру свою хозяйкою въ этомъ домѣ и жить въ немъ вмѣстѣ съ ней.

— Благодарю васъ, сказала Урсула, сдѣлавъ движенiе, чтобъ взять мою руку, но вдругъ остановилась и покраснѣла. Благодарю васъ! Франкъ готовъ дѣлать все, чѣмъ только можетъ заниматься съ честью. Я знаю, что я ему, бѣдному, въ тягость; безъ меня онъ давно могъ бы найти выгодное мѣсто въ городѣ, но я не могу покинуть дядюшку, а Франкъ не хочетъ меня покинуть.

— Добрый и благородный молодой человекъ. Я его уважаю

за привязанность его къ вамъ. Это еще болѣе заставляетъ меня поспѣшить привести въ дѣйствіе мои планы.

— Я думаю, что они такого рода, что со стороны сестры Франка не будетъ нескромностью спросить объ нихъ?

Между тѣмъ какъ Урсула говорила, въ голубыя глаза ея выражалось такое нѣжное участіе, что я былъ совершенно очарованъ.

— Какая же нескромность! отвѣчалъ я, довольно поспѣшно для человѣка, находившагося подѣ влияніемъ прелести. Я съ большимъ удовольствіемъ открою вамъ мои планы. Вотъ они: мы давно уже недовольны нашимъ повѣреннымъ; я хотѣлъ предложить это мѣсто вашему дядюшкѣ, но знаю напередъ, что онъ откажется, подѣ предлогомъ незнанія счетовъ и вычисленій. Братъ же вашъ этого не можетъ сказать, ... всему вашему семейству будетъ лучше, когда Франкъ займетъ это мѣсто.

— А! вы назвали его Франкомъ! вскричала Урсула, прыгая отъ радости; это добрый знакъ. Я надѣюсь, что когда буду сестрою вашего новаго повѣреннаго, то и меня вы будете называть не иначе, какъ Урсулой?

Непонятенъ былъ для меня характеръ этой молодой дѣвушки; она переходила вдругъ отъ порывовъ глубокой чувствительности къ веселости самой живой. Какъ она радовалась счастливой будущности своего брата!

— И это будетъ скоро, потому-что черезъ часъ Франкъ получитъ отъ меня довѣренность. Я предупредилъ уже объ этомъ Ньюкома письмомъ, и, какъ казалось, онъ былъ доволенъ, что освободился отъ лишнихъ хлопотъ.

— Такъ это значитъ, что занятія его были не такъ выгодны, когда онъ остался доволенъ увольненіемъ?

— Я не утверждаю, что онъ доволенъ, а сказалъ только, что мнѣ такъ показалось; а это большая разница, когда дѣло идетъ объ извѣстныхъ людяхъ. Хотя это мѣсто незначительно, но все же принесетъ такіе доходы, которые будутъ достаточны для того, чтобы избавить сестру Франка отъ должности землемѣра и дать ей возможность показать природные свои таланты въ занятіяхъ болѣе приличныхъ ея полу. Во-первыхъ, надо возобновить всѣ контракты на наемъ земель; а какъ ихъ болѣе ста, то вотъ уже порядочная выгода; потомъ, придется дѣлать ежегодно отсрочки. Наконецъ, а хотѣлъ предоста-

дать нашему дядюшкѣ въ полное распоряженіе этотъ домъ и помѣстье, но все равно, сдѣлаю то же и для Франка.

— О! владѣя этимъ домою и помѣстьемъ, мы будемъ богаты! вскричала Урсула, хлопая отъ радости руками. Я заведу школу для молодыхъ дѣвушекъ, и вы увидите, господинъ Литтлпеджъ, какъ, со временемъ, все это будетъ хорошо. По-крайней-мѣрѣ, я всѣми силами буду стараться доказать вамъ свою благодарность за ваши благодѣянія.

— Я желалъ бы, чтобъ всѣ молодыя дѣвушки, въ которыхъ принимаю участіе, не имѣли никогда другихъ наставницъ, и чтобъ, руководимыя вами, онѣ приобрѣли вашу чувствительность, преданность и доброту; тогда я поселился бы здѣсь, и это мѣсто было бы для меня раемъ.

Урсула немного встревожилась, какъ будто испугавшись, что сама проговорила или услышала отъ меня что-нибудь лишнее. Она встала, поклонилась мнѣ и начала собирать со стола съ удивительною ловкостью.

Таковъ былъ мой первый разговоръ съ Урсулой, съ которою послѣ я такъ часто говорилъ. Я пошелъ отыскивать землемѣра, находясь еще подъ вліяніемъ глубокаго впечатлѣнія, которое произвела на меня Урсула. Конечно, одною изъ причинъ того была ея красота, иначе и быть не могло; но меня приводили въ восхищеніе также ея твердость, независимость и чистота души. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя ея поступки произвели бы на меня непріятное впечатлѣніе, если бъ я слышалъ о нихъ; они могли бы показаться слишкомъ вольными, но при видѣ Урсулы, подобныя мысли исчезали, и легко было убѣдиться, что она дѣйствовала всегда, повинувшись сердечному влеченію. Такъ напримѣръ, когда она взяла меня за руку, конечно она думала въ это время о своемъ братѣ; если этотъ поступокъ, достойный во всякомъ другомъ случаѣ порицанія, объяснить такимъ образомъ, то онъ представляется трогательнымъ и очень естественнымъ.

Ну какъ сравнить Приссву Бэйярдъ съ Урсулою Мальбонъ! Конечно, Приссва была не дурна собою и имѣла всѣ качества хорошо воспитанной дѣвушки; но въ Урсулѣ такъ много оригинальнаго: при твердыхъ правилахъ, она обладала рѣшительностью и энергіею, которыя, едва ли, можно найти изъ тысячи дѣвушекъ въ одной. Не скажу, чтобъ я былъ положительно впечатленъ, когда вышелъ изъ комнаты; я не хотѣлъ показать вида, что такъ легко поддаюсь первымъ впечатлѣніямъ; но призна-

юсь, никогда ни одна женщина не возбуждала во мнѣ и десятой доли того участія, которое я принималъ въ Урсулѣ.

Я нашелъ Андрея на дворѣ, повѣряющаго свои цѣпи. Онъ дѣлалъ это по временамъ и съ такой же добросовѣстностью, какъ будто вѣсилъ золото. Старикъ, казалось, не замѣтилъ, что я такъ долго оставался наединѣ съ его племянницей, потому-что, едва увидя меня, онъ сказалъ, держа свою палку въ зубахъ:

— Извините, что я оставилъ васъ такъ долго однихъ, но мнѣ надо было заняться. Я не хочу, чтобъ послѣ ваши поселенцы, Янки, хулили мою работу. Пусть перемѣряютъ эту землю хоть черезъ сто лѣтъ, и тогда увидать, ошибался ли старикъ Андрей.

— Но уклоненіе магнитной стрѣлки всегда произведетъ нѣкоторую разницу, если только межевщики не будутъ лучше нынѣшнихъ.

— Правда, Мордаунтъ!... чортъ возьми!... вы дотронулись до равы. Я долго думалъ объ этомъ, разсматривалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, и до сихъ-поръ ничего не понимаю.

— Что же вы не посоветуетесь съ Урсолой, искусной землемеркой?... Знаете ли что? вѣдь вы можете потерять вашу репутацію, такъ дорого и такими трудами приобретенную.... она перейдетъ къ миссъ Мальбонъ.

— Какъ! она ужъ рассказала вамъ?... О, женщины!... никогда не умѣютъ хранить тайны! Попробуйте заставить молчать попугая!

— Вы слишкомъ строги!

— Мнѣ досадно, для чего она говорила вамъ объ этомъ.... Она сдѣлала это противъ моей воли, Мордаунтъ.... Въ другой разъ, я не позволю ей этого. А правду сказать, и вы съ удовольствіемъ посмотрѣли бы, какъ она занималась своимъ дѣломъ.... какая быстрота! какой вѣрный глазъ! Право, сама природа назначила еѣ быть землемеркой.

— До тѣхъ поръ, пока не найдется какой-нибудь бѣднякъ, чтобъ занять это мѣсто. Право, она не женщина, а ангелъ!

Многіе родственники, на мѣстѣ землемера, встревожились бы, услыша такія выраженія отъ молодого человѣка; но Андрей былъ увѣренъ во мнѣ, и я приписываю это болѣе его характеру, чѣмъ моему. Въмѣсто того, чтобъ обнаружить безпокойство или неудовольствіе, онъ взглянулъ мнѣ прямо въ гла-

за, съ веселымъ видомъ; въ лицѣ его выражалась вся любовь его къ своей племянницѣ.

— Да, Мордаунтъ, она прекрасная дѣвушка, жемчужина своего пола; а посмотрѣли бы вы, какъ она помогала мнѣ! Немного денегъ вышло изъ вашего кошелька въ теченіе того мѣсяца, какъ она работала.... Я платилъ ей только половину обыкновенной цѣны. Но при всемъ томъ, я увѣренъ, что съ ней мы сдѣлали гораздо болѣе, нежели при помощи самаго лучшаго работника.

Какъ все это казалось мнѣ страннымъ! Урсула Мальбонъ трудилась для меня, и ей платили за работу, торгуясь! Мысли мѣшались у меня въ головѣ, и между тѣмъ я не могъ не удивляться благородной дѣвушкѣ. Хотя въ первыя минуты мнѣ непріятно было узнать, что та, которую я готовъ былъ полюбить, принуждена была заниматься подобнымъ дѣломъ; но я скоро убѣдился въ томъ, что этимъ самымъ она приобрѣтала большія права на мое вниманіе.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ Франка Мальбона. Я съ нимъ увидѣлся въ первый разъ. Землеѣръ представилъ насъ другъ другу съ обычной простотой и добродушіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы познакомились. Андрей спрашивалъ его о зданіи, которое подымали.

— Я дождался той минуты, когда стали класть стропила, отвѣчалъ Франкъ: и потомъ ушелъ. Праздникъ долженъ заключиться баломъ, какъ я слышалъ. Но мнѣ нужно видѣть сестру и идти домой, то есть къ вамъ, господинъ Литтльпеджъ; у насъ нѣтъ другаго жилища, кромѣ того, которое вы намъ предложили.

— Между сослуживцами, все должно быть общее. Впрочемъ я радъ, что вы заговорили объ этомъ, потому-что я хочу теперь же сдѣлать вамъ предложеніе; если вы примите его, тогда я уже буду вашимъ гостемъ.

Андрей и Франкъ взглянули другъ на друга съ удивленіемъ. Я пригласилъ ихъ сѣсть на скамью, стоящую на дворѣ, и объяснилъ имъ въ чемъ дѣло. Здѣсь я долженъ мимоходомъ сказать нѣсколько словъ объ этой скамьѣ. Она стояла на концѣ площадки, образованной скалами со стороны двора, который, со времени занятія Канады Французами, былъ защищенъ палисадомъ, остатки котораго были еще видны. Урсула, съ свойственною ей полу склонностью ко всему прекрасному и

изящному, устроила тамъ, собственными руками бесѣдку, у подшвы которой посадила деревцо. Съ этого мѣста открывался видъ на обширныя луга и лѣсистыя холмы. Андрей сказалъ мнѣ, что племянница его часто сидитъ въ бесѣдкѣ.

Помѣстясь между землемѣромъ и Мальбономъ, я сказалъ имъ о своемъ намѣреніи, то-есть, что хочу слѣлать Франка моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Чтобъ заставить ихъ принять мое предложеніе, я прибавилъ, что предоставляю имъ пользоваться домомъ и помѣстьемъ, и что на время ежегодныхъ моихъ посвещеній, для меня довольно будетъ тѣхъ комнатъ, которыя занималъ мой дѣдъ. Я прибавилъ, что помѣстье обширно и земля довольно плодородна для того, чтобы удовлетворить потребностямъ скромнаго и привычнаго къ умѣренной жизни семейства, и что отъ продажи избытковъ, можно доставать даже иностранныя произведенія, какія понадобятся.

Однимъ словомъ, я развернулъ передъ ними весь свой планъ, который, правда, принялъ нѣсколько большій объемъ съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ родилось желаніе окружить Урсулу всеми удовольствіями и удобствами жизни, какія могли быть въ моей власти.

Читатель не долженъ предполагать, чтобы я, дѣйствуя такимъ образомъ, показывалъ особенное великолушіе. Не надо забывать, что въ 1784 году зѣмли въ штатѣ Нью-Йоркѣ не имѣли почти никакой цѣнности, точно также, какъ въ наше время на берегахъ Міами, Огіо или Миссисипи. Помѣстья подобнаго рода скорѣе обременяли, нежели приносили выгоду, и будущее только могло вознаграждать владѣльцевъ въ лицѣ ихъ дѣтей или внуковъ. *

Нужно ли говорить, что предложеніе мое было принято съ благодарностью? Старикъ Андрей пожалъ мнѣ руку, и пожатіе это было выразительнѣе всевозможныхъ рѣчей; Франкъ Маль-

* Владѣніе *Reusselaerwick* простирается на сорокъ восемь тысячъ миль отъ востока къ западу и на восемьдесятъ миль отъ сѣвера къ югу. Оно лежитъ въ центрѣ штата Нью-Йоркъ и заключаетъ въ своей окружности три города. Въ Альбани считается до сорока тысячъ жителей; въ Труа около двадцати восьми тысячъ. Между тѣмъ послѣдній владѣлецъ, разговаривая однажды съ авторомъ этихъ записокъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до своей смерти, сказалъ, что дѣдъ его первый извлекъ нѣкоторую выгоду изъ своего владѣнія и что только при отцѣ его было собрано нѣсколько доходовъ.

(Примѣчаніе американскаго издателя.)

бонъ былъ тронуть до слезъ, но старался скрыть это: мы всё были счастливы. Франкъ ниѣлъ при себѣ чернилицу, а у меня была готовая уже довѣренность съ пробѣломъ, въ который я хотѣлъ помѣстить имя землемѣра, и вмѣсто его вписалъ имя Мальбона. Андрей служилъ намъ свидѣтелемъ; мы подписались, и съ этой минуты Франкъ и сестра его стали временными владѣльцами дома, въ которомъ мы были. Я съ истиннымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ Урсула, узнавъ эту радостную новость, бросилась, растроганная и со слезами на глазахъ, въ объятія брата.

XIII.

Это ученіе очень утѣшительное; о немъ можно много сказать. Откуда вы взяли текстъ?

Двадцатая ночь, или, что вамъ угодно.

Быстро прошелъ цѣлый мѣсяць. Въ продолженіе этого времени, Франкъ Мальбонъ былъ формально введенъ въ управленіе и Андрей согласился отложить на время свои измѣренія. Возобновленіе контрактовъ, которыми прошли сроки, было важнымъ дѣломъ. Фермеры владѣли землями, только благодаря снисходительности Ньюкома, который, по силѣ даннаго ему полномочія, заключалъ съ ними ежегодно словесные договоры.

Рѣдко случалось, какъ я сказалъ уже, чтобы владѣлецъ получилъ какіе-нибудь доходы съ своихъ земель въ первые годы. Главное состояло въ томъ, чтобы пригласить поселенцевъ; со-вмѣстничество было велико и потому, чтобы привлечь ихъ, надо было дѣлать пожертвованія. Такъ напримѣръ, дѣлъ мой отдалъ на аренду почти всё свои земли просто даромъ; и чаще всего, за исключеніемъ нѣсколькихъ лучшихъ фермъ, за другія никогда не получалось платы. Поселенецъ платилъ пошлины для того только, чтобы покрыть издержки на устройство дорогъ, мостовъ, и другія подобныя работы, на содержаніе судебныхъ мѣстъ. Въ исходѣ этого періода времени, который можно назвать выжидательнымъ, каждый акръ земли цѣнился въ небольшую сумму, которая или совсѣмъ не платилась или, по край-

ней-мѣрѣ, не доходила никогда до владѣльца, потому-что онъ долженъ былъ подписываться на всѣ полезныя предпріятія. На это-то выходили тѣ небольшія деньги, которыя приходилось ему получать. Конечно, съ помощію притѣсненій и понужденій онъ могъ бы собрать незначительныя суммы; но это съ его стороны было бы очень неосторожно.

Владѣльцы земель въ штатѣ Нью-Йоркѣ вообще были богаты и получали доходы аккуратно. Они сохраняли свои земли и старались ихъ улучшать. Въ то время, до революціи, кто сталъ бы искать удобнаго случая дешево купить какое-нибудь родовое имѣніе, приобрѣлъ бы очень дурную славу. Дозволенныхъ закономъ спекуляцій тогда еще не было, и единственнымъ средствомъ обогатиться честно—былъ трудъ, а не хитрья продѣлки.

Что касается до насъ, мы никогда не получали ни шиллинга съ нашего помѣстья Ревинснетъ. Все что было собираемо, и даже болѣе, употреблялось на мѣстѣ, но наконецъ наступило время, когда фермы, по всей справедливости, должны были приносить доходы. Руководимые глубокою опытностью землемѣра, Франкъ и я употребили вдвоемъ цѣлыхъ двѣ недѣли на то, чтобъ раздѣлить всѣ фермы на три класса. Въ первомъ, каждый акръ земли оцѣненъ былъ въ шеллингъ; во второмъ, въ полтора, а въ самомъ лучшемъ, въ два шеллинга. Все это вмѣстѣ составляло доходъ въ четырнадцать тысячъ шеллинговъ. Для 1784 года это было очень хорошо, и, признаюсь, я былъ очень доволенъ результатомъ нашихъ вычисленій.

Когда предварительныя работы были кончены, Франкъ по очереди призывалъ фермеровъ. Они уже знали о моихъ намѣреніяхъ и одобряли ихъ. Не предстояло никакихъ важныхъ затрудненій. Всѣ фермы были наняты на три срока, на назначенныхъ мною условіяхъ. Наконецъ подписанъ послѣдній контрактъ и всѣ были довольны.

Оставалось только заключить новую сдѣлку съ Ньюкомомъ, который, безспорно, былъ самымъ важнымъ лицомъ въ поселеніи. Онъ былъ въ одно время судьей, смотрителемъ, старшиной конгрегаціонистовъ, мельникомъ, магазинъ-вахтеромъ, содержателемъ гостиницы и генеральнымъ совѣтникомъ всей окрестной страны. Все шло черезъ его руки, или, лучше сказать, все оставалось у него въ рукахъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ жадныхъ и корыстолюбивыхъ существъ, которыя живутъ для того только, чтобъ копить деньги. Эти люди для меня отврати-

тельны, потому-что, не дѣлая сами ничего, они убиваютъ промышленность. Ньюкомъ всегда страдалъ, встрѣчаясь съ человекомъ, котораго онъ считалъ богаче себя, а самъ не зналъ, что дѣлать съ своими деньгами.

Онъ, казалось, охотно рѣшился сложить съ себя званіе повѣреннаго, когда убѣдился, что ему не оставить его. И такъ въ этомъ отношеніи дѣла шли хорошо и не возникало ни одной жалобы. Напротивъ онъ добродушно принялъ Франка Мальбона, и мы очень дружелюбно пачали толковать о дѣлахъ. Ньюкомъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямымъ путемъ, онъ уже съ малолѣтства привыкъ ходить окольными дорогами.

— Вы взяли у моего дѣда на аренду пятьсотъ акровъ земли и мѣсто, для постройки мельницы; контрактъ былъ заключенъ на три срока, или въ случаѣ смерти послѣдняго изъ вашихъ сыновей, на двадцать одинъ годъ; условія эти написаны, господинъ Ньюкомъ, сказалъ я ему: и мельницы должны перейти, по истеченіи срока контракту, къ законному владѣльцу.

— Да, маіоръ Литтлпеджъ, условія точно были таковы, но условія чрезвычайно обременительныя. Началась война и съ нею настало тяжелое время; я увѣренъ, что вы обратите вниманіе на эти обстоятельства.

— Я, право, не вижу, чѣмъ война могла повредить вамъ. Жизненные припасы тогда очень вздорожали и сосѣдство войскъ было для васъ очень выгодно. Двѣ войны принесли вамъ доходы, господинъ Ньюкомъ.

Бывшій мой повѣренный, видя, что я хорошо знаю въ чемъ дѣло, не сталъ мнѣ противорѣчить.

— Я полагаю, маіоръ, что вы уважите законныя права прежняго арендатора на заключеніе съ нимъ новаго контракта? По крайней-мѣрѣ, до-сихъ-поръ, какъ я слышалъ, вы руководствовались этими правилами.

— Васъ обманули, сударь. Всякое право терлется съ истеченіемъ срока договору. Вамъ стѣдуетъ только прочесть самый контрактъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— Да; но нужно же обратить вниманіе на обстоятельства; я былъ всегда такого мнѣнія, что можно не такъ строго придерживаться условій, если они слишкомъ тягостны.

— Послушайте, другъ Ньюкомъ, сказалъ землемръ, давно знакомый съ трактирщикомъ и хорошо понимавшій его: послушайте, когда вамъ случится неожиданно получить какую-ни-

будь выгоду, согласитесь ли вы уступить изъ нея что-нибудь?

— Съ вами вѣтъ возможности спорить, другъ Андрей, отвѣчалъ Ньюкомъ, развалиась на стулѣ: мы смотримъ на предметы съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— Однакожъ, господинъ землемѣръ правъ, сказалъ я: мнѣ кажется, вы должны отвѣчать утвердительно на его вопросъ, если не хотите сами себѣ протаворѣчить. Впрочемъ, для чего и заключается контрактъ, какъ не для соблюденія написанныхъ въ немъ условий?

— По-моему, такъ чисто для формы; все равно, какъ рѣки на ландкартѣ, которую рисуютъ только для вида. Владѣльцы любятъ только заключать контракты, а фермеры не обращаютъ на нихъ никакого вниманія.

— Вы, кажется, шутите, господинъ Ньюкомъ, и хотите показать свое остроуміе. Дѣло идетъ о наймѣ земель, а это—дѣло совѣсти.

— Конечно, маіоръ, вы можете взять обратно эти земли, если вздумаете ихъ требовать.

— Требовать?... Они никогда не переставали принадлежать моей фамиліи, съ тѣхъ поръ, какъ пожалованы ей правительствомъ. Вы владѣете этими землями по найму и съ истеченіемъ ему срока, права ваши на нихъ прекращаются.

— Я не такъ думаю, маіоръ, совѣтъ не такъ. Не забудьте, что я выстроилъ мельницы на свой счетъ.

— Знаю, сударь, но пзъ нашихъ же матеріаловъ, и, въ вознагражденіе за постройку, пользовались мельницами почти бесплатно въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ.

— Неужели, маіоръ, вы въ самомъ дѣлѣ хотите отнять ихъ у меня?

— Ни мало, сударь, и когда я войду въ свои права, вы увидите, какъ я сговорчивъ. Вамъ хорошо извѣстно, что для мой никогда не хотѣлъ продавать своихъ земель, а отдавалъ ихъ только на аренду. Если вы хотите купить землю, то для чего не обратитесь къ другимъ? Въ настоящее даже время есть много продажныхъ земель. Я самъ могу продать вамъ землю въ Музериджѣ въ двадцати миляхъ отсюда. Тамъ, говорятъ, есть превосходныя мѣста для устройства мельницъ.

— Можетъ-быть, это и правда, маіоръ, но я предпочитаю ту землю, которую уже владѣю, и хочу остаться при ней. Если за-

конъ и былъ противъ меня, то кажется, что со времени знаменитаго переворота.....

— Законъ, милостивый государь, остается всегда закономъ; условія заключаются для того, чтобъ исполнять ихъ.

— И они были исполнены съ моей стороны. Я обѣщаль построить мельницы—и построилъ; черезъ два мѣсяца послѣ подписанія контракта, пильная мельница была уже въ полномъ дѣйствіи, а спустя четыре мѣсяца и мукомольная.

— Да, вы показали тогда большую дѣятельность; но если вѣрять очевидцамъ, то обѣ мельницы теперь въ очень плохомъ положеніи.

— Причиною тому условія найма! вскричалъ съ такою поспѣшностью Ньюкомъ, которая не приносила чести обыкновенному его благоразумію. Нельзя ли узнать, когда долженъ кончиться срокъ? Право тяжело подумать, что я такъ скоро могу лишиться своей собственности.

Я очень хорошо зналъ, что Ньюкомъ былъ жертвою своихъ глубокихъ соображеній, и потому я напередъ рѣшился быть въ отношеніи къ нему щедрымъ. Побуждаемый жадностью, онъ нанялъ землю пожизненно, заключа контрактъ не на свое имя, а на имя трехъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ, разсчитывая, что хоть который-нибудь изъ нихъ проживетъ, конечно, долѣе его. Но что жъ изъ этого вышло? Менѣе чѣмъ въ четыре года всѣ дѣти его умерли и срокъ, въ продолженіи котораго онъ могъ пользоваться землею, долженъ былъ скоро кончиться. Даже въ настоящемъ положеніи дѣлъ, наемъ былъ для него очень выгоденъ; впрочемъ если бы хоть одинъ изъ дѣтей его прожилъ лѣтъ сто, то какъ и какого вознагражденія могъ бы требовать владѣлецъ? Выгоды или невыгоды, въ этомъ случаѣ, обоюдны, и потому надо умѣть покоряться обстоятельствамъ.

Не желая продолжать бесполезнаго спора съ человѣкомъ такого характера и съ такимъ одностороннимъ взглядомъ на вещи, я сказалъ ему, что только изъ великодушія и не ограничивая правъ моихъ, согласенъ заключить съ нимъ новое условіе еще на двадцать одинъ годъ, за третью часть той суммы, какую онъ вѣрно потребовалъ бы на моемъ мѣстѣ.

Ньюкомъ не могъ притти въ себя отъ удивленія. Сначала онъ какъ будто окаменѣлъ отъ радости; потомъ, думая что я шучу, онъ сталъ подозрѣвать, что я сказалъ это съ намѣреніемъ насладиться его смущеніемъ. Когда я подписалъ контрактъ и от-

далъ ему въ руки, тогда только онъ повѣрилъ этому и тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что всѣ уловки его клонились къ одной цѣли, къ облегченію условій найма. Онъ очень хорошо понималъ, что доводы его легко опровергнуть.

XIV

Судьба соединила ихъ жребій, и сердца ихъ, не смотря на различіе, существовавшее между ними, были привлечены одно къ другому взаимною симпатіей.

Пинкрей.

Въ продолженіе этого времени, я всякій день видѣлъ Урсулу. Живя подъ одной кровлей, мы безпрестанно имѣли случай встрѣчаться и разговаривать. Будь Урсула величайшею кокеткой въ мірѣ, и тогда она не могла бы дѣйствовать искуснѣе, чтобъ прельстить меня, какъ дѣйствовала теперь, сама того не понимая и безъ всякаго намѣренія. Самая эта безъискусственность всего болѣе привлекала къ ней и рѣзко выкавывала ея умъ и красоту.

Урсула, сдѣлавшись полною хозяйкой въ домѣ, исполняла свои обязанности безъ шума, но дѣятельно; ничто не ускользало отъ ея вниманія. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые требуютъ отъ хорошей хозяйки, чтобъ она сама мѣсила тѣсто и мыла бѣлье; она должна умѣть распорядиться въ домѣ и притомъ такъ, чтобы вездѣ видно было ея присутствіе; она должна быть внимательной ко всѣмъ ее окружающимъ, умѣть предупредить ихъ нужды и желанія и вѣстѣ съ тѣмъ соразмѣрять расходы со средствами, какія у ней въ распоряженіи.

Урсула очень хорошо понимала это и потому избѣгала безпрестанныхъ хлопотъ. Она была избавлена отъ необходимости заниматьсѣ грубыми работами, которыя предоставлены были Неграмъ; все въ домѣ дѣлалось въ свое время и по заведенному порядку. Урсула всегда была въ хорошемъ расположеніи духа, часто пѣла и когда думала, что никто не слышитъ ея, голосъ ея выражалъ что-то печальное, какъ будто пѣсни, которыя она пѣла, пробуждали въ ней воспомнанія о чемъ-то

давно минувшемъ. Мнѣ даже случилось два или три раза замѣтить слезы въ ея глазахъ; но я не смѣлъ спросить о причинѣ ихъ. Да впрочемъ, едвали я нашелъ бы къ тому случай, потому-что едва я подходилъ къ ней, она поспѣшно отирала глаза и встрѣчала меня съ улыбкой.

Нужно ли говорить, что время летѣло для меня очень быстро. Землеѣръ остался съ нами по приказанію, потому-что просьбы уже не помогали. Не помню, чтобъ я когда-нибудь провѣлъ цѣлый мѣсяцъ пріятелье. Я познакомился съ мовми фермерами, по большей части людьми честными и трудолюбивыми. Особенно, сослуживецъ мой, старый маіоръ, былъ человѣкъ превосходный. Занимая ближайшую ферму, онъ часто посѣщалъ меня. Иногда онъ ворчалъ сквозъ зубы на секту, владѣвшую недавно воздвигнутымъ зданіемъ; но видно было, что онъ говорилъ не отъ сердца.

— Я рѣшительно ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ о большинствѣ, сказалъ онъ мнѣ однажды; знаю только хорошо, что Ньюкомъ умѣетъ такъ распорядиться, что большинство всегда на его сторонѣ. Напримѣръ, однажды онъ такъ ловко извернулся, что вышелъ совершенно правымъ, хотя въ его пользу не было и четверти голосовъ.

— Я видѣлъ образчикъ того же, когда прибылъ сюда; право невозможно дѣйствовать искуснѣе!

— Да. Но признаюсь мнѣ это не понятно. Впрочемъ, что касается до того, такъ или иначе называется церковь, я въ это не мѣшаюсь.

Не чувствуя въ себѣ ни малѣйшей охоты толковать о предметахъ религіозныхъ, я отклонилъ этотъ разговоръ.

День или два спустя послѣ заключенія контракта съ Ньюкомомъ. Андрей, Франкъ, Урсула и я сидѣли въ бесѣдкѣ, откуда открывался видъ на обширные луга; вдругъ мы увидѣли Сускуэзуса, который пробирался легкими шагами Индѣйца по тропинкѣ, ведшей въ Музериджа. Въ рукахъ у него былъ карабинъ, а на спинѣ какая-то большая связка, которую мы назвали приняла за убитую имъ дичь. Повернувъ на дорогу, которая вела къ дому, онъ на минуту скрылся за скалами.

— Другъ нашъ Безслѣдный былъ слишкомъ долго въ отсутствіи, сказала Урсула, наблюдавшая за всѣми его движеніями; но судя по его ношѣ, видно, что онъ помнилъ о насъ.

— Я думаю, онъ рѣдко разстается съ вашимъ дядюшкой,

сказалъ я, смотря съ наслажденіемъ въ глаза Урсулѣ. Я писалъ объ этомъ къ батюшкѣ, и онъ вѣрно очень обрадуется, получивъ извѣстіе о старомъ своемъ сослуживцѣ.

— Да, Сускуэзусъ очень привязанъ къ дялюшкѣ! Рѣдко увидишь, чтобъ какой-нибудь Индѣецъ шелъ нагруженный, а начальники ихъ не считаютъ унизительнымъ носить дичь.

Едва Урсула окончила эти слова, какъ Сускуэзусъ бросилъ къ ногамъ ея двѣ или три дюжины птицъ, по большей части голубей; потомъ отошелъ тихо въ сторону, какъ человѣкъ, который, сдѣлавъ главное, предоставляетъ остальное женщинамъ.

— Благодарю, Безслѣдный, благодарю! сказала наша мнленькая хозяйка. Какая славная, жирная дичь! Я приготовлю ее въ разныхъ видахъ.

— Все это молодые птицы; онѣ едва начинали летать. Я взялъ ихъ въ гнѣздахъ, отвѣчалъ Индѣецъ.

— Я думаю, у васъ въ лѣсахъ много гнѣздъ; желалъ бы очень ихъ видѣть, сказалъ я, вспомнивъ рассказы о множествѣ голубей, находившихъ тамъ. Не сдѣлать ли намъ всѣмъ маленькую прогулку въ лѣсъ?

— Почему же нѣтъ! отвѣчалъ землемѣръ; тѣмъ болѣе, что мы давно не ходили въ ту сторону для измѣренія. Если эти птицы прилетаютъ съ той стороны, гдѣ находится одинъ, извѣстный мнѣ холмъ, то ихъ нынче много будетъ въ Музериджѣ.

— Можно сказать, что ихъ тамъ миллионы, сотни и даже болѣе, сказалъ Сускуэзусъ, который, какъ и всѣ Индѣйцы, имѣлъ очень темное понятіе о числахъ, и говорилъ о нихъ на удачу, не наблюдая постепенности;—однакожъ я никогда не видѣлъ столько дичи, какъ теперь. Великій Духъ не забываетъ бѣдныхъ Индѣйцевъ. Онъ посылаетъ имъ то лань, то семгу, то голубей. Для всѣхъ довольно!

— Да, Сускуэзусъ, для всѣхъ довольно. Богъ очень милостивъ къ намъ; но мы не всегда умѣемъ пользоваться его благодѣяніями, отвѣчалъ землемѣръ, пристально разсматривая птицъ. Право, такихъ голубей рѣдко можно найти... Я очень желалъ бы еще разъ увидѣть ихъ въ лѣсу, прежде чѣмъ отправлюсь въ дальній путь. Мнѣ времени терять нельзя.

— Что вы говорите! Когда вы уцѣлѣли въ такое время, какъ послѣдняя война, и теперь мирно отдыхаете, ну можно ли говорить о смерти? Вы стары лѣтами, но бодры и тѣломъ и духомъ.

— Я очень устарѣлъ .. Я это чувствую. Конечно, вы правы; но я самъ это лучше знаю. Проживъ семьдесятъ лѣтъ, пора уступить мѣсто другимъ; мое время ужъ прошло. Господь Богъ приззоветъ меня къ себѣ, когда ему угодно будетъ, теперь я могу умереть спокойно, гораздо спокойнѣе, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Вы удивляете меня, любезный другъ! Отчего же такая разница?

— Оттого что теперь я спокоенъ на счетъ Урсулы; Франкъ имѣетъ хорошее мѣсто, и она не будетъ оставлена.

— Оставлена! Урсула?... Миссъ Мальбонъ, оставлена! Этого никогда бы не могло быть, никогда!

— Перестанемте, перестанемте говорить объ этомъ; вонъ, она начинаеть уже плакать. Послушай, Сускуэзусъ, можешь ли ты свести насъ на то мѣсто, гдѣ водятся эти голуби?

— Могу. Тропинка широка и по ней легко идти.

— Хорошо; такъ завтра же утромъ пустамся въ путь. Мы съ Франкомъ давно уже не были въ лѣсу.

Я слушалъ все это, а между тѣмъ смотрѣлъ на Урсулу, которая, чтобы скрыть свое замѣшательство, вдругъ встала и пошла къ дому. Черезъ минуту, я увидѣлъ ее у окна улыбающеюся, хотя облако грусти не совсѣмъ еще разсѣялось на ея лицѣ.

На другой день, рано утромъ мы отправились въ Мувериджъ смотрѣть голубей. Урсула и старая Негритянка ѣхали на лошадяхъ, а мы шли пѣшкомъ.

Съ нами были еще три лошади, навьюченныя съѣстными припасами и инструментами. Каждый изъ насъ былъ вооруженъ, что было необходимо въ то время; я даже имѣлъ при себѣ охотничье двустольное ружье. Сускуэзусъ былъ нашимъ путеводителемъ.

Спустя часть времени, мы миновали обработанныя земли мнѣхъ владѣній и вошли въ дѣвственный лѣсъ. Послѣдняя война помѣшала расчисткѣ лѣсовъ, и потому вокругъ поселеній не было лужаекъ, служащихъ имъ какъ бы предмѣстїями. Напротивъ, едва мы вышли за черту послѣдняго владѣнія, защищеннаго палисадами и довольно хорошо обработаннаго, то вступили уже въ безкончныя лѣса и совершенно простились съ образованною жизнью.

Мы шли по едва замѣтной тропинкѣ, которая извивалась между обгорѣлыми деревьями; она очень походила на неправильныя каракули, какія чертитъ ребенокъ, начиная учиться писать; но для жителя лѣсовъ она была хороша. Сускуэзусъ даже и не нуждался въ ней, чтобъ найти дорогу. Землемѣръ шелъ твердымъ и непринужденнымъ шагомъ; привыкнувъ проводить прямыя линіи въ лѣсу между деревьями, онъ приобрѣлъ такой вѣрный глазомѣръ, который не уступалъ въ этомъ случаѣ инстинкту Безслѣднаго находить дорогу.

Прогулка эта была тѣмъ пріятнѣе, что густыя вѣтви деревьевъ превосходно защищали насъ отъ зноя. Черезъ четыре часа мы дошли до подошвы пригорка, покрытаго птичьими гнѣздами, и остановились, чтобъ немного закусить.

Наскоро пообѣдавъ, мы приготовились начать восхожденіе. Урсула поручила свою лошадь Негру и пошла вмѣстѣ съ нами лѣшкомъ. Когда мы отошли нѣсколько шаговъ отъ источника, у котораго отдыхали, я предложилъ ей опереться на мою руку, чтобы легче было всходить.

— Какъ, сказала она, смѣясь, мнѣ, землемѣркѣ, побѣдившей въ работѣ Франка, и утомившей моего добраго дядюшку, мнѣ опереться на вашу руку, чтобъ взойти на этотъ холмъ? Вы забыли, маіоръ, что я первыя десять лѣтъ своей жизни провела въ лѣсу, и что въ теченіе прошлаго года опять привыкла къ тому же, сдѣлалась снова дочерью лѣсовъ.

— Я, право, не знаю, что думать о васъ, потому-что въ какомъ бы положеніи вы не были, вы всегда кажетесь на своемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, пользуясь случаемъ объяснитья свободнѣе, когда наши спутники немного опередили насъ. Иногда васъ можно принять за дочь какого-нибудь фермера, въ другой же разъ за наследницу одной изъ нашихъ, древнихъ фамилій.

Урсула засмѣялась; потомъ покраснѣла и въ продолженіе всего времени, какъ мы всходили на холмъ, она хранила глубокое молчаніе. Не нуждаясь въ моей помощи, она скоро опередила меня и догнала Безслѣднаго, который шелъ вперед. Хотѣла ли она показать этимъ, что привыкла много ходить, или желала разсѣять мысли, пробужденныя въ душѣ ея моими послѣдними словами, не знаю, какъ это рѣшить; послѣдствія показали мнѣ однакожъ, что второе предположеніе мое было вѣрнѣе. Я старался не отставать отъ нея и, приближаясь къ тому

мѣсту, гдѣ обыкновенно водились голуби, а шель уже рядомъ съ Урсолой и Безслѣднымъ.

Невозможно описать зрѣлища, которое намъ представилось. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ вершинѣ холма, намъ встрѣчались голуби, которые летали между деревьями, совершенно надъ нашими головами. Мы не дошли еще до главного мѣста, а намъ попадались уже тысячи этихъ птицъ. Чѣмъ далѣе шли мы, тѣмъ число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и, казалось, наконецъ, что весь лѣсъ одушевился. Они производили своими крыльями оглушительный шумъ. Всѣ деревья были покрыты ихъ гнѣздами; на многихъ деревьяхъ были цѣлыя тысячи ихъ. Гнѣзда находились очень близко одно отъ другаго, и несмотря на это, удивительный порядокъ царствовалъ между сотнями тысячъ этихъ птицъ. Молодые голуби прыгали вокругъ насъ во всѣхъ направленихъ; кругомъ же ихъ летали болѣе взрослые, какъ бы стараясь предохранить ихъ отъ всякой опасности. При нашемъ приближеніи, птицы подымались на воздухъ и, казалось, число ихъ съ каждой минутой становилось болѣе. Однакожъ наше присутствіе, повидимому, не очень тревожило ихъ. Они слишкомъ были заняты, чтобы замѣтить присутствіе людей, почти всегда для нихъ враждебныхъ. Цѣлыя тучи ихъ летѣли передъ нами въ одну сторону, какъ сжатая толпа людей, убѣгающихъ отъ какой-нибудь опасности, и за одной тучей слѣдовала другая, подобно волнамъ на океанѣ.

Мы были восхищены этимъ зрѣлищемъ, и испытанное мною тогда ощущеніе я могу сравнить только съ одуреніемъ, какое испытываемъ мы очутясь вдругъ среди толпы людей, которыхъ страсти возбуждены въ высшей степени. Меня чрезвычайно удивляло то, что птицы эти такъ мало обращали на насъ вниманія и, казалось, повиновались какому-то постороннему вліанію. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, находясь среди такой толпы, не обратить на себя вниманія, какъ будто голуби были въ своемъ отдѣльномъ мірѣ, въ которомъ ни что не могло ихъ тревожить.

Въ первыя минуты, никто изъ насъ не сказалъ ни слова. Удивленіе замкнуло намъ уста; мы медленно подвигались впередъ среди этихъ крылатыхъ отрядовъ, созерцая въ безмолвіи твореніе Создателя. Если бы мы и заговорили, то не услышали бы одинъ другаго. Голубь, правда, не шумная птица; но когда

ихъ собрались миллионы на вершинѣ холма, на пространствѣ менѣе квадратной мили, торжественное и важное молчаніе, царствующее обыкновенно въ лѣсу, было нарушено.

Въ продолженіе пути я снова предложилъ Урсулѣ опереться на мою руку; она исполнила это въ какомъ-то разсѣяніи. Мы шли, такимъ образомъ, за важнымъ Онондаго, среди воркующаго роя голубей.

Вдругъ мы услышали шумъ, который, признаюсь, заставилъ всю мою кровь прилиться къ сердцу. Урсула ухватила за мою руку, съ инстинктомъ женщины, готовой лишиться чувствъ, и знающей, что подлѣ нея находится человѣкъ, которому вполне довѣрять. Она сильно сжала мою руку и невольно приблизилась ко мнѣ, чего бы никогда не сдѣлала, если бъ не потеряла присутствія духа. Впрочемъ, это сдѣлано было не отъ страха. Она покраснѣла и въ глазахъ ея выразилось удивленіе и любопытство; еѣ сильно поразило явленіе, которое легко могло бы поколебать бодрость самаго безстрашнаго даже человѣка. Только Сускуэзусъ и землемѣръ сохранили свое хладнокровіе; они уже не разъ видали это и знали напередъ, что будетъ. Для нихъ чудеса лѣсовъ не были новостью. Опершись на карабины, они смѣялись нашему удивленію; впрочемъ, я ошибаюсь, Индѣецъ не смѣялся даже, и на лицѣ его почти не выразалось ничего; замѣтно было только, что онъ ожидалъ нашего удивленія. Я постараюсь описать то, что такъ усилило первое произведенное на насъ впечатлѣніе.

Между тѣмъ, какъ мы удивлялись окружавшей насъ картинѣ, вдругъ раздался шумъ, покрывшій хлопанье миллионныхъ голубиныхъ крылъ; этотъ шумъ можно сравнить только съ топотомъ огромнаго табуна, бѣгущаго по дорогѣ. Сначала шумъ этотъ послышался въ отдаленіи, но, по мѣрѣ приближенія, усиливался, и наконецъ раздался надъ нами, какъ громъ. Воздухъ помрачился и вокругъ насъ сдѣлалось вдругъ такъ темно, какъ при наступленіи ночи. Въ ту же минуту всѣ голуби, находившіеся въ ближайшихъ къ намъ гнѣздахъ, вылетѣли, и все пространство надъ нашими головами совершенно покрылось ими. Въ самомъ хаосѣ не могло быть большаго смѣшенія и шума; птицы, казалось, не замѣчали нашего присутствія; можетъ-быть, самая многочисленность мѣшала имъ видѣть насъ, потому-что онѣ тѣснились между мной и Урсулой, задѣвали насъ крыльями, и казалось все множество ихъ готово было обрушиться на насъ,

какъ лавина. Мы поймали руками много голубей и потомъ выпустили ихъ на свободу одного за другимъ. Однимъ словомъ, мы какъ будто перепесены были вдругъ въ какой-то голубиный міръ. Все это продолжалось съ минутою; потомъ, пространство, которое было занято ими, очистилось и всѣ птицы разлетѣлись и скрылись между вѣтвями деревь. Причиною этого шума, было возвращеніе самокъ, улетавшихъ довольно далеко, по-крайней-мѣрѣ, миль за двадцать, клевать буковые жолуди. Онѣ заняли въ гнѣздахъ мѣста самцевъ, полетѣвшихъ, въ свою очередь, отыскивать пищи.

Впослѣдствіи, я изъ любопытства вычислилъ, какъ велико могло быть число птицъ, которыхъ мы видѣли тамъ, въ эту замѣчательную минутою; конечно, подобное вычисленіе не можетъ быть точно, но можно вычислить приближительно. Я помню, что мы съ Франкомъ насчитали до двухъ милліоновъ птицъ возвратившихся и улетѣвшихъ. Извѣстно, что голуби отъ природы прожорливы, и потому, естественно, рождается вопросъ, гдѣ жъ они находятъ довольно для себя пищи. Полагая, что въ томъ мѣстѣ, которое мы посѣщали, было ихъ нѣсколько милліоновъ, (потому-что я увѣренъ, что если бы сосчитать ихъ всѣхъ, вышло бы не менѣе) надо предположить, что на каждомъ приходится по дереву, плодами котораго онѣ питаются, и до котораго можетъ долетѣть менѣе чѣмъ въ часъ.

Поэтому можно судить, какъ могущественно развертывается природа въ пустыняхъ. Я часто видѣлъ въ извѣстное время и въ извѣстныхъ мѣстахъ цѣлыя тучи насѣкомыхъ; каждому, вѣрно, случалось также видѣть это; представьте же себѣ впечатлѣніе, которое должно было произвести такое же множество голубей въ музеридажскомъ лѣсу.

Мы пробывали тамъ болѣе часа. Способность мыслить и говорить возвращалась къ намъ по мѣрѣ того, какъ мы привыкали ко всему, окружавшему насъ. Урсула скоро опомнилась и могла безъ принужденія наслаждаться зрѣлищемъ, бывшимъ у насъ передъ глазами. Наблюденія, которыя мы дѣлали, приобрѣтали еще большую прелесть въ глазахъ моихъ отъ того, что я дѣлалъ эти наблюденія вмѣстѣ съ ней. Проведя такимъ образомъ слишкомъ часть, мы сошли съ холма; уходъ нашъ не болѣе потревожилъ голубей, какъ и наше прибытіе.

— Не удивительно ли, сказала Урсула, что эти голуби, ко-

торые по одиначкѣ ни за что не подпустили бы насъ къ себѣ, показались здѣсь такими ручными. Не ужели это происходить отъ того, что ихъ такъ много?

— Да, многочисленность придаетъ имъ увѣренность. Не то же ли самое бываетъ и у людей: къ опасностямъ, которыя устрашили бы насъ наединѣ, мы дѣлаемся равнодушными, когда находимся въ большомъ собраніи людей.

— Почему же паническій страхъ нападаетъ иногда на цѣлое войско?

— Это дѣлается по тому же закону, по которому человѣкъ повинуется впечатлѣнію людей, окружающихъ его. Если непріятель находится впереди, мы бросаемся въ битву; когда же онъ нападаетъ съ тыла, всѣ спѣшатъ скрыться. Масса людей всегда производитъ неотразимое впечатлѣніе на cadaго отдѣльно взятаго человѣка.

Я продолжалъ такимъ образомъ разговаривать съ Урсолой, до тѣхъ поръ, пока она опять сѣла на лошадь. Читателю можетъ показаться страннымъ, что молодая дѣвушка говорила о такихъ серьезныхъ и отвлеченныхъ предметахъ, потому-что мы привыкли слышать женщинъ, разговаривающихъ по большей части о пустякахъ. Но я былъ восхищенъ умомъ и чувствомъ Урсолы; не занимаясь постоянно важными вопросами, она, однакожъ, понимала ихъ, и очень вѣрно судила о политическихъ событіяхъ. Можетъ-быть, и красота ея была нѣсколько тому причиною, но только не помню, чтобъ я когда-нибудь разговаривалъ съ большимъ удовольствіемъ.

XV.

Любовь! Любовь! ты также близлива, какъ несчастный, который, охраняя свое сокровище, видитъ приближеніе воровъ. Всякая бездѣлица, ускользящая даже отъ зрѣнія и слуха, наноситъ слабое сердце твое смѣшнымъ страхомъ.

Венера и Адонисъ.

Хижины землемѣра были удобнѣе и лучше расположены, нежели я ожидалъ. Ихъ было три: въ одной находилась кухня

и комната для невольниковъ; другую занимала Урсула съ старой Негритянкой; въ третьей помѣщались мужчины. Рядомъ съ кухней находилась столовая; и всѣ эти хижины, построенныя уже болѣе года, были деревянныя, крытыя корою, и по обыкновенію, очень грубо сдѣланныя. Только жилище Урсулы отличалось отъ другихъ, какъ снаружи, такъ и внутри; о назначеніи его легко можно было догадаться по тому старанію, съ которымъ оно было устроено. Краткое описаніе мѣстности, конечно, не помѣшаетъ здѣсь.

Источникъ воды, который всегда есть первое и необходимое условіе, вытекалъ въ этомъ мѣстѣ изъ холма, возвышавшагося постепенно на пространствѣ цѣлой мили, и покрытаго вязами, буками, кленами и березами; такихъ роскошныхъ деревьевъ я никогда еще не видалъ. Землемѣръ избралъ это мѣсто потому, что оно находилось въ срединѣ музериджскаго помѣстья, и потому еще, что въ окрестностяхъ не было кустарниковъ и стоячей воды. Какъ вездѣ, въ этомъ лѣсу, кругомъ распространялась богатая растительность и образовывала густую тѣнь.

Несмотря на грубую постройку этихъ хижинъ, сложенныхъ изъ бревенъ, онѣ имѣли живописный видъ.

Онѣ были расположены неправильно вблизи источника. Ближе всѣхъ къ водѣ стояли кухня и столовая; потомъ жилище мужчинъ; а маленькое строеніе, которое Франкъ Мальбонъ смѣясь называлъ гаремомъ, было расположено на возвышенности, немного въ сторонѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ хижины Андрея. Полы и двери этихъ хижинъ были изъ досокъ, и только волномъ гаремъ были стекляныя окна. Франкъ, желая угодить сестрѣ, придѣлалъ даже къ нимъ ставни, правда очень грубой работы, но крѣпкія.

Время, когда считали необходимымъ укрѣплять жилища противъ внезапныхъ нападений, давно уже миновало. Предосторожности эти были хороши тогда, когда Французы владѣли Канадой, и впоследствии, когда военныя дѣйствія заставили дикихъ собраться около поселеній, расположенныхъ на границахъ владѣній; но съ окончаніемъ войны исчезъ и страхъ.

Не смотря на то, хижины построены были прочно. Бревна, не боясь поврежденія, могли подвергаться дѣйствію пуль. Все это было достаточно для защиты отъ дикихъ звѣрей, единственныхъ враговъ, которыхъ можно было опасаться. Хижины не соединялись между собой никакимъ крытымъ ходомъ, а стояли отдѣль-

но и не были даже окружены палисадомъ. Единственная площадка, въ полъ-акра величиною, была засѣяна огородными овощами, въ достаточномъ количествѣ для скромнаго стола тамошнихъ жителей.

Таково было мѣсто, извѣстное во всей окружной сторонѣ подь именемъ Хижинъ Землемѣра. Названіе это сохранилось до нынѣ и я сберегаю хижины, играющія большую роль въ моемъ разсказѣ. Хотя жилище это было занято большую часть весны и лѣта, и въ немъ замѣтно было присутствіе человѣка, но при всемъ томъ могло назваться пустынею. Окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, оно было удалено слишкомъ на пятнадцать миль отъ всякаго другаго жилища и, казалось, не имѣло никакого сообщенія съ образованнымъ міромъ. Даже въ настоящее время, въ Нью-Йоркскомъ штатѣ находится много такихъ отдаленныхъ поселеній; я недавно посѣщалъ одно изъ нихъ, лежащее на сѣверѣ, въ гористомъ мѣстѣ; оно чрезвычайно живописно. Мѣста эти хороши для охотника, потому-что изобилуютъ дичью; но для земледѣльца неудобны. Я увѣренъ, что если скуэттеры не сдѣлаютъ набѣга на эти земли, то онѣ еще болѣе вѣка останутся пустынею, посѣждаемою только охотниками, которымъ угрожаетъ опасность лишиться скоро возможности охотиться въ другихъ удобныхъ мѣстахъ страны.

Джанъ, которому поручено было везти припасы, остался съ нами въ качествѣ охотника. Онъ стрѣлялъ довольно метко и какъ прежде былъ въ военной службѣ, то имѣлъ право сколько угодно жечь пороху. Во время войны онъ приобрѣлъ себѣ превосходное охотничье ружье, вѣроятно, отнятое у какого-нибудь авглійскаго офицера; онъ никогда не разставался съ этимъ трофеемъ.

Джанъ и Сукуззусъ были старые знакомые. Оба они играли немаловажную роль въ событіяхъ, происходившихъ въ этихъ мѣстахъ не задолго до моего рожденія; впоследствии, часто они встрѣчались и вмѣстѣ служили въ послѣднюю войну. Они не питали одинъ къ другому взаимнаго отвращенія, существующаго между краснокожими и черными; хотя Негръ почиталъ себя выше дикаго обитателя лѣсовъ, потому-что имѣлъ нѣкоторое понятіе о образованности; а Онондаго, въ дикой независимости своей, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, охотно жившаго въ рабствѣ. Взаимная дружба ихъ, если не уничтожала, то по-крайней-мѣрѣ смягчала въ нихъ эти чувства; они жили въ

совершенномъ согласіи, и едва мы прибыли на мѣсто, какъ я увидѣлъ ихъ спокойно разговаривающихъ между собою.

Джапъ принесъ цѣлый мѣшокъ голубей и положилъ ихъ на землю у кухни, чтобы ошипать и потомъ передать Негритянкѣ для приготовленія. Между тѣмъ Онондаго спокойно сѣлъ на сломанное дерево и въ бездѣйствіи смотрѣлъ на своего товарища, не удостоивалъ раздѣлить трудовъ, приличныхъ, по его мнѣнію, однѣмъ женщинамъ и которыми воинъ можетъ заниматься самъ только въ походѣ или въ военное время. Одна необходимость могла заставить его работать; я сомнѣваюсь, помочь ли бы онъ даже Урсулѣ, если бъ увидѣлъ, что она сама трудится. Воинъ, по его мнѣнію, долженъ всегда сохранять свою важную и благородную безопасность. Дѣятельная и правильная промышленность возникаетъ въ слѣдствіе образованности и удовлетвореніе ея потребностямъ доставляетъ занятія рабочему классу людей.

— Послушай, другъ, сказалъ Негръ, ѣвнямая изъ мѣшка послѣдняго голубя, какъ этона зывается у васъ? дичью, не правда ли?

— Да, какъ и васъ, я думаю? отвѣчалъ Онондаго, смотря съ насмѣшкой на Негра.

— Совсѣмъ нѣтъ! У насъ называются дичью только птицы, которыхъ собака сгоняетъ съ мѣста. У господина Мордаунта есть собаки въ Сатансто и въ Лилаксбушѣ, пріученныя къ охотѣ за голубями.

— Да, а за ланями?

— За ланями, не знаю. Можетъ-быть есть, можетъ-быть и нѣтъ. У насъ въ Вестъ-Честерѣ не водятся ланей, чтобъ можно было пріучать собакъ къ охотѣ за ними. Но кстати, Сускуэзусъ, помнишь ли тотъ день, когда ты на самомъ этомъ мѣстѣ дрался съ краснокожими; это уже очень давно; съ тобой были тогда господа Корнъ и Тинъ-Эйкъ и старшій господинъ Германъ Мордаунтъ и миссъ Аннеке и миссъ Мери, и другъ твой Скакунъ. Помнишь ли ты это, Онондаго?

— Индѣецъ никогда не забываетъ. Онъ помнитъ и друзей и враговъ..

— Да, да, это можетъ засвидѣтельствовать Мускуэрускъ, который никогда не забывалъ о своихъ выгодахъ. Помнишь ты этого стараго злодѣя Мускуэруска, Безслѣдный? (Негру очень правилось въ разговорѣ съ Индѣйцомъ называть его разными именами.) Онъ никакъ не могъ забыть нѣсколькихъ ударовъ бичемъ, полученныхъ имъ.

— Отъ бича болитъ спина, отвѣчалъ Онондаго съ нѣкоторою важностію.

— Да, у васъ краснокожихъ, можетъ быть; а цвѣтной человѣкъ обращаетъ на это столько же вниманія, какъ на уби- таго голубя. Онъ въ короткое время привыкаетъ къ бичу; да объ этомъ не стоитъ даже и говорить.

Сускуззусъ ничего не отвѣчалъ, но, повидимому, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на невѣжество и униженіе своего друга.

— Какого ты мнѣнія, Сускуззусъ, объ этомъ мірѣ? спросилъ вдругъ Негръ, который, разъ заболтавшись, говорилъ уже все, что приходило ему въ голову; какимъ образомъ произошли бѣ- лыя, красные и цвѣтные люди?

— Великій Духъ произвелъ ихъ всѣхъ. Онъ наполнилъ Ин- дѣйца кровью и слѣлалъ его краснымъ; Африканца черной кра- ской, и тотъ сталъ чернымъ; а блѣднлицыя отъ того бѣлы, что живутъ постоянно на солнцѣ и цвѣтъ ихъ выгораетъ.

Джапъ засмѣялся такъ громко, со всѣмъ своимъ индѣйскимъ добродушіемъ, что всѣ Негры вдругъ вышли, и не зная причины его смѣха, тоже начали хохотать, чисто изъ подражанія. Бѣ- ныя Негры! ихъ презираютъ за то, что они невольники, но су- дя по чистымъ порывамъ веселости, которыя овладѣвають ими, этого нельзя бы и подозрѣвать.

— Послушай, Индѣецъ, началъ снова Джапъ, насмѣявшись до-сыта, скажи мнѣ какой видъ, по твоему, имѣетъ земля, круг- лая она, или плоская?

— Чтѣ ты хочешь этимъ сказать? Въ иномъ мѣстѣ, земля возвышается, въ другомъ понижается; она ни кругла, ни пло- ска.

— Ты не понимаешь меня. Ну, слушай же: господинъ мой говоритъ, что земля кругла какъ яблоко, и что она вертится, отъ чего бываетъ день и ночь. Какъ ты думаешь объ этомъ, Онондаго?

Сускуззусъ слушалъ съ важностію; но не показалъ, согла- сенъ ли онъ или нѣтъ. Онъ очень уважалъ отца моего и меня; но требовать отъ него, чтобъ онъ вѣрилъ тому, чего не понимаетъ, было бы слишкомъ много.

— Если бѣ было дѣйствительно такъ, сказалъ онъ, подумавъ съ минуту, то люди ходили бы вназѣ головою; а мы видимъ, что они ходятъ на ногахъ, а не на головѣ.

— Господинъ Корни сказалъ мнѣ объ этомъ, Сускуззусъ,

давно уже, когда я былъ еще очень маленькииъ. Послѣ, я спрашивалъ господина Мерлоунта, и онъ мнѣ подтверждалъ тоже самое.

— А что говоритъ объ этомъ землемѣръ? спросилъ вдругъ Индѣецъ, какъ будто желая руководствоваться въ такомъ трудномъ дѣлѣ, мнѣніемъ человѣка, котораго онъ очень любилъ. Землемѣръ никогда не жетъ.

— Надѣюсь, что и господа мои тоже! вскричалъ съ негодованіемъ Джапъ.

— Да, но мало ли есть вралей. Кто ихъ слушаетъ, можетъ заблуждаться. Землемѣръ затыкаетъ себѣ уши; онъ никогда не слушаетъ вралей.

— Да вотъ кстати, онъ идетъ, Сускуэзусъ. Землемѣръ очень честный человѣкъ; я и самъ радъ узнать его мнѣніе объ этомъ предметѣ, потому что въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какъ можно ходить внизъ головою.

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о голубяхъ, Джапъ вдругъ завелъ разговоръ съ Андреемъ о прежнемъ предметѣ.

— Вы знаете, господинъ землемѣръ, сказалъ онъ: каковы Индѣйцы, какъ они необразованы и невѣжественны. Вотъ на примѣръ, Безслѣдный никакъ не можетъ повяты, что земля кругла и вертится; онъ просилъ меня, спросить васъ объ этомъ.

Землемѣръ не принадлежалъ къ числу ученыхъ. Онъ слышалъ и читалъ въ разныхъ книгахъ объ истинныхъ, открытыхъ наукою; но не могъ усвоить ихъ себѣ и совершенно ихъ понять; а потому и руководствовался во всемъ, только природнымъ здравымъ смысломъ.

— Ты знаешь, Джапъ, отвѣчалъ онъ, что цѣлый міръ такъ думаетъ; по-крайней-мѣрѣ я никогда еще не слышалъ, чтобы кто этому противорѣчилъ.

— Такъ вы думаете, что это правда? спросилъ вдругъ Индѣецъ.

— Должно быть правда, потому что цѣлый міръ утверждаетъ это. Ты знаешь, что блѣднолицыя читаютъ много книгъ и потому они гораздо ученѣе краснокожихъ.

— Какъ же вы заставляете человѣка ходить на головѣ?

Землемѣръ оглянулся во всѣ стороны, и видя, что никто не могъ его слышать, сдѣлался откровеннѣе, и приблизясь, какъ человѣкъ, который хочетъ открыть какую-нибудь тайну, сказалъ:

— Говоря откровенно, Сускузусъ, на зтотъ вопросъ откровенно дозволено. Говорить, что это такъ, слѣдовательно должно быть правда; я и самъ часто спрашивалъ себя, если земля действительно въ продолженіе ночи сжимается, почему же я не падаю съ постѣли... да въ природѣ есть много непонятнаго, Сускузусъ, совершенно непонятнаго.

Это послѣднее объясненіе, безъ сомнѣнія, показалось Индѣйцу наиболѣе удовлетворительнымъ, потому что онъ прекратилъ свои вопросы, а землемѣръ перемѣнилъ вдругъ разговоръ, какъ будто не желая дать своимъ товарищамъ времени размыслить о томъ, стояли ли они на головѣ или на ногахъ.

— Я слышалъ, Джапъ, что вы оба съ Онондаго были при кровопролитіи, случившемся здѣсь въ окрестностяхъ еще до революціи, въ прежнюю войну съ Французами? Я говорю о томъ, какъ межевщикъ, по имени Траверсъ, былъ убитъ со всѣми своими работниками.

— Совершенная правда, господинъ землемѣръ, отвѣчалъ Негръ, качая съ важностью головою. Я былъ здѣсь съ Сускузусомъ. Тогда мы въ первый разъ услышали запахъ пороха. Французскіе Индѣйцы бродили въ окрестностяхъ большими толпами; они напали вдругъ на господина Траверса и его людей, и не оставили ни клочка волосъ на головахъ ихъ. О! я такъ живо помню это происшествіе, какъ будто оно случилось только вчера.

— Ну, а тѣла? Имѣли вы возможность похоронить ихъ?

— Конечно. Петра, слугу господина Тинъ-Эйка зарыли близъ хижины господина Корни, въ четырехъ или пяти миляхъ отсюда; а межевщика со всѣми людьми похоронили возлѣ источника, не много далѣе въ ту сторону. Кажется, я не ошибаюсь?

Онондаго покачалъ головою, потомъ указалъ пальцомъ со всѣмъ въ другую сторону, показывая тѣмъ, до какой степени Джапъ ошибался. Я часто слышалъ объ ужасныхъ происшествияхъ, въ которыхъ были замѣшаны въ молодости мой отецъ и даже мать; но я не довольно хорошо зналъ обстоятельства, чтобы совершенно понять слышанный мною теперь разговоръ. Кажется, землемѣръ зналъ о нихъ также по наслышкѣ; но ему очень хотѣлось вѣстать мѣсто, гдѣ были похоронены жертвы. Онъ не видѣлъ еще хижины убатаго межевщика, потому что, занимаясь раздѣленіемъ прежнихъ большихъ участковъ

земель на меньшія, для облегченія продажи ихъ, онъ до-сихъ-порѣ не удалялся отъ центра, въ которомъ началъ работу. Новый помощникъ его долженъ былъ прибыть для черезъ два, и потому, посоветовавшись съ двумя своими товарищами, землепартъ рѣшился на другой же день отыскать могилы убитыхъ, чтобъ сдѣлать на нихъ приличныя надписи.

Вечоръ былъ тихъ и прекрасенъ. При закатѣ солнца я пошелъ къ Урсулѣ и засталъ ее одну въ приемной комнатѣ ея гарема. По счастью, тамъ не было нѣмыхъ, которые бы могли помѣшать мнѣ войти, даже старая Негритяка, заступавшая ихъ мѣсто, была еще занята въ кухнѣ. Меня приняли безъ замѣшательства и, повѣстясь у порога, я заговорилъ съ хозяйкой домика, сидѣвшей въ комнатѣ на стулѣ и занимавшейся вышиваньемъ.

Разговоръ начался о голубяхъ и о прогулкѣ нашей въ лѣсъ, а потомъ незамѣтно перешелъ къ настоящему нашему положенію, къ прошедшему и будущему. Разсуждая о намѣреніи Андрея посѣтить могилы, я прибавилъ:

— Мнѣ случалось слышать только намеки на эти печальныя происшествія; болѣе я не знаю никакихъ подробностей. Родители мои, неизвѣстно почему, никогда не любилъ говорить объ этомъ.

— Происшествія эти хорошо извѣстны всѣмъ въ Ревенсестѣ, отвѣчала Урсула; ихъ разсказываютъ часто и притомъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ въ отдаленныхъ поселеніяхъ о чемъ-нибудь удивительномъ; то есть, къ истинѣ примѣшиваютъ много лжи.

Мы взаимно передали другъ другу все слышанное нами, и разказы наши были довольно согласны, съ тою только разницею, что у меня въ памяти остались болѣе мрачныя черты, между тѣмъ какъ Урсула вспоминала то, что трогало въ разказѣ.

— Вашъ разказъ немного разнится отъ моего, хотя оба они должны быть справедливы; потому-что вы сами слышали все разсказанное теперь вами отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; но вы пропустили нѣкоторыя подробности о любви и бракѣ, которые у насъ прибавляютъ къ этому.

— Такъ разскажите же мнѣ эти подробности, потому-что я никогда еще не былъ такъ расположенъ говорить о любви и бракѣ, какъ теперь!

Я сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

Урсула покраснѣла, закусила губы, и съ минуту хранила молчаніе. Я замѣтилъ, что рука ея дрожала; но давно привыкнувъ къ своему необыкновенному положенію, она скоро опомнилась. Начало смеркаться и темнота, царствовавшая въ хижинѣ, осененной густыми деревьями, помогла ей скрыть волненіе, овладѣвшее ею. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ настоящаго положенія, я говорилъ, хотя и безъ приготовленія, но съ такимъ жаромъ, что уже не могъ остановиться. Я чувствовалъ необходимость высказать мои чувства яснѣе и только ожидалъ удобной къ тому минуты.

— Я хотѣла сказать, замѣтила Урсула, что по словамъ здѣшнихъ поселенцевъ, причиною брака родителей вашихъ, была помощь, оказанная вашимъ батюшкой при защитѣ дома Германа Мордоунта, который прежде хотѣлъ отдать дочь свою за одного англійскаго лорда. Но къ чему повторять всѣ эти глупые рассказы?

— Для меня они важны, потому-что касаются моихъ родителей.

— Я увѣрена, что все это сплетни, какія обыкновенно распространяютъ о семейныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, если вы хотите непременно знать все, то говорить еще, что ваша матушка была прежде влюблена въ молодаго лорда; но потомъ отдала руку генералу Литтльпеджу и союзъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ.

— Рассказы эти не отдають должной справедливости моей матеря; въ нихъ нарушена истина. Я знаю отъ бабушки моей, что привязанность ея дочери къ моему отцу началась еще въ дѣтствѣ ихъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ великодушно защитилъ ее отъ другаго мальчика, хотѣвшаго ее обидѣть.

— Ахъ, тѣмъ лучше! вскричала Урсула съ чувствомъ, поразившимъ меня. Я не допускаю, чтобы женщина могла любить два раза. Потому-то мнѣ такъ нравится другой рассказъ о томъ, что одна подруга вашей матушки, потерявъ жениха своего въ ту ночь, когда сдѣлано было нападеніе на Ревиснестъ, не хотѣла уже никогда выходить замужъ, чтобъ остаться вѣрной его памяти.

— Не называлась ли она Воллесъ? спросилъ я съ живостью.

— Да, Мери Воллесъ; я всегда буду любить это имя. Въ мо-

ихъ глазахъ, господинъ Литтльпеджъ, ни одна женщина столько не достойна почтенія и любви, какъ та, которая до смерти остается вѣрною первымъ своимъ чувствамъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

— И въ моихъ глазахъ тоже, милая Урсула! вскричалъ я съ восторгомъ.

Но я не буду передавать здѣсь всего, о чемъ я говорилъ тогда Урсулѣ. Она въ нѣсколько недѣль такъ овладѣла моимъ сердцемъ, что если бъ я и захотѣлъ забыть ее, то всѣ усилія мои были бы тщетны. Я хладнокровно разсмотрѣлъ свое положеніе и не нашелъ никакой причины желать освободиться отъ власти, которую приобрѣла надо мной Урсула Мальбонъ. Въ ней соединялись всѣ качества, какія только мужчина можетъ пожелать найти въ подругѣ своей жизни; бѣдность ея не казалась мнѣ препятствіемъ къ нашему соединенію. Она была равна мнѣ по воспитанію и происхожденію, а я имѣлъ достаточное для двухъ состояніе. Я думалъ, что для того, чтобы найти въ бракѣ взаимное счастье, необходимо имѣть одинаковыя мнѣнія, привычки и даже предразсудки; но что ни какіе другіе расчеты не должны имѣть мѣста.

Смотря на предметъ съ такой стороны и побуждаемый живою и глубокою привязанностью, я открылъ Урсулѣ мою душу. Я говорилъ съ нею болѣе четверти часа и она ни разу не прервала меня. Я и не желалъ въ это время слышать голоса Урсулы, потому-что тревожимый недоувѣрчивостью, обыкновенной спутницей истинной любви, я опасался, что отвѣтъ ея не будетъ согласоваться съ моимъ желаніемъ. Не смотря на темноту, я могъ замѣтить, что Урсула была очень взволнована; я принялъ это за добрый знакъ. Видя, что она хранитъ молчаніе, я сталъ умолять ее отвѣчать мнѣ, и вотъ что она наконецъ сказала мнѣ трепещущимъ голосомъ:

— Благодарю васъ отъ всего сердца, господинъ Литтльпеджъ, за это неожиданное и, какъ я увѣрена, искреннее признаніе. Сдѣлавъ его бѣдной сиротѣ, вы показали благородную откровенность и великодушіе, которыхъ я никогда не забуду. Но я не могу уже располагать собою; я другому дала слово; обѣщаніе это согласно съ чувствами моего сердца, оно священно для меня; я не должна скрывать отъ васъ этихъ чувствъ, потому-что предложеніе ваше было такъ откровенно и великодушно.

Я не могъ слышать болѣе; быстро всталъ и, удаляясь большими шагами, углубился въ лѣсъ.

XVI.

О, дѣти, вы рвете цвѣты и мутите чистую воду источника; но берегитесь зловѣщаго жала змии.

Драйденъ.

Въ продолженіе перваго получаса я совершенно не зналъ, что дѣлаю и куда иду. Помню только, что я прошелъ мимо Онондаго, который, казалось, хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но я избѣгнулъ его, болѣе по какому-то инстинкту, чѣмъ съ намѣреніемъ. Я пришелъ въ себя только отъ усталости. Подвигаясь быстро впередъ, я далеко зашелъ въ глубину лѣса. Наступила ночь. Пройдя нѣсколько миль, усталый, едва дышущій, я опустился на упавшее дерево, чтобы немного отдохнуть.

Меня занимала одна мысль о томъ, что Урсула дала уже слово другому. Я не удивился бы такому признанію со стороны Присилы Бэйлардъ, потому-что живя въ свѣтѣ, окруженная людьми равными ей по состоянію, она легко могла возбудить любовь къ себѣ и сама полюбить. Но какъ могло это случиться съ Урсулой, которая оставила лѣса, для того, чтобы вступить въ пансіонъ, откуда опять возвратилась въ лѣса? Не было ли прежде у брата ея какого-нибудь сослуживца, влюбленнаго въ нее, и котораго она сама полюбила? Предположеніе это было, можетъ-быть, не основательно, но измученный умъ мой не зналъ на какой идеѣ остановиться.

— Во всякомъ случаѣ, онъ вѣрно бѣдентъ, подумалъ я, когда получилъ способность разсуждать; иначе онъ не оставилъ бы Урсулу въ этой хижинѣ, въ обществѣ одного только землемѣра, и грубыхъ пограничныхъ жителей. Если сердце ея не можетъ принадлежать мнѣ, по крайней-мѣрѣ я могу подвѣяться съ ней моимъ состояніемъ и ускорить такимъ образомъ замужество ея. Нѣсколько времени я воображалъ, что буду нещѣе страдать, когда увижу, что Урсула обезпечена и счастлива. Но вслѣдъ за

этими, я почувствовалъ, что долго еще не буду въ состояніи привыкнуть къ мысли видѣть ее счастливою съ другимъ. На смотря на то, первую минуту спокойствія доставила мнѣ уверенность, что я могу способствовать соединенію Уреулы съ избраннѣйшимъ ея человекомъ. Я даже на минуту подумалъ объ этомъ съ истиннымъ удовольствіемъ и потомъ цѣлые часы стремился къ осуществленію своей мысли. Находясь въ такомъ расположеніи дуа и уступая, наконецъ, удушающей меня усталости, я крѣпко заснулъ на густыхъ вѣтвяхъ того дерева, на которомъ сидѣлъ.

Я проснулся на зарѣ. Сначала я почувствовалъ какое-то одеревенѣніе и боль во всѣхъ членахъ, происходившіе отъ жесткости моей постели; но ощущенія эти скоро разсѣялись и я немного успокоился. Съ удивленіемъ я замѣтилъ, что былъ покрытъ маленькимъ, легкимъ одѣяломъ, какіе обыкновенно употребляютъ жителями лѣсовъ въ лѣтнее время. Сначала это меня встревожило; одѣяло не могло же явиться само собою; но довольно было минутнаго размысленія, чтобъ убѣдиться, что только рука друга могла покрыть меня. Я всталъ съ моей постели и сталъ осматриваться кругомъ, съ нетерпѣніемъ желая увидѣть моего нездѣшняго друга.

Мѣсто, въ которомъ я находился, не отличалось ничѣмъ отъ другихъ частей лѣса. Тѣ же безконечныя ряды огромныхъ деревьевъ, тотъ же густой листованный сводъ, та же темная и неровная поверхность земли, та же свѣжесть воздуха. Близъ меня вытекала нѣтъ холма ключъ; я подошелъ къ нему, чтобъ напиться воды, и тайна покрывала вдругъ объявилась. У подошвы холма я увидѣлъ Онеидго. Неподвижный, какъ обрушившія его деревья, онъ стоялъ опершись на карабій и разсматривалъ какой-то предметъ, лежавшій у ногъ его. Я подошелъ ближе и увидѣлъ, что это былъ человѣческій скелетъ! Страшное и поразительное зрѣлище въ глуши лѣса! Человекъ такъ мало занималъ пространства и такъ рѣдко являлся въ пустыняхъ Америки, что въ этомъ мѣстѣ подобный слѣдъ пребыванія его производилъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ въ многолюдныхъ округахъ. Индѣецъ тогда внимательно разсматривалъ кости, что не замѣтилъ, или по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ замѣтить моего приближенія. Я долженъ былъ дотронуться до него, чтобъ обратить на себя его вниманіе. Довольный тѣмъ, что могъ набѣгнуть разго-

пора о самомъ себѣ, я воспользовался настоящимъ случаемъ, заговорилъ о скелетѣ.

— Вѣрно, человекъ этотъ погибъ насильственной смертью, Сускузусъ, сказалъ я; иначе онъ былъ бы похороненъ. Безъ сомнѣнія, это слѣды какой-нибудь ссоры между краснокожими воинами.

— Онъ и былъ похороненъ, отвѣчалъ Индѣецъ, не удивясь никакъ моему приходу. Посмотрите!... вотъ и яма!... вода размыла землю и кости вышли наружу... больше ничего. Я знаю, что онъ былъ зарытъ; я самъ помогалъ при этомъ.

— Какъ? Ты зналъ этого несчастнаго?... тебѣ известна причина его смерти?

— Да, я знаю. Онъ былъ убитъ еще во время войны съ Французами. Вашъ батюшка былъ тогда здѣсь, и Джапъ тоже. Гуроны совершили это убійство. Мы наказали Гуроновъ бичемъ. Да, да; это было ужъ очень давно!

— Я слышалъ объ этомъ кое-что. Вѣрно здѣсь-то и былъ захваченъ непріятелемъ и умерщвленъ со всѣми своими работниками межевщикъ Траверсъ. Батюшка мой съ вѣсколькими друзьями своими нашли ихъ тѣла и похоронили.

— Да; но они дурно распорядились, иначе кости не вышли бы изъ земли. Точно; это скелетъ межевщика; я узнаю его. Онъ когда-то переломилъ себѣ ногу. Посмотрите! вотъ и знакъ.

— Не вырыть ли намъ новую могилу, Сускузусъ, чтобы опять похоронить его.

— Только не теперь. Землемѣръ хочетъ это сдѣлать. Онъ скоро будетъ здѣсь. Между тѣмъ есть другое дѣло: всѣ окрестныя земли принадлежатъ вамъ; къ чему же торопиться.

— Да, онѣ принадлежатъ моему отцу и полковнику Фоллоку. Несчастные были убиты на ихъ землѣ, въ то самое время, какъ они межевали ее. Говорятъ, что наступившія тогда смуты заставили прекратить работу, которая далеко была еще не кончена.

— Правда. А чья здѣсь мельница?

— Здѣсь по близости нѣтъ никакой мельницы, Сускузусъ, да и быть не можетъ, потому-что ни одна часть музериджскихъ владѣній не отдавалась никогда на аренду и не была продана.

— Можетъ-быть; но здѣсь точно есть мельница. Ее слышно издалека; пила громко визжитъ.

— Не слышишь ли ты ее и теперь?

— Теперь, вѣтъ; но я слышала ночью. Тогда ухо острѣе... далеко слышать.

— Согласенъ, Сускуззусъ. Такъ, въ прошедшую ночь ты слышала шумъ пыли?

— Да; ошибиться было не возможно, потому-что шумъ слышался не далѣе, какъ за милю отсюда... въ той сторонѣ!

Это было поважнѣе открытія скелета. Я имѣлъ при себѣ грубо-начерченный планъ всѣхъ нашихъ владѣній; разсматривая его со вниманіемъ, я замѣтилъ, что не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы нахолились, означенъ былъ ручей, очень удобный для постройки на немъ пыльной мельницы, потому-что берега его были покрыты соснами и высокими холмами.

Голодъ и усталость возбуждали во мнѣ аппетитъ, и потому мнѣ очень пріятно было подумать, что я нахожусь не вдалекѣ отъ жилья. Если кто и могъ жить въ этомъ лѣсу, то конечно сквоттеры; это ясно доказывала мельница. Минутное размышленіе убѣдило меня, что тѣмъ, которые ее построили, очень непріятно будетъ принять настоящаго владѣтеля земли; но съ другой стороны — мы были слишкомъ далеко отъ хижины землеѣвъ; голодъ сильно мучилъ насъ. Ононаго, правда, не жаловался, потому-что никогда страданіе, какого бы рода оно ни было, не выражалось на его лицѣ, тѣмъ менѣе на словахъ; но я могъ судить по себѣ, что онъ чувствовалъ. Ко всему этому присоединилось и сильное желаніе объяснить, дѣйствительно ли существовала эта мельница.

Если бъ я не зналъ хорошо моего спутника, и того, какъ изощрены у Индѣйца всѣ чувства, я не рѣшился бы идти далѣе, слѣдуя такимъ неопредѣленнымъ указаніямъ. Но настоящія обстоятельства придавали большой вѣсъ словамъ Сускуззуса. Хотя Коннектикутъ лежалъ на восточной границѣ нью-іоркскаго поселенія, но многочисленныя толпы поселенцевъ, перемѣнявшихъ мѣсто жительства особенно изъ пограничной нью-гемпширской колоніи, за вѣсколько времени до политическаго переворота, слѣдвали страшными своимъ положеніемъ и числомъ. Въ продолженіе войны эти гордые горцы, при всей любви къ отечеству, старались не вмѣшиваться ни во что, когда дѣло шло о приведеніи въ ясность ихъ правъ. Патриотизмъ ихъ состоялъ, по большей части, въ томъ, чтобы по своему усмотрѣнію распорядиться землями, которыми они овладѣли; но не простирался до того, чтобы покориться дѣйствию закона.

При окончаніи войны сильно подозревали начальниковъ поселенія въ томъ, что они соглашались во всемъ съ представителемъ правительства не потому, чтобы уважали его; а для того только, чтобы сохранить обладаніе землями, на которыхъ они не имѣли почти никакихъ правъ. При заключеніи въ 1783 году мира, эти трудные вопросы не были еще разрѣшены. Области, называвшіяся въ то время Вермонтъ и Гемпшаръ, не признавали власти конфедерации и въ 1789 году вошли въ союзъ только по примѣру другихъ областей и потому еще, что уже ни что не противилось этому.

Дурные примѣры заразительны, и дѣти обыкновенно наследуютъ заблужденія отцовъ. Множество скоттаровъ поселилось у насъ на земляхъ, которыя оставались незаплатенны; а въ Вермонтѣ вдвое болѣе, нежели въ другихъ областяхъ. Я зналъ, что область Шарлоттъ, какъ называли тогда Вашингтонъ, чаще другихъ была жертвою этихъ набѣговъ, и потому не слишкомъ удивился предположеніямъ Сускузуса. Какъ бы то ни было, я хотѣлъ скорѣе удостовѣриться въ существованіи мельницы, потому что мнѣ необходимо было удовлетворить двѣ необходимыя потребности: голодъ и любопытство. Индѣецъ хладнокровно ожидалъ моего рѣшенія.

— Такъ какъ ты думаешь, Сускузусъ, что въ этой сторонѣ точно есть мельница, сказалъ я послѣ минутнаго размышленія, то я непременно хочу идти отыскать ее, конечно, если ты будешь мнѣ сопутствовать. Зная въ которую сторону должно идти, уверю, что ты скоро найдешь ее.

— Это очень легко; стѣнать найти ручей, найдется и мельница. У меня есть глаза и уши. Я нѣсколько разъ уже слышалъ визгъ пилы.

Я сдѣлалъ моему товарищу знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за мной. Сускузусъ любилъ болѣе дѣйствовать, чѣмъ говорить. Онъ пошелъ прямо въ ту сторону, гдѣ по его мнѣнію долженъ быть находиться ручей, и въ самомъ дѣлѣ скоро отыскалъ его. Мы нѣсколько минутъ шли по берегу ручья; вдругъ Сускузусъ остановился, какъ-будто встрѣтивъ какое-то неожиданное препятствіе. Я подошелъ къ нему, желая узнать причину этой остановки.

— Мы скоро увидимъ мельницу, сказалъ онъ. Видите, какъ много досокъ, и какъ быстро плывутъ онѣ по теченію.

Въ самомъ дѣлѣ рѣка была покрыта досками, плывшими съ

благодарю, не очень приятно для глазъ владѣльца, знающаго, что онъ не получитъ никакой выгоды отъ продажи ихъ. Доски не были сложены въ пачеты, а плыли по отделькѣ, или связанныя по двѣ и по три; какъ будто для того, чтобы онѣ не остановились на мѣли или подводныхъ камняхъ и чтобы удобнѣе можно было перехватить ихъ ниже. Это доказывало близость какой-нибудь мельной мельницы, снабжавшей лѣсомъ города, лежавшіе по берегамъ Гудзона. Ручей, по берегу котораго мы шли, впадавъ въ эту рѣку, и произведенія нашихъ лѣсовъ, доставивъ ей, могли уже легко быть перевезены куда угодно.

— Здѣсь, Сускуэзусъ, кажется, завелась правильная торговля, сказалъ я. Если видишь напильный тесъ, надобно помогать, что по близости есть и люди. Доски въ лѣсахъ не растутъ.

— Онѣ изготовляются на мельницѣ. Вы скоро услышите ее: она сильно шумитъ. Блѣдныя лица строить мельницы; а у краснокожихъ есть уши, чтобы слышать.

Все это было справедливо; оставалось ожидать, что будетъ далѣе. Признаюсь, когда я увидѣлъ эти доски, плившія по рѣкѣ, я испыталъ тревожное чувство, предугадывая что-то неприятное. Я зналъ, что эти своевольные дикаря готовы всегда прибѣгнуть къ насилию, чтобы поддержать свои незаконныя права.

Дойдя до поворота рѣки, мы увидѣли нѣсколько человѣкъ, которые складывали доски и спускали ихъ въ ручей. Это ясно доказывало, что сквоттеры систематически производили работу, вырубая лучшія деревья въ нашихъ лѣсахъ и смѣло врезая права владѣльцевъ. Въ настоящемъ случаѣ нужны были твердость и благоразуміе. Мысль о томъ, что я былъ представителемъ моего отца и полковника Фаллока, а также и чувство собственного достоинства; не дозволяли мнѣ отступить, если бъ даже того требовало благоразуміе.

Мнѣ необходимо было разсѣять тяжелое чувство, которое томило меня съ тѣхъ поръ, какъ Урсула отвергла мое предложеніе; и потому я былъ готовъ отважиться на самыя смѣлыя предпріятія. Мы еще не покѣивались, и Сускуэзусъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посоветоваться со мной, прежде чѣмъ мы явнимся къ людямъ, которымъ выгоднѣе было умертвить насъ, нежели позволить намъ удалиться. Сускуэзусъ руководствовался при этомъ не чувствомъ самосохраненія, а благо-

разуміемъ опытнаго воина, который находится въ трудныхъ обстоятельствахъ.

— Вы знаете ихъ, сказалъ онъ. Это злые вермонтскіе сквоттеры. Вы думаете, что эта земля принадлежит вамъ, а они считают ее своею. Приготовьте карабинъ и дѣйствуйте имъ въ случаѣ нужды. Наблюдайте за ними.

— Понимаю, Сускуэзусъ, и буду остороженъ. Видѣлъ ли ты прежде кого-нибудь изъ этихъ людей?

— Кажется. Когда бродишь по лѣсу, встрѣчаешь разныхъ людей. Старикъ, который стоитъ вотъ тамъ, отчаянный сквоттеръ. Его зовутъ Мильакръ. Онъ говоритъ, что всегда можетъ имѣть тысячу акровъ земли, когда только пожелаетъ.

— Это доказываетъ, что онъ очень богатъ. Тысяча акровъ земли! жирный кусокъ для бродяги; особенно когда онъ можетъ имѣть его съ собой всюду. Ты говоришь не объ этомъ ли сѣдомъ старикѣ, который полупривыкъ оленьей кожей?

— Да, это Мильакръ. У него всегда довольно земли; онъ беретъ ее, гдѣ только найдетъ. Онъ говоритъ, что перешелъ великое соленое озеро и пришелъ на западъ, когда былъ еще ребенкомъ. Онъ всегда самъ все для себя дѣлаетъ. Онъ живетъ въ Гемпширъ-Грантъ. Но послушайте, маіоръ, почему же онъ не имѣетъ правъ на эту землю?

— Потому-что наши законы не даютъ ему ихъ. Уваженіе къ чужой собственности одно изъ условій общества, въ которомъ мы живемъ; а эти земли наша собственность, а не его.

— Лучше не говорить объ этомъ ничего; да нѣтъ и нужды говорить. Не упоминайте о вашихъ земляхъ. Если онъ приметъ васъ за шпиона, то пожалуй застрѣлитъ. Блѣднлицы убиваютъ шпионовъ; отчего же краснокожіе не дѣлаютъ этого?

— Шпионовъ разстрѣливаютъ только въ военное время. Неужели ты думаешь, что эти люди рѣшатся на подобную крайность? Они, конечно, побоятся строгости законовъ.

— Законовъ! Да что для нихъ законы? Они никогда не видали закона, не слышали о немъ, и понятія о немъ не имѣютъ.

— Во всякомъ случаѣ я рѣшаюсь выйти, потому-что кромѣ любопытства меня побуждаетъ къ тому и голодъ. Но тебѣ, Сускуэзусъ, не нужно показываться, оставайся здѣсь и ожидай, что будетъ. Если меня схватятъ, ты можешь по-крайней-мѣрѣ извѣстить объ этомъ землемѣра, и онъ будетъ

знать, гдѣ найти меня. Оставайся здѣсь; я пойду одинъ. Прощай.

Сускузусъ былъ не такой человекъ, чтобы отступать. Онъ не сказалъ ни слова, но едва я сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ онъ занялъ свое обычное мѣсто впереди и пошелъ прямо къ сквоттарамъ. Четверо изъ нихъ стояли въ водѣ, исключая стараго начальника, извѣстнаго вообще подъ названіемъ Мильакра, который съ двумя молодыми людьми оставался на сухомъ мѣстѣ, какъ будто пріобрѣтя на это право услугами, оказанными имъ въ дѣлѣ нарушенія общественнаго порядка.

Они замѣтили наше неожиданное появленіе, услышавъ трескъ сухой вѣтви, на которую я нечаянно наступилъ. При этомъ шумъ старый сквоттаръ быстро оглянулся и увидѣлъ Онондаго, который стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Я стоялъ за нимъ. Мильакръ не показалъ ни удивленія, ни безпокойства; онъ зналъ Сускузуса, и хотя тотъ пришелъ къ нему сюда въ первый разъ, но они уже прежде часто встрѣчались и всегда неожиданно. Поэтому никакого непріятнаго чувства не выразилось въ лицѣ сквоттара; напротивъ онъ встрѣтилъ Сускузуса дружеской улыбкой, хотя нѣсколько насмѣшливой.

— А, это ты Безслѣдный! а я ужъ думалъ, не шершѣ ли. Эти твари приходятъ иногда въ лѣса; но никогда изъ нихъ не возвращаются. Какъ ты насъ нашелъ здѣсь, Онондаго, въ самомъ отдаленномъ убѣжищѣ?

— Я слышалъ ночью шумъ мельницы; шла громко говорить. Я голоденъ, и пришелъ просить пищи.

— Что жъ? и очень кстати, потому-что у насъ никогда не было столько провизіи, какъ нынче. Голубей — что листьевъ на деревьяхъ, а законъ не запрещаетъ еще куда охотиться за голубями. Впрочемъ, надо будетъ смазать колесо въ мельницѣ. Оно такъ болтаетъ, что можетъ и выдать насъ.... Милости просимъ, войдите. Завтракъ долженъ быть готовъ, тѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Ну, что новенькаго, Безслѣдный? сказалъ сквоттаръ, тронувшись съ мѣста. Мы живемъ, какъ видите, въ глуши; если и узнаемъ про что, такъ это отъ ребятъ, которые сплавляютъ лѣсъ по рѣкѣ. Я думаю дѣла въ Альбани идутъ довольно хорошо, и можно надѣяться получить какую-нибудь выгоду отъ досокъ. Пора, пора, получать хоть что-нибудь за свои труды.

— Не знаю; я никогда не торговалъ досками, свазалъ Индѣецъ; никогда ихъ не покупалъ. Мнѣ нѣтъ надобности въ доскахъ. Вотъ порохъ, такъ другое дѣло. Такъ ли?

— Меня, Безслѣдный, болѣе занимають доски, чѣмъ порохъ, хотя и порохъ вещь тоже полезная. Да, да, порохъ дѣло не дурное. Дичь, свинина, — пища здоровая, не дорогая. Порохъ на многое можно употребить. Кто твой другъ, Безслѣдный?

— Это старинный молодой другъ, я знаю его отца. На это лѣто онъ, какъ и мы, поселился въ лѣсу. Онъ охотится за ланями.

— Милости просимъ... милости просимъ. Радъ всякому, кромѣ владѣтеля этой земли. Ты знаешь меня, Безслѣдный; ты знаешь старика Мильакра, такъ довольне и этого. Скажи мнѣ, видѣлъ ли ты нынче землемѣра, этого стараго черта? Ребята говорили, что онъ занимается гдѣ-то не подальку отсюда и начинаетъ снова свои старыя продѣлки!

— Я его видѣлъ. Землемѣръ также мой старинный пріятель. Я жилъ съ нимъ до начала войны съ Французами. Я люблю съ нимъ жить. Землемѣръ славный человекъ, Мильакръ, слышишь ли? Какія же онъ начинаетъ продѣлки?

Индѣецъ говорилъ не равнодушно, потому-что онъ слишкомъ любилъ Андрея, чтобъ не вступиться за него.

— Какія продѣлки? спрашиваешь ты? Онъ начинаетъ скверныя продѣлки съ своими проклятыми цѣлками! Если бы не было ни цѣпокъ, ни землемѣровъ, не было бы и другихъ межей, кромѣ тѣхъ, которыя проводилъ бы карабинъ. Индѣйцамъ не надо землемѣровъ и межевщиковъ, такъ ли, Безслѣдный?

— Нѣтъ. Конечно не хорошо мѣрять землю, я согласенъ, отвѣчалъ Сускувзусъ, который впрочемъ не сходился во мнѣніи съ сквоттеромъ. Никогда я не замѣчалъ, чтобъ изъ этого выходило что-нибудь доброе.

— О, я былъ увѣренъ, что ты истинный Индѣецъ! восклицалъ восторженный Мильакръ; отъ того мы и дружны съ тобою. Такъ, землемѣръ точно близко отсюда работаетъ?

— Да. Онъ измѣрять форму генерала Литтльведжа. Кажется твоего владѣтеля?

— Какого Литтльведжа! того самаго, котораго и я и всѣ зовутъ величайшимъ плутомъ.

Я невольно вздрогнулъ при этихъ словахъ: при мнѣ осмѣл-

василь говорить такъ про моего почтеннаго отца. Я хотѣлъ уже вступиться за это, но одинъ взглядъ Индѣйца, брошенный на меня, заставилъ меня молчать. Я былъ молодъ и не понималъ еще, съ какою властью люди нападаютъ на тѣхъ, которые препятствуютъ ихъ выгодамъ. Теперь я знаю, что въ свѣтѣ очень обыкновенно унижать владѣльцевъ и оспаривать ихъ собственность, и что обыкновеніе это происходитъ отъ того, что пришельцы безпрестанно овладѣваютъ ихъ землями. Путешественникъ, проѣзжающій чрезъ нью-іоркскій штатъ, даже въ настоящее время, пусть послушаетъ, что говорятъ въ тавернахъ, и онъ узнаетъ, что всѣ владѣльцы злодѣи, а всѣ фермеры жертвы ихъ. Это почти безъ исключенія такъ. Самыя старинныя и неоспоримыя права уважаются не болѣе новыхъ. Тактика вездѣ одна и происходитъ изъ одного начала. Всякій тотъ злодѣй, кому принадлежитъ земля, которую хотѣли бы владѣть другіе, не покупая ея и не платя за нее ничего.

Я удержался однакожъ и предоставилъ честному и благородному Сускузвусу защищать моего отца.

— Это ложь, отвѣчалъ Индѣецъ съ твердостью. Это большая клевета; такъ говорятъ злые языки. Я знаю генерала, я служилъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ храбрый воинъ и честный человекъ. Кто говоритъ противное—лжетъ; я скажу ему это въ лицо.

— Не знаю, сказалъ протяжно Мильакръ, какъ человекъ, который не въ состояніи уже защищаться: я говорю то, что слышалъ. Вотъ мы и дома, Бесслѣдный; по дыму видно, что моя старуха съ дочками не сидѣла сегодня сложа рука; намъ будетъ, что поѣсть.

Съ этими словами Мильакръ подошелъ къ рѣкѣ и сталъ мыть рука и лицо; въ тотъ день, онъ дѣлалъ это въ первый разъ.

XVII.

Онъ приблизился къ креслу властителя, и потомъ, съ какою-то грубою простотою, не приклоня даже головы, сказалъ слѣдующее.

Мермонъ.

Въ то время, какъ скоттеръ, въ ожиданіи завтрака, занимался своимъ туалетомъ, я успѣлъ осмотрѣть все, что окружало

меня. Мы взобрались на крутизну, на которой находилась мельница, и передъ нами открылось пространство земля, акровъ въ шестьдесятъ, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были видны слѣды земледѣльства. По всему замѣтно было, что эти мѣстомъ владѣли давно; и дѣйствительно, позже я узналъ, что временной владѣтель Мильакръ, назавтра тому сорокъ уже лѣтъ, пришелъ сюда съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, состоявшимъ изъ двадцати членовъ, и поселился здѣсь. Мѣсто это было удивительно выбрано для мельницы; казалось, сама природа назначила его для этого; но искусство мало помогло природѣ: постройка мельницы была самой грубой работы. Земледѣліе же очевидно было побочнымъ занятіемъ семейства; земля было вспахано не болѣе, какъ сколько требовалось для полученія необходимѣйшаго количества хлѣба; напротивъ того, все, что относилось къ торговлѣ лѣсомъ, носило на себѣ печать особой заботливости. Въ разныхъ мѣстахъ лежали прекрасныя срубленныя деревья, вездѣ видны были изготовленныя уже доски. Для доставки же на рынокъ, ихъ мало было спущено въ это время на рѣку; владѣтели ожидали прибыти воды, чтобъ отправить большее количество лѣсу и тогда собрать плоды годовыхъ трудовъ своихъ. Легко было замѣтить, что семейство владѣтеля, посредствомъ браковъ, значительно увеличилось; я насчиталъ не менѣе пяти жилищъ, которыя, хотя находились и въ удаленныхъ мѣстахъ, были прочно построены. Изъ этого легко было заключить, что обитатели ихъ не имѣли намѣренія скоро удалиться отсюда. Вѣроятно старшіе сыновья и старшія дочери скоттера женились и вышли за-мужъ, и патриархъ семейства видѣлъ уже вокругъ себя новое поколѣніе маленькихъ скоттеровъ; почти у всѣхъ дверей бѣгали и ползали ребятки. Мельница производила тотъ же особенный шумъ, который привлекъ вниманіе Сускуэзуса.

— Войди, Безслѣдный, вскричалъ Мильакръ, дружескимъ тономъ, который доказывалъ, что если онъ и умѣлъ пользоваться чужимъ, то въ то же время готовъ былъ предлагать и свое: войдите и вы, другъ его; я не знаю вашего имени, да какое мнѣ до этого дѣло. Будетъ для всѣхъ; лишнимъ не будете; добро пожаловать. Хозяйка моя приметъ васъ и угоститъ; она привѣтлива и расторопна, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка.

Напрасно были сказаны эти послѣднія слова. При встрѣчѣ съ нами, на лицѣ мистриссъ Мильакръ не замѣтно было и признака улыбки. Въ ея сѣрыхъ глазахъ, сухомъ и мрачномъ видѣ было что-то отталкивающее. Она была матерью четырнадцати человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать остались въ живыхъ. Всѣ они были воспитаны среди лишений и опасностей жизни, проведенной въ глуши лѣсовъ, подъ вѣчно непостояннымъ кровомъ. Эта женщина перенесла такіа страданія, которыя могли бы разрушить двадцать обыкновенныхъ темпераментовъ; но она устояла противъ всѣхъ испытаній, перенося ихъ всегда съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и въ годы своей красоты. Это слово могло бы показаться неумѣстнымъ для тѣхъ, кто бы увидѣлъ старуху Пруденцію, морщинистую, худощавую, со впалыми щеками, потухшими сѣрыми глазами, съ отвислымъ ртомъ и выдавшимся впередъ подбородкомъ; однимъ словомъ такую, какою она представлялась мнѣ. При всемъ томъ, замѣтно было, что въ свое время, въ своихъ родныхъ горахъ, она была красавицей изъ красавиць. Во всѣхъ случаяхъ, когда я, впоследствии, имѣлъ надобность быть въ сношеніяхъ съ этимъ семействомъ, женщина эта являлась передо мной молчаливою, мрачною и дикою, какъ тигрица, берегущая дѣтей своихъ. Что же касается до приѣма, который намъ сдѣлали, въ немъ не было ничего замѣчательнаго; для Американца не удивительно было, что незнакомецъ сѣлся за его столъ; объ этомъ никто не говорилъ и не думалъ.

Не смотря на многочисленность семейства Мильакра, въ жилищѣ было просторно. Дѣти отъ четырнадцати до двѣнадцати лѣтъ разбрелись по всѣмъ хижинамъ; для нихъ было все равно гдѣ бы имъ завтракать; они готовы были ѣсть вездѣ, гдѣ только могли протянуть руки къ блюду. Завтракъ нячался въ одно время во всѣхъ хижинахъ, по сигналу, поданному Пруденціею, посредствомъ большой морской раковины. Я былъ слишкомъ голоденъ, чтобъ терять время на разговоры, и потому тотчасъ же сдѣлалъ честь грубымъ кушаньямъ, поставленнымъ на столѣ. Моему примѣру послѣдовали и другіе. Это уже привычка образованнаго общества говорить во время ѣды. Сквоттеры были еще слишкомъ погружены въ жизнь, чисто животную, чтобъ думать или говорить о чемъ-нибудь постороннемъ, сидя за столомъ.

Утоливъ голову, я взглянула съ стороны и замѣтила, что тѣ, которые сидѣли подлѣ меня, начинали осматривать меня съ большимъ любопытствомъ, нежели какое я замѣтила вначалѣ. Въ мою очередь не было ничего такого, что бы могло возбудить подозрѣніе. Въ то время, вѣсть служило рѣзкою чертою, отдѣлявшею одинъ классъ общества отъ другаго, и никто не позволялъ себѣ нарушать этотъ порядокъ. Правда, для путешествія по лѣсамъ дозволялись отступленія. На мнѣ была, какъ я уже сказала, охотничья блуза, следовательно ирлякъ, который могъ бы облачить меня, быль скрытъ. За столомъ насъ было немного, всего шесть человѣкъ: хозяинъ и хозяйка, я и Суоквуэзусъ, паренъ и вѣтъ двадцати двухъ и двѣнадцати вѣтъ шестнадцати. Парня звали — Зефанъ, двѣвущку — Лавинія. Оба сидѣли очень скромно. Старикъ Миккларъ и супруга его, не смотря на диную и почти разбойничью жизнь, которую они вели, постоянно поддерживали между дѣтми строгую дисциплину.

— Не слыхать ли про землемѣра? спросила грубо Пруденція, когда всѣ окончили завтракъ, но не вставала еще изъ-за стола. Этотъ человѣкъ больше всѣхъ меня беспокоитъ.

— Не бойся землемѣра, жена, сказала хозяйка, у него нѣтъ работы на цѣлое лѣто. По послѣднемъ извѣстіямъ, молодой Антльведжъ, котораго прислалъ сюда отецъ его, этотъ старый плутъ, — занялъ землемѣра своими работами. А по этому расчету, Антльведжъ останется здѣсь до холодовъ. Лишь бы мнѣ управиться съ тѣмъ лѣсомъ, который я срубилъ и изготовилъ, — а тамъ мнѣ нѣтъ дѣла ни до землемѣра, ни до его господина.

— Хорошо если бы случилось, какъ ты думаешь, Ааронъ. Вспомни, сосчитай, сколько разъ мы поселялись въ разныхъ мѣстахъ, а для чего? чтобъ снова отыскивать себѣ жилище. Надѣюсь, что я говорю въ кругу друзей?

— Будь спокойна, жена. Безслѣдный мой старинный и вѣрный знакомецъ; а его другъ долженъ быть и нашимъ другомъ.

Признаюсь, этотъ разговоръ поставилъ меня въ непріятное положеніе.

— Что касается до переѣздовъ, то я всего два раза пере-

взять, не заставишь зацеловать себя за постройкой. А это не дурно для человека, перемѣна своего жилья семнадцать разъ. Дешевомъ же я довольно еще молодъ, чтобъ переехать въ восемнадцатый разъ. Повторяю: лишь бы продать лѣсъ, а тамъ шибъ нѣтъ лѣсла ни до большаки, ни до малюнькихъ Литтльпеджей. Безъ колеса мельница небольшого стоитъ; а мое колесо путешествовать уже съ вами съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Вермонтъ; оно вращало двигаться; можетъ идти дальше.

— Это такъ, Ааронъ; а лѣсъ! Вода теперь мелка, и надо ждать по-крайней-мѣрѣ добрыхъ три мѣсяца, чтобъ можно было отправить все. Подумай, сколько мы употребили, на приготовленіе досокъ, времени, труда, — и для того, чтобъ все это пропало!

— Кто тебѣ говоритъ это, мена? сказалъ Мильгаръ, стиснувъ губы и сжавъ кулакъ; эти доски облиты нашимъ потомъ; этого уже довольно, чтобъ они принадлежали мнѣ.

Мнѣ показались странными эти понятія о собственности. Поэтому не виноватъ былъ бы и воръ, который, похитивъ вещи, оросилъ бы ихъ своимъ потомъ. А сколько есть людей, которые убѣждены въ справедливости такихъ понятій и которые громко вопіютъ противъ всѣхъ опроверженій.

— Я ни за что не хотѣла бы, чтобъ твои труды пропали; ни за что, ни за что! сказала жена. Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ здѣсь, ты усердно и честно трудился съ своими сыновьями. Накладно и обильно будетъ, продолжала Пруденція, выразительно взглянувъ на меня: если мы срубили деревья, перенесли ихъ на мельницу, распилили на доски, и для чего? чтобъ пришелъ чужой человекъ, и сказалъ бы намъ: «Все это мое!» Гдѣ бы это ни случилось, все же это несправедливо; будь хоть въ Нью-Йоркѣ или Вермонтѣ. Скажите намъ, какъ васъ зовутъ; кажется, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго!

— Рѣшительно никого, отвѣчая я хладнокровно; мена зовутъ Мордоунтъ.

— Мордоунтъ! повторила съ живостью старуха. Кажется, мы никого не знаемъ? Что ты скажешь, мужъ?

— Въ первый разъ слышу. Для меня все равно, лишь бы онъ не былъ какой-нибудь Литтльпеджъ.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, я вздохнулъ свободнѣе. Потому, что очень непріятно было попасть въ руки къ этимъ людямъ, въ которыхъ не было ни чести, ни правилъ. Всѣ они были огромнаго роста, широкоплечи и съ атлетическими формами. Нельзя было и думать о сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что со мной не было оружія. Индѣецъ былъ предусмотрительнѣе меня; но въ той хижинѣ, гдѣ мы находились, на стѣнахъ висѣли четыре карабина, и вѣроятно у каждого еще члена семейства былъ свое собственное оружіе. Для людей такого рода, карабинъ былъ первая необходимость, потому-что служилъ имъ и средствомъ къ пропитанію, и защитой противъ враговъ.

Въ это время старуха Пруденція встала изъ-за стола, чтобъ заняться хозяйствомъ. Лавинія молча помогала ей; мы же всѣ выжили изъ хижины. Я съ большимъ вниманіемъ сталъ разсматривать поседловіе Мильакра и все имъ похищенное. Похищенія эти были не маловажны; позже, они были оцѣнены безпристрастными судьями въ тысячу долларовъ. Слѣдовательно тысяча долларовъ была совершенно потеряна, потому-что нельзя было ожидать уплаты отъ такихъ людей, каковы были Мильакръ и его сыновья. Такие люди всегда готовы сказать: «Я за все отвѣчаю, я все обезпечу.» Вообще, много обѣщать любятъ тѣ, которые ничего не имѣютъ.

— Не дурень кусочикъ, сказалъ Мильакръ, настоящее имя котораго было Ааронъ Тимберманъ: славный кусочикъ, г. Мордоунтъ; жаль было бы отдать его такому человѣку, который и въ глаза его не знаетъ.

— Вы знаете законы?

— Я знаю только то, чему мы научаемся опытомъ въ продолженіи жизни.

— Ну, такъ вы не очень далеки въ нихъ; это видно по вашему лицу. Но по разговору вашему, по тому, какъ вы объясняетесь, видно, что вы грамотѣ учились,—а поэтому должны все же знать больше насъ, жителей Лѣсовъ.

— Если я и приобрѣлъ кой-какія познанія, отвѣчалъ я скромно: мнѣ однако, не помѣшало это, какъ вы видите, вести Лѣсную жизнь.

— Если есть къ чему наклонность, то всегда надо уступать ей. Попробуйте удержать въ четырехъ стѣнахъ тѣхъ, которымъ надо дышать на открытомъ воздухѣ! Не знаете ли вы, можно ли будетъ продать строевой лѣсъ съ выгодой нынѣшнюю осень?

— Все идетъ хорошо со времени мира; а потому можно думать, что и лѣсъ не потеряетъ своей цѣны.

— Пора, пора! Въ продолженіи всей войны, лучшая доска была не дороже куска коры. Мы терпѣли восемь тяжкихъ годовъ, я хотѣлъ уже все это бросить и отправиться куда нибудь, но подумалъ: все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, а поэтому и война когда-нибудь да кончится.

— Это справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что война была для васъ не хорошимъ временемъ.

— Отвратительное время!.. Впрочемъ война, какъ и мирное время, имѣетъ свои хорошія стороны. Однажды непріятель ловко захватилъ большой обозъ съ провіантомъ; тутъ была и свинья, и хлѣбъ, и ромъ изъ Новой Англіи, и чего-то тамъ не было! Чтобъ все это увезти, онъ нанялъ всѣ повозки, какія были по близости; пошла и моя лошадь. Я сначала было отговаривался, потому-что лошаденки-то были заморены; однакожь согласился наконецъ. Земля была лѣсистая; я твердо зналъ всѣ тропинки, всѣ углы и закоулки, а потому, выбравъ удобную минуту, — свернулъ въ сторону, такъ что никто и не замѣтилъ меня и преспокойно добрелъ съ поживой къ своей хижинѣ, какъ будто на рынокъ съѣздилъ. Никогда удачѣе этого я не путешествовалъ, да и главное, что ѣзда была не велика.

Старикъ скоттеръ остановился и захохоталъ. Смѣхъ его былъ такъ чистосердеченъ, какъ будто совѣсть его никогда не упрекала его ни въ чемъ. Этотъ анекдотъ казался ему прекраснымъ; онъ рассказалъ его мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, разъ шесть въ короткое время, которое я провелъ съ нимъ. Въ первый разъ я увидѣлъ легкую улыбку на лицѣ Зефана. Въ то же время я замѣтилъ, что этотъ молодой человекъ, съ мужественной и грубой осанкой, не свускалъ съ меня глазъ и взглядами своими начиналъ смущать меня.

— Дѣйствительно, счастливейшій для васъ случай, скажите я, когда радость его нѣсколько утѣрилась: особенно, если вы не должны были возвращать злыбченнаго правительству.

— А за чѣмъ возвращать? Правительство было бѣдно, я согласенъ; но все же оно было и будетъ богаче меня. Когда вещь переходитъ изъ рукъ въ руки, то и владѣльцы мѣняются.

О, бѣдная натура человѣческая! тебя всегда встрѣчаешь. Человѣкъ, дурно поступившій, всегда ищетъ средствъ оправдаться. Когда рассудокъ его помраченъ страстями, онъ всегда требуетъ новыхъ правъ, новыхъ условій для защиты своей.

— Не случилось ли вамъ когда-нибудь быть по дѣламъ своимъ въ судѣ? осмѣлился я спросить у скоттера.

Миллякръ, передъ тѣмъ, чтобъ отвѣчать, подумалъ немного.

— Да, случилось. Мнѣ сказали однажды, что если я знаю право, по которому владѣю землею, то могу смѣло защищаться противъ законнаго владѣльца. Я явился въ судъ; но, г. Мордоунтъ, меня ошипали тамъ какъ цыпленка,—и больше не заманать меня. Этому прошло ужъ много времени; это случилось до войны съ Французами.

— А если Литтльведжъ отарестъ, что вы живете здѣсь, и если онъ захочетъ заключить съ вами контрактъ, какія были бы ваши условія?

— О, я люблю торги. Это душа жизни; а такъ какъ генераль Литтльведжъ имѣетъ кой-какія права на эту землю,—то я многого требовать съ него не сталъ бы. Если бы онъ согласился рѣшить дѣло безъ шума, такъ, между собой, какъ слѣдуетъ хорошимъ людямъ, я не сталъ бы ломаться много. Не люблю судейскихъ приговоровъ: они преучили меня.

— Какія же были бы ваши условія? вы мнѣ ничего не сказали.

— Мои условія? Очень выродилия. Я: никогда не употребляю во зло правъ моихъ. Вотъ въ какомъ изъясненіи дѣлаетъ Литтль-

ладна. имѣть права на эту землю на бумагѣ, какъ я слышать; а я владѣю этой землею. Да и слышно было бы воспользоваться таинств. мѣстоми, гдѣ есть и лѣсы, и мѣсто для мельницы, и друга удобства.

Мильакръ снова захохоталъ; если ему случалось хоть разъ притти въ веселое расположеніе духа,—то радость его выражалась такъ продолжительно и шумно, что онъ по неволѣ долженъ былъ прерывать разговоръ. Нахохотавшись вдоволь, онъ продолжалъ:

— Кто имѣетъ понятіе о лѣсахъ, тотъ согласится, что жать здѣсь очень выгодно, и этими выгодами я теперь пользуюсь. Вотъ шестьдесятъ три акра земли, которые чисты какъ ладонь: чище этого мѣста не найдешь во всемъ кантонѣ.

— Не думаете ли вы, что Литтльведжъ будетъ смотрѣть на это, какъ на умученіе; когда срублены всѣ деревья? Вамъ должно быть также хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, что лѣсъ придаетъ цѣнность землѣ, особливо въ этой сторонѣ, гдѣ доставка его такъ свободна по Гуэюну.

— Боже мой! молодой человекъ, неужели вы полагаете, что я самъ не обдумываю этого прежде, чѣмъ перенесъ сюда мою хижину? Не вамъ учить меня, старика, гдѣ лучше начинать порубки. У меня теперь на берегу, рѣкѣ и на дворѣ сто двадцать тысячъ лучшихъ досокъ; да есть довольно деревъ, изъ которыхъ можно напилять еще столько же. Мнѣ кажется, судя по вашему разговору, что вы должны знать этого Литтльведжа; а такъ какъ я не люблю итти кривымъ путемъ къ дѣлу, а люблю правду и справедливость, то согласенъ сказать вамъ мои намѣренія, для того, что если бъ вамъ случилось встрѣтить Литтльведжа, то чтобъ вы могли сказать ему про Мильакра, какъ про умнаго человека. Но условія мои крайнія. Если генералъ не помѣшаетъ мнѣ спокойно отправить мой лѣсъ на рынокъ, обратъ хлѣбъ, увести двери, окна и всѣ желѣзные вещи, однимъ словомъ все, что можно отнять отъ мельницы, то я согласенъ удалиться отсюда весной, чтобъ тотъ, кто займетъ мое мѣсто, могъ бы сдѣлать посѣвъ. Вотъ мои условія уступки—никакой! Это же я согласенъ исполнить тихо, безъ споровъ. Я шуму не люблю; спросите хоть у жены.

Я хотѣлъ отвѣчать; но Зефанъ, старшій сынъ скоттера, вдругъ подошелъ къ отцу, схвативъ его за руку, и отвелъ въ сторону. Этотъ молодой человѣкъ, съ самаго выхода нашего изъ хижины, и въ продолженіе всего разговора, не переставалъ вглядываться въ меня. Сначала я принялъ это за любопытство, очень естественное въ дикаряхъ, которые разсматриваютъ нарядъ каждаго новаго лица, желая перенять что-нибудь. Такое любопытство—обще между низкимъ классомъ въ Америкѣ. Но я скоро замѣтилъ, что вполне ошибся. По совершенно другой причинѣ, я обратилъ на себя вниманіе и брата и сестры.

Я убѣдился въ своей ошибкѣ потому, что Мильакръ, поговоривъ съ своимъ, вдругъ перемѣнилъ обращеніе со мною. Онъ обернулся лицомъ ко мнѣ и сталъ разсматривать меня съ видомъ недоумѣнности и даже угрозы. Снова сталъ слушать своего сына, и опять началъ смотрѣть на меня. Это не могло продолжаться долго, и черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго долженъ былъ считать не иначе, какъ врагомъ.

— Послушайте, молодой человѣкъ, сказалъ Мильакръ, подойдя ко мнѣ, сынъ мой Зефанъ имѣетъ на васъ подозрѣнія, которыя лучше разъяснить, прежде чѣмъ мы разстанемся. Я ужъ сказалъ, что люблю откровенность, а скрытность презираю, душевно презираю. Зефанъ думаетъ, что вы сынъ Литтльпеджа, и что вы явились сюда фискаломъ? Правда ли?.. да, или нѣтъ?

— Откуда могли прійти Зефану эти подозрѣнія? отвѣчалъ я, со всевозможнымъ хладнокровіемъ. Онъ меня не знаетъ, и мнѣ кажется, что я въ первый разъ съ нимъ встрѣчаюсь.

— Конечно, справедливо; но иногда можно видѣть и то, что не бросается въ глаза. Мой сынъ часто ѣздитъ отсюда въ Ревинестъ, и недавно оставался тамъ добрыхъ два мѣсяца. Я иногда употребляю его для небольшихъ торговъ съ г. Ньюкомомъ.

— Съ Джономъ Ньюкомомъ?

— Да, съ совѣтникомъ Ньюкомомъ, какъ онъ имѣетъ полное право называться. Мое правило называть чорта—чортомъ. По-

этому Зефанъ, нынѣшнее лѣто, оставался долго въ Ревинсестѣ;—а можетъ быть ему тамъ и приглянулась какая-нибудь, да онъ не сознается; наконецъ возвратился оттуда и сказалъ мнѣ, что съ минуты на минуту ожидаютъ сына Литтльеджа.

— Вы знакомы съ Ньюкомомъ? спросилъ я, чтобъ нѣсколько отклонить прежній разговоръ; вы съ нимъ видите дѣла?

— Очень много. Ньюкомъ взялъ у насъ весь лѣсъ, который былъ срубленъ въ прошлую весну, и далъ намъ за него матерій, рому и разныхъ разностей, а самъ продалъ лѣсъ въ свою пользу. Онъ недурно обработалъ это дѣло, какъ я слышалъ; онъ хотѣлъ взять и этотъ лѣсъ, да я думаю лучше послать ребятъ на рынокъ. Впрочемъ, что до этого, не тѣмъ мы заняты теперь. Вѣдь вы мнѣ сказали, что васъ прозываютъ Мордоунтъ?

— Да, и сказалъ правду.

— Да какъ ваше данное имя?... Однако, послушай, жена, сказалъ онъ, обратясь къ Пруденціи, которая приблизилась къ намъ, чтобъ вслушаться въ разговоръ, предувѣдомленная вѣроятно своимъ сыномъ; однако... вѣдь этотъ молодой человекъ можетъ быть также невиненъ, какъ и твои собственныя дѣти.

— Мордоунтъ, это имя, которое мнѣ дали при крещеніи,—сказалъ я въ какой-то разсѣянности, а Литтльеджъ...

Вдругъ рука Индѣйца прикрыла мнѣ ротъ и не дала говорить болѣе. Но было поздно; сквоттеры поняли, что я хотѣлъ сказать. Пруденція бросилась въ сторону, и я слышалъ, какъ она, подобно насѣдкѣ, начала скликать своихъ дѣтей. Мильакръ принялъ дѣло иначе. Лицо его омрачилось; онъ что-то тихо сказалъ Лавиніи, которая тотчасъ же побѣжала исполнить порученіе, поглядывая безпрестанно въ сторону.

— Понимаю!.. Понимаю!.. вскричалъ сквоттеръ, такимъ отчаяннымъ голосомъ, какъ будто дѣло шло объ оскорбленіи чести; между нами шпіонъ; не такъ давно еще кончилась война, чтобъ забыть, какъ поступаютъ съ шпіонами.—Къ чему вы пришли на мою землю?.. За чѣмъ вошли въ мой домъ?

— Я пришел осмотреть и оберечь собственность, которую мне поручена. Я сын генерала Лавиньяджа...

— Если вы думаете, что Мильакръ изъ тѣхъ людей, которые врагу позволить отнять у себя землю; которые будутъ спокойно, сложя руки смотрѣть на это, — о! вы страшно ошибаетесь... Лавинія! собери скорѣе всѣхъ!... скорѣе!... Мы избавимся отъ васъ... Найдёмъ мѣсто, куда запрятать васъ.

Пора была подумать о своей защитѣ. Я зналъ, что Индѣецъ былъ вооруженъ; и, рѣшившись дорого продать жизнь свою, я протянулъ руку, чтобъ взять у него карабинъ. Но, къ величайшему моему удивленію, Сускузусъ скрылся.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

СТЕФАНЪ И ЮСИФЪ.

Повесть Марксъ.

ПРОЛОГЪ.

Стефанъ и Юсифъ родились въ одинъ годъ, въ деревнѣ Сейнь, въ прекрасной и живописной долинѣ Мурто. Съ самыхъ вѣжныхъ лѣтъ, они были неразлучны; вмѣстѣ ходили въ школу затверживать скучные склады и вмѣстѣ же предавались забавамъ своего возраста: то бѣгали по лугамъ, то ставили въ лѣсу силки, или съ дѣтской безпечностію лазили по деревьямъ, чтобы выказать свою ловкость или завладѣть птичьими гнѣздами. Отецъ Стефана имѣлъ собственный домъ, большое поле, хорошій участокъ лѣсу, и кромѣ того онъ обрабатывалъ еще обширныя земли, принадлежавшія одному богатому безансонскому банкиру; все это, при его опытности въ сельскомъ хозяйствѣ и неутомимомъ трудѣ, доставляло ему очень значительный доходъ въ томъ краю, гдѣ, въ потѣ лица, едва едва вырабатываютъ себѣ на дневное пропитаніе. У отца же Юсифа всего имущества только и было, что пара лошадей, да самыя необходимыя земледѣльческія орудія; онъ не имѣлъ даже собственной хижины и ни клочка земли. Онъ жилъ на чужой землѣ, которую снималъ еще отецъ его. Только тяжкими трудами и крайнею бережливостію онъ могъ скопить необходимую сумму, для уплаты за наемъ земли и для удовлетворенія нуждъ своего семейства. Но всѣ гово-

ршии объ немъ, какъ о самомъ честномъ челоуѣкѣ и лучшемъ земледѣльцѣ долины Мурто. Въ трудныхъ обстоятельствахъ, окружные крестьяне прибѣгали къ его совѣтамъ, и уваженіе, которымъ онъ пользовался, могло служить ему полнымъ вознагражденіемъ за бѣдность.

Въ домѣ Финуа, отца Стефана, выказывалась роскошь, еще очень рѣдко встрѣчаемая у сельскихъ жителей Франшъ-Конте. У него были фарфоровыя тарелки, серебряныя приборы, — которые, конечно, хранились для важныхъ случаевъ, — и бѣлыя занавѣски у оконъ. Каждый разъ, какъ Финуа ходилъ въ Безансонъ, по своимъ личнымъ дѣламъ, или для застѣданія въ тамошнемъ судѣ, онъ привозилъ оттуда то новую мебель, то какія-нибудь вещицы для туалета, на диво всей деревни. По воскресеньямъ, идя къ обѣднѣ, жена Финуа надѣвала чепчикъ съ красивыми лентами; а старшая ихъ дочь наряжалась въ цвѣтныя кисейныя платья; скромные сейнскіе жители только развѣвали рты при взглядѣ на такіе пышные наряды. Въ день крещенія внучка, за аристократическимъ столомъ Финуа были распиты двѣ бутылки настоящаго шампанскаго вина, — чего никогда и во снѣ не грезилось бѣднымъ обитателямъ деревни Сейнь, которые гордятся уже и тѣмъ, если, въ самые торжественные дни, могутъ угостить своихъ пріятелей виномъ де-Мутье или Дезарсюръ. Школьной учитель рассказывалъ, что дѣти Финуа приносили въ классъ такія книги, о какихъ онъ никогда и не слыхалъ, удивительныя книги, въ которыхъ говорилось о прекрасныхъ дамахъ, странствовавшихъ по свѣту съ рыцарями; а пасторъ съ прискорбіемъ прибавлялъ, что семейство Финуа очень поздно приходило къ обѣднѣ, и ни во что считало пропустить вечерню.

У добраго и честнаго Премона, отца Юсифа, все, напротивъ, сохраняло, почтенный отпечатокъ старины: платья его были домашняго рукодѣля; посуда глиняная, грубой работы; ложки желѣзныя луженыя. Жена Премона несколько не стыдилась покрывать свои волосы шапочкой, стариннымъ головнымъ уборомъ тамошнихъ поселянъ, отъ которой шелковая бахрома и серебряныя булавки передавались прежде изъ рода въ родъ. Самъ Премонъ въ будни носилъ блузу съ широкими складками, холстинные панталоны, деревянные башмаки и шерстяной колпакъ, а по воскресеньямъ надѣвалъ лучшій свой нарядъ, длинный тем-

выѣ ридинготъ, кожаные башманы съ желѣзными подковками, холстявую рубанку, работы своихъ дочерей, и войлочную шляпу съ широкими полями, купленную еще въ день его свадьбы. Въ семействѣ Премона, самымъ вкуснымъ кушаньемъ считалась копченая говядина, а лучшимъ лакомствомъ—пирогъ, вымазанные яичнымъ желткомъ, которые пекли въ хрмовой праздникъ. Чистая вода составляла единственное ихъ питье. Густой картофельный супъ, да кислое молоко, служили обыкновенною ихъ пищею. Чай считался у нихъ лекарствомъ, которое покупается въ аптекѣ, и то только по предписанію доктора; кофе почти вовсе не знали. Слышали, что богатые употребляютъ кофе, но рѣшительно не понимали, для чего они пьютъ его. Сахаръ, какъ драгоценность, хранился въ шкафу, на случай какой-нибудь неожиданной болѣзни; но считался несравненно ниже меду.

Впрочемъ, въ извѣстные годовые праздники, Премонъ спрашивалъ у своей жены ключъ отъ погреба, наливалъ изъ боченка бутылку вина и съ веселымъ видомъ ставилъ ее на столъ. Медленно и съ наслажденіемъ распивалъ это вино, толкуя о своихъ ежедневныхъ работахъ, о будущей жатвѣ и о цѣвѣ на хлѣбъ и сѣно.

Всѣ церковные праздники въ этомъ семействѣ свято наблюдались и проводились съ благоговѣніемъ. Всѣ посты, назначенные церковью, строго выполнялись, и домъ честнаго поселеннаго никогда не возмущался горемъ и заботами, которыя такъ часто посѣщаютъ жилища богачей. Въ назначенный день, онъ вносилъ свои подати, платилъ оброкъ за землю; по воскресеньямъ, послѣ вечерни, онъ ходилъ играть въ кегли, и потому, во всей деревнѣ не было другаго крестьянина, котораго смѣхъ былъ бы такъ чистосердеченъ и веселость такъ не принужденна, какъ у Премона.

Съ дѣтми, Стефанъ и Юсифъ принимали отличительныя черты своихъ семействъ. У Стефана лицо было кроткое и уминое, и изъ всѣхъ дѣтей, посѣщавшихъ школу, онъ скорѣе и лучше понималъ уроки учителя. Но за стѣнами школы, Стефанъ былъ слабъ и трусливъ; онъ скоро утомлялся на бѣгу и никогда не отваживался бороться съ своими сверстниками. У Юсифа лицо было большое и румяное; члены гибкіе, тѣло крѣпкое; онъ съ большимъ трудомъ могъ понимать объясненіе

какого-нибудь правила изъ снуксискоа или рѣшеніе простой арифметической задачи; за то, онъ былъ самый благодарный и вѣрный товарищъ, всегда готовый дѣлать кусокъ своего хлѣба съ тѣмъ, кто забылъ свой завтракъ, или принести сторуку снабженнаго. Часто нападали на его друга Стефана, и онъ точно такъ выручалъ его; выставивъ свои маленькіе, сильные кулаки, онъ разгонялъ его противозаей. Стефанъ благодарилъ его, бралъ его за руку и приводилъ къ своимъ родственникамъ, которые называли карнаны маленькаго героя шнадалемъ и лусками пареговъ.

I.

Когда Стефану исполнилось двѣнадцать лѣтъ, отецъ взялъ его изъ сельской школы и рѣшилъ помѣстить въ высшее училище въ Невтарль.

— Я хочу, чтобы сынъ мой прошелъ весь курсъ наукъ, говорилъ Финуа Премону: чтобы онъ занялъ, со временемъ, какое-нибудь хорошее мѣсто въ Безансонѣ, и какъ знать, можетъ быть даже въ Парижѣ. Мальчикъ онъ не глухой, и если дѣло будетъ только за франками, чтобы ему открыть дорогу, такъ на лугахъ у меня довольно свѣна. Какъ ты думаешь объ этомъ, соседъ?

— Если ты спрашиваешь моего совѣта, отвѣчалъ равнодушный Премонъ: я отъ чистаго сердца готовъ тебѣ дать его. Слова нѣтъ, ты имѣешь предства отдать своего свѣна въ высшую школу, и можешь изъ него сдѣлать доктора или адвоката, но дѣло-то въ томъ, что нашему брату все что-то нѣтъ удачи, какъ я замѣчалъ, выводить своихъ дѣтей въ ученые. Дѣти, привыкнувъ жить по-городскому, забываютъ наше простое житье, и, вернувшись домой въ тонкомъ платьѣ, съ шляпой на-бекрень, хотятъ только шеголять, а не трудиться, работаютъ мало, а денегъ тратятъ много; да что еще всего хуже, начинаютъ поднимать носъ передъ своими родителями. Моя покойная мать, — дай Богъ ей царство небесное! — всегда говорила: «Гдѣ коза привязана, тамъ и должна шипеть трезу», это значить: кто родился крестьянцемъ, тотъ долженъ и оста-

вѣлся крестьяниномъ; а кто былъ воспитанъ въ домѣ мастерового, тотъ долженъ стараться быть также мастеровымъ. И потому-то, любовный Финуа, если молодой парень хорошо ухитеть косить, да матерски пахать землю, по мнѣ, гораздо лучше всѣхъ этихъ шеголей, которые боини только на словахъ, а боятся выйти въ поле, чтобы не замарать своихъ сапоговъ. Если Господь продлитъ мою жизнь, я научу своего Юсефа тому же, чему училъ и меня отецъ, и Богъ дастъ, онъ со временемъ будетъ такой же трудолюбивый и честный мастеръ.

Смышленный Финуа хорошо понималъ справедливость этихъ словъ, но честолюбіе разбогатѣвшаго крестьянина, никакъ не дѣлѣ въспѣдствіи своего сына на полетномъ мѣстѣ и желаніе заставить деревенскихъ жителей завидовать ему, умомъ его, взяли черхъ надъ всѣми разсужденіями, и Стефанъ ухиталъ въ Понтарье. На прощаньи, онъ со слезами обнялъ своего милого Юсефа и долго оглядывался назадъ, чтобы еще разъ разглянуть на еловомъ лѣса и колокольню своей родины.

На осенніе каникулы, Стефанъ пріѣхалъ домой, и первое занятіе его было ѣздить къ Юсефу. Онъ находилъ величайшее наслажденіе бродить съ своимъ другомъ по горамъ и долинамъ. Окрестности деревни Сейнь — богаты живописными мѣстами, и эти-то мѣста восхищали взоръ ребенка, не умѣвшаго дать себѣ отчета въ инстинктивномъ своемъ чувствѣ. Когда Юсефъ кончалъ дневную свою работу, которую назначалъ ему отецъ, сразнѣрно съ его силами и возрастомъ, чтобы приучить его мало-по-малу къ тяжелымъ трудамъ земледѣльца, Стефанъ приходилъ за нимъ, и вѣстѣ они отправлялись въ ту или другую сторону, какъ перелетныя птички. То они пробирались въ еловые лѣса собирать сморчки и отыскивать птичьи гнѣзда, то, по берегамъ ручьевъ, ловили раковъ. Иногда они доходили до Мурто, чтобы посидѣть на террасѣ, откуда открывается дивная, роскошная долина, устланная сельскими доминами, и со всѣхъ сторонъ обхваченная, какъ поясомъ, густымъ, величественнымъ лѣсомъ. Однажды, они дошли до Дубскихъ источниковъ и съ изумленіемъ остановились передъ этимъ дивнымъ водопадомъ, клубящимся между скалъ. Чтобы понять всю красоту природы, всю прелесть ея, надобно выкинуть въ сердце и разсмотрѣть впечатлѣнія сельска-

го ребенка, — если только рассматривая ихъ, можно сохранить небесное ихъ благоуханіе. Когда послѣ долгаго, тяжелаго пути жизни, возвращаешься въ поля, въ лѣса, которыхъ усладительный видъ всегда носился передъ тобою, увы! туда приносишь уже съ собою воспоминаніе о всѣхъ бесполезныхъ опытахъ, прибрѣтенныхъ въ свѣтѣ, о несбыточныхъ, честолюбивыхъ планахъ, и о коварной дружбѣ. Приносишь съ собою то же сердце, исполненное любви, но это уже не та чистая, дѣвственная, свѣтлая любовь, которая не знала другой грозы, кромѣ грозы небесной, другаго холода, кромѣ холода зимнихъ дней, который дѣйствуетъ только на тѣло, но не проникаетъ въ душу. Возвратившись въ шалашъ горца, и сядя надъ развѣстистой елью, ты знаешь, что тамъ недалеко есть городъ, есть другой міръ, усѣянный скалами, въ которомъ бѣдное сердце страдаетъ и разбивается. Страніе забыть прошедшее выказываетъ страданіе больнаго ума, разочарованнаго воображенія. Въ шелестъ лѣсовъ, въ мелодическомъ журчаніи серебряныхъ струй, скользящихъ по утесамъ, какъ будто слышишь то голосъ млага существа, похищеннаго смертію, то ропотъ ненависти или глухой, отдаленный шумъ городовъ. Природа тогда не представляется намъ той улыбающейся, невинной дѣвой, которая въ глазахъ нашихъ казалась благоуханнымъ цвѣткомъ, восхищающимъ насъ и своею стройностію и ароматами. Это старая подруга, къ которой мы приходимъ высказать свои горести. Требуя утѣшеній, мы придаемъ ей свой скорбный языкъ; ища наслажденій въ ея неувядающей красотѣ, мы налагаемъ на нее печальный покровъ. То былъ рай нашей молодости, и мы обращаемъ ее въ гробницу нашего горестнаго опыта.

Напротивъ того дитя любитъ природою безъ смущенія и наслаждается всѣми ея дарамъ безъ боязни. Бездѣлка его веселитъ, бездѣлка его счастливитъ. Когда онъ бѣгаетъ, веселымъ утромъ, подъ деревьями огорода, по дорожкѣ холмовъ, можно сказать, что онъ самъ маленькій властелинъ всего, что зеленѣетъ на землѣ, что поетъ въ воздухѣ. Для него настѣжливое жужжитъ на муравѣ, бабочка кружится по кустамъ, василекъ раскрываетъ свой вѣнчикъ посреди зеленѣющихъ полей. Для него овсянка кокетливо прыгаетъ по берегамъ ручьевъ, и орелъ вѣетъ свое гнѣздо на вершинѣ самыхъ крутыхъ

утесовъ. Для него деревья гнутся осенью подъ тяжестью своихъ плодовъ и зима покрываетъ озера и рѣки льдомъ, который онъ бороздитъ съ криками радости. Счастливъ ребенокъ, который не знаетъ горизонта шире горизонта своей долины, и жилища богаче сельскаго дома своего отца. Ахъ! если бы онъ могъ долго, если не всегда, не знать роковаго соблазна и древа познанія!

Стефанъ и Юсифъ наслаждались, въ теченіе первыхъ каникулъ, этимъ счастьемъ дѣтскаго возраста, похожимъ на идеальную мелодію, которой, въ зрѣломъ возрастѣ, намъ не удастся повторить, не испортивъ ее фальшивымъ нотамъ. Но мало-по-малу Стефанъ терялъ свою первобытную невинность, которую другъ его хранилъ во всей своей чистотѣ. На другой годъ онъ уже гордѣе сталъ обходиться съ своимъ вѣрнымъ другомъ, что очень удивляло добраго Юсифа, но онъ переносилъ это безъ ропота. На третій годъ, онъ уже чванился знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ; онъ получилъ нѣсколько наградъ; городской меръ объявлялъ его передъ многочисленнымъ собраніемъ, вручая ему вѣнокъ, и директоръ училища при всѣхъ объявлялъ, что Стефанъ Финуа первый ученикъ. Въ этотъ разъ, онъ холодно принималъ бѣднаго Юсифа, который прибѣжалъ къ нему, лишь только что узналъ о его пріѣздѣ, и который съ восхищеніемъ смотрѣлъ на его прекрасныя книги и красивыя дубовыя гирлянды. Стефана приглашали обѣдать къ нотариусу, къ мирному судѣ кантона, и онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на важное лицо въ обществѣ. Но когда, окончивъ курсъ наукъ въ Понтарлье, онъ отправился въ Безансонъ, чтобы слушать философію и приготовиться къ экзамену на полученіе званія бакалавра, тогда уже совсѣмъ кончились пріятныя дѣтскія игры, прогулки по холмамъ и бѣганье въ запуски по долинѣ. Стефанъ пріѣхалъ на каникулы съ сыномъ того самаго банкира, у котораго землю обрабатывалъ его отецъ. Стефанъ съ такимъ восхищеніемъ гулялъ по деревнѣ съ этимъ богатымъ товарищемъ, что не узнавалъ никого и ни съ кѣмъ не клаялся. Прошло двѣ недѣли, какъ онъ возвратился въ Сейнь, когда въ первый разъ, въ воскресенье, онъ встрѣтилъ Юсифа, который шелъ къ обѣднѣ. Юсифъ подошелъ къ нему нѣсколько принужденно, но съ улыбкой, и протянулъ ему руку.

— Здравствуй Стефанъ, сказалъ онъ: вотъ уже давно я собираюсь навѣстить тебя, но ты знаешь, что у насъ въ это время много работы, а ты часто не бываешь дома.

— Что это за мужикъ? спросилъ сынъ банкира, презрительно взглянувъ на грубую одежду Юсифа.

— Сынъ бѣднаго фермера, нашъ сосѣдъ, отвѣчалъ Стефанъ, краснѣя; потомъ поклонясь своему прежнему другу, съ видомъ покровительства, онъ прибавилъ: — Хорошо, хорошо, мой любезный, мы повидаемся въ другой разъ, и отошелъ прочь.

Юсифъ почувствовалъ, что сердце его сжалось, слезы канули съ рѣсницы; и въ этотъ день, онъ напрасно пробовалъ ѣхать въ хорѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ не могъ болѣе слѣдить за церковнымъ хоромъ, голосъ ему извѣстилъ.

Горестное чувство, объявившее душу Юсифа и причины котораго онъ не хотѣлъ открыть своему семейству, не смотря на всѣ старанія отца и матери узнать о внезапной перемятѣ въ ихъ сынѣ, испытали на себѣ и родители Стефана. Они сдѣлали большія пожертвованія для своего сына, потому-что между крестьянами Франшъ-Конте деньги очень рѣдки, и чтобы заплатить за ученье Стефана въ городскомъ пенсіонѣ надобно было продать много нѣшковъ хлѣба. Часто жена Финуа должна была отказываться отъ новаго платья или новаго чепчика, при мысли, что эти деньги съ большою пользою могутъ быть употреблены на сына; часто, побуждаемый тою же мыслью, и самъ Финуа колебался позвать своего стариннаго друга къ обѣду. Супруги говорили иногда другъ другу о своей разсчетливости и утѣшали себя въ добровольномъ лишеніи блестящими мечтами о будущности своего сына. А этотъ сынъ, предметъ столькожъ понеченій, столькожъ заботъ и столькожъ честолюбивыхъ надеждъ, обходился со своими родителями холодно и надменно. По возвращеніи своемъ, изъ Безансона, онъ уже явно выказывалъ свое неудовольствіе. Домъ родителей казался ему грязнымъ, пища грубою; онъ не хотѣлъ ѣсть за общимъ столомъ, за которымъ, по деревенскому обычаю, садилась и работница. Для него надо было накрывать особый столъ, и подавать лучшія кушанья, которыя готовили для другихъ только въ праздничные дни. Мать нарочно для него рѣза-

ла лучшихъ курницъ, сбивала свѣжее масло, всячески старалась приготовить для своего сына блюдо полакомѣе и съ безпокойствомъ ожидала, удостоятъ ли ея благородный сыночекъ одобрить ея деревенскую стряпню.

Общество богатаго банкирскаго сына сдѣлало Стефана еще болѣе взыскательнымъ къ своему семейству. Онъ всегда имѣлъ предъ своими глазами образецъ молодаго человѣка, привыкшаго къ роскоши и шегольству большаго свѣта, и постыдное тщеславіе заглушило въ немъ чувство благодарности, сѣмьоней нѣжности, и онъ какъ будто стыдился смиреннаго крова, подъ которымъ родился, и честныхъ людей, воспитавшихъ его въ потѣ лица.

По окончаніи наукъ, онъ не удостоился званія бакалавра, но такая неудача нисколько не огорчила его. Онъ приписывалъ это недоброжелательству экзаменаторовъ, и хвастался, что былъ жертвой несправедливости. Впрочемъ, по его словамъ, онъ и самъ добровольно отказывался продолжать, какъ сначала думалъ, курсъ медицины или правовѣдѣнія, потому-что должности врача или адвоката не доставили бы ему большихъ выгодъ, и не обезпечили бы вполне его существованія; онъ хотѣлъ вступить въ торговлю и уже видѣлъ себя главой значительнаго торговаго дома, имѣлъ уже лошадей, кареты, великолѣпный домъ въ городѣ и очаровательную дачу.

Для осуществленія этой прекрасной мечты, надобно было, чтобы отецъ высылалъ ему, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, нужную для прожитія въ городѣ сумму. Ему и на умъ не приходило освѣдомиться, въ состояніи ли его бѣдный отецъ сдѣлать для него это новое пожертвованіе, такъ самолюбіе овладѣло имъ и тщеславіе ослѣпило его. Онъ оставилъ родительскій домъ, спокойно взявъ послѣдній экю своего отца. Но самолюбивое, холодное сердце никогда не можетъ возбудить сочувствія къ себѣ, и потому, сестры Стефана, которыя прежде пугались одной мысли разлучиться съ нимъ на нѣсколько недѣль, въ этотъ разъ безъ сожалѣнія смотрѣли, какъ онъ отправлялся, и работники, которыхъ онъ ежeminутно оскорблялъ своею гордостію, веселѣе принялись за свою работу, когда онъ вышелъ за порогъ дома. Только отецъ и мать были безотчетно печальны.

II.

I. Проходили мѣсяцы, проходили годы.

Стефанъ не возвращался въ Сейнь. Деревенскіе жители сначала справлялись объ немъ у его отца, но потомъ не стали и спрашивать, потому-что тонкое чувство горцевъ хорошо разгадало, что танъ не все идетъ, какъ надо. И точно, Стефанъ, вступивъ въ торговлю, хотѣлъ жить какъ живутъ сыновья богатыхъ негоціантовъ, съ которыми онъ находился въ сношеніи. Ему захотѣлось имѣть лошадь, шегольскую квартиру, давать завтраки, устраивать прогулки, и блистать между своими друзьями роскошью и шегольствомъ своего наряда. Безумное самолюбіе заставило его забыть состояніе своихъ родителей, и чтобы казаться богатымъ и щедрымъ, онъ безразсудно тратилъ въ одинъ вечеръ столько, сколько съ тяжкимъ трудомъ приобретаеось съ нѣсколькихъ десятинъ земли. Когда кошелекъ его пустѣлъ, онъ писалъ къ своему отцу длинныя письма, въ которыхъ съ самодовольствомъ перечислялъ всѣ свои блестящія знакомства и всѣ свои расходы. Бѣдный отецъ страдалъ въ глубинѣ души, представлялъ нѣсколько слабыхъ возраженій, и все-таки высылалъ требуемую сумму. Но такъ какъ просьбы о присылкѣ денегъ были слишкомъ часты, а доходъ съ обрабатываемыхъ земель не былъ достаточенъ для удовлетворенія ихъ, то старикъ Финуа долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, за большіе проценты; онъ закладывалъ то поле, то лугъ; и съ грустію возвращался отъ нотариуса.

Понаторѣвъ нѣсколько въ торговлѣ, Стефанъ написалъ новое письмо, глубоко тронувшее сердца его родителей. Не для того онъ учился и не для того тратилъ столько денегъ, писалъ онъ, чтобы сдѣлаться простымъ приказчикомъ какого-нибудь магазина. Онъ хотѣлъ быть главой торговаго дома, хотѣлъ производить обширные обороты, и уже нашелъ превосходное средство въ короткое время достигнуть исполненія своихъ желаній. Одинъ изъ его друзей изобрѣлъ машину для выдѣлки пробокъ и предложилъ ему быть участникомъ въ его изобрѣтеніи. Но для этого предпріятія необходима была

незначительная сумма—двадцать тысячъ франковъ, и Стефанъ просилъ своего отца ссудить его этою суммою, обѣщая въ скоромъ времени удесятерить ее, и изъ полученной прибыли купить хорошую землю въ долинѣ Морта.

— Какъ ты думаешь, Марианна? сказалъ Финуа своей женѣ, взявъ письмо въ двадцатый разъ и надѣвая себѣ на носъ очки, чтобы снова прочесть его.

— Да, отвѣчала Марианна: этотъ ребенокъ стѣнитъ намъ уже очень дорого, и мы бы могли на эти деньги, которыя употребили на него, купить нѣсколько десятинъ земли, или сдѣлать приданое его сестранъ. Но всѣ говорятъ, что Стефанъ очень умный мальчикъ, и такъ какъ онъ нѣсколько уже лѣтъ живетъ въ городѣ, такъ, вѣрно, лучше насъ знаетъ дѣла. Кажется, выдумка его не дурна, и намъ нельзя отказать ему въ просьбѣ.

— И я то же думаю, сказалъ Финуа. Но двадцать тысячъ франковъ, при другихъ моихъ долгахъ! Мы въ конецъ разоримся.

— Признаться, что это тяжело, но если Стефанъ нашъ разбогатеетъ, какъ онъ пишетъ, онъ возвратитъ намъ все; онъ купитъ здѣсь хорошее помѣстье, выдастъ замужъ своихъ сестеръ, ужъ, конечно, не за какихъ-нибудь мужиковъ, а тоже за свою братью, за господъ, и мы переѣдемъ жить въ городъ, вотъ какъ сдѣлалъ и Шовепьянъ изъ Морта; у него вѣдь не Богъ знаетъ какое было имѣнье, а теперь, какъ расторговался, такъ видишь, и балы задаетъ въ Безансонѣ, и эффектъ и вся лучшая публика у него бываетъ.

— Все это хорошо, прекрасно, возразилъ Финуа, но двадцать тысячъ франковъ, да издержки на закладныя, да на то да на другое. Я знаю, чего это все стѣнитъ; не обдумавши, нельзя же рѣшиться на такое дѣло; этакъ, пожалуй, и послѣдняго куска лишишься. Вотъ посмотримъ, что надо будетъ сдѣлать, прибавилъ онъ, почесывая въ головѣ. Не худо бы, кажется, посоветоваться съ сосѣдомъ Премономъ. Онъ человекъ умный; многое видѣлъ на свѣтѣ; да онъ всегда меня бранилъ, что я не повелъ своего сына по той же дорогѣ, какъ онъ своего Юсифа, что не сдѣлалъ его простымъ крестьянникомъ; а надо сказать правду, Юсифъ славный молодецъ. Но можетъ-быть, Премонъ, съ своими старинными правилами, не умѣлъ понять настоящаго положенія Стефана. Впрочемъ, я подумаю.

Сколько ни думал легкомысленный отецъ, и все-таки не могъ отказать просьбѣ своего сына. И чтобы доставить требуемую имъ сумму, онъ долженъ былъ заложить и послѣднее свое имѣніе, и кромѣ того за ужасные для престолища проценты; потому-что въ горѣ Франшъ-Конте, какъ и въ другихъ французскихъ провинціяхъ, земля приноситъ только два, а много, два съ половиной процента, а Финуа платилъ почти шесть процентовъ, считая всѣ издержки по займу.

Открывъ родителямъ свои намеренія, Стефанъ вполне былъ увѣренъ въ исполненіи своихъ плановъ и совершенно надѣялся на успѣхъ спекуляціи. Но по своему обыкновенному тщеславію, онъ не хотѣлъ выныкнуть въ это дѣло поглубже и рассмотреть его со всѣхъ сторонъ. Лишь только получилъ присланныя отцомъ деньги, онъ, очертя голову, бросился на задуманное предпріятіе. Но во Франшъ-Конте люди не слишкомъ падки на новыя изобрѣтенія, и только послѣ зрѣлыхъ размышленій и продолжительныхъ опытовъ въ ихъ несомнѣнной пользѣ, они рѣшались принять какое бы ни было нововведеніе. Стефанъ и его товарищи большую часть своего капитала употребили только на первоначальное устройство своей фабрики; потому они съ жаромъ принялись за работу, какъ будто боялись, что не успѣютъ удовлетворить всѣмъ заказамъ; но заказовъ ни отъ кого не было; а между тѣмъ деньги утекали, какъ вода между пальцевъ. Чтобы покрыть неожиданные расходы и уплатить долги по нѣкоторымъ срочнымъ обязательствамъ, необходимо было пересрочить заемныя письма и прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ средствамъ. Затѣмъ поступили на нихъ протесты, кредитъ упалъ, и наконецъ новыя фабрики объявлены были несостоятельными. Чтобы спасти честь Стефана и удовлетворить заимодавцевъ, Финуа долженъ былъ продать все, что онъ имѣлъ.

Если большія несчастія не подавятъ того, кто имъ подвергается, то придаютъ ему твердую рѣшимость и удивительную энергію. Финуа, узнавъ о бѣдственномъ положеніи своего сына, вдругъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенную силу духа. Онъ не жаловался на несбыточность своихъ надеждъ, и не плакалъ. Онъ тотчасъ же отправился къ нотаріусу въ Мурто и просилъ объявить о продажѣ съ публичнаго торга всего своего имѣнія, которое еще уцѣлѣло отъ разоренія. Грустно бы-

мо смотрѣть на это семейство, судьбѣ котораго такъ много завидовали, когда оно, лишенное всего имущества, сидѣло въ одной комнатѣ; мать и дочери плакали, отецъ, холодный и неподвижный, безъ ропота, не провознося ни слова, смотрѣлъ на эти развалины своего прежняго богатства. Сосѣди Финуа не хотѣли быть свидѣтелями горестнаго его положенія, и никто изъ нихъ не пришелъ на аукціонъ. Собралось лишь нѣсколько человекъ изъ Морта да изъ окрестныхъ деревень. Но это только увеличило несчастье Финуа, который надѣялся на выгодную продажу, а между тѣмъ, при незначительномъ числѣ покупателей, все вещи пошли почти за безцѣнокъ. Юсифъ, возвращаясь, въ полдень, съ сѣновоса, увидѣлъ, у воротъ дома своего прежняго друга, толпу покупателейъ, занятыхъ своими покупками: одинъ осматривалъ шнафъ, другой ошупывалъ теленка.

— Ахъ, бѣдный Стефанъ, сказала онъ, отворачивая голову отъ этого печальнаго зрѣлища: зачѣмъ ты вздумалъ оставить насъ? Какъ жаль, что я бѣдѣю, и не могу помочь тебѣ! Съ стѣпеннымъ сердцемъ пошелъ онъ къ своему дому, и во весь тотъ день, былъ скученъ и не промолвилъ ни съ кѣмъ ни слова. Вечеромъ, когда домашніе его, собравшись въ кружокъ, разсуждали о слѣдствіяхъ продажи, онъ тихонько вошелъ въ домъ Финуа, и, взявъ его за руки, сказалъ ему: Не унывайте, земля не скупа для тѣхъ, кто уиѣтъ обрабатывать ее; а если вамъ нужна будетъ помощь, во время сѣновоса или сбора плодовъ, скажите только мнѣ.

— Благодарю тебя, любезный Юсифъ, вскричалъ Финуа, я хорошо знаю.... Но Юсифъ, тронутый до глубины души, былъ уже далеко.

III.

Продавъ свой домъ, Финуа поселился на фермѣ, принадлежавшей къ землѣ, которую онъ нанялъ у безансонскаго банкира. Эта бѣдная, полуразрушившаяся хижина безпрестанно напоминала ему о прежней его удобной жилищѣ. Но онъ поступилъ, какъ слѣдовало честному человѣку, и былъ доволенъ. Никто не могъ укорить его долгомъ; а при прилѣжной работѣ,

и съ бережливостію, онъ былъ еще въ состояніи пропитывать свое семейство; но Финуа не столько заботился о себѣ, сколько о судьбѣ своего сына. Онъ убѣждалъ его пріѣхать въ Сейнъ до пріисканія новаго мѣста; но Стефанъ былъ слишкомъ гордъ; ему не хотѣлось показаться передъ своими земляками послѣ всѣхъ неудачъ, и онъ рѣшился остаться въ Безавсоѣ. Бѣдный отецъ безпрестанно думалъ о немъ; шелъ ли онъ утромъ на поле, или садился вечеромъ въ кругу своей семьи, мысль о немъ Стефанъ никогда не покидала его. Не меньше страдала и мать; не рѣдко дочери заставляли ее въ слезахъ; Стефанъ, чувствуя свою вину, оплакивая несчастіе своихъ родителей, часто писалъ къ нимъ, чтобы утѣшить и ободрить ихъ. Но письма и новые планы его не могли уже внушить имъ прежняго довѣрія. Горные жители Франшъ-Конте естественно не могутъ слишкомъ полагаться на невѣрное будущее. На югѣ, крестьянинъ проводитъ жизнь свою на открытомъ воздухѣ; онъ беззаботно бросаетъ свои семена въ землю, и, при благодатномъ климатѣ, спокойно ожидаетъ плода. Голубое свѣтлое небо, зеленѣющіе скаты горъ, слегка обработанные его руками, вселяютъ въ сердце невольную радость; а потому, онъ веселъ и спокоенъ. Напротивъ, сѣверный крестьянинъ, (а горы Франшъ-Конте ни чѣмъ не отличаются отъ сѣверныхъ странъ) обреченъ на тягостный и не всегда благодарный трудъ; весною, онъ боится, чтобы градъ или морозъ не уничтожилъ его будущей жатвы; зимою, заключенный въ своей хижины, иногда по цѣлымъ днямъ, онъ слышитъ только завываніе вѣтра и жалобный крикъ испуганной птицы, которая ищетъ себѣ убѣжища; потому-то умъ сѣвернаго крестьянина неопрометчивъ, лицо задумчиво, сердце твердо и благородно, но не воспримчиво. Если онъ поетъ или смѣется, такъ это въ слѣдствіе какого-нибудь минутнаго вдохновенія, въ слѣдствіе какой-нибудь особенной причины; совсѣмъ не таковъ житель юга, который веселится по врожденному чувству, по внутреннему побужденію. Не проходитъ дня, когда бы крестьянинъ въ гористыхъ частяхъ Франшъ-Конте не былъ занятъ какой-нибудь необходимой работой. Ему надо вспахать поле, позаботиться о кормѣ для скота, выдолоть гряды, провести канавки для орошенія сѣнокосовъ, нарубить дровъ, иногда съ опасностію жизни.

Даже зимою онъ не знаетъ покоя. Въ это время онъ ѣздитъ

съ припасами на рынокъ, перевозить бревна. По вечерамъ, когда работы на открытомъ воздухѣ кончаются, мужчины дѣлаютъ дышла или починиваютъ свои земледѣльческія орудія, но и хозяйка не сидитъ сложа руки. Тамошняя женщина наполняетъ стихи Шиллера:

«Она благоразумно управляетъ своимъ домомъ, учитъ своихъ дочерей, журитъ сыновей. Трудюбивыя ея руки безпрестанно заняты работой; любовью къ порядку она увеличиваетъ благосостояніе семейства; она уставляетъ свои шкафы хозяйственными припасами, веретено жужжитъ около ея самопрялки, и она наполняетъ чистые, какъ стекло, сундуки себрестию шерстью и бѣлымъ, какъ снѣгъ, льномъ; она соединяетъ полезное съ приятнымъ, и никогда не знаетъ отдыха.»

Финуа уже около года жилъ въ своемъ новомъ жилищѣ, работая съ юношескимъ жаромъ; тѣлеснымъ утомленіемъ онъ старался побѣдить сердечныя заботы, беспокоившія его; въ разлукѣ съ Стефаномъ, лучшимъ утѣшеніемъ для него были строгое выполненіе своихъ тяжелыхъ обязанностей и посѣщенія Юсефа, который часто приходилъ бесѣдовать съ нимъ, и часто помогалъ ему съ благороднымъ безкорыстіемъ въ самыхъ трудныхъ работахъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Финуа получилъ письмо отъ сына, въ которомъ онъ открывалъ отцу новыя надежды на блестящую будущность. На этотъ разъ мечты Стефана основывались не на невѣрномъ предпріятіи, не на безразсудной спекуляціи. Ему предлагали руку единственной дочери богатаго купца, которая приносила ему въ приданое не одну сотню тысячъ франковъ. Свадьба была уже рѣшена, и черезъ день или черезъ два назначено было бракосочетаніе. Стефанъ приглашалъ своихъ родителей присутствовать при его брачномъ торжествѣ, и обѣщалъ вскорѣ послѣ женитьбы пріѣхать въ Сейнъ. Но это письмо, сообщавшее неожиданную новость, было проникнуто какою-то грустію, не укрывшеюся отъ провинцальности родительскаго сердца. Финуа тотчасъ пошелъ передать эту новость Юсефу, который принялъ ее съ большою радостію.

— Слава Богу, вскричалъ онъ, вотъ нашъ любезный Стефанъ вступаетъ на настоящую дорогу. Я также хочу жениться; мнѣ кажется, что жить съ женою гораздо лучше. Моя невѣста бѣдная крестьянка, но честная, смиренная, работающая дѣ-

вуха, и какъ я подумалъ о себѣ, такъ, право, какъ-то и о Степанѣ сердце больше радуется. Покажите, любезный Финуа, къ нему на свадьбу; за чѣмъ вамъ кручиниться о томъ, что онъ не совѣтъ не само пишетъ въ своемъ писмѣ. Видъ дѣло извѣстное, какъ женишься, такъ все пойдетъ иначе, и не хотя попризадумашься.

Финуа собрался и отправился въ Безансонъ, но онъ не могъ избавиться отъ того неопредѣленнаго безпокойства, которое не знаешь откуда приходитъ и не знаешь какъ исчезаетъ, которое омрачаетъ мысль какъ облако и разсѣивается какъ тѣнь. Странное впечатлѣнiе, которое упорно остается послѣ всякъ разсужденiй, котораго не въ силахъ объяснить ни одинъ филозофъ; и оно возобновляется въ насъ такъ часто, что его нельзя считать случайнымъ явленiемъ, а надо поставить въ числѣ примѣчательныхъ и можетъ-быть самыхъ глубочайшихъ тайнъ въ жизни человѣка.

Прошло восемь дней. Медленно, опустивъ голову, шелъ Финуа домой.

— Чтѣ! вскричала жена, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу. Чтѣ свадьба?

— Славная, белая свадьба!

— Но чтѣ ты такъ говоришь! Ты какъ будто не довелось тѣмъ-то.

— Скупайте, принесите мнѣ камзолъ до колѣкъ, связать Финуа дочерникъ; и когда тѣ уши, онъ сѣмъ веселъ женою и началъ:—Бѣдная моя Мариюса, какъ приходится проститься съ нашимъ сыномъ.

— Господи, ты меня пугаешь! Чтѣ же съ нимъ случилось?

— А. то случилось, что онъ на всю жизнь навязалъ себя на мою экиду, которая в тебѣр ужъ поправаеъ его своимъ приданымъ, и думаетъ водить его за носъ; а насъ, какъ шницль, она в знатъ не хочетъ.

— Ахъ, бѣднота, бѣднота! Чтѣ онъ сдѣлалъ!..... Да зачѣмъ ему было жениться на ней?

— За чѣмъ!.... Дѣла у него были очень плохи, а разбѣдѣтъ хотѣлось,—жена-то у него точно богата..... Да чтѣ тутъ?..... Охъ, не приведи, Господи, еще такъ мучиться, какъ в получилъ въ эти восемь дней..... Жена Степана облодилась со мной жуже, чѣмъ съ собакой..... Да, конечно! не-

теряли нас своего сына. Жена не позволять ему и побывать дѣлом; она вѣкъ насъ честить неучами и скотами..... А ѣхать опять къ нимъ, право, мѣчи ѣтъ.

Въ эту минуту послышались ружейные выстрѣлы и веселые крики.

— Что это такое? спросилъ Фивуа.

— Это женится вашъ другъ Іосифъ, отвѣчала Маріанна. Онъ приходилъ звать насъ на свадьбу, и я обѣщала ему придти вмѣстѣ съ тобой; но теперь уже не то у меня и въ головѣ. Да, Іосифъ всегда уважалъ своихъ родителей, помогалъ имъ во всемъ. И вотъ теперь онъ счастливъ, и они счастливы имъ. Премонъ былъ умѣе насъ, онъ не вывелъ своего сына въ годъ, и теперь онъ вѣрно жалѣеть объ насъ.

Мужъ и жена молча подошли къ окну, посмотрѣть на свадебную церемонію. Впередѣ шли дружки, съ большими бунетами въ рукахъ и съ длинными лентами на шляпахъ, и подружки невѣсты въ лучшихъ своихъ нарядахъ; за ними счастливый женихъ и его невѣста съ вѣнкомъ на головѣ; на срединѣ ея лицъ и въ полуопущенныхъ глазахъ выражалась вся непорочность, вся доброта ея души; потомъ шли престарѣлые ихъ родители, которые, казалось, помолодели отъ счастья своихъ дѣтей. Но обѣ стороны были пріятель и знакомые Іосифа и безарерывно стрѣляли изъ ружей; веселые крики дѣтей вторили каждому выстрѣлу. Все общество направлялось къ церкви, гдѣ пасторъ, прежде совершенія обряда, въ нѣсколькихъ простыхъ и трогательныхъ словахъ произнесъ отеческое наставленіе о супружескихъ обязанностяхъ и объ упованіи на Бога. Новобрачные пожали другъ другу руки, слушая эту проткую рѣчь. Матери плакали, а Премонъ говорилъ своему сестру, что во всей безансовской епархіи не найдешь другаго священника, который бы говорилъ лучше ихъ пастора. Послѣ обѣда, всѣ гости собрались въ домъ Іосифа. Столъ былъ накрытъ на гумнѣ, потому-что въ домѣ не было такой обширной комнаты, гдѣ бы всѣ гости могли помѣститься. Для этого торжественнаго дня, убили самага жирнаго теленка, достали самый большой и лучшій окорокъ, приготовили толстыя сосиски, а Премонъ нарочно велѣлъ привезти съ Юры боченокъ превосходнаго вина. Самъ священникъ прилагъ участіе въ этомъ праздникѣ; что дѣлало большую честь семейству Премона; за

то и оно было признательно за это особенное къ нему предпочтеніе: священникъ былъ принятъ при входѣ въ домъ съ величайшимъ радушіемъ и уваженіемъ. Занявъ за столомъ почетное мѣсто, между молодыми и матерью семейства, онъ прочиталъ молитву, которой съ благоговѣніемъ внимали всѣ присутствующіе; по окончаніи обѣда, онъ обратился къ новобрачнымъ и, сказавъ имъ приличное наставленіе, оставилъ пирующихъ, которые всѣ до одного отъ души благодарили добраго пастыря за сдѣланную имъ честь. Только что онъ вышелъ за порогъ дома, Премонъ остановилъ его и тихонько что-то сказалъ ему. — Ну, хорошо, хорошо, отвѣчалъ священникъ, только безъ шума и не долго, я надѣюсь на тебя. — Будьте спокойны, батюшка, вскричалъ съ радостию фермеръ, я за то отвѣчаю; и весело вбѣжавъ на гумно, онъ вскричалъ: — Ну, дѣти, священникъ позволилъ, столъ прочь, скрипка впередъ. Эти слова пробѣжали по гостямъ, какъ электрическая искра. Въ одну минуту, столъ, составленный изъ еловыхъ досокъ, разобранъ, гумно выметено, вычищено, выдолблено, какъ паркетъ. Кочующій музыкантъ влѣзъ на бочку, скрипка завизжала, и пошла пляска. Премонъ, который, какъ будто, помолодѣлъ двадцатью годами, взялъ руку своей невѣстки; Марианну пригласилъ дружка; всѣ ходили, кружились, припрыгивали, притоптывали ноги; смотря на большихъ, и ребятишки плясали по-своему. Тутъ каждый веселился, какъ душѣ было угодно; всѣ шутили, говорили, пѣли, хохотали. Но вотъ наступилъ вечеръ; Премонъ не хотѣлъ заслужить себѣ выговора отъ священника, и вдругъ все смолкло. Снова поставили столы, накрыли ужинъ. Въ знакъ изобилія, молодыхъ осыпали горохомъ, бобами, рожью, и послѣ того мать молодого ввела ихъ въ брачную комнату. Всѣ трое, они встали на колѣни передъ образомъ Богоматери и долго молились.

IV.

Въ то время, какъ семейство Премона пировало съ гостями, праздною счастливою свадьбу, бѣднѣйшій Финуа, сидя въ углу передъ огнемъ, печально припоминалъ всѣ случаи по-

слѣднiяго своего путешествiя въ Безансонъ. До тѣхъ поръ, пока его поддерживала надежда, онъ чувствовалъ въ себѣ силу и безъ ропота переносилъ всѣ лишения. Но теперь, когда онъ видѣлъ, что сынъ его погибъ навсегда, онъ уналъ духомъ, и ослабѣлъ какъ дитя. Напрасно старался онъ ободрить себя, возродить въ себѣ новую мечту. Самая сладкая, самая дорогая мечта, мечта родительскаго сердца, которая была услудою его жизни, облегчала его труды, была утѣшенiемъ въ его несчастiи, исчезла въ немъ, и бѣдный отецъ день ото дня ослабѣвалъ какъ крѣпкiй дубъ, лишенный своего сока, какъ стальная пружина, потрясенная сильнымъ ударомъ. Когда Юсифъ пришелъ къ нему съ своей молодою женою, несчастный отецъ лежалъ уже въ постелѣ. Докторъ, приглашенный изъ Морта, былъ человекъ искусный и опытный; онъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что пациентъ его страдаетъ нравственною болѣзнию, и потому, прописавъ Финуа кое-какия успокоительныя средства, болѣе всего старался дѣйствовать на его душу.

— Вотъ видите, сказалъ онъ ему однажды вечеромъ, когда больному сдѣлалось получше: вотъ видите, любезный другъ, я не осуждаю васъ, за ваши честолюбивыя виды для блага вашего сына, хотя, по правдѣ сказать, я не люблю, когда молодые люди, наши земляки, покидаютъ мирную и скромную свою жизнь и бросаются въ вихрь большого свѣта. Конечно, дѣти крестьянъ и ремесленниковъ не могутъ всѣ быть крестьянами и ремесленниками; конечно, Богъ надѣляетъ умомъ и высокими дарованiями и ничтожнаго бѣдняка, точно также, какъ и человека богатаго и знатнаго,—и наши горы могутъ гордиться тѣмъ, что были мѣстомъ рожденiя многихъ знаменитыхъ людей, которые изъ простыхъ поселянъ, собственными силами, сдѣлались или людьми государственными или великими учеными; но не надо легкомысленно увлекаться этими блестящими успѣхами. Слова нѣтъ, бывали счастливые примѣры, но не больше ли горестныхъ случаевъ? А если уже родители рѣшились вывести своего сына на эту скользкую и опасную дорогу, такъ непремѣнно должны поддерживать его, должны стараться предохранять его отъ сумасбродныхъ заблужденiй и глупаго тщеславiя; должны безпрестанно наполнять ему объ его происхожденiи, и этииъ поддерживать въ немъ чувство

смирѣніи и любовью къ отеческому делу. Въ негрѣны тѣхъ, позволите вамъ сказать, любезный мой другъ, что смирѣніемъ посвященно предано обольстительнымъ мечтамъ о счастьи вѣсело-го сына. Этими вытеродили въ немъ самолюбіе, а зана сниско-дительнось возшрала его гордость. Въ то время, какъ онъ прѣхалъ сюда изъ Понтарле съ претензіями на барство, и задумалъ презирать своихъ прежнихъ товарищей, свою де-ревню, и даже родителей своихъ, тогчася же бы и надо было съять съ него шегомской нарядъ, надѣть снова прож-вную блузу и деревенныя башмаки, да послать его вѣстѣ съ работниками на поле, да и сказать ему: Послушай, мое дитя, ты еще ничего не значишь, достигнуть чего-нибудь ты мо-жешь только работой и смирѣніемъ, и не стѣбни, чтобы твои родители дѣлали столько пожертвованій для тебя, если ты уже забываешь мѣсто, въ которомъ родился, и честиыхъ лю-дей, въ кругу которыхъ ты провелъ первые лѣта твоей жви-ви... Но къ чему теперь говорить объ этомъ? Зло сдѣлано, и вы уже жестоко пострадали! Впрочемъ, вамъ непростительно пре-даваться горестному предчувствію о будущемъ. Вашъ сынъ теперь богатъ, онъ можетъ по-всему уплачивать вамъ де-лги, которые вы истратили на него, и утѣшать васъ утѣреніи-ми въ своей сыновней любви за всѣ ваши горести, которыхъ онъ былъ причиною. Вы говорите, что жена изъ управленія, что онъ несчастливъ: вѣрно, все будетъ гораздо лучше, чѣмъ вы думаете. Мало-по-малу онъ возьметъ въ свои руки власть; послѣ такихъ тяжкихъ испытаній, онъ прѣдетъ искать водѣ васъ покоя своему сердцу, моральнаго наслажде-нія, которое только лишь находишь въ истинной дружбѣ. Напишите къ нему поосторожиѣ, повѣжиѣ; напомиайте ему о тѣхъ первыхъ семейныхъ добродѣтеляхъ, о тѣхъ простыхъ и достойныхъ уваженія обязанностяхъ, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ вашемъ семействѣ; укажите ему впередъ на мир-ное убѣжище, которое онъ можетъ имѣть въ кругу добрыхъ родителей и старыхъ друзей, въ покойной жизни въ вашихъ горахъ. Уиъ его заблудился, но сердце, съ дѣтства навѣщенное правилами добродѣтели и благочестія, никогда не можетъ со-вершенно погрязнуть въ порокахъ. Будьте уверены, онъ во-ротится къ вамъ, можетъ-быть, печальнымъ, но все же все-таки будетъ слѣдствіемъ спасительнаго раскаянія, слѣдствіемъ

горькаго опыта; и она поможетъ ему утвердиться въ стремленіи ко всему доброму и прекрасному.

Слова доктора были живительнымъ бальзамомъ для убитаго горестью Фивуа. Сердце его снова освѣтилось отраднымъ лучомъ надежды; мечты его разцвѣтили будущность, представленную докторомъ; и онъ написалъ къ Стефану трогательное, убѣдительное письмо. Черезъ нѣсколько дней, Фивуа получилъ отвѣтъ; и увы! этотъ отвѣтъ еще разъ разсыпалъ въ прахъ мечты несчастнаго отца. Стефанъ съ живостію благодарилъ свѣтъ родителей за то добро, за тѣ поученія, которыми они осыпали его, и все письмо было пропитано выраженіемъ нѣжной любви, глубокой привязанности къ нимъ. Но, по настоянію жены, онъ долженъ отправиться въ Италию; жена непремѣнно требовала этого, и даже не позволяла ему побывать на роднѣхъ, чтобы проститься съ родителями. Онъ уѣзжалъ на другой день, и думалъ, что они возвратятся въ Безансонъ не ранѣе года.

— Какъ! вскричалъ бѣдный отецъ, повертывая письмо его въ своихъ дрожащихъ рукахъ: онъ уѣхалъ.... уѣхалъ изъ утѣшенія своей женѣ и не имѣлъ силы не послушаться ея, чтобы навѣстить своего отца, мать, сестеръ, и проститься со мною, ахъ, проститься навсегда!

Въ этотъ разъ, ни благоразумные совѣты доктора, ни религиозныя увѣщанія священника, ни нѣжныя рѣчи жены, — которая превозмогала свое собственное страданіе, чтобы облегчить страданія своего мужа, — не могли возстановить нравственной силы больнаго. Если стрѣла горести проникаетъ въ душу мужчины, она глубоко впивается въ нее; женщины плачутъ и всдыхаютъ, мужчины молчатъ, борются и изнемогаютъ. Фивуа пронзенъ былъ этой смертельной стрѣлой, и никакая человѣческая наука не въ состояніи была исторгнуть ее изъ его сердца: онъ томился, ослабѣвалъ и умеръ.

Между тѣмъ какъ его несли въ холодную могилу, жена Стефана, утомленная путешествіемъ по Италиі, возвращалась съ своимъ мужемъ во Францію. Стефанъ узналъ объ ужасной новости уже по пріѣздѣ въ Безансонъ, и впалъ въ отчаяніе. Онъ обвинялъ себя въ неблагодарности, проклиналъ себя, писалъ къ своей матери письма самыя трогательныя, и послалъ ей всѣ свои деньги. Напрасная помощь! богатствомъ не изцѣ-

лишь сердечныхъ ранъ. Одна слеза Стефана сдѣлала бы болѣе добра несчастной вдовѣ, чѣмъ всѣ земныя сокровища, но Стефанъ не прїѣзжалъ въ Сейнъ; бѣдная женщина, лишившись мужа, говорила, что у ней нѣтъ болѣе и сына.

V.

— Я ѣду завтра въ Безансонъ, сказалъ ей однажды Іосифъ: и непременно навѣщу его, хоть, правду сказать, онъ очень грубо обошелся со мною, въ послѣдній разъ, какъ я видѣлся съ нимъ. Работы теперь у насъ, слава Богу! кончились; хлѣбъ весь убранъ, картофель ужъ въ погребу. Жена у меня работала славно, и за то я хочу ее немного потѣшить, хочу показать ей городъ, и тамъ мы вѣстѣй зайдёмъ къ нашему старому прїятелю. Хоть онъ и богатъ теперь, да быть-можетъ еще не забылъ своего Іосифа.

— Ахъ! нѣтъ, не ты бѣденъ, милый Іосифъ, а онъ, отвѣчала Маріанна; онъ бѣденъ счастьемъ, а ты припѣваючи живешь съ своимъ батюшкой да матушкой, и горя никакого не знаешь. Да, сдѣлай милость, привези его ко мнѣ; я знаю, ему и самому, вѣрно, также тошно; онъ обидѣлъ насъ, много обидѣлъ, да что же? вѣдь все-таки онъ мнѣ сынъ, и я никогда не переставала его любить, онъ изъ головы не выходилъ у меня; пожалуйста же, уговори его прїѣхать къ намъ. Скажи ему, вѣдь здѣсь онъ родился, здѣсь игралъ, когда былъ ребенкомъ, здѣсь у него мать, сестры, здѣсь погребенъ его отецъ; пускай только прїѣдетъ, мы все забудемъ, сестры по-прежнему примутъ его, а мать, скажи, да что мать! мать, примолви, все горе его выплатеть своими слезами.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Іосифъ, не говорите больше; этакъ, я и самъ, пожалуй, заплачу; я непременно повѣдаюсь съ нимъ, и уговорю; а ужъ коли онъ заупрямится, такъ Богъ ему судья.

На другой день Іосифъ запрягъ свою лучшую лошадь въ легкую телѣжку, въ которую, для удобства своей Франциски, положилъ мѣшокъ овса; потомъ, взявъ въ руки возжи и посадивъ возлѣ себя свою молодую жеву, разряженную въ пухъ,

ударилъ хлыстомъ своего Сѣрка, и поѣхалъ небольшою рысью; Франциска, въ первый разъ, въ свою жизнь, предпринимавшая такой дальний путь, безпрестанно оборачивалась назадъ, чтобы взглянуть на свою родную Сейну, какъ будто бы она увязала на край свѣта,

Однако ободрительныя слова мужа, новыя для нея мѣста, черезъ которыя они проѣзжали, скоро утишили въ ея душѣ безотчетное безпокойство, овладѣвшее ею при началѣ дороги. Франциска была одарена душою чистою и воспримчивою для всего прекраснаго, и потому, едва проѣхали они полмили, она уже смѣялась и пѣла, какъ ребенокъ. Юсифъ повернулъ по дорогѣ въ Мурто. Доѣхавъ до подошвы горы Лавоттъ, онъ сошелъ съ телѣжки, чтобы не утомить своего Сѣрка. Франциска также вздумала штии пѣшкомъ, и проходя, по скату горы, она останавливалась каждую минуту, чтобы любоваться великолѣпною картиною, открывавшеюся передъ ея глазами.

— Иди дальше, говорилъ ей Юсифъ улыбаясь: какъ взойдешь на верхъ, такъ что-то еще увидишь.

Молодая женщина то опиралась на руку мужа, то наклонялась, чтобы сорвать послѣдній осенній цвѣтокъ, и потомъ снова догоняла свою телѣжку, которую Сѣрко тащилъ такъ весело и бодро, какъ будто самъ раздѣлялъ впечатлѣнiя своихъ молодыхъ хозяевъ.

На вершинѣ горы Лавоттъ, Юсифъ остановилъ свою лошадь, чтобы дать ей отдохнуть, а Франциска съ безмолвнымъ изумленiемъ вперла свои взоры въ волшебную картину долины Мурто, которая раскрывалась передъ нею во всей своей обширности и во всей своей прелести, съ многочисленными своими селами, высокими колокольнями, еловыми рощами, свѣтлыми ручьями, пересѣкающими ее по всѣмъ направленiямъ, и живописнымъ городомъ, господствующимъ надъ нею. — Ахъ! какъ здѣсь славно! какъ прекрасно! вскричала молодая женщина, и руки ея скрестились на груди; долго еще глаза ея ушались чудными картинами природы, потомъ съ восторгомъ остановились на мужѣ, и наконецъ, съ чистою молитвою, она подняла ихъ къ небу.

Свѣтскiе люди думаютъ, что только съ ихъ познаними и

съ ихъ очищенными вкусами, можно чувствовать красоты природы, а между тѣмъ часто истинное чувство встрѣчается въ сердцахъ простаго сына полей, который смотритъ, молчитъ и обнаруживаетъ свои чувства однимъ вослѣщаніемъ. Богъ не напрасно далъ лазурь неба, зелень лѣсовъ, зеркальныя озера бѣднымъ людямъ, которые проводятъ тамъ свою скромную и трудолюбивую жизнь, и поэты, приходящіе въ восторгъ отъ величественныхъ красотъ природы, понимаютъ, можетъ-быть, гораздо меньше, чѣмъ крестьянинъ, который молча, съ самаго дѣтства, наблюдаетъ эти красоты. Почему столько бѣдныхъ семействъ, осужденныхъ на тяжкіе труды, на непрерывныя заботы, не хотятъ покинуть бесплодную землю и дымныхъ своихъ хижинъ, и переселиться на землю болѣе плодородную, подъ теплое небо? не потому ли, что окружающая природа удерживаетъ ихъ какою-то непонятною для другихъ прелестью; въ лѣтніе дни, она покоряетъ ихъ себѣ своей пышной красой, а зимою—своими грозными величіемъ.

Оставивъ за собою бесплодную вершину Лавотта, Франциска съ радостію снова увидала неизмѣримые, величественные еловые лѣса, окружающіе деревню Фуанъ, и съ наслажденіемъ проѣзжала по прекрасной Авудрейской дорогѣ; но она вздрогнула отъ удивленія, когда, близъ Мора, предъ глазами ея, подъ горою развернулась зеленѣющая долина, по которой пзвивается рѣка Дубъ, окаймленная справа виноградниками, а слѣва крутыми утесами; съ одной стороны, надъ рѣкою возвышается крѣпость Брежилль, съ другой длинная стѣна безансонской цитадели.

Молодая чета въѣхала въ городъ уже при наступленіи ночи; барабаны и кларнеты возвѣщали часъ покоя, солдаты входили въ казармы, купцы запирали свои лавки; свѣтскіе люди возвращались съ прогулки. Вся эта суета, и самый видъ торговаго и военнаго города удивляли, почти пугали неопытную Франциску, и когда мужъ ея нанялъ комнату въ гостиницѣ, она съ радостію впорхнула въ нее, какъ испуганная птичка.

Съ ранняго утра, Иосифъ былъ уже на ногахъ.—Пойдемъ, Франциска, говорилъ онъ, пойдемъ, надо навѣстить Стефана, и постараться уговорить его пріѣхать въ Сейнь.

Франциска собиралась не долго. Чтобы приличнѣе явить-

ся въ большій свѣтъ, она надѣла на себя всѣ свои лучшие наряды: ситцевое платье, тюлевый чепчикъ, на плечи накинула небольшую шаль, шею обвязала розовой косыночкой; на груди повѣсила золотой крестикъ. Въ этомъ простомъ нарядѣ, который она надѣвала впрочемъ только въ большіе праздники, съ живымъ, свѣжимъ лицомъ, съ небесно-голубыми глазами, исполненными невинности, Франциска была прекрасна.

Супруги отправились къ большой улицѣ, гдѣ Стефанъ заѣмалъ цѣлый домъ. Иосифъ позвонилъ въ колокольчикъ; никто не являлся. Онъ позвонилъ въ другой разъ, гораздо сильнѣе; черезъ нѣсколько минутъ вышелъ слуга, потягиваясь и протирая себѣ глаза.

— Чтó за чортъ звонитъ такъ рано? спросилъ онъ грубо.

— Рано! вскричалъ Иосифъ, да въ это время мы, въ деревнѣ, накопили бы цѣлый стогъ сѣна. Рано! горожане, вѣрно, не знаютъ, когда бываетъ день?... А мнѣ бы нужно повидать господина Стефана Финуа. Скажите ему, что одинъ старый его пріятель, Иосифъ Премонъ изъ деревни Сейнь, спрашиваетъ его.

— Эхъ, почтенный, отвѣчалъ слуга, видно, что ты вовсе не знаешь, какъ живутъ въ городѣ. Баринъ встанетъ не раньше двѣнадцати; а впрочемъ, я и не думаю, чтобы онъ принялъ васъ сегодня, — онъ нездоровъ.

— Нездоровъ! возразилъ Иосифъ съ безпокойствомъ, да вѣрно, онъ не такъ сильно боленъ, и можетъ повидаться съ старымъ товарищемъ; скажите, что я привезъ ему поклонъ отъ матери.

— Боленъ уже около трехъ недѣль, прибавилъ слуга, и докторъ, кажется, очень безпокоится; впрочемъ, я скажу ему, а не знаю, захочетъ ли онъ прійять васъ. Придите часовъ въ одиннадцать.

— Проклятый городъ! проворчалъ Иосифъ, сходя съ лѣстницы; когда насъ навѣщаетъ другъ, такъ мы съ утра, во всякое время, рады принять его, и не прикажемъ слугѣ отослать его назадъ. Эхъ, то ли дѣло жить у насъ въ деревнѣ! Говоря такимъ образомъ, Иосифъ подаль руку Францискѣ, которая, вовсе не зная городскихъ обычаевъ, сильно была поражена этимъ первымъ пріемомъ. Въ ожиданіи назначеннаго часа и для развлечения своей жены, Иосифъ повелъ ее по всѣмъ лучшимъ ули-

цавъ Безансона, показалъ ей казарны, госпиталь, Гранвельскій дворецъ, обширное Шамарское гульбище, соборную церковь Святаго Иоанна и церковь Святаго Петра.

Въ одиннадцатъ часовъ, молодые люди снова подошли къ жилищу Стефана; тотъ же слуга встрѣтилъ ихъ, но уже не поудѣтый, а въ богатой ливреѣ, потому-что дочь разбогатѣвшаго торговца старалась казаться дворянкой и хотѣла всему, что ее окружало, придать аристократическій видъ.

— Я докладывалъ о васъ барину, но только что я произнесъ ваше имя, онъ весь поблѣднѣлъ: Кто вы такіе?

— Да я простой крестьянинъ, какъ видите.

— Простой крестьянинъ, проворчалъ слуга съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: нѣтъ ли у васъ чего поважнѣе мнѣ открыть? Впрочемъ, прибавилъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою, это не мое дѣло; войдите, и подождите минуту въ этой комнатѣ, я доложу господину; онъ все еще очень страдаетъ. Съ этими словами онъ ушелъ.

Иосифъ и Франциска прошли черезъ столовую, уставленную шкафами краснаго дерева, въ которыхъ, сквозь стекляныя дверцы, блистали фарфоровыя вазы и груды серебряныхъ приборовъ. Изъ столовой они вошли въ залу, увѣшанную зеркалами, картинами, набитую, такъ сказать, различными предметами роскоши, которму, за немнѣніемъ истинно пзщнаго, старается блеснуть денежная аристократія, чтобы польстить своему безтолковому чванству.

— Господи, сколько тутъ всякой всячины! какія богатыя вещи! вскричала Франциска, осматривая великолѣпную мебель и обстановку комнаты. Вотъ подумаешь, сколько на свѣтѣ есть бѣдныхъ людей, у которыхъ нѣтъ и куска хлѣба, а другіе....

— Полно, полно, моя милая Франциска, прервалъ ее разсудительный Иосифъ, сквозь золото часто слезы льются. Повѣрь, кто тратитъ деньги на пустяки, а забываетъ бѣдныхъ, того Богъ не милуетъ. Вѣдь у насъ въ деревнѣ нѣтъ ни ковровъ, ни картинъ этакихъ, а всѣ мы, слава Богу! здоровы и веселы, и ни одного пшцаго не прогонимъ со двора....

Вошедшій слуга прервалъ разсужденіе Иосифа и сказалъ имъ, что господинъ Финуа ихъ ожидаетъ. Молодые супруги были

введены въ изящно отдѣланную комнату, въ которой, сквозь зеленныя шелковыя занавѣски, разливался пріятный полусвѣтъ. Стефанъ, блѣдный, изможденный, съ грустнымъ взоромъ, лежалъ на диванѣ, закутавшись въ длинный бархатный халатъ. На столикѣ возлѣ него стояли стклянки и коробочки съ лекарствами. При входѣ Юсифа, онъ сдѣлалъ усиліе приводниться и подаль ему руку:—Ахъ, любезный Юсифъ, сказалъ онъ, какъ я виноватъ передъ тобою! Я забылъ, оставилъ тебя, и не смотря на то, ты столько заботился о моихъ родителяхъ, и теперь еще такъ добръ и великодушенъ ко мнѣ, что рѣшился навѣстить меня. Прости меня, я и безъ того уже жестоко наказанъ.

Потомъ обратившись къ Францискѣ, онъ прибавилъ:

— А это, вѣрно, жена твоя; по ея пріятному и благородному лицу, я узнаю нашу землячку. Да, милый Юсифъ, ты стоишь счастья, и надѣюсь, что ты будешь наслаждаться имъ. Сядьте оба возлѣ меня, чтобы я вволю могъ насмотрѣться на васъ. Ахъ, давно уже я не чувствовалъ въ себѣ такой сердечной пріятности! Открой немного занавѣски, сказалъ онъ, обратясь къ слугѣ, и оставь насъ.

Юсифъ и Франциска сѣли, одинъ по ту, другая по другую сторону дивана; они были въ сильномъ волненіи. Полусвѣтъ комнаты, цѣлая аптека лекарствъ, страданія больного, все это навѣвало на нихъ какую-то грусть, которой они не могли преодолѣть. Стефанъ и Юсифъ съ минуту смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова; они, казалось, припоминали свои прошлые годы. Молодая женщина сидѣла, опустивъ голову; она не могла произвесть ни одного слова и была не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ.

Наконецъ, Юсифъ подвинулся къ своему прежнему товарищу, взялъ его руку и, въ сильномъ волненіи сжавъ ее въ своей рукѣ, сказалъ ему:—Въ такомъ прекрасномъ домѣ, при такомъ богатствѣ, и ты несчастливъ, любезный Стефанъ? У тебя, въ той комнатѣ, сколько серебра, какіе богатые столы, зеркала, шелковая постель,—вѣдь, знаешь, всякой позавидуетъ такому богатству,—и ужели всего этого мало еще для счастья человѣка?

— Ахъ, мой добрый Юсифъ! первалъ большой слабымъ го-

любомъ, за эти столы никогда не садятся съ какими удовольствіемъ, какое чувствуешь ты, когда, проработавши цѣлое утро, въ полдень приходишь домой и саднись хлѣбать свой картофельный супъ, и на этихъ шелковыхъ постеляхъ не спишь такъ спокойно, какъ у васъ въ деревнѣ на пукѣ соломы. Богатство принесло мнѣ только печаль и страданія. Я не могу пользоваться удовольствіями, которыя оно доставляетъ мнѣ, и крайне жалѣю о томъ времени, когда я былъ такимъ, какъ и ты, простымъ, неизвѣстнымъ крестьянникомъ. Одеждъ мой, можетъ-быть, проклялъ меня...

— Ахъ, вѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Иосифъ.

— А онъ имѣлъ полное право сдѣлать это, потому-что я былъ жестокъ, неблагодаренъ передъ нимъ. Ослѣпленный тщеславіемъ, обольщенный обманчивыми призраками богатства, я все принесъ въ жертву страсти обогатиться. И вотъ, теперь я богатъ, а несчастіе, гораздо несчастіе послѣдняго нищаго, который ходитъ отъ одного дома къ другому, чтобы вымолить себѣ кусокъ хлѣба.... Я женился на женщинѣ, которой не любилъ, которой не могъ любить, потому-что она старше меня двадцатью годами, а грубые ея недостатки такъ укоренились съ лѣтами, что нѣтъ никакого средства исправить ихъ. Какой-то странный капризъ влекъ ее ко мнѣ, а золото обольстило меня, и я рѣшился на святотатственный союзъ, противъ котораго сильно возставало мое сердце, и котораго, конечно, не могъ благословить Богъ. Теперь капризъ ея прошелъ, и съ досады, что ей привелось испытать и выказать его передъ друзьями, она какъ будто старается заставить меня искупить своимъ раскаяніемъ ея необдуманную любовь, которую я внушилъ ей. Не проходило дня, чтобы она жестоко не оскорбила меня, или холоднымъ презрѣніемъ, или какою-нибудь грубою насмѣшкою. И все-таки я старался побѣдить ея злость ласками и послушаніемъ. Я не противорѣчилъ ея желаніямъ, уступалъ всѣмъ ея причудамъ; для нея я отказался исполнить просьбу отца, который такъ нѣжно упрашивалъ меня пріѣхать къ нему; для нея я бросилъ мать свою и сестеръ. И моя снисходительность ни сколько не трогала ее; напротивъ еще, она считала это обязанностію съ моей стороны, потому-что извлекала изъи изъ выгоды, говорила она, и оставила въ чужбѣ самыхъ

богатыхъ гражданъ Безансона. Теперь я не имѣю болѣе ни силы, ни волн. Я не живу, а мучусь. Такъ-то небо караетъ меня за неблагодарность къ родителямъ.

Говоря эти слова, Стефанъ склонился головою на подушку и испустилъ изъ стѣсненной груди тяжелый, мучительный вздохъ.

— Не надо такъ крушиться, сказала Юсифъ. Если жена мучить только тебя, и нельзя ни чѣмъ ее исправить, такъ оставь ее, и поѣдемъ къ намъ въ Сейнь. Тамъ ты будешь спокоенъ и найдешь прежнихъ своихъ друзей.

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Стефанъ, пѣсколько разъ уже думалъ; и когда нынче утромъ мнѣ сказали о твоёмъ приходѣ, я тотчасъ же рѣшился сообщить тебѣ о своемъ намѣреніи; но мнѣ нельзя повернуть слишкомъ круто, надо напередъ поговорить съ женою, и приготовить ее мало-по-малу, безъ шума, безъ крика, къ этой разлукѣ.

Въ эту самую минуту, растворилась дверь и вошла госпожа Финуа. Это была женщина лѣтъ пятидесяти; по блѣдному лицу, узкимъ глазамъ и впалымъ щекамъ, можно было судить объ ея сварливомъ характерѣ, отъ котораго столько терпѣлъ несчастный Стефанъ.

— Что это за люди? спросила она скороговоркой, бросивъ презрительный взглядъ на Юсифа и его жену.

— Это мои деревенскіе друзья, отвѣчалъ Стефанъ.

— Хорошо, я велю ихъ покорить въ кухнѣ.

— Въ кухнѣ! вскричалъ съ досадою Стефанъ; мой первый другъ, утѣшитель моего семейства и его милая жена будутъ обѣдать въ кухнѣ! Нѣтъ, сударыня, вы не равняйте ихъ съ своей прислугой; и если Юсифъ вздумаетъ остаться у насъ обѣдать, такъ онъ сядетъ здѣсь, возлѣ меня.

— Фш, какая глупость! отвѣчала госпожа Финуа; я пришла навѣдаться о вашемъ здоровьѣ, и вижу, что сегодня вы очень спокойны; можете, сколько угодно, наслаждаться удовольствіемъ въ кругу вашихъ сейнскихъ знакомыхъ, вашихъ деревенскихъ друзей, я не помѣшаю вамъ, прибавила она съ азвительностію, выходя за дверь.

— Что, Юсифъ? сказала Стефанъ, когда она вышла.

Иосифъ поначалъ головою.

— Да, отвѣчалъ онъ, видно, что она своеправна, и мнѣ кажется, лучше тебѣ ѣхать въ Сейпъ, чѣмъ оставаться здѣсь.

— Я уже рѣшился; только повторяю тебѣ, я не могу вдругъ собраться; ты видишь, я боленъ, и доктора грозятъ мнѣ аневризмомъ. Мнѣ надо посоветоваться съ ними, какую я долженъ буду наблюдать діету въ деревнѣ. Не потрудишься ли ты приѣхать сюда недѣлю черезъ двѣ?

— Изволь, я согласенъ. Телѣжка-то у меня хоть и не совсѣмъ удобна, да Сѣрко славная лошадь. Можно положиться на него, гдѣ нужно, онъ пойдетъ шагомъ, а гдѣ дорога лучше, онъ и рысцою побѣжитъ. На случай, коли тебѣ будетъ тяжело, мы положимъ въ телѣжку пару подушекъ да одеяло, а за остальное я отвѣчаю.

— По рукамъ, мой добрый Иосифъ, я надѣюсь на тебя, и будь увѣренъ, съ этой минуты, ты снова найдешь во мнѣ вѣрнаго и вѣрнаго друга.

— Ну, что объ этомъ толковать, что было, то прошло, какъ у насъ говорятъ. А теперь пока прощай, пора отправляться въ дорогу; надо скорѣе увѣдомить твою матушку, что ты приѣдешь. То-то она обрадуется этой вѣсточкѣ, славная женщина!

— Какъ! ты уже думаешь отправляться, а ничего не закусилъ и не выпилъ даже рюмки вина!

— Ничего мнѣ не надо; я видѣлъ тебя и дѣло кончено; мы сегодня хотимъ добраться до дому, такъ, чтобы не запоздать, нужно пораньше выѣхать. Прощай, любезный Стефанъ, потерпи, черезъ двѣ недѣли я буду здѣсь, и увѣрю тебя, ты снова весело заживешь. Ну, Франциска, прощайся съ нашимъ другомъ, да и поидежь.

Франциска, взволнованная разсказомъ больного и появленіемъ госпожи Финуа, молча встала и подошла къ Стефану, который почтительно поцѣловалъ ее въ лобъ. Затѣмъ Иосифъ, взявъ за руку свою жену, вышелъ изъ комнаты, утирая кулакомъ выкатившуюся слезу.

— Что ты теперь думаешь о счастьи богачей? спросилъ Иосифъ Франциску, когда они удалились отъ дому Стефана.

— Чай, не всё же богатые такъ несчастны, какъ господинъ Финуа, отвѣчала молодая женщина. Но, кажется, мнѣ еще никогда такъ не вправилась наша сейнская ферма и наши поля, какъ теперь.

VI.

Въ назначенный день, Иосифъ, вѣрный своему слову, былъ уже въ Безансонѣ. Болѣзнь Стефана еще болѣе усилилась; доктора, всё единогласно соглашались, что горный воздухъ могъ бы произвести спасительное дѣйствіе на здоровье Стефана, опасались только, чтобы дальнее путешествіе въ добавокъ не разстроило его. Но Стефанъ настоялъ на отъѣздѣ.

— Все устроилось, какъ нельзя лучше, сказалъ онъ Иосифу, жена согласилась разойтись со мною, и вчера отправилась въ деревню, чтобы предоставить мнѣ полную свободу. Если я буду медлить отъѣздомъ, она можетъ переимѣнить намѣреніе, возвратиться сюда, и тогда снова пойдетъ кутерьма; а я уже не въ состояніи болѣе переносить ея капризы. Отправивши же скорѣе, пока ничто не мѣшаетъ.

— Отправимся, отвѣчалъ Иосифъ; мы поѣдемъ тихонько, и тебя не будетъ беспокоить тряска.

— Поѣдемъ черезъ Понтарлье, если тебѣ не будетъ большаго труда сдѣлать этотъ кругъ; мнѣ хочется еще разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я провелъ счастливые годы, сказалъ Стефанъ.

— Пожалуй, и черезъ Понтарлье.

Съ этими словами, Иосифъ взялъ одною рукою своего друга и свелъ, или лучше снесъ его съ лѣстницы, потому-что Стефанъ былъ такъ слабъ, что едва могъ ходить. Иосифъ усадилъ его въ свою телѣжку, обложилъ подушками, закрылъ одѣяломъ, и отправился въ дорогу.

Путешествіе было медленно и скучно. Иосифъ большею частию шелъ возлѣ лошади, чтобы она не перемѣняла шага; гдѣ.

дорога была слишком выбита колесами, онъ бралъ лошадей за узду и выводилъ ее на гладкое мѣсто, чтобы не растрести больного. Иногда онъ садился возлѣ Стефана и старался воодушевить его, представлялъ ему спокойную деревенскую жизнь, выхвалялъ здоровый воздухъ горъ, ободрялъ его ласковымъ приѣмомъ, какой сдѣлаютъ ему и родные и всѣ знакомые. Стефанъ слушалъ его съ поникшею головою, съ растерзаннымъ сердцемъ, и отвѣчалъ на его слова только печальною улыбкою. Его положеніе, звуки голоса, выраженіе глазъ, все показывало въ немъ человѣка убитаго глубокою горестью; Иосифъ иногда съ ужасомъ смотрѣлъ на него и быстро отворачивался, чтобы скрыть свои слезы.

Къ ночи, наши друзья прибыли въ Понтарье. Стефанъ ожилъ при видѣ этого города, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ своего дѣтства, и просилъ Иосифа остановиться въ гостиницѣ Пильо, гдѣ отецъ его обѣдалъ съ нимъ каждый разъ, когда прїѣзжалъ къ нему во время его ученья въ здѣшней школѣ.

Стефана вынесли изъ тележки и положили въ постель; ничто не было забыто, чтобы доставить ему спокойный ночлегъ; на ночь приставили къ нему служанку, потому-что всѣхъ ужасала его блѣдность и слабость. На утро, Стефанъ вдругъ почувствовалъ себя гораздо лучше; онъ всталъ съ постели самъ собою, позвалъ Иосифа и просилъ его тотчасъ же отправиться въ дорогу. Тотъ съ радости отъ такой быстрой и незапойной перемѣны, бросился скорѣе въ конюшню запрягать своего Сѣрка.

Но едва они доѣхали до деревеньки Арсонъ, какъ бѣдный Стефанъ снова упалъ на подушки; тѣло его ослабло, члены вытянулись, одна только мысль его сохранила еще остатокъ жизни, и онъ напрягалъ послѣднія силы, чтобы напомнить себѣ и Иосифу, терпѣливо слушавшему его, о дорогомъ мипушменѣ.

— Вотъ, говорилъ онъ, деревенька Арсонъ, съ своей пѣнистой рѣкою и шумящими мельницами; я останавливался въ ней каждый разъ, когда ѣхалъ домой на каникулы.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Вотъ кожевенный заводъ почтеннаго Пурше, который не даромъ прожилъ вѣкъ и не мало сдѣлалъ добра бѣднымъ людямъ нашего кантона. Онъ помогалъ нуждающимся работникамъ, и никто, кому была нужда, не уходилъ отъ него безъ

-денегъ, а онъ и слышать не хотѣлъ ни о роспискахъ, ни о процентахъ.

— Вотъ, говорилъ Стефанъ, продолжая свой путь и съ радостію собирая въ своемъ умѣ всѣ пріятныя воспоминанія юношескихъ лѣтъ, вотъ Монбенау, съ своею старинною, прекрасною церковью, и замокъ генерала Морана, одного изъ знаменитѣйшихъ воиновъ имперіи; вотъ Виль-дю-Понъ и живописный утесъ Эле.

— Не говори, не говори, прерывалъ его Юсифъ, это измучитъ тебя; вѣдь ты знаешь, докторъ велѣлъ тебѣ беречь грудь и больше молчать.

Но Стефанъ былъ глухъ къ словамъ своего друга и продолжалъ по-прежнему указывать на тѣ мѣста, черезъ которыя проѣзжали, и воскрешать въ своемъ умѣ тѣ воспоминанія, которыя были связаны съ ними.

— Ахъ, вскричалъ онъ, вотъ деревня Гранконбъ, гдѣ такъ часто мы гуляли и бѣгали съ тобою, Юсифъ, когда были дѣтьми. Скоро увидимъ и Сейнь. Боже мой, пошли мнѣ силу доѣхать туда.

Прознося эти слова, Стефанъ положилъ руку на сердце, какъ бы хотѣлъ отыскать въ немъ послѣднія силы. Юсифъ слушалъ своего друга и съ болѣзненнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на него; потому-что легко было замѣтить, что живость его разговора происходила отъ напряженнаго воодушевленія, и здоровье его было въ самомъ плохомъ состояніи.

Послѣ изліянія своего сердца, больной упалъ на подушки, но черезъ нѣсколько времени, онъ быстро привсталъ, какъ будто возбужденный сильнымъ токомъ электричества:

— Стой, стой, мой любезный Юсифъ, вскричалъ онъ, видишь ли ты долину, что открывается тамъ, передо мною, еловый лѣсъ, и при опушкѣ лѣса церковь, дома, видишь ли, направо, въ какомъ-то туманѣ?...

— Это Сейнь, прошепталъ Юсифъ, который видѣлъ туманъ только въ помутившихся глазахъ своего друга.

— Сейнь! Ахъ моя милая родина я забылъ тебя! мои несчастные родители! Дай руку, руку, Юсифъ, гдѣ я, я ничего не вижу.... дай руку.... ахъ, я чувствую ее!... благодарю, благо-

дарю тебя.... да благословить тебя Богъ.... добрый мой Иосифъ.... бѣдная моя матушка....

И голосъ его замеръ на пониженныхъ устахъ, двѣ крупныя слезы выступили на закрытыхъ рѣсницахъ. Испуганный Иосифъ вскочилъ на тележку, взялъ его къ себѣ на руки и старался привести въ чувство; но всѣ усилія были напрасны: Стефанъ уже не существовалъ.

=

Науки и Художества.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛАПЛАНДІЮ.

Адалъверта де-Бомона.

Послѣ довольно продолжительнаго путешествія по Даніи и Швеціи, я пріѣхалъ, около 15 іюня, въ Торнео. Городъ этотъ находится у Ботническаго залива, при устьѣ рѣки Торнео. Онъ былъ построенъ въ 1602 году, по приказанію Карла IX, перваго шведскаго короля, который посѣтилъ тамошній край, съ цѣлю полюбоваться любопытнымъ зрѣлищемъ незаходящаго солнца.

Торнео былъ прежде столицею шведской Лапландіи, а съ 1815 года, когда Финляндія и половина Лапландіи перешли во власть Россіи, Торнео сдѣлался главнымъ городомъ Лапландіи Русской.

На берегу шведскомъ, напротивъ города Торнео, воздвигается новый городъ, *Гапаренда*. Онъ состоитъ только изъ двадцати разсѣянныхъ домовъ, и составляетъ какъ бы предмѣстіе, отдѣленное теперь отъ главнаго города разностью правительствъ.

Я остановился въ Гапарендѣ, въ самомъ лучшемъ домѣ, чтобы нѣсколько дней отдохнуть и собрать силы для дальнѣйшихъ разъѣздовъ, которые особенно затрудняются болотами, водопадами, порогами и мошками, больно кусающимися. Послѣднія составляютъ истинную язву земли лапландской.

Здѣшніе купцы довольно богаты товарами, и у нихъ можно найти все, что нужно, по части одежды и съѣстныхъ припасовъ, для путешествія во внутреннія страны. Правда, что тамъ центръ торговли Лапландіи и Финляндіи со Швеціей; тамъ, въ продолженіе зимы, бывають большія ярмарки, на которыя лапландцы пріѣзжаютъ изъ глубины ледяныхъ своихъ пустынь, для размѣна оленьихъ кожъ, мяса, сухой рыбы и мѣховъ черныхъ, желтыхъ и голубыхъ лисецъ, на табакъ, водку, шерсть, и охотничьи припасы; однимъ словомъ, на произведенія просвѣщенныхъ странъ, которыхъ недостаетъ на ихъ родинѣ, гдѣ климатъ не позволяетъ жителямъ заниматься другой промышленностію, кромѣ охоты и рыбной ловли. Этотъ маленкій городъ, уединенный въ полярныхъ странахъ, составляетъ послѣднюю границу просвѣщеннаго свѣта. Торнео состоитъ изъ восьмидесяти деревянныхъ домовъ; въ немъ восемь-сотъ жителей. Считаютъ отсюда до Стокгольма двѣсти четырнадцать миль, а до Парижа шесть-сотъ. Находясь подъ 21-мъ градусомъ 52 мин. долготы и 65-мъ градусомъ 59 мин. сѣверной широты, Гапаренда и Торнео составляютъ самые сѣверные города въ Европѣ.

Изъ Гапаренды можно обозрѣть наилучшимъ образомъ мѣстность удивительной страны, гдѣ находится Торнео. Представьте себѣ широкую рѣку, текущую по ложу безъ береговъ: ея тишина и прозрачность тѣмъ болѣе удивляютъ, что слышишь сильный шумъ ея водъ, и не понимаешь, отъ чего онъ происходитъ. Но если вы подниметесь нѣсколько миль по рѣкѣ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ она течетъ между живописныхъ горъ темно-фіолетоваго цвѣта, тогда вы узнаете причину ея шума, увидѣвъ и услышавъ вблизи пороги и водопады, возмущающіе ея теченіе.

Посреди рѣки, на маленкомъ островѣ Свентзаръ, который раздѣляетъ ее на два рукава, возвышается городъ Торнео; почти всѣ дома его выкрашены красной краской. Среди нихъ видна церковь съ остроковечнымъ шпиромъ. Видъ города, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою, очень оригиналенъ. Солнце, которое въ это время года закатывается на мигъ за горизонтъ, проливаетъ на этотъ ландшафтъ блѣдный цвѣтъ, придающій

ому удивительную прелесть. Осенью, напротивъ того, и въ продолженіе зимы, дня не бываетъ въ здѣшнихъ странахъ; но въ зимѣ его, на небѣ появляются сальныя, сѣверныя сіянія, которыя несколько замѣняютъ свѣтъ солнца. Одинъ древній шведскій авторъ говоритъ:

«Въ Торнео видны волны свѣта, то желтыя, то бѣлыя, то сіяющія тысячу цвѣтовъ. Онѣ образуютъ надъ здѣшнимъ сѣвернымъ краемъ такую блестящую радугу, какой самое пылкое воображеніе создать не можетъ.»

Эти полярныя освѣщенія убавляютъ мрачность ночей, столь продолжительныхъ, но не уменьшаютъ ужасной жестокости зимы. Здѣсь, каждое семейство остается въ своемъ углу, у огня, въ домѣ своемъ, старательно запертомъ и изобильно снабженномъ собственныи припасами и дровами на шесть или на семь мѣсяцовъ. Въ этихъ одностаяныхъ домахъ замѣчательна заботливость объ удобствѣ домашней жизни; это необходимо посреди природы, гдѣ въ такое продолжительное время морозный воздухъ почти нестерпимъ для дыханія. Но неволѣ должно распорядиться такимъ образомъ, чтобъ можно было жить, не выходя изъ дому. Въ домахъ самыхъ простыхъ жителей, найдешь, сверхъ хозяйственной посуды и разныхъ орудій для домашнихъ надѣлій, скрипки, гитары, даже часто фортепьяно. Финны любятъ музыку страстно, и не рѣдко вдругъ являются композиторы изъ класса людей самыхъ бѣдныхъ, безъ всякаго первоначальнаго образованія.

Съ ноября мѣсяца, льды и снѣга болѣе не таютъ, и только лишь въ маѣ, къ десятому или пятнадцатому числамъ, начинаются дожди и вскрываются рѣки; тогда вершины нѣкоторыхъ горъ, черныя и мрачныя, появляются изъ-подъ льдовъ, которые медленно таютъ отъ лучей солнца. Но, подъ этимъ холоднымъ невономъ, лишь только зайдетъ солнце, холодъ снова воцаряется, такъ что, съ утра до вечера, ртуть въ термометрѣ проходитъ почти такое же пространство, какъ въ нашихъ странахъ со времени самыхъ сильныхъ жаровъ до самыхъ большихъ холодовъ. Въ январѣ 1840, термометръ Реомюра, который, въ замѣчательную зиму 1709 въ Парижѣ, опустился до 14 градусовъ, — что было необыкновеннымъ случаемъ, — упалъ здѣсь, почти до 40 градусовъ. Въ такое время, выйти изъ дому, какъ разъ можно отпорозить себѣ носъ. Въ продолженіе этихъ ужасныхъ зимнихъ холодовъ, глаза не могутъ сносить отраженія свѣта отъ

снѣга, не смотря на темноту, убавляющую яркость снѣжной бѣлизны. Путешественники одѣваются въ шубу, съ головы до ногъ, и надѣваютъ шанку, которая покрываетъ ихъ до плечъ; она имѣетъ два отверстія, въ которыя вставлены стекла изъ очковъ; безъ этой предусмотрительности можно потерять глаза.

Сильная жажда мучитъ здѣсь, какъ и въ степяхъ жаркаго пояса, и такъ какъ воды невозможно достать по причинѣ льда, который толщиной до восемнадцати футовъ, то принуждены бываютъ брать съ собою довольно большое количество водки; это единственный напитокъ, который, неся за пазухой, можно сохранить отъ замерзанія. Но часто случается, что когда поднесешь ко рту флажку, губы прилипаютъ къ ней, такъ что, оторвавъ ихъ, оставляешь часть кожи на флажкѣ.

Стекла окошекъ трескаются, если они не закрыты ставнями; и если голой рукой дотрогиваешься до желѣзныхъ или жестяныхъ наружныхъ ручекъ дверей, чувствуешь какъ будто обжогъ, какъ отъ раскаленнаго желѣза. Отворяете на минуту дверь, тотчасъ снаружи пахнетъ холодъ и превратитъ теплый комнатный воздухъ въ снѣгъ, который падаетъ вамъ на голову, какъ бы подъ открытымъ небомъ. Къ счастью, атмосфера тамъ почти всегда тиха; но когда поднимется вѣтръ, холодъ дѣлается нестерпимъ, и тѣ, которые выходятъ тогда на воздухъ, часто погибаютъ въ нѣсколько минутъ.

Виргилій, въ своихъ Георгикахъ, оставилъ намъ описаніе подобнаго холода, но какъ онъ не бываетъ такъ силенъ въ широтахъ имъ описанныхъ, ясно, что онъ только служилъ эхомъ преданій сѣвера.

18 іюня, я оставилъ Торнео, чтобы обозрѣть Лапландію; здѣсь всякая дорога прекращается и начинается пустыня; здѣсь нѣтъ другаго пути, кромѣ теченія рѣкъ. Рѣка Торнео, сначала, раздѣляется большими островами на нѣсколько рукавовъ, потомъ все эти рукава сливаются въ одинъ обширный бассейнъ, поверхность котораго, тихая и прозрачная, представляетъ водчественный видъ.

На берегу разбросано нѣсколько хижинъ; небо, украшенное отбѣжками, неизвѣстными въ нашихъ странахъ, придаетъ меланхоличю этимъ мѣстамъ. Здѣсь водятся во множествѣ морскія птицы, которыя предпочитаютъ мѣста дикія и для нихъ пріятныя. Все маленькіе мысы, кажется, оживлены присутствіемъ птицъ, ихъ населяющихъ. Поднимаясь по рѣкѣ, вскорѣ входилъ въ область

водопадовъ, шумъ которыхъ слышенъ на большомъ разстояніи. Эти водопады впрочемъ образовались не отъ неожиданнаго измѣненія ложа рѣки, какъ, на-примѣръ, водопадъ Ниагарскій.

Пороги, встречающіеся въ рѣкахъ Лапландіи, суть длинныя покатости, которыя простираются иногда версты на три, и по которымъ сбѣгаетъ стремительно огромная масса воды гигантскихъ потоковъ. Подняться по этимъ порогамъ одно лишь средство: это облегчить лодки, и тянуть ихъ бичевою, то посреди рѣки, то между подводныхъ скалъ. Два или три лодочника ихъ тянутъ бичевою, идучи по берегу, въ то время какъ другіе, сидя въ нихъ, съ помощію длинныхъ шестовъ, служащихъ имъ рычагами, дѣлаютъ невѣроятныя усилія, чтобъ побѣдить сопротивленіе теченія, и обойти скалы.

Финны высоки ростомъ, сильны и красивы; когда они рѣшаются выйти изъ того состоянія равнодушія, въ которое ихъ повергаетъ климатъ страны, они могутъ лучше, чѣмъ другіе, выдержать самую сильную усталость. Они по справедливости славятся искусными лодочниками; и гондольеры венеціанскіе, лодки которыхъ имѣютъ нѣкоторое сходство съ финскими, не имѣютъ столько пріятности въ движеніяхъ, и столько ловкости, какъ Финны. Они даже смѣлы до безразсудности, особливо можно судить объ ихъ смѣлости при спускѣ лодки по быстрннѣ рѣкѣ. Лодки, въ родѣ байдаръ, узки, длинноваты, и къ тому же имѣютъ носъ остроконечный, высоко поднятый, чтобы разрѣзывать волны. Длинной онѣ отъ воснанадцати до двадцати футовъ, а въ ширину до трехъ; работы простой, но прочной, и удивительно быстры на ходу. Онѣ плаваютъ безбоязненно и скользятъ въ проходахъ самыхъ опасныхъ; однимъ словомъ спускаются и поднимаются по водоворотамъ не хуже рыбы.

Пройдя водопадъ Каттила, гдѣ находятся столбы, поставленныя тому сто лѣтъ ученой комиссіей, чтобы означить границу полярнаго круга, доѣзжаешь до большаго каскада *Ленъ-Паика*, что означаетъ, почти слово въ слово, каскадъ старика-потока. Это одинъ изъ самыхъ длинныхъ, самыхъ быстрыхъ, и самыхъ красивыхъ по тѣмъ видамъ, которые проѣзжаешь. Рѣка здѣсь перемѣнила названіе; вмѣсто Ториео, она называется *Муонто-Ельв*.

На высокихъ парапетахъ краснаго гранита, который окружаетъ рѣку, возвышаются густые лѣса березъ и другихъ деревьевъ. Слонъ гранита, по которымъ скользятъ эта гигантская масса воды,

предоставляет намъ одну минуту нерешности гитана, которая образуетъ наследы и умасные ведапды.

Прежде тѣхъ-то нещроотно быстрыхъ погововъ меленкиа лодки свачуть по волнамъ, теряютъ нѣтъ глазь, которые за ними слѣдятъ, зарываются въ волны, какъ будто поглощенныя и утонувшия, и появляются снова. Плывающая байдара по этой обширной рѣкѣ кажется не болѣе соломенки, которую увлекаетъ теченіе потока. Кто же можетъ имѣть ловкость, силу и отважность управлять ладьями промежъ тысячи скалъ? Одинъ лишь житель сосѣдней деревни: Имя его Карлъ Ринна.

Онъ стоитъ на кормѣ, управляя небольшимъ весломъ, служащимъ ему вмѣсто руля. Глаза его устремлены на предлежащій путь; у него одна лишь мысль, обойти скалы то видимыя, то подводныя, объ которыя, при малѣйшей неловкости, ладья разбилась бы какъ стекло. За то взглядъ его удивительно вѣреть, и по выраженію его блестящихъ зрачковъ, легко угадываешь грозящую опасность. Я никогда не видалъ ничего замѣчательнѣе его энергическихъ тѣлодвиженій, его выразительныхъ глазъ и одушевленной физиономіи; потому что въ эту минуту дѣло идетъ о жизни или смерти, и быстрота воды такъ сильна, что надо обдумывать скоро и безошибочно.

За то, когда я видѣлъ его въ дѣйствіи, несмотря на видимую опасность, я не чувствовалъ ни малѣйшей болзни, и наслаждался удовольствіемъ наблюдать его. Направляя сперва свою лодку, прямо на скалу, сильнымъ и искуснымъ ударомъ весла, вдругъ въ ту минуту, какъ она до нея уже почти достигла, онъ поворачиваетъ направо или налѣво, чтобы войти въ теченіе. Въ продолженіе этого стремленія, не чувствуешь ни малѣйшаго колебанія, какъ будто одна лишь рѣка течетъ, а вы стоите на одной точкѣ ея поверхности. Такимъ образомъ проплываешь мимо въ три или въ четыре минуты. Пройдавъ этотъ страшный переходъ, въ которомъ впечатлѣніа ужаса сдѣлывались съ чувствомъ невыразимаго удовольствія, я пошелъ на возвышенную скалу, чтобы снѣтъ видѣть въ то время, какъ Карлъ отправляетъ вкатъ нашу лодку съ кладей. Онъ векорѣ появился посреди бунующихъ волнъ, и курды спокойно своемъ трубку, чтобы показать, какъ онъ былъ спокоенъ и увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Волосы его развѣвались по вѣтру, и руки были голы. Его бодрый, одушевленный видъ, выразившій увѣренность въ силѣ

и. наконецъ, казалось, повозиться: трясина: сунули. Вдоль
 Лана: Немецъ: тайно: шептеть: своей: смелости, что: он: переидъ
 этот: плахоты: стрее: дорожю; жибъ, кому: необходимо: выйти: по: этой
 орабъ, обращается: къ: Карлу: Ринну; для: него: это: сказать
 вѣрными: до: слухомъ. Въ: Лапланди, скоро: он: уиѣтъ: управитъ: лю-
 ками: посреди: быстринъ, есть: талантъ, даюшій: тому, что: онъ
 обладаетъ, ту: сладу, то: превосходство, каковы: поманутся: самый
 сильный: сръдокъ: въ: духа: въ: Швейцариц, или: бойкй: преддоруъ
 къ: Андалузи.

Было: видно, когда: мы: прѣехали: въ: маленькую: деревню: Муо-
 мионни, состоящую: изъ: двѣнадцати: деревянныхъ: жилищъ: и: лю-
 дой: церкви. Это: почти: послѣдняя: деревенька: въ: Лапланди.

Возвративъ: свое: платье, отсырѣвшее: отъ: брызговъ: водопадовъ,
 я: вышелъ: въ: чудовской: долины, гдѣ: я: остановился, чтобы: идти
 осмотрѣть: окрестности, и: взглянуть: на: прекрасную: окрестность,
 въ: которой: находится: эта: деревня.

Я: дошелъ: до: берега: рѣки: въ: тихой: меланхоли, которая
 возбуждается: всегда: свѣтлою: ночью, и: расположился: на: вершинѣ
 плоской: возвышенности, гдѣ: возвышается: деревенская: церковь.
 Оттуда, открывался: обширное: срълище, во: всей: величе-
 ственной: красотѣ: при: полумножкѣ: солнца.

Прямо, разстилается: обширный: бассейнъ, образуемый: рѣ-
 кою: Муонио. Острова, покрытые: зеленью, расположенные
 полукружьемъ, придаютъ: удивительный: видъ: этому: ландшафту; по-
 томъ, на: другомъ: берегу, возвышается: гора: фиолетоваго: цвѣта;
 это: гора: Палаасъ, которая: находится: на: послѣднемъ: планѣ: пер-
 спективы. Было: одиннадцать: часовъ; это: пора: ночи: и: почти: по-
 обыкновенной: солнце: во: всемъ: своемъ: величьи: разливало: свѣтъ,
 безъ: теплоты: и: безъ: лучей, по: зеркалу: воды, которое: его: отра-
 жало: свѣтить: небеснымъ: свѣдомъ. Маленькия: лапландскія: коро-
 вы, благо: имъ: страво: цвѣта, лежали: на: травѣ, съ: открытыми
 глазами, и: казлось: перестали: щипать: траву, чтобы: полюбовать-
 ся: солнцемъ; которое, въ: этотъ: часъ, не: утомляетъ: болѣе: глазъ
 свѣтъ, привыкшихъ: къ: такимъ: длиннымъ: ночамъ. Холмы, покры-
 тые: лѣсами, мрачно: рисовались: на: небѣ, и: такъ: чисто: отража-
 лись: въ: водѣ, какъ: будто: были: тамъ: созданы: самимъ: природою.
 Наконецъ: въ: полночь: солнце, казлось, остановилось: на: несколько
 минутъ: надъ: цѣлою: горю, и: тогда: все: свѣто: исчезло; оно: шло
 огненный: цвѣтъ; пурпуровыя: полосы, предвѣщая: утреннюю: за-

рю, проливали блѣдно-розовый свѣтъ на весь этотъ ландшафтъ. Мало по малу огромныя массы черныхъ тучъ собрались со всѣхъ сторонъ, затмѣвая нѣстами небосклонъ, какъ будто для того, чтобы придать болѣе блеску освѣщеннымъ сторонамъ. Можно бы сказать, что то было свѣтлое полнолуние, освѣщенное блескомъ заходящаго солнца.

Тогда воцарилась глубокая тишина; настала вечерняя прохлада; ни одинъ листъ не шелохнулся; не было слышно ни малѣйшаго шума, ни даже полѣта птицы. Все на землѣ дремало; въ первый разъ я видѣлъ, какъ сумерки и заря слились гармонически; это былъ день, долженствующій продлиться нѣсколько мѣсяцевъ.

На другой день мы продолжали нашу дорогу, то посреди водонадовъ, то пѣшкомъ, по зыбкимъ болотамъ, и всегда посреди облаковъ этихъ столь ужасныхъ мошекъ, что надо надѣвать маски, для предохраненія себя отъ ихъ укушенія. Мы запаслись нѣкотораго рода мѣшкомъ изъ газа, натянутого на проволоку, который закрывалъ всю голову. Кромѣ того, мы не снимали съ рукъ перчатокъ, и, несмотря на то, эти мошки кое-гдѣ, между швовъ, находили довольно пространства, чтобы пропустить свое жало, и когда ихъ сгоняли, на перчаткѣ оставались слѣды крови. Чтобы ѣсть спокойно, необходимо нужно зажечь мохъ и сѣсть подъ дымомъ: это одно средство ихъ разогнать.

Финны, которые живутъ по берегамъ, покрываютъ иногда лицо и руки толстымъ слоемъ смолы; эти мiриады безчисленныхъ насѣкомыхъ, которыхъ называютъ *алькапара*, прививаютъ вамъ нервическую лихорадку, которая оканчивается иногда бредомъ; въ этомъ состоитъ конечно самая большая опасность подобнаго путешествія. Большая часть тѣхъ, которые предпринимаютъ его въ это время года, отказываются отъ него спустя нѣсколько дней; и Лапландцы сами, нисколько не изнѣженные, уѣзжаютъ на три мѣсяца, съ своими стадами оленей, на берега Ледовитаго моря, чтобы укрыться отъ преслѣдованій этихъ опасныхъ насѣкомыхъ.

Мы миновали Карразувандо, центръ Лапландіи, не встрѣтивъ ни одного Лапландца; вѣроятно, они уѣхали не задолго передъ тѣмъ, потому-что каждый день мы находили слѣды ихъ стоянокъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать дорогу къ Кантокейно, уже опи-

оанное путешественникомъ Асерби, мы рѣшились направить путь нашъ гвѣе, подымаясь по рѣкѣ *Комарно*, которая выходитъ изъ озеръ *Келлотти-Лерои*, *Нуумана*, *Кивииери* и *Киллисъ-Ауре*; потомъ переѣхать цѣпь скандинавскихъ Альповъ черезъ ущелье *Лана*, и пробраться наконецъ до залива *Линьенъ*, чтобы оттуда, берегами Ледовитаго моря ѣхать до Сѣвернаго мыса. Эта сторона Лапландіи, менѣе плоская, чѣмъ другая, по ея географическому положенію, представляетъ болѣе пріятныя виды, но особенно насъ привлекала новость дороги, совершенно неизвѣстной до сихъ поръ.

Здѣсь страна совершенно измѣнила свой видъ; нѣтъ болѣе жилищъ, все такъ пустынно; здѣсь видны только пространства, покрытыя бѣлымъ мхомъ, и едва поднимающимися надъ землею деревьями; въ ныхъ мѣстахъ, онѣ составляютъ не проходимыя трущобы, или необъятныя равнины, покрытыя стоячей водой, изъ которой мѣстами выглядываютъ островки зелени, или голыя скалы; на послѣдніе часто прилетаютъ отдыхать исландскіе фазаны. Подобныя картины природы безизвѣстны въ другихъ странахъ. Синешейка, прекрасная маленькая птичка, которая вьетъ гнѣздо въ ивовыхъ кустарникахъ; красный синигирь, котораго по розовымъ перьямъ можно было бы принять за птицу скорѣе жаркихъ странъ, чѣмъ полярныхъ; воробей ланландскій, арктическій голубь, неисчислимыя стаи черныхъ утокъ съ розовыми лапками, зеленыя утки съ оранжевыми носами, и тысячи птицъ другихъ родовъ, оживляютъ эти озера, населенныя также огромными лососями, щуками и бобрами, гораздо болѣе уважаемыми, чѣмъ Американскіе. Плыва по этимъ тихимъ, сонливымъ и почти застывшимъ отъ холода водамъ, въ одиннадцать часовъ, когда чувствовалась уже свѣжесть ночи, въ лодкѣ всѣ засыпали, кромѣ трехъ или четырехъ лодочниковъ, которые, изъ опасенія заснуть, пѣли попеременно тихимъ, заунывнымъ голосомъ, стансы новаго размѣра. Модуляція пѣнія была очень оригинальна, какъ будто вдохнутая тишиной неба и воды, мрачностью мѣстности и утомительнымъ трудомъ. Не слыхавъ, нельзя себѣ вообразить этого неправильнаго пѣнія, этой мечты, которая какъ будто навѣвалась съ другаго міра, и растрогивала до слезъ.

Наконецъ, послѣ многихъ дней плаванія по тихимъ водамъ, озерамъ и водоротамъ, имѣя вмѣсто постели одну лишь оленью

кожу на сырой земле, летает только утки и гусыни, перелетных мы убываю, а для промачиванія употребляют рѣчную воду и морскую, единственный плодъ, который находятъ въ этой безплодной странѣ, и который находятъ на землянику, стебелъ и цвѣтокъ, на малину андонъ, а вкусомъ не походятъ ни на что, потому что не имѣютъ никакого; вселѣ веткъ, а такъ лихихъ и утомленій, мы удаляемъ на берегахъ озера Нуммаца, два шалама, надъ которыми поднимаются столбы дыма. Въ нихъ жило лапландское семейство съ стадомъ оленей, и занималось рыбной ловлей. Коты или лапландскіе шалама, вышиной отъ шести до семи футовъ, и шириной около пятнадцати, строятся изъ стволовъ березъ, и покрываются вѣтвями деревъ, мохомъ и кусками холста; они имѣютъ видъ конуса, вершина котораго открыта и выпускаетъ дымъ. Эти коты очень небольшого пространства, однако въ нихъ помѣщаются многочисленныя семейства.

Необходимость, въ которой Лапландцы находятъ мѣнять мѣсто своего пребыванія всякой разъ, когда мхи, которые служатъ пищею для оленей, всѣ съѣдены, или когда рыбная ловля истощилась, эта необходимость объясняетъ, почему хижины Лапландцевъ строятся такъ дурно и неудобно; Лапландцы строятъ свои жилища на скорую руку, и оставляютъ ихъ безъ сожалѣнія. Нужа заставляетъ ихъ быть кочующими.

Лапландцы обыкновенно коренасты, смуглы и имѣютъ характеръ племени монгольскаго, отъ котораго они, кажется, и происходятъ. Вѣроятно, въ наше время азиатскихъ народовъ на Европу, они удалились въ эти пустыни, гдѣ и искали жизни болѣе покойной, чѣмъ пріятной.

Ихъ одежда, изъ бѣлой или сѣдой шерсти, разукрашена вышивками, и красными, желтыми и зелеными нашивками.

Они любятъ яркіе цвѣта, стеклянныя и разныя другія украшенія. Исполнее платье такой же матеріи, какъ и верхнее, стянуто тесемками на обуви изъ оленьей кожи; они носятъ волосы довольно длинныя, и часто трудно различить мужчинъ отъ женщинъ; такъ они сходны лицами и нарядомъ. Они огрубѣли отъ суровости климата, уединенія и нищеты, въ которой живутъ; вообще они очень дурны собой; къ тому же, порокъ пьянства, занесенный торговыми людьми, которые даютъ имъ въ изобиліи водку, чтобы отъ нихъ получить безъ труда драгоценныя мѣха и стада оленей, губитъ ихъ, и подвергаетъ ихъ

опасности болящих. Однакожъ, я встрѣчаясь нездѣшныя людей прѣтвой лѣтностью, съ выраженіемъ кротости, молникообразности.

Чѣмъ болѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе чувствовался холодъ; не смотря на ярко-блѣзшее солнце, снѣгъ покрывалъ еще мѣстами берега озеръ. Плавутичьи лѣды мѣшали плаванію, и не смотря, что былъ уже июль, ни что здѣсь не предвѣщало весны. На этой вышинѣ, на полюсѣ, вся зелень исчезла, и крошечныя, искривленныя деревья, были еще обнажены, какъ среди зимы. Каждую минуту, мы видѣли недавніе слѣды перехода Лапландцевъ и ихъ стада къ Ледовитому морю:

Мы находились при входѣ въ большое озеро *Кильяисъ-Юуръ*, окруженное со всѣхъ сторонъ, исключая одной, высокою цѣпью скандинавскихъ горъ. Тамъ, нашъ главный путеводаитель отказался идти далѣе, потому-что, говорилъ онъ, тогда было время таянія, когда всѣ потоки, устремляясь съ горъ, были въ самомъ большомъ разливѣ, и когда было очень опасно пуститься среди этихъ лавинъ, по неизвѣстной дорогѣ, которую онъ совершилъ только одинъ разъ.

Однакожъ, при помощи денегъ, мы ему прѣдали храбрости, и за двойную плату, онъ рѣшился сопровождать насъ.

Показавшись уселеній, мы вошли наконецъ въ доисторическую утробу *Ильмиссисъ-Басейтъ*, который, въ это время года, была почти совсѣмъ еще замрзлымъ. Эта долина, гдѣ происходила нѣкая исторія превращеній горъ, есть общій резервуаръ всѣхъ ослѣдственныхъ бурь и морщинъ. Остроконечности и ихъ вѣтви, и цѣпки, которыми эти украшаютъ своей близкой, какъ бы указываютъ отсюда беретомъ стволы воды. Это озеро, пустынныя берега его, гудитъ лѣдныя рѣзавыя цѣты, которыя безпрерывно возмущаются на его поверхности; окружающія озеро гранитныя крутивыя скалы, совершенно обнаженныя, разстреканились; это остроконечная скала, называемая *Паррозъ*, столь правильная которая возмущается надъ лѣдъ, наконецъ, вся дѣлность этой величавой пустыни, приводитъ въ восхищеніе и въ удивленіе. Все это выше всякаго сравненія, потому-что нигдѣ мои глаза не видали подобнаго зрѣніща.

Однакожъ, мы вышли, по удивному, каналу, между двумя ледяными стѣнами, каналъ стуждался все болѣе и болѣе, и груды

льда, подвигаясь со всѣхъ сторонъ, преграждали дальнѣйшій путь. Отъ сильнаго жара безпрестанно обрывались большія громады, которыя низвергались съ ужаснымъ трескомъ. Мы были посреди морозовъ, подъ пылавшимъ небомъ. Необходимость заставить насъ оставить лодки, и положить нашу цюкляу на ледъ. Тогда, узнавъ что толпа Лапландцевъ со своими оленями и со своими санями стояла въ сосѣднемъ проходѣ, съ четверть версты оттуда, мы послали наскоро одного изъ нашихъ людей, просить у нихъ помощи, чтобы переѣхать безъ затрудненій эту огромную ледяную равнину. Намъ необходимо было сберечь всѣ наши силы, чтобы перейти цѣпь горъ, вышиной отъ шести до семи тысячъ футовъ, которая отдѣляла насъ отъ Ледовитаго моря.

Они скоро пріѣхали, и мы тотчасъ же отправились, одинъ пѣшкомъ, другіе въ этихъ полу-лодкахъ, которыя служатъ вмѣсто савей и называются по Лапландски *пюльке*.

Этотъ способъ путешествія очень неудобенъ; нужна большая привычка, чтобы сидѣть въ этихъ земноводныхъ каретахъ, построенныхъ для льда и снѣга, потому-что отъ остроконечнаго ихъ кила, удивительной легкости и быстроты, съ которой олень везетъ ихъ не разбирая дорогъ, они вертятся то направо, то на лѣво, а иногда и опрокидываются. Для избѣжанія этой опасности, ѣздокъ вооружается маленькой палкой съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которою удерживается, чтобы прійти въ равновѣсіе и не вывалиться изъ савей. Олени одарены удивительною быстротой; когда они везутъ одного только человека, по гладкому и твердому снѣгу, то летятъ какъ птицы. Они легко пробѣгаютъ шесть миль въ часъ, и могутъ бѣгать такимъ образомъ въ теченіе семи или восьми часовъ сряду. У Лапландцевъ есть очень поэтическое выраженіе, чтобы означать пространство, которое олень пробѣгаетъ безъ отдыха: онъ можетъ въ одинъ день, говорятъ они, мѣнять три раза горизонтъ, то-есть, три раза соединить наибольшее пространство, какое человѣческой глазъ въ состояніи обхватить.

Лапландцы, на своихъ длинныхъ лыжахъ неслися по льду почти такъ же скоро, какъ и мы.

Проѣхавши первое озеро, мы спустились на второе; берега его казались еще отдаленнѣе, отъ тумана, который носился надъ льдомъ. Наконецъ, послѣ пятнадцати часовъ ѣзды, по ровной ледяной поверхности озера *Кильнисъ-Юре*, мы достигли его оконеч-

ности. Это мѣсто находится подъ семидесятымъ градусомъ сѣверной широты.

Послѣ вкуснаго обѣда, мы начали подниматься по бѣлымъ, покрытымъ льдомъ горамъ, которыя возвышались передъ нами. Нашъ проводникъ направилъ путь на пикъ Паррасъ, который сѣю возвышается искривленнымъ конусомъ надъ всеми другими пиками. О томъ, сколько мы перенесли усталости и трудовъ, чтобы взобраться на эту вышину, было бы слишкомъ долго рассказывать. Довольно будетъ сказать, что мы должны были перебраться черезъ десять или двѣнадцать стремительныхъ потоковъ, погружаясь въ мерзлую воду до пояса; что въ продолженіе всего времени нашъ путь лежалъ по рыхлому снѣгу или глубокому болоту, и насъ преслѣдовали и кусали несносные насѣкомыя, которыя отъ непогоды дѣлались еще злѣе. Наконецъ, послѣ многихъ трудовъ, мы достигли ущелья Лапа, котораго четыреугольныя, правильныя стѣны имѣютъ величественный видъ. Была тогда полночь, и солнце, разукрасивъ золотомъ и пурпуромъ эти скалы и эти лавины, придавало еще болѣе великолѣпія этой картинѣ. Послѣ минутнаго отдыха, мы добрались до послѣдней площадки горы, и оттуда, какъ будто на днѣ бездны, увидѣли Ледовитое море, походящее въ этомъ разстояніи на дно колодца. Это было начало мыса Линьель, къ которому мы направили шествіе наше.

По первымъ скатамъ, покрытымъ снѣгомъ, мы скользили съ удивительной быстротой; потомъ они исчезли, и скоро показались ихи, стелющіеся по землѣ растенія, которыя замѣнились потомъ роскошными произрастеніями, давно уже нами не встрѣчаемыми. Высокіе и пушистые папоротники, душистый дягельникъ, котораго Лапландцы ищутъ съ такимъ сильнымъ желаніемъ; большіе колокольчики темно краснаго цвѣта, и желтыя незабудки украшали эту роскошную долину, которая, при выходѣ изъ пустыни Лапландіи, намъ показалась совершеннымъ эдемомъ.

Пройдя ольховый и ясневый лѣсъ, и потоки безмѣрной высоты, гдѣ мы подвергались опасностямъ, мы прибыли на берегъ залива, истомленные усталостью. Пройди сорокъ миль, посреди болотъ, снѣговъ, потоковъ и горъ, безъ сна и пищи, при нападкахъ всякаго рода, это было сверхъ силъ, и мы упали утомленные въ лодку, которая должна была насъ довести до осѣдлаго жилища.

Лежа, на вѣтяхъ, на налубѣ лодки, качаемой лишь движеніемъ весель, — такъ море было тихо, — я любовался огненнымъ небомъ, какъ оно бываетъ при полуденномъ солнцѣ; съ каждой стороны поднимались огромныя стѣны, покрытыя блестящими льдами и дивными каскадами. Все это представлялось новыя глазами, какъ диворація, которую иногда видишь во снѣ; но истеченіе нѣсколькихъ часовъ, лодка причалила къ берегу небольшого залива, на зеленѣющихъ берегахъ котораго красовалась прекрасная вилла, окруженная рощами и цвѣтами. Насъ принялъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, одѣтый щеголевато; онъ намъ представилъ свою жену и своихъ дѣтей. Онъ пригласилъ насъ къ столу, который отличался парижскою роскошью: хрусталь, серебро, фарфоръ, бѣлыя саксонское, вина бордоскія, шампанское и мадера, вкусныя кушанья и сласти: это было настоящее наслажденіе! Послѣ обѣда, дочери хозяйна сѣли за фортепьяно; подали чай, и потомъ меня проводили въ прекрасную комнату, гдѣ я не замедлилъ лечь спать. Постель состояла изъ одного тюфяка, сдѣланнаго изъ мягкаго птичьяго пуха. Этотъ пухъ, заключенный въ мѣшокъ изъ тонкой водостойкой, служитъ во одно время одѣяломъ и тюфякомъ; въ него погружаешься какъ въ воду, и волны пуха вѣсь покрываютъ до головы. Неопытная вѣшь въ этихъ ледяныхъ широтахъ!

Послѣ столькихъ бѣдствій, найти вдругъ такую роскошь, такое изобиліе и благосостояніе, было такъ поразительно, что я бредилъ всю ночь о волшебныхъ замкахъ и чудесахъ, идею о которыхъ пробудили во мнѣ это удивительное мѣстоположеніе, и этотъ неожиданный пріемъ. Впоследствии я узналъ, что на этихъ берегахъ мѣстами имѣютъ пристанища норвежскіе negociанты, которые обогащаются торговлею мѣхомъ, сухою рыбою, ловлею китовъ, тюленей и птицъ. Нѣкоторыя способности, развитыя воспитаніемъ, при помощи денегъ и торговыхъ сношеній, имъ даютъ полную власть надъ бѣдными и рѣдкими жителями этихъ странъ, которые служатъ и ходятъ на лодку и охоту, за то, что имъ даютъ немного табаку и водки.

Проведя два дня въ покоѣ и изобиліи, мы продолжали путь къ Северному мысу, останавливаясь у ледяныхъ теребовъ, которые находятся на этихъ пустынныхъ берегахъ. Эти узкіе заливы, защищенные огромными скалами, видою также прекрасныя какъ и цвѣтомъ, суть любимыя мѣста птицъ и рыбъ.

Бакланъ, лебедь, пингвины, утки и птицы другихъ родовъ, дѣлаютъ свои гнѣзда въ разщелинахъ этихъ развалинъ волшебныхъ палатъ, тогда какъ тюлени, киты, акулы, нерпы и осетры, находя въ глубинѣ водъ спокойное убѣжище, собираются здѣсь стадами. Каждую минуту, мы видѣли фонтаны китовъ и кашелотовъ, и ихъ черныя спины, служащія насѣстомъ всѣмъ морскимъ птицамъ, которыя знаютъ, что китъ выходитъ только на поверхность воды тогда лишь, когда онъ гоняется за стаями селедокъ, сардинокъ или макрелей.

Мы оставались три дня въ Гаммерфестѣ, маленькомъ городкѣ, состоящемъ изъ тридцати или сорока домовъ, недавно выстроенныхъ. Онъ находится близъ Сѣвернаго мыса, и есть послѣднее обитаемое мѣсто въ арктическихъ странахъ. Послѣ тягостной борьбы, потому-что вѣтеръ здѣсь почти всегда противный и несетъ лодки на опасныя скалы, мы прибыли къ Сѣверному мысу.

Эта оконечность земли, состоитъ изъ трехъ или четырехъ пиковъ, разтреснувшихся скалъ, величественнаго вида. Мы причалили къ небольшому мысу, и раскинувъ палатки подъ навѣсомъ скалъ, оторванныхъ отъ этихъ стѣнъ, пробирались посреди настоящего хаоса, чтобы добраться до вершины горы. Скоро представилось намъ узкое ущелье; потомъ, держась лѣвѣе, мы шли по крутымъ берегамъ скалъ, распавшихся на подобіе воронки, на днѣ которой лежитъ маленькое озеро въ мертвомъ спокойствіи. Нѣсколько искривленныхъ ивъ, исландскіе мхи разнаго рода и мнѳозотисъ, этотъ нѣжный цвѣтокъ воспоминаній, растутъ одни лишь на этихъ замерзшихъ берегахъ. Оттуда пробираясь вдоль потока, который снабжаетъ этотъ бассейнъ, мы достигли до террасъ, покрывающихъ вершину скалъ.

Ужасный вѣтеръ царствуетъ постоянно на этихъ печальныхъ морскихъ берегахъ; которые покрыты густыми туманами; чтобы не заблудиться или не упасть въ пропасть, мы должны были возвратиться по прежней дорогѣ.

Многіе описывали лапландскія тундры; но кто не бывалъ въ этой ужасной пустынѣ, тотъ не можетъ имѣть объ нихъ настоящаго понятія. Въ пустыняхъ Африки, страдаешь отъ жажды, сгораешь отъ солнца; но иногда находишь кое-гдѣ оазисъ, по временамъ встрѣчаешь караваны, и можно еще жить и дышать въ палаткѣ. Но здѣсь, ничего, ничего кромѣ вѣтра, камней и

тумана. Жизнь отсюда изгнана, и нигдѣ лучше нельзя понять
конецъ міра, землю безъ жителей и безъ твореній. При такой
картинѣ, душа объята печалью и уныніемъ.

=

Критика и Библиография.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОМПЕН, съ монографіею *Везувія и очеркомъ Геркуланума*, съ планами и пояснительными гравюрами. Соч. В. Классовскаго. С. Петербургъ. 1848 г. Въ французской типографіи, въ 8 д. стр. 258.

Былъ народъ, который, расцвѣтши окончательнымъ днѣтомъ — мировымъ вѣнцомъ — древняго челоѣчества, разсвернувшись въ единогласіи надъ міромъ въ законецъ, сошедши съ лица земли, остался какъ бы живъ для потомства въ своемъ универсальномъ завѣщаніи міру, т. е. въ своемъ водвигѣ политическомъ, въ своихъ пандектахъ, въ своихъ художествахъ, въ своемъ вѣчномъ Римѣ. Не слабостью мелкихъ умовъ человѣческихъ, но утѣшительнымъ знаменьемъ тяжести природы этихъ же мелкихъ умовъ съ наимъ-любъ великимъ челоѣкомъ, представляется то обстоятельство, что малѣйшая, изъ великому челоѣку относящаяся бездѣлица такъ живо насъ интересуетъ: въ этомъ чувствѣ выражается наше уваженіе къ величію, уваженіе, ставящее насъ самихъ воль уровню этого величія. Разумно, или еще болѣе, должны мы интересоваться пѣдымъ великимъ народомъ — величайшимъ, когда-либо существовавшимъ; доискиваться, въ исторіи его, всѣхъ сохраненныхъ его мелочей житейскихъ, дабы и въ мелочахъ послѣдывать духу народа. Исторія, въ этомъ отношеніи, сохраняетъ немногое для потомства; ежедневный бытъ, мелочная жизнь людскихъ поколѣній вивѣтъ съ ними, почти безъ сама, погибають; но

немногимъ, случайно сохранившимся даянымъ, не воспроизведешь своимъ воображеніемъ этой домашней, будничной жизни минувшихъ временъ, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и подробностяхъ, такъ чтобы мы постигали животрепещущую существованность ея. Но именно въ этомъ самомъ отношеніи, только единжды въ теченіи и въ предѣлахъ исторіи, управлявшая древнимъ міромъ судьба, для такого исключительнаго народа, какой были Римляне, сдѣлала рѣзкое исключеніе, да и въ самую замѣчательную эпоху: въ двухлѣтнее царствованіе Тита, въ то самое царствованіе, въ тотъ же годъ, когда освященъ былъ грандіознѣйшій памятникъ римской гражданственности—*Колизей*—въ то же время скваченъ былъ врасплохъ и спрятанъ въ лоно земли значительный образецъ мелочной жизни римской, со всѣми ея особенностями, и явленъ потомству черезъ семнадцать вѣковъ, во всей животрепещущей существованности. Предметъ, ознаменованный всемірнымъ интересомъ, и потому всякая книга о Помпѣяхъ, о древне-римскомъ городѣ въ XIX вѣкѣ, найдетъ наше любопытство. Многие изъ нашихъ посѣтили Помпею; но весьма немногіе говорили о ней печатно: тѣмъ неожиданнѣе было появленіе книги съ вышеозначеннымъ названіемъ. Разсмотримъ съ любовью это систематическое описаніе Помпеи, снабженное огромнымъ количествомъ гравированныхъ и пятидесятью гравюрами, къ нему относящимися—что всего ширше для тѣхъ, кто не былъ въ Помпѣяхъ. Да и мы, бывшіе тамъ, съ удовольствіемъ смотримъ на эти гравюры, возбуждающія живое нашу память.

Подобный трудъ есть, въ сущности своей—коммаллія, ибо непременно долженъ состояться изъ трудовъ тѣхъ ученыхъ, которые писали первые о Помпѣяхъ и о новыя въ ней открытіяхъ. Поэтому, авторъ нашъ далъ своей системѣ большой просторъ, чтобы было гдѣ разгулять и собственную ученость свою. Первая глава содержитъ краткія историко-географическія свѣдѣнія о древней Кампаніи, въ связи съ исторіею Помпеи. На страницѣ 3 сказано: «Въ *Ноль* (выписка: небольшой городъ на желѣзной дорогѣ изъ Неапуа въ Неаполь; отстоятъ отъ послѣдняго почти на 20 верстѣ) умеръ великій Августъ, съ страшнымъ признаніемъ, что онъ не царствовалъ, а игралъ трагико-комедію!» Мы принялись за разборъ книги съ лучшимъ мнѣніемъ о классической учености г-на Классовскаго, и потому насъ ошеломила такая фраза объ Августѣ! Ниже, никогда же

называлъ его великимъ, потому-что онъ не былъ великъ, а только уменъ; и всегда и никому не признавался Августъ, что онъ не царствовалъ, а игралъ траги-комедію. Въ предисловіи, обещая, авторъ извиняется въ многочисленности ссылокъ на книги, уверяя, что это не происходитъ отъ тщеславнаго изобрѣненія бласловитъ начетанностью. Извиненіе совершенно излишнее: книги вслѣдствіи у итальянскихъ ученыхъ, и здѣсь извиненіе начетанности не достаетъ! Вся фраза объ Августѣ написана по доверной слышавшій. Здѣсь именно нужна бы была ссылка на Саскони, который вотъ какъ рассказываетъ о досадной минутѣ Августа: § XCIX. «Онъ потребовалъ зеркала, и началъ драть свои волосы, чтобы скрыть худобу лица и, допустивъ, опять своихъ друзей, спросилъ: находятъ ли они, что онъ дорого сыгралъ свою житейскую роль? (Et admissos amicos perguntatus: esquid iis videretur *mitum* vitae commode transigisse?)» Митусъ былъ, у Римлянъ, монодрама, т. е. пьеса, въ которой дѣйствовалъ одинъ только актеръ. Потомъ Августъ приложилъ, на греческомъ языкѣ, формулу, заключающую театральную пьесу: «Если вы довольны, то аплодируйте актеру!» Гдѣ же тутъ признаніе, что онъ не царствовалъ, а игралъ траги-комедію? Всякій властитель, всякій человекъ играетъ роль въ жизни; ужель это значить, что онъ не царствуетъ, не дѣлаетъ, а играетъ траги-комедію? Мы увѣрены, что авторъ задумывалъ эту ошибку у итальянскаго учителя.

На страницѣ 6 находимъ еще значительнѣйшій промахъ, проистекающій, вѣроятно, также отъ итальянской цитаты. «Помпея объявлена муниципальнымъ городомъ и постоянно пользуется своимъ собственнымъ уставомъ, даже послѣ присоединенія къ ней Августомъ новой военной колоніи, названной по его имени Colonia Augusta felix. Самъ Октавій, еще до побѣды надъ Антоніемъ, посѣтилъ жившихъ въ Помпепъ М. Филлипа и Цицерона, который рассказываетъ въ письмѣ къ Аттику (Lib. XII, ep. 50) о хлопотахъ и шумѣ, причиненныхъ прибытіемъ триумвера въ провинціальное уединеніе» и проч.

Самая несчастная цитата (или, правильнѣе: цитатъ) ибо въ ней (или въ немъ) нѣтъ ни одного слова правды! Могъ ли триумфиръ Октавій посѣтить Цицерона на виллѣ его, когда уже до триумвирата не было Октавія, а былъ Октавіанъ Цезарь; когда Цицеронъ содѣлался одною изъ первыхъ жертвъ этого триумви-

срага, заключеннаго подъ Болодьєю. Триумвиръ Октавій съ тѣмъ же вѣдалъ Цицерона; убито на Фортіанской дачѣ своей. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыхъ мы рѣшительно не прощаемъ. Конечно, память чловѣка слаба, *errore humanitate*; но есть факты историческіе, которыхъ никакъ не перепутаемъ: никогда не скажешь по ошибкѣ, что Помпей омолодилъ Цезаря на Фортіанскихъ поляхъ; Карлъ XII Пѣтра Великаго подъ Новгородомъ! Для чего было нашему почтенному автору называть въ своихъ ученыхъ цитатахъ, яко бы отличающихъ тщательное намѣреніе блеснуть начитанностью? Какая тутъ начитанность? Очевидно, что эти ошибочныя цитаты заимствованы у итальянцевъ, которые уже ввели въ заблужденіе А. Н. Муравьева; въ Баіахъ, касательно этого же триумвирата, о чемъ мы говорили въ двухъ нашихъ рецензіяхъ на «Римскія письма» г-на Муравьева. Отчего вы, господа, вѣрите этимъ цитатамъ? Я имъ никогда не вѣрю на слово; всегда справляюсь съ подлинникомъ и не рѣдко нахожу, что грѣбо ошибаются ученые. Совѣтую и вамъ не вѣрить; а между тѣмъ представлю г-ну Классовскому, въ чемъ состоитъ его ошибка. Не Октавій, или Октавіанъ, въ такое время, когда уже не было на свѣтѣ Цицерона, но самъ Юлій Цезарь, на сатурналіяхъ, гостилъ у Цицерона, не *ex Помпей*, а на *Путеоланскій дачѣ* — и Цицеронъ довольно юмористически описываетъ это угощеніе въ письмѣ къ Аттику — не *Lib. XII, ep. 50* — какъ говоритъ г-нъ Классовскій, а *Lib. XIII, ep. 52*. Вы, можетъ быть, думаете, что мнѣ легко было уличить васъ въ этой ошибкѣ? Нѣтъ!. Я живу не въ самомъ Петербургѣ, а за городомъ, на своей дачѣ, по-крайней-мѣрѣ верстахъ въ семи отъ центра города. Мнѣ посылають вѣдугу для критическаго разбора. Встрѣдѣвъ огромную ошибку, я принужденъ ѣхать въ Петербургъ, въ книжную лавку, и тамъ читать всѣ письма Цицерона къ Аттику, чтобы уличить васъ въ ошибкѣ... Извините же, послѣ этого, если критика моя бываетъ иногда желчная: досадно тратить по пустому полдня, отъ того, что ваши цитаты невѣрны. Кстати упомянемъ здѣсь и о третьемъ промахѣ: на страницѣ 51 сказано, что *Клодію, убійцѣ Милона*, покупка дома обошлась въ 14,800,000 сестерцій, (750,892 руб. сер.) Милонъ и Клодій два столь извѣстныхъ лица въ римской исторіи, по своимъ безчинствамъ, въ послѣдніе годы республики, по своимъ отношеніямъ къ Цицерону — одинъ по дружескому, дру-

гой во враждебному — что не следовало бы смешивать убийцу съ убиеннымъ: не Клодій убилъ Милона, а Милонъ Клодія! Автору нашему, часто цитующему латинскихъ классиковъ, должно быть известно, что одна изъ лучшихъ рѣчей знаменитаго оратора: *pro Milone*, посвящена этой кровопролитной стычкѣ, которую, въ письмахъ своихъ, называетъ онъ битвою при Бодиллахъ, означая число письма годовщиною ея. Поэтому слышать, что Клодій убилъ Милона — то же самое, что Авелъ убилъ Карна!

Въ третьей главѣ своего систематическаго описанія, авторъ приступаетъ наконецъ къ архитектурѣ помпейскихъ домовъ и расположенію въ нихъ комнатъ.

Когда нашли засыпанную Помпею, когда принялись подымать ея торжественно на лицо земли, тогда любители древности одушевлялись многими, донынѣ не сбывшимися ожиданіями... между прочимъ надѣялись приобрѣсть въ этой могилѣ не дошедшія до насъ сокровища эллинской, — и навѣрное — римской литературы, потерянные книги Тацита, Саллюстія, Тита-Ливія! Только одно было достоверно: что мы увидимъ на лицо эллино-римскую архитектуру обывательскихъ жилищъ римскихъ, не довольно ясную для насъ въ сочиненіи Витрувія. Авторъ нашъ говоритъ (стр. 51): «Такъ какъ при текстѣ (Витрувія) нѣтъ ни плановъ, ни чертежей, то онъ долго казался темнымъ и сбивчивымъ отъ различія выводовъ, извлекаемыхъ оттуда комментаторами. Но со времени открытія Помпей эти разногласія исчезли, и теперь, уже Витрувій есть вѣрный руководитель въ развалинахъ ея; она же, въ свою очередь, подсыпаетъ римскую архитектуру и подтверждаетъ показанія «царя древнихъ архитекторовъ.»

Авторъ нашъ продолжаетъ: «Всѣ дома въ Помпеѣ представляютъ одинъ и тотъ же характеръ сваружи и одинаковое распределеніе комнатъ внутри, различаясь между собою только величиною и незначительными частностями, сообразными со вкусомъ и средствами хозяина. Можно подумать, что Помпейцы строились по единообразному плану, предписанному *камере и разъ на всегда городскимъ начальствомъ*. (!)» Нѣтъ, не городскимъ начальствомъ, а изящнымъ вкусомъ, какъ вы узнаете ниже. — «Входы въ домъ бываетъ нѣсколько; одни ведутъ въ лавки, встрѣчаемыя почти въ каждомъ жилищѣ, какъ бы оно ни было великолѣпно!» (Нѣтъ! не имѣлось лавокъ въ саа

di. Fauno, въ томъ домѣ, гдѣ находится чудная мозаическая картина сраженія Александра Великаго съ Даріемъ—одни вѣдутъ въ лавки, другіе въ его внутренность. Большею частью эти входы снабжены по обѣ стороны столбаи съ лѣпными каменными, изображающими цѣлты, вѣнцы, змѣей, или какую-нибудь фигуру; напримѣръ Вакхановъ, Геркулеса, который держитъ въ одной рукѣ булаву, въ другой держитъ арматуръ и т. п. Стѣны снаружы и внутри покрыты стукомъ, плотнымъ, какъ камень, и расписаны яркими красками, преимущественно красною.

«Главная и общая принадлежность каждаго зашитаго дома та, что онъ раздѣленъ на двѣ половины: на *переднюю, публичную*, или гостиную, и заднюю, или боковую, гдѣ помѣщался самъ хозяинъ съ семействомъ и прислугою. Въ первой, кромѣ маленькаго крытаго перехода, или корридора (*prothugum*), соединяющаго передній дворъ (*atrium*) съ улицей, находится: *приѣмная* (*tablinum*), *крыльцо* (*alae*), *корридоры* (*fauces*), нѣсколько проходныхъ комнатъ, *столовая* и проч.: Вторая, т. е. *хозяйская* половина содержитъ въ себѣ: *внутренній дворъ* съ *перистилемъ*, отъ котораго онъ и получилъ названіе; *спальни*, (*cubicula*), *столовая* (*triclina*), *залу* (*oecus*), картинную галерею (*pinacotheca*), библиотеку, бани, цѣлѣбники (*xysta*), *кладовыя* и проч.»

Все это очень хорошо, но не даетъ тому, кто не былъ въ Помпеѣ, никакого яснаго понятія объ эллино-римской архитектурѣ; почтенный авторъ нашъ изъ-за множества подробностей не замѣчаетъ главнаго, изъ-за множества деревьевъ не видитъ *лѣса*, какъ говорятъ Нѣмцы (*er sieht den Wald vor lauter Bäumen nicht*)! Это общій недостатокъ всѣхъ систематическихъ описателей: они пускаются въ путь *аналитическій*, не указавъ сперва читателю *синтетической точки зрѣнія*! Безъ этой нити Ариадвиной онъ просто терлется въ лабиринтъ нашего описанія. Ужели г-на Классовскаго не поразило то, что поражаетъ каждаго изъ насъ, въ Помпеѣ: основная — высоко изящная — идея древней архитектуры: при самомъ входѣ въ домъ раскидывать передъ нами все его протяженіе, такъ, что съ порога взоръ нашъ свободно измѣряетъ пространныя атриумы и перистилли дома до конца. Въ простотѣ этого величественнаго эффекта узнаешь античное, для новѣйшихъ недостижимое искусство. Видно, что авторъ нашъ, озабоченный своею системою, не

испытать этот будничественный эссей, когда о нем не уда-
 мают в право приступать къ частностям. Имѣющійся въ
 VI главѣ планъ дома Пансы должно бы было приложить здѣсь,
 въ началѣ III главы и, по этому плану подробно, по нумеро-
 ваннымъ комнатамъ описывая *одну* домъ помпейскій, дать
 общее помяте о всѣхъ прочихъ древнихъ жилищахъ. Еще бы
 лучше было вмѣсто дома Пансы, избрать домъ Фавна — *са-
 діе* Каино — это настоящій представитель помпейскихъ до-
 мовъ по своему отличному изяществу, по первенствующей
 огромности своего заднего дорического перистилля, поддержива-
 сшаго сорока-четырьмя колоннами. Помытлся, я оставившая
 въ *протирумъ* (переднемъ проходѣ) этого дома, восхищенный
 перспективою на тотъ дорическій перистилль. Поймите хорошенъ-
 ко, въ подобныя моменты, умственное величіе древнихъ, и
 посять того, вамъ покажется занимательною и мелкость плъ-
 снѣдневнаго быта, мелкость комнатъ въ помпейскихъ домахъ
 и прочее: все въ жизни мелко, кромѣ идеи искусства, и вели-
 кое душою возвысительное въ тѣнотѣ житейской. Минутъ пять
 или больше простоялъ я въ протирумѣ, хотя и зналъ, что тотъ-
 часъ за перегородку — юническіи — перистиллемъ ожидаетъ ме-
 ня знаменитая мозаичная картина Александровой битвы. Уже
 одна эта картина должна бы была рѣшить выборъ дома; но
 домъ, какъ сказано выше, имѣть и другія на то права. Что
 же побудило нашего автора предпочесть домъ Пансы? Соеди-
 жение ли, что, такъ какъ Помпея была преимущественно городъ
 торговый, то надобно избрать тотъ домъ, въ которомъ оказа-
 лось такое множество *лавокъ*, хотя онъ и былъ домомъ *эджла*?
 Соединение это было бы вѣрно, если бы дѣло шло о самой
 Помпеи. Но Помпея важна для насъ, или всего важнѣе — толь-
 ко въ отношеніи къ домашнему быту Римлянъ, какъ единствен-
 ный образецъ домовой архитектуры римской, и потому слѣ-
 довало бы избрать тотъ домъ, въ которомъ открылось болѣе
 великолѣпія, изящества, чистаго вкуса античнаго — и не ока-
 залось ни лавки, ни пекарни! Но между тѣмъ очень вѣроятно,
 по множеству амфоръ, найденныхъ въ атриумахъ и перистил-
 ляхъ, что в домъ Фавна принадлежалъ промышленнику, торго-
 ваву винами! До этого намъ уже нѣтъ дѣла, когда амфоры
 вынесены вонъ; когда орнаменты и мозаики, относящіяся къ
 Бахусу, могутъ быть растолкованы какъ любимыя символы
 муниципальнаго Месената-гуляки; когда превосходная бронза-

ван! статуя Фавна, найденная на краю Коммалювиума; и другая картина Александровой сестры, другія мозаики и вообще издѣланная роскошь этого дома изобличаютъ что-то истинно жемчужное въ купеческомъ хованнѣ есе. Или для нашего автора легче было достать планъ дома Памсы, чѣмъ дома Фавна? Не думаю! Сей послѣдній домъ открытъ въ 1832 году; я видѣлъ его въ 38 году и встрѣтился тамъ съ Англичаниномъ, имѣвшимъ въ рукѣ прекрасный планъ того дома, планъ, который мы тщательно повѣрили на мѣстѣ и нашли очень вѣрнымъ.

Гораздо интереснѣе общаго, но довольно предметнаго описанія помпейскихъ частныхъ домовъ — второе отдѣленіе этой же III главы: лавки и магазины (tabernae). Здѣсь авторъ нашъ могъ воспользоваться превосходными, по точности, изслѣдованіями архитектора Маэуа (Maurois, Ruines de Pomprii). «Помпей — говоритъ авторъ нашъ — по своему приморскому положенію и предпринимчивому духу жителей, владела весьма значительную внутреннюю и вѣнскую торговлю, и потому понятно, что въ этомъ городѣ открываются множество разнаго рода лавокъ: рѣдкій домъ не окруженъ ими со всѣхъ наружныхъ фасадовъ и, кромѣ того, въ частяхъ города наиболѣе посѣщаемыхъ, онѣ сосредоточены въ одно мѣсто, какъ у насъ въ гостинномъ дворѣ. По внутреннему устройству, всякій разъ показывающему родъ производившейся тамъ торговли, помпейскія лавки можно раздѣлить на восемь постоянныхъ разрядовъ. (стр. 66.)

1. «Лавки, состоящія изъ одной только комнаты, раздѣленной съ остальнымъ жильемъ. Онѣ — проходныя, если помѣщены въ углу зданія, и входъ въ нихъ всегда шире обыкновеннаго, т. е. ведущаго въ помѣщеніе домохозяевъ. Эти входы запирались двойнѣ слѣдующимъ образомъ: въ шпореѣ и арителокѣ на одной общей линіи вырѣзаны фальцы, въ которые задвигались доски, утверждаемыя изнутри деревяннымъ запоромъ, всунутымъ въ желѣзныя уши, и сверхъ того еще затворалась настоящая дверь, навѣшенная тутъ же на петляхъ.

2. «Лавка, сходная съ предыдущими, но имѣющая сообщеніе съ двумя или тремя другими комнатами того же этажа, или верхняго, посредствомъ лѣстницы.

3. «Лавки, состоящія изъ одной, двухъ или трехъ комнатъ, постоянно снабженныхъ каменнымъ кубическимъ возвышеніемъ, въ видѣ рундука, которое служило прилавкомъ и вмѣстѣ съ глиняныхъ горшковъ (dolia).

«Необично коротка, всё вытѣ, подчъ рукою, вытѣ для справокъ, и потому только спрашиваю: точно ли эти узкіе глянцые горшки назывались *доліями*? *doliata*, сколько мнѣ навѣстно, означало у Римлян *бочку*, по-крайней-мѣрѣ порядочный боленокъ — *doliata vitaeum*. У Цицерона находимъ выраженіе: *de doliobifera* — дитя изъ бочки, т. е. вино молодое, еще не разлитое по амфорахъ, легенямъ и кадусамъ (бутылкамъ). Но есть уменьшительное: *doliolum*. Плиній говоритъ: *doliolum floris* — чаша, чашечка; эта мѣра значительно меньшая: такъ эти узкіе глянцые горшки назывались, быть-можетъ — *доліолами*!»

4. «Въ этомъ прилавкѣ устроена печь, устьемъ обращенная внутрь лавки.

5. «Каменный прилавокъ утвержденъ посреди комнаты, а печь устроена въ углу, отдѣльно отъ него.

6. «Выше упомянутый прилавокъ помѣщенъ у самаго входа.

7. «Глянцые горшки, или *доліи*, одни вмазаны наглухо въ прилавокъ, другіе размѣщены вдоль стѣвъ, образуя родъ закладки.

8. «Лавки, имѣющія сходство съ которою-нибудь изъ вышеприведенныхъ, не постоянно снабженныя ходомъ во внутренность дома; таковыя не отдавались въ заемъ, а оставляемы были для собственнаго употребленія домохозяевъ.

«Всѣ лавки, въ которыхъ встрѣчается *кубическое возвышеніе съ горшками*, вмазанными надъ сводомъ тутъ же устроенной печи, были, по мнѣнію Мазуа, *термополіи* (*thermopolia*), т. е. мѣсто продажи теплаго вина, вѣчто въ родѣ нашихъ кофеенъ. Впрочемъ, множество подобныхъ лавокъ, находимыхъ въ Помпѣѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ назначеніе было разнообразно, нежели думаетъ знаменитый французскій антикварій. Чѣмъ, наиримѣръ, доказать, что въ *доліяхъ* подогревалось только вино, а не варили кушаньевъ, и не приготовлялись какіе-нибудь составы лекарственныя, или красильныя? Только результаты будущихъ отысканій объяснятъ со временемъ эти вопросы. Художественность же стѣннкой живописи и щеголеватость мраморныхъ прилавокъ и печей, на которыя указываетъ Мазуа, едва ли достаточны для утвержденія за ними названія *термополіевъ* (*thermopolis*!) а не простыхъ харчевенъ (*popinae*.) Кому не навѣстно, что страсть къ украшеніямъ и изящному убранству комнатъ простаралась у древнихъ на самыя обыкновенныя ихъ домашнія утвари? Даже кухонныя кастрюли и котлы, ситки и

формы для парижанаго, перевезенныя изъ Геркуланума в Помпеи въ неаполитанскій королевскій музей, отдѣланы съ окончательностью и рѣдкимъ совершенствомъ.»

Съ удовольствіемъ останавливаясь на этихъ подробностяхъ частной жизни и промышленности, на подробностяхъ, непременно входящихъ въ составъ систематическаго описанія Помпей, ибо до открытія ея, ничего не было извѣстно по этой части: Здѣсь авторъ нашъ могъ бы быть гораздо широкѣе общительнѣе, безъ великой болѣзни наскучить любознательному читателю.

Равнообразно относится къ Помпеѣ и древняя живопись, въ особенности *фресковая*. Въ первомъ отдѣленіи главы VI, авторъ нашъ, въ общихъ выраженіяхъ, говоритъ о произведеніяхъ какъ живописи, такъ и скульптуры и мозаики въ Помпеѣ. Относительно первой, онъ болѣе имѣетъ въ виду механическіе приемы, химическое свойство красокъ, способъ притѣвленія ихъ и употребленія. Онъ приводитъ мнѣніе ученыхъ членовъ геркуланской академіи, по которому въ киевской и фресковой живописи въ Геркуланумѣ и Помпеѣ употреблены слѣдующія основныя краски: 1) *зеленая*, весьма вѣрнаго цвѣта охра (*si-poria-polytica*) и желтый свѣтлѣйшій майшлякъ, или оперментъ; 2) *бѣлая*; называемая у древнихъ мелоскою землемо, или прѣтениемъ (*praetonium*); 3) *темно-красная* (*purpurivivissima*), составленная изъ углекислой извести и пурпуровыхъ раковинъ; 4) *ореховая*, или пентійская земля (самородная киноварь); 5) *синяя* индійская краска (*indicus color*), или весторійская лазурь; 6) *голубая* (*azurium*), средняя между ультрамариномъ и кобальтомъ; 7) *черная* (*calvanthia*), и 8) *зеленая* (*auripigmentum*).

Признавая множество достоинствъ въ помпейской живописи, какъ-то: сталь греческій, вѣрность рисунка, удачно разсчитанную свѣтотѣнь, строгую обдуманность въ *сочиненіи* (композиціи), авторъ нашъ находитъ однако въ ней мало вдохновенія и творческой самообразности и ставитъ это въ виду эстетическому искусству. Древнее искусство обращалось и должно было обращаться только въ области *наимено*: поэтому странно требовать отъ него—мало вдохновенія, иной творческой самообразности, кромѣ *естественныхъ*! духовность новѣйшихъ идей не можетъ и не должна быть основой нашего сужденія о древнемъ искусствѣ. Въ чисто-естественномъ содержится все прекрасное нашего міра, когда чисто-естественное просвѣтлено идеальностью; оно заключается не въ простомъ вѣрномъ слѣдѣ съ

природы, не въ одной (толь называемой естественности исполне-
 нии, но въ *любовности* зачатной идеи сочиненія—la *raison de*
la conception; въ художественного вдохновенія, возмаша этой
 власти! Поэтому какая-нибудь королева *Мирра*—не подлин-
 ное повеліе, даже уже не существующее, но даже полувъзду-
 шное (*demi-tièf*) изображение этой королевы на монетахъ авраиуи-
 скихъ изъясляетъ даже художественное чувство; самую душу ве-
 шу! болѣе, нежели; въ зовѣйшей живописи, кака-нибудь нагадъ
 сладострастіемъ дышущая Венера Тицианова и прочая... но лю-
 бить мы того вдохновенія и той творческой سموобразности;
 въ которыхъ природа, выдохнувшись до мутной отдаленно-
 сти, уже не относится къ нашему чувству величанаго.

Въ фресковой *стѣнниси* помпейской авторъ нашъ находитъ
 много фантазіи и самобытнаго вкуса, удивляется мелочной, но
 полной ума точности, съ какою: сконпарованы: звѣри, птицы, ра-
 бы, овощи, цвѣты: «первымъ не достаетъ только дыханія, по-
 слѣднимъ вкуса и запаха—такъ все въ нихъ буквально согласно
 съ природой!» Онъ хвалитъ *ому* колорита этой фресковой живо-
 писи, но упрекаетъ ее «въ *странности*, предосудительной во вся-
 комъ случаѣ, потому что странность исключаетъ собою есте-
 ственность, какъ бы ни было обширно значеніе *отъ* въ области
 проявленій творящаго духа.» Какая же эта странность, исклю-
 чающая ту естественность, которую вы только что похвалили
 въ этихъ фрескахъ? мы не разгадаемъ этого криворѣчія! Или
 авторъ намекаетъ, на изображеніе школы, въ которой одинъ
 мальчикъ беретъ другаго на спину, третій держитъ его, а че-
 твертый вѣселяетъ? Что тутъ страннаго, исключашаго есте-
 ственность? Это — живая натура, напоминающая намъ наши
 дѣтскія пріазы! Или авторъ имѣетъ въ виду *Центавра*, по-
 хаживающаго володую дѣвицу; или *Центаврису*, увлеканную
 юношу? или наконецъ *Сатира съ козю*, которымъ столько во-
 схищался Винкельманъ? Возьмите въ толкъ: дѣйствующіе здѣсь
 герои суть только *полу-люди*—Центавры, Сатиры; можетъ ли
 быть для насъ соблазнительнымъ—или даже казаться стран-
 нымъ—движеніе ихъ животной природы? И если эти картины,
 дѣйствительно, дышатъ сладострастіемъ, то все-таки въ меньшей
 степени, чѣмъ вышеозначанная слазная Венера въ трибунахъ *мо-*
ротинской! Въ другомъ мѣстѣ своей книги, г. Класовскій такъ
 серьезно-философски изслѣдываетъ древнюю вышѣку *Фалатъ*.
 съ этой же точки зрѣнія *природной*, истинно-античной *искра-*

ности следовало бы судить и тѣ античные фрески, которые не совпадаютъ съ нашимъ образомъ мыслей! Такъ только-то и видѣлъ авторъ нашъ въ пѣвическихъ фрескахъ геркуланскихъ, поннейскихъ и стабийскихъ? Ужели онъ не замѣтилъ главнаго, отличительнаго ихъ достоинства — этой безконечной граціи, недоступной для новѣйшаго искусства, такъ же, какъ и собственно античный стиль афинскій, въ скульптурѣ? Даже тѣ фрески, которые болѣе начертаны, нежели написаны, не лишены *мэлиестеса деиюснѣ* — художественной тайны древнихъ, до насъ не дошедшей. Есть ли возможность не пѣваться, въ фрескахъ высшаго достоинства, этимъ дивнымъ выраженіемъ, этою пластическою граціею движенія, невообразимыми для того, кто не видѣлъ своими глазами этихъ воздушныхъ геіевъ и амуровъ и вакхантовъ? Этихъ Нимфъ и Сатировъ, вакхановъ и Центавровъ, героевъ и боговъ! Если вы были въ Неаполѣ и въ Museo Borbonico, то вспомните о плышущихъ, или — лучше сказать — летучихъ *Гѳорахъ* (Ногае), о трехъ Граціяхъ, въ томъ же положеніи, какъ и статуи ихъ въ Ватиканѣ; о Тезеѣ, котораго Амуръ ведетъ къ Ариаднѣ; объ Орестѣ и Пиладѣ, узнающихъ Ионгенію; о жертвенномъ закланіи Ионгеніи, и Софоннобѣ и прочихъ умилительныхъ фрескахъ... и, напоследокъ, вспомните о картинѣ, которая мнѣ больше всѣхъ понравилась и показалась лучшею изъ всѣхъ древнихъ фресковъ: это *Вакхантъ* съ *Вакханкою*, увѣнчанные листьями, въ летучихъ покрывахъ, вьющихся на воздухѣ эфирною пласкою, съ выраженіемъ блаженства на лицѣ! Ужели древніе до такой степени умѣли идеализировать хмель отъ дара Бахусова? Или эта вакханская чета, отгулявшая свой вѣкъ земной и сложившая съ себя свою смертнующую часть, представляется здѣсь уже безслотными геіями, по старой земной привычкѣ вьющимися, въ граціозной пласкѣ, воздушнымъ путемъ на Олимпъ, на лоно Бахуса. Я видѣлъ въ Неаполѣ копію съ этого фреска, но не хотѣлъ купить ея, потому-что это было просто каррикатура: новѣйшіе, видно, и копировать не умѣютъ этой чудной античной граціи.

Въ разбираемой книгѣ—гравюра № III—есть пара танцовщицъ, — фрескъ, найденный во мнимой виллѣ Ципероновой; но это не изъ тѣхъ фресковъ, о которыхъ мы говорили, хотя онъ и въ большомъ уваженіи. Авторъ нашъ совершенно правъ въ своемъ сужденіи объ этомъ фрескѣ: «Римляне рѣдко могли безкорыстно наслаждаться, подобно Грекамъ, однимъ издѣльнымъ,

независимо отъ чувствительности; или по крайней мѣрѣ безъ принятыхъ выводовъ на нее; отсюда и къ возвращенію ихъ на танцы принимавались обстоятельства, удалившія на второй планъ традицію и къ художественное совершенство члвчвическаго тѣла... Авторъ здѣсь разуметь то, что мы называемъ эластическою граціею въ движеніи. Интересно, въ ономъ родѣ, гравюра № IV: кашарные пилсунъ—фрескъ, также найденный въ той же виллѣ Цицероновой.

Не будемъ винить почтеннаго автора болѣе, нежели сколько требуетъ благонамѣренная критика. Способность нашего наслажденія изящныхъ обуславливается мѣрою нашей впечатлительности, врожденнымъ свойствомъ нашего вкуса, столь различнаго у каждаго изъ насъ. Если авторъ нашъ, по собственному чувству, не увлекся *только* фресками, которые пѣвннла насъ и избннютъ многихъ другихъ, то онъ сдѣлалъ очень хорошо, отказавшись щеголять завистованнымъ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ виду только *систематическое* описаніе Помпей, а не критическую оцѣнку найденныхъ въ ней древностей. Однако, по нашему мнѣнію, именно *систематическое* описаніе требовало того, чтобы авторъ нашъ болѣе распространялся о древнихъ фрескахъ вообще, которыми эти засыпанные города римскіе обогатили наше понятіе о живописи у древнихъ. Если мы живо интересуемся предметами, относящимися къ домашнему быту Римлянъ, всякою мелкою всячиною, открытою и открываемою въ Помпѣяхъ (мы здѣсь всегда разумѣемъ и Геркуланумъ и Стабію) и признаемъ за этою всячиною полное право широкаго помѣщенія въ описаніи Помпей, то предметъ болѣе важности, полученный изъ того же источника, предметъ, относящійся къ искусству, и такой трудный предметъ, какова *стѣнопись*, долженъ бы былъ имѣть свободный разгулъ въ разбираемой книгѣ—посредствомъ хотя простаго перечисленія занимательнѣйшихъ фресковъ, сопровождаемого мнѣніемъ о нихъ такого-то антикварія, или такого-то знатока искусства. За это мы охотно подарилъ бы автору *монографію* Везувія съ гипотезами о томъ, отъ чего происходятъ землетрясенія? Эти гипотезы интересуютъ насъ столь же мало, какъ и непостижимыя причины другихъ опустошительныхъ дѣйствій физическихъ; да и къ чему послужило бы намъ познаніе сихъ причинъ, при нашей немощи отклонять эти грозныя дѣйствія? Можетъ-быть, авторъ нашъ, памятуя фрески Микеля-Анджело и Рафаэля, въ слѣдствіе того не

эпохѣ оцѣнѣть древнюю стѣнницу. Ресумбется, гонимъ возмущенной комбинаціи, какъ страшный судъ въ ослепительной казель, не найдти въ Помпей... другая, подобная комбинація была бы деликатна въ области живописи, да и та возмущенно-страшна, которая существуетъ, уже приближается къ периоду своего исчезанія... новѣйшія времена не достигли тайны прѣдлага дриготовленія красокъ, какою обладали древніе: арабы помпейскіе переживуть диво сикстинской казель. Въ трудности же стѣнница всего лучше убиваемся: мѣдвѣтъ самого Микола-Анжело. Сначала хотѣли расписать сикстинскую казель масляною живописью: «Нѣтъ!»—протестовала гонимый человекъ: масляная живопись годится только для женщины и для тѣхъ, кто въ искусствѣ чванится однимъ ремесломъ—и онъ принялся впервые за ту живопись, въ которой подобно отказаться отъ всѣхъ очарованій, достигаемыхъ посредствомъ масляныхъ красокъ и быть великимъ лишь въ выраженіи, въ формахъ, въ характерахъ, что требуетъ необыкновенной силы, вѣрности и рѣшительности. Такая именно живопись должна была преуспѣвать у Римлянъ, великихъ своимъ духомъ еще во дни своего умичженія.

Во второмъ отдѣленіи той же главы IV рѣчь идетъ о медвѣдяхъ, вывѣскахъ и объявленіяхъ. Авторъ говоритъ: «Гордые республиканцы, потомки Цицилиатовъ и Катонныхъ, изображенные въ исторіи суровыми стонками, являются, въ государственной своей дѣятельности, рабами тысячи суевѣрій, пресмыкаются передъ сильными, лѣзутъ исполнителямъ власти. Стоить только пробѣжать надписи, которыми покрыты дома въ Помпей, и сказанное нами никому не покажется преувеличеннымъ. Какой общій смыслъ всѣхъ этихъ надписей, за исключеніемъ немногихъ объявленій о продажѣ, театральныхъ представленіяхъ и т. п? Вездѣ лѣсть, вездѣ вымаливаніе чьего-нибудь покровительства. Отсюда видно, что въ Помпейцахъ, еще задолго до временъ Нерона и Веспасіана, нечезъ ихъ первоначальный характеръ. Они уже не Оски, не Самнитяне, а не полу-Греки, а настоящіе Римляне, и именно Римляне въ томъ, что наиболѣе опредѣляетъ собою механизмъ римскаго государства, въ Клиентизмъ, въ раболѣнныхъ отношеніяхъ кліента къ патрону. Не только искатели должностей, одержимые честолюбіемъ и жаждою общественнаго возвышенія, даже купцы, ремесленники и смиренныя поденщики, платящіе налѣчнымъ тру-

дальше по куску хлѣба—все они добиваются благосклонности ала-
 нно-пабуль адия, душмана, престола; все пилууть на своихъ
 донахъ шривѣтствіе сальманъ и пужьмалъ людия! Тѣ, у кого
 не было собственнаго дома, исполняютъ, стѣны чуужихъ,
 юрты, публичныя зданія и храмы—орзанами, въ родѣ сѣткую-
 щихъ:

• Плотники и экипажные мастера поручаютъ себя благосклонности Эди-
 ля Марцелла.

• Соловьяры просятъ М. Церрина покровительствовать имъ.

• Все золотыхъ дѣлъ мастера просятъ покровительства у Эдила Куспіа
 Мансы.

• Торгующіе оружіями просятъ... Носильщики тяжести просятъ и т. д.

Тѣмъ непонятнѣе для меня негодование нашего автора, что
 эти же надписи тронули меня, когда я читалъ ихъ въ Помпей,
 тронули именно тѣмъ, что напомнили одно изъ мудрѣйшихъ,
 благотвѣннѣйшихъ учрежденій политическихъ Рима: *патро-*
натъ и кліэнтство! Кажется, нашего автора вовлекли въ за-
 блужденіе нѣкоторые изъ римскихъ писателей, какъ-то Мар-
 ціалъ, Сенека, Ювеналъ и другіе, нападающіе только на *зло-*
употребленіе этого исконнаго обычая римскаго, а мало ли, что
 можетъ быть употребляемо во зло! Я пропустилъ бы безъ вни-
 манія этотъ несправедливый отзывъ о мудромъ и *древнемъ* учре-
 жденіи политическомъ, если бы не полагалъ, что ложное о
 немъ мнѣніе, относительно нашего времени, требуетъ серьезнаго
 возраженія; возбуждаетъ искреннее желаніе, чтобы этотъ
 мудрый древній институтъ былъ приспособляемъ, по мѣрѣ воз-
 можности, къ правамъ и обычаямъ въ нѣкоторыхъ земляхъ,
 обуреваемыхъ своеволіемъ черни. Истинное понятіе о *патро-*
натѣ и кліэнтствѣ устранило бы множество безпорядковъ, в мо-
 жно сказать утвердительно, что Франція не была бы приведена
 къ нынѣшнее бѣдственное положеніе, если бы, со времени
 реставраціи, послѣ Наполеона, парижскіе блузники имѣли де-
 визомъ: *rapes et patronatus*, т. е. сознаніе, что для темнаго
 престолоюдина *патронатъ*,—пользованіе свѣдѣніями умнѣйша-
 го,—столько же нуженъ, какъ и хлѣбъ насущный. Разсмотримъ
 древне-римскій институтъ, оглянувшись сперва на другіе дикіе
 народы.

Самый вольный народъ, столь великодушно защищавшій
 свою политическую независимость отъ великаго Цезаря—Гал-

ды, и въѣвъ, по свидѣтельству Цезаря, своихъ солдуріевъ (Soldarii) т. е. людей, добровольно добровольныхъ себе означенныя качества предводителя, сдѣлаившая на себѣ обещаніе: нести службу ему вѣрой и правдою, и за ожидавшіея бездѣліе — пережить его, если онъ палъ въ битвѣ. То же самое повѣствованіе о древнихъ Германцахъ Тацитъ, прибавляя, что князь, или предводитель, вмѣнявшій себя въ стыдъ не быть первымъ по храбрости, дрался одинъ для славы, а солдуріи или кліенты его (собственное названіе ихъ неизвѣстно) сражались за своего предводителя и всѣ до единого погубили въ той же битвѣ, въ которой онъ палъ. Если же удѣлялъ, то въ славу его равную съ нимъ часть имѣлъ каждый изъ солдуріевъ. Плутархъ, въ жизнеописаніи Серторія, говоритъ, что, по испанскому обычаю, предводители войска окружали нѣкоторое число воиновъ, давшихъ обѣтъ умереть съ нимъ, если онъ будетъ убитъ: эта преданность до смерти называлась у нихъ жертвопринесеніемъ возліяніемъ (т. е. возліяніемъ своей крови). «Другіе предводители имѣли немногихъ такого рода людей, обязанныхъ по обѣту, съ ними умереть. Серторія же сопровождали тысячи воиновъ, принесшихъ ему этотъ великодушный обѣтъ. Однажды, когда войско его было разбито близъ одного испанскаго города, солдаты испанскіе, тѣснимые неприятелемъ, думали не о самихъ себѣ, но только о Серторіи; взяли его на плечи своимъ и по плечамъ передали другъ другу до самыхъ воротъ городскыхъ.»—Подобнаго же рода патровать и кліентство выходило и на другомъ концѣ свѣта, въ Индіи, въ Тонкинѣ, на островѣ Цейланѣ. Не доказываетъ ли это, что такое произвольное отношеніе между просвѣщеннымъ и темнымъ, между богатымъ и бѣднымъ, между любимцемъ природы и пасынкомъ ея — есть одно изъ основныхъ и самыхъ здравыхъ идей человечества? По предвѣчному закону Создателя міра, не бываетъ равенства между людьми, ни въ политическомъ, ни въ умственномъ, ни въ физическомъ отношеніяхъ: одинъ всегда знатнѣе, богаче, умнѣе, красивѣе и физически-сильнѣе другого. Есть только религиозное равенство между Христіанами, во имя Святаго Основателя нашей вѣры. А между-тѣмъ чувство равенства врождено человеку. Что же дѣлать менѣе взысканному природою и фортуною, чтобы стать на ряду съ высшимъ, нежели онъ? Уважать эти высшія качества въ другомъ и благоговѣя къ Провидѣнію, означеновавшему друид этимъ высшими качествами, привязы-

ваться къ нему душою — и, посредствомъ этого уваженія, этой преданности становится онъ на ряду съ высшимъ, соуслаждается его преимуществами, соучаствуетъ законнымъ образомъ въ тѣхъ благахъ, въ которыхъ природа ему отказала. Чтò же унижительнаго, чтò же раболопнаго въ этихъ произвольныхъ соотношеніяхъ между высшимъ и низшимъ, когда чистѣйшая моральность не знаетъ иного средства для достиженія того единственнаго равенства, которое допускается законами божественными и человѣческими? Взглянемъ, въ этой точки зрѣнія, на римскіе патронатъ и кліентство.

Историки говорятъ, что Ромулъ виновникъ этого мудраго учрежденія. Онъ дозволялъ каждому плебею избрать себѣ, изъ патриціевъ, патрона, т. е. отца-покровителя (слово *patronus* происходитъ отъ *pater*), который вѣдалъ бы всѣ его судейскія и даже денежныя дѣла, защищалъ бы его во всякомъ случаѣ, однимъ словомъ: имѣлъ бы о немъ то же попеченіе, какое имѣеть отецъ о родномъ сынѣ. За это кліентъ (производитъ слово отъ *colentes* уважающіе) обязывался почитать своего патрона, выкупить его, если попадется въ плѣнъ, дать приданое его дочери, если самъ отецъ слишкомъ бѣденъ для того, и т. д. Взаимныя ихъ обязательства были столь священны, что имъ было воспрещено закономъ свидѣтельствовать другъ *противъ* друга, между-тѣмъ, какъ имъ дозволялось свидѣтельствовать другъ *за* друга, даже противъ своихъ *кровныхъ*. Нарушителей этихъ обязанностей законъ предавалъ анаемѣ, и всякій могъ убить его ненаказанно. Въ продолженіе вѣковъ, эти взаимныя обязанности оставались священными и переходили къ дѣтямъ изъ рода въ родъ. Когда Римъ чрезмѣрно распространился, когда разбогатѣвшіе вельможи уже не нуждались въ помощи кліентовъ своихъ и имѣли кліентами цѣлые города и даже провинціи, тогда измѣнялись отношенія кліентовъ къ патронамъ, но обязанность сихъ послѣднихъ пребывала въ полной силѣ, такъ, что Виргилій въ своей Энеидѣ (кв. VI, стихи 608 и 609) помѣщаетъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ Таргара тѣхъ, кто не навидѣлъ своего брата, кто занесъ руку на отца и кто обманулъ своего кліента! Если честнымъ гражданамъ прискорбно было смотрѣть на множество кліентовъ какого-нибудь Силлы, обогащавшаго ихъ достояніемъ, отнятымъ у невинныхъ, то можно ли было не радоваться несмѣтной толпѣ кліентовъ, окружавшихъ Цицерона, консулара, приобрѣтшаго общую любовь

только добродѣтелями гражданскими и усердіемъ, съ какимъ онъ защищалъ обвиняемыхъ предъ судомъ, никому не отказывая въ своей ораторской услугѣ.

Въ чемъ же состояло то униженіе, которымъ иные писатели укоряють кліэнтовъ? Послѣ салютаціи, раздавалась каждому изъ кліэнтовъ или порція съѣстныхъ припасовъ, или денежная спортула (sportula) отъ 25 до 30 коп. сереб. на наши деньги. Это былъ народный обычай, не имѣвшій въ себѣ ничего унизительнаго. Самъ Августъ, будучи уже полнымъ властелиномъ Рима, если не по титулу, то *на дѣль*, принималъ и давалъ небольшіе подарки. Кліэнты считали это не за милость патрона, но за принимаемую ими на себя обязанность, при первомъ случаѣ, своими голосами поставить патрона проконсуломъ или пропреторомъ какой-нибудь богатой провинціи, гдѣ онъ въ годъ, или два вознаградитъ себѣ всотеро за розданныя кліэнтамъ спортулы. Авторъ нашъ, упрекая гордыхъ республиканцевъ — потомковъ Цинцинната и Катона, въ лести и низости, позабылъ, что въ то время о республикѣ не было и помину: Августъ сильно ограничилъ участіе народа въ выборахъ, а Тиверій совершенно уничтожилъ. Жители Помпей не тѣснились въ домъ эдила или претора, для полученія ежедневной спортулы! Надобно оцѣнить здравый смыслъ и похвальное поведеніе этого рабочаго класса, который не шумѣлъ, подобно парижскимъ блузникамъ, но публично на какомъ-нибудь домѣ надписью скромно поручалъ себя благосклонности и покровительству начальника-патрона. Чтѣ тутъ дурнаго? Уже не было народныхъ трибуновъ! Кого же избрать было въ защитники свои и покровители, какъ не начальника своего, или знатную особу! — Да простятъ намъ читатели это длинное отступленіе: неправедно-обвиняемаго надобно защищать, хотя бы онъ давнымъ давно истлѣлъ.

Остановимся еще на одномъ древнемъ объявленіи, приводимомъ въ разбираемой книгѣ.

«На дачѣ Юліи Фелиціи, дочери Спурія, отдается въ наемъ баня, *venegium* и 900 лавокъ—на пять лѣтъ. Открывающій у себя въ домѣ пристанище разврату *не допускается къ найму.*»

«Чтѣ такое *venegium*?» спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «Мазуа, едва ли не лучше всѣхъ понимавшій Помпею, а вслѣдъ за нимъ и другіе антикваріи, рѣшили, что *venegium*—мѣсто чу-

страстныхъ наслажденій, состоящихъ въ вѣдѣнн самой грѣшной и самой прелестной изъ богинь Олимпа! Каковы нравы!»

Замѣтимъ нашему автору слѣдующее: послѣдняя фраза объявленія свидѣтельствуетъ о *красотѣ* хозяйки, быть-можетъ старуха, жившей въ Римѣ и имѣвшей только лачу помпейскую, подъ вѣдѣніемъ управляющаго, *сочинителя* объявленія. Это почти несомнѣнно, потому-что едва ли нашлось бы помѣщеніе для самой хозяйки въ жилищѣ, гдѣ отдается въ наемъ баня и девять сотъ лавокъ? Мнѣніе Мазуа о венеріумѣ не болѣе какъ догадка, которой можно противопоставить другую, столь же основательную догадку, и вотъ какую: Извѣстный Верресъ получилъ прозвище: homo venegius! Что это значить? Кажется, ближайшій переводъ: человекъ въ сифилитической болѣзни! Неправда, совсѣмъ не то! прозвище значило: *красивый франтикъ* — elegans, venustus! Стало быть, употребляемое даже въ прозвищѣ, слово venegius или venegius не всегда означало *дурное*! Вспомнимъ еще то, что храмъ Венеры — самой большой въ Помпеѣ: слѣдовательно городъ состоялъ подъ главнымъ покровительствомъ этой богини — чему служить доказательствомъ и слѣдующая надпись: «Да прогнѣвается Помпейская Венера на того, кто сіе испортить!» — Отсюда сама навязывается догадка, что, въ Помпеѣ, venegium значило: или *домовое капище* этой богини, или самая *каряд-моя*, большая, особеннымъ и тамъ извѣстнымъ манеромъ отдѣланная комната. Изъ уваженія къ человечеству не должно подозревать *дурное*, когда дѣло можно легко толковать въ хорошую сторону.

БАРОЦЪ РОЗЕНЪ.

(До слѣдующей книжки.)

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Письмо къ Москвитянину, отъ барона Розена.

Отдѣленіе I. Шумъ изъ-за слова: Глубже.

Opus aggredior optimum casibus (Tacit.) — въ вольномъ переводѣ: *принимаюсь за дѣло отменно казуемое* — тѣмъ, во 1-хъ, что я долженъ новести рѣчь объ избитомъ предметѣ, давно уже наскучившемъ публикѣ: о колоссальномъ парадоксѣ Гоголя, на счетъ переводчика Гомера; и, во 2-хъ, что доводится мнѣ заняться почтен-

нымъ литераторомъ, пріобрѣтшимъ преславительную литературную увертливость—достоинство, котораго я, признаться, не имѣю, не любя изворотовъ и никогда не сражавшись съ призраками. Прежде всего я долженъ объяснить, почему нѣсколько опоздалъ своею отвѣдью IV и V нумерамъ «Москвитянина,» за текущій годъ.

Я не получаю «Москвитянина». Въ исходѣ мая услышалъ я отъ знакомаго, и то на публичномъ гуляньи, что въ V № упомянутого журнала, какой-то г-нъ Гавриловъ принялся доказывать мое незнаніе языка—*опечатками* въ моихъ статьяхъ. «Мнѣ приходитъ *хорошо!*» отвѣчалъ я смѣясь: «публика обратила *вниманіе* на мои рецензіи, и *научный* журналъ, иногда задѣваемый мною за схоластику его, придвигается только ко мнимымъ неправильностямъ моего языка: это—если еще не полный триумфъ, то, по-крайней-мѣрѣ, *опація*, очень лестная для меня! И встарину, Бавія и Мевія доказывали даже такимъ героямъ литературнымъ, каковы Виргилій и Гораций, что герои эти *не знаютъ языка!* То же самое и Кодебу говорилъ, въ отношеніи къ *Гете!* Но отвѣчать г-ну Гаврилову конечно не стоить!»—О статьѣ же г. Шевырева противъ меня, помѣщенной въ IV №, я узналъ, только два дня тому назадъ (я пишу это 17-го іюня) и узналъ только по той причинѣ, что г-нъ Шевыревъ обвиняетъ меня въ *искаженіи смысла* одного приведеннаго мною текста Гоголя. Разумѣется, это обвиненіе капитальное, на которое слѣдуетъ *отвѣчать*, ибо молчаніе было бы, въ этомъ случаѣ, *сознаніемъ вины*. И такъ г-нъ Шевыревъ, чтобы заставить меня еще отвѣчать ему, долженъ былъ коснуться *нравственнаго дѣйствія!* Онъ очень хорошо знаетъ, что безъ *такого* обвиненія, я только посмѣялся бы молча всѣмъ его прочимъ выходкамъ. Начну съ этого обвиненія.

Антагонистъ мой, (въ IV № Москв. Отд. Крит: стр. 110) говоритъ: «Прежде всего бросается въ глаза неправильная ссылка барона Розена на текстъ статьи Гоголя. Исчисливъ все то, что надо было пріобрѣсти Жуковскому для совершеннаго перевода Одиссея, Гоголь въ заключеніе говоритъ: «Нужно было наконецъ *сдѣлаться* глубже Христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ Христіанина.» Баронъ Розенъ такъ приводитъ слова Гоголя: «Гоголь сказалъ, что Жуковскому для перевода Одиссея нужно было *наконецъ сдѣлаться Христіаниномъ*» (ка-

жется, онъ былъ такимъ и прежде?) Баронъ выпустилъ слово *глубже*—и тѣмъ исказивъ смыслъ сказаннаго Гоголемъ, на него же наиваждаетъ. *Сдѣлаться глубже* Христіаниномъ—или сдѣлаться Христіаниномъ, кажется, разница большая. *Не хорошо, баронъ*: ссылка на слова противника лежитъ передъ читателемъ на совѣсти того, кто ссылается. *Я васъ не узнаю по этой ссылкѣ.* Не таковы были вы, когда я знакомилъ васъ съ Пушкинымъ, какъ вы сами о томъ съ такимъ простодушіемъ рассказывали.»

Повѣритъ ли г-въ моралистъ, что я расхохотался на этомъ мѣстѣ. Повторяю, вслѣдъ за вами: не хорошо! Вы правы, г-нъ Шевыревъ, совершенно правы: не *хорошо* исказить смыслъ приводимаго текста! Скажу болѣе: *дурно*, очень дурно — но только не съ *моей* стороны (и этого никогда не дѣлалъ), а со стороны того, кто взводитъ на меня, да еще въ *научномъ* журналѣ, такую грѣшную небывлицу! Я это докажу.—Извѣстная Одиссейская поэма Гоголя явилась лѣтомъ 1846 года, въ одно время въ *двухъ* періодическихъ изданіяхъ: въ «Современникѣ,» издававшемся П. А. Плетневымъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ.» У. Н. И. Греча видѣлъ я тотъ № названныхъ Вѣдомостей, прочиталъ поэму Гоголя, изумился и спросилъ Греча, дасть ли онъ мнѣ этотъ № дня на два и помѣститъ ли въ Сѣв: Пчелѣ критику мою на ту поэму? «Съ удовольствіемъ!» отвѣчалъ онъ—и помѣстилъ мою критику въ своей газетѣ, въ 181 № 1846 года, вышедшемъ 14-го августа. Съ намѣреніемъ отмѣчаю число, потому-что оно-то меня и оправдаетъ. Спустя нѣсколько времени, Одиссейская поэма Гоголя явилась, въ *третій* разъ, въ «Москвитянинѣ,» съ оговоркою издателя, что поэма помѣщается тамъ, *по желданію автора.* Я читалъ эту поэму только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и потому мнѣ неизвѣстно, есть ли, противъ того текста, нѣкоторыя измѣненія въ «Современникѣ» и въ въ «Москвитянинѣ.» Ссылаюсь на тотъ № «Московскихъ Вѣдомостей»—(вы въ Москвѣ, и легко можете справиться)! Въ томъ № не было выраженія: *сдѣлаться глубже* Христіаниномъ; было *такъ*, какъ я привелъ текстъ, а именно: *снужно было (Жуковскому) наконецъ сдѣлаться Христіаниномъ,* дабы пріобрѣсть прозирающій взглядъ, *глубоко сонзающійся въ жизнь* и проч. Забудьте, что г-нъ Шевыревъ приводитъ иначе и эти послѣднія слова, а именно: «углубленный взглядъ на жизнь»—вмѣсто *глубоко сонзающагося въ жизнь!* Охотно повѣримъ, что и г-ну Шевыреву не понравилось это *глубокое сон-*

zenie въ жизнь, которое, въ самомъ дѣлѣ, задѣваетъ за живое и производятъ непріятное щекотаніе. Не согласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ, я подавно не пропускалъ бы драгоценнаго слова: *лубже*! я ухватился бы за него, какъ за находку, потому, что это слово подадо бы мнѣ еще большій поводъ къ насмѣшкѣ надъ Одиссейскою поэмою Гоголя. Какъ же не большая причина смѣха? Почтенный переводчикъ Одиссеи былъ всегда Христіанникомъ, какъ нельзя быть глубже; а, по мнѣнію Гоголя, долженъ былъ, во что бы то ни стало, содѣлаться еще *лубже* Христіанникомъ, чтобъ передать сочиненіе *лычичка*; чтобъ взвѣчь изъ Гомера нѣчто *лучше* самого Гомера! Господа схоластики! нѣтъ возможности отвѣчать вамъ серьезно, какъ подобаетъ вашему *саму* (г-нъ Шевыревъ, на стр: 107 своихъ «Отвѣтовъ», говоритъ: *санъ* (!!!) профессора! Кажется, по-русски говорятъ: санъ полтифекса, санъ кардинала и прочихъ высокихъ особъ—а *званіе* профессора, званіе учителя, званіе студента и т. д.) нельзя, говорю, отвѣчать вамъ серьезно, если вы будете защищать подобные парадоксы!

Справьтесь же, г-нъ Шевыревъ, съ тѣмъ номеромъ Московскихъ Вѣдомостей, въ которомъ помѣщена Одиссейская поэма Гоголя—и сознайтесь печатно, что вы поступили опрометчиво взводя грѣшную небылицу на человѣка, жизнь котораго, — *чиста*, столь чиста, что никто къ ней не придерется! *Мол* ли вина, что вы *меня не узнаете*, окруживъ меня туманомъ своей фантазіи. Желая хоть сколько-нибудь оправдать васъ, объясняю себѣ дѣло *такъ*: Гоголь, можетъ-быть, по поводу моей критики, которая могла дойти до него посредствомъ частой его переписки съ пріятелями въ Россіи, или *самъ отъ себя*, по лучшему уразумѣнію, могъ иное измѣнить въ своей Одиссейской поэмѣ, перепечатавая ее въ Москвитянинѣ, и—вѣроятно—прибавилъ роковое слово *лубже*, введшее васъ въ заблужденіе—и въ несправедливость предо мною, т. е. передъ *саномъ* человѣка! Но, возымѣвъ мысль обвинить меня въ искаженіи текста, вы тотчасъ, вслѣдъ за тѣмъ, должны бы были справиться не съ «Москвитяниномъ»—не съ изданіемъ, которое напечатано *посль* моей критики, а съ «Современникомъ» и съ «Московскими Вѣдомостями»,—и если бы вы, въ *одномъ* изъ этихъ изданій, не нашли слова *лубже*, то обязаны были бы думать, что критика моя имѣла въ виду именно *то* изданіе. *Такъ* вы должны бы были

дѣйствовать не только изъ уваженія ко мнѣ, донынѣ не подававшему повода сомнѣваться и въ моемъ литературномъ благородствѣ, но изъ уваженія и къ самому себѣ, какъ филологу, критику, сотруднику научнаго журнала!

Странно, съ вашей стороны, гордиться тѣмъ, что *вы* меня познакомили съ Пушкинымъ! Дѣло обошлось бы и безъ васъ: вы были въ этомъ отношеніи, только орудіемъ случая. За чѣмъ вы меня выводите въ такое поле, куда не должна бы и заглядывать литература? За чѣмъ вы виѣшали *свѣтлов* имя *Пушкина* въ такое дѣло, какъ ваше обвиненіе меня въ искаженіи приведеннаго мною текста? Изъ *досады* на то, что Пушкинъ меня *ощутилъ*, вы говорите, на стр. 108: «Добродушный Пушкинъ хвалилъ и ободрялъ *всѣхъ!*» Можетъ-быть, въ *глаза*, изъ вѣжливости; но *sub rosa*, съ собесѣдникомъ по сердцу, онъ говорилъ *иное*, напримѣръ: этотъ *добродушный* Пушкинъ не хвалилъ рецензій одного *очень самъ знакомаго* человѣка, называя ихъ *дѣтскими замашками!* это должно быть извѣстно его друзьямъ! Если же эти друзья, превозносимые въ «Москвитянинѣ» откажутся подкрѣпить своимъ свидѣтельствомъ слышанное мною неоднократно отъ Пушкина, то сошлюсь на всѣхъ знатоковъ въ дѣлѣ критики: одинъ только *Пушкинъ* могъ такъ *мѣтко* обозначить достоинство рецензій того человѣка! И что еще удивительнѣе: *предвидѣть*, что они навсегда останутся такими замашками! по-крайней-мѣрѣ, донынѣ онѣ не выходили изъ этого разряда. Кстати, приведу еще одно слово Пушкина: «Н. А. Полевой, съ своею *милютинскою* извѣстностью» и проч. Не уже ли этотъ сарказмъ требуетъ посторонняго свидѣтельства въ томъ, что онъ сказанъ *Пушкинымъ!* Узнаешь сарказмъ по его *штемелю!* тоже самое можно сказать и о *дѣтскихъ замашкахъ* критическихъ очень извѣстнаго вамъ человѣка.

Показавъ ошибку моего обвинителя и оправдавшись передъ публикою, я здѣсь долженъ бы былъ остановиться. Но какъ остановиться на быстромъ бѣгѣ? Первое важное слово сказано: нельзя не примолвить кое-что, тѣмъ болѣе, что не надѣюсь, въ скоромъ времени, говорить опять съ Москвитяниномъ, собираясь, во-первыхъ, въ путь, и, во-вторыхъ, не думая, чтобы выходки «Москвитянина» противъ меня сдѣлались, въ будущемъ, болѣе достойными науки и искусства, и моихъ возраженій!

Вотъ предисловіе г-на Шевырева къ своимъ пресловутымъ Отвѣтамъ: «Г. Булгаринъ и баронъ Розенъ въ Сѣверной Пче-

лѣ, г. Бѣлинскій въ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ не знаю кто, *учинили нападеніе* на статьи мои, помѣщенные въ 1 № Москвитянина. Всякое неблаговоліе этихъ трехъ петербургскихъ журналовъ я считаю къ себѣ *особеннымъ благоволіемъ* моей литературной судьбы! — Разберу это предисловіе въ обратномъ порядкѣ, то есть съ низу къ верху, съ конца къ началу. — *Кого* вы, г-нъ антикритикъ, думаете увѣрить, что вамъ благопріятно порицаніе вашихъ книгъ и вашихъ критикъ, въ Сѣв. Пчелѣ, въ Современникѣ и въ Отеч. Запискахъ? Я отнюдь не учинилъ на васъ нападенія, а только отвѣчалъ, и весьма скромно, на вашу выходку, противъ меня, въ защиту страннаго парадокса Гоголя. Еще менѣе учинилъ на васъ нападеніе Булгаринъ, какъ старѣйшина нашей журналистики, напоминаю вамъ, самымъ вѣжливымъ поученьцемъ, что почтенному человѣку, обязанному подавать собою примѣръ хорошаго тона въ критикѣ, не слѣдуетъ швырять полунѣмецкими эпитетами, а дѣльнымъ, научнымъ образомъ оспаривать мнѣніе, кажущееся ему несправедливымъ. Согласитесь, что я родной отецъ не могъ бы дать вамъ лучшаго совѣта. За чѣмъ же вы разсердились? Не мое впрочемъ дѣло защищать Булгарина.

Перейдемъ къ статейкѣ г-на Шевырева, означенной моимъ адресомъ. Авторъ находитъ въ моей статьѣ 5 пунктовъ, на которые отвѣчаетъ. 1-й пунктъ: *инъвъ мой на Московскій Вѣстникъ и Москвитянина*, которые будто бы виноваты предомно въ томъ, что *одинъ* неохотно помѣщалъ мои стихотворенія, а другой не былъ *гостепріименъ* къ моимъ повѣстямъ и критикамъ. Какъ могъ М. Вѣсти. *неохотно помѣщать* мои стихотворенія, когда ни одного не помѣстилъ, сколько мнѣ извѣстно. За каждою редакціею призываю я право помѣщать, что ей нравится, отклоняя все прочее, будь оно хорошо или дурно. Оду только *повѣсть*: «Черная Маска» послалъ я редактору М. Вѣстника; долго не видя ея въ Вѣстникѣ, я ее продалъ здѣсь въ Петербургѣ, а между тѣмъ она была помѣщена въ М. Вѣстникѣ — не знаю, охотно ли, или неохотно, но я черезъ то лишился гонорарія, за который 10 лѣтъ сряду могъ бы подписываться на Моск. Вѣстникъ, котораго я *gratis* не получалъ. Пожалѣю объ этой потерѣ только тогда, когда узнаю, что *повѣсть* моя была, въ самомъ дѣлѣ, помѣщена *неохотно*. Въ редакцію же «Москвитянина» я не посылалъ ни критики, ни по-

вѣсти: какъ же эта редакція могла быть виновата передо мною въ негостеприимствѣ? Это не только искаженіе истины, это чистая выдумка! Не хорошо, г-нъ Шевыревъ! Тотъ журналъ, который, по часто-критической причинѣ, не помѣстилъ бы моей критики, или моей повѣсти, былъ бы развѣ только неправъ въ моихъ глазахъ, но гнѣваться я не могъ бы на него. Вы лучше всѣхъ должны знать по себѣ, какой я философъ въ этомъ отношеніи: ни изустно, ни печатно не слыхалъ я отъ васъ никакой похвалы, а пребывалъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, въ пріятельскихъ къ вамъ отношеніяхъ.

2-й пунктъ. *Мое оправданіе*, т. е. мой отзывъ, что не я раскритиковалъ книгу г. Шевырева въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того, что вы мои слова употребили въ орудіе противъ своего критика, воображая, что вы его разите собственными его словами, есть и другіе на меня намеки въ вашей антикритикѣ; но я ихъ пропустилъ, какъ не идущіе къ моему дѣлу съ вами. Какъ же было не отозваться, что авторъ той статьи, изъ которой вы заимствовали орудіе для конечнаго удара, и критикъ вашъ — вовсе не одно и то же лицо. Тогда наши отношенія были еще хороши: съ моей стороны, какъ вашего стародавняго пріятеля, было бы непростительно отзываться о васъ столь рѣзко. Теперь вы говорите, что вы и не знали о моемъ участіи въ критикѣ «Сына Отечества!» Плохой изворотъ! Досаду на себя за свою ошибку, вы ту же статью мою ставите мнѣ въ укоръ: «Не легче барону отъ того, что онъ сознался въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ Сына Отечества. Въ своемъ общемъ предисловіи къ критикѣ, словами: *тоны нашихъ рецензій, наша критика, нашъ журналъ* — онъ привялъ на себя всю за нихъ отвѣтственность.» Этотъ изворотъ еще плоше! Общее предисловіе къ критикѣ явилось *безъ моей подписи*, стало быть — отъ имени Редакціи! Я отвѣчаю только за критики съ моимъ именемъ; другихъ я и не вижу до выхода журнальной книжки! Вы говорите еще: «Съ *сокрушеніемъ* узналъ я, что баронъ Розенъ авторъ рецензій на Московскій Сборникъ и на Римскія Письма. Скажу ему искренно, что я не считалъ его никогда способнымъ писать такіа рецензіи. Сожалѣю, что мой отвѣтъ Сыну Отечества привелъ его къ необходимости такого признанія, которое не прибавитъ ничего къ его литературной репутациі, а развѣ.... Вотъ и лучше бы было объявлять свое имя заранее!» — Какой бы ни заключался горькій, мною незаслуженный

упрекъ въ этихъ строкахъ, я ихъ прочитаю съ удовольствіемъ, какъ доказательство, что моя двадцати-лѣтняя дружба съ вами была небезответна — и потому, возражу весьма спокойно: съ наименьшимъ сокрушеніемъ вижу я, что схоластика разстроила ваше сознаніе добра и зла! Въ этихъ рецензіяхъ не заключается ничего предосудительнаго, въ отношеніи къ чести моей; я похвалялъ все хорошее въ Римскихъ Письмахъ и указалъ только на ошибки историческія и другія. Постараюсь и впредь доставлять въ редакцію нашего журнала такія рецензіи, въ которыхъ я сошелся съ мнѣніемъ публики.

На 3-й пунктъ: *Ссылки на Гоголя* — я уже отвѣчалъ и оправдался.

4-й пунктъ. *Противорѣчіе Шевыреву, касательно переводовъ у древнихъ.* Мнѣніе Гоголя, что только Христіанинъ можетъ переводить *язычника* *comme il faut*, г-нъ Шевыревъ защищалъ тѣмъ, что Римляне переводили Гомера и другихъ Грековъ, однако не имѣли *фоссовыхъ* переводовъ, не умѣли переводить, какъ переводили Фоссы и Жуковскіе. На это я отвѣчалъ въ Сѣв. Пчелѣ: «Римляне не имѣли фоссовыхъ переводовъ по той же самой причинѣ, по которой они не стрѣляли изъ ружей и пушекъ, и не печатали своихъ книгъ: еще не было искусства переводить, какъ не было пороку и типографіи — я доказалъ это самимъ Цицерономъ. Разбитій на голову моимъ доказательствомъ, антагонистъ мой ускользнулъ въ тридцатое царство и тамъ рубить воздухъ, увѣряя своихъ читателей, что онъ рубить *меня*. Вотъ тому доказательство! Шевыревъ говоритъ: «Судя по этимъ словамъ: «Римляне не имѣли фоссовыхъ переводовъ и проч.» авторъ, кажется, ясно полагаетъ»... Стойте! г-нъ Шевыревъ! этотъ оборотъ — не совсѣмъ русскій! «Судя по этимъ словамъ, авторъ т. е. я — полагаю!» Это значитъ, что я сужу по этимъ словамъ и полагаю! Избави Боже, чтобы я полагалъ такой вздоръ! А между тѣмъ вы хотѣли сказать, что *вы*, судя по этимъ словамъ, полагаете и проч.! Г-нъ Гавриловъ, чего вы смотрите? Въмѣсто того, чтобы въ другихъ журналахъ изъ опечатокъ выводить доказательство незнамія языка, не лучше ли было бы, если бы вы смотрѣли за своимъ журналомъ, если бы не допускали въ немъ подобныхъ *шнитцеровъ*! Но, отстранивъ этотъ шнитцеръ, полюбуемся новымъ протейскимъ изворотомъ г-на Шевырева: «Судя по этимъ словамъ, авторъ, кажется ясно полагаетъ *совершенное отсутствіе*

переводовъ у Римлянъ.»—Побойтесь Бога! могъ ли я полагать отсутствіе тѣхъ переводовъ, въ которые я не разъ заглядывалъ! Я доказывалъ только, почему у Римлянъ, не было *фоссовыхъ* переводовъ! А г-нъ Шевыревъ, вывернувшись, пошелъ рассказывать, какіе были у Римлянъ переводы! Вотъ, что я называю ускользать, отъ своего противника, въ тридцатое царство и тамъ рубить воздухъ! Вотъ сущая скіамахія!

Нѣтъ возможности слѣдовать за всѣми изворотами г-на Шевырева: для этого пришлось бы испиать цѣлую отову бумаги и утопить своего читателя! Я осторожниче г. Шевырева въ этомъ отношеніи и потому, предоставляю ему рубить воздухъ, ограничусь нуниѣйшимъ.

Даже мое доказательство, почему у Римлянъ не было *фоссовыхъ* переводовъ, противникъ мой обращаетъ въ свою пользу. «Примѣръ, приведенный самимъ барономъ Розеномъ о Цицеронѣ, не напоминаетъ спартанскаго духа, служить тому же доказательствомъ,» т. е. тому, что только *Христиане* могли хорошо переводить *язычничковъ*, по многосторонности своего характера и своихъ переводовъ. За чѣмъ вы мнѣ приписываете сущую нечѣлицу? Я, напротивъ, думаю, что такой знатокъ греческаго языка, и вообще греческаго быта, каковъ былъ Цицеронъ, во сто кратъ лучше васъ и меня *понималъ* духъ спартанскій; но онъ, какъ переводчикъ, не *подчинился* тому, что мы — новѣйшіе — ставимъ переводчику въ непремѣнную обязанность, не потому, что мы *Христиане* (это даетъ намъ *другія* важнѣйшія преимущества передъ древними), но потому, что всякое искусство и всякая наука совершенствуется *вѣками*. Цицеронъ, по случаю смерти своей Туліи (дочери) говоритъ въ одномъ письмѣ къ Аттику: «Философія не только не облегчаетъ, но скорѣе усугубляетъ мою скорбь: въ душѣ, хорошо вздѣланной, *ося* бываетъ *мязе* и *человѣчиѣе!*» Именно эта *человѣчяна* мягкость его характера побудила его *смильчивъ* спартанцемъ эпитафіи Симонида. Переводы Римлянъ, по *нашимъ* понятіямъ, должно скорѣе называть *подражаніями*.

На 5-й пунктъ не могу отвѣчать потому, что авторъ поворотилъ спорное дѣло въ *такую сторону*, о которой *не говоралъ* въ журнальной статьѣ. Мнѣ было *извѣстно* все то, что наговорилъ г-нъ Шевыревъ по этому пункту, и еще болѣе: въ доказательство тому привожу императорскій указъ (Іуліана), *когда* воспрещалось *Христианамъ* толковать Гомера и *написалось*

нитъ въ обязанность учить только Святому Евангелію. (XLIII письмо Іуліана.)

Г-нъ Шевыревъ выворачиваетъ наизнанку всякое слово мое. Я сказалъ, что съ христіанской точки зрѣнія смѣшонъ Юпитеръ, собирающійся колотить свою супружницу, и дурень Ахиллесъ, дѣйствующій *не чисто* на своемъ поединкѣ съ Гекторомъ! Эти-то послѣднія слова *выпустила* противникъ мой, чтобы вѣсти на меня новую небывлицу, будто бы я не весьма коротко знакомъ съ содержаніемъ Илиады, которую я читалъ отъ доски до доски, по-крайней-мѣрѣ сто разъ, — и чтобы подчивать меня обвиненіемъ Аполлона противъ Ахилла, передъ всѣми богами. Помилуйте! дозволяется ли *такъ* дѣйствовать въ литературѣ? Я говорю, что Ахиллесъ не-рыцарскимъ образомъ убилъ Гектора — и сослался на величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ, на Шекспира, у котораго Ахиллесъ (въ трагедіи: Троянъ и Крессида) на этомъ поединкѣ дѣйствуетъ, какъ презрительный убійца героя, на честный бой съ которымъ онъ не отважился — а вы говорите о томъ, какъ судятъ боги о поступкахъ Ахиллеса съ *мертвымъ тѣломъ Гектора!* Пойди, поймай этого Протей!

Въ заключеніе, г-нъ Шевыревъ говоритъ: «Замѣчательно, что, въ своемъ оправданіи, баронъ уже ни слова не сказалъ въ пользу Вольфова парадокса противъ Гоголя. На этой половинѣ поля онъ сдѣлалъ полную уступку!» — Г-нъ Шевыревъ, вы опять хитрите! Вы очень хорошо выразумѣли изъ моей статьи, что я не сдѣлалъ никакой уступки, что я не признаю за Гоголемъ, не знающимъ, какъ было опубликовано въ двухъ временныхъ изданіяхъ, ни одного языка, кромѣ русскаго, *права судить о Гомерѣ*, да и съ вами не желаю спорить о Гомерѣ, когда вамъ кажется важнымъ мнѣніе Гоголя, судящаго о Гомерѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Въ спорѣ же съ *другимъ*, я готовъ доказать, что мнѣ извѣстно главнѣйшее, написанное о Гомерѣ, отъ Лонгина до вашего Отфрида Миллера и Гоголя включительно.

Вы говорите, въ самомъ концѣ своей статьи: «Для меня, *слаботолкующую смудрствованника* Гоголя (въ первый разъ вы употребили *точное* выраженіе) статья его (моя критика на Одиссею Гоголя, въ Сѣв. Пчелѣ) показалаь совсѣмъ не бомбою, а холостымъ зарядомъ!» Чудный *холостой зарядъ*, который разсѣивалъ читателей и, по сіе время, т. е. по прошествіи почти

года, еще производить гулъ и смятеніе въ статьяхъ г-на Шевырева.

Отдѣленіе II. Бѣда отъ опечатокъ. Удѣливъ г-ну Шевыреву довольно длинную рѣчь, не могу обойти словомъ и г-на Гаврилова, столь усердно трудившагося надъ отыскиваніемъ опечатокъ и разныхъ, по его мнѣнію, ошибокъ въ моихъ стихотвореніяхъ. Тотъ кто не выразумѣлъ такой баллады, каковъ *Царь Сой*; кто въ такой серьезной и важной трагедіи, каковъ *Гелимеръ*, не видитъ ничего, кромѣ *сандализмозъ* (замѣтите: это ниѣтъ претензію на остроу, потому, что въ трагедіи дѣйствуютъ *Вандалы*), съ тѣмъ конечно толковать нечего о критикѣ! Г. Гавриловъ говоритъ (Москв. № 5, отд. крит. стр. 24.) «Или мы не знаемъ языка и не понимаемъ барона Розена — (кажется, что такъ), или онъ ошибается съ умысломъ? Что-нибудь одно. Мы рѣшительно полагаемъ, что нельзя сказать по-русски: «Гелимеръ и Амматасъ *помѣняются* смущенными взглядами. Это *нѣмецкое* настоящее время, а русское: *мѣняются*.»

Плохо, г-нъ Гавриловъ, знаете вы по-нѣмецки: *помѣняются* — такъ же на нѣмецкомъ, какъ и на русскомъ языкѣ, есть *будущее*. Не уже ли вамъ и на умъ не приходило, что это должна быть *опечатка*? Или вы обрадовались такой опечаткѣ, которая могла бы послужить оружіемъ противъ того, кто сильно нападаетъ на московскую схоластику, за парадоксальность ея понятій? Какъ бы то ни было, помогу вамъ уразумѣть, какъ могла случиться эта опечатка. «Мѣняются взглядами» означаетъ продолжительное дѣйствіе, чего нельзя было допустить при постороннемъ лицѣ; потому я поставилъ: *помѣнялись* смущенными взглядами. Трудно ли понять, какимъ образомъ изъ «помѣнялись», подъ рукою наборщика, могло составиться «помѣняются»? Жаль, г-нъ Гавриловъ, что вы не знаете по-нѣмецки, а то нашли бы въ той же трагедіи опечатки, по которымъ гораздо легче могли бы узнать *Нѣмца*, въ авторѣ Гелимера, напримѣръ: «Но конь его узнаешь издалеца» — вмѣсто: *Коня* его узнаешь и проч. Конь — das Pferd — средняго рода и, на нѣмецкомъ языкѣ, внимательный падежъ его не разяствуеть отъ именительнаго. Вотъ была бы для васъ находка!

Далѣе вы говорите: «Такъ же и это не по-русски: Малазу-нита завербовала бѣ рать!» надобно завербовала бы рать, а за-

вербовать можно только одного *рекрута* — и *дешевому* критиковъ, не понимающихъ своего дѣла! Плохо, г-нъ Гавриловъ, вы знаете и *исторію*, если не въ шутку захотѣли, чтобы я поставилъ: *Малазуинта* навербовала бѣ рать! Въ то время еще не вербовали войска, и подавно—между Вандалами! А если бѣ и было такъ, въ угодность вамъ, то вербованіе потребовало бы *денегъ*, а умный Царь Гелимеръ конечно не съ *казною* отпустилъ бы въ Испанію затѣйливую Малазуинту—«жену, владѣющую словомъ», какъ онъ выражается! Нѣтъ, онъ боится, какъ бы Малазуинта не *завербовала*, своимъ краснорѣчіемъ, въ заступники свои одного изъ предводителей готскихъ племенъ въ Италиі, а съ нимъ, конечно, и всю рать его! Вотъ почему сказано: *завербовала бѣ рать*, и почему нельзя было употребить слово: *навербовать*. Вы могли бы объявить войну поэтической *смѣлости* этого выраженія; тѣмъ вы доказали бы, по-крайней-мѣрѣ, что меня выразумѣли! Далѣе критикъ, приводя мои выраженія: *«ма походѣ; на бѣгствѣ; хвалить съ очи; сведи со мною миръ»* и проч. заключаетъ фразу такъ: *«тысячи подобныѣхъ выраженій, принадлежащихъ неизвѣстно какому языку, попадаютъ безпрестанно въ трагедіи Гелимеръ!»* Замѣьте логику г-на Гаврилова: *тысячи* выраженій попадаютъ *безпрестанно*—т. е. непрерывно по тысячѣ выраженій! Хороша логика! Я вамъ скажу искренно, г-нъ Гавриловъ, что это выраженія—поэтическія, *чисто-русскія*; но къ *какому* разряду критиковъ принадлежите вы, вотъ это неизвѣстно—и сущая Архимедова задача.

Какъ вы думаете, любезные читатели, чѣмъ оманчиваеетъ критикъ мой свои мелкія придирки? *деумя* колоссальными неправдами! Вотъ онѣ: «Намъ остается только сожалѣть о талантливомъ писателѣ (обо мнѣ), который *могъ бы составить славу любой литературы* (страшная похвала!) и который до-сихъ-поръ не знаетъ языка той земли, гдѣ суждено ему дѣйствовать» и проч. Видно я насолилъ московской схоластикѣ, когда мнѣ, даже посреди порицаній, выдаютъ дипломъ на чинъ *первокласснаго сенія* (какъ же иначе составить славу *любой* литературы, напримеръ: нѣмецкой, или французской, или англійской?), выдаютъ *такой* дипломъ, лишь бы избавиться меня на русскомъ Парнасѣ! Нѣтъ, господа! вы мнѣ не вскружите головы никакою экцентрическою похвалою; не собьете меня съ толку никакимъ порицаніемъ! Я лучше всѣхъ знаю самъ, чего я стою, и чего не стою.

Выдать мнѣ патентъ на чинъ гевія, г-нъ Гавриловъ уже не рѣшился критиковать мое стихотвореніе: «Могила Пушкина», отзываясь только, что онъ тамъ не понимаетъ «выраженія, какими образомъ пѣлъ соловей (г-нъ Гавриловъ, это не по-русски и ни по-наковски! надо бы было: «не понижаю, какимъ образомъ пѣлъ и проч:) какимъ образомъ соловей пѣлъ «подъ сѣнію могилы!» Вѣда съ такими непонятливыми рецензентами! *Могилою* называется не одинъ надгробный холмикъ, но и памятникъ, обсаженный деревьями. Могила пѣвца Орфея, въ пустынной Фракіи, мы представляемъ себѣ въ родѣ могилы Наполеона, на островѣ Св. Елены; неужели такого памятника, обсаженного деревьями, нельзя назвать могилою; а подъ сѣнію такой могилы можетъ пѣть не только соловей, но и самъ г-нъ критикъ — и вѣроятно, пѣлъ бы подъ сѣнію Орфеевой могилы несравненно лучше, нежели поетъ подъ сѣнію «Москвитянина.» Вѣроятно, г-ну Гаврилову неизвѣстно древнее преданіе, что подъ сѣнію могилы Орфеевой соловей пѣлъ слаще, громче, трогательнѣе. Смыслъ преданія тотъ, что пустынной могилѣ славнаго, трагически умершаго поэта какъ-то свойственно возбуждать живѣйшее сочувствіе въ душѣ путника! Эту поэтическую мысль, примѣненіе этого преданія къ могилѣ Пушкина надо бы было опѣнить въ моемъ стихотвореніи! Но на это неспособны такіе рецензенты, которые видятъ художественный вкусъ только тамъ, гдѣ выставляются образцы безвкусія—въ Ревизорѣ и въ Мертвыхъ Душахъ Гоголя!

ВАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Совѣсть купца Лагушова. Романъ О. М. Часть первая. С. П. бургъ, въ типографіи Экспедиціи заготовленія Госуд. бумагъ. 1848 года, стр. 256.

Образованные люди знаютъ, что написать романъ, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительный для чистаго, художественнаго вкуса, не менѣе трудно (если еще не болѣе), какъ изваять прекрасную статую, написать превосходную картину, сочинить прелестную оперу. Но истинно-образованныхъ людей не очень много на свѣтѣ. Они всегда составляли и составляютъ меньшинство. Огромное же большинство человечества полагаетъ, что романъ не что иное, какъ пустячки, выдумки и небылицы; что всякой, если захочетъ, можетъ написать славный романчикъ или даже

романище въ десяти частяхъ. Да что-де терять время на вздоръ! А подзадорать, такъ напишу, право, напишу и докажу, что сочинить романъ умному человѣку ничего не стоитъ! Запасся перьями, взялъ нужное количество листовъ бумаги, и пишу смѣло! Тутъ не нужно ни справокъ, ни соображенія, ни вѣрности и точности изложенія, за которую отвѣчать должно. Полная воля писать, что хочешь, что только въ голову придетъ. Нѣкоторые, вмѣсто того, чтобы сказать: «что ты мнѣ за вздоръ говоришь!» употребляютъ выраженіе: «что ты мнѣ за романъ рассказываешь!»

Кажется, что авторъ разбираемаго нами романа согласенъ съ мнѣніемъ большинства человѣчества. Впрочемъ не утверждаемъ еще этого рѣшительно, и разберемъ напередъ совѣсть купца Лягушова.

Какой-то князь Залихватскій, не имѣющій очевидно ни гроша, успѣлъ какимъ-то чудомъ занять у богатаго купца и большаго скряги, Лягушова, до ста тысячъ рублей! Въ иныхъ романахъ, какъ извѣстно, и не такія чудеса бываютъ. Лягушовъ, замѣтивъ наконецъ, что онъ свой капиталъ употребилъ весьма неудачно и неосмотрительно, не хочетъ преслѣдовать Залихватскаго, а придумалъ выдать за него замужъ дочь свою Фасту (вѣроятно *Фавсту*) безъ приданого, простивъ только долгъ Залихватскому. Сваха Яковлевна «женщина чистоплотная, точное подобіе вѣчнооблизывающейся кошки,» (повторяемъ слова автора) мигомъ уладила дѣло. Назначены *смотримы* невѣсты въ домъ Лягушова. Невѣсту одѣваютъ великолѣпнымъ образомъ, а Лягушовъ между тѣмъ въ страшныхъ хлопотахъ по части приготовленій къ приличному угощенію. Но Залихватскій и не подозреваетъ, что у него есть соперникъ *Алешка* или Алексѣй Семеновичъ, главный приказчикъ Лягушова, юноша лѣтъ двадцати трехъ, съ небольшимъ, какъ говоритъ авторъ. Этого не подозреваетъ и Лягушовъ. Между тѣмъ, «на раменахъ молодаго человѣка лежало все зданіе торговли Лягушова, и страшно было пошатнуть этотъ столпъ—все неминуемо разрушилось бы и погибло!» Такъ говоритъ авторъ объ Алешкѣ, рѣшительно поражая читателя своимъ высокимъ слогомъ. Пошатни столпъ, то-есть Алексѣя Семеновича, на раменахъ котораго лежитъ цѣлое зданіе, и все неминуемо разрушится и погибнетъ! Какое высокое мѣсто! Оно напоминаетъ намъ стихи Гомера объ Зевсѣ, который нахмурилъ брови и произвелъ землетрясеніе. Но

оставимъ Гомера и обратимся къ софисти Лагушова. Надобно замѣтить, что купецъ Лагушовъ, по непремѣнному закону для всѣхъ нашихъ купцовъ, во всѣхъ плохихъ романахъ, повѣстяхъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ, необычайно толстъ; жена его (повторимъ слова автора) была «по толщинѣ не половина, а скорѣе удвоенная туша своего супруга.» Замѣтимъ мимоходомъ, что эта купеческая толщана, въ литературѣ и художествахъ, сдѣлалась такою пошлою и избитою вещью, что право софисто не только писать, но и читать подобныя описанія. Есть толстые купцы, есть и тонкіе. Что же за бѣда! И во всѣхъ званіяхъ найдешь толстяковъ и тощихъ. Мы знаемъ очень многихъ купцовъ, которые гораздо *тоньше* сочинителя Совѣта Лагушова. Для чего же малевать устарѣлыя каррикатуры, вмѣсто натуры, которая непремѣнно требуется въ каждомъ путномъ романѣ. Заинтересуйте читателя не уродливою толщиною, не удвоенными тушами, а живымъ изображеніемъ характеровъ, *правдою* описаній; но это не всякому сочинителю дается и удается, какъ извѣстно. Да что объ этомъ толковать! Поспѣшимъ на смотривы цвѣсты. Князь Залихватскій пріѣхалъ. Лагушовъ со всѣмъ семействомъ, въ торжественной процессіи, выходитъ къ нему, держа въ рукѣ откупоренную бутылку *шипучаго*, и начинаетъ держать слѣдующую рѣчь:

— «Вотъ-съ, батюшка князь, наша младшая дочечка, Фастюшка, бьетъ тебѣ челомъ! Просимъ милости любить и жаловать!»

«Фаста раѣла какъ маковъ цвѣтъ. Натуральная краска была «гуще искусственной и пробивалась наружу сквозь двойной толстый слой бѣлилъ и румянъ. Хотя князь чувствовалъ себя не «совсѣмъ ловко въ этой почтенной компаніи, однако же ловко наклонилъ голову, въ знакъ привѣтствія, и граціозно принялъ бокалъ съ виномъ.»

— «За здоровье вашей *прекрасной* особы!—молвилъ онъ, бросаая насмѣшливый взглядъ на румяныя щеки и пунсовое платье «купеческой дочки.»

Какова острога! Ну право, одинъ князь Залихватскій въ состояніи такую выдумать.

Онъ выпилъ уже второй бокалъ. Сынокъ Лагушова двадцатидвулѣтній Васютка или Василій поднесъ, по знаку отца, тарелку съ плодами.

— «Вотъ сладкіе яблody, а вотъ и нашъ сыночекъ Васютка! Просите милости любить и жаловать! пришло время Лагушовъ.»

«Князь взялъ съ тарелки какую-то «ягу» и, показавъ ее Лагушову, сказалъ:

— «Наконецъ-то вы дождались, что ваши дѣти приносятъ яблody!»

Нѣтъ! ужъ сдѣлайте милость, пощадите! Эта «яга», эти яблody составляютъ такіе каламбуры и остроты, что наводятъ просто страхъ и ужасы! Ахъ да князь Залихватскій! Того и смотри, что насквозь проколетъ, убьетъ «своими остротами».

Послѣ этого князь началъ пить шампанское «безъ отговорокъ и безъ каламбуровъ», какъ говоритъ авторъ. Сколько бокаловъ онъ выпилъ—невѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія порядочное количество, ибо вслѣдъ за тѣмъ князь имѣлъ слѣдующій разговоръ со своею невѣстою:

— «Вы умѣете говорить?—спросилъ онъ улыбаясь.

— «Не знаю!—отвѣчала молодая дѣвушка въ замѣшательствѣ, почти шопотомъ и со слезами на глазахъ.

«Князь хотѣлъ было продолжать разговоръ въ томъ же духѣ, но ему стало жаль бѣдняжки, а потому онъ сказалъ:

— «Вы какъ будто боитесь меня? Неужели я кажусь вамъ «такими медвѣдемъ?»

— «Да! — отвѣчала смущенная дѣвушка, сама не зная что говорить.

— «Прекрасно! Вотъ что называется откровенностію!.. Но если уже на то пошло, то я прошу васъ сказать мнѣ: правую ли я вамъ или нѣтъ.

— «Нѣтъ!

— «Мило!.. Больше мнѣ ничего и не нужно знать!.. Я просто «не знаю, какъ благодарить васъ за это!»

— «Не знаю!

— «Я готовъ разцѣловать васъ!

— «Да!

— «Куда же по вашему будетъ приличіе... въ губки?»

— «Нѣтъ!

— «Ну такъ въ шейку, что-ли?»

— «Да!

«Князь наклонился и хотѣлъ-было уже поцѣловать нею купеческой дочку, но дикая дѣвственница пророчно вскочила и въ «вспугъ воскликнула:

— «Ахъ, маленька! маленька!.. Я боюсь!.. Онь кусается!»

«Родители испуганной дѣвушки, видѣвшіе покушеніе князя, въ изумленіи переглянулись между собою, и невѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы на выручку князя не подвинулся «снечальный» избавитель. Подъ складнымъ столомъ раздался стрекъ, невольна заставившій всѣхъ обратиться въ ту сторону.

«Васютка, хозяйскій сыночекъ, бросился исследовать причину этого страшнаго феномена, но едва заглянулъ подъ столъ, какъ съ испугомъ отскочилъ назадъ и закричалъ:

— «Тятечка! Тятечка!.. Да тамъ человѣкъ спрятанъ-сь!

«Дамы съ визгомъ бросились бѣжать въ другую комнату, а старикъ Лягушовъ сказалъ:

— «Что ты лжешь, сквернавецъ! Какой тамъ человѣкъ?

— «Ей-же-ей, право слово человѣкъ!»—отвѣчалъ блѣдный отъ страха Васютка.

«Не смотря на то, что старикъ Лягушовъ не вѣрилъ словамъ сына, онъ боялся однако подойти къ столу и не трогался съ мѣста. Васютка также держалъ себя наготовѣ, чтобы въ случаѣ малѣйшей опасности, наострить лыжи; только одинъ князь «не потерялъ присутствія духа и даже мгновенно создалъ изъ «всего этого приключенія живую картину подъ названіемъ: *бу-аря въ стаканъ воды!* Твердыми шагами подошелъ онъ къ столу, и поднимая висѣвшую на петляхъ половинку стола. Взоры Лягушова и сына вмали впялись въ полуосвѣщенное подстольное пространство и имъ представился, весь воплѣтъ, скрывавшійся до того времени, Алеша.

«Молодой человѣкъ сдѣлалъ, согнувшись, въ самой неловкой позѣ и, робко выглядывая, соображалъ, что для него было «выгоднѣе: остаться ли въ своей засадѣ или сдѣлать вылазку? «Разсудивъ здраво, что пребываніе подъ столомъ было для него «ниже, неудобно и бесполезно, онъ выползъ оттуда на четверенькахъ, и сталъ на ноги, можно сказать, совершенно сбившій съ ногъ. Князь отнял руку и половинка стола стремительно опустилась. Раздался сильный стукъ, отъ котораго Лягушовъ съ сыномъ невольна вздрогнули, а дамы, бывшія въ сосѣдней комнатѣ, опрометью бросились въ самыя отдаленныя концы дома.

— «Алешка! — воскликнулъ прежде всѣхъ сынъ Лягушова.

— «Что ты здѣсь дѣлаешь, окаленный? — вскричалъ въ слѣдъ за сыномъ отецъ.

— «Прогуливаюсь! дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, оробѣлымъ приказчикъ.

«Казнь громко захохоталъ.

— «Тѣсна же твоя дорога, дружокъ; и не уйти тебѣ по ней сдвину! — сказалъ онъ.

«Алеша стоялъ потупя взоръ и ничего не отвѣчалъ.»

Приказчикъ Алеша совершенно правъ. Прочитавъ такую натуральную и со всею психологическою вѣроятностью веденную сцену, прочитавъ первую часть романа, гдѣ много подобныхъ красотъ и острогъ, и мы потупили взоръ и болѣе ничего не скажемъ. Вторая часть романа, которой мы не читали, безъ сомнѣнія, не уступитъ первой.

МОСКВА И МОСКВИЧИ. *Записки Богдана Плища Бельскаго, издаваемые М. Н. Загоскинымъ. Выходъ третій. Москва. Въ Университетской типографіи, 1848 года. Стр. 338.*

Случалось ли вамъ, почтенные читатели, послѣ нескладной, раздражающей уши, ученической игры на скрипкѣ, вдругъ услышать восхитительные звуки, производимые волшебнымъ смычкомъ опытнаго, знаменитаго виртуоза? Точно такое же отрадное чувство, такой же восторгъ почувствовали мы, когда послѣ *Советки купца Лгушова* принялись читать пронаведеніе М. Н. Загоскина. Оно уже знакомо намъ и всѣмъ по *Библиотекѣ для чтенія*, которая всегда была строго-разборчива и никогда не украшала своихъ страницъ мишурою вмѣсто золота; но Загоскина можно прочитать два раза, пять разъ, десять разъ съ истиннымъ наслажденіемъ! Существуетъ или, вѣрнѣе сказать, существовала нѣкоторая литературная партія, по французскому выраженію, *котерія*, которая всѣми силами своими помогалась доказать, что у Загоскина нѣтъ таланта; что онъ отсталъ отъ вѣка; что онъ писатель плохой. Не станемъ теперь оспаривать такую негѣлицу и много говорить объ этой жалкой *котеріи*, вспомявъ латинскую пословицу: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Къ этой покойной *котеріи* можно было бы съ полнымъ правомъ примѣнять еще слѣдующую русскую, довольно глупую пословицу: «Жила бабушка—не вѣшала; умерла—не жаль!» но мы этой пословицы не хотимъ примѣнять ни къ чему, а приведемъ ее такъ, просто, въ видѣ справки.

Хотѣлось бы намъ, для доказательства законности нашего востерга и истиннаго наслажденія, выписать что-нибудь для на-

шихъ читателей изъ третьяго выхода *Москвы и Москвичей*; но въ напечатаніи нашемъ встрѣтили мы немаловажное затрудненіе. Что выписать? Если выписывать все хорошее, то пришлось бы перепечатать весь третій выходъ *Москвы и Москвичей*, а это противно праву литературной собственности, въ нарушеніи котораго вздумалось недавно *Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ* обвинять *Сына Отечества* по слѣдующему, весьма курьозному обстоятельству.

Отвѣтъ *Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ*.

Въ номерѣ 129 *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* (11 іюня) прочтала мы, не безъ удивленія, обвиненіе, будто бы *Сынъ Отечества* нарушилъ право литературной собственности, перепечатавъ изъ частореченныхъ Вѣдомостей, въ іюньской своей книгѣ, небольшое стихотвореніе князя Вяземскаго, подъ заглавіемъ *Ссытал Русь*, которое было перепечатано и въ *Ивильдѣ*.

Если бы *Сынъ Отечества* напечаталъ какое-нибудь рукописное сочиненіе князя Вяземскаго, хоть эпиграмму въ два или четыре стиха, не испросивъ его дозволенія; то это, конечно, было бы нарушеніемъ права литературной собственности; но *Сынъ Отечества* перепечатавъ стихотвореніе его изъ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, которыя, какъ извѣстно, издаются не въ рукописи, для общественнаго чтенія, и внизу страницы напечатано въ *Сынѣ Отечества* весьма явственно слѣдующее подстрочное примѣчаніе:

«Это стихотвореніе, проникнутое живымъ, теплымъ чувствомъ «патріотизма, было напечатано въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* (6 мая). Помѣщаемъ его въ нашѣмъ журналѣ, въ увѣренности доставить истинное удовольствіе каждому, кто—выразимся словами автора,—дорожитъ тѣмъ, что онъ *сынъ родной Россіи*.»

Вѣроятно, неизвѣстный обвинитель *Сына Отечества* или не усмотрѣлъ, по близорукости, этого подстрочнаго примѣчанія; или не захотѣлъ усмотрѣть, возымѣвъ непреодолимое желаніе блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и показать свое искусство въ сочиненіи обвинительныхъ рѣчей въ родѣ извѣстной рѣчи Цицерона противъ Катилины: *Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra!* «Не свесу, не стерплю, не допущу!» восклицалъ древній Цицеронъ, обличая Катилину. По примѣру его и новѣйшій Цицеронъ восклицаетъ: «Мы увѣрены, что не смотря на та-

«кое—изъ несчастію, не рѣдкое у насъ—неуваженіе къ праву «литературной собственности, почтенный авторъ достигнеть своей цѣли и что это стихотвореніе, *котораго мы хвалимъ не смѣемъ,* * потому что имѣли честь украсить имъ нашу газету, «равняется въ огромномъ числѣ экземпляровъ и тѣмъ усилитъ «средства истинно-благотворнаго заведенія, въ пользу котораго «вздано.»

Все это очень трогательно, высоко, но очень несправедливо! Новѣйшій Цицеронъ, посреди этихъ цвѣтовъ краснорѣчія, объявляетъ, что стихотвореніе князя Вяземскаго отпечатано вышѣ отдѣльною книжкою и продается въ книжныхъ лавкахъ Ратькова и другихъ книгопродавцевъ по 25 коп. серебромъ въ пользу Второй Адмиралтейской школы, и потому перепечатаніе этого стихотворенія тѣмъ болѣе неумѣстно.

Помилейте, господинъ Цицеронъ! За чѣмъ же вы не объявили этого новаго обстоятельства заблаговременно, прежде еще печатнаго украшенія *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* означеннымъ стихотвореніемъ?.. И откуда вы взяли, что похвала *Сына Отечества* этому стихотворенію, *котораго вы хвалимъ не смѣете,* повредитъ продажѣ отдѣльнаго его изданія въ пользу Второй Адмиралтейской школы? Что это за логика? Мы напротивъ увѣрены, что указаніе *Сына Отечества* будетъ способствовать распродажѣ экземпляровъ и достиженію благотворительной цѣли почтеннаго автора. Очевидно, что цицероновское обвиненіе насъ въ неуваженіи права литературной собственности и неумѣстности нашего поступка, неумѣстимо въ самую крошечную, гомеопатическую рамку справедливости и здравой логики.

Всѣ русскія ежедневныя газеты почти каждый день заимствуютъ другъ у друга разныя статьи, съ *указаніемъ источника*, а ихъ никто до-сихъ-поръ, съ сотворенія міра, не вздумалъ уличать въ нарушеніи права собственности, потому, что такое обвиненіе было бы несправедливо и смѣшно. Неужели журналу, выходящему одинъ разъ въ мѣсяць, книжкою въ тридцать печатныхъ листовъ и болѣе, не дозволено указать своимъ читателямъ на небольшое стихотвореніе, напечатанное въ какой-либо ежедневной газетѣ, и похвалить его, а слѣдовательно похвалить вмѣстѣ и ту газету? Кажется, такого запрещенія не существовало ни въ древнія, ни въ новѣйшія времена, ни даже

* А мы осмѣлились! — откровенно признаемся въ нашей смѣлости. Ред.

къ кѣкъ Цицерона. Гдѣ же неуваженіе права литературной собственности, въ которомъ новѣйшій, неизвѣстный Цицеронъ объявляетъ *Сына Отечества*, и которое, по его патетическому увѣренію, не рѣдко у насъ къ несчастію? Оно, очевидно, существуетъ только въ пылкомъ воображеніи оратора и автора увомдиутой обвинительной рѣчи. Воображеніе каждаго писателя мы считаемъ такою же священною собственностью, какъ и собственность литературную, и потому не смѣемъ прибавить болѣе ни словечка. Скажи еще что-нибудь, такъ, пожалуй, новѣйшій Цицеронъ обвинитъ насъ въ неуваженіи права литературнаго воображенія. Мы всѣ права всегда свято уважали, уважаемъ и будемъ уважать. *Vale*, новѣйшій Цицеронъ!

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА. *Сочиненіе А. Терещенки. Въ VII частяхъ.*

Въ предыдущемъ номерѣ *Сына Отечества* мы уже рассмотрѣли первую часть этого сочиненія и довольно подробно рассказали ея содержаніе. Къ собственному нашему неудовольствію, мы не много могли указать въ ней достоинствъ, а напротивъ съ сожалѣніемъ должны были часто остававливаться на качествахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какихъ ожидаешь отъ сочиненій такого рода. Подобныя остановки, неприятыя и при чтеніи и при разборѣ книги, бываютъ слѣдствіемъ разочарованія, слишкомъ чувствительнаго разрушенія той надежды, съ какою берешься за книгу, судя по ея названію. Первый ударъ, нанесенный нашимъ надеждамъ и ожиданіямъ, всегда чувствителенъ. Но потомъ мало-по-малу присматриваешься, привыкаешь къ натуральному порядку вещей, не смотря на ихъ несогласіе съ нашимъ идеаломъ. Такъ и при дальнѣйшемъ чтеніи *Быта русскаго народа*, мы мало-по-малу привыкли къ неотъемлемымъ его качествамъ, о которыхъ говорили въ предыдущей книгѣ журнала. Отсутствие, наиримѣръ, связи и порядка; противорѣчія исторіи, недомолвки, и тому подобныя обстоятельства насъ уже болѣе не удивляли, не приводили въ недоумѣніе; намъ казалось уже, что это такъ и должно быть, что все это здѣсь на своемъ мѣстѣ, что безъ этого сочиненіе г. Терещенки потеряло бы даже свой колоритъ. Всѣ вышесчисленныя качества, часто повторяясь въ другихъ частяхъ *Быта*, тѣмъ менѣе поражали насъ, что мы нашли очень извѣ-

вительную всему причину,—взлѣвшее обиліе предметовъ, которыхъ авторъ, по усердію ли или по другимъ побужденіямъ, касался въ своихъ изслѣдованіяхъ. Довольно указать на первую главу въ III части: *Времѣчисленіе*. Въ этой главѣ разсматривается времѣчисленіе у Евреевъ, Ассиріяняъ, Вавилонянъ, Персовъ, Финикіяняъ, Трояняъ, Египтяняъ, Кароагеняняъ, Римляняъ, Христіанъ, Магометанъ; потомъ представлена таблица церковныхъ буквъ и римскихъ знаковъ, употребляемыхъ въ счетъ, и арабскихъ чиселъ; потомъ перебираются названія мѣсяцевъ у разныхъ народовъ: Египтяняъ, Египлянъ, Спрійдецъ, Грековъ, Римлянъ, Евреевъ, и прочее и прочее. Удивительно ли послѣ этого, что громадность изслѣдованій подавила, во многихъ мѣстахъ, самый смыслъ? Удивительно ли, что авторъ говоритъ: «Лѣто означало въ древности время человѣческой долговѣчности, и было иногда началомъ новаго года, который вели отъ наступленія лѣта; потомъ когда стали вести времѣчисленіе съ весны, полнолунія и веснянаго равноденствія, то превратилось лѣто въ названіе года!»?

Почему авторъ счелъ нужнымъ наполнить свое сочиненіе изслѣдованіями, вовсе не относящимися къ его предмету? Мы указали сейчасъ на названія мѣсяцевъ, употребляемыя разными народами, названія, которыя нимало не поясняютъ древнихъ славянскихъ наименованій мѣсяцевъ. Авторъ и самъ понимаетъ это, потому-что не старается открыть хотя отдаленнаго между ними сближенія. По всему видно, что онъ коснулся лѣтосчисленія у всѣхъ народовъ, потому только, что началъ говорить о лѣтосчисленіи въ Россіи; слѣдовательно онъ безотчетно покорялся закону сродства идей. Господство того же закона замѣтно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только представляется возможность для его дѣйствованія. Заговоритъ ли авторъ о свадебныхъ обрядахъ, непременно пойдетъ къ Евреямъ, Вавилонянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, и при этомъ скажетъ что-нибудь такое, чего вовсе никогда не бывало. Объ обрядѣ обрученія у Евреевъ говорится такъ: «Евреи, при собраніи постороннихъ людей, обручали молодыхъ перстнями, въ знакъ неразрывнаго союза; давали имъ пить сладкое вино изъ сосуда, заѣдая лачменной лепешкою, и клялись въ взаимной любви и вѣрности.» То есть, молодые пили вино, а другіе закусывали и клялись въ любви! Далѣе говорится, что «у нашихъ Коряковъ, племени Камчадаловъ (?), было прежде въ обыкновеніи вмѣтъ, вмѣсто

женъ, каменные статуи, и ихъ одѣвали въ платье, клали съ собою спать, шутили съ ними и забавлялись, какъ бы съ существами, чувствующими удовольствіе и радость.» Нельзя не сознаться, что продолженіе бытія Коряковъ составляетъ неразрѣшную загадку.—Зайдетъ ли рѣчь о какомъ-нибудь празднествѣ, опять выступаютъ на сцену Греки и Римляне, иногда Индѣйцы, Гебры, или Бритты и Англо-Саксы. Коснется ли дѣло до какого-нибудь вѣрованія, снова раскрываются сказанія о временахъ глубокой древности. Положимъ, что всѣ подобныя свѣдѣнія, представленныя безъ искаженій, любопытны и полезны сами по себѣ. Но по какому праву они вошли въ *Бытъ русскаго народа*? Это непонятно. Быть можетъ, авторъ хотѣлъ указать сходныя черты въ обрядахъ и обычаяхъ Славянъ съ обрядами и обычаями другихъ народовъ, и изъ этого вывести правдоподобное заключеніе о сношеніяхъ Славянъ съ тѣми народами. Но у автора и намска нѣтъ на подобную методу. Быть-можетъ, не хотѣлъ ли онъ собрать только матеріалы для сравненія обрядовъ и увеселеній, существовавшихъ въ мірѣ славянскомъ и у другихъ племенъ, а самый трудъ сравнить эти элементы народнаго быта предоставить другимъ? Но для этого слѣдовало бы написать полную картину нравовъ и обыкновеній всѣхъ или по-крайней-мѣрѣ историческихъ народовъ; между тѣмъ въ сочиненіи г. Терещенки, находимъ эти указанія, какъ будто набросанныя по случаю, вырванные кое-откуда, мимоходомъ. Поэтому мы и считаемъ эти указанія совершенно лишнимъ, ненужнымъ матеріаломъ, безъ пользы разширившимъ объемъ сочиненія г. Терещенки. И потому, не имѣя желанія останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи такихъ свѣдѣній, мы ограничимся указаніемъ предметовъ, наполняющихъ шесть книгъ *Быта*, изъ которыхъ четыре отличаются благовидною полнотою, и только двѣ граціозно тощи.

Во II части *Быта*, описываются свадьбы, со всѣми, извѣстными автору, обрядами, какіе существовали у Славянъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, и даже съ нѣкоторыми прибавленіями, вымышленными самимъ авторомъ, вѣроятно для большаго эффекта или для красоты. Говоря о значеніи супружества въ обществѣ, г. Терещенко рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Восточный житель, глава семейства, считалъ для себя первой заботой оставить послѣ себя потомство. Не имѣть дѣтей,—бы-

ло знаменіемъ небеснаго гнѣва. У Іудеевъ *безплодная осемидесяти-ны были побиваемы камнями.*» Гдѣ это г. Терещенціѣ удалось отрыть такое странное сказаніе? Правда безчадіе у Евреевъ почиталось безчестіемъ въ жизни супружеской и, какъ тяжкое бѣдствіе, повергало супруговъ въ глубокую скорбь и уныніе. И это извѣстно всякому, кто читалъ исторію Авраамъ, Рахиль, Анны, матери Самуила. Но чтобы неплодныя женщины были побиваемы камнями, это извѣстіе только и можно найти въ сочиненіи г. Терещенки. Разсуждая о томъ же предметѣ, то-есть, о значеніи супружества въ обществѣ, г. Терещенко говоритъ: *«Пробѣжимъ мысленно появленіе любви, какъ основы брачнаго союза.»* Пробѣгая заданный себѣ вопросъ и вѣроятно слишкомъ скоро, авторъ второпяхъ такъ отзывается о востокѣ: *«Востокъ, колыбель народовъ, первый выразилъ на себѣ чувство сердца; но сердца пламеннаго; тамъ все (?) было основано на чувственномъ стремленіи одного пола къ другому, все (?) ограничивалось одной заботливостію о страстномъ наслажденіи,—и потому тамъ люди не были выше животныхъ (1).»* Понимаетъ ли авторъ, что разумѣется подъ именемъ Востока? Понимаетъ ли, что до степени животныхъ онъ унижаетъ тѣ народы, которые въ исторіи называются народами образованными, гражданственными, которые оставили памятники своей гражданственности, въ самыхъ развалинахъ служащіе предметомъ удивленія для образованныхъ Европейцевъ! Но все-таки эти порицанія понятнѣе, чѣмъ похвалы, возданныя авторомъ Греціи. *«Не таково чувство любви проявилось въ Греціи. Тамъ она была идея красоты (1); тамъ въ самыхъ мѣтахъ измѣлилась мысль любви, въ общей дѣятельности всемірной юности,—въ Эротѣ,—послѣ когю проистекло рожденіе женской красоты,—въ Афродитѣ.»* «Вообще, заключаетъ г. Терещенко, женщина для Грека была прекрасная, и назначеніе ея было чувство изящной страсти (?).» Что это такое? Изящная страсть? Быть-можетъ, авторъ разумѣетъ возвышенныя чувства чистой любви. Но если бы г. Терещенко потрудился заглянуть въ литературныя произведенія цвѣтущахъ временъ Греціи, наврѣшѣръ въ комедіи Аристофана, онъ увидѣлъ бы, какое изящное чувство господствовало въ отношеніяхъ мужчинъ къ прекрасному полу. То былъ самый грубый развратъ. Впрочемъ мы замѣтили, что всѣ такого рода мысли въ этомъ сочиненіи какъ будто у себя, дома. Потому

оставить безъ вниманія и «вздохательный романтизмъ», въ которомъ, по выраженію автора, проавилась любовь въ средніе вѣки, и размышленіе о блаженствахъ (!) любви нашего времени.

Во II части *Быта*, любовитвы описанія свадебъ, въ Россіи, въ разныя эпохи, и въ разныхъ классахъ, преимущественно же въ классѣ простолюдиновъ. Г. Терещенко перебралъ почти всѣ губерніи, и для каждой составилъ описаніе существующихъ въ ней свадебныхъ обрядовъ. Трудъ довольно, но много ли отъ того пользы? Не лучше ли бы сдѣлать общій обзоръ свадебныхъ обрядовъ, во всей Россіи, и указать только особенно замѣчательныя відозміненія, объяснивъ, если возможно, причины этихъ перемѣнъ? Одинакія подробности свадебъ, повторяющіяся въ каждой главѣ, посвященной описанію свадебныхъ обрядовъ той или другой губерніи, слишкомъ утомительны. Притомъ же современное раздѣленіе Россіи на губерніи отнюдь не можетъ быть причиною разности въ какихъ-нибудь народныхъ обыкновеніяхъ. Основанія этой разности надо искать въ древнемъ раздѣленіи русскихъ Славянъ, когда каждое племя, по словамъ летописца, имѣло свои нравы и обыкновенія.

Въ III части *Быта русскаго народа* говорится о *времьисчисленіи*, и говорится, какъ мы замѣтили, слишкомъ много для быта русскаго народа; потомъ о крещеніи, похоронахъ, поминкахъ и Дмитріевской субботѣ. Въ IV части описываются забавы русскаго народа: игры и хороводы; въ V части, народные обряды; въ VI, обрядные (?) праздники, и еще нѣчто другое; наконецъ въ VII, святки и масленица. Въ послѣдней части, г. Терещенко, не вдавался въ утомительныя подробности, какъ въ описаніи свадебныхъ обрядовъ, хотѣлъ представить общую картину святочныхъ увеселеній на святой Руси. Но у него какъ-то неловко слѣдись въ этомъ описаніи различныя эпохи, такъ что не можешь понять о какихъ временахъ говорить авторъ. «Въ старые годы, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, а потомъ черезъ нѣсколько строкъ прибавляетъ, что «разсказываютъ старые люди» какъ очевидцы. Значить изображаемая имъ эпоха восходитъ много, много, что лѣтъ за восемьдесятъ или девяносто. Между тѣмъ, въ этомъ изображеніи встрѣчаются такія лица, такіе костюмы и такіе нравы, что никакъ не вѣрится, чтобы такъ проводили святки въ Россіи въ предполагаемую нами эпоху. Являются на сцену какія-то *бабки-позыватки*, которыя приглашали дѣвицъ на святочные вечера въ какой-нибудь богатый домъ. «Бабки-позыватки полу-

чали отъ дѣвицъ подарки, узелки съ орѣхами, пряниками и винными ягодами. Отдавая ихъ, одна изъ дѣвицъ улыбалась и говорила: вотъ тѣ, бабушка, возьми, не прогнѣвайся, внучкамъ твоимъ зубки позабавить, а тебѣ на потѣшенье. — Вѣстимо, мать моя, отвѣчала бабка-позыватка, благодарствуемъ, и уходила отъ нея съ поклономъ. Обдаренная *трубила* по всѣмъ домахъ, о любезности и красотѣ дѣвушки, которая въ домѣ родителей сущій ангельчикъ, — а маленькія дѣтки у нея (у дѣвушки!), что цвѣточки твои!» Въ какую эпоху такіе цвѣточки составляли украшеніе дѣвушки, сущаго ангельчика — рѣшительно не знаемъ. Изъ послѣдующаго описанія видно только то, что въ ту чудную эпоху, «бабушка-воркунья толковала дѣвицѣ, какъ вести себя (въ гостяхъ) и не крѣпко засматриваться на суженыхъ! да они, вѣдь, плуты, мать моя!» Изъ послѣдующаго же видно, что въ общую комнату, куда собирались красавицы къ завтраку, «никто не могъ входить изъ мужчинъ, кромѣ — какихъ мужчинъ, вы думаете? — Горничныхъ, нянюшекъ и свахъ похажалокъ». Изъ послѣдующаго же видно, что въ ту эпоху, дѣвицы «препровождали время въ кусаніи орѣховъ, лущеніи семянъ, кушаньи сластей» и потомъ, «сидѣли, какъ на *молокѣ*, когда имъ пѣли про будущую ихъ долю.» Далѣе слѣдуютъ такія загадки, которыхъ мы не рѣшаемся выписывать, чтобы не оскорбить слуха и нравственнаго чувства читателей; между-тѣмъ, г. Терещенко, помѣстившій эти загадки въ своемъ сочиненіи, сожалѣетъ еще, что онѣ не всѣ у насъ собраны!

Въ заключеніе скажемъ, что сочиненіе г. Терещенки заключаетъ въ себѣ довольно обильное собраніе русскихъ народныхъ пѣсней, частію заимствованныхъ изъ извѣстныхъ уже пѣсенниковъ, а частію собранныхъ имъ самимъ. Можно было бы только пожелать, чтобы авторъ устранилъ изъ сочиненія свои объясненія, которыя искажаютъ смыслъ пѣсней. Объясняя святочные пѣсни, г. Терещенко, между прочимъ, пишетъ: «Сердце дѣвушки груститъ: оно щецъ суженаго, мысленно готовитъ ему полотенце и постель (!):

«По огороду хожу, полотенцы стелю,
«Слава!
«Я еще похожу, я еще *постелю*.
«Слава!»

Глаголъ *постелю* авторъ принимаетъ за существительное: *постель!*

Довольно любопытны описанія игры и хорошецовъ. Къ сожалѣнью, авторъ не ограничивается однимъ изображеніемъ этихъ игръ, а прибѣгаетъ еще свои размышленія, которыя всегда какъ-то не въ гармоніи съ предметомъ, вызвавшимъ эти размышленія. Вотъ описаніе игры, называемой: цвѣтъ. «Садятся въ кружокъ мужчины и дѣвушки. Одинъ изъ играющихъ ходитъ въ кругу и раздастъ названія цвѣтовъ: бѣлаго, алого, синяго, полевого, бланжевого, и т. п., а себя называетъ чертополохомъ. Потомъ, раздавшій названія цвѣтовъ, говоритъ: чертополоховый цвѣтъ прекрасный, алый не хорошъ. — Алый отвѣчаетъ: алый цвѣтъ прекрасный, а синий не хорошъ. Синій отвѣчаетъ: синий цвѣтъ прекрасный, бѣлой не хорошъ, и такимъ образомъ всякій изъ играющихъ защищаетъ свое названіе. Кто не успеетъ защитить себя, или скажетъ, что цвѣтъ прекрасный, съ котораго взялъ уже фантъ, то берутъ и съ него фантъ. — По набраніи фантовъ разыгрываютъ ихъ.»

Конечно, каждый изъ читателей, если они будутъ, остался бы доволенъ этимъ описаніемъ игры, не смотря даже на странное правописаніе; довольно и того, что рассказано ясно и понятно. Но авторъ не удержался, чтобы не предаться глубокомыслию. «Никто не хочетъ, прибавляетъ онъ, сознаться въ своихъ недостаткахъ; всякій думаетъ и говоритъ: я хорошъ, а тотъ не хорошъ; у того большіе недостатки, а у меня ихъ нѣтъ. — Въ глазу ближняго видятъ соломенку, а въ своемъ не видятъ сучка. *Страсти заглушаютъ расудокъ.*» Уже ли авторъ и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что въ этой игрѣ проявляются страсти, заглушающія расудокъ?

Въ такомъ духѣ, написано семь книгъ!

полный нѣмецко-русскій словарь, составленный по лучшимъ источникамъ В. Эртелемъ, выпускъ 1-й, 2-й и 3-й. С. Петербургъ. Типографія департ. военныхъ поселеній. Стр. 720.

Съ удовольствіемъ извѣщаемъ о выходѣ въ свѣтъ первыхъ трехъ выпусковъ полнаго Нѣмецко-Русскаго Словаря, составленнаго В. А. Эртелемъ. Смерть, постигшая автора въ сентябрѣ 1847 года, приостановила на время печатаніе этого труда; но наследники, желая удовлетворить г. г. подписчиковъ, внесшихъ уже деньги, рѣшились продолжать печатаніе этого Словаря, самимъ авторомъ вполне оконченнаго въ рукописи, и обогатить такимъ образомъ филологическую литературу нашу новымъ и превосходно-составленнымъ сочиненіемъ.

Съ 1798 года въ нашей литературѣ не появлялось ни одного полнаго нѣмецко-русскаго словаря. Лексиконъ, составленный по Аделунгу и изданный въ концѣ прошлаго столѣтія, теперь уже устарѣлъ и вовсе не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Поэтому г. Эртель оказалъ великую услугу нашей литературѣ, посвятивъ свои труды составленію полнаго нѣмецко-русскаго словаря, который удовлетворитъ вполнѣ потребностямъ настоящаго времени и въ которомъ мы уже давно чувствовали крайнюю нужду. Во сколько разъ словарь г. Эртеля полнѣе Аделунгова, можно видѣть уже изъ того, что на одну букву А, въ первомъ изъ нихъ, помѣщено болѣе 4,000 новыхъ словъ, не вошедшихъ въ составъ словаря Аделунга. Весь трудъ составленъ съ знаніемъ дѣла и совѣстливостью. Различныя значенія словъ расположены по порядку логической послѣдовательности и обогащены приличною фразеологіею, а выраженія морскія, горныя, лѣсныя и медицинскія выбраны изъ новѣйшихъ достоверныхъ источниковъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни, авторъ занимался исключительно пополненіемъ рукописи техническими словами и терминами, и это обстоятельство, возвысивъ достоинство труда, увеличило вмѣстѣ съ тѣмъ и объемъ лексикона, такъ что, вмѣсто предположенныхъ 7 выпусковъ, каждый въ 15 листовъ, полное изданіе будетъ составлять не менѣе десяти выпусковъ. Такое увеличеніе объема повлекло за собою и необходимое уменьшеніе прежней подписной цѣны (6 руб. сер.). Теперь, до выхода 4-го выпуска, къ печатанію котораго уже приступлено, подписная цѣна будетъ 7 руб. сер.; а послѣ того подписка прекратится и цѣна значительно увеличится. Взносъ денегъ остается на прежнемъ основаніи, а именно: за 1-й выпускъ 2 руб. сер., и за каждый изъ послѣдующихъ по 1 руб. сер., пока не пополнится вся подписная сумма. Само собою разумѣется, что подписавшіеся съ самаго начала, вносятъ по прежнему только 6 руб. сер. за весь словарь, и получаютъ 8-й и послѣдующіе выпуски безденежно. Подписка принимается въ нижнемъ магазинѣ Крашенинникова, на Михайловской площади, въ домѣ католической церкви; иногородные прилагаютъ въсовыхъ за 6 фунтовъ.

Изъ вышедшаго нынѣ 3-го выпуска видно, что словарь печатается съ тою же тщательностію, какъ и прежде. Онъ печатается на хорошей бумагѣ, въ большую восьмушку, въ два

столица, убористымъ и четкимъ шрифтомъ, и весьма удобенъ для употребленія. Конечно, публика не оставитъ безъ вниманія этотъ совѣстливый и огромный трудъ, которымъ покойный В. А. Зртель занимался постоянно сляшкомъ десяти лѣтъ.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть, что этотъ словарь былъ представленъ въ Императорскую Академію наукъ и разсмотрѣнъ членомъ ея, академикомъ Востоковымъ, который нашелъ его отличнѣе-хорошо составленнымъ и дающимъ полное право на присужденіе автору словаря Демидовской преміи.

Игры: преферансъ, преферансъ-вадоемъ и вѣсть-преферансъ. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1848. Стр. 62.

Маленькая книжка, въ длину и ширину не болѣе карточной колоды, въ толщину же не болѣе трети колоды. Она заключаетъ въ себѣ объясненіе преферанса во всѣхъ его видахъ и подраздѣленіяхъ. Если кто-нибудь не знаетъ еще правилъ преферанса (предположеніе весьма смѣлое и очень сомнительное), то совѣтуемъ купить эту книжку за 40 коп. серебромъ, прочесть ее внимательно и потомъ, разъ пять или шесть сразу, хорошенько проиграться, платя за каждый практическій урокъ рублемъ 40 и даже болѣе, если угодно. Тогда ручаемся, что всѣ правила игры у васъ останутся твердо въ памяти, и вы совершенно выучитесь играть въ преферансъ по этой книжкѣ. Напечатана она очень мило въ извѣстной московской типографіи А. Семена. На оберткѣ двѣ вишѣтки. Одна изображаетъ трехъ игроковъ, сидящихъ за карточнымъ столомъ, съ печальными физиономіями; у каждого ротъ завязанъ носовымъ платкомъ. Вѣроятно, всѣ трое страдаютъ зубною болью. Иначе мы не можемъ объяснить этого явленія. Въ Петербургѣ никто, никогда не видывалъ игроковъ въ преферансъ, съ завязанными ртами. Напротивъ, у всѣхъ играющихъ въ эту игру, уста бываютъ очень развязаны по случаю прикупокъ, переговоровъ, разсужденій и даже (въ нѣкоторыхъ кругахъ общества) жаркихъ споровъ о незаконности хода, *подсигиваньи*, припискѣ лишняго и проч. Другая вишѣтка на оберткѣ изображаетъ чертенка, окруженнаго картами, опирающагося лапою на пиковую семерку и дразнящаго языкомъ всякаго, кто возьметъ книжку въ руки. Бездѣльникъ! Такъ и хочется дать ему по носу шелчка! Эта мода украшать обертки книгъ, вишѣтки въ книгахъ, ноты фонари для иллюминацій, колпаки для лампъ и другія

произведенія художествъ, чертами и чертенатами перешла къ намъ изъ Парижя, гдѣ чортъ давно въ большомъ ходу, въ особенности же съ февраля нынѣшняго года. По нашему мнѣнію, мода эта чрезвычайно не граціозна. Что за пріятность, напримеръ, хрюпенькой дѣвущкѣ ваять, въ свои бѣлыя руки, ноты вальсовъ, сочиненныхъ Лашверомъ, Штраусомъ и Лабидкивиъ и издаваемыхъ въ Парижѣ подъ названіемъ: *Le diable rouge*, то есть: *Красный дьяволъ*? Чудное названіе вальсовъ! Что за наслажденіе увидѣть, на заглавномъ листѣ нотъ, отвратительную образину съ рогами, когтами, крыльями летучей мыши, и хвостомъ, которую окружаютъ мелкіе чертенята, въ приличномъ количествѣ, и украшаютъ своими рогами и хвостиками имена прославившихся вальсами композиторовъ! Что тутъ за мысль? Что за краса? Глупо, отвратительно, и болѣе ничего. Совѣтуемъ всѣмъ нашимъ рисовальщицамъ виньетокъ, обертокъ и прочихъ *украшательныхъ* вещей, изгнать въ преисподнюю чертей и чертенятъ *красныхъ, синихъ* и всѣхъ прочихъ цвѣтовъ. Предоставимъ ихъ исключительнымъ любителямъ или пльвицамъ, по простонародному русскому выраженію, *допиежамся до чертиковъ*. Чортъ, право, не представляетъ ничего привлекательнаго, граціознаго.... а впрочемъ, довольно! Замолчимъ! Чортъ съ нимъ!

К. МАСАЛЬСКИЙ.

Слѣсь.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Отъ Лейпцига до Веймара.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, люди путешествовавшіе безпрестанно твердили мнѣ, что должно останавливаться въ *лучшихъ* гостинницахъ.

Развернувъ *Русскій Путеводитель за границую*, я прочиталъ въ немъ на 12 страницъ:

«...за границую никогда не должно останавливаться во второстепенныхъ трактирахъ: столъ, помѣщеніе, прислуга въ нихъ плохіе, а цѣны тѣ же, какъ и въ *лучшихъ* гостинницахъ.»

Въ Иослѣдствіи я прочиталъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ письмѣ г. Чицова изъ Рама:

«...у большей части нашихъ путешественниковъ, по преданію, составилось правило, что непременно надобно останавливаться въ *самыхъ лучшихъ* трактирахъ, а за важность этого правила они платятъ очень дорого.»

Всѣ правы.

Но надобно замѣтить, что въ каждомъ нѣсколько значительномъ городѣ только *одинъ самый лучший* трактиръ, который не составляетъ особеннаго разряда, а сливается съ *лучшими* и отличается отъ нихъ, можетъ-быть, только тѣмъ, что въ *путеводителяхъ* стоитъ въ главѣ ихъ, и что *странствующие* при-

казачки, *commis-voyageurs*, *опытные жида* заграничной промышленности, всегда совѣтуютъ вамъ остановиться въ этой самой лучшей гостинницѣ, хотя сами довольствуются лучшими, которыя уступаютъ первой только въ роскоши убранства и то не всегда.

Не во гнѣвъ будь сказано нашимъ строгимъ литературнымъ судьямъ, неутомимо преслѣдующимъ путешественниковъ, дерзающихъ толковать о гостинницахъ и трактирахъ, я считаю этотъ предметъ однимъ изъ самыхъ важныхъ, разумѣется, матеріальныхъ предметовъ въ наше время.

Но... повторяю слова г. Чижова:

«Люди, которымъ теперь путешествіе почти необходимо, болѣе всего народъ недостаточный, или полудостаточный.»

Слѣдовательно рѣшеніе всякаго вопроса, относящагося къ уменьшенію расходовъ имѣетъ свою важность, которую не уменьшать ни насмѣшки, ни презрительныя выходки поверхностныхъ рецензентовъ.

И такъ, вопреки *серьознымъ* судьямъ, поговоримъ о гостинницахъ.

Повторяю, *должно* останавливаться въ *лучшихъ*; между ними и второстепенными существуетъ та же разница, какъ между человекомъ образованнымъ и необразованнымъ.

Г. Чижовъ совѣтуетъ справиться тотчасъ о *цѣнѣ*.

Это непріятно и неловко. Гораздо лучше спросить небольшую комнатку, хоть на дворъ. Во всякомъ лучшемъ трактирѣ, вамъ отведутъ ее съ такою же учтивостью, какъ будто бы вы заняли весь бельэтажъ.

Подъ благодѣніемъ врага всегда скрывается какой-нибудь коварный умыселъ.

А содержатель гостинницы есть природный врагъ всякаго путешественника.

Говорятъ еще, что съ Русскихъ обыкновенно запрашиваютъ въ три-дорога.

Справедливо; года за два тому Англичане раздѣляли эту же участь съ Русскими. Но Англичане *прочитали*, что при одномъ имени ихъ, единицы превращаются въ десятки на трактирныхъ счетахъ и — опомнились. Въ настоящее время Англичане, бросившись изъ одной крайности въ другую, считаются самыми скупыми туристами; они торгуются за каждый грошекъ, за каждый су, за каждый баценъ.

Отчего же Русскіе продолжаютъ обогащать трактирщиковъ?... Не знаю.

Но какъ бы то ни было, у путешественника, особенно Русскаго, не написано на лицѣ, что онъ Русскій. Въ книгу путешественникъ вписываетъ свое имя и званіе только послѣ занятія комнаты.

Но это еще не все: почти въ каждой лучшей гостинницѣ есть печатная такса, въ которой выставлены цѣны *нумерамъ*, плата за обѣдъ, завтракъ, чай, кофе и прислугу. Кромѣ того, каждый вечеръ вамъ подають счетъ, слѣдовательно вы съ первого дня впередъ можете рассчитать, сколько истратите, и можете умѣрить или увеличить свои расходы.

Лучшія гостинницы именно тѣмъ и отличаются, что въ нихъ есть помѣщенія для всѣхъ состояній, всѣхъ званій.

Но берегитесь брать для поѣздокъ экипажъ у хозяина гостинницы, — это обойдется вамъ чрезвычайно дорого.

Въ Лейпцигѣ я случайно, почти невольно, попалъ въ одну изъ второстепенныхъ гостинницъ и — закался. Помѣщеніе скверное, наводящее тоску, прислуга лѣнивая, грубая, потому что привыкла къ фамильярности съ постояльцами, столъ никуда негодный.

Я проснулся рано, чтобы поспѣть на желѣзную дорогу, и потребовалъ счетъ. Вещи мои были уложены, отправлены, а счетъ все не являлся. Я рѣшился сойти внизъ.

Въ темной общей залѣ столы были сдвинуты съ мѣстъ; стулья стояли на столахъ; растрепанная служанка мела полъ.

— Что же счетъ? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчала служанка, продолжая мести.

— Я не могу ждать! вскричалъ я съ сердцемъ, — и уѣду, не заплативъ, если мнѣ не подадутъ сейчасъ счета.

Эти слова подѣйствовали.

Служанка ушла, постукивая щеткой, минуты двѣ спустя вернулась и проворчала:

— Омъ сейчасъ придетъ.

Вслѣдъ за нею явился омъ, покачиваясь съ просонковъ и наплевая на себя куртку.

— Подайте же мнѣ счетъ! вскричалъ я нетерпѣливо.

— А, счетъ!... вамъ угодно ѣхать?...

— Да, да, да!

— Вамъ надобно торопиться... я не успѣю написать счета...

Впрочемъ я такъ помню: вы должны — *шесть талеровъ*.

Въ самой лучшей гостинницѣ я заплатилъ бы никакъ не болѣе двухъ третей этой суммы. Впередъ наука.

Я поспѣлъ во-время на желѣзную дорогу и простился съ Лейпцигомъ.

Саксонию, отчизну Лютера и Лейбница, можно назвать сердцем Германіи, въ исторіи которой она занимаетъ блистательное мѣсто. Нѣсколько саксонскихъ герцоговъ сдѣлались германскими императорами. Но раздробленія лишили Саксонию единства и слѣдовательно силы; теперь она находится въ числѣ четвертостепенныхъ государствъ Германіи, и, не смотря на то, что пользуется званіемъ королевства, политическое значеніе ея неважно.

Народы славянскаго племени долго владѣли главнѣйшими частями древней Саксоніи. Возраставшее могущество Франковъ ослабило владычество Славянъ и кровопролитныя войны между этими двумя народами послужили нѣкоторымъ образомъ къ сосредоточенію силъ тевтоническихъ племенъ. Въ третьемъ столѣтіи являютя на сѣверѣ Германіи дикари подъ именемъ *Саксоновъ*...

Названіе этого племени нѣкоторые производятъ отъ *Sax*, мечъ, другіе отъ *Sassen*, *eingesessenen*, осѣдлые.

Воюя съ Франками и Славянами, Саксоны быстро подвигались впередъ. Тщетно старался Карлъ Великій смягчить нравы дикихъ варваровъ распространеніемъ между ними христіанской религіи. До конца восьмага столѣтія, они съ ожесточеніемъ противились всѣмъ усиліямъ Франковъ, жгли сооружаемыя монастыри, побивали монаховъ. Наконецъ, мужественнѣйшій изъ предводителей Саксоновъ, Витикиндъ, былъ побѣжденъ; добровольно принялъ онъ христіанскую вѣру, и Саксонія потеряла свою первобытную, дикую самостоятельность.

Послѣ совершеннаго отдѣленія Германіи отъ имперіи Франковъ, въ половинѣ девятаго столѣтія, Саксонія поступаетъ подъ владычество одного изъ потомковъ Витикинда, принимающаго титулъ *герцога*.

Въ началѣ десятаго столѣтія вступаетъ на престолъ Генрихъ-Птицеловъ, принимающій впослѣдствіи титулъ *короля* Германіи.

Въ первой половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, Лодаръ дѣлается *императоромъ* Германіи, передаетъ герцогство Саксонское своему зятю, Генриху, герцогу Баварскому, и тѣмъ осоритъ послѣдняго съ Конрадомъ фонъ-Гогенштауфеномъ.

Вражда между Генрихомъ и Конрадомъ послужила первымъ зародышемъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ между *Гвельфами* и *Гибеллинами*.

Гвельфъ или *Вельфъ* — древнее родовое имя баварскаго дома; Гибеллинъ или *Виблинъ* — названіе родового замка гогенштауфенскаго дома.

Фридрихъ-Барбарусса, послѣ несчастнаго похода въ Итацію,

рѣшился покорить Саксонское герцогство въ отмщеніе Генриху-Льву, сыну Генриха, герцога Баварскаго, потому-что тотъ отказался содѣйствовать ему въ походѣ въ Италію. Генрихъ-Левъ долго сопротивлялся, но наконецъ былъ побѣжденъ и удаленъ въ Лондонъ.

Тамъ онъ сдѣлался родоначальникомъ дома, нынѣ царствующаго въ Англіи.

Одинъ изъ сыновей Генриха-Льва вступилъ впоследствии на саксонскій престолъ.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, Саксонія получаетъ права курфиршества, и съ Фридриха-Воинственнаго начинается новая династія, болѣе сильная и могущественная.

Фридрихъ-Воинственный принимаетъ дѣятельное участіе въ войнѣ противъ гусситовъ, но, претерпѣвъ нѣсколько пораженій, умараеть, предоставивъ престолъ старшему сыну своему Фридриху II, Добродушному, и завѣщавъ ему продолжать войну съ гусситами. Эти страшные враги завладѣли частію владѣній курфирста и, между прочимъ, замкомъ и землями одного изъ храбрѣйшихъ полководцевъ Фридриха II, рыцаря Кунца фонъ-Кауфунгена.

Курфирстъ вознаградилъ мужественнаго рыцаря, подаривъ ему новый замокъ.

Когда гусситы были вытѣснены, Кунцъ снова вступилъ во владѣнія своего прежняго имѣнія, но не хотѣлъ возвратитъ во владѣніе своего замка.

Фридрихъ II отнялъ его силою у непокорнаго рыцаря.

Оскорбленный Кунцъ фонъ-Кауфунгенъ удаленъ въ Богемскія горы и поклялся отомстить курфирсту.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Альтенбургскомъ замкѣ жила жена курфирста Маргерита, съ двумя сыновьями Альбертомъ и Эрнестомъ. Первому было четырнадцать, второму двѣнадцать лѣтъ.

Въ 1455 году, въ іюльскую ночь, во время отсутствія Фридриха, къ Альберту прокрадывались три человѣка.

Молча зашли они въ кусты и, пританывъ дыханіе, стали прислушиваться.

Они не долго ждали. Посреди ночной тишины внезапно пронесся дикій, злобщій крикъ хищной птицы.

Одинъ изъ скрывавшихся вздрогнулъ и скоро поднялъ голову.

Въ другой и третій разъ раздался крикъ; потомъ опять наступила прежняя тишина...

— Это Бруно; онъ подаетъ намъ сигналъ, Кунцъ, — шопотомъ произнесъ одинъ изъ скрывавшихся.

Кунцъ протянулъ руки къ своимъ товарищамъ и отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Мюзеиъ, Шенфельсъ!... минута мщенія наступила!

Потомъ онъ съ живостію сталъ взбираться по уступамъ скалы, на которой высился замокъ Альтенбургъ. Запыхавшись добрался онъ до подножія стѣны, перевелъ духъ и подвинулъ голову.

Вдоль стѣны висѣла веревочная лѣстница, тихо покачиваемая ночнымъ вѣтромъ.

Сильно забилось сердце рыцаря; не теряя ни минуты, ухватился онъ за конецъ лѣстницы и, даже не удостовѣрившись, плотно ли она прикрѣплена, сталъ взбираться съ ловкостію тигра, цѣпляясь одною рукою за узлы веревки, а другою за неровности массивной каменной стѣны.

Нѣсколько минутъ взбирался онъ и, наконецъ, очутился у отвореннаго окна.

Кровь закипѣла въ жилахъ Кунца фонъ-Кауффунгена, когда онъ вступилъ въ замокъ врага, которому поклялся вѣчною, непримиримою местию.

— Бруно! произнесъ онъ шопотомъ.

Кто-то схватилъ его за руку и, наклонившись надъ самымъ ухомъ рыцаря, отвѣчалъ:

— Въ концѣ корридора, на-право... идите впередъ, я за вами...

И безъ шума дошли злоумышленники до конца корридора.

Рука Кунца не дрогнула, когда онъ сталъ отворять дверь... Свѣтъ лампы, горѣвшей передъ серебрянымъ Распятіемъ, бросилъ узкій, длинный лучъ въ темный корридоръ и освѣтилъ грозное, суровое лицо рыцаря... Подъ нависшими бровями, глаза его сверкали злобнымъ огнемъ мести...

Фонъ-Кауффунгенъ ступилъ еще два шага и вошелъ въ комнату.

То была спальня двухъ сыновей Фридриха-Добродушнаго. Обнявшись лежали Эрнестъ и Альбертъ на высокой и широкой кровати подъ богатымъ царчевымъ балдахномъ, поддерживаемымъ рѣзными золочеными колоннами.

У изголовья кровати стояли два невысокіе налоя передъ Распятіемъ.

На миловидныхъ, свѣжихъ лицахъ дѣтей носилась улыбка... Они уснули подъ нѣжнымъ взглядомъ матери...

Кунцъ тихо подошелъ къ кровати, и братья обнялись крѣпче, какъ бы инстинктивно угадывая приближавшуюся опасность. Рыцаръ наклонился къ дѣтямъ, желая долѣе насладиться своимъ

мщеніемъ... Герцогъ дѣланіе его захватилъ въ лицо Эрнесту, лежавшему съ краемъ... Ушибна исчезла съ лица ребенка, руки его отнялись отъ шеи брата и, тихо застывая, онъ обратился къ Кунцу...

Такъ точно птичка приближается къ змѣѣ, прилегающая магическимъ взглядомъ ея.

Кунць фонъ-Кауффунгенъ осторожно подвѣлъ ребенка на руки; отходя отъ кровати, онъ занулся за одинъ изъ напоевъ...

Эрнестъ проснулся, увидѣвъ надъ собою мрачное лицо рыцаря и вскрикнулъ...

Мощная рука Кунца зажала ему ротъ... но малѣйшій стонъ дѣтяти долеталъ до слуха матери.

— Бѣги съ нивы! сказалъ рыцарь, передавая Эрнеста въ руки Бруно.

Слуга курфирста, измѣнникъ Бруно, былъ осторожнѣе Кунца; онъ зажалъ ребенку ротъ платкомъ и пустился бѣжать къ огню съ легкой ношей.

Кунць вернулся къ кровати, но не успѣлъ еще дойти до нее, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и Маргерита, жена курфирста, явилась на порогѣ...

Увидѣвъ незнакомца, приближавшагося къ кровати дѣтей ея, она съ быстротою молніи бросилась впередъ и прежде рыцаря очутилась у кровати. Взоръ ея упалъ на пустое мѣсто... Она страшно вскрикнула и обратила къ похитителю сверкающіе гмза...

Но въ то же мгновеніе тяжелая рука рыцаря опустилась на плечо ея; другою рукою хотѣлъ онъ зажать ей ротъ, но съ ловкостью и оцлю лвыицы, защищающей своихъ дѣтей, она высвободилась и вскричавъ:

— Отдай мнѣ мое дитя!... хотѣла вдѣпнуться обѣими руками въ грудь Кунца.

Но пальцы ея скользнули по холодной, гладкой стали латъ.

Раздраженный сопротивленіемъ и опасаясь, что на крикъ Маргериты сбѣгутся вассалы курфирста, фонъ-Кауффунгенъ собралъ всю свою грубую силу и кинулся на несчастную мать.

Независть сильна, но сильна и любовь.

Долго сопротивлялась Маргерита, судорожно возила она пальцы въ щеку Кунца, но тщетно силилась она звать на помощь; желѣзная рука похитителя сжимала ей ротъ. Съ яростію осматривался онъ, не зная какъ избавиться отъ матери, чтобы увести ребенка. Онъ могъ убить ее, но тогда мщеніе его было бы несовершенно... Кунць хотѣлъ, чтобы и курфирстъ и жена его долго плакали по дѣтямъ. Кромѣ того убійство пре-

граждало ему путь къ примиренію, а фонъ-Кауфунгенъ намѣревался назначить огромный выкупъ за дѣтей.

Шумъ борьбы разбудилъ Альберта.

— Маменька! вскричалъ онъ съ ужасомъ.

Надежда блеснула въ угасавшемъ взорѣ Маргериты... но боязнь увеличила ярость Кунца. Онъ ударилъ несчастную мать, и та безъ чувствъ упала на полъ.

Крякъ Альберта разбудилъ нѣкоторыхъ слугъ. Въ сосѣднихъ покояхъ послышалось движеніе, шумъ шаговъ, стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей. Кунцъ схватилъ ребенка, зажалъ ему ротъ и выбѣжалъ въ корридоръ, захлопнувъ за собою дверь въ спальню.

Явственно слышались голоса приближавшихся слугъ, когда похититель подошелъ къ окну и едва спустился онъ на веревочную лѣстницу, какъ корридоръ ярко освѣтился.

Въ числѣ слугъ, спѣшившихъ на помощь къ женѣ курьера, находились и Бруно. Пока другіе старались привести въ чувство Маргериту, Бруно пробрался въ корридоръ и, увидѣвъ, что Кунцъ спустился уже внизъ, отцѣпилъ веревочную лѣстницу и поспѣшно закрылъ окно.

Такимъ образомъ скрылъ онъ слѣдъ Кунца. Осмотрѣвъ всѣ окна, слуги воображали, что похититель скрывается еще въ замкѣ, ударили въ набатъ, окружили весь замокъ часовыми и принялись искать.

Кунцъ фонъ-Кауфунгенъ между тѣмъ спокойно удалялся съ Альбертомъ.

Сообщники его, Мозенъ и Шенфельсъ бѣжали уже въ другую сторону съ Эрнестомъ.

На богемской границѣ, у подножія Фюрстенберга, простирался обширный лѣсъ, въ чащѣ котораго были разбросаны бѣдныя хижины угольщиковъ и дровосѣковъ.

Солнце поднялось уже надъ горизонтомъ, когда Кунцъ постучался у хижины угольщика Георга Шмидта. Жена послѣдняго впустила рыцаря.

Утомленный, измученный продолжительною ходьбою, Кунцъ опустилъ ребенка и самъ легъ возлѣ него на кучу сухихъ листьевъ, прикрытыхъ волчьей шкурой и служившихъ постелью угольщику. Крѣпка была натура рыцаря; но сильны были и потребности ея. Едва опустившись на постель угольщика, Кунцъ погружался въ глубокій сонъ.

Жена угольщика, не желая беззаконить почетнаго гостя, вынесла свою пралку за порогъ хижины; возвратившись за

скавшей, она невольно взглянула на спавшего рыцаря и остановилась съ изумленіемъ.

Альбертъ, приподнявшись на грубомъ ложѣ, тихо, но горько плакалъ, закрывъ лицо обѣими руками. Съ усиленіемъ заглушалъ онъ рыданія, чтобы не разбудить страшнаго рыцаря, грозившаго ему смертію за малѣйшую жалобу.

Теперь только жена угольщика замѣтила, что тотъ, кого она сначала приняла за пажа рыцаря, былъ полунагъ; густыя, золотистыя кудри виспадали на полуобнаженное плечо Альберта, полное, бѣлое и нѣжное, какъ плечо женщины....

— Боже мой! это дѣвушка, подумала угольщика: онъ, вѣроятно, похитилъ ее изъ родительскаго дома, — и вздохъ искренняго участія и состраданія вырвался изъ груди доброй женщины.

Сердце Альберта услышало этотъ вздохъ; онъ отнял руки отъ лица и поднялъ свѣтлые, голубые глаза на хозяйку съ умоляющимъ видомъ.

Жена угольщика хотѣла приблизиться къ нему, но въ то самое время, Кунцъ обернулся во снѣ; грозныя, суровыя черты его навели страхъ на хозяйку; поспѣшно схвативъ скамью, она вышла изъ хижины.

Но ей не работалось; передъ глазами ея была не пряха, а прелестное лицо, умоляющій взглядъ и слезы того, кого она принимала за дѣвучку... Ей хотѣлось вернуться въ хижину, но она страшилась рыцаря.

Случайно взоръ ея остановился на солнечномъ лучѣ, скользившемъ по красивымъ листьямъ, на которыхъ, подобно алмазамъ, блестяли капли утренней росы; подъ листьями горѣла какъ рубины земляника, дозрѣвавшая на солнцѣ.

Удовольствіе выразилось на добродушномъ лицѣ угольщицы; она скоро встала, сорвала широкій дубовый листъ и стала собирать землянику. Покрывъ весь листъ ягодами, она вернулась въ хижину и безбоязненно подошла къ Альберту, продолжавшему горько плакать.

— Я набрала для васъ земляники, сказала угольщица тихимъ голосомъ.

Альбертъ отрицательно покачалъ головой.

— Примите, фрейлейнъ, не горюйте....

Сынъ курфюрста съ изумленіемъ взглянулъ на хозяйку.

— Я мужчина! гордо отвѣчалъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

— Мужчина! съ изумленіемъ повторила хозяйка, чуть не уронивъ ягодъ на лицо Кунца. Зачѣмъ же вы плачете?....

— Оне повятыль мене изъ родительскаго дома! отвѣчалъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ Альбертъ, бросивъ на рыцаря взглядъ, исполненный невыразимой боли.

Угольщица отступила со страхомъ.

— А кто ваши родители?... спросила она.

— Я сынъ курфюрста Фридриха!

Хозяйка изрогнула, уронила дубовый листъ и земляника разсыпалась по полу.

— Курфюрста! повторила она, всплеснувъ руками.

— О, спасите, спасите меня! умоляющимъ голосомъ произнесъ Альбертъ: отецъ мой щедро наградить васъ!... Спасите меня!....

Забывшись, онъ произнесъ послѣднiя слова вслухъ и рыдалъ. Кунцъ фонъ-Кауфунгенъ проснулся. Угольщица бросилась опрометью вонъ изъ хижины.

Преступники мнительны. Кунцъ замѣтилъ бѣгство хозяйки, замѣтилъ слезы Альберта и, не говоря ни слова, скоро всталъ.

— Въ путь! сказалъ онъ сурово.

— Ради Бога, пустите меня домой... произнесъ умоляющимъ голосомъ Альбертъ.

— Вставай, живѣе!

И съ этими словами Кунцъ канулъ сыну курфюрста чернымъ, праздничнымъ плащъ угольщика. Рыцарю не пришло даже на умъ, что онъ завладѣвалъ собственностью бѣдняка.

Альбертъ, выходя изъ хижины, осмотрѣлся еще разъ съ горестiю, съ отчаянiемъ. Участiе жены угольщика заронило въ сердце его искру надежды; но теперь она угасла... Даже хозяйка хижины бѣжала отъ грознаго рыцаря.

Послѣднiй увлекъ юношу въ чащу лѣса. Кунцъ фонъ-Кауфунгенъ спѣшилъ перейти за границу; въ Богемiи ждали его товарищи и вассалы съ конями; но съ трудомъ пробирался онъ по кочкамъ и черезъ густой кустарникъ. Хижина угольщика скрылась уже изъ виду путниковъ, какъ вдругъ въ вѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ послышался голоса.

Альбертъ невольно остановился; но Кунцъ съ силою повлекъ его за собою и, видя, что сопротивленiе ребенка только замедляло шествiе, рыцарь забросилъ Альберта на свое широкое плечо и продолжалъ путь.

Голоса приближались.

— Вотъ они! вотъ они! вскричалъ вдругъ въ самомъ близкомъ разстоянiи женскiй голосъ.

Кунцъ грозно насунулъ брови и оглянулся; но рука его, ухватившаяся уже за мечъ, опустилась, и презрительная улыбка

вступивше на лицѣ показителя, когда онъ увидѣлъ, что за нимъ гнались угольщикъ и жена его.

Спокойно продолжалъ онъ путь.

Вдругъ передъ нимъ показалось лицо другого угольщика, какъ бы намѣреваващагося преградить ему дорогу.

Фонъ-Кауфунгенъ, не оставившаяся, пошелъ прямо на встрѣчу угольщику; но тотъ стоялъ какъ вкопанный.

— Прочь съ дороги, собака! крикнулъ ему рыцарь.

Угольщикъ не трогался. Между тѣмъ сзади приближались Шмидтъ и жена его, а тѣсь становился все чаще и чаще. Кунцъ подошелъ къ угольщику и, видя неподвижность его, хотѣлъ оттолкнуть его ногою; но товарищъ Шмидта отскочилъ въ сторону и, вложивъ два пальца въ ротъ, рѣзко, пронзительно свистнулъ....

Со всѣхъ сторонъ раздался подобный же свистъ, и Кунцъ не успѣлъ еще обнажить меча, какъ со всѣхъ сторонъ стали показываться черныя лица угольщиковъ.

Кунцъ былъ мужественъ, но битва съ презрѣнными угольщиками казалась ему унижительною; онъ ускорилъ шаги, невдомбля слѣдя за движеніями стекавшихся угольщиковъ. Послѣдніе пытали такое уваженіе къ одному званію рыцаря, что, не смотря на многочисленность ихъ, они молча глядѣли вслѣдъ удалявшемуся.

Но подошелъ Шмидтъ. Быть-можетъ, онъ былъ отъ природы смѣлѣе своихъ товарищей; быть-можетъ, надежда на богатую награду внушала ему смѣлость, но онъ бросился вслѣдъ за рыцаремъ и схватилъ его сзади за плечи.

Кровь хлынула къ сердцу Кунца... угольщикъ дерзнулъ занести руку на благороднаго рыцаря!... Но въ то же время смѣлый поступокъ Шмидта какъ бы разрушилъ очарованіе, и угольщики толпою стали подступать къ Кауфунгену.

— Товарищи! закричалъ Шмидтъ: спасемъ сына нашего курфирста! Не бойтесь, это не рыцарь, а воръ!....

— Назадъ, кроты поганые! вскричалъ громовымъ голосомъ рыцарь и, отступивъ къ огромному дубу, бросилъ Альберта на землю, всталъ надъ нимъ и обнажилъ мечъ. Прочь, если не хотите послужить кормомъ волкамъ и воронамъ!....

И мечъ рыцаря засвистѣлъ въ воздухѣ. Альбертъ со страхомъ опустилъ голову и закрылъ глаза, мысленно возсылая молитву къ Пречистой Дѣвѣ, защитницѣ и покровительницѣ убитыхъ.

При видѣ обнаженнаго меча, который казался проросшимъ

къ мощной рукѣ Кунца, угольщики остановились. Она была вооружены однимъ заступами.

— Рыцарь! сказалъ Швидтъ: смотри, насъ много и стоимъ только еще разъ свиснуть, такъ и другіе братья наши соберутся сюда... Тебѣ одному не совладать съ нами; но мы не желаемъ тебѣ зла... Отдай намъ сына нашего добраго курфирста и иди себѣ съ Богомъ.

— Еще разъ говорю тебѣ прочь! Или я тебя самого отправлю къ чорту!

Жена Швидта боязливо перекрестилась.

— Последній разъ говорю тебѣ, отдай намъ ребенка!...

Коварная улыбка выступила на лицѣ рыцаря.

— Слушайте, сказалъ онъ, опустивъ мечъ: если вы сейчасъ разойдетесь по своимъ работамъ, то завтра найдете у подножія каменнаго креста, что стоитъ на границѣ, сто гульденовъ....

Это предложеніе имѣло вліяніе на угольщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали уже отступать.

— Товарищи! вскричалъ Швидтъ: неужели мы продадимъ за сто гульденовъ сына нашего курфирста?...

— Конечно, простодушно замѣтилъ одинъ изъ угольщиковъ: ста мало. ..

— Полтора ста дамъ! вскричалъ Кунць.

Онъ готовъ былъ обѣщать милліоны, потому-что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдержать слово.

— Не вѣрьте! вскричалъ Швидтъ: онъ обманетъ! Впрочемъ, съ измѣнниками и никто не обязанъ быть вѣренъ слову....

— Собака! проворчалъ Кунць. Хитерь!

— Если корысть можетъ возбудить въ васъ честь и мужество, продолжалъ Швидтъ: то вспомните, что курфирстъ дастъ вамъ не полтора ста, а пятьсотъ гульденовъ!....

— Швидтъ правъ! Швидтъ правъ! закричали угольщики и массою двинулись къ дереву, у котораго стоялъ рыцарь.

Одинъ изъ подступавшихъ поднялъ камень и пустилъ имъ въ похитителя и, въ то же мгновеніе, надъ головою послѣдняго поднялось нѣсколько заступовъ.

— А! проклятые! заревѣлъ Кунць съ яростію: завтра же я положу всѣ ваши хижины и велю задушить женъ и дѣтей!...

— Вотъ это обѣщаніе онъ сдержитъ, если мы выпустимъ его изъ рукъ живаго! закричалъ Швидтъ.

Угольщики, съ воплемъ и размахивая заступами, бросились на похитителя и одинъ изъ нихъ палъ за-мертво, пораженный мечемъ Кунца. Нѣсколько секундъ отражалъ Кунць удары,

стараясь ранить или убить Шмидта, предводителя наступающих; но тотъ ловко уклонялся, продолжая поощрять своихъ товарищей.

Альбертъ рѣшился воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ рыцаря и бѣжать. Онъ поднялся въ то самое время, когда Кунцъ ступилъ шагъ впередъ, чтобы достать мечемъ до Шмидта, но тяжелый ударъ заступомъ въ грудь заставилъ рыцаря опять отступить къ дереву. Не замѣтивъ, что Альбертъ вставалъ, онъ наткнулся на него, зацѣпился шпорой за плащъ, взятый въ хижинѣ Шмидта, и покачулся...

Воспользовавшись этой минутой, угольщики ринулись на похитителя.

Мёзенъ и Шёнфельсъ, бѣжавшіе съ Эрнестомъ, заблудились въ лѣсу. Къ утру вышли они на большую дорогу. Во всѣхъ селеніяхъ били въ набатъ, звонили въ колокола; по всѣмъ направленіямъ рыскали вооруженные люди, посланные въ погоню за похитителями.

Чтобы избѣгнуть угрожавшей имъ опасности, они скрылись въ пещерѣ, и по нынѣ называемой *Пещерой принцевъ*. Тамъ узнали они случайно отъ дровосѣковъ, что Кунцъ былъ пойманъ и находился во власти курфирста. Опасаясь подобной же участи, они рѣшились добровольно возвратитъ Эрнеста.

Мёзенъ отправился въ Альтенбургъ съ повинною. Фридрихъ обязался помиловать его и Шёнфельса, если они возвратятъ ему сына.

Кунцъ же фонъ-Кауфунгенъ былъ казненъ 14-го іюля 1455 года.

Такимъ образомъ Провидѣніе спасло братьевъ, которымъ было суждено сдѣлаться родоначальниками двухъ линій, на которыя и понынѣ дѣлится саксонскій домъ.

Загляните въ мѣсяцословъ, въ отдѣлъ родословнаго показанія государей, отыщите саксонскій владѣтельный домъ и увидите, что онъ дѣлится на линіи:

Альбертинскую и Эрнестинскую.

О томъ, получили ли угольщики пятьсотъ гульденовъ, которые посулилъ имъ Георгъ Шмидтъ, исторія умалчиваетъ.

Сыновья Эрнеста, Фридрихъ-Мудрый и Іоганнъ-Вѣрный были ревностнѣйшими защитниками реформаціи. Первый основалъ виттенбергскій университетъ, и самъ назначилъ туда профессоромъ Лютера.

Лютеръ говорилъ о нихъ:

«Если бь соединить качества Фридриха и Юганна, то вышелъ бы человекъ совершенный: первыйъ мудръ, второйъ честенъ.»

Потомки Альберта также приняли протестантскую вѣру.

Два столѣтїя продолжались религиозныя распри между протестантами и католиками. Страшная туча собиралась надъ Германиєю. Густавъ-Адольфъ, подстрекаемый коварнымъ кардиналомъ Ришелье, вступилъ въ нее съ многочисленнымъ войскомъ.

Началась знаменитая Тридцатилѣтняя война.

Саксонскій курфирстъ Юганнъ-Георгъ I (Альбертиной лїніи) не зналъ сначала, къ кому присоединиться: къ шведскому ли королю или австрійскому императору? Последний, желая наказать курфирста за эту нерѣшительность, завладѣлъ городами Магдебургомъ, Галле, Надлебургомъ, Мерзебургомъ и Вейссенфельсомъ. Тогда Юганнъ-Георгъ по неволѣ вступилъ въ союзъ съ Густавомъ-Адольфомъ, и Саксонія сдѣлалась сценой разорительной войны...

Лейпцигъ лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, которая прямо идетъ изъ Берлина въ Веймаръ, слѣдовательно я долженъ былъ сперва вернуться въ Галле, а оттуда уже продолжать путь.

Между Лейпцигомъ и Галле находится поле сраженія, на которомъ два раза рѣшалась судьба Европы: *Люценъ*.

О Густавѣ-Адольфѣ напоминаетъ чугунный памятникъ и камень, возлѣ котораго было найдено обезображенное тѣло его... На камень высѣчены буквы G. A. в 1632 годъ.

О Наполеонѣ напоминаетъ обелискъ.

Близъ Люцена палъ славнѣйшій герой семнадцатаго столѣтїя. Превосходно описываетъ смерть его Шплеръ, въ своей *Исторїи Тридцатилѣтней войны*:

«Наконецъ наступаетъ страшное утро; но непроницаемый туманъ, распространяющійся по всему полю сраженія, замедляетъ начало атаки до полудня. Преклонивъ колѣна передъ фронтомъ, творитъ король (Густавъ-Адольфъ) молитву; вся армія его, опустившись на колѣни, поетъ трогательный гимнъ, и походная музыка вторитъ пѣнію.

«Потомъ король садится на коня. На немъ простое суконное полуксафтанье и кожаный нагрудникъ; но зажившая рана не позволила ему надѣвать латы. Онъ объѣзжаетъ ряды своихъ воиновъ, оживляя мужество ихъ и стараясь внушать имъ надежду, которой не вѣрятъ собственное сердце его, сжимаемое тягостнымъ предчувствіемъ.

— «Съ нами Богъ! говорятъ Шведы.

— *и Иисусъ и Пророкъ и Миря, спаси нас!* говорятъ Австрійцы.

«Около одиннадцати часовъ туманъ начинаетъ рѣдѣть, и съ другой стороны обозрѣваются непріятельскія силы. Въ то же время становится виднымъ пожаръ Людена, подоженного Шведомъ, чтобы преградить съ этой стороны непріятелю путь. Раздается лозунгъ, конница мчится на врага, пѣхота стремится ко рвамъ.

«Страшный огонь изъ мушкетовъ и большихъ орудій встрѣчаетъ храбрыхъ Шведовъ, но они неустрашимо продолжаютъ идти на приступъ; гонятъ непріятельскихъ стрѣлковъ, перескакиваютъ черезъ рвы, овладеваютъ батареею и направляютъ ее противъ Австрійцевъ же. Съ непреодолимою силою стремятся они впередъ. Но вотъ первая изъ пяти финляндскихъ бригадъ опрокинута, вслѣдъ за нею вторая; третья готова обратиться въ бѣгство, но присутствіе духа герцога (Бернгарда Веймарскаго) останавливаетъ ее. Онъ подосылаетъ съ тремя кавалерійскими полками, приводитъ въ порядокъ разстроившіяся бригады, и онъ снова врываются въ австрійскую армію.

«Завязывается убійственный бой; стрѣльба прекращается—некогда заряжать. Мечи и копья замѣняютъ безполезныя ружья; искусство уступаетъ мѣсто ожесточенію.

«Наконецъ, подавленные многочисленностью непріятеля, утомленныя Шведы отступаютъ за рвы и уступаютъ опять непріятелю завоеванную батарею.

«Тысячи обезображенныхъ труповъ покрываютъ уже землю, но ни одинъ шагъ еще не выигранъ....

«Между тѣмъ правое крыло короля, предводимое имъ самимъ, атаковало лѣвое крыло непріятеля. Сильный натискъ тяжелыхъ финляндскихъ лагнниковъ разсыпалъ легкую конницу Поляковъ и Кроатовъ; послѣдніе, и за ними вся австрійская кавалерія, обратились въ бѣгство.

«Въ это время доносятъ королю, что пѣхота его отступаетъ за рвы и что непріятельскіе стрѣлки приводятъ въ безпорядокъ его лѣвое крыло. Не теряя присутствія духа, поручаетъ Густавъ-Адольфъ своему генералу Горну преслѣдовать непріятельское лѣвое крыло, а самъ съ полкомъ Стевбока спѣшать на помощь своему лѣвому крылу. Бодрый конь съ быстротою стрѣлы перелетаетъ черезъ рвы; но тяжелая конница съ трудомъ посѣивается за нимъ. Только немногіе всадники и, между ними, Францъ-Альбертъ, герцогъ Саксенъ—Лауэнбургскій, слѣдуютъ за королемъ. Онъ скачетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ непріятель наиболее тѣснитъ пѣхоту, и быстрымъ взоромъ

окидываетъ непріятельскую позицію, чтобы замѣтить слабую точку ея.

«Австрійскій ефрейторъ замѣчаетъ, что всѣ почтительно уступаютъ мѣсто одному всаднику, и тотчасъ приказываетъ стрѣлку приближиться къ нему.

«— Стрѣлай въ этого! кричитъ онъ: это долженъ быть знатный.»

«Солдаты спускаетъ курокъ, и — пуля раздробляетъ лѣвую руку короля.

«Въ это самое время подоспѣваетъ конница его и отчаянные крики:

«— Король раненъ!... Король убитъ!... распространяютъ ужасъ и смутеніе.

«— Ничего! за мной! восклицаетъ Густавъ-Адольфъ, собравъ послѣднія силы; но побѣжденный невыносимою болью и чувствуя приближеніе обморока, обращается онъ къ герцогу Саксенъ-Лауэнбургскому и на французскомъ языкѣ проситъ его помочь ему удалиться съ поля сраженія.

«Чтобы не привести армию въ уныніе, герцогъ скачетъ съ королемъ черезъ ряды, описываетъ большой кругъ и, въ то самое время, когда Густавъ-Адольфъ, лишаясь чувствъ, быстро поворачиваетъ коня, вторая пуля поражаетъ его въ спину и лишаетъ послѣднихъ силъ.

«— Довольно, братъ! восклицаетъ онъ умирающимъ голосомъ, обращаясь къ герцогу. Спасйся!»

«И съ этимъ словомъ онъ упалъ съ коня... пораженный еще нѣсколькими пулями, покинутый всѣми своими, испустилъ онъ духъ подъ послѣдними ударами дикихъ Кроатовъ....»

«Окровавленный конь, возвратившійся въ ряды безъ всадника, открываетъ Шведамъ горестную потерю. Съ яростію стремятся они на непріятели, чтобы отнять у него священную добычу; вокругъ трупъ Густава-Адольфа завязывается кровопролитный бой, и обезображенный трупъ исчезаетъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ....»

Бернгардтъ, герцогъ Веймарскій, принимаетъ начальство надъ шведскими войсками. Смерть короля не лишила послѣднихъ мужества; напротивъ, они какъ бы поклялись отомстить за смерть его....

Жизнь теряетъ свою цѣну и смерть уже не страшна, когда не пощадила вѣнчанной главы.

Шведы сражаются съ ожесточеніемъ и, наконецъ, поле сраженія остается за ними.

«Дорогая побѣда, горестное торжество!» — продолжаетъ Шил-

даръ. — «Только теперь, когда ярость битвы остыла, горестная потеря становится вполне ощутительною и радостные клики побѣдителей замираютъ въ нѣмомъ, мрачномъ отчаяніи.

«Тотъ, кто вывелъ ихъ на славный бой, не вернулся съ ними....

«Тамъ лежитъ олъ, на полѣ одержанной побѣды, въ одной лучѣ съ простыми солдатами.

«Послѣ долгихъ, тщетныхъ поисковъ королевскій трупъ былъ, наконецъ, найденъ, близъ большаго камня, болѣе ста лѣтъ лежавшаго уже на этомъ мѣстѣ, но послѣ этого несчастія получившаго названіе *Шведскаю* — der Schwedenstein. Изъ подъ кучи мертвыхъ тѣлъ вытащили трупъ короля, обезображенный ранами, покрытый запекшеюся кровію, истоптаный копытами лошадей, полунагой, ограбленный хищническими руками.... Его приносятъ въ Вейссенфельсъ; тамъ ждутъ его рыданія солдатъ, объятія супруги.

«Общее горе поглощаетъ всѣ частныя страданія. Не опомнившись еще отъ ужаснаго удара, стоятъ полководцы въ мрачной неподвижности вокругъ носилокъ и никто не дерзаетъ еще обнять умомъ всю величину этой потери....»

Въ важныхъ, великихъ событіяхъ люди обыкновенно доискиваются тайныхъ, скрытыхъ причинъ. Такъ и смерть Густава-Адольфа никто не хотѣлъ приписать слѣпому случаю и — страшное обвиненіе пало на герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, Франца-Альберта, находившагося за королемъ, въ ту самую минуту, когда смертоносная пуля поразила послѣдняго въ спину.

Вотъ что рассказываетъ Шиллеръ:

«Францъ-Альбертъ, младшій изъ четырехъ сыновей Франца II, герцога Саксенъ-Лауэнбургскаго, находившійся по матери въ родствѣ съ домомъ Густава-Вазы, былъ въ молодости своей прекрасно принятъ при шведскомъ дворѣ. За непримечную выходку противъ Густава-Адольфа, у нихъ произошла ссора, которая, несмотря на то, что Густавъ тотчасъ же изъявилъ готовность на примиреніе, положила однакожъ основаніе непримиримой вражды въ мстительномъ сердцѣ герцога.

«Впослѣдствіи Францъ-Альбертъ вступилъ въ австрійскую службу, командовалъ полкомъ, заключилъ тѣсную дружбу съ герцогомъ Фридрихскимъ и принялъ на себя секретное порученіе къ саксонскому двору. Вдругъ, безъ видной причины онъ неожиданно покидаетъ австрійскія знамена, является въ Цюрихбергъ въ лагерь короля и какъ волонтеръ предлагаетъ ему свои услуги. Ревностію къ протестантской религіи и враждою

заслуживаетъ онъ привязанность короля, который осыпаетъ милостями подозрительнаго пришлеца, не смотря на предостереженія Оксенстиерна.

«Во время Люденскаго сраженія, Францъ-Альбертъ подобно злему демону повсюду слѣдуетъ за монархомъ и исчезаетъ только тогда, когда король падаетъ. Посреди непріятельскихъ вѣдъ, онъ одинъ остается невредимъ, потому-что опоясанъ шаромъ зеленого цвѣта, — цвѣта Австрійцевъ. Онъ первый приноситъ герцогу Фриландскому, своему другу, вѣсть о смерти короля. Тотчасъ послѣ этого сраженія, онъ оставляетъ шведскую службу, вступаетъ въ саксонскую. Впослѣдствіи его обвиняютъ въ сообщничествѣ съ Валленштейномъ. Наконецъ онъ снова является начальникомъ австрійской арміи въ Силезіи, и умираетъ отъ ранъ подъ Швейдницомъ.

«Усиліе воли необходимо, чтобы убѣдиться въ невинности человѣка, ведшаго такую жизнь; хотя изъ вышеприведенныхъ причинъ проистекаетъ нравственная и физическая возможность низкаго, презрѣннаго поступка, однакожъ въ нихъ нѣтъ ничего положительнаго. Извѣстно, что Густавъ-Адольфъ шелъ, какъ простой солдатъ, на встрѣчу опасности, слѣдовательно гдѣ пали тысячи, тамъ и онъ могъ погибнуть. Отъ чужей руки онъ погибъ, остается непроницаемою тайною; но здѣсь, болѣе нежели гдѣ-либо, должно держаться того правила, что гдѣ естественнаго хода дѣлъ достаточно для поясненія событія, тамъ не должно пятнать достоинства человѣческой природы нравственнымъ обвиненіемъ...»

Вестфальскій миръ, заключенный въ 1648, положилъ конецъ кровопролитной войнѣ; но въ какомъ жалкомъ положеніи находилась Саксонія! Болѣе миліона людей погибло, болѣе шестидесяти шести милліоновъ талеровъ были поглощены! Въ Дрезденѣ изъ пятнадцати домовъ, четырнадцать были опустошены и разорены; изъ 4000 жителей Фрейберга не осталось и 500; наконецъ, еще въ 1790 году видны были развалины 537 селеній!...

Расточительность наслѣдниковъ Юганна-Георга истощала казну, чему наиболѣе содѣйствовалъ Фридрихъ-Августъ I.

Этотъ курфюрстъ, столько же прославившійся умомъ, образованностію и любезностію, какъ и красотою, геркулесовскою силою, и странною судьбою, вступилъ на престолъ въ 1694 году, на двадцать четвертомъ году своего возраста.

Въ 1697 году онъ былъ избранъ на польскій престолъ подъ именемъ Августа II, и честолюбіе заставило его отречься отъ вѣры своихъ праотцевъ.

Знаменитый полководец *Морицъ*, графъ саксонскій, былъ сынъ короля Августа, (*Перваго* въ Саксоніи, *Вторазо* въ Польшѣ). Мать Морица была знаменитая своею красотою графиня *Аврора фонъ-Кѣнигсмаркъ*.

Замѣчательно, что Саксонія служила мѣстомъ дѣйствій знаменитѣйшихъ героевъ. Послѣ Густава-Адольфа, въ ней делается *Карль XII*, въ царствованіе Августа I.

При сынѣ его, Фридрихъ-Августъ II, въ Саксонію вторгается *Фридрихъ-Великій*.

Желая удержать за собою польскій престолъ, отецъ и сынъ принимаютъ католическую вѣру, отвергаютъ свою отчизну въ безчисленные бѣдствія и теряютъ довѣренность своихъ подданныхъ. Трудолюбивые, честные и расчетливые Саксонцы знакомятся съ праздною и роскошною. Нравственность, торговля, промышленность, благосостояніе — исчезаютъ. Огромный долгъ тяготѣетъ надъ государствомъ. Роскошь довершаетъ бѣдствія войны...

Дочь Фридриха-Августа, *Марія-Жозефина*, выходитъ въ 1747 году за дофина Франціи, *Людовика*. Судьба сыновей *Марія-Жозефины*: *Людовика XVI*, *Людовика XVIII* и *Карла X*... извѣстны.

Наслѣдникъ Фридриха-Августа II, старшій сынъ его, Фридрихъ-Христіанъ, понявъ причину бѣдствій Саксоніи и добровольно отказался отъ Польши, уничтожилъ роскошь при дворѣ и приступилъ къ благодѣтельнымъ преобразованіямъ, которымъ ему не суждено было привести въ исполненіе. Онъ скончался послѣ десятипѣдѣльнаго царствованія, но основаніе добра было положено. Наслѣдники его продолжали начатое дѣло и во время Семилѣтней Войны приняли сторону Фридриха-Великаго.

Нѣсколько лѣтъ собираетъ Саксонія свои разстроенныя силы.

Вдругъ Европа впервые произноситъ имя *Наполеона Бонапарте*.

Германія вооружается всѣми силами противъ новаго нашествія, угрожающаго ей съ запада... но сраженія при Ауэрштедтѣ и Іенѣ рѣшаютъ судьбу сѣверной Германіи.

Въ эти достопамятныя сраженія, Саксонцы мужественно исполнили свой долгъ; но, поквитные, такъ сказать, союзниками, они разбиты. Шесть тысячъ плѣнныхъ достаются въ добычу Французамъ. Наполеонъ, зная давнишнюю, закоренѣлую ненависть Саксонцевъ къ Пруссакамъ, призываетъ къ себѣ плѣнныхъ офицеровъ, выхваляетъ мужество ихъ и объявляетъ, что намеренъ освободить ихъ отъ Пруссіи; потомъ онъ возвра-

щаетъ свободу Саксонцамъ, взявъ съ нихъ честное слово, что они не будутъ воевать противъ Франціи.

Курфюрстъ вступаетъ въ переговоры съ Наполеономъ, и послѣдній соглашается на нейтральность Саксоніи, взявъ одна-кожъ съ нее контрибуцію. Въ 1806 году саксонскій курфюрстъ вступаетъ въ рейнскую конфедерацію съ новымъ титуломъ *короля*, дарованнымъ ему французскимъ *Императоромъ*.

Послѣ Тильзитскаго мира саксонскій король вступилъ во владѣніе новымъ *герцогствомъ Варшавскимъ* и — съ этого времени опять начинаютъ бѣдствія Саксоніи.

Началась достопамятная борьба запада съ сѣверомъ.

Саксонцы были вѣрными союзниками Наполеона, пока счастье сопутствовало ему, но послѣ пораженія при Калишѣ, они отбѣжались отъ французской арміи и вернулись на родину.

Наполеонъ претерпѣвалъ пораженіе за пораженіемъ и саксонскій король поспѣшилъ заключить договоръ съ австрійскимъ дворомъ, соглашаясь на всѣ условія *для возстановленія мира* и напередъ отказываясь отъ Варшавскаго герцогства. Въ то же время Саксонія вступила въ переговоры съ Россією и Пруссією.

Между тѣмъ Люценское сраженіе на мгновеніе возвратило первенство французскому оружію.

Это обстоятельство смутило короля. Задерживая съ одной стороны корпусъ маршала Нея, намѣревавшійся вступить въ Торгау, Фридрихъ-Августъ III отправилъ въ Австрію нарочнаго, чтобы узнать, что ему дѣлать.

Отвѣта изъ Австріи не было, а Наполеонъ настоятельно требовалъ, чтобы король объявлялъ рѣшительно, къ которой сторонѣ онъ принадлежитъ.

Тогда Фридрихъ-Августъ рѣшился на отчаянное средство: онъ присоединился къ Наполеону, и Саксонія снова сдѣлалась театромъ кровопролитной войны. Но звѣзда счастья Наполеона угасла навсегда. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я разска-залъ вкратцѣ Лейпцигскую битву...

Въ девять часовъ утра, въ предмѣстіяхъ Лейпцига происходила уже страшная перестрѣлка; въ это самое время Наполеонъ прощался съ Фридрихомъ-Августомъ и приглашалъ его съ собою въ Вейссенфельсъ. Но король отказался.

Союзники заняли Лейпцигъ, и король со всѣмъ семействомъ былъ отправленъ въ Берлинъ, а оттуда въ замокъ Фридрихсфельтъ. Въ ноябрѣ 1814 года объявили саксонскимъ властямъ, что правленіе принимаетъ прусскій король, будущій владѣтель Саксоніи. Фридрихъ-Августъ изъ заточенія своего возстаетъ противъ такого присвоенія. Англія, Австрія, Баварія и Франція, опасаясь

умноженія могущества Пруссіи, присоединяются къ сторонѣ заточеннаго короля и, наконецъ, въ 1815 году кончается споръ. На вѣнскомъ конгрессѣ рѣшается раздѣлъ Саксонія, въ слѣдствіе котораго Фридрихъ-Августъ теряетъ богатыя провинціи, заключающія въ себѣ 359 квадратныхъ миль пространства и болѣе 845,000 подданныхъ. Изъ 700 милліоновъ, уплаченныхъ Франціею союзникамъ, Саксонія получила около семи милліоновъ.

Въ іюнѣ 1815 года Фридрихъ-Августъ III вернулся въ свою столицу и ревностно занялся внутреннимъ устройствомъ своего государства. Двѣнадцать лѣтъ постоянныхъ успій увѣнчались успѣхомъ. Словесность, искусства, науки, торговля и промышленность развѣли; и искреннія слезы подданныхъ оросили гробъ государя слабого, лишеннаго воинственныхъ качествъ, но умнаго и добраго...

На престолъ вступилъ братъ его, Антонъ I, семидесятилѣтній старецъ.

Король Антонъ скончался на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

Въ 1836 году вступилъ на престолъ Фридрихъ-Августъ IV, нынѣ царствующій король.

Въ Галле я пересѣлъ въ другой вагонъ, чтобы продолжать путь по тюрингенской желѣзной дорогѣ, которая была проведена уже до Веймара.

На прусскихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ каждомъ отдѣленіи есть вагонъ для *курлящихъ*. Принадлежа къ числу послѣднихъ, я отыскалъ въ Галле вагонъ съ желтою надписью и преспокойно усѣлся въ него, тотчасъ послѣ перваго звонка.

Позѣвывая на толпу, прохаживавшуюся по галереѣ, я намѣревался закурить сигару, какъ вдругъ раздался второй звонокъ и вслѣдъ за нимъ голосъ кондуктора:

— По мѣстамъ, по мѣстамъ!

Въ то же мгновеніе пять дамъ, двое дѣтей и господинъ съ блѣдымъ, болѣзненнымъ лицомъ поспѣшно вскочили въ вагонъ, въ которомъ я уже занялъ мѣсто.

Что это? Неужели всѣ эти дамы такія охотницы до сигаръ, что даже въ дорогѣ, при публикѣ, не могутъ обойтись безъ нихъ?... Если нѣтъ, то зачѣмъ сѣли онѣ именно въ вагонъ, назначенный для курящихъ?... Во ожиданіи рѣшенія этой задачи, я сироталъ свою сигару.

* Теперь эта дорога доходитъ до Эйзенаха.

Поѣздъ двинулся впередъ. Сначала заговорили дѣти, а за ними и дамы. Господинъ съ болѣзненнымъ лицомъ морщился, когда дѣти повышали голосъ и, кутаясь въ шинель, искоса поглядывали на меня, сидѣвшаго у опущеннаго окна.

Сигары не позволялись.

— Подымите, пожалуйста, окно, сказалъ блѣдный: вѣтеръ такъ пронзителенъ, что дѣти могутъ простудиться.

Таково свойство эгоизма — ему всегда кажется, что онъ печется о другихъ.

— О, не беспокойтесь! отвѣчала одна толстая, пожилая дама: дѣти мои не боятся холода.

Блѣдный поморщился.

— Такъ позвольте мнѣ просить для себя, сказалъ онъ: мнѣ холодно. Вы, вѣроятно, не Нѣмецъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: потому что у насъ не умѣютъ такъ тепло одѣваться. Это русскій зимній комфортъ.

При словѣ *русскій* дѣти внезапно замолчали и вытаращили на меня глаза.

— Мама, спросилъ одинъ изъ нихъ послѣ минутнаго молчанія, указавъ на меня пальцемъ: это Русскій?

Мать молча покачала головой, заставляя сына замолчать. Но между тѣмъ другой, мальчикъ лѣтъ восьми, наклонившись нѣсколько ко мнѣ, спросилъ:

— Ты казакъ?

— Францъ, замолчишь ли ты! вскричала мать съ такою живостію, какъ будто бы сынъ ея нанесъ мнѣ смертельную обиду.

— Нѣтъ, мой дружокъ, я не казакъ, отвѣчалъ я, улыбаясь малюткѣ.

— А зачѣмъ же онъ сказалъ, что ты Русскій? продолжалъ мальчикъ.

Поѣздъ остановился близъ Мерзебурга, небольшого города. Толстая дама стала объяснять дѣтямъ, что не всѣ Русскіе казаки.

По мѣрѣ удаленія отъ Галле мѣстоположеніе измѣнялось. Поѣздъ мчался уже не по песчанымъ равнинамъ Пруссіи, а по странѣ лѣсистой и гористой. То вагонъ нашъ съ глухимъ шумомъ пролеталъ туннели и узкія ущелія, то несся по возвышенію, съ котораго видъ простирался на обширныя поля, на которыхъ изъ подъ растаявшаго снѣга виднѣлась земля, такъ превосходно обработанная, что казалась какъ бы разчесанною гребнемъ.

Въ Саксоніи, вообще, прусской и саксонской, земледѣліе доведено до высокой степени совершенства.

Мало-по-малу разговоръ въ вагонѣ сдѣлался общимъ, но о сигарахъ все еще никто не думалъ. Отвѣтивъ утвердительно на вопросъ одной изъ дамъ: точно ли я Русскій? я подвергнулся безконечнымъ разспросамъ. Особенно понравился дамѣ русскій крестьянскій костюмъ, который я описалъ имъ, какъ умѣлъ. Наконецъ свѣжая, миленькая блондинка упростила меня, чтобы я промѣшью нѣсколько русскіхъ словъ.

— Скажите, какъ по-русски *die liebe Mutter*? спросила толстая дама.

— *Любимая мать*, отвѣчалъ я.

— Ахъ, какъ это странно! вскричала одна изъ дамъ.

— Отчего странно? возразила хорошенькая блондинка: я нахожу, что это очень выразительно и пріятно.

— *Mater* происходитъ отъ латинскаго, вскричала другая молодая дѣвушка, услышанная веснушками: *mater, materis...*

— *Matris*, поправилъ блѣдный господинъ, — существительныя, кончающіяся на *ter* теряютъ букву *e* въ склоненіи.

— Ахъ, да! вскричала дѣвица съ веснушками: *mater, pater, frater...*

Послѣ такого *ученаю* разсужденія, хорошенькой дѣвущкѣ оставалось только вытаскать изъ дорожнаго мѣшка пѣнковую трубку, набитую кнастеромъ.

Наконецъ поѣздъ остановился близъ города Вейссенфельса. Тамъ дамы простились съ блѣднымъ господиномъ и со мною, и удалились, не выкуривъ даже пахтоски....

Я вышелъ вслѣдъ за ними изъ вагона.

Вейссенфельсъ находится въ очаровательномъ мѣстоположеніи. Онъ лежитъ между двумя горами; въ долину, по которой течетъ Салса, образуя граціозныя изгибы. Здѣсь я увидѣлъ первые виноградники. Не смотря на то, что на деревьяхъ не было листьевъ, и что мѣстами лежалъ снѣгъ, видъ былъ очарователенъ....

Мертвое тѣло Густава-Адольфа было перенесено въ Вейссенфельсъ и тамъ бальзамировано. Сердце героя и внутренности его были погребены подъ каедрою монастырской церкви, но впоследствии, сердце перевезено въ Швецію. Во время бальзамированія, струя крови брызнула на стѣну въ Городскомъ Правленіи.

Кровавое пятно сохранилось и понынѣ; оно покрыто щитомъ, надъ которымъ виситъ портретъ короля-героя.

Возвращаясь въ вагонъ съ закуреною сигарою, я нечаянно взглянулъ еще разъ на желтую вапцъ, но если бъ было время,

непремѣнно бы пересѣлъ въ другой вагонъ! Теперь только замѣтилъ я небольшую отрицательную частіцу:

Für nicht gauchende.

Т. е. для не курящихъ. Въ Саксоніи видво курить болѣе, нежели въ Пруссіи, потому-что въ послѣдней одинъ вагонъ для курящихъ, а въ первой одинъ для не курящихъ. Извиняюсь передъ незнакомыми дамами, которыхъ осмѣлился подозрѣвать въ — эманципации.

За Вейссенфельсомъ лежатъ еще города *Наумбургъ*, известный осадой Гусситовъ; *Анольда*, по близости котораго происходило Іенское сраженіе.

Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго часа, поѣздъ остановился въ виду Веймара.

II. ФУРМАННЪ.

ОХОТА НА ЯГУАРОВЪ ВЪ БУЕНОСЪ-АЙРЕССКИХЪ ПАНПАСАХЪ.
(Разсказъ французскаго путешественника.) За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ объявлена была, въ 1837 году, адмираломъ Лебланомъ блокада восточныхъ береговъ Южной Америки, лежащихъ ниже Бразиліи, я воспользовался представившимся мнѣ благоприятнымъ обстоятельствомъ, чтобы посѣтить Монте-Видео и Буеносъ-Айресъ. Военный бригъ, стоявшій на якорѣ въ Рио-Жанейро, гдѣ я, въ то время, находился, и на которомъ служилъ одинъ мой школьный товарищъ, долженствовалъ, чрезъ нѣсколько дней, отправиться къ берегамъ Ла-Платы.

Г. К..., мой сказанный товарищъ, отрекомендовалъ меня своимъ сослуживцамъ, съ которыми нѣсколько произведенныхъ вмѣстѣ охотъ, ловлей рыбъ и обмѣненныхъ обѣдовъ меня совершенно сблизилъ, такъ что они, когда получили приказаніе отправиться изъ Рио-Жанейро, убѣдили меня посѣтить съ ними вмѣстѣ Монте-Видео.

Предложеніе было слишкомъ заманчиво и я рѣшился имъ воспользоваться: окончивъ всѣ нужныя для пути приготовленія, я, въ сопровожденіи моего вѣрнаго слуги Ивона, перешелъ на бригъ.

Въ тотъ же самый день мы вступили подъ паруса и вышли изъ Рио-Жанейро при прекраснѣйшей погодѣ: это было въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда мои любезнѣйшіе соотечественники наслаждались, по меньшей мѣрѣ, десятью градусами мороза.

Да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о моемъ слугѣ. Неоднократно проклиналъ я тотъ день, въ ко-

торый пришла мнѣ несчастная мысль взять его съ собою; въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ былъ для меня неизсякаемымъ источникомъ заботъ, неудовольствій, огорченій, камнемъ преткновенія во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. Только недоставало того, чтобы я самъ чистилъ ему сапоги, во всемъ же остальномъ, могу похвастать, я служилъ ему въ теченіе всего моего вояжа, предпринятаго мною съ цѣлію доставить себѣ удовольствіе.

Но въ это время я не былъ еще совершеннымъ перипатетикомъ и полагалъ, что если не возьму съ собою слуги, то не исполню тѣмъ всѣхъ требованій комфорта. Если слуга не составляетъ излишней роскоши въ путешествіяхъ по Европѣ, то, въ предпринятомъ мною пути, онъ совершенно былъ для меня лишнимъ.

Этотъ превосходный путевой товарищъ родился въ Финстерскомъ департаментѣ, на веселыхъ берегахъ Плугастеля или Конкарно и, по одному изъ тѣхъ роковыхъ несчастій, которыя случаются только со мною, онъ, любезнѣйшій въ мірѣ человекъ, не захотѣвъ слѣдовать состоянію своего родителя и, бросивъ въ сторону неволь и уды, полетѣлъ въ Алжирію, чувствуя въ себѣ рѣшительное призваніе къ благородной службѣ воина.

Онъ вступилъ въ полкъ, въ которомъ я тогда находился, и моя злосчастная звѣзда хотѣла, чтобы я взялъ его въ услуженіе, сперва въ Алжиріи, а потомъ и въ Парижѣ, гдѣ однажды встрѣтилъ я его безъ пристанища.

Оставя самъ военную службу, я съ удовольствіемъ встрѣтилъ бывшего своего слугу, находившагося нѣсколько лѣтъ при мнѣ; онъ, казалось, былъ преданъ мнѣ совершенно; къ тому же онъ былъ такъ неловокъ, такъ бѣденъ умственными способностями что мнѣ стало его жаль, при мысли, что никто не возьметъ его къ себѣ.

Когда я оставилъ Европу и предпринялъ путешествіе на удачу, безъ всякой цѣли, рѣшившись останавливаться тамъ, гдѣ мнѣ понравится, и снова пускаться въ путь, когда пожелаю, то взялъ его съ собою; но едва сѣлъ на корабль, какъ уже жестоко въ томъ раскаялся, ибо несчастный мой человекъ подвергся морской болѣзни, а за это я долженъ былъ перенести отъ него безчисленное множество докукъ, жалобъ, даже выговоровъ.

Мы, на нѣсколько дней, зашли въ Санта-Крусъ, на Тенерифъ, и я предложилъ ему отправиться обратно во Францію, сказавъ притомъ, что буду просить одинъ торговый домъ, чтобы постарались найти для него скорѣе мѣсто на первомъ идущемъ оттуда кораблѣ; но онъ не хотѣлъ слушать объ этомъ,

онъ повеселялъ на берегу, гдѣ, несмотря на мои предостереженія, пресыщался апельсинами и другими плодами, подлагаясь опасности захворать отъ другой причины; онъ водничалъ надъ морскою болѣзнію и не хотѣлъ меня оставить. Нѣсколько времени спустя, на кораблѣ, опять началась прежняя исторія, такъ что я никогда не кончилъ бы своего разсказа, если бы хотѣлъ описать всѣ неудовольствія, которыя заставилъ меня испытать этотъ несносный Бретонецъ.

Я не буду говорить о прекрасномъ нашемъ плаваніи, не стану описывать тѣхъ проказъ и тѣхъ насмѣшекъ, которыми, по трусости своей, подвергался бѣдный Ивонъ; даже не упомяну о крушеніи нашемъ, въ самую прекраснѣйшую погоду, на *амлійской мѣли*, при входѣ въ Ла-Плату, въ которомъ не было другой несприятности, кромѣ того, что всѣ измокли. Я прибылъ въ Буеносъ-Айресъ, мѣсяць спустя послѣ того, какъ разстался съ своими любезными путевыми товарищами, остановленными въ Монте-Видео исправленіями, требовавшимися въ вѣхъ суднѣ.

Нечего уже говорить о томъ, что я вѣхалъ въ Буеносъ-Айресъ въ сопровожденіи своего неизбежнаго Ивона, который сильно ропталъ, что долженъ былъ до колѣна погружаться въ илъ, при вероноснѣ мовѣхъ ващей. Городъ этотъ, хотя расположенъ при устьѣ обширной рѣки, но не имѣетъ пристани, и большіе корабли не переходятъ за Барраганскую губу. Песчаная отмѣль, простирающаяся весьма далеко въ море, препятствуетъ приближенію даже самыхъ малыхъ гребныхъ судовъ, и только съ помощію нарочно устроенныхъ телѣжекъ спускаютъ съ судовъ пассажировъ и товары и перевозятъ ихъ на берегъ.

Я поселился въ *Калле де ла Викторія*, гостинницѣ, которая, въ то время, была мало посѣщаемая, отчего она мнѣ и понравилась: я никогда не любилъ тѣсноты и поставилъ себѣ за правило, въ путешествіяхъ, не останавливаться никогда въ мѣстныхъ гостинницахъ, гдѣ вообще находишь менѣе удобства.

Видъ Буеносъ-Айреса весьма замѣчателенъ и его широкія улицы, перерѣзанныя подъ прямыми углами, были бы очень хороши, если бы, какъ въ Европѣ, содержались онѣ въ чистотѣ и были вымощены камнемъ или, по-крайней-мѣрѣ, убиты щебнемъ. Къ несчастію этого ничего нѣтъ, почему, во всякое время года, отъ пыли или отъ грязи, онѣ едва проходимы. Несмотря на это, я тотчасъ же успѣшилъ пробѣжать по городу, безъ провожатаго, на удачу.

Я не стану описывать Буеносъ-Айреса, который, благодаря

предшествовавшимъ мнѣ путешественникамъ, описанъ, вѣроятно, также хорошо какъ Лондонъ и Парижъ. Только мнѣ должно войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы объяснить, каковымъ образомъ отправился я на югъ и охотился на ягуара.

По обыкновенію, котораго держался всегда, я не имѣлъ при себѣ ни одного рекомендательнаго письма; знаю, что отъ этого встрѣчаются, иногда, не малыя затрудненія; но, по моему мнѣнію, ихъ бываетъ еще болѣе тогда, когда имѣешь ихъ съ собою. При отъѣздѣ изъ Рио-Жанейро мнѣ предлагали все, что я пожелаю бы въ этомъ отношеніи; но вѣруя, какъ и всегда, въ случай, который, до этого времени, служилъ мнѣ довольно хорошо, я отказался отъ всѣхъ писемъ. Необязанный никакимъ посѣщеніемъ, я, черезъ нѣсколько дней, видѣлъ въ Буеносъ-Айресѣ все, что возможно было видѣть.

Я посѣтилъ соборъ, замѣчательное, но несовершенное строеніе, главныя церкви, довольно тяжелаго стила, банкъ, *Кабильдо*, старую ратушу, гдѣ помѣщаются теперь присутственныя мѣста, монетный дворъ, дворецъ, украшающій площадь *Викторіа*, *Рекобу* съ ея галлерейми, зданіе въ мавританскомъ вкусѣ, близъ крѣпости.

Я видѣлъ всѣ публичныя заведенія, довольно многочисленныя, но не очень интересныя, исключая, однако, библіотеку, лучшей въ Южной Америкѣ; наконецъ, какъ предполагать должно, не забыты были мною прогулки въ Аламеда, Ретиро, Эсмеральда, равно какъ и въ Аржантинскомъ паркѣ.

Прогулки эти, вообще, весьма пріятны и посѣщаются предельными дамами и львами, красующимися на прекрасныхъ лошадахъ, на которыхъ збура, сѣдло, чепракъ, украшенные золотомъ, въ мавританскомъ вкусѣ, имѣютъ странный, но между тѣмъ замѣчательный видъ. Самы всадники въ прекрасныхъ и красивыхъ костюмахъ, въ большихъ саноггахъ, переходящихъ гораздо выше колѣнъ.

Въ одинъ день, прохаживаясь, утромъ, подъ аркадами *Рекобы*, я вошелъ въ лавку золотыхъ дѣлъ мастера, чтобы купить себѣ пару огромныхъ серебряныхъ шиоръ, которыя составляютъ необходимую часть костюма *гуаго*, образчикъ которыхъ мнѣ хотѣлось привезти во Францію. Я вошелъ въ эту лавку еще и по любопытству: въ ней я видѣлъ стоящаю одного мужчину, еще молодого, котораго я часто встрѣчалъ въ моихъ прогулкахъ, и который обращалъ мое вниманіе сколько по изысканности и пріятности его костюма, столько же по совершенству формъ его лица.

Порода испанскихъ креоловъ въ Южной Америкѣ составля-

еть лучшую породу людей, которую я только видѣлъ до того времени; она, удивительнымъ образомъ, противорѣчить съ Бразильцами, ея сосѣдями, которые, вообще, малорослы и дурны, цвѣта желтаго, желчнаго, между тѣмъ какъ, въ Бусность-Айресѣ, мужчины и особенно женщины, почти всѣ вообще красоты совершенной и имѣютъ самый вѣжнѣйшій бѣлый цвѣтъ лица.

И такъ между этими-то народонаселеніемъ обратилъ мое любопытство вышесказанный молодой человекъ, который вездѣ былъ бы предметомъ общаго вниманія.

Съ изящною испанскою учтивостію, донъ Мигаль Саласаръ, (имя его я узналъ нѣсколько минутъ спустя,) отвѣтилъ на поклонъ мой при входѣ въ лавку, отступилъ нѣсколько шаговъ въ сторону, чтобы дать мнѣ мѣсто, и, съ любезностію, показывавшею въ немъ человекъ благороднаго происхожденія, принудилъ торговца удовлетворить первоначально моему требванію. Увидѣвъ, въ то же время, что я не такъ-то легко объяснялся по-испански, онъ заговорилъ со мною по-французски и взялся служить мнѣ переводчикомъ.

Я съ учтивостію отвѣчалъ на его любезности, къ которымъ, признаюсь, до того времени, не былъ приученъ Бразильцами, характера мрачнаго, надменнаго. Сдѣлавъ покупку, мы вышли вѣстѣ и, по предложенію донъ Мигеля, закуривъ по сигарѣ, продолжали путь въ галлерей.

— Я благодарю судьбу, сказалъ мнѣ донъ Мигаль, когда мы съ нимъ пошли, что она позволила намъ встрѣтиться сегодняшнимъ утромъ; нѣсколько дней я уже замѣтилъ васъ, сеньоръ кавальеро, и, желая отплатить за гостепріимство, которымъ я пользовался, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ вашемъ отечествѣ, имѣлъ даже любопытство освѣдомиться о вашей фамиліи. Каково же было мое удивленіе, когда узналъ, что эта фамилія одинакова съ фамиліею одного молодаго французкаго гвардейца, который оказалъ мнѣ и нѣкоторымъ лицамъ моего семейства, живущаго въ Испаніи, услуги, въ теченіе войны 1823 года, и съ которымъ знакомство обратилось въ дружбу.

— Это братъ мой, отвѣчалъ я ему; но мнѣ весьма горестно объявить вамъ, что послѣ того мы имѣли несчастіе его потерять.

— Какъ! Бѣдный Станиславъ умеръ? Извините меня, что я его такъ называлъ; но я очень любилъ его, и вамъ должно быть извѣстно, что мы, Испанцы, не можемъ ничего дѣлать въ ловлю. Умереть въ такомъ молодомъ возрастѣ, съ такою будущностію: это ужасно! Вы не можете представить себѣ, какъ я огорченъ: я думалъ, что онъ женатъ, счастливъ и сегодня

даже располагалъ посѣтить васъ, чтобы узнать не родственникъ ли вы ему; но такъ какъ случаю угодно было свести васъ, то позвольте мнѣ предложить вамъ мои услуги и сказать, что я и всѣ мои домашніе въ вашемъ распоряженіи.

Сказавъ это, онъ протянулъ мнѣ свою руку, которую и дружески пожалъ, и мы продолжали нашъ путь, разговаривая про моего бѣднаго брата, котораго смерть, въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ, преждевременно похитила, въ полнотѣ жизни и здорovia.

Донъ Мигель освѣдомился съ самымъ живымъ участіемъ о всѣхъ подробностяхъ смерти, похитившей у него друга, а у меня любимаго брата. Онъ содрогнулся, когда узналъ, что бѣдный мой братъ, по самой ничтожной причинѣ, считалъ себя обязаннымъ принять вызовъ и что онъ палъ на дуэли.

Оставивъ этотъ печальный предметъ разговора, донъ Мигель принялъ мое приглашеніе раздѣлить безъ церемоніи мой завтракъ, и мы направили путь къ гостинницѣ.

Знакомство, такимъ образомъ начатое, не замедлило обратиться въ самое искреннее и, подѣ покровительствомъ моего новаго друга, скоро посвященъ я былъ въ тысячу вещей, которыя оставались мнѣ, до того времени, совершенно неизвѣстными. Многія прекрасныя семейства мнѣ сдѣлались доступны, и въ нихъ я имѣлъ возможность бесѣдовать съ этими очаровательными женщинами, которыхъ встрѣчалъ прежде на прогулкахъ. Замѣчательную привычку въ Южной Америкѣ, особенно же въ этой странѣ, составляетъ употребленіе *mate*, родъ чая, который Креолы, особенно женщины, пьютъ въ продолженіе цѣлаго дня.

Надобно видѣть этихъ женщинъ, полураспростертыхъ на койкахъ, сдѣланныхъ изъ индѣйской соломы или шелковыхъ тканей, различныхъ цвѣтовъ, держащихъ въ одной рукѣ благоухающую *пакиллу*, а въ другой прекрасныя чашки изъ японскаго фарфора, заключающія въ себѣ любимый ихъ напитокъ, которыя подносятъ онѣ поминутно ко рту и всасываютъ изъ нихъ въ себя, помощію золотой трубочки, драгоценную влагу. Самый большой знакъ уваженія и расположенія къ иностранцу составляетъ то, когда онѣ предлагаютъ ему свою чашку и трубочку, которую только что сжимали ихъ прелестныя розовыя губки. Откровенно должно признаться, что, безъ этого милаго приглашенія, трудно было бы проглотить этотъ невкусный напитокъ, къ которому однакожъ можно, наконецъ, привыкнуть; особенно, у одной сеньориты, я сдѣлался самымъ отчаяннымъ

любителемъ *манте*, когда плѣнительница хозяйка предлагала мнѣ это, откушавъ прежде его сама до половины.

Донъ Мигель представлялъ меня также генералу Разасу, бывшему въ то время президентомъ Аргентинской республики; и въблизи видѣлъ этого страшнаго Гуахо, представлявшаго собою типъ дикихъ жителей пампасовъ, о которыхъ я скажу ниже. Не знаю, что поразило меня въ немъ болѣе: енаіоніа или иррачная и свирѣлая, или простонародность его вѣдомовъ. Онъ позволялъ мнѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе сеньоръ Мануель, его дочери, перлу Буеносъ-Айреса; она приняла меня весьма милостиво.

Я видѣлъ еще многое въ Буеносъ-Айресѣ, но описаніе этого этого отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ предмета моего разсказа; можетъ-быть, нѣкоторые и безъ того замѣтятъ, что мнѣ слѣдовало бы давно начать говорить о пампасахъ и агуарахъ.

Съ дѣтства страстный охотникъ, я не довольствовался стрѣляннємъ перепеловъ, зайцевъ и куропатокъ, во время моего долгаго пребыванія въ Африкѣ, а стремился къ болѣе живѣйшимъ ощущеніямъ; но, къ несчастію, только нѣсколько бѣдныхъ шакаловъ, которые убѣгаютъ отъ охотника, и одна гиена, убитая мною съ помощью товарища, удовлетворила это требованіе сердца, жаждавшаго испытать себя въ присутствіи опасности.

Правда, два или три раза, я присутствовалъ при такъ называемыхъ охотахъ на львовъ, въ окрестностяхъ Орана, но никогда не встрѣчалъ этого страшнаго царя степей. Я долженъ былъ довольствоваться только тѣмъ, что слышалъ его ужасный ревъ, который, раздаваясь въ воздухѣ, заставлялъ умолкать, какъ бы волшебствомъ, завываніе гіенъ и шакаловъ, выходящихъ для добычи, съ закатомъ солнца.

Къ тому же, да позволено мнѣ будетъ признаться, что, не считая себя трусомъ болѣе другихъ, я, однако, каждый разъ чувствовалъ какое-то внутреннее, величайшее облегченіе, когда возвращался послѣ безуспѣшной, охоты на льва. Смію прибавить, что не я одинъ испытывалъ подобное чувство, но не многіе такъ чистосердечны, чтобы признаться въ этомъ.

Въ пампасахъ, изъ дикихъ звѣрей встрѣчаются только агуары, родъ тигровъ, да еще дикія кони.

Донъ Мигель, отправляясь осматривать свои помѣстья, шахлящіеся на берегахъ *Ріо-Саладо*, въ южной части Буеносъ-Айреса, предложилъ мнѣ ему сопутствовать. Онъ общалъ мнѣ горы чудесъ, для удовлетворенія моего любопытства, какъ пу-

тешествования, и моей страсти къ охотѣ. Я съ энтузіазмомъ принялъ его предложеніе и, въ одно прекрасное утро, мы пустились въ путь на превосходныхъ лошадяхъ, въ сопровожденіи слугъ, которые вели за узду муловъ, нагруженныхъ винами, съѣстными припасами и разными мелочами.

Я одѣлся точно также, какъ быль одѣтъ мой товарищъ: огромная шляпа изъ килійской соломы, совершенно защищавшая отъ солнца и дождя; бархатная куртка, украшенная сотнею красивыхъ серебряныхъ пуговицъ, наброшенная на плечо; жилетъ, вышитый по андалузской модѣ; пончо, и большіе, изъ желтой кожи, высокіе сапоги, съ огромными шнорэми, о которыхъ я говорилъ уже выше, и въ которыхъ кольца были величаво съ испанскій талеръ: вотъ весь мой нарядъ.

Лошадь моя была прекрасной андалузской породы, сохранившейся, безъ сомнѣнія, отъ породы лошадей, привезенныхъ изъ Испаніи въ эпоху открытія американскаго материка, которая удивительнымъ образомъ размножилась въ обширныхъ равнинахъ Южной Америки. Сѣдло мое было мадрегасское, съ широкою спинкою, обитою вышитымъ савьяномъ, и съ широкими серебряными стремянами; узда была бархатная и украшенная блестящимъ позументомъ.

Разумѣется не было забыто мною и оружіе: превосходное двуствольное ружье, большаго калибра и хорошаго прицѣла, перекинуто было за плечо; пара двуствольныхъ пистолетовъ торчала въ сѣдельныхъ чухкахъ; съ боку привязанъ былъ, у меня охотничій ножъ, французской работы, а за правымъ сапогомъ, какъ и у моего товарища, заткнутъ былъ длинный ножъ въ серебряныхъ ножнахъ и съ такою же рукояткою.

Донъ Мигель, сверхъ подобнаго вооруженія, имѣлъ свой *ласко*, родъ аркана. Слуги наши также были хорошо вооружены.

Такимъ образомъ вооруженные и снабженные превосходными сигарами, мы выѣхали при прекраснѣйшей погодѣ и ночевали въ одной усдиненной фермѣ, въ двѣнадцати почти миляхъ отъ Буэносъ-Айреса.

На другой день, рано утромъ, мы снова пустились въ дорогу и не замедляли войти въ страну, почти пустынную, известную подъ названіемъ *Пампасовъ*, занимающую пространство въ длину 300, а въ ширину 180 миль.

Эти обширныя равнины покрыты густою травою; ихъ пустынное однообразіе дѣлается еще печальнѣе отъ видѣющихся, на довольнонемъ разстояніи другъ отъ друга, покрытыхъ рѣдкими листьями, деревь, называемыхъ *дураси*, въ родѣ пер-

сиковыхъ, которыхъ плодъ довольно пріятнаго вкуса; кой-гдѣ встрѣчается еще мелкій кустарникъ.

Населенныя огромнымъ множествомъ стада почти дикаго рогатаго скота, оберегаемаго пастухами, не менѣе ихъ дикими, эти равнины раздѣляются на столько пастбищъ, сколько считается владѣльцевъ, и тотъ изъ нихъ, который имѣетъ земли не болѣе четырехъ или пяти квадратныхъ миль, почитается между ними не очень еще богатымъ.

На нихъ также пасутся многочисленныя табуны лошадей и стада овецъ-альпаговъ, имѣющихъ особыя свои отмѣтины; они охраняются большимъ числомъ пастуховъ, раздѣжающихъ верхомъ.

Эти люди, извѣстные подъ именемъ *гуахо*, родившіеся и привыкшіе къ жизни въ пустынѣ, составляютъ классъ жителей, весьма замѣчательный для наблюденія. Приученные съ дѣтства къ праздности и волѣ, они не знаютъ предѣловъ своимъ страстямъ; привыкшіе убивать животныхъ, они, также легко, безъ злобы и жалости, проливаютъ кровь и себѣ подобныхъ. Гуахи вообще сложенія крѣпкаго, незнакомы съ болѣзнями, считаютъ жизнь за ничто и съ отвращеніемъ смотрятъ на тѣ занятія, которыхъ не могутъ они исполнить верхомъ на лошади.

Наклонные къ кражѣ, они воруютъ только лошадей и нѣкоторые предметы, не имѣющіе цѣнности. Пренебрегая деньгами, для нихъ не нужными, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма гостепріимны. Если является къ нимъ иностранецъ, то онъ можетъ у нихъ оставаться, сколько пожелаетъ: они его кормятъ, не освѣдомляясь, кто онъ такой, и притомъ не удерживаютъ, когда онъ ихъ оставляетъ.

Пампасы посѣщаются еще другимъ классомъ людей, которые не хотятъ ни работать, ни служить: эти бродяги, встрѣча съ которыми весьма опасна, имѣютъ дерзость доходить даже до Буэносъ-Айреса и похищаютъ оттуда женщинъ, увлекая ихъ на житье въ свои пустыни. Они крадутъ также лошадей съ пастбищъ и продаютъ ихъ, по ту сторону рѣки *Параны*, въ южныхъ бразильскихъ провинціяхъ. Эта порода людей, называемыхъ *Улькассы*, довольно многочисленна и живетъ, по слабости правительства, въ совершенномъ спокойствіи и безнаказанности.

Наше путешествіе совершилось однако безъ всякой непріятной встрѣчи. Однообразіе его, по временамъ, было только прерываемо выстрѣлами по зайцамъ и строусамъ, бродящимъ по этимъ равнинамъ, покрытымъ соленоватыми растеніями, кото-

рыя птица эта очень любить. Донъ Мигэль нѣсколько разъ выгналъ, съ лассо въ рукахъ, мчаться во весь опоръ за стрелами, но безъ успѣха: такъ бѣгъ ихъ быстръ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути, поднимаясь вверхъ по теченію *Pio-Salado*, мы прибыли, наконецъ, въ главную *эстанцію* обширныхъ владѣній моего хозяина.

На другой день, Мигэль отдалъ приказаніе, чтобы было убито известное число рогатаго скота, превосходявшее нѣсколько тысячъ головъ. Извинившись, что долженъ былъ заняться этимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ, онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, верхомъ, отыскивать слѣды ягуаровъ, вдоль *Pio-Salado*, гдѣ хотѣлъ доставить мнѣ случай видѣть охоту на этого звѣря.

Мы сѣли на лошадей и пустились въ путь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гуаховъ; эти послѣдніе, махая своими лассо, котораго они никогда не выпускаютъ изъ рукъ, скакали около насъ и выказывали въ управленіи лошадью, ловкость, дѣйствительно изумительную.

Проѣхавъ нѣсколько миль, мы достигли до мѣста, гдѣ *Саладильо*, небольшая рѣчка, впадаетъ въ *Pio-Salado*. Люди, которые отправлены были впередъ насъ, прибыли къ намъ съ извѣстіемъ, что они открыли многіе слѣды, и самыя еще свѣжіе, ягуаровъ: мы отправились осмотрѣть ихъ, и Мигэль приказалъ своимъ людямъ построить изъ земли и травы родъ шалаша, въ которомъ мы могли бы скрыться на другой сторонѣ рѣчки, противъ того мѣста, куда ягуары, казалось, приходили утолять свою жажду.

Исполнивъ это, Мигэль предложилъ мнѣ быть свидѣтелемъ зрѣлища, весьма любопытнаго для меня, поимки дикой лошади. Я принялъ предложеніе, и мы продолжали ѣхать по берегу рѣчки, вверхъ по теченію, къ тому мѣсту, гдѣ полагали встрѣтить табунъ лошадей.

Когда мы приблизились довольно близко къ табуну, наши гуахи пустились скакать, по разнымъ направленіямъ, испуская пронзительные крики, и мы послѣдовали за ними въ галопъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ, опередивъ своихъ товарищей, успѣлъ накинуть лассо на молодую лошадь, которая, испуганная его крикомъ, не рѣшилась обратиться въ бѣгство, чтобы послѣдовать за остальнымъ табуномъ.

Дикая лошадь, чувствуя, что она поймана, пыталась освободиться отъ петли, ее стягивавшей, дѣлая ужасныя скачки и бросаясь въ сторону; но, удерживаемая желѣзною рукою гуахо, она вскорѣ поняла всю бесполезность сопротивленія и остано-

лось неожиданно: этой минуты и ожидалъ всадникъ; онъ, ослабивъ поводъ своей лошади и давъ ей поводъ, дуеться во всю прыть. Бѣдная жертва хотѣла, сначала, протѣяться, умиралась негнана; не чувствуя, что лассо ее давить, принуждена была послѣдовать за своимъ побѣдителемъ.

Послѣ неправильной и быстрой скачки, продолжавшейся минутъ съ двадцать около насъ, во время которой гуако выказалъ чудеса искусства и хладнокровія, бѣдная дикая лошадь упала на земь и казалась задыхающеюся. Въ это время всадникъ носившій сойти съ своей лошади, вскинулъ на лежащую лошадь узду и, вскочивъ ей на спину, началъ поемному освобождать ее отъ лассо. Лошадь, содрагааясь подъ непривычною ей тяжестью, подвигалась и нѣсколько минутъ ей нужно было, чтобы притти въ себя; въ продолженіе этого времени она дрожала всѣмъ тѣломъ; вскорѣ возвратилась ея сила, а съ нею и ея бѣшенство. Тогда началась страшная борьба, въ которой лошадь опять осталась побѣжденною; сжасная калѣбана всадника, который вдавливалъ въ ея бока свои длинныя шпоры, она, наконецъ, перестала дѣлать отчаянные прыжки и пустилась скакать во всю прыть, по прямой линіи.

Черезъ полчаса, послѣ того, она возвратилась, покрытая потомъ, едва держась на ногахъ, и казалась совершенно укропченною. Такимъ образомъ эти люди добываютъ себѣ лошадей: по истеченіи двухъ или трехъ дней, они дѣлаютъ ихъ совершенно послушными.

Мы возвратилась въ *эстанцію*, чтобы быть на-готовѣ отправиться въ нашу засаду. За нѣсколько минутъ до захождения солнца, мы были уже на своемъ мѣстѣ и скрылись въ нашъ шалаши. Рѣчка *Саладильо*, въ этомъ мѣстѣ, была шириною не болѣе двадцати шаговъ, и мы находились прямо противъ того мѣста, гдѣ, утромъ, открыты были слѣды ягуаровъ.

Мы провели, такимъ образомъ, большую часть вечера и ничего не видѣли; при появленіи же луны, когда я только что началъ засыпать, утомленный ожиданіемъ, вдругъ я выведенъ былъ изъ дремоты выстрѣломъ моего товарища; я взглянулъ на противоположащій берегъ рѣки и увидѣлъ раненаго ягуара, который катался на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ. Охота была кончена; трудно было предполагать, чтобы другой ягуаръ явился на это мѣсто. Мы подали знакъ, чтобы намъ подвели лошадей, которыхъ люди наши держали въ отдаленіи и, перейдя въ бродъ черезъ рѣку, подошли съ осторожностію, къ раненому ягуару. Я говорю съ осторожностію, ибо это животное надѣлено такою чрезвычайною силою жизненности, что многіе неблагоразумные

охотники становились жертвою своей свѣдости, приближались къ раненому звѣрю.

Ягуаръ началъ даже умолять при несвѣдомѣмъ издыханіи; но, не сморя на это, Мигаль стоялъ на ливнѣи послать ему къ голубу еще одну пулю, которая и убива его окончательнао.

Тогда подѣхали наши люди; одинъ изъ нихъ положилъ на завасную лошада убитаго звѣря, и мы, такимъ образомъ, возвратились въ эсмакцию, гдѣ ожидалъ насъ хорошій ужинъ.

Последующій день былъ посвященъ различнымъ поѣздкамъ по владѣніямъ моего хозяина, и мы готовы уже были отпра- виться на ту сторону Саллидо, въ мѣста, болѣе населенныя ягуарами, но намъiero правдулаъ насъ нѣсколько дней просидѣть дома; буря эти, производимыя юго-западными вѣтрами, весьма обильны въ этихъ обширныхъ равнинахъ, особенно въ это время года. Нельзя представить себѣ сарѣпности вѣтра, кото- рый, не встрѣчая препятствія въ этихъ пустыняхъ, опустоша- етъ ихъ, унеси даже и животныхъ, которыя, прелчувствуя его во вистивку, не успѣли еще собраться въ сплошныя мас- сы, чтобы охранить себя отъ него.

Съ возвращеніемъ хорошей погоды; мы отправились на охоту съ лассе. Когда я говорю мы, то должно разумѣть, что я, съ своей стороны, не имѣлъ нисколько намѣренія употребить въ дѣ- ло это оружіе, которому, правда, весьма удивлялся; но которо- му, по неопытности своей въ его употребленіи, предпочиталъ свое двустольное ружье.

Насъ было пятеро и всѣ на лошадяхъ: Мигаль, два его гуака, я и мой Ивонъ, хорошо вооруженные и провожаемые четырь- ма огромными собаками испанской породы.

Этотъ родъ собакъ, введенный завоевателями, размножился здѣсь до неслѣроятной степени. Собаки эти, болѣею частію, живутъ въ дикомъ состояніи и соединяются въ большія стаи, весьма опасныя для пастушковъ и жителей уединенныхъ фермъ; тамъ производятъ онѣ большія опустошенія. Съ весьма боль- шимъ трудомъ достигаютъ до того, чтобы сдѣлать ихъ ручными и обучить ихъ; для этого нужно взять ихъ еще щенками. Онѣ боль- шаго роста, очень похожи на шотландскихъ борзыхъ, но гораз- до ихъ сильнѣе и смѣлѣе; шерсть ихъ темно-рыжаго цвѣта, уши заостренныя, ноги длинныя, глаза небольшіе, не зоркіе, челюсть, наполненная острыми зубами: онѣ удивительно способны къ охотѣ на хищныхъ звѣрей.

Нѣсколько уже часовъ мы рыскали по равнинѣ, не встрѣчая ничего, кромѣ зайцевъ, какъ вдругъ собаки съ остервененіемъ бросились къ одному кустарнику, изъ-подъ котораго выскочилъ

прекрасный ягуаръ и бросился во всю прыть бѣжать, преслѣдуемый по пятамъ собаками.

Мы пустились по его слѣдамъ, и послѣ двадцати минутъ самой отчаянной ѣзды, въ продолженіи которой, безъ ловкости моей лошади, я сто разъ сломилъ бы себѣ шею. Мигаль, скакавшій впереди, успѣлъ съ такою ловкостію и удачею бросить свой лассо, что поймалъ ягуара за голову. Животное пыталось было, съ минуту, удержаться на ногахъ, но лассо душило его, и ягуаръ, упавъ на землю, влекся по землѣ за лошадей въ продолженіи четверти часа самаго быстраго галопа.

Когда остановились, ягуаръ не подавалъ болѣе признаковъ жизни; но, въ избѣжаніе несчастія, одинъ изъ гуаковъ сошелъ съ лошади и вонзилъ ему въ горло свой длинный ножъ; потомъ, такъ какъ не было возможности взять съ собою это огромное животное, которое, отъ головы до хвоста, имѣло шесть футовъ длины, онъ началъ сдирать съ него кожу.

Между тѣмъ я отыскивалъ, по всѣмъ сторонамъ, моего бѣднаго слугу Ивона, который былъ не очень ловкій наѣздникъ. Не видя его нигдѣ, я возвратился по тому пути, по которому ѣхалъ, въ сопровожденіи одного изъ гуаковъ, которому Мигаль приказалъ за мной слѣдовать. Мигаль весьма хорошо слѣдалъ, что далъ мнѣ провожатаго, иначе навѣрное я не могъ бы теперь рассказывать моего приключенія.

Возвращаясь шагомъ и ежеминутно кликая Ивона, я началъ было уже за него беспокоиться, какъ раздавшійся вдругъ жалобный его вопль заставилъ меня поскакать въ ту сторону, откуда онъ слышался.

Взявъ ружье въ руки и уменьшивъ галопъ, я приближался съ осторожностію, какъ вдругъ лошадь моя сдѣлала внезапный скачекъ въ сторону такъ, что едва не вышибла меня изъ сѣдла. Благодаря мавританскому сѣдлу, я удержался, и въ то время, когда голосомъ и рукой, старался успокоить свою лошадь, которая заострила уши и показывала явные признаки ужаса, въ десяти шагахъ отъ себя, увидѣлъ, полузакрытую кустарникомъ лошадь Ивона, на которую напала самка ягуара.

Разъяренный звѣрь схватилъ ее за горло и когда я приблизился, лошадь была уже безъ жизни. Ягуаръ подвигъ голову, поползъ, вытанулся и готовъ уже былъ броситься. Я выстрѣлилъ. Пуля пробила его навыветъ.

Тяжело раненый, онъ сдѣлалъ огромнѣйшій скачекъ и, прежде чѣмъ я успѣлъ вторично въ него выстрѣлить, онъ уцѣпился когтями за спину моей лошади, которая въ испугѣ бросилась въ сторону.

Скажу откровенно, что въ первую минуту и даже въ последующія за ней, я душевно желалъ находиться совершенно въ другомъ мѣстѣ. Лошадь моя, растерявшись отъ боли, лягнула бесполезно нѣсколько разъ, опустилась, подавляемая ягуаромъ, который, своими желѣзными когтями, раздиралъ ей спину и бока. Желая скорѣе спрыгнуть съ лошади, я оступился и упалъ.

Гуахо, который, въ это время, былъ въ небольшомъ отдаленіи, прискакалъ, къ счастью, во весь опоръ. — «Нагните голову, господинъ!» вскричалъ онъ мнѣ. Я никогда, въ жизнь мою, не исполнилъ такъ быстро команды, какъ въ этотъ разъ: просто раставулся плашмя по землѣ и, кажется, бросилъ даже и свое ружье!

Въ это самое мгновеніе я услышалъ свистъ лассо и, приподнявъ голову, увидѣлъ скачущаго во весь опоръ гуахо, за которымъ тащился ягуаръ, дѣлавшій отчаянныя усилія, чтобы освободиться.

Я живо вскочилъ на ноги и, счастливый тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался, поспѣшилъ зарядить ружье и пустился отыскивать Ивона. Долго кликалъ я его понапрасну.

Наконецъ, онъ отозвался на мой голосъ и вылѣзъ изъ высокой, густой травы, съ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ. Началось съ того, что онъ, продолжая еще дрожать отъ страха, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ и осыпалъ меня упреками за то, что я взялъ его съ собою на эту охоту. Изъ разказа его я понималъ, что, испуганный быстротою ѣзды своей лошади и отказавшись отъ мысли управиться съ нею, онъ хотѣлъ, сколько можно легче, упасть съ нее и, исполнивъ свое намѣреніе, порядочно ушибся. Лошадь его, освободясь отъ своего сѣдока, остановилась, чтобы пощипать травы, какъ вдругъ, въ это время, напалъ на нее ягуаръ и загрызъ ее. Ивонъ, при этомъ зрѣлищѣ, потерялъ голову и, не думая употребить въ дѣло свое ружье, въ чемъ я готовъ, по истинѣ, почти оправдать его, началъ пускать пронзительные крики, подвергаясь опасности привлечь къ себѣ ягуара.

Вскорѣ Мигель присоединился къ намъ и, подшучивая очень любезно на счетъ моихъ подвиговъ, приказалъ, между тѣмъ, провожавшему его гуахо сойти съ лошади и дать мнѣ ее. Оставивъ этому гуахо на сбереженіе Ивона, мы отправились вслѣдъ за мной избавителемъ, другимъ гуахо.

Черезъ нѣсколько времени мы его нашли и, снявъ кожу съ звѣря, присоединили, такимъ образомъ, второй трофеей моей сомнительной побѣды, къ первому. Довольные результатомъ, въ особенности я, не чувствовавшій охоты продолжать такую охо-

ту, мы направили путь свой обратно къ эстакаці. Почти цѣлый день, Ивонъ не могъ успокоиться. Ему все мерещились агуары.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ. (Континант.)
Мы выѣхали изъ предмѣстія Перы, которое, по своей чисто-европейской наружности, не представляетъ никакой занимательности. Дорога была изрядная; подѣзжая къ Галатѣ, мы увидѣли верхушку ея массивнаго маяка и высокой каменной стѣны. Здѣсь уже начинается совсѣмъ другая жизнь. Множество народа, идущаго по всѣмъ направленіямъ, наполняетъ кривыя и грязныя улицы. Нищіе останавливаютъ хорошо одѣтыхъ людей, принимая ихъ за иностранцевъ, и подносятъ имъ жестыя или деревянные тарелки, прося милостыни. «Свноръ», «Капитанъ» и проч. слышно со всѣхъ сторонъ, и благословеніе небесъ на васъ, родителей, дѣтей, внуковъ сыплется щедрою рукою. Эта часть города называлась въ древнія времена Сике. Здѣсь жили агенты итальянскихъ торговыхъ городовъ, управляясь собственными своими законами: Венеціанцы, Пизанцы и Генуэзцы. Первые изъ нихъ пользовались свачала всеобщимъ уваженіемъ; но ихъ своеволие поселило къ нимъ недоувѣріе жителей.

Галата славится какъ пристанище всѣхъ пороковъ и какъ притонъ разбойниковъ. Кромя поселившихся тамъ Итальянцевъ, есть множество Грековъ съ Ионическихъ острововъ, которые извѣстны подъ именемъ Мальтійцевъ; они и составляютъ самую дурную часть народонаселенія. Зажиточные кунцы, имѣя прекрасно выстроенные, каменные магазины, должны, въ предосторожности, ограждать себя желѣзными дверьми и крѣпкими рѣшетками въ окнахъ. Нѣтъ никакого злодѣйства, на которое бы не рѣшились эти отчаянные мошенники, употребляющіе во зло покровительство англійскаго флага. Чѣмъ болѣе приближаешься къ гавани, тѣмъ сильнѣе становится шумъ и толкотня. Здѣсь полу-пьяные матросы, съ каного-нибудь приставаго европейскаго купеческаго судна, шума и крича, отираваются по улицѣмъ и кривымъ улицамъ въ кабаки, чтобъ тамъ потерять и послѣдній рассудокъ. Тутъ встрѣчаются нѣсколько подозрительныхъ физиономій въ черныхъ сбористыхъ чакчюрахъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, высокихъ башмакахъ и въ малтійской морской шляпѣ; они продаютъ, быть можетъ, краденныя вещи. Армяне и Жиды толпятся здѣсь и выжидаютъ сбавку цѣны, чтобъ выгодно перекупить какую-нибудь вещь.

У самой заставы вы подымаетесь по узкой, каменной лѣстницѣ, продолженной въ стѣнѣ, на дворъ мечети Валде, прекраснаго

здания 17-го столбца, гдѣ начинаются лавки и базары, которые тянутся почти по всей части города, прилегающей къ гавани. Турки называютъ мейданомъ частую площадь, базаромъ—торговую площадь, а бевестаномъ—крытые ряды, въ которыхъ каждый купецъ имѣетъ свою отдѣльную лавку. Тотъ, кто не можетъ нанять себѣ лавку, идетъ торговать на базаръ вмѣстѣ своихъ соотечественниковъ, т. е. торгующихъ одними и тѣми же товарами, такъ что вы видите цѣлый рядъ башмачниковъ, другой рядъ купцовъ, торгующихъ чулками, третій—оснами и проч. Это устройство существуетъ еще со временъ перваго султана. Иные раскладываютъ свой товаръ на столы, другіе носятъ его въ бадахъ или въ корзинахъ. Въ такомъ порядкѣ стоятъ они длинными рядами, а покупатели должны пробираться между ними.

Лавки ремесленниковъ служатъ имъ также и мастерскими. Онѣ состоятъ изъ отырытыхъ досчатыхъ галлерей, вышиною въ нѣсколько футовъ и, вмѣсто крыши, обтянуты холстомъ. Тутъ разложивъ товаръ, и самъ купецъ часто сидитъ тутъ же на соломенной скамьѣ, куря трубку, или ходитъ передъ лавкой взадъ и впередъ, а иногда занимается работой своего мастерства, но на какой-нибудь покупатель не обратитъ на себя его вниманія. Ремесла въ Турціи также подраздѣляются особеннымъ образомъ, напр: порцией чакюра (шароваръ) не шьютъ чекменей (куртки); а порцией чешмеей не шьютъ бенишей (кафтановъ) и никакого другаго платья.

Въ сторонѣ на улицѣ вы встрѣтите иногда толпу мальчиковъ, сидящихъ съ поджатыми ногами, которые, какъ какающія лягушки, повторяютъ въ одинъ голосъ свой турецкій урокъ. Посреди ихъ сидитъ старшій, сѣдобородый мусульманинъ, который, своимъ длиннымъ чубукомъ, наноситъ удары по головамъ любознательной, но дурно читающей молодежи. Это Мектебъ, народное училище. Тутъ въблизи и цирюльня, въ которой нѣсколько стамбульскихъ денди брѣвютъ не голову,—это у нихъ выводится изъ моды,—а подбородокъ и щеки. Только закоренѣлый мусульманинъ велитъ себѣ брить голову, оставая одинъ клочекъ волосъ, за который геий-хранитель правовѣрныхъ, послѣ ихъ смерти, ведетъ черезъ узкій мостъ на гору блаженства. На ближайшемъ перекресткѣ сидитъ подъ крышею, въ табачной лавочкѣ, турецкій нотариусъ, со сверткомъ бумаги въ рукѣ, терпѣливо ожидая своихъ клиентовъ, вмѣющихся наобность заключить контрактъ, или какіе-нибудь другіе акты.

Такимъ образомъ медленно, мало по малу, пробираясь впередъ или, лучше сказать, двигаясь вмѣстѣ съ толпой, если какое-нибудь включеніе не разстроитъ порядка. Тутъ нечего

разобрать. Если кто вздумаетъ, для избѣжанія грязи испорченной мостовой, осторожно переступить съ камня на камень, тотъ, послѣ первой прогулки по ухабистымъ улицамъ Стамбула, удостовѣрится, что это напрасный трудъ. Вы однако жъ не останетесь безъ дѣла. Если вы захотите посторониться и дать дорогу офицеру, окруженному полу-дюжиной невольниковъ, которые несутъ его чубукъ, зонтикъ и другія вещи, вы вдругъ наступаете на лапу расположившейся посреди улицы собаки и, думая избѣжать ея преслѣдованій и ужаснаго визга, вы сталкиваетесь съ ведромъ водовоза, или на васъ наѣзжаетъ ломовая лошадь, которая тащитъ поперегъ положенныя на телегѣ доски, загромождающія почти всю улицу.

Иностранца-наблюдателя здѣсь поражаетъ особенно то, что онъ, относительно, очень мало встрѣчаетъ національнаго платья. Если и видны кое-гдѣ тюрбаны, то это на простомъ народѣ. Солдаты, полицейскіе служители и чиновники носятъ костюмъ,—преобразованный султаномъ Махмудомъ,—который состоитъ изъ панталонъ и сетеры (верхнее платье), а молодые аристократы, желающіе блеснуть изяществомъ своего наряда, сыновья пашей и эфендіевъ охотно перенимаютъ французскіи моды. Иногда вы увидите еще безестана, стараго Турка, съ длинной бородой, любителя старины, въ широкихъ шароварахъ и кафтанѣ: въ платьѣ, освященномъ ихъ пророкомъ. Простой народъ носитъ чекмень, опоясанный широкимъ платкомъ, и чакчюры, спускающіеся до колѣнъ, а на ногахъ желтые съ загнутымъ носкомъ башмаки; голову же покрываетъ тюрбаномъ, и только этимъ и можно отличить мусульманина отъ гяура. Мусульманину позволено носить красную феску и бѣлый или свѣтлаго цвѣта тюрбанъ. Зеленый тюрбанъ есть принадлежность религіознаго братства, потому-что зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ пророка, и тѣ, которые носятъ тюрбаны этого цвѣта, имѣютъ титулъ эмировъ (потомки родственниковъ Магомета) и нерѣдко бываютъ нищими. Черный тюрбанъ есть принадлежность райи, христіанскаго подданнаго султана; онъ долженъ носить черные или красные башмаки, потому-что желтая обувь принадлежитъ однимъ правобѣрнымъ.

Что привлекаетъ насъ на прогулкахъ въ большихъ европейскихъ городахъ, въ томъ здѣсь чувствуешь совершенный недостатокъ; здѣсь не замѣтно ни вкуса ни разнообразія въ дамскихъ нарядахъ. Хотя, со времени преобразования султана Махмуда, и дамское общество пользуется большею свободою, но я не нашелъ въ немъ ничего занимательнаго. Женщины завертываются въ мѣшкообразныя салопы съ рукавами изъ коричневаго, голубаго

или черного меринуса, съ четырех-угольнымъ воротникомъ того же цвѣта. Голову покрываютъ бѣлымъ платкомъ, который обхватываетъ все лице, такъ что видны только черные глаза и ность. Признаюсь, что я сохранилъ очень невыгодное воспоминаніе о красотѣ Турчанокъ. Даже въ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ собираются дамы всѣхъ сословій съ дѣтьми, и лакомятся любимымъ ягуртомъ (кислое молоко) и шекерламой (сахарныя вещи), я не былъ счастливѣе. Не смотря на блестящіе глаза, въ которыхъ часто видѣнъ огонь юности, физіономіи ихъ вообще не имѣютъ оживленности; цвѣтъ лица у нихъ блѣдный и нездоровый, и нижняя губа особенно очень некрасива. Ноги, служащія у нашихъ дамъ предметомъ особеннаго вниманія и изысканной роскоши, въ совершенномъ у нихъ пренебреженіи. Онѣ носятъ широкіе полу-сапожки, а сверхъ нихъ еще туфли такого же цвѣта.

Чтобы отдохнуть послѣ продолжительныхъ нашихъ прогулокъ, мы заходили въ кофейные дома или въ шербетныя лавки. Кофейные дома имѣютъ окна съ трехъ сторонъ, а четвертая сторона назначается для кухни. Около оконъ, поставлены лавки въ родѣ дивановъ, на которыхъ располагаются посѣтители, снимая свою верхнюю обувь. Мы выбрали, болѣе способные для нашего европейскаго костюма, соломенные стулья въ полтора фута вышиною, безъ задка, которые привозятся сюда изъ Мальты и называются скемли. Въ кофейномъ домѣ кафеши или трактирщикъ тотчасъ предлагаетъ вамъ, смотря по желанію, чубукъ или кальянъ, а, черезъ нѣсколько времени, слуга приноситъ фарфоровую чашку на мѣдномъ подлоекѣ и кофейникъ и, при васъ, наливаетъ уже совершенно готовый кофе. Кофейни служатъ любимымъ мѣстомъ всѣхъ праздныхъ мусульманъ, которые, не говоря ни слова, курятъ табакъ и любятъ облаками табачнаго дыма. Тутъ есть также необходимое лицо, меда или рассказчикъ, который гѣшитъ ихъ разными сказками. Большія кофейни имѣютъ перелъ дверьми, родъ двора, отгороженнаго рѣшеткой съ выощившия на ней растеніями и защищеннаго отъ солнца натянутымъ полѣтномъ. Здѣсь очень пріятно сидѣть; особенно въ кофейняхъ, устроенныхъ вблизи гавани, можно вполне наслаждаться свѣжестью морскаго воздуха и прекраснымъ видомъ Босфора.

Дамы, вмѣсто чернаго кофе, съ наслаженіемъ употребляютъ шербетъ и хальву. Шербетъ есть напитокъ подобный лимонаду, приготовленный изъ сока разныхъ плодовъ съ сахарнымъ сиропомъ, въ который, для свѣжести, кладутъ кусокъ льду. Наиболѣе употребляютъ сокъ гранатный, апельсиновый, лимонный, вишневыи и проч., а для аромата, прогоняютъ его чрезъ

душистыя травы. Хальва есть родъ желе, приготовляемого изъ кунжута, меда, винограду и другихъ плодовъ.

Паровыя бани здѣсь въ большомъ употребленіи и служатъ любимымъ препровожденіемъ времени, для всѣхъ классовъ народа; многіе часто проводятъ тамъ почти половину дня. Эти бани имѣютъ различныя надписи, смотря по тому, для какого общества онѣ назначены. Поэтому есть бани для шевцовъ, для дураковъ или шутовъ, для степенныхъ людей, для влюбленныхъ, для вольнодумцевъ, для дервишей, всевозможныхъ мастеровыхъ и проч.

Еще одинъ классъ народа стоитъ вниманія наблюдателя — это дервиши. Они составляютъ родъ секты, и должны отличаться строгостью своей жизни. Члены нѣкоторыхъ орденовъ живутъ вмѣстѣ, другіе же отдѣльно, разсыпано по городу, въ своихъ семействахъ, и должны только являться во время церемоніи въ свой монастырь. Эти люди пользуются всеобщимъ уваженіемъ и отличаются отъ прочихъ даже одеждою своею. Они носятъ длинное, бѣлое, шерстяное платье, съ гладкими рукавами, похожее на женское верхнее платье, которое безчисленными складками виспадаетъ до саидалій, надѣтыхъ на голыя ноги. Сверху они накрываютъ свѣтлый плащъ или талеръ саричеваго, сіметоваго, голубата, красноватаго и другаго цвѣта, который очень красиво драпировается. Волосы на головѣ они стригутъ, а бороду отрываютъ.

Иностранцы наиболѣе посѣщаютъ монастыри Руфан-дервишей въ Скутари и Мовлеви-дервишей въ Перѣ, потому что, во время этихъ религіозныхъ обрядовъ, всѣ имѣютъ свободный входъ. Первые извѣстны водѣ живемъ вешущихъ дервишей; они стоятъ на колышкахъ или сидятъ на разложенной овечьей шкурѣ и, при однообразномъ нѣннѣ, качаются съ увеличивающеюся скоростью впередъ и назадъ, направо и налѣво. Мовлеви-дервиши, танцующіе или кружащіеся, представляютъ родъ танца, описывающаго разные круги. Сначала они становятся на колышки, завернутые въ свои мантіи, и поютъ монотонно и медленно въ то время, какъ танцоръ произноситъ извѣстные строфы изъ Корана. Потомъ, продолжая пѣть, они начинаютъ круговой ходъ. Шейкъ идетъ впередъ, а слѣдующіе за нимъ дервиши должны преклоняться впередъ направо, одинъ направо, другой налѣво. Тутъ начинается однообразная музыка изъ восходящихъ и нисходящихъ пассажей олейты и цибала. Шейкъ стоитъ передъ танцоромъ и дервиши (ихъ было 15) начинаютъ пляску. Они связываютъ свои мантіи и подходить къ танцору одинъ за другимъ въ своихъ бѣлыхъ, сборчатыхъ платьяхъ съ окрещенными на груди руками. Каждый изъ

читаетъ пляску, какъ бы кланяясь стоящему передъ нимъ шею, или цѣлуя его мантию, подталкиваетъ правою ногою лѣвую и продолжаетъ кружиться, пока не очутится на серединѣ залы; тогда поднимаетъ одну руку вверхъ, а другую опускаетъ внизъ. Когда музыка перестаетъ, то каждый становится на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ находится, и не танцующій дervишъ читаетъ молитву. Потомъ снова начинается музыка и танцы. Церемонія эта повторяется четыре раза. Когда она кончается, дervиши надвигаютъ свои мантии и поочередно цѣлуютъ руку шейха, обнимаютъ другъ друга и расходятся. Во время церемоніи бываетъ большое стеченіе народа, преимущественно женщинъ.

За маленькимъ оттоманскимъ кладбищемъ, начинается предмѣстье Кассимъ-Паша, которое замѣчательно тѣмъ, что въ немъ находится обширный арсеналъ османскаго флота. Онъ основанъ былъ здѣсь въ концѣ шестнадцатаго столѣтія великимъ адмираломъ Киялшъ-Али-Пашею, и долженъ быть самымъ своимъ устройствомъ адмиралу Гассаву и пашѣ Гуссейну, которые преобразовали турецкій флотъ. Между морскими офицерами, есть много иностранцевъ; нѣсколько турецкихъ офицеровъ посылаются ежегодно для усовершенствованія въ Англію. Мы осмотрѣли также и морскую школу. Учителя привали насъ очень учтиво и охотно удовлетворяли нашему любопытству. При школѣ находится литографія. Молодые люди обучаются французскому языку, математикѣ, физикѣ, географіи, исторіи и необходимымъ наукамъ для мореплаванія. На площади разставлены лѣса для гимнастическихъ упражненій.

На востокъ, гдѣ женщины находятся въ совершенномъ заключеніи, смесенія съ ними весьма рѣдки и затруднительны. По принятому обычаю, женихъ видитъ свою невесту только послѣ вѣчанія, и въ случаѣ, если она не отвѣчаетъ его ожиданій, то старается удовлетворить себя покушкою хорошихъ невольницъ. Мусульманскій можетъ имѣть нѣсколькихъ жень, что для бѣдныхъ людей неудобно, потому-что сопряжено съ слишкомъ большими издержками. Разводы допускаются въ необыкновенныхъ случаяхъ, напримѣръ: когда уличать въ извѣстѣ. При этомъ, если обвиняемый мусульманскій, то виновную отсылаютъ со стыдомъ къ ея родителямъ; если же это гуръ, то виновную зашиваютъ въ мѣшокъ и, какъ кошку, бросаютъ въ море.

Преобразованія султана Махмуда во многомъ измѣнили общественное положеніе женщинъ. Теперь бракъ между неправовѣрными и Турчанкой подкрѣпляется законами. Бракъ между му-

сульманномъ и христіанкой не рѣдкость; мать султана Махмуда урожденная Французка.

Турчанки отличаются своей энергіей и смышленностью. Одинъ изъ мошхъ турецкихъ пріятелей увѣрялъ меня, что онѣ, особенно въ любовныхъ интригахъ, способны къ самой утонченной хитрости. Для изъясненія своей страсти человѣку, находящемуся на большомъ отъ нихъ разстояніи, гдѣ глазъ не можетъ разсматрѣть выраженія лица, онѣ придумали множество постепенныхъ знаковъ, которыми, даже въ глазахъ сторожа-евнуха, означаютъ часъ и мѣсто свиданія.

Жена простаго Турка занимается своимъ домашнимъ хозяйствомъ, но въ высшихъ классахъ общества это не принято, и женщина проводитъ время, вмѣстѣ въ рукахъ ручное зеркало или вѣеръ изъ дорогихъ перьевъ, чтобъ освѣжать себя, и оставаясь по цѣлымъ днямъ праздною. Можно себѣ представить скуку Турчанки, лежащей цѣлый день въ гаремѣ на диванахъ, и не имѣющей для развлеченія своего ни европейскихъ романовъ, ни бостона, ни виста, а развѣ только чашку кофе.

Все домашнее устройство лежитъ на мужчинахъ, и отъ сторожа или привратника до управителя есть множество степеней прислужниковъ. Есть у нихъ церемоніймейстеръ, который докладываетъ о пріѣздѣ гостя, смотритель за домомъ, смотритель гардероба, и особенный смотритель столоваго бѣлья. Она часто бываютъ вольные и называются господами. Потомъ есть еще царюльнички, слуги, повара, кофейнички, погребчици, столовые прислужнички, конюшіе, садовники и проч. Такая же постепенность и въ прислугѣ гаремовъ, которые, на поэтическомъ языкѣ, называются мѣстомъ блаженства.

Мусульманинъ знатный и богатый также подверженъ ужаснѣйшей скукѣ. Такъ какъ у нихъ запрещается входить днемъ въ гаремы, то правовѣрнымъ остается только дѣлать заповѣдныя, пять разъ повторяющіяся, умыванія, и кататься по моельному ковру. Но такъ какъ этого недостаточно, то они должны прибѣгать къ своимъ четкамъ и перебирать по нимъ 99 качествъ Аллаха, или приняться за чубукъ и наслаждаться кейфомъ.

Когда церемоніймейстеръ докладываетъ о пріѣздѣ гостя, то хозяинъ принимаетъ его вѣжливо, радуясь имѣть какое-нибудь особое развлеченіе и сажаетъ его на почетное мѣсто. Если посетитель мусульманинъ, то хозяинъ привѣтствуетъ его словами: «саламъ алейкомъ» или «алейкомъ саламъ» прикладывая правую руку къ губамъ и ко лбу. Это прикладываніе руки въ большомъ употребленіи у Турокъ, такъ что они пользуются имъ при всякомъ случаѣ, наур. для выраженія благодарности и проч. Если же

посѣтителѣ гаурѣ, то привѣтствуютъ его тѣмъ же движеніемъ руки, и словами: «саба хавръ ольсунъ» или «ахшамъ хавръ ольсунъ.» Калоши свои гость оставляетъ у дверей и располагается въ почетномъ углу на диванѣ. Хозяинъ угощаетъ гостя трубочкой или кальяномъ, потомъ приносятъ кофе или варенье.

Въ гаремѣ однообразіе еще чувствительнѣе, потому-что туда не впускаютъ посѣтителей. Одна прогулка въ изящныхъ экипажахъ немного прерываютъ монотонность этого бездѣйствія. Мои европейскіе пріятели рассказывали мнѣ, что Турчанки чувствуютъ тяжесть этого заточенія, и когда общество молодыхъ Европейцевъ съѣзжаются на пикники на дачахъ вблизи Босфора, то онѣ, черезъ рѣшетки окошекъ, съ завистью слушаютъ веселыя пѣсни молодежи.

Жители, исповѣдующіе христіанскую вѣру, выбираютъ кладбище мѣстомъ своихъ прогулокъ, особенно по воскресеньямъ. За Перой находится большое армянское кладбище, служащее любимымъ гуляньемъ Перотовъ. Такъ какъ мусульмане осѣняютъ свои гробницы кипарисами, то христіане избрали для своихъ памятниковъ чинары и орѣховое дерево, которое впрочемъ часто у нихъ срубаютъ. На турецкихъ памятникахъ, въ головѣ и ногахъ покойника ставятъ двѣ дощечки, на которыхъ выставлены дѣянія и судьба его. Армяне и Греки кладутъ плоскіе камни на небольшихъ холмахъ, на которыхъ иногда пируютъ цѣлыя семейства. Они раскладываютъ ковры и скатерти и ставятъ на нихъ плоды, пирожное, кислое молоко и варенье, и кушаютъ съ полнымъ наслажденіемъ. Тутъ же и разнозчики предлагаютъ купить шербеть, пирожное, виноградъ, каштаны и разныя другія лакомства.

ПРОГУЛКА ПО ВАРВАДОСУ. (*Роберта Шомбурика*). Мы рѣшились воспользоваться прекраснымъ вечеромъ и пошли гулять по городу. Легкій вѣтерокъ чуть чуть колыхалъ зубчатые листья величественной пальмы, и глубокая тишина прерывалась только жужжаніемъ насѣкомыхъ. Товарищъ мой, никогда не видавшій тропической ночи на твердой землѣ, былъ въ совершенномъ восторгѣ, и я завидовалъ ему. Для меня подобныя сцены были не новы: я посмотрѣлся на нихъ въ Вестъ-Индіи и въ Южной Америкѣ. Мы направили нашъ путь въ ту сторону, гдѣ тянулся рядъ красивыхъ загородныхъ домовъ, окруженныхъ садами; воздухъ былъ наполненъ упонительнымъ благоуханіемъ апельсиноваго цвѣта. Наконецъ мы вошли въ болѣе шумную часть города, гдѣ жужжаніе насѣкомыхъ было заглушено шумомъ буйной негрятиской пляски и боемъ барабана. Этотъ танецъ есть оста-

токъ древнихъ африканскихъ нравовъ и въ устроении только въ низшихъ классахъ народа; наѣтная же аристократія давно замѣнила его кадрили и польками.

Мы шли по направленію шума и скоро достигли до того мѣста, гдѣ былъ бѣгъ волъ сгорытыхъ небомъ. Непринужденный смѣхъ танцующихъ, ихъ шутки и остроты удостовѣрили насъ, что они съ беззаботностію смотрятъ на жизнь. Для этого бала немного было приготовлено: благородное тамариндовое дерево съ широкораскинутыми тѣнистыми вѣтвями служило вмѣсто замка; оенаръ съ огаремъ самой смѣхъ замѣлялъ музыку. Большая часть рабочихъ была въ будничныхъ нарядѣхъ. Но при всей этой простотѣ, можно было ручаться, что веселость ихъ была чище, полнѣе, непринужденнѣе тѣхъ собраний, гдѣ исторзанное сердце часто скрывается подъ вынужденной улыбкой.

Наше повѣснѣе дало лицу ихъ веселымъ остротамъ. При первомъ взглядѣ, они узнали въ насъ невопріятныхъ, чужихъ, и цѣль нашего посѣщенія и мѣсто жительства на островѣ сдѣлалась предметомъ шумныхъ предположеній и смѣлыхъ догадокъ. Наконецъ мы оставили веселое общество. Я уговорилъ товарища вернуться домой, зная какъ вреденъ ночной воздухъ для тѣхъ, которые не привыкли къ тропическому климату. На возвратномъ пути мы должны были проходить нѣсколько совершенно темныхъ улицъ.

Здѣсь мы встрѣчали нѣсколько небольшихъ группъ туземцевъ, которые наслаждались прохладой и благоуханіемъ воздуха, и толковали о прошедшихъ дняхъ. Вскорѣ мы замѣтили, что мы сбавляемъ съ дороги; улицы становились все уже и темнѣе, и наконецъ гряда развалинъ и мусора совершенно заградилъ намъ путь. Однако, при свѣтѣ звѣздъ, мы могли рассмотреть мѣстность, и удостовѣрились, что находимся на томъ мѣстѣ, гдѣ девять мѣсяцевъ тому назадъ, пожаръ сдѣлалъ ужаснѣйшія опустошенія. Закопѣлыя стѣны и груды развалинъ, краснорѣчивѣе всякаго рассказа, свидѣтельствовали о разстроенномъ благосостояніи множества трудолюбивыхъ людей, которые, въ одну ночь, потеряли свое имущество. Сто восемнадцать домовъ сдѣлались добычею пламени.

Вообще въ Бриджтаунѣ (главный городъ Барбадоса) дома каменные въ два или три этажа и совершенно похожіе на сельскіе дома въ Англіи, такъ что одна тропическая растительность напоминаетъ вамъ о томъ, что вы находитесь на восточно-американскомъ островѣ. Улицы узкія и неправильныя, одна только Бродъ-стритъ (широкая улица) дѣлаетъ исключеніе, и видъ съ Трессальгарскаго сивера прекрасенъ и оживленъ. Жители Барбадоса гордятся, что

они соорудили памятникъ Нельсону, который поставленъ посре-
ди сквера. Бронзовая статуя знаменитаго героя представлена въ
полномъ мундирѣ. Она была сооружена добровольными приноше-
ніями жителей, а начальство содѣйствовало всѣми средствами
для покупки мѣста и строей, занимавшихъ мѣсто теперешняго
Трафальгарскаго сквера, чтобы поставить монументъ на видное
мѣсто.

Въ самомъ городѣ нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ строей.
Публичныя зданія, стоившія вниманія по своему объему или
архитектурному достоинству, превратились въ развалины или въ
груды пепла отъ пожара, о которомъ было уже говорено.

Оживленнѣйшую часть города составляютъ Бродъ-стритъ,
Хей-стритъ и Свань-стритъ, гдѣ находятся магазины бога-
тыхъ купцовъ и лавки мелкихъ торговцевъ. Первые торгуютъ
большою частію съѣстными припасами, хлѣбомъ, вывозимымъ
изъ Соединенныхъ Штатовъ, и продуктами острова, которые
нагружаютъ на корабли и отправляютъ въ Европу. Лавки мелоч-
ныхъ купцовъ представляютъ такое пестрое соединеніе множе-
ства разнородныхъ товаровъ, что одна Англичанка, знакомая съ
лучшими магазинами въ Лондонѣ, была поражена безмѣрною
массою товаровъ. Починки и шарфы-зефиръ, бархатныя ман-
тельи à la polka и гвозди, свѣжій лукъ и карманные часы, под-
ковы и тонкіе платки, англійскій картофель и бруссельскія кру-
жева, деревянные башмаки и атласныя дамскія шляпы; костюмы
и корсеты, бургонское и рейнское, шампанскія вина, мадера,
вестфальскіе окорока и брауншвейгскія колбасы, и проч. все это
перемѣшано между собою.

Въ городѣ находится нѣсколько хорошихъ гостинницъ; но
средоточіемъ иностранцевъ и природныхъ жителей служить
такъ называемый Bagbados Ice-house (ледяной домъ) родъ кон-
дитерской или кофейной во французскомъ вкусѣ въ Хей-стритѣ.
Если выйдешь на улицу въ то время, когда солнце стоитъ вер-
тикально, и блескъ и отраженіе бѣлыхъ стѣвъ какъ бы еще у-
множаютъ жаръ солнечныхъ лучей, тогда стаканъ лимонада со
льдомъ или такъ называемый zheggy cobbler, смѣсь хереса со
льдомъ покажется настоящимъ нектаромъ, особенно для Европей-
цевъ. Ледъ привозится изъ Соединенныхъ Штатовъ и довольно
дешевъ, такъ что и средніе классы народа могутъ имъ пользо-
ваться.

Хотя самый городъ не имѣетъ ничего особеннаго въ архитек-
турномъ отношеніи, но окружающія его виллы и загородныя
дома придаютъ странѣ самый живописный характеръ.

Въ Барбадосѣ вообще развита любовь къ садоводству, которая и содѣйствуетъ наиболѣе къ украшенію мѣстности.

Дома окружены тѣнистыми деревьями особенно вѣчно-зеленымъ фиговымъ (*Ficus nitida*) и краснымъ деревьями, которые защищаютъ ихъ отъ вертикальнаго направленія солнечныхъ лучей, но къ этому еще болѣе способствуетъ *palma prunifera* (пальмовая слива), верхушка которой увѣнчана пучкомъ широкихъ листьевъ. Разнообразные цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ и свѣжій вечерній воздухъ дышетъ нѣгою, которая, послѣ дневныхъ работъ, пріятно располагаетъ къ отдохновенію. Тихій шелестъ и ропотъ пальмовыхъ листьевъ навѣваютъ сладкую дремоту.

Барбадосъ, въ геогностическомъ отношеніи, одолженъ работѣ зоофитовъ своимъ происхожденіемъ. Коралловый камень составляетъ наибольшую массу почвы Барбадоса: почти шесть седьмыхъ всего острова. Характеристическія черты этой части острова, особенно на западѣ, составляютъ возвышенности, въ родѣ терассъ, которыя образовались постепенно и уступами доходятъ до самыхъ высокыхъ вершинъ; каждая изъ этихъ терассъ служить указаніемъ или точкой опоры въ исторіи происхожденія острова. Одна изъ такихъ терассъ возвышается надъ городомъ на 80 или 100 футовъ и окружаетъ его въ видѣ амфитеатра. На ней находятся самыя красныя виллы и загородныя дома. Между прочимъ тутъ живутъ губернаторъ и епископъ.

Наша вечерняя прогулка познакомила насъ немного съ Аннепекомъ или военнымъ предмѣстіемъ, которое, безъ сомнѣнія, есть обширнѣйшая и удобнѣйшая военная квартира въ Вестъ-Индіи.

Прекрасныя хоры музыки двухъ полковъ бригадстунскаго гарнизона составляютъ одно изъ главныхъ удовольствій жителей. Четыре раза въ недѣлю, въ хорошую погоду, публика собирается на плацъ слушать разныя увертюры изъ оперъ Моцарта, Бетховена, Беллини, Обера, Мейснера и проч. Это представляетъ очень оживленную картину. Плацъ примыкаетъ непосредственно къ морю и потому не защищенъ отъ пассатныхъ вѣтровъ. Вечеромъ, когда солнце садится, начинается прогулка вдоль берега къ ваннамъ; тамъ, освѣжившись въ теплой легко струистой водѣ, многіе, возвратясь въ городъ, являются еще на вечерній концертъ, который бываетъ на плацѣ.

Приглашеніе на завтракъ въ одно помѣстье, находящееся въ округѣ Св. Георгія, дало намъ возможность осмотрѣть Барбадосъ въ его главнаго города. Мы выѣхали очень рано изъ нашего отеля въ открытомъ фаetonѣ; это было въ ясный ноябрскій

день. По обѣмъ сторонамъ дороги тянулись небольшіе дома съ прекрасными садами, которыми яркіе лучи солнца придавали самый оживленный видъ. Недвижимое имѣніе въ Барбадосѣ раздѣлено на самыя мелкіе участки, и эта система приносить хорошіе плоды. Каждый вольеотпущенный негръ, изъ честолюбія, старается приобрести себѣ хоть небольшую собственность; привыкнувъ къ дѣятельности и прилежанію, онъ старается скопить денегъ хоть на одинъ акръ земли и стровить на немъ избу.

Главные улицы и шоссе прекрасно отдѣланы, и хорошо содержатся. Большая часть острова состоитъ изъ кораллового известняка. Блестящая бѣлизна кораллового известняка очень вредна для глазъ, и потому достаточные жители Барбадоса защищаютъ себя отъ этого самымъ страннымъ образомъ. Чтобы предохранить глаза и цвѣтъ лица отъ вреднаго вліянія солнечныхъ лучей, мужчины и женщины надѣваютъ бѣлыя кисейныя или подотняныя маски съ прорѣзанными дырочками для глазъ; въ такомъ видѣ они похожи на привидѣнія, и такъ измѣняются, что пріятели и знакомые не узнаютъ другъ друга.

Мы проѣзжали мимо прекраснаго помѣстья графа Гаревуда the Ball (колоколъ). Домъ его выстроенъ просто, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній и окруженъ группою красныхъ деревьевъ. Зелень этого дерева довольно темна; судя по величинѣ, по прямому росту и объему, я не видалъ на цѣломъ островѣ лучшихъ деревьевъ. Это полезное дерево было прежде другихъ деревъ пересажено на почву Барбадоса, а въ этомъ помѣстьѣ должны находиться первыя деревья, посаженныя въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Далѣе мы ѣхали черезъ долину, составляющую самый плодотворнѣйшій пунктъ острова. Въ этомъ округѣ поселились первыя колонисты — лондонскіе купцы во время первоначальнаго населенія острова. Эта долина представляетъ вездѣ картину величайшаго трудолюбія и дѣйствительно можно удивляться, что почва, покрытая голымъ камнемъ, достигла въ 230 лѣтъ до такого удивительнаго плодородія*. По вычисленіямъ каждый голь долуается одного сахарнаго песку круглымъ числомъ 30 милліоновъ центнеровъ; кромѣ того еще жители разводятъ хлопчатую бумагу, алоэ, имбирь и другія хлѣбныя растенія для собственнаго употребленія.

Поле сахарнаго тростника представляетъ, во время своего цвѣ-

* Барбадосъ, самый восточный въ группѣ маленькихъ Антильскихъ острововъ, имѣющій около 10 геогр. квадратныхъ миль, былъ первоначально пустыней; съ 1624 года онъ населенъ Англичанами.

да, прекрасный видъ. Вообразите себѣ высокую, нашу траву, волнующуюся отъ вѣтра, но въ гораздо большемъ размѣрѣ съ широкими листьями темнаго цвѣта. Стебель сахарнаго тростника имѣетъ около 20 футовъ вышины и отъ 1—2 дюймовъ толщины, а листья длиною въ нѣсколько футовъ. Отдѣльные стволы такъ близко стоятъ одинъ возлѣ другаго, что поле представляетъ почти непроницаемую массу. Когда легкій восточный вѣтеръ колышетъ это зеленое море, то изъ спѣлыхъ стеблей выходитъ очень красивая цвѣтная метелка серебристаго цвѣта и съ щетинкой, которая въ простонародіи называется стрѣлою сахарнаго тростника.

Барбадосскій колонистъ отличается преимущественно опрятностію и трудолюбіемъ. Въ поляхъ вы не увидите ни одной дурной травы; та же самая заботливость и порядокъ выказывается и во всемъ его хозяйствѣ. Я не видалъ ничего подобнаго ни на другихъ Антильскихъ островахъ, ни въ Гвіанѣ, и думаю, что это и есть главный источникъ общаго благосостоянія жителей Барбадоса.

Вскорѣ мы прибыли къ нашему знакомому, который принялъ насъ со всевозможнымъ гостепріимствомъ и любезностію. Домъ его стоитъ посреди рощи разнаго рода деревьевъ и кустарниковъ; между послѣдними обратила наше вниманіе особливо арабійскій жасманъ и китайскія розы, которыя можно видѣть въ Европѣ только въ оранжереяхъ и въ комнатахъ. Балконъ былъ обвитъ душистыми вьющимися растеніями, которыя содѣйствовала не мало къ прохладѣ жилища. Нашъ любезный хозяинъ хотѣлъ поразить насъ нечаяностію. Мы еще любовались роскошною тропическою растительностію, особенно кустарниками, какъ насъ попросили въ ту часть его имѣнія, которая обнесена была стѣною. Когда мы вошли туда, то изъ-за кустовъ выскочило нѣсколько зайцевъ, которые испугались шума нашихъ шаговъ, а посреди дуга, между маньольей и красными деревьями, паслись олени.

Здѣсь въ тропической странѣ мы увидѣли сѣверо-европейскихъ вѣррей! Мы узнали, что зайцы здѣсь хорошо разводятся, но лисицы, которыхъ также выписывалъ нашъ хозяинъ, съ трудомъ привыкаютъ къ этому климату.

Мы доѣзжали до округа Св. Филиппа и увидѣли, что удивительное плодородіе, которое мы прежде замѣчали, исчезало вблизи морскаго берега. Здѣсь, на голой почвѣ, едва прозябала рѣдкая трава. Кое-гдѣ замѣтны были поля съ алоэ, потому что это растеніе принимается на сухомъ песчаномъ грунтѣ. Къ удивленію нашему, мы встрѣтили въ этой дикой пустынѣ прекрасный господскій домъ, настоящій дворецъ, Longbay castle, ко-

дородъ совершенно тутъ не у мѣста. Прожній владѣлецъ самъ смотрѣлъ за постройкой его, и ничего не жалѣлъ, чтобъ сдѣлать его изящнымъ какъ внутри такъ и снаружи.

Лондонъ подверженъ несчастной молвѣ, по случаю нѣсколькихъ кораблекрушеній, случившихся по близости его: Коралловый рифъ, извѣстный подъ именемъ the Cobblers, чеботарь, тянется здѣсь на нѣсколько миль и уходитъ далеко въ море и только, при сильномъ отливѣ, мѣстами выкашивается изъ воды. Самое ужасное изъ кораблекрушеній, случившихся у этой части берега, постигло Royal George, судно, нагруженное невольниками. Въ самое то время, когда судно разбилось, большая часть этихъ несчастныхъ были окованы цѣпями, такъ что 281 человекъ потонули самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Восемьдесятъ женщинъ, одинъ мужчина и одинъ мальчикъ приплыли къ берегу, но и они были захвачены и проданы какъ невольники.

Пальмовыя деревья. Линней справедливо утверждаетъ, что пальмы занимаютъ первое мѣсто въ растительномъ царствѣ. Природа отличила ихъ отъ другихъ растений, давъ имъ стройный, величественный ростъ, и украсивъ вершину ихъ какъ бы царскою короною. Съ незапамятныхъ временъ, пальма служила, въ восточныхъ странахъ, аллегорическимъ изображеніемъ триумфа, и употреблялась всегда, какъ мы это видимъ также изъ библіи, при торжественныхъ шествіяхъ. Мы придаемъ иногда слову: спалмаа переносное значеніе; говоримъ, что такой-то заслуживаетъ спалполучило пальму, и большую частію не имѣемъ понятія о свойствахъ и качествахъ этого царя растений, который служитъ основою всему обороту рѣчи. По словамъ восторженнаго нѣмецкаго ботаника Мерціуса, пальмы произрастаютъ, почти исключительно, между 35 градусомъ южной и 40 северной широты. Атмосфера умѣренной полосы не благоприятствуетъ этимъ царямъ мѣстамъ; онѣ произрастаютъ и красуются въ полномъ своемъ блескѣ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ природа щедро надѣлила человека своими дарами и гдѣ растительность, по причинѣ благоклоннаго климата, достигаетъ высшей степени своего расцвѣта. Издали, пальмы представляются какъ-бы подперши пространный небесный сводъ, простираясь въ вышину отъ 150 до 180 футовъ, и мѣля на вершинѣ своей множество прекраснаго зеленого цвѣта листьевъ.

Пальма составляетъ отличительную принадлежность всякаго восточнаго, тропическаго ландшафта, и есть одно изъ важнѣйшихъ произведеній растительнаго царства.

Пальма есть дерево, обыкновенно имѣющее однополые цвѣтки, хотя и находятъ въ нихъ иногда органы обоихъ классовъ, т. е. тычинки на одномъ, а пестики (женскіе органы) на другомъ деревѣ. Для созрѣванія плодовъ нужно, чтобы цвѣточная пыль переносима была съ одного дерева на другое. Это обстоятельство, съ давнихъ уже временъ, извѣстно восточнымъ народамъ, которые поэтому, со всевозможнымъ стараніемъ и тщательностію, разводять оба эти рода. Весною, если туземецъ не замѣтитъ между пальмами съ женскими цвѣтами, дерева съ мужскими, то старается отыскать его по близости, влѣзаетъ на него, обрѣзываетъ съ него цвѣты и прикрѣпляетъ ихъ къ вершинѣ женской пальмы, откуда пыль ниспадаетъ на пестики, и такимъ образомъ содѣйствуетъ развитію сѣмянъ и плодовъ.

Наружный видъ деревьевъ, принадлежащихъ къ семейству пальмъ, необыкновенно разнообразенъ, хотя между всѣми ими существуютъ нѣкоторыя общія черты сходства. Едва ли два дерева могутъ такъ мало походить другъ на друга, какъ напр. такъ называемая *Chamaecors humilis*, съ своимъ короткимъ раздутымъ стволомъ и огромнымъ вѣнкомъ, на подобіе опахала (какъ это часто видимъ въ оранжереяхъ и иногда встрѣчаемъ въ южной Европѣ), съ испанскою восковою пальмою (*Ceroxylonandicola*) Южной Америки, вершина которой тернется въ облакахъ; но, не смотря на это видимое различіе, ботаникъ отыскиваетъ въ нихъ общіе отличительныя признаки, которые у одного сжаты и плоски, а у другаго напротивъ растянуты и расширены. Огромный и величественный ростъ составляетъ отличительное свойство этой породы деревьевъ. Нѣкоторыя пальмы тонки, стройны, и походятъ на канатъ, какъ напримѣръ породы *Salamis* и *Rotang*, изъ которыхъ одна *Salamis gigantea* часто имѣетъ отъ четырехъ до пяти сотъ футовъ длины и образуетъ настоящій якорный канатъ. Румфордъ упоминаетъ о пальмѣ, простирившейся въ длину даже до 1800 футовъ. Этотъ родъ пальмъ замѣчателенъ своимъ падьбоками, на подобіе крючковъ, окружающими иногда края листьевъ. На островахъ Индѣйскаго океана онѣ встрѣчаются очень часто, особенно въ болотныхъ лѣсахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Тшунгалъ. Въ этихъ мѣстахъ произрастаетъ въ изобиліи и Ротангъ—пальма, доставляющая испанскій тростникъ. Подобно упомянутымъ растеніямъ, такіа пальмы вытягиваются и переплетаются самымъ оригинальнымъ образомъ; ихъ гибкіе, тонкіе сучья дѣлаются еще красивѣе отъ мелкихъ листьевъ, которыми покрыты ихъ стебли; но чрезвычайно непріятны путешественнику оттого, что стебли листьевъ имѣютъ большія иглы, содѣлывающія лѣса, въ которыхъ онѣ растутъ, почти непроходимыми.

Другія пальмы, напротивъ, примѣчательны объемомъ стволовъ своихъ, доходящихъ отъ 3 до 4 футовъ въ діаметрѣ. У нѣкоторыхъ стволъ по срединѣ расширяется, вверху же и внизу суживается; у другихъ стволъ часто оригинальнымъ образомъ покрывается корою, въ видѣ трубочекъ и бордюръ, которая образуется отъ листьевъ, постепенно опадающихъ, по мѣрѣ того, какъ дерево старѣетъ и увеличивается въ объемѣ. У иныхъ пальмъ поверхность ствола совершенно гладка, и кажется какъ будто полированной. Иногда же эта поверхность представляетъ рѣдкое явленіе: стволъ густо покрывается жесткими, на подобіе щетины, волосами, особенно по близости вершины, гдѣ они и произрастаютъ въ изумительномъ количествѣ. Случается также видѣть, что въ природныхъ пальмовыхъ лѣсахъ, стволы совершенно покрываются тѣмистою зеленью и безчисленными цвѣтами, совершенно пальмамъ не принадлежащими. Эти цвѣты происходятъ большею частію изъ породы *Clapenkaout*, которая самымъ неповытнымъ образомъ, укрьпившись на вершинѣ пальмы, испускаетъ оттуда на стволъ тунелдыные свои корни, листья и чудные цвѣты свои; иногда и другія дикія вьющіяся растенія обвиваютъ стволы пальмъ и, подобно снастямъ высокихъ мачтъ, прикрѣпляютъ эти стволы къ землѣ.

Особенно листья благородныхъ пальмъ составляютъ замѣчательное и необыкновенное явленіе, по гигантскимъ размѣрамъ своимъ. Между ними можно не рѣдко найти листья въ 10 и даже 20 футовъ длины; пальмы же, произрастающія на островѣ Цейлонѣ, имѣютъ иногда листья отъ 12 до 14 футовъ длины и отъ 16 до 18 широты; они столь огромнаго размѣра, что ихъ употребляютъ даже для покрытія большихъ лодокъ, нагруженныхъ псклажею, и не рѣдко множество людей находятъ себѣ убѣжище, подъ однимъ изъ такихъ листьевъ. Форма ихъ столь же разнообразна, какъ и удивительна; нѣкоторые листья похожи на мечъ и произрастаютъ со всѣхъ сторонъ пальмы, образуя около нея родъ палисады, изъ длинныхъ копій; другіе же походятъ на большія опахала, а иногда и на страусовыя перья. Этими-то огромнымъ размѣромъ листьевъ, обзаны пальмы большею частію своимъ величественнымъ видомъ.

Неоспоримо то, что большая часть пальмъ произрастаетъ въ Южной Америкѣ; германскій путешественникъ и ботаникъ Фовъ-Марціусъ, извѣстный путешествіемъ своимъ въ Бразилію, написалъ особое сочиненіе о пальмахъ.—Онъ говоритъ въ немъ, что по всему вѣроятію, изъ тысячи существующихъ родовъ пальмъ, едва-ли 200 извѣстны; хотя распространеніе каждаго тѣльнаго рода пальмъ и очень ограничено, но разнообразіе

ихъ видовъ придаетъ мѣстамъ, на которыхъ растутъ онѣ, особенно въ Южной Америкѣ, много красоты и величія.

Но сознанію самаго Марціуса, впечатлѣніе, произведенное на него пальмовыми рощами, — было такъ сильно и необыкновенно, что онъ никогда не находилъ словъ, чтобы выразить его. Вдоль береговъ рѣки Ориноко, пальмы возвышаются на живописныхъ мѣстахъ, пустивъ корни свои въ высокія гранитныя скалы, — которыя образуютъ необозримыя равнины, простирающіяся по обѣимъ сторонамъ рѣки. По словамъ Гумбольдта, въ извѣстное время года, пространныя равнины эти покрываются водою, и не мало онъ былъ удивленъ, замѣтивъ дымъ и огонь на вершинѣ одной высокой пальмы, со всѣхъ сторонъ окруженной разъяренными волнами. По сдѣланному имъ розысканію, оказалось, что туземцы, въ это время года, избираютъ мѣстомъ жилища своего вершины пальмъ, растущихъ на этихъ равнинахъ, и устраиваютъ тамъ изъ роговъ и разныхъ плетеныхъ родъ шалашей, въ которыхъ полъ покрываютъ толстымъ глинянымъ слоемъ, дабы можно было развести на немъ огонь, для приготовленія себѣ пищи. Хотя менѣе величественное, но все-таки замѣчательное явленіе представляютъ и финиковыя пальмы, по ихъ вѣчно свѣжимъ и зеленымъ вершинамъ, поддерживаемымъ рядомъ величественныхъ колоннъ, которыя придаютъ этимъ пальмамъ видъ храмовъ, посвященныхъ вѣчной веснѣ. Подъ освѣжительною тѣнью этихъ пальмъ, въ роскошномъ изобиліи растутъ гранаты, апельсины, лимоны, оливки, миндаль и въ особенности виноградныя лозы. Природа надѣлила пальмовыя деревья всѣми возможными дарами. Человѣкъ получаетъ отъ нихъ: сахаръ, вино, муку, оливковое масло, воскъ, соль и многія другія произведенія, а потому и опишемъ вкратцѣ всѣ качества и продукты, получаемые отъ нихъ; для легчайшаго же обозрѣнія, раздѣлимъ описаніе это на два отдѣла: первый изъ нихъ будетъ заключать непосредственно пужныя для человека произведенія, второй же обвинетъ тѣ изъ нихъ, которыя служатъ къ удовлетворенію роскоши.

Начнемъ съ пальмъ, доставляющихъ сахаръ: изъ числа ихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ кокосовая и, такъ называемая, сахарная пальма. На стволахъ, стебляхъ и другихъ частяхъ этихъ родовъ пальмъ, дѣлаютъ надрѣзы, и начинающій вытекать изъ этихъ послѣднихъ въ большомъ количествѣ сладкій сокъ собираютъ въ сосуды, потомъ варятъ его, и дѣлаютъ наконецъ изъ этого сока патоку, или векристаллизированный сахаръ, который довольно вкусенъ и извѣстенъ въ торговлѣ подъ названіемъ финиковаго сахару. Хотя онъ не столько цѣнится какъ тростниковый,

но за всѣмъ тѣмъ привозится въ европейскія вѣдѣнія въ Европу, особенно же въ Англію, которая получаетъ его прямо изъ Бенгала, гдѣ, по словамъ одного англійскаго натуралиста, вырабатывается ежегодно такого сахара около 190,000 центнеровъ. Каждое дерево доставляетъ ежегодно отъ 120 до 240 пинтъ соку, дающаго круглымъ челомъ отъ 7 до 8 фунтовъ жорнаго сахара.

Встрѣчаемый иногда въ торговлѣ темнаго цвѣта сахаръ привозится болѣею частію съ острова Явы. Его добываютъ изъ особаго рода пальмъ, которыя преимущественно тамъ только и растутъ. Туземцы острова Явы и жители Сейлона смѣшиваютъ сахаръ съ извѣстію и чрезъ это образуютъ превосходный цементъ, весьма удобно ими употребляемый для дѣланія половъ, для покрытія стѣнъ и потолковъ. ◀

Пальмовое вино, извѣстное подъ названіемъ Тода, составляетъ второе важное произведеніе пальмъ. Оно есть ничто иное, какъ добываемый изъ надрѣзанной коры дерева сладкій сокъ, который оставляютъ на нѣкоторое время на полномъ воздухѣ для окисленія, отъ чего атотъ сокъ и получаетъ сильное опьяняющее свойство. Выдѣлкою такого вина занимаются люди, которые составляютъ себѣ изъ этого особый промыселъ. При добываніи сока все затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы взобраться на дерево, вышиною въ 50 и даже въ 60 футовъ. Для этого сперва берутъ стебель какого-нибудь вьющагося растенія, который бы былъ достаточно гибокъ и проченъ, и потомъ этимъ стеблемъ образуютъ вокругъ ствола родъ обруча, по которому безъ большаго труда и усилія достигаютъ верхины дерева. Взобравшись туда, обрѣзаютъ цвѣточную верхушку, и черезъ нѣсколько минутъ сокъ начинаетъ въ изобиліи вытекать изъ дерева; тогда къ подошю его подставляется глинная сосудъ, въ который онъ стекаетъ. Здоровое дерево, при благоприятной почвѣ и въ извѣстное время года, даетъ съ каждаго цвѣтка ежедневно 3 и даже 4 пинты соку. Говорятъ даже, что изъ нѣкоторыхъ пальмъ добывается, въ продолженіе жаркаго времени года, необыкновенное количество сока, а именно, въ теченіи сутокъ, до 120 пинтъ. Этотъ же сокъ, послѣ перегонки, образуетъ индійскій аракъ (котораго не должно смѣшивать съ рисовымъ виномъ, называемымъ у насъ наравасымъ аракомъ), столь губительно дѣйствующій на европейскіхъ солдатъ въ Остъ-Индіи. Свѣжій же сокъ, напротивъ, составляетъ очень пріятное, здоровое и освѣжающее питье и, ввучаемый подъ тѣмъ какою-нибудь ведическою названіемъ, кажется еще лучшимъ. Пальмы, доставляющія вино, называемое Тода, разводятся цѣлыми рощами, и добываніе изъ

нихъ сока производится особеннымъ образомъ. Всѣ пальмы соединяются между собою канатами, привязанными крѣпко къ вершинамъ деревь. Люди взбираются на одну изъ пальмъ, находящихся по срединѣ, и потомъ, съ помощію канатовъ, перебираются на остальные, собирая при этомъ вытекающій сокъ; по наполненіи имъ сосуда, передаютъ его товарищу, оставшемуся внизу.

Третій важный продуктъ, доставляемый пальмами, есть саго, котораго въ одну только Англію вывозится около 36,000 центнеровъ. Оно добывается изъ различныхъ пальмъ, и иногда одно дерево доставляетъ отъ 6 до 700 фунтовъ саго. Очень часто пальмы, изъ которыхъ, посредствомъ надрѣзовъ, вытекъ уже весь жизненный сокъ, даютъ еще саго, если сердцевину и вѣтвья части ствола растереть въ водѣ и потомъ дать сгуститься; такимъ образомъ получаютъ еще цѣлыми сотнями фунтовъ саго. Настоящая саговая пальма произрастаетъ въ Остѣ-Индіи и преимущественно тамъ только и разводится; она принадлежитъ къ меньшимъ разрядамъ пальмъ; ея гладкій стволъ, хотя и имѣетъ только отъ 20 до 30 ф. вышины, но за то замѣчательнъ толщиною; листья ея снабжены съ внутренней стороны шипами. Самое лучшее саго привозится съ Молуккскихъ острововъ, гдѣ саговая пальма дико растетъ въ лѣсахъ.

Пальмы доставляютъ также масло, которое употребляется въ большомъ количествѣ въ Англіи, гдѣ требованіе на него, въ особенности въ послѣднее время, значительно увеличилось. Оно добывается преимущественно изъ такъ называемой масляной пальмы, которая дико растетъ въ Гвинее и большую частію разводится въ Вестѣ-Индіи и Бразиліи. Плоды этого дерева, растущіе на одномъ стеблѣ цѣлыми сотнями, похожи величиною и формою на яйца желтокрасноватаго цвѣта, и издають фиалковый запахъ; они до того напитаны масломъ, что при малѣйшемъ давленіи лопаются, и содержащійся въ нихъ сокъ истекаетъ. Пальмовое масло идетъ особенно на приготовленіе свѣчъ, которыя, однакоже, имѣютъ непріятный запахъ, хотя и горятъ свѣтло и ярко; это масло употребляется также во множествѣ для смазки машинъ. Кокосовое масло хотя и есть также, въ какомъ-то отношеніи, пальмовое масло, но все-таки его не нужно смѣшивать съ послѣднимъ, потому-что добываемое изъ мягкихъ частей кокосоваго орѣха масло не имѣетъ никакого запаха и употребляется въ особенности для освѣщенія комнатъ.

Изъ пальмъ получаютъ также воскъ, и такъ называемая восковая пальма, о которой упоминаютъ Гумбольдтъ и Мердьюсъ, очень замѣчательное растеніе; поверхность ствола этой пальмы покрывается густымъ слоемъ воску, откуда онъ и отдѣляется въ

большомъ количествѣ. При употребленіи, нужно сперва растопить этотъ воскъ, для того чтобы отдѣлать находящуюся въ немъ смолу.

Не менѣе важную пользу доставляетъ человѣку такъ называемая Капустная пальма. Большой зеленый кустъ, находящійся на концѣ ствола ея, употребляется многими жителями Вестъ-Индіи въ пищу и составляетъ для нихъ весьма лакомое блюдо; утверждаютъ, однакоже, что, по отрѣзаніи этой вершины, дерево неминуемо пропадаетъ. *Mauritia vinifera* есть очень высокая пальма, растущая въ Бразиліи, листья которой имѣютъ 15 ф. длины, а стволъ достигаетъ иногда до 140 ф. вышины; она доставляетъ не только кашаты, весла и пріятное кислое вино, но и также вкусные плоды, изъ которыхъ готовится въ Южной Америкѣ весьма лакомая пища, называемая *sajetta*. По словамъ Марціуса, нѣсколько такихъ деревьевъ дается иногда даже нѣбѣ въ приданое.

Но благороднѣйшая между пальмами есть кокосовая пальма, заключающая въ себѣ полезнѣйшія качества всѣхъ другихъ родовъ пальмъ. Кокосовая пальма рѣдко даетъ прежде восьми, или десяти лѣтъ, достаточный плодъ, но, по истеченіи этого срока, дѣлается для человѣка самымъ драгоценнымъ растеніемъ, существованіе котораго продолжается 60, 70, и даже 100 лѣтъ; она ежегодно приноситъ отъ 80 до 100 орѣховъ. Въ благопріятной почвѣ цвѣтетъ это чудное дерево каждыя четыре недѣли и почти безпрестанно имѣетъ въ одно время цвѣты и плоды. Туземцы Южнаго океана утверждаютъ, что кокосовыя пальмы лучше всего растутъ вблизи человѣческихъ жилищъ, и дѣйствительно, неоспорно то, что это дерево успѣшнѣе принимается тамъ, гдѣ живутъ люди, которые освобождаютъ его отъ разныхъ травъ и выщипываютъ около ствола растеній. Во всѣхъ приморскихъ городахъ Англіи, и вообще всей западной Европы, кокосовые орѣхи очень дешевы, потому что ихъ берутъ вмѣсто балласта на корабли, и такимъ образомъ перевозка ихъ ничего не стоитъ. Они вывозятся въ Европу преимущественно изъ Вестъ-Индіи и число ихъ простирается ежегодно до 600,000 штукъ.

Изъ ядра кокосоваго орѣха, готовятъ родъ пирожнаго, которымъ весьма легко можно замѣнить хлѣбъ. Жидкость, находящаяся внутри орѣха и превращающаяся впоследствии, во время созрѣванія, въ крѣпкое ядро, называется кокосовымъ молокомъ. Послѣ кокосоваго орѣха, заслуживаетъ особенное вниманіе финникъ, также драгоценный плодъ пальмы. По всѣмъ достовернымъ свѣдѣніямъ, онъ растетъ на такъ называемой финиковой пальмѣ, разводимой въ огромномъ количествѣ по краямъ боль-

нихъ степей Аравіи и Африки, такъ что цѣлая половина земли получила названіе финиковой. Въ священныхъ книгахъ упоминается о пользѣ финиковой пальмы; и дѣйствительно она составляетъ существенную пищу вообще для жителей Аравіи, Египта и сѣверной Африки. Это полезное растеніе, произрастающее даже на самой скудной почвѣ, растетъ очень медленно, не живетъ за то 200 и 300 лѣтъ. Фрукты растутъ пучками, на подобіе кистей. Такъ какъ эти деревья столь драгоценны плодами своими, то, при разведеніи ихъ, прилагаютъ всевозможное стараніе и внимательность; въ особенности же стараются орошать финиковыя плантаціи водою, потому-что въ этомъ случаѣ онѣ даютъ болѣе обильные плоды. Если высушить финики совершенно на солнцѣ, то изъ нихъ можно приготовить родъ муки, которая иногда въ степяхъ составляетъ единственную пищу цѣлыхъ каравановъ; если же предохранить ее отъ сырости, то она можетъ сохраниться на долгое время. Кромѣ плода, употребляютъ въ пищу и стебли листьевъ финиковой пальмы; ихъ любятъ особенно дѣти. Молодой стволъ и верхняя старая употребляются равномѣрно въ пищу; молодые листья составляютъ пальмовую капусту, и посредствомъ особеннаго приготовленія дѣлаютъ изъ нея пальмовый сыръ. Черезъ надрѣзываніе стволовъ получается пальмовое вино. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и южной Франціи занимаются также разведеніемъ финиковыхъ пальмъ, но не для плодовъ, а для листьевъ ихъ, которые продаются въ Вербное воскресенье.

Другой полезный родъ пальмъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя растутъ въ Ост-Индіи и на соседнихъ островахъ. Эти пальмы украшаются прекрасною короною листьевъ и зубчатыми, колючими стеблями въ 4 ф. длины; цѣлый листъ состоитъ изъ многихъ мечеобразныхъ листьевъ, каждый въ 12 ф. длины, которые, подобно онахалу, распространяются лучеобразно, какъ будто изъ одной рукоятки. Плодъ гораздо менѣе плода кокосовой пальмы, и содержитъ 2 или 3 орѣха въ твердой скорлупѣ, которая покрыта одною общею, болѣе мягкою оболочкою; эта пальма можетъ иногда замѣнить кокосовую, потому-что встрѣчается въ мѣстахъ, гдѣ послѣдняя не растетъ; изъ нее добывается также прекрасное пальмовое вино и пальмовый сахаръ. Не менѣе замѣтельна зонтичная пальма; она во многомъ походитъ на кокосовую и растетъ въ тѣхъ же странахъ; достигаетъ 60 и 70 ф. вышины; начинаетъ тогда только цвѣсти, когда совершенно вырастаетъ; какъ только что цвѣтокъ распухнетъ, листья на верхнѣи припадаютъ, а на мѣстѣ ихъ вырастаетъ шишка, около 30 ф. длины, на которой образуются потомъ цвѣточныя ветви; маленькія

Бѣлые цвѣточки, сидящіе пучками, оставляютъ по себѣ плоды въ видѣ ягодъ, годныхъ въ пищу. Но главную пользу доставляетъ эта пальма своими огромными листьями, которые, вмѣстѣ съ стеблемъ, простираются иногда на 20 ф. длины; ими покрываютъ дома и дѣлаютъ изъ нихъ каваты. Кромѣ того этотъ родъ пальмы доставляетъ прекрасный строевой лѣсъ, саго и пальмовую капусту, и, по высушеніи, отвердѣвшіе плоды ея могутъ быть употреблены въ токарныхъ работахъ.

Необыкновенно любопытна въ этомъ растительномъ семействѣ пальма, имѣющая вѣтвистый стволъ, между тѣмъ какъ другія пальмы имѣютъ одинакій, не раздѣляющійся стволъ. Эта пальма достигаетъ 32 ф. вышины и по выходѣ изъ земли дѣлится на два ствола, которые въ свою очередь опять развѣтвляются, и каждая изъ этихъ вѣтвей оканчивается пучкомъ листьевъ въ видѣ опахала. Плоды походятъ на маленькія груши, мякоть ихъ желтаго цвѣта и довольно сладка; во всей сѣверной Америкѣ они служатъ лакомствомъ, а стволъ самаго дерева и листья имѣютъ разнообразное употребленіе.

Изъ другаго разряда пальмъ, есть вѣтвистое кучковатое дерево, имѣющее, подобно другимъ, на оконечностяхъ вѣтвей коронные пучки листьевъ. Она доставляетъ настоящее смолистое красильное вещество, которое добывается изъ плодовъ ея и употребляется въ живописи и также для окраски бумаги. Хотя и другія растенія производятъ то же вещество, но находимое на этой пальмѣ чаще другихъ встрѣчается въ торговлѣ.

Пальмовое дерево во многихъ странахъ доставляетъ любимый строевой лѣсъ; онъ очень проченъ, не подвергается поврежденіямъ отъ насѣкомыхъ и противустойтъ дурной погодѣ, чего, конечно, нельзя сказать про всякое другое дерево. До-сихъ-поръ встрѣчаются въ Индіи старыя строенія изъ того дерева, не показывающія ни малѣйшихъ слѣдовъ разрушенія. Въ нѣкоторыхъ родахъ пальмъ верхніе слои ствола до того крѣпки, что употребляются вмѣсто желѣза, для выдѣлки оружія. Нѣкоторыя пальмы доставляютъ дерево, которое столь же крѣпко, какъ и агатъ, и, будучи полировано, нисколько отъ него не отличается. Кухонную посуду, способную выдерживать извѣстную степень жара, выдѣлываютъ частію изъ скорлупъ, частію же изъ самаго дерева; эта посуда служитъ, напр. жителямъ Океаніи, для приготовления морской соли. Большіе пальмовые листья составляютъ превосходныя крыши для домовъ и въ Индіи часто замѣняютъ палатки. Даже нѣкоторые изъ туземцевъ Зондскаго архипелага, кромѣ пальмовыхъ листьевъ, не употребляютъ никакого другаго строеваго матеріала. Если оставить листья нѣкоторое вре-

мя въ водѣ, то получается нитяное вещество, способное къ дѣланію ковровъ, канатовъ и разныхъ тканей; кромѣ того дѣлаются изъ нихъ корзины, не пропускающія воду, ведра, а изъ молодыхъ листьевъ фонари. Они могутъ замѣнить и бумагу, если писать на нихъ желѣзнымъ грифельмъ.

Деревянистые стволы листьевъ употребляются на дѣланіе метелокъ, спиць для вязанія, зубочистокъ и факеловъ. Другія части листа идутъ на дѣланіе перьевъ для письма, и тѣхъ острыхъ кляньевъ (стрѣлъ), которыми Индѣйцы стрѣляютъ изъ пищалей. Иглы стеблей служатъ вмѣсто булавокъ. Вещество, известное подъ именемъ *корнь*, изъ котораго въ новѣйшее время дѣлается въ Англіи такое множество якорныхъ канатовъ и снастей, происходитъ бѣльшею частію отъ нитяной оболочки, облегающей кокосовой орѣхъ. Его вымачиваютъ сперва въ водѣ, и потому дѣлаемая изъ него вещь отличается особою крѣпостью, упругостью и прочностью.

То же самое вещество употребляется для набивки матрацовъ, потому-что оно равняется упругостью съ конскимъ волосомъ, къ тому же не пропускаетъ насѣкомыхъ. Рогожи, дѣлаемая изъ него, вообще чрезвычайно прочны. Изъ стволонъ многихъ пальмъ дѣлаются лодки, для которыхъ жилы листьевъ служатъ веслами. Опашала и носилки дѣлаются также изъ листьевъ, изъ стеблей же гнутъ луки; испанскій тростникъ: въ настоящее время столь разнообразно употребляемый, происходитъ отъ одного рода бразильской пальмы, называемой Ротангъ, о которой мы уже упоминали. Корзины и мѣшки, въ которыхъ привозятъ къ намъ кофе изъ Явы, дѣлаются равномерно изъ листьевъ одной пальмы, доставляющей также матеріалъ для шляпъ, сѣтей рыболовныхъ, рубашекъ и канатовъ. Иногда дерево это представляетъ полоски и жилы, идущія по разнымъ направленіямъ, и потому оно высоко цѣнится для разныхъ токарныхъ и мозаическихъ работъ. Такъ называемая растительная слоновая кость, на которую Александръ Гумбольдтъ первый обратилъ вниманіе, есть также продуктъ пальмы, встрѣчаемой часто по берегамъ рѣки Магдалины.

Англійскій ботаникъ Линдлей, основываясь на сказаніяхъ нѣкоторыхъ испанскихъ ботаниковъ, говоритъ, что Индѣйцы покрываютъ хижины свои листьями этого прекраснаго растенія. Плоды содержатъ въ себѣ сначала свѣтлый, лишенный всякаго вкуса сокъ, которымъ путешественникъ утоляетъ жажду свою; впоследствии дѣлается этотъ сокъ сладкимъ и похожимъ на молоко, и тѣмъ болѣе перемѣняетъ вкусъ, чѣмъ болѣе начинаетъ сгущаться, и наконецъ дѣлается крѣпкимъ, какъ слоновая кость. Если послѣ собирая плодовъ, оставить ихъ на нѣкоторое вре-

ня, то произойдетъ въ нихъ броженіе, отъ котораго находящійся въ нихъ сокъ киснетъ. Индѣйцы дѣлаютъ изъ плодовъ набалдашники для тростей, игрушки и т. п., которыя, пока не намочены, превосходятъ бѣлизною и крѣпостью издѣлія изъ настоящей слоновой кости.

Медвѣди очень лакомы до молодыхъ сладкихъ плодовъ. Пальмовыя деревья доставляютъ не только превосходное топливо, но и тончайшій, обильный поташъ, замѣняющій на островѣ Цейлонѣ мыло.

Въ заключеніе нашей статьи скажемъ, что пальмы, изъ всѣхъ произведеній царства прозябаемаго, суть самыя полезныя растенія для человѣка, потому что есть страны и земли въ мірѣ, въ которыхъ человѣкъ существуетъ только единственно одними произведеніями пальмовыхъ деревьевъ.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КИТАЯ. * Во всей Китайской Имперіи, воля ея повелителя считается опредѣленіемъ самаго неба. Народъ пользуется нѣкоторыми правами, пожалованными ему Императоромъ; высшаго же сословія достигаетъ кто либо только своими личными заслугами, а не знатностію своего рода.

Аристократія раздѣляется на двѣнадцать классовъ или разрядовъ; изъ нихъ замѣчательнѣйшіе Tsin wang (Принцы крови), Kiung wang (потомки принцовой крови), Bei le и Bei tse (Принцы боковыхъ линий), герцоги и генералы различныхъ разрядовъ. Титулы высшаго сословія, какъ напр. Kung, hau, e, tsy, pa и пр., соответствующіе достоинствамъ княжескимъ, графскимъ и баронскимъ, даются Манжурамъ, Китайцамъ и Монголамъ безъ различія, какъ въ военной, такъ и гражданской службѣ. Прямой потомокъ Конфуція, основателя ихъ вѣрованія, называется у нихъ ueu-sching-kung (всегда безпорочный князь).

Дворцовое управленіе, находится въ вѣденіи Nuiwufu, которое завѣдуетъ свитою Императора, его гаремомъ и пр. Перемѣна жительства, и переездъ изъ одного края государства въ другой, строжайше воспрещенъ. Нѣкоторые классы находятся въ презрѣніи, напримѣръ Тапкіа, корабельщики, происходящіе отъ древняго рода Miantsz-Kaefu, издревле презираемаго. Въ Нингъ-По каста Готій, потомковъ Kiu, обязаны заниматься музыкою и театральнымъ искусствомъ.

* The middle Kingdom; a survey of the geography, government etc of the Chinese Empire and its inhabitants. By S. Wills. Williams. Vol I New-York and London 1848.

По закону, дозволяется каждому подданному обращаться къ правительству съ жалобой на какія либо притѣсненія, шенравивать себя защиты, и просить вышша судебна мѣста о пересмотрѣ опредѣленія нижнихъ инстанцій; но подобныя преимуществва мало имѣютъ цѣны для человѣка бѣднаго и не чуждаго знакомства, хотя частная собственность его вполне обезпечена.

Въ этой имперіи всѣ суды монархическаго устройства, т. е. всѣ дѣла рѣшаются предсѣдателемъ.

Императоръ, чувствуя необходимость въ совѣщаніи съ своими приближенными, устроилъ съ этою цѣлю кабинетъ (Nuikon) и верховный совѣтъ подь именемъ Kuin-ki-chui. Въ вѣденіи ихъ управленія колоніями, апелляціонными дѣлами и Императорска академія.

Въ кабинетѣ завѣдываютъ четыре главные канцлера (Ta hioh-ву) и двое въ видѣ помощниковъ; половина изъ нихъ Манжуры а остальные Китайцы. Они пекутся о государственномъ управленіи вообще, объ обнародованіи приказаній Императора и новыхъ законовъ. Подъ вѣдомствомъ этихъ шести канцлеровъ находятся двѣсти чиновниковъ, раздѣленныхъ на шесть разрядовъ, изъ которыхъ половина всегда Манжуры, и десять ассистентовъ, посылаемыхъ въ провинціи и колоніи для управленія.

Вышеозначенные четыре канцлера суть вмѣстѣ съ тѣмъ и главные министры имперіи, а старшій изъ нихъ имѣетъ наибольшее вліяніе на прочихъ своихъ сотоварищей. Въ настоящее время старшимъ министромъ, Му-ханъ-гахъ, Манжуръ, пользующійся огромною властью и извѣстный своимъ благоразуміемъ; онъ уже прежде былъ предсѣдателемъ нѣсколькихъ управленій и академій. Му-ханъ-гахъ въ должности перваго министра уже одиннадцать лѣтъ; предшественниками его, въ періодъ времени двадцати шести лѣтъ, были только двое Тох-тзинъ и Шанг-лингъ, что вполне показываютъ всю стойкость тамошняго управленія.

Кабинетъ получаетъ ежедневно рескрипты Императора, распределяетъ повинности и сносится съ низшими инстанціями. Къ каждому дѣлу прилагается краткая записка съ нѣсколькими проэктами резолюцій, изъ числа которыхъ Императоръ одобряетъ одну, и подчеркиваетъ ее карандашемъ. Если бумаги рассмотрѣны и приведены въ порядокъ, то представляются снова Императору на слѣдующій день. Одинъ изъ шести манжурскихъ Hiohs'z прочитываетъ дѣло, и передаетъ его одному изъ китайскихъ Hiohs'z, который подписываетъ на немъ рѣшеніе Императора, и заноситъ въ особомъ каталогѣ причины и основанія этихъ рѣшеній. Принатіе и увольненіе отъ службы

Чиновниковъ, постановленія касательно повинностей, распределение войскъ, даже мелочныя дѣла по искамъ, составляютъ также предметъ вѣдомства этого управленія. Члены кабинета, при публичныхъ жертвоприношеніяхъ, при пріемѣ пословъ, и при какихъ либо празднествахъ, занимаютъ привилегированныя почетныя мѣста. Присутствующіе при кабинетѣ десять High's суть мѣстѣ съ тѣмъ вице-президенты церемоніальнаго управленія.

Въ ихъ вѣденіи двадцать пять государственныхъ печатей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою особую форму и значеніе. Въ кабинетѣ состоятъ сверхъ того десять низшихъ чиновниковъ въ качествѣ переводчиковъ.

Верховный совѣтъ, Kiun-ki-syu, устроенъ въ новѣйшее время, и имѣетъ обширный кругъ дѣйствій. Онъ состоитъ изъ Принцевъ крови, канцлеровъ кабинета, президентовъ, вице-президентовъ шести высшихъ судебныхъ мѣстъ и высшихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, которые назначаются по усмотрѣнію Императора.

Верховный совѣтъ печется обо всѣхъ отрасляхъ управленія. Императоръ выбираетъ членовъ наполовину Манжуровъ. Совѣтъ собирается ежедневно, между пятью и шестью часами утра, для совѣщанія о текущихъ дѣлахъ.—Если Императоръ потребуетъ членовъ на совѣщаніе въ залу совѣта, то они занимаютъ мѣста на низкихъ вершинахъ или подушкахъ; въ присутствіи владыки Китая стулья не употребляются. Совѣтъ ведетъ списокъ тѣмъ чиновникамъ, которые назначены къ какому либо повышенію; большая часть управителей колоній суть члены Верховнаго совѣта, и поэтому выходятся съ Императоромъ въ частыхъ сношеніяхъ, и лично получаютъ отъ него приказанія.

Члены Совѣта вносятъ рѣшенія Императора въ общіе и секретныя журналы, ведутъ списокъ важнымъ происшествіямъ и приводятъ въ исполненіе приказы Императора. Рѣшенія верховнаго Совѣта вносятся въ каталогъ и обнародываются въ газетѣ (king-shan), разсылаемой по всѣмъ частямъ Имперіи.

Государственное управленіе Li Pu наблюдаетъ за чиновниками Имперіи, имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи назначенія и награды, выдаетъ отпуска и патенты. При назначеніи кого либо въ высшія государственныя должности, Императоръ причисляетъ его умершаго отца или дѣда къ высшему сословію.

Финансовое управленіе Hu Pu ведетъ списки народонаселенія, печется объ увеличеніи повинностей, и распорядится измѣреніемъ страны. Это управленіе имѣетъ также въ своемъ вѣденіи списки тѣхъ дѣвицъ, которыя должны поступить въ гаремъ Императора. Доходы Китая состоятъ въ наличныхъ деньгахъ,

фабричныхъ издѣліяхъ и произведеніяхъ земли. При спорахъ о собственности, дѣла переносятся въ это управленіе.

Управленіе церемоніальными дѣлами, Li Pu, наблюдаетъ за обычаями страны, за священными и общественными празднествами во всей Имперіи и за формою одежды. Число поклоновъ, которые каждый чиновникъ долженъ дѣлать предъ другимъ, определено по закону. Это управленіе имѣетъ также въ своемъ вѣдѣніи публичныя испытанія или экзамены, городскія училища, наблюденіе за виѣншимъ богочитаемъ, за обоготвореніемъ умершихъ Принцевъ и героевъ, и за порядкомъ дѣлъ музыкальнаго института.

Военное управленіе, Ping Pu, занимается устройствомъ войскъ и почтъ, и дѣлаетъ смотры какъ сухопутнымъ такъ и морскимъ силамъ.

Исправительное управленіе, Hing Pu, вѣдаетъ дѣлами о наказаніяхъ за проступки и преступленія, и дѣлами о наградахъ; вслѣдствіе чего оно наряжаетъ комиссію для изслѣдованія правильности рѣшеній провинціальныхъ судей, и доноситъ объ этомъ Императору. Въ этомъ же управленіи ежегодно издается уложеніе законовъ.

Управленіе публичныхъ работъ, Kung Pu, наблюдаетъ вообще за строеніями и каналами, сооружаетъ вновь мавзолеи, храмы и прочія зданія, смотритъ за городскими стѣнами и дворцами, дѣлаетъ распоряженія о заготовленіи палатокъ для путешествій Императора и о доставкѣ стекляной посуды для дѣбора.

Иностранное управленіе, Li Fan Yuen, завѣдываетъ иностранцами, дѣлаетъ распоряженія о представленіяхъ ко двору, и наблюдаетъ за кочующими племенами Монголіи и Коконоры, и за жителями Тибета.

Высшее судебное управленіе, Tu Mah Huen, наблюдаетъ за правильностью рѣшеній низшихъ инстанцій. Чиновники этого управленія имѣютъ право находиться при Императорѣ и даже иногда не соглашались съ его мѣтвеніемъ.

Управленіе для принятія просьбъ, Tung ching sy, состоящее изъ шести членовъ, пересматриваетъ рѣшенія низшихъ инстанцій, и передаетъ ихъ кабинету. Одинъ изъ чиновниковъ этого управленія всегда находится при дворцѣ Императора, и имѣетъ въ своемъ вѣденіи, поставленный у рѣшетки дворца, барабанъ, которыми просители могутъ воспользоваться, чтобъ быть выслушанными. Сюда часто стекаются женщины изъ дальнихъ странъ, и передаютъ свои просьбы Императору.

Верховный судъ, Та-li sy, есть высшее управленіе для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ Имперіи.

Императорская академія, Haulin Huen, заготовляетъ документы и другіе акты судебныхъ мѣстъ. Члены этой академіи имѣютъ доступъ къ высшему сословію и наблюдаютъ за воспитаніемъ ихъ дѣтей. Пользуясь образованіемъ, они приготовляются для занятія высшихъ должностей.

Управленіе празднествами, Kwangluh sy', вѣдаетъ дѣлами о наградахъ, распоряжается торжествами, даваемыми въ честь прославившихся ученыхъ и иностранныхъ пословъ.

Низшихъ управленій и чиновъ, въ китайской имперіи, гораздо болѣе, нежели въ какомъ либо европейскомъ государствѣ.

Императоръ, хотя и живетъ въ совершенномъ уединеніи и почти нигде самъ не показывается, тѣмъ не менѣе однако же получаетъ свѣдѣнія обо всѣхъ происшествіяхъ и о ходѣ управленія. Должности въ провинціи, по обыкновенію, не вручаются принципамъ крови, а напротивъ раздаются способнымъ Китайцамъ, которые, по своему образованію, могутъ надѣяться на полученіе какого либо мѣста. Генераль-директоръ провинціи (Tzung-tuh) называется также вице-королемъ, и имѣетъ въ своемъ вѣденіи двѣ провинціи, между тѣмъ какъ помощникъ его (Fuyuen) только одну.

Вся Китайская Имперія раздѣлена на одиннадцать большихъ областей, состоящихъ изъ восемнадцати провинцій, подъ вѣденіемъ восьми генераль-директоровъ и пятнадцати Fuyuen.

Всѣ высшіе чиновники ежемѣсячно посылаютъ къ Императору письменныя привѣтствія, на желтой бумагѣ и въ шелковой оберткѣ, на которыхъ самъ Императоръ или его секретарь отмѣчаютъ красными буквами: «мы здоровы.»

Сверхъ вышесказанныхъ учрежденій, въ Китайской Имперіи находится управленіе для приведенія въ исполненіе рѣшеній другихъ мѣстъ, и управленіе для завѣдыванія комиссаріатскими дѣлами и таможеню.

Военное управленіе провинціи завѣдываетъ сухопутными и морскими силами. Только главнокомандующій (Tituh) получаетъ приказы. Ихъ числомъ шестнадцать; двѣнадцать изъ нихъ командуютъ войскомъ, а остальные имѣютъ высшій надзоръ за военными силами.

Выше упомянутые три офицера Sungtuh, Fuyuen и Tsiang-kiun составляютъ военный совѣтъ.

Мѣста генераль-губернаторовъ, предводителей Татаръ, вице-губернаторовъ, генераль-маіоровъ и канцлеровъ наукъ находятся на одной и той же степени; послѣ нихъ слѣдуютъ мѣста казначеевъ, судей и пр. Всякій интендантъ, префектъ, смотритель надъ округомъ и пр. имѣетъ своихъ писарей, которые ведутъ счета и каталоги. Правительство теперь уже наблюдаетъ

за общественными заведениями, за продажей соли, за пошлиною, которая налагается на произведенія земли, и составляет большую часть государственнаго дохода. Распределение войска и определение на службу офицеровъ производится по известнымъ правиламъ; но при всемъ этомъ недостаетъ дисциплины. Губернаторъ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ все войска провинціи, простирающіяся до ста тысячъ человекъ. Императоръ никогда не путешествуетъ, но посылаетъ вмѣсто себя чиновниковъ (King-shan) для наблюденія за порядкомъ; губернаторы, по примѣру своего повелителя, рассылаютъ также, вмѣсто себя, своихъ агентовъ (Weunen), которые смотрятъ за исполненіемъ должностей, и поддерживаютъ тѣмъ дѣятельность и бдительность низшихъ чиновниковъ.

СОСТОЯНІЕ КАЛИФОРНІИ ВЪ НОВѢЙШІЯ ВРЕМЕНА. Калифорніею называется продолговатое пространство земли, прилегающее къ Тихому океану, и лежащее на сѣверо-западъ отъ Новой Испаніи, между 23 и 24 град. сѣверной широты. Съ юга и запада Калифорніа омывается моремъ, съ востока граничитъ съ заливами Рио-Колорадо и Сиерра-Невада, а съ сѣвера съ Рио-Колумбіемъ и другими побочными рѣками.

Эта страна распадается на двѣ совершенно равныя части: на нижнюю или старую и верхнюю или новую Калифорнію. Первую часть составляетъ тотъ полуостровъ, который Фердинандъ Кортесъ посетилъ въ 1535 году; она покрыта голыми и дикими скалами, и населена совершенно грубыми и необразованными племенами.

Грунтъ земли въ Новой Калифорніи мало способенъ для обработки и производитъ только финики, винныя ягоды, апельсины и сахарный тростникъ; впрочемъ занимаютъ также и разработкою нѣкоторыхъ серебряныхъ рудниковъ и ломею, теперь уже почти истощившихся, жемчужинъ.

Температура верхней Калифорніи одинакова съ климатомъ Валенсіи, потому что сѣверо-западные вѣтры умиротворяютъ жаръ лѣта, а южные—холодъ зимы. Этотъ край изобилуетъ строевымъ и корабельнымъ лѣсомъ, которыми покрыты огромныя пространства. Здѣсь возвышаются огромныя лавровыя, тутовыя, фиговыя, ясеневыя деревья, ивы, тополн и проч. Въ этихъ лѣсахъ растутъ сверхъ того разнаго рода кустарники, на которыхъ созрѣваютъ плоды, похожіе на нашъ крыжовникъ и черную смородину, и употребляемые въ пищу туземными жителями; здѣсь произрастаетъ также какой-то ядовитый корень,

дѣйствіе котораго смертоносно, особенно дѣтямъ; тѣло пухнетъ, и, чрезъ нѣсколько часовъ, человекъ испускаетъ духъ.

Въ верхней Калифорніи встрѣчаются равнины, имѣющія часто пространство длиною на сто часовъ пути и шириною до двадцати часовъ. Послѣ сильнаго дождя, трава иногда поднимается на десять футовъ; на этомъ же гучномъ пастбищѣ пасутся безчисленные стада дикихъ лошадей, разнаго рогатаго скота, антилопъ и оленей. Американскихъ львовъ здѣсь вовсе нѣтъ; за то чрезвычайно скоро размножаются сѣрые медвѣди, собаки и дикія кошки. Около берега встрѣчаются, въ большомъ количествѣ, слоны, киты, морскія собаки и черепахи; между гадами, ядовитъ только гремучій змѣй, который впрочемъ не опасенъ людямъ, а напротивъ того ихъ боятся. Изъ птицъ водятся здѣсь, въ большомъ количествѣ, колибри, разноцвѣтные пеликаны, утки, попугаи и орлы огромнаго роста.

Земля богата рудниками, какъ то: золотыми, серебряными, мѣдными и оловянными. Здѣсь также находятъ желтую и красную охру, которою Индѣйцы окрашиваютъ свое тѣло и ониксъ, употребляемый ими для своего вооруженія.

Фердинандъ Кортесъ первый проникъ въ Калифорнію съ оружіемъ въ рукахъ, послѣ него были предприняты путешествія многими какъ сухопутно такъ и водою, по приказанію вице-королей Новой Испаніи. Духовные, пользуясь подобными экспедиціями, основали, болѣе къ сѣверу, мало по малу, нѣсколько миссіонерствъ.

Въ настоящее время насчитываютъ этихъ миссіонерствъ до сорока трехъ, и число ихъ конечно, въ скоромъ времени, увеличилось бы, если бы мексиканское правительство не ограничило власть миссіонеровъ, отнявъ у нихъ управленіе колоніями. Хищническій духъ Индѣйцевъ, во время испанскаго владычества, былъ значительно ограниченъ миссіонерами, которые распространяли между ними истины христіанской вѣры, и положили основаніе ихъ образованію. Военная линія или граница, простиравшаяся слишкомъ на тысячу часовъ пути, начиналась въ верхней Калифорніи, у Монте Реп, шла съ сѣвера на югъ до Санъ-Діега, оттуда огибала оба берега нижней Калифорніи, чрезъ Ріо-Колорадо, вдоль Ріо-Гила, переходила Сіерра-Мадре, защищала новую Мексику и Техасъ, оканчивалась у наружныхъ границъ обширнѣйшей Флориды, перерѣзывала Америку во всю ея ширину, и соединяла берега Атлантическаго океана съ южнымъ моремъ.

Внутри этой огромной линіи, неутомимые миссіонеры основали, для обращенныхъ Индѣйцевъ и другихъ колонистовъ, деревни, обучали ихъ различнымъ ремесламъ и земледѣлію. Но по-

добныя распоряженія имѣли часто плачевныя послѣдствія; многіе заплатили, за свое рвеніе къ проповѣдыванію правилъ христіанства, своею кровью, и были умерщвляемы Индѣйцами съ неизвѣрною жестокостью.

Вся миссіонерства построены по одному общему плану; одна изъ обширѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ колоній, имѣющая своимъ патрономъ святаго Людовика, короля французскаго, находится въ превосходнѣйшей долинѣ, на берегу маленькой рѣчки, орошающей сады и виноградники селенія. Въ этой колоніи особенно замѣчательно главное строеніе, имѣющее съ фасада крытую галлерею въ пятьсотъ футовъ длиною.

Церковь, занимающая часть этого дома, довольно значительно размѣра; она можетъ вмѣщать въ себѣ около трехъ тысячъ человекъ. Въ центрѣ этого зданія находится четырехъ-угольный дворъ, который окруженъ подземными ходами и цвѣтущими деревьями, освѣжаемыми чистыми и прозрачными фонтанами. Принадлежащія къ главному строенію зданія, построены чрезвычайно просто, безъ затѣй, но съ удивительною прочностью. Онѣ содержатъ въ себѣ комнаты для духовенства, рабочихъ, кузницу, помѣщенія для портныхъ, ткачей и шерстяныхъ фабрикъ, въ которыхъ приготовляются матеріи для одежды обращенныхъ Индѣйцевъ и для удовлетворенія требованій дикихъ племенъ. Училища находятся здѣсь въ самой спокойной и безопасной части колоніи. Ученіе въ этихъ школахъ также чрезвычайно просто, и напоминаетъ собою времена патриархальныя; дѣти туземцевъ, смѣшанныя съ дѣтьми бѣлыхъ, получаютъ здѣсь понятіе о нѣкоторыхъ общепользныхъ элементарныхъ предметахъ, и обучаются также пѣнію и музыкѣ, къ которой вообще всѣ Индѣйцы имѣютъ удивительныя способности. Нерѣдко, на церковныхъ празднествахъ, они исполняютъ должности органистовъ, музыкантовъ и пѣвчихъ съ удивительною точностью и отчетливостью.

Хотя Индѣйцы въ миссіонерствахъ Калифорніи и отказались отъ нелѣпой своей языческой религіи, и обратились къ христіанству, но они еще вовсе не подчинились тому моральному вліянію, которое эта религія имѣетъ на человека.

Они принимаютъ участіе въ работахъ общины только потому, что это обезпечиваетъ ихъ будущность, и защищаютъ колонію отъ нападений дикихъ, не по чувству благодарности, которое должны бы были питать къ бѣлымъ, въ слѣдствіе кроткаго ихъ обращенія, а скорѣе по причинѣ какой-то врожденной ненависти, которую одно племя питаетъ къ другому.

Колонію Святаго Людовика окружаютъ красивыя житницы, сараи для рогатаго скота, дома для милліонъ, различныя магазины,

избы обращенныхъ Индѣйцевъ и дачи бѣлыхъ. Гостепрѣимство, въ высшемъ значеніи этого слова, наблюдается здѣсь всегда; съ радушіемъ и чистосердечіемъ принимаютъ здѣсь всякаго незнакомца, застигнутого въ дорогѣ несчастіемъ или просто путешественника. Первый изъ французовъ, который прибылъ въ Калифорнію, былъ Лаперузъ въ 1787 году. Онъ былъ принятъ колонією съ большими знаками уваженія, и съ почестью; многіе дряхлые старики и теперь еще помнятъ этого знаменитаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несчастнаго мореплавателя, оставившаго въ этой странѣ столько знаковъ своего великодушія.

Въ то время, какъ свѣтское управленіе еще находилось въ вѣдѣніи тамошнихъ миссіонеровъ, число рабочихъ Индѣйцевъ простиралось до тридцати тысячъ человекъ; теперь же ихъ всего пять тысячъ. Въ настоящее время въ Калифорніи насчитываютъ тысячъ двадцать дикихъ Индѣйцевъ, Испанцевъ около четырехъ тысячъ и около тысячи иностранцевъ. Штатгалтеръ, заведывающій провинціей, имѣетъ мѣстопробываніе свое въ Монте-Рей. Внутреннее управленіе раздѣлено между тремя префектами, находящимися въ Пуэблѣ-де-Нуэстра-Сенора, въ Салте-Барбара и Санъ-Хозѣ. Прочее народонаселеніе распределено по миссіонерствамъ и частнымъ мызамъ. Большая часть прежнихъ президій и военныхъ постовъ разорены; до сихъ поръ еще видны обгорѣлыя стѣны постовъ Нуэстра-Сенора-Ларетто, Санъ-Діего, Санта-Барбара, Монте-Рей и Санъ-Франциско.

Законы и обычаи туземцевъ совершенно одинаковы съ нравами обитателей прочихъ испанскихъ колоній въ Америкѣ. Колонисты, до сихъ поръ еще, сохранили обычаи, привычки и недостатки своихъ прадѣдовъ; къ несчастію пагубное стеченіе обстоятельствъ увеличили эти недостатки еще болѣе. Частыя сношенія туземцевъ съ европейцами породили въ первыхъ страсть къ нѣкоторой роскоши, а худое устройство испанской милиціи обратило прежнюю слабость ихъ къ крѣпкимъ напиткамъ въ необходимую потребность.

Всѣ Индѣйцы искусные ѣздоки и страстные любители скачекъ, которыя даютъ поводъ къ неумѣреннымъ и разорительнымъ пари. Колонисты, нерѣдко рассчитывая на скорость лошади, теряютъ все свое имущество, составляющее иногда до двухъ сотъ штукъ рогатаго скота. Бой быка съ медвѣдемъ составляетъ также предметъ ихъ развлечения. При подобныхъ схваткахъ, медвѣдь, будучи вообще проворнѣе быка, остается обыкновенно побѣдителемъ. Когда разъяренный быкъ, нагнѣвая голову, готовится рогами проколоть дерзкаго своего противника, медвѣдь, одною лапою, раз-

двираетъ ему морду а другою грудъ, и рѣдко удается несчастному животному вырваться и остаться побѣдителемъ.

Калифорнія, въ политическомъ отношеніи, приобрѣтетъ со временемъ огромное значеніе, особенно если средняя часть Америки будетъ прорѣзана какимъ либо каналомъ или желѣзною дорогою. Земля могла бы прокормить миллионы жителей; для колонизаціи находятся тамъ превосходныя гавани и строевой лѣсъ. Мѣстность представляетъ удобство въ сообщеніяхъ съ Мексикою, Американскими Штатами, англійскими и нашими владѣніями по сѣверо-западному берегу, съ Сандвичевыми островами и наконецъ даже съ Китаемъ.

Замѣчательнѣйшее мѣсто Калифорніи есть, безъ сомнѣнія, превосходнѣйшая бухта Святаго Франциска, которая, по всей справедливости, можетъ быть названа ключемъ сѣверной части Тихаго моря; ея гавань могла бы вмѣстить въ себя весь флотъ Великобританіи. Владѣніе этою гаванью и странюю, къ ней прилежащую, было однимъ изъ живѣйшихъ желаній Англій, которая, еще недавно, вошла въ сношеніе съ тамошнимъ президентомъ объ уступкѣ ей этого края. Виды соединенныхъ штатовъ на гавань Св. Франциска выразились совершенно иначе. Правительство штатовъ хотѣло завладѣть этою частью Америки вооруженною рукою. Съ этою цѣлю, еще въ 1837 году, было предложено Мексикѣ двадцать шесть милліоновъ франковъ съ условіемъ, чтобъ она содѣйствовала ея планамъ; а главнокомандующій флотомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Тихомъ морѣ, безъ всякой видимой причины, и во время глубокаго мира, осадилъ столицу Калифорніи, городъ Монте-Рей. Причиною недавно вспыхнувшей революціи въ Калифорніи были опять агенты Соединенныхъ Штатовъ.

О нынѣшней живописи въ Китаѣ. Китайскій живописецъ Ламкуа почитается нынѣ самымъ искуснымъ изъ современныхъ живописцевъ въ Китаѣ. Домъ его въ Кантонѣ отличается отъ соседнихъ домовъ черною дощечкой, прибитою къ дверямъ; на ней написано бѣлыми буквами имя и званіе Ламкуа.

Въ нижнемъ этажѣ дома находится лавка, гдѣ оконченныя работы выставлены для продажи. Эти рисунки на рисовой бумагѣ почитаются самыми лучшими. Они разложены вокругъ всей лавки грудами и накрыты стеклянными колпачками. Кроме того въ лавкѣ находятся и другія вещи, совсѣмъ не относящіяся къ живописи, но которыя составляютъ постоянную торговлю этого дома. Напримѣръ различныя камни, выфеленыя чрезвычайно любопытными образомъ. Также тамъ продаются матеріалы, служащіе для рисованья, ящики съ красками и разныя кисти и шп.

Все это покрыто шелковой съ золотыми цвѣтами матеріей. Рисовая бумага, разложенная по сту листовъ, составляетъ важную статью продажн. Бумага эта получается изъ Нанкина и продается дорого или дешево, смотря по величинѣ листовъ.

Небольшая лѣстница, съ деревянными перилами, ведетъ изъ лавки въ мастерскую, въ другой этажъ. Тамъ вы увидите за работой до десяти Китайцевъ, у которыхъ рукава загнуты, и длинные ихъ косы обернуты вокругъ головы. Эта предосторожность необходима при такой деликатной работѣ. Небольшая комната освѣщается двумя оконками, которыя расположены съ двухъ сторонъ. Стѣны комнаты украшены новыми, только что оконченными рисунками. Между этими произведеніями встрѣчаются и европейскія гравюры, подлѣ которыхъ находятся масляныя или акварельныя копіи, сдѣланныя Китайцами. Эти гравюры обыкновенно привозятся въ Китай морскими офицерами, которые промѣниваютъ ихъ на китайскіе рисунки. Надобно удивляться вѣрности и изяществу, съ какими сдѣланы эти копіи. Колоритъ ихъ живъ и правиленъ, и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Удачное сочетаніе цвѣтовъ показываетъ истинный талантъ въ китайскихъ художникахъ. Также встрѣчаются оригинальныя ихъ картины, изображающія корабли, лодки, деревни и пейзажи, но которыя по большей части очень неудачны и смѣшны.

Въ мастерской разставлены длинные столы, и между ними оставлено ровно столько пространства, сколько нужно, чтобъ проходить художникамъ. Впрочемъ эти китайскіе художники ни сколько не обижаются, если кто и изъ иностранцевъ любопытствуетъ посмотреть на ихъ занятія. Напротивъ они спокойно продолжаютъ свою работу и при лишннихъ свидѣтеляхъ, и даже готовы отвѣчать на всѣ вопросы. Судя потому, какъ нужно мало вниманія къ этой работѣ, не вдругъ поймешь и узнаешь всѣ способы, которые употребляются къ выполненію этихъ прекрасныхъ рисунковъ на рисовой бумагѣ, столько цѣнныхъ теперь въ Европѣ.

Смотря на этихъ людей, сидящихъ передъ столами на маленькихъ табуретахъ, невольно приходишь въ изумленіе, видя порядокъ, опрятность и вкусъ, съ которыми производится всякая небольшая операція, необходимая для ихъ искусства.

Рисунки, которые они выполняютъ, нельзя назвать ниолѣ окончивающимися, да также нельзя назвать и оригинальными. Главнѣйшее зависитъ отъ механической работы. Сначала они вытираютъ листъ рисовой бумаги, на которой находится какъ можно меньше нитенъ и дѣръ. Каждый беретъ листъ величиною, сообразно дѣлу, за которую намѣренъ продать будущую картину.

Что жъ касается до недостатковъ на бумагѣ, то художники сами чрезвычайно искусно умѣютъ исправлять ихъ.

Когда бумага приготовлена, они покрываютъ ее слегка разведенными въ водѣ квасцами и повторяютъ это разъ восемь въ продолженіе времени, покуда картина рисуется. Этотъ растворъ изъ квасцовъ дѣлаетъ бумагу способною принимать краски и препятствуетъ ей протекать.

Потомъ начинаютъ дѣлать чертежъ, который можно назвать почти механической работой, потому-что его дѣлаютъ по оригиналу. У китайскихъ живописцевъ есть книги, въ которыхъ находятся разнаго рода эскизы, начерченные, а иногда и раскрашенные, которые изображаютъ людей, звѣрей, деревья, растенія, скалы и зданія въ разныхъ видахъ и разной величины для того, чтобъ могли быть употребляемы въ разныхъ мѣстахъ картины по требованію перспективы. Эти различные предметы, изображенные въ книгѣ, служатъ художникамъ оригиналами для составленія цѣлой картины. Чтобъ составить пейзажъ, они скопировываютъ изъ своихъ книгъ горы, выбираютъ деревья, которые находятъ приличными, потомъ присовокупляютъ человѣческія фигуры, звѣрей, и такимъ образомъ составляютъ цѣлыя, довольно разнообразныя картины, располагая различнымъ образомъ одни и тѣ же предметы. Поэтому китайскія картины сходятся между собой, если взять каждый предметъ отдѣльно, но въ цѣломъ вы найдете разнообразіе.

Краски приготовлены уже прежде, и ихъ употребляютъ при рисованіи такъ же какъ масляныя, т. е. прокладывая прежде грунтъ. Краски растираютъ на фарфоровыхъ блюдахъ, смачивая ихъ водою; но чтобъ онѣ лучше приставали къ бумагѣ, въ нихъ прибавляютъ квасцовъ и клею. Клей долженъ быть теплымъ и всегда находится подъ руками художниковъ. Для этого у нихъ есть маленькій желѣзный треножникъ; въ него вставляется небольшой сосудъ, въ которомъ варится клей. Чтобъ поддерживать нужную въ клѣ теплоту, китайскій художникъ разжигаетъ отъ времени до времени кусочекъ угля, который кладется подъ сосудъ.

Принимаясь за раскрашиваніе картины, художникъ отдѣлываетъ прежде драпировку и второстепенные предметы. Но когда доходить дѣло до лицъ, то онъ прокладываетъ тѣни на другой сторонѣ бумаги, чтобъ такимъ образомъ дать прозрачность колориту. Для этой работы, художникъ не имѣетъ нужды подражать оригиналу, потому-что колоритъ картины зависитъ совершенно отъ его искусства и вкуса. Опытные художники вовсе не копируютъ, когда уже у нихъ проложенъ контуръ. Кисти,

которыми они руют, такія же, какія они употребляютъ для письма, только онѣ дѣлаются тонше и вставляются въ палочку изъ бамбуковаго дерева или камыша. Для нѣжности колорита, Китайцы употребляютъ при рисованіи двѣ кисти, изъ которыхъ одна всегда намочена водою и служитъ для смягченія проложенныхъ красокъ.

Главный недостатокъ китайской живописи состоитъ въ томъ, что Китайцы совершенно не понимаютъ дѣйствія освѣщенія и тѣней. У нихъ основная идея изображать предметы такими, какъ они существуютъ въ натурѣ, а не такими какъ они кажутся. Но несправедливо обвиняютъ китайскихъ художниковъ въ несоблюденія перспективы въ ихъ картинахъ. Это мнѣніе совершенно опровергаетъ рисовальная школа, изданная въ 1681 году, которая до-сихъ-поръ служитъ оригиналомъ для китайскихъ художниковъ. Она состоитъ изъ пяти тетрадей, въ которыхъ изображены всевозможные рисунки, люди въ разныхъ положеніяхъ, иногда цѣлыя группы, звѣри, птицы, зданія, деревья, горы, скалы, камни и пр. Въ тетради, въ которой изображены люди, звѣри, деревья и дома, всѣ эти предметы представлены уменьшающимися по мѣрѣ удаленія ихъ отъ перваго плана. Художнику остается выбрать фигуру приличной величины для помѣщенія на извѣстной точкѣ картины. Наука не входитъ въ эту часть рисованія; но чувство перспективы, разсматриваемое какъ искусство, можно найти у Китайцевъ въ той же степени, какъ въ работахъ многихъ знаменитыхъ учителей древнихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ школъ до шестнадцатаго вѣка.

Одно остается неразгаданнымъ: отчего Китайцы не видятъ на предметахъ тѣней. Правда, что во всѣхъ странахъ, гдѣ только появлялось искусство живописи, первая метода была рисовать безъ отбѣнокъ. Но удивительно, что у Китайцевъ это искусство переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ и все остается, въ этомъ отношеніи, неизмѣннымъ.

Но какъ бы то ни было, когда разсматриваешь модели, особенно тѣ, которыя изображаютъ физическую природу, то ясно видишь, что въ 1681 году были въ Китаѣ художники, которые показали ученость и талантъ, какихъ не встрѣтишь въ той же степени въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если дѣйствительно Ламкуа одинъ изъ самыхъ искусныхъ нынѣшнихъ китайскихъ художниковъ, то надобно заключить, что искусство въ этой землѣ упало съ 1681 года.

О СПОСОБѢ ПРИГОТОВЛЕНІЯ РОКФОРСКАГО СЫРА. Въ Руергѣ, въ трехъ миляхъ отъ города Севтъ-Африкъ, (во Франціи) нахо-

дится посреди высокихъ горъ маленькая деревня, имя которой часто произносится за обѣденными столами. Мы говоримъ о Рокфорѣ, селеніи, состоящемъ изъ сотни домовъ, которое обязано своею европейскою извѣстностію прекраснымъ произведеніямъ своихъ пещеръ, то-есть своимъ сыромъ.

Г. Гожаль, въ своемъ ученомъ сочиненіи объ Руергѣ, думаетъ, что селеніе Рокфоръ построено около 1070 года, въ царствованіе Филиппа I. Однакожъ можно предполагать, что и прежде того жители страны приобрѣтали уже выгоды отъ своихъ пещеръ.

Рокфорскія пещеры находятся подъ гигантскими скалами. Онѣ имѣютъ много отдѣленій и состоятъ изъ пяти этажей; однѣ натуральныя (числомъ двадцать три) другія—искусственныя (числомъ одиннадцать).

Температура различная въ каждой пещерѣ, что различно дѣйствуетъ на сыръ. Въ однихъ зрѣлость сыра достигается скорѣе; но чтобы онъ достигъ степени желаемого совершенства, нужно ему оставаться попеременно въ каждой изъ этихъ пещеръ, извѣстное время.

Рокфорскій сыръ дѣлается изъ овечьего молока; послѣ того, какъ додоятъ, молоко процеживаютъ сквозь холстъ и даютъ ему скиснуться при температурѣ отъ 20 до 25 градусовъ Реомюра. Кислое молоко густѣетъ; его сильно трясутъ полчаса. Сыворотка образуется и падаетъ на дно котла, откуда ее выливаютъ. Тогда кладутъ скисшее молоко въ формы, гдѣ оно остается около десяти часовъ. Когда сыръ достигнетъ нѣкоторой твердости, его вынимаютъ изъ формъ; потомъ оставляютъ его на одинъ день завернутымъ въ тряпки; наконецъ кладутъ куски сыра въ пещеры, по три въ рядъ, и солятъ съ одной стороны. Когда соль проникла въ сыры, ихъ переворачиваютъ и солятъ съ другой стороны. Восемь дней спустя, снимаютъ первый слой сыровъ и кладутъ на бокъ, одинъ кусокъ отъ другаго въ разстояніи десяти сантиметровъ. Сыры покрываются тогда бѣлою плѣсенью. Каждый двѣ недѣли съ нихъ соскребаютъ ее, и вскорѣ сыры получаютъ свой настоящій цвѣтъ. Также поступаютъ и съ прочими слоями сыровъ.

Очень любопытна въ Рокфорѣ пещера, называемая Гротомъ Фей. Этотъ гротъ имѣетъ 1800 метровъ въ глубину и отличается множествомъ сталактитовъ. Очень опасно входить въ него безъ провожатаго, потому-что легко заблудиться въ развѣтвленіяхъ пещеры или упасть въ одну изъ глубокихъ трещинъ, которыя тамъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются.

СБОРЪ И ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЧАЙНЫХЪ ЛИСТЬЕВЪ. Отчество чайнаго дерева есть Китай, и, какъ извѣстно изъ недавнихъ открытій, Ассамъ. Въ дикомъ состояніи чайное дерево достигаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ сажень высоты; произрастающее же въ питомникахъ, бываетъ величиною съ небольшимъ въ сажень. Вѣтви его, обыкновенно прямыя, въ молодости покрыты корою бурого цвѣта, которая впоследствии принимаетъ сѣрый оттѣнокъ. Листья чайнаго дерева имѣютъ фигуру вытянутаго овала съ острою верхнею и съ зазубренными краями; въ углахъ этихъ листьевъ вырастаютъ по два или по три бѣлыхъ цвѣтка, которые съ виду похожи на цвѣтки мирта, только нѣсколько покрупнѣе.

Прежде думали, что различные сорта чая доставляются различными породами чайнаго дерева, но такое мнѣніе ошибочно, какъ это видно изъ сочиненій англійскаго ботаника г. Форчуна (Fortune), три года путешествовавшаго по Китаю. «Я часто имѣлъ случай, говорить онъ, посѣщать большія плантаціи сѣрнаго и зеленого чая, которыхъ особенно много въ областяхъ Кантонской, Фокіенской и Ше-кианьской, и удостовѣрился, что различные сорта чая составляютъ произведеніе не только одной и той же породы, но даже одного и того же вида чайнаго растенія, именно того, который называется *thea viridis*.»

Кромѣ Китая, гдѣ наотой изъ листьевъ чайнаго дерева уже болѣе тысячъ лѣтъ составляетъ національный напитокъ жителей, чайное дерево разводится въ Корей и Японіи. Очень недавно сдѣланы значительныя плантаціи чайныхъ деревьевъ въ Цейлонѣ и Явѣ; они особенно удалены на послѣднемъ изъ этихъ острововъ. Не такъ успѣшно было разведеніе ихъ въ Бразиліи, около Рио-де-Жанейро, на мысѣ Доброй Надежды и на островѣ Св. Елены. Въ Ассамѣ (въ Восточной Индіи), нѣсколько лѣтъ тому назадъ, открыты лѣски дико растущихъ чайныхъ деревьевъ, и такъ какъ туземцы уже нѣсколько знакомы съ уходомъ за этия растенія, то можно надѣяться, что чайная промышленность въ скоромъ времени получитъ здѣсь значительное развитіе.

Въ торговлѣ, какъ извѣстно, встрѣчаются весьма многіе отличія чая; эти отличія зависятъ преимущественно отъ времени сбора и способа приготовленія чайныхъ листьевъ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ Форчунъ. «Въ окрестностяхъ Ше-киана, и вокругъ Нли-По, первый сборъ листьевъ производятъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля. Въ это время собираютъ молодыя почки, едва начинающія раскрываться; онѣ доставляютъ чай очень тонкій и нѣжный, чрезвычайно дорого цѣнимый Китайцами. Его носятъ только въ подарокъ некрѣпкимъ друзьямъ, и почки никогда не продаютъ, а оттого онъ нѣ-

докъ и дорогъ. Притомъ и собираютъ его въ небольшомъ количествѣ, потому-что сятіе листьевъ, въ такое раннее время года, чрезвычайно вредно для растеній. Впрочемъ обильные дожди, бывающіе обыкновенно въ эту пору, отчасти вознаграждаютъ вредъ, причиненный плантаціямъ, и если деревья молоды и крѣпки, то на нихъ скоро появляется новый листъ. Недѣли черезъ двѣ или три послѣ перваго сбора; т. е. въ первой половинѣ мая деревья снова покрываются листьями, и тогда начинается вторичный сборъ, во всемъ году самый важный. Листья этого втораго сбора и доставляютъ тѣ сорта чая, которые у насъ называются *цѣточными*. Въ составъ этихъ чаевъ входитъ много молоденькихъ листьевъ; которые покрыты вѣжными бѣлыми волосками, какъ бы пушкомъ. Чѣмъ болѣе этихъ молодыхъ листочковъ, тѣмъ чай цвѣтистѣе и цѣнится выше. Если посмотрѣть на налитой въ стаканъ цѣточный чай противъ свѣта, то можно легко замѣтить, что отдѣлившіеся отъ молодыхъ листочковъ волоски плаваютъ въ немъ. Съ листьевъ совершенно развившихся, волоски сами собой опадаютъ; листья дѣлаются тогда совершенно гладкими, и идутъ вѣроятно на приготовленіе чернаго чая.

«Последній сборъ, производимый уже долго спустя, когда чайныя растенія снова и вполнѣ покроются совершенно-развившимися листьями, составляетъ чай послѣдняго разбора, почти никогда не поступающій въ продажу, но обыкновенно потребляемый самими жителями.

«Сборъ и приготовленіе чайныхъ листьевъ производится очень просто. Собираютъ листья всегда въ ведреные дни, и укладываютъ ихъ въ круглыя плетенки изъ бамбука. Въ началѣ мая, въ эпоху главнаго сбора, молодые почки бываютъ величиною почти въ горошину; ихъ срываютъ также и высушиваютъ вмѣстѣ съ развернувшимися листьями. По окончаніи сбора, листъ относятъ домой для сушенія и приготовленія. Для этой цѣли у каждаго поселеннаго устроена печь изъ кирпичей или глины; печь эта вышиною бываетъ въ человѣческой ростъ и снабжена нѣсколькими полусферическими чугунными сосудами, которые весьма не глубоки. Въ печи разводятъ яркій огонь, стараются поддерживать его въ одинакой силѣ. Когда чугунные посудины начнутъ разгорячаться, то въ нихъ сыпаютъ чайные листья, и вѣшаютъ ихъ безпрестанно для того, чтобъ они не пригорѣли. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы какъ можно скорѣе удалить водянистыя частицы, заключающіяся въ листьяхъ, не лишая ихъ свойственнаго имъ аромата. Листья отъ дѣйствія жара тотчасъ начинаютъ съеживаться, свертываться и освобождаться отъ

содержащейся въ нихъ влаги, которая, при сильномъ жарѣ, слетаетъ въ видѣ пара. Дѣйствіе это продолжается не болѣе четырехъ или пяти минутъ, по истеченіи которыхъ листья перестаютъ съживаться и дѣлаются мягки и гибки; тогда ихъ снимаютъ съ огня и высынаютъ на столы, сдѣланные изъ бамбуковыхъ тростей. Три или четыре человека занимаются укатываніемъ листьевъ, изъ которыхъ выжимаютъ такимъ образомъ зеленоватый сокъ, стекающій по каплямъ между бамбуковыми тростями. Эту операцію повторяютъ раза два или три, но во всякомъ случаѣ она должна совершиться не болѣе какъ въ пять или шесть минутъ. Послѣ того листья утрачиваютъ по-крайней-мѣрѣ три четверти своего объема.

«Для окончательной просушки листья выставляютъ на воздухъ, и выбираютъ для того пасмурные, но не дождливые дни; потомъ снова растапливаютъ печь и вторично ссыпаютъ ихъ въ чугунныя посудины, и держатъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока жаръ не сдѣлается для работника нестерпимымъ. Китайцы вовсе не имѣютъ понятія о термометрахъ, и только по навыку узнаютъ степень жара, потребную для сушенія чайнаго листа. Очень часто, на разныхъ фермахъ, гдѣ мнѣ случалось быть съ часами въ рукахъ, я замѣчалъ, сколько времени Китайцы употребляютъ на эту операцію, и всегда находилъ, что во второй разъ листья остаются на огнѣ около часу, послѣ чего ихъ вынимаютъ совершенно сухими и совсѣмъ готовыми къ укладкѣ въ цибки.

«Такимъ образомъ изготавляли при мнѣ зеленый чай; но я видѣлъ также въ области Фокіенской приготовленіе и чернаго чая, и убѣдился собственными глазами, что не только оба сорта чая, и черный и зеленый, доставляются однимъ и тѣмъ же растеніемъ, но даже и способы приготовленія того и другаго чая почти ничѣмъ не разнятся между собою. Листья для чернаго чая собираютъ, нагрѣваютъ въ первый разъ, катаютъ и выставляютъ на воздухъ точно такъ же, какъ и для зеленаго; только ихъ оставляютъ на воздухѣ гораздо дольше, большею частію два или три дня, и вѣроятно отъ этого-то они и выходятъ гораздо темнѣе. Притомъ, не надобно забывать, что зеленому чаю сообщаютъ его цвѣтъ, большею частію, посторонними веществами, которыя вмѣстѣ съ листомъ кладутъ въ чугунныя посудины. Почти всегда, для достиженія этой цѣли, употребляютъ берлинскую лазурь, гипсъ и разныя другія вещества, способныя придавать чаю видъ, который нравится *иностраннымъ варварами*, какъ выражаются Китайцы.

«Листья, назначаемые для черного чая, оставляют на воздухе довольно долго, и потом, подобно листьямъ, изъ которыхъ дѣлается зеленый чай, подвергаютъ вторичному нагреванію въ печи, не только держать на огнѣ гораздо долѣе, и притомъ огонь разводить сильнѣе; внаслѣдокъ изъ также складываютъ въ цѣбани, и отправляютъ на продажу. Сверхъ того, я узналъ навѣрное, что зеленый чай, употребляемый самими Китайцами, никогда не имѣетъ того яркаго цвѣта, каковымъ отличается продажный. Не лишнимъ будетъ замѣтить въ замѣчаніе, что Китайцы разводятъ очень много разныхъ цвѣтовъ, болѣе или менѣе ароматическихъ, единственно для того, чтобы подмѣшивать ихъ къ чаю. Изъ этихъ цвѣтовъ мнѣ известны *olea fragrans*, *oblanganthus inconspicuus*, *aglaia odorata*, и *pyria*.»

ОБРАЗЕЦЪ МУЖЕЙ. Настоящій мужъ, говоритъ англійская газета *Punch*, прогуливается ежедневно съ своею дражайшею половиной, и проходить съ какою-то самоувѣренностью, и безъ всякаго опасенія и страха, мимо модныхъ лавокъ и магазинновъ. Кошелекъ находится всегда при немъ и не забывается никогда дома. Онъ не считаетъ для себя униженіемъ, въ критическихъ случаяхъ, нести узелокъ или калоши жены, и соглашается безпрекословно, при цѣвдкахъ въ публичныхъ каретахъ, держать на рукахъ ребенка; а если въ каретѣ только одно свободное мѣсто, онъ садится на имперіалъ или занимаетъ мѣсто подлѣ кучера, оставивъ жену свою въ сообществѣ молодыхъ девицъ и львовъ. При приближеніи къ дому, онъ бѣжитъ впередъ и отворяетъ дверь; если же, во время прогулки, на дорогѣ, застасть ихъ дождь, то онъ оставляетъ свою жену въ ближайшемъ магазинѣ, а самъ бѣгомъ пускается догонять извозчика, и, промокнувши до костей, бываетъ очень счастливъ, когда ему удастся нанять экипажъ, въ которомъ жена его можетъ укрыться отъ непогоды. Въ награду за свое усердіе, онъ, по предложенію жены, платитъ за выбранныя ею матеріи, которыя она, въ это время усѣиваетъ пересмотрѣть въ модномъ магазинѣ.

За столомъ онъ доволенъ рѣшительно всѣмъ, что ему ни подадутъ, и не смотря на то, что многія блюда не приходится по его вкусу, онъ прищелкиваетъ языкомъ, и съ самодовольствомъ протираетъ себѣ руки. Онъ вѣритъ слабымъ нервамъ жены, и умилается кажлою ея слезою. Если жена находится въ худомъ расположеніи духа, то онъ старается умилостивить ее новымъ платьемъ или подаркомъ; если она скучаетъ, то онъ предлагаетъ ей ѣхать на гулянье или за городъ. Онъ платитъ ей карточный проигрышъ, и отдаетъ ей все то, что самъ выиг-

рыбасть. Дома онъ никогда не куритъ табаку, изъ опасенія, чтобъ оконныя занавѣсы не почернѣли; это удовольствіе онъ позволяетъ себѣ только въ другихъ мѣстахъ. За столомъ онъ разбрасываетъ жаркое, и лучшіе куски отдаетъ женѣ, оставляя для себя посредственные. Онъ ни за что въ свѣтѣ не разъяснить хронологическаго мрака, относительно возраста свой половины. Въ лѣтнее время, онъ занимаетъ дачу, а самъ остается съ понедѣльника до субботы въ городѣ. Онъ всегда съ готовностію платитъ расходы по хозяйству, ежегодно празднуетъ день своей свадьбы, не жалуется никогда, если ему и приходится долго ждать обѣда, и на балъ отпускаетъ жену одну, если желаетъ оставаться дома. Онъ исполняетъ все малѣйшія ея желанія и прихоти, живетъ и дышетъ для нея одной, и плачетъ какъ ребенокъ при ея смерти.

Министръ по ошибкѣ. Многіе удивлялись, что при послѣднихъ враншесствіяхъ въ Парижѣ, въ члены временнаго правленія попалъ также незначительный адвокатъ Кремье. Вотъ что дало поводъ къ такому выбору:

Во время бурнаго заведенія палаты, 24-го февраля, Ламартина, записавъ карандашемъ на ключи бумаги имена депутатовъ, которые должны были составить временное правительство, три раза принимался читать ихъ собранію, но тщетно. Шумъ былъ такъ великъ, что голосъ его оставался неслышимымъ, и, не смотря на звонокъ президента и на воззваніе къ порядку, волненіе все еще не утихло. Тогда вспомнили, что изъ числа присутствовавшихъ въ палатѣ, обладалъ самымъ обширнымъ голосомъ Кремье, и что многіе депутаты носили при себѣ съ намѣреніемъ хлопчатую бумагу для обезпеченія себя въ томъ случаѣ, когда онъ говорилъ рѣчь; и потому обратились къ нему съ просьбою прочесть эти имена, что, по общему признанію, онъ одинъ въ состояніи былъ исполнить. Кремье не заставлялъ себя долго просить и своимъ голосомъ покрылъ совершенно шумъ собранія. Наконецъ, дойдя до мѣста, гдѣ напечатано было имя Кормешова, онъ сдѣлалъ видъ, что не можетъ разобрать написаннаго и вдругъ, къ удивленію и ужасу тѣхъ, которые составляли списокъ, объявилъ свое собственное имя. Изъ галлерей раздавалось въ это время оглушительныя рукошесканія, такъ что никто не въ состояніи уже былъ поправить ошибки и уличить Кремье въ присвоеніи себѣ званія министра, для него вовсе не назначеннаго.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ. Основаніе разныхъ клубовъ въ Парижѣ и неумѣренныя требованія ремесленниковъ и рабочаго класса, дали поводъ актеру Вальнеру, въ Лейпцигѣ, сказать, что и курицы собрались недавно на совѣщаніе и рѣшили по огромному большинству голосовъ, что онѣ уже болѣе не въ состояніи снести дюжину яицъ за четыре зильбергрошена, а что на будущее время они требуютъ за дюжину, по крайней мѣрѣ, шесть зильбергрошеновъ.

ПОПУГАЙ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ. Недавно щедрость королевы Викторіи была испытана превосходнымъ попугаемъ, привезеннымъ изъ Бристоля по желѣзной дорогѣ. Хозяинъ Поля (все попугаи въ Англіи называются Полями), замѣтивъ въ этомъ чрезвычайно красивомъ попугаѣ особенную способность говорить, училъ его въ наѣреніи представить Ея Величеству. Наконецъ, довольный успѣхами своего воспитанника, онъ отправилъ его, въ дорогой клѣткѣ, во дворецъ. Его окружили дамы и фрейлины королевы. Поля, ослѣпленный столичнымъ блескомъ, казалось, совсѣмъ потерялъ свои способности и память. Наконецъ пришла сама королева, сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ; но Поля молчалъ, какъ рыба. Потерявъ всю надежду услышать какое-нибудь слово отъ попугая, королева отвернулась и хотѣла уйдти; вдругъ въ эту минуту, Поля произнесъ совершенно внятно и чистымъ англійскимъ нарѣчіемъ: *If you don't send twenty pounds, I'll go back:—Если вы не пошлете двадцати фунтовъ стерлинговъ, я возвращусь домой.* Это очень разсмѣшило королеву, она велѣла узнать имя хозяина попугая и выдать ему назначенную попугаемъ цѣну (около 150 руб. сер.) Поля до-сихъ-поръ одна изъ любимыхъ птицъ королевы изъ всего ея птичника.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНІЕ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Феноменъ, до-сихъ-поръ ни чѣмъ не объясненный, недавно повторился надъ Ніагарскимъ водопадомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ вода въ рѣкѣ понизилась въ своемъ ложѣ на три фута.

Ніагарскіе водопады, описываетъ очевидецъ, 30 марта подошли на простыя плотины мельницы. Никто не запомнитъ, чтобы вода когда нибудь была такъ низка, и сотни любопытныхъ прибѣжали посмотрѣть на это небывалое зрѣлище. Наканунѣ, въ одиннадцать часовъ вечера, на всѣхъ заводахъ машины, двигаемыя этими водами, еще дѣйствовали; но къ полуночи всѣ колеса остановились. Вода катилась съ необычайною медленностію. Кажется, что во время урагановъ, когда въ большихъ озерахъ бываетъ

противное теченіе, величина водопадовъ уменьшается, но не въ такомъ размѣрѣ. Впрочемъ время года и состояніе атмосферы не позволяютъ въ настоящемъ случаѣ приписать этого явленія подобной причинѣ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПРОСИТЕЛЬ. Одинъ добрый отецъ, желая опредѣлить на службу своего сына, обратился, по этому случаю, съ просьбою къ французскому морскому министру, которому онъ оказалъ когда-то личныя услуги.

— Ваше превосходительство, я пришелъ къ вамъ съ просьбою помѣстить на какую-нибудь вакансію моего сына.

— Въ настоящую минуту у насъ только одна, не занятая должность: капитана корабля, отвѣчалъ министръ.

— Все равно! Ну а сколько жалованья?

— Шесть тысячъ франковъ.

— Я на это согласенъ.

— Да способенъ ли сынъ вашъ къ исполненію этой должности?

— О! сынъ мой ко всему способенъ: теперь онъ зубнымъ врачомъ въ городѣ Мо.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ ТУММАНА. — Жизнь и труды Туммана у насъ мало извѣстны, хотя этотъ ученый XVIII вѣка оказалъ значительныя услуги Исторіи, въ особенности нашей Русской, въ древнѣйшемъ ея періодѣ.

Іоаннъ Эрикъ Тумманъ родился 23 августа 1746 года, въ Торезундѣ, въ шведской провинціи Зюдерманландіи. Отецъ его былъ тамъ проповѣдникомъ, доходы имѣлъ очень незначительныя, а семейство его между тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалось; при средствахъ очень скудныхъ, ему не возможно было дать своимъ дѣтямъ даже и посредственное воспитаніе. Къ довершенію несчастія, смерть похитила его въ то самое время, когда старшему сыну, Іоанну Эрику, едва минуло 11 лѣтъ. Малолѣтній сирота долженъ былъ прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, какими обыкновенно пользуются въ такомъ случаѣ у Шведовъ: приходъ назначаетъ сиротамъ денежное пособіе, которое впрочемъ они должны сами выпрашивать въ каждомъ домѣ. Такой обычай принуждалъ молодого Туммана, часто въ жестокую зиму, ходить пѣшкомъ по нѣсколькимъ дней сряду, и искать пріюта и отдохновенія въ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинахъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, ему надо было ограничиваться обыкновеннымъ школьнымъ ученіемъ. Такія занятія, при его прилежаніи и отличныхъ способностяхъ, скоро

сдѣлались недостаточными. Время, свободное отъ Бушаръ и Грамматаки, которыми обременяли юности, онъ посвящалъ чтенію историческихъ сочиненій, хроникъ, сказокъ и рыцарскихъ повѣстей, и они тѣмъ болѣе воспитали Тунмана, тѣмъ сильнѣе распалили его воображеніе, возбуждали ужасъ и изумленіе. Говоря объ нихъ, Іоаннъ Эрикъ часто вспоминалъ о какомъ-то стихотворномъ «Историческомъ Зеркалѣ», котораго жалкіе стихи и тогда уже возбуждали въ немъ какое-то отвращеніе.

Въ это время къ матери Тунмана пріѣхалъ ея двоюродный братъ, бывшій тогда шведскимъ консуломъ въ Смирнѣ. Рассказы его о жителяхъ, нравахъ, обычаяхъ и естественныхъ произведеніяхъ Греціи и Малой Азіи, произвели сильное впечатлѣніе на живое воображеніе молодого племянника. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ просиживалъ долгіе зимніе вечера у ногъ дяди, и не терялъ ни одного слова изъ очаровательныхъ рассказовъ о странахъ отдаленныхъ, о которыхъ ему приходилось въ первый разъ слышать. Любознательность, страсть къ наукѣ и скромность юности обратили на него вниманіе дяди, и тотъ рѣшился взять Эрика въ Левантъ, своимъ повѣреннымъ, въ качествѣ секретаря. Сказавъ объ этомъ Тунману, онъ посоветовалъ ему заняться прилежно Арабскимъ языкомъ. Іоаннъ Эрикъ ревностно принялся изучать Арабскій языкъ; но предположенія не осуществились: консулъ изъ Смирны переведенъ былъ въ Кадиксъ, а молодому Тунману осталась одна только выгода—знаніемъ новаго языка болѣе приспособить себя для историческихъ изысканій.

Вскорѣ послѣ того перешелъ онъ въ Стрэгнесскую гимназію. Тамъ оказалъ онъ значительные успѣхи въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, особенно же въ Исторіи. Кромѣ обыкновенныхъ учителей, съ нимъ постоянно занимался самъ директоръ гимназіи Баркманнъ; этотъ добрый человекъ, съ помощію Стрэгнесской консисторіи, помогъ юношѣ поступить въ Упсальскій университетъ, гдѣ Тунманъ занимался очень успѣшно, а въ свободное время отъ занятій—давалъ за незначительную плату уроки, и получаемымъ деньгамъ посылалъ къ матери на содержаніе семейства. Проводя большую часть времени въ Упсальской библиотекѣ, онъ дѣлательно изучалъ Богословіе и произведенія греческихъ писателей; но, не владея вполнѣ греческимъ языкомъ, онъ долженъ былъ съ помощію лексикона переводить съ греческаго языка на латинскій. Такимъ образомъ переведены имъ были творенія Эврипида. Съ такимъ же неутомимымъ

прилежаніемъ онъ принался и за новѣйшіе языки, и трудяи своимъ достигъ вперѣ того совершенства; съ которыми вполнотѣмъ говорилъ и писалъ по французски; между его бумагами найдены александрийскія, историческіе рескрипты итальянскихъ и англійскихъ писателей, съ извлеченіями образцовыхъ мѣстъ изъ ихъ произведеній, и съ переводомъ ихъ на шведскій языкъ. Въ это же время онъ трудился надъ *Готскою исторією Гуго Фрица*, которую хотѣлъ перевести и исправить.

Неизвѣстно когда и въ слѣдствіе какой причины Тунманъ перѣхалъ изъ Швеціи въ Германію. Тамъ въ одной Менленбургской деревнѣ онъ поселился у помѣщика домашнимъ учителемъ; свободное же отъ занятій время посвящалъ перечитыванію Данте, Петрарки и другихъ писателей. Первое сочиненіе, доставившее Тунману извѣстность, было *О происхожденіи Биллунговъ* (de origine Billungorum), за которое онъ получилъ степень магистра въ Грейфсвальдѣ 1769 года. Онъ тогда уже имѣлъ намѣреніе посвятить себя академическому преподаванію и подружился съ профессоромъ Мѣллеромъ. Потомъ Іоаннъ Эрнстъ перешелъ въ Суковъ и принялъ тамъ на себя обязанность наблюдать за воспитаніемъ сына помѣщика Арнима; пребываніе свое въ этомъ прекрасномъ семействѣ, почиталъ онъ всегда самымъ счастливымъ временемъ въ своей жизни. Наконецъ, въ 1772 году ученый Зодлицъ пригласилъ Тунмана въ Галльскій университетъ, куда онъ и поступилъ на мѣсто Клотца профессора краснорѣчія и философіи.

Въ 1774 году, на 27-мъ году отъ рожденія, Іоаннъ Эрнстъ рѣшился выступить на смольское историческое поприще, и издалъ свои *Историческія изысканія о народахъ Восточной Европы, какъ то: Болгарахъ, Козарахъ, Венграхъ, Волохахъ, Албанцахъ и др.* Сверхъ того онъ написалъ: *Объ исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни Сирийскаго Царевича Амміоха Гиракса, и о смерти, О северномъ стихотворствѣ, Объ открытіи Америки Норманнами, Извѣстія о жизни Сегнера.*

Если такія, неизвѣстные періоды Исторіи восточной Европы теперь начинаютъ объясняться, то честь первыхъ открытій принадлежитъ трудолюбію и учености Тунмана. Преодолювая трудности, встречающіяся изыскателю почти на каждомъ шагѣ въ краевой области до-историческаго періода, очень легко и ошибиться, хотя очень не легко сознаться въ своей ошибкѣ. Но Тунманъ благородно сознался въ неудачѣ многихъ своихъ предположеній: вынесъ степень достовѣрности, но его мнѣнію, легко уничтожается чрезъ случайное открытіе какого либо признака, незамѣчательнаго прежде внимательнымъ наблюдателемъ. Потому-то,

справедливо замѣчаютъ біографы Тунмана, «онъ всегда былъ готовъ учиться отъ другихъ, и при новомъ открытіи, переимѣнить свое мнѣніе. Въ семъ преимуществѣ надъ собою не отказалъ онъ и тѣмъ, которые неслишкомъ великодушно научали его, и даже тѣмъ, которые съ нимъ несправедливо поступали. Онъ умѣлъ цѣнить самъ себя и чувствовалъ, что неблагородно и малодушно ученому человѣку не признавать ошибокъ въ своихъ сочиненіяхъ; онъ чувствовалъ, что человѣку, впадшему въ заблужденіе, остаются заслуги: ему не должно бояться обличенія.— Доказательства столь искренняго желанія научиться, свѣтъ узналъ бы отъ самаго Тунманна, если бы онъ жилъ долѣе.»

Незадолго до своей кончины Тунманъ печатно объявилъ, что онъ чистосердечно хочетъ показать тѣ случаи, въ которыхъ самъ заблуждался, а тѣ, въ которыхъ былъ справедливъ, подтвердить новыми доказательствами. «Я хочу,» писалъ Тунманъ, «показать и исправить въ немъ (т. е. въ обѣщанномъ сочиненіи) дѣйствительныя ошибки, въ моихъ изысканіяхъ: это считаю я долгомъ всякаго честнаго человѣка, потому что заблужденія могутъ принести большой вредъ.» Въ письмѣ къ г-ну Др. Гильденштедту, съ которымъ велъ частую переписку, онъ самъ признавался въ грубой ошибкѣ, что принималъ *Козаровъ* и *Сираковъ* за одинъ народъ.

Ведь ученый споръ съ Гильденштедтомъ, недовольнымъ его изысканіями, Тунманъ писалъ: «Я всегда буду цѣнить достоинства, гдѣ ихъ найду. Несправедливость другаго не должна меня доводить до несправедливости: для меня ничего не стоитъ простить ее автору. Могу слѣвать еще болѣе, именно, повторить то, что прежде сказалъ я въ моей книгѣ: написалъ ли я что либо грубое, того первый самъ не одобряю и прошу о прощеніи, если кто могъ оскорбиться и оскорбился, потому что я никогда не имѣлъ намѣренія обижать. Еще болѣе, моему обвинителю я могу предложить свою дружбу. Часто недостаетъ у меня возможности и случая быть полезнымъ и приятнымъ для друзей моихъ; но никогда къ тому не доставало у меня воли. И такъ моя дружба не заслуживаетъ презрѣнія. Сверхъ того г-нъ сочинитель и я имѣемъ одни общія занятія; я также какъ и онъ—провелъ долгія сѣверныя ночи надъ сѣвornoю исторіею. Но за чѣмъ говорить о самомъ себѣ? Если мои поступки не убѣждаютъ моего противника, то нельзя ожидать этого щ отъ словъ моихъ.»

Избѣгая баснословныхъ разсказовъ древности, Тунманъ начиналъ свои изслѣдованія вопросомъ: когда мы встрѣчаемъ въ исторіи признаки и слѣды, гдѣ находилось первое извѣст-

ное жилище народа? Потому, когда исторією и знаніемъ языка мы открываемъ, къ какому народу принадлежитъ отдѣльному племени, или изъ какихъ различныхъ племенъ составился, тогда опредѣляется его первобытное жилище и происхожденіе. Средствами къ изысканіямъ служили ему историческіе писатели и языки. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями въ языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, испанскомъ, не говоря уже о языкахъ латинскомъ, древне и новогреческомъ, извѣстныхъ ему критически въ магійскихъ красотахъ и мѣтѣзнахъ, онъ научилъ языки еврейскій, сирійскій и арабскій, на которомъ читалъ Коранъ, онъ зналъ также хорошо и мертвый сѣверный скандинавскій языкъ.

Заключенія Тунмана объ исторіи и нравахъ народовъ по ихъ языкамъ очень остроумны. Онъ утверждалъ, что народъ отъ того народа научился своимъ искусствамъ, чьею техническою терминологією пользуется; это распространили потомъ на потребности роскоши, также на первые основные предметы ея, съ которыми люди переходятъ изъ низкаго состоянія въ образованное; на искусственное приготовленіе грубыхъ съѣстныхъ припасовъ. Такое замѣчаніе подтверждается на самомъ дѣлѣ примѣрами; на англійскомъ языкѣ искусственно приготовляемое мясо животныхъ первоначально называлось по французски, хотя названія самыхъ животныхъ англійскія. Подобное замѣчаніе Тунманъ сдѣлалъ, говоря о Шведахъ и Финнахъ: «Ясный знакъ, что одинъ народъ былъ покоренъ и поработенъ другимъ, — пишетъ онъ, — когда въ языкѣ одного замѣствованы изъ другаго слова неблагородныя, принадлежащія къ низкимъ занятіямъ жизни и обращающіяся въ устахъ черни, низкія названія и все, что образованною частию націи считается за неприличное и постыдное. Примѣръ-тому мы видимъ въ языкахъ Шведовъ и Финновъ: Шведскій крестьянинъ кличетъ овцу словомъ *taska-taska*; свинью — *sick-sick*; кошку — *kifs-kifs*, и по Фински овца называется *taso*, свинья *aisa*, кошка *kissa* и т. д. *Poiska* и *Pilt* у Шведовъ суть брачныя названія мальчиковъ, а у Финновъ обыкновенныя ихъ названія. Однимъ словомъ: неблагородныя слова первыхъ замѣствованы отъ послѣднихъ; это означаетъ, что Финны поработены были Шведами.»

Объясняя древность юго-восточныхъ народовъ Европы, Тунманъ обратилъ вниманіе и на племя *Комаковъ*, которые до его времени скрывались отъ историческихъ изыскателей. Это открытіе сообщилъ онъ свѣту въ разсужденіи, удостоенномъ въ 1774 году лестной награды. Послѣднимъ ученымъ трудомъ

Иванна Эрика было изученіе древностей Крыма и его отнесеніе къ Византийской географіи. Эти изысканія свѣтъ съ исторіею Черкесовъ, начинала онъ для второй части Наслѣдованій исторіи восточныхъ Европейскихъ народовъ. Ранняя смерть прервала полезныя занятія Тунмана.

Его умъ, доброта сердца, готовность помогать аскему, приобрѣли ему множество друзей. Многотруднымъ или лучше сказать даже чрезмѣрнымъ занятіемъ совершенно изнуралъ Тунманъ. У него развились продолжительная чахотка; она похитила славнаго ученаго 17-го декабря 1778 года, на 33 году отъ рожденія. «Я съ содроганіемъ услышалъ о смерти нашего любезнаго и добродѣтельнаго Тунмана,» писалъ Сульцеръ, «хотя уже зналъ, что мало надежды оставалось на долголѣтіею его жизни. Нотолько Галльскій университетъ, но и ученый свѣтъ терять въ немъ превосходнаго человѣка.»

Историческія изслѣдованія Тунмана имѣли сильное вліяніе на ходъ исторической критики въ нашемъ отечествѣ. Зигель и Шлѣдеръ трудились по направленію, данному Тунманомъ. Каково жъ было это направленіе?

Не принимая на себя рѣшать столь важный вопросъ, выслушаемъ ученаго, сообщившаго лозог, славянское направленіе изслѣдованію древностей сѣверо-восточной Европы. «Въ кругу своихъ изысканій», — пишетъ авионный Юрій Ивановичъ Венелль — «Тунманъ встрѣтился съ изслѣдованіями Венгерцевъ, и сія-то встрѣча дала направленіе его изысканіямъ, параллельное венгерскимъ. Вообще способъ Тунманова изысканія нѣтъ не нравится; надлежало прежде короче ознакомиться съ ~~многими~~ *живыми* *жителями* восточной Европы, и потому преслѣдовать ихъ исторію *обратно въ древность до тѣхъ поръ,* пока можно было; тамъ надлежало остановиться и изыскать, откуда вѣданы эти народы, и куда дѣвались, какъ именованъ тѣ, которые поселились на томъ же прострѣствѣ по волею или ономъ сихъ послѣднихъ? Рѣшеніе сихъ вопросовъ повело бы его къ важнымъ и болѣе естественнымъ отысканіямъ, противуположнымъ тѣмъ, которыя онъ выводилъ. Онъ началъ съ древнѣйшихъ временъ, съ давно-изчезшихъ народовъ или изъ племени, о которыхъ не имѣлъ рѣшительнаго понятія, и переходилъ чрезъ новыя, безпрестанно появляющіяся племена, и которыми изъ себя лабиринтъ изъ виду прямую линію, ведущую на западъ и востокъ народы Востока, принужденъ былъ, для порожденія къ онымъ, допустить нестерпимое въ здравой исторіи предположеніе *перехода изъ народа въ народъ.* Впрочемъ онъ не забывалъ прежде всѣхъ на себя возпринять, и потому изысканій его

перваго опыта отнюдь нельзя было принять безусловно за рѣшеніе.— Сей-то опытъ принять былъ въ Германіи со всеобщими рукоплесканіями, в возбудилъ изыскательную дѣятельность и другихъ отличныхъ ученыхъ. Тогда-то Шлецеръ отважился въ походъ къ Сѣвернымъ народамъ; сценою его подвиговъ были сѣверная Германія, Скандинавія и Россія; перекричавъ всѣхъ громко и смѣло, онъ сдѣлался оракуломъ своихъ послѣдователей. — Впрочемъ Шлецеръ вышелъ на сѣверъ ученикомъ Тунмана, и состарѣлся ученикомъ же, то есть, подписавшись подъ главный догматъ Тунманова ученія, вѣрилъ Татаризму народовъ Восточной Европы. — Энгель, принявшись за исторію Венгрии и другихъ племенъ Восточной Европы, развилъ подробнѣе ученіе Тунмана, тоже съ различными прибавленіями, и способъ Тунмано-Энгелевскаго изысканія привлекъ къ себѣ множество послѣдователей. Зная характеръ молодого Тунмана, можно было надѣяться, что и онъ самъ оставилъ бы свои предположенія; онъ признавался, что готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній, если окажутся новые, сильнѣйшіе доводы; но къ несчастію, смерть похитила его весьма рано.»

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Гораций и Каролина, (Hogase et Caroline), комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ соч. г. г. Байара и Бьевилля.

Гораций—молодой человекъ хорошей фамилиі, получившій блестящее воспитаніе, совершенно разоряется послѣ неожиданной смерти отца своего и подозрѣваетъ, что банкиръ Дюранъ скрылъ капиталъ, порученный ему отцемъ Горация. Подозрѣнія эти совершенно несправедливы, потому-чтоотецъ его незадолго до смерти проигралъ все свое имѣніе въ лаваскнехтъ. Гораций, не зная объ этомъ происшествіи, распространяетъ вездѣ молву о безчестномъ поступкѣ банкира. Между тѣмъ Дюранъ тоже умираетъ. Дочь его Каролина, узнавъ о клеветѣ, позорящей память ея отца, старается всѣми силами объяснить это дѣло и ищетъ случая сблизиться съ Горациемъ. Для этого она выдаетъ себя за гризетку и вскорѣ дѣйствительно знакомится съ молодымъ человекомъ. Знакомство это несколько не помогаетъ ея видамъ, и единственнымъ послѣдствіемъ его было то, что молодые люди влюбляются другъ въ друга. Каролина узнаетъ, что въ скоромъ времени и остатки имѣнія Горация должны перейти въ руки ростовщиковъ, и посылаетъ ему отъ своего настоящаго имени нѣсколько банковыхъ билетовъ для уплаты долговъ, но молодой человекъ не хочетъ быть ничѣмъ обязаннымъ ненавистному для

ного семейству, возвращаетъ эти деньги и жертвуетъ своимъ послѣднимъ имуществомъ.

Молодая дѣвушка рѣшается тогда открыть Горацію свое настоящее имя, рассчитывая, что любовь къ дочери пересилитъ въ немъ ненависть къ памяти отца, но она ошибается: Горацій превозмогаетъ свою привязанность и хочетъ навсегда уѣхать въ Францію. Каролина, оскорбленная его холодностію, также прощается съ нимъ навсегда.

Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда Горацій случайно встрѣчаетъ перваго приказчика, служившаго у Дюрана. Тотъ объясняетъ ему все дѣло и показываетъ старыя счетныя книги. Естественно послѣ этого молодой человѣкъ спѣшитъ къ своей возлюбленной, умоляетъ ее о прощеніи, и пѣса оканчивается совершеннымъ примиреніемъ и свадьбой героевъ.

Комедія эта ведена искусно и имѣла полный и заслуженный успѣхъ.

— *Часъ въ Бретани* (une heure en Bretagne), комедія въ одномъ дѣйствіи соч. г. Ламбера.

Дѣйствіе происходитъ въ Ландернау. Морисъ влюбленъ въ Жанну-Марію, богатую дѣвушку, которая тоже любитъ Мориса, но отказываетъ ему въ рукѣ своей потому, что не можетъ принести ему въ даръ неукоризненнаго имени, не зная своего происхожденія. Морисъ въ отчаяніи и хочетъ застрѣлиться. Въ это время является мимоѣздомъ кавалеръ Носаре, экипажъ котораго сломался недалеко отъ Ландернау. Носаре, старый кутило, и едва только узналъ о горѣ Мориса, какъ вызывается ему помочь: онъ предлагаетъ молодому человѣку увезти насильно свою возлюбленную. Морисъ въ восторгѣ отъ этого предложенія, и они условливаются съ кавалеромъ о мѣрахъ, которыя должно принять. Объ этомъ замыслѣ узнаетъ одинъ приверженный слуга Жанны-Маріи, и, перерядившись женщиной, вводитъ въ обманъ заговорщиковъ, которые въ темнотѣ похищаютъ его вмѣсто Жанны-Маріи. Разумѣется обманъ не замедлитъ открыться, и дѣла принимаютъ трагическій оборотъ: Морисъ вѣтъ себя отъ бѣшенства; къ счастью вѣрнаго слуги кавалеръ

Цесарь узнаетъ въ Жаннѣ—Маріи свою дочь и отдаетъ Марію ея руку.—Піеса принята съ громкими рукоплесканіями.

Мачиха, (*La Mère*) драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, соч. г. Бальзака.

Это не первый опытъ въ драматическомъ родѣ знаменитаго романиста, но первый, увѣнчанный замѣчательнымъ успѣхомъ. Главная героиня драмы,—*Гертруда*, жена отставнаго генерала Наполеоновскихъ временъ, который, по отреченіи Императора, бросилъ оружіе и сдѣлался фабрикантомъ. Она влюблена страшно, но не въ мужа, а въ молодого Фердинанда, главнаго управляющаго его фабриками. Фердинандъ ее не любитъ: онъ преданъ всѣмъ сердцемъ милой Полигѣ, дочери генерала отъ перваго брака, и любимъ взаимно. Сомнительность земнаго дружества—главная основа драмы. Гертруда видитъ противъ Полины сильное оружіе: Фердинандъ сынъ одного изъ приверженцевъ новаго правительства,—препятствіе непреодолимое къ браку ея съ Полиною. Но случай помогаетъ и бѣдной дѣвушкѣ: въ ея руки попадаютъ письма Гертруды къ Фердинанду; она грозитъ показать ихъ отцу. Мачиха, въ отчаяніи, рѣшается на опасное средство: она, не страшась погубить Полину, даетъ ей усыпительныхъ капель и похищаетъ роковыя письма. Пришедъ въ себя, дѣвушка, въ ужасѣ, рѣшается отравиться, но такъ, что всѣ подозрѣнія въ ея убійствѣ падаютъ на Гертруду. Послѣдняя не находитъ оправданій, она готова уже просить пощады и открыть истину; но Полина, оживленная послѣднимъ усиліемъ, сознается въ самоубійствѣ и умираетъ у ногъ Фердинанда, который также не хочетъ пережить своей любезной и убивается.

Вотъ краткое содержаніе драмы; но ея занимательность, ея главное достоинство состоитъ въ подробностяхъ, которыми Бальзакъ всегда такъ искусно умѣетъ украсить свои творенія. Піеса имѣла огромный успѣхъ.

Семейство Торо (*La famille Toros*), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. Лоренца.

Дѣйствіе отыгрывается въ загородномъ увеселительномъ домѣ

Сынъ Паржа. Никто Максъ, разочарованный левъ, не совсѣмъ добросовѣстный игрокъ и мотъ, является съ двумя своими пріятелями искать новыхъ впечатлѣній въ чуждомъ для него обществѣ. Ему надобны лоретки и одна изъ нихъ—Цецилія совершенно опустошила его карманъ: теперь онъ хочетъ бросить платокъ какой-нибудь простосердечной и невинной дѣвушкѣ. Приходитъ старикъ Туро, честный ремесленникъ, котораго все удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы къ воскресенью съѣздить за городъ съ своими дѣтими Людвигомъ и Луизою, покушать котлетъ съ горошкомъ и выпить бутылочку дешеваго вина. Молодой Лювикъ въ большомъ волненіи: онъ только что спасъ жизнь одной дамѣ высшаго круга, которая называетъ себя графиней Троло; взбѣшенные лошади, мчавшія ея экипажъ, уступили сильной рукѣ молодаго работника. Въ мимой графинѣ Максъ узнаетъ свою возлюбленную—Цецилію, но семейство Туро, въ простосердечіи своемъ, вѣрять ея знатности и Лювикъ восхищенъ ея приглашеніемъ навѣщать ее. Между тѣмъ Максъ успѣваетъ обворожить бѣдную Луизу: она идетъ съ нимъ танцовать и не безъ удовольствія слушаетъ комплименты опытнаго волокиты. Цецилія, прельщенная сначала наружностью Лювика, узнаетъ въ немъ человѣка съ геніемъ, удивляется возвышенности его мыслей и благородству чувствъ—несомнѣннымъ признакамъ души сильной и необыкновенной. Она стыдится своего прежняго поведенія и тщательно скрываетъ его отъ молодаго Туро. Золото, блестящія предложенія, ласкательства—она отвергаетъ все и полагаетъ свое счастье въ привязанности Лювика. Самолюбіе Макса оскорблено: въ досадѣ, что ему предпочитаютъ простаго работника, онъ въ безымянномъ письмѣ къ старику Туро открываетъ истину прошедшей жизни лоретки: послѣдняя сознается во всемъ и осуждаетъ себя на вѣчную разлуку съ Людвигомъ, считая себя недостойною его чистой и благородной привязанности. Но Лювикъ, не зная настоящей причины ея отъѣзда, обвиняетъ во всемъ своего отца, проклинаетъ его, и наконецъ, пораженъ открытіемъ ужасной истины. Между тѣмъ Луиза сдѣлалась добычею Макса, но она уже надобна ему; онъ не знаетъ какъ отъ нея освободиться и ста-

рается всѣми средствами свергнуть ее въ бездну разврата. Цецилія рѣшается спасти ее и хотя этимъ доказать свою привязанность къ Людовику. Обманутый ея запискою, Максъ является въ домъ Тюро, думая найти тамъ Луизу, и встрѣчаетъ только ея отца и брата, которые, узнавъ все отъ Цециліи, оскорбляютъ обольстителя и вызываютъ его на дуэль, въ которой онъ погибаетъ. Драма была принята очень хорошо: многія сцены удостоились общаго, единодушнаго одобренія. Это первый опытъ г. Лоренца, общающій въ немъ замѣчательнаго драматурга.

=

ОТВѢТЪ НА АНТИКРИТИКУ.

Γνώμη δεχτηόν.

Въ мартовской книгѣ Сына Отечества нынѣшняго года напечатанъ отвѣтъ на критическую статью, помѣщенную въ XII книгѣ того же журнала за прошлый 1847 годъ о брошюрѣ г. доктора Кармы. Сочинитель этого отвѣта сильно нападаетъ на критику упомянутой брошюрки. Авторъ критики сначала позволяетъ себѣ увѣрить г. антикритика, что критика написана была безъ всякихъ неумѣстныхъ притязаній на ученость, и если, (по словамъ самаго антикритика), диссертация заключаетъ въ себѣ предметъ спорный, то почему же критику не имѣть права, подобно другимъ, судить объ этомъ спорномъ предметѣ, и высказать свое мнѣніе? Въ наукахъ не должно допускать монополіи; притомъ же и авторъ настоящей статьи имѣетъ честь увѣрить г. сочинителя антикритики, что критика брошюрки г. Кармы имѣла въ виду не диссертацию, которая должна быть защищаема въ присутствіи высокоуважаемаго всѣми ученаго сословія профессоровъ, для полученія степени доктора; но собственно обращалась противъ односторонняго мнѣнія о болѣзни одышкѣ, какъ объ ученомъ медицинскомъ предметѣ.

Теперь разберемъ, что дѣльнаго написалъ г. антикритикъ противъ нашей рецензій. На страницѣ 12-й, антикритикъ, желая

Древніе Греки и Римляне, не понимая сущности или натуры болѣеи части болѣзней, часто заимствовали названія оныхъ отъ какого-либо припадка, что самое перешло и къ намъ, какъ напр. названіе болѣзни *asthma*. Одышка или удушье суть названія, совсѣмъ несоотвѣтствующія свойству болѣзни, а показывающія только одни припадки; посему, я думаю, все равно, какъ бы ни называть эту болѣзнь: одышкою или удушьемъ. Если мы назовемъ *Asthma одушьемъ*, тогда какъ назвать по-русски *orthopnoea*? водяная болѣзнь, грудная или брюшная, аневризма сердца и большихъ сосудовъ и пр. причиняють въ высокой степени трудное дыханіе *orthopnoea*, и тогда простой русской народъ говорить, что больной страдаетъ удушьемъ. Следовательно названіе одышки или удушья зависитъ отъ произвола и, по моему мнѣнію, лучше въ этомъ случаѣ употреблять слово одышка; а на мѣсто *orthopnoea* употреблять слово удушье. Изъ новѣйшихъ европейскихъ врачей Пюрри и нѣкоторые другіе стараются ввести весьма умную поемклатуру въ медицину, изъ коей уже много словъ вошло въ употребленіе между врачами; не угодно ли будетъ нашему антикритику заняться у насъ въ Россіи подобнымъ трудомъ? Тогда онъ будетъ имѣть болѣе права въ опредѣленіи правильности названій болѣзней.

опровергнуть мое опредѣленіе нервныхъ болѣзней (neuroses), говоритъ, что геморой, мѣсячное очищеніе*, подагра и пр. возвращаются періодически. Антикритикъ, по-видимому, врачъ и кажется имѣть большую претензію на необыкновенную медицинскую ученость; между тѣмъ онъ не въ состояніи отличить нервныхъ болѣзней (neuroses) отъ гемороя и мѣсячнаго очищенія женщинъ. Впрочемъ г. антикритикъ худо знаетъ мое опредѣленіе нервныхъ болѣзней, гдѣ именно сказано, что «подъ именемъ *neuroses*, мы понимаемъ такіе нервные недуги, пароксизмы которыхъ является періодически, безъ всякой лихорадки, съ большими или меньшими промежутками; ходъ ихъ продолжителенъ, и пароксизмъ возвращается часто и постоянно, и всегда съ разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни.»

По этому опредѣленію каждый легко можетъ различить истерику и апохондрию—отъ гемороя и мѣсячнаго очищенія.

Почтенный антикритикъ, вмѣсто того, чтобы привести основательнѣйшее мнѣніе о нервныхъ болѣзняхъ, предлагаетъ посторонній вопросъ о перемежающейся лихорадкѣ, предметъ столь же важный, какъ и самая одышка, и о которомъ писали много, и даже болѣе чѣмъ объ одышкѣ; нельзя въ двухъ строкахъ опредѣлить сущность перемежающейся лихорадки. Дѣло въ томъ, существуетъ ли, при нервныхъ болѣзняхъ (neuroses), лихорадка или нѣтъ?—Вотъ настоящій вопросъ, который слѣдуетъ рѣшить. По всему видно, что антикритикъ соглашается съ моимъ мнѣніемъ, но старается отклониться отъ сущности вопроса, обращаясь къ совершенно постороннимъ предметамъ. Если дѣйствительно, какъ онъ утверждаетъ, больные иногда выздоравливаютъ или умираютъ послѣ одного пароксизма нервной болѣзни, то это обстоятельство ни мало не противорѣчитъ понятію о перемежающемся типѣ сихъ болѣзней.

Г. антикритикъ усиливается также опровергнуть, что пароксизмы нервныхъ болѣзней сопровождаются разстройствомъ какъ животной, такъ и органической жизни, утверждая, что онъ не понимаетъ этого. Вѣрю и удивляюсь этому незнанію. Спросите у любого простолюдина:—Скажи мнѣ, братецъ, выдалъ ли ты припадку паучей болѣзни, или истерику у какого-нибудь мужика или бабы? и если выдалъ, то какъ ты думаешь, во время такихъ припадковъ, больные чувствуютъ ли себя, т. е. разсуждаютъ ли, разговариваютъ, ѣдятъ, пьютъ, или не могутъ тогда этого дѣлать?—Конечно мужикъ отвѣтитъ вамъ ясно, и даже объяснить довольно подробно существенные признаки пароксизма; а нашъ антикритикъ не въ силахъ понять такого простаго обстоятельства, и заключаетъ съ восклицаніемъ: «какъ можно такъ смѣло утверждать то, чего никогда не бываетъ!» Странно, что г. антикритикъ, послѣ подобныхъ, неосновательныхъ и превратныхъ толкованій, называя мое опредѣленіе скуднымъ и некр-

* Въ антикритикѣ мѣсячное очищеніе называется болѣзнію.

нать, не подерывъ насъ лучшимъ, которое бы доказало наше заблужденіе.

Въ слѣдъ за тѣмъ г. антикритикъ пишетъ: «Г. Карма такъ же, какъ и другіе врачн, описаніе сію болѣзнь, иногда не душногъ раздѣляетъ судорожное удушье на идиопатическое и принадочное, ибо оно есть единственное и не допускаетъ никакихъ раздѣленій,—изъ чего видно, что г. критикъ не только не внимавуль въ диссертацию г. Кармы, но даже и вообще не постигъ дѣйствительной сущности судорожнаго удушья.»—Здѣсь очевидно, что нашъ ученый антикритикъ прилагаетъ судорожное одышку за чисто идиопатическую, т. е. за одышку, безъ всякихъ органическихъ поврежденій; онъ пишетъ просто о судорожной одышкѣ, а изъясняетъ идиопатическую. Между тѣмъ онъ желаетъ скрыть подлинное мнѣніе г. Кармы, которое означено пятами въ моей критикѣ. Поэтому я прошу читателей обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Въ диссертаци г. Кармы, именно на стр. 7 и 12 и въ моей критикѣ на стр. 8 9 10 15 18. и 28 * сказано: «что одышка, каково бы родъ ея была, состоитъ въ судорожномъ спазмѣ бронхіальныхъ каналовъ.»—Изъ сей ближайшей причины одышки, произошло общее названіе: *судорожная одышка*, которую паталогн раздѣляютъ спеціально на идиопатическую и принадочную; слѣдовательно обѣ могутъ называться судорожною, такъ какъ каждая одышка есть (какъ выше сказано) послѣдствіе судорожнаго сжиганія бронхіальныхъ мускуловъ, безъ котораго она существовать не можетъ. Послѣ доказаннаго мною паталогическаго процесса образованія одышки, принятаго всеми паталогами, легко понять, кто изъ насъ двоекъ лучше внимуль въ диссертацию г. Кармы, и кто лучше постигъ дѣйствительную сущность судорожной одышки.

Далѣе ученый антикритикъ говоритъ: г. рецензентъ продолжаетъ селѣдовательно, по мнѣнію автора сей диссертаци, идиопатическая одышка есть чисто нервная болѣзнь, безъ всякихъ химическихъ измѣненій состава органовъ нашего тѣла; а измѣненія такого рода, находимыя въ трупахъ, суть только послѣдствія пароксизмовъ одышки, и не составляютъ существенной причины сей болѣзни.» И послѣ этихъ словъ торжественно и самоудѣленно заключаетъ: это ложно!—За сими онъ продолжаетъ: «Г. Карма не утверждаетъ положительно, что измѣненія, найденныя въ трупахъ, суть всегда послѣдствія пароксизмовъ удушья, но только предлагаетъ на рѣшеніе вопросъ, какъ очевидно изъ сего словъ на стр. 12 его диссертаци, гдѣ онъ именно говоритъ: *Res praeterea indagacionis eget, utrum alterationes haec quae caussa asthmatis, aut qua effectus ejus considerandae sint.*?»

* Это мы читаемъ у всѣхъ паталоговъ, которые писали объ одышкѣ послѣ знаменитаго Рейсейзена, открывшаго существованіе мышечныхъ волоконъ воздуховосныхъ каналовъ: всѣ они соглашались съ его мнѣніемъ.

Г. Антикритикъ, защищая г. Карму, усиливается опровергнуть мое мнѣніе, списавъ цѣлыя строчки г. Кармы, при чемъ хочетъ привести читателей въ сомнѣніе о добросовѣстности моей критики. Но тутъ онъ самъ путается.

Прошу почтенныхъ читателей раскрыть диссертацию г. Кармы, именно на 12 стр. въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился послѣ приведенныхъ словъ; они увидятъ тогда, что, поставивъ вопросительный знакъ, г. Карма продолжаетъ: «*Nam illae alterationes, quas plerumque in cadaveribus asthmaticorum invenimus, ut hyperhemia membranae mucosae bronchiorum, emphysema pulmonum, dilatatio et hypertrophia ventriculi cordis dextri, oedema pulmonum et hydrothorax etiam qua sequelae paroxysmorum asthmatis saepe redeuntium, considerari possunt.*»

Заслуживаетъ ли послѣ этого антикритика какого-нибудь вниманія ученой публики, когда самъ г. Карма исчисляетъ, полатами, болѣзненные органическія измѣненія, происходящія отъ пароксизмовъ одышки? Я не намѣренъ повторить здѣсь словъ моего противника: «это ложно» тѣмъ болѣе, что пришлось бы весьма часто употребить это выраженіе въ моей настоящей статьѣ.

Достойна вниманія 13-я стр. антикритики, касательно Гордіеваго узла. Антикритикъ говоритъ: «Краснорѣчивая тирада критика о Гордіевомъ узлѣ вовсе не к стати: ни одинъ образованный врачъ не согласится съ рецензентомъ въ томъ, чтобы ученіе «о нервныхъ болѣзняхъ, въ настоящее время, еще скрывалось во мракѣ неизвѣстности.»

Для лучшаго объясненія этого предмета, я приведу здѣсь слова моей критики, со второй ея страницы: «Г. Карма, не входя «въ дальнѣйшее изслѣдованіе и не приводя никакихъ объяснительныхъ доказательствъ, думаетъ, что вышеназваннымъ мнѣніемъ своимъ (т. е. что идиопатическая одышка есть чисто нервная «болѣзнь, безъ всякихъ физическихъ измѣненій состава органовъ нашего тѣла), онъ уже прекратилъ всѣ ученые медицинскіе споры, болѣе 2000 лѣтъ продолжающіеся, и разрѣшилъ «одну изъ труднѣйшихъ медицинскихъ задачъ такъ, какъ Александръ Македонскій разрѣкъ Гордіевъ узелъ. По моему мнѣнію, предметъ сей такъ важенъ, что кажется, съ разрѣшеніемъ этой «задачи, рѣшится участь всѣхъ безлихорадочныхъ нервныхъ болѣзней, извѣстныхъ подъ именемъ *neuroses*, то есть, *hysteria, chorea, hystericalis* и проч., конхъ натура и мѣстоположеніе сокрыты донинѣ во мракѣ и служатъ поводами споровъ между ученѣйшими мужами.»

Читатели увидятъ изъ сличенія, что слова критики нѣсколько измѣнены антикритикомъ; въ критикѣ сказано только о на-

* На стр. 16 диссертациі г. Кармы, гдѣ описанъ исходъ болѣзни, читатели увидятъ еще, что одышка причиняетъ разныя подобныя органическія болѣзни.

турѣ и мѣстоположеніи нервныхъ болѣзней т. е. только о двухъ предметахъ, а антикритикъ толкуетъ о цѣломъ ученіи нервныхъ болѣзней, въ составъ коего входятъ, сверхъ упомянутыхъ, еще диагностика, предсказаніе, леченіе, анатомія и проч.

Антикритикъ, желая опровергнуть мое мнѣніе, что натура и мѣстоположеніе нервныхъ болѣзней скрываются донынѣ во мракѣ, и служатъ поводами споровъ между ученѣйшими мужами, приводитъ авторитетъ: маршала Галла, Мюллера, Чарлса Белла, Фолькмана, Биддера, Келликера и наконецъ профессора Ромберга, и изъясняетъ, что «знаменитые сіи врачи доказали физиологическое отправление и устройство спиннаго мозга, нервныхъ «волоконъ, и самостоятельность симпатическаго нерва, и наконецъ Ромбергъ доказалъ, что паталогія и диагностика нервныхъ болѣзней можетъ быть доведена до высокой степени совершенства.»

Но этимъ вовсе не рѣшается вопросъ относительно сущности одышки, и г. антикритикъ, не успѣвъ открыть дѣльныхъ недостатковъ въ моей рецензій, старается расхвалить тощую брошюрку г. Кармы. А между тѣмъ вопросъ: существуетъ ли идиопатическая одышка или нѣтъ?—остается по прежнему нерѣшеннымъ. Г. антикритикъ вовсе не убѣдилъ въ томъ, что знаніе натуры и мѣстоположенія нервныхъ болѣзней скрывается еще во мракѣ неизвѣстности; онъ старался только высказать свою начитанность, составивъ списокъ именъ многихъ авторовъ. Знаніе физиологическаго отправления и анатомическаго строенія нервной системы, нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, отличается отъ знанія мѣстоположенія и натуры нервныхъ болѣзней; патогенія ихъ, по мнѣнію даже упомянутыхъ антикритикомъ врачей и всѣхъ вообще, писавшихъ о семъ предметѣ, находится еще въ младенествѣ, и всѣ признаются, что сей родъ болѣзней самый трудный и еще хорошо не узнавъ—это доказываютъ опыты и наблюденія; въ этомъ сознаются всѣ врачи, какъ то и доказано въ критикѣ. Самые слова профессора Ромберга, которыя приводитъ г. антикритикъ «что паталогія и диагностика «сихъ болѣзней можетъ быть доведена до высокой степени совершенства,» скорѣе всего оправдываютъ и подтверждаютъ мое мнѣніе; ибо слова «можетъ быть» показываютъ сомнѣніе, предположеніе, возможность, а не утвержденіе, то есть: что мы, до сего времени, не достигли еще совершеннаго знанія паталогіи нервныхъ болѣзней, но можетъ быть достигнемъ со временемъ.

Г. антикритикъ предлагаетъ мнѣ читать авторовъ, которыхъ онъ составилъ именной списокъ. Благодарю его за совѣтъ, въ которомъ я вовсе не нуждаюсь. И я бы могъ въ свою очередь составить для него каталогъ превосходныхъ сочиненій, которыя ему, быть-можетъ, неизвѣстны; но все это не пособитъ ему доказать, что густой мракъ, объемлющій, по мнѣнію моему, теорію

рiю нервныхъ болѣзней, давно уже разсѣявъ учеными трудами знаменитыхъ авторовъ.

Авторъ антикритики, отъ 14 до 18 стр. упрекаетъ меня въ томъ, что я много позаимствовалъ у Лесевра, и поставилъ на видъ нѣкоторыя ошибки, заключающіяся въ опечаткахъ. Но слѣдовало ли упоминать объ этомъ, когда я, самъ приводя цитаты, и неоднократно списывая цѣликомъ существенныя части ученыхъ споровъ между Лесевромъ и Бо, и доводы противъ мнѣнiй другихъ врачей, самъ прямо указывалъ на Лесевра? Какъ же узнать мнѣнiя врачей, существовавшихъ въ теченiе тысячелѣтiй, не читая авторовъ? Привелъ же я Лесевра въ своихъ цитатахъ и описалъ его ученые споры съ другими врачами потому, что Лесевръ, принимая идиопатическую одышку, дѣлаетъ краткiй обзоръ различныхъ мнѣнiй прежнихъ врачей; потомъ аккуратно описываетъ поучительные доводы и опроверженiя свои противъ мнѣнiя доктора Бо, доказывая существованiе идиопатической одышки, и тѣмъ дѣлаетъ свою книгу весьма занимательною; между тѣмъ, въ брошюркѣ г. Кармы нѣтъ никакихъ фактовъ и ученыхъ доводовъ, доказывающихъ существованiе идиопатической одышки; напротивъ того, даже собственныя его наблюденiя не поддерживаютъ кореннаго его мнѣнiя, а напротивъ указываютъ существованiе припадочной одышки. Здѣсь факты должны подтверждать теорiю; опровергая не только мнѣнiе г. Кармы, но и доказанное вѣрными наблюденiями, но и мнѣнiе самаго Лесевра, я по необходимости, долженъ былъ часто упоминать о послѣднемъ, и повторить его споры.

Г. антикритикъ показываетъ мнѣ ошибки, въ правописанiи латинскихъ и греческихъ словъ, ошибки впрочемъ происходящiя отъ опечатокъ. Притомъ, ошибки въ правописанiи, не измѣняющiя значенiя слова, не имѣютъ большой важности; но тамъ, гдѣ произношенiе перемѣняется, напр: гдѣ на мѣсто *θ* написана *δ*, тамъ важность большая; ибо тогда и мысль перемѣняется; но объ этомъ поговоримъ послѣ. Замѣтимъ, что въ медицинскихъ ученыхъ разсужденiяхъ, языкъ занимаетъ послѣднее мѣсто; здѣсь надобно говорить о дѣлѣ, а не пускаться въ риторикъ и орелограfiю: ученому доктору не слѣдовало бы обращать вниманiя на типографическiя погрѣшности.

Авторъ антикритики, на 17 страницѣ, упоминаетъ, что я пишу: «*Olympe d' Angers*», котораго называютъ такъ для отличiя отъ его парижскаго однофамильца. Смѣю увѣрить моего антикритика, что мнѣ очень извѣстно, что многiе Французы прибавляютъ къ своимъ собственнымъ именамъ названiя мѣста ихъ рожденiя, для различiя своихъ однофамильцевъ; знаю и то, что Angers есть французскiй городъ на Майнѣ въ Департаментѣ Maine-et-Loire, и что въ древности назывался Juliomagus, потомъ Andes и Andecavi, и что, во время древнихъ Римлянъ, былъ важный и многолюдный городъ. Знаю еще и то, что *Olympe* ро-

цены въ этомъ городѣ, нѣя коего онъ носить для различія отъ своего соименника, но не вижу причины, отчего не должно писать и выговаривать имя этого врача такъ, какъ происходило это имя сами Франгузы, его соотечественники? Какоея тутъ нѣтъ ничего особеннаго?

Впрочемъ я не въ претензіи на г. антикритика; онъ высказалъ свое мнѣніе, а я придерживаюсь своего, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство совсѣмъ постороннее въ ученюмъ медицинскомъ спорѣ, и выведено наружу только за немнѣніемъ другихъ дѣльныхъ возраженій.

Подъ конецъ статьи, антикритикъ слегка упоминаетъ о Ферриисѣ, Дюрри и Труссо, а о знаменитомъ Андрагѣ совсѣмъ умалчиваетъ. Онъ умалчиваетъ о ихъ фактахъ, наблюденіяхъ, поучительныхъ сужденіяхъ и положительныхъ мнѣніяхъ, касающихся идиопатической одышки.

Непростительную неточность должно замѣтить настр: 18, гдѣ онъ говоритъ, что всѣ врачи, которые приведены въ моей критикѣ, поддерживаютъ существованіе нервной, идиопатической одышки. На какой же именно страницѣ сказалъ я это?

Г. антикритикъ здѣсь упоминаетъ имена многихъ знаменитыхъ врачей: Петра и Юсефа Франка, Неймана, Шенлейна, Ромберга, Канштатта, Вундерлиха и Фукса, и говоритъ, будто бы они доказываютъ существованіе чисто нервной или судорожной одышки или удушья.

Здѣсь, къ удивленію, опять то же незнаніе, какъ выше на стр: 3 т. е. онъ полагаетъ, что судорожная одышка тождественна съ идиопатическою.

Мы уже сказали выше, что всякая одышка, какого бы рода она ни была, т. е. симптоматическая или идиопатическая, есть судорожная или нервная, происходящая отъ судорожнаго сжатія бронхіальныхъ каналовъ; посему видно, что нашъ антикритикъ, не повѣвъ дѣла, цитируетъ имена знаменитыхъ людей, которыхъ онъ худо рекомендуетъ предъ русскими врачами. Приведемъ для доказательства одинъ примѣръ изъ весьма многихъ: Петръ Франкъ, называя одышку нервною, говоритъ: «Quant à spous, nous ne regardons pas l'asthme, comme une maladie spéciale, et tout à fait distincte des autres difficultés de respirer; qui ne diffèrent que par le degré, dependent des mêmes causes, et cèdent au même mode de traitement.»

Нотонъ: «Nous divisons l'asthme, en 1°, celui qui dépend d'une altération locale, d'une réplétion de l'estomac, d'une flatulence du ventre, d'une paralysie des muscles thoraciques, d'une fracture de côtes, d'un anévrysme du cœur etc. d'un épanchement dans la poitrine; 2° celui qui tient à une affection générale, une apoplexie, une fièvre intermittente, une péripne-

«monie; affection générale sthénique ou asthénique, suivant que la «pneumonie, par exemple, sera sthénique ou asthénique.»

Далѣ онъ раздѣляетъ причины одышки по мѣсту, на такія, которыя существуютъ внѣ груди и такія, которыя находятся внутри грудной полости; сіи послѣднія, по его мнѣнію, бываютъ или внѣ легкихъ или въ самыхъ легкихъ, и всѣ онѣ суть вообще матеріальныя. Слѣдовательно одышка, происходящая отъ оныхъ, должна быть симптоматическая.

Надобно замѣтить, что списокъ именъ знаменитыхъ врачей, безъ означенія фактовъ ихъ, наблюденій и другихъ доказательствъ ровно ничего не значитъ; если же антикритикъ не хотѣлъ брать на себя такого труда, то по-крайней-мѣрѣ, онъ бы долженъ былъ сдѣлать вѣрное указаніе сочиненій и ссылки на страницы, которыя опровергаютъ мое мнѣніе, чтобы я и всякой другой могли въ томъ убѣдиться.

На той же страницѣ, 18, авторъ антикритики говоритъ: Теперь разсмотримъ вопросы, которые г. критикъ важно предлагаетъ автору диссертации: «аккуратно ли дѣлались трупо-«вскрытія г. Кармою или другими врачами?— Отвѣчаемъ на это «смыло: вѣроятно аккуратноѣе, нежели написана разсматриваемая «нами критика. Изслѣдовали ли они микроскопомъ всю массу «мозга и всѣ грудные нервы, равно и нервы восьмой пары? *... «Что же касается до микроскопическаго изслѣдованія всей нерв-«ной массы мозга головного, спиннаго и груднаго сплетенія, «то всякъ, кто хоть разъ видѣлъ микроскопъ и знаетъ, что имъ «могутъ быть разсматриваемы только точчайшія органическія «части малѣйшаго объема, легко пойметъ, что для такого ис-«полненнаго труда потребны бы были не 2 или 3 часа, кото-«рые можно посвятить на самое точнѣйшее трупоразытіе, а нѣ-«сколько вѣковъ!!! Знаменитѣйшіе историки, прославившіеся сво-«ими микроскопическими наблюденіями, никогда еще не рѣша-«лись на бесполезный трудъ изслѣдовать всю массу мозга, а за-«ключали объ устройствѣ его массы по нѣкоторымъ малѣйшимъ «частицамъ, изъ разныхъ частей его взятымъ.»

Антикритикъ не говоритъ здѣсь: за чѣмъ заданы были сіи вопросы? Вѣроятно для того, чтобы затмить истинную мысль критики; но для лучшаго объясненія всего этого параграфа, надобно упомянуть причины, которыя побудили критика сдѣлать, какъ тѣ два вопроса, такъ и другіе весьма важныя по сей части, совсѣмъ пропущенныя антикритикомъ.

При идиопатической одышкѣ, по мнѣнію г. Кармы, не должно

* Jean Pierre Franc. Traité de Médecine-pratique. traduit du Latin. 1842. à Paris tom. 2. pag. 514—515—517.

** Здѣсь нервы восьмой пары названы по старинному опредѣленію; по новѣйшему, эта пара составляетъ двѣ пары головныхъ нервовъ: девятую или нервы языкоглоточные (nervus glosso-pharyngeus), и десятую пару собственно нерва скитающагося или легочно-желудочнаго (nervus vagus, velnervus pneumo-Gastricus).

никогда и ни въ какой части тѣла существовать органическаго измѣненія. Но органическое паталогическое измѣненіе нервовъ двюгда укрывается отъ наблюдательнаго глаза паталога, при жизни и часто послѣ смерти, при трупосѣченіяхъ; такихъ примѣровъ я много привелъ въ своей критикѣ, какъ собственно своихъ, такъ и заимствованныхъ отъ знаменитыхъ европейскихъ врачей. У умершихъ отъ этой одышки, или другой нервной болѣзни, въ слѣдствіе скрытія внутрь органическихъ болѣзней, при трупосѣченіяхъ, также ничего не находятъ; но по здравому разуму этого нельзя допустить, ибо органическія болѣзни, скрывшіяся внутри тѣла, должны производить органическія измѣненія, какъ я доказалъ въ своей критикѣ вѣрными фактами. Вотъ почему заданы были мною означенные выше и многіе другіе вопросы, и приведены соотвѣтственные факты—на цѣлыхъ четырехъ страницахъ, именно: 24, 25, 26 и 27.

Теперь приступимъ къ разбору упомянутаго параграфа. На первой вопросъ мой антикритикъ отвѣчаетъ, самонадѣянно: «аккуратнѣе, нежели написана разсматриваемая имъ критика! Если сей отвѣтъ взять отдѣльно, какъ посторонній отъ вышеназванной мною мысли, то онъ имѣетъ нѣкоторую основательность, потому что г. докторъ Карма, описывая идиопатическую одышку, долженъ былъ привести наблюденія, которыя бы могли доказать и оправдать положительную идею его объ идиопатической одышки; но наблюденія сіи, не показывая природы описанной имъ болѣзни, поддерживаютъ противоположное мнѣніе т. е. что не можетъ существовать одышка идиопатическая, но припадочная.

Г. Карма, при вскрытіяхъ труповъ, находилъ у всѣхъ органическое измѣненіе (Диссерт: стр. 12 и 13) и тѣ больные, которые, при леченіи его, выздоровѣли, страдали также органическими болѣзнями (смотри. наблюд. диссерт);—а такъ какъ заданные вопросы клонятся къ тому, чтобы изяснить вышесказанную мою мысль, то отвѣтъ антикритика весьма страненъ въ семь случаевъ, потому-что, при многихъ вскрытіяхъ труповъ, умершихъ особенно отъ нервныхъ болѣзней, всѣ почти врачи признаются, что они часто не находили паталогическихъ измѣненій; примѣромъ чему служатъ: водобоязнь, нѣкоторые виды помѣшательства ума, и многія другія.

Сдѣлавъ утвердительный отвѣтъ, г. антикритикъ, вѣскольکو ниже упомянутыхъ вопросовъ, продолжаетъ: «что кто хоть разъ видѣлъ микроскопъ и знаетъ, что имъ могутъ быть разсматриваемы только тончайшія органическія части малѣйшаго объема, легко пойметъ, что для такого исполнскаго труда потребны были бы не 2 или 3 часа, которые можно посвятить на самое точнѣйшее трупораззятіе, а нѣскольکو вѣковъ!!! Знаменитѣйшіе истологи, прославившіеся своими микроскопическими наблюденіями, никогда еще не рѣшались на бесполезный трудъ изслѣдовать всю массу мозга, а заключали объ устрой-

«ствъ его массы, по нѣкоторымъ малѣйшимъ частицамъ, изъ разныхъ частей его взятымъ.»

Здѣсь вопросъ идетъ о микроскопическомъ изслѣдованіи патологическихъ измѣненій нервной системы, а г. антикритикъ толкуетъ объ истологѣ. Тамъ онъ утверждаетъ, что вскрытіе труповъ, умершихъ отъ судорожной одышки или удушья, произведено г. Кармою аккуратно, а здѣсь говорятъ, что для сего надобно не два или три часа, а нѣсколько вѣковъ. Право нельзя понять подобныя противорѣчія; и кто изъ современныхъ медиковъ, обладающихъ хорошими медицинскими свѣдѣніями, согласится съ моимъ антикритикомъ: что изслѣдовать всю массу мозга есть бесполезный трудъ, когда не только весь ученый міръ, но всякій встрѣчный знаетъ, что мозгъ есть сѣдалище ума, отличающаго члѣовѣка отъ животнаго. Мозгъ есть субъективная и объективная причина: почему наша медицина не достигла еще до совершенства; онъ есть самый важный и благороднѣйшій органъ вашего тѣла в первый возбуждающій элементъ жизни; и можно ли сказать, что изслѣдованіе мозга есть бесполезный трудъ? Какимъ образомъ, еще въ членахъ животнаго царства, какъ онъ пишетъ, изъ малѣйшей части можно заключить о цѣломъ органическомъ существѣ, изъ частнаго о цѣломъ строеніи, когда знаемъ, что въ головномъ мозгѣ разные его части имѣютъ особенный цвѣтъ, особенную плотность, строеніе и даже различное управленіе и пр? Этотъ параграфъ достаточно обнаруживаетъ большія свѣдѣнія и безпристрастіе моего антикритика!

На страницѣ 19-й, г. антикритикъ упрекаетъ меня въ невниманіи трудовъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ, поименованныхъ имъ, немецкихъ и французскихъ истологовъ, замѣчая иронически о чести, которую я сдѣлалъ г. Дидимову, русскому врачу.

На это имѣю честь доложить, что я, какъ Русскій, уважая ученыхъ иностранныхъ врачей, еще болѣе уважаю моихъ не менѣе ученыхъ соотечественниковъ, и что мнѣ пріятно сослаться на труды моего ученаго русскаго соотечественника, заслуживающіе полное уваженіе.

Я полагаю, что статья г. Дидимова заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія каждаго образованнаго врача, что нашъ русскій профессоръ Дубовицкій, извѣстный своими медицинскими литературными трудами ученому міру, помѣстилъ превосходный трудъ ученаго русскаго врача, въ академическихъ запискахъ, издаваемыхъ подъ его редакціею. Неужели г. антикритикъ думаетъ, что наши русскіе профессора не могутъ написать ученой статьи не хуже иностранныхъ истологовъ? Мы, Русскіе, съ патристическою гордостію, ссылаемся на труды ученаго соотечественника, тѣмъ болѣе, что статья г. Дидимова обратила на себя особенное вниманіе и одобреніе. Жаль, что нашъ антикритикъ чуждъ русскимъ трудовъ. Такое невниманіе къ трудамъ русскимъ ученымъ унизительно въ насъ во всемъ соревнованіи и достоинствѣ

увещанія національную гордость, за неимѣніемъ которой: мы робко болтуемъ духомъ предъ иностранцами, и лишаемся той самостоятельности, которая составляетъ доблесть всякаго ученаго. Чѣмъ же наконецъ могутъ похвалиться наши литературные герои, предпочитающіе иностранное отечественному? Одинъ составилъ диссертацию весьма скудную, а другой написалъ въ защиту его антикритику столь же слабую, какъ и самая диссертация, исполненную въ добавокъ неосновательными сужденіями, односторонними доказательствами и отступленіями отъ предмета!

Г. антикритикъ на 19 стр. упоминаетъ поверхностно о стр. 26 и 27, гдѣ описаны весьма удовлетворительныя наблюденія французскаго профессора Деверже, служащія къ совершенному опроверженію идиопатической одышки и выведенныя изъ нихъ заключенія, называя ихъ, безъ всякаго сужденія, странными:

Потомъ объявляетъ, что не можетъ повѣрить будто бы водяная болѣзнь и извы часто исчезаютъ предъ смертію, произнося: «что тутъ только можетъ исчезнуть полнота жизненная и «поблѣднѣть яркость цвѣта.» Спрашивается: развѣ отежъ у больныхъ, страдающихъ водяною болѣзнію, называется жизненною полнотою? Развѣ бываетъ яркость въ опухоляхъ эдематознаго свойства въ водяной болѣзни безъ лихорадки? Эти замѣчанія обнаруживаютъ въ г. антикритикѣ совершенное незнаніе фактовъ, — незнаніе, зависящее единственно отъ недостатка практическаго опыта, а безъ него можно ли судить и спорить о медицинскѣхъ вопросахъ?

Послѣ этого, ученый нашъ антикритикъ приступаетъ къ опроверженію критическаго моего разбора о брошюркѣ г. Кармы, въ частности. Онъ останавливается на этимологіи слова *αδμηχίω*

На 28 стр. критики сказано:

«Разсматривая диссертацию г. доктора Кармы, еще замѣтилъ я, что на 4 страницѣ онъ производитъ слово *Asthma* отъ греческаго слова *αδμηχίω*. Но въ греческомъ языкѣ слово *αδμηχίω* значитъ: здравствую, *sanus sum, valeo* и *αδμηχ* значитъ рѣшеніе *decretum*. Я полагаю, что *carissimus meus collega* хотѣлъ «произвести слово *αδμηχ* (*asthma*, одышка), отъ глагола *αδμηχίω*, что значитъ *anhelo* (задыхаюсь) дабы показать ученость свою даже и въ этимологіи греческихъ словъ; но онъ явно ошибается; ибо *αδμηχίω* значитъ болѣзненное состояніе челоуѣка а *αδμηχίω* здоровое. Одно пишется чрезъ *θ*, а другое чрезъ *Δ*, двѣ буквы совершенно различныя между собою; по-моему, лучше не браться за то, чего не разумѣемъ».

На 19 страницѣ той же книги Сына Отечества антикритикъ говоритъ слѣдующее:

«Теперь мы приступаемъ къ выходкѣ, которая столько же сносозываетъ несправедливость г. критика, какъ и сомнительность сего знаніе греческаго языка. На страницѣ 26, онъ говоритъ,

«что г. Карна производитъ слово Asthma отъ *ἀδμῆναι*, это ложно; въ диссертациі напечатано: *ἀδμῆναι* (anbelare), вмѣсто *ἀσθμῆναι*, явная опечатка.

«Далѣ онъ говоритъ, что г. Карна ошибается, думая, буда то *ἀσθμῆναι* значить * трудно дышать, ибо слово это выражаетъ болѣзненное состояніе чловѣка! Неужели критикъ полагаетъ, что въ публикѣ не найдется ни одного эллиниста? Да развѣ *ἀσθμῆναι* можетъ быть существительнымъ?.. А слово *ἀδμῆναι*, которое критику кажется «здоровымъ состояніемъ» въ греческомъ языкѣ не существуетъ. Послѣ этого г. рецензенту не угодно ли будетъ обратиться къ самому себѣ «столь вѣжливо произнесенныя имъ въ отношеніи къ г. Карнѣ слова: лучше не браться за то, чего мы не разумѣемъ?»

Слѣдовательно, критикъ говоритъ, что г. Карна производитъ слово *ἀσθμῆναι* отъ греческаго слова *ἀδμῆναι*.

Антикритикъ утверждаетъ, что это ложно, въ диссертациі напечатано *ἀδμῆναι*.

Надобно однакожъ спросить нашего остроумнаго эллиниста въ чемъ состоитъ эта ложь? Неужели въ томъ, что критикъ употребляетъ настоящее время изъявительнаго наклоненія глагола, а г. Карна и его защитникъ—неопредѣленное наклоненіе того же самаго глагола? Далѣ антикритикъ говоритъ: да развѣ *ἀσθμῆναι* можетъ быть существительнымъ? слѣдовательно, если, не существительное, то онъ полагаетъ, что оно есть прилагательное, Можетъ быть, но я повторялъ и повторяю, что слова, *ἀσθμῆναι* и *ἀδμῆναι* суть чисто средніе глаголы *verba neutra*, а не существительныя, ни даже прилагательныя имена. За чѣмъ то, чего нѣтъ? Періодъ у меня раздѣляется точками, запятыми и прочими знаками препинанія; не надобно смѣшивать смысла, а должно поглядѣть хорошенько вправо и влѣво, и потомъ уже дѣлать заключеніе.

Тотъ, кто разумѣетъ значеніе глагола *ἀσθμῆναι* задыхаюсь, тотъ не можетъ никогда сказать г. Карнѣ, что онъ ошибается, если онъ переводилъ тотъ же глаголъ *ἀσθμῆναι* трудно дышу; но мое замѣчаніе относится къ глаголу, *ἀδμῆναι*, который означаетъ здоровое состояніе чловѣка, а это сказано именно относительно къ глаголу *ἀσθμῆναι*, который означаетъ болѣзненное состояніе его. Удивительно, что г. антикритикъ не только не знаетъ этого глагола *ἀδμῆναι*, но даже утверждаетъ что его вовсе нѣтъ въ греческомъ языкѣ; или, лучше сказать, его нѣтъ въ томъ греческо-нѣмецкомъ лексиконѣ, которымъ онъ

* Здесь изяснено ложно, ибо въ критикѣ написано такъ: но онъ явно ошибается, ибо *ἀσθμῆναι* значить болѣзненное состояніе чловѣка, а *ἀδμῆναι* здоровое. Прибавленная слова антикритикомъ толкуютъ прератно мысль критика.

руководствовался. Вотъ это дѣло иное.... а чтобы удостовѣриться въ невпростительной опрометчивости г. антикритика, стоить только взять въ руки любой полный словарь, пожалуй тотъ, который мы знаемъ подъ заглавіемъ *dictionary quatuor linguarum*, изданный въ 1786 году въ Венеціи. Этими лексикономъ, въ случаѣ надобности, мы можемъ услужить всякому. Теперь я имѣю право повторить сказанное въ моей рецензіи: «лучше не братья за то, чего не разумѣемъ.»

Напрасно г. антикритикъ на стр. 20 стремится увѣрить читателей, что опредѣленіе болѣзни, составленное г. Кармою, правильно. Въ критикѣ доказано, достовѣрными фактами и цитатами, противное; въ немъ не достаетъ описанія тѣхъ существенныхъ припадковъ болѣзни, о которыхъ упоминають лучшіе и опытѣйшіе врачи.

Что же касается до перемежки въ одышкѣ, то антикритикъ говоритъ: «совершенная перемежка также не можетъ имѣть мѣста «при опредѣленіи удушья, ибо продолжительное удушье напослѣдокъ уже не допускаетъ подобныхъ перемежекъ по причинамъ очевиднымъ и довольно ясно изложеннымъ въ диссертациі г. Кармы (см: стр: 16)»

Г. Карма не упоминаетъ объ этой перемежкѣ въ своемъ опредѣленіи, какъ о характерическомъ признакѣ одышки (см: въ критикѣ стр: 28 и 29), и на 16-й страницѣ своей диссертациі, исчисляя разныя органическія болѣзни, происходящія отъ оной, упоминаетъ мимоходомъ: «что оныя (т. е. болѣзни) продолжаются во время перемежки одышки.»

Здѣсь антикритикъ не хочетъ принимать перемежающій типъ одышки, однако, для подтвержденія своего мнѣнія, ссылается на ту самую 16-ю страницу, которая совершенно противорѣчитъ его мнѣнію.

Теперь впрочемъ рѣчь идетъ о томъ, почему выпущенъ въ опредѣленіи г. Кармы перемежающій типъ одышки, а не о чемъ другомъ. Надобно его рѣшить какъ требуетъ наука: неужели перемежающій типъ не составляетъ, по мнѣнію антикритика и г. Кармы, отличительнаго характерическаго признака нервныхъ болѣзней? Притомъ, дѣло идетъ не о перемежкѣ припадковъ послѣдняго періода одышки, но вообще о перемежающемъ типѣ оной; условія болѣзни одышки совсѣмъ измѣняются въ послѣднемъ своемъ періодѣ; тогда реакція всѣхъ жизненныхъ силъ цѣлаго организма, каждой системы, и cadaго органа въ особенности, увеличивается и усиливается преодолѣть силу болѣзни; тогда страдаетъ весь организмъ равномерно, а не одинъ какой-либо органъ. Слѣдовательно, отношеніе мѣстной болѣзни совсѣмъ измѣняется; но и въ семъ послѣднемъ случаѣ можно замѣтить явную перемежку, хотя и не продолжительную.

Защитникъ г. Кармы говоритъ: «критикъ замѣчаетъ, что болѣзней, въ промежуткахъ пароксизмовъ, чувствуетъ себя соверщен-

«о: задорнымъ в даже кушеть и пить, какъ обыкновенно, а все таки уснывается доказать, что удумы не есть чисто нервная болѣзнь. Удивительная логика!

На второй страницѣ моей критики, я весьма ясно выразилъ, что одышка, по классификаціи, принадлежитъ къ нервнымъ болѣзнямъ; а на стр: 8 и 28, что и самая припадочная одышка есть нервного свойства потому, что ближайшая причина ея состоитъ, какъ сказано неоднократно, въ судорожномъ сжатіи бронхіальныхъ мускуловъ. Это служитъ доказательствомъ, что онъ или не поглялъ моей рецензіи, или читалъ ее безъ всякаго вниманія, полагая, что ему повѣрять на слово!

Въ описаніи промежуточности припадковъ удушья, я не вижу ничего противорѣчающаго и несообразнаго правиламъ логики, и твердо увѣренъ, что нервныя болѣзни очень часто могутъ быть рефлексомъ органическихъ измѣненій; но антикритикъ не хочетъ понять меня, и русскій ясный смыслъ толкуетъ по-своему.

Прошу теперь читателя обратить вниманіе на стр: 30 моей критики: тамъ, не отвергая существованія отека легкиихъ, я понимаю процессъ образованія его иначе; тѣмъ болѣе, что г. Карма, описывая наблюденія въ ученой диссертациі, явнымъ образомъ обнаружилъ свою невнимательность къ больнымъ, описывая измѣненія, найденныя имъ въ трупахъ; онъ не считалъ нужнымъ стетоскопически изслѣдовать грудь при жизни субъекта! Какимъ образомъ онъ могъ опредѣлить навѣрно, страдала ли его больная отекомъ легкиихъ прежде смерти или нѣтъ? и, притомъ, какимъ отекомъ, острымъ или хроническимъ? Можетъ-быть г. Карма въ стетоскопическомъ знаніи чувствовалъ себя слабымъ, и не хотѣлъ изобличиться въ этомъ недостаткѣ.

На 21 стр. своей антикритики онъ продолжаетъ: «на той же «30 стр. онъ (т. е. критикъ) говорить съ эмфиземою больные «долго жить не могутъ; о vanitas! Кто ему сію новость разска- «зывалъ? Большая часть паталоговъ противнаго мнѣнія. Напр: «Луи (Louis), вопреки этому, говоритъ: pag. 186, что эмфизема «можетъ существовать долго, даже съ малолѣтства до старости»— для чего онъ антикритикъ приводитъ много цитатовъ.

Я опять повторяю г. антикритику, что онъ невнимательно прочиталъ мою рецензію?

На стр. 17, у меня написано, что Луи и Левнекъ принимаютъ два вида эмфиземы: одинъ состоитъ въ расширеніи воздухоо-держащихъ пузырьковъ легкиихъ воздухомъ, а другой—въ накопленіи воздуха въ клетчатой плевѣ, между легочными пузырьками находящейся.

Первый видъ, по мнѣнію Рокитанскаго *. Бувьера, Гаварра, Мажанди, Педаньеля, Прера, Рекена и Рошу не заслуживаетъ названія эмфиземы, и принимается какъ болѣзнь, состоящая соб-

* Рокитанскій стр: 96 и 100, въ русскомъ переводѣ.

своими въ расширеніи воздухосодержащихъ пузырьковъ, а истинная эмфизема, по мнѣнію, есть послѣдній видъ. Первый можетъ дѣйствительно существовать долго, но второй, истинный видъ эмфиземы, развивается быстро и причиняетъ скорую смерть больному*.

Въ критикѣ говорено ясно объ истинной или настоящей эмфиземѣ, а не о расширеніи воздухосодержащихъ пузырьковъ; притомъ слова: «не долго жить» не опредѣляютъ еще съ точностію времени. Самъ Луи, на котораго ссылается г. антикритикъ, понимая односторонно, допускаетъ вмѣстѣ съ Ленекомъ, вопреки новѣйшимъ открытіямъ, сущность эмфиземы въ одномъ разтяженіи воздухоносныхъ пузырьковъ, и сознается въ скоротечности сей болѣзни. Въ 11-мъ томѣ Dictionnaire de médecine на стр. 265, онъ говоритъ: «что ходъ эмфиземы у нѣкоторыхъ «больныхъ можетъ быть очень быстръ,» въ доказательство чего описываетъ страданіе одной женщины, и анатомическое вскрытіе ея трупа; на 369 стр. того же тома, онъ же утверждаетъ: «что эмфизема у нѣкоторыхъ больныхъ очень продолжительна, у другихъ же имѣетъ очень быстрый ходъ.»

Сими доводами обнаруживается незнаніе нашего антикритика, который съ самодовольствіемъ восклицаетъ о vanitas!!! Что же мнѣ остается отвѣчать ему?

Г. сочинитель диссертациі объ одышкѣ и г. антикритикъ, оставаясь въ томъ мнѣніи, что сдѣланныя мною возраженія на диссертацию г. Кармы рѣшены самымъ блестящимъ образомъ, упоминаютъ объ одномъ обстоятельстве, не имѣющемъ никакой связи съ существомъ предмета, поставляя на видъ, будто бы я не могъ различить чихотку отъ воспаленія легкихъ, и описавши явленія, характеризующія легочную чихотку, назвалъ клокотаніе (gonghus cavernosus). грудной говоръ respirationequeim и т. д. называлъ болѣзнь воспаленіемъ легкихъ, направляя леченіе противъ оей послѣдней.

Случай, о которомъ говорятъ антикритикъ, извѣстенъ только г. Кармю, и заключается въ слѣдующемъ.

Владиміръ Семеновъ, о которомъ идетъ рѣчь, здѣшній мѣщанинъ, 59 лѣтъ, поступилъ 5 февраля 1847 года, въ мое пользованіе; по моему мнѣнію, болѣзнь его заключалась въ воспаленіи легкихъ: вотъ исторія болѣзни Семенова. Онъ былъ тѣлесно сложенія нѣжнаго, имѣлъ кашель, жаръ по всему тѣлу, раздражительный пульсъ, съ сухимъ языкомъ, покрытымъ чернотою; болѣзненное его состояніе продолжалось съ недѣлю.

6-го числа. При прислушиваніи груди близъ задняго края правой лопатки, дыханіе полное (respiration cavernosae), смѣшанное съ горловымъ или трубчатымъ дыханіемъ (respiration tubaige, souffle bronchique), кои походятъ на хрипѣніе съ клокотаніемъ (rale cavernoux, gargouillement); при этомъ примѣчается вѣчто

* Loco citato стр. 107. — Grisolle traite de pathologie interne t. j. pag. 784.

похожее грудному говору (*pectoriloquie*), который сопровождается бронхиальнымъ голосомъ (*bronchorrhonie*); вокругъ сего нѣтъ слышится трескучее мокротное хрипѣніе (*râle serratant humide*). Въ правомъ легкомъ дыханіе вообще слабое, и звучность стѣны правой половины грудной полости слаба.—Больной никогда не кашляетъ, но недѣлю тому назадъ съ кашлемъ показался жаръ по всему тѣлу его и трудное дыханіе; въ тѣлѣ изнуреніе.

Означенные припадки показываютъ сомнительность, которую можно принять или за чахотку или за воспаленіе легкихъ въ третьей степени (*pneumonia grisea*) или за нарывъ, въ слѣдствіе воспаленія. Точнѣйшее опредѣленіе можетъ объясниться успѣхами леченія и наблюденіемъ. Языкъ сухой и черный, жаръ тѣла умеренный, пульсъ напряженный хотя скорый, но правильный. Больной изпражнялся дважды.

Какъ медикъ сего больного, я написалъ слѣдующее:

Rp. Muriatis ammonii drach. unam.

D-г v. althacae

—»—» senegae aa unc: tres

Syropi althacae unc: semis

MDS. принимать каждый часъ по столовой ложкѣ.

Rp Sulphur: aurati antimonii gr: unum

Sachari albi gr. decem mf pulv:

Dent: tales dos. № octo D. S.

Слабая порція.

Трижды въ день по порошокъ.

Близъ задняго края правой лопатки поставлено восемь кровососныхъ банокъ.

7 числа. Кашель меньше, безъ всякаго почти выхаркиванія. Хрипѣніе съ клокотаніемъ и грудной говоръ очень уменьшились; пульсъ полный и правильный; языкъ влажный; на низъ было дважды.

Тѣ же самыя лекарства, и поставлена мушка между лопатками болѣе къ правой сторонѣ.

8-го числа. Кашля почти нѣтъ, пульсъ скорый и правильный.—

Сомнѣніе большое въ свойствѣ болѣзни чахотки.

9 и 10 тоже; продолжались тѣже средства. 2-я порція.

11 Больной выздоравливаетъ.

12 Запоръ на низъ.—Клистеръ.

13 Больного слабило три раза; пульсъ у него раздражительный. Кашля нѣтъ. Грудной говоръ и клокотаніе, бывшіе близъ задняго края правой лопатки, уже не слышны. Выхаркиванія

никакого мѣтъ. Лихорадка очень незначительна, только къ вечеру.

Продолжать лекарства и поддерживать нагноение послѣ мушки.

14, 15, 16, 17, 18 тоже.

Въ этомъ случаѣ, т. е. въ сей болѣзни, трубчатое дыханіе смѣшано съ клокотаніемъ, а бронхиальный голосъ (bronchorphonie) съ груднымъ говоромъ.

Лекарства тѣже.

19 Пульсъ полный и скорый, но правильный. Вдыханіе свободное; сонъ хорошій, кашля давно нѣтъ; языкъ чистый; отсутствіе лихорадки и большой вообще чувствуетъ себя хорошо.

Продолженіе тѣхъ же лекарствъ.

20, 21, 22, порція 1-я—Никакихъ особенныхъ перемѣнъ.

Изъ исторіи болѣзни видно, что больной страдалъ не чахоткою, но воспаленіемъ легкихъ въ третьей степени (pneumonia grisea).

23, 24 тоже продолжать.

25 Выздоровливаетъ.

Продолжать тѣ же лекарства и перевязывать мушку свинцовою мазью.

26, 27, 28. Никакой перемѣны.

1, 2, 3 марта тоже.

4. Тоже. Мушка зажила.

Оставлены всѣ лекарства.

5. Больной здоровъ.

Изъ этой исторіи болѣзни видно: 1, что стетоскопическіе признаки были здѣсь съ самаго начала весьма сомнительны; одна только мѣстность болѣзни заставляла меня думать въ пользу воспаления, потому что описанные мною признаки органической болѣзни легкихъ находились не въ томъ мѣстѣ, гдѣ преимущественно и чаще всего является чахотка, но въ другомъ. 2, что всѣ болѣзненные признаки, съ употребленіемъ противовоспалительнаго способа леченія, начали уменьшаться. 3, что, при опредѣленіи сей болѣзни легкихъ, независимо отъ мѣстныхъ признаковъ, въ соображеніе были приняты тѣлосложеніе больного, продолженіе его болѣзни и самый успѣхъ леченія, не говоря уже о стетоскопическихъ признакахъ, какъ необходимыхъ условіяхъ всякаго рациональнаго сужденія о грудныхъ болѣзняхъ.

Къ этому не лишнимъ считаю присовокупить, что діагностическое мое мнѣніе было подтверждено однимъ изъ моихъ то-

варницей г. Б., который, занимаясь специально грудными болезнями, заслуживает большого въ семь отношеніи довѣрія.

Владиміръ Семеновъ совершенно выздоровѣлъ, и до-сихъ-поръ пользуется вождѣльннмъ здоровьемъ.

На стр. 31 моей критики сказано: «Къ располагающимъ причинамъ, г. Карма причисляетъ нервный темпераментъ, но на «блюденія намъ доказываютъ, что дѣти и женщины бываютъ «наибольше нервного темперамента, между тѣмъ онѣ рѣже муж- «счинъ и взрослыхъ подвергаются одышкѣ.»—Не ль-достоинн будучи возражать противъ этихъ фактовъ, антикритикъ замѣча- «етъ мнѣ, что они замѣтованы также изъ Лесевра. Что же тутъ худаго? Развѣ мы не можемъ пользоваться мнѣніями ученыхъ людей? По моему мнѣнію, это самый вѣрный путь къ достиженію «возможнаго усовершенствованія въ медицинскихъ знаніяхъ, шутъ «никому изъ насъ не предосудительный; однако жъ г. антикри- «тикъ ставить себя выше многихъ извѣстныхъ паталоговъ и, для «опроверженія приведеннаго мною возраженія, говоритъ: «это ка- «жется можно объяснить съ одной стороны тѣмъ, что дѣти и «женщины вообще рѣже подвергаются причинамъ, производи- «ющимъ одышкѣ; а съ другой стороны тѣмъ, что дѣти и женщи- «ны, чаще страдая спазмами мышцъ животной жизни по извѣ- «ственному паталогическому закону, рѣже подвергаются спазмамъ «мышцъ растительной жизни.»—На это мы честь имѣемъ отвѣ- «чать, что эти слова кажется принадлежатъ къ проблематическимъ «сужденіямъ и, не выражая ничего положительнаго, оставляетъ «насъ въ томъ же сомнѣніи, какъ и самаго критика; что дѣти и «женщины живутъ тамъ же, гдѣ ихъ родители, братья и мужья, въ «томъ же самомъ климатѣ, въ той самой атмосферѣ, и что, по «свойству нѣжной ихъ организаціи, имѣютъ большую восприимчи- «вость къ эндемическимъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Что же касает- «ся до приведеннаго имъ фзіологическаго закона, то онъ также «не вѣренъ. Ибо г. антикритикъ упустилъ изъ виду, что дѣти и «женщины чаще взрослыхъ и мужчинъ страдаютъ судорожными «болѣзнями желудка и кишекъ, напр: gastralgia, enteralgia, ek- «lampsia и пр., въ которыхъ, какъ извѣстно, участвуютъ наиболѣе «нервы растительной жизни.

Послѣ сего, антикритикъ усиливается доказать, что въ одномъ и томъ же полонѣ органъ могутъ существовать, въ одно и то- «же время, суженіе и разширеніе, и приводитъ на то свои при- «мѣры: на пр. при суживаніи венезныхъ отверстій сердца; раз- «ширяются пазухи; при суживаніи sphincteris ani, разширяет-

* Для удовлетворенія любопытства читателя, мы даемъ здѣсь адресъ вѣ- «щанія Владимира Семенова: 3. Адм. Час. 3-го кв. по Спаскому переулку, въ «домѣ купца Коровина. Всякой кто пожелаетъ, можетъ его видѣть и увѣрить- «са во всемъ самолично.

да сжимая плещи; при суживаніи вѣтвей дыхательнаго горла, расширяются выше и ниже лежащіе воздухоносные каналы. Это не новость: каждый врачъ, занимающійся изслѣдованіемъ грудной, можетъ владѣть подобными случаями, но дѣло не въ томъ: антикритикъ забылъ, что рѣчь идетъ о судорожной одышкѣ, и что замѣчаніе мое относится собственно къ сей болѣзни, а не къ органическимъ болѣзнямъ; если дѣйствительно сущность оной состоитъ въ судорожномъ сжатіи вѣтвей дыхательнаго горла, въ чемъ соглашается и самъ г. Карма, тогда я въ полномъ правѣ отвергать возможность мѣстнаго суживанія дыхательныхъ каналовъ, потому—что они, находясь подъ вліяніемъ одного и того же нерва, должны сокращаться не мѣстами, но по всему направленію и своей длинѣ. Приведенные же г. антикритикомъ примѣры, будучи слѣдствіемъ органическихъ измѣненій, ни мало не соотвѣтствуютъ цѣли.

Антикритикъ увѣряетъ, будто бы сочинитель диссертациі упоминаетъ въ своемъ предисловіи о многихъ древнихъ врачахъ, весьма свѣдущихъ въ медицинской литературѣ; но я положительно въ томъ сомнѣваюсь, ибо г. Карма выписалъ бы тогда изъ нихъ что-нибудь дѣльное и поучительное, а не ограничился бы голословнымъ исчисленіемъ однихъ только именъ: Цельса, Стала, Соважа, Корвизаръ, Лемнека и другихъ, извѣстныхъ ему, какъ кажется только по преданію; отъ чего скудная диссертациа г. Кармы, кромѣ технического исчисленія принадлежковъ, хода болѣзни и наименованія нѣкоторыхъ лекарствъ, не содержитъ въ себѣ ничего занимательнаго.

Антикритикъ говоритъ, что будто бы я удивляюсь полезному дѣйствию рвотныхъ, въ нервныхъ болѣзняхъ. Совѣмъ не такъ: я не удивлялся и не удивляюсь полезному дѣйствию рвотнаго въ такихъ случаяхъ, и лучше его объяснилъ въ моей критикѣ, какъ дѣйствуетъ рвотное въ нервныхъ болѣзняхъ.

Далѣе г. антикритикъ говоритъ: «хотя критикъ опровергаетъ всѣ наблюденія г. Кармы, но даже изъ его собственнаго описанія ихъ, въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, читатели могутъ убѣдиться, что средства, употребленныя г. Кармою, были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ.»

Но я повторю ему опять, что онъ невнимательно и въ торопяхъ читалъ мою критику. Я и не думалъ входить въ сужденіе о леченіи больныхъ г. Кармы, и не имѣлъ никакой въ томъ надобности, когда особенно не было въ виду больныхъ его.

Въ заключеніе всего, я долженъ напомнить неизвѣстному г-ну антикритику, что я, при составленіи разбора, руководствовался одною любовію къ истинѣ, имѣя въ виду благоу цѣль науки и доказалъ неправильность мнѣнія г. Кармы фактами собственными наблюденіями и опытами многихъ знаменитыхъ врачей; а также вѣрны-

ми и неоспоримыми цитатами, которые остаются и теперь во всей своей силѣ, потому что г. антикритикъ не могъ ихъ опровергнуть логическимъ образомъ, и, вмѣсто ученыхъ доказательствъ, обратился къ неумѣстнымъ восклицаніямъ, введенію постороннихъ обстоятельствъ, и превратнымъ толкованіямъ моихъ мыслей и выраженій, такъ что, если отнять все эти прибавленія, то въ антикритикѣ останется—нуль!

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Посреди лѣта мало заботятся о новыхъ костюмахъ, потому что всѣ дамы лучшаго общества разѣхались по деревнямъ и дачамъ. Однако хорошій вкусъ вездѣ ихъ преслѣдуетъ. Главная мода состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть выбрать цвѣта для шляпки, платья и мантильи, которые гармонировали бы между собою. Мы видѣли очень изящный костюмъ для утренней прогулки. Платье изъ *муслинъ де-лэнъ* песочнаго цвѣта, вышитое на переди сутажемъ въ видѣ застежекъ. Талія высокая, гладкая, рукава узкіе. Маленькій, тамбурный воротничекъ, подъ который положена пунцовая, клѣтчатая лента, завязанная спереди бантомъ безъ концовъ, въ видѣ галстука. Манжеты на рукавахъ также тамбурной работы, какъ и воротничекъ. Перчатки шведскія. Шляпка соломенная съ зеленымъ подбоемъ и зелеными тѣневыми лентами. Пунцовый баржевый платокъ довершалъ изящество этого наряда. Для домашнихъ легкихъ платьевъ, дѣлаютъ косынки изъ одинаковой съ платьемъ матеріи. Мы видѣли бѣлое жаконетовое съ мелкими цвѣточками платье съ такою же косынкою à la Charlotte Corday, по краямъ которой были вырѣзаны круглыя фестоны, обшитые въ три ряда бѣлою, узкою тесьмою. Этотъ простой нарядъ обратилъ на себя вниманіе. О фасонахъ платьевъ нечего сказать новаго. Таліи остаются неизмѣнными, только рукава получили привилегію на четыре фасона. Ихъ дѣлаютъ: узкіе; довольно широкіе съ обшивкою внизу; широкіе съ отворотами, изъ-подъ которыхъ видѣнъ бѣлый рукавчикъ; и наконецъ греческіе. На платьяхъ тѣ же украшенія, фалбалы или складки. На баржевыхъ платьяхъ дѣлаютъ по дватцати складокъ и болѣе. Теперь въ большомъ ходу разнаго рода вышивки. Носятъ баржевые шарфы съ вышитымъ бортомъ. Кисейныя бѣлыя косынки съ округленными концами также украшаются превосходными вышивками.

Мы еще ни разу не говорили о костюмахъ амазонокъ, которыхъ теперь такъ часто встрѣчаешь въ петербургскихъ паркахъ. Мы замѣтили, что черный цвѣтъ для амазонскаго платья предпочитается другимъ. Талии гладкія, съ фалдочками или карачко, дѣлаются совсѣмъ подъ горло, а иногда вырѣзываются напередѣ угломъ и переплетаются шнурками, сверхъ бѣлой со складками шенизетки. Самый маленькій воротничекъ подвязывается галстухомъ. Шляпы носятъ съ короткими полями, чернаго или сѣраго цвѣта, которыя надѣваются очень низко на лобъ. Также носятъ соломенные фуражки и соломенные итальянскія шляпки съ довольно большими полями. Эти шляпки украшаются лентами. Наиздницы щеголяютъ своими превосходными хлыстиками, которыхъ рукоятъ часто обдѣлывается въ золото.

=

У НИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиницѣхъ дворъ по суконной линіи подѣ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

СЛОВА И РѢЧИ

СУНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

ФИЛАРЕТА

митрополита московскаго. Изданіе второе, дополненное, въ 2. томахъ, 1848. Ц. 5 руб. съ перес. 6 руб.

О СВИДАНИИ ЗА ГРОБОМЪ.

Составлено Иоанномъ, сочинителемъ духовно-врачебнаго ученія (вы увидите меня; ибо я живу, и вы жить будете. Св. Иоанна XIV, 19) 1848. Ц. 75 коп. съ перес. 1 руб.

ОДУШЕВЛЕННЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ,

въ судебно-медицинскомъ отношеніи, соч. медико-хирурга А. Пущкарева, 1848. Ц. 1 руб. 75 коп. съ перес. 2 руб.

О ЛЕЧЕНІИ ХОЛЕРЫ ХОЛОДНОЮ ВОДОЮ

по способу Ирвинга, Каспари, Вейса и друг. Е. Венценз. 1848 Ц. 10 к. съ перес. 35 коп.

БОЛѢЗНИ РАБОЧИХЪ.

Съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ, описанныя докторомъ медицины А. Никитинымъ. 1847 Ц. 1 руб. 50 коп.

ОСНОВАНІЕ ВЕТЕРИНАРНОЙ ФАРМАКОЛОГИИ,

(въ таблицахъ) или наука о лекарствахъ для пользованія домашнихъ животныхъ, переделанная съ нещѣкаго О. Пашкеви-

чемъ, придворнымъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича ветеринарнымъ медикомъ, состоящимъ въ долж. Адъюнктъ профессора Императорской медико хирургической Академіи, членомъ экономическаго, сельскаго хозяйства Южной Россіи и Общества практическихъ ветеринарныхъ врачей въ Санктпетербургѣ. 1848 Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес. 1 руб. 75 коп.

ШЕВАЛЬЕ Д'АРМАНТАЛЬ.

Романъ Александра Дюма, пер. съ франц. Н. М. въ 4. частяхъ 1848 Ц. 2 руб. 50 коп. съ перес. 3 руб.

ИСТОРИЯ БѢДНЫХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ.

Сочиненіе господина де-Бальзана, въ двухъ томахъ. Томъ 1-й *Кухня Лиза*; томъ второй *Кузень Понсъ*, или два Музыканта. 1847 Ц. 2 руб.

СУМСКІЙ,

Или нѣчто въ родѣ были соч. А. Плохова 1848 Ц. 1 руб.

ПОЛНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

А. Марлинскаго Изд. 4-е; 4 тома, заключающіе въ себѣ 12 частей 1847 Ц. 7 руб. вѣсов. за 8. фун.

ОПЫТНОЕ РУКОВОДСТВО

къ разведенію тутовыхъ деревьевъ и воспитанію шелковичныхъ червей соч. Гахтала де Розамо. Перевод. съ французской рукописи. 1848 Ц. 1 руб.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикуемыми и отъ другихъ книжпродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера военна-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Repertoire complet des lois du voisinage dans les villes et les campagnes. par Frerot. Un vol. 8. Paris. 1848. 1 r. 75 c.

Traité de la police municipale, ou de l'autorité des maires, de l'administration et du gouvernement en matières réglementaires, par Champagny. 3 vol. 8. Paris. 1847. 5 r. 30 c.

Etude pratique des tissus des laines convenables pour la Chine, le Japon, la Cochinchine et l'archipel Indien, par Rondot. Un vol. 8. Paris. 1847. 3 r. 50 c.

Traité des Essais par la voie sèche ou des propriétés, par Berthier. 2 vol. 8. Paris. 1848. avec planches. 8 r. 70 c.

Essai sur l'économie politique de l'Angleterre, considérée dans ses rapports avec ses richesses nationales, son agriculture, son industrie et son commerce. par T. W. Un vol. 8. 1847. 65 c.

Des glaciers et des climats ou des causes atmospheriques en géologie par Lecoq. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Des végétaux qui croissent sur l'homme et sur les animaux vivans, par Robin. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 20 c.

Dictionnaire de bromatologie végétale exotique, comprenant en

- outre de nombreux articles consacrés aux plantes indigènes dont on ignore ou néglige généralement les propriétés alimentaires, etc. par Mouchon. Un vol. 8. Paris. 1848 1 r. 75 c.
- Memoire sur la meunerie, la boulangerie et la conservation des grains et des farines*, contenant une description complete des procédés, machines et appareils appliquées jusqu'à nos jours et plus particulièrement dans les diverses usines de France, d'Angleterre, d'Irlande, de Belgique, de Hollande etc. par Rollet. Un vol. in 4. et 15 plans, plus un atlas de 62 pl. Grand in folio. Paris. 1847. 27 r.
- Histoire, analyse et effets du guano du Pérou*, par Mouniere. in 8. brochure. Paris. 1847. 50 c.
- Traité physiologique et philosophique de l'heredité naturelle dans les états de santé et de maladie du système nerveux*, etc, par Lucas. 2 vol 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.
- Etudes sur les maladies des femmes qu'on observe le plus fréquemment dans la pratique*, par Favrot. Un vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 75 c.
- Cours élémentaire de Chimie à l'usage des facultés*, etc. par Regnault. 2 fort vol. in 12. Paris. 1848. 4 r. 35 c.
- De l'origine et des limites de la correspondance entre l'algèbre et la géometrie*, par Cournot. Un vol. in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Dix ans à la cour du roi Louis-Philippe et souvenirs de l'Empire et de la Restauration*. par Appert. 3. vol. 8. Paris. 5 r. 50.
- Galerie des femmes célèbres depuis le premier siècle de l'ère chretienne jusqu'au 16-e siècle*, par Amory. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.
- Olivier Cromwell, sa vie privée, ses discours publics, sa correspondance particuliere, etc*, par Ph: Chasles. Un vol. 12. Paris. 1847. 1 r.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга восьмая.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРБАКОВА.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 31-го іюля 1848 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

Ценсоръ *И. Срезневскій.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жернковъ.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

- Полковникъ Палій и его участіе въ Полтавскомъ сраженіи. Соч. *А. Савельева-Ростиславска*. . . . . 1—20
Подвигъ фрегата Венера, у береговъ Сициліи, въ 1807 году. Соч. *В. Войта*. . . . . 21—56

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

- Внутреннія извѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Высочайшій рескриптъ, данный на имя главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютанта князя Воронцова. — О вступленіи Россійскихъ войскъ въ Молдавію и Валахію. — Циркуляръ Россійскимъ миссіямъ въ Германіи, Государственнаго Канцлера, графа Нессельрола. — Высочайшій Манифестъ. — Указы Правительствующему Сенату. — Указъ Господыню Военному Министру. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Германія. — Венгрія. — Богемія. — Давнія. — Италия. — Испанія. — Португалія. — Греція. — Египеть.) . . . . . 1—68

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Люблю тебя! Соч. *Ө. М.* . . . . . 1—2
Добро и зло. Романъ. Соч. *П. Фурманна*. Часть первая. 3—72

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- Землемѣръ. Романъ *Купера*. (Продолженіе). . . . . 1—40

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Свеклосахарное производство въ Россіи. *А. С-каго*. 1—32

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Опытъ о народномъ богатствѣ, или о началахъ политической экономіи. Соч. Бутѣвскаго. (Отвѣтъ на нѣкоторыя изъ критикъ).—Систематическое описаніе Помпеев. Соч. В. Классовскаго. (Окончаніе). — Письма о Магометанствѣ. — О свиданіи за гробомъ. Соч. Іоанна, сочинителя Духовно-врачебнаго ученія. — Сумскій, или нѣчто въ родѣ быль. Соч. Александры Плохово. — Исслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Соч. И. Срезневскаго. . . . . 1—64

VII. СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна. — Дѣтство Шекспира. (Разсказъ Тика). — Наполеонъ въ булонскомъ лагерѣ. (Изъ воспоманій Германца). — Манильа и ея жители. — Необыкновенно-легкая, но выѣстъ съ тѣмъ самая невыносимая работа. — Необыкновенное доказательство богатства русскаго языка. — Дешевая покувка. — Нѣсколько словъ о Шатобрианѣ. — Петербургскія моды. — Новыя русскія книги. — Новыя французскія книги. . . . . 1—80

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Всего 26 печ. листовъ.

Русская Исторія.

ПОАНОВИНИКЪ ПАМЯТИ И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ СРАЖЕНІИ.

Ужасно было положеніе Украины въ XVII-мъ столѣтїи, поработенной, униженной и разграбленной свирѣпыми врагами. Храмы были на откупѣ у жидовъ, духовенство поругаемо, гетманы гибли отъ рукъ варшавскихъ палачей; ни одинъ Малороссіанинъ не могъ поручиться за жизнь и собственность. Въ подвѣрнѣ XVII-го вѣка, герой Малороссіи, знаменитый гетманъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій (1647 г.) освободилъ свою родину отъ ига и сдѣлалъ ее съ Великою Россією *Вереклаускимъ договоромъ* 8-го января 1654 года. Вскорѣ освобождена Белоруссія; Вильно, столица великаго княжества литовскаго, пала предъ соединенными войсками царя Алексѣя Михайловича, провозглашеннаго скорѣе послѣ того послѣднимъ польскаго престола. Но 15-го августа 1657-го года, въ день Успенія Божіей Матери, Богдана Хмельницкаго не стало, а съ нимъ не стало мира и тишины въ Украинѣ.

Еще 6-го августа, благодарный народъ избралъ преемникомъ Богдану—юнаго сына его, Юрія Хмельницкаго. Гетманъ сперва было на это не соглашался; наконецъ упрошенный казаками, согласился, но придалъ Юрію совѣтниковъ: храбраго и вѣрнаго полтавскаго полковника Пушкаря и генеральнаго писаря Виговскаго; избирая ихъ, онъ сказалъ, что вручаетъ сына покровительству Божию и передаетъ знаменъ того, кто совершитъ юношу съ пути истины, передаетъ знаменъ и самого Юрія, если онъ пойдетъ путемъ строптивымъ и удалится отъ правоты, чести и христіанской добродѣтели. Предчувствіе Богдана сбылось. Не того, чѣмъ ознаменовалъ себя Юрій, ожидали казаки, избирая его на гетманство! Иванъ Виговскій, хитрый Полякъ, взятый въ плѣнъ въ началѣ Богданова гетманства, приобрѣлъ неограниченную довѣренность Богдана и, въ благодарности за благополучіе свое, похитилъ у сына его гетманскую булаву. Но проклятiе стараго Хмельницкаго разразилось надъ главами Виговскаго и Юрія. Достигнувъ гетманства, Виговскій былъ самопрозвольно разстрѣлянъ буйнымъ паномъ Маховскимъ въ 1664-мъ году. Другой измѣнникъ Тетеря, въ томъ же году, избранный королемъ въ гетманы, вскорѣ сложилъ съ себя это достоинство, надѣясь спокойно умереть въ Польшѣ, но долженъ былъ бѣжать въ Турцію и умереть въ Адрианополи, ибо сеймъ уже забылъ его заслуги и въ угонности Запорожцамъ, ненавидѣвшимъ гетмана, опредѣлилъ въ 1666-мъ году казнить его смертию. Тогда явился третій предатель, бывший слуга Богдана Хмельницкаго: Иванъ Брюховицкій, достигшій гетманства, обласканный царемъ и послѣ неименно погибшій въ 1668-мъ году, въ Опашнѣ, подъ ударами раздраженныхъ казаковъ. А преемникъ господинъ его, Юрій Богдановичъ Хмельницкій, два раза избранный казаками, два раза былъ лишень гетманскаго достоинства, отрѣзанъ отъ двора, въ октябрѣ мѣсяца 1663-го года, вступилъ въ монашество: лубенскій монашество, и послѣ расколы преемникъ, угонкаемый честолюбивымъ жезломъ возвратилъ гетманскую булаву, принялъ въ Стамбулѣ нагометанство, забывая страхъ Божій, заглушилъ голосъ совѣсти и чести, надъ турками

бунчуками принесли въ Малороссію, и въ Украину попали въ руки Полякамъ, которые лишили его зрѣнія, повесили за ребра на суку и зажали ему расплавленнымъ оловомъ горло. Юрій Хмьльницкій, заслужившій пролитіе отца, умеръ въ умиленномъ мученіихъ въ 1699-мъ году.

Андрусовскій договоръ, заключенный 3-го января 1667-го года, раздробилъ Малороссію, отдѣливъ отъ нея часть Польши, еще коворей въ свою очередь отдѣлена часть Порту. Кирода неведовалъ. Такимъ положеніемъ дѣль воспользовался властолюбивый Дорошенко, возведенный Юріемъ изъ чигиринскихъ казаковъ въ полковника; онъ жертвовалъ родной и честью для собственныхъ выгодъ, для пріобрѣтенія владычества надъ Україною; былъ любимъ Украинцами, какъ храбрый полководецъ, и возбудилъ противъ себя общую ненависть, когда сдѣлался вожатымъ турецкаго султана, и потому печально кончилъ остатокъ дней своихъ въ молдавской губерніи, волоколамскаго уззда, въ Ярополченской волости.

Не стало Хмьльницкаго, не стало Дорошенки и Сирки; Малороссія немощала, когда на сценѣ явились три главные дѣятеля, располагавшіе судьбою всей Украины, то были: полковникъ хвостовскій Палій, полковникъ винницкій Самусь и гетманъ Мазепа.

Семень Палій или Палъй, полковникъ хвостовскій, родился въ Борзнахъ (въ 156 верстахъ отъ Чернигова). Отецъ его былъ простымъ казакомъ. Онъ внушалъ юному сыну страхъ Божій и любовь къ родинѣ, поэтому за родину и честь Семень Палій не жалелъ ни крови, ни жизни. И вотъ, въ восемнадцать лѣтъ, обстрѣленный татарскими и польскими пулями, объездивъ изъ края въ край безграничныя степи Малороссіи, Палій сталъ въ душъ казакомъ.

Дорошенко, владея всею заднѣпровскою Україною (1670 г.), имѣлъ немного такихъ витязей-казаковъ, каковъ былъ Палій; за то онъ и любилъ его и чаще всѣхъ называлъ какъ даскавынъ словомъ и добычей, такъ и казацкой посылкой — передаваться съ неприятелемъ. Но Палію не да вразу было

Дорошенко; онъ оставилъ его и пошелъ искать удачи въ другомъ мѣстѣ.

Палій былъ тогда уже круглымъ сиротою: отца убили Поляки, мать умерла, и не стало у него ни роду, ни имени. Между тѣмъ онъ узналъ, что какая-то вольная казачья шайка кочуетъ по Днѣпру, между Кіевомъ и Трубежомъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, заходитъ за Бугъ и Десну, не признаетъ ничьей власти, воюетъ съ Поляками и Татарами, а иногда и съ самымъ гетманомъ правой и лѣвой стороны. Палій вздумалъ попытаться, счастію съ этими молодцами. Новые товарищи приняли его радушно и вскорѣ за казацкую отвагу и доброе товарищество (товарищество), выбрали въ старшины. Какъ удадой казакъ и истинный сынъ Украйны, онъ не могъ простить Полякамъ смерти отца, угнетенія Украйны, и теперь, любимый своими товарищами, онъ отицалъ имъ до-казацки. Весною, Палій обыкновенно созывалъ товарищей на раду; на ней они рѣшали, куда идти, на Татаръ или на Польшу, и потомъ неслись за добычею за Горынь, Случь и далѣе.

Хотя на широкихъ и пустыхъ степяхъ не было ни тропинки, ни слѣда, какъ на морѣ; но Палій и Самусь, какъ говоритъ малороссійская лѣтопись, съ своими ватагами, хорошо знали ихъ и ѣздили по нимъ, какъ по большимъ дорогамъ. Опасаясь преслѣдованія Татаръ, они по мѣсяцу на разводили огня, питались разъ въ день толокномъ и толчеными сухарями, не давали ржать конямъ, крылись по камышамъ и тростникамъ; чтобы уничтожить слѣдъ свой, съѣзжались и разъѣзжались; днемъ узнавали путь по грунту земли, по могиламъ, и по солнцу, ночью по звѣздамъ, вѣтру и ручьямъ (а отсталые по терновымъ вѣткамъ и кускамъ одежды), «и тако Татаръ высмотрѣвши, нечаянно нападали и малымъ людемъ великія ихъ купы разбивали.»—Лишь Палій выберется изъ степи, да завидитъ замокъ, соколомъ налетитъ на него съ своими молодцами, принудитъ къ сдачѣ, овладѣетъ добычей и пойдетъ далѣе потѣшаться надъ шляхтичами и жидами. Удача радовала удалцовъ, неудача не печалила. Не случилось поживиться добычей въ одномъ мѣстѣ, они несутся

въ другое; поспѣшилось—и забыто горе, и пошли у князковъ пиры да веселья. Палій орломъ леталъ на своемъ сѣрѣмъ концѣ впереди братьевъ-товарищей и не рѣдко изъ Польши устремлялся на Татаръ, а натѣшась тамъ вдоволь, съ отбитыми табунами коней и стадами овецъ возвращался въ свое становище.

«Семень Палій»—говорить Георгій Конискій—«женился въ Хвастовъ и былъ сперва полковникомъ охочекомоннымъ, потомъ произведенъ гетманомъ Мазепою въ полковника регистровыхъ козаковъ хвастовскихъ; но, сверхъ того, держалъ онъ при себѣ и охочекомонныхъ козаковъ на своемъ жалованьи или выдавая имъ часть изъ добычи, всегда воевалъ за всякаго, кто бы его ни пригласилъ. Такимъ образомъ воевалъ онъ вмѣстѣ съ королемъ польскимъ Собьскимъ, за цезари нѣмецкаго противъ Турковъ, воевалъ и за Турковъ противъ партіи Собьскаго. Между тѣмъ велъ безпрепятствныя войны со всеми Татарами за отгонъ ими плевниковъ изъ державъ христіанскихъ, которыхъ отбивалъ и возвращалъ въ прежнія жилища, и за то обсылаемъ былъ отъ государей и владѣтелей тѣхъ народовъ подарками и почестями. Да и отъ самыхъ Татаръ взымалъ нѣсколько разъ различныя контрибуціи; а паче когда взялъ было въ пѣнѣ самага хана Османъ-Гирей и нѣсколько ханскихъ казгивъ. Тутъ они не щадили и самыхъ остатковъ сокровищъ предка ихъ Чингисъ—Хана, ибо Батыевы сокровища, награбленныя въ Россіи, истощилъ уже у нихъ запорожскій кошевой Сѣрко, которому Палій во многомъ подобился. И онъ жилъ себѣ, какъ владѣтельный князь, въ полной славѣ и изобиліи, признавая, впрочемъ, верховнымъ начальникомъ надъ собою малороссійскаго гетмана и исполняя всѣ его предписанія, насающіяся до службы и устройства войсковаго.»

Полковникъ хвастовскій жилъ, какъ независимый удѣльный князь, владея землями до Днѣстра и Случи; былъ богатъ, шивъ свой станъ какъ у гетмана. Имя его славилось во всей Украинѣ. Народъ любилъ Палія, всегда побѣдителя надъ врагами, почему и говорили, что у него въ самопалѣ серебряныя пули, что саблю его ковали не люди, что и самъ

онъ чародій. Така жила полковникъ киевської и счастливъ своимъ возбудилъ зависть въ черной душі гетьмана.

Достигнувъ высшей степени могущества въ Украйні, Мазепа однакомъ сознавалъ, что не любовь народная вручила ему управление страню, которую онъ никогда не любилъ и которою хотѣлъ обладать только изъ одного честолюбія и корысти; онъ понималъ, что народъ видитъ въ немъ не защителя родной Украйны, а только усыновленнаго питомца лезуитовъ, * и потому въ каждомъ лицѣ, приобретаемъ любовь или уваженіе народа, видѣлъ своего заклятаго врага и соперника. Лезутчики рыскали по всей гетманщинѣ, за каждое легкомысленное слово противъ Мазепы можно было поплатитися свободою, и даже жизнью. Вырвавъ бумагу изъ рукъ доярчиваго старика Самойловича, онъ заглушилъ горло съ овзвяти, и съ того времени грабительства, насилуваніе женщины, побои, мучительства и убійства превзошли икру самыхъ ожесточенныхъ злодѣевъ: не даромъ въ 43 года Мазепа казался уже сѣдымъ, дряхлымъ старикомъ!

Слова Палія гремѣли по Малороссіи: Мазепа рыпался, но чѣ бы то ни стало, погубить хвастовскаго полковника.

Въ Польщѣ, въ это время, стали поговаривать, что казаки, подстрекаемые Турнами, начали возмущаться подлѣ предводительствомъ полковника хвастовскаго, но едни же польскіе историки свидѣтельствуютъ, что Украинцы, угнетаемые польскими панами и войсками, скаковали Яблоновскому, который напрасно доносилъ объ этихъ замундотребленіяхъ королю. Речь польскитая не хотѣла удовлетворить справедливымъ требованіямъ, и вспышки не прекращались, такъ что Яблоновскій долженъ былъ двинутися въ западную Украйну. Казаки отступили отъ Ставищъ къ Хвастову и тамъ заперлись; городъ взяли приступомъ; осажденные отступили въ замокъ и ночью скрылись, Яблоновскій хотѣлъ-

* Иванъ Степановичъ Мазепа, по дѣтствоу Феофана Прокоповича и Гордона, лучшю знавшихъ гетьмана, былъ Малороссіянинецъ; послѣдній и Шафонскій говорятъ, что онъ родился въ селѣ Мазепянцахъ, кievской губерніи, близъ ВѣлокЧеркви; а Вольтеръ, Локеркъ, Голікомъ, Сумбиовскій и Лешювъ утверждаютъ, что онъ былъ польскій шляхтичъ изъ Подолья.

было ихъ преслѣдовать; но вдругъ разяснилось случилось, что Турки опустошаютъ Волынь, Червоную Русь, грабятъ и разоряютъ имѣнія королевскія, равно какъ и принадлежащія самому Яблоновскому, что даже самъ король въ Злочовъ едва не попался въ плѣнь Туркамъ: Поляки рѣшились оставить Палія въ покоѣ и пошли къ границамъ республликъ. Обрадованный Палій похаживалъ на поклоненіе святымъ въ Кіевъ; на дорогѣ, его схватили Поляки и отправили на вѣчное заключеніе въ Магдебургъ. Никто такъ не обрадовался заточенію Палія, какъ Мазепа. Онъ подкупилъ казачку Палія, надѣясь черезъ нее доиснуться полковничьихъ киадовъ, но всѣ поиски были безуспѣшны и бѣдная казачка погибла отъ руки раздраженнаго гетмана.

Палій уже около года томился въ неволѣ у Ляховъ. Казаки, искренно любя своего «батька», нахватили множество знатныхъ Поляковъ и грозили закабалить ихъ въ Крымъ, если польское правительство не захочетъ обмылится съ ними на Палія. Но угроза не подѣйствовала на Поляковъ; они очень хорошо знали, что Мазепа ненавидитъ Палія и самъ, безъ великаго выкуна, постарается освободить плѣнныхъ. Изъ самомъ дѣль, по представленіямъ польскаго правительства, Мазепа просилъ объ нихъ Царя; Государь позволилъ, и плѣнники были освобождены; о бѣдномъ же хвастосномъ полковникѣ, — рвчи посполитой — не сказано было ни полуслова.

Однакожъ казаки не унывали: не удалось выручить «батька» честью, такъ можно добыть хитростью. Изъ Малороссіи вскорѣ пошелъ въ Германію купеческій обозъ съ пшеномъ, кожами, казацкою сбруею и шерстью. Въ фуртахъ, водъ шерстью залегли триста казаковъ. Торговцы, пробѣжая мимо Магдебурга, просили позволенія ночевать въ городѣ; ихъ выпустили. Воловики, по обыкновенію, откупили часть травы подъ городомъ и угнали туда скотъ пастись на ночь. А казаки ночью вымѣзли изъ фуртъ, подкрались тихо къ крепости, обезоружили и связали стражу, отыскали мѣсто, гдѣ содержался полковникъ, потому вывели его изъ темницы, въ придачу взяли еще четыре лѣтнихъ пумки съ оныхъ спаридами и

удалылись, оставя въ замѣтъ Палія ворожнія фуры съ тучелами, «якобы смяццызъ подь надредками.» Такъ прощла вся ночь и часть дня, пока городское начальство успѣло осмотрѣться и послать за ними погоню; но все старанія догнать ихъ остались тщетными. Впрочемъ, чтобъ не даромъ пропадало казацкое добро и желая вознаграждать себя за убытки, казаки, возвращаясь домой, разграбили и разорили имѣнія польскихъ пановъ, которые участвовали въ заключеніи Палія, и такимъ образомъ съ процентами вознаградили свои убытки.

Не успѣвъ хвастовскій полковникъ хорошенько отпировать возвращеніе свое на родину, какъ пришли въ Украину, безъ всякаго королевскаго приказанія, но съ согласія польскаго короннаго гетмана, полки гусаръ, подкрѣпляемые нѣмецкою и польскою пѣхотою и артиллерією, съ большою суммою денегъ и запасомъ универсаловъ къ народу противъ Палія. Получивъ извѣстіе объ ихъ приближеніи къ Хвастову, онъ далъ честное слово своимъ молодцамъ отмстить Ляхамъ по-казацки: «пусть не ходять они въ Украину, не разоряютъ народа безвиннаго и безъ того бѣднаго.» Часть казаковъ, подъ начальствомъ Палія, укрѣпилась въ Хвастовѣ, а другая заняла сады и рощи хвастовскіе. Поляки подступили къ городу; Палій далъ сигналъ—казаки бросились на нихъ съ фронта и фланговъ, разстроили, смяли и обратили ихъ въ бѣгство; множество плѣнныхъ, обозъ и вся артиллерія доставилась побѣдителю. Однакожь Поляки еще не хотѣли оставить Палія въ покоѣ: они собрали отрядъ, подкрѣпили его «волонтирами изъ знатной шляхты и своихъ паньчей» и, вѣривъ начальство надъ нимъ одному Венгерцу, полковнику Рустичу, отправили въ Украину. Палій же, слыша объ ихъ приготовленіи, уговорилъ соединиться съ нимъ заднѣпровскихъ полковниковъ Абазу и Искру, безъ вѣдома наказнаго гетмана Самуса.—Самунъ Иваненко, извѣстный въ просторѣчій подъ именемъ Самуса, былъ избранъ польскимъ королемъ, по смерти Могилы, въ достоинство гетмана западной Украины; онъ былъ вѣрнымъ слугою не столько Польшѣ, сколько своей родной Малороссіи и за то пользо-

удался поднять, убежищемъ Палия. Жидъ въ городѣ Винницѣ (подольской губерніи), полковникъ винницкій, съ своимъ Запорожцами, наводилъ страхъ на Татаръ и, разбивъ ихъ подъ Аккерманомъ и Килиєю, разорилъ ихъ жилища, угналъ скотъ и взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ, которыхъ и препроводилъ въ Венгрію, Польшу и Россію, за что Мазепа и называлъ его своимъ наказнымъ или полевымъ гетманомъ. Не смотря на эти отношенія Самуса къ Мазепѣ, Абаза съ Искрою усилили своими казаками отрядъ Палиевъ, который послѣ того смѣло двинулся къ Бердичеву противъ Рустича. На разсвѣтъ началась битва; Палий опять одержалъ побѣду; только небольшою непріятельскою отрядъ спасся въ замокъ Майжелевскій. Казаки обложили замокъ и нѣсколько дней держали его въ осадѣ; наконецъ, самъ Рустичъ, видя, что Полякамъ не устоять, и забываясь только о своей жизни, спустился съ каменной стѣны замка по веревкѣ и бѣжалъ, оставивъ отрядъ свой и обозы, на жертву раздраженнымъ казакамъ. Палий вошелъ въ замокъ, истребилъ всѣхъ непріятелей и овладѣлъ богатою добычею.

Послѣ этого Поляки помирились съ Палиемъ, и въ томъ же 1691-мъ году полкъ Хвостовскій получалъ въ награду отъ короля двѣ тысячи золотыхъ.

Обезопасивъ себя со стороны Польши, Палий принялся опять за Татаръ, которые три раза врывались въ его владѣнія, во время магдебургскаго плѣна: въ 1692-мъ году, онъ побывалъ подъ Очаковомъ и возвратился оттуда съ богатою добычей и татарскими стадами; въ 1693-мъ году, взявъ съ собою Лубенскій казачій полкъ и соединясь съ другими удалцами, разбилъ сильный татарскій отрядъ, подъ Кизикерменемъ (нынѣ Бериславъ, херсонской губерніи въ 71 верстѣ отъ Херсона), сжегъ предместье города и умертвилъ многихъ жителей; въ этомъ же году, онъ сражался двое сутокъ при урочищѣ Кодымъ (между рѣками Днѣстромъ и Бугемъ) у Васютова Яра, съ Татарами болгарскими и ногайскими, шедшими на Кіевъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, жестоко опустошилъ часть Бессарабіи.

Дѣйствуя съ успѣхомъ противъ Польскоу и Татару, Палій рѣшился вступить въ службу Государя московскаго. Онъ обратился съ просьбою объ этомъ къ Мазепѣ; обещая служить Его Царскому Величеству вѣрно и честно, и только просилъ позволенія жить съ товарищами въ городахъ помѣстныхъ Царю. Палій желалъ поступить въ подданство Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, съ прямымъ намереніемъ быть вѣрнопопдааннымъ Царя православнаго; оставаясь по-прежнему вѣрнымъ сыномъ своей родной Украйны; но Мазепа смотрѣлъ другими глазами на эту просьбу. Онъ предполагалъ, что Палій навѣрно знаетъ, кто подослалъ-было къ нему трехъ убійцъ изъ Татаръ, поплатившихся впрочемъ собственною жизнью: подозревая въ просьбѣ только скрытый обманъ, Мазепа согласился на ширные договоры, заключенные между Россією и Польшею, и запретилъ своимъ полковникамъ принимать Палийцевъ къ себѣ въ службу; въ то же время онъ извѣстилъ польскаго короля Августа II о желаніи хвастовскаго полковника вступить въ подданство Россійскаго Государя, прибавя къ тому, что Палій хочетъ всю западную Украйну сдѣлать владѣніемъ царскимъ, а въ Москву писалъ, что Палій, будучи за Дибяромъ, предпринимаетъ злой умыселъ и противъ Россіи, желая возмутить народъ по сию сторону Дибра. Польскій дворъ, опасавшійся хвастовскаго полковника, немедленно послалъ противъ него войско; а Мазепа подкупилъ жидовъ схватить Палія и доставить къ нему живаго. Однакожъ польское войско было разбито, подкупленные жидаы пойманы и повѣшены, а напавшіе въ то же время Татары едва спаслись бѣгствомъ. Неудача бѣсила Мазепу: гетманъ теперь уже началъ опасаться, чтобы Палій не вступилъ съ нимъ на чашу открытой вражды.

Между тѣмъ Палій, получивъ отказъ отъ двоядушнаго гетмана, добровольно пошелъ противъ грабителей. Желая наказати Крымцевъ, онъ въ 1694-мъ году, переправясь черезъ Дибиръ, соединился, въ запустѣломъ мѣстечкѣ Лисинѣ, съ полковниками охоточескими: Пашковскимъ и Кузнецкомъ, и мѣстечкѣ полковникомъ Мокіевскимъ, преславномъ Геровки. Казаки пошли степью, мимо Умани, къ мѣстечку Ва-

Синкъ и въ пять дней, не отдавая даже ночью, пришли къ рѣкѣ Бугу, отсюда съ такою же быстротою достигли они Очакова. На дорогѣ имъ встрѣтился татарскій отрядъ; казаки окружили его и принудили положить оружіе. Въ верстѣ отъ Очакова отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна часть, состоящая изъ 800 казаковъ, подъ начальствомъ Мокіевскаго и Кузменки, двинулась къ городу, а Палій и Пашиковскій остались съ такимъ же отрядомъ на мѣстѣ. Нивы запылали. Огонь показалъ Татарамъ, что опасность близка; тогда изъ города вышли человекъ пятьдесятъ. Мокіевскій и Кузменко, раздробивъ свои силы, стали отступать, заманивая Татаръ все ближе и ближе къ Палію. Видя изъ города, что казаки отступаютъ, очаковскій бей вывелъ въ поле еще четыреста человекъ пѣхоты, полтораста конныхъ и устремился съ ними на казаковъ. Татары за густымъ дымомъ не могли разглядѣть, что къ отступающимъ казакамъ спешитъ на помощь свѣжій отрядъ Палія. Палій, 3-го августа, напалъ на Турокъ, преслѣдовалъ ихъ до городскихъ воротъ, положилъ на мѣстѣ 200 человекъ и взялъ въ пѣвнѣ 90; сверхъ того угналъ съ собою 15,000 овецъ и 240 воловъ. Въ томъ же году Палій соединился съ чернировскимъ полковникомъ Яновомъ Лизогубомъ и другими, составилъ отрядъ въ 20,000 казаковъ съ 25-тью пушками и пошелъ на Татаръ буджакскихъ; разорилъ ихъ селенія и съ богатой добычей возвратился домой.

Палій былъ грозенъ Татаръ; одинъ слухъ о его приближеніи наводилъ на нихъ паническій страхъ, и они сѣвшили укрѣпиться въ стѣняхъ и горахъ, лишь бы не помянется на глаза казакамъ. Еще болѣе Татары стали его бояться съ тѣхъ поръ, какъ онъ врезался съ своими охотниками въ толпу Лычаръ, которые защищали одна изъ очаковскихъ воротъ, и на плечахъ ихъ прорвался въ крѣпость, да и въ самой крѣпости утертилъ нѣсколько шуръ. Турки засыпали эти ворота, прорубили новыя въ другой башнѣ, а засыпанныя назвали Паліевою могилей. Засыпанныя ворота недавно еще сохранили названіе Паліевой могилы.

Между тѣмъ гонимъ за православную вѣру въ западной

Украинцѣ и княжествѣ литовскомѣ не прекращались. Князь Радзивиллъ отдавалъ униѣтамъ православныя монастыри; не позволялъ хоронить покойниковъ по греко-россійскому обряду и волею или неволею принуждалъ православныхъ присоединяться къ римской церкви. Угнетенный народъ просилъ заступиться за нихъ «Царя христіанскаго восточнаго православнаго.» Государь писалъ и требовалъ удовлетворенія у короля; но король ничего не могъ сдѣлать противъ воли сейма и магнатовъ. Раздраженные Поляками казаки взволновались: подковникъ Самусь занялъ Богуславъ, Корсунь, Немировъ, Бердичевъ; Палій взялъ Бѣлую-Церковь въ 1702 году. Оба они умертвили польскихъ шляхтичей и жидовъ, жившихъ въ этихъ городахъ и окружныхъ мѣстечкахъ, и вооружили крестьянъ противъ Поляковъ. Палій укрѣпилъ Бѣлую-Церковь рвами и валами. Спустя нѣсколько времени и Немировъ съ другими городами охотно сдались Палію. Поляки высылали противъ него отрядъ за отрядомъ: иногда удавалось имъ захватить нѣсколько городовъ; но побѣротъ и уничтожить Палія было не легко: Бѣлая-Церковь и Немировъ были укрѣплены отлично, снабжены военнымъ запасомъ, войско было всегда въ готовности, и храбрый хвостовскій полковникъ за одно удачное пораженіе отплачивалъ Ляхамъ двумя или тремя побѣдами, которыя возвращали Палію отнятыя у него города, съ богатыми обозами польскихъ войскъ. Августъ II просилъ Царя принять участіе въ усмиреніи Паліевцевъ и возвращеніи отнятыхъ у Польши городовъ и крѣпостей. Свято сохраняя договоръ съ Польшею, Петръ Алексѣевичъ послалъ къ Палію грамоту отъ 25 февраля 1703 года. Изложивъ по донесеніямъ Михаила Бѣлозера, каноника виленскаго, резидента великаго княжества литовскаго, пребывавшаго при нашемъ дворѣ, и посла нашего при польскомъ дворѣ, какъ онъ Палій соединилъ съ Самусемъ и другими казаками, — вѣчали на сторону брата Нашего, Великаго Государя, Его Королевскаго Величества Польскаго нѣкоторые противные дѣла и городъ Бѣлую Церковь приступами взяли, и шляхту и жидовъ въ томъ городѣ и по мѣстечкамъ вырубали и до сего времени

тотъ огонь еще не укротился, отъ чего не только Корунныя Сенаторы, но и все Великое Княжество Литовское во всякомъ сомыслии пребываетъ и въ успокоеніи тою Нашъ, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, все Княжество Литовское просить, — Царь упоминаетъ о мирныхъ договорахъ Россіи съ Польшею, о взаимныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и наконецъ обращается къ Палію и Самусю: «Еслибъ и до сѣдѣніе какое со стороны Его Королевскаго Величества отъ коро было, и о томъ довелось было бить челомъ Его Королевскому Величеству, и тѣ бѣ вся противности успокоены быди добрымъ охраненіемъ и успокоеніемъ всенароднымъ. И мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, имѣя къ вамъ Нашу, Царскаго Величества, милость, повелѣли послать сію Нашу, Великаго Государя, грамоту, дабы могли вы имѣть общее согласіе съ конымъ же охотничкимъ полковникомъ съ Самусемъ Ивановымъ; и отъ началаго своего противнаго на сторону Королевскаго Величества намѣренія престаи бѣ, а имѣть воинскіе промыслы всякими мѣрами надъ общими неприятелями нашими Шведы, гдѣ того воинской случай употребляти будетъ, и о томъ къ Намъ, Великому Государю, къ Нашему Царскому Величеству, писать; а Наша, Царскаго Величества, милость за такіе промыслы впредь и нынѣ никогда отъемлема отъ васъ не будетъ.» Но видя, что Палій не возвращаетъ городовъ и по-прежнему расправляется съ Поляками и жидами, Государь послалъ къ нему вторую грамоту 20 февраля 1704 года; напомнивъ ему о первой грамотѣ, о жалобѣ польскаго короля, которому Палій до-сихъ-поръ не отдаетъ Бѣлой-Церкви, Царь пишетъ Палію: «Ни въ чемъ достойнаго послушанія не чините и говорите, будто вы чините сіе съ воли Нашъ Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, что Нашей, Великихъ Государей, брацкой дружбѣ и любви не малая противность, а вѣчнымъ мирнымъ договорамъ нарушеніе.» Потомъ онъ приказывалъ немедленно возвратитъ Бѣлую-Церковь, въ противномъ случаѣ грозилъ, что: «Если вы той взятой Фортиціи Королевскаго Величества въ Державу не отдадите, а Королевское Величество о томъ, за такими вашими бездѣльными словами, еще черезъ

взяли письма просить царь будетъ, то повелѣвъ Мил. Великій Государь, Наме Царское Величество, въ ту вѣстную Фортъ-тецію наставить Нашими, Царскаго Величества, войсками Великороссійскими и Малороссійскими и одну отобрать, а отобрать отдать въ Державу Королевскому Величеству. а Ошестояннамъ постункамъ Лажовъ, Самусь и Палій, бывшумъ военнымъ временемъ, продолжали владѣть замѣтными городами, и озабоненный войною съ Швадами, Царь не могъ обратити особаго вниманія на ихъ дѣйствія. Тогда Августъ II обратился къ Мазепѣ съ просьбою унять казаковъ, называя себя въ письмѣ къ гетману «вѣрнымъ его другомъ», и послалъ ему въ подарокъ орденъ Бѣлаго Ордя.

Мазеда испрашивалъ у Царя разрѣшенія: что дѣлать ему съ Самусемъ и Паліемъ? ласкать ли ихъ? имѣть ли съ ними переписку или прекратить всю связь, какъ съ врагами польскаго короля? Но ни просьбы, ни угрозы не имѣли успѣха. Палій желалъ свергнуть съ себя иго Польши: не принимая въ подданство Россіи, онъ уже считалъ себя вполне независимымъ и признавалъ только волю свою, да удалецъ-товарищей. Битвы съ Татарами повторялись довольно часто и оканчивались такъ же счастливо, какъ и сраженія съ Поляками;

Привольно было жить Палію въ Бѣлой-Церкви, охраняемой его вѣрными казаками. Хотя издавна носилась слава на Украинѣ о Паліевомъ богатствѣ и его славѣ, но онъ ничѣмъ не хотѣлъ отличатся отъ своихъ товарищей: жилъ въ такой же хатѣ, какъ и прочіе казаки, спалъ на соломенной постели; носилъ синій жупанъ, длинные усы и чуприну на брѣтѣй головѣ, какъ и всякой казакъ изъ его полка. Правда, хвастовскаго полковника можно было отличить съ разу, но не по богатству одежды, а по грозному взгляду, да по черному шраму подъ левымъ вискомъ, который получилъ онъ въ одной изъ схватокъ съ Поляками. Палій былъ уже въ дѣтѣхъ, но казался еще свѣжимъ и бодрымъ. Ни одно веселье, ни одна охота—не обходились безъ стараго полковника. За то какъ же любили и уважали его казаки!

Слава Палія и его богатство не давали покоя гетману. Палій владѣлъ Бѣлою-Церковью, Немировымъ и Троицко-

дн.м.я, «коли нема нашего батька.» Но мыщань блудерство-
стве, лестию, угрозами и силою, склонились на сторону бе-
ждавших и принудили казаков положить оружие. Тогда
двенадцать удалых товарищей погибшаго полковника не
захотли признавать власти гетмана и требовали выдать
их батьки; впрочемъ съ ними Мазепа было уже легко спра-
виться: однихъ приказалъ утопить, другихъ — задушить, и
богатство Палия досталось въ его руки.

Мазепа побавившись Палиемъ, сталъ обвинять наказнаго гет-
мана Сахуса въ подворствѣ полковнику хвастовскому. При-
званный къ отпиту, онъ оправдывался; наконецъ, сложивъ
съ себя гетманство, отдалъ къ-йводу и, съ разрѣшеніемъ Ма-
зепы, названъ только богуславскимъ полковникомъ.

Будучи издавна врагомъ Россіи и Петра, Мазепа пово-
рился съ Палиемъ за то, что онъ не согласился изменить че-
сти и войсать противъ Царя православнаго. Народная воля
того времени говоритъ намъ, что Мазепа возилъ Палия и
сталъ его спрашивать: «Палій, Палій не имънишь ли жи-
вни?» — «За что же я тебѣ, гетманъ Мазепа, стану помышлять,
когда ты будешь благое творить?» — «Я думаю, Палій, Мо-
ску уничтожить и самъ лечу въ столицу Царя правосла-
внаго.» — «Скорѣе ты будешь, гетманъ Мазепа, у стола сто-
ять, нежели царствовать.» Такъ передаетъ намъ народное
преданіе главнѣйшую причину вражды Палия съ гетманомъ.
И въ самомъ дѣлѣ, прамодушный, славный воинъ, любя-
щій всею Украйной, полковникъ хвастовскій, отбывавшій
отъ сообществъ съ хитрымъ гетманомъ, который открылъ ему
замысль свою, былъ весьма опасенъ для предателя Малорос-
сія. Не терпя обвинителей, Мазепа употребилъ все уни-
щреніе, чтобы скорѣе избавиться отъ человека, которому
слишкомъ неосторожно открылъ свою задушевную тайну:

Уже третій годъ, какъ Палій жилъ вдали отъ своей
родной Украйны; но мысленно, онъ ни на минуту не рас-
ставался съ нею. А какъ все измѣнилось въ Малороссіи въ
теченіе этихъ трехъ лѣтъ!

Еще въ то время, когда Палій независимо владѣлъ Балью-
Церковью (1704), уже и тогда поговаривали, что онъ пасалъ

къ Царю о намѣреніи гетмана овладѣть Россію; узнавши, что это ускорило его ссылку. Избавившись отъ своего недруга, Мазепа могъ дѣйствовать свободно. Онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ Карломъ XII, чрезъ изгнаннаго изъ отечества болгарскаго архіепископа, который подъ видомъ нищаго ходилъ къ Мазепѣ и передавалъ ему письма отъ короля; а съ Станиславомъ Лещинскимъ (котораго король шведскій хотѣлъ возвести на польскій престолъ, вмѣсто Августа II) посредствомъ іезуита Зеленскаго, приглашалъ къ себѣ старшинъ казацкихъ, угощалъ ихъ; дѣйствовалъ въ пользу Петра чрезвычайно медленно и притворялся больнымъ, чтобы ничего не дѣлать. Но видя, что на преданность малороссійскаго народа и войска надежда плоха, онъ старался привлечь на свою сторону Запорожцевъ; увѣрялъ, что Царь намѣренъ истребить ихъ Сечь, послѣ войны со Шведами; а въ то же время распускалъ слухи до Малороссіи, что великороссійскіе воеводы хотять уничтожить все преимущества, дарованныя Украинѣ и обратить казаковъ въ войско регулярное. Однако жъ никакія хитрости не принесли ожидаемаго успѣха. Донось за доносомъ былъ присылаемъ къ Петру на гетмана. Но Царь, расположенный къ Мазепѣ, не всегда вѣрилъ имъ: несчастные доноски попадались въ руки безжалостнаго гетмана, который умѣлъ мстить врагамъ своимъ. Страшнымъ истязаніямъ подвергались все враги Мазепы: бунтукъ товарищъ Забыла *, въ 1699-мъ году, вытерпѣлъ ужасныя мученія, пытки и потомъ 26-ти лѣтнее заключеніе; старобубекій полковникъ Михайлъ Мцкешевскій и родственникъ Мазепы являевскій полковникъ Мировичъ, посланы Мазепой съ малыми силами противъ превосходнѣйшаго непріателя, гдѣ и погибли въ 1706-мъ году; наконецъ, когда Мазепа обезчестилъ жену полтавскаго полковника Искры и собственную свою крестницу, дочь генеральнаго судьи, Матрону Кочубей, тогда жестоко обижен-

* Онъ довѣсь Государю, что Мазепа сводится тайно съ крымскими татарами.

нѣги отодѣсь ся, вмѣстѣ съ другомъ своимъ полковникомъ Никрою, сотникомъ Кошичиною и священникомъ Свѣтайлою отправилсь въ Москву, въ намѣреніи изобличить извѣрнаго ризоратителя и извѣрника, предъ Государемъ въ 1700-мъ году, но не достигла своей цѣли.

Многіе знали въ Малороссіи, что Мазепа велъ переговоры съ королемъ шведскимъ и повинъ королемъ польскимъ; но никому, кромѣ обомъ королей, Мазепы, графа Пипера, одного польскаго сенатора и изгнаннаго болгарскаго архіепископа, неизвѣстно было, въ чемъ они состояли. Наконецъ въ 1708 году, появились на Украинѣ списки съ договорныхъ статей: Мазепа обѣщался Карлу XII впустить его въ Малороссію, присоединить къ нему казацкое войско и вмѣстѣ съ нимъ идти на Москву; взятію же этого, Мазепа получалъ титулъ владѣтельнаго князя витебскаго и полоцкаго, на правахъ герцога курляндскаго. Не довольный титуломъ князя священной римской имперіи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Андрея Первозваннаго, гетманъ Малороссіи, 29 октября 1708 года, присягнувъ на вѣрность Карлу XII въ Горкахъ (мѣстечко могилевской губерніи; оршанскаго уѣзда, на рѣкѣ Прони). Онъ произнесъ тамъ краткую рѣчь на латинскомъ языкѣ, въ которой просилъ его величество принять казаконъ моль свою зашиту, отдалъ ему свой бунчукъ, — и за нѣтъю Царю и отечеству проклять въ Глуховѣ (черниговской губерніи). Удостоверившись въ нѣтъю нѣтъю Куды, Государь тотчасъ же приказалъ избрать новаго гетмана; и вспоминая о несчастномъ Паліѣ, велѣлъ немедленно возвратитъ его изъ ссылки. Получивъ свободу, Палій получилъ и старій полковничій чинъ и имѣніе.

Возвратившись изъ Сибири, Палій явился 27 іюня 1709 года подъ Немишлюю. Знаменитый историкъ Малороссіи, Кошичскій, такъ рассказываетъ объ участи престарѣлаго героя въ этой рѣковій для Карла и Мазепы битвѣ: «Сраженіе сіе

* Кошичскій говоритъ, что Палій былъ въ заточеніи 15 лѣтъ; но у Бантыша-Каменскаго, Маркелова, Срезневскаго и др. мы видимъ, что онъ сосланъ въ 1703 году, а возвращенъ въ 1709.

начали Шведы на самомъ разсвѣтѣ и мощицею своего
 выстрѣла по регулярную конницу российскую и истребили
 ее за ея шланцы. Но начался казачій, Палій, съ ка-
 заками своими, напавъ тогда на Шведовъ въ тылъ и на
 фланги ихъ фронтовъ и прорвавшись въ интервалы, сдѣлалъ
 великое имъ пораженіе копьями и изъ ружьевъ, отъ чего они,
 смѣшавшись, побѣжали къ своимъ шанцамъ и потеряли ге-
 нерала своего, Шлипенбаха, взятого въ плѣнъ. Казаки, пре-
 слѣдуя Шведовъ до ихъ шанцевъ, провели позади себя силь-
 ную колонну пѣхоты российской, подъ командою генерала
 Меньщикова, и она, напавъ на шанцы шведскіе и сдѣлавъ
 сильный залпъ изъ пушекъ и ружьевъ, увалилась въ нихъ
 штыками и погнала Шведовъ во все стороны. Такимъ обра-
 зомъ обовладѣли шанцами и взяли въ плѣнъ командовавшаго
 ими генерала Розена, со многими офицерами и рядовыми.
 Шведы послѣ сего собрались и построились вновь между
 шанцами и обозами своими на открытомъ полѣ и ожидали
 нападенія Россіянъ. Государь выстромлъ и свои войска про-
 тивъ шведскихъ, поставивъ въ срединѣ пѣхоту съ артиллері-
 ею, а по флангамъ конницу. Сраженіе возобновилось: паль-
 ба продолжалась съ обѣихъ сторонъ болѣе трехъ часовъ; на-
 конецъ, Шведы, не имѣвъ артиллеріи и претерпѣвъ отъ Рос-
 сіянъ великой уронъ, показали во фронтъ своемъ многіе ин-
 тервалы или пустоту, а Палій, сіе примѣтя, тотчасъ ворва-
 ся въ нихъ съ казаками и произвелъ всеобщее замѣшательство
 въ непріятель. Случившійся во весь тотъ день великій туманъ
 способствовалъ казакамъ обхватить ихъ съ тылу и во фланги,
 а Шведамъ помогаль онъ скрыть свое отступление съ мѣста
 баталии. Сіе началось порядкомъ ретирады, но послѣ смѣшан-
 ные казаками, обратились Шведы въ бѣгъ. Россіяне, гонясь
 за ними въ туманъ, побрали въ плѣнъ: фельдмаршала ихъ
 Реншильда, и двоюроднаго брата королевскаго, принца Вир-
 тембергскаго, а министра и любимца королевскаго, Пипера,
 нашли въ обозѣ шведскомъ съ канцеляріею его и съ казною;
 обозъ его со всемъ лагеремъ достался побѣдителямъ». О смер-
 ти Палія писатели разногласятъ: Конискій говоритъ, что
 онъ, во время Полтавской битвы, «оказавъ чудеса храбрости

«из отваги, убить, наконецъ, пушечнымъ ядромъ;» а г. Срезневскій утверждаетъ, что онъ послѣ Полтавской битвы ходилъ еще противъ Татаръ, но, вскоре возвратившись изъ похода, отправился прямо въ Межигорскій монастырь и тамъ скончался 18 января 1710 года.

А. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТИСЛАВИЧЪ.

См. Моск. Набл. за 1838 годъ.

ПОДВИГЪ ФРЕГАТА ВЕНУСА, У БЕРЕГОВЪ СИЦИЛИИ,

въ 1807 году.

Городъ Палермо, обвитый розовымъ туманомъ, встрѣчалъ одинъ изъ своихъ январскихъ дней, полныхъ силы пробуждающейся природы, послѣ кратковременной осени.

Все было тихо и безмятежно между небомъ и землею; слитыми полупрозрачною пеленою. Еще ни одинъ звукъ далекимъ эхомъ не повторился въ воздухъ, словно это общее спокойствіе навсегда воцарилось надъ землею.

Но, вотъ... первые лучи восходящаго солнца мелькнули, прокрались изъ-за вершинъ высокихъ горъ, окружающихъ палермскую долину, отразились въ обширномъ заливѣ; тысячи звуковъ съ ихъ безконечными, разнообразными отголосками, отозвались повсюду, возвѣщая приближеніе дня.

Новая жизнь протекла по воздуху!...

Съ правой стороны, отъ входа въ заливъ, въ его углубленіи, началъ выясняться городъ, и, вслѣдъ за отлетающимъ туманомъ, вознесъ къ розовому небу причудливые очерки куполовъ семидесяти церквей и монастырей, обрисовался четырехъ-угольный, зубчатую стѣною, съ ея живописными башнями, готическими

воротами. Всѣ дома Палермо, построенные изъ мрамора, почернѣвшаго отъ времени, чрезвычайно высоки и узки, и, слитые въ массу, поражаютъ смѣсю архитектуръ мавританской, испанской, италянкой, съ ихъ тонкими колонадами, рѣзбою, впадинами, портками, рѣшетчатыми балконами, то висшими одинъ надъ другимъ, то столкнувшимися какъ бы для бесѣды. Плоскія крыши домовъ украшены статуями и поросли зеленью. Трудно передать эту причудливую смѣсь строеній города, такъ живо обозначающую прихотливый, впечатлительный характеръ южныхъ жителей, любящій разнообразіе. И въ заключеніе, отъ излучистыхъ закранъ залива, вплоть до разнообразныхъ снѣговыхъ свисающихъ горъ, все пространство долинъ, окружающей Палермо, покрыто цѣлыми рощами миндаляныхъ, лавровыхъ, апельсиновыхъ деревьевъ, съ ихъ романическими селеніями, хижинами, мельницами, дворцами, водопроводами, обелисками, развалившимися башнями и необыкновеннымъ смѣшеніемъ тѣни и красокъ южной зелени, производящей долговременное и вѣстѣ съ тѣмъ всегда новое впечатлѣніе отъ каждой легкой струи прокрадывающагося изъ-за горъ вѣтра.

Между городомъ и моремъ, у ряда великолѣпныхъ домовъ, тянется набережная—Марина, мѣсто вечернихъ прогулокъ. Далѣе, вправо, если съѣздить на городъ со стороны моря, берегъ закругляется, и въ разстояніи отъ Марины съ полторы версты, устроена мало съ извѣстомъ, для защиты каравановъ, въ ней стоящихъ, отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Еще далѣе, почти при входѣ въ заливъ, возвышается огромная гора Пелигрино. Груды наваленныхъ скалъ фантастическаго вида, придаютъ ей что-то чудесное, сверхъ-естественное, посреди улыбающейся природы. Въ этой колоссальной горѣ, покоятся мощи св. Розаліи, покровительницы Палермо, спасшей ее, по преданію жителей, своею чудотворною слюю отъ чумы, въ 1624 году.

На заднемъ планѣ, въ углубленіи всей картинѣ, видѣется Монреаль—старый городъ, отличающійся своимъ монастыремъ, богатѣйшимъ во всей Сициліи, съ его знаменитою колонадою, поддерживающею главный порталъ.

Но даромъ, сицилійскіе поэты называли палермскую долину золотомъ равниною: (salsa d'oro) — золотомъ долиною (d'oro valle) — садомъ Сициліи, и называли ея счастливою: (felice). Недавно божественный, жемчужный взоръ ищетъ принца арменского, съ дружицею расставала съ тѣмъ, который уже поразила его. Кто же

скульптуръ, Оливудъ и протестантскія ея синагоги, въ древнемъ иллирическомъ замкѣ Ла-Биза, сокращившемся въ томъ же городѣ видѣ, какъ была построена на клыку льва, Бонапартъ, Оринелли, Лаваррентъ, въ которыхъ рреческая природа соединяется съ богатствомъ изваяній, архитектуръ, мозаики и жидовства!

Въ самомъ городѣ, часть поражаетъ до старинный королевскій замокъ, окруженный укрѣпленіями, то кафедральная церковь, то чудесныя улицы Толедо и Манведа, перестраивающія накрестъ городъ и представляющія рядъ непрерывнаго дворцовъ, съ ихъ живописными, геральдическими и архитектурными украшеніями, и все это носитъ типъ древности, каждый камень — историческій, свидѣтель вѣковыхъ событій.

При входѣ въ палермскій заливъ, два англійскіе фрегата крейсируютъ, пять линейныхъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала Торнброу стоятъ на якорѣ передъ молою, изъ за которой видѣется мачтовый лѣсъ купеческихъ кораблей и корабль Архимедъ съ двумя фрегатами, принадлежащій сицилійскому правительству.

Въ дѣятельности Англичанъ замѣтны военныя приготовленія. Чего хотятъ они? Вѣдь сицилійскій король Фердинандъ IV ихъ другъ, союзникъ, и во время нами описываемаго происшествія въ 1807 году, въ третій разъ былъ принужденъ удалиться изъ Неаполя, сосредоточить остатки своей прежней власти въ Палермо и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ: снова вступить на неаполитанскій престолъ, займимый родственниками Наполеона. Англичане не только платятъ королю субсидіи (денежное вспомошествованіе,) но войска ихъ расположены по всѣмъ крѣпостямъ острова, чтобы уничтожить помысленія Французовъ завладѣть Сициліею и присоединить ее къ Неаполитанскому королевству. Что же заставляетъ Англичанъ держать Палермо въ блокадномъ состояніи, когда они убѣждены въ своемъ вліяніи на короля и пользуются своею властію неограниченно, чрезъ его перваго министра, маркиза Черчолли?

Видите, передъ выходомъ изъ мола, стоитъ русскій, серебрянопушечный фрегатъ Венера. Онъ-то и составляетъ все домогательство Англичанъ.

За нѣсколько дней, передъ началомъ разсказываемаго нами происшествія, русскій посланникъ при сицилійскомъ дворѣ, тайный советникъ Татищевъ, обратилъ съ формальнымъ дворцовымъ: какое участіе приметъ Его императорское Величество, въ

предстоящей войны между Россією и Англією, и какіе виды имѣть Его Королевское Величество въ отношеніи русскихъ судовъ и нашихъ союзниковъ, находящихся въ Палермо?

Маркизь Черчелли отвѣчалъ нотою 17 декабря 1807 года, что король, его государь, не можетъ отдѣлить выгодъ Англіи отъ своихъ собственныхъ; что порты Его Величества будутъ впредь заперты для руссійскаго флага; и что присутствіе фрегата Венера въ Палермо несовмѣстно съ настоящими обстоятельствами.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за ходомъ происшествія, приведемъ отрывокъ изъ рапорта командира фрегата Венера Его Императорскому Величеству.

«По повелѣнію г-на вице-адмирала и кавалера Сенявина, съ данными мнѣ отъ него депешами, слѣдующими къ доставленію «сребывающему въ Палермо господину тайному совѣтнику, полномочному министру и кавалеру Татищеву, и въ Корфу господину министру Маценигъ, и къ находящемуся въ отрядѣ съ «кораблями господину флота капитану 1-го ранга Баратынскому, отправился я, съ порученнымъ мнѣ фрегатомъ, изъ Лиссабона прошлаго ноября 9-го числа 1807 года.

«2-го числа того же мѣсяца, противу Сардиніи усмотрѣно нами въ 2 часа по полудни, поврежденіе въ рулѣ—рудоръ между «тилларомъ и верхнимъ крюкомъ раскололся, почему и «пошли найтолы. 22-го числа прибылъ въ Палерму, и принадлежащія «депешы господину министру Татищеву доставлены, а въ Корфу, къ господину министру Маценигъ, оныя же «единъ министръ Татищевъ взялъ доставить. Имѣющіяся во фрегатѣ «поврежденія въ рулѣ, у гротъ-мачты, лонгъ-саянгъ, и «сздашія красяцы отъ гнилости надломилась, у гротъ-мачтоваго «стопа оказалась гнилость. Объ этомъ донесено господину «министру Татищеву, и для исправленія оныхъ худостей вѣдана «23-го ноября въ молу, свежа порохъ въ Палермскія пороховыя «погреба.

«По исправленіи же худостей и по принятіи морскаго провіанта на два мѣсяца 20 декабря (1-го генваря новаго стила) фрегатъ «былъ готовъ выйти въ портъ Ферраро къ находящемуся «тамъ съ кораблями: Свѣтлый, Петръ и Москва, господину «флота капитану 1-го ранга Баратынскому, о чемъ донесъ «господину министру Татищеву, который и объявилъ мнѣ, что

«не могу идти въ море, по причинѣ несогласія между Россійскою Имперіею и Великобританіею.»

Далѣе Андрейновъ въ своемъ рапортѣ пишетъ:

«28 декабря (т. е. 9 января новаго стиля,) г-въ дѣйствительный статскій совѣтникъ Карновъ пріѣзжалъ на фрегатъ и объявилъ отъ имени нашего министра, чтобы мы были готовы въ сію ночь къ оборонѣ, если Англичане вздумаютъ напасть на фрегатъ Вашего Императорскаго Величества.»

И въ то же время капитанъ узналъ, что начальника англійской эскадры, въ прошедшую ночь, перехватилъ канонерскую лодку съ фрегатскимъ порохомъ, который сицилійское портовое начальство, послѣ упорнаго сопротивленія, наконецъ само рѣшилось доставить на Венусъ.

Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, капитанъ Андрейновъ рѣшился собрать военный совѣтъ.

Тихо вошли офицеры, одѣтые въ парадные мундиры, въ каюту своего капитана, по старшинству размѣстившись кругомъ стола, покрытаго чернымъ сукномъ, на которомъ лежали законы Петра Великаго. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ отражалась важность засѣданія и твердая, спокойная рѣшимость восторжествовать надъ неблагопріятными обстоятельствами.

Господа! началъ капитанъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, нашъ флотъ, предводительствуемый Дмитріемъ Николаевичемъ (Сенявинымъ) торжествовалъ и давалъ защиту и покровительство какъ на водахъ Средиземнаго моря, такъ и въ Архипелагѣ. Примѣры знаменитаго адмирала, его мужество и храбрость должны насъ руководить во всѣхъ случаяхъ нашей службы. Вы знаете, что я пришелъ сюда въ дружескій нашъ портъ, до разрыва между Россіею и Англіею, и узнавъ, что не могу совершенно полагаться на покровительство сицилійскаго короля, потребовалъ порохъ, чтобы въ собственныхъ своихъ силахъ искать защиты противу непріятеля, превышающаго насъ своимъ числомъ. Но англійскій адмиралъ Торнбрау тайно перехватилъ лодку съ нашимъ порохомъ и—мало этого—грозитъ намъ ночнымъ нападеніемъ цѣлой эскадры.

Последнія слова произвели всю силу впечатлѣнія: многіе, не смотря на важность засѣданія, вскочили со своихъ мѣстъ и закричали: «Драгаться!»

— Защищаться до послѣдней крайности! подхватили остальные.

— И ежели добудемъ порохъ... взлетѣть на воздухъ! закричалъ капитанъ.

— Взорваться! Взлетѣть на воздухъ! закричали въ одинъ голосъ офицеры.

Когда утихло общее волненіе между офицерами, послышался глухой шумъ на верхней деке и въ батареѣ: тамъ, матросы другъ другу повторяли магическія слова: взлетѣть! взорваться!

— Англичане должны убѣдиться изъ первой встрѣчи съ Русскими, продолжалъ капитанъ: что если мы не имѣемъ возможности побѣждать, то умѣемъ умирать съ достоинствомъ храбрыхъ, которые боятся не смерти, а безчестія и невыполненія присяги!

— Мы доставимъ порохъ! въ-полголоса протеворили мичманы. И со свойственною живостію всѣмъ, настоящимъ мичманамъ, даже приподнялись, готовые по привычкѣ исполнять даваемые имъ порученія.

— Хорошо! замѣтилъ капитанъ, дѣлая имъ знакъ оставаться на мѣстахъ.

— Мы бы желали купить порохъ на общія деньги, сказалъ старшій лейтенантъ, отъ имени всѣхъ офицеровъ, которые кивнули ему головами въ знакъ одобренія.

— Это была и моя мысль! отвѣчалъ капитанъ. Въ торжественный день нашей службы, въ который мы готовимся отдать отчетъ Богу и Государю, у насъ должно быть все общее.

Потомъ капитанъ объяснилъ свое мнѣніе на счетъ средствъ и мѣръ, предполагаемыхъ къ оборонѣ фрегата, отдавъ приказаніе старшему лейтенанту подтянуть корму ближе къ мору и упереться носомъ въ сиднейскій корабль Архимедъ, чтобы онъ и два фрегата, составлявшіе всю эскадру короля Фердинанда, раздѣлили бы участь Венуса; сказалъ кому и куда отправиться доставать порохъ, и въ заключеніе предложилъ, обсудивъ его мнѣніе на счетъ предполагаемой обороны, записать его и общее рѣшеніе скрѣпить подписью.

Давно уже посматривали мичманы на испаванный листъ бумаги, лежавшій на столѣ, объ заготовленіяхъ къ предстоящей аквепедици на тотъ свѣтъ, и когда капитанъ предложилъ на обсужденіе свои предложенія, младшій изъ мичмановъ, под-

чисью котораго начиналось скрепленіе, не читая, протянуть руку за написанною бумагою.

— Прочтите! сказалъ капитанъ, обращаясь къ старшему лейтенанту.

«Мы согласно положили, началъ послѣдній: и за общимъ подписаниемъ рѣшеніе совѣта утвердили: 1) Остаться въ молч. 2) На собственныя деньги купить въ городѣ такое количество пороха, котораго было бы достаточно для мелкаго ружья и веркаваго дека пушекъ. 3) Если Англичане нападутъ на фрегатъ лачейнымъ кораблемъ, а не на шлюпкухъ и не aboardажемъ, тогда, разстрѣлявъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.»

Всѣ безпрекословно подвисались.

При рапортѣ, на Высочайшее Имя, капитана Андреева предложень слѣдующій списокъ офицеровъ:

Лейтенанты.

Алексій Мѣльниковъ. Александръ Витовтовъ. Матвѣй Насекинъ.

Мичманы.

Илья Вердеревскій ревизоромъ. Николай Семькинъ. Владимиръ Броневскій (извѣстный *Записками морскаго офицера*). Павелъ Чистяковъ. Тимофей Лявнѣ. Александръ Левшинъ.

Штурманъ 12 класса Петръ Соколовъ. Штурманскій помощникъ 14 класса Павелъ Крутиковъ. Младшій лекаръ 1-го класса Карлъ Гарпакъ. 2-го класса Семенъ Рожественскій.

Морской артиллеріи капитанъ лейтенантъ Семенъ Пѣвдовъ. Констапель Алексій Гайдуковъ. 1-го Морскаго полка поручикъ Захаръ Вечесловъ. Коммисаръ 14-го класса Осипъ Быковскій.

Команда на фрегатѣ состояла изъ 197 матросовъ, 29 артиллеристовъ, 51 человекъ солдатъ; въ этомъ числѣ показаны и унтеръ-офицеры. Нестроевыхъ 45, и того всѣи команды съ офицерами 343. Сверхъ того находился іеромонахъ Викентій.

Команду, по приказанію капитана, собрали около шпилья, и хотя это была не новость для нихъ, привыкшихъ каждое Воскресенье, на этомъ самомъ мѣствѣ слушать читаемые имъ законы—морскіе регламенты; но, не смотря на это, матросы съ какою-то судорожнымъ движеніемъ поглядывали внизъ на травъ, по которому долженъ былъ выйти капитанъ.

Вотъ, показалась фуражка. Легкою мостушкою взошелъ капи-

танъ на люкъ, около шпеля. Окинувъ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, кругомъ его, съ открытыми головами стоявшихъ матросовъ, поздоровался съ ними и, увидѣвъ сотни глазъ, глядѣвшихъ на него со свѣтлою любовью, со всею безпрекословною преданностію подчиненныхъ, невольно содрогнулся, готовясь объявить имъ о необходимости — умереть, взорваться на воздухъ, виѣсть съ фрегатамъ. Эту необходимость умереть капитанъ долженъ вызвать у людей, привыкшихъ его любить, какъ отца, и исполнять, какъ законъ, каждое его требованіе, даже каждую его прихоть, угадывая и старался понимать всякое движеніе, всякое выраженіе въ его лицѣ. Ему стоило только сказать нѣсколько словъ, и сотни людей, кипѣвшихъ жизнію, одушевленныхъ надеждами, связанныхъ родствомъ и сердцемъ, разорвутъ всѣ связи съ прочимъ человѣчествомъ, откажутся отъ жизни, пренебрегутъ всѣмъ, что дала намъ природа дорогаго, завѣтнаго для нашего существованія. Даже самое это море, тихое и спокойное въ эту минуту, покорное опытнымъ расчетамъ моряка, разбросаетъ обгорѣлые, обезображенные трупы лихой команды, растерзаетъ ихъ о подводные камни и безъ молитвы за упокой отдастъ въ пищу прожорливымъ рыбамъ.

Капитанъ отвелъ свои глаза на палермскую долину, къ горѣ Пелигрино. Природа была роскошна, взоры разбѣгались отъ одного ландшафта на другой, скользили по безконечнымъ, разнообразнымъ оттѣнкамъ фруктовыхъ рощей, мѣнявшихъ свой видъ отъ различныхъ паденій солнечныхъ лучей. И въ небѣ, и на землѣ, было столько жизни и радости, что человѣкъ, казалось, только и былъ созданъ, чтобы наслаждаться, и наслаждаясь сохранять свою жизнь, удаляя идею смерти, какъ идею разрушенія и тлѣнія.

Но капитанъ прежде всего былъ — капитанъ! и онъ, указавъ рукою на пять линейныхъ английскихъ кораблей 1-го ранга, стоявшихъ отъ него на картечный выстрѣлъ, и на два фрегата, крейсировавшіе передъ входомъ залива, сказалъ:

— Ребята! Англичане хотятъ овладѣть нами! Но, неужели мы сдадимъ фрегатъ, на которомъ столько лѣтъ служили, сражались и всегда были побѣдителями?

— Не сдадимъ! не сдадимъ! въ одинъ голосъ отвѣчала команда.

— Намъ не одолѣть Англичанъ, снова началъ капитанъ: но

мы должны защищаться до послѣднихъ силъ, и когда они одолѣютъ—тогда... взорваться.

— Взорваться! громко, единодушно повторила команда.

— Сегодня ночью, продолжалъ капитанъ: мы должны ждать нападенія непріятеля и приготовиться къ смерти. Но, между вами есть женатыя; кто хочетъ остаться въ живыхъ, выходи: я отошлю на берегъ.

Въ это время старшій боцманъ, протолкавшись впередъ, насыпалъ броне и молвилъ:

— На что это (тутъ онъ назвалъ капитана по имени) распускать команду! Не матросское дѣло отставать отъ начальства; сказано умирать, такъ и умремъ всѣ до одного!

— Всѣ умремъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

— То-то! отвѣчалъ боцманъ, угрюмо поглядывая на окружающихъ.

— Спасибо ребята! Сначала мы помолимся, а потомъ и за работу. Нужно, какъ можно скорѣе, все изготовить.

— Рады стараться! отозвалась команда на слова капитана, и по обычному свисту разсыпалась по фрегату.

— Эки проклятые, подумаешь, эти Англичане, сказалъ боцманъ, остановясь на бакѣ, и, указывая собравшимся около него матросамъ на непріятельскую эскадру, прибавилъ: — Сдай фрегатъ! Экъ, что выдумали! такъ тебѣ сейчасъ и сдадимъ.

Тутъ, онъ показалъ кулакъ, особеннымъ образомъ сложенный.

— Неча сказать, труденько будетъ имъ сердечнымъ! подхватилъ по прозванію Губайка, заломивъ на бекрень сальную шапку и заложивъ въ карманы руки подъ приподнятую голанку: такъ называется на матросахъ верхняя рубашка изъ парусины.

— Мы васъ попотчиваемъ не-прошенныхъ! проговорилъ Иванковъ, грозя мощнымъ своимъ кулакомъ на непріятельскую эскадру.

Иванковъ и Губайка считались друзьями, вмѣстѣ служили на бакѣ, вмѣстѣ ухаживали за якоремъ при его подъемѣ, были въ одной артели, вмѣстѣ напивались на берегу и, возвращаясь на фрегатъ навеселѣ, водили другъ друга подъ руку. Однимъ словомъ они были неразлучны повсюду, хотя совершенно противныхъ характеровъ. Губайка, сухощавый, обрусѣлый Татаринъ, отличался ловкостію, хитростію, смѣтливостію и матросскимъ

остроуміюмъ Иванковъ — теистовомъ, невозвратностию и необыкновеннымъ сходствомъ съ медвѣдемъ.

— А что Губай! провѣль Иванковъ. Вотъ каталажна, каталажна; а теверь, в поидеть все къ чорту.*

— Только не отетайш, чтобы знаешь завсали бы къ одну артемъ.

— Ахъ ты чухна проклятая! Вишь что выдумала — не отетайш.

И Иванковъ завелъ свои мотыгу длаи, чтобан не пропуститъ безъ отвѣта причиненной ему Губайкою обиды; но тогда, шмыгнувъ между матросовъ, проговорилъ:

— Ужъ теби и разобрало! Подожди до вечера, будетъ съ нами подрагаться.

— То своимъ чередомъ отвѣчалъ Иванковъ и, вида удалившагося Губайку, спокойно опустилъ руки, нечесывался.

— Эхъ разтужился о каталажномъ! замѣтилъ старый матросъ. Да капитану, ужъ не воехъ стить намъ, жаль фрегата, а самъ говорить — взорвемся.

— Правда! отвѣчалъ боцманъ. А баловать не нужно, да выспрашивать. Не захочешь, такъ линокъ есть.

— Пожалуй, по спинамъ-то насъ и не признаютъ за матросовъ, проговорилъ съ ужниками Ванька, сорви-голова, фрегатскій балагуръ, сказочникъ, запѣвало и плясунъ.

— А не хочешь ли подъ признаніе! замѣтилъ боцманъ, вынимая линокъ изъ фуражки.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Ванька, дѣлая прыжокъ, отъ котораго слявободно расхохоталась вся честная компанія, включая Иванкова и боцмана.

— Нужно взорваться! сказалъ послѣдній съ глубокомысленнымъ видомъ, покачавъ головою и осматривая вооруженіе Венуса. Надо, чтобы Англичане не успѣли бы ничего перенять съ нашего фрегата. А то, какъ попадется онъ имъ въ руки, выучится — выучатся, да пожалуй еще начнутъ важничать да передегивать**.

— Какой дуракъ вѣдуаетъ тутъ передегивать. За это можно и въ рожу хватить! олегнатически отвѣчалъ Иванковъ, по обыкновенію подымая кулакъ, въ сердечномъ изліаніи.

— Хорошо бы хватить, да кого? замѣтилъ боцманъ.

* Каталажить на матросскомъ языкѣ значитъ: обдѣлывать свасты.

** Измѣнять мѣсто и направленіе свастей.

— Вѣстиво не хотѣтъ преговорять Ванька, сорви-голова. Вѣдѣчай, оттуда, (онъ поднялъ руку къверху,) присылали за вѣнцомъ сценкомъ къ Мироносичу * и переписали его со всѣми отбѣтками, чтобы не было лишняго претендѣи да пѣтчиновъ.

— Пѣтчиновъ-то не будетъ, проревѣлъ Иванковъ. Не выдѣлаться же изъ артема передъ смертію, вѣдь это только чухна проклатая...

И увидѣвъ Губайку, онъ хватилъ Татарина кулакомъ.

— За что это? Ахъ ты вѣдано! замочилъ Губай.

— Молчи лучше! замѣтилъ Иванковъ, снова подымая на него кулакъ.

— А что бодманъ, нужно ли надѣвать чистыя рубашки? спросалъ кто-то изъ толпы.

У моряковъ велось обыкновеніе: ежели являлась необходимость умирать, то они, приготовляясь къ смерти, надѣвали чистое бѣлье.

— Вѣдь все равно:загрязнишься въ схваткѣ, поразсудилъ Иванковъ.

— Да развѣ ты самъ собою умирать станешь, довершилъ бодманъ. Вѣдь, не слома руки, будемъ ждуть смерти, а подернется, да всѣ разомъ и хватимъ на воздухъ.

— И была такана! подхватилъ Ванька, сорви-голова, съ разными жестами выступая и раскланиваясь на всѣ стороны: пришла не спрошенная, а ушла не поподчиванная.

Въ это время на шанцахъ забили на молитву, въ батареѣ второй барабанъ вторилъ первому. Матросы, снявъ фуражки, начали набожно креститься и отправляться на Богослуженіе.

Не богата церковь моряковъ, не отличается она великолѣпіемъ храма. Одинъ образъ въ батареѣ съ наюемъ, да кругомъ съ тѣлыми молитвами офицеры и коюнда. Нѣтъ особенно вычешныхъ пѣвчихъ, увлеченныхъ своимъ голосами, за то гдѣмъ сотни молящихся подтигиваютъ церковному гдѣнію. Это Богослуженіе не поражаетъ великолѣпіемъ обрядовъ; его совершаетъ старій іеромонахъ, читая слабымъ голосомъ молитвы, в благословляя дряхлою рукою; но эти свягельскія поученія, братнія молитвы, благословеніе, отсутствіе роскоши напоминаютъ Богослуженіе первыхъ Христіанъ, собиравшихся гдѣ-

* Баталеръ, при разлѣчѣ вина, всю команду переписываетъ по списку, отмѣчая тѣхъ кто пьетъ и не пьетъ.

нибудь въ уединеніи, въ пещерѣ, и вычерпавшихъ въ поученіяхъ религіи твердость, готовность къ самопожертвованію и на всѣ истязанія, при выходѣ изъ храма, во славу заповѣданныхъ Спасителемъ истинъ.

Послѣ водосвятія, іеромонахъ, въ сопровожденіи капитана и офицеровъ, обошелъ и окропилъ фрегатъ святою водою.

Командѣ просвистали на работу.

И весь фрегатъ пришелъ въ дѣятельность.

Капитанъ, спускаясь къ себѣ въ каюту, окинулъ взоромъ мастерское, художественное вооруженіе фрегата, которыми онъ щеголялъ передъ своими и иностранными судами, пользуясь славою необыкновеннаго холока. Потомъ задумчиво посмотрѣлъ на открытую, свѣтлую батарею, обгѣленную абордажнымъ оружіемъ, уставленную ружейными пирамидами, и грустно вошелъ въ свою каюту.

Великъ бываетъ человекъ въ минуту сильнаго увлеченія! Но когда прошло оно, это увлеченіе, такъ дивно настроившее душу, каждый ощущаетъ нѣкоторое время и болѣзненную слабость, словно Богъ знаетъ сколько поработалъ, и какую-то въ самомъ себѣ пустоту,—какъ бы въ слѣдствіе утраты переданныхъ мыслей. Трудно передать всѣ ощущенія, волновавшія капитана; основаніемъ ихъ были: любовь въ командѣ, отвѣтственность по службѣ, отвѣтственность передъ Богомъ за жизнь людей, и наконецъ любовь капитана къ фрегату, на подобіе духовнаго соединенія души съ тѣломъ, понятное для всѣхъ моряковъ, которые видятъ въ службѣ цѣль своей жизни и, прослуживъ на какомъ нибудь кораблѣ, сливаются съ нимъ свои привычки, мысли и чувства.

Если судно, еще на стапелѣ, представляется постороннему зрителю огромною массою сколоченныхъ бревенъ, а внутри его чернѣющіяся пронасти погребовъ, то капитанъ, какъ мать изъ не-поэтическихъ формъ новорожденнаго, предвидитъ его будущее значеніе, посвящая ему познанія, свой вкусъ и опытность.

Проѣзжайте лѣса Архангельской губерніи, и извозчикъ, указывая вамъ на 17-ти саженьныя деревья, скажетъ: это мачтовья! и прибавитъ: а срубить ихъ, не приведа Господи! Облопашешь—разомъ положить человекъ десятокъ, а ежели упадетъ такая махина: расколется на части и сосѣднія деревья пообломаетъ.

Съ такимъ страхомъ и уваженіемъ говорятъ объ одномъ деревѣ, когда ихъ шесть въ общемъ составѣ нужно для одной мачты.

И вотъ, эти мачты въ нѣсколько часовъ подняты, поставлены на корабль, но онѣ безъ корней, какъ человѣкъ безъ цѣли и надежды, наклоняются изъ стороны въ сторону. Но морякъ прививаетъ ихъ къ новой почвѣ, рассчитывая, что имъ придется выдержать штормы, буря, подвижныя горы волнъ, и испытать борьбу съ ураганомъ, который, достигнувъ до берега, уже успокоившись, сметааетъ гигантскія созданія человѣческихъ трудовъ и ломаетъ дубы.

Сотни человѣкъ изъ массы полотна сшили паруса, сотни съ трудомъ притащили изъ мастерской на пристань, но этотъ парусъ, поднятый на высоту нѣсколькихъ саженъ, привязанный къ реѣ, не поражаетъ уже ни своею тяжестью, ни своею огромностію, а является въ рукахъ моряка красивою площадью, послушною исполнительницею воли, предположеній и расчетовъ.

Велики труды моряка; онъ ни днемъ, ни ночью не имѣетъ покоя: самая малѣйшая вещь этой сложной машины требуетъ его вниманія, его безконечной дѣятельности. Но эта-то безконечная дѣятельность и связываетъ моряковъ съ кораблями, заставляетъ смотрѣть на нихъ, какъ на одушевленное существо, двигающееся по произволу воли или расчета моряка, приводящее въ движеніе душу и сердце, когда фрегатъ летитъ въ порывистый вѣтеръ, или скользитъ вдоль берега, котораго побережья наполнены подводными камнями, или на близкое разстояніе подрѣзаетъ другое судно, съ которымъ, не выполнивъ маневра, онъ можетъ столкнуться, переломаться и можетъ даже пустить ко дну. Много подобныхъ случаевъ въ памяти у моряковъ, и каждый въ минуту опасности сливается, какъ бы прирастаетъ къ фрегату, чувствуя въ сердцѣ и движеніе фрегата впередъ, и бурныя всплески съ носу, и движеніе руля за кормою, и напоръ вѣтра на паруса, и близость опасности, которую нужно миновать. Эта опасность сжимаетъ сердце, сдвливаетъ дыханіе, но, избѣгнувъ ее, грудь расширяется, выпрямляется станъ, пробуждается радость и улыбка самодовольствія.

Но для капитана Андреянова фрегатъ имѣлъ еще важнѣйшее значеніе, какъ купленный кровью у Шведовъ.

Первоначальная исторія Венуса тѣсно связана съ первоначаль-

челвными подвигами Романа Васильевича Кроуна на воприщъ русской службы.

Россия была особенно счастлива въ британскихъ офицерахъ, время отъ времени ноступавшихъ въ нашу флотъ. Ревность Англичанъ подать примѣръ русскимъ офицерамъ, состоявшимъ подъ ихъ начальствомъ, была такъ велика, что четырнадцать изъ 36 англійскихъ офицеровъ были убиты или ранены въ шведскую войну, менѣе чѣмъ въ два года.

Екатерина Великая, съ начала своего царствованія, приняла за правило образовать морскія силы по образцу Англичанъ, и потому вѣрила построеніе кораблей Джимсу (Jeames), очень ученому строителю, а начальство надъ нимъ препоручила Самуилу Карловичу Грейгу, который со славою оправдалъ покровительство Великой Монархини, знаменитыми побѣдами надъ Турками и Шведами.

Адмиралъ Кроунъ родился въ Шотландіи, но, въ ранней молодости оставивъ свою родину, прежде служилъ на купеческихъ англійскихъ судахъ, а потомъ на военныхъ, сначала въ Остъ-Индіи, а послѣ въ Вестъ-Индіи, въ самое дѣятельное время англійскаго флота въ сѣверо-американскую войну. Командоръ Джонстонъ, имѣвшій случай оцѣнить искусство и ревность штурмана Кроуна, поручилъ ему должность лейтенанта на фрегатѣ Діанѣ. Но не смотря ни на какія достоинства, ни на исправленіе даже должности перваго лейтенанта на фрегатѣ, ни на убѣдительнѣйшія просьбы всѣхъ знавшихъ Романа Васильевича, лорды адмиралтейства не только не хотѣли утвердить Кроуна въ его званіи, но даже не соглашались дозволить служить ему въ чинѣ мичмана. Всѣ просьбы были отвергнуты тогдашнимъ первымъ лордомъ Гоу. И Кроунъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ единственному способу продолжать любимую службу, предложивъ свои услуги Императрицѣ Екатеринѣ, которая охотно его приняла въ 1778 году 4-го февраля лейтенантомъ, а черезъ десять дней произвела въ капитанъ-лейтенанты.

Здѣсь мы приведемъ отрывокъ изъ письма Кроуна, писаннаго къ его другу, послѣ значительнаго промежутка времени:

«Меня часто называютъ желѣзнымъ человѣкомъ; говорятъ, что никогда не видали человѣка въ сѣдинахъ, который могъ бы выдерживать такіе труды. Да, я много перенесъ жестокихъ

«уделомъ судьбы, я имѣю божественныя причины быть признаннымъ къ Его Императорскому Величеству, когда сравниваю Его благодѣльство ко мнѣ съ несправедливостію, оказанною моимъ заслугамъ въ странѣ, давшей мнѣ бытіе. Я служилъ ей върою и правдою въ В. и З. Индіяхъ, во время американской войны, въ опаснѣйшихъ и труднѣйшихъ должностяхъ, иногда «безъ обуви на острыхъ скалахъ, иногда почти обнаженный на жгучихъ пескахъ по берегамъ Чернаго моря; остатокъ «глубокихъ слѣдовъ, произведенныхъ этими трудами на все мое «существо, есть единственный свидѣтель моихъ неутомимыхъ «стараній служить родной странѣ, которая, не имѣя во мнѣ «болѣе надобности, бросила меня на берегъ въ Портсмутъ, на- «гаго и нищаго, и взрекла мнѣ голосомъ Гоу, чтобы я спилъ «кивалъ себѣ пропитаніе, какъ могу. Вотъ человеколюбіе, спра- «ведливость и милосердіе, дарованныя счастливою странною со- «члену, который въ званіяхъ штурмана и лейтенанта служилъ ей върно, который любитъ еще ее горячо и охотно прощаетъ ей.»

(Изъ Nautical Magazine).

Въ 1788 году, эскадрѣ подъ начальствомъ адмирала Грейга было назначено отправиться въ Средиземное море, по случаю войны съ Оттоманскою Портою. Въ числѣ судовъ, были три ступенчатые корабли—Чесма, Саратовъ и Трехъ-Герарховъ. Мелководіе въ копенгагенскомъ проливѣ не позволяло имъ пройти въ полномъ грузѣ, съ полною артиллерією и полнымъ числомъ команды, а потому они и были посланы впередъ въ сопровожденіи транспортовъ, чтобы не задерживать эскадру, когда она придетъ въ Копенгагенъ. Командиръ этого отряда, вице-адмиралъ Фонъ-Дезинъ, доносилъ отъ 25-го іюля Самуилу Карловичу Грейгу:

«Отъ находящагося въ Копенгагенѣ двора Ея Императорскаго Величества чрезвычайнаго посланника и полномочнаго «министра, господина статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича «Криднера, получены увѣдомленія, что купленные въ Англіи, для «идущаго въ Средиземное море флота, два катера, одинъ большой «а другой малый, въ Копенгагенъ прибыли. А какъ на нихъ «находятся служители, нанятые въ Англіи, и однимъ изъ нихъ «по договору срокъ сего числа минулъ, а другимъ минеть че- «резъ двое сутокъ, то дабы не навести казнь ущерба, по ещ»

«держанію данной иждь отъ вашего высокопревосходительства инструкціи, до прибытія сюда всей части флота, опредѣляя капитанъ-лейтенанта Кроуна съ корабля Чесма на katerь Меркурій.»

Katerь Меркурій, поступивъ подъ команду Кроуна, переоруженъ бригамъ, и хотя считался 18-ти пушечнымъ, во на него оставили двадцать двѣ двадцати-четырехъ-фунтовые коронады, взятые изъ копенгагенскаго адмиралтейства, такъ какъ на нашихъ судахъ коронадъ не было, а онъ былъ приведенъ безъ артиллеріи.

Густавъ, король шведскій, видя дѣйствія войскъ, направленныхъ на Турцію, почелъ за удобнѣйшее время, вступая за Оттоманскую порту, извлечь свои выгоды присоединеніемъ обратно Финляндіи. Война была объявлена 12 іюля. Изъ Петербурга курьеръ привезъ это извѣстіе, и вице-адмиралъ фонъ-Дезинъ началъ свои дѣйствія опустошеніемъ Сканиа, лежащей на противоположномъ берегу Копенгагену, а катера послалъ крейсировать за Кахъ-маккъ. Объ нихъ доносилъ адмиралъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Императрицѣ 3 іюля:

«Катера перехватили шестнадцать купеческихъ судовъ, чѣмъ почти остановили и пресѣкли шведскую коммерцію чрезъ Категатъ въ Балтійское море и обратно.»

Этимъ начинается блестящая страница нашего храбраго моряка—адмирала Кроуна.

Вскорѣ отрядъ вице-адмирала Козлянинова увеличился четырьмя кораблями, пришедшими изъ Кронштадта, да тремя изъ Архангельска; время становилось позднее, тѣсная копенгагенская гавань не могла въ себѣ вмѣстать всю эскадру, а потому часть судовъ должна была оставаться на рейдѣ, подверглась величайшей опасности отъ Шведовъ, покушавшихся ее тайно сжечь. Для предупрежденія этого несчастія, Кроунъ былъ отозванъ изъ Категата и вплоть до ноября крейсировалъ у Борнгольма, такъ сказать, выслѣживалъ за непріателемъ и постоянно овлаждалъ купеческими судами, которыхъ число, при концѣ кампаніи, простиралось до тридцати. Съ равней весны 1789 года, katerь Меркурій снова былъ отправленъ наблюдать за непріателемъ между Борнгольмомъ и Карлскровою. Вице-адмиралъ Козляниновъ заступилъ мѣсто фонъ-Дезина, и доносилъ вице-президенту адмиралтейской коллегіи графу Чернышеву:

«Командующій кутеромъ Меркурій, капитанъ-лейтенантъ Кроунъ, посланный отсюда 12/30 апрѣля, для обозрѣнія непріятеля, «сбѣжавъ на пути почти непреодолимыхъ трудностей отъ сильнаго «льда, дошелъ наконецъ до назначеннаго ему мѣста и меж-
«ду Бронгольмомъ и Карлскроною ^{29 апрѣля}/_{10 мая} сдѣлалъ нападеніе
«на встрѣтившійся кутерь, по короткомъ, но жестокомъ сра-
«женіи онымъ овладѣлъ, урона съ нашей стороны никакого
«не было, перебито только нѣсколько такелажа и парусовъ. На
«взятомъ кутерьѣ было два офицера, 32 человека команды, нмѣ
«кутера Снопъ, начальникъ Ландстафъ. Оный довольно хорошъ
«и будетъ употребленъ въ здѣшней эскадрѣ.»

Въ то время, вновь строившимся судамъ въ Архангельскѣ не давали названія до ихъ прихода въ Кронштадтъ. Одинъ изъ нихъ № 9, получивъ поврежденія въ Океанѣ, долженъ былъ зазимовать въ Норвегію. Опасаясь его встрѣчи съ непріятелемъ, который изъ Готенбурга могъ по своему произволу высылать крейсеровъ, начальникъ эскадры Козляниновъ, въ обезпеченіе пути корабля № 9, послалъ отрядъ изъ двухъ фрегатовъ и двухъ кораблей подъ начальствомъ капитана генералъ-майорскаго чина Лежнева. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ и капитанъ Кроунъ получалъ повелѣніе занять постъ между Скагеномъ и шведскимъ берегомъ, для воспрепятствованія всякой коммерціи со Швеціею.

Снявшись съ якоря, на другой же день, Кроунъ овладѣлъ непріятельскимъ купеческимъ судномъ, отъ котораго узналъ, что шведскій сорокопушечный фрегатъ крейсируетъ въ Категатѣ. Во всѣхъ этихъ плаваніяхъ, Меркурій являлся настоящимъ корсаромъ: наружность его была нарочно обезображиваема; носу обтягивали палусиною, и бригъ скорѣе походилъ на купеческое судно, чѣмъ на военное. Хитрость эта, постоянно удававшаяся Кроуну, и въ этотъ разъ, при его приближеніи къ шхерамъ, вызвала съ острова Винг-э лоцмановъ; они выѣхали на своемъ ботѣ и не прежде узнали о своемъ обманѣ, какъ подойдя на ружейный выстрѣлъ къ бригу. Но не смотря на всѣ ихъ усилія удалиться подъ парусами и подъ веслами, Кроунъ самъ навелъ пушку, и удачно направленное ядро, пробивъ лодку, застало лоцмановъ искать спасенія на Меркуріи. Лоцманы, подтвердивъ слухи о шведскомъ фрегатѣ, присоединили, что онъ долженъ находится между островами Лесао (Лесе-э) и Анхольтомъ.

Романъ Васильевичъ бросился навздъ къ этимъ островамъ и встрѣтился съ капитаномъ генералъ-майорскаго ранга Лежневымъ, сигналомъ извѣстивъ его о непріятельскомъ фрегатѣ. Начальникъ отряда, откликнувшись на сигналъ, продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ; Меркурій послѣдовалъ за нимъ, въ увѣренности, что Лежневъ, имѣя болѣе подробную инструкцію и возможность на болѣе положительныя свѣдѣнія, конечно, знаетъ достовѣрнѣе о непріятелѣ. Отрядъ, прійдя къ Скагену, остался въ виду этого маяка, выполняя инструкцію вице-адмирала Козлянинова: «обезпечить путь шедшему изъ Архангельска кораблю № 9, дѣлать поиски надъ тремя фрегатами, крейсирующими около Готенбурга, и тревожить сколь возможно шведское плаваніе.»

Кроунъ, не довольствуясь обыкновенною дѣятельностію крейсера, и имѣя отдѣльную инструкцію отъ капитана Лежнева, подошелъ подъ корму, спросилъ: что онъ прикажетъ ему дѣлать? И получивъ въ отвѣтъ — исполнять повелѣніе вице-адмирала Козлянинова, пустился отыскивать непріятельскій фрегатъ въ Мальстрому, и 30 мая увидѣлъ его неподалеку отъ шхэръ подъ марселями. Такъ какъ Меркурій имѣлъ видъ совершенно купеческій, то и не обратилъ особеннаго вниманія шведскаго капитана, тѣмъ болѣе, что кутерь, лавируя при W, показывалъ видъ, что желаетъ обогнуть Скагенъ и не избѣгать сближенія съ фрегатомъ. Эти маневры продолжались до самой ночи, при наступленіи которой Кроунъ пустился искать отрядъ и увидѣлъ его на разсвѣтъ 31 мая въ бухтѣ у Скагена, но не входя въ нее, послалъ мичмана Лутохана, — вполнѣдствіи вице-адмирала — извѣстить о непріятельскомъ фрегатѣ, и просить содѣйствія къ его овладѣнію. Изъ отряда былъ отдѣленъ фрегатъ. Кроунъ подъ всѣми парусами пошелъ къ Мальстрому. Отряженный фрегатъ слѣдовалъ за нимъ въ довольно-дальнемъ разстояніи, уступая въ ходѣ Меркурію. Но уже у Мальстрома непріятеля не было! Увидѣвъ англійскій купеческій бригъ, лавирующий къ O, Кроунъ поднялъ шведскій флагъ и, подошедъ къ купцу, спросилъ: не видалъ ли онъ *нашего* фрегата? Обманутый шкиперъ отвѣчалъ, что видѣлъ его, сегодня утромъ по W сторону Скагена. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Романъ Васильевичъ взялъ курсъ по показанному направленію и вскорѣ увидѣлъ непріятеля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его опредѣлялъ шкиперъ. Подлѣ фрегата была маленькая шхуна, которая,

принявъ Меркурія за купеческое судно, пошла къ нему и только тогда удостовѣрилась въ обманѣ, когда Кроунъ, подувшій ее на близкое разстояніе, сбѣжалъ по ней выстрѣлъ ядромъ. Шхуна подъ всѣми парусами бросилась въ шхеры и впоследствии была взята отрядомъ Лежнева. Но, для капитана Кроуна, не шхуна, не мелкій призь готовился, а слава и возможность высоко встать своимъ подвигомъ, потому онъ пошелъ прямо на непріятеля; нашъ фрегатъ слѣдовалъ за нимъ, командиръ Лежневъ съ остальными судами былъ вдаль вдали, какъ бы готовясь засвидѣтельствовать представившуюся сцену: непріятельскій фрегатъ, подъ всѣми парусами, намѣревавшійся укрыться въ шхеры, за нимъ гонящійся бригъ, въ довольно близкомъ разстояніи. По захожденіи солнца, когда непріятель вошелъ въ шхеры, нашего отряда уже не было видно; русскій фрегатъ, назначенный поддерживать дѣйствія Кроуна, былъ вдали; Меркурій одинъ наблюдалъ свою добычу, и, чтобы обмануть врага, всю ночь дѣлалъ ложные сигналы, какъ бы переговариваясь со своимъ отрядомъ. Юня 1, утромъ, непріятель лежалъ подъ гротъ-марселемъ въ дрейфѣ, и Романъ Васильевичъ, не видя ни своего отряда, ни фрегата, поворотившаго на ночь въ море, пустился ихъ отыскивать, и увидѣвъ около 11 часовъ, подошелъ подъ корму командорскаго корабля, словесно увѣдомилъ: гдѣ и какъ оставилъ шведскій фрегатъ. Командоръ, въ отвѣтъ, приказалъ идти и атаковать непріятеля, гдѣ его встрѣтитъ.

Втеръ дулъ повутый къ шхерамъ; на Меркуріи поставили всѣ возможные паруса, но при входѣ въ шхеры сначала заштилѣло, потомъ вскорѣ теченіемъ и легкимъ вѣтромъ Меркурій поднесло къ непріятелю на выстрѣлъ, и Романъ Васильевичъ, воспользовавшись почти неподвижностію непріятеля и своимъ выгоднымъ положеніемъ, открывавшемъ ему корму и четверть праваго фрегатскаго борта, открылъ по нему огонь, прошегъ подъ его кормою, повернулъ на другой галсъ, прежде нежели подвергнули огню всю его дѣвую батарею, и снова началъ дѣйствовать продольными выстрѣлами по дѣвому борту и кормѣ, потомъ опять повернулъ въ цѣлой непріятельской батарее праваго борта, и по его приближеніи въ третій разъ, шведскій фрегатъ, отдавъ марсаллы, спустилъ флагъ передъ Меркуріемъ въ виду нашего отряда.

Въ этомъ перовномъ сраженіи, Меркурій былъ значительно обить въ рангоутѣ; убитыхъ было четыре человека, раненыхъ

шесть; на славшемся фрегатѣ Венусѣ, подъ командою майора Хамсона, находилось 340 человекъ: вчетверо болѣе, чѣмъ на бригѣ.

Юня 13го, вице-адмиралъ Козляниновъ доносилъ графу Чернышеву: «Взятый Шведскій фрегатъ, сколько мнѣ извѣстно, вооруженъ былъ въ Готенбургѣ отборными людьми, ходитъ столь хорошо, что ходомъ своимъ превосходитъ кутерь Меркурій, считаемый во флотѣ нашемъ легчайшимъ судномъ. Я употреблю всѣ мои силы, чтобы вооружить оный наилучшимъ образомъ; и команду надъ онымъ отдамъ капитану-лейтенанту Кроуну, который имъ овладѣлъ, и болѣе всѣхъ къ тому права имѣеть.»

На слѣдующій 1789 годъ, Кроунъ произведенный во второй рангъ съ награжденіемъ орденомъ Георгія 4-го класса, участвовалъ на своемъ фрегатѣ въ боевой линіи, состоявшей изъ десяти кораблей, расположенныхъ передъ Ревельскими укрѣпленіями.

2 мая, утромъ, показался шведскій флотъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала, герцога Зюйдерманландскаго.

Адмиралъ Шишковъ, описывая это сраженіе, говоритъ:

«Знаменитая по истинѣ побѣда сія одержана десятию кораблями и фрегатомъ надъ флотомъ троекратно ихъ сильнѣйшимъ. Слухъ о приближеніи шведскаго флота въ Финскій заливъ потревожилъ дворъ и столицу. Правительство хотя и предвидѣло сей случай, но не могло отвратить оный; ибо не возможно было Ревель оставить безъ защиты, а тѣснота ревельской гавани не позволила помѣстить въ ней больше десяти кораблей. Приближеніе весны и разныя извѣстія о сильномъ, роснѣвшемъ вооруженіи шведскаго корабельнаго и гребнаго флота возобновили и усилили страхъ и заботу. При отправленіи адмирала Чичагова въ Ревель разсуждали съ нимъ во дворцѣ о сей предстоящей ему опасности, желая узнать его о томъ мнѣніи. Онъ, не отрицая великости опасности и уважая превосходное число шведскаго флота передъ малочисленною ревельскою эскадрой, по долгомъ о семъ сужденіи напоследокъ сказалъ: ну да что же? Вѣдь не проглотятъ! Въ послѣдствіи Императрица, приказавъ изсѣчь мраморный бюстъ сего адмирала для постановленія онаго въ эрмитажѣ, написала свои собственные стихи, вырѣзанные подъ бюстомъ:

Съ тройною силою шли Шведы на него;
Узнавъ онъ речъ: Богъ защитникъ мой,

Не проглотятъ они насъ!
Отразивъ, пѣвиль и побѣду получили!

За великую побѣду Кроунъ награжденъ золотою шпагою съ надписью за храбрость.

Кронштадтскій флотъ, соединясь въ ревальскою эскадрю, заперъ линейный шведскій флотъ въ Выборгскомъ заливѣ, гдѣ находилась и его гребная флотилія, и самъ король на берегу съ сухопутными войсками. Открытымъ моремъ непріятель не могъ имѣть сообщенія со Швецію, и чтобы прекратить всякое сношеніе штерныя фарватеромъ, Романъ Васильевичъ, съ Венусомъ, фрегатомъ Прямиславомъ и четырьмя кутерами, былъ отправленъ для поисковъ къ Питкопасу, для устрашенія 16 непріятельскихъ судовъ, которые намѣрены были пройти изъ Фридрихсгама въ Выборгъ. Черезъ два дня Кроунъ донесъ, что изъ восьми непріятельскихъ судовъ, четыре взяты, одно ушло, а три сожжены самимъ непріятелемъ. Оставаясь на этомъ ложномъ вѣстѣ, Романъ Васильевичъ юня 21 былъ атакованъ шведскою флотиліею, состоявшею изъ 50 судовъ. Въ продолженіе трехъ-часоваго сраженія, непріятель подъ веслами три раза выстраивался въ линію, напая со всѣхъ сторонъ на фрегатъ Венусъ, и три раза былъ прогоняемъ, наконецъ сжегъ свои шесть канонерскихъ лодокъ, значительно поврежденныхъ, и скрылся между островами.

При прорывѣ шведскаго флота сквозь нашъ, въ Выборгскомъ заливѣ, Кроунъ, на своемъ фрегатѣ, атаковавъ часть непріятельской флотиліи, истребилъ ее, и преслѣдуя бѣгущій флотъ въ 11 часу ночи, догналъ у Гохланда одинъ изъ непріятельскихъ фрегатомъ, принудилъ его спустить флагъ, но не смотря на это выраженіе вкорности, непріятель, пользуясь ночьюю темнотою и попутнымъ вѣтромъ, успѣлъ уйти. Юня 23, продолжая гнать непріятеля, бѣжавшаго въ Свеаборгъ, фрегатъ Венусъ, при пособіи корабля Изяславъ, послѣ сраженія, продолжавшагося часть съ четвертью, овладѣлъ шестидесятипушечнымъ кораблемъ Ретвизонъ.

Жена Романа Васильевича была вѣрною спутницею во всѣхъ его сраженіяхъ и плаваніяхъ; она, одушевленная необыкновенною неустрашимостію и рѣдкимъ, въ женщинахъ, присутствіемъ духа, часто въ пылу сраженія исполняла должность фельдшера, и воезгдствіи была награждена ежегодною пенсіею въ 1000 руб. серебромъ.

И этотъ фрегатъ, столь знаменитый впоследствии на водахъ Средиземнаго Моря и въ дѣйствіяхъ противу Турокъ, подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, былъ принуждаемъ въ 1807 году слатся!

Лейтенантъ Насѣкинъ, посланный къ нашему посланнику уведомать его о геройскомъ рѣшеніи офицеровъ и команды Венуса, засталъ его въ самомъ тревожномъ расположеніи духа.

Англійскій министръ Друммондъ при Сицилійскомъ дворѣ, требовалъ, чтобы фрегатъ Венусъ и всѣ русскія купеческія суда, находившіяся въ сицилійскихъ портахъ, были бы ему выданы. Въ противномъ случаѣ онъ отказывался отъ продолженія субсидій, и грозилъ, что главнокомандующій англійскими войсками, генералъ Муръ, не будетъ ограждать острова отъ покушеній, дѣлаемыхъ Іосифомъ Бонапарте, королемъ Неаполитавскимъ, для присоединенія Сициліи къ своему королевству.

Нашъ министръ Татищевъ, осязываясь на скаванномъ ему королевою передъ официальнымъ разрывомъ съ Великобританіею: «Будьте увѣрены, король никогда не подниметъ оружія противу Россіи, Императоръ Александръ былъ всегда нашимъ двокровителемъ, и мы этого никогда не забудемъ»,—обратился прямо къ королю и королеви, испрашивая аудіенціи. Но, не смотря на это, маркизъ Черчели подалъ ему ноту, требуя, чтобы фрегатъ немедленно оставилъ Палермо въ теченіе одного дня.

«Фрегатъ не можетъ выйти безъ пороха изъ порта, когда на рейдѣ стоитъ непріятельская эскадра, и послѣдствія сраженія между силами столь неравными не могутъ быть сомнительны,—отвѣчалъ нашъ посланникъ.—Притомъ же, фрегатъ пришелъ въ портъ дружественный, въ немъ и останется до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, убѣжденный, что Его сицилійское Величество будетъ отвѣчать Императору Россійскому за всякое оскорбленіе, причиненное его флагу.»

— Говорите, говорите, на что рѣшился капитанъ? спросилъ посланникъ, отправивъ бумаги къ Черчели.

— Сжечь фрегатъ!

— Сжечь!

Угрюмое лицо посланника выяснилось; онъ попросилъ лейтенанта рассказать ему всѣ подробности.

— Передайте вашему капитану, говорилъ посланникъ, прощая лейтенанта, что я вижу въ немъ настоящаго Руссаго.

Намѣрованіе ваше героическое; но я постараюсь отвратить погибель храбрыхъ, обрѣкшихъ себя на столь славную смерть. Если же не успѣю въ моеи предпріятіи, то, окончивъ дипломатическое мое дѣло, самъ явлюсь на фрегатъ, и почту за счастье разделить съ вами опасность. А между тѣмъ попросите капитана доставить мнѣ немедленно сигнальныя книги и всѣ секретныя бумаги.

При выходѣ лейтенанта изъ дома посланника, его окружила цѣлая толпа любопытныхъ; всѣ старались узнать что намѣрены Русскіе дѣлать противу насилія Англичанъ, которыхъ власть уже таготила жителей Сициліи и которые хотѣли чѣмъ бы то ни было сбавить спеси у своихъ покровителей.

Улицы Палермо съ ранняго утра обращаются въ базаръ. Подвижные буфеты съ холодною водою и лимонадомъ передвигаются съ мѣста на мѣсто. Продавцы зелени, макаронныхъ и разныхъ фруктовъ кочуютъ по произволу. Вотъ цѣлый мясной рядъ. Тутъ же и ремесленники: кто точитъ, кто шьетъ. Далѣе, подвижная часовня съ восковыми изображеніями святыхъ. Женщина при всѣхъ, не церемонясь, кормитъ груднаго ребенка. Аббатъ говоритъ рѣчь окружающимъ. Шарлатанъ громкимъ голосомъ проповѣдуетъ о достоинствахъ своихъ эликсировъ, расписывая и дѣлая разные движенія тѣломъ и лицомъ, и приглашаетъ покупателей не скудиться; для каждаго изъ нихъ хранится у него средство, то приворожить сердце молоденькой дѣвушки, то разбогатѣть, похорошить или прожить за сто лѣтъ, сохранивъ молодость и здоровье. Бродящія лавароны слушаютъ и удивляются разсказамъ и подвигамъ своего собрата. Вездѣ шумъ, гамъ въ пестрой и несоритной толпѣ, мимо которой проходилъ лейтенантъ, направляя своей путь къ фрегату.

— Стой! Стой! Марса-фалы отдай! кричалъ мичманъ, изгоняя товарища у Моло.

— А! Ну, какъ ты управился? спросилъ лейтенантъ.

— Какъ нельзя лучше! отвѣчалъ мичманъ, весело смѣясь. Я говорилъ капитану, что доставимъ пороховъ у шкиперовъ. Каково я сказалъ мнѣ рѣчь! да и самихъ тащу на фрегатъ.

— Bravo!

— Рѣчь-то я говорилъ на всѣхъ языкахъ вдругъ, чтобы не оскорбить ни одной націи предпочтеніемъ.

— Чѣмъ ты!

— Право такъ! собралъ да и началъ говорить: сньюоры! вамъ

будеть плохо! А!.. У!.. О!.. отозвались сивьоры—въ этомъ родѣ, на своихъ природныхъ языкахъ; видишь ихъ забрало за живое! Потомъ я имъ сказалъ, что Англичане хотятъ ихъ конфисковать. Тутъ опять поднялись тѣже выраженія, но только болѣе продолжительныя. Намъ тоже плохо, заключалъ я варуиъ, хотамъ взорваться, да нѣтъ пороху, такъ капитанъ приказалъ попросить—не продадите ли? Ну, ужъ тутъ поднялся такой шумъ и крикъ, и такія длинныя рѣчи, что я, не разобравъ, рѣшился ихъ всѣхъ притящить на фрегатъ.

— Русскіе—наши старшіе братья, говорили Бокечцы. Они спасли насъ отъ Французовъ.

— Если бы не русская эскадра, кричали Греки: насъ перерѣзали бы Турки, разорили бы въ конецъ.

— Англичане варвары, ворчали Датчане: они выжгли Копенгагенъ.

— Одинъ только Бѣлый Царь могъ выбрать и прислать такого батьку, какъ Сенявинъ.

— На свой страхъ удержалъ Катаро и наши семьи спасъ отъ смерти.

— Слышишь ли, какъ я подкуражилъ ихъ своею рѣчью, не могутъ уговориться! замѣтилъ ничманъ.

Приблизясь къ фрегату, офицеры оправившись, шхиперы замолчали, и всѣ съ невольнымъ почтеніемъ вступили на Венусъ, гдѣ, съ пѣснями, матросы работали.

Команда, на верхней палубѣ по бортамъ, мостила банкеты, въ батареѣ заколачивали нѣкоторые борты, чтобы не разобщать свалы, не тратить лишнихъ зарядовъ и не подать неприятелю возможности влѣзть въ открытыя порты. На марсы подавали койки и устраивали изъ нихъ бруствера, сносили бадасть, привязывали его къ гордеямъ, для подѣса на ножи (концы) реи, откуда падала, онъ долженъ былъ проламывать неприятельскія шлюпки, пристающія къ фрегату и убивать неприятелей. Оттачивали abordажныя оружія, размѣщали ихъ по палубамъ. Дѣятельность на фрегатѣ была необыкновенная, словно въ разстроенномъ муравейникѣ, но по общей, веселой беззаботности, нельзя было предполагать, что уже смерть жадно смотрѣла на готовящуюся ей обильную жатву.

При выходѣ капитана на шканцы, Бокечцы, крижавъ правую руку къ сердцу и подбиравъ полы своихъ длинныхъ кавакшиновъ,

Названіе, присвоенное Черногорцами Русскому Императору.

чуть не до земли поклонились, не спуская съ него глазъ. Греки привѣтствовали его быстрыми движеніями рукъ и тѣла, осѣдая въ свои широкіе шаравары в размахивая длинными кистями красныхъ фесокъ. Датчанѣ кивнули красными, круглыми лицами и, по обыкновенію моряковъ, заложивъ руки за спину, съ глубокимысліемъ начали поводить большими пальцами рукъ, однимъ около другаго.

— Капитанъ! тебѣ нуженъ порохъ? Бери его весь, но только безъ платы, сказали Бокечцы.

— Бери всё, что захочешь! подхватили Греки.

— И мы согласны помогать! проговорили Датчане.

— Мы твои! Возьми насъ въ число команды! закричали Бокечцы, желая перещеголять всѣхъ усердіемъ.

— И насъ! и насъ! подхватили въ голосъ остальные шхиперы.

— Благодарю! отвѣчалъ капитанъ. Намъ нуженъ только—порохъ.

— Сейчасъ привеземъ! закричали въ одинъ голосъ шхиперы, бросаясь съ фрегата.

— Стой! Остановитесь! крикнулъ Датчанинъ. Послушайте, капитанъ! Вамъ не нужна наша команда, такъ позвольте намъ, на вашихъ фрегатскихъ шлюпкахъ напасть на Англичанъ, во время ихъ нападенія на фрегатъ.

Капитанъ, вмѣсто отвѣта, низко поклонился.

— И когда, ты взорвешь фрегатъ, проговорилъ Бокечецъ: мы засжемъ наши суда и пустимъ ихъ, прямо, на городъ.

— Засжемъ! засжемъ и пустимъ! повторили остальные.

— Чѣмъ же жители виноваты въ нашемъ несчастіи? возразилъ капитанъ. Правда, вмѣстѣ со мною взлетитъ на воздухъ сицилійская эскадра.

Онъ указалъ на корабль, въ который управился утлегаремъ.

— Но, это за то, продолжалъ капитанъ: что ея правительство не имѣетъ ни силы, ни даже хитрости отговорить Англичанъ, и доказать имъ, что безчестно цѣлою эскадрою нападать на одинъ фрегатъ. Безвинныхъ же жителей нужно щадать.

— Чего намъ ожидать отъ Англичанъ, когда они такъ поступаютъ съ военнымъ фрегатомъ! замѣтилъ одинъ изъ шхиперовъ.

— Мы непремѣнно засжемъ суда и высжемъ городъ! подхватили остальные, оставляя фрегатъ.

Изъ письма князя Александра Куракина, вѣнскаго посланника, къ морскому министру Павлу Васильевичу Чичагову видно слѣдующее:

«Нѣкто Николай и Тимофей Петроновичи, родомъ изъ Бюкдо ди—Катаро, во время пребыванія флота нашего въ Адриатическихъ и Ионическихъ моряхъ, были употреблены отъ командующихъ морскими силами Его Императорскаго Величества на собственныхъ судахъ, ими самими поужеными и содержанными, въ разныя посылки по службѣ Государя Императора. Находились при вѣвтин Курцолы и Браццы, по заключеніи мира отвозили войска наши изъ Катаро въ Венецію, и потомъ состоя въ Палермо съ фрегатомъ Венусомъ, оказали при семъ случаѣ равновѣрно великія услуги, доставивъ фрегату нашему шпорохъ и другіе воинскіе снаряды.»

Къ захожденію солнца, фрегатъ былъ снабженъ и приготовленъ выдержать уморную битву. Братья Петроновичи привезли три бочки пороха, а за ними датскіе и греческіе шхиеры доставили его столько на Венусъ, что онъ могъ дѣйствовать верхнимъ декомъ и тремя орудіями нижняго. Каждый стрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолета.

На фрегатѣ, обращенномъ, такъ сказать, въ сухопутную крѣпость, сдѣлалъ примѣрное ученіе, разставили каждого на предписанное мѣсто, и сорокъ человекъ назначили къ тому, чтобы заряжать и подавать готовые ружья стрѣлкамъ. Пистолеты, сабли, коны, пика, бердыши, ломы и ганшпуги были положены у каждого подъ руками.

При концѣ ученія, командѣ просвистала унять.

— Ну-ка, повробуемъ! ухмыляясь проговорилъ Губай, прибрасывая на плечо ружье.

— По-нашенски, вотъ такъ лучше! крикнулъ Ивановъ, замахиываясь на него ганшпугомъ.

Ванька, сорви-голова, схватилъ янку, кольнулъ слегка Иванова за спиной, и тѣмъ усмирилъ буйный духъ ражаго молодца, при громкомъ смѣхѣ окружающихъ.

Вечеромъ, вся пристань была покрыта экипажами и зрителями, и сви—всегдашнее выраженіе чувствъ и жизни южныхъ жителей—не раздалась. Всѣ, принявъ живое участіе въ судьбѣ Русскихъ, хотѣли взглянуть на новое, невиданное зрѣлище: какимъ образомъ фрегатъ и союзныя купеческія суда будутъ горѣть, а Англичане нападать. Тысячи зрителей и мѣсяцъ, отражался въ свѣ-

целъ тѣло-волнующагося залпа, отвѣчивались на бѣлыхъ мачтахъ фрегата, на его доснащемся рангоутѣ, и временами пробѣгали лучами своими по штыкамъ и стволамъ ружей часовыхъ, прохаживавшихся по палубѣ. Почти во всѣхъ домахъ Палермо, обращенныхъ къ пристани, свѣтились огни, и въ окнахъ мелькали тѣни любопытныхъ. На небѣ безмолвіе, на Моло и на набережной глухой ропотъ. Въ толпѣ проклинали Англичачъ; нѣкоторые говорили громко, что будутъ зрителями постыднаго зрѣлища; что огонь засаженныхъ судовъ, освѣтивъ Палермо, освѣтитъ потомству и современникамъ постыдную зависимость отъ корыстолюбивыхъ Англичанъ, и ужасную необходимость русскаго капитана предать своихъ сослуживцевъ неминуемой и жестокой смерти. Всѣ съ уваженіемъ провозносили имя капитана, офицеровъ, и съ тайнымъ ужасомъ смотрѣли на фрегатъ, погруженный въ тишину, въ мракъ ночи, который, какъ бы притаивъ, готовилъ скрытый отпоръ непріятелю.

Въ близкомъ разстояніи отъ Венуса держалась на веслахъ гичка.

— Что, Ровлей? сказалъ одинъ изъ сидящихъ: вѣдь нашъ министръ справедливо меня увѣдомилъ, что Русскіе приготовились къ отчаянной оборонѣ.

— Да, Адмиралъ! отвѣчалъ корабельный капитанъ: Русскіе не любятъ по-пустому тратить словъ. Они самый невыгодный для насъ непріятель; дерутся до послѣдней капли крови, но и тутъ не сдаются.

— За это-то Англичане ихъ любятъ и уважаютъ. По-моему, ежели нужно сражаться, такъ это съ достойнымъ, храбрымъ непріателемъ. Впрочемъ, русскій капитанъ долженъ понять, что для него я не измѣню своего рѣшенія овладѣть фрегатомъ.

— Онъ съ твердымъ, непоколебимымъ характеромъ.

— Тѣмъ хуже для него и для всей команды. Вѣдь я отъ имени цѣлой эскадры требую сдачи фрегата.

— И онъ все таки не сдастъ.

— Въ такомъ случаѣ принудимъ.

Въ два часа, когда лень началъ чуть брескить, десантные войска Англичанъ начали собираться къ кораблю, ближе всѣхъ стоящему къ Венусу.

На фрегатѣ пробилъ тревогу, команда встрепенулась, бросилась на свои мѣста, и батарея вдругъ освѣтилась фонарями.

— Съ Богомъ, ребята! Смотри, не плошай! услышался твер-

дый и звучный голос капитана, на который команда единодушно отвѣчала громкимъ ура!

Зрители всё вдругъ умолкли, присосли казалось къ своимъ мѣстамъ. Тысячи рукъ въ толпѣ начали креститься, между женщинами послышались глухія рыданія, всё ожидали минуты жестокаго, упорнаго сраженія.

Капитанъ, собравъ на шканцы офицеровъ, сказалъ: Господа! если не успѣютъ меня убить, то я самъ взорву фрегатъ на воздухъ. Если же меня убьютъ, то зажигайте Венусъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ старшему лейтенанту. Если же и васъ не станеть, то послѣдній изъ офицеровъ, оставшійся въ живыхъ, въ то время, какъ фрегатъ наполнится Англичанами, взорветъ крѣпость-камеру. А для выполненія моего приказанія, я кладу заряженный пистолеть на шпиль.

Всѣ офицеры, почтительно поклонясь, разошлись по своимъ мѣстамъ.

Вскорѣ шлюпки съ десантомъ отправились обратно къ своимъ кораблямъ, на фрегатѣ ударили отбой, и все по прежнему погрузилось въ тишину, словно она никогда не прерывалась.

Рано утромъ, англійскій корабельный капитанъ Ровлей пріѣхалъ на фрегатъ и былъ встрѣченъ съ полною почестію, по обыкновенію строго исполняемою между моряками.

На фрегатѣ заведенный порядокъ не прерывался, во всемъ видна была чистота, только рѣзко отдѣлялись сдѣланные изъ простыхъ досокъ банкеты отъ выкрашенныхъ шканцевъ, да мѣстами на палубѣ въ кучу были сложены абордажныя оружія, а къ носамъ рей подняты связки балласту.

Русскій и англійскій капитаны остановились у шпиля, на которомъ лежалъ заряженный пистолеть.

— Я долженъ вамъ объявить, сказалъ Англичанинъ, подавая письмо: что имѣю предписаніе отъ адмирала, дать вамъ времени на размышленіе только до полудня.

— Я не замедлю отвѣтомъ; но, вотъ вамъ честное слово, что мой фрегатъ никогда не будетъ вашимъ.

И Андреевъ принялся читать слѣдующее письмо:

«Его Британскаго Величества корабль *Ролль-Соверинъ*. Палермо.

Милостивый Государь!

«Объявленіе войны между Великобританією и Россією даетъ мнѣ право требовать сдачи фрегата эскадрѣ Его британскаго Величества. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь, «ни побѣгъ, ни сопротивленіе ясно невозможно, и слѣдствіемъ «безполезной защиты будетъ вѣрная потеря храбрыхъ людей, «вамъ подчиненныхъ, а потому надѣюсь, что не принудите меня «къ прискорбной необходимости поддержать мое требованіе силою оружія.

Милостивый Государь!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Торнброу,

Вице-адмиралъ Его Британскаго Величества.»

Капитанъ, прочитавъ письмо, показалъ его офицерамъ и, обратясь къ командѣ, сказалъ:

— Ребята! Вчера мы дали другъ другу слово умереть съ честью, и теперь я требую вашего подтвержденія.

— Умремъ всѣ, но не сдадимся! закричали въ одинъ голосъ его окружавшіе.

— Умремъ всѣ, но не сдадимся! подхватили въ палубѣ, и словно эхо перекатомъ переносило одинъ и тотъ же звукъ въ разныя мѣста.

Удивленный Англичанинъ смотрѣлъ кругомъ и не спросилъ даже о значеніи этого крика, раскланялся и поспѣшно уѣхалъ съ фрегата.

Капитанъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной, зная права неутралитета и гостепрѣимства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй

почитаемы были священными и ненарушаемыми, я считаю себя безопаснымъ отъ васъ.

Имѣю честь быть

Вашего превосходительства,
милостиваго государя,
покорный и послушный слуга
Кондратій Андреевъ,

Его Императорскаго Величества, моего
Всемилоствѣйшаго Государя капитанъ-
лейтенантъ и командующій фрегата Ве-
нуса, въ Палермской гавани, 1807 года
27 декабря ст. стила.»

Съ этимъ письмомъ былъ посланъ мичманъ Броневскій, ко-
торый въ своей замѣчательно-хорошей книгѣ, подъ заглавіемъ
Записки морскаго офицера, сохранилъ для потомства знамени-
тый подвигъ фрегата Венуса. Мы рѣшаемся здѣсь привести
сполна весь рассказъ Броневского, какъ дѣйствующаго лица.

«Имѣя на ялюпкѣ бѣлый флагъ, присталъ я къ адмираль-
скому кораблю Рояль-Соверинъ. Капитанъ корабля, встрѣтивъ
«меня у лѣстницы и не допустивъ караульнаго офицера зая-
«звать мнѣ глаза, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: вотъ какъ обстоя-
«тельства переменяются, и мы теперь непріатели; но однакожъ
«никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Русскій
«всегда будутъ уважать другъ друга. Между тѣмъ подошли мы
«къ двери, шесть часовыхъ съ офицеромъ отдали мнѣ честь,
«мы вошли въ каюту. Адмиралъ выступилъ впередъ, поклонил-
«ся, разорвалъ пакетъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови,
«поднесъ письмо ближе къ глазамъ, потомъ подошелъ къ окну,
«еще разъ посмотрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и, подавая оное
«капитану, сказалъ: похоже на греческія литеры. Потомъ, обер-
«нувшись ко мнѣ, продолжалъ: я не умѣю читать по русски, вы
«говорите по англійски, то чтобы скорѣе кончить наше дѣло,
«объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключается?»

— «Мнѣ поручено только вручить его вашему превосходитель-
«ству.

— «Такъ вы хотите вестъ дипломатическую переписку?»

«Я молчалъ.

«Адмиралъ взглянулъ на меня и, уразумѣвъ, что я отвѣчать
«не хочу, закинулъ руки за спину и началъ ходить по каю-

тѣ. При каждомъ оборотѣ окидывалъ онъ меня съ ногъ до головы суровымъ взоромъ, я смотрѣлъ въ окно или спускалъ «внизъ глаза. Адмиралъ, остановясь и подумавъ нѣсколько, наконецъ отрывисто сказалъ: пожалуйте обождите, я позову васъ, «когда будетъ нужно. Я поклонился, вышелъ, меня проводили «въ каютъ-компанію; знакомые офицеры, обступя меня, спрашивали: чѣмъ вы кончили?—Ничѣмъ! И разговоръ обратился на «посторонніе предметы. Подали чай, завтракъ и газеты. Каждый офицеръ приглашалъ меня въ свою каюту, потомъ водили «меня по всему кораблю, считали сколько ядеръ попало въ «него въ Трафальгарскомъ сраженіи, и наконецъ показали прекраснѣйшій арсеналъ на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистолеты—чистые и свѣтлые какъ стекло; гвозди, рымы, блоки и прочія «принадлежности расположены по стѣнамъ точно такъ, какъ въ «галантерейной лавкѣ. Вышедъ на верхъ, я посмотрѣлъ на часы, и четыре часа уже прошло.

«Какъ Англичане и у министра своего не могли видно сыскать, кто бы перевелъ письмо, то меня въ сіе время и позвали къ адмиралу въ каюту.

«— Садитесь! Вы не хотите сдать? такъ началъ Торнброу, «и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегатъ вашъ «свою, или на что-нибудь надѣетесь?

«— Мы сначала полагали, отвѣчалъ я, что вы для одного «фрегата не нарушите должнаго уваженія къ королю, которому невозможно, какъ казалось, предать насъ въ руки непріятеля; надѣялись, что Его Величество не потерпитъ, чтобы въ «его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флагъ того «Императора, который два раза возвращалъ ему престолъ, но «теперь мы знаемъ ваше намѣреніе и его мысли, не ожидаемъ ни отъ кого никакой помощи и почитаемъ себя обязанными исполнить то, что долгъ намъ повелѣваетъ.

«— Оставимъ разсужденія, возразилъ адмиралъ: и заключимъ «тѣмъ, что вы должны сдать, ибо переговоры наши иначе «кончатся не могутъ.

«— Одно средство, которое отъ имени капитана осмѣливаюсь «предложить вашему превосходительству, можетъ васъ и насъ «избавить отъ нареканія: позвольте фрегату выйти изъ Палермо; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ, и послѣ 24 часовъ, не нарушая сихъ правъ,

«не оскорбляя короля, мы въ морѣ, а не въ гавани, сражались, арѣшнимъ: кому предъ кѣмъ спустить флагъ.

«Адмиралъ, никакъ не ожидавшій такого предложенія, взглянувъ въ окно, сказалъ: the bird, which is in a cage, is of more value than in the air (птичка въ клеткѣ, всегда лучше, чѣмъ на свободѣ). Не правда ли, что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? Но неужели вы думаете ускользнуть отъ цѣлой эскадры? Я не могу однако жъ, продолжалъ адмиралъ, вѣсколькo подумавъ, согласиться на предложеніе ваше, во первыхъ, что обязался бы отвѣтомъ моему правительству за напрасное пролитіе крови тогда, какъ могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во-вторыхъ изъ личнаго уваженія къ русскому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ, могущихъ съ пользою служить своему отечеству, я не отнимаю у васъ чести, предлагая сдаться цѣлой эскадрѣ, а не одному кораблю.

«— Вашему превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только доставить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ возвратиться.

«— Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, по послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній.

«Капитанъ, пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажется, имѣлъ порученіе уговорить меня. Вотъ разговоръ мой съ нимъ.

«— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семь случаевъ не къ мѣста! Любящему свое отечество должно беречь жизнь для лучшихъ обстоятельствъ. Сдаться превосходному въ силахъ неприятелю отнюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привести многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую войну два нашихъ корабля въ туманѣ сошлись съ испанскими флотомъ и сдались безъ драки.

«— Русскіе, отвѣчалъ я: безъ сраженія никогда не сдаются.

«— Но въ нынѣшнемъ положеніи, возразилъ капитанъ: кому нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если капитанъ и офицеры согласятся, продолжалъ капитанъ, сдаться безъ сраженія, то не будутъ имѣть причины жаловаться на плѣнъ. Вы въ Англіи будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо

«приняты, и я особенно съ моей стороны предлагаю вамъ домъ мой въ Лондонѣ.

«— Свободнымъ, а не плѣннымъ, я былъ бы обязанъ благодарить за вѣжливость вашу, но теперь повторяю вамъ, что я «не уполномоченъ вести переговоры, и чтобы не тратить напрасно словъ, прошу позволить мнѣ возвратиться на фрегатъ.

«Въ это время доложили капитану, что ѣдетъ министръ «Друммондъ.

«Я прохаживался по шканцамъ съ офицерами, какъ вдругъ «подняли сигналъ, и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ вер- «пами пошли къ кораблю Игль. Это значило, что рѣшились «взять Венусъ силою. Подошедъ къ капитану, я просилъ его до- «ложить адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ не медля «отвѣтъ.

«— Его превосходительство, отвѣчалъ мнѣ капитанъ: жела- «етъ, чтобы вы остались здѣсь, а шлюпку вашу можете отпус- «тить.

«— Остаться здѣсь! Неужели, капитанъ, вы хотите задержать «меня? Напомните его превосходительству, что я парламентёръ, «и кто повѣритъ, чтобы вы меня задержали? Товарищи мои по- «думать могутъ, что я самъ, по своей волѣ, остался у васъ на «кораблѣ. Надѣюсь, что англійскій адмиралъ, безъ нужды и «причины, такъ безчестить меня не пожелаетъ.

«— Успокойтесь, пожавъ мнѣ руку, сказалъ капитанъ: поѣз- «жайте. Очень впрочемъ жалѣю, что вы, будучи уже ранены, «не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избѣг- «нуть.»

Число экипажей на набережной Марино, Моло и пристани уве- личивалось съ каждымъ часомъ. Все пространство берега, всѣ «окны и терасы домовъ, обращенныя къ гавани, были наполне- ны зрителями и зрительницами, одѣтыми, по обыкновенію юж- ныхъ жителей, въ яркіе цвѣта. Словно всѣ собрались къ ка- кому-нибудь торжественному празднеству.

И... вотъ стопушечный корабль Игль (Орель) снялся съ якоря и на завозахъ потонулся къ Венусу; каждая минута все болѣе и болѣе сближала противниковъ и показывала неровность силъ. Вотъ уже корабль, какъ великанъ, рисуется передъ фрега- томъ, готовясь его сокрушить однимъ вѣрнымъ залпомъ. У зрителей замираютъ сердца, дыханіе захватывается, еще ми-

нуга... и можно уже заранѣе судить о послѣдствіи сраженія. Англичане явно издѣваются надъ безсиліемъ своихъ союзниковъ, рѣшаясь безславно овладѣть фрегатомъ, въ глазахъ короля и народа, подъ стѣнами крѣпостей, въ столицѣ, въ средоточіи жителей цѣлаго острова, не уважая ни общественныхъ, ни частныхъ правъ. Но и на всѣхъ крѣпостяхъ вдругъ подняли флаги, чего прежде не дѣлывали, изъ города въ клубахъ пыли показалась скачущая артиллерія по направленію къ фрегату, за артиллерією выступала гвардія. Народъ привѣтствовалъ королевское войско изступленными криками радости.

И въ то время, какъ англійскій корабль становился борто-оборть съ фрегатомъ, готовясь по немъ дѣйствовать своею артиллерією на самомъ близкомъ разстояніи, на Венусъ подняли сицилійскій флагъ при неумолкаемыхъ, восторженныхъ крикахъ всего палермскаго народонаселенія.

Русскій министръ, воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ, усѣлъ въ частной аудіенціи уговорить короля, взять лучше нашъ фрегатъ себѣ, нежели отдать его, въ своей собственной гавани, Англичанамъ. И когда корабль уже почти подтянулся къ фрегату, явился уполномоченный отъ сицилійскаго правительства, полицеймейстеръ палермскій, кавалеръ Кастроппи, и вмѣстѣ съ нимъ отъ нашего министра секретарь посольства Булгаковъ.

Первый, именемъ короля, объявилъ, что фрегатъ со всѣми принадлежностями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира возвратится русскому правительству, офицеры и служители, ежели согласятся сдаться безъ сраженія, пагубнаго всему палермскому порту, будутъ почитаемы не плѣнными, а гостями, и при первомъ случаѣ, по полученіи отъ Императора Россійскаго приказанія, или останутся въ Палермо, до заключенія мира съ Англією, или возвратятся въ Россію сухимъ путемъ. Въ заключеніе король бралъ на себя содержаніе команды и офицеровъ по русскому штату.

Секретарь посольства подтвердилъ, что самъ нашъ посланникъ исходатайствовалъ эту капитуляцію, и что фрегатъ можетъ ею воспользоваться. Вотъ эта капитуляція въ переводѣ съ Итальянскаго:

«Кавалеръ Татищевъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества Императора Всѣроссійскаго, при Его Величествѣ Королѣ обѣихъ Сицилій, вотю отъ сего числа

объявлялъ, что согласно предъядущимъ нотамъ, полученнымъ отъ министерства Его Величества Короля обѣихъ Сицилій, отъ 7 и 9 числа сего мѣсяца, онъ предполагалъ, что обѣ Державы находятся въ военномъ положеніи, а по сему и снялъ Императорскій гербъ съ своего дома *.

«Въ слѣдствіе такового объявленія, Его Величество Король обѣихъ Сицилій обязанъ извѣстить командующаго Россійскимъ фрегатомъ, прося его о сдачѣ Венуса правительству Его Королевскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ подвергнется кровопролитію множество храбраго народа.

«Отъ скорого и рѣшительнаго отвѣта зависѣтъ будутъ дальнѣйшія мѣры Его Величества

«Палермо, 18 января 1808 года.

Командующій королевскимъ флотомъ

Діего Вазелп.»

Капитанъ, получивъ единодушное согласіе офицеровъ на предложеніе короля, собралъ кругомъ себя команду, объяснилъ ей въ чемъ дѣло и, возвысивъ голосъ, спросилъ: согласны ли вы, ребята, сдать фрегатъ?

— Какъ прикажете! отвѣчала въ одинъ голосъ команда.

Къ поднятымъ сицилійскимъ флагамъ былъ поставленъ караулъ изъ матросовъ, перевезенныхъ съ корабля Архимедъ.

Нашу команду перевезли на Моло, построили во фронтъ, и изъ ружей, которыми готовились омытъ безчестіе своего флага, привѣтствовали его пальбою и криками ура при выноскѣ съ фрегата.

Нашихъ матросовъ, которые впослѣдствіи сухимъ путемъ достигли Россіи, помѣстили въ Сицилійскій, упраздненный монастырь. Офицерамъ былъ нанятъ особенный домъ. Фрегатъ по описи былъ сданъ сицилійскому правительству, которое впослѣдствіи за него выплатило 128,000 неаполитанскихъ дукатовъ, включая въ эту сумму и удовлетвореніе за два брига черногорскихъ дворянъ Петровичей.

Такимъ образомъ кончилось, къ общему удовлетворенію обѣихъ сторонъ, памятное происшествіе, которое бы, безъ при-

* Въ Италіи принято, чтобы на домахъ, занимаемыхъ посланниками, вывѣшываемы были гербы ихъ націй. Въ случаѣ разрыва гербъ снимается.

сутствія духа російскаго министра и геройской рѣшительности капитана Андреянова и его офицеровъ, могло бы имѣть дурныя послѣдствія.

Король, благодаря Дмитрія Павловича Татищева, за то, что доставилъ Его Величеству средство доказать Государю Императору преданность, не подвергая себя ищению Англичанъ, проговорилъ со свойственною ему, добродушною улыбкою:

«Что дѣлать намъ островитянамъ! Гдѣ много воды, тамъ много и Англичанъ!

ВЛАДИМИРЪ ВОЙТЪ.

Современная Летопись и Политика.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

Крѣпость Воздвиженская, 5-го іюля 1848 года.

Въ исходѣ мая и началѣ іюня войска наши собрались на указанныхъ пунктахъ для производства инженерныхъ и строительныхъ работъ, охраненія края и наступательныхъ дѣйствій.

Дагестанскому отряду назначено овладѣть укрѣпленнымъ ауломъ Гергебилемъ.

Чеченскій отрядъ расположился на правомъ берегу Аргуна, дабы отвлечь часть непріятельскихъ силъ; личное присутствие отряда при главномъ командующаго не могло не возбудить опасеній Шамиля, и заставило его стянуть значительныя скопища въ Большую Чечню.

Однако горцы только изрѣдка завязывали перестрѣлки съ нашими фуражирами. Покушеніе двухъ конныхъ пар-

тій на покорные аулы: Старый Юрть и Брагуны, отражены съ потерею для нихъ.

На Кумыкской плоскости, Генеральнаго Штаба полковникъ Веревкинъ совершилъ удачный поискъ для наказанія аула Ахмать-Тала, главнаго притона абрековъ и хищниковъ. Отрядъ изъ 14-ти ротъ пѣхоты, двухъ въскадроновъ драгунъ, шести сотенъ казаковъ при 4-хъ орудіяхъ, выступилъ ночью на 24-е іюня изъ Герзель-Аула вверхъ по правому берегу рѣки Аксай, по чрезвычайно трудной дорогѣ, и такъ скрытно исполнилъ движеніе, что засталъ аулъ совершенно въ расплохъ; все имущество его и стада достались войскамъ; селеніе, запасы сѣна и хлѣба преданы огню. На обратномъ движеніи, уже по лѣвому берегу Аксай, полковникъ Веревкинъ отразилъ всѣ нападенія преслѣдовавшаго его непріятеля.

Истребленіе сего аула произвело сильное впечатлѣніе на враждебныхъ намъ горцевъ. Потеря ихъ весьма значительна; въ числѣ убитыхъ много абрековъ, бывшихъ проводниками хищническихъ партій. Съ нашей стороны убито 12 нижнихъ чиновъ, ранены одинъ унтеръ-офицеръ и 114 нижнихъ чиновъ.

Въ Дагестанѣ, войска дѣйствующаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго, подступили 13-го іюня къ Гергебилю; 16-го на разсвѣтъ заняли съ бою противоположащія высоты, и приступили къ постройкѣ временныхъ батарей и проведенію между ними траншей. Гергебиль, независимо отъ весьма сильной обороны самаго аула, защищенъ укрѣпленнымъ лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣки Кара-Койсу: на сей рѣкъ оставленъ одинъ только мостъ, при селеніи Кикуну, также весьма сильно укрѣпленный. Собственно аулъ вооруженъ тремя орудіями; внѣ укрѣпленія непріятель имѣлъ четыре орудія.

Съ прибытіемъ войскъ нашихъ, со всѣхъ сторонъ начали собираться партіи подъ начальствомъ Хаджи-Мурада, но ихъ предпріятія ограничились ночными тревогами.

Для совершеннаго обложенія аула, оставалось занять высоты къ селенію Кудуку и обширные сады, между симъ

высотами и рѣкою Гергебилькою, къ сѣверо-западу простирающіеся.

Эти высоты заняты съ бою 23-го іюня, колонною полковника Евдокимова изъ 4-хъ баталіоновъ и всей кавалеріи отряда, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ тотъ же день, передовыя войска колонны генераль-Маіора Брицмера, подъ начальствомъ Флигель-адъютанта полковника князя Барятинскаго, изъ 2-хъ баталіоновъ егерскаго князя Чернышева полка и одного Дагестанскаго пѣхотнаго, двинуты для занятія оврага рѣкѣ Гергебильки. Оставивъ шесть ротъ при самой рѣчкѣ, полковникъ князь Барятинскій, съ остальными ротами, быстро перешелъ оврагъ и, расположившись на противоположномъ его берегу, приступилъ немедленно къ устройству спуска къ рѣчкѣ. Встревоженный непріятель открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, и многочисленныя толпы, вышедшія изъ аула и укрѣпленнаго лагеря, отчаянно атаковали наши войска, бросаясь въ шашки. Храбрыя егеря, предводимые смѣлымъ своимъ командиромъ, встрѣтили ихъ штыками, и отбросивъ назадъ съ большою потерю, подвинулись впередъ по садамъ и пересѣкающимъ ихъ террасамъ. Въ это время генераль-маіоръ Брицмеръ подкрѣпилъ передовыя войска третьимъ баталіономъ Дагестанскаго полка, подъ командою маіора Соймонова, и этими соединенными силами полковникъ князь Барятинскій обратилъ непріятеля въ совершенное бѣгство; два горные единорога, осыпая бѣгущихъ картечью, довершили ихъ пораженіе. Въ рукахъ нашихъ остались два непріятельскіе значка, взятые третьимъ баталіономъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, до 60-ти тѣлъ и множество разнаго рода оружія. Блестательное, но упорное это дѣло не могло остаться однако безъ потерь съ нашей стороны: кромѣ командира 4-го баталіона егерскаго князя Чернышева полка, храбраго маіора Кириленко и капитана Старосельскаго, убито нижнихъ чиновъ 38; ранено: офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 119.

На другой день полковникъ князь Орбеліанъ, съ колонною, назначенною для занятія садовъ, прошелъ ихъ безъ выстрѣла до наружной опушки, и вошелъ въ связь съ пол-

ковникомъ Евдокимовымъ. Вслѣдъ за тѣмъ прорублены въ садахъ просѣки и заложены три редута. Такимъ образомъ, къ 27-му іюня остался Гергебилскому гарнизону только одинъ весьма неудобный выходъ въ Аймякинское Ущелье; но и это послѣднее сообщеніе должно быть теперь отрезано занятіемъ селенія Аймяки. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, устраивались уже баттарей для разрушенія стѣнъ и бомбардированія аула.

Съ открытія дѣйствій противъ Гергебила по 29-е число іюня, со включеніемъ дѣла 23-го числа, убито штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 49; ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 190.

Въ Кази-Кумыкскомъ Ханствѣ, Даніель-Бекъ Элисуевскій спустился съ значительною партіею къ покорному мамъ-селенію, но настигнутый управляющимъ ханствомъ, гвардіи ротмистромъ Агаларъ-Беккомъ, понесъ совершенное пораженіе, и оставилъ на мѣстѣ 7 человекъ плѣнныхъ и 70 тѣлъ. На прочихъ пунктахъ Кавказа спокойствіе не нарушалось, и предпринятія нами работы продолжаются безпрепятственно и съ успѣхомъ.

22 Іюля прибылъ сюда Генеральнаго Штаба капитанъ Баронъ Николай со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ о занятіи укрѣпленнаго аула Гергебила войсками Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукова.

Это важное событіе сопровождалось слѣдующими обстоятельствами.

Къ 29-му іюня аулъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ Аймякинскаго Ущелья, и приступлено было къ устройству брешъ-баттарей.

Послѣ сего инженерныя работы производились быстро и успѣшно. Полковникъ Джафаръ-Кули-Ага съ тремя ротами пѣхоты и кавалеріею занялъ селеніе Аймяки, такъ что къ 5-му іюля сообщеніе гарнизона съ вышними толпами было

совершенно истреблено, а брешь-баттарей окончены и вооружены.

6-го числа съ разсвѣтомъ началось бомбардированіе аула. Дѣйствуя неумолкаемо въ продолженіе 18-ти часовъ, наши баттарей разрушили часть аула, прилегающую къ Аймякинскому Уцелю, водяную башню и водопроводы.

Гарнизонъ не могъ выдержать сего огня; ему угрожало совершенное лишеніе воды; онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Въ 10 часовъ вечера, горцы разсыпались изъ аула по всемъ направленіямъ; но на всѣхъ пунктахъ встрѣчены были штыками нашихъ передовыхъ пѣстовъ и картечью баттарей.

Войска вступили въ аулъ на разсвѣтъ 7-го іюля.

Не говоря объ огромной потерѣ непріятеля во время бомбардированія аула и гибельнаго отступленія, онъ оставилъ въ нашихъ рукахъ всю бывшую въ аулѣ артиллерію: двѣ пушки и одну мортиру, паркъ съ снарядами и запасомъ пороха, и значительное количество всякаго рода оружія и имущества. Съ нашей стороны при этомъ случаѣ потери не было.

Шамиль, какъ и въ прошломъ году при Салтахъ, былъ свидѣтелемъ взятія укрѣпленія, объявленнаго имъ недоступнымъ, и истребленія или бѣгства гарнизона, обязавшагося присягою не оставлять Гергебиля Русскимъ.

Государь Императоръ, по полученіи сего донесенія, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго генераль-адъютантомъ, а капитана Барона Николая Флигель-адъютантомъ Его Величества.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСЕРИПТЪ,

даннѣй на имя Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генераль-адъютанта князя Воронцова.

Князь Михаилъ Семеновичъ! Одобривъ предположенія ваши о военныхъ дѣйствіяхъ въ нынѣшнемъ году, на Кав-

казь, Я былъ увѣренъ, что дѣйствія эти увѣчаются полнымъ успѣхомъ. Нынѣ, Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу исполненіе Моихъ ожиданій въ покореніи, съ самою незначительною потерей, укрѣпленнаго аула Гергебила, занятіе коего столь важно въ видахъ вѣщаго утвержденія Нашего владычества въ Дагестанѣ. Относя этотъ подвигъ къ храбрости Кавказскихъ войскъ, Я поставляю Себѣ пріятнымъ долгомъ отдать полную справедливость, что вамъ главнѣйше приготовлены все средства къ успѣшному его совершенію. При надлежащемъ обезпеченіи передовыхъ укрѣпленныхъ линій, усиливъ Дагестанскій отрядъ, и снабдивъ его, съ особенною заботливостью, всеми матеріальными способами, вы дали генералъ-Адъютанту князю Аргутинскому-Долгорукову соответственныя наставленія, которыя онъ исполнилъ съ свойственною ему твердостью и благородіемъ. Между тѣмъ, съ вѣрнымъ взглядомъ опытнаго полководца, вы предприняли движеніе въ самыя нѣдра Чечни, и, присутствіемъ въ сей области отряда подъ личнымъ вашимъ предводительствомъ, успѣли отвлечь значительныя силы непріятеля отъ помощи Гергебилю. За сей новый опытъ полезнаго и достохвальнаго служенія вашего, возобновляю вамъ искреннюю Мою признательность, пребывая навсегда неизмѣнно къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петербургъ, 22-го іюля 1848 года.

О ВСТУПЛЕНІИ РОССІЙСКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ МОЛДАВІЮ И ВАЛАХІЮ.

Въ Journal de St. Pétersbourg напечатано:

«Событія, совершившіяся въ недавнее время въ Дунайскихъ княжествахъ, побудили Государа Императора оторвать туда на время отрядъ войскъ, назначенный для того,

чтобы возстановить тамъ порядокъ, въ согласіи и союзу и со войсками, которыя посылаетъ туда со своей стороны Оттоманская Порта. Побудительныя причины этого распоряженія и касающіяся до нихъ политическія соображенія, изложены Императорскимъ кабинетомъ своимъ представителемъ въ чужихъ краяхъ въ депешѣ отъ 19 іюля, которую они получили приказаніе сообщить правительствамъ и публикѣ въ Европѣ. Сообщаемъ ее вполнѣ:

«Положеніе Дунайскихъ княжествъ, въ которыхъ безнокѣнное меньшинство уже нѣсколько мѣсяцевъ угрожало обществу спокойствію, приняло вдругъ столь важный оборотъ, что Государь Императоръ не могъ долге не обращать на него вниманія. Вы знаете событія, совершившіяся въ последнее время въ Валахіи, покушеніе на жизнь Господаря, его отреченіе и бѣгство, учрежденіе временнаго правительства, и начала, которыя провозгласила эта новая власть, импровизированная мятежемъ, безъ уваженія къ владычеству, принадлежащему Оттоманской Портѣ, и въ явномъ противорѣчій протекторству Россіи. Какъ скоро планъ революціонеровъ удался съ этой стороны, они немедленно задумали распространить его и на Молдавію. Множество эмигрантовъ, Валахскихъ и иностранныхъ, уже разсыялось тамъ. Молдавскіе бояре, удалившіеся въ Буковину, собрали силы, чтобы идти на Яссы, и союбно со своими приверженцами въ Трансильваніи и даже Бессарабіи, мятежники готовили возстаніе, результатомъ котораго должно было быть, какъ и въ Валахіи, умерщвленіе или изгнаніе Господаря, низпроверженіе существующаго порядка, и соединеніе обоихъ княжествъ въ одно государство безъ великихъ связей съ Россіею или Оттоманскою Портю. При такихъ обстоятельствахъ намъ медлить было невозможно. Порта, со своей стороны, почувствовала, что дѣло идетъ о ея собственномъ существованіи. Въ слѣдствіе этого объ Державы, которымъ однѣмъ, на основаніи существующихъ договоровъ, принадлежитъ право опредѣлять положеніе обихъ провинцій, согласились между собою, чтобы возстановить учрежденный ими порядокъ, и съ этою цѣлію соеди-

нейныя ихъ войска вступили туда для совокупныхъ дѣйствій.

« Не безъ живаго сожалѣнія и не безъ зрѣлаго размысленія Императоръ рѣшился принять эту важную мѣру. При нынѣшнемъ состояніи Европы и расположеніи умовъ, Его Владичеству несравненно пріятнѣе было бы не быть принужденнымъ выйти изъ своего неподвижнаго положенія. Одно уже то, что Русскія войска перешли за границу Имперіи, должно произвести сильное впечатлѣніе. Мы отнюдь не скрываемъ отъ себя, что оно подаетъ поводъ къ злонамѣреннымъ толкованіямъ. Мы всегда отрекались отъ всякаго участія въ чужихъ дѣлахъ, отъ всякой идеи какихъ либо насильственныхъ дѣйствій. Агентамъ нашимъ въ чужихъ краяхъ еще недавно предписано было повторить эти увѣренія въ Германіи. По этому, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, будутъ стараться противопоставить намъ эти объявленія, чтобы, если можно, уличить насъ въ противорѣчіи самимъ себя. Въ глазахъ людей добросовѣстныхъ это противорѣчіе не существуетъ. И дѣйствительно, мы объявили, что не имѣемъ намѣренія выѣзживать въ различные преобразованія, которыя сосѣдственныя съ нами государства захотѣли бы произвести въ своемъ внутреннемъ управленіи. Но очевидно, что подобное обязательство можетъ относиться только къ Европейскимъ государствамъ, которыя сносятся съ нами, какъ Держава съ Державою, къ государствамъ независимымъ, коихъ общественное устройство не состоитъ ни въ какой связи съ политическими договорами, опредѣляющими ихъ границы. Въ отношеніи къ этимъ государствамъ, мы не считаемъ себя въ правѣ, равно какъ и не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія, оказывать какое либо покровительство или вліяніе. Вопросъ совершенно измѣняется въ отношеніи къ княжествамъ, которыя не суть государства признанныя, но просто провинціи, составляющія нераздѣльную часть Имперіи, обязанныя данью ея Государю, управляемыя временно князьями, которыхъ избраніе имѣетъ нужду въ утвержденіи, и которыя, въ отношеніи къ Россіи, существуютъ политически только по силѣ договоровъ, заключенныхъ

между Оттоманскою Портою и нами, договоръ, не имвующихъ ничего общаго съ соглашениями, на которыхъ основывается публичное право Европы. Только этимъ договорамъ, и въ особенности Бухарестскому, Аккерманскому и Адрианопольскому, Молдавія и Валахія обязаны привилегіями, прибавленными или замѣнившими тѣ, которыми онѣ пользовались первоначально на основаніи своихъ старинныхъ капитуляцій съ Портою—образомъ избранія Господарей, освобожденіемъ отъ тягостныхъ повинностей, замѣненныхъ болѣе умѣренною, ежегодною данью, свободнымъ исповѣданіемъ религіи, свободою ихъ промышленности, судоходства, торговли, даже разпространеніемъ ихъ границъ, посредствомъ присоединенія къ Валахіи соседственныхъ Дунайскихъ острововъ и Турецкихъ городовъ и земель, лежащихъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Наконецъ, этими же договорами обезпеченъ обвѣмъ провинціямъ образъ ихъ управленія, и самый этотъ образъ опредѣленъ органическимъ статутомъ, изданнымъ съ согласія Порты, съ одной стороны для упроченія Молдаво-Валахамъ предоставленныхъ имъ привилегій, и съ другой стороны, для поддержанія вассальскихъ отношеній, соединяющихъ ихъ съ Оттоманскою Портою.

«Изъ этого положенія, совершенно особеннаго, исключительнаго, вполне основаннаго на соглашеніяхъ между Портою и нами, явствуетъ, что Молдавія и Валахія должны исполнять въ отношеніи къ владычествующей Державѣ и къ Державѣ покровительствующей, положительныя обязательства, отъ которыхъ онѣ не могутъ освободиться безъ предварительнаго согласія той и другой. Быть можетъ, что ихъ правительственная система можетъ быть улучшена, что даже она имѣетъ нужду въ измѣненіяхъ по разнымъ статьямъ; но это не можетъ быть сдѣлано безъ соизволенія обоихъ Дворовъ, не можетъ быть достигнуто возмущеніемъ. А предводители торжествующей партіи прибѣгли именно къ возмущенію не для того только, чтобы измѣнить эту систему, но чтобы совершенно низпровергнуть ее. Забывая, что болѣею частію выгоды, дарованныхъ ихъ отечеству, они обя-

заны благосклонному покровительству Россіи, они отвергаютъ это покровительство и ищутъ покровительства другихъ Державъ. Также мало уважаютъ они и свои обязанности въ отношеніи къ Портѣ. Ибо, хотя они теперь и показываютъ видъ, что не намѣрены совершенно прервать свои вассальскія отношенія къ ней, но между тѣмъ разрываютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, отминая по собственному произволу всѣ правила, всѣ условія, составляющія основу этихъ самыхъ отношеній. Достаточно одного провозглашаемаго ими начала самодержавія народа, чтобы совершенно уничтожить владѣтельные права Султана. Притомъ будущія намѣренія ихъ ясны. Они лествуютъ изъ ихъ программы и не скрываются въ ихъ прокламаціяхъ. Намѣреніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы на историческомъ основаніи, никогда не существовавшемъ, возстановить свою древнюю національность, то есть перестать быть провинціями и образовать подъ именемъ королевства Дако-Римскаго, новое государство, отдѣльное и независимое, въ составъ котораго они приглашаютъ братьевъ своихъ въ Молдавіи, Буковинѣ, Трансильваніи и Бессарабіи. Осуществленіе подобнаго плана, если бы до этого допустили, повлекло бы за собою важныя послѣдствія. Какъ скоро по силѣ мнимой національности, которой происхожденіе теряется во мракъ времени, Молдаво-Валахи отдѣлились бы отъ Турціи, вскорѣ, на томъ же основаніи и по тѣмъ же побужденіямъ, Булгарія, Ромелія, всѣ племена разныхъ языковъ, входящіе въ составъ Отточанской Имперіи, задумали бы освободиться, чтобы составить изъ cadaго отдѣльное государство. Отъ этого произошло бы разпаденіе или, на всемъ Востоке, цѣлый рядъ неисходныхъ замѣшательствъ. Если бы дѣло шло не объ однихъ только виновникахъ возстанія и если бы они, чего мы не думаемъ, были представителями истиннаго мнѣнія Молдаво-Валахскаго народа; то не смотря на всю неблагодарность ихъ поведенія въ отношеніи къ Россіи, которой отечество ихъ обязано благодѣяніями нынѣшняго своего положенія, мы могли бы смотрѣть равнодушно на забвеніе этихъ благодѣяній и предоставить мятежниковъ послѣдствіямъ ихъ безумнаго и преступнаго

предпріятія. Но это небольшое число безумцевъ, которыхъ правительственныя идеи заимствованы изъ демократической и социалистской пропаганды, чуждые своему собственному отечеству, не могутъ быть въ нашихъ глазахъ истиннымъ Валахскимъ народомъ. Но даже еслибъ было и иначе, чѣмъ болѣе мы сдѣлали для княжествъ, чѣмъ болѣе исходатайствовали мы для нихъ у Порты, тѣмъ болѣе мы честию обязаны препятствовать имъ употреблять эти преимущества во зло противъ Имперіи, которой неприкосновенность, при нынѣшнемъ разстройствѣ Европы, есть болѣе чѣмъ когда-либо необходимое условіе сохраненія всеобщаго мира. Притомъ дѣло касается и собственной нашей безопасности. Ей угрожаютъ въ Бессарабіи производимыя тамъ интригами, существованіемъ близъ самыхъ границъ нашихъ постоянного возмущенія. Намъ, столь же мало какъ и самой Турціи, пріятно было бы видѣть возникновеніе вмѣсто двухъ княжествъ, новаго государства, которое, преданное анархіи и слишкомъ слабое, чтобъ существовать собственными своими силами, рано или поздно неизбежно должно подчиниться вліянію или владычеству другихъ Державъ и тѣмъ подвергнуть опасности весь наши международныя отношенія. По сему, въ этомъ дѣлѣ для насъ вопросъ права, вопросъ чести, вопросъ политическихъ выгодъ, — вопросы, о которыхъ Россія не можетъ не заботиться.

«Таковы и. г. причины нашего вмѣшательства. Онѣ просты, онѣ законны. Но какъ, къ несчастію, въ Европѣ привыкли перетолковывать политику Россіи, искать въ ней то, чего въ ней нѣтъ, и какъ притомъ анти-соціальная партія, которая хочетъ только всеобщаго столкновенія, находить свои выгоды въ томъ, чтобы тревожить, раздражать общественное мнѣніе, то мы не сомнѣваемся, что движеніе наше за предѣлы Россіи, подастъ, какъ обыкновенно, поводъ къ самымъ ложнымъ предположеніямъ. Скажутъ, и уже говорили, что это движеніе не что иное, какъ первый шагъ нашей завоевательной политики, что мы ожидали только предлога, чтобы двинуть наши войска впередъ, что мы вступаемъ въ княжества съ твердымъ намѣреніемъ уже не выхо-

дить оттуда, и что съвдудя всегдашнннхъ планамъ распростра-
ненія нашихъ владѣннхъ на счетъ Турецкой Импернн, мы, для
осуществленнн ихъ, пользуемся безсвнсмнхъ и затрудненннмн,
въ которыя нынншннн обществннннн перевороты погрузн-
ли западную Европу. Этнмъ предположенннмъ мы можемъ
противопоставнть только одннхъ, простой фактъ, именнн, что
мы вступаемъ въ Молдавію съ общаго согласнн съ Оттоман-
скою Портою, и что войска наши будутъ днйствовать тамъ,
въ случаѣ нужды, вмнствъ съ ея войскамн. Прнтомъ прошед-
шее ручается за настоящее. Не разъ, въ прежннн времена,
мы уже занимали княжества, частно или въ цнлости, и,
внрнне зараннѣ данному слову, мы всегда очищали ихъ по
исполненнн условнн нашего удаленнн. Такъ будетъ и ны-
нншнн разъ, и какъ скоро законный порядокъ восстано-
вится въ Валахнн, или Порта найдетъ, что она имнеть дос-
таточное ручательство за дальннншнее спокойствнн обнхъ
провннцнй, войска наши будутъ выведены оттуда, и немед-
ленно снова займутъ чисто обороннтельное положеннн, кото-
рое занимали прежде на границн.

«Заключеннн, которое вы имнете извлечь изъ предше-
ствующихъ разсужденнхъ, состоитъ въ томъ, что отношеннн
Дунайскнхъ княжествъ къ намъ не представляютъ никакого
сходства съ тнмн, которыя существуютъ между Россней и
Европейскнмн Державамн; наше настоящее вмншательство,
по своимъ началамъ и самой сущности, не имнеть ничего
общаго съ влнннемъ, которое будто бы мы хотнмъ имнть
на днла Европы. Права наши на Востокъ основываются
на трактатахъ, не существующнхъ на Западъ. Вы долж-
ны въ особенннн обращать общее вниманнн на это важ-
ное различнн. Оно очевидно для всякаго, кто хочетъ его
виднть; посему оно ннскольکو не ослабляетъ прежннхъ на-
шнхъ объявленнхъ. Въ отношеннн къ другимъ, независнмнмъ
Державамъ, наше правило невмншательства остается неиз-
мнннмнмъ; и каковы бы нн были измнненнн, которыя каж-
дая изъ ннхъ вознамнрится произвестн въ своихъ обществен-
ныхъ и политическнхъ законахъ, пока онн не будутъ нару-
шать нашу безопасность или наши права, мы будемъ, какъ

доселъ, съ оружіемъ въ рукахъ, смотрѣть на внутренніе ихъ перевороты.»

ЦИРКУЛЯРЪ РОССІЙСКИМЪ МИССІЯМЪ ВЪ ГЕРМАНИИ, ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА, ГРАФА НЕССЕЛЬРОДА.

«Съ нѣкотораго времени нѣмецкіе журналы, которыхъ непріязненность къ Россіи, какъ казалось, на время пріутихла, вновь стали заниматься нами, и мѣры, которыя по печенію о нашей безопасности заставило насъ принять на границѣ, подають поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ самымъ неосновательнымъ.

«Въ собраніяхъ и законодательныхъ палатахъ Германіи говорятъ о томъ не такъ запальчиво и положительно, но и въ нихъ проявляются тѣ же предположенія.

«Прежнія мои сообщенія, касательно политическаго и военнаго положенія, принятаго Государемъ Императоромъ, достаточно познакомили васъ съ дѣйствительными намѣреніями Его Величества, и я не считаю нужнымъ входить нынѣ, въ семъ отношеніи, въ новыя подробности.

«Вамъ извѣстно, М. Г., что съ самаго начала происшествій, разстроившихъ среднія страны Европы, Государь Императоръ принялъ въ дѣйствіяхъ своихъ правило, отъ котораго донинѣ не отступалъ ни на одно мгновеніе: не вмѣшиваться никакимъ образомъ во внутреннія дѣла земель, которыя пожелали бы измѣнить свое устройство, предоста- вить народамъ совершенную свободу пускаться безъ всякаго препятствія съ Его стороны, въ какіе имъ угодно политическіе и соціальные опыты, не нападать ни на какую державу, которая сама на Него не нападала, но въ то же время рѣшительно отражать всякое покушеніе противъ внутренней Его безопасности, и наблюдать, чтобъ въ случаѣ нарушенія или измѣненія гдѣ либо равновѣсія въ рас- предѣленіи границъ, не произошло вреда нашимъ закон- нымъ пользамъ. Такова система, которой Государь Импе- раторъ слѣдовалъ въ теченіе четырехъ мѣсяцовъ, которой онъ слѣдуетъ и нынѣ.

«Между тѣмъ, ограничиваясь сею нейтральною и вѣжливательною системою, Его Величество не могъ не обращать вниманія на всѣ случайности, которыми произведены быстрыя перемены въ существовавшемъ доселѣ порядкѣ вещей въ Европѣ, равно и на духъ непріязненности, который, въ одно время съ изступленною страстью къ переменамъ, возникъ противу насъ во всей Германіи.

«Въ самомъ дѣлѣ, лишь только въ сей обширной странѣ занялись рѣшеніемъ задачи о единствѣ ея, первую мыслію ея было распространеніе предѣловъ Союза, и первымъ воплемъ вопль войны.

«Въ предварительныхъ собраніяхъ для установленія Національнаго Собранія во Франкфуртѣ, въ клубахъ, въ брошюрахъ, въ журналахъ, провозглашали, что война съ Россіею есть одна изъ необходимостей нынѣшняго времени.

«Для приведенія въ исполненіе сей мысли, явно проповѣдывали о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза Германіи съ Франціею. Доходили даже до того, что угрожали поглощеніемъ нашихъ Остзейскихъ провинцій великою національною нѣмецкою.

«Предполагали возстановить прежнюю Польшу въ ея предѣлахъ 1772 года, чтобъ она служила вѣчнымъ оплотомъ Европѣ противъ того, кого называли общимъ врагомъ.

«Ко всѣмъ этимъ вызовамъ и еще ко многимъ другимъ, которые я прехожу молчаніемъ, присоединились еще болѣе прямые дѣйствія непріязни. Нужно ли упоминать о приѣмѣ, оказанномъ Польскимъ выхолцамъ, о дарованіи безденежнаго провѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, даже на счетъ Правительствъ Германскихъ, этимъ шайкамъ, которыя ринулись изъ Франціи, объявляя намѣреніе свое ввести въ наши предѣлы опустошеніе и мятежъ?

«И если бы мы дѣйствительно искали предлоговъ къ нападенію, одинъ этотъ случай подалъ бы къ тому самый удобный поводъ.

«Вскорѣ, достойная сожалѣнія война, предпринятая противъ одной сѣверной Монархіи, которой цѣлость обезпе-

чена нами, и сохранение которой важно для равновѣсія Европы, стала угрожать нарушеніемъ общаго мира, вредомъ коммерціи и выгодамъ прибрежныхъ съ Балтійскимъ Моремъ Государствъ, столкновеніями, которыя она легко могла причинить, и помыслами о владычествѣ на морѣ, возникшими, по ея поводу, въ народѣ.

«Въ то же самое время возстаніе въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ и положеніе Галиціи могли имѣть вредное вліяніе на внутреннее спокойствіе собственныхъ нашихъ провинцій.

«При такихъ случайностяхъ, и особенно при такихъ замыслахъ, самое простое благоразуміе заставляло принять надлежащія мѣры.

«Въ слѣдствіе сего, мы придвинули армію нашу къ границѣ, чтобъ имѣть возможность отразить всякія опасности, какія бы могли представиться извнѣ, и всѣ тѣ, которыхъ можно бъ было ожидать въ послѣдствіи, при вынѣвшемъ, шаткомъ положеніи Европы.

«Но система наша была, въ семъ случаѣ, чисто оборонительная и предохранительная. Въ нашихъ мысляхъ она никогда не имѣла и теперь не имѣетъ иного характера.

«Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія, и признаваться въ умѣ своемъ, что если мы были принуждены вооружиться, то главный къ тому поводъ заключается въ непрерывныхъ противъ насъ вызовахъ,—демократическая партія предпочитаетъ обвинять насъ въ помыслахъ о нападеніи. Ежедневно, въ Нѣмецкихъ журналахъ, разглашаются на нашъ счетъ самыя нелѣпыя слухи, самыя гнусныя клеветы.

«Неоднократно уже говорили въ журналахъ, что наши войска перешли чрезъ границу, а они не двигались съ своихъ квартиръ.

«Нѣтъ такого коварнаго замысла, котораго бы намъ не приписывали, нѣтъ возстанія, нѣтъ мятежа въ странахъ Нѣмецкихъ или Славянскихъ, котораго бы мы не возбуждали подъ рукою нашихъ золотохъ или нашихъ агентовъ.

«Непріязненность, которую предполагають въ насъ къ Германіи, равняется той, которую чувствуютъ, или во крайней мѣрѣ, которую хотять внушить противъ насъ самой Германіи.

«Если бѣ, вмѣсто предположенія въ насъ чувствъ ненависти, которыхъ въ насъ вовсе нѣтъ, и вмѣсто составленія ни на чемъ не основанныхъ заключеній о мнѣмыхъ нашихъ намѣреніяхъ, обратились съ безпристрастіемъ къ дѣламъ прошедшимъ, то получили бы болѣе вѣрное и справедливое понятіе о нынѣшнихъ; увидѣли бы, что этотъ воображаемый врагъ, это вымышленное, страшное привидѣніе, противъ котораго народная война необходима, всегда питалъ и теперь питаетъ къ Германіи самыя благопріятныя и безкорыстныя чувства, если только она сама того хочетъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, когда Германія могла на насъ жаловаться? когда замыслили мы противъ ея независимости? когда угрожали ей нашествіемъ? какую часть земли ея мы взяли или желали взять?

«Въ продолженіе тягостнаго владычества завоевателя, Россія проливала свою кровь для вспомошествованія Германіи въ сохраненіи ея цѣлости и независимости.

«Русская земля давно уже была освобождена, а Россія поддерживала своихъ Германскихъ союзниковъ на всѣхъ поляхъ сраженія въ Европѣ. И еще недавно, въ 1840 г., когда нѣсколько времени казалось, что война возгорится на берегахъ Рейна, мы отдали въ ея распоряженіе наши нравственныя и военныя силы. Въ продолженіе тридцати-трехлѣтняго мира, благодѣанія котораго такъ легко оспорируются безпокойнымъ духомъ нынѣшняго поколѣнія, мы не преставали совѣтовать и вспомошествовать Германіи въ сохраненіи ея согласія и единства;—разумѣется не того вещественнаго единства, о которомъ мечтаетъ нынѣ демократія, жаждущая уравненія и распространенія, и которое, если бѣ оно могло осуществиться по властолюбивымъ теоріямъ, ранѣе или позже вовлекло бы Германію въ войну со всѣми ея сосѣдами,—но единства нравственнаго, искрен-

ниго единогласія видовъ и намѣреній во всѣхъ вопросахъ политическихъ, о которыхъ Союзъ Германскій долженъ былъ договариваться съ чужими краями.

«Единственно къ поддержанію сего союза, къ укрѣпленію узъ, присоединяющихъ Германскія владѣнія одно къ другому, стремилась наша политика, потому что мы ждали сохраненія мира въ Европѣ, и въ нашихъ глазахъ самая сильная порука сего мира заключалась всегда въ искреннемъ согласіи всѣхъ владѣній, составляющихъ Германскій Союзъ.

«Чего мы ждали тогда, того желаемъ и нынѣ.

«Никакіе вызовы и оскорбленія не могутъ измѣнить нашего расположенія. Посреди этихъ буйственныхъ возгласовъ, умѣемъ мы отличать друзей порядка отъ безумцевъ, простодушное легковѣріе отъ коварной злобы. Мы принимаемъ во вниманіе даже минутное упоеніе и изступленіе, причиненныя толчками неожиданными и крутыми происшествіями, инквѣтъ неожиданными и непредвидѣнными.

«Нынѣ, какъ и всегда, ни мало не желая смятеній, не помышляя о причиненіи раздоровъ, мы желаемъ Германіи единственно согласія между правительствами и народами, согласія, необходимаго для охраненія ея отъ столкновеній, которыя могутъ произойти извнѣ, и для избѣжанія губельныхъ опасностей, кроющихся въ собственномъ ея, внутреннемъ положеніи.

«Мы можемъ сомнѣваться и опасаться касательно послѣдствій труднаго опыта, на который она отваживается въ нынѣшнее время, чтобъ придать своей національности болѣе силы и связи, но сіи сомнѣнія и опасенія остаются въ предѣлахъ частныхъ нашихъ мнѣній.

«Искренне желаемъ, чтобъ насъ скорѣе успокоили. и если Германія въ самомъ дѣлѣ рѣшитъ задачу своего преобразованія, не вредя внутреннему своему спокойствію, не тревожа спокойствія другихъ государствъ новыми формами своей національности, мы чистосердечно тому порадуемся,

но тѣмъ же причинамъ, которыя заставляли насъ желать ея силы и единства при прежнемъ образѣ ея правленія.

«Таковы наши расположенія, мирныя и дружжелюбныя: свидѣтель, что на нихъ отвѣчаютъ противоположными чувствованіями».

«Если бы намъ следовало опровергать только обвиненія демократической партіи, мы не занялись бы тѣмъ, и не стали бы приписывать имъ болѣе важности, нежели сколько они заслуживаютъ. Эта партія твердо постановила опровергать съ самаго начала все наши добрыя намѣренія, и, во что бы то ни стало, сорвать съ нами свое отечество, чтобы возбудить въ немъ войною смутенія, среди которыхъ она могла бы привести въ исполненіе свои анархическія замыслы».

«Видя, что она рѣшилась отказывать намъ въ правосудіи, я зналъ, что напрасно убѣждать того, кто убѣдиться не хочетъ, если бы мы не имѣли другихъ противниковъ, то ограничились бы молчаніемъ, предоставивъ времени уничтожить все эти ложныя слухи, все клеветы, ими распространяемыя».

«Но среди этихъ демагоговъ живутъ люди добросовѣстные, которые, по невѣднію или легковѣрью, принимаютъ, съ довѣрчивостію и безъ разбора, сообщаемыя имъ лживыя показанія, и сама того не зная, участвуютъ въ дѣлахъ революціи».

«Дѣйствуя на ихъ воображеніе, питая ихъ подозрѣнія, увеличивая ихъ опасенія, надѣются подвигнуть ихъ къ войнѣ, которая, въ отношеніи къ ихъ пользамъ, была бы, можно сказать, чудовищною, и низвергнуть ихъ, какъ часто случается, въ бездну дѣйствительныхъ золъ для избѣжанія золъ воображаемыхъ».

«Вотъ чего хочетъ крайняя демократическая партія, и вотъ чего должно избѣжать, если это возможно. Посему предлежитъ Правительствамъ, которыя, по дипломатическимъ сношеніямъ съ нами, могутъ знать, въ чемъ состоятъ дѣйствительныя наши намѣренія, предлежитъ государственнымъ людямъ и просвѣщеннымъ членамъ собраній или

палатъ законодательныхъ, словомъ всѣмъ тѣмъ, которые съ умѣренностью правилъ преобразованія соединяють желаніе сохранить своему отечеству блага общественнаго порядка и монархическаго правленія—имъ предлежитъ, пользуясь законнымъ своимъ вліяніемъ, образумить, на счетъ Россіи, заблудившееся общее мнѣніе, и отклонить его отъ направленія, которое ранѣе или позже поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ.

«Государь Императоръ именно поручаетъ вамъ указать имъ сію необходимость, осылаясь, для убѣжденія ихъ, на вышеизложенныя разсужденія и доводы. Повторяйте имъ, старайтесь внушить всѣмъ благоразумнымъ людямъ, съ которыми по дѣламъ или по отношеніямъ общественнымъ, вы находитесь въ короткихъ связяхъ, что намъ рѣшію Императора въ отношеніи къ Германіи были и суть искренно миролюбивыя; что наши вооруженія должны имѣти цѣль строго оборонительную, дабы быть готовыми къ встрѣчѣ одного изъ тысячи тѣхъ непредвиденныхъ случаевъ, которыхъ никто не можетъ опредѣлить въ шаткомъ положеніи, другъ предвѣщая въ мірѣ послѣдніи вѣроисшествія; что касательно Германіи въ особенности, доколѣ она не упадетъ на насъ, доколѣ Союзъ, какую бы новую форму онъ ни принялъ, будетъ уважать соседственныя государства, и не станетъ стараться о насильномъ распространеніи своихъ границъ или законной своей власти внѣ предѣловъ, предписанныхъ трактатами, установившимъ сей Союзъ, Императоръ равноумно будетъ уважать его внутреннюю независимость, и не домыслитъ выходить изъ положенія, въ которомъ пребывалъ до нынѣ.

«Исполнивъ сіи наставленія, благоволите, сверхъ того, сообщить Кабинету, при которомъ вы акредитованы, копію съ настоящей денеши.

Подписано: *Нессельроде.*»

С. Петербургъ,
6 Июля 1849.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОЛЖНОМУ МИЛОСТИЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ, въ 14-й день прошедшаго марта, возвести въ всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о положеніи, въ которомъ находятся Государства на западъ Европы, призвали Мы на службу нижнихъ чиновъ, которые уволены были, до выслушанія узаконенныхъ сроковъ, въ безсрочный и продолжительные отпуски.

Симъ способомъ значительная часть тѣхъ нижнихъ чиновъ быстро поступила въ дѣйствующія войска, на пополненіе рядовъ, которые, для сбереженія Государственныхъ издержекъ, убавлены были въ мирное время. Другая же часть сихъ отпусковыхъ послужила надежнымъ основаніемъ къ составу Резервныхъ и Запасныхъ войскъ.

Учрежденіе сіе, коего всѣ преимущества нынѣ осуществились, представило возможность, при совершеніи столь необычайныхъ событій, привести военныя силы Наши въ состояніе, соответствующее настоящимъ обстоятельствамъ и достоинству Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить, разнѣромъ обыкновеннаго очереднаго набора, потребность ежегоднаго укомплектованія Арміи и Флота Нашихъ.

Въ слѣдствіе сего повелѣваемъ: въ предстоящій, очередной наборъ, съ губерній восточной полосы, собрать съ тысячи душъ по семи рекрутъ, на основаніи особаго распорядительнаго Указа, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннаго. Наборъ сей въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской и Воронежской, начать съ 1-го сентября и кончить къ 1-му октября сего 1848 года; во всѣхъ же прочихъ

губерніяхъ восточной полосы, наборъ производится съ 1-го ноября 1848 по 1-е января 1849 года.

Данъ въ Петергофѣ, въ восемнадцатый день июля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ сорокъ восьмое; Царствования же Нашего въ двадцать третіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1.

Манифестомъ, сего числа издаваемымъ, предназначивъ произвести сельмой, частный, очередной наборъ, съ губерній восточной полосы Государства, повелѣваемъ:

1) Наборъ сей въ губерніяхъ: Орловской, Тамбовской и Воронежской начать съ 1-го сентября и кончить непременно къ 1-му октября сего 1848 года; во всѣхъ же прочихъ губерніяхъ восточной полосы наборъ произвести съ 1-го ноября 1848 по 1-е января 1849 года.

2) На обмундированіе рекрутъ принимать отъ отдатчиковъ деньги по цѣнамъ, во что обмундированіе сіе Коммиссаріатскому ведомству обходится, и именно по десяти рублей двадцати копѣекъ серебромъ, и

3) Сборъ рекрутъ съ Государственныхъ крестьянъ губерній, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ показанныхъ, произвести на особыхъ правилахъ, предписанныхъ Намъ Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Распоряженія по военной части предоставилъ Мы Военному Министру, а успешное производство и окончаніе сего набора, въ положенный срокъ, возлагаемъ на попеченіе Правительствующаго Сената.

Списокъ

губерніямъ восточной полосы, въ которыхъ долженъ производиться рекрутскій наборъ на правилахъ, предписанныхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Полгогодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Московской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской.

II.

Указомъ 19-го октября 1831 года Мы установили: при каждомъ въ Государствѣ рекрутскомъ наборѣ призывать къ личной воинской повинности однодворцевъ и гражданъ западныхъ губерній.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, назначивъ произвести седьмой, частный очередной наборъ съ губерній восточной полосы Государства,—повелеваемъ: собрать по десяти человекъ съ тысячи душъ съ однодворцевъ и гражданъ Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Волинской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской Губерній, согласно Положенію о распорядкѣ воинской ихъ повинности и распорядительному Указу, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату данному.

Господню Военному Министру.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, назначивъ произвести, въ нынѣшнемъ году, седьмой частный очередной наборъ съ губерній восточной полосы Государства,—повелеваю вамъ:

1) Рекруты, которые по сему набору будутъ собраны, распределить въ войска, сообразно даннымъ вамъ на сей предметъ повелѣніямъ,—и

2) По предмету обмундированія рекруты, руководствоваться установленными для сего правилами.

На подлинныхъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Петербургъ, 29-го Октяб. 1831 года.

ИНОСТРАННЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Англія.

Въ Англіи, по воскресеньямъ запрещены всѣ увеселенія, какъ-то танцы, спектакли, музыка. Не только иностранцы, но и сами Англичане сознаются, что воскресный день у нихъ самый скучный изъ всѣхъ дней недели. Между тѣмъ, одинъ изъ членовъ парламента, г. Гиллей предложилъ билль о строжайшемъ празднованіи воскресныхъ дней. Этимъ биллемъ предлагается запретить еще по воскресеньямъ продажу газетъ, вина и хлѣба. Такая мѣра преувеличенной пуританской строгости встрѣтила сильное сопротивленіе. Въ засѣданіи 12 іюля, г. Гиллей объявилъ, что онъ былъ побужденъ къ внесенію этого билля канторберійскимъ архіепископомъ, потому-что послѣдній требовалъ, чтобы на пиво, которое пьетъ низшій классъ, посягающій по воскресеньямъ кабаки, наложена была пошлина. Билль ограничить еще болѣе всякую промышленность, какъ и было уже подобное этому въ существующихъ законахъ и именно, замѣтилъ г. Беркелей, дѣвочка, которая продала на улицѣ пару винныхъ ягодъ, была арестована, тогда какъ богатый пивоваръ сэръ Э. Букстонъ, передъ домою котораго это случилось, безпрепятственно и усленно продолжалъ свое дѣло. Г. Сланей называлъ билль напраснымъ явѣшательствомъ въ обзавы бѣднѣйшаго класса. Богатый можетъ по воскресень-

ямъ отправляться на прогулку и давать праздники,—законъ ничего не говоритъ противъ этого; но бѣдный, отправившійся за городъ съ женою и дѣтми, съ пѣлюю подышать свѣжимъ воздухомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ничего покупать для пищи и питья. Со всѣмъ тѣмъ, предложеніе устранить билль было отвергнуто 75 голосами противъ 47.

Въ засѣданіи 19 іюля, нижняя палата разсматривала билль о совершенномъ сравненіи католиковъ въ правахъ съ протестантами. Послѣ продолжительныхъ преній, этотъ билль отвергнуть большинствомъ 87 голосовъ противъ 40. Такой же участи подверглось и другое предложеніе, которое неоднократно было предметомъ парламентскихъ преній. Билль г. Юма, о которомъ мы говорили въ іюльской книгѣ журнала, былъ отвергнуть большинствомъ 351 голоса противъ 84.

Въ засѣданіи нижней палаты 22 числа предложень лордомъ Джономъ Росселемъ билль объ отъѣзѣ на время въ Ирландію извѣстнаго акта habeas corpus (о личной свободѣ), и принять огромнымъ большинствомъ голосовъ. Первый министръ въ рѣчи своей, которою оправдывалъ внесеніе билля, сказалъ, что для него крайне неприята эта мѣра, но что онъ считаетъ ее необходимою въ настоящее время для предупрежденія пролитія крови, подавленія мятежа и обезопасенія трона. Самъ О'Коннелъ говоритъ всегда, что всѣ вольности и привилегіи не могутъ выкупить капли проливтой крови. «Не за долго до смерти свѣзкаго возмутителя», сказалъ лордъ Джонъ Россель, «образовалась, подъ фирмою Юная Ирландія, партія, которая подъ предлогомъ образованія ирландскаго парламента въ Дублинѣ, имѣла цѣлю совершенное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи. Сначала она выказала себя умѣренною, но скоро сбросила личину и открыто объявила, что необходимо совершенное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи и полная независимость первой. Это сдѣлалось уже прямымъ нападеніемъ на твердость и прочность государства, а слова «употребленіе физической силы» означали не болѣе и не менѣе, какъ заговоръ противъ англійской короны. Въ послѣдніе два го-

да картофельная болѣзнь и другія несчастія значительно усилили волненія въ Ирландіи. Злоумышленники умѣли воспользоваться общими несчастіями; въ то время какъ Англія употребляла все мѣры къ облегченію Ирландіи, когда парламентъ утвердилъ билль о ссудѣ 8 милл. ф. ст., Ирландцы съ своей стороны трудились надъ ниспроверженіемъ трона Англіи. Происшествія на твердой землѣ придали новую дѣятельность усиліямъ Юной Ирландіи; во Францію отправлена была депутація съ просьбою о заступничествѣ, и хотя временное правительство отказало въ немъ, со-всѣмъ тѣмъ недовольные не измѣнили своихъ плановъ. Основанъ былъ журналъ *The United Irishman*, и *Митчелъ* писалъ въ немъ возмутительныя статьи, а когда этотъ журналъ пересталъ выходить въ свѣтъ, на мѣсто его появился новый, *Irish Felon*, съ тѣмъ же возмутительнымъ духомъ. Постоянная цѣль его уничтоженіе собственности, а чтобы достигнуть этого, приглашаютъ народъ вооружиться овладѣть собственностію. Журналъ *Felon* оцениваетъ ежегодныя произведенія Ирландіи въ 81 милл. ф. ст. и требуетъ, чтобы Юная Ирландія овладѣла имуществами и раздѣлила ихъ, по его соображеніямъ, не обращая вниманія на права владѣльцевъ. Все документы и рѣчи, извѣстныя правительству, показываютъ ясно, что ирландскіе злоумышленники стремятся къ раздѣленію государства, ниспроверженію правительства, которому они обязаны повиноваться и установленію въ Ирландіи республики или другой какой-либо правительственной формы. Мѣры, принятыя къ достиженію этой цѣли, ужасны и заставляютъ правительство потребовать отъ парламента средствъ къ уничтоженію плана возмутителей. Пока еще оставалась хотя малѣйшая надежда, что волненіе прекратится, до тѣхъ поръ правительство не требовало никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ, но надежда исчезла. Во все части государства посланы эмиссары съ порученіемъ взволновать народъ. Планъ заговорщиковъ къ достиженію своей цѣли состоитъ въ томъ, чтобы ради какого-нибудь политическаго вопроса созвать собраніе, составить изъ него клубъ; образоваться въ тайное

общество и не допустить къ совмещенію его съ одностороннимъ правительственнымъ агентомъ. Попытка вооруженнаго народа къ освобожденію г. *Мисера* и другіе подобныя поступки требуютъ немедленнаго принятія мѣръ для предупрежденія прелитія крови, и я не нахожу никакого другаго средства, какъ отъизы акта «*Навсалъ согрисъ*» и дозволенія лордъ-манъшестивку арестовать подозрительныхъ лицъ. Въ слѣдствіе сего я и предлагаю палатѣ принять эти мѣры.» (*Громкое одобреніе*). *Г. Фезаргусъ О'Коннора* обвинялъ правительство въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ принудительнымъ мѣрамъ, а не старается помочь прежде всего. «Когда правительство предлагало билль о подавленіи возстанія, я тогда же говорилъ, сказалъ онъ, что этотъ билль поведетъ къ умноженію тайныхъ обществъ въ Ирландіи, что и случилось. Настоящій же билль, вмѣсто того, чтобы предупредить возстаніе, лишь ускоритъ его. Только совершенное отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи можетъ прекратить ея несчастія. (*Сильное согласіе*). Только отдѣленіе Ирландіи можетъ обезвечить Англію. (О! О!) Если бы во главѣ правительства былъ сэръ *Робертъ Пиль*, онъ не прибѣгнулъ бы къ подобной мѣрѣ; ирландскій народъ убѣжденъ, что только одинъ человѣкъ способенъ управлять нѣмъ — это сэръ *Робертъ Пиль*.» — «Я вполне и безусловно согласенъ съ предложенною мѣрою, отвѣчалъ сэръ *Робертъ Пиль*, потому-что желаю оградить правительство отъ попытокъ заговорщиковъ. Я не стану разсуждать о томъ, должно ли было предложить эту мѣру прежде; конечно можно было бы обойтись и безъ нея, но это стоило бы крови. Я предлагаю принять немедленно предложеніе правительства, безъ всякихъ обыкновенныхъ формъ. Что же касается до возраженія г. *О'Коннора*, то я замѣчу только, что буду защищать англійскую корону противъ всехъ мюнстерскихъ королей (*О'Бриновъ*). Франція прежде и послѣ февральской революціи убѣждаетъ меня въ превосходствѣ монархической формы правленія. Англійская монархія теперь могущественнѣе, чѣмъ была когда-нибудь прежде, и болѣе, чѣмъ когда-либо, заслуживаетъ бла-

государства и преданность нации, — вот мое убежденіе.
(Шумное одобреніе).

— Процессъ тартаровъ конченъ. Фуссалъ, Шерль, Вермень и Лорней приговорены къ заключенію въ тюрьму на два года и три мѣсяца; Дюмонъ къ двухгодичному заключенію и уплатѣ 500 ф. с. вѣни.

— Изъ списковъ комиссаровъ эмиграціи явствуется, что, въ теченіе послѣдняго года, 258,270 человекъ оставили соединенное королевство: а именно 63,000 выѣхало изъ Англіи, 5,600 изъ Шотландіи и 179,400 изъ Ирландіи. Это число выигнѣвъ превышаетъ число эмигрантовъ предшествующихъ годовъ.

Ирландія.

Въ следствіе возмутительныхъ движеній въ Ирландіи, лордъ-наивѣстникъ Ирландіи объявилъ въ осадномъ положеніи Дублинъ и графство Дублинское, также графство Дрогеда, города Ватерфордъ и Коркъ и некоторыя части графствъ того же имени. Въ газетѣ Times 19 іюля, объясняется причина этой строгой мѣры: «До свѣдѣнія правительства дошло, что существуетъ заговоръ, съ цѣлю не только противиться производу возвышенныхъ процесовъ, но и испровергнуть силою все существующіе законы и весь общественный порядокъ, употребивъ для этого такія же средства, какъ въ Парижѣ. Тогда уже только правительство рѣшилось объявить некоторыя мѣста состоящими въ осадномъ положеніи и отправило въ Ватерфордъ значительныя силы и множество констеблей.»

— Главноя опасность Ирландіи состоитъ въ вооруженныхъ клубахъ, которые образованы Юною Ирландіею во всѣхъ мунтахъ и въ которыхъ члены обучаются военному искусству. Это явныя приготовленія къ возстанію. Но англійское правительство получило неожиданное подкрѣпленіе. Републиканское общество, которое уже было готово соединиться съ заговорщиками, образователями клубовъ, от-

вергло этотъ опасный союзъ и объявило себя противъ клубовъ.

Этотъ разрывъ будетъ имѣть важныя послѣдствія; знатнѣйшіе и зажиточнѣйшіе Ирландцы, удаляясь открыто отъ возмущенія, отнимаютъ у него всю силу и лишаютъ его вліянія на массы народы, а энергическія мѣры англійскаго правительства подавляютъ охоту возмутителей къ возстанію, не обещающему никакого успѣха.

— Г. Джонъ О'Коннелль рѣшительно разошелся съ ирландскою лигою и объявилъ о своемъ рѣшеніи въ длинномъ письмѣ къ ирландскому народу, обнародованномъ въ Дублинѣ 23 іюня.

— Возмутительный журналъ, *United Irishman*, основанный *Митчелемъ*, началъ было опять выходить подъ названіемъ: *Felon irlandais* (ирландскій измѣнникъ), наполняясь статьями, самыми неприязненными правительству, о духѣ которыхъ можно судить по адресу письма, напечатаннаго въ первомъ номерѣ: «Англичанину, носящему имя графа *Джорджа Кларендона*, главному убійцѣ и вербовщику присяжныхъ въ Ирландіи.» Издателя этого журнала вѣрно взять подъ стражу.

Франція.

Послѣ бурныхъ и страшныхъ событій, возмущавшихъ столицу Франціи съ 22 по 26 іюня, спокойствіе было восстановлено, благодаря дѣятельнымъ распоряженіямъ генерала *Кавеньяка*. Но смерть и разрушеніе, господствовавшія въ продолженіе четырехъ дней, надолго оставили горестное воспоминаніе о безчисленныхъ утратахъ, понесенныхъ жителями Парижа. «Эти утраты ужасны, говоритъ газета *Constitutionnel*: Въ летописяхъ другихъ націй нѣтъ примѣра подобной ожесточенной борьбы, дикой и неустойкой! Эта борьба не походила на возстанія, окровавившія прежде Парижъ. Тамъ происходили въ слѣдствіе борьбы двухъ политическихъ системъ. Битвы были сильны, но безъ жесто-

костей, и безплезное убійство возмущало общественное мнѣніе еще болѣе, чѣмъ самое возстаніе. Въ этотъ разъ было распущено красное знамя; бунтъ обнаружился при крикахъ: *да здравствуетъ республика социальная!* и какъ бы въ объясненіе этого крика на многихъ знаменахъ были слова: *грабительство и насиліе*. Потомство не повѣритъ, какимъ истязаніямъ плѣнные подвергались отъ собственныхъ своихъ согражданъ, въ нашъ вѣкъ и въ городѣ, который называетъ себя столицей цивилизаціи. Страшно подумать, что было бы, если бъ это возстаніе удалось».

Извѣстія, получаемыя съ разныхъ концовъ Франціи, показываютъ, что планъ возстанія былъ задуманъ давно, и пламя мятежа, вспыхнувшее въ Парижѣ, должно было охватить, если не всю Францію, то большую и лучшую ея часть. Въ то время, какъ мятежъ обнаружился въ Парижѣ, въ Марсели послѣдовало то же самое; возмущеніе продолжалось два дня; пролито много крови; много было раненыхъ и убитыхъ. Журналы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ связи происшествій парижскихъ съ марсельскими. Въ квартирѣ одного марсельскаго буфтовщика, капитана *Рикара* нашли между прочимъ переписку съ *Барбесомъ*, изъ которой видно, что и въ Парижѣ и въ Марсели возстаніе должно было произойти въ одинъ день, 22 іюля, а въ Ліонѣ 24. Въ Нимѣ заранѣе было возвѣщено, что въ десять часовъ утра 23 іюля, тамъ должно обнаружиться возстаніе, и это извѣщеніе сдѣлано было, конечно, потому, что тамъ знали уже объ анархическомъ волненіи, которое должно было произойти въ одинъ день и часъ въ Парижѣ и въ Марсели. Въ Реймсѣ также открытъ заговоръ, состоявшій въ связи съ парижскимъ. Злоумышленники на-мѣревались поджечь городъ съ разныхъ сторонъ, если изъ Парижа получено будетъ извѣстіе, что инсургенты восторжествовали. Исслѣдованіемъ этихъ несчастныхъ событій, неутомимо занимается теперь слѣдственная комиссія, которая, по окончаніи своихъ дѣлъ, представитъ правительству отчетъ въ исполненіи возложеннаго на нее порученія.

6 июля происходило торжественное погребение убитых павших при июльском восстаніи; на погребеніе было назначено національнымъ собраніемъ 158,000 франковъ. Эта церемонія отличалась простотою и величіемъ, составлявшими совершенную противоположность съ какими-то митологическимъ, символическимъ характеромъ, который временное правительство придавало своимъ республиканскимъ торжествамъ. На площади Согласія воздвигнутъ былъ траурный алтарь съ балдахиномъ, котораго крестъ возвышался на шестьдесятъ футовъ отъ земли; окрестныя зданія, палата депутатовъ, церковь св. Маріи Магдалины и другія, были покрыты трауромъ. Въ одиннадцатомъ часу духовенство (до вѣсьми сотъ человекъ), собравшеся въ церкви св. Маріи Магдалины, выступило на площадь, идя поварно; въ заключеніе шли три представителя: епископы лангскій, орлеанскій и кешперскій, которые совершали духовную службу. Когда духовенство заняло свои мѣста, съ другой стороны явилось національное собраніе, предшествуемое депутаціями государственнаго совѣта, судебныхъ мѣстъ, ученыхъ сословій, и проч. и сопровождаемое множествомъ генераловъ. Впереди собранія шелъ президентъ, г. *Мари*, подая, по лѣвую руку, генералъ *Кивельякъ*. Все были въ трауръ, и съ непокрытыми головами. Но окончаніи миссы, огромный катафалкъ, или кенотафъ, запряженный шестнадцатью лошадыми, отправился къ церкви св. Маріи Магдалины, предшествуемый отрядомъ національной гвардіи и войска. Въ эту отряды, дойдя до церкви, расходились; одинъ только представитель и разныя депутации вступили въ церковь и въ ихъ присутствіи гроба были опущены въ погребальные склепы. Вся церемонія продолжалась не болѣе двухъ часовъ, и цѣлый день прошелъ спокойно; но повсюду замѣтны были печаль и уныніе.

— При всѣхъ несчастіяхъ, мятежахъ и злодѣяніяхъ во Франціи, привыкли слагать вину въ томъ на Англичанъ и ихъ правительство. Такъ случилось и нынѣ: одинъ членъ національнаго собранія вздумалъ утверждать, что послѣднія кровопролитія въ Парижѣ причинены вліяніемъ англій-

скаго золота. Англійскій посоль обратился официально къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ требованіемъ опроверженія такой клеветы. Г. Бастидъ отвѣчалъ, что правительство ни мало не раздѣляетъ мнѣнія этого члена, напротивъ уверено въ совершенномъ благородствѣ и справедливѣн правительствѣ королевы Викторіи.

На эту клевету многіе англійскіе журналы отвѣчали тѣмъ, что въ современномъ положеніи Франціи указавъ зародышъ и причину разрушенія общественнаго благоустройства и несчастій, постигшихъ Французовъ въ послѣднее время. Мы приведемъ эти сужденія, которыя тѣмъ болѣе видѣются цѣны, что со стороны всегда виднае недостатки другаго, хотя и сами Французы сознаются въ некоторыхъ промахахъ ихъ новаго правительствѣ.

«Мы давно уже ждали минуты, говорить Globe, когда Парижъ сдѣлается лагеремъ, въ которомъ недостаетъ провіанта, и съ тѣмъ вместе ждали необходимыхъ послѣдствій подобнаго положенія. Эта минута наступила для многочисленныхъ обывателей постигшихъ Аѳинъ, которыя платили за то, что они ничего не дѣлали. Но Аѳиняне могли грабить Грецію; у Парижанъ Греція нѣтъ, и потому жертвою состоящей на жалованьи, привилегированной черни, должна была сдѣлаться Франція. Парижъ самъ отказался отъ работы и предоставилъ Франціи кормить его. Добавочные 45 процентовъ на прямыя налоги не что иное, какъ чудовищная пошлина для бѣдныхъ, наложенная въ пользу некоторой части парижской черни. А у этой черни было оружіе:

«Теперь передъ нами страшное зрѣлище провинцій, которыя отправляютъ часть своей національной гвардіи въ Парижъ для умирненія вооруженныхъ массъ, доведенныхъ революціею до голода. Вотъ настоящее положеніе Франціи. И при такихъ обстоятельствахъ министръ Флоконъ не постыжился сказать въ національномъ собраніи, что междоусобная война, всплкнувшая въ Парижѣ—дѣло иностранныхъ державъ. Такъ развѣ это не дѣло тѣхъ, которые провозгласили абсолютизмъ невѣжественныхъ массъ? Не дѣло тѣхъ, которые сказали этимъ массамъ, что онѣ живутъ пра-

во требовать отъ центральнаго правительства работы и пропитанія? Не дѣло тѣхъ, которые, какъ г. Флаконтъ въ своемъ журналѣ *La Réforme*, когда еще не сдѣлался министромъ, проповѣдывали народу социалистское, коммунистское, разрушительное ученіе?

«У сосѣдей Франціи и безъ того денего не много, а если ж. найдутся, то они дадутъ имъ употребленіе лучше этого.»

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, говорятъ другіе журналы, что злойгеній революціи 1848 есть *Луи-Бланъ*, (каковы бы ни были его истинныя наиврѣнія). Ему, *Бланкъ*, *Барбесу*, *Кабэ*, *Распалу*, Франція обязана всѣми бѣдствіями, отъ которыхъ она страдаетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

«Міру былъ нуженъ страшный урокъ, который далъ ему Парижъ: теперь ясно, что общество не можетъ держаться на основаніяхъ, положенныхъ временнымъ правительствомъ. Революціонерный фанатизмъ, питающійся несбыточными мечтами, необходимо долженъ былъ повести къ подобному результату. Надобно было бы прежде всего подумать, что дѣло честнаго правительства состоятъ въ томъ, чтобы доставить рабочему классу возможность содержаться собственными трудами. Правительство обязано говорить народу правду, а правда состоятъ въ томъ, что существованіе общества невозможно при такъ называемомъ равенствѣ, и что порядокъ зависить отъ подчиненности.»

Въ одномъ номерѣ французскаго журнала, выходящаго въ Лондонѣ, подъ названіемъ *Le Spectateur*, напечатана длинная статья въ видѣ письма изъ Парижа отъ 30 іюня, изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторыя любопытныя мвста.

«Кромѣ геройской победы общества надъ духомъ безпорядка, грабежа и пожаровъ, послѣднія событія произвели еще одинъ весьма важный результатъ: паденіе исполнительнои комиссіи и страннаго министерства, которое служило ей орудіемъ. Трудно составить себѣ полное понятіе о недѣлостяхъ, ошибкахъ, преступленіяхъ, которыя дѣлались въ послѣднее время, и главная ответственность за все это па-

дасть на г. *Ламартина*. Тѣмъ сильнѣе его нравственное паденіе и, къ сожалѣнію, нельзя даже сказать, что это «Паденіе ангела». Нѣтъ, *Ламартинъ* вовлекъ Францію во всѣ эти бури, просто, изъ тщеславія и зависти. Онъ, 24 февраля, когда отреченіе короля отъ престола сдѣлалось известнымъ въ палатѣ, склонилъ всѣхъ провозгласить республику. Крайняя лѣвая сторона собралась въ одномъ изъ отдѣленій; известно, что она была немногочисленна; но всѣ эти депутаты, не исключая и *Ледрю-Роллена*, были расположены въ пользу регентства. Одинъ *Ламартинъ*, котораго дотолѣ считали приверженцемъ регентства герцогини Орлеанской, который не разъ говорилъ въ этомъ смыслѣ, тутъ провозгласилъ противное мнѣніе и произнесъ значительное слово: «Поздно». Остальное известно. Дѣло въ томъ, что *Ламартинъ* мстилъ за свое оскорбленное самолюбіе; передъ нимъ возставалъ призракъ *Тьера*, который, при регентствѣ герцогини Орлеанской, былъ бы самымъ важнымъ лицомъ и похитилъ бы у него первую роль. И что жъ? Когда Франція предложила ему эту первую роль, онъ не сумѣлъ даже принять ее. Пріятель г. *Ламартина* не разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ, съ обыкновенной своей вѣтренностью: «Когда во Франція водворится безпорядокъ, она приззоветъ меня; я водворю въ хаосъ порядокъ и заплачу за это жизнью.» Онъ самъ назначалъ трехмѣсячный срокъ для совершенія этого великаго дѣла и своей смерти. Пророчество сбылось только на половину: хаосъ наступилъ, или лучше сказать, самъ г. *Ламартинъ* произвелъ его, но онъ не сумѣлъ ни водворить порядокъ въ этомъ хаосѣ, ни умереть за такое прекрасное дѣло. Г. *Ламартинъ* не изъ тѣхъ, кому Провидѣніе судило быть спасителями своего отечества: онъ изъ тѣхъ, которые губятъ свое отечество, безъ чести, безъ истинной славы. Теперь, г. *Ламартинъ*, въ пользу котораго поданы были миліоны голосовъ, томится въ одиночествѣ, всѣми покинутый, даже презираемый. Г. *Тьеръ* отоищенъ. Что касается до г. *Ледрю-Роллена*, который сдѣлался вѣрнымъ наперсникомъ *Ламартина*, то дѣла и циркуляры его известны. Это человекъ надутый, съ умомъ очень посред-

стесняться, который хотѣлъ быть социалистомъ, революционеромъ и не годился даже на это. Два человека, онъ и *Луи-Бланъ*, всего болѣе виновны въ томъ, что они приводили умы въ заблужденіе и льстили порочнымъ страстямъ. Они устроили національныя мастерскія, чтобы низвъ армію, всегда готовую идти противъ среднихъ классовъ, а эти люди сдѣлались ихъ шреторіанцами, ихъ страшилыциами. Все собраніе требовало, чтобы они распустили національныя мастерскія, а они думали только о томъ, какъ бы устранить своихъ соперниковъ на выборахъ и равныхъ представителей, которые вѣшали имъ въ національномъ собраніи: говорить, что они навиревались взять подъ стражу нѣкоторыхъ изъ прежнихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ лѣвой сторонѣ. Можетъ быть, впрочемъ, что поводомъ къ этому слуху послужило между прочимъ раздраженіе, въ которое пришелъ г. *Амартинъ*, когда онъ узналъ, что бывший предводитель лѣваго центра, *Тьеръ*, избранъ въ пяти департаментатъ. «Такъ они котятъ красной республики, сказала онъ; хорошо: будетъ». Какъ бы то ни было, но во все время послѣдней борьбы г. *Адрию-Ролленъ* вочезалъ и явился опять въ національное собраніе тогда уже, когда все было кончено. О трудякъ нѣкоторыхъ изъ членовъ исполнительной комиссіи, въ теченіе ея четырехмѣсячнаго диктаторскаго управленія, рассказываютъ слѣдующее: Г. *Амартинъ* ковалъ фразы и обманывалъ дипломатію, покровительствуя иностраннымъ выходцамъ. Г. *Адрию-Ролленъ* оставалъ циркуляръ, устраивалъ свои собственныя дѣла и издвалъ бюллетени республики наданъ *Жоржъ-Зандъ*. Г. *Арабъ* саживалъ всѣхъ съ мнѣсть и сажалъ на мѣста своихъ родныхъ: брата, человека безъ всякихъ дарованій, сажалъ почтдиректоромъ, сына, котораго все достоинства состоятъ въ гремкомъ голосѣ, назначалъ посланникомъ въ Берлинъ! Да, посланникомъ въ Берлинъ, алегха адвоката, котораго провали г. *Мухиминъ*, потому что, по его неловкости, подсудимыхъ республиканцевъ, которыхъ онъ защищалъ, всегда приговаривали къ пачиминъ, то-есть высшей степени наказанія. Г. *Гартис-Пажосъ*, съ невмучными намѣреніями, но съ самымъ замѣча-

такой-то известностью, разстраивалъ наши финансы; между тѣмъ г. *Гарнье-Пажесъ* честный, прекрасный человекъ, любимый всеми, кто его знаетъ. *Г. Гарнье-Пажесъ* былъ какъ разъ по торговлѣ мыломъ и, конечно, не болѣе другихъ; кто-то былъ занятъ въ яркомъ свѣтѣ, въ которомъ затмилась столь многія уже республиканскія знаменитости.

«Г. *Мари* первый изъ пяти директоровъ сказалъ несколько вѣжливыхъ словъ въ національномъ собраніи, гдѣ онъ пользуется обихомъ уваженіемъ. Къ несчастію, г. *Мари* человекъ безъ большихъ дарованій, и три директора, принадлежавшіе къ большинству собранія, всегда были умелѣею остальными двумя, которые принадлежали къ меньшей партіи. Эхоть-то недостатокъ единства, это общее замѣчаніе двѣа, недостатокъ энергіи и гражданскаго мужества, привели Францію на край пропасти, потому-что 25 іюня, въ первомъ часу, еще отчаявались одержать побѣду.

«Новый военный министръ генералъ *Ламорисьеръ* былъ главнымъ деятелемъ въ этой страшной борьбѣ. Онъ являлся вездѣ, подвергался всѣмъ возможнымъ опасностямъ, и подъ нимъ убито двѣ лошади. Это одинъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ Франція всего болѣе можетъ положиться, и вступленіе его въ министерство успокоиваетъ всѣхъ благомыслящихъ людей, равно какъ прибытіе генерала *Шангарье* изъ Африки и назначеніе его командиромъ національной гвардіи. Франція можетъ быть спасена только арміею, которая, разумется, не выставитъ нынѣ своего диктатора, своего императора, какъ армія въ первую революцію. Генералъ *Кавеньякъ*, который находился точно въ такомъ же положеніи, какъ Бонапарте 13-го вандемьера, не можетъ быть этимъ диктаторомъ, хотя изъ некоторыхъ мѣръ и заставляли думать, что онъ склоненъ къ этому. Генералъ *Кавеньякъ* скорѣе можетъ быть *Лафайетомъ* вышедшей революціи: онъ также благороденъ, но, кажется, также и нерешителенъ: это скорѣе, говорятъ, прекрасный, нѣмъ великій характеръ. Ничто, однако жъ, покажется, не оправдываетъ этихъ опасеній. Генералъ *Кавеньякъ* хорошо говорить на трибунѣ: въ голосъ у него много

твердости; онъ всѣмъ нравится: его прокламаціи къ арміи, къ національной гвардіи, къ гражданамъ, заслужили общее одобреніе. Надобно подождать, каковъ онъ будетъ въ дѣлахъ правительственныхъ, теперь какъ военныя дѣла кончены. Онъ и его товарищи по африканской войнѣ могутъ оказать Франціи величайшія услуги.»

Послѣ этой рѣзкой и во многихъ случаяхъ справедливой характеристики прежняго временнаго правительства, приведемъ отзывъ парижскаго корреспондента одной изъ нашихъ литературныхъ и политическихъ газетъ, о новомъ французскомъ министерствѣ, о составѣ котораго мы сказали въ предыдущемъ номерѣ журнала. Но напередъ скажемъ о некоторыхъ переменахъ, происшедшихъ въ правительствѣ, составленномъ 28 іюня. Президентомъ національнаго собранія былъ избранъ г. *Мари*, самый умреннѣйшій изъ всѣхъ членовъ бывшаго временнаго правительства и бывшей исполнительной комиссіи; это мѣсто онъ занималъ до 18 іюля; потомъ онъ назначенъ министромъ юстиціи, на мѣсто г. *Бетмона*, вышедшаго въ отставку, а президентомъ избранъ, въ засѣданіи собранія 19 іюля, г. *Арманъ Маррасть* (бывшій парижскій меръ). Адмиралъ *Лебланъ* не принялъ званія морскаго министра; поэтому морское министерство было ввѣрено г. *Бастиду*, министру иностранныхъ дѣлъ, а вмѣсто него былъ назначенъ генералъ *Бедо*; но какъ генералъ *Бедо* за раны, полученныя во время іюньскаго возстанія, не могъ управлять возложенную на него должность и получилъ отставку; то г. *Бастидъ*, исправлявшій временно эту должность, окончательно былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; а г. *Веркинакъ*, корабельный капитанъ, назначенъ морскимъ министромъ. Министръ народнаго просвѣщенія, г. *Карно* вышелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ г. *Ашиль Волабелль*. Поводомъ къ послѣдней переменѣ было слѣдующее обстоятельство.

Въ засѣданіи національнаго собранія, 6 іюля, разсуждали о назначеніи милліона экстреннаго кредита для улучшенія положенія начальныхъ учителей. Г. *Божанъ* при-

помнилъ о циркулярѣ, произведшемъ большой шумъ въ университетъ и въ политическомъ кругу. Въ этомъ циркулярѣ министръ говорилъ, что при выборѣ въ члены національнаго собранія не нужно обращать вниманія на образование кандидата. Г. Бонжанъ не остановился на этомъ; онъ сообщилъ собранію о книжечкахъ, распускаемыхъ въ деревняхъ подъ покровительствомъ министра просвѣщенія, и съ его дозволенія, и прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ руководства челоуьку и гражданину, составленнаго г-нъ Карломъ Ренувіеромъ и изданнаго книгопродавцемъ Паніеромъ. Въ этомъ сочиненіи важнѣйшіе общественные и политическіе вопросы изложены въ разговорѣ ученика съ наставникомъ, и заключаются самыя опасныя и ложныя ученія гнуснаго коммунизма. Ссылаясь на это руководство, г. Бонжанъ хотѣлъ принудить министра къ рѣшительному объясненію. Не смотря на все участіе къ судьбѣ начальныхъ наставниковъ, г. Бонжанъ не рѣшался оказать имъ пособіе чрезъ министра, покровительствующаго такимъ правилами. Г. Карно сталъ оправдываться, но очень неуклюсно. Уклоняясь отъ отвѣта на главный вопросъ, онъ твердилъ о другихъ мѣрахъ своей администраціи. Собраніе слушало его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, онъ признался, что руководство хотя не одобрено имъ формально, но было опубликовано съ его дозволенія. При этомъ поднялся въ собраніи такой шумъ, что нельзя было разслушать рѣчей ни одного изъ ораторовъ, всходившихъ на кафедру. Между тѣмъ доказано было, что въ свѣдѣніе согласія министра на введеніе этого руководства, 15,000 экземпляровъ куплены были на счетъ университета, и одинъ ректоръ академіи вышелъ въ отставку, чтобъ не быть принужденнымъ распускать въ публикѣ такія правила. Предложено было, для выраженія министру неудовольствія собранія, вычесть 5,000 фр. изъ требуемаго имъ милліона. Рѣшеніе это было принято 314 голосами противъ 303-хъ. Послѣ этого министръ не могъ оставаться на своемъ мѣстѣ.

О всѣхъ этихъ лицахъ, бывшихъ и явившихся вновь въ

голова французскаго правительства, парижской корреспондентъ Свѣрхой Пчелы пишетъ:

«Генераль Кавеньякъ составилъ, вчеромъ 28-го юня, министерство изъ слѣдующихъ особъ: *Сенаръ*, министръ внутреннихъ дѣлъ; *Бастидъ*, иностранныхъ дѣлъ; *Гудшо*, финансовъ; *Бетмонъ*, юстици; *Ламорисьеръ*, военный; *Карно*, изроднаго пресвѣщенія; *Турре*, земледѣлія и коммерціи; *Рекоръ*, публичныхъ работъ; адмиралъ *Лебланъ*, морской. При прочтеніи этого списка въ національномъ собраніи, имя Карно было встрѣчено съ выраженіемъ неудовольствія; противъ избранія адмирала *Леблана* возразили тѣмъ, что онъ не членъ законодательнаго сословія. Адмиралъ, человекъ честный, правитель умный и свѣдущій, что онъ доказалъ въ отправленіи должности морскаго префекта, воспользовался этимъ прелогомъ, чтобъ отказаться отъ избранія. *Бастидъ* переведенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ морское, и на его мѣсто назначили генерала *Бедо*. *Сенаръ* былъ адвокатомъ въ Руанѣ и слылъ самый хитрымъ изъ Нормандцевъ, земляковъ своихъ, славныхъ хитростію во всей Франціи. Онъ человекъ ловкій, съ талантомъ, но съ небольшою совѣстью, честолюбивъ, и думаетъ, что стряпческое краснбайство дѣлаетъ его способнымъ ко всему. Къ нему примѣтили начало Лафонтеновой басни:

Certain *Senart* Gascon, d'autres disent, Normand.

Онъ много способствовалъ къ ниспроверженію исполнительской комиссіи, и генераль Кавеньякъ совѣтуется съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. *Бастидъ* былъ однимъ изъ редакторовъ журнала *le National*: это лицемеръ, представляющійся скроинникомъ, но исполненный тщеславія. Минимъ его застѣчивость происходитъ отъ внутренняго сознанія своей ничтожности. Онъ не имѣетъ дара слова, главной потребности для успѣха въ дѣлахъ нынѣшняго времени, ограничивающихся болтовнею и безстыдною ложью. Притомъ онъ человекъ безъ всякаго воспитанія, неловкій, грубый, непріятный. Въ набьетъ его, гдѣ недавно работалъ

Гизо, стоит на письменномъ его столѣ бутылка грена-наго вина, кувшинъ въ погребу на углу люксамбургской улицы, большой пивной стаканъ, и лежить кусокъ чернаго хлѣба: вотъ республиканскій завтракъ гражданского предсѣдательства! Збавно было бы иностраннымъ посланникамъ видѣть образъ жизни министра, есlibь они его востыцали, но они съ нимъ не видатся. Хорошъ онъ будетъ въ морскомъ министерствѣ! Онъ не видалъ въ жизни ни одного корабля, кромѣ развѣ бумажныхъ корабликовъ, которые пускаютъ дѣти въ пруду тюльерійскаго сада. Гудшо, Еврей, лѣтъ за двадцать предъ симъ содержалъ въ Нанси лавку стараго платья, давалъ деньги за проценты подь дорогіе залогі и т. д. Понажившись этимъ ремесломъ, онъ прибылъ въ Парижъ и продолжалъ вредную торговлю въ Rue Notre Dame de Nazaret, въ тампльскомъ кварталѣ. Мало-по-малу онъ переселился въ свѣткую часть Парижа, едѣлся акціонеромъ и банкиромъ либеральнаго журнала *le National*, и тѣмъ приобрѣлъ право на уваженіе и почетъ республиканцевъ. Въ день учрежденія республики онъ назначенъ былъ министромъ финансовъ, но вскоре увидѣлъ, что безсмысленнымъ и сумасброднымъ дѣйствіямъ *Ледрю-Роллема*, *Луи-Блана* и *Флокона* разстрогать всѣ дѣла. При первомъ случаѣ онъ удалился отъ дѣлъ и нынѣ взялся за нихъ вновь, по убѣжденію генерала *Кавеньяка*. Во всякомъ случаѣ онъ несравненно выше, по своей части, нежели предѣстники его, *Гарнье-Пажесъ* и *Рекюръ*. Вступивъ въ министерство, онъ прекратилъ свои банкирскія дѣла. *Бетмонъ*, обыкновенный, дюжинный адвокатъ; онъ защищалъ журналъ *le National*, когда его обвиняли въ нарушеніи порядка и нравственности, а теперъ преслѣдуетъ другіе журналы за то же самое. *Ламорисьеръ*, человекъ умный, благородный, опытный и храбрый генераль. О *Карно* можно сказать то же, что было сказано о сынѣ великаго Бюффона: «это не лучшее твореніе его отца». Циркуляръ, въ которомъ онъ приглашалъ чиновниковъ своего вѣдомства способствовать къ избранію въ члены національнаго собранія неважнѣ и людей необразованныхъ, возбудилъ общее къ нему недо-

вольствіе, и его прозвали «министромъ народнаго невѣжества.» Вы знаете причину его увольненія отъ службы: онъ издалъ, съ книгопродавцемъ *Паніеромъ*, бывшимъ секретаремъ временнаго правленія, самую опасную и вредную книжку, и разослалъ ее по училищамъ! Преемникъ его, покровительствуемый журналомъ *le National*, гражданинъ *Волабелль*, составлялъ извѣстія для журнала, вырѣзывая ихъ изъ другихъ газетъ (такой редакторъ съ готоваго называется въ редакціяхъ *поваренкомъ*), издалъ «исторію двухъ реставрацій», пристрастную, написанную тяжело, но вообще не безъ достоинствъ. *Волабелль* человекъ грубый, неблагопрістойный, скупой до крайности, врагъ всякихъ приличій. Непонятно, какъ могли назначить его министромъ просвѣщенія! *Турре* человекъ здраваго смысла, безъ требованій, знающій агрономъ, плохой республиканецъ, ума положительнаго. Онъ извѣстенъ разными сочиненіями о земледѣліи и скотоводствѣ, между прочимъ очень полезною книгою: «О выкармливаніи живности.» Строгіе республиканцы обратили на него свое вниманіе вѣроятно потому, что они большіе охотники до жирныхъ пидѣекъ и пулярдокъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ распоряженіе государственною казною дало имъ средства хорошо объѣдать. *Рекюръ* — врачъ безъ больныхъ, человекъ пустой и безтолковый, бывший сотрудникъ въ *National*. Онъ не умѣетъ ни говорить, ни писать съ толкомъ; только мастеръ ѣсть и пить. Онъ былъ жалокъ и ничтоженъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь будетъ не лучше. Вотъ намъ наше новое министерство! Оно составлено очень плохо, за исключеніемъ военной части.

« Не говорю о причинахъ, побудившихъ генерала *Бедо* отказаться отъ званія министра иностранныхъ дѣлъ; скажу только, что онъ человекъ съ большими достоинствами, и вѣроятно, назначенъ къ важной роли со временемъ. *Бастидъ* собственно не оставлялъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ бывшій торговецъ лѣсомъ, а потомъ редакторъ журнала *le National*, впрямь будетъ достойнымъ образомъ представлять французскую республику вовнѣшнихъ ея сношеніяхъ. Гражданинъ *Мари* — адвокатъ злой, желчный, непріятный, вздорный, не

вселяющій ни дружбы, ни довѣренности. Онъ былъ членомъ послѣдней палаты депутатовъ, считался въ рядахъ оппозиціи, но не желалъ революціи, потому что революціи останавливаютъ теченіе дѣлъ, а при остановкѣ дѣлъ адвокатамъ нѣтъ поживы. *Мари* не славится своимъ безкорыстіемъ, не отказывается отъ благодарности и не жалѣетъ казны, какъ бы она ни была разстроена. Но онъ добрый родственникъ: всѣхъ своихъ братьевъ, зятьевъ, племянниковъ пристроилъ къ мѣстамъ. Въ продолженіе существованія временнаго правленія не слыхать было о гражданинѣ *Мари*, удаленномъ въ министерство публичныхъ работъ, и такъ какъ онъ не вдавался въ крайности, умѣренная партія дала ему свои голоса, при избраніи его членомъ исполнительной комисіи. Здѣсь онъ отделился отъ *Ламартина* и *Ледрю-Роллена*, и за это удаленіе отъ партіи анархистовъ, большинство національнаго собранія избрало его въ свои президенты, по вступленіи *Сенара* въ министерство. Онъ председательствовалъ въ теченіе 18 дней и не заслужилъ ни чьего одобренія: безпрестанно вскакивалъ съ своего мѣста, какъ адвокатъ, который хочетъ возражать, сердился, кривлялся; притомъ наружность его непріятная: онъ сухоощавъ, неповоротливъ и очень смѣшонъ. Теперь онъ вновь министромъ! Въ четыре мѣсяца съ половиною, онъ былъ дважды членомъ правленія, дважды министромъ двухъ разныхъ департаментовъ, и президентомъ національнаго собранія. Онъ за все берется, все принимаетъ. Главное дѣло для него—сопряженные съ должностями оклады. Г. *Верникакъ де-Сень-Моръ* (нынѣ просто гражданинъ *Верникакъ*), достойный флотскій офицеръ, но онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ отнюдь не своимъ достоинствамъ, а особенному случаю. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ много толковали объ одной изъ иголъ *Клеопатры*, подаренной Франціи пашею египетскимъ. Снаряжена была экспедиція, чтобъ подняться вверхъ по Нилу, и взять въ пустынь Оваиды луксорскій обелискъ, красующійся теперь на площади Согласія. Въ этой экспедиціи участвовалъ г. *Верникакъ де-Сень-Моръ*, въ чинѣ флота-лейтенанта. Этотъ обелискъ, спустившись по Нилу, проплылъ

по Средиземному морю, чрезъ Гибралтарскій проливъ, по Океану, прибылъ въ Гавръ, подвинулся вверхъ по Сенъ, и послѣ чрезвычайныхъ трудовъ, усилій и издержекъ, явился въ Парижъ любопытнымъ взорамъ записныхъ нашихъ гзакъ. Г. *Верминаксъ* провожалъ обелюскъ во всѣхъ его странствіяхъ, и обращалъ на себя вниманіе всей публики. Въ то же самое время братъ его, служившій въ почтѣ, преданъ былъ уголовному суду за кражу: онъ распечатывалъ письма, и вынималъ изъ нихъ ассигнаціи. Вся толковала о лейтенантѣ, всѣ отдавали справедливость его дѣятельности и усердію; говорили, что его не должно смѣшивать съ преступнымъ братомъ, и это общее участіе до того разжаловало присяжныхъ, что они объявили хищника виноватымъ, но съ облегчительными обстоятельствами. Правительство желало утѣшить лейтенанта, и въ то же время соответствовать общему желанію, произвело его въ слѣдующій чинъ. Теперь онъ капитанъ 1-го ранга (*capitaine de vaisseau de haut bord*); безъ обелюска и безъ процесса его брата онъ былъ бы не болѣе, какъ капитанъ-лейтенантъ (*capitaine de corvette*). Съ балкона дома морскаго министерства новый министръ смотритъ на обелюскъ, и говоритъ ему: спасибо, добрый обелюскъ!»

— Засѣданія національнаго собранія, послѣ горькихъ уроковъ, данныхъ правительству послѣдними кровавыми событіями, приняла характеръ умеренности и благоразумія, — качества, почти совершенно забытыя представителями націи со времени уничтоженія законной власти. Правда, и теперь еще появляются на ораторской каедрѣ люди съ какими-нибудь страшными идеями; но эти идеи могутъ внушить опасеніе скорѣе на счетъ неповрежденнаго состоянія мозга ораторовъ, чѣмъ на счетъ новыхъ тревогъ, новыхъ возмущеній. Такъ наприимръ, въ одно засѣданіе какой-то ораторъ возобновилъ уже отвергнутый большинствомъ голосовъ, вопросъ о разводѣ; въ то же время, нѣкто г. *Бартъ* зашелъ еще дальше: онъ требовалъ допущенія многоженства. Такія выходы вызывали громкій смѣхъ присутствовавшихъ. Только одно засѣданіе напомнило собою, что во Франціи республи-

лика, т. е. есть еще законной и твердой власти; именно въ заседании 17 июля былъ такой шумъ, какого не запомнить въ летописяхъ законодательныхъ сословій. Вотъ что, между прочимъ, говорить объ этомъ *Journal des Débats*. «Мы упомянемъ въ короткихъ словахъ о сегодняшнемъ заседании; хотѣли бы даже ничего говорить о немъ, если бы было возможно; до такой степени мы смущены ужаснѣйшимъ шумомъ, которому оно окончилось. Хотѣли бы можно было дать себѣ отчетъ въ причинахъ этихъ несслышанныхъ шумовъ, хотѣли бы можно было объяснить ихъ какимъ-нибудь значительнымъ поводомъ, настоящимъ политическимъ интересомъ! Но нѣтъ: простой вопросъ о формѣ, о первенствѣ одного изъ двухъ мнѣній передъ другимъ, породилъ одну изъ самыхъ ужаснѣйшихъ бурь, при какихъ только намъ когда-либо случалось присутствовать; по случаю простаго спора о регламентѣ, собраніе раздѣлилось на два вражескихъ стана, которые грозили другъ другу голосомъ и жестами, брань и вызовы перекрещивались во всѣхъ частяхъ залы, президентъ два раза принужденъ былъ накрываться, и заседание было на полчаса прервано. Предметомъ прервій былъ декретъ, по которому съ 1 будущаго октября воспитанники должны быть принимаемы въ политехническую и сень-сирскую школы безъ всякой платы.»

Новсе-таки подобныя шумныя и буйныя заседания, бывшія съ начала революціи правиломъ, теперь составляютъ исключеніе. Правительство Франціи не только шумитъ, но и дѣйствуютъ. Вниманіе нынѣшняго правительства устремлено преимущественно на два предмета: на окончательное организованіе конституціи, и на принятіе мѣръ, необходимыхъ для предупрежденія на будущее время безпорядковъ в междоусобиной войны. Проектъ конституціоннаго правленія разсматривается теперь въ отдѣлемыхъ національнаго собранія. Что же касается до обезпеченія общественнаго спокойствія, то главными къ тому средствами признаны: собраніе въ Парижѣ 50,000 войска, обезоруженіе жителей предместій, принимавшихъ участіе въ мятежъ, закрытіе всѣхъ клубовъ, до изданія на сей предметъ особыхъ законовъ, ограниченіе сво-

боды тисненія запрещеніемъ печатать книги и статьи, возмутительныя и вредныя общественному спокойствію, и закрытіе національныхъ мастерскихъ въ Парижѣ. Большая часть этихъ мѣръ предложена г. *Тьеромъ* или принята по его настояніямъ. Замѣчательно при этомъ, что во-первыхъ національное собраніе теперь, при республиканскомъ правленіи, дѣйствуетъ въ пользу мѣръ, противъ которыхъ съ такою настойчивостію, съ такимъ ожесточеніемъ возставали при правленіи монархическомъ, именно ограниченія свободы тисненія и права составлять общества; и что во-вторыхъ, тотъ самый *Тьеръ*, противъ котораго такъ сильно возставали въ первыя времена республики, который такъ не скоро и съ такимъ трудомъ попалъ въ члены національнаго собранія, теперь дѣлается душою, коноводомъ этого собранія. Это было неизбежно: такой человекъ, какъ *Тьеръ*, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, не можетъ оставаться въ тѣни, не можетъ не имѣть сильнаго вліянія на дѣла, если только не удалется отъ нихъ добровольно. О распушеніи національныхъ мастерскихъ, было объявлено генераломъ *Кавеньякомъ* въ засѣданіи 4 іюля. По этому случаю, *Journal des Débats* замѣчаетъ: «И теперь есть работники безъ работы, работники честные, которые получаютъ пособіе у себя въ домахъ; но пагубное учрежденіе, которое произвело такіе ужасные результаты, уже не существуетъ. Приняты мѣры, чтобы доставить занятія работникамъ, которые ихъ не имѣютъ и чтобы изгладить послѣдніе слѣды зла, которое низринулось на насъ. Такимъ образомъ этотъ великій, страшный вопросъ о національныхъ мастерскихъ, рѣшенъ и, какъ можно думать, рѣшенъ удачно. Это результатъ, который мы отмѣчаемъ съ радостію, это дополненіе победы, одержанной арміею и парижскимъ населеніемъ надъ инсургентами. Мы не можемъ не поздравить генерала *Кавеньяка* съ тѣмъ, что онъ такъ скоро и такъ рѣшительно исполнилъ обязательство, которое на себя првнялъ».

«Исторія не представляетъ намъ, говоритъ газета *Union*, примѣровъ такого безумія, чтобы политики отклоняли работниковъ отъ ихъ натурального инстинкта къ работѣ, не

будучи въ состояніи доставить имъ другое занятіе, кромѣ без-
полезнаго, опаснаго и невозможнаго. Какъ назвать такихъ
основателей республики? Въ какія руки попали мы? Число
работниковъ, принятыхъ доселѣ въ мастерскія, простирается
до 8117; они занимались постройкою желѣзныхъ дорогъ и
каналовъ; 7792 работника искали работы, но не получи-
ли ее.»

11 іюля, въ собраніи происходили разсужденія касательно
другихъ мѣръ обезпеченія спокойствія. Военный комитетъ,
представляя разсмотренный имъ проэктъ декрета о томъ, что
войска, находящіяся въ Парижъ и окрестностяхъ, должны
простира́ться, впредь до новаго распоряженія, по-крайней-мѣ-
рѣ до 50,000, присовокупилъ, что въ Парижъ или его окре-
стностяхъ можно помѣстить 63 баталіона пѣхоты, составляю-
щіе 47,250 чел. и 53 эскадрона кавалеріи, составляющіе 6,000
ч. всего 53,250, не считая артиллерія, инженеровъ, жан-
дармовъ, ветерановъ, не считая также и баталіоновъ подвиж-
ной гвардіи, занимающихъ часть фортвъ и казармъ, и со-
ставляющихъ до 15,000. Теперь все число войскъ, находя-
щихся въ Парижъ и его окрестностяхъ, простирается до
45,000. Этотъ декретъ принять безъ всякихъ преній. Г. Се-
наръ представилъ отъ имени министра юстиціи г. Бетмона,
нѣсколько проэктвъ законовъ. Первый проэктъ о зало-
гахъ, которые должны представлять журналисты. «Об-
щество, сказано въ этомъ проэктѣ, не можетъ оставать-
ся безъ обезпеченія отъ власти, которою пользуются много-
численныя періодическія изданія. Опытъ доказалъ, что луч-
шимъ изъ этихъ обезпеченій должно быть почитаемо обез-
печеніе денежное, самое дѣйствительное и разумное. Оно со-
вершенно сообразно съ свойствомъ періодическихъ изданій,
которые почти всегда соединяютъ прибыльность промышлен-
ности съ пользованіемъ правомъ, съ выраженіемъ политиче-
ской мысли; денежное взысканіе подвергаетъ строгости за-
коновъ не одного только отвѣтственнаго редактора, но и хо-
зяевъ журнала, которые необходимо имѣютъ вліяніе на его
духъ и направленіе». Далѣе объясняется, что, конечно, за-
логъ можетъ быть орудіемъ угнетенія въ рукахъ правитель-

ства, но что для устранения этого неудобства, количество залогов сокращается въ новомъ законѣ сличковъ на три четверти, такъ чтобы онъ только могъ служить къ покрытію высшей пени, какая можетъ быть назначена на журналъ. Такъ напримеръ въ Пармскі залогъ сокращается съ 100,000 фр. до 24,000. Далѣ въ томъ, что когда залогъ будетъ обращенъ въ пеню, то журналъ, не имѣющій средствъ внести новый залогъ, волею-неволею прекращаетъ свое существованіе. Проектъ декрета о наказаніяхъ за злоупотребленія свободы тишенія не что иное, какъ прежній законъ по этому предмету съ некоторыми измѣненіями въ выраженіяхъ: вместо королевской власти поставлены вездѣ національное собраніе и исполнительная власть. За тѣмъ г. Сепаръ, тоже отъ имени министра юстиціи, представилъ проектъ закона о клубахъ. Этотъ законъ совершенно новый: ничего подобнаго не бывало не только во Франціи, но, кажется, и въ другихъ странахъ. Вотъ главные постановленія этого проекта: Вся граждане имѣютъ право учреждать клубы, но должны по-крайней-мѣрѣ за два дня до открытія клуба уведомить объ этомъ въ Парижѣ префекта полиціи, въ департаментахъ мера, объявлять о мѣстѣ и времени собранія. Засѣданія клубовъ должны быть публичными, почему по-крайней-мѣрѣ четвертая часть всѣхъ мѣстъ предоставляется постороннимъ зрителямъ. Въ каждомъ собраніи присутствуетъ чиновникъ, назначенный отъ правительства, въ шарфѣ; для этого чиновника должно быть назначено особое, видное мѣсто. Въ каждомъ засѣданіи долженъ быть составленъ протоколъ, который предъявляется по первому требованію начальства. Члены бюро, то есть президентъ, вице-президентъ и секретари, не могутъ возеоздать разсуждать о предложеніяхъ касательно дѣйствій, которыя во закону считаются преступленіемъ или преступкомъ. Рвчи, крики или угрозы, произносимыя въ клубѣ, считаются произносимыми въ публичномъ мѣстѣ и влекутъ за собою ту же ответственность. Всякія сношенія между разными клубами запрещаются, равно какъ и депутатамъ отъ клубовъ. Запрещается также приходить въ клубы съ оружіемъ. Нарушители этихъ

востановленій и въ особенности члены бюро наказываются денежными пенями отъ 100 до 500 франковъ, заключеніемъ въ тюрьму отъ двухъ недель до трехъ мѣсяцевъ и лишеніемъ гражданскихъ правъ на известное время. Въ важныхъ случаяхъ клубъ закрывается. Если закрытый клубъ началъ собираться снова, виновные приговариваются къ временному заключенію на полгода или на годъ и къ лишенію гражданскихъ правъ на срокъ отъ пяти до десяти лѣтъ. Сверхъ того всякій, участвовавшій въ клубъ, который собирается безъ разрѣшенія начальства, подвергается штрафу въ 25 и до 500 фр., а президенты, члены бюро и основатели недовольныхъ собраній, заключенію въ тюрьму отъ пяти дней до шести мѣсяцевъ. Этого прозѣть передать въ отдѣленія, на разсмотрѣніе.

Г. Жюль Фавръ сдѣлалъ предложеніе о причисленіи частнаго имущества Людовика-Филиппа къ государственныя имущества. При разсмотрѣніи этого предложенія въ комитетѣ финансовъ, г. Жюль Фавръ между прочимъ сказалъ, что, конечно, дѣрствениныя записи, сдѣланныя королямъ своимъ дѣтямъ, приняты закономъ 1832 года; но что этотъ законъ не имѣетъ силы, потому что Людовикъ-Филиппъ своимъ *ошибками и преступленіями* лишился короны. Противъ этого ошанно возсталъ г. Тьеръ. «Я привыкъ, сказалъ онъ, къ языку торжествующихъ партій, не удивляюсь ему, не оскорбляюсь имъ за себя собственно; но есть вещи, которыхъ не могу слышать безъ противорѣчій. Правда, король Людовикъ-Филиппъ дѣлалъ ошибки, важныя ошибки, содѣйствовавшія его паденію, и я въ теченіе восьми лѣтъ жалѣлъ объ этихъ ошибкахъ, противался имъ, на свой страхъ, но Людовикъ-Филиппъ никогда не совершалъ никакихъ преступленій. Сами онъ бывалъ иллію преступленій, но его нельзя обвинять ни въ одномъ. Ссылаюсь въ этомъ на всѣхъ честныхъ людей, ссылаюсь на исторію. Что касается до требуемой нынѣ конфискаціи частнаго имущества бывшей королевской фамилии, я буду всѣми силами противиться этой мѣрѣ, какъ самой гнусной несправедливости—какъ бы ни толковали мои дѣйствія здѣсь и въ другихъ мѣстахъ. Я принимаю республи-

ку, желаю, чтобы она установилась мирно и прочно; но не должно безчестить ее, заставляя дѣлать несправедливости. Нынче нельзя ссылаться на законы прежней монархіи. До 1789 года имущества короля и государства были нераздельны и потому государь не имѣлъ права дарить ихъ. Съ 1789 года, Наполеонъ установилъ по этому предмету другія правила и притомъ для пользы государства. Онъ отдѣлилъ отъ государственнаго имущества, до котораго государь не имѣлъ права касаться, имущество царствующаго дома, которымъ государь пользовался по смерти своей, и частное имущество государя, которымъ онъ могъ располагать по произволу. Эти различенія были совершенно сообразны съ пользою государства, которое сохраняло то, что ему принадлежить, или можетъ принадлежать со временемъ. Въ 1830 году, Людовикъ-Филиппъ, вступая на престолъ, передалъ дѣтямъ своимъ все свои частныя, личныя имущества, предоставивъ государству все, что собственно составляло имущество или удѣлъ Орлеанской фамиліи. Это было и позволительно и сообразно съ законами. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сожалѣли объ этомъ доказательствѣ отеческой попечительности; мы полагали, что лучше было бы предоставить будущую судьбу его дѣтей великодушнѣю націи; но король былъ того мнѣнія, что въ революціонныя времена, каковы наши, необходимо обезпечить участь дѣтей на всякій случай. Надобно сознаться, что событія оправдали его оvasенія и что его родительская попечительность была весьма основательна. Во всякомъ случаѣ, чувство, побуждавшее его къ такой мѣрѣ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго обвиненія, ни порицанія. За тѣмъ послѣдовалъ законъ, который одобрила сама оппозиція, и которымъ утверждены были его распоряженія. Если мы не станемъ уважать законовъ, утвержденныхъ нашими предшественниками, то поколеблемъ всю нашу законодательную систему въ ея основаніи и впадемъ въ варварство. Законы, касающіеся частной собственности, суть контракты, которыхъ нельзя нарушать. Нынѣшнее законодательное сословіе имѣетъ власть неограниченную, но оно не имѣетъ права отмигать законовъ, которыми рѣшены права

собственности. Надюсь, что оно, из уваженія къ самому себѣ, не сдѣлаетъ вопиющей несправедливости.»

Въ засѣданіи 17 юля, Викторъ Гюю прочиталъ мнѣніе комиссіи, составленной подъ его председательствомъ, о вспоможеніи парижскимъ театрамъ, которые, со времени революціи, пришли въ крайній упадокъ. «Комитетъ внутреннихъ дѣлъ, сказалъ онъ между прочимъ: имѣлъ мужество устранить всѣ представлявшіяся ему высшія соображенія искусства и національной славы, и смотрѣть на этотъ предметъ только съ политической точки.» Въ этомъ отношеніи должны мы стараться, чтобъ банкротство не заставило прекратить существованіе театровъ. Въ Парижѣ живутъ отъ театровъ болѣе десяти тысячъ семей, и ими приводится ежегодно въ оборотъ сумма отъ 30 до 40 милліоновъ. (*Движеніе въ собраніи*). И другіе доводы говорятъ въ пользу проэкта. Въ нынѣшнія безпокойныя времена, парижскій народъ, похожій на Авиньонъ, ищетъ развлеченій и удовольствій, и желательно, чтобъ онъ находилъ удовольствія нравственныя. Театръ достигаетъ этой цели. Театръ есть лучшее средство къ успокоенію. (*Выраженіе несогласія*). Скопище народа разойдется, если дать ему безденежное представленіе. (*Громкій хохотъ*). И такъ необходимо слѣдуетъ, чтобъ театры были вновь открыты и вновь производили упокоительное и увеселяющее свое вліаніе въ этой огромной столицѣ, терзаемой въ теченіе мѣсяца плачевнымъ междоусобіемъ. (*Движеніе*). Принявъ сей законъ, вы принесете большую пользу въ будущемъ. Театры сильно дѣйствуютъ на воображеніе, исправляютъ нравственность народа (*сильное противорѣчіе*), словомъ—составляютъ блистательный центръ цивилизаціи.» За тѣмъ прочиталъ онъ проэктъ, которымъ пазначаются 680 тысячъ фр. на уплату долговъ разныхъ театровъ. Г. *Бержаръ* воспротивился этому проэкту, находя страннымъ, чтобъ провинціи обременяемы были налогами для забавы столицы. Г. *Феликсъ Пиаъ* вступился за театры, и собраніе приняло проэктъ закона, въ слѣдствіе котораго всѣ парижскіе театры получили значительное денежное вспоможеніе.

Въ собраніи 20 іюля, розлажъ рачортъ г. де Людвѣ лѣт-
 имени спеціальной комиссіи, назначенной для разсмотрѣ-
 нія проекта о мобилизованіи 300 баталіоновъ національ-
 ной гвардіи. Комиссія, также какъ и правительство, испол-
 нѣ надѣется на сохраненіе мира, но она полагаетъ, что въ
 настоящихъ обстоятельствахъ Франція должна быть сильно
 вооружена, для сохраненія того вліянія, которымъ она
 справедливо пользуется въ Европѣ, также какъ и для пред-
 упрежденія нашествія иноземныхъ непріятелей и сохране-
 нія внутренняго порядка и безопасности. Комиссія гово-
 ритъ между прочимъ: «Когда недавно еще отечеству и се-
 мейству угрожали антисоціальныя страсти, національная
 гвардія со всѣхъ пунктовъ государства поспѣшила на по-
 мощь къ парижскимъ защитникамъ порядка. Но это вели-
 кодушное, достойное уваженія и происшедшее изъ собствен-
 наго побужденія, движеніе ея было, однакожъ, не безъ за-
 мѣшательства. Сильнѣйшая и храбрѣйшая часть національ-
 ной гвардіи, такъ какъ она не была организована отъ са-
 моу, нашлась принужденною выйти изъ рядовъ своихъ бата-
 ліоновъ и сформироваться наскоро. Теперь эта военная сила
 должна быть правильнѣе организована, такъ чтобы по пер-
 вому призыву 300,000 чел. готовы были собраться въ назна-
 ченныхъ мѣстахъ подъ предводительствомъ опытныхъ пол-
 ководцевъ для защиты республики отъ внѣшнихъ нападений
 и внутреннихъ беспорядковъ. Но, чтобы уменьшить расхо-
 ды, по счастью теперь еще не нужные, правительство и
 комиссія хотятъ, чтобы эти 300,000 чел., когда они бу-
 дутъ сформированы по баталіонамъ и ротамъ, остались бы
 предварительно въ своихъ мѣстахъ и только по временамъ
 обучались бы военному искусству. Мы предложимъ вамъ
 проектъ закона съ нѣкоторыми измѣненіями». Доказывая
 далье необходимость постоянныхъ армій въ такое время,
 когда всѣ великія державы имѣютъ ихъ, комиссія заклю-
 чаетъ докладъ свой слѣдующими словами: «Произведенныя
 этими мыслями, мы предлагаемъ правительству разсмотрѣть,
 нѣтъ ли возможности не только организовать 300 баталіо-
 новъ, но и отдѣлить въ послѣдствіи всю подвижную гвардію

отъ иъстной и образовати ее по образцу милици прусской и швейцарской. Не приводя вѣсь точныхъ цифръ, мы только замѣтимъ, что республика имѣла бы въ этомъ случаѣ около милліона войска, включая сюда и армию, войска ея собственнаго и готоваго на защиту ея. Конечно, республика не употребитъ эти силы на несправедливыя приобрѣтенія или на угнетеніе сосѣдей, но, опираясь на свои силы, Франція будетъ въ состояніи исполнить великую задачу, возложенную ей Провиденіемъ....

Въ засѣданіи 22 іюля, министръ финансовъ объявилъ, что надежды прежняго управленія, полагавшаго, что государственнаго доходы могутъ превзойти расходы, къ сожалѣнію, принадлежатъ къ числу несбыточныхъ мечтаній. Въ слѣдующія засѣданія объявилъ онъ положеніе финансовъ въ 1849 и даже на 1850 годъ, считая правду вѣрнѣшимъ основаніемъ кредита, упадающаго при всякъ невѣрномъ случаѣ. По бюджету 1848 года ожидается онъ недобора 20 милліоновъ прямыхъ налоговъ и 60 милліоновъ косвеннаго. Если и все пропія части потерять такой же ущербъ, то произойдетъ еще дефицитъ въ 70 милліоновъ. Впрочемъ, онъ надеется, что всеобщій недостатокъ не будетъ превышать 140 милліоновъ. Къ этому дефициту надобно присоединить тѣ 45 милліоновъ, которые съ 6 іюня по 10 іюля были назначены въ выдачу и еще 6 милліоновъ, зарезервированныхъ для утвержденія облигацій казначейства (bons de trésor), 4 милліона на учетныя конторы и другія издержки, всего до 55 милліоновъ, такъ что общій дефицитъ составитъ круглыми счетомъ около 200 милліоновъ франковъ. Къ несчастію, вѣторы эти вѣтры, и въ концѣ 1846 года точно будетъ дефицитъ въ 250 милліоновъ. Къ покрытію его имѣть другихъ средствъ кромя тѣхъ, на которыя указалъ прежній министръ финансовъ. Въ числѣ ихъ находится заемъ, заключаемый съ банкомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, правитель-ство предполагаетъ прибѣгнуть къ займу отъ 175 до 200 милліоновъ. Этотъ заемъ оправдывается необходимостію и будетъ служить къ покрытію всѣхъ издержекъ. Послѣ этого министръ представилъ рядъ цифръ и заключилъ еще пред-

составленіе замѣчаній, что прекращеніе акциза съ соли и значительнѣе начнется только съ 1850 года. Затѣмъ представилъ онъ проектъ декрета на испрашиваемый заемъ и настоятельно просилъ, чтобы собраніе въ самое скорѣйшее время приступило къ совѣщаніямъ о немъ и къ принятію его.

— *Эмиль де-Жирарденъ* обнародовалъ протестъ по случаю противозаконнаго содержанія его въ секретной тюрьмѣ въ теченіе одиннадцати дней, и намѣренъ жаловаться національному собранію. Полагаютъ, что причиною арестованія его было личное на него неудовольствіе генерала *Кавеньяка* за статью, напечатанную въ *Presse* наканунѣ мятежа. Акціонеры этого журнала подали просьбу президенту національнаго собранія и министрамъ о возвращеніи имъ собственности ихъ и о вознагражденіи за понесенныя ими убытки. Изъ этой просьбы явствуетъ, что журналъ *la Presse* имѣлъ 70 тысячъ подписчиковъ, и что въ штатъ его редакціи состояли: двадцать четыре редактора, двадцать пять конторщиковъ, назначеевъ и т. п.; семьдесятъ наборщиковъ и корректоровъ, двадцать механиковъ; шестьдесятъ разсыльщиковъ, шестьдесятъ четыре складчицы, пятьсотъ разносчиковъ. Казна получала въ день по 2,200 фр. за штемпель. На бумагу, краску и типографскія надобности выходило въ день по 4000 фр.

— По удаленіи *Людвика-Филиппа* изъ Франціи толковали о томъ, что онъ имѣетъ несметныя казначейства въ иностранныхъ банкахъ и обладаетъ значительными недвижимостями въ Англии и въ Америкѣ. Теперь пишутъ въ *Quarterly-Review*, все весьма ему благопріятно: «Люди, жившіе въ рукахъ портфеля *Людвика-Филиппа*, любопытствовали узнать, какъ велики суммы, внесенныя имъ въ иностранныя банки. Доказано, что у него есть только 55 т. долларовъ въ Америкѣ, которые въ 1847 г. съ процентами возрасли до 72,000 долл. (т. е. 18,000 ф. ст. или 108,000 руб. сер.) и приносили имъ годъ, по 5 проц., 900 ф. ст. (5,400 р. сер.). Въ Англии у него, сколько намъ извѣстно, 10,000 ф. ст. (60,000 р. сер.), приносящихъ по 300 ф. ст. въ годъ. Королева, какъ

говорать, получаетъ ежегодно по 500 ф. ст. изъ австрийской казны: это надѣлство, завѣщанное ей тѣмъ же эрцгерцогинцею. Вотъ все достоинствѣ бывшаго короля Французовъ!»

Г Е Р М А Н І Я .

Учредительное германское національное собраніе, въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ своемъ засѣданіи 28 июня, утвердило законъ о составѣ временной центральной власти въ Германіи. Содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ:

До тѣхъ поръ, пока правленіе не будетъ совершенно устроено въ Германіи, учреждается временная верховная или центральная власть, для рѣшенія всѣхъ дѣлъ касательно Германіи. Она обязана: дѣйствовать исполнительно въ дѣлахъ, касающихся до общаго спокойствія и благоденствія владѣній германскаго союза; принять на себя главное начальство надъ всею военною силою и назначить главнокомандующаго; завѣдывать политическимъ и коммерческимъ представительствомъ у другихъ націй, и для того назначать посланниковъ и консуловъ. Центральная власть не можетъ участвовать въ составленіи государственнаго уложенія. Центральная власть рѣшаетъ, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, вопросъ о мирѣ и войнѣ, и заключаетъ трактаты съ иностранными державами. Центральная власть будетъ поручена правителю государства (Reichsverweser), который избранъ будетъ національнымъ собраніемъ. Правитель государства будетъ дѣйствовать посредствомъ министровъ, которыхъ онъ самъ назначаетъ, и которые отвѣтственны національному собранію. Всѣ его приказанія должны быть контрастигированы хотя однимъ изъ отвѣтственныхъ министровъ. Правитель государства не подлежитъ отвѣтственности. Национальное собраніе составитъ особый законъ объ отвѣтственности министровъ. Министры имѣютъ право присутствовать въ засѣданіяхъ національнаго собранія, и подавать голосъ. Министры должны являться по требованію національнаго со-

брани, и отвечать на предлагаемые имъ вопросы. Мичи-стары могутъ подавать голоса въ національномъ собраніи только въ томъ случаѣ, если она его членъ. Правительство государства не можетъ быть въ то же время членомъ національнаго собранія. Когда устроится центральная власть, прекратится существованіе германскаго сейма. Центральная власть должна будетъ сколько возможно стараться согласоваться, на счетъ исполнительныхъ мѣръ, съ полномочными, разными властями. Лишь только германское уложение будетъ составлено и войдетъ въ исполненіе, центральная власть прекратитъ свои дѣйствія.

Для приведенія въ дѣйствіе постановленій о центральной власти, національное собраніе избрало правителемъ германскаго государства эрцгерцога Іоанна, дядю императора австрійскаго императора. Эрцгерцогъ Іоаннъ родился 20 января 1782 г., следовательно ему 67 годъ. Это избраніе, утвержденное въ заступствѣ 20 іюня, было возглаголено 101 пушечнымъ выстрѣломъ и колокольнымъ звономъ. Въ свѣдѣствіе этого, отправлена была въ Вѣну депутація изъ семи членовъ, чтобы объявить эрцгерцогу объ избраніи и просить его: объ исполненіи желанія германской націи.

Депутація германскаго національнаго собранія прибыла въ Вѣну 4 іюля. Безчисленнымъ толпамъ принадлежавшимъ депутатовъ радостными криками. Для депутатовъ были приготовлены придворныя кареты, въ которыхъ они, сопровождаемые конною національною гвардіею и толпами народа, прибыли въ отведенный имъ домъ. Депутаты должны были безпрестанно являться въ окнахъ и говорить народу привѣтствія. Одинъ изъ нихъ, въ длинной рачи, объявляетъ цель своего пріѣзда и былъ принятъ весьма безкомичными восклищаніями.

Въ 10 часовъ утра, весь городской комитетъ, комитетъ гражданъ, національная гвардія оцѣрившись къ депутатамъ, а оттуда вѣсть съ ними: во дворецъ эрцгерцога Іоанна. По прибытіи въ мѣсто, депутаты тотчасъ же были приняты эрцгерцогомъ Іоанномъ, при которомъ находились всѣ министры, посланники всѣхъ германскихъ госу-

директъ и генералитетъ. Баронъ Адрианъ объявилъ о цѣли своего посольства.

Послѣ привѣтственной рѣчи эрцгерцогу, произнесенной г. Геккеромъ, его высочество отвѣчалъ слѣдующее: «Милостивые государи! Вполнѣ чувствую честь, сдѣланную мнѣ избраніемъ меня въ государственные правители и важность этой обязанности. Довѣріе, изъявленное мнѣ, возлагаетъ на меня важныя обязанности; исполнять ихъ есть пламенный мое желаніе. Да поможетъ мнѣ Богъ въ исполненіи этихъ обязанностей для споспѣшествованія благу Германіи и да содѣйствуютъ мнѣ единодушно въ этомъ дѣлѣ всѣ друзья Германіи. Но я нахожусь въ затрудненіи, происходящемъ изъ настоящаго положенія моего, которое препятствуетъ мнѣ назначать въ точности время, когда въ состояніи буду принять возложенныя на меня обязанности. Я посоветуюсь съ императоромъ о томъ, какъ мнѣ образомъ согласить обязанности новаго моего положенія въ возложенныя на меня доверіемъ».

Послѣ отвѣта г. Адриана на эту рѣчь, его высочество сказалъ депутатамъ: «Теперь мы всѣ братья», вышелъ съ ними на балконъ и сказалъ собравшемуся народу нѣсколько словъ. Съ вала раздался 101 пушечный выстрѣлъ. Потомъ пѣли германскую пѣсню и гимны, во время которыхъ его высочество принималъ поздравленія дипломатическаго корпуса, министровъ, національной гвардіи и другихъ.

За тѣмъ депутація отправилась обратно на свою квартиру съ тѣмъ же торжествомъ и привѣтствіями; члены ея должны были часто показываться народу въ окнахъ и говорили привѣтственные слова.

Эрцгерцогъ Іоаннъ объявилъ, прокламаціею 8-го іюля, что Франкфуртскій сеймъ избралъ его въ правители государства, что онъ принимаетъ это избраніе, отправляется съ прибывшею въ Вѣну депутаціею сейма во Франкфуртъ. Онъ выѣхалъ изъ Вѣны 8 іюля.

По словамъ очевидцевъ, путешествіе эрцгерцога Іоанна было истиннымъ триумфомъ. Въ Вѣнѣ національная гвардія и академическій легіонъ образовали ряды, отъ императорска-

го замка до станціи сѣверной желѣзной дороги, между кото-
рыхъ эрцгерцогъ съ своею свитою прохалъ, при этомъ на-
родовъ, выстрѣлахъ изъ пушекъ и громахъ восклица-
ній народа. На каждой станціи сѣверной желѣзной доро-
ги, городскіе и сельскіе жители воздвигали триумфальныя
ворота съ надписями. Съ такою же радушіемъ и со всеми
почестями, онъ былъ принятъ въ Дрезденѣ. Саксонскій
король, въ сопровожденіи государственнаго министра док-
тора *фонъ-деръ-Прута*, въ 5 часовъ утра, отправился на
встрѣчу ему до Лобау по саксонско-шлезвигской дорогѣ. Въ 7
часовъ, ударили въ барабаны. Все народное ополченіе вмѣстѣ
съ гарнизономъ составили отъ станціи желѣзной дороги до
королевскаго дворца родъ шпалеръ. Изъ оконъ гвардей-
скихъ казармъ развѣвалось германское знамя. Безчисленныя
толпы были на улицахъ и все дома: ври желѣзной дороги и
крыши домовъ были заняты любопытными.

Между тѣмъ на станціи собрались принцы королевскаго
дома, министры, дипломатическій корпусъ, корпусъ офице-
ровъ и государственныя чины. Когда прибылъ наконецъ па-
ровозъ, украшенный звиками изъ цвѣтовъ и знаменами, то
загремѣли орудія и раздался звонъ колоколовъ. Послѣ ко-
роткаго пребыванія на станціи, эрцгерцогъ съ королемъ от-
правились въ открытой каретѣ медленно по городу. Передъ
карею шель эскадронъ кавалеріи, а за нею эскадронъ
народнаго ополченія съ знаменами. Оба государя сидѣли съ
непокрытыми головами и милостиво благодарили народъ за
радостныя привѣтствія. По пріѣздѣ въ замокъ, эрцгерцогъ
вышелъ съ королемъ на балконъ и былъ привѣтствованъ пѣ-
снями и восклицаніями народа. Эрцгерцогъ пробылъ въ замкѣ
около двухъ часовъ. За тѣмъ отправился съ чрезвычайнымъ
цѣлдомъ въ Лейпцигъ.

Вечеромъ 10 іюля, въ 8 часу былъ торжественный въездъ
государственнаго правителя въ Франкфуртъ. Уже съ 8
часовъ утра безчисленныя толпы народа наполнили улицы
и тянулись по направленію къ Гауау. Различныя общины
и цехи были разставлены на пути. Триумфальныя ворота
какъ бы волшебствомъ были воздвигнуты съ слѣдующими

подписали: «Вольный геродъ Франкфуртъ германскому государству и народу». При приближеніи вояды, загремѣли орудія. Карета, запряженная шестью лошадьми, привыстрѣлахъ изъ орудій и звонъ колоколовъ, сопровождаемая музыкою и безчисленными восторженными восклицаніями, привезла эрцгерцога въ отель «Russischen Hof», гдѣ приняла его депутация отъ національнаго собранія. Президентъ фонъ-Гаернъ приветствовалъ герцога слѣдующею речью: «Святѣйшій эрцгерцогъ, государственный правитель! Национальное собраніе поручило мнѣ приветствовать васъ отъ его имени. Позвольте мнѣ выразить вашему высочеству всеобщую благодарность за скорое принятіе временной центральной власти, въ чемъ вся Германія видитъ залогъ будущаго ея благосостоянія. Мы надеемся, что ваше высочество будете въ національномъ собраніи, и тамъ примете по законной формѣ высокое достоинство государственнаго правителя».

Эрцгерцогъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, господа, за приемъ. При полученіи извѣстія объ избраніи меня, я удивился, что Германія вспомнила еще обо мнѣ, старикѣ; но когда призываетъ отечество, то всякій обязанъ посвящать свои силы на служеніе ему. Я принадлежу вамъ.» — Затѣмъ эрцгерцогъ вошелъ въ кругъ стоявшей предъ нимъ депутации.

Скоро послѣ того эрцгерцогъ явился на балконъ и приветствовалъ народъ. «Да здравствуетъ Германія! Да здравствуетъ Франкфуртъ!» сказалъ онъ. Безчисленные восклицанія послѣдовали за этими словами. Вечеромъ и ночью происходило великолѣпное торжество по случаю приѣзда государственнаго правителя, кончившееся уже тогда-когда погасли и послѣдніе изъ безчисленнаго множества горѣвшихъ факеловъ.

12 іюля, эрцгерцогъ явился въ національное собраніе. По предложенію президента депутация изъ 15 членовъ собранія, въ 10 часовъ, отправилась на встрѣчу правителю. Черезъ подвѣса звонъ колоколовъ и неумолкаемая восклицанія народа возвѣстили о приближеніи его

высочества. Президентъ съ общими вице-президентами и съ секретарями встали у дверей. Эригердъ Іоаннъ вступилъ въ залу при глубокомъ безмолвіи и занялъ приготовленное для него мѣсто. Президентъ фонъ-Гагорнъ произнесъ краткую, приветственную рѣчь и, призывая прочитати принятый собраніемъ законъ о центральной власти, сказалъ: «Именемъ національнаго собранія прошу В. Н. В. повторить въ собраніи, что вы навярны исполнять и заставлять исполнять этотъ законъ для славы и благоденствія отечества.» Эригердъ правитель, послѣ нѣсколькихъ благодарственныхъ словъ за оказанную ему довѣренность, сдѣлалъ требуемое отъ него объявленіе, и прибавилъ, что намераясь посвятить всего себя исполненію важныхъ обязанностей высокаго своего званія, онъ, по открытіи въ Вѣнѣ сейма, будетъ просить императора объ увольненіи его отъ званія члена австрійскаго императора. Окончивъ свою рѣчь при громкихъ восклицаніяхъ членовъ собранія, онъ оставилъ залу, въ сопровожденіи депутата и множества уполномоченныхъ.

Назначивъ государственныя министры: г. фонъ-Пфферлингъ — внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ; г. Гекшеръ — юстиціи, и прусскаго генералъ-маіора фонъ-Пейкера — военнымъ, эригердъ Іоаннъ 15 іюля выѣхалъ изъ Франкфурта и прибылъ 17 въ Вѣну, гдѣ, въ званіи наместника императора австрійскаго, открылъ, 20 числа, засѣданіе австрійскаго государственнаго сейма.

— Затрудненія, которыя необходимо должны были возникнуть въ слѣдствіе учрежденія въ Германіи центральной власти, нѣкоторымъ образомъ господствующей надъ правительствами отдѣльныхъ германскихъ государствъ, уже начинаютъ проявляться.

Вторая палата ганноверскихъ штатовъ приняла единогласно, за исключеніемъ только двухъ голосовъ, слѣдующее опредѣленіе: «Франкфуртское національное собраніе создано не для того, чтобы господствовать надъ государями и правительствами, не для того, чтобы собственной своей властію издавать законы и государственныя уложенія, обязатель-

шли: для силъ послѣднихъ. Оно избрано для того, чтобы, выступивъ въ отношеніи къ существующимъ правительствамъ, вместе съ ними ичерпать государственное уложеніе нше-ринъ. Король и правительство хорошо-сдѣлали, что признали правителя государствъ: но это не должно нарушать правъ ганноверской короны. Национальное собраніе не можетъ стоять выше германскихъ государей и германскаго сейма и не должно преступать за предѣлы своей правъ. Наша конституція подчинена общей конституціи Германіи, а не исключительной воли національнаго собранія. Мы присягнули конституціи и не можемъ нарушить своей присяги. Национальное собраніе не можетъ издавать законовъ для всей Германіи; и мы надѣемся, что оно не будетъ прибѣгать къ силѣ, чтобы приобрести повинновеніе, потому-что иначе это повлекло бы за собою неизчислимныя бѣдствія.»

Кажется, опортъ начати ясно и рѣшительно. Впрочемъ, если бы Ганноверъ былъ одинъ этого мнѣнія, то его сопротивленіе легко могло бы быть преодолено силою. Но, національное собраніе, чрезвычайно неблагоразумной мѣрою, оскорбило Пруссію и подало ей справедливый поводъ къ жалобѣ, отказавшись утвердить со своей стороны перемиріе, заключенное прусскимъ уполномоченнымъ съ Даніею и уже утвержденное прусскимъ королемъ. Впрочемъ, цѣлю этой мѣры, было показать тѣмъ, которые сомнѣваются въ германской національности, что они имѣютъ дело не съ тѣмъ или другимъ частнымъ правительствомъ, но съ цѣлою Германіей. Тѣмъ не менѣе прусскій король оскорбленъ, и прусскій народъ, впрочемъ, приметъ его сторону. Никто въ Пруссіи, ни король, ни народъ, не расположенъ допустить, чтобы Франкфуртское національное собраніе распорядилось въ Пруссіи такъ же, какъ въ Швейцаріи первенствующій кантонъ распорядится другими. Пруссія не будетъ даже довольствоваться ролью важнѣйшаго изъ стѣверо-американскихъ союзныхъ государствъ.

Journal des Débats обращаетъ вниманіе читателей на слѣдующее письмо, полученное имъ изъ Берлина, отъ 15 го июля: «Франкфуртское собраніе, кажется, не долга будетъ

пользоваться правом общаго вліянія на дѣла Германіи. Чтобы достигнуть цѣли, которую ему предназначала, надобно бы было больше заботиться объ истинно-національных предметахъ. Но вместо того, чтобы сдѣлать таковыя мудрыя вѣрванья и рѣшительно принять политическія мѣры для утвержденія внутренняго согласія, оно, кажется, только старается удовлетворить мелочнымъ и завистливымъ страстямъ малыхъ и большихъ державъ на счетъ Пруссіи. По духу противорѣчія, не хочетъ оно теперь утвердить не-ремирія, заключеннаго прусскимъ полномочнымъ съ Даніею, и отъ этого упорства можетъ произойти большой вредъ. Это временное прекращеніе войны, которой тяжести почти все падали на Пруссію, должно было необходимо привести къ заключенію мира, который съ выгодною и дружелюбно окончилъ бы дѣла Шлезвига и Голштейна. Но оно этого не хочетъ. Совсе не заботясь о мѣрахъ примиренія и стараясь единственно причинять нравственныя неприятели той державѣ, которой вліянія они боятся, и которая должна будетъ вести войну на свой счетъ, завистники, заседающіе въ собраніи, поддерживаемые красными радикалами, хотятъ, чтобы готовились къ новымъ битвамъ. Какъ поступитъ генералъ Врангель, назначенный главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, будучи поставленъ между долгомъ своимъ къ отечеству, т. е. Пруссіи, и тѣми страшными обязанностями, которыя возлагаетъ на него новое его званіе, еслибъ онъ вздумалъ сохранить его? Какъ поступитъ берлинскій кабинетъ, приведенный въ такое затруднительное состояніе? Если онъ будетъ повиноваться приказаніямъ Франкфуртскаго сейма, политическому собранію, которое подъ имперскимъ своимъ костюмомъ скрываетъ смѣшныя республиканскіе пріемы, то на сѣверъ Германіи могутъ произойти большія несчастія. Торговое мореходство Германіи погибло съ перваго шага. Пруссія потеряетъ все свое національное достоинство, которымъ гордилась столько вѣковъ: она исключитъ сама себя изъ географической карты Европы. Если же, напротивъ, прусскій кабинетъ заблагоразсудитъ остаться при своихъ дружелюбныхъ условіяхъ съ Даніею, все дѣла

принять другой видъ; мысль объ единствѣ Германіи, такъ гремѣе возмущаемая на берегахъ Майна, можетъ навсегда потонуть въ волнахъ этой рѣки. Мы не скрывали, что нашъ искрѣпленіе было бы жалъ, если бы планы о водвореніи единства въ Германіи, которые въ некоторомъ отношеніи могутъ быть и не одною утопіею, вѣзели какъ хищеры, по необдуманности своихъ составителей и агентовъ. Но прежде всего нужно, какъ для Пруссіи, такъ и для положительнаго состоянія Германіи, чтобы министерство Ауэрсвальда доказало свое существованіе сильною и энергическою волею. Невозможно, чтобы обширная и цвѣтущая держава, вмѣщающая 16 милліоновъ жителей, и могущая выставить 600—700 тысячъ войска, отвергла все прошедшее, забыла свою исторію, и, въ угожденіе нѣсколькимъ крикунамъ, согласилась перейти въ совершенное ничтожество, не сказавъ ни слова, не подумавъ ни минуты. Такое дорогое самопожертвованіе не такъ легко возложить на Пруссію, какъ на какія-нибудь небольшія княжества, которыя обладали своимъ существованіемъ Вѣнскому конгрессу. Вѣроятно, Пруссія будетъ противиться. Тогда Германская имперія увидитъ, что ей надобно будетъ выйти изъ тѣсной колеи своихъ мелочныхъ предразсудковъ и признать всю свою несправедливость къ той державѣ, которая наиболѣе привнесла ей жертвъ.»

Въ Кельнской газетѣ напечатана интересная статья объ опасностяхъ, которымъ подвергаются Германію ложныя понятія о національности: «Трудно понять всѣ политическія несообразности нѣмецкаго народа, который до сихъ поръ отличался чувствомъ правоты и здравомысліемъ. Кажется, что чувство эгоизма и тщеславія заставило Германію забыть прежній свой характеръ. Цель ея состоитъ въ распространеніи владѣній, но для достиженія этого, она запуталась въ безцеленныхъ несообразностяхъ. Для сохраненія за собою Италіи, она ссылается на исторію; чтобы взять Познань, Богемію, Шлезвигъ, она ограждается системою національности. Усмотрѣвъ, что въ Шлезвигѣ нѣмецкое населеніе не составляетъ большинства, бросилась къ помощи исторіи. И эта попытка не была удачнѣе. Старинные доводы, на которые

сылаются члены сейма, свидѣтельствуя только, что они плохо знаютъ исторію и особенно значеніе трактатовъ. Други, приводимые ими, неварны болѣе чѣмъ прежде. Дѣйствительно дальшаго привести ни одного достовернаго акта въ подтвержденіе союза Шлезвига съ Гольштейномъ. Все это несоборности послужатъ только къ потрясенію истиной силы Германіи. Покореніе Чеховъ въ Богеміи, Польскою въ Цешинѣ и Датчанъ въ Шлезвигъ, не будутъ способствовать къ утвержденію истиннаго единства Германіи.»

ВЕНГРІЯ.

Эригерцогъ Стефанъ назначенъ полномочнымъ министромъ короля въ Венгрію и въ прилежащихъ къ ней странахъ. 5 іюля онъ открылъ въ Пестѣ венгерскій сеймъ. Присяженная имъ при этомъ торжественная рѣчь, содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Для успокоенія жителей Венгріи, каки бы ни были ихъ языкъ и вѣроисповѣданіе, объявляю здесь, именемъ нашего короля, что его величество твердо рѣшился сохранять всю свою королевскую властью единство и неприкосновенность венгерскаго престола противъ всякаго внѣшняго нападенія и внутреннихъ раздоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нацѣренъ исполнять всѣ законы, имъ утвержденныя.»

— Раздоры между Венгерцами и Кроатами все еще продолжаютъ. Жители Кроаціи, Славоніи и другихъ округовъ, обитаемыхъ не-Венгерцами, желаютъ принадлежать непосредственно австрійскому правительству. Венгры же, ссылаясь на свои старинныя привилегіи, требуютъ, чтобъ они оставались подчиненными венгерской коронѣ. Военныя силы Кроатовъ и другихъ жителей южной Венгріи раздѣляются на три части. Первая часть расположена на правомъ берегу Дуная, начиная отъ Карловица, вторая занимаетъ тѣмъ называемые Римскіе Окопы, между Дунаемъ и Тиссою, а третья расположена отъ мѣста впаденія рѣки Бегы въ Тасу при Перлашъ, до Гросъ-Беескярета. Противъ этого войска расположились маджарскіе полки и національная гвардія.

Изъ Песта пишутъ отъ 8 іюля, что тамъ получено бы-

до двадцати в сражении, происходившем между венгерскими генераломъ Бектольдомъ и мясурянтами, у насъ называемыхъ Римскля Околомъ, между Темерлицемъ и Яркономъ. Венгерцы одержали победу. У мясурянтова убито 300 чел. и еще гораздо больше ранено. У Венгерцевъ убито 17 чел. и несколько ранено. Въ другой же схваткѣ, 15 іюля, Сербы и Кроаты разбили Венгерцевъ, при Шегединѣ.

Богемія.

19 іюня арестовали пятьдесятъ человекъ, изъ которыхъ многие принадлежатъ къ высшей прагской аристократіи. Графъ Боккуа 75 лѣтъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Богеміи, сдѣлался слѣпымъ орудіемъ заговорщиковъ, въ надеждѣ быть избрану въ короли. Это дѣло стоить ему бездѣлицы, 500,000 флориновъ. Собственныя дѣти объявили его расточителемъ изъ имущества. Было до пяти претендентовъ на богемскую корону. Теперь известны всѣ планы заговорщиковъ. Осадное положеніе Праги снято 20 іюля.

Данія.

— Во франкоуртскихъ газетахъ 26-го іюля пишутъ: «Генералъ Врангель донесъ эрцгерцогу Іоанну, что онъ не заключилъ еще перемирія съ Датчанами, а имѣлъ только предварительные переговоры. Перемиріе же онъ заключить только сообразное съ честию Германіи, и такое, при которомъ онъ въ полной увѣренности могъ бы надѣяться, что эрцгерцогъ его утвердитъ. Военный министръ потребовалъ вѣсть съ тѣмъ отъ Врангеля предварительнаго донесенія о числѣ войскъ, которое ему нужно будетъ, чтобы скорее и со славою окончить войну съ Датчанами, обещая ему, что если не будетъ заключено перемирія, то ему немедленно будутъ присланы подкрѣпленія, съ которыми бы онъ могъ продолжать войну быстро и дѣлательно.»

Италія.

Изъ Рима пишутъ отъ 25 іюня, что миролюбивый нападъ его военнаго министерства все болѣе и болѣе расходится между собою. Народъ, опасаясь пожертвованій и лише-

ній, потребуемыхъ войною, принимаетъ сторону пераго; и когда нагата изъявила министерству свое полное одобреніе, народъ далъ президенту совѣта министровъ, графу *Маміани*, пышную серенаду (*charivari*).

Во французскомъ журналѣ *L'Union* напечатано слѣдующее письмо изъ Рима отъ 28 іюня: «Римъ находится все въ томъ же смутномъ, анархическомъ состояніи; онъ узнаеть собственнымъ опытомъ, что значитъ быть управляему философомъ. Графъ *Маміани* терается въ облакахъ своихъ теорій и мечтаетъ только о слазв древнихъ Римлянъ; говоритъ и дѣйствуетъ точно, какъ бы Церковная Область и Римская имперія одно и тоже, точно будто бы онъ располагаетъ всеми сокровищами и безчисленными войсками Цезарей. Но Церковная Область не велика и сверхъ того разорена. Нищета въ ней повсемѣстная и ее не прекратитъ взиманіемъ военныхъ налоговъ. Работы повсюду остановились; теперь много рукъ безъ занятій; множество людей безъ всякихъ средствъ къ пропитанію себя. У насъ нѣтъ ни оружія, ни военныхъ снарядовъ; нѣтъ ни офицеровъ, ни солдатъ. Слономъ, нѣтъ того, что необходимо для войны. Министерство назначило добровольный наборъ въ 7000; но этотъ наборъ существуетъ покуда только на бумагѣ. Въ Римѣ, было опредѣлено набрать 700 человекъ, — набралось только 52, и то болышею частію калѣкъ и хилѣхъ, не способныхъ къ службѣ. Энтузіазмъ народа существуетъ также только на бумагѣ, и если бы министранъ вздумалось опредѣлить поголовный наборъ, то эта шара произвела бы поголовное возстаніе — противъ правительства.»

— Графъ *Радецкій*, въ слѣдствіе извѣстія о приближеніи папскихъ войскъ къ По, отрядилъ генераль-маіора, графа *Франца Лихтенштейна* съ достаточными силами для разсѣянія ихъ. Этотъ генераль 14 числа утромъ перешель По при Полезелли, Франкозино и Понтелагоскуро, отбросилъ папскія войска и приготовился обстрѣливать цитадель Феррары, какъ появилась депутація съ изъясненіемъ совершенной покорности. Цитадель и гарнизонъ подъ командою пол-

ковника графа Руна взяты, нижній По обезопасенъ и Венеція заперта съ юго-запада.

— Великій герцогъ тосканскій открылъ 26 числа парламентъ и въ рѣчи своей говорилъ о необходимости прекращенія войны для того, чтобы можно было заняться внутреннимъ преобразованиемъ Италіи. Эта рѣчь была принята съ громкими рукоплесканіями, хотя положеніе вещей представлено въ ней въ самомъ мрачномъ видѣ.

Въ Journal des Débats напечатано слѣдующее письмо изъ Флоренціи отъ 23 іюня: «Эмиссары, которые дѣйствуютъ въ пользу соединенія большей части Италіи подъ скипетромъ Карла-Альберта, сначала имѣли довольно большій успѣхъ здѣсь и особенно въ Ливорно; но потомъ потеряли все, что прежде приобрѣли. Великій герцогъ явился въ Ливорно и въ Сиенну, чтобы раздать національной гвардіи знамена. На дняхъ онъ идетъ съ тѣмъ же въ Пистою и Лукку. Его повсюду принимали съ восторгомъ. Въ Ливорно тѣ, которые еще недавно кричали: Долой Леопольда! Да здравствуетъ Карлъ-Альбертъ! не смѣли показаться. Тосканскій народъ повсюду пользуется всякимъ случаемъ доказать великому герцогу Леопольду свою любовь и преданность къ нему. Въ деревняхъ многіе поселяне никакъ не хотѣли избирать въ депутаты кого-либо кромѣ Леопольда II. Надобно полагать, что теперь всѣ противники настоящаго положенія вещей, республиканцы, альбертисты, унитаріи, должны будутъ отказаться, по-крайней-мѣрѣ на время, отъ своихъ замысловъ и ожидать болѣе благоприятной минуты. Если тосканскій народъ не окажетъ расположенія присоединиться къ королевству верхней Италіи, они намѣрены требовать, чтобы въ Римъ собрался общій италіанскій сеймъ, для устройства дѣлъ всей Италіи.»

— Герцогъ генуэзскій, второй сынъ сардинскаго короля Карла-Альберта, единодушно провозглашенъ королемъ Сициліи.

— Въ Венеціи, въ чрезвычайномъ засѣданіи собранія 4 іюля, въ которомъ объявлено было о соединеніи съ Пиемонтами, послѣ долгихъ и живыхъ преній, приступили къ баллотированію

формулы присоединенія, которая и была принята 127 голосами противъ 6. Всеобщій восторгъ оживилъ Венецію. Опредѣленіе о присоединеніи состоитъ въ слѣдующемъ: «По причинѣ крайней необходимости освободить Италію отъ чужеземной власти и для усиленія борьбы за независимость, опредѣлили мы, какъ Венеціанцы, отъ имени и согласно съ выгодами Венеціи, и какъ Италианцы, согласно съ выгодами цѣлой націи, присоединить городъ и провинцію Венецію къ Сардинскому королевству вмѣстѣ съ Ломбардіею и подъ одними же съ нею условіями и съ твердымъ намѣреніемъ раздѣлять политическую судьбу ея вмѣстѣ съ остальными венеціанскими провинціями.»

Защита лагунъ поручена генералу *Миланопуло*, бывшему морскому офицеру австрійскаго флота. Онъ обратилъ главное свое вниманіе на Кіоджію и Брандоло, вооруживъ послѣднее мѣсто 60 орудіями большаго калибра, а какъ сообщеніе съ моремъ для Венеціи свободно, то она легко можетъ получать съѣстные и боевые припасы. 2000 рабочихъ ежедневно работаютъ въ арсеналѣ. Четыре галіота и 12 канонерскихъ лодокъ вскорѣ будутъ спущены. Двадцать небольшихъ судовъ вышли изъ лагунъ и отправились въ Римини для перевоза піемонтскихъ войскъ.

— Непомѣрныя требованія Италианцевъ заставляютъ Австрію принести жертвы сохраненію своей чести и продолжать войну съ большимъ напряженіемъ, для пріобрѣтенія справедливаго мира. Италианцы требуютъ уступки имъ всѣхъ тѣхъ земель, въ которыхъ говорятъ по-италиански, между прочимъ тирольскихъ округовъ Триента и Роверето.

Испанія.

Въ Испаніи готовятся важныя событія, какъ надобно заключать изъ слѣдующихъ извѣстій. *Кабрера* въ Испаніи. Прибытіе его было сигналомъ къ возстанію въ пользу графа *Монтемолина*. Шайки гверильясовъ превращаются въ баталіоны и начинается междоусобная война. Генералы *Форкадель* и *Боиска*, предводительствуя тысячею

человѣкъ, ожидали морельскаго героя на границѣ. Они соединились 24 іюня. За *Кабрерою* слѣдовали баталіонъ и блистательный эскадронъ. Эти волонтеры прекрасно одѣты и вооружены. Главный штабъ его состоитъ изъ прежнихъ карлистскихъ офицеровъ, служившихъ большею частію въ королевской гвардіи и въ арміи. Это уже война не гверильская, а настоящая, регулярная война, предпринимаемая монтемолинистскою партіею. 30 іюня, въ Мадридѣ было получено, извѣстіе, что вооруженные люди провозгласили въ провинціи Гипускоу графа *Монтемолина*, сына Дона-Карлоса, королемъ испанскимъ.

— Съ границъ Каталоніи пишутъ тулузскому журналу-*Constituant*: «Въ Каталоніи карлистская партія дѣлаетъ страшные успѣхи, и войска королевы, не смотря на свою многочисленность, вскорѣ не въ состояніи будутъ показаться въ полѣ, если между тѣмъ не получатъ подкрѣпленія. А послать туда подкрѣпленіе не легко, потому-что для того только, чтобы отправить четыре тысячи войскъ въ Наварру, правительство принуждено было обратиться къ четыремъ провинціямъ: Новой Кастиліи, Старой Кастиліи, Эстремадурѣ и Галиціи. Вотъ каково состояніе арміи и расположеніе умовъ въ Испаніи. «Газета *Стамог publico* говоритъ: «Извѣстія изъ Наварры и Каталоніи такъ важны, что обратили на себя полное вниманіе правительства. Возстаніе Карлистовъ не есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ предпріятій, которыя ведутся безразсечно, безъ необходимыхъ средствъ,—это первый шагъ обширнаго и хорошо составленнаго плана, имѣющаго цѣлю низложить королеву Изабеллу.»

— Въ англійскомъ посольствѣ получено приказаніе, по которому всѣ секретари и чиновники должны выѣхать изъ Мадрида, потому-что дипломатическія сношенія между Англіею и Испаніею прекращаются. Въ Мадридѣ останется только англійскій консулъ, для прописки паспортовъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Въ Лондонъ получены извѣстія изъ Лиссабона отъ 19 июля. Тамъ многія лица арестованы, въ слѣдствіе открытія заговора. Большая часть главныхъ заговорщиковъ однакожъ успѣла скрыться; захватили только пятерыхъ и то не самыхъ важныхъ. Целью этого заговора было низверженіе нынѣшняго правленія и установленіе республики.

ГРЕЦІЯ.

Извѣстія изъ Греціи самыя печальныя. Безпрерывныя возмущенія, подавляемая въ одномъ мѣстѣ, обнаруживаются въ другомъ; полная анархія и совершенный разрывъ всѣхъ общественныхъ связей—вотъ состояніе этой страны.

ЕГИПЕТЪ.

Мегметъ-Али съ нѣкотораго времени такъ ослабѣлъ и духомъ и тѣломъ, что пересталъ заниматься дѣлами правленія. 18 іюня, медики, живущіе въ Александріи, собрались на совѣтъ, на которомъ предложенъ былъ вопросъ: возстанутъ ли душевныя силы *Мегмета-Али*? Отвѣтъ врачей былъ отрицательный. Поэтому *Ибрагимъ-Паша* приказалъ не допускать къ вице-королю никого, кромѣ лицъ, самыхъ необходимыхъ для прислуги, чтобы не подавать въ городъ повода къ толкамъ и насмѣшкамъ надъ рѣчами слабоумнаго старика.

=

Русская Словесность

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Какъ поэта вдохновенье,
    Какъ о будущемъ мечты,
Какъ горячее мольенье,
    Какъ душистые цѣтты,
Какъ луну, ночей царицу,
    Какъ разливы соловья,
Какъ румяную девицу, —
    Милый другъ, люблю тебя!

Въ часъ ночной, въ удивеньи,
    Въ вихрѣ свѣта, въ часъ трудовъ,
Средь недуговъ и мученья,
    Въ блескѣ, въ пышности широкъ,
О тебѣ лишь я мечтаю,
    Лишь къ тебѣ стремлюся я
И тиховько повторяю:
    Милый другъ! люблю тебя!

Стихотворенія.

Лишь начнутъ смыкаться вѣжды
И умолкнуть сердца стонъ,
И любимыя надежды
Мнѣ навѣютъ тихій сонъ,
По тебѣ во снѣ тоскуя,
Полный страстнаго огня,
Въ нѣсъ чудной лепечу я:
Милый другъ, люблю тебя!

Быстро время въ вѣчность мчится
На недремлющихъ крылахъ:
Все минетъ, все поминется,
Обратится въ пыль и прахъ,
Но, петлѣнная повсюду,
Будетъ жить любовь моя;
Я твердить за гробомъ буду:
Милый другъ, люблю тебя!

О. Мб.

ДОВОРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

...Пишите романы волнѣ—историческіе, сатирическіе, правдописательные, а главное, разувѣтете, хорошіе. Бросьте свои личные, задуманные перья въ колодезь, шумъ, восторги, свои политическія утопіи и философскія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, которая движется около васъ и которой вы не видите, изучайте люди въ ихъ естественномъ, светломъ и тупомъ теченіи, прислушайтесь къ глухому стогу окружающей васъ страданій, наблюдайте извѣстные пути страстей, располагающихъ соблазнами, олицетворяйте все это на образцахъ простыхъ и непринужденныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенные вопросы человѣческаго быта и назначенія, — единств. слово, повторять, пишите романы.

А. Николаеву.

(Библ. для Читенія; июль—1846).

ГЛАВА I.

ДВѢ МАСКИ.

Петербургъ встрѣчалъ Новый годъ.

На дворѣ была страшная метелица. Крупныя хлопья снѣгу косвенно и съ быстротою стрѣлы пересѣкали воздухъ, гонимыя ровнымъ, постояннымъ ветромъ. Снѣгъ лепился къ стенамъ, окнамъ, вывескамъ, забивался въ щели и покрывалъ густымъ, бѣлымъ слоемъ мостовыя и трот-

туары, какъ бы подготавливая путь для саней, которыя на слѣдующій день должны были бороздить мостовую, развозя визитныя карточки, которыя въ отношеніи къ взаимному расположенію между людьми то же, что ассигнаціи въ отношеніи къ звонкой монетѣ.

Это то же, да не то.

Тускло пробивался свѣтъ сквозь стекла фонарей, залепленные снѣгомъ; на перекресткахъ, встрѣчавшіяся струи вѣтра крутили въ воздухъ бѣлую пыль и отталкивая ее съ равною силою, образовывали на точкѣ встрѣчи ихъ гладкія, остроконечныя кучи. Темныя полосы, обозначенныя ѣздой, исчезли подъ ровной, волнистой пеленой, и если по ней изрѣдка и провѣзжали сани, то вѣтеръ немедленно заметалъ и сглаживалъ слѣды ихъ.

Казалось, Петербургъ переменялъ одежду къ Новому году.

Улицы были пусты. Жизнь столицы сосредоточилась въ домахъ, внутренность которыхъ была болѣе или мѣнѣе ярко освѣщена. По цвѣту сквозившихъ занавѣсовъ, по разноцвѣтному отраженію ярко освѣщенныхъ обоевъ на опущенныя шторы, легко можно было угадать расположеніе покоевъ, и притомъ, въ отвращеніе послѣдствій, могущихъ произойти отъ неосторожности веселившихся хозяевъ, наслала такую погоду, которая отбивала не только у любопытныхъ, но и у влюбленныхъ охоту изучать это расположеніе покоевъ.

Впрочемъ, такъ какъ Петербургъ не слишкомъ изобилуетъ несчастными любовниками, то влюбленные были почти всѣ при своихъ предметахъ.

Кое-гдѣ у воротъ и подъѣздовъ стояли семейныя возки и холостыя сани. Кучера спали, забывшись въ кареты или подъ полости. Лошади, по временамъ, вздрагивали, стряхивая снѣгъ, таявшій на нихъ.

Извозчиковъ, разумется, не было. Они разбрелись куда, желая, вѣроятно, метить пѣшеходамъ за то, что послѣдніе пренебрегали ими въ хорошую погоду. Только изрѣдка, болѣе челолюбивый самъ плелся по пу-

стынными улицамъ, давъ волю клачь, которая, то заворачивала на троттуаръ, то останавливалась, уткнувъ морду въ запертыя ворота.

Одинъ изъ такихъ филантроповъ плелся по Гороховой, опустивъ возжи, скорчившись на козлахъ и спрятавъ носъ, замораживаемый регулярно каждую зиму, за поднятый воротникъ и отогревая его собственнымъ дыханіемъ, которое, не достигая однакожь своей цѣли, образовывало только на бородѣ ледяныя сосульки.

— Извозчикъ! крикнулъ кто-то съ праваго троттуара.

Извозчикъ вадрогнулъ; лошадь наострила уши и, зная свое дѣло, остановилась.

— Извозчикъ! раздалось секунду спустя съ лѣвой стороны.

Ванько вынырнулъ изъ поднятаго воротника, выпрямился и осмотрѣлся.

По правой сторонѣ шелъ сгорбившись мужчина высокаго роста, въ шубѣ безъ воротника, и въ бобровой фуражкѣ.

По лѣвой сторонѣ бѣжалъ мужчина средняго роста въ бархатной шапкѣ съ меховымъ околышемъ. Вѣтеръ хлесталъ длиннымъ воротникомъ шубы его, точно сорвавшимся парусомъ.

— Извозчикъ!

— Извозчикъ!

Крикнули еще разъ пѣшеходы, остановившись на троттуарѣ, каждый со своей стороны.

— Куда прикажете? спросилъ ванько, не зная еще къ которой сторонѣ подъехать.

— Къ Симеону! раздалось съ правой стороны.

— На Литейную! съ лѣвой.

— Два двугривенныхъ! отвѣчалъ ванько.

— Четвертакъ! возразилъ пѣшеходъ съ праваго троттуара.

— Подавай! крикнулъ другой.

Извозчикъ подобралъ возжи, застучалъ кнутомъ о передокъ и сталъ воротить къ лѣвой сторонѣ.

Это обстоятельство огорчило пѣшехода въ бобровой фуражкѣ. Онъ осмотрѣлся съ отчаяніемъ... Ни одного возницы! Только колоды, засыпанныя снѣгомъ, наводнили о томъ, что тутъ могли бытъ извозчики. Теперь только пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ понялъ, что сдѣлалъ глупость торгуясь, потому-что дурная погода какъ бы создана для извозчиковъ, и они вполне пользуются ею.

— Два двугривенныхъ съ пятаккомъ! крикнулъ онъ и, не обращая вниманія на глубокой снѣгъ, побѣжалъ къ санямъ.

Замѣтивъ это, другой пѣшеходъ тоже сошелъ съ троттуара и, не желая уступать своему противнику, крикнулъ колебавшемуся извозчику:

— Полтинникъ! и, откинувъ волочившійся конецъ истертой полости, вскочилъ въ сани.

— Животное! проворчалъ сквозь зубы пѣшеходъ въ бобровой фуражкѣ, остановившись посреди улицы въ глубокомъ снѣгу.

Понуканье извозчика и постукиванье тронувшихся саней заглушили рѣзкое выраженіе.

Пѣшеходъ, оставшійся *онымъ*, еще разъ осмотрѣлся, вздохнулъ изъ глубины души, вернулся на троттуаръ и сгорбившись, какъ бы таща за собою салазки, головою пошелъ противъ вѣтра.

Тамъ, гдѣ Садовая пересѣкаетъ Гороховую, сильный порывъ чуть не сбилъ съ ногъ пѣшехода, который долженъ былъ обернуться спиною къ вѣтру и такимъ образомъ продолжать путь. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ слышалъ за собою:

— Баринъ, баринъ!

При тускломъ свѣтѣ фонаря пѣшеходъ увидѣлъ сани, остановившіяся возлѣ самаго троттуара; въ саняхъ сидѣлъ человекъ, съ аукціона нанявшій извозчика.

— Послушайте, сказалъ этотъ человекъ, раздвинувъ нѣсколько поднятый мѣховой воротникъ: садитесь со мною, я доведу васъ до Симеона.

Это неожиданное предложеніе поразило пѣшехода.

— Торопитесь! продолжалъ сидѣвшій въ саняхъ: я долго ждать не намѣренъ; а вы до самаго Невскаго не найдете теперь извозчика.

Последнія слова расшевелили пѣшехода. Однимъ скачкомъ очутился онъ возлѣ саней.

— Чувствительно благодаренъ, ворчалъ онъ голосомъ, заглушаемымъ воротникомъ: чувствительно благодаренъ за услугу...

— Это не услуга, возразилъ такимъ же глухимъ голосомъ мужчина въ бархатной шапкѣ: вы заплатите половину, и дѣло съ концомъ!

Въ слѣдствіе этого распоряженія человекъ въ бобровой фуражкѣ пересталъ благодарить и, не будучи доволенъ узкимъ мѣстомъ, оставленнымъ ему, старался сдвинуть товарища, но порядочный толчокъ послѣдняго заставилъ его во-первыхъ крикнуть, а во-вторыхъ отказаться отъ расширения своего сѣдалища.

Все были довольны новымъ распоряженіемъ, все—исключая бѣдной клячи. Высть съ увеличеніемъ тяжести участились и удары, которыми хозяинъ старался придать ей бодрости. И бѣдная кляча неслась ровной рысью, между тѣмъ какъ хозяинъ ея, пользуясь прямой дорогой, дремалъ на козлахъ.

Перезѣжая черезъ Невскій онъ чуть не подвернулся подъ лошадей, мчавшихъ красивый возокъ; кучеръ мимоходомъ хлеснулъ дремавшаго кнутомъ; обиженный ванько встрепенулся, проворчалъ что-то сквозь зубы, раза два стегнулъ свою клячу, мысленно назначая эти удары дерзкому кучеру, и опять задремалъ.

Сѣдоки хранили глубокое молчаніе. Первый мысленно слѣдилъ за мѣстами, мимо которыхъ проѣзжалъ, и по временамъ выглядывалъ изъ-за воротника, чтобы удостовѣриться, верны ли соображенія его. Второй разсуждалъ о томъ, что если бѣ они сошлись съ перваго разу, то имъ пришлось бы заплатить извозчику по двугривенному, а не по четвертаку.

— Баринъ, сказалъ извозчикъ, мы у Сивеева; гдѣ прикажете ссадить васъ?

— Повзжай дальше, я скажу, гдѣ остановиться.

Ванько договорилъ мысль свою на спинѣ клячи.

Не довзжая одной улицы, нѣсколько возковъ и саней стояли у подъезда большаго дома, половина третьяго этажа котораго была освѣщена. Свѣтъ отъ двухъ фонарей, прикрѣпленныхъ подъ навѣсомъ подъезда, ложился черезъ всю улицу и падалъ на нижній этажъ противоположнаго дома.

— Направо, къ подъезду! крикнулъ мужчина въ бровой фуражкѣ.

Другой сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы желая увидѣть лицо своего товарища, но тотчасъ же попытка назадъ, плотнѣе закутался въ шубу и, когда сами остановились у подъезда, поспѣшно выскочилъ.

— Вотъ тебѣ три гривенника! проговорилъ онъ, сунувъ извозчику деньги въ руку и скрылся въ длинномъ корридорѣ, въ концѣ котораго была лѣстница.

— Вотъ-те разъ! проговорилъ мужчина въ бибровой шапкѣ, вылезая изъ саней. Никакъ мы оба къ Федору Иванычу...

И отдавъ деньги извозчику, онъ тоже пошелъ къ корридору.

Захлопнувъ за собою стеклянныя двери подъезда, онъ остановился, досталъ изъ-подъ шубы маску, посмотрѣлъ не измѣлась ли она и, опустивъ воротникъ, надѣлъ ее.

Потомъ, любопытствуя узнать кто былъ товарищъ его, не рискуя самъ быть узнаннымъ, онъ скорыми шагами побѣжалъ за нимъ. На площадкѣ втораго этажа онъ догналъ его и, пользуясь свѣтомъ фонаря, привѣшеннаго къ стѣнѣ, заглянулъ въ лицо человѣку въ бархатной шапкѣ.

Последній съ меньшимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на отставшаго, и—оба внезапно остановились.

Оба были въ маскахъ.

— Вы къ Федору Иванычу? спросилъ первый.

— Да-съ... а вы? возразилъ второй вскрикнувъ голо-
сомъ.

Эта предосторожность напомнила первому, что и ему не
худо бы перебить голосъ.

— Я тоже, хотѣлъ съяъ проищать: но голосъ не по-
виновался ему, а потому, проказавшись, онъ отвчалъ
хрипыль, натянутымъ басомъ: я тоже...

И не говоря болѣе ни слова, оба дошли до третьяго
этажа и позвонили у двери.

Старый слуга отворилъ дверь и, восторонившись, ану-
стимъ гостей.

Мужчина въ бархатной шапкѣ небрежно бросилъ шубу
и шапку на столъ и, откинувъ назадъ длинныя, блѣлокурыя
волосы, надѣлъ на голову шерстяной, остроконечный кол-
пакъ.

Товарищъ его поставилъ на полъ картонку, передалъ сто-
рожу шубу, самъ показалъ, гдѣ повѣсить ее; потомъ вер-
нулся къ картонкѣ, осторожно вынулъ изъ нее шляпу со
строусовымъ перомъ и, положивъ на мѣсто ея свою бобро-
вую фуражку, прикрылъ свои рыжеватые, коротко под-
стриженные волосы шляпой.

Потомъ оба вошли въ соседнюю комнату; первый робко,
нервительно; второй гордо, смѣло.

ГЛАВА II.

Гяшпаниецъ и Полишиниваль.

Федоръ Ивановичъ былъ честный человекъ, докторъ ме-
дицины, жилъ для пользы страдающаго человечества;
звание медика доставляло ему средство снискивать себѣ про-
питаніе.

Федоръ Ивановичъ, сынъ пастора одной изъ церквей,
разбросанныхъ по Лифляндіи и къ которымъ въ воскресные

и праздничные дни стекаются мирные богомольцы слушать простую, но часто убедительную проповедь, — Федоръ Ивановичъ, говорю, воспитывался въ рижской гимназiи, кончилъ курсъ наукъ въ Дерптѣ, потомъ слушалъ лекціи въ кѣнигсбергскомъ и берлинскомъ университетахъ.

Снабженный лестными дипломами, онъ вернулся въ отечество; практиковалъ нѣсколько времени въ Ригѣ и, послѣ смерти отца, женился на дочери раззорившагося курляндскаго дворянина.

Жена Федора Ивановича была женщина честолюбивая, наследовавшая холодную спѣсь своихъ предковъ, участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. Скромный кругъ дѣйствій мужа былъ ей тѣсенъ, и послѣ долгихъ разсужденій, оканчивавшихся иногда ссорой, иногда слезами, она убѣдила Федора Ивановича переселиться въ Петербургъ, обѣщая ему покровительство нѣкоторыхъ дальнихъ родственниковъ, занимавшихъ въ столицѣ почетныя мѣста.

Но родственники эти были уже снабжены домашними докторами. Надобно было интриговать, кланяться; надобно было либо пустить пыль въ глаза, либо хорошемяко надозѣсть родственникамъ, чтобы добиться вольнаго или невольнаго покровительства. Кроткій и прямодушный Федоръ Ивановичъ не былъ способенъ ни на то, ни на другое.

Юлія Карловна, жена его, взялась-было ходатайствовать за мужа, но родственники приняли ее не какъ родную, а какъ просительницу, и гордая дворянка перестала ѣздить къ нимъ.

Семейство Федора Ивановича умножилось дочерью, а Петербургъ продолжалъ поглощать финансовыя средства его: расходы были велики—доходы ничтожны. Наконецъ Федоръ Ивановичъ нашелся вынужденнымъ продать небольшое имѣніе, оставленное ему отцомъ.

Крайности соприкасаются. Недостатокъ занятій и сердце внушили Федору Ивановичу мысль, которою нѣкоторые врачи пользовались и пользуются вездѣ для достиженія своихъ видовъ. Онъ сдѣлался докторомъ бѣдняковъ, но безкрыстно, добросовѣстно; облегченіе бѣдныхъ было для

него цѣлю, а не средствомъ. Онъ не публиковалъ о себѣ въ газетахъ, не напрашивался, чтобы ему указывали жалкія убѣжища страждущаго человечества, короче, не прибѣгалъ ни къ одному изъ средствъ, въ сущности благотельныхъ, но превращающихся иногда въ простыя уловки.

Пылкіе порывы угасли въ сердцѣ Федора Ивановича съ тѣхъ поръ, какъ изъ существа мечтательнаго онъ сдѣлался человекомъ положительнымъ. За пламенными порывами человека неопытнаго, послѣдовало кроткое снисхожденіе человека, испытавшаго жизнь, точно такъ, какъ у другихъ они превращаются въ холодный эгоизмъ. Федоръ Ивановичъ не гонялся за случаями оказывать добро, но никогда не отказывался отъ нихъ, когда они представлялись.

— Мы квиты, говорилъ онъ съ простодушнымъ убѣжденіемъ, когда знакомые превозносили его: я не беру съ бѣдняковъ денегъ—это правда; но благодаря имъ, я не сижу сложа руки и имѣю средства изучать на практикѣ науку, которой я посвятилъ себя.

Кругъ дѣйствій Федора Ивановича расширялся чрезвычайно медленно; благосостояніе его упрочилось только восемнадцать лѣтъ спустя по пріѣздѣ его въ столицу; но въ то же время упрочилась и довѣренность къ нему. Плоды постановленныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ онъ простодушно называлъ *счастьемъ*, забывая какою цѣною онъ купилъ это счастье.

Не даромъ досталось Федору Ивановичу и семейное счастье: онъ подчинялся властолюбивой и гордой женщинѣ, которую судьба дала ему въ подруги. Впрочемъ, онъ подчинился добровольно, безъ борьбы, и тѣмъ охотнѣе, что Юлія Карловна, какъ Нэма, была отличная хозяйка и много способствовала благосостоянію, которымъ онъ наслаждался. У Федора Ивановича былъ рѣдкій недостатокъ: онъ не питалъ никакого уваженія къ деньгамъ. Часто, прописавъ дорогое лекарство, онъ получалъ въ отвѣтъ отъ своихъ больныхъ, что они не имѣютъ средствъ купить это лекарство. Федоръ Ивановичъ не даромъ говорилъ, что изучалъ надъ бѣдняками свою науку; слѣдовательно писалъ рецепты не на

обумъ, а съ полнымъ убъжденіемъ въ дѣйствительность предписываемаго имъ средства. Онъ былъ врагъ суррогатовъ и въ пациентъ видѣлъ не бѣдняка, не богача, а прежде всего—человѣка. Очень натурально, что при такихъ понятіяхъ, Федоръ Ивановичъ часто раскрывалъ собственный бумажникъ и платилъ за лекарство. Жена открыла эти продѣлки.

— Довольно того, сказала она, послѣ довольно продолжительнаго и рѣзкаго выговора: довольно того, что ты лежишь ихъ даромъ! Очень хорошо быть благодарнымъ, но надобно знать мѣру.... Подъ благодаріемъ не по силамъ скрывается либо тщеславіе, либо безразсудная расточительность.

— Другъ мой, это не благодаріе, простодушно возразилъ Федоръ Ивановичъ: я дѣйствую въ пользу науки!

Чтобы эта наука не сдѣлалась слишкомъ опасною соперницею хозяйства, Юлія Карловна настоятельно потребовала отъ мужа, чтобы онъ отдавалъ ей отчетъ въ приходъ и расходъ; для бѣльшей аккуратности, внучка рыцарей, участвовавшихъ въ Крестовыхъ походахъ, завела шнуровую книгу, въ которую записывала всѣ визиты мужа. Тутъ, съ немецкою, въ полномъ смыслѣ, аккуратностью, были отицены каждая пѣивка, каждая шпанская муха, приставлены Федоромъ Ивановичемъ. Сумма однажды установленной платы должна была равняться съ суммой домашнихъ расходовъ. Излишекъ же, происшедшій отъ особеннаго изъясненія благодарности людей достаточныхъ, Юлія Карловна заботливо откладывала въ сторону—на приданое единственной дочери.

Аннѣ Федоровнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Она была мила и весела, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка; избалована, какъ единственная дочь; невинна и добра, какъ дитя, взросшее подъ заботливымъ взоромъ матери и воспитанное одною любовію.

Юлія Карловна была женщина умная, а потому не слѣдовала примѣру тѣхъ матерей, которыя, желая предотвратить бѣду, сами вызываютъ ее, предостерегая дочерей отъ опас-

ностей, о которыхъ онъ не имѣютъ еще ни малѣйшаго понятія. Юлія Карловна была добрая супруга—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но она была прекрасная мать въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Безъ сожалѣнія уступила она дочеря свое мѣсто въ обществѣ и несмотря на то, что ей было сорокъ два года, несмотря на то, что она сохранила стройный станъ, Юлія Карловна добровольно присоединилась къ маменькамъ-старушкамъ. Это было въ обществѣ; дома же, напротивъ, она какъ бы возвращалась къ лѣтамъ юности, она припоминала свою дѣвическую безпечность, припоминала идеи, слова, которыя могли быть понятны молодой дѣвушкѣ; она, такъ сказать, кокетничала съ дочерью, чтобы приобрести довѣренность ея, сблизиться съ нею,—и Аннета всею душою привязалась къ матери; она видѣла въ ней не сухую, холодную наставницу, не строгаго судью, но нѣжную подругу, съ благоразумною свисходительностію удовлетворявшую прихоти ея.

Такимъ образомъ Юлія Карловна умѣла скрыть ту невольную недовѣрчивость, которая всегда составляетъ причину и основаніе постояннаго, неусыпнаго надзора. Присутствіе матери не только не было въ тягость молодой дѣвушкѣ, но, напротивъ, это присутствіе сдѣлалось ей необходимымъ, какъ общество подруги, съ которою она могла говорить откровенно обо всемъ, что приходило ей на умъ.

Нѣжная и попечительная материнская любовь ни сколько не мѣшала Юліи Карловнѣ обходиться съ мужемъ довольно жестко, съ знакомыми гордо, со слугами сухо и строго; одни боялись, другіе не любили ее; одинъ Федоръ Ивановичъ угадалъ возвышенную сторону характера своей жены, и потому, со свойственнымъ ему самоотверженіемъ, покорялся ей безапекословно, исполнялъ волю ея, которой Юлія Карловна придавала иногда видъ прихоти, не желая дѣлать мужа повѣреннымъ своихъ намѣреній, либо испытывая свою надъ нимъ власть.

Кругъ знакомства ихъ былъ не обширенъ. Сначала онъ состоялъ изъ людей пожилыхъ, составлявшихъ партію Федора Ивановича; но Аннета подросла, — надобно было дать

другой характеръ, другую физиономію собраніямъ. У Аннеты были подруги, у подругъ были братья, родные и двоюродные, у братьевъ приятели,—общество молодыхъ людей составилось само собою, и вскорѣ семейство Федора Ивановича прослыло однимъ изъ тѣхъ, въ которыхъ бываетъ очень весело, гдѣ можно потанцовать и гдѣ бываютъ хорошенькія.

Наканунъ новаго, 18. года, у Федора Ивановича была вечеринка. Гостямъ предоставлено было являться въ маскарадныхъ костюмахъ или, просто, безъ масокъ.

Въ залѣ танцовали, смѣялись, рѣзвились; въ гостиной пожилыя дамы со сверкающими глазами и разгорѣвшимися отъ внутренняго волненія щеками, играли въ преферансъ; въ кабинетѣ мужчины, болѣе или менѣе важныя, ставили и списывали ремизы; въ столовой, гдѣ было посвѣжѣе, прохаживались подъ-ручку молодыя дѣвицы; въ буфетной готовили чай, пуншъ, лимонадъ, питія и яства.

Въ началѣ десятаго часа, во время одного изъ промежутковъ между двумя кадрилими, раздался звонокъ. Гости присмотрѣлись уже къ прибывшимъ до девяти часовъ маскамъ; большая часть изъ нихъ была узнана, а потому звуки колокольчика возбуждали общее любопытство.

—Маски, маски! разнеслось по группамъ, когда звонившіе были впушены, и всѣ взоры обратились къ полурастворенной двери въ небольшую комнату, приемную доктора, следовавшую за прихожей.

Федоръ Ивановичъ, рассматривавшій въ это время игру одной изъ дамъ, желавшей убѣдиться можно ли ей играть семь, отвѣчалъ утвердительно, и поспѣшно направилъ шаги въ приемную.

Тамъ онъ встрѣтилъ двухъ замаскированныхъ мужчинъ, съ которыми читатель уже нѣсколько познакомился.

На первомъ, высокому, былъ странный костюмъ, который могъ бы показаться весьма забавнымъ, если бъ въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ того, на комъ былъ этотъ костюмъ, не проявлялось притязаніе на щегольство и національность; короче, это былъ костюмъ, съ незапамятныхъ

временъ пзвѣстный въ табачныхъ лавочкахъ подѣ названіемъ *гишпанскаго*. Онъ состоялъ изъ малиновой, плисовой, нѣсколько истертой эпанчи, обшитой галуномъ и осыпанной блестками; изъ свѣтло-зеленаго, полинялаго, шелковаго полукрафтанья; панталоны въ натяжку обрисовывали тощія, нѣсколько кривыя ноги, и входили въ желтые сапоги съ отворотами и шпорами; чувство самосохраненія заставило *Гишпанца* защищать шею тугимъ галстукомъ, пряжка котораго, оставаясь незакрытою на затылкѣ, составляла довольно странный контрастъ съ прочими частями костюма. Наконецъ, маска была приторна до пошлости. Близна, румянецъ, неподвижная улыбка, черныя усики, загнутые вверхъ крючками, придавали маскѣ выраженіе, возбуждавшее досаду.

На другомъ былъ костюмъ полишинеля. Горбъ сзади, горбъ спереди; одна половина синяя, другая желтая; красныя сапоги; маска съ длиннымъ, горбатымъ носомъ, упавшимся въ загнутый вверхъ острый подбородокъ; саркастическая улыбка.

И въ этомъ костюмѣ не было ничего замысловатаго; но, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не было пошлыхъ притязаній цырюльной вывѣски. Кромѣ того онъ обнаруживалъ нѣкоторымъ образомъ желаніе сохранить какъ можно долѣе свое маскарадное никогнито.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ ласковою улыбкой и, пожимая имъ руки, осматривалъ ихъ съ ногъ до головы. При взглядѣ на *Гишпанца* онъ громко засмѣялся и, поднявшись на цыпочки, шепнулъ ему что-то на ухо.

— Стъ! произнесъ *Гишпанецъ* и, взявъ хозяина за руку, отвелъ его нѣсколько въ сторону: почему вы меня узнали?

— Потому, что вы сами взяли меня себя, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ.

— Чѣмъ? спросилъ *Гишпанецъ*, осматриваясь съ ногъ до головы.

— Тѣмъ, что вы тотчасъ отвѣчали на ваше имя.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!... Смотрите же, Федоръ Ивановичъ, не говорите никому....

— Нѣтъ, нѣтъ, не скажу, отвѣчалъ улыбаясь хозяинъ,

потомъ, искоса посмотрѣвъ на полишинеля, поправлявшася передъ зеркаломъ, прибавилъ шопотомъ: а кто это съ вами?

— Не знаю.

— Развѣ вы не вѣсть пришли?

— Не только пришли, но даже вѣсть прѣехали.

— И, вы не знаете?

— Не знаю.

— Ги! произвесь осторожный Нѣмецъ и подошелъ къ полишинелю.

Последній прыгнулъ передъ хозяиномъ и зашипалъ, но прыжокъ его былъ натянутъ, голосъ дрожалъ.

— Съ кѣмъ я нивью честь говорить? спросилъ Федоръ Ивановичъ вѣжливо, но не фамильярно.

Гишпанецъ подошелъ къ зеркалу, желая, вѣроятно, послушать отвѣтъ своего незнакомаго свутника; но полишинель угадалъ намѣреніе его и, отвѣдя хозяина въ сторону, пропещалъ ему что-то на-ухо.

— Какъ, какъ? сказалъ Федоръ Ивановичъ, не разслушавъ и подставляя ухо.

— Ненашавъ, отвѣчалъ нетвердымъ голосомъ полашинель.

— Павелъ Сергѣевичъ? съ изумленіемъ спросилъ хозяинъ.

Полишинель утвердительно кивнулъ головою.

— Ну, васъ никакъ нельзя узнать! сказалъ Федоръ Ивановичъ, дружески пожавъ руку молодому человеку.

Последній засмѣялся пискливымъ, рѣзкимъ смѣхомъ полишинеля.

— Милости просимъ, господа, милости просимъ! сказалъ хозяинъ, приглашая гостей въ залу.

Приглашеніе это внезапно разогнало робость и смущеніе полишинеля. Желая явиться въ залу соответственно своему костюму, онъ двумя прыжками очутился у двери; но съ третьимъ прыжкомъ наткнулся на Гишпанца, съ гордою важностью шествовавшаго въ залу.

Толчокъ полишинеля былъ такъ силенъ, что Гишпанецъ не устоялъ на своихъ тѣщихъ ногахъ; онъ споткнулся о по-

рогъ, запутался въ шпорахъ и, со всего размаху, очутился въ залъ—въ горизонтальномъ положеніи.

Маска, съ оборвавшимися тесемками, предшествовала ему.

Полишинель, рискувавшій подвергнуться той же участи, поспѣшно перескочилъ черезъ Гишпанца и, растопыривъ руки и ноги, остановился посреди залы.

Шумъ паденія и общій крикъ испуга заставили даже карточныхъ игроковъ вскочить со своихъ мѣсть.

Гишпанецъ поднялъ голову посреди общаго молчанія.

— Захаръ Ивановичъ! произнесъ кто-то, и сначала дѣвицы, а за ними и всѣ присутствовавшіе разразились громкимъ смѣхомъ.

Гишпанецъ Захаръ Ивановичъ сталъ подниматься, сковфуженный и раздосадованный.

— Какъ это глупо, сказалъ онъ, потирая колено и угрюмо посмотрѣвъ на полишинеля.

Последній молчалъ. Быть-можетъ, непріятное столкновение смутило его самого не менѣе Захара Ивановича; но смущеніе его скрывалось подъ маской, сохранявшей свою неизмѣнную, саркастическую улыбку.

Федоръ Ивановичъ подошелъ между тѣмъ къ размаскированному Гишпанцу и заботливо осведоился: не ушибся ли онъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ, принужденно улыбаясь и прихрамывая: Только совѣтую вамъ, мусье полишинель, быть впередъ половчье, прибавилъ онъ, обращаясь къ своему незнакомому спутнику,—а не то дамы побоятся танцовать съ вами.

— Pardon, mille pardons, сказалъ полишинель, оправившись отъ своего смущенія и слегка поклонившись Захару Ивановичу; онъ не думалъ шутить въ это время, но костюмъ и маска придавали всѣмъ движеніямъ его такой комизмъ, что гости опять засмѣялись.

Гишпанецъ поднялъ маску и, сердито отвернувшись, пошелъ представляться хозяйкѣ.

Нѣсколько минутъ спустя все опять пришло въ порядокъ,

Раздался аккордъ на фортепјано; молодякъ засуетилась, пары становились по мѣстамъ....

ГЛАВА III.

Незванный гость.

Освободившимся отъ любопытныхъ, окружившихъ его, полишинель осмотрѣлся. Глаза его остановились на группѣ, стоявшей близъ двери въ гостиную. Группу эту составляли Аннета, двѣ дѣвнцы и молодой человекъ въ костюмѣ матроса, но безъ маски. Одна изъ дѣвицъ, подруга Аннеты, была хорошенькая блондинка; другая, была тоже дѣвица, но очень не хорошенькая, лѣтъ уже за-сорокъ.

По высокому росту и чертамъ лица можно было съ первого взгляда замѣтить родство между старой дѣвой и Гишпанцемъ Захаромъ Ивановичемъ; и точно, это была родная сестра его, Татьяна Ивановна.

Несмотря на то, что Татьяна Ивановна была шестью годами старше брата, которому минуло тридцать пять лѣтъ, она продолжала играть роль молодой дѣвушки; танцевала до упаду, рѣзалась какъ дикая, проголодавшаяся козочка, кокетничала; носила платья, открытыя сверху до-недѣль, осторожно прикрывая, однакожъ, костлявую грудь и плечи прозрачнымъ флеромъ. Но, ни белое платье, ни голубая лента, съ длинными концами обвивавшая талию, ни цвѣты, приколотые къ рѣдкимъ волосамъ, ни разныя выпуклости и пышности не скрывали устранительной худобы Татьяны Ивановны; не нужно было большихъ познаній въ анатомію, чтобы замѣтить, что обороты выпуклостей, при каждомъ движеніи хозяйки ихъ, были неестественны, и что она дѣлалась физически на внутреннюю и вѣшнюю; вѣшная Татьяна Ивановна походила на куклу, къ которой нечаянно представили чужую голову; внутренняя походила на цвѣтокъ, найденный между двумя листками старой книги, купленной

по случаю. Быть может, для прежнего владельца книги этот цвѣтокъ былъ драгоцененъ, по воспоминаніямъ, связаннымъ съ книгою; быть можетъ еще, что онъ случайно, приделавъ, былъ брошенъ въ книгу... Но во всякомъ случаѣ, въ рукахъ настоящаго владельца, онъ былъ не что иное, какъ ласкавый, ослѣпнутый, безцѣльный, безромантичный цвѣтокъ.

Полишинель надевша въ груши и, поклонившись Аннетъ, проговорилъ неспешно нѣсколько словъ.

— Я ангажирована, отвѣтила Аннетъ, невозможно возмѣшались, при взглядѣ на забавную маску.

Полишинель обратился къ блондинкѣ и получилъ тотъ же отвѣтъ.

Нѣсколько смутившись, онъ обратился къ старой дѣвѣ; она нѣжно улыбнулась и слегка наклонила голову, намѣреваясь, вѣроятно, утвердительно отвѣчать молодому человеку, но послѣдній невольно отодвинулся назадъ и промолчалъ.

Въ эту минуту саркастическая улыбка маски его была, въ самомъ дѣлѣ, оскорбительна.

Татьяна Ивановна покраснѣла, и глаза ея сверкнули точно у кошки, намѣревающейся цапнуть.

— На слѣдующій? сказалъ полишинель, обратившись опять къ Аннетъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала она. Татьяна Ивановна, развѣ вы не будете танцовать?

Вопросъ этотъ былъ сделанъ безъ малѣйшаго дурнаго намѣренія; но старая дѣва приняла его за насмѣшку, тѣмъ болѣе, что блондинка не могла удержаться отъ лунной улыбки.

— Нѣтъ, я не ангажирована, отвѣчала Татьяна Ивановна, подвинувъ досаду самолюбію и сохранивъ еще надежду, что послѣ этихъ словъ полишинель пригласитъ ее.

Но онъ не трогался съ мѣста.

— Впрочемъ, продолжала она презрительно, — теперь она-то танцовать... какъ разъ съ ногъ сойти.

— Вамъ, сударыня, опасаться нечего, возразилъ поли-

швейцарь: никто не осмелится забыть должного изъ вамъ уваженія.

— Разумѣется, отвѣчала Татьяна Ивановна злобно: если бы теперь не были святки; но маски позволяютъ себѣ въ которыхъ вольности... подѣ маской иногда человекъ самый почтительный становится дерзкимъ, глушець—остроумнымъ, трусь—храбрецомъ.

— Тощій—дороднымъ, прибавилъ полишинель.

Татьяна Ивановна такъ крѣпко стиснула губы, что ихъ вовсе не стало видно.

Кавалеръ, ангажировавшій Анниту, пришелъ за нею, молодой человекъ, въ матросской курткѣ, увелъ блондинку; Татьяна Ивановна презрительно отвернулась отъ полишинеля и вошла въ гостиную. Тамъ Захаръ Ивановичъ стоялъ за столомъ одной изъ дамъ, игравшихъ въ преферансъ.

Татьяна Ивановна слегка коснулась плеча брата и пошла въ столовую.

— Вы не танцуете, сестрица? спросилъ Захаръ Ивановичъ, догнавъ ее.

— Не танцую и не буду танцевать, сухо отвѣчала сестрица.

— Отчего?

— Оттого, что я хочу вѣхать домой.

— Нѣчто вамъ опять дурно?

Захаръ Ивановичъ сказалъ *опять*, потому-что сестрица часто дѣлалась дурно въ гостяхъ. Татьяна Ивановна не пренебрегала никакими средствами, чтобы сдѣлаться интересною.

— Нѣтъ; но мнѣ *опять* стыдно.

Татьяна Ивановна была настоящая кошка; кто бы ни погладилъ ее противъ шерсти, другъ или недругъ, съ намѣреніемъ или нечаянно, она немедленно выпускала когти. Несмотря на то, что братъ не зналъ тайны ея обмороковъ, она не могла не царапнуть его, намекнувъ объ его неловкости и частыхъ промахахъ, которыми Захаръ Ивановичъ приводилъ ее въ краску.

— Стыдно? повторилъ онъ: Нѣчто съ вами случилось что-нибудь... неприятное?

— Не со мною, а съ вами, братецъ!

— Что я растянулся-то?

— Ахъ, Боже мой! Вы, братецъ, выражаетесь такъ, какъ будто бы цѣлую жизнь водились съ извозчиками!

— Вы не сердитесь за то, сестрица, что я растян... сваллся: я не виноватъ—этотъ анафема паярецъ...

— Да не кричите! вскричала Татьяна Ивановна, оглянувшись съ безпокойствомъ.

— Этотъ паярецъ...

— Полишинель, братецъ.

— Все равно; онъ пихнулъ меня такъ, что никакой возможности не было удержаться на ногахъ.

— Это еще не бѣда, что вы упали, но надобно было поправиться, надобно было обратить насмѣшки на него, надобно было отвѣчать...

— Да я и не промолчалъ. Онъ дурака съѣлъ.

Татьяна Ивановна презрительно пожала плечами.

— Вы не знаете, кто этотъ полишинель? спросила она.

— Кто его знаетъ! Онъ такъ нарядился, что его никто не узнаётъ. Охота человѣку уродовать себя!

— Узнайте непременно.

— Вотъ ужъ онъ маску сниметъ, такъ и узнаемъ.

— Узнайте теперь.

— Какъ теперь...

— Ахъ, какіе вы вялые, братецъ! Вѣдь онъ сказалъ свою фамилію Федору Ивановичу?

— Сказалъ.

— Ну, такъ спросите его.

— Да! скажетъ онъ!

— Заставьте его проговориться.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Захаръ Ивановичъ засмѣявшись. Это будетъ славная штука.

Захаръ Ивановичъ хотѣлъ уже идти въ кабинетъ, но вдругъ остановился.

— Тутъ надобно поступить тонко, сказалъ онъ, почесывая лобъ: надобно ухитриться...

— Ступайте только къ Федору Ивановичу, съездите возлѣ него, посмотрите на игру его...

— Ну-съ?

— Потомъ, какъ бы случайно вспомнить, скажите, что полишинель снялъ маску. Паскитесь о вѣшей вѣстрѣ, хвалите костюмъ полишинеля...

— Есть что хвалить! возразилъ Захаръ Ивановичъ, бросивъ самодовольный взглядъ на свою пансовую эманту, въ складкахъ которой безпрестанно путались руки его.

— Не хотите хвалить, такъ хулите...

— Вотъ это лучше.

— Но не переставайте говорить о немъ, пока Федоръ Ивановичъ не назоветъ его по имени.

— А какъ не назоветъ?

— Тогда мы выдумаемъ что-нибудь другое.

Захаръ Ивановичъ отправился, а Татьяна Ивановна вернулась въ залу и села возлѣ Аннеты. Полишинель стоялъ на противуположномъ концѣ залы, и старой дѣвѣ показалось, что онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Захаръ Ивановичъ вернулся въ залу только тогда, когда кадрили окончивался.

Не отдавая еще сестрицѣ отчета въ возложенномъ на него дипломатическомъ порученіи, онъ поспѣшно подошелъ къ Аннетѣ.

— Анна Федоровна, сказалъ онъ съ немолкою любезностью: буду ли я имѣть счастье...

— Я ангажирована, отвѣчала Аннета улыбаясь.

— Душевно сожалею, произнесъ Захаръ Ивановичъ, поднявъ плечи, наклонивъ голову и сложивъ руки на груди. Захаръ Ивановичъ видѣлъ, что такими образомъ кланяются гишпанскіе наперсники на Александринской сценѣ. Повторивъ еще разъ это движеніе, онъ хотѣлъ уже отступить шагъ назадъ, но кто-то схватилъ его за руку.

Захаръ Ивановичъ гордо поднялъ голову и увидѣлъ впереди собою полишинеля.

— Берегитесь! проиницалъ послѣдній и, найдоминицалъ, отцѣпилъ отъ шпоры Захара Ивановича платье дѣвочки, стоявшей за нимъ и не подозревавшей бѣды, угрожавшей ей кисейнымъ фалбаламъ.

Гипшанецъ небрежно иницулъ голову полиншинею и подошелъ къ сестрѣ.

— Узнали? спросила она.

— Узналъ.

— А!

— Негажешь, шеннулъ Захаръ Ивановичъ на ухо сестрѣ.

Изумленіе выразилось на лицѣ послѣдней; она хотѣла что-то сказать, но промолчала и устремила пристальный взглядъ на полиншинея.

Захаръ Ивановичъ ангажировалъ другую дѣвицу, и вскоре опять составилъ кадрили.

Рука полиншинея дрожала, когда коснулась руки Аннеты. По окончаніи первой фигуры онъ отвелъ молодую дѣвушку на мѣсто и молча сталъ возлѣ стула ея.

— Какой вы страшный выбрали костюмъ, сказала Аннета, видя, что кавалеръ ея не начиналъ разговора.

— Ему я обязанъ тѣмъ, что никто не узнаетъ меня, отвѣчалъ онъ своимъ голосомъ.

— Еще бы! возразила Аннета засмѣявшись: эти уродливые горбы сирадываютъ талю....

— Стало быть, вамъ мой костюмъ не нравится?

— Нѣтъ, откровенно отвѣчала молодая дѣвушка: но все-таки онъ лучше испанскаго костюма нашего визави.

— Захаръ Ивановичъ сердится на меня.

— За что?

— За то, что, по моей неосторожности, онъ... снялъ маску при самомъ входѣ.

— Большая важность! возразила Аннета, покажъ плечами: я бы узнала его съ перваго взгляду. Однако это странно, прибавила она, окинувъ всѣхъ присутствующихъ быстрымъ взоромъ: я всѣхъ узнала, кромѣ васъ.

— Вамъ научить, сказалъ полишинель, подавая руку молодой дѣвушкѣ.

Во все продолженіе второй фигуры Аннета слѣдила за движеніями своего кавалера.

— Скажите мнѣ, спросила она, воротившись на свое мѣсто: вы всегда такъ танцуете?

— Какъ?

— Какъ теперь.

— Всегда.

— Неправда, вы нарочно перемѣняете вашу манеру, чтобы васъ было труднѣе узнать.

— Можетъ-быть.

— Вы подстрекнули мое любопытство. Скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Угадайте.

— Нѣтъ, скажите, пожалуйста.... Скажите только первую букву вашего имени?

— *Н*, отвѣчалъ полишинель.

— Никогда?... Да? Ну, теперь скажите первую букву фамиліи....

Громкое хлопанье въ ладоши прервало слова молодой дѣвушки. Это Захаръ Ивановичъ подавалъ сигналъ началю третьей фигуры. Онъ только что расклопался, какъ вдругъ встрѣтилъ гнѣвный взоръ сестрицы, которая нѣсколько разъ уже твердила ему, что это хлопанье чрезвычайно неприлично, особенно когда играетъ дѣвица.

— Скажите же мнѣ первую букву вашей фамиліи! сказала Аннета, протанцовавъ третью фигуру.

— *Т*, отвѣчалъ полишинель.

— *Т*... Нѣтъ, неправда, возразила молодая дѣвушка подумавъ: я не знаю фамиліи, которая бы начиналась съ этой буквы.

— Павелъ Сергѣевичъ, произнесъ кто-то сзади тихимъ голосомъ, находившимъ на шепчущіе зѣвн.

— Вы не вѣрите? отвѣчалъ кавалеръ Аннетты, не обращая вниманія на произнесенное за нимъ имя. Я могу вамъ доказать справедливость моихъ словъ.

— Докажите.

Полишинель снялъ перчатку и показалъ молодой дѣвушкѣ кольцо съ печатью, на которой были выгравированы буквы *H* и *T*.

— Вѣрите ли теперь? спросилъ полишинель, пока Аннета рассматривала кольцо.

— Павелъ Сергѣевичъ! произнесла Татьяна Ивановна громкимъ голосомъ.

Полишинель вздрогнулъ и невольно оглянулся.

Аннета и близъ-стояшіе засмѣялись.

— Павелъ Сергѣевичъ, начинайте четвертую фигуру! сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Павелъ Сергѣевичъ, снимайте маску!

— Нечего болѣе скрывать!

— Васъ узнали!

Полишинель старался скрыть свое смущеніе прыжками и протанцовалъ четвертую фигуру каррикатурнымъ образомъ.

— Это не онъ, проворчала Татьяна Ивановна и ушла въ гостиную.

Четвертая фигура кончилась.

— Павелъ Сергѣевичъ, сказала Аннета: снимите маску, вамъ должно быть очень душно...

— Анна Федоровна, вы ошибаетесь, отвѣчалъ полишинель взволнованнымъ голосомъ: меня не узнали и не узнаютъ, потому что я вошелъ сюда подъ чужимъ именемъ....

Молодая дѣвушка невольно отодвинулась отъ своего кавалера.

— Я зналъ, чему подвергался, рѣшался на такой смѣлый поступокъ, но надѣялся на покровительство единственнаго человека въ нашемъ обществѣ, который знаетъ меня.... Теперь я не смѣю даже прибѣгнуть къ этому человеку, въ слѣдствіе неумышленной, нечаянной непріятности, которую я ему нанесъ.... Простите мнѣ мою дерзость, но я не могъ отказаться отъ представившагося случая....

— А почему вы узнали, что у насъ бываетъ такъ весело? навивно спросила Аннета.

— Не одно удовольствіе влекло меня къ вамъ, отъичать полнилась: я несчастливъ, я страдаю....

Молодая дѣвушка съ участіемъ посмотрѣла на своего кавалера; она хотѣла спросить о причинѣ его страданій, но вдругъ громко засмѣялась.

Маска полишинеля составляла такой комическій контрастъ со словами и выраженіемъ голоса его, что Аннета не могла воздержаться отъ смѣха.

Пятая фигура прервала разговоръ. Полишинель танцевалъ разсвѣнно, сбивался, путался. Послѣднее и съ видимымъ нетерпѣніемъ вернулся онъ на мѣсто, во окончаніи фигуры.

Въ то же время у двери гостиной появились Татьяна Ивановна и хозяйка, Юлія Карловна.

— Анна Федоровна, сказалъ полишинель тихимъ, дрожащимъ голосомъ: я прошу, умоляю васъ объ одномъ.... выслушайте меня безъ гнѣва, безъ негодованія.... я давно страдаю....

— Да закройте хоть вашу маску, если не хотите смѣть ее! сказала Аннета снова засмѣявшись.

Она была очаровательна въ эту минуту. Щеки ея разгорѣлись отъ жара, глаза радостно блестѣли, веселый, безпечальный смѣхъ открылъ рядъ бѣлыхъ, какъ слоновая кость, зубовъ.

— Я давно страдаю, продолжалъ кавалеръ ея страстнымъ голосомъ: но за эти немногія минуты, проведенныя близъ васъ, съ вами, я готовъ претерпѣть еще цѣлую жизнь....

Аннета вдругъ перестала смѣяться.

— Скажите мнѣ одно слово, продолжалъ полишинель: скажите мнѣ, что сердце ваше свободно, скажите мнѣ, что вы никому не отдадите руки вашей, и, черезъ два года, черезъ годъ, я сдѣлаюсь достойнымъ васъ....

Аннета скоро встала.

— Вы хотите, чтобы меня выгнали отсюда? произнесъ тихимъ, но твердымъ голосомъ кавалеръ ея.

Молодая дѣвушка пристально взглянула на него. Маска уже не возбуждала смѣха ея.... Глаза, сверкавшіе въ вырѣзкахъ маски, звуки фортепіано, шарканье танцующихъ, го-

варь гостей, произвели на нее страшное впечатлѣніе.... Голова ея закружилась, и она опять опустилась на стулъ.

— Я готовъ отдать за васъ жизнь свою, продолжалъ полишинель, ободренный и ослаславленный поступкомъ Аннеты: и люблю васъ....

— Гранъ-ронъ! гранъ-ронъ! закричалъ Захаръ Ивановичъ.

— Позвольте мнѣ удалиться, произнесла Аннета дрожащимъ голосомъ, у меня голова кружится....

— Оставайтесь, ради Бога, оставайтесь! поспѣшно возразилъ полишинель, встрѣтивъ въ эту минуту взоры Юліи Карловны и Татьяны Ивановны, внимательно слѣдившихъ за ними: мнѣ, а не вамъ слѣдуетъ удалиться....

— Да.... уйдите, уйдите.... пожалуйста....

Молодая дѣвушка произнесла эти слова голосомъ, исполненнымъ мольбы и боли; потомъ поспѣшно удалилась.

— Гранъ-ронъ, гранъ-ронъ! продолжалъ кричать расхвядившійся Захаръ Ивановичъ.

— Что съ тобою, Аннета? заботливо спросила мать, схвативъ руку молодой дѣвушки.

— Ничего, маман, ничего, отвѣчала она, принужденно улыбаясь: здѣсь такъ жарко....

Юлія Карловна пристально посмотрѣла на дочь.

— Ступай, другъ мой, сказала она, ступай; я сейчасъ приду къ тебѣ.

Танцующіе не замѣтили отсутствія Аннеты; они продолжали шаркать, но когда дошло до grand'chaîne, то все сбилось, перепуталось и разошлось съѣзъ. Пока кавалеры раскладывались, полишинель сталъ пробираться къ двери, чтобы ускользнуть непрямьнымъ образомъ; но осмотрѣвшись, онъ встрѣтилъ холодный, строгій взглядъ Юліи Карловны и злорадственную усмѣшку Татьяны Ивановны.

Смущеніе полишинеля возрастало, но уйти въ эту минуту не было возможности. Замѣтивъ его намѣреніе, хозяйка могла остановить его, а потому онъ рѣшился обождать, чтобы она удалилась къ дочери.

Полишинель оглянулся еще разъ и увидѣлъ, что хозяйка

шла къ нему.... Онъ далъ ей приблизиться, потомъ ловко прыгнулъ въ сторону.

— Полно вамъ дурачиться, Павелъ Сергѣевичъ, угрюмо произнесъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ полишинелю было суждено безпрестанно встрѣчаться въ этотъ вечеръ.

Татьяна Ивановна повела Юлію Карловну въ эту сторону. Полишинель, точно заяцъ, преслѣдуемый охотниками, отскочилъ въ другую сторону.... Маска промокла насквозь отъ горячаго пота, струившагося по лицу бѣдняка; на щекахъ маски образовались впадины....

Съ послѣднимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ фортепіано.... Радостно воспользовался онъ представившимся средствомъ, чтобы избѣгнуть объясненія съ хозяйкой.

Поспѣшно сѣлъ онъ на круглый табуретъ, быстро пробѣжалъ пальцами по клавишамъ и безсознательно заигралъ адскую мелодію изъ Роберта. Въ замѣшательствѣ онъ наступилъ на педаль и громко, дико, устрашительно разнеслись адскіе звуки по комнатамъ....

Полишинель не оглядывался, не подымалъ головы, но съ одной стороны концы голубаго пояса Татьяны Ивановны, а съ другой край двуличневаго, шолковаго платья Юліи Карловны, заставляли его неумоимо и усердно барабанить по клавишамъ.

Эта странная музыка возбудила общее вниманіе. Наступило глубокое молчаніе, прерываемое только звуками фортепіано, которымъ вторило шелканье фишекъ, отсчитываемыхъ въ сосѣдней комнатѣ, да фальшивый напѣвъ Захара Ивановича, освѣжившагося стаканомъ пунша.

— Павелъ Сергѣевичъ, произнесла рѣзкимъ голосомъ Татьяна Ивацковна: давно ли вы научились играть на фортепіано?

Пальцы полишинеля внезапно окаменѣли и точно когти неподвижно остановились на клавишахъ....

Спасенія не было; рѣшительная минута наступила....

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, повторилъ Захаръ Ивановичъ: давно ли вы, Павелъ Сергѣевичъ, выучились играть на *фор-журьянахъ*?

Полишинель всталъ. Онъ встрѣтилъ холодный, гордый, строгій взглядъ Юліи Карловны, и сердце его замерло. Вдохнувъ изъ глубины души, онъ поднесъ руку къ маскѣ....

Въ эту самую минуту поспѣшно вошла горничная.

— Сударыня, сказала она хозяйкѣ: Аннѣ Федоровнѣ очень дурно.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Юлія Карловна, и скоро пошла за горничной. Почти весь присутствовавшіе при этой сценѣ послѣдовали за нею.

Полишинель вздохнулъ свободнѣе. Не теряя времени, онъ однимъ скачкомъ очутился у той самой двери, въ которую горизонтально вошелъ Захаръ Ивановичъ.

— Не пускайте его, братецъ! вскричала Татьяна Ивановна. Это можетъ быть воръ.

Гишпанецъ догналъ полишинеля въ пріемной и обѣими руками вцѣпился въ горбъ его.

— Ни съ мѣста! вскричалъ онъ: или я прикажу сторожу связать тебя! Что ты за челоувѣкъ, говори!

— Пустите меня, произнесъ полишинель глухимъ голосомъ.

— Какъ бы не такъ! Ты, можетъ-быть, воръ!

Полишинель быстро обратился къ Захару Ивановичу и такъ близко подошелъ къ нему, что ткнулъ ему носомъ въ подбородокъ.

— Не я воръ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: а тотъ, кто не далъ какъ на прошлой недѣлѣ, за двѣсти рублей взялъ заемное письмо въ четыреста, и вещей подъ залогъ на пятьсотъ рублей!... Ростовицки подлежатъ суду!...

У Гишпанца опустились руки и подкосились ноги.

Полишинель исчезъ.

— Держите его! произнесла Татьяна Ивановна, просузувъ голову въ полурастворенную дверь.

Захаръ Ивановичъ молча погрозилъ кулакомъ въ переднюю.

— Что тутъ за суматоха? спросилъ Федоръ Ивановичъ, выходя изъ кабинета.

Захаръ Ивановичъ очнулся.

— Гдѣ онъ! вскричалъ онъ: съ нимъ надобно раздѣлаться! за насильственное вторженіе въ чужой домъ! за нанесеніе толчка, съ испроверженіемъ! за оскорбленіе личности! за клевету!... Гдѣ онъ!

— Кого изволите страшивать-съ? спросилъ старый слуга.

— Того.... который.... да ну! вотъ сейчасъ.... говорилъ задыхаясь Захаръ Ивановичъ.

— Что съ горбами-съ?

— Да, да!

— Они ушли-съ.

— Держи его! догони! свяжи!

— Ради Бога, что съ вами, Захаръ Ивановичъ? съ беспокойствомъ спросилъ хозяинъ: вы *выглядите* точно у васъ бѣлая горячка.... Успокойтесь....

— Надобно задержать его!

Старики оставили карты и вышли въ пріемную, не понимая причины бышенства Гишпанца, у котораго на губахъ выступила пѣна.

Вдругъ задрезжалъ колокольчикъ.

Слуга поспѣшно отворилъ дверь, и въ прихожую вошелъ молодой человекъ въ шубѣ, и окутанный шарфомъ.

— Павелъ Сергѣевичъ! съ удивленіемъ вскричалъ Федоръ Ивановичъ, когда вошедшій снялъ шубу.

ГЛАВА IV.

Старый домъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ городскихъ улицъ, между двумя новыми каменными домами, тянулся заборъ, выкрашенный побурѣвшею отъ времени охрою. Ворота въ этомъ заборѣ были постоянно заперты, и со стороны двора привертывались доскою, одинъ конецъ которой упирался въ ворота, а другой въ землю.

Сажовахъ въ десяти отъ забора стоялъ старѣй, двухъ-этажный, деревянный домъ; несмотря на то, что онъ былъ подновленъ и за-ново выкрашенъ, ветхость его проявлялась въ деформировавшихся линіяхъ карнизовъ и оконныхъ наличниковъ. Въ верхнемъ этажѣ было семь оконъ; въ нижнемъ, по срединѣ верста, съ правой стороны три окна, а съ левой два и крыльцо, придланное, какъ казалось, геразде позвѣе постройки лама.

Пространство отъ забора до дома было завалено дровами; только въ срединѣ былъ оставленъ проходъ, да съ правой стороны находилось отгороженное мѣсто, усаженное толстыми, не высокими кустами, между которыми выросло одно только дерево, съ обрубленнымъ верхомъ. Жильцы деревяннаго дома называли это мѣсто садомъ.

Ворота и корридоръ крыльца прорѣзывали домъ во всю ширину его и вели на другой дворъ, на которомъ высился огромный, четырехъ-этажный домъ, принадлежавшій хозяйку же деревяннаго дома и выходившій на соседнюю улицу. Судя по неблѣннымъ и какъ бы недоделаннымъ оконнымъ боксовымъ флигелямъ, можно было заключить, что деревянный домъ былъ обязанъ своимъ долгимъ существованіемъ только финансовымъ обстоятельствамъ домохозяйна, заставлявшимъ его отложить, до поры, до времени, окончаніе каменнаго, составляющаго типъ петербургскихъ домовъ. Со двора не видно было деревяннаго дома, закрытаго длиннымъ сараемъ, въ которомъ находилась мастерская каретника.

Каретникъ же нанималъ подворотню деревяннаго дома, да-глухо заколоченную со стороны дровянаго двора. Тамъ драгилась кузова старыхъ экипажей, брички, колеса, негодные ресоры и тому подобный хламъ. Изъ-подъ воротъ былъ прежде единственный ходъ въ квартиру съ правой стороны нижняго этажа; но теперь ходъ этотъ былъ заколоченъ досками, такъ что въ эту квартиру вовсе не было хода снаружи.

Сплошная перегородка съ дверью, заправшеюся на ключъ, раздѣляла проходной корридоръ на двѣ половины.

Съ одной стороны былъ ходъ въ маленькую квартиру нижняго этажа; съ другой находилась лѣстница во второй этажъ.

Половина нижняго этажа, состоявшая изъ кухни и двухъ комнатъ, двѣ трети года оставалась необитаемою. По временамъ появлялась въ ней старуха на два, на три дня и потомъ опять исчезала на недѣлю и болѣе. Служанки у нея не было. Дворникъ называлъ эту жилищу Агафьей Степановою, а мастеровые каретника — салоппницей.

Маленькая квартира отдавалась въ наемъ не отъ хозяина, а отъ жильца верхняго этажа, наживавшаго весь домъ; въ теченіе сорока лѣтъ, домъ перемѣнилъ трехъ хозяевъ, а жилецъ оставался одинъ и тотъ же: фактъ, довольно замѣчательный и рѣдкій въ Петербургѣ. Въ 1802 или 1803 году квартиру эту нанялъ отставной экономъ какого-то заведенія, Прохоръ Ивановичъ Опухтинъ; въ 1825 году она поступила во владѣніе Ивана Прохоровича Опухтина; а въ 1840 году на возобновленномъ контрактѣ подписался Захаръ Ивановъ сынъ Опухтинъ.

Верхній этажъ состоялъ изъ прихожей, кухни, столовой, гостиной, спальни и комнатки, заставленной большими шкапами, скрывавшими узенькую, деревянную лѣстницу, ведшую въ ту половину нижняго этажа, въ которую снаружи не было хода. Комнаты верхняго этажа были оклеены дешевыми обоями; полъ выкрашенъ подъ паркетъ; мебель въ хорошемъ состояніи, но старомодная, неуклюжая, крытая въ гостиной волосяной матеріей, а въ спальнѣ ситцемъ. Ни открыванье форточекъ, ни топленье не могли истребить душнаго, затхлаго воздуха, начала котораго какъ бы заключались въ самыхъ предметахъ, наполнявшихъ комнаты. Воздухъ этотъ становился невыносимымъ, когда къ нему примѣшивались кухонныя испаренія, что случалось аккуратно каждый день отъ полудня до четырехъ часовъ. Впрочемъ жильцы не жаловались на этотъ воздухъ; они называли его своимъ, роднымъ запахомъ; они родились, выросли въ немъ.

Захаръ Ивановичъ, съ которымъ читатели уже нѣсколько

познакомилась, говорила, что онъ ни за какіе жидомы не променяетъ этой скромной квартиры на великолупицкія барскія палаты. Онъ в сестра его родился въ угловой комнате, обоянной рыжеватыми обоями; онъ оба родился тутъ, съ тѣмъ только различіемъ, что Захаръ Ивановичъ уаръ въ впервые съѣтъ по сю, а Татьяна Ивановна по ту сторону лужанки. Другое, столько же, если не болѣе, драгоценное воспоминаніе заключалось въ столовой, выкрашенной въ старое время зеленой краской, а теперь оклеенной полосатыми обоями. Здѣсь Захаръ Ивановичъ впервые уаръ серебряную монету, четвертакъ, подаренный ему покойною матерью въ день его ангела.

— Тогда четвертакъ ходилъ въ рубль ассигнаціями! прибавлялъ Захаръ Ивановичъ со вздохомъ, вспоминая объ этомъ радостномъ событіи.

Кромѣ того Захаръ Ивановичъ помнилъ еще мѣсто, гдѣ онъ пряталъ бабки отъ строгаго отца, запрещающаго ему знаться въ мальчишками; помнилъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, когда его укусила Татьяна Ивановна за то, что мать, заготавливая на зиму шенкованную капусту, дала Захарушкѣ кочерыжку, а Тавьку прогнала изъ кухни.

Было еще много другихъ воспоминаній, но Захаръ Ивановичъ, можетъ-быть, пожертвовалъ бы ими, если бы не существовала другая, болѣе важная причина, заставлявшая его дорожить этой квартирой. Причина эта обнаружится сама собою, когда читатель короче познакомится съ Захаромъ Ивановичемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ вечеринки у доктора, часу въ третьемъ по полудни, старуха, въ черномъ, шожевомъ салопѣ и черномъ же капорѣ, вошла въ ворота каменнаго дома.

Дворникъ, разбивавшій на дворѣ ледъ, приподнялъ старую, измятую шляпу, подаренную ему однимъ изъ жильцовъ.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Агафья Степановна, сказалъ онъ, когда старуха проходила мимо него.

— Спасибо, Тарась, спасибо, отвѣчала старуха. Зайди ко мнѣ ужъ, подъ-вечеръ.

Агафья Степановна прошла панское черезъ двери, на узкомъ, трезномъ проходу, оставленному между сараями и высокимъ, неблаговостнымъ обывающимъ дома.

— Славяночка! закричала протанко и въ жестъ грязный матушкинъ; запачканный сажей и выходящей изъ огра.

Дворники потрозили ему кулакомъ, а Агафья Степановна, не обращая вниманія на это привѣтствіе, прошла прямо на крыльцо; не входя въ свою квартиру, она отворила дверь въ перегородкѣ, разделявшей корридоръ пополамъ и пошла въ старую стѣжъ.

На верхней площадкѣ, откуда лѣстница съезжалась или на чердакъ, были двѣ двери: одна обитая черной александрой и со звономъ, другая довольно грязная и обледевшая.

Агафья Степановна отворила послѣднюю и очутилась въ кухнѣ.

— Здравствуйте, Матренушка, сказала она; дома барышня!

— Здравствуйте, матушка Агафья Степановна, отвѣчала кухарка: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

— И тебѣ также, Матренушка!... Я тебѣ гостинецъ принесла; косыночку шелковую... возьми, мать моя!...

Старуха вручила кухаркѣ косынку и вместе съ нею вернула ей полтинникъ. Обрадованная Матрена поцѣловала руку Агафьи Степановны и рассыпалась въ благодарности; развернувъ косынку и держа ее на свѣтъ; какъ бы для того, чтобы узанать плотно ли ткань ее, вовремя пожелавъ, что дровому кою въ зубы не смотреть.

— Дома барышня? спросила Агафья Степановна.

— Дома, дома, матушка; постоитъ, я сплуну съ васъ; кухарка отвѣчала, отирая жирныя руки о передникъ.

— Гдѣ она, вверхъ или внизу?

— Внизу, сударыня; она вѣдь тамъ съ утра до ночи сидитъ.

— А что старикъ?

— Что ему дѣлается! Вѣтъ, пѣтъ, свитъ, да въ шатки играетъ. Пора бы ему и честь звать! съ неудовольствіемъ отвѣчала Матрена.

— Полюбо грѣшить, Матренушка! съ упрскостью возразила

Агафья Степановна: «Что вы хотите, поможете-быть и мы съ то-
бю станем же судимы».

— Но прежде Поннадат сивала кунурта перекрестась:
Пожалуйте, Агафья Степановна, прималуйте въ гостиную;
жизвану барлинию.

.. Съ этими словами Матрена прошла черезъ столовую, во-
шла въ спальню Татьяны Ивановны, а оттуда въ каморку,
заставленную вещами.

— Барышня! крикнула она, остановившись у лѣстницы:
Въ то же время она послышавшись тихіе шаги.

— Что тебя? спросила снизу Татьяна Ивановна.

— Пожадуйте на верхъ...

— Стъ, тише! онъ спитъ. Зачѣмъ наверхъ?

— Агафья Степановна пришла, отвѣчала, кухарка щопо-
томъ.

— Ладно, сейчасъ буду.

Минуту спустя Татьяна Ивановна вышла наверхъ.

Это уже не была та Татьяна Ивановна, которую мы ви-
дѣли на вечеринкѣ у доктора. Дома, у себя, старая дѣва
была естественнѣе. На ней было простое, полинялое, ситце-
вое платье, висѣвшее внизъ отъ талии прямыми складками;
многочисленность которыхъ свидѣтельствовала, однакожь, о
томъ, что и это платье было нѣкогда доступно расширенію,
для уменьшенія пышностей. Шерстяной платокъ закрывалъ
шею и грудь, и висѣлъ на спинѣ острыми концами. Волосы
Татьяны Ивановны были нѣсколько растрепаны; цвѣтъ
лица сѣровато-желтый, глаза утомлены, заспаны—точно,
будто бы Татьяна Ивановна не вышла въ этотъ день, что,
впрочемъ, было весьма вѣроятно, судя по рукамъ ея.

— Ахъ, Агафья Степановна, вскричала Татьяна Иванов-
на; войдя въ гостиную: гдѣ это вы пропадали? Здравствуй-
те, миленькая, здравствуйте! и съ этими словами она стала
цѣловать старуху.

— Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, Татьяна Ивано-
вна; дай Богъ вамъ здравіа и всякаго благополучія; желаю
вамъ все то, что вы сами себя желаете.....

— Въ тактъ, Агафья Степановна, вамъ такъ же; садитесь,

душечка... на двѣдцѣ, Агафья Степановна, вы знаете, что вамъ принадлежитъ почетное мѣсто... Извините, я не одѣн и немножко растрепана; но мнѣ сегодня недорожится!...

Обыкновенная отговорка перяхъ.

— Э, голубушка! возразила старуха: ну жто вы начнете перемониться со мною?... Ну что, мѣтенька, камъ у васъ въ домъ?

— Слава Богу, Агафья Степановна; тѣтенька недорожилось, да теперъ прошло.

— А вы какъ? Да что, нечего и спрашивать! вы словно макъ цвѣтъ!

Давно Татьяна Ивановна не была такъ дурна, какъ въ этотъ день; не смотря на то, она отвѣчала пріятною улыбкой на комплиментъ старухи.

— Но скажите, Агафья Степановна, гдѣ это вы пропадали?... Вы никакъ ушли еще передъ Рождествомъ и съ тѣхъ поръ не бывали у насъ... Разлюбили вы насъ совсѣмъ, душечка Агафья Степановна!

— Ахъ, не говорите, Татьяна Ивановна! Я зашла провѣдать о здоровьи къ Натальѣ Петровнѣ Прилугиной; думала пробыть у нея денекъ, много два—куды, родимая! И салопишко запрятали; не пускаютъ, да и только! Только на пятый день кос-какъ выпросилась. Думала идти прямо къ вамъ, но откуда ни возьмись, подвернулся Спиридонъ Никифоричъ Лукошкинъ.— Агафья Степановна! говорить, я не отпущу васъ; жена прихворнула и соскучилась безъ васъ; мы, говоритъ, раза три посылали къ вамъ; все дома нѣтъ, да дома нѣтъ... благо теперъ я поймалъ васъ и ужъ ни за какія деньги не отпущу!— Что ты будешь дѣлать, голубушка! Я пошла съ нимъ, да послѣ и сама не рада была.... Ахъ, Татьяна Ивановна, если бъ ты знала, что тамъ за дѣла дѣлаются! Богъ съ ними, я не сплетница какая.... Коли и случится лишнее слово вымолвить, такъ и то только съ челоукомъ надежнымъ, не переметчикомъ.... Вы вѣдь знаете Авдотью Григорьевну?....

— Знаю, отвѣчала старая дѣва, сжавъ губы съ двусмыс-

ленной улыбкой. Хотите у нихъ въ домѣ опять что-нибудь новое случилось?

Старая вдова пошюхала табаку, махнула рукой и отъехала:

— Да что! Стыдно, право, и рассказывать-то!

И послѣ этого введенія, она нустилась въ одну изъ тѣхъ сплетенъ, которыя часто раскрываютъ самыя сокровенныя, семейныя тайны. Ни одинъ романъ Поль-де-Кока не возбуждалъ такого участія въ парижской гризеткѣ, съ какою старая дѣва слушала рассказы Агафьи Степановны. Последняя не умолкала; одно обстоятельство цѣплялось за другое; она то поднимала руки къ потолку, то пожимала плечами.... Не смотря на то, что кромѣ ея и Татьяны-Ивановны никого не было въ гостиной, вдова, какъ бы не емья произшествія вслухъ некоторыхъ словъ, по временамъ наклонялась къ самому уху своей слушательницы; и тогда глаза последней разгорались, и на щекахъ ея выступала легкая краска, но не стыдливость вызвала этотъ румянецъ....

Наконецъ вдова замолчала и перевела духъ. Татьяна-Ивановна тоже молчала, какъ бы припоминая и затвержывая все, рассказанное ей старою сплетницей.

— Спокойно ли вы провели время? спросила Агафья Степановна послѣ краткаго молчанія.

— Довольно спокойно; на праздникахъ мы обѣдали у экзекуторши, а наканунѣ Нового года были на балу у доктора.

— У Федора Ивановича?

— Да.

— Ну что, какъ у него?

— Ничего; все по старому.

— Славная дѣвочка Аннушка.

— Глупа.

— Правда ваша; есть, есть маленько. Но — глупость не порокъ, Татьяна Ивановна; были бы денежки.

— У нея и того не будетъ.

— Не говорите, голубушка; умри тецерь стариин ея, такъ

у вас... будетъ восемьдесятъ тысячъ пятнаго декабря, не считая другого добра.

— Неужели это правда? Я сама слышала объ этомъ, да мнѣ не вѣрилось.

— Вѣрь, Татьяна Ивановна; я знаю заводчице... А что, прибавила вдова, иногда потыкавшая на дѣву, — вѣра бы была житья Захара Ивановича....

Татьяна Ивановна улыбнулась.

— Я сама думаю о томъ... Впрочемъ мы потыкаемъ объ этомъ дѣлѣ обстоятельстве... Видь вы останетесь теперь дома на несколько дней?

— Останусь, милаенькая; хочется отдохнуть...

— Общайте сегодня съ вами.

— Наволь, голубушка; я останусь тѣмъ окончиве, что по зашаху слышу; что у васъ сегодня шло... а мнѣ спертъ какъ люблю! Кроме того у меня есть дѣльце до Захара Ивановича... Не знаешь, Татьяна Ивановна, при деньгахъ ли былъ теперь?

— Кажется, что нѣтъ.

— Жаль, дѣльце-то хорошее, съ большою прибавкой; впрочемъ Захаръ Ивановичъ достанетъ....

Въ это самое время внизу послышался глухой, продолжительный кашель.

Татьяна Ивановна поспѣшно встала.

— Посидите, Агафья Степановна, сказала она: я только схожу; посмотрю, не нужно ли чего тятинькѣ... Онъ что-то сталъ кашлять чаще обыкновеннаго... Я сейчасъ вернусь.

— А я воспользуюсь этимъ временемъ и схожу къ себѣ внизъ на минуточку... Ключъ у васъ? спросила вдова тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, недольно, опустивъ глаза: онъ внизу... за клеѣнкой....

Агафья Степановна съ удивленіемъ посмотрѣла на старую дѣву и спросила:

— Нечто?...

Татьяна Ивановна насунила брови, губы ея слегка задрожали, она утвердительно кивнула головою... // --

Старуха захохотала, покачала головой.

— Когда? спросила она опять.

— Сегодня, часу въ девятомъ, отвѣчала старая дева, едва слышнымъ голосомъ.

— Вы получили письмо?

— Получила.

— Ахъ, Татьяна Ивановна, Татьяна Ивановна! ждѣть-низ васъ... Надобно кончить это дѣло...

— О! съ жаромъ произнесла старая дева, я вѣчно буду признательна тому, кто поможетъ мнѣ!

— Посмотримъ, подумаемъ... Идите, Татьяна Ивановна, старикъ опять закашлялся; я вернусь черезъ полчаса.

На лѣстницѣ старуха встрѣтила Захара Ивановича, возвращавшагося домой.

— Ба, ба, ба! закричалъ онъ, грубо захохотавъ: какими судьбами!... Куда же вы? Зачѣмъ бѣжите отъ нашего хлѣба-соли?

— Я только на минутку зайду къ себѣ и сейчасъ вернусь....

— Вотъ это другое дѣло! возризалъ Захаръ Ивановичъ, все еще претраждая путь старухѣ. Да что это вы, въ самомъ дѣлѣ, заснесивились? И съ праздникомъ поздравить не хотите! Видно бѣдѣты стали?... Одолжите же мнѣ милость семьдесятъ пять копѣекъ!

И весьма довольный своимъ остроуміемъ, Захаръ Ивановичъ захохоталъ пуще прежняго.

— Гдѣ намъ, Захаръ Ивановичъ! отвѣчала старуха, вторя смѣху шутника: я сама хотѣла просить у васъ въ долгъ....

— Коли вы просите въ долгъ, такъ будетъ толкъ! Ха, ха, ха!... Ладно, ладно, потолкуемъ послѣ обѣда; на тощій желудокъ какъ разъ обсчитаемся... Приходите же скорѣе.

Захаръ Ивановичъ пропустилъ старуху, пріятельски кивнулъ ей головою, но, не доходя до втораго атажа, остановился и поспѣшно кивнулъ:

— Агафья Степановна, Агафья Степановна!

— Что, батюшка? спросила старая вдова, остановившись на послѣдней ступени.

— Знаете новость?

— Какую? спросила вдова, наостривъ уши.

— Неужто не знаете?

— Не знаю, батюшка; что такое?

— Нынче годъ высокосный, отзывчалъ Захаръ Ивановичъ, снова разразившись громкимъ смѣхомъ.

Захаръ Ивановичъ былъ въ самомъ милонѣ, шутиломъ расположеніи духа.

ГЛАВА V.

Занятія Захара Ивановича.

Часть нижняго этажа, составлявшая панданъ квартиры Агафьи Степановны, состояла изъ темнаго корридора и четырехъ комнатъ. Ходъ наверхъ былъ изъ корридора.

Одну комнату занималъ дряхлый, впавшій въ ребячество, семидесяти-шести-лѣтній старикъ; въ другой былъ кабинетъ, въ третьей спалъ Захаръ Ивановичъ. Осталась еще четвертая, узенькая комната въ одно окно, выходившее къ сараю каретника; эта комната была постоянно заперта, и ключъ отъ нея хранился у Захара Ивановича.

Кабинетъ былъ убранъ очень просто. Темная, грязно-зеленая краска, которою были выкрашены стѣны его, придавала ему мрачный видъ. Два стола, одинъ ломберный, раскрытый, другой, простой, сосновый заиѣняли письменный столъ; на послѣднемъ лежали въ порядкѣ кипы бумагъ и нѣсколько книгъ, разставленныхъ рядышкомъ, корешками вверхъ; на первомъ лежало нѣсколько дестей чистой писчей бумаги, разныхъ форматовъ и добротъ; оловянная, забрызганная чернильница, буковая, точеная песочница, мраморный пресспапье въ видѣ яблока; санда-

фракъ въ коробкѣ съ аптекарской этикеткой и, по срединѣ, разграфленная подкладная бумага.

Передъ дубернымъ столомъ стояло вольтеровское кресло, крытое зеленымъ сѣбяномъ, побурѣвшимъ отъ долговременнаго употребленія.

Старинное, горбатое бюро на точныхъ ножкахъ, шкапъ, выкрашенный подъ красное дерево и служившій хранящимъ неизготовленной библиотекѣ, турецкій диванъ, крытый ситцомъ коричневаго цвѣта съ голубыми и желтыми узорами, несколько стульевъ, да два горшка цвѣтовъ вѣдой ерани дополняли убранство кабинета. Во всемъ проявлялась благоразумная непряхотливость труженика, лишениями и бережливостью достигнуваемаго скромнаго благосостоянія. Захару Ивановичу стоило только показать своей кабинетъ, чтобы опровергнуть обвиненія въ какихъ-либо противозаконныхъ дѣйствіяхъ или неправильномъ стяжаніи земныхъ благъ.

Впрочемъ Захаръ Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Онъ составилъ себѣ репутацію искуснаго, усерднаго дѣльца и — легче было бы сдвинуть съ мѣста огромный камень, нежели поколебать эту репутацію.

Какъ человекъ и семьянинъ, онъ жилъ скромно, содержалъ престарѣлаго отца и сестру, долговъ не вѣлъ, въ карты игралъ для препровожденія времени и по маленькой; вѣлъ знакомство не большое, но избранное.

На другой день послѣ разсказаннаго въ предшествующей главѣ, въ восьмомъ часу утра Захаръ Ивановичъ сидѣлъ въ своей кабинетѣ.

Это былъ уже не тотъ Захаръ Ивановичъ, съ которымъ вы, читатель, познакомились на вечерѣ у доктора. Справедливость заставила меня сказать, что испанскій костюмъ былъ не къ лицу Онухтину, но та же справедливость заставляетъ меня теперь объявить, что фракъ сидѣлъ на немъ такъ, что, право, невольно рождался въ умѣ вопросъ: онъ ли былъ созданъ для фрака, или фракъ для него?

Платъ сидѣло на Захарѣ Ивановичѣ плавно, спокойно; отъ спины къ фальданъ не было рывкаго перехода, зани-

описанного мужчины у дам; руки были чисты; не придавали руке вида гладко-обстриженного. Младшие были; сады шли суживались в такой мерзопорочии, что, если бы шли довести до пяток, то они образовали бы острые концы; пуговицы сходились счизовались без всякой клячки и, застегнувшись, Захаръ Ивановичъ могъ бы очень легко просунуть между шплетомъ и сракомъ двадцати-пятничный ситникъ. Опрятить выбравши однажды своего перняго Волюмеромъ за то, что тотъ сшилъ ему панталоны со штришками. Сапоги онъ носилъ плоскодонные, безъ высокихъ наблуксовъ.

Что касается до этикетки Захара Ивановича, то онъ походилъ на испорченныхъ приемы; все на ней было обожжено, цвѣтъ глазъ испредъленный, волосы черезъ обстрижены, подбородокъ гладко выбритъ. Не считалъ бакенбарды испростойшими для человека деловатаго, Захаръ Ивановичъ предоставилъ имъ полную волю провабать чинъ щекъ его; но они пустились десяткомъ длинными; жовѣтались волосъ и ограничили въ этикъ.

По правую сторону Захара Ивановича сидѣлъ на стулѣ человекъ съ рыжой бородой, въ вонючемъ ситномъ, усталомъ пухомъ и шопомшиномъ грязнымъ кушакомъ, свернувшимся въ канатъ. Возлъ него на полу лежалъ рѣшакъ, надъ котораго торчали книги.

Казалось, Захаръ Ивановичъ только что покурнулъ это-го человека, потому что онъ, опустивъ глаза, перебиралъ въ рукахъ шапку съ сукошнымъ, до половины обвороннымъ козырькомъ.

— Бй-ей, говорилъ онъ, я не могу знать съ...

— И я, братецъ, не могу знать! возразилъ Захаръ Ивановичъ, смотрѣлъ въ круглое зеркальцо и потирая палецъ на подбородкѣ, порванномъ бритвой.

— Это совершенно такъ съ, но...

— Да можно отпираться? Ужъ проболтался, такъ лучше повинись.

— Связь волю проваблять, не говорилъ никому... Я божаюсь испростой не стану.

— Шагъ истопилъ, братецъ, свистанъ?... Вотъ такъ былъ мнѣ и бракнулъ: «далъ двести, взялъ златое вчетыреста, да салоту въ лавочку!» А гдѣ она пятьсотъ-то? Хламъ, рухлядь! Неюмъ тамъ злато, ебывай какъ знаешь!... А что златое-то въ чистареста? Богъ-ль нима-я совсѣмъ! Падай только мои денежки, а тамъ ступай себѣ! Ты же выпросилъ у меня; пропадетъ, говоришь, челопакъ; выдучишь, говоришь.... Такъ или не такъ?

— Безъ всякаго сумлвнiя...

— То-то безъ всякаго сумлвнiя! За свою же за доброту я терплю!

— Да позвольте узнать, Захаръ Ивановичъ, кто осмѣлился...

— А поди-вотъ, спроси! Ворвался челопачекъ въ домъ подъ нужимъ имеемъ, да и маговрилъ мнѣ неприятностей.

— Слова нѣтъ, Закаръ Ивановичъ.

— А все по твоей милости! Закался-жъ я теперь... никому ни гроша, хоть съ голоду умирай! Своя репутація дороже. Слышь, Кнутовъ, впередъ, братъ, ко мнѣ съ какими штудами не подъѣзжай!

— Воля ваша, отвѣчалъ Кнутовъ, вставал и отряхивалъ шокъ.

— Да досуди самъ, братецъ, продолжалъ Онуфимъ, какъ бы совсѣтничать и смягчить голосъ: кому прiятно, если какой-нибудь фанфаронъ станетъ мзрать честь? Я, братецъ, двелецъ извѣстный, челопакъ чистый не яо, чтобы кто-нибудь этакое...

— Правда ваша, равнодушно отвѣчалъ Кнутовъ: за тѣмъ прощайте...

— Нѣтъ, постой; поставь себѣ на мое мѣсто, продолжалъ Захаръ Ивановичъ, стараясь, по-видимому, удержать Кнутова.

— Счастливо оставаться...

— Куда же ты торопишься? вскричалъ Захаръ Ивановичъ, вставая: выпей хоть чайку стаканъ.

— Некогда, Захаръ Ивановичъ; я было прiшелъ къ вамъ за дѣломъ, да какъ тамъ неугодно...

— За какимъ дѣломъ?

— Такъ-съ, афериска маленькая... стѣбала Кнутовъ, смотря къ сторону и почесывалась.

— Ахъ ты разбойникъ! возразилъ Захаръ Ивановичъ замѣляишь: вѣчно у тебя затѣи... Ну, постой; свали-ка мѣшокъ, да садись.... Я скажу, чтобы намъ принесли чаю.

— Благодаримъ покорно-съ...

— Да ну! садись, говорятъ; ахъ ты рыжая борода! сказалъ Захаръ Ивановичъ, слегка потрепавъ Кнутова за бороду.

Нѣсколько минутъ спустя в Опухтинъ, в букинисть сѣдла опать на прежнихъ мѣстахъ. Передъ первымъ стояла большая, такъ называемая аппетитная чашка, а передъ послѣднимъ стаканъ.

— Сливочъ хочешь? спросилъ Захаръ Ивановичъ. Ну, рассказывай; какое тамъ у тебя дѣло?

— Вѣстимо денежное, Захаръ Ивановичъ.

— Денежныя разныя бываютъ дѣла.

— Нужно-съ двѣсти рублѣвъ.

— Опять двѣсти!.. Это кое-какъ собрать можно.

— Двѣсти серебряныхъ.

— Экъ ты хватилъ! Шутка, семьсотъ рублей!

— Человѣкъ-то хорощій, я съ нимъ съ Петровъ-дня знакомъ; онъ у меня книги беретъ, да не на промѣнъ, а все на наличныя; в книги-то все ученыл.

— Сочинитель какой-нибудь?

— Сохрани Господи! Нѣтъ-съ, почище всякаго сочинителя будетъ.

— То-то же!

— Да вы в тятиньку ихъ знаете.

— Какъ зовуть?

— Тучиновымъ.

Захаръ Ивановичъ припрыгнулъ на стулъ.

— Александръ Матвѣичъ? спросилъ онъ.

— Сынъ ихній-съ, Николай Александрычъ..

Опухтинъ протяжно свиснулъ в почесалъ лобъ.

— Санюк-то, вонде, въ отъа пошлеть... погуливаетъ? оклеветать отъ, послъа кратко молчанья.

— Есть, маленько.

— Гм!... Трудная, братъ, задача.

— Нечто вы не шри деньгахъ, Захаръ Ивановичъ?

— Чтѣ деньги! Деньги достать не штука... тутъ другая за-
пятая... Александръ Матвѣвичъ мнѣ очень нужный человекъ...

— Что за важность! Въ вы сторону.

— Оно такъ-то такъ... Знаешь что?

— Ну-съ?

— Вотъ мы какъ рдываемся; скажи Николаю Александровичу, что у тебя денегъ нѣтъ. Слышавшь?

— Слышу-съ.

— Но, дескать, ты знаешь благодѣтеля, который не откажется помочь тебѣ. Сколько, бишь, ему нужно?

— Двѣсти серебромъ-съ.

— Ну, такъ ты напиши заемное въ...

— Поменьше, батюшка! человекъ надежный; впередъ пригодится.

— Ладно, пиши въ триста; такъ и быть! Не хочу притѣснить. Вели маклеру написать, что я, дескать, нижеподписавшійся, Николай Александровъ сынъ Тучиновъ занялъ у Захара Иванова сына...

— На ваше имя? съ ивуаженіемъ спросилъ буквицистъ.

— Слушай только; занялъ, дескать, столько-то, кой день-
ши и обязуюсь вывалить черезъ?...

— Два изъаца.

— Ладно. Заставь его подписать это заемное; да, смотри, провори, что ты отъ меня всъ триста сполна получилъ.

— Знаемъ, знаемъ-съ.

— У меня есть свои причины.... Авось со временемъ пригодится. Смотри же, исполни все такъ, какъ я приказываю.

— Слушаю, Захаръ Ивановичъ. А когда прикажете зай-
тить?

— Недѣли черезъ полторы...

— Долгонько.

— Надо подумать, сообразить... Ухъ, какъ я съ тобой

заболтался! Пора идти, до двенадцати, всерьез, да пошутить, пошутить на серебряные, карманные часы. Завтра, разумеется, есть? прибавил он небрежно.

— Знатный...

— Хорошо, хорошо, это у нас нынче между собой устройство... Приготовь записку, да отдай въ началу будущей недели.

— Нельзя ли на этой, Захаръ Ивановичъ?

Опухтанъ всталъ и, какъ бы подумавъ, отвѣчалъ:

— Зайди въ субботу; можетъ-быть, я къ тому времени достану... Ахъ, кстати, какъ ты съ старинными рудьями?

— Чего, отвѣчалъ Кнутовъ, махнувъ рукою. Вероятно нашъ, оударъ, въ самомъ дѣлѣ, только на прокатъ. Продамъ, да и заложилъ. Я къ нему, а онъ и усомнѣлся, не садеть! Ничего говорить, денегъ, да и только.

— Какъ же ты кончилъ?

— Какъ тутъ кончить! Вѣстимо, свои зацѣпалъ, усердно отвѣчалъ букнисть.

— А протестовалъ?

— Какъ же съ. Придется упрямить еще въ тюрьму.

— Повремени еще маленько. А Сидоровъ?

— Общался завтра расчитаться.

— А съ купчихой, что жила купчихъ дной овецъ, ты не свдлался?

— Нѣтъ еще: торгуется badly, да придется спускаться, а не то залежится оцять. Къ купчихъ подымаю извѣстити съ Толмучаго...

— Гм!.. Повторюсь еще маленько, а все прибавить. И нѣтъ, такъ отдавай! Убытка не будетъ.

— Слушаю.

— Ну, съ Богомъ; нынче пора идти.

Кнутовъ всталъ оцять мешокъ на спину и, поклонившись, хотѣлъ идти.

— Эхъ, забылъ совсѣмъ! сказалъ онъ, спохватившись: нѣтъ ли у васъ, Захаръ Ивановичъ, лампы?

— Какой?

— Столовый, вотъ что съ козлакомъ.

— Есть, сударыня. Совсѣтъ новад.

— А какъ цѣна-съ?

— А воля зайденя, такъ поволимъ; таперъ нѣтъ некогда... А. дама богатая! Самъ увидишь. Прощай, Княгула, протай!

Букнисть ушелъ.

Захаръ Ивановичъ пригладилъ передъ зеркаломъ волосы, поправилъ галстукъ, провелъ руками по ободьямъ рукавамъ, и поспѣшно вышелъ въ соседнюю комнату.

ГЛАВА VI:

Отецъ, сынъ и дочь.

Въ соседней комнатѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, совершенно неподвижно тому, которое стояло въ кабинетѣ Захара Ивановича, сидѣлъ старикъ въ вѣтлѣхъ, замасленномъ халатѣ на заты и въ голубой, вязанной шапкѣ съ серебряною кисточкою. Неподвижность всего тѣла, голова, свисавшаяся на грудь, свѣжыя щеки, тусмые, безжизненныя глаза съ помелувшими брысками, множество горизонтальныхъ морщинъ вокругъ губъ, придавали старикъ безмысленной видѣ. Поприсѣвая продолжительный, вкретный кашель потрясали все тѣло отжившаго старика, и дрожащею, морщинистою рукою утиралъ онъ слюну съ губъ.

Старикъ сидѣлъ возлѣ топившейся печи, полежава ноги, обутыя въ туфли на волчьемъ мѣху; на скамейку; у окна сидѣла Татьяна Ивановна съ рукодѣльемъ.

Захаръ Ивановичъ подошелъ къ старикъ и, наклонившись къ нему, спросилъ:

— Что, тятенька, какво вамъ?

Старикъ медленно поднялъ тяжелыя веки, посмотрѣлъ на сына и спросилъ глухимъ, дребезжащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Сколь... сколько градусовъ мо...мо...морозу? —

— Десять, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ на удачу. —

— Сколь... сколько? —

— Десять, повторилъ Захаръ Ивановичъ громче. —

— Все.... дес... десять, возразилъ старикъ сердито, отчего лицо его сморщилось болѣе обыкновеннаго, и голосъ затряслся.

— Ничего, ничего, тятенька, скорѣ меньше будетъ, сказалъ Захаръ Ивановичъ снисходительно.

Старикъ опустил глаза и не отвѣчалъ.

Захаръ Ивановичъ почтительно поцѣловалъ руку отца и, кивнувъ головою сестрѣ, ушелъ на цыпочкахъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Татьяна Ивановна была погружена въ размышленія; продолжая прилежно перешивать старое, перекрашенное платье, она то вздыхала, то насмѣшливо, то пріятно улыбалась. Это было отраженіе мыслей ея. По временамъ,—взвоятно въ минуты переходу отъ одной мысли къ другой,—Татьяна Ивановна обращала глаза на старика съ заботливостью, мало согласовавшеюся съ жесткимъ, злобнымъ выраженіемъ ее лица.

— Захарушка! прозвище, наконецъ, старикъ.

— Онъ ушелъ, тятенька, сказала Татьяна Ивановна.

— За тобой, Захарушка, два гривенника, предосталъ старикъ.

— Его нѣтъ, тятенька, онъ ушелъ, повторила Татьяна Ивановна болѣе громкимъ голосомъ и наклонившись нѣсколько къ старику.

— Куда ушелъ?

— По своимъ дѣламъ.

— Въ школу?

— По дѣламъ.

— А зачѣмъ онъ ушелъ безъ спросу?...

— Онъ спрашивался у васъ.

— Опасно.... водъ лошадей подвернется, продолжалъ старикъ ворчливо: посмотри, Таня, не играетъ ли онъ въ бабки на задворкѣ?

— Нѣтъ, тятенька, на задворкѣ никого нѣтъ, отвѣчала Татьяна Ивановна, выглянувъ въ окно.

— Схо... схо... сходи, посмотри! сердито вскричалъ старикъ.

Татьяна Ивановна встала, не выказывая ни малѣйшаго неудовольствія, вышла въ корридоръ, пробыла тамъ около минуты и вернулась.

— Его нѣтъ тамъ, тятенька, сказала она.

Но старикъ, по-видимому, забылъ уже зачѣмъ высылалъ дочь. Безсмысленно посмотрѣлъ онъ на нее; нѣчто похожее на улыбку стаяло губы его, и, поднимая дрожащую руку, онъ произнесъ:

— Танничка!

Дочь взяла руку его, наклонилась къ нему и поправила шерстяную шапку, сдвинувшуюся на сѣдые брови старика.

— Холодно вамъ? спросила она.

— Нѣтъ.... нѣтъ; только ноги зябнуть.

Татьяна Ивановна достала старый коврикъ и закрыла имъ ноги отца.

— Хорошо такъ?

Старикъ погладилъ руною волосы дочери, ставшей на колѣни, чтобы укутать ноги отца.

— Не хотите ли въ шашки поиграть, тятенька? спросила Татьяна Ивановна.

— Не хочу.... не хочу.... мнѣ надоело сидѣть.... хочется погулять....

Татьяна Ивановна помогла старику встать; взяла его подъ одну руку, а въ другую дала ему трость, и стала водить его по комнатѣ.

Не дойдя втораго разу отъ окна до двери кабинета, старикъ закашлялся такъ, что ноги его подкосились, и дочь должна была подхватить его подъ обѣ руки, чтобы онъ не упалъ.

— Ухъ!... усталъ, сказалъ онъ задыхаясь, —вижу.... вижу.... старость одолеваетъ.... Съестъ хочу....

Татьяна Ивановна посадила его въ кресло, прикрыла опять

«Вот ковры!» и, видя, что старикъ закрываетъ глаза, вернулась къ своему рукоделию.

— А что же ты въ шашки-то хотѣла играть? — сказалъ старикъ въ то самое время, когда дочь его только-что принялась за работу.

Она опять встала, придвинула столъ къ письменной доскѣ и, сѣвъ противъ отца, стала разставлять шашки.

— Я самъ... я самъ! вскричалъ старикъ съ раздражительностью ребенка; сбивъ съ мѣста шашки, разставившая дочь — черню для него; потомъ онъ самъ сталъ приводить шашки въ порядокъ, ставя ихъ на удачу, куда имъ полагало.

Татьяна Ивановна терпѣливо слѣдила за медлительными движеніями отца.

— Вотъ такъ, сказалъ онъ: кому ходить?

— Вамъ, титенька.

— Не торопись.... надо подумать.... первый ходъ самый важный....

Долго думалъ старикъ, передвигая то одну, то другую шашку и, наконецъ, рѣшился сходить.

Нѣсколько минутъ продолжалась странная игра, въ которой старикъ обдумывалъ каждый ходъ и, несмотря на то, безпрестанно сбивался и потомъ раскаивался что сходилъ такъ, а не иначе. Едва ли игроку нужно столько времени, чтобы выиграть, сколько хитрости ему потребовалось, чтобы проиграть. Наконецъ ей удалось пропустить отца въ дамки; ему оставалось только дойти шашку въ послѣдній рядъ, но онъ задумался такъ, какъ будто бы дѣло шло о труднѣйшей задачѣ. Чтобы внѣшніе предметы не развлекали его, старикъ закрылъ глаза, приложивъ палецъ къ носу.

Минуту спустя, рука его тяжело опустилась на молви...

Онъ заснулъ.

Татьяна Ивановна осторожно оставила столъ, посмотрѣла еще нѣсколько секундъ на отца, потомъ принялась опять за свою работу.

Такова была домашняя жизнь старой дѣвы. Съ радостью, заботливымъ самоотверженіемъ подчинилась Татьяна

—Ивановна, причесанная и украшенная драгоценными украшениями, сидела.

Иванъ Прохоровичъ вступилъ въ службу въ высшее звание: поручикомъ. Императоромъ Александромъ II. Въ герцогиню, коллежскую регистратку, въ 1881 году, Иванъ Прохоровичъ лишился жены. Это обстоятельство и казнь его жены, лучшей и любимейшей женою он жертвовал, произвелъ также глубокое впечатление на Онуфрину, что онъ ипаче не было верящему въ то самое время, когда казнь, собравъ свою семью въ Петербурге, обратилъ въ дружную семью свое счастливое дыхание.

Ивану Прохоровичу было въ то время шестидеять три года; несмотря на то, нравилась натура его, нежная и добрая, но слабости ума, одолевъ багровую, которая влилась на слабейшую часть его, а именно на уменьшение способности: онъ не разотрелся совершенно, но началъ отуплять. Проще говоря почти совершенно изгладились все понятия. Иванъ Прохоровичъ, а все действительное понятие жизни, а именно для него радость трудиться за себя, а именно неограниченно трудиться, а именно неограниченно напряженно ума. При этом Иванъ Прохоровичъ получалъ поощрительную пенсию. Иванъ Прохоровичъ жилъ — счастливъ въ домашней. Не заманивая, обманчивая, а именно богатства были: искоманды этой страсти, но чувство более исключительное, более живое и малочисленное; старина Онуфрия любилъ деньги не за всемогущую силу, а скорее за красоту и честь. Онъ предпочиталъ серебро и, преимущественно, малое: цѣлковый самъ по себе представлялъ для него ценность, а именно такъ какъ будучи разбитъ на латочки, онъ представлялъ двадцать единицъ, и старина обладая латочкою со своимъ сыномъ только тогда, когда послѣдній приносилъ ему пенсию своей малой монетой.

Точно такъ по окончании отъ службы, Иванъ Прохоровичъ объявлялъ сыну, что онъ ему не дастъ ни копейки изъ своей пенсии. Захаръ Ивановичъ не прекословилъ, ибо знаетъ, что рано ли, поздно ли деньги эти доставнутся ему же; конечно, жаль было, что онъ представлялъ мертвый капиталъ,

— между темъ какъ нѣтъ можно было пустить въ оборотъ, но—
 надобно же было потышиться старика. Захаръ Ивановичъ
 — жасовалъ отъ отна страсть къ деньгамъ, но въ негъ эта
 — страсть подчинилась великому рыку.... для него деньги бы-
 — ли живые дятела, которые, по мнѣнью Захара Ивановича,
 — должны были влѣдаться и ммектиса....

— Иванъ Прохоровичъ мовилъ; но ни смилъ, ни даже дочь
 — свою величалъ, куда онъ прѣлалъ свое сокровище. Онъ даже
 — еще любилъ, чтобы ему говорили объ его деньгахъ, и тогда,
 — цесременамъ, оставаясь мединъ съ Татьяной Ивановной,
 — твердилъ ей:

— Все тебѣ достанется.... ему ничего!

— Привязанность его къ дочери усилчалась съ тѣмъ перъ,
 — какъ неприязнь къ сыну обнаружилась. Впрочемъ Татьяна
 — Ивановна мильнѣ заслуживала эту привязанность.

— Старая дѣва, въ домашнемъ быту ладла идеаль дочерней
 — привязанности. Вспыльчивая отъ природы, она была съ
 — мотномъ кротка и терпѣлива, какъ ягненокъ; передъ прихотливъ
 — старика, умножавшимся съ лѣтами, изрезала собственная во-
 — лѣ: Татьяна Ивановна; мать, жертвуя собою для дѣтати, на-
 — моводить ограду и утѣшеніе въ развитіи ребенка, — будущее
 — судить ей еще высшую награду; самопожертвованіе Татья-
 — ны Ивановны было неограниченнѣ, совершеннѣ: наслаж-
 — дѣтѣ, общаево старикомъ, не прѣлщало ее; поначенія о
 — дражломъ старикѣ не были вознаграждаемы; въ нравствен-
 — ную отношеніи онъ каждый день становился тугѣе, раз-
 — дражнѣннѣе, требователнѣе; въ физическомъ — разрушеніе
 — живавннхъ силъ становилось явственнѣе....

— Уединеніе, отчужденіе отъ свѣта Ивана Прохоровича были,
 — можетъ быть, главней причиною того, что Татьяна Иванов-
 — на не встрѣдала своего суженаго и сдѣлалась старой дѣ-
 — вой, существомъ независимымъ, исключительнымъ, кото-
 — рое хладнокровнѣ анализируетъ недостатки общества, точ-
 — но такъ, какъ человекъ, стоящій вне толпы; удобнѣе обо-
 — зриваетъ ее.

— Изъ трехъ высокнхъ, святыхъ назначеній женщины — на-
 — значеній дочери, супруги и матери — на долю Татьяны Ива-

новья досталось только первое.... и, со старшимъ, **Николаъ Прехоровичемъ**, она была дочь, въ самомъ высочайшемъ значеніи этого слова; въ обществѣ она была существо, злѣбное, исключительное, — а всякая исключительность сильно развивается въ чловѣкѣ одно изъ духовныхъ началъ его: *добро или зло*.

Такимъ же образомъ двоялась и жизнь Захара Ивановича. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что *ссужал* бѣднѣхъ въ критическія минуты, онъ дѣлалъ добро; зло могло заключаться только въ томъ, что одождая единицу, онъ требовалъ обратно двѣ и болѣе, смотря по обстоятельствамъ; — но Захаръ Ивановичъ называлъ это *обезпеченіемъ*, въ слѣдствіе котораго имущій, то есть честный плательщикъ покрывалъ убытокъ, наносимый неимущимъ. Для совершеннаго успокоенія своей совѣсти Опухтицъ не признавалъ драматическаго различія между своими должниками.

Если бъ у Захара Ивановича была хоть половина того ума, которымъ природа надѣлила сестру его, то съ такими оригинальными понятіями онъ пошелъ бы далеко; но по счастью для него и для общества, природа, ограничивъ умъ, ограничила и кругъ дѣятельности его.

Чловѣкъ составленъ изъ контрастовъ. Добро мѣшается въ немъ со зломъ и, первое то беретъ верхъ надъ вторымъ, то подчиняется ему. Подробности и виды постоянной борьбы между степенями добра и зла, составляютъ великую, неразгадавшую *науку жизни*. Ученость не подвела еще этой науки подъ извѣстныя формулы, потому-что объемъ ея обширенъ и раздробленіе безконечно. Исторія есть только выводъ, а философія анализъ ея; но философія въ отношеніи къ наукѣ жизни то же, что геометрія въ отношеніи къ микроскопу.

Два элемента, два начала этой науки—*добро и зло*; по виды ихъ такъ разнообразны, степени ихъ такъ многочисленны, что часто одно доброе качество сглаживаетъ множество злыхъ и — наоборотъ.

Это несовершенство представляетъ чловѣку мыслящему обширное поле наблюденій, результаты которыхъ, будучи

изломной и горькой и зыбкой аркадой, состояющей из драгоценных материалов для великой науки жизни, одна единственная задача которой может уподобиться лагунальскому разговору замка доброты...

ГЛАВА VII.

Кларисса женщина.

Въ домъ Федора Ивановича все шло прежнимъ порядкомъ.

Странное приключеніе на вечеринкѣ, наканунѣ Нового года, не имѣло важныхъ, по-крайней-мѣрѣ, видимыхъ послѣдствій! Аннета рассказала матери весь разговоръ свой съ полишпелемъ. Юлія Карловна, опасаясь, чтобы это происшествіе не произвело слишкомъ глубокаго впечатлѣнія на молодую двушку, обратила все дѣло въ шутку и, сивясь, пожурила дочь за излишнюю чувствительность.

Но Аннета инстинктивно угадала, что смѣхъ матери ея не искренень; ей даже было немножко досадно, что Юлія Карловна обращала въ шутку происшествіе, которое ей казалось чрезвычайно важнымъ и, въ первый разъ въ жизни своей, молодая двушка въ собственномъ умѣ и не прибегая къ матери, стала искать рѣшенія этой задачи; бросившей первую тѣнь въ существованіе, дотолъ свѣтлое, ясное.

Весь гнѣвъ Юліи Карловны готовъ былъ обрушиться на Федора Ивановича, но онъ отклонилъ бѣду, взявъ всю вину на себя и давъ слово, что впередъ либо совсѣмъ не будетъ давать маскараровъ, либо будетъ заставлять гостей снимать маски въ прихожей.

Такимъ образомъ миръ и тишина опять наступили въ домъ доктора.

Два недели спустя послѣ Нового года, Федоръ Ивановичъ обѣдалъ съ женою и дочерью, когда слуга доложилъ ему, что его немедленно проситъ къ Александру Матвѣевичу Тучинову.

Федора Ивановича, порывистый, ласковый, слегка нахмурив брови, потому что ждал только что подадут ему, груду дыни и поджаренное крылышко жирной, сочной дулардки. Минутная нерешимость, следствие борьбы долга с голодом, выразилась на лице его; потому, не отвачая ни слова, слуга и не трогаясь съ места, она принялась укладывать груду дыни.

— Вы дабытео дыни, папа, сказала Аннеда, подавая одну самостинилъ съ дынями, я, укусъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, съ неудовольствіемъ, раздраилъ Федоръ Ивановичъ, — покой не даютъ....

— Кто боленъ у Тучиновыхъ? спросила Юлія Карловна.

— Никто не боленъ! отвѣчалъ докторъ: омять какой-нибудь новый магризъ,...

— Такъ тебѣ не зачѣмъ торопиться...

— Разуметея! и не буду торопиться, отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ, ухватая крылышко съ поспѣшностью, противорѣчившею словамъ его.

Не теряя болѣе словъ, Федоръ Ивановичъ сложилъ косточки на край тарелки, обмакнулъ мякишъ хлѣба въ оставшійся на тарелкѣ соусъ, потомъ налилъ себѣ лафита, опорожнилъ рюмку, полоща ротъ каждымъ глоткомъ и пощелкнувъ языкомъ, и всталъ, утираясь салфеткой.

— Какое пирожное? спросилъ онъ, бросивъ печальный взглядъ на жаркое, съ которымъ неохотно разставался.

— Слоёные пирожки съ вареньемъ, отвѣчала хозяйка.

— Оставьте мнѣ два или три пирожка; я съемъ ихъ съ кофе, сказалъ Федоръ Ивановичъ; да чтобъ кофе не простыло; я сейчасъ вернусь....

И, выпивъ еще рюмку вина, докторъ поспѣшно удалился.

Перейдя черезъ улицу, онъ поднялся до втораго этажа противоположнаго дома и позвонилъ.

— Кто боленъ? спросилъ онъ слугу, отворившаго дверь.

— Барыня; пожалуйте, я доложу.

Лакей повелъ Федора Ивановича по корридолу, отворилъ въ концѣ его дверь въ дѣвичью и велѣлъ одной изъ служанокъ доложить барыня, что пришелъ модъ дохтуръ.

Минуту спустя Федоръ Ивановичъ вошелъ въ спальню Катерины Васильевны Тучиной.

Несмотря на множество драгоценныхъ безделушекъ, комната эта имѣла мрачный видъ. По странной прихоти хозяйки, обои, занавѣсы, бархатныя подушки мебели и даже коверъ были фіолетоваго цвѣта, различные оттѣнки котораго, смотря по матеріи, разрушали однообразіе и безвкусіе, въ которомъ съ перваго взгляда можно бы обвинить хозяйку. Фарфоровыя вазы, хрусталь, изящныя статуэтки преисрасно отдѣлялись отъ темныхъ обоевъ съ нѣжными, сребристыми украшеніями. Въ глубинѣ комнаты находился альковъ; опущенные, между двумя полированными колоннами, занавѣсы скрывали кровать.

Занавѣсы оконъ были также опущены; на красивой лампѣ былъ, кромѣ стекляннаго шара, опущенъ колпакъ, и фіолетовая тѣнь, подобно южнымъ сумеркамъ, покрывала все предметы, что придавало комнату еще болѣе грустный, унылый видъ.

На диванѣ лежала женщина въ бѣломъ пеньюарѣ, связанномъ около шеи черной, шелковой ленточкой; на головѣ у нея былъ утренній батистовый чепчикъ, обшитый кружевами.

Ей казалось не болѣе тридцати двухъ лѣтъ; блѣдныя щеки ея были впалы; черныя глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ среди коричнево-синеватыхъ ободовъ, углублявшихъ ихъ; руки ея были бѣлы, аристократически нѣжны; но по временамъ, при малѣйшемъ волненіи, синеватыя жилы, пересѣкавшія ихъ, надувались; пальцы были такъ худощавы, что въ очеркахъ ихъ явственно обрисовывались кости составовъ.

Предъ диваномъ стоялъ столикъ; на немъ, на серебряномъ подносіи, графинъ, стаканъ, хрустальная сахарница и колокольчикъ.

Федоръ Ивановичъ вошелъ на цыпочкахъ, поставилъ шляпу на стулъ и подошелъ къ дивану.

— Стулъ, сказала больная служанка.

Послѣдняя исполнила приказаніе госпожи.

— Ступай, сказали больная.

Горничная ушла, а докторъ сѣлъ возмѣ дивана.

— Что съ вами? спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Мнѣ очень дурно.

Докторъ подулъ въ руки, потеръ ихъ, чтобы согрѣть, и сталъ шунать пульсъ больной, опустилъ глаза и потирая подбородокъ.

— Гм! произнесъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Сердце мое бьется такъ сильно, что я слышу каждый ударъ....

— Гм! гм! повторилъ докторъ.

— Малѣйшій шумъ заставляетъ меня вздрагивать....

— Нервы раздражены.

— По временамъ невыразимая боль овладѣваетъ мною; мнѣ становится страшно.... я боюсь пошевеливаться.... не смѣю даже позвать горничную....

— Такъ, такъ!

— Мнѣ скучно... мнѣ грустно!... произнесла больная, зарывавъ и закрывъ лицо обѣими руками.

Докторъ посмотрѣлъ на нее съ состраданіемъ и, нѣсколько наклонившись къ ней, сказалъ:

— Простите мнѣ нескромный вопросъ.... Но чтобы съ пользою лечить нѣкоторыя болѣзни, признаки которыхъ болѣе проявляются въ моральномъ, нежели въ физическомъ разстройствѣ, врачъ долженъ употреблять все свое стараніе, чтобы дойти до настоящихъ источниковъ этого разстройства....

— А если, несмотря на все свои усилія, онъ не откроетъ ихъ? спросила больная, глаза которой сверкнули.

— Это можетъ произойти только отъ упорства больнаго; въ такомъ случаѣ честный, добросовѣстный врачъ долженъ объявить ему прямо, что отказывается лечить его.

Катерина Васильевна помолчала минуту, потомъ спросила небрежно:

— О чемъ же вы хотѣли спросить меня?

— Горесть, печаль, тоска и другія тягостныя ощущенія

души, сосредоточивая, так сказать, своим переносом в центр, поразительно опасная болезнь, душевный процесс, противу которого может быть только устранение причин тягостнаго, душевнаго ощущенія....

— Скаже бытъ, вы думаете, что у меня есть тайное горе? спросила большая, страшно улыбающаяся.

— Не думаю, а спрашиваю, отвечал докторъ, пожимая плечами.

Катерина Васильевна промолчала нѣсколько секундъ, пожала плечами и улыбающаяся, сказала:

— Какъ вы странны, Федоръ Ивановичъ....

Докторъ слегка насушилъ брови. Если она меня позвала только для того, чтобы сказать, что я страненъ, такъ лучше бы оставила меня спокойно докончить пуншарду.

— Какъ вы странны, повторила большая, немедленно устремивъ глаза впередъ, — о чемъ мнѣ грустить? Посудите сами.

— Конечно, но....

— Я богата; мужъ не отказываетъ мнѣ даже въ прихотяхъ....

— Да, да!

— Я молода, следовательно оватскія удовольствія мнѣ ютъ еще для меня цѣну....

— Справедливо, но, сколько мнѣ извѣстно, вы отказываетесь отъ этихъ удовольствій; вы вѣчно одна, рѣдко вырываете, не мнѣте развлеченій и — простите мнѣ, — но вѣтъ, можетъ быть, причина тоски, которую я, по неволѣ, долженъ назвать неосновательною.

— А почему не хотите вы допустить, что тоска, которую вы называете неосновательною, заставляетъ меня отказываться отъ развлеченій?

— Объясните мнѣ причину этой тоски, и я, можетъ быть, соглашусь съ вами.

— Помогите мнѣ найти эту причину.

— Извольте: не огорчаютъ ли васъ дѣти?...

— О нѣтъ, нѣтъ! съ судорожнымъ движеніемъ вскричала большая. Я совершенно счастлива въ своемъ семействѣ!...

Дети нам здоровы, крепки.... Мужы мой.... благородный человек.... я счастлива съ нимъ, я прощаю ему всею душою, продолжала Катерина Васильевна съ лихорадочными жарыи а готова отдать за него жизнь свою!...

— Прекрасно, съ чувствомъ возражалъ докторъ: супругъ вашъ заслуживаетъ эту любовь, потому-что и онъ живетъ только для васъ и для своихъ дѣтей!..

Улыбка, исполненная неизъяснимой, неумовной грусти, выступила на страдальческомъ лицѣ больной.

— Впрочемъ, вы знаете это лучше меня, добродушно прибавилъ Федоръ Ивановичъ.

— Да, да, отвѣчала Катерина Васильевна задумчиво: вы не видались съ моимъ мужемъ сегодня?

— Нѣтъ.

— Не встрѣтили его, когда шли сюда?

— Нѣтъ; Александръ Матвѣевичъ, вѣроятно, обѣдаетъ.... а какъ вашъ аппетитъ?

— Да, да, онъ обѣдаетъ, сказала больная съ волненіемъ: онъ обѣдаетъ! повторила она дрожащимъ голосомъ; докторъ, помогите мнѣ вотать.... я пойду къ столу.... у меня пробудился аппетитъ.... я голодна....

Экая капризная! подумалъ Федоръ Ивановичъ.

Катерина Васильевна судорожно позвонила.

— Гдѣ Александръ Матвѣевичъ? спросила она вошедшую горничную.

— Кушаютъ-съ.

Больная скоро поднялась.

— Дѣти съ нимъ? спросила она.

— Съ нимъ-съ.

— А.... а.... больше никого нѣтъ? спросила Катерина Васильевна едва слышнымъ голосомъ.

— Два гостя обѣдаютъ-съ.

— А! произнесла больная, какъ будто бы великая тайность спала съ груди ея. Хорошо, сказала она, ласково кивнувъ головою горничной.

— Намзвреніе ваше нти бѣ столовую, сказалъ докторъ, было неблагоразумно....

— Вы видите, я остаюсь.

— Это очень хорошо, но я бы посоветовалъ вамъ скушать тарелку бульона....

Катерина Васильевна отрицательно покачала головой.

— У меня нтъ аппетита, отвѣчала она.

— женщины, женщины! подумалъ Федоръ Ивановичъ.

— Докторъ, продолжала молодая женщина: я думаю, что болѣзнь моя происходитъ отъ излишней раздражительности нервовъ, и что не болѣзнь слѣдствіе грусти, а скорѣе послѣдняя прюмстекаетъ изъ физическаго расслабленія.... Пропишите мнѣ что-нибудь подкрѣпляющее....

— Вы, разсуждаете точно исповидлщая, отвѣчалъ докторъ, улыбаясь: именпо, вамъ нужно что-нибудь тоническое.... и вмѣстѣ съ тѣмъ моціонъ, моціонъ и моціонъ! Ржавчина садится въ организмъ, остающійся въ бездвѣствіи.... Моціонъ и развлеченіе, ваше превосходительство!

Съ этими словами, Федоръ Ивановичъ сѣлъ къ красному, письменному столу чорнаго дерева съ перламутровыми, вставными украшеніями; отрѣзалъ ножницами узкую полосу бумаги, уравнилъ ее, поднялъ колпакъ лампы, потомъ обмкнулъ перо въ чернила, подумалъ нѣсколько секундъ и сталъ писать.

— Докторъ, спросила Катерина Васильевна: совѣтуете ли вы мнѣ ѣхать сегодня въ театръ?

О судьба! подумалъ докторъ: благодарю тебя, что ты даровала мнѣ Юлію Карловну!..—Можно, прибавилъ онъ вслухъ и продолжалъ писать: только надо знать, что сегодня даютъ: если водевилл, такъ потѣжайте съ Богомъ; но ни въ оперу, ни на трагедію или драму не совѣтую вамъ ѣхать.... Вообще избѣгайте сильныхъ ощущеній.... По столовой ложкѣ черезъ два часа, сказалъ онъ, посылая рецептъ пескомъ.

— Потрудитесь опустить колпакъ на лампъ, сказала Катерина Васильевна.

Докторъ исполнилъ желаніе ея.

— Благодарю, сказала она: стало быть, вы убеждены, докторъ, что мои болѣзни не опасны?

— Ничего, слушайте мои же наставленія и вы совершенно поправитесь....

— Докторъ, сказала Катерина Васильевна, стыдливо опустивъ глаза: неужели медицина не придумала средства....

Она замолчала.

Кофе мой простынетъ! подумала Федоръ Ивановичъ. Какого средства? спросилъ онъ вслухъ.

— Посмотрите, какъ я художница, отвѣчала Катерина Васильевна тихимъ голосомъ и обманивъ до локтя блѣдую, нѣжную, но чрезвычайно художавую руку.

— Ага, понимаю! сказалъ докторъ, улыбаясь: припаго средства, вѣтъ, твои болѣе, ваше превосходительство, что нѣкоторые индивидуумы вовсе не расположены къ коррекцији....

— Но я была полна, а теперь.... остался одинъ кости, возразила Катерина Васильевна съ неизъяснимою грустью.

— Моционъ и развлеченіе! отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

— Въ мои дни грустно.... начала говорить Катерина Васильевна, но вдругъ замолчала.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось шаги.

— Не предавайтесь печальнымъ размышленіямъ; бѣгите удивленія, какъ только займете, что вамъ начинать. овладѣвать необъяснимая тоска, отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы и вставая: и будьте увѣрены, что вы опять разцвѣтете, пополните....

Шаги приближались. Большая прислушивалась къ нимъ, и лицо ея прояснилось....

— Оденьтесь, ваше превосходительство, и поезжайте въ театръ; поспѣйте хорошенько и — не забудьте принимать прописанное лекарство по столовой ложкѣ, черезъ два часа....

— Непременно, непременно, отвѣчала больная, съ живостию схвативъ со стола какую-то книгу и спрятавъ ее подъ подушку.

— Прощайте, ваше превосходительство.

— Прощайте, отвечала Катерина Васильевна одна, слышавшая голосомъ, поговуче шумъ шаговъ: прекраснѣе...

Въ соседней комнатѣ Федоръ Ивановичъ, астремивъ шутливую вышваго: прота, лѣтъ: сорока весели, дорейнаго, полнаго; черты прекраснаго лица его были благородны, почти величественны, но въ эту минуту выражали лѣтъ: бѣду и печаль.

Онъ, по-видимому, остановился въ нерешимости: шашковенный шпалазъ отъ: дора въ ошакно, этакнувъ руна на сонну; подъ шальскоруна.

Появленіе Федора Ивановича заставило его спешно идти воню.

— А, Федоръ Ивановичъ! сказала она тихимъ, притворно-голосомъ: что: шина?

— Ничего, отвечал докторъ, улыбаясь: маленькая шидеозинія, раздраженіе: шрррррр...

Александръ Матвѣевичъ покачалъ головою.

— Бѣдная Катерина Васильевна, сказала она: я: бы отдалъ несколько лѣтъ своей жизни, чтобы возвратитъ шидоррове.... Тихко, Федоръ Ивановичъ, гажко! прибѣжал Александръ Матвѣевичъ, приложивъ руку ко лбу.

— Нужно больше: развлеченія.

— Да я ей это безпреставно твержу.... я: даю ей полную свободу выбирать; выводить; куда: и куда ей хочется.... А она ни на шагъ изъ дому!

— Я надююсь, что все переизменится; отвечал докторъ добродушно-лукавою улыбкой: я такъ пожурилъ Катерину Васильевну, что она сегодня же хочетъ идти въ театр....

— Сегодня? въ театр? повторил Александръ Матвѣевичъ съ едва заметной, горькой усмѣшкой.

— Да, да, сегодня! съ торжествующимъ видомъ: подтвердил докторъ.

— Гм!... благодарю, докторъ; прощайте, сказал Александръ Матвѣевичъ отрывисто.

— Прощайте.... не обращайтесь вниманія на маленькія

каризы... черны раздражены... будто снисходительны...

— Мы разны не безвременно иеия, Федоръ Ивановичъ; они, напротивъ, слушаютъ низ средствомъ доказывать Катеринѣ Васильевнѣ мою привязанность... но я страшусь апатин, въ которую она иногда впадаетъ, и протинаъ которой бессильны увещанія, ласки...

— Пройдетъ, пройдетъ! отвѣчала докторъ, покачивая головой.

— Отъ души желаю, не столько для себя, сколько для нея, сказала Александръ Матвеевичъ, со вздохомъ и, динувъ головою доктору, вышелъ въ спальню.

— Благороднѣйшій человекъ! прошепталъ про себя Федоръ Ивановичъ и, ускоривъ шаги, прибавилъ: «скажись, что Юлія Карловна не напилась безъ меня кофе...»

Въ залъ рѣзвились дѣти: двѣ пышныя дѣвочки, двѣнадцать и десяти лѣтъ и шестилѣтній мальчикъ. Губернаторка принуждена, роскошная двадцати-четырехлѣтняя красавица, прохаживалась взадъ и впередъ по залъ, читая какой-то новый, французскій романъ.

Разъспавшійся мальчикъ чуть не обаялъ съ портъ Федора Ивановича, дѣвочки кричали, а губернаторка мигнула головою съ гордостью, которая въ тѣ званія развилась дерзости.

Четверть часа спустя Федоръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ наклонъ кресла на рессорѣхъ и, сложивъ руки на колѣняхъ, полускрывъ глаза, медленно и съ наслажденіемъ знатока, курилъ изысканную гавайскую сигару.

ГЛАВА VIII.

Припадокъ ревности.

Сильно забилося сердце Катерины Васильевны, когда драпировка у двери распакнулась и въ спальню вошелъ мужъ ея... Она чуть не вскрикнула отъ радости, но удержалась.

жалась и, закрывъ глаза, не приподняла даже головы съ подушки.

Александръ Матвѣвичъ тихо подошелъ къ дивану, сѣлъ на стулъ, оставленный докторомъ, и взялъ руку жены.

— А, это вы, Александръ Матвѣвичъ, сказала она, полураскрывъ глаза: я думала, что не увижу васъ сегодня ...

— Катенька, другъ мой, ты несправедлива, съ кровостію возразилъ мужъ: я освадомлялся сегоднѣ утромъ о тебѣ здоровьи, передъ отъѣздомъ, потѣмъ....

— Александръ Матвѣвичъ, я никогда не требовала отъ васъ отчета въ вашихъ поступкахъ.

Наступило молчаніе.

— Тебѣ сегодня хуже, другъ мой? спросилъ Александръ Матвѣвичъ.

— Почему вы это думаете?

— Ты посылала за докторомъ.

— Мнѣ было дурно; но теперь легче.... теперь я совсѣмъ здорова....

— Рука твоя горитъ, Катенька....

Катерина Васильевна насильственно посмотрѣла на мужа.

— Я больна, неправда ли?... Я при смерти?...

— Ты нездорова, другъ мой.

— Конечно, конечно! zvolнованнымъ голосомъ и крикъ на диванъ, вскричала Катерина Васильевна; я нездорова, я должна сидѣть дома.... Докторъ, вѣроятно, сказалъ вамъ, что я навѣрена вѣхать сегодня въ театръ?

— Сказалъ, спокойно отвѣчалъ мужъ.

— А вы, какъ заботливый, попечительный мужъ, находите, что мнѣ нельзя вѣзжать....

— Напротивъ; поѣзжай.

— Поѣзжай? Развѣ вы раздумали сами вѣхать?

— А кто тебѣ сказалъ, что я хотѣлъ вѣхать? спросилъ мужъ, слегка насунивъ брови.

Катерина Васильевна опустила глаза.

— Надвѣйка, отвѣчала она послѣ краткаго молчанія.

— Катерина Васильевна, сказалъ мужъ строгимъ голосомъ: Наденьте двѣнадцать лѣтъ.

— Такъ что же?

— Въ дѣвочкахъ рано развивается смѣтливость.

— Я васъ не понимаю, возразила Катерина Васильевна, не смотря на мужа.

— Я просилъ васъ и опять прошу не допрашивать дѣтей...

— Развѣ я допрашивала? тихимъ голосомъ сказала молодая женщина: вы обрадовали дѣтей, обѣщавъ имъ свѣти ихъ сегодня на балетъ, въ которомъ играютъ воспитанники театральнаго школы....

— Вы знаете всѣ подробности, съ горечью произнесъ мужъ.

— Дѣти болтливы.

— Особенно, когда ихъ допрашиваютъ.

— Повторяю вамъ, что я ихъ не допрашивала! съ досадою вскричала Катерина Васильевна: кому дѣтямъ сообщать свои радости, какъ не матери?... А я мать, Александръ Матвѣвичъ! я никому не уступлю обязанностей и преимуществъ этого священнаго званія....

— Вы, кажется, съ утра не видали дѣтей... иронически сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала жена сухо, отрывисто.

Опять наступило молчаніе.

— Изъ залы до спальни доходили отрывистые звуки рояля.

— Вы пойдете въ театр? спросила Катерина Васильевна.

— Нѣтъ.

— Отчего?

— Въ каретѣ мѣста не будетъ.

— Вы, я, да дѣти.

— А мадамъазель Фаваржѣ?

— Она можетъ остаться дома.

— Это невѣжливо, другъ мой.

— Какія церемоніи съ дочерью раззорившагося лавочника! презрительно возразила Катерина Васильевна.

— Мадмозель Фаваржэ у насъ въ домъ не дочь разо-
рившагося лавочника, какъ вы говорите, а воспитательни-
ца нашихъ дѣтей.

— Къ сожалѣнію!....

Александръ Матвѣвичъ всталъ.

— О, останься, Александръ, останься! вскричала Кате-
рина Васильевна умоляющимъ голосомъ и схвативъ руку
мужа. Прости мнѣ... я сама не знаю, что говорю... я боль-
на, я страдаю, я несчастна!...

Последнія слова подобно воплю отчаянія вырвались изъ
груди молодой женщины, и она зарыдала.

— Другъ мой, ты забываешь... сказалъ Александръ Мат-
вѣвичъ тихимъ голосомъ и указавъ рукою на дверь въ дѣ-
вичью.

— Ничего, ничего... возразила Катерина Васильевна, за-
глушая платкомъ рыданія: я не буду... не буду плакать...
я спокойна... Прости мнѣ, Александръ; дай мнѣ руку...
Ты не сердись... не правда ли, ты не сердись на ме-
ня? сказала она, лаская костлявою рукою связую, пол-
ную щеку мужа.

Александръ Матвѣвичъ поцѣловалъ руку жены.

— Прости мнѣ, Александръ, продолжала она: но я стра-
даю, невыразимо страдаю... Не говори, не прерывай меня,
прибавила она поспѣшно, зажавъ мужу ротъ рукою: я на-
передъ знаю, что ты отвѣтишь мнѣ, и боюсь, чтобы слова
твои не разсвѣли счастья, которое я теперь ощущаю!....
Ты добръ, Александръ, ты благороденъ, выслушай же
меня... позволь душѣ моей выплакаться передъ тобою и
ты, можетъ-быть, сжамишься надо мной!....

— Успокойся, другъ мой; малѣйшее волненіе можетъ по-
вредить тебѣ... Изволь, Катенька, я повѣду съ тобою въ те-
атръ; я велю заложить сани....

— Я не могу вѣхать въ театръ; я больна! отвѣчала Ка-
терина Васильевна.

Мужъ пожалъ плечами, вздохнувъ изъ глубины души.

— Я больна, Александръ, я умираю съ горя!... О, по-
вѣрь мнѣ, это не пустая фраза: я умираю съ горя, потому-

что одни нравственныя страданія разстроили мое здоровье. Слова доктора убедили меня въ томъ. Больше года я провожу почи безъ сна, въ слезахъ, въ отчаяннн. . Сколько разъ прижимала я подушку ко рту, чтобы заглушить рыданія!... Эти безсонныя ночи раздражали мои нервы, произвели воспаленіе въ груди... Никакія физическія попеченія и средства не остановятъ дѣйствія болѣзни... она сведетъ меня въ гробъ, если нравственныя причины ея не будутъ уничтожены....

— Упорство, безразсудство, раздражительность... вотъ причины зла! сказалъ Александръ Матвѣевичъ.

— Да, да, печально возразила молодая женщина: я знаю, что я одна виновата... Но скажи, Александръ, что мнѣ дѣлать?....

— Будь весела, доврчива....

— Весела? О, Александръ, ты имѣлъ бы полное право презирать меня, если бъ съ такими невыносимыми страданіями, я могла притворяться веселою, любезною... За спокойствіе, которое я иногда показываю передъ свѣтомъ, я дѣрого расплачиваюсь въ уединеніи, потому-что это спокойствіе стѣбитъ мнѣ невозвратныхъ уснлій... Сколько разъ покидала я общество, внезапно, неожиданно, потому только, что не могла долѣе удерживать рыданій, раздиравшихъ грудь мою!... Доврчива?... Другъ мой, не болѣе полугода тому, я думала, что ты любишь меня и что холодность твоя ко мнѣ была вынуждена моею вспыльчивостью, моими подозрѣніями; я думала, что ты самъ страдалъ, наказывая меня... О, какъ эта мысль была успокоительна!....

— Зачѣмъ же ты не сохранила этой мысли? Зачѣмъ не послѣдовала совѣту, который она, вѣроятно, внушила твоему сердцу?....

— Зачѣмъ? повторила Катерина Васильевна дрожащимъ голосомъ: Александръ, въ теченіе полугода я постепенно разочаровалась; я поняла, что тотъ не любитъ, кто съ такимъ упорствомъ противится мольбамъ жены, съ такою жестокостью пренебрегаетъ страданіями ея... я поняла, что тотъ не любитъ, кто удаляется отъ своей жены....

— Не ты ли сама, другъ мой, отталкивала меня отъ себя своею... мнительностію, своими безразсудными обвиненіями?

— Я и не виню тебя, Александръ; ты часто повторялъ мнѣ, что у меня дурной, заносчивый характеръ; теперь я и сама убѣдилась въ томъ... Притомъ же, я вижу, что теряю всѣ качества, которыя ты нѣкогда любилъ во мнѣ... Силы мои слабѣютъ, характеръ мой становится невыносимымъ, умъ тупѣетъ, энергія исчезаетъ... Скоро и следовъ не останется того, что ты нѣкогда называлъ моею красотою... Щеки мои поблѣднѣли, впали... Я не смѣю болѣе открывать шеи, — и съ этими словами Катерина Васильевна съ грустнымъ кокетствомъ опустила пенъуаръ съ плечъ, близна и нѣжныя, хотя и не полныя формы которыхъ противурѣчили словамъ ея.

Мгновеніе крѣпилась бѣдная женщина... потомъ болѣзненно, судорожно зарыдала.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и грозно указалъ на дверь въ дѣвичью.

Катерина Васильевна задрожала, съ умоляющимъ видомъ протянула руки къ мужу и такъ крѣпко стиснула зубами нижнюю губу, что на ней выступила капля крови.

Явственно долетали въ спальню звуки рояля.

— Прикажете ей перестать! произнесла Катерина Васильевна рѣзкимъ голосомъ и зажавъ уши руками.

Александръ Матвѣевичъ всталъ и отворилъ дверь въ дѣвичью.

— Скажи дѣтямъ, чтобы они пошли одѣваться, сказалъ онъ горничной.

Катерина Васильевна скоро встала и хотѣла схватить колокольчикъ, но рука ея такъ дрожала, что она долго не могла схватить его.

Замѣтивъ сверкающій взглядъ молодой женщины, мужъ остановилъ руку ея.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ онъ.

— Я хочу приказать ей, ей самой, чтобы она перестала играть! вскричала Катерина Васильевна дрожащимъ голосомъ.

— Это не нужно... слышите? она перестала.

— А я хочу... я хочу, говорила Катерина Васильевна, стараясь высвободить свою руку.

— Катенька, съ той минуты, когда адская, нестерпимая жизнь, которую мы ведемъ, перестанетъ быть тайной, съ той минуты мы разлучимся навсегда....

Молодая женщина опустила руки, и дико, бессмысленно взглянула на мужа.

— А! промзнесла она голосомъ, выразавшимъ сильную, внутреннюю борьбу: этими словами ты нанесъ мнѣ послѣдній, рѣшительный ударъ!...

Александръ Матвѣевичъ поклонился женѣ и молча пошелъ къ двери.

— Оставайтесь, Александръ Матвѣевичъ! повелительно вскричала молодая женщина, быстро вставъ и гордо откинувъ назадъ голову.

Мужъ ея не отвѣчая откинулъ уже одну половину драпировки у двери.

— Оставайтесь! повторила громкимъ голосомъ Катерина Васильевна, — или я сама буду требовать разлуки, которою вы грозите мнѣ!

Александръ Матвѣевичъ задрожалъ, судорожно и съ глубокимъ вздохомъ прижалъ руку ко лбу; потомъ вернулся къ женѣ и, скрестивъ руки на груди, остановился передъ нею.

— О, Александръ Матвѣевичъ, вскричала она съ глубокимъ негодованіемъ: вы забываете, что у меня есть сердце... что всѣ святѣйшія ощущенія моего сердца уязвлены, что я страдаю смертельно!....

Катерина Васильевна задыхалась... Прижавъ руку къ груди и съ трудомъ переводя дыханіе, простояла она нѣсколько секундъ неподвижно.

— Чтѣ мнѣ въ богатствѣ, въ удовольствіяхъ? продолжала она: мнѣ нужна привязанность, довѣрчивость, мнѣ нужно присутствіе мужа и дѣтей! Въ нихъ сосредоточиваются всѣ ощущенія моего сердца... Я любила наряды, когда выезжала съ тобою, Александръ, любила спектакли, когда по-

свѣчала ихъ съ тобою. Я любила роскошь, любила общество, любила жизнь, когда раздвѣляла ее съ тобою! Теперь мнѣ все опротивѣло... Я предпочитаю всѣмъ суетнымъ удовольствіямъ уединеніе; но и въ уединеніи безъ тебя и безъ дѣтей я страдаю невыразимо!....

Слезы текли по щекамъ молодой женщины.

Искреннее состраданіе выражалось на лицѣ мужа ея.

— Ты совѣтуешь мнѣ, продолжала Катерина Васильевна: избрать въ общество подругу, сблизиться съ нею и искать утѣшенія въ дружбѣ... Но имѣю ли я, отверженная мужемъ и дѣтьми, имѣю ли я право искать дружбы женщины, живущей въ кругу законныхъ и естественныхъ обязанностей?... Гордость женщины, не измѣнившей ни разу своему долгу, не позволяетъ мнѣ искать состраданія людей постороннихъ....

Наступило молчаніе.

Александръ Матвѣевичъ не говорилъ ни слова; онъ стоялъ неподвижно, потупивъ взоръ въ полъ.

— Александръ, произнесла жена его болѣе твердымъ голосомъ и отеревъ слезы: я не хочу болѣе страдать—страданія убьютъ меня, а въ мои лѣта умирать не хочется!... Давно желаю я объясниться съ тобою, но ты всячески избѣгаешь случая оставаться со мною наединѣ... Сегодня участь наша должна рѣшиться! Выбирай между мною и ею.

— Катенька, возразилъ Александръ Матвѣевичъ глухимъ голосомъ: — я бы не колебался ни минуты, если бы подозрѣнія твои были основательны....

— Они основательны уже потому, что я страдаю.

— Это ничего не доказываетъ; уступить несправедливому требованію ослѣпленной ревности, значитъ сознаться виновнымъ....

— Такъ уступи хоть мольбамъ страдальцы!

— Какъ отецъ, я не смѣю упускать изъ виду блага дѣтей....

— А я, какъ мать, хочу вырвать дѣтей изъ когтей женщины, которую я презираю, ненавижу! вскричала Катерина Васильевна, раздраженная отказомъ мужа: вы отецъ, но я мать, первая покровительница дѣтей послѣ Бога!

— Отчего же вы не умѣли снискать привязанности вашихъ дѣтей?

Эти слова были жестоки. Смертная блѣдность покрыла лицо несчастной матери; она вся задрожала...

— Оттого, произнесла она голосомъ, походившимъ на шипенье: что вы оторвали отъ меня дѣтей и передали ихъ наемницѣ! Оттого что эта наемница вкрадывается въ сердца дѣтей!... А вы, Александръ Матвѣевичъ, отчего вы не умѣли снискать привязанности сына, единственного сына отъ перваго вашего брака?....

Въ свою очередь Александръ Матвѣевичъ поблѣднѣлъ....

— Катерина Васильевна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: оставьте этотъ тягостный разговоръ... Мы кончимъ его завтра... завтра вы будете спокойнѣе....

— Нѣтъ! Завтра, либо я, либо она оставитъ этотъ домъ!

Кровь съ силою бросилась въ голову Александра Матвѣевича.

— Катерина Васильевна! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ: вы раскаетесь въ вашихъ словахъ!

— Никогда!

— Я заставляю васъ просить прощенія у той, которую вы такъ оскорбляете своими подозрѣніями!

— Прощенія! вскричала молодая женщина въ пароксизмъ гнѣва: о! я скорѣе раздроблю ее, какъ этотъ стаканъ!

И схвативъ съ подноса стаканъ, она бросила его на полъ.

— А! вскричалъ Александръ Матвѣевичъ съ бѣшенствомъ: вы съ ума сходите!

И онъ бросился къ женѣ, чтобы остановить руку ея, поднявшую графинъ, но не успѣлъ... Графинъ разбился въ дребезги, ударившись о полъ.

Глаза Катерины Васильевны закрылись, и она безъ чувствъ опустилась на диванъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди мужа. Онъ позволилъ.

Вошла горничная.

— Кто поставилъ здѣсь графинъ? спросилъ строгимъ голосомъ Александръ Матвѣевичъ.

— Барыня приказали-съ... робко отвѣчала горничная.

— Барыня не приказала тебѣ ставить его на самый край... и нечаянно задѣлъ за столъ, и графинъ, и стаканъ слетѣли на полъ... Собери скорѣе осколки, глупая, да подай одеколонъ!

И съ нѣжною заботливостью сталъ Александръ Матвѣвичъ приводить жену въ чувство.

Нѣсколько минутъ спустя она открыла глаза.

— О, простите! произнесла она слабымъ голосомъ, увидѣвъ надъ собою лицо мужа.

Онъ быстро пожалъ ей руку... горничная собирала еще осколки.

— Прости мнѣ, Катенька, что я испугалъ тебя своею неосторожностью... Впередъ смотри куда ставишь! прибавилъ онъ строго, обратившись къ горничной, какъ бы для того, чтобы дать знать женѣ о присутствіи ея.

— Не брани ее... произнесла слабымъ голосомъ Катерина Васильевна.

Горничная ушла.

Молодая женщина съ жаромъ схватила обѣ руки мужа, съ любовію прижала ихъ къ своимъ губамъ и произнесла умоляющимъ голосомъ:

— Прости мнѣ, Александръ, прости!....

Три часа спустя въ Большомъ театрѣ, въ ложѣ перваго яруса, сидѣла молодая женщина, ослѣпительная красота которой служила центромъ, въ которомъ сосредоточивались лучи дорнетовъ, биноклей и жюмелей....

Рядомъ съ нею видѣлись свѣжія, миленькія головки трехъ прелестныхъ дѣтей.

Въ глубинѣ ложи сидѣлъ мужчина въ черномъ фракѣ. Лицо мужчины располагало въ пользу его; честь и благородство выражались въ зеркалѣ души его....

Въ то же время въ тишинѣ, въ уединеніи своей спальни, другая молодая женщина, блѣдная, слабая, проливала слезы.

Н. Фурманъ.

(Часть вторая изъ слѣдующей книги.)

Иностранная Словесность.

ЗЕМЛЕМЪРЪ.

РОМАНЪ КУПЕРА.

(Продолженіе *).

XVIII.

Они поступили съ нимъ безчеловѣчно!
Цвѣты поблекли; но мы находимъ еще медь
на устахъ.

Куперъ.

Я находился одинъ, безоружный, посреди шести человѣкъ съ гигантскими силами. Всякая борьба съ ними была бы неумѣстна и безуспѣшна, а потому я рѣшился терпѣливо ожидать рѣшенія своей участи. Въ первыя минуты я не замѣтилъ ни въ комъ намѣренія употребить противъ меня насиліе. Все семейство сквоттера, молодые и старыя, мужчины и женщины — окружили меня. Одни смотрѣли на меня съ любопытствомъ, дур-

* См. V и VII кн. С. О. 1848 г.

гіе съ презрѣніемъ; на всѣхъ же лицахъ видно было безпокойство. Что касается до меня, то признаюсь откровенно, что состояніе духа моего далеко было неспокойно. Я зналъ, что нахожусь въ рукахъ Филистимлянъ; въ глубинѣ лѣса, въ двадцати миляхъ отъ ближайшаго городка, не имѣя во всей окрестности никого знакомаго, кромѣ землемѣра; но и тотъ былъ отъ меня въ двухъ миляхъ, и конечно, не подозрѣвалъ, въ какомъ мѣстѣ могъ находиться въ положеніи. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти непріятности, во мнѣ оставалась искра надежды.

Я не хотѣлъ, не смѣлъ думать, чтобы Онондаго, этотъ человекъ, душевно преданный и отцу моему и землемѣру, — былъ измѣнникъ, предатель. Эта мысль не приходила мнѣ даже въ голову. Если онъ и скрылся, то, вѣроятно, предвидя, что сквоттеры могли силой задержать его и этимъ самымъ лишить его возможности извѣстить друзей о критическомъ положеніи, въ которомъ я находился, и побудить ихъ спасти меня. Вѣроятно, эта же мысль пришла вдругъ и Мильякру, потому-что онъ, быстро окинувъ глазами вокругъ себя, вскричалъ:

— А гдѣ краснокожій?... Скрылся! это такъ же вѣрно, какъ я честный человекъ! Нафанялъ, Моисей, Даниэль! берите карабины... бѣгите вслѣдъ за нимъ! Приведите его, если можно, живаго... въ противномъ случаѣ... да что же? однимъ Индѣйцемъ больше или меньше, не велика бѣда... не велика потеря.

Вскорѣ я замѣтилъ, что правленіе Мильякра было твердо, могущественно. Достаточно было нѣсколькихъ словъ, чтобы произвести желаемое дѣйствіе. Едва произнесъ онъ свое повелѣніе, какъ всѣ трое, Нафанялъ, Моисей и Даниэль, бросивъ бѣжать отъ хижины по тремъ различнымъ направленіямъ; у каждого изъ нихъ было по длинному охотничьему карабину. Это оружіе, по силѣ своей, совершенно отличное отъ того, какое употребляется въ нашей арміи, было въ опасныхъ, страшныхъ рукахъ; каждый изъ этихъ молодыхъ людей владѣлъ имъ съ самаго дѣтства; порохъ, ромъ, пемного свинцу, — вотъ единственныя почти издержки, которыя они позволяли себѣ. Я трепеталъ за Сускуэзуса. Впрочемъ, онъ долженъ былъ ожидать погони за собой, и къ тому же, онъ такъ искусно, такъ ловко умѣлъ скрывать свои слѣды, что въ этомъ случаѣ совершенно оправдывалъ прозваніе Блестящаго. Однако, я не переставалъ внутренне молиться за моего друга.

— Введите этого человека въ домъ, сказалъ твердымъ голо-

сынъ старика Милляръ окруженный его женою, самодья-его
скрылись изъ виду. Введите его въ большую комнату, гдѣ сидѣлъ
въ прокуроръ. Посмотримъ, удастся ли сыну здѣсь прокуроръ.

Говоря это, скотверъ пошелъ въ дому. Войдя въ комнату,
онъ живо увидѣлъ. Женщины и ребятаки стали извѣстны по-
дурругѣтъ. Я видѣлъ, что всякое сопротивление было безполезно,
но, а потому, по знаку, сдѣланному мнѣ Зесомовъ, я немедленно
ушелъ за ширь. Трое мальчишекъ помѣстившись въ изгородь,
нѣтъ бы оставили страху. Это было извѣстное судейское со-
брание, въ которомъ Милляръ представлялъ лицо судьи, а не
обвиненнаго.

— А гдѣ ты прокуроръ! оказалъ новый судья, ласково;
назався, былъ болѣе извѣстенъ не только объ явилъ дѣй-
ствительно, но тамъ, что ему надумалось нѣтъ притискивать. Не
шумѣлъ заскрипеть отъ дѣла. Тебя, сказалъ онъ, обидѣлъ
ли старшему своему сыну, двадцати-шестилѣтнему филологъ,
въ судейскія дѣла лучше вѣдѣть насъ. Знаешь, какъ-же дѣла.
Помнишь ли въ то время, когда ты съ своимъ прителемъ от-
правился изъ Вермонта за баранами?... Они, поймали васъ,
сынъ, не они владѣютъ за дѣло?

— Я былъ приведенъ къ судья, который привезъ мнѣ расска-
зать все, какъ было, потомъ спросилъ, что я могу предложить въ
оправданіе, — и до рѣшенія дѣла отослалъ меня въ тюрьму.
Что было потомъ... не стоить говорить... мы помнимъ это.

— Я отгадывала рѣшеніе суда. Оно было не совсемъ приятно
дѣлу. Тебя, видѣ я оставляла его молчать. Въ то время было
обыкновеніе, вѣдѣ похитителей барановъ привлекать къ по-
зерному столбу и бить дубинами; каждый мальчишокъ полу-
чалъ не менѣе полсотни ударовъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее
время, образовалось общество такъ называемыхъ филантро-
повъ, которые, желая преобразовать пошенинство, до уваженія
къ мольбамъ своимъ почитателямъ въ нѣздѣннѣмъ, болѣе снисхо-
дительно, вѣдѣ уменьшая, чѣмъ ограничиваютъ истинно чело-
вѣческихъ людей. Некоторые изъ этихъ реформаторовъ успѣли уже
уничтожить позорныя столбы, предпочитаютъ торжественно за-
ключеніе. Дѣти наши почувствуютъ слабостія этой ласковой фи-
лантропій. Я увѣренъ, что одинъ позорный столбъ воздвигнетъ
безъ сомнѣнія болѣе веража, чѣмъ сотни тюремъ, въ своихъ
двѣдцати или тридцати-дневныхъ заключеніяхъ. Но, возвратимъ
се въ аудіенцъ-залу и послушаемъ судью.

— Да, да... не къ чему говорить, что было потомъ, сказалъ Мильбакъ, мы знаемъ, что знаемъ... И такъ, ты былъ пред-старшимъ въ магистратъ, такъ ли?... Судья отослалъ тебя въ тюрьму; но прежде онъ спросилъ тебя, что ты могъ сказать въ свою пользу. Это очень справедливо, какъ нельзя болѣе зашло. Я непременно поступаю теперь точно такъ же. И такъ, молелой прокуроръ, что вы скажете мнѣ, а?

— Будучи одинъ, во власти этихъ невѣждъ, я рѣшился однако воспользоваться случаемъ и во возможности разсѣять ихъ подозрѣнiя относительно меня.

— Прежде всего позвольте мнѣ замѣтить, отвѣчалъ я, что вы очень ошибаетесь на счетъ меня. Я не сказалъ вамъ ни слова о прокурорѣ; не говорилъ о порученiи, которое имѣлъ я отъ моего отца. Повторяю, я ни законникъ, ни прокуроръ.

Казалось, это объясненiе произвело довольно сильное влiянiе на все собранiе; негодованiе замѣтно ослабѣвало. Мнѣ кажется, если не ошибаюсь, что Лавинiя сказала даже едва слышнымъ голосомъ, и съ выраженiемъ радости: «Я была увѣрена, что онъ не прокуроръ!» Что же касается до Тоби, то его дикiй и грозный видъ принялъ болѣе спокойное выраженiе, по крайней-мѣрѣ въ ту минуту. Однимъ словомъ, положенiе мое замѣтно улучшилось.

— А! такъ вы не прокуроръ? вскричалъ Мильбакъ;... но правда ли это?

— Я вамъ сказалъ уже, что я сынъ генерала Литтльпеджа, и что имѣю порученiе отъ него и отъ полковника Фоллока, который владѣтъ выѣсть съ моихъ отцовъ, обрѣзывать эти земли, продать или отдать ихъ въ арендное содержанiе; коротче, я уполномоченъ дѣлать съ этими землями все, что найду лучшимъ, выгодѣйшимъ.

Эта откровенность сгубила меня; я снова потерялъ то расположенiе слушателей, до котораго успѣлъ на минуту ихъ довести; но что бы ни случилось, я рѣшился говорить правду.

— Къ чему онъ сказалъ это! тихо проговорила Лавинiя.

— Строгий взглядъ Пруденциа заставлялъ Лавинiю замолчать.

— Ревизоръ или прокуроръ, одно и то же! сказалъ своттеръ. Вы говорите, что вы сынъ генерала Литтльпеджа, — а это также одно и то же. Если бы мой старшiй сынъ Тоби попалъ въ руки нѣкоторыхъ людей, которыхъ я не назову, то навѣрное его помучили бы точно такъ же, какъ и меня. Въ

сказали, что эти земли принадлежат также и полковнику Фоллоку, — почему же этот генерал выдает себя за владѣльца?

Видя, что сквоттеръ хочетъ дѣлать одинъ лишь пустой придирки, и увѣренный, что онъ очень хорошо поваль все сказанное мною, — я не отвѣчалъ.

— Чтѣ же?... будете ли вы отвѣчать? вскричалъ Мильакри, съ возрастающимъ гнѣвомъ.

— Я сказалъ, что эти земли владѣеть не одинъ мой отецъ; что онѣ принадлежатъ также и полковнику Фоллоку, — а потому онѣ и нераздѣльны.

— Нераздѣльны!... Гмъ!... Каково онъ знаетъ все судейскія выраженія, Тоби!... я вздохнулъ еще увѣрить, что онъ не прокуроръ!

— Онъ такъ и смотритъ прокуроромъ, отвѣчалъ старшій сынъ сквоттера, достойный наслѣдникъ всѣхъ качествъ отца своего.

— Хорошо. Мы научимъ его говорить! Ну, теперь мы знаемъ все дѣло. Я спрашивалъ его, и онъ говорилъ, сколько ему угодно было. Дѣло приведено въ ясность, какъ говорятъ, не правда ли, Тоби? Остается отослать его въ тюрьму. А чтѣ, Тоби, для порядка дѣла, судья писалъ что-нибудь?

— Какъ же, батюшка; судья написалъ приказъ объ арестѣ, по которому меня посадили въ тюрьму.

— Такъ, такъ! Я самъ не разъ бывалъ въ магистратѣ... такъ напишемъ что-нибудь. Пруденція! открой ящикъ.

— Прежде нежели вы начнете писать, сказалъ я, прерывая сквоттера: я снова скажу вамъ, что вы заблуждаетесь, ужасно заблуждаетесь! Повторяю: я не прокуроръ; я вовсе не служу по судебной части. Я военный, я служилъ офицеромъ въ полку генерала Литльпелжа, куда поступилъ цыптя ребенкомъ. Я былъ при атакѣ Буоргойна, я видѣлъ, какъ отрядъ его положилъ оружіе.

— Ахъ! кто бы могъ подумать? вскричала сострадательная Лавинія. Онъ такъ молодъ, что, кажется, не могъ бы устоять и противъ вѣтра!

Признаніе мое измѣнило нѣсколько расположеніе духа судей. Семейство сквоттера болѣе всего цѣнило и вонявало гнѣхъ, кто дрался. Въ осанкѣ и движеніяхъ старика Мильакра было что-то воинственное; а потому я не ошибался, полагая, что

онъ будетъ почувствовать меня, слышать. Милмакръ предлагалъ заплатить за меня.

— И я была въ это время въ службѣ съ Тоби, Моисеемъ, Назанаслоемъ, и со всеми, кто только могъ держать ружье. Это лучшіе дни въ моей жизни, хотя я прошла они въ то время, когда стирость отяготила мои руки. А чѣмъ вы доказали мнѣ, что говорите правду?

— Видѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, это исполнить довольно трудно... но достался мнѣ случай, и тогда я докажу вамъ справедливость моихъ словъ... разскажу вамъ свои соображенія.

— Посмотримъ. Какой палачъ былъ на правой рукѣ, — Газена или Брукъ, въ то время, когда пошелъ противъ Джемса? отвѣчайте; я сейчасъ увижу, можно ли вамъ вѣрять.

— Утвердительно сказать не могу, потому что я находился при своемъ батальонѣ, и за дымомъ мы ничего не могли различать.

— Оцъ тамъ не былъ! заревѣлъ ужаснымъ голосомъ Тоби, осклаивъ зубы, какъ бѣшеная собака.

— Былъ, я увѣрена, что онъ былъ тамъ! вскричала твердымъ голосомъ Лавинія.

Пощечина, полученная отъ Пруденціи, заставила Лавинію замолчать. Мужчины такъ были заняты, что и не замѣтили этого.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Милмакръ, моя обязанность, отослать его въ тюрьму. Но такъ какъ онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ былъ въ этомъ сраженіи, то мы пока не будемъ поступать съ нимъ строго. Тоби, отдавъ своего арестанта въ тюрьму и заперъ его. Когда возвратился домой братъ, тогда мы рѣшимъ, какъ надо съ нимъ поступить.

Приказаніе Милмакра, было буквально исполнено. Я не протестовала, чтобы не подвергнуть себя новыя невѣроятности. Тоби сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ; два брата его пошли за мною. Дорогой въ головѣ моей мелькнула мысль о побѣгѣ; но я была увѣрена, что меня поймають и подвергнуть болѣе жестокому пытанью. Я покорилась необходимости, возложивъ всю свою надежду на Провидѣніе. Унизительныя просьбы, мнѣ не позволены моей гордостью. Я не смѣла и думать о томъ, чтобы выслушивать объясненія у оиветтера.

Тюрьму, въ которую меня отвели, назывался амбаръ; сложены были повѣривать; они были построены такъ впрочемъ, что и ду-

нельзя было вырваться изъ него, тому, что на крыльяхъ при себѣ никакихъ инструментовъ. Окно въ этомъ амбарѣ не было; въ одной только стѣнѣ находилась дверь, сдѣланная изъ толстыхъ досокъ, обитыхъ крѣпкими желѣзными полосами. Свѣтъ въ воздухъ проникалъ сквозь довольно большія щели, оставшьяя между вѣнцами. Этотъ амбаръ имѣлъ по крайней мѣрѣ двадцать футовъ длины. Одинъ уголъ его былъ заваленъ сеномъ. Передъ тѣмъ, чтобъ войти въ амбаръ, съ помощію большой ножи, напой ножи въ живущіе въ мысахъ, осмотрѣли съ головы до ногъ, чтобъ узнать, нѣтъ ли при нихъ какихъ-нибудь инструментовъ, съ помощью которыхъ я могъ бы освободиться изъ заключенія.

Въ то время въ Америкѣ не было бумажныхъ денегъ, начиная отъ Гудзона залива до мыса Горна. Знали одно только золото и серебро. Не смотря на то, что мои карманы были наполнены монетами, у меня не взяли ни одной. Этихъ сквоттеровъ нельзя было назвать ворами, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но это были люди, которые присвоивали себѣ чужую собственность, основываясь на правилахъ, которыя они сами для себя создали. Я увѣренъ, что каждый изъ членовъ семейства Мильакра былъ бы оскорбленъ въ высшей степени, если бы назвали его простымъ воромъ.

Когда провожавшіе меня въ амбаръ вышли изъ него и заперли двери, я принялся осматривать мою темницу и, благодаря большимъ щелямъ, находившимся во всѣхъ стѣнахъ, могъ видѣть даже и ея окрестности. Амбаръ былъ построенъ, вѣроятно, для лучшаго за нимъ надзора, въ центрѣ жилищъ сквоттера. Это дало мнѣ возможность наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ семействѣ Мильакра. Конечно, открытіе настоящаго моего имени, довѣрствъ, сдѣланный мнѣ, мое замоченіе,—все это были такія обстоятельства, которыя, естественно, должны были сопровождать семейство сквоттера. Всѣ женщины сгруппировались около Пруденціи, близъ дверей хижины. Мужское же поколѣніе, за исключеніемъ одного мальчика дѣтъ десяти, собралось вблизи мельницы, гдѣ, казалось, Мильакръ держалъ совѣтъ съ своими сыновьями. Слушая Пруденцію, почти всѣ жидчане поглядывали въ ту сторону, гдѣ находилась нѣтъ настоящіе покровители, какъ бы желая отгадать, на что она рѣшится..

Девятилѣтній мальчикъ, о которомъ я упомянулъ, небрежно лежалъ на свалившемся деревѣ, но въ такомъ положеніи, которое позволяло ему видѣть обѣ стороны моей тюрьмы. Судя по глазамъ его, которыхъ онъ не слускалъ съ себя, я догадался, что онъ исполнялъ обязанность часового.

Осмотрѣвшись, я принялся разсуждать о своемъ положеніи и о возможныхъ слѣдствіяхъ моего заключенія. За жизнь свою я мало опасался, даже менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Американецъ, вообще, не любитъ проливать кровь; а житель Новой Англии—я того менѣе.

Разсуждая объ этомъ, я пришелъ къ той мысли, что они востарятся продержатъ меня въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не продадутъ весь изготовленный лѣсъ, чтобъ вознаграждать себя за всѣ прошедшіе труды. Вся надежда моя была на Сускузуса. Если его схватили, тогда Мильакръ и его семейство могли считать себя въ безопасности болѣе, чѣмъ когда-нибудь; но съ другой стороны, если онъ успѣлъ скрыться, то я въ тотъ же день могъ надѣяться получить извѣстіе отъ моихъ пріятелей. Обратясь къ Ньюкому, какъ судья, Сускузусъ могъ потребовать отъ него, чтобъ были собраны для моего освобожденія всѣ фермеры; но и тогда мнѣ оставалось страшиться слѣдствій борьбы, которая неминуемо завязалась бы между сквоттерами и моими избавителями. Сквоттеры были страшны, когда разгорячались, и защищали то, что считали неотъемлемою собственностью, добытою тяжкимъ трудомъ.

Разсуждая такимъ образомъ, я снова выглянулъ въ щель и удивился, увидѣвъ человека, подѣзжавшаго на лошади съ восточной стороны. Онъ, казалось, зналъ превосходно мѣстность, потому-что ѣхалъ спокойно, не оглядываясь по сторонамъ. По чемоданчику, прикрѣпленному къ сѣду, я принялъ его сначала за одного изъ тѣхъ странствующихъ эскулаповъ, которыхъ во множествѣ встрѣчаешь во всѣхъ новыхъ поселеніяхъ. Обыкновенно семейства, подобныя семейству Мильакра, пользуются себя сами; но бываютъ случаи, въ которыхъ необходима помощь вѣтенованнаго медика. Къ величайшему же моему удивленію, когда незнакомецъ подѣхалъ ближе ко мнѣ, я узналъ въ немъ моего агента, Ньюкома!

Такъ какъ между мельницей, которую Ньюкомъ нанялъ для себя, и тою, которая была устроена Мильакромъ въ Музерджѣ, было не менѣе двадцати пяти миль, поэтому можно бы-

ло заключить, что бывший агентъ мой выехалъ рано утромъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться темнотою, чтобы незгнато поновить жилища Ревинсеста, и такимъ образомъ совершить путешествіе, которое хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ, и въ то время важно важныя приемы.

Всѣ разговоры между членами семейства Милляръ прекратились, какъ только они увидѣли Ньюкома, хотя прїездъ его не произвелъ ни удивленія, ни безпокойства; тогда какъ, по моему мнѣнію, прибытіе ближайшаго судьи должно было произвести на скоттеровъ совершенно противное дѣйствіе. Если ни въ комъ не обнаружилось ни малѣйшаго замѣшательства, то это доказывало только то, что Ньюкомъ не былъ для нихъ человѣкомъ постороннимъ.

Приблизясь къ селенію, если только можно такъ назвать нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, Ньюкомъ подѣхалъ прямо къ конюшнѣ; спрыгнуть съ лошади и отдать ее подбѣжавшему къ нему мальчику, онъ пошелъ къ мельницѣ, гдѣ уже ожидалъ его Милляръ съ старшими своими сыновьями. Взаимные дружескія привѣтствія, поспѣшность Пруденція и другихъ женщинъ, съ какою онѣ шли къ Ньюкому, чтобъ поздороваться съ нимъ, — все это ясно доказывало, что они были старинные и добрые знакомые.

Минуть восемь или десять Ньюкомъ стоялъ посреди семейства; когда же привѣтствія и обыкновенные вопросы были высказаны, судья и скоттеръ отошли въ сторону, какъ люди, желавшіе поговорить о какихъ-то важныхъ дѣлахъ.

XIX.

Не для того ли такъ устроено сердце человека, чтобъ этимъ самымъ поставять его выше всего въ природѣ?

Юнгъ.

Милляръ и судья Ньюкомъ пошли къ амбару, и какъ дерево, на которомъ находился часовой, представляло довольно удобное мѣсто для ихъ разговоровъ, то, отославъ мальчика, оба дипломата сѣли на дерево, оборотясь ко мнѣ спиною. Было ли

много это выбрано въ счастье глубокихъ соображений: свекторъ намъ нѣтъ—не знаю; но данъ бы то же было, этого случая невозможно мнѣ раздумать весь разговоръ, который онъ велъ. Хотя подслушивать чужіе разговоры не совсѣмъ дозволено; но никто, вѣроятно, будучи на моемъ мѣстѣ, не заткнулъ бы себя ушю.

— Какъ я тебѣ говорилъ, такъ и случилось, Милларъ, сказалъ Ньомонъ, продолжая, вѣроятно, начатый уже прежде разговоръ. Въ эту минуту молодой человѣкъ долженъ быть отсюда близконотхода. (Я былъ ближе, чѣмъ предполагалъ судья). Да, онъ обходитъ лѣса съ землесифромъ и со. веимъ его причтема; если я не ошибаюсь, конюш не дѣлѣе отсюда, какъ на расстаннн двухъ миль.

— А сколько ихъ? спросилъ съ любопытствомъ свекторъ; если ихъ не больше, какъ бываетъ всегда,—то сожалѣю, если вы не удастся отнимать у меня мое добро.

— Какъ знать, что они будутъ дѣлать? Вѣдь, когда междушь землю, то нобынаешь и тамъ и самъ; самъ не знаешь, куда праведеть тебѣ лннн, которую проводишь. Вотъ почему я и старалси удалить ихъ отъ моихъ владѣній; потому-что, между нами будь сказано, Милларъ,—вѣдь съ другою можно: быть окривеннымъ, — на всѣхъ высотахъ, которыя окружаютъ мою землю, растутъ превосходныя сосны; если иногда и возможно имѣть ясно проводимую между за то въ другихъ случаяхъ это бываетъ очень невыгодно.

— Объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, ... что вы начали говорить про молодого человѣка?

— Я тебѣ говорилъ, что медвѣженокъ вышелъ изъ своей берлоги, и что онъ также будетъ огрызаться, какъ и старый медвѣдь, если замѣтитъ весь лѣсъ, спущенный на воду, не говоря о доскахъ....

— Пусть огрызается! сказалъ старикъ свекторъ, бросивъ презрительный взглядъ на мою торфу. Не перваго мнѣ унижать!...

— Не знаю, сосѣдъ, какъ удастся! Майоръ Литтльбеджъ храбръ и рѣшителецъ. Онъ уволилъ меня отъ должности, управляющаго, которую я такъ долго исполнялъ и отдалъ ее дѣтронгу, въ которомъ только и добраго, что онъ порядочный медвѣдѣдъ.

— Межсидеть! такъ это одинъ ваш проклятый помощникъ земледелец!

— Имелъ; это тотъ самый чужакъ, который вѣчно бродитъ по лѣсамъ съ земледелцемъ.

— Пора бы старику подумать о себѣ! вотъ уже третій разъ, какъ онъ, въ продолженіе своей жизни, притѣснялъ меня; а вѣдь, очени ужъ состарѣлся земледелецъ. Боюсь, чтобы ему не пришлось скоро умереть!

Мнѣ показалось, что это замѣчаніе не понравилось Ньюкому. Ботовый соглашается съ Мильакромъ во всемъ, что относилось бы наприимѣръ до рубки и продажи чужаго лѣса, онъ иначе начиналъ сматрѣть на людей, рѣшающихся посягнуть на чье-либо жизнь. Оноо было дѣло, по мнѣнію Ньюкома, поощрять похищеніе чужой собственности, покупая за ничтожную цѣну красивые лѣсы, сматрѣть съвозъ пальцы и на другія противузаконныя выходы противъ владѣльца. Ньюкомъ прѣвѣжалъ къ Мильакру съ цѣлью испугать его извѣстіемъ о моемъ прибытіи, и этимъ заставить сквоттера продать ему лѣсъ на условияхъ еще болѣе выгодныхъ, чѣмъ когда-нибудь. Къ несмастию, Ньюкомъ ошибся въ своемъ прекрасномъ проэктѣ, потому что Мильакръ зналъ обо мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалъ Ньюкомъ; почтенный судья и не подозрѣвалъ, что я нахожусь не даде, какъ въ десяти шагахъ отъ него, и могъ слышать все.

— Земледелцу около семидесяти лѣтъ, отвѣчалъ Ньюкомъ, думать немного послѣ замѣчанія сквоттера: да, точно, ему семьдесятъ лѣтъ; я слышалъ объ этомъ. Правда, онъ старъ, но можетъ прожить еще долго. Я думаю и тебѣ, Мильакръ, около того же!

— Мнѣ ровно семьдесятъ три года, не больше, ни меньше. Но я не земледелецъ. Никто не упрекаетъ меня, чтобы я когда-нибудь сорвалъ содѣлкі; или отнималъ земли, на которыхъ они жили. Ходилъ ли я хоть разъ въ судъ жаловаться, доносить на кого-нибудь, заводить споры? Никогда. Я и сыновья мои знали и знаемъ только себя, и никогда не вмешивались въ чужія дѣла; а потому я, доживъ спокойно до пятидесяти-трехъ лѣтъ, сталъ отцомъ двѣнадцати живыхъ дѣтей. Я никогда не приходилъ на землю, которою владѣлъ другой, а почему?... потому что я, болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, уважаю чужую соб-

стасность. По моему мнѣнію, тотъ, кто нуждается въ землѣ, долженъ искать ее и селиться на первомъ свободномъ углѣ; если же вздумаетъ потомъ перемѣнить мѣсто, пусть проласть свою хижину, если найдетъ покупателя, или оставить ее на прежнемъ мѣстѣ.

Конечно, Ньюкомъ не совсѣмъ соглашался съ Мильакромъ, во взглядѣ его на права сквоттеровъ и образъ ихъ владѣнія. Онъ постоянно былъ занятъ своимъ проэктомъ, но боялся слѣшкомъ явно обнаруживать свое желаніе; нѣсколько разъ онъ начиналъ разговоръ о продажѣ лѣса, но не прямо, а шелъ къ этому предмету окольными путями. Смѣшно было видѣть, какиxъ ему стоило трудовъ и усилій, чтобъ страхомъ заставить сквоттера продать ему лѣсъ, тогда какъ Мильакръ, имѣя мѣся въ своей власти, былъ совершенно спокоенъ.

Съ такими противоположными чувствами, нашимъ дипломатамъ трудно было согласиться въ условіяхъ продажи.

— Право, Мильакръ, сказалъ судья, отъ души желаю, чтобъ ты не раскаялся въ томъ, что не принялъ моего предложенія; признаюсь откровенно, что я очень опасаюсь за тебя.

— Твѣмъ будетъ хуже для меня! отвѣчалъ сквоттеръ; я увѣренъ, что успѣю отправить и сбыть все мои транспорты, пока этотъ молодой Литтлпеджъ успѣетъ разорить меня.

— Подумай хорошенько! Если майоръ Литтлпеджъ откроетъ тебя здѣсь, онъ не оставитъ тебѣ ни одной досчечки.

— Посмотримъ, увидимъ. Впрочемъ я готовъ продать; я сказалъ уже мои условія, и не отступаю отъ нихъ ни на вершокъ.

— Ты упрямъ; съ тобой, видно, нечего говорить.

— Да что жъ еще говорить? все сказано. Вы, кажется, всегда съ какимъ-то опасеніемъ прїѣзжаете сюда въ мою хижину.

— Конечно, сказалъ Ньюкомъ. Надѣюсь, впрочемъ, что нѣтъ опасаться здѣсь нечего теперь? Здѣсь никого нѣтъ изъ чужихъ!

— Какъ знать? Вотъ идутъ ребята изъ лѣсу; кажись, они ведутъ кого-то. Такъ! не ошибаюсь! Это Сускуэзусъ!... Теперь, какъ хотите; оставайтесь или нѣтъ. Говорятъ, онъ большой пріятель землемѣра.

При этихъ словахъ, Ньюкомъ, со всевозможною поспѣшностью, скрылся за сваленныя въ одно мѣсто бревна, а нѣсколько минутъ спустя, я уже увидѣлъ его у опушки лѣса, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился по прибытіи къ жилищу

скоттера. Младшій сынъ Мильakra подвелъ ему лошадь; Ньюкомъ взглянулъ на нее, и вскорѣ скрылся въ лѣсу. Это отступление было сдѣлано такъ ловко, что рѣшительно никто не могъ замѣтить судью. Не знаю, что происходило между Ньюкомомъ и Мильакромъ въ послѣднія минуты; они оставались одни.

Когда скоттеръ возвратился снова, все вниманіе его, казалось, сосредоточилось на приближавшихся къ нему: это были три его сына, которые вели обезоруженнаго Сускузуса. Не смотря на то, что я довольно хорошо успѣлъ уже узнать характеръ скоттера, наружность его выражала какое-то величіе, въ то время, когда онъ ожидалъ своихъ сыновей и ихъ пѣшника. Трудно судить по наружности Индѣйца, что происходитъ въ его душѣ, а потому я не мало ни удивился, видя совершенно спокойное лицо Сускузуса, приближавшагося мѣрными шагами. Онъ былъ такъ твердъ, такъ спокоенъ, какъ будто шелъ въ гости. Руки его были связаны, изъ опасенія, чтобъ онъ снова не убѣжалъ; но эти цѣпи, казалось, не причинили ему ни физическихъ, ни душевныхъ страданій. Лицо Мильakra было сурово; зная хорошо характеръ Индѣйца и память его, не забывающую ни услугъ, ни оскорбленій,—онъ верѣшался на жестокость, которая могла лишь болѣе вооружить противъ него Сускузуса.

— Безслѣдный, сказалъ онъ спокойно: ты старшій воинъ, а потому долженъ знать, что въ опасное время каждый думаетъ о собственномъ своемъ спасеніи. Я очень радъ, что мои ребята не были принуждены употребить крайнія мѣры; но согласишься, что мы не могли тебѣ позволить извѣстить землемѣра и весь его причетъ о томъ, что случилось здѣсь сегодня утромъ. Долго ли ты останешься здѣсь съ нами—я не могу сказать, но обещаю, что ты будешь жить здѣсь въ довольствіи и спокойно. Я умѣю цѣнить честное слово краснокожаго, а потому, можетъ-быть, позволю тебѣ прогуливаться на свободѣ; но обещаю тебѣ, что ты не уйдешь. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ завтра. Сегодня же побесѣдуй съ молодымъ человѣкомъ, котораго ты имѣлъ неосторожность привести сюда.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь моей тюрьмы отворилась, и въ нее спокойно вошелъ Онондаго. Руки его были освобождены. Дверь снова заперлась, и я остался наединѣ съ Сускузусомъ.

Въ этотъ разъ на часы, къ амбару, была назначена моло-

для дѣвушки. Увѣрившись, что не могли найтъ наслѣдства, я началъ говорить съ моимъ другомъ.

— Жаль, что такъ случилось, Сускуэзусъ! Я думаю, что ты, зная хорошо плѣнь, услышишь скрывшаго отъ полова, и извѣстнаго о моемъ заключеніи нашихъ друзей. Это ужасно! Я шепталъ думать, кто землемѣръ узнаеть, гдѣ я мажусь.

— А жъ чему же думать, что онъ не знаетъ? Безоумное, кто если Индѣецъ попалъ въ плѣнь, такъ ужъ опыннѣе чому, и не годенъ?

— Но, конечно, ты попалъ сюда, въ этотъ лагерь, не по доброй долѣ?

— А почему же вѣтъ? Если бы мнѣ не захотѣлось возвратиться сюда, такъ я и не возвратился бы. Неужели вы думаете, что дѣла Малакка успѣли бы побѣдить Сускуэзуса въ лѣсу, если бы онъ этого не захотѣлъ? Да! бываетъ и ябто, бываетъ и зима... Сдѣлать волосы... Безсмысленный день ото дня становится старѣе; но все же мажущегого не оставляютъ еще слѣдовъ.

— Не понимаю, для чего, вырвавшись отсюда, тебѣ надо было снова возвратиться? Объяснись. Расскажи мнѣ все, что было. Сускуэзусъ; говори по-своему, я пойму тебя; не скрывай только ничего.

— Къ чему скрывать? Дурнаго вѣтъ; все хорошо... все очень хорошо... никогда Сускуэзусъ не былъ счастливѣе.

— Ты мучишь мое любопытство. Говори же мнѣ все, что случилось съ того времени, какъ ты скрився, до той минуты, какъ тебя схватили.

Сускуэзусъ выразительно взглянулъ на меня, вынулъ изъ-за пояса трубку, наполнилъ ее табакомъ и началъ курить съ удивительнымъ спокойствіемъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Послушайте меня, и вы все узнаете. Я скрившаго погову, что не хотѣлъ сидѣть взаперти; вотъ для чего я скрився.

— Такъ къ чему же ты поддавался теперь?... или ты хотѣлъ этого, мажущаго?

— Конечно хотѣлъ. Индѣйца не поймашь, если онъ не захочетъ податься. Убить его можно, объ этомъ ни слова; но въ лѣсу онъ никогда не отдастся плѣнникомъ, лишь бы не былъ лѣнивъ или пьянъ. Ромъ многихъ отдастъ въ плѣнь.

— Вѣрю. Но поговоримъ о дѣлѣ. Скажи мнѣ, для чего ты вздумалъ скриваться?

— А развѣ не надо было дать знать землемѣру, гдѣ ты на-

хотят?.. а? Вы думаете, что Дильваръ оставитъ насъ пражда? Если спустить на воду медвѣдью доску? Когда будетъ опущена, медвѣжья доска, тогда и взоетъ опухать. А выже ждете цѣлое лѣто. Такъ неужели вы рѣшились бы прождать здѣсь такъ долго?... а?..

— Разумѣется, нѣтъ. Такъ ты оставилъ меня собственно для того, чтобъ извѣстить моихъ друзей... чтобъ призвать ихъ на мою помощь? Что же dalje?

— Я убѣждалъ въ лѣсъ... Бѣжалъ лѣтъ шість, оставя на себѣ столюно же сѣдлать, сколько оставяетъ птица въ воздухѣ, и встрѣтилъ, какъ вы думаете, кого?... а?..

— Не знаю.

— Я встрѣтилъ Джана; онъ отыскивалъ своего господина. Видѣлъ унаеионъ безпокойствѣ... одна минутъ здѣсь, другая — тамъ; но Джана именно отыскивалъ васъ, здѣсь.

— И какъ рассказалъ Джану все, какъ было?... приказалъ ему извѣстить землемѣра?

— Конечно. Слышалъ это, Сукуззусъ подумалъ о томъ, что ему остается исполнить. Онъ рѣшился идти къ бѣднолицому своему другу, и потому отдался въ плѣнъ. Я зналъ, что мнѣ не будетъ худо въ плѣнѣ. Скоттеръ не жестокъ съ своими плѣнниками.

— Какъ же тебѣ это удалось исполнить?

— Очень просто. Когда я отослалъ съ порученіемъ Джана, я пересталъ срывать мои слѣды. Подошелъ къ ручью, сѣлъ и положилъ свой карабинъ. Наткнувшись на меня, охотникъ окликалъ, но я былъ нудка стрѣлять, они просто окликали меня. Да, въ первый разъ въ жизни американскій индѣецъ въ плѣнѣ бѣднолицымъ! Да только будучи индѣецъ доволны этины!

Я узналъ все. Сукуззусъ убѣждалъ, чтобъ извѣстить меня друзей о моемъ положеніи; онъ встрѣтилъ Джана, который отыскивалъ меня; потому утѣрившись, что землемѣръ узнаетъ обо мнѣ, онъ рѣшился сдаться въ плѣнъ. Такимъ образомъ окоттеръ могъ быть увѣренъ, что никто не знаетъ о происшедшемъ; между тѣмъ Сукуззусъ поспѣшилъ ко мнѣ, чтобъ помочь мнѣ совѣтами, если бы того потребовали обстоятельства.

По всему этому видно, что Онондаго въ одну минуту обдумалъ дѣло со всѣхъ сторонъ.

Если меня и удивляла распорочность Сукуззуса, то не менѣе

того я былъ тронутъ его преданностью. Во время разговора, онъ повторилъ мнѣ не одинъ разъ, что мое отсутствіе, въ продолженіе цѣлой ночи, чрезвычайно встревожило всѣхъ, и что всѣ жители пустились отыскивать меня.

— Даже и молодая дѣвушка, прибавилъ Оюндаго, взглянувъ выразительно на меня. Вѣрно, она ищетъ на это причину.

Это замѣчаніе рѣшило мое сомнѣніе. Я всегда подозревалъ, что Сускуэзусъ, хотя никѣмъ и не замѣченный, былъ однакожъ свидѣтелемъ моего свиданія съ Урсудой Мальбонъ. Все, что я перенесъ въ это короткое время, не могло однако изгладить изъ моей памяти Урсуды. Напротивъ, она постоянно была въ моемъ воображеніи, и слова Сускуэзуса, что она также отыскиваетъ меня въ лѣсу, еще болѣе встревожили меня.

— Напрасно Сускуэзусъ подозревалъ въ этомъ что-либо особенное; Урсуда повиновалась только врожденному ей челолюбію; не она ли мнѣ говорила, что рука ея уже принадлежитъ другому?

Выслушавъ всѣ подробности, которыя рассказалъ мнѣ Индеецъ, я спросилъ у него, что намъ оставалось дѣлать. По его мнѣнію, мы должны были ожидать нашихъ друзей, которые въ ту же ночь или, по-крайней-мѣрѣ, на слѣдующее утро, должны были извѣстять насъ. Я, вмѣстѣ съ Сускуэзусомъ, терлся въ догадкахъ; мы не знали, на что рѣшится, что предприметъ земледѣлецъ; но мы были увѣрены, что онъ не останется въ бездѣйствіи, узнавъ о положеніи, въ которомъ находились его лучшіе друзья. Я всего болѣе опасался, чтобъ онъ не сталъ дѣйствовать открытой силой, потому-что Андрей, хотя человекъ очень справедливый, былъ горячъ. Съ другой стороны, если онъ рѣшится на законный путь и обратится къ Ньюкому съ требованіемъ, чтобъ арестовали сквоттера и его сыновей, какъ участниковъ въ преступленіи, то я долженъ былъ опасаться, что Ньюкомъ найдетъ возможность тайно увѣдомить своихъ друзей, о томъ, что замышляютъ противъ нихъ, и тогда, конечно, сквоттеры спровадятъ меня подальше.

Сквоттеры были очень внимательны къ своимъ плѣнникамъ. Они кормили насъ тѣми же самыми кушаньями, какія употребляли сами. Лавинія болѣе пяти разъ приносила намъ свѣжей воды. Эта дѣвушка была очень предупредительна во всѣхъ нашихъ желаніяхъ. Она принесла мнѣ книги, какія только могла найти въ своей библіотекѣ. Этихъ книгъ было, впрочемъ, всего

только, что, когда я лежалъ еще съ полужакрытыми глазами, мнѣ показалось, будто я слышалъ голосъ Урсулы, который шепталъ мнѣ на ухо. Когда я, мало-по-малу, очулся, тогда услышалъ действительно, что меня называли по имени. Я не ошибался. Мое имя произносили явственно, и голосъ, повторявшій его, былъ женскій. Я быстро всталъ и спросилъ:

— Кто тамъ? Неужели это вы, Урсула?

— Меня зовутъ Лавиніей, отвѣчалъ мнѣ голосъ; я дочь Милъакра. Не говорите такъ громко, потому-что мальчики стоятъ на часахъ, по ту сторону амбара; они спятъ теперь.... будьте осторожны, не разбудите ихъ.

— Это ты, моя добрая Лавинія? Ты бережешь насъ и днемъ и ночью.

Я замѣтилъ въ Лавиніи какую-то неловкость; она чувствовала, что нарушаетъ правила, присвоенныя ей полу. Замѣчаніе мое привело ее въ замѣшательство; нѣсколько минутъ она молча стояла подлѣ амбара.

— Что же я дѣлаю особеннаго для васъ? сказала она наконецъ; неужели это услуга, если я принесу вамъ и Индѣйцу немного воды? жалѣю, что у меня нѣтъ ни пива, ни сидра; всѣ наши запасы истощились. Довольны ли вы были ужиномъ, господинъ Литтлпеджъ? Можетъ быть, вы голодны, и потому я принесла вамъ кружку молока и пирога. Краснокожій можетъ поѣсть послѣ васъ.

Я поблагодарилъ Лавинію и принялъ принесенное ею черезъ отверстіе, которое она указала въ доскахъ. Мнѣ очень хотѣлось узнать отъ нея, что говорятъ про меня; я хотѣлъ знать намѣренія ея родныхъ. Прямо спрашивать объ этомъ не хотѣлось; къ счастью Лавинія помогла мнѣ.

— Мнѣ бы хотѣлось, сказала она, чтобы отецъ мой пересталъ быть скоттеромъ. Ужасно быть въ гвѣчной тюрьмѣ съ закономъ.

— Конечно, для него было бы лучше, если бы онъ шедъ въ тюрьму, такъ, какъ владѣютъ ими и другіе. Здѣсь такъ много шельмой и продажной земли, что, право, не большого труда стоить приобрести ее, особливо человѣку трусовому и стратегическому.

— Мой батюшка никогда не шедъ, развѣ только четвертое іюля. Братья мои, также почти не шедъ. Матушка развѣ что замѣтила мнѣ одну, что мѣра переимѣнить образъ жизни; что

гораздо лучше продать землю по контракту; но отец мой каждый раз отвѣчаетъ, что ни онъ для писана, ни писано для него не созданы. Я не знаю, что онъ будетъ дѣлать съ Мамой.

— А развѣ Ньюкомъ начево не посоветовалъ ему на этой счетѣ?

— Ньюкомъ? Да батюшка мой и не сказалъ ему, что вышло; онъ слишкомъ остороженъ, чтобъ доверяться судѣ. Сказалъ онъ хоть слово, Ньюкомъ отобралъ бы у насъ весь лѣсъ. Какъ вы думаете, господинъ Литтлпеджъ, имѣемъ ли мы право на этотъ лѣсъ, который срубили и распилили на доски?

— А имѣла ли бы ты какое право на платье, сшитое изъ принадлежащей тебѣ матеріи, которое увезли бы изъ твоего писана?

— Конечно, я имѣла бы полное право на это платье. Но тѣдъ неохотно дѣлаются изъ деревень.

— А деревня эти принадлежатъ другому; потому какое имѣешь право рубить в шпиль ихъ?

— Да! оказалъ Лавинія, тяжело вздохнувъ, я этого и сама боюсь.

— А что говорить объ этомъ Пруденція?

— Матушка ни слова не говоритъ объ этомъ. Она желаетъ одного: чтобы отецъ мой нанялъ или купилъ землю; но вы знаете, господинъ Литтлпеджъ, какія обязанности лежатъ на каждой жевщицѣ: все, что дѣлаютъ ихъ мужья, онѣ, волей или неволей, должны находить прекраснымъ. Конечно, матушка не говоритъ, что отецъ мой поступаетъ противъ закона; но вѣсть съ тѣмъ, всегда повторяетъ, что ему непремѣнно надо было бы имѣть бумагу. Она хотѣла, чтобы онъ попросилъ у васъ такую бумагу, пока вы находитесь здѣсь, въ его власти. Вы не откажете ему, господинъ Литтлпеджъ, если онъ пообщается улачивать вамъ хотя что-нибудь.

— Эта бумага не дала бы ему никакого права, потому-что я подписала бы ее по принужденію; а такія условія считаются не законными.

— Тѣмъ хуже, сказала, снова вздохнувъ, Лавинія. Не думайте, чтобы я была увѣрена въ томъ, что вы не хотите слѣдовать этому; я поклялась, что вы согласитесь, позволите моему отцу владѣть этой землею; и прочемъ, если это невозможно, такъ лучше и не спрашивать объ этомъ. Мой отецъ говоритъ, что онъ продержитъ лѣсъ до осени, пока не дожидается прибытия во-

ды, чтобы отприватить отсюда весь лѣсъ въ Алябани; тогда онъ быть-можетъ отпуститъ васъ.

— Продержать меня до осени!... просидѣть здѣсь еще три мѣсяца!

— Что же, господинъ Литтлпеджъ, развѣ такъ трудно провести три мѣсяца въ кругу друзей? Мы ни въ чемъ не будемъ отказывать вамъ, будьте увѣрены, вы будете получать все, что отъ насъ только зависить.

— Но повѣрь, что мнѣ совѣстно будетъ такъ беззаконно ваше семейство. Что касается до дорсовъ, онѣ принадлежатъ не мнѣ, а владѣтелю земли; располагать я ими не могу, мнѣ дано одно только право: продавать участки земли.

— Жаль, сказала Лавинія; я не знаю людей жесточе моего отца и моихъ братьевъ. Они говорятъ, что рѣшится пролить послѣднюю кровь свою, прежде, чѣмъ отдадутъ эти несчастныя доски. Кровь стынеть въ моихъ жилахъ, когда я слушаю ихъ; а меня нельзя назвать бояливой. Прошлой зимой, я убила медвѣдя, который бросился на наше стадо свиней, и маленька сказала мнѣ тогда, что въ этомъ случаѣ я поступила не хуже ея; а замѣтите, она уходила уже четырехъ медвѣдей и до двадцати волковъ.

— Ты храбрая дѣвушка, Лавинія, но главное достоинство въ тебѣ—доброта. Чтобы со мною не случилось, я никогда не забуду того, что ты для меня сдѣлала; но увѣрю тебя, что всѣ твои родственники подвергаютъ себя величайшей отвѣтственности, потому-что мои друзья не замедлятъ отыскать меня; а если они откроютъ здѣсь ваше жилище, ты можешь представить себѣ, какія будутъ послѣдствія.

— Что же сдѣлаютъ тогда, мой отецъ, мой братья?... Я дрожу за нихъ.... они безчеловѣчно поступятъ съ вами!

— Ничего, я надѣюсь на нихъ, какъ на Американцевъ. Мы народъ не кровожадный. Къ чему бояться, моя добрая Лавинія!

— О, дай Богъ, сказала тихимъ, дрожащимъ голосомъ Лавинія; но братъ мой Тоби вногда бываетъ ужасенъ. Онъ часто доводитъ батюшку до того, на что тотъ никогда не рѣшился бы... но мнѣ пора идти... заря занялась... мнѣ кажется, что проснулись въ домѣ брата Тоби. Я дорого бы заплатилась, если бы узнали, что я не спала, а проговорила почти всю ночь съ вами.

Съ этимъ словомъ, Лавинія скрылась. Тотчасъ по уходѣ ея

Сускузусъ велѣлъ съ своего мѣста, прошелѣя по амбару, но не сказала мнѣ ни слова о посѣщеніи Лавиніи. Онъ не показывалъ мнѣ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ, ни улыбкой, что ему извѣстенъ былъ постунокъ Лавиніи.

Едва настала донь, едва солнце успѣло озолотить вершины деревьевъ, какъ большая уже часть скоттеровъ была на работѣ. Старикъ Мильакръ, съ двумя или тремя сыновьями, былъ дома. По задумчивому лицу и по широкимъ шагамъ его, которыми, во временахъ, обходягъ онъ свое владѣніе, легко было замѣтить, что онъ самъ находился въ тревожномъ состояніи и, вѣроятно, не зналъ, на чемъ остановиться. Не знаю, какой былъ бы окончательный результатъ его думъ, если бы совершенно неожиданный случай не прервалъ его размышлений. Здѣсь я долженъ рассказать нѣкоторыя подробности.

Солнце было уже высоко, и всѣ, кромѣ Мильакра и мальчика, наблюдавшаго за амбаромъ, были заняты. Сускузусъ ходилъ взадъ и впередъ, лицо его выражало грусть; отъ нечего дѣлать, кажется, онъ подбиралъ прутья и вѣзалъ изъ нихъ метлы; я срисовалъ въ мою памятную книжку видъ мельницы и пригорка, который находился за нею. Мильакръ въ первый разъ подошелъ къ амбару, чтобы поговорить со мною. Лицо его было сурово, и, вѣроятно съ тѣмъ, выражало безыкоичество. Позже я узналъ, что Тоби наставлялъ на томъ, чтобы я и Индѣецъ были убиты; въ этомъ они видѣли единственное свое спасеніе.

— Молодой человекъ, сказалъ мнѣ Мильакръ, вы пробрались ко мнѣ ночью, какъ воръ, а потому и жалте должнаго награжденія. Неужели вы думаете, что кто-нибудь рѣшится равнодушно отдать плоды трудовъ своихъ? Нѣтъ, на это согласиться трудно.

Я понялъ таинственность словъ Мильакра; но моя гордость не позволяла мнѣ согласиться на предлагаемыя условія; я рѣшился уже отвѣтить Мильакру, но случайно, взглянувъ въ отверстіе, бывшее между досками, я увидѣлъ землеѣрца, который былъ не болѣе какъ во ста шагахъ отъ насъ. Скоттеръ, вслѣдъ за мной, поглядѣлъ въ ту же сторону.... черезъ минуту Андрей стоялъ подлѣ него.

— А, такъ ты дома Мильакръ! вскричалъ землеѣрецъ. Много лѣтъ мы не видались. Жаль, что мы встрѣчаемся не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось!

— Да и я, землеѣрецъ, не желалъ бы такой встрѣчи.... Я тебя не вросилъ сюда.

— Знаю, знаю. Ты не ждашь ни цѣны, ни землемѣра, ни полевника, ни компаса, ни ограда, незаконнаго владѣльца земли. Вѣдь, такъ мнѣ знають уже, хоть я видѣлся съ тобой, кашкетъ, назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ.

— Да, ровно пятьдесятъ лѣтъ. Что же дѣлать, если мы не соглашась съ тобой въ высаякъ, лучше бы намъ и не встрѣчались никогда.

— Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобъ видѣться съ тобой, светитеръ; ты задержалъ здѣсь моего друга, моего лучшаго, благороднѣйшаго друга; а скажи мнѣ, по какому праву?... Отдай мнѣ Мордоунта Литтльпеджа, я избавлю тебя отъ своего посѣщенія.

— Что вамъ говорите мнѣ про Мордоунта Литтльпеджа; для чего пріѣзжаете ко мнѣ съ такою просьбою.... Я ничего не имѣю общаго съ Литтльпеджемъ.... познать своей дорогой, старайся землемѣри.... оставь въ покоѣ меня и мою. Свѣтъ велитъ.... можешь найти мѣсто.... къ чему ты пріѣхалъ нарушить мое семейное спокойствіе.

— Не хочу знать ни о тебѣ, ни о твоёмъ семействѣ, сказала вѣщельчико Андрей. Ты обманулся, не имѣя никакого права, остановить моего друга.... освободи его или берегись.

— Не выводи меня изъ терпѣнія, землемѣръ.... не выводи меня изъ терпѣнія! Здѣсь, у меня, есть руки, готовые на всякій ударъ.... историлъ ступитъ защитить свое добро и отделиться отъ цѣпей. Повторяю, прохожу своей дорогой; не мѣшай намъ собирать жатву, посланную нашими руками.

— Ты соберешь ее, Мильакръ, всё вы соберете ее; что посылитъ, то и пошлетъ.... Это не разъ мнѣ изъ Библии читала племянница Урсула.... Да, вы соберете жатву, какой и вы желаете.

— Прочь съ глазъ моихъ! повторяю тебѣ, землемѣръ; уберайся отсюда.... не смѣй осмѣливаться у насъ те, что мы приобрѣли по праву и праву.

— Потоки и кровью!... Натъ, грабежомъ и мошенничествами, такъ ли? Вы разорвете чужую землю, рубите лѣсъ и палите его, продаете его барышникамъ, это все такъ,—а отдасте ли вы отчетъ кому-нибудь?... знаете ли вы владѣльца?... и послѣ этого, ты смѣешь говорить мнѣ, что поступаешь честно.

— Ты развѣ ли во что ставишь матерьяльное право и трудъ?

— Все такъ; но это тебя и губитъ, Мильакръ; ты знаешь по своимъ правдамъ; а не хочешь знать тайнъ, которые живутъ честнымъ образомъ. Пожалуй, руби, вали, пали, сломай тебѣ

удбно; хотѣ до конца міра; а все же ты будешь дѣйствовать беззаконно. Вспомни мои слова, Мильакръ: тотъ, кто отправляется съ дурной цѣлью въ путь, никогда не достигнетъ своей цѣли, сколько бы ни употребилъ онъ трудовъ. Ты, Мильакръ, худо началъ, худо и кончишь.

Лицо Мильакра становилось мрачнѣе и мрачнѣе. Я предвидѣлъ грозу. Два необузданныхъ характера сошлись лицомъ къ лицу; однако ихъ раздѣляли добро и зло, прямодушіе и уклончивость, твердыя начала и плутовство. Не имѣя силъ отвѣчать землеѣру, сквоттеръ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ схватилъ моего друга за горло и всѣми силами старался повалить его на землю. Не знаю, отнести ли къ чести сквоттера, — но въ продолженіе ссоры, онъ не призывалъ никого на помощь; но въ ту минуту, когда началась борьба, вдругъ раздался голосъ Пруденціи, и, конечно, можно было ожидать, что всѣ сыновья сбѣгутся на ея зовъ. Чего не отдавалъ бы я въ жизни, чтобы обрушить стѣны моей темницы, чтобы послѣдовать на помощь къ моему другу. Сукуэуэусъ видѣлъ все это, и безъ сомнѣнія принималъ участіе въ судьбѣ землеѣра, но оставался твердымъ и непоколебимымъ, какъ скала.

Андрей, не смотря на свои преклонныя лѣта (ему было тогда семьдесятъ лѣтъ), не позволилъ, однакожъ, безнаказанно схватить себя за горло. Борьба была ужасная. Сквоттеръ имѣлъ перевѣсъ, потому что попалъ первымъ и неожиданно на землеѣра; но землеѣръ былъ силенъ. Въ свое время, онъ не походилъ равныхъ себѣ по силѣ, даже и Мильакра, въ настоящую минуту, почувствовалъ, что сошелся съ опаснымъ соперникомъ. Если бы землеѣръ не предупредилъ одной минутой Мильакра, то лежалъ бы на землѣ; но не смотря на всю силу сквоттера, онъ не покачнулся вскользко. Онъ былъ прямъ и твердъ, какъ дубовый лѣсъ, окружавшій его; а сквоттеръ лежалъ на землѣ; лицо Андрея было одушевлено; оно выражало такую отвагу, какой я не встрѣчалъ ни въ комъ, даже въ рѣшительную минуту сраженія.

Вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ положеніемъ, землеѣръ стоялъ передъ своимъ врагомъ невозвратно. Андрей и не предполагалъ, что въ эту минуту онъ имѣлъ свидѣтеля своей победы... Я не утерпѣлъ и рѣшился сказать ему.

— Бѣги, мой другъ, бѣги, скорѣе въ лѣсъ! кричалъ я сквозь щели моей темницы. Пруденція скоро созоветъ всѣхъ

сыновей своих... они работают невдалекъ отсюда... или стоять подняться только на берегъ.

— Благодарю тебя, Боже! сказалъ землемѣръ, набожно скрепивъ руки на груди своей. Мардоувъ, мой милый другъ... ты живь... я отопру двери твоей темницы... мы скроемся вмѣстѣ!

Всѣ совѣты, всѣ убѣжденія мои были напрасны. Андрей подбѣжалъ къ амбару и старался отпереть дверь. Но дверь была плотно заколочена. Землемѣръ все-таки не хотѣлъ слушать меня, и сталъ искать орудія, чтобы разшибить дверь. Мельница была вблизи; землемѣръ бросился къ ней и вскорѣ выбѣжалъ оттуда съ домомъ на плечѣ. Онъ подбѣжалъ къ моей темницѣ; но едва успѣлъ ударить разъ, какъ, вдругъ, показался Тоби, и за нимъ его братья, какъ стая собакъ, слущенныхъ на зайца. Я снова закричалъ другу моему, чтобы онъ скрывался, чтобы не думалъ о моей свободѣ; но не смотря на приближавшихся силачей, готовыхъ броситься на него, Андрей продолжалъ разбивать дверь; сквоттеры схватили его и перевязали веревками.

Видя, что всякое сопротивленіе было бесполезно, землемѣръ рѣшился не противиться силѣ. Онъ былъ введенъ въ амбаръ. Спустя нѣсколько времени, онъ признался мнѣ, что съ того времени, какъ узналъ объ моемъ плѣнѣ, онъ рѣшился раздѣлять со мною судьбу, въ такомъ однако случаѣ, если бы ему не удалось освободить меня. Тоби первый наложилъ руку на землемѣра; съ нимъ былъ ключъ отъ темницы, и черезъ минуту, землемѣръ былъ заключенъ со мною вмѣстѣ.

Заключивъ землемѣра, всѣ сыновья Мильakra поспѣшили къ своему одцу; они подняли его съ земли и осмотрѣвъ голову, которою онъ ударился объ уголъ строенія, они понесли его домой. Все семейство, большіе и малые, старые и молодые, мгновенно, сбѣжались со всѣхъ сторонъ; даже часовой, сынъ Тоби, оставилъ свой постъ. Лавинія, бродившая дѣлое утро около амбара, казалось, забыла о насъ. Я былъ слишкомъ занятъ моимъ другомъ, мнѣ обо многомъ надо было спросить его, а потому я мало обращалъ вниманія на происходившее внѣ моей темницы.

— О, какъ я радъ, что вы не совсѣмъ еще во власти этихъ изверговъ, мой добрый другъ. Они готовы на все.

— Мы также рады и за васъ, что вы не въ когтяхъ этихъ

звѣрой. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, пора подумать о себѣ и о другихъ.

— На бойтесь старика Мильakra, сказалъ землемеръ. Онъ сердитъ, капризенъ, но по-крайней-мѣрѣ помнитъ себя. Какъ вы попали сюда? Для чего бродить по лѣсу съ Безслѣднымъ, который, я знаю, могъ бы отсвѣтовать вамъ?

— Я былъ разгоряченъ, и не имѣя силъ заснуть, я рѣшился идти въ лѣсъ; тамъ я заблудился. Къ счастью, Сускуэзусъ слѣдилъ за мною; онъ спасъ меня. Усталый, я принужденъ былъ лечь подъ деревомъ. Я пробнулся уже на слѣдующее утро. Онопаго привелъ меня сюда, чтобъ накормить.

— Такъ поэтому Сускуэзусъ зналъ, что сквоттеры расположились здѣсь? спросилъ Андрей съ удивленіемъ, и, какъ мнѣ показалось, даже съ негодованіемъ.

— Нѣтъ. Онъ услышалъ ночью визгъ пилы, и идя па этотъ звукъ, мы дошли сюда. Когда же Мильakra узналъ, кто я, онъ постарался запретъ меня; что же касается до Сускуэзуса, то, вѣроятно, Джанъ пересказалъ вамъ все.

— Да, это я знаю; но я удивляюсь, для чего вы, разговаривая такъ долго съ Урсудою, вдругъ скрылись. Моя бѣдная племянница очень огорчена этимъ; это легко замѣтить даже; я хотѣлъ-было узнать отъ нея подробности; но вы знаете, что Урсуда, какъ и всякая дѣвушка, скрытна.

— Урсуда! вскричалъ я, развѣ она была съ вами?

— Тсъ! говорите тише. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы эти черти, сквоттеры, узнали, что Урсуда такъ близко отъ нихъ; она здѣсь, или вѣрнѣе, она тамъ, при входѣ въ лѣсъ, неподалеку отъ хижины Мильakra. Боюсь, чтобъ она не догадалась, что я въ плѣну.

— Какъ вы рѣшились, Андрей, вести свою племянницу въ такое опасное мѣсто?

— Успокойтесь, Мордоунтъ; ей нечего бояться; у насъ въ Америкѣ уважаютъ женщинъ. Ни одинъ изъ этихъ негодяевъ не позволитъ себѣ сказать ей лишняго слова. Она сама пожелала идти сюда; а мнѣ трудно противорѣчить ея желанію. Урсуда прекрасная дѣвушка, но ее также трудно отвратить отъ любимаго предмета, какъ заставить рѣку течь въ противоположную сторону.

Не смотря на все, что рассказалъ мнѣ землемеръ, я желалъ еще большихъ потребностей, и вотъ что узналъ:

Джапъ съ точностію передавъ порученіе Сускувуса. Выслушавъ Джапа, Андрей тотчасъ же собралъ совѣтъ, который состоялъ изъ него самого, Франка и Урсулы; въ тотъ же день, ночью, Франкъ поскакалъ въ Ревинснестъ, чтобы взять бумагу, по которой могъ бы арестовать Мильakra и все его семейство а вмѣстѣ съ тѣмъ привести съ собою людей, которые могли бы схватить преступниковъ. Но такъ какъ бумагу долженъ былъ выдать Ньюкомъ, то, натурально, Франкъ долго не могъ получить ее.

Рано утромъ землеѣръ отправился въ путь, въ сопровожденіи Урсулы и Джапа. Зная, гдѣ живетъ Мильakra, они избрали кратчайшій путь. Приближаясь къ жилищу, землеѣръ пошелъ впередъ, приказавъ Урсулѣ слѣдовать за нимъ въ отдаленіи, а въ случаѣ, если бы его схватили сквоттеры, поспѣшить къ брату. Меня утѣшало одно, что съ Урсулой былъ Джапъ; зная его коротко, я былъ увѣренъ, что онъ не оставитъ ее. Съ той самой минуты, когда землеѣръ разсказалъ мнѣ всѣ подробности, моя тюрьма сдѣлалась вдвое несноснѣе для меня.

XII.

Въ ней я нашелъ все, что желалъ найти. Она любила меня, ее возилъ вѣломъ моей души! Для меня, оказавшись отъ всего, что могло плѣнить ее къ себѣ; для меня забыла она друзей своихъ! Вѣрная своей клятвѣ, тихая и прекрасная, какъ вечерняя звѣзда, съ какою удивительною твердостью, съ какою ангельскими терпѣніями она перенесла всѣ мнѣ жестокіе поступки.

Shaw.

И такъ, Урсула была почти со мною! Но, конечно, она рѣшилась вѣнчаться съ сквоттерами, болѣе по влнзавности къ своему дядѣ, чѣмъ изъ расположенія ко мнѣ. Но все же я дивился ея рѣшимости, ея рѣдкому самоотверженію.

— Визиторъ вашъ, Мердоуна, сказалъ мнѣ землеѣръ, она непремѣнно хотѣла быть вѣнчанъ; а еслибы вы знали ее лично,

тогда увидѣла бы, что когда она любитъ, для нея нѣтъ никакихъ препятствій. Бываю жонки! Женѣ прекрасно жилось: она ждала бы брата! Хотѣла, хотѣла писать, которое письмо не дошло до машинки изъ одного изъ сыновей Мальakra; къ тому сыну, который часто прѣзжалъ къ намъ и даже работалъ по найму, его зовутъ Зефанъ. Послушайте, но, смотрите, это тайна: мнѣ кажется, что этотъ Зефанъ влюбленъ въ Урсулу и хотѣлъ бы на ней жениться.

— Кто?... онъ?... Зефанъ Мальakra смѣетъ думать объ Урсулѣ!... о женитьбѣ?

— О-го-го!... Да развѣ онъ не можетъ любить такъ же, какъ и другіе? Неужели въ немъ нѣтъ сердца, потому только, что онъ сквоттеръ?... Мнѣ кажется, что онъ также можетъ любить, и быть любимымъ.

— Вы говорите, что Урсула написала къ нему письмо? скажите я дрожащимъ голосомъ, едва переводя дыханіе.

— Да, да: вотъ оно.... мило написано.... да иначе Урсула и писать не умѣетъ. Но вотъ, кажется, идетъ Зефанъ: я подзову его и отдамъ ему письмо....

На голосъ старика землеѣра, Зефанъ приблизился къ амбару.

— Послушай, Зефанъ! Согласись, что когда ты бываешь у насъ, мы не запираемъ тебя, какъ диваго звѣра. Изъ этого ты самъ можешь видѣть, какая между нами разница; но все равно; какое мнѣ до этого дѣло. Вотъ письмо къ тебѣ. Оно прислано отъ той, которая можетъ совѣтовать и желать тебѣ одного лишь хорошаго; исполни ея совѣты, ты не будешь раскаяваться. Я не знаю, что она пишетъ, но должно быть хорошо. Урсула пишетъ, какъ ангелъ.

Я сама имѣю силы, слушать все, что говорилъ землеѣръ. Все это правда! Урсула Мальbonъ писала къ одному изъ сыновей Мальakra; писала къ сквоттеру, который былъ почти ея женихомъ! Терзаемый ревностью, я съ завистію смотрѣлъ на счастливаца! Хоть молодой сквоттеръ былъ прекрасный мужчина, но въ эту минуту онъ казался мнѣ олицетвореннымъ безобразіемъ. Конечно, онъ легко могъ бы похвастаться каждою дѣвушкой, изъ одного сѣвѣнъ сестродня; но могъ ли я предположить, чтобъ Урсула, хотя и бѣдная, но прекрасно образованная, отозвѣсивъ по рожденію своему гораздо выше сквоттера,—могла полюбить его?

Я слышалъ, что женщины часто влюбляются въ одну пару.

жить; но наружность сивотера, хотя и красивая, была, однако, груба. Не доведя, ли, до этого Урсуду—шака, потребность любви? Я зналъ Урсуду вамъ недавно еще, а потому не могъ вполне разсказать ея характера. Къ тому же Урсуде начала жизнь свою въ дѣсахъ, а мы почти всегда, съ какою-то жадностью, возвращаемся къ первымъ наклонностямъ своимъ. Можетъ быть эта несодатная для меня дѣвушка создала, для своего будущаго, такіа идеи о счастьи и радости, которыя легче могли осуществиться въ дѣсахъ, чѣмъ, посреди шумныхъ городовъ. Всѣ эти мысли быстро сѣбѣялись одиѣ другими въ головѣ моей, въ страшную минуту ревности.

Зефанъ съ какою-то неловкостью принялъ письмо, и съгъ блнзъ строенія, вѣроятно, съ намѣреніемъ, прочесть воедиѣ, безъ свидѣтелей, посланіе Урсуды. Я стоялъ не подалеку отъ него.

Но взять письмо въ руки, распечатать его, не значить еще умѣть прочесть. Образование Зефана было ограничено; послѣ одной или двухъ попытокъ, онъ почувствовалъ безсиліе свое въ грамотѣ. Онъ осматривался вокругъ, чтобъ найти кого-нибудь, кто бы могъ помочь ему; взоръ его упалъ на меня. Я слѣдилъ съ жадностью даже малѣйшія его движенія. Индѣецъ, казалось, не обращалъ ни на что вниманія; Андрей, помѣстясь въ противоположной сторонѣ амбара, съ любопытствомъ разсматривалъ живну и мельницу. Зефанъ подошелъ ко мнѣ и тихо сказалъ:

— Не знаю, какъ вамъ объяснить, маіоръ Литтльпеджъ: а такая разница между ученьемъ іоркскимъ и вермонтскимъ, что право, я почти не могу разобрать въ этомъ письмѣ ни слова.

Я поспѣшно взялъ письмо, и сталъ, по желанію Зефана, тихо читать его.

Я передамъ здѣсь въ подробности посланіе Урсуды. Вотъ оно:

«Милостивый Государь.»

«Вы всегда оказывали мнѣ уваженіе и преданность: рѣшаюсь вывче испробовать искренность вашихъ чувствъ. Дядюшка отправляется къ вашему отцу, чтобы просить объ освобожденіи маіора Литтльпеджа, который задержанъ безъ всякаго съ вашей стороны права. Опасаюсь, что пріѣздъ дядюшки будетъ неприятеѣ для Мильера, и что между ними можетъ возникнуть ссора, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою, отклонить всѣ непріятности. Если же, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, будетъ за-

держатъ в ладоши, въ такомъ случаѣ, умоляю васъ написать мнѣ объ этомъ; я буду въ Лѣсу, недалеко отъ вашего дома. Вы легко найдете меня, идя по дорогѣ на востокъ; на встрѣчу вамъ я вымилу потра, который при мнѣ.

«Еще одна просьба: позаботьтесь о судьбѣ майора Литтлпеджа. Подумайте о томъ, что если съ нимъ случится какое-нибудь несчастіе, — оно погубитъ все ваше семейство. Законъ справедливъ и могучъ: онъ найдетъ васъ вездѣ, куда бы вы ни скрылись. Въ этомъ случаѣ, за жизнь человека вы будете отвечать не такъ, какъ отвѣчаютъ за нѣсколько акровъ земли. Генераль Литтлпеджъ мало обращаетъ вниманія на похищенную у него землю; онъ добръ, но берегитесь оскорбить или причинить какое-нибудь несчастіе единственному его сыну. Повторяю, не забудьте моей просьбы: отъ всего сердца умоляю васъ покровительствовать ему; къ этому васъ можетъ принудить, если не уваженіе и преданность ко мнѣ, то по-крайней-мѣрѣ ваша безопасность.

«Считаю необходимымъ прибавить, что ~~свѣтъ~~, который я сказала вамъ въ Ревиснесѣ, при поднятїи храма, рѣшительный и послѣдній; но если вы, действительно, чувствуете, ко мнѣ то, что старался выразить въ то время, въ такомъ случаѣ, вы слѣдуете все отъ васъ зависящее, чтобы покровительствовать майору Литтлпеджу, старинному другу моего дядюшки; этимъ самымъ вы обяжете меня и успокоете.

«Преданная вамъ

«Урсула Мальбонъ.»

Странная дѣвушка была Урсула! Мнѣ стыдно стало самого себя; мнѣ смѣшна показалась ревность, на минуту овладѣвшая всѣмъ моимъ сердцемъ. Въ какіе безразсудные поступки увлекаетъ насъ эта ужасная страсть! Я самъ былъ живымъ тому примѣромъ!... Я могъ думать, могъ повѣрять, что Урсула Мальбонъ любитъ Зефана Мильakra!

— Какъ она хорошо пишетъ! вскричалъ молодой сквоттеръ. Я думаю, во всей іоркской колонїи не найдешь ей подобной. Я люблю ее до безумія!

Въ этомъ восклицанїи было, въ одно и то же время, и много юмизма и много трогательнаго.

— Если Урсула такъ привязана къ вамъ, сказалъ я, то конечно ты исполнишь ее просьбу?

— Да, чѣмъ же я могу служить вамъ, дѣла? Кларкъ, я готовъ отдать все на свѣтъ, чтобы только послать моему Урсуду; но что же мнѣ дѣлать?

— Ты можешь отпереть дверь нашей женщины, выпустить ее, а въ эту же минуту заблудить носомъ. Испалли эту просьбу, и я обещаю, что дамъ тебѣ пятьдесятъ акровъ земли, на которой ты можешь поселиться и жить, какъ частный джентльменъ.

Предложение это, казалось, обаяло Кларка; онъ молчалъ, думалъ, наконецъ, обратясь къ Урсуду, предложилъ быть Урсуду, онъ кивнулъ головою и сказалъ:

— Ничего!... если бы отецъ не могъ доверить своему сыну, такъ кому же онъ, послѣ этого, доверится.

— Ничто не должно помогать въ незаконномъ дѣлѣ; твой отецъ не имеетъ никакого права держать насъ здѣсь, и равно или правдо онъ строго отвѣчать за это передъ закономъ.

— Онъ и знать его не хочетъ. Всю жизнь мы были предупреждены съ закономъ.

— Главы мнѣ, однакожъ, твой отецъ знаетъ лучше?

— Ничего, бездѣлца, сказала равнодушно Мэри, не слушая глазъ съ лица: небольшая царапина;... мой отецъ скоро поправится.

— Ну, а когда поправится, — что онъ думаетъ дѣлать съ нами?

— Не стоитъ говорить объ этомъ. Уже если мой старикъ и что рѣшился, такъ ему не отсвѣтуетъ никто; онъ не послушаетъ никого.

— А ты думаешь, что онъ задумалъ что-нибудь важное?

— Не знаю. Онъ и теперь покончилъ бы съ нами, если бы могъ отправить весь дѣсь; вода низка, да надо подождать ноября мѣсяца. Мнѣ кажется, что онъ хочетъ продержать васъ и землю еще мѣсяца три или четыре.

Я хотѣлъ продолжать разговоръ, но къ намъ подошла Лавинія и сказала своему брату, что скоро соберется домашній советъ, потому что Милъакръ чувствуетъ себя гораздо лучше. Зеданъ пошелъ домой, а Лавинія осталась у амбара.

— Хорошо ли былъ парогъ? спросила она застѣчиво.

— Прекрасный! благодарю тебя. Чѣмъ ты занята теперь? Мнѣ нужно было бы попросить тебя объ одной услугѣ.

— Мнѣ дома дѣлать нечего.

— Твѣ лучше. Ты такъ добра, что я никакъ дождусь тебѣ одну важную тайну. Могу ли я доверить тебѣ?

— Отчего же нѣтъ? говоритъ, сказала дѣвушка, пристально взглянувъ на меня. Говорите скорѣе; дождусь, что я исполню вашу просьбу. Странно: никогда я не чувствовала такой готовности исполнить желанія другихъ.

— Но общай мнѣ, никому не говори объ этомъ.

— Общаю, общаю, сказала тихо Лавинія. Никто, никому не услышитъ отъ меня слова; не выскажу вашей тайны даже и во снѣ.

— У землемъра есть племянница, которую онъ очень любитъ; она для него дороже всего; ее зовутъ....

— Урсула Мальбой! сказала Лавинія, слегка улыбувшись. Зезанъ всегда говоритъ со мной про нее; я съ Зезаномъ очень дружна. Онъ говоритъ мнѣ все, и я ничего не скрываю отъ него. Вѣдь, не правда ли, пріятно имѣть человѣка, которому можно доверять тайны? Что же вы хотѣли мнѣ сказать про Урсулу?

— Она здѣсь.

— Здѣсь? Гдѣ же? (Лавинія быстро осмотрѣлась кругомъ; на лицѣ ея выразилось безпокойство). Зезанъ говоритъ, что она чудо какъ хороша.... правда ли это?

— Да, она хороша; но въ Америкѣ есть много хорошенькихъ. Урсула здѣсь, то-есть, не въ амбарѣ, а очень близко отсюда, въ лѣсу. Она провезла своего дядю. Посмотри сюда въ эту сторону; видишь ли это почернѣвшее дерево, которое стоитъ въ полѣ, за домомъ твоего отца?

— Вижу.

— А гдѣ же отъ этого дерева, растетъ другое, каштановое; оно у самой опушки лѣса.

— Вижу, вижу. Я знаю это дерево; подлѣ него есть ручей.

— У этого дерева землемъръ оставилъ свою племянницу. Можешь ли ты сходить туда и отнести письмо?

— Ничего нѣтъ легче. Мы всѣ, молодые дѣвушки, ходимъ въ это поле собирать ягоды; побѣгу сейчасъ за корзинкой, а вы, между тѣмъ, пишете письмо. Никому и въ голову не придетъ, что я иду съ письмомъ. О, какъ мнѣ хочется видѣть Урсулу! какъ вы думаете, согласится ли она выйдти за Зезана?

— Всѣ молодые дѣвушки такъ вѣтренны и непостоянны, что право не могу отвѣчать.

— А я могу уѣрять васъ, вскричала Лавинія, оббѣжавъ за корзинкой, что нѣтъ никого постольнѣ дѣвушекъ.

Я приготовился писать. Вынувъ изъ портфеля все нужное, я подошелъ къ землемѣру, чтобы сказать ему объ этомъ и спросить, не надо ли и ему завѣстать объ чѣмъ-нибудь племянницу.

— Напишите, Мордоунтъ, что я посылаю ей свое благословеніе. Скажите, что старикъ землемѣръ молится объ ней.

Въ короткихъ словахъ я объяснилъ Урсулѣ положеніе, въ которомъ мы находились; потомъ умолялъ ее возвратиться къ Франку и не покидать его. Напомявъ ей о моихъ чувствахъ, я уѣрлялъ, что они не только не измѣнились, но развились во мнѣ еще больше со дня разлуки. Окончивъ письмо, я увидѣлъ Лавинію; она подходила къ амбару, неся кринку молока; взявъ отъ меня письмо, она поспѣшила въ поле. Я слышалъ, какъ она кричала одной изъ своихъ сестеръ, что идетъ собирать ежевику для своихъ арестантовъ.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣми движеніями молодой дѣвушки. Землемѣръ, изнуренный продолжительной бессонницей, крѣпко спалъ. Индѣецъ съ аппетитомъ уничтожалъ хлѣбъ и молоко.

Лавинія пошла прямо къ полю, и вскорѣ скрылась. Глаза мои устремлены были на лѣсъ, въ который она вошла. Вдругъ, между деревьями, мелькнуло женское платье, — это была, вѣроятно, Урсула. Черезъ полчаса я увидѣлъ Лавинію, которая подходила къ каштановому дереву. Она остановилась, посмотрѣла вокругъ, какъ бы узнавая мѣсто, и потомъ поспѣшила скрыться въ лѣсу. Прошло болѣе часа, какъ я не видѣлъ ее болѣе.

Въ это время Зезанъ подошелъ къ амбару, въ сопровожденіи двухъ братьевъ своихъ; онъ держалъ въ рукѣ ключъ. Сначала я подумалъ, что меня потребуютъ на судъ къ Милл-акру, но ошибся; подойдя къ амбару, Зезанъ подозвалъ къ себѣ Индѣйца и сказалъ ему:

— Я думаю, скучно сидѣть краснокожему въ заперта? и вѣрно, не разсердишься, если тебѣ позволить выйдти отсюда и гулять на свободѣ?

— Конечно, спокойно отвѣчалъ Сускуззусъ. Индѣйцу дорога свобода.

— Я такъ и думалъ. Вотъ видишь ли что: мой старикъ говорить, что ты можешь выходить, но только съ условіемъ.

— Съ какими условіемъ? Что я долженъ сдѣлать?

— Бездѣлицу: дай честное слово, что ты не скроешься отсюда, в каждый вечеръ будешь возвращаться въ амбаръ; общаешь ли, Сускузусъ?

— Отчего же не сдѣлать этого: буду возвращаться.

— Такъ и дѣло кончено. Но смотри, ты не долженъ приносить сюда никакого оружія, никакихъ инструментовъ.

— Понимаю, понимаю.

— Ты не пойдешь противъ насъ, ни прямо, ни тайно, пока не возьмешь назадъ своего честнаго слова. Ты согласенъ на все это?

— Согласенъ, согласенъ.

— Такъ вотъ и все, чего требуетъ отъ тебя старикъ; но мать моя просить тебя еще объ одномъ условіи: если бы дѣло дошло за дѣсь до драки, то чтобы ты защитилъ женщинъ и дѣтей, а не обижалъ бы ихъ.

— Къ чему мнѣ обижать ихъ.

— Ну, смотри же, теперь мы согласились во всемъ. Ступай, куда хочешь; но помни, что вечеромъ, когда услышишь рожокъ, ты долженъ быть дома.

На такихъ-то странныхъ условіяхъ, Сускузусъ получилъ свободу. Для меня эти условія были подозрительны; но судя по спокойствію, съ какимъ разсуждали объ договаривающіяся стороны, я увидѣлъ, что во всемъ этомъ не могло быть ничего особеннаго. Я слышалъ, что слово, данное Индѣйцемъ, въ подобномъ случаѣ, считалось всегда священнымъ и ненарушимымъ. Желая убѣдиться въ этомъ, я сказалъ Зефану: отчего же вы не выпускаете насъ, когда рѣшились освободить Индѣйца?

— Потому-что Индѣецъ—Индѣецъ; у него своя натура, а у васъ своя. Говорили о томъ, чтобъ и васъ выпустить, майоръ, да старикъ не согласился; онъ говоритъ, что хорошо знаетъ людей и что если выпустить васъ, такъ вы скажете: «онъ держалъ меня въ заперти безъ всякаго права, противъ всякаго закона, теперь я на свободѣ, а потому могу не сдерживать и своего обѣщанія. Освободи только бѣлаго, онъ до тѣхъ поръ станетъ рыться въ землѣ, пока не найдетъ лазейки, чтобъ скрыться навсегда. Пусть лучше сидитъ; теперь онъ въ нашей волѣ.» Вотъ что сказалъ мой отецъ.

И не отвѣчалъ.

— Отецъ мой хотѣлъ выпустить и васъ, землемѣръ, прибавилъ Зефанъ; но тоже опасается. Кто проводитъ границы, тотъ можетъ и нарушить ихъ.

— Твой отецъ свободенъ дѣлать, что хочетъ, сказалъ равнодушно Андрей. Не хочу ни просить его, ни давать ему слова. Мы враги.... скажи ему, чтобъ онъ былъ осторожнѣе.... пусть подумаетъ о себѣ и о лѣсѣ,.. совѣтую!

— Чтò? сказалъ запальчиво Зефанъ, не смотря на то, что говорилъ съ дядей Урсулы, во власти котораго было разстроить всѣ его сердечныя предположенія. Посмотримъ!... въ насъ довольно силы!.. не испугаете!

— Убирайся, сумасбродъ!... вонъ!... вотъ парочка съ отцомъ!... я не ждалъ и не жду милости отъ сквоттеровъ, которыхъ не хочу знать и презираю!

Зная спокойный и ровный характеръ землемѣра, я былъ удивленъ послѣдними его словами. Зефанъ удалился съ своими братьями; Сускуэзусъ бродилъ около амбара, скучный и мрачный.

Вскорѣ послѣ Зефана, насъ посѣтили новыя лица: въ сопровожденіи братьевъ, явился Тоби. Они пришли за нами, чтобъ отвести насъ въ домъ Мильakra, въ которомъ были собраны всѣ мужчины. Насъ готовились подвергнуть суду, отъ котораго могла зависѣть наша судьба; я совѣтовался съ землемѣромъ. Андрей желалъ одного: лично говорить съ сквоттерами и высказать имъ все, что было у него на душѣ. Выслушавъ землемѣра, я вышелъ съ нимъ изъ амбара; насъ окружили четыре сына Мильakra, и мы направили шаги свои къ дверямъ судилища.

XXII.

Мильакръ, хотя и врагъ законовъ, соблюлъ, однакожъ, всѣ формальности суда. Мы нашли полное собраніе; старикъ засталъ въ серединѣ; не въ дальнемъ разстояніи отъ него, сидѣли Пруденція и двѣ или три дочери. Я удивился, увидѣвъ тутъ же и Лавинію. Когда успѣла она придти?

Тоби ввелъ насъ въ домъ и помѣстилъ у дверей, противъ своего отца; это было сдѣлано съ намѣреніемъ: чтобы убѣжать, мы должны были бы прорваться сквозь всю толпу; а это сдѣлать было не легко. Впрочемъ, землемѣръ и не помышлялъ о побѣгѣ. Онъ вошелъ въ кругъ молодыхъ Геркулесовъ, съ совершеннымъ равнодушіемъ. Лицо его выражало спокойствіе и важность.

Милякръ попросилъ насъ сѣсть. Вокругъ него помѣстились сыновья его. Въ комнатѣ царствовала глубокая тишина. Меня поразило выраженіе безнокойнаго любопытства, которое я замѣтилъ на лицахъ всѣхъ женщинъ.

Тишина и молчаніе продолжались еще нѣсколько минутъ; не знаю, для чего это дѣлалось: хотѣлъ ли Милякръ придать болѣе торжественности всему засѣданію, или, дѣйствительно, обдумывалъ свои намѣренія. Одно обстоятельство удивило меня. Несмотря на ссору, бывшую между землемѣромъ и сквоттеромъ, на лицѣ Милякра, не было никакой злости.

Я увидѣлъ, наконецъ, что въ настоящемъ случаѣ, я игралъ второстепенную роль; а главная принадлежала землемѣру. На него смотрѣли, какъ на сильнѣйшаго и опаснѣйшаго врага.

— Землемѣръ! сказалъ съ разставовкою и съ важностью судья: ты всегда идешь противъ меня и моихъ. Ты, по одному уже званію своему, нашъ врагъ.

— Я врагъ всѣхъ негодяевъ, Милякръ; я не скрываю и не хочу скрывать этого, сказалъ съ твердостью Андрей. Ты говоришь, что я по своему званію, вашъ врагъ? Ошибаешься. Скорѣй ты мнѣ врагъ; потому-что ты и подобные тебѣ, лишаютъ насъ, землемѣровъ, всего; вы незаконно захватываете землю, селитесь на ней, ни говоря ни слова владѣльцамъ.

— Къ чему сердиться, землемѣръ? Теперь, когда ты находишься въ моей власти, я хочу окончателно поговорить съ тобой. Мы старѣемся и приближаемся къ концу, не мѣшаетъ подумать иногда объ этомъ. Я прибылъ сюда, не изъ голландской колоніи, а изъ земли, гдѣ знаютъ, что есть еще жизнь и за гробомъ.

— Къ чему ты говоришь мнѣ объ этомъ, Милякръ? сказалъ съ сердцемъ Андрей. Оставь религію; я уважаю её, но не хочу

слышать объ ней отъ сквоттера. Скажи мнѣ, для чего вы, Янки, приходите на землю Голландца? Я этого не могу понять. Вѣрно для Янковъ и Голландцевъ не одно и тоже написано въ Библии?

— Можетъ быть.... но оставимъ разговоръ объ религіи, землемѣръ.

— И прекрасно сдѣлаешь, сказалъ Андрей;... ты не много въ этомъ понимаешь.

— Послушаемъ, что можетъ сказать Мильакръ, въ свое оправданіе, сказалъ я, вмѣшавшись въ разговоръ: вы ему отвѣтите послѣ; по моему мнѣнію, одна вы въ состояніи защищать правое дѣло.

Андрей согласился на мое предложеніе. Сквоттеръ, которому не только хотѣлось оставить за собою землю, но и доказать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ совершенно правъ, сказалъ:

— Молодой человѣкъ, я самъ желаю одного только: обстоятельно поговорить съ вами объ этомъ, пора кончить нашъ поземельный споръ.

— Представь себѣ, сказалъ землемѣръ, приспособляя слова свои къ дикимъ понятіямъ сквоттера: представь себѣ двухъ человѣкъ, которые начинаютъ жить въ одно время. Имъ обонимъ нужны фермы; они идутъ въ лѣсъ и каждый изъ нихъ желаетъ занять одно и то же мѣсто. Что жъ они будутъ дѣлать? кто возьметъ?

— Кто первый пришелъ, тотъ и бери, въ этомъ по моему мнѣнію и право владѣнія.

— Хорошо, согласенъ съ тобой, Мильакръ; да гдѣ жъ граница этому владѣнію?

— Да я ужъ сказалъ тебѣ, что каждый беретъ, сколько ему надо для своихъ нуждъ.

— А когда придетъ другой и захочетъ поселиться подлѣ первого, гдѣ же проведутъ они границу?

— А тамъ, гдѣ найдутъ лучше, вскричалъ Тобя, терявшій

терпѣніе; какіе это были бы сосѣди, которые не согласились бы между собою въ такихъ пустякахъ.

— Однимъ словомъ; если бы два нашихъ сквоттера захотѣли имѣть одну и ту же землю, кто жъ между ними правъ?

— Да что съ тобой! тебѣ надо повторать сто разъ, что ли? Я сказалъ уже: кто первый пришелъ, тотъ и бери.

— А! вотъ этого-то я и желалъ! Такъ ты развѣ первый пришелъ сюда? Развѣ задолго до тебя не владѣли этой землею генералъ Литтлпеджъ и полковникъ Фоллокъ? Развѣ не они её вымѣряли и раздѣлили на участки? Они владѣютъ этой землею болѣе двадцати-пяти лѣтъ, хотятъ сберечь её, и по твоимъ даже правиламъ, кажется, имѣютъ на то право.... Я не удивляюсь, помолчавъ, сказалъ землемѣръ: что тебя назвали Мильакромъ! Ты скоро захватишь всю землю!

Сквоттеръ не въ состояніи былъ вынести послѣдняго упрека; онъ вдругъ прервалъ засѣданіе, отъ котораго ждалъ совершенно другихъ результатовъ.

— Отведите его! сказалъ онъ своимъ дѣтямъ, отойдя отъ двери. Я не ручаюсь за себя.

— Посмотрите на нихъ, послушайте этихъ дикихъ дѣтей! сказалъ Андрей, возвращаясь въ темницу. Только то и хорошо, что дѣлается для нихъ.

Землемѣра увели; а меня оставили. Пруденція также ушла со всѣми своими дѣтьми. Меня, казалось, забыли. Вдругъ, какой-то шорохъ обратилъ мое вниманіе; я оглянулся и увидѣлъ Лавинію, которая, приложивъ палецъ къ губамъ, дѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я вошелъ въ корридоръ, изъ котораго лѣстница вела на чердакъ. Не думая о послѣдствіяхъ, я исполнилъ желаніе Лавиніи, войдя въ корридоръ, бросился къ окну, хотѣлъ уже вырыгнуть, какъ вдругъ Лавинія схватила меня за руку.

— О, сохрани васъ Богъ!... Не прыгайте въ окно, ... не то васъ увидятъ и непременно убьютъ. Не уходите теперь. Сту-

пайте сюда... опуститесь въ этотъ подвалъ.... Вотъ люкъ.... я васъ увѣдомлю обо всемъ.

Нельзя было терять времени. Она открыла люкъ, и я въ одно мгновеніе очутился въ подвалѣ.

Все это сдѣлалось въ одну минуту. Спустя нѣсколько времени, я услышалъ надъ собой тяжелые шаги Мильakra и крикъ нѣсколькихъ голосовъ. Очевидно было, что они замѣтили мое отсутствіе, и что меня вездѣ искали. Пруденція громко и прозвительно кричала:

— Лавинія! Лавинія! Гдѣ ты?

— Я здѣсь, матушка, отвѣчала Лавинія; вы приказали мнѣ принести новую Библию.

Лавинія говорила правду, и потому отклонила отъ себя всякое подозрѣвіе. Новый топотъ послышался надъ моей головой.

— Его надо непременно поймать! кричалъ Мильакръ; иначе мы пропадемъ;... мы ничего не успѣемъ спасти.

«Онъ наверху!» кричалъ одинъ голосъ. «Онъ въ подвалѣ!» повторялъ другой. Одни ползли по лѣстницѣ на верхъ, другіе вытаскивали изъ люка ящикъ, который нарочно поставила Лавинія.

Подвалъ былъ тѣсенъ. Въ немъ помѣщались двѣ кадки, наполненныя свинной. Скрыться было негдѣ. Я прижался въ самый темный уголъ; но счелъ себя погибшимъ, когда увидѣлъ сначала двѣ ноги, спускавшіяся по лѣстницѣ внизъ, ко мнѣ, потомъ еще двѣ, и наконецъ пять человѣкъ; въ числѣ которыхъ было три женщины, очутились въ подвалѣ. Четвертая женщина въ которой я узналъ Лавинію, стояла у люка, вѣроятно, съ намѣреніемъ, чтобъ не пропускать туда свѣтъ. Первый спустившійся ко мнѣ человѣкъ началъ обшаривать всѣ углы; счастливая мысль мелькнула въ моей головѣ: я рѣшился подражать ему. Темнота мѣшала видѣть меня. Вскорѣ Тоби подбѣжалъ къ лѣстницѣ и закричалъ: «Окно! окно!... Ступайте къ окну!» Не прошло и полуминуты, какъ подвалъ опустѣлъ.

Я едва вѣрнулъ своему счастью; люкъ снова закрылся и глубокая тишина водворилась вездѣ.

Положеніе мое было не совсѣмъ пріятно. Заключенный въ подвалъ, не имѣя возможности вырваться оттуда, безъ того, чтобъ не попасть снова въ руки сквоттеровъ, я начиналъ уже жалѣть, что послушался и увлекся совѣтами Лавиніи.

Разсуждая объ этомъ, я вдругъ замѣтилъ, что люкъ снова открылся, и Лавинія тихо произнесла мое имя. Я подошелъ къ лѣстницѣ и увидѣлъ, что она дѣлала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ вонъ. Я слѣпо повиновался ей.

— Не правда ли смѣшно?.. сказала она мнѣ на ухо, когда я очутился подлѣ нея... васъ никто не узналъ? Тсъ!... не говорите! сказала она, замѣтивъ, что я хочу отвѣчать; они всѣ очень близко, ... они ищутъ васъ... Я хочу увести васъ отсюда... успѣете ли вы добраться до мельницы?... туда нельзя ожидать никого.

— Но какъ же? меня могутъ увидѣть, если она всѣ такъ близко отсюда?

— Какъ знать: подойдите сюда, къ дверямъ, и вы увидите, что есть возможность скрыться. Всѣ смотрятъ въ противоположную сторону; постарайтесь только добраться вонъ до тѣхъ бревенъ, и вы спасены. На мельницѣ, скройтесь на самомъ верху.

Во ста шагахъ отъ меня сложены были срубленные деревья; склады эти тянулись до самой мельницы. Вся трудность состояла въ томъ, чтобъ пройти разстояніе, которое отдѣляло меня отъ бревенъ. Выждавъ минуту, когда никто не обращалъ вниманія въ эту сторону, я легъ на землю и осторожно, поползъ; чрезъ нѣсколько секундъ я былъ у бревенъ. Никто не кричалъ; изъ этого я могъ заключить, что меня не замѣтили. Достигнуть мельницы было не такъ уже трудно. Къ счастью, домъ скрывалъ меня отъ враговъ. Я увидѣлъ Лавинію:

крѣпко стиснувъ руки на груди, она съ явнымъ безпокойствомъ слѣдила за мною. Наконецъ я очутился на мельницѣ, и тогда только въ сердцѣ моемъ блеснула надежда быть спасеннымъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

=

Науки и Художества.

СВЕКЛОСАХАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССИИ.

Свекловичный сахаръ сталъ положительнымъ русскимъ промысломъ не далѣе, какъ въ тридцатыхъ годахъ.

До 1840 года считалось въ средней и югозападной полосѣ Россіи до 140 свеклосахарныхъ заводовъ; на нихъ добывалось сахарнаго песку до 150 т. пудовъ.

Въ 1844 году было заводовъ до 200 *, т. е. болѣе противъ 1840 года 60 заводами, — что составитъ въ четыре года среднимъ числомъ по 15 заводовъ на годъ; сахарныхъ же издѣлій, преимущественно въ песокѣ, получено отъ нихъ, въ послѣдній изъ показанныхъ годовъ, болѣе нежели въ три раза противъ 1840 года, а именно — до 480 т. пудовъ.

Въ 1845 году прибавилось заводовъ нѣсколько менѣе показанной пропорціи, но количество добытаго сахару противъ 1840 года возрасло болѣе, нежели въ 5 разъ, а именно до 800 т. пудовъ **.

* Здѣсь исключено нѣсколько малозначительныхъ заводовъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на сахарное производство.

** Въ этомъ году сахарнаго песку было только 400 т. пуд., и кромѣ того выдѣлаемо на свеклосахарныхъ заводахъ рафинаду до 200 т. пуд., который, полагая 30 фунтовъ за пудъ сахарнаго песку, составитъ еще 400 т. пуд., всего 800 т. пудовъ.

Если положить, что въ такой же пропорціи было увеличеніе числа заводовъ и количества сахара въ послѣдніе два года, то надобно полагать, что къ началу 1848 года существовало въ Россіи не менѣе 240 заводовъ, и на нихъ выдѣлано, въ прошломъ году, 1,400,000 пудовъ сахара.

Для большей ясности, умноженіе заводовъ и возрастаніе на нихъ количества сахарныхъ издѣлій, мы представимъ за каждый годъ отдѣльно, въ круглыхъ числахъ.

Въ 1840 году было 140 заводовъ; на нихъ выдѣлано сахарнаго песку до 150 т. пудовъ; среднимъ числомъ по 1000 пудовъ на заводъ.

Въ 1844 году считалось 200 заводовъ; выдѣлано сахару 480 т. пуд.; среднимъ числомъ 3,700 пудовъ.

Такимъ образомъ съ 1840 по 1846 г. заводовъ прибавлялись круглымъ числомъ по 15-ти ежегодно, между тѣмъ какъ количество выдѣланнаго песку приходилось на каждый заводъ въ такой пропорціи: въ 1840 г. 1, въ 1844 г. 2, въ 1845 г. 3,7.

Количество свеклы, доставляемой на заводы отъ окрестныхъ владѣльцевъ, какъ подтвердилось при обзорѣи значительнаго числа заводовъ въ прошлую осень, равняется одной трети, а на нѣкихъ заводахъ превосходитъ по своему весу переработываемой пропорціи:—Всѣма неимогіе заводы, и то болышею частію нехкіе; не имѣющіе оборотнаго капитала; ограничивались свеклою со своихъ только плантацій, и почти не было такихъ заводовъ, которые бы довольствовались одною покупною свеклою.

Нѣрѣдко случалось, что тамъ, гдѣ промыселъ этотъ, при благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, наиболѣе взореннлся, столько доставлялось свеклы на заводы посторонними землевладѣльцами, что заводчики не въ состояніи были ее переработать.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ изобиліи свеклы, соперничество возрастаетъ, цѣны на нее падаютъ, и въ этомъ случаѣ какъ всегда, терпятъ больше всѣхъ поселене, потому что они не имѣютъ возможности, ни заключить обезпечивающій ихъ продуктъ контрактъ съ заводчикомъ, ни условиться съ нимъ заблаговременно въ цѣнѣ.

Избытокъ въ продуктѣ, изъ котораго выдѣлывается сахаръ, назалось, долженъ бы, не ограничивался однимъ только увеличеніемъ производства на существующихъ уже заводахъ, возбужде соревнованіе въ помѣщикахъ, не участвующихъ въ свеклосахарномъ

производства; къ устройству новыхъ заводовъ; между тѣмъ приведенныя выше цифры показываютъ, что современное устройство чина заводовъ вовсе не соответствуетъ быстро возрастающей пропорціи увеличивающагося на нихъ производства. Поэтому нельзя не замѣтить, что при всемъ, по видимому, быстромъ развитіи у насъ свеклосахарнаго производства, къ устройству свеклосахарныхъ заводовъ требуются средства, которыя, до сихъ поръ, еще не устранены.

Въ 1844 году было:

До 90 завод., перерабатывающихъ сах. песку отъ 200 до 1000 пуд.

50	—	—	—	—	—	—	2000	—
22	—	—	—	—	—	—	3000	—
17	—	—	—	—	—	—	4000	—
5	—	—	—	—	—	—	5000	—
2	—	—	—	—	—	—	6000	—
6	—	—	—	—	—	—	7000	—
5	—	—	—	—	—	—	19.000	—
5	—	—	—	—	—	—	25.000	—

Поэтому, послѣднихъ пяти разрядовъ заводы (числомъ 23) вырабатывали сахарнаго песку столько, и даже нѣсколько болѣе, сколько въ совокупности всѣ остальные заводы (числомъ 177).

Вся значительная масса мелкихъ заводовъ образовалась преимущественно до 1840 года; съ того же времени развитіе мелкихъ заводовъ не подвинулось, а увеличилось только число заводовъ большаго размѣра.

Въ 1844-году сахарные заводы были въ 14-ти губерніяхъ.

Они представляютъ слѣдующую пропорцію по губерніямъ:

	Число заводовъ.	Сколько придется на каждый заводъ выработан. песку.	Въ годъ.
Кіевской	43	3600 пудовъ	154.800 пудовъ.
Черниговской	26	2600 —	54.600 —
Харьковской	25	1600 —	40.000 —
Тульской	22	2300 —	50.600 —

* До сихъ поръ эта промышленность исключительно находится въ рукахъ владѣющихъ значительными числомъ земель съ крестьянами.

№	Наимъ		
Куртской	22	900 —	19.800 —
Воронежской	18	4100 —	73.800 —
Подольской	18	2500 —	45.000 —
Полтавской	9	1900 —	17.100 —

Въ остальныхъ за тѣмъ 6-ти губерніяхъ всѣхъ заводовъ было 23, и на каждый изъ нихъ среднимъ числомъ приходилось сахарнаго песку по 480 пудовъ.

Въ 1845 году отношеніе сахарнаго песку и заводовъ измѣнилось по губерніямъ:

	Число заводовъ.	Среднее количество сахарнаго песку на каждый заводъ.	Итого.
Кіевской	43	11.000 пудовъ.	473.000 пудовъ
Черниговской	24	1600 —	38.400 —
Харьковской	14	1700 —	23.800 —
Тульской	23	3100 —	71.300 —
Курской	22	810 —	17.820 —
Воронежской	12	4100 —	49.200 —
Подольской	17	2100 —	35.700 —
Подтарской	13	1200 —	15.600 —

Кромѣ того, въ шести не поименованныхъ выше губерніяхъ, изъ 23 заводовъ осталось только 16; но вмѣсто 480 пудовъ среднее количество добываемаго сахара возрасло до 800, а на одномъ до 4800 пудовъ.

За тѣмъ, въ 1845 году вновь введено сахарное производство въ 6-ти губерніяхъ съ 31 заводомъ, въ которыхъ средняя пропорція песку была отъ 1000 до 1600 берковцевъ.

При сравненіи числа заводовъ и количества выработаннаго на нихъ сахара по губерніямъ оказывается, что въ 1845 году уменьшилось и число заводовъ, и количество выработаннаго сахара въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ производство было въ 1844 году; но вмѣсто того прибавилось вновь 6 губерній, отъ чего, въ общей сложности, количество сахара въ 1845 году было больше противъ 1844 г.

Въ одной только кіевской губерніи, при томъ же количествѣ заводовъ, выработано сахару въ 1845 году столько, сколько въ предшествовавшемъ году въ сложности получено во всѣхъ 14-ти губерніяхъ, гдѣ выдѣлка сахара производилась.

Изъ этого можемъ заключить, что если превосходные устья сахарнаго дѣла по кievской губерніи, и открытіе въ 1845 году свеклосахарнаго производства вновь въ шести губерніяхъ доказываютъ, что эта отрасль промышленности быстро развивается, то уменьшеніе числа заводовъ въ прочихъ губерніяхъ, гдѣ эта промышленность получила также освѣдось, представляетъ не менѣе разительныя доказательства, что эта статья нашего хозяйства, по видимому, находится въ колебаніи, и далека еще отъ того, чтобы ее можно было считать утвердившеюся у насъ на прочныхъ основаніяхъ.

Разсмотримъ причины такого колебанія.

Мы говорили уже, что изъ 200 заводовъ 22 производятъ столько сахарнаго песку, сколько остальные 177 заводовъ меньшаго размѣра. Заводы, построенные въ огромныхъ размѣрахъ, снабжены аппаратами съ усовершенствованіями, одѣланными по этой части за границею, и оттуда съ большими издержками выписанными; между тѣмъ какъ малые заводы не въ состояніи обзавестись подобными аппаратами.

Чтобы убѣдиться, въ какой степени существуетъ превосходство въ устройствѣ большихъ заводовъ предъ малыми, стоить рассмотреть выходы сахарнаго песку и рафинада, и издержки на заводское производство.

При паровомъ производствѣ и гидравлическихъ прессахъ, средній выходъ песка часто превышаетъ 20, и возвышается до 24 фунтовъ пробѣлннаго песка, и рѣдко менѣе 18 фунтовъ.

Такіе выходы существуютъ на нѣкоторыхъ изъ заводовъ кievской, саратовской, воронежской и черниговской губерніи; между тѣмъ какъ при огнепальномъ производствѣ, — сюда принадлежатъ исключительно всѣ мелкіе заводы, снабженные при томъ, большею частію, ручными прессами, или производящіе выварку первыхъ соковъ посредствомъ вымочки, — средняя пропорція такого же сорта песку рѣдко превышаетъ 12 фунтовъ съ берковца, а часто бываетъ не свыше 10 фунтовъ.

То же самое можно сказать и о рафинировкѣ. При аппаратахъ сложныхъ (не дѣйствующихъ на големъ огнѣ), изъ пуда бѣлаго песка получается рафинаду отъ 24 до 32 фунтовъ. При аппаратахъ же простыхъ (на големъ огнѣ), отъ 13 до 18 и 20 фунтовъ.

Самыя же издержки по этимъ двумъ различнымъ производствамъ представляются наоборотъ, наприимѣръ: для выпарки одного и того же количества сырыхъ соковъ и сироповъ, и для

расширения на огневых заводах, потребуются драги, по крайней мере, такое противоречіем того же количества свеклы на заводах, снабженных паровыми прессами; то же самое можно сказать и о рабочих; число ихъ, при ручныхъ прессахъ, вѣроятно разъ превышаетъ потребности для выжимки того же количества свеклы на гидравлическихъ прессахъ.

Если сосчитать эти излишки въ расходахъ, и принять во вниманіе неравномерное добываніе сахарнаго веску и рафинада, то окажется, что какъ тотъ, такъ и другой по крайней мере въ половину обойдется дешевле на заводахъ усовершенствованной конструкціи, въ сравненіи съ заводами простой конструкціи.

Не смотря, однакожъ, на эту несоразмѣрность въ издержкахъ на добываніе сахара, выгоды, представляющіяся отъ этого производства, при нашей охранной таможенной системѣ, такъ велики, что и заводы простой конструкціи могли бы доставлять значительную пользу для ихъ владѣльцевъ, еслибы устройство такихъ заводовъ было производимо опытными механиками; но мы имѣемъ еще такъ мало свѣдущихъ по этой части людей, тогда недостаткомъ ихъ владѣльцы недвижимыхъ имѣній, увлекаемые надеждами на значительныя выгоды, поручаютъ, весьма часто, постройку заводовъ людямъ вовсе несвѣдущимъ и, такъ сказать, только практикующимся на счетъ своихъ довѣрителей.

Нерѣдко случалось видѣть, что подобный строителя, не смотря на неудачу въ постройкѣ одного завода, получалъ вдругъ два, три заказа отъ отдельныхъ владѣльцевъ; чему приписать такое ослѣпленіе, или, лучше сказать, такое непреодолимое, общее увлеченіе владѣльцевъ средней и югозападной половины Россіи участвовать въ свеклосахаровареніи, не смотря на то, что многіе больше теряютъ, нежели выигрываютъ отъ этого производства? Это обстоятельство заслуживаетъ большого вниманія потому, что въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ ни одна отрасль сельскаго хозяйства не получала такого общаго стремленія, и не достигала такого быстраго развитія въ столь короткое время, если только періодъ этого развитія будемъ считать съ тридцатыхъ годовъ, когда свеклосахарное производство получило постоянную у насъ основательность. Разгадать это не трудно.

До развитія свекловичныхъ плантацій, главные торговые продукты нашихъ европейскихъ губерній заключались преимущественно: въ различныхъ родахъ хлѣба, пенькѣ, льнѣ, сѣнѣ, шерсти, табакѣ и другихъ. Цѣнность этихъ продуктовъ зависитъ

сть. Большаго или меньшаго требованія ихъ за границу, — почему и цѣны на нихъ всегда непостоянны; это непостоянство цѣнъ увеличивается еще отъ того, что при отдаленности разстоянй отъ портовъ, — продажа этихъ продуктовъ иностраннымъ negociантамъ производится не изъ первыхъ рукъ, но переходитъ въ достоянiе барышниковъ, которые не упускаютъ случая воспользоваться всеми возможными средствами, не только къ возвышенiю цѣнъ въ пертахъ, но даже и къ пониженiю ихъ на мѣстѣ покупки. Не смотря на это, помѣшники часто не имѣютъ возможности сбыть этимъ барышникамъ свой товаръ большими партиями, на наличныя деньги, а особливо когда они, при недостаткѣ оборотныхъ капиталовъ, побуждаются необходимостью сбыть вдругъ свой товаръ.

Совсѣмъ въ другихъ отношенiяхъ находится наша торговля сахаромъ. Не мы его отпускаемъ за границу, а къ намъ его привозятъ. Потребность въ немъ годъ отъ году увеличивается и цѣны держатся почти равныя, и никогда, при существующемъ тарифѣ, не могутъ неизвиться до того, чтобы вредить нашимъ заводчикамъ, пользующимся значительнымъ перевѣсомъ предъ колониальными, если не искусствомъ обработки, то дешевизною матеріаловъ для производства, и низкою задѣльною платою рабочимъ.

Въ наше время, сколько бы вы ни имѣли въ своихъ магазинахъ сахара въ мешкѣ, или рафинадѣ, всегда можете считать его за лишний деньги; хотите продать его, — покупатель всегда найдетъ. Какъ бы не была далека перевозка, незначительная плата за нее, а особливо во время зимняго пути, при цѣнности товара, не убыточно на немъ раскладывается. При нашемъ безденежьи изъ губерніакъ, отдаленныхъ отъ промышленнаго центра, — сахаръ составляетъ тѣ же деньги; его — вы можете безъ труда заложить и безъ убытка промѣнять на какой угодно товаръ. Часто случается, что торговцы, вмѣсто денегъ за проданный товаръ, привозятъ сахаръ изъ Риги и другихъ портовъ, и на этотъ сахаръ, какъ на наличныя деньги, снова закупаютъ нужный товаръ, для отправленія въ Ригу.

Такъ было до сихъ поръ и такъ будетъ еще долго, благодаря годъ отъ году, распространяющемуся у насъ потребленiю этого продукта. — Немногія статьи нашей сельской промышленности, встрѣчая постоянно возрастающее соперничество на иностранныхъ рынкахъ, отъ распространенія этихъ статей въ Америкѣ, Южной Индiи и Австраліи (тамъ гдѣ прежде онѣ едва были из-

вѣстны), не могутъ похвалиться такою счастливою будущаю, какую ожидаетъ наша сахарная торговля. Намъ предстоитъ еще, какъ мы увидимъ ниже, вытѣснить изъ своихъ портовъ не менѣе 1.700.000 пудовъ колониальнаго сахара, а это не скоро еще случится, потому что, по мѣрѣ того какъ развивается кругъ дѣйствій нашихъ свеклосахарныхъ заводовъ, распространяется на него потребность въ народѣ.

Гдѣ положить предѣлъ этой потребности въ государствѣ, въ которомъ болѣе 60 милліоновъ жителей, и изъ которыхъ едва ли двадцатая часть только ознакомилась, но не свыклась еще съ нею, дѣлающеюся при нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ не роскошью, но почти необходимостью для того, кто хотя нѣсколько повялъ улучшеніе своего быта, кто вышелъ изъ предѣловъ грубаго невѣжества?

Мы не считаемъ мнѣнія своего слишкомъ смѣлымъ, если станемъ утверждать, что предѣлы извѣстной степени образованія у насъ едва ли не безошибочнѣе, по многимъ, не касающимся нашей статьи, причинамъ, считать цифрами потребленія сахара и чая, нежели числомъ грамотныхъ и безграмотныхъ, какъ обыкновенно это дѣлается.

Можемъ положительно утверждать, что потребленіе сахара годъ отъ году должно распространяться у насъ почти съ такою же быстротою, какую представляютъ цифры увеличившагося добыванія сахара въ 1844, 1845, 1846 и 1847 годахъ, потому что промыселъ этотъ тѣсно связанъ съ народнымъ образованіемъ, и подобно тому, какъ вѣчно переходящее время ничто и никакія препятствія не могутъ остановить, — такъ и развитіе потребленія сахара не подлежитъ условію никакихъ спекуляцій, никакихъ административныхъ ограниченій.

Понимая дѣло съ этой точки зрѣнія, при введеніи въ нашу свеклосахарную промышленность акциза, въ настоящее время, — послѣдствія его видѣть не трудно: заводы сложной, усовершенствованной конструкціи, которые, какъ мы видѣли, получаютъ выходы сахарнаго песка и рафинада вдвое болѣе, и притомъ при меньшихъ расходахъ, противъ заводовъ простѣйшаго устройства, по количеству добываемаго сахара, будутъ вносить половину менѣе акциза, въ сравненіи съ теми послѣдними заводами; и потому, не чувствуя никакой тягости отъ акциза, не будутъ имѣть надобности въ возвышеніи цѣнъ на ихъ произведенія; между тѣмъ какъ заводы, лишеныя этихъ выгодъ, должны необходимо возвы-

ить цену на сахаръ, чтобы сохранить свои незначительныя выгоды, которыя безъ акциза, какъ мы видѣли, теперь должны изъ предпріятіе колеблущіяся.

Послѣдствія разгадать не трудно. Такого рода заводы не могутъ надолго сохранить свою самобытность,—они должны, или признать свое устройство къ выгоднѣйшему производству, или закрыть свои дѣйствія. По этому наша существенная выгода,—сдѣлать реформу въ нашихъ сахарныхъ заводахъ, въ началѣ развитія этого промысла, потому что если изъ 240 заводовъ $\frac{1}{3}$ должны быть поражены необходимостью измѣнить свое устройство, или при недостаткѣ техническихъ пособій, вовсе закрыть свои дѣйствія,—то въ общихъ видахъ государственнаго хозяйства, ущербъ этотъ не такъ будетъ ощутителенъ, какъ въ то время, когда промыселъ этотъ достигнетъ болѣе обширнаго развитія; и когда, быть можетъ, въ нѣсколько разъ большее число заводовъ должно подвергнуться той же участи, если не отъ акциза, то отъ заводовъ усовершенствованной конструкціи большаго размѣра, которыхъ соперничество, какъ мы видѣли, годъ отъ году возрастаетъ. Въ этомъ случаѣ акцизъ предупредитъ только то, что сдѣлаетъ время и усовершенствованіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что при введеніи акциза устройство новыхъ, меньшихъ заводовъ въ началѣ, при недостаткѣ у насъ надежныхъ техническихъ пособій, не будетъ быстро распространяться; за то не будетъ и тѣхъ неблагоприятныхъ перемѣнъ, какія, какъ мы замѣтили, произошли въ одинъ 1845 годъ въ сравненіи съ 1844 годомъ, на тѣхъ заводахъ, гдѣ наиболѣе не доставало хорошаго устройства благонадежныхъ производителей.

При томъ, рано или поздно, акцизъ долженъ быть, а нѣтъ ничего тягостнѣе, какъ неизвѣстность; одно ожиданіе акциза, при неразлучныхъ съ нимъ преувеличеніяхъ, можетъ также замедлить и удержать многихъ нерѣшительныхъ владѣльцевъ отъ постройки новыхъ заводовъ.

Намъ скажутъ: какая польза государству, если принятыя начала для устройства заводовъ будутъ хотя благонадежны, но самое развитіе промысла замедлится, и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что въ заводахъ, гдѣ нѣтъ ни правильности въ устройствѣ, ни совершенства въ производствѣ, происходятъ частыя неблагоприятныя измѣненія, если общая сложность заводовъ и выдѣлываемыхъ на нихъ издѣлій годъ отъ году постоянно увеличивается? — Вотъ какая польза и вотъ какой вредъ:

Безъ есть недостатка технических пособій, для лучшего производства сахара, и превосходствъ инженерная основанка изъ, пространныхъ заводовъ, по прежнимъ устарѣлымъ образцамъ, что въ то же время, есть сильная выгода, которая обещаетъ заводы усовершенствованной конструкціи, поставятъ заводчикамъ въ необходимость изыскать все лучшие пособия, для устройства однихъ надежныхъ и безубыточныхъ заводовъ; при этомъ побужденіи могутъ только образоваться у насъ свои собственныя, надежныя печалки, которые можно безъ риска довернуть свои капиталы, и отыскать мастера, на искусство которыхъ можно можемъ полагаться; наконецъ эта же самая необходимость заставить насъ выискать у себя дома средства приготовить усовершенствованные аппараты по дешевой цѣнѣ, не прибѣгая къ крайности выписывать ихъ изъ за границы, что становится очень дорого, и при ограниченнхъ средствахъ малыхъ заводчиковъ не всякому изъ нихъ доступно.

Мы уже сказали, что на заводахъ усовершенствованной конструкціи, если не больше, то по крайней мѣрѣ много требуется рабочихъ рукъ и горючихъ матеріаловъ; хотя, за всѣмъ тѣмъ, не извлекается и половины того количества песка и рафинера, какое можно получить на тѣхъ заводахъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ недостатковъ. Довольно этого, чтобы удовлетвориться въ великодушъ подобнаго устарѣлаго производства; но мы еще болѣе убѣдился въ вредномъ вліяніи, какое эти недостатки могутъ имѣть на прочія отрасли нашего сельскаго хозяйства, и на самый существенный промыселъ, если допустимъ дальнѣйшее развѣтленіе его на подобныхъ, сомнительныхъ началахъ, и примемъ во вниманіе, сколько рабочихъ рукъ напрасно употребляются при несовершенствованныхъ аппаратахъ, а слѣдовательно сколько тратится лишнихъ издержекъ на ихъ содержаніе, и сколько потребляется бесполезно леса при огнепальномъ производствѣ, — не говоря уже о томъ, что при невѣрныхъ и рискованныхъ берышкахъ на подобныхъ заводахъ больше всѣхъ теряютъ владѣльцы свекловичныхъ плантацій, которые должны довольствоваться ограниченною и часто невѣрною платою, между тѣмъ какъ свеклосахарный промыселъ только тогда заслуживаетъ покровительства, когда онъ служитъ поощреніемъ земледѣлію и даетъ безобидную плату поселянину за его труды; но можетъ ли то и другое достаточно вознаграждаться, если самъ заводчикъ не извлекаетъ всей пользы изъ свеклы, и при ограниченнхъ выгодахъ долженъ содер-

жизнь дашеся плечо рабочих?—ему остается или уменьшить цену на сырую и задѣльную плату, или прекратить дѣйствія завода.

При томъ, замысливая средства къ выгодному сбыту нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ, не должно ли, съ тѣмъ вмѣстѣ, заботиться, чтобы это невознаградимое наследіе нашихъ предковъ не было истощеномъ безполезно, и для ихъ владѣльцевъ, не получавшихъ значительнаго вознагражденія, при невѣрныхъ барышахъ заводчиковъ, и напрасно для нихъ самихъ?

Не нужно имѣть дара предвидѣнія, чтобы убѣдиться, что при распространеніи пароваго свеклосахарнаго производства огнечалное долге держаться не можетъ, и если оно существуетъ и постепенно распространяется, то потому лишь, что первое теперь еще довольно рѣдко, и что дешезавна лѣсныхъ матеріаловъ и рабочихъ, при совершенно свободномъ отъ всякаго налога лѣздышаніи сахара, даетъ возможность огнечалному производству держаться. Какъ скоро всѣ эти отношенія измѣнятся, огнечалныя заводы должны неизбежно прекратить свои дѣйствія; но это случится не прежде, какъ когда всѣ лѣса въ окрестностяхъ заводовъ, на значительное пространство, будутъ истощены и истощател средства на это усилешное, убыточное для заводчиковъ и тягостное для сосѣднихъ обывателей производство, тягостное для этихъ несомнѣнныхъ потому, что и ихъ прибыль тѣло связанъ съ благосостояніемъ заводовъ.

Продѣръ столь неуравнительнаго производства не новъ; всѣ, такъ называемыя, привилегированныя губерніи испытали эту неравную борьбу огнечалнаго и пароваго производства на винокурныхъ заводахъ. Пока не было паровыхъ, огнечалныя заводы, не смотря на нещадное истребленіе дѣса и на плохія выгоды, долго существовали. — Появились паровыя винокурныя заводы, благосостояніе огнечалныхъ рушилось, — но рушилось не вдругъ, а постепенно, пока совершенно не истощилась средства и пока чрезъ нихъ не обдѣили всѣ окрестные обыватели.

Насъ спросятъ: если главнѣйшія статьи сельскаго хозяйства, какъ то: пенька, ленъ и другія, а равно и выдѣлываемыя изъ нихъ мануфактурныя произведенія не обложены внутреннею пошлиною, то по какому особенному уваженію свеклосахарный промыселъ, одинъ изъ наиболѣе содѣйствующихъ земледѣлію, представляется необходимымъ обложить акцизомъ? На это отвѣчать не трудно: пенька, ленъ и другія сельскія произведенія отпускаются въ продажу за границу; тамъ ихъ главнѣйшій сбытъ.

Чѣмъ болѣе будетъ сбытъ этихъ сырыхъ продуктовъ, тѣмъ болѣе государство чрезъ то выиграетъ; потому что на большую часть изъ нихъ мы получаемъ въ обихѣ заграничные товары, и правительство, какъ бы въ замѣнъ акциза съ тѣхъ продуктовъ, получаетъ пошлину съ иностранныхъ товаровъ. Не въ такомъ отношеніи находится свеклосахарный промыселъ. Мы не отпускаемъ своего сахара въ продажу, слѣдовательно чрезъ эту статью правительство не имѣетъ никакого вознагражденія пошлиною, какую оно должно терять чрезъ неразвитіе этой статьи таможенного сбора, который конечно долженъ приостановиться чрезъ умноженіе сахарныхъ издѣлій внутри государства. Притомъ сахаръ во всѣхъ его видахъ не есть уже издѣліе сырое, а фабричное, и еслибъ мы могли обработать его столько, что оказался бы у насъ излишекъ и съ пользою можно было бы вывозить его за границу, то конечно правительство не преминуло бы возвратитъ взятый съ такого сахара акцизъ его владѣльцамъ, — какъ это дѣлается съ транзитными товарами.

Возьмемъ пятилѣтній привозъ сахарнаго песку и количество полученнаго съ него таможенного сбора до 1842 года, когда съ привознаго сахара сырца взымалось пошлины по 3 р. 21 $\frac{1}{2}$ к. съ пуда.

	Привезено.	Пошлины.
Въ 1837 году	1.797,449 пудъ.	5.846,220 р.
1838 —	1.634,718 —	5.292,370. —
1839 —	1.568,343 —	5,047,226. —
1840 —	1.799,712 —	5,778,421. —
1841 —	1.705,299 —	5,466,778. —

Пятилѣтняя сложность годичнаго привоза простиралась до 1,701,150 пудъ, а таможенный доходъ составлялъ 5,482,625 р. сер.

Съ 1842 года пошлина возрасла до 3 р. 80 к.

	Привезено.	Пошлины.
Въ 1842 году	1,922,562 пуд.	7,297,922 р.
1843 —	1,782,987 —	6,787,621 —
1844 —	2,133,588 —	8,067,123 —
	сырца и лумпа	
1845 —	1,674,190 —	6,352,812 —
1846 —	1,715,153 —	6,579,755 —

Пятилѣтняя сложность привоза составляетъ 1,705,856 пудовъ и таможенный сборъ равняется 6,997. 046 р. сер.

Сравнительно съ сахаромъ былъ привозъ:

	чаю.	кофею
Въ 1837 году	193,970 пуд.	129,146 пуд.
1838 —	201,152 —	101,901 —
1839 —	210,268 —	126,444 —
1840 —	218,985 —	153,292 —
1841 —	247,665 —	147,732 —
<hr/>		
Пятилѣтняя сложность привоза	214,208 —	131,703 —
Въ 1842 году	264,214 —	177,010 —
1843 —	231,464 —	131,111 —
1844 —	264,109 —	150,007 —
1845 —	330,053 —	160,095 —
1846 —	352,969 —	196,905 —
<hr/>		
Пятилѣтняя сложность.	288,741 —	163,025 —

Изъ этого видно, что привозъ чаю въ сложности увеличился на 26%, а привозъ кофе слишкомъ на 20%.—Этотъ избытокъ долженъ былъ отразиться и на сахарѣ. По сему разсчету въ послѣднее пятилѣтїе нужно бы ожидать увеличенїя привоза песку и лумпа среднимъ числомъ не менѣе 400 т. пудовъ, между тѣмъ какъ въ оба пятилѣтїя привозъ сахару оставался почти одинъ и тотъ же. Поэтому казна должна лишиться таможенныхъ доходовъ отъ сахара среднимъ числомъ почти 1,600,000 руб.

Здѣсь говорится о томъ, на сколько привозъ сахару долженъ бы увеличиться, если бы мы довольствовались однимъ колонїальнымъ сахаромъ; въ существѣ же, какъ видѣли выше, по всей вѣроятности, мы потребляемъ его гораздо болѣе, и это происходитъ отъ того, что промыселъ этотъ, сдѣлавшись туземнымъ, безъ сомнѣнїя развостранилъ большее, противъ обыкновеннаго, потребленїе его въ народѣ, на мѣстѣ самаго производства, потому что сахаръ, за недостаткомъ въ обращенїи денегъ, сдѣлался отчасти какъ бы мѣновымъ товаромъ, посредствомъ котораго производится иногда разсчетъ между заводчиками и окрестными сосѣдями за свеклу, дрова, и другїя принадлежности, чего, конечно, не было бы, если бъ колонїальный сахаръ былъ приобрѣтаемъ за однѣ наличныя деньги.

Коснувшись одного изъ главнѣйшихъ вопросовъ въ нынѣшнемъ свеклосахарномъ производствѣ: почему долженъ существовать акцизъ на отечественный сахаръ въ тѣхъ видахъ, въ конѣ

вообще организована наша таможенная система? Мы не обязаны отступать, если прежде объясненія нашей акцизной системы укажут на главнѣйшія энципныя системы, какія существуютъ нынѣ въ Западѣ, гдѣ свеклосахарное производство наиболѣе распространено. Въ этомъ отношеніи безспорно займутъ Франція и Пруссія вообще съ Германскими Таможеннымъ Союзомъ одно изъ первыхъ мѣстъ; съ тѣмъ только различіемъ, что этотъ промыселъ не пользуется особымъ покровительствомъ въ этихъ государствахъ: въ Пруссіи потому, что правительство признаетъ нужнымъ покровительствовать земледѣлію, безъ выдѣлія въ него посѣвовъ свекловицы, а въ Франціи, какъ отчасти по этой причинѣ, такъ и по необходимости уравнивать выгоды свекловичныхъ заводчиковъ съ колониальными, и чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, поддержать торговое морозаваніе.

Акцизная система Франціи.

Основаніемъ закона 1843 года было уравненіе акциза съ сахара внутренняго производства съ пошлиною колониальнаго. Для постепеннаго достиженія этого уравненія назначенъ былъ пятилѣтній срокъ.

На этомъ основаніи было взимаемо со ста килограмовъ (6-ть пудовъ):

Въ 1845 году	38 франковъ	50 сантимовъ
1846 —	44 —	« —
1847 —	47 —	50 —

т. е. столько, сколько взималось пошлины съ сахара сырецъ 1-й пробы, привозимаго съ острова Бурбона; и подлежащаго двойной пошлинѣ, противъ прочихъ сортовъ колониальнаго сахара.

Акцизъ на сахаръ выше 1-го сорта увеличивался $\frac{1}{10}$.

Выше 2-го сорта и на сахаръ въ головатъ ниже мѣлъ $\frac{2}{10}$.

На мелъ и леденецъ $\frac{2}{10}$.

Послѣ разныхъ перемѣнъ и затрудненій въ способѣ взиманія сего акциза, — въ 1846 году принятъ законъ слѣдующаго содержанія:

Каждый заводчикъ обязанъ былъ представить въ мѣсячное мѣсто подробное описаніе завода, съ обозначеніемъ числа; емкости и силы всѣхъ снарядовъ.

Предметы частной работы: заводчики слабеемы были слоганы: свидиселотомы, чиновъ въ 50 ершкы.

Заводчики обязаны вести, во опредѣленной сорти, расстргг главные операціи производства.

Заводы и всё принадлежащія имъ имѣнія, во всякое время подвергаются обыскамъ и повѣркамъ уполномоченныхъ для этого чиновниковъ.

Чиновники эти ведутъ по каждому заводу особый счетъ произведеніямъ фабрикаціи.

Налогъ исчисляется въ меньшей степени, по количеству и густотѣ соковъ, подвергаемыхъ сгущенію. Густота соковъ узнается посредствомъ особеннаго градуснаго прибора (денсиметра).

Чиновники во всякое время могутъ повѣрять правильность веденія счетовъ, и количество, оказавшееся свыше, конфискуется.

Достоинство сахара, по нѣвающимся на заводѣ образцамъ, опредѣляется полюбовно, а въ случаѣ несогласія образцы отправляются въ Парижъ, гдѣ въ подлежащемъ имѣетъ окончательно разбирается достоинство ихъ.

Заводчикамъ представляется, до оплаты акцизомъ, хранить готовый сахаръ въ магазинахъ свеклы, откуда могутъ перевозить на чистоту, какъ по ерлыкамъ и по уплатѣ акциза. При перевозкѣ сахара пломбируется.

Счета поступающаго въ эти магазины сахара, равно и откуски изъ нихъ, ведутся точно такъ же, какъ и на заводахъ.

Всякая утайка сахара подлежитъ конфискаціи; за незнатіе установленнаго ерлыка взимаются двойныя пошлыны.

Узаконенія въ Пруссіи и Германскомъ таможенномъ союзѣ.

Акцизная система на свекловичный сахаръ въ Пруссіи получила начало въ 1840 г. Система эта была нѣсколько измѣнена по случаю конвенціи, заключенной прусскимъ правительствомъ съ германскими владѣтелями таможеннаго союза въ 1841 г. Окончательное развитіе и утвержденіе свеклосахарной акцизной системы послѣдовало въ 1846 г. Сущность этой системы заключается въ слѣдующемъ:

Акцизъ взимается съ вѣса употребляемой свеклы, принявъ за швару 20 центнеровъ свеклы за одинъ центнеръ сахару (т. е. 5%, или 20 фунтовъ песку съ берковца).

Свекловица допускается въ сыромъ и сухой видѣ (принимая одинъ центнеръ сухой за 5 $\frac{1}{2}$, центнеровъ сырой свекловицы); та и другая, при поступленіи на заводъ, взвѣшивается въ присутствіи чиновника акцизнаго управленія, съ тѣмъ различіемъ, что за первую особеннаго присмотра не полагается; послѣдняя же хранится за замкомъ чиновника.

Чинovníкъ этотъ долженъ быть всякій разъ приглашаемъ при новомъ поступленіи сухой свеклы въ магазинъ, или при взятіи изъ него для передѣлки.

Заводы, въ которыхъ перерабатывается не болѣе 10 т. центнеровъ свеклы, послѣ повѣрки объявленнаго запаса и обзрѣнія его помѣщенія, могутъ быть подвергаемы общему акцизу, опредѣленному круглою суммою, безъ спеціальнаго перевѣшыванія свеклы.

Въ началѣ производства, заводчикъ долженъ представить акцизному начальству подробное описаніе и чертежъ устройства завода, вычисленія емкости аппаратовъ и силы выжимательныхъ снарядовъ.

Описаніе это и чертежи въ двухъ экземплярахъ утверждаются подписью акцизнаго начальства. Одинъ экземпляръ остается для повѣрки и исчисленія на заводѣ, а другой въ акцизной управлѣ; самые же аппараты переисмериваются по порядку ихъ размѣщенія.

Послѣ этого никакое нововведеніе въ производствѣ, никакая перемѣна аппаратовъ, ни даже перестановка ихъ съ одного мѣста на другое, не допускаются безъ разрѣшенія и личнаго удостовѣренія акцизнаго начальства.

Каждый заводчикъ обязанъ вести книги о всѣхъ подробностяхъ производства, чтобы можно было, при повѣркахъ заводовъ, усмотрѣть: какое количество свеклы переработано, и сколько получено сахарныхъ издѣлій.

По этимъ книгамъ, во всякое время, производится повѣрка дѣйствій завода.

Акцизъ устанавливается на каждые три года, и взимается въ настоящее время по 1 $\frac{1}{2}$, зильберъ-грошей съ центнера сырой свекловицы, или по 1 талеру съ центнера песку.

Владѣлецъ завода обязанъ вносить акцизъ помѣсячно, чрезъ три дня послѣ объявленія ему акцизнымъ начальствомъ о количествѣ причитающагося акциза.

По случаю порчи свекловицы, или изготовленных из нея издѣлій, акцизъ не возвращается.

Въ случаѣ взиманія лишняго акциза ли недобора въ немъ, окончательный расчетъ производится въ годичный срокъ.

За корчемство взыскивается въ первый разъ четверо противъ акциза; во второй взыскъ удваивается и въ третій учетверяется; а виновный лишается права на производство завода отъ 1 до 5 лѣтъ.

Съ подобною же строгостію подвергается взысканію всякое отступленіе отъ установленныхъ закономъ правилъ.

Во Франціи акцизъ на свекловичный сахаръ простирается по сортамъ его отъ 1 рубля 81½ копѣекъ до 2 рублей 41 копейки за пудъ, а въ германскомъ таможенномъ союзѣ по 31 копейки за пудъ.

Изъ этого краткаго обзорѣнія главнѣйшихъ основаній французской и прусско-германской акцизныхъ свеклосахарныхъ системъ видно, что какъ та, такъ и другая въ существѣ сходны, съ тѣмъ только различіемъ, что во французской—взиманіе акциза, а слѣдовательно и надзоръ, преимущественно обращены на сахарныя издѣлія; между тѣмъ какъ прусско-германская система въ этомъ отношеніи приѣнена къ свекловицѣ.

Обѣ эти системы во многомъ весьма неудобны; неотступный надзоръ за вывозкою сахарныхъ издѣлій, продажею ихъ и за всѣми дѣйствіями завода, постоянное внимательство въ его производство, непрерывный контроль его счетовъ, дѣлають эту систему многосложною и чрезвычайно затруднительною для французской свеклосахарной фабрикаціи; то же самое повторяется и на прусско-германскихъ заводахъ, съ тою только разницею, что здѣсь стѣснительныя мѣры надзора обращены преимущественно на свекловицу; но за то приведеніе ея въ извѣстность посредствомъ взвѣшиванія, при установленныхъ для сего надсмотрщикахъ, едвали еще не затруднительнѣе французскаго способа взиманія акциза.

Обѣ эти системы основаны на фискальныхъ мѣрахъ, которыя, не представляя особенныхъ выгодъ для правительства, крайне обременительны для заводчиковъ, и если подобный способъ надзора допущенъ тамъ, то едвали не потому, что этотъ промыслъ какъ мы уже сказали, ни во Франціи, ни въ Пруссіи и Германіи,

не принадлежить къ разряду промысловъ, пользующихся покровительствомъ сихъ державъ.

Многіе отзываются выгодно о примѣненіи бандерольной системы ко взиманію акциза съ свекловичнаго сахара; въ самомъ дѣлѣ при накладываніи бандеролей, заводчикъ былъ бы не стѣсненъ въ своемъ внутреннемъ производствѣ, отъ чего весьма много зависитъ его успѣшность. и каждый былъ бы обложенъ равномѣрнымъ акцизомъ.

Противъ бандерольной системы стануть возражать тѣмъ, что во 1-хъ, трудно изобрѣсть такіе бандероли, которые съ равнымъ удобствомъ можно накладывать на ящики, или бочки сахарнаго песка; во 2-хъ, при этой системѣ надобно бы стѣснить розничную продажу; въ 3-хъ, при повсемѣстной торговлѣ сахаромъ почти невозможно имѣть правильнѣй за продажей его надзоръ.

Первое неудобство могло бы быть устранено потому, что если въ самомъ дѣлѣ допустить продажу песка въ бочкахъ, какъ большею частію и дѣлается, то имѣть ничего легче, какъ приложить бандероль такъ, чтобы онъ остался безъ поврежденія; нужно только наклеивать его на внутреннѣхъ краяхъ, которые остаются на верхекъ внѣ dna бочки, съ обѣихъ ея сторонъ; для прочности же бандероли готовить изъ тесмы. Также есть средство примѣнить бандероли къ головамъ, если только ввести одинаковую форму ихъ. Для розничной же продажи сахаръ можетъ быть развѣшиваемъ въ куски, отъ одного, двухъ и болѣе фунтовъ, какъ это и теперь дѣлается въ магазинахъ, и такіе куски вкладывать въ нарочно приготовленные для этого картонны, наторые, по заклеjkѣ ихъ бандеролей, можно дозволить имѣть для продажи въ лавкахъ и магазинахъ.

Остается имѣть присмотръ за непродажею сахара безъ бандеролей; но для этого не предстоить столько затрудненій, и не понадобилось бы тѣхъ многочисленныхъ надсмотрщиковъ, которыхъ, при другихъ способахъ взиманія акциза, пришлось бы содержать, въ ущербъ правительству и заводчикамъ, для постоянного надзора за ихъ производствомъ.

Правительство, получая при бандерольной системѣ акцизъ своего вырабатываемаго на заводахъ сахара, всегда должно выиграть въ сравненіи съ тѣми системами сбора, которыя возможны на постоянной порціи средняго выхода.

Но во Франціи и Пруссіи законодательство, помысливъ, не забываетъ объ упрощеніи способа взиманія акциза; и

свеклового сахара, и вается потому, что хотя промыслъ, какъ мы видѣли выше, не пользуется особеннымъ покровителествомъ стѣкъ дорвана.

Примѣніе сложной андуаной системы во Франціи и Пруссіи, преимущественно предъ бандерольною, доказываетъ, что свекло-сахарный промыслъ въ этихъ государствахъ не столько нуждается въ средствахъ къ его распространенію, сколько въ охраненіи правильного поступленія сбора.

Впрочемъ, въ началѣ введенія акциза, при умѣренномъ сборѣ, изъ котораго трудно отдѣлать значительную сумму для надзора, едвали не полезнѣе ограничить мѣру надзора однимъ общимъ надзоромъ за правильнымъ веденіемъ заводскихъ книгъ, по которымъ, на первое время, можно исчислять количество передѣланной свеклы и полученнаго изъ ней песку или рафинада. Если постановить, чтобы за утайку въ счетахъ заводчикъ лишился права на дальнѣйшее производство, то не было бы лишъ риска рисковать всѣмъ, изъ-за малозначительнаго акциза; при томъ, назначенный для сего ревизоръ можетъ во всякое время удостовѣряться: въ такой ли пропорціи отмѣчается въ книгахъ производство, какъ онъ засталъ при экстренныхъ посѣщеніяхъ; а для устраненія всѣхъ отговорокъ заводчикъ, за три дня до нажиденія въ производствѣ, долженъ давать знать о семъ въ подлежащее мѣсто.

Если бы даже допустить, что не смотря на это могли бытъ утайки сахара на заводахъ, то онѣ, въ общей сложности, не превышали бы тѣхъ расходовъ, какіе потребовались бы на повсемѣстное содержаніе многочисленнаго комплекта надсмотрщиковъ.

Заводчики не могли бы не дорожить преимуществомъ свободного производства, ограждающаго ихъ отъ множества косвенныхъ расходовъ, какіе неизбежны при всѣхъ фискальныхъ мѣрахъ, которые, кромѣ помѣшательства въ производствѣ, влекутъ въ разорительныя тяжбы.

Свеклосахарный акцизъ въ Россіи.

При указѣ Правительствующаго Сената, 6 марта 1848 г., публикованъ Высочайше утвержденный, въ 25 день февраля сего года, уставъ объ акцизѣ съ свеклосахарнаго производства. Сущность этого устава заключается въ слѣдующемъ:

Для взятія свидѣтельствъ на производство стекловичнаго сахара, должно подавать объявленія не позже 1 августа каждаго года*. Свидѣтельство выдается на установленной гербовой бумагѣ, смотря по количеству вырабатываемаго сахара, отъ 3 до 50 руб. сер.

Въ объявленіяхъ о выдачѣ свидѣтельствъ подробно прописываются: мѣсто завода, система добыванія сыраго сока, число употребляемыхъ для этого снрядовъ, сила, емкость и нумерація ихъ, и двухъ-недѣльный періодъ, въ теченіе котораго предполагается открыть производство.

Акцизъ взимается съ каждаго пуда пробѣленнаго песка. Размѣръ акциза установленъ на 6 лѣтъ; въ первые два года, считая съ 1 сентября 1848 г., по 30 к., во вторые по 45 к. и въ послѣдніе по 60 к. съ пуда.

Съ заводовъ, конхъ производство не превышаетъ 500 пуд., размѣръ акциза уменьшается 15-ю коп. въ каждыя два года.

Ново учреждаемые заводы, или существующіе менѣе двухъ лѣтъ до изданія устава, въ первые два года акциза не платятъ, а за остальные 4 года вносятъ наравнѣ съ заводами малыхъ размѣровъ.

Акцизъ исчисляется со дня снятія печатей съ терокъ, по дѣнь приложенія ихъ къ нимъ **: среднимъ выходомъ песка изъ свекловицы; суточною перетѣркою свекловицы, при различнаго рода снрядахъ, и по числу дней производства, полагая, изъ каждаго берковца свеклы, нормою 12 фунтовъ пробѣленнаго песка.

Суточная перетѣрка опредѣляется по снрядамъ:

а., *При холодной вымочкѣ на каждый порядокъ, въ 6 или 8 часовъ, въ 1 аршинъ въ діаметрѣ и 1 арш. 5 вершк. въ ширину, —18 берковцевъ, что составитъ 5¼ пуд. въ сутки* ***.

* За подачу объявленія позже этого срока взыскивается пеня 5 руб.

** Изъ сего исчисленія исключаются дни: Покрова и Благовѣщенія Пресв. Богородицы, Св. Николая, Рожд. Христ., съ 25 декабря по 2 января, Богомиліе и Срѣтеніе Господне, Св. недѣля и мѣстные храмовые праздники, и въ случаѣ остановки, если она произойдетъ болѣе 4 дней, по случаю порчи.

*** При чангахъ другихъ размѣровъ количество песка, принималась къ сому, опредѣляется по емкости чановъ.

б., въ гидравлическихъ прессахъ полагается при цилиндрахъ:

		Свекловицы.	Сахара.	
Въ 9 дюймовомъ диаметръ	25 берковц.	7 1/2	пуд.	
— 10 —	— 30 —	9	—	
— 12 —	— 40 —	12	—	

Гидравлическіе прессы меньшихъ размѣровъ и вводимыя вновь аппараты, для добыванія сырыхъ соковъ, опредѣляются Министромъ Финансовъ, въ случаѣ просьбы о томъ.

Ручныя, нажимныя, рычажныя и другіе прессы, а равно горячая вымочка, опредѣляются по трехъ-суточной средней переработкѣ свекловицы, въ присутствіи отражаемыхъ для этого чиновниковъ уѣздныхъ казначействъ, которые будутъ вообще завѣдывать акцизною операціею.

Тѣ же чиновники отражаются, въ промежутокъ времени, со дня подачи объявленій по день выдачи свидѣтельствъ, для приложенія печатей къ теркамъ и къ тѣмъ снарядамъ для сырыхъ соковъ, которые заводчикъ не намѣренъ приводить въ дѣйствіе, — и для освидѣтельствованія прочихъ снарядовъ.

Заводчикъ извѣщаетъ казначейство за двѣ недѣли о днѣ начатія работъ, для присылки чиновника.

Въ случаѣ неявки его, можно пригласить Становаго Пристава, который снимаетъ печати, составивъ о семъ протоколъ за подписомъ своимъ, владѣльца завода и старшаго мастера; — если и здѣсь встрѣтится препятствіе, то предоставляется заводчику самому снять печати, донеся о семъ за три дня казначейству, которое, въ теченіи трехъ дней, командировать чиновника, для удостовѣренія въ семъ донесеніи, съ котораго должна оставаться при заводѣ копія за скрѣпою владѣльца.

Такимъ же образомъ за 10 дней извѣщаются казначества: о днѣ прекращенія рѣзки свеклы, для приложенія печатей къ рѣзкамъ.

Не воспрещается заводчику, во время всего производства, просить о наложеніи или снятіи печатей съ тѣхъ снарядовъ, которые нужно пустить къ дѣйствію, или приостановить. Сообразно съ чѣмъ расчисляется акцизъ.

Въ нерабочую пору, между 15 марта и 15 августа, дозволяется заводчику самому снимать печати съ терокъ и снарядовъ, если они требуютъ чистки и исправленія.

Акцизы вводятся въ уѣздное казначейство не позже 1 апрѣля. Если кто внесетъ рѣше, то пользуется, въ видѣ преміи, уступкою полупроцента въ мѣсяцъ съ уплаченной суммы; равноѣрно и въ случаѣ просрочки платитъ штрафъ: за первые три мѣсяца по полупроценту, а послѣ того по два процента въ мѣсяцъ, до окончательной уплаты. До тѣхъ поръ не выдается свидѣтельство на новое производство.

Торговля сахаромъ, во всѣхъ его видахъ, производится безъ всякаго ограниченія, на основаніи общихъ законовъ.

Штрафъ взыскивается, по 300 руб., за тайную перетерку свекловицы, а за дѣйствія завода безъ свидѣтельства, съ платежемъ тройнаго гербовыхъ пошлинъ. Заводы въ 500 пудовъ подвергаются только половинному взысканію.

За тайное употребленіе аппаратовъ для извлеченія сыраго сока, подвергаются взысканію: *въ первый разъ* отъ 25 до 60 р. за каждый; *во 2-й разъ* штрафъ удваивается; *въ 3-й* утрачивается, а *въ 4-й* закрывается заводъ, — если будетъ доказано знаніе самага заводчика о допущеніи употребленія аппаратовъ.

Такому же взысканію подвергаются: за нахожденіе внутри завода такихъ аппаратовъ для сыраго сока, которые не показаны въ свидѣтельствѣ, и за обращеніе прессовъ, назначенныхъ для выжиманія грязи изъ сока, прямо на выжиманіе сока изъ свекловицы. За самовольное снятіе печатей штрафъ этотъ удваивается.

Надзоръ производится:

- 1, Казенными палатами, посредствомъ *ревизоровъ*.
- 2, Уѣзными казначействами, чрезъ *особыхъ чиновниковъ*, — и
- 3, Чрезъ *чиновниковъ особыхъ порученій*, наряжаемыхъ по усмотрѣнію Министра Финансовъ.

Чиновники немедленно допускаются къ осмотру заводовъ, по предъявленіи предписаній.

Анцызные чиновники подлежатъ отвѣтственности, на основаніи ст. 390—413 Улож. о нак., за проволочку и всякое бесполезное и умышленное притѣвленіе заводчиковъ, или ихъ мастеровъ.

Акцизные чиновники, открывшіе нарушеніе правилъ, имѣютъ право на половину взысканія, если въ послѣдствіи оно не будетъ сложено правительствомъ; другая же половина обращается въ распоряженіе министерства финансовъ, которое въдаетъ дѣламъ акциза по департаменту равныхъ податей и сборовъ.

Взысканія налагаются по *обсѣдованію полиціею, при участіи*

чиновника казначейства или казенной палаты, — по опредѣленіямъ послѣдней. Производство изслѣдованій не должно останавливать дѣйствій завода.

Введеніе свеклосахарнаго акциза для насъ есть дѣло совершенно новое. Не испытавъ его, всякое сужденіе о немъ было бы преждевременнымъ, — такъ понимаетъ это и правительство, допустивъ дѣйствіе настоящаго закона, въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ. Этотъ періодъ намъ покажетъ, какая можетъ быть удобнѣе введена у насъ система акциза, и опредѣлитъ взаимныя выгоды правительства, заводчиковъ и вообще сельскихъ хозяевъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отдать полной справедливости нынѣшнему акцизному уставу, въ сравненіи съ существующими, по сему предмету, постановленіями во Франціи и Пруссіи, гдѣ это дѣло имѣетъ за собою десять лѣтъ опытности.

Разберемъ въ сущности нашу и ихъ акцизныя системы.

Самый важный и самый трудный предметъ, при учрежденіи всѣхъ подобныхъ сборовъ, состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснить производителя излишнимъ надзоромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ослабить его до того, чтобы свобода производителей обратилась въ злоупотребленіе, отъ котораго неизбежно должна понестись ущербъ казна. Во Франціи и Пруссіи всѣми выгодами заводчика пожертвовано въ пользу надзора. Надзоръ этотъ не только касается до внутренняго производства, но и до поступленія на заводъ свеклы, при соблюденіи взвѣшиваній и другихъ формальностей; распространяется также на продажу сахара, котораго повѣрка, опредѣленіе сортовъ, отпускъ изъ магазиновъ, — съ соблюденіемъ различныхъ условій, до крайности сложны и стѣснительны для заводчиковъ. По нашему уставу напротивъ: стоитъ только опредѣлить, однажды навсегда, силу дѣйствій сварядовъ, для добыванія первыхъ соковъ, — и весь надзоръ будетъ тогда ограничиваться только распечатываніемъ и опечатаніемъ терокъ, — въ началѣ и въ концѣ перетиранія свеклы. Заводчикъ даже не стѣсненъ веденіемъ шнуровыхъ книгъ, со всѣми придуманными для того формами. Ему остается полная свобода принимать на заводъ, во всякое время, свеклу и, главное, онъ пользуется полною свободою при продажѣ песку, рафинада и прочихъ сахарныхъ издѣлій. Можно даже сказать, что правительство, опредѣливъ нормою средній 12 фунтовой выходъ сахарнаго песку изъ берковца, — въ пользу свободнаго производства — жертвуетъ своими выгодами, которыя,

на заводах усовершенствованныхъ большихъ размѣровъ, составляютъ почти половинную часть всего акциза.

Намъ остается только желать, чтобы и меньшіе заводы, которыхъ число въ нѣсколько разъ значительнѣе, имѣли выходы добываемаго песка, если не одинаковые, то по крайней мѣрѣ близительные въ сравненіи съ выходами, получаемыми усовершенствованными заводами, чрезъ что въ состояніи будутъ воспользоваться тѣми выгодами, какими одни послѣдніе пользуются, и правительство поставлено будетъ въ возможность, возвысить цифру *средняго выхода* песку изъ берковца свекловицы, — увеличить, по истеченіи шести лѣтъ, сумму взимаемаго нынѣ сбора, — безъ возвышенія акциза.

Образцовый свеклосахарный заводъ.

Если устарѣлой конструкціи заводы останутся съ тѣми же недостатками на дальнѣйшее время, то какаѣ же будущность ожидаетъ ихъ, при бѣльшемъ развитіи акциза, — чего мы всегда должны ожидать потому, что правительство, лишаясь уже въ настоящее время, по нашему разсчету, до 160.000 р. доходовъ съ пошлины на колониальный сахаръ, имѣетъ достаточное къ тому побужденіе.

Значительная часть владѣльцевъ малыхъ заводовъ, дѣйствуя поодиночкѣ, не въ силахъ достигнуть успѣшныхъ результатовъ, чтобы выдержать возрастающее соперничество большихъ заводовъ. У насъ еще слишкомъ мало техническихъ пособій; пользоваться же на малыхъ заводахъ заграничными аппаратами по дороговизнѣ ихъ нѣтъ возможности, да и тѣ, которые могутъ быть приготовлены у насъ, едва ли не обходятся въ настоящее время по той же цѣнѣ, по какой можно выписать изъ-за границы. Не менѣе того ощутителенъ недостатокъ въ надежныхъ механикахъ и мастерахъ; тѣ и другіе у насъ такъ рѣдки, что если бъ и случилось кому найдти, то малому заводчику нѣтъ возможности и думать воспользоваться недешевыми ихъ услугами. Какъ же быть, чѣтъ пособить такому существенному недостатку, который долго можетъ препятствовать успѣшному развитію нашей свеклосахарной промышленности, — недостатку тѣмъ болѣе ощутительному, что овъ отражается на мелкихъ заводахъ, которые, дѣлая этотъ промыслъ достоиніемъ земледѣлія, способствуютъ къ развитію его благосостоянія. — Дѣло, однакожъ, не такъ затруд-

нительно, какъ съ перваго взгляда кажется. Трудъ, усиліе и соединенныя средства,—эти три главнѣйшіе двигателя всякаго предпріятія, не остались бы безплодными и въ свеклохарномъ дѣлѣ, еслибъ только рѣшились ими воспользоваться. И такъ, нуждающимся въ современномъ усовершенствованіи своихъ заводовъ, а такихъ навѣрно наберется $\frac{3}{4}$, если не больше, остается одно средство: дѣйствовать къ своему улучшенію совокупнымъ обществомъ.

Нельзя сказать, чтобы обществъ сахароваровъ не было у насъ, но они составлялись въ видѣ коммерческихъ предпріятій, и потому ихъ успѣхи, или неуспѣхи, ровво никакого не могли имѣть вліянія на общій ходъ свеклосахарнаго производства; предполагаемое же нами общество именно должно существовать въ сихъ видахъ.

Изыявившіе желаніе участвовать въ этомъ обществѣ владѣльцы свеклосахарныхъ заводовъ, на общій, раздѣленный на извѣстное число паевъ, капиталъ устранивають заводъ, для котораго должны избрать мѣсто наиболѣе центральное, въ кругѣ свеклосахарной производительности, не лишнее своихъ мѣстныхъ удобствъ.

Заводъ этотъ долженъ служить образцомъ для малыхъ заводовъ, и потому онъ долженъ быть устроенъ въ маломъ размѣрѣ, со всѣми возможными для подобныхъ заводовъ усовершенствованіями,—которыя отличались бы какъ дешевизною, такъ и простотою примѣненія.

При этомъ заводѣ должно находиться достаточное количество земель, для разведенія образцовыхъ свекловичныхъ плантацій; кромѣ выварки сироповъ и полученія песку, при заводѣ должно быть отдѣленіе для рафинировки песку, а также при немъ должны быть: школа, для приготовленія учениковъ по всѣмъ частямъ устройства и сахарнаго производства и мастерскія, для приготовленія и починки заводскихъ аппаратовъ, для дѣланія сахарныхъ формъ, моделей, плуговъ, распашниковъ и т. под. Впослѣдствіи, при распространеніи дѣйствій завода, могутъ быть устроены при немъ аппараты, для приготовленія рому, водокъ, ликеръ и сахарныхъ издѣлій.

Управление завода должны составлять: директоръ, какъ главный распорядитель завода; механикъ, заведывающій строительнымъ и сахароварнымъ отдѣленіями школы, и плантаторъ заведывающій

отдѣленіемъ школы по воздѣлыванію свекловичи, и приготовленію плантацій и разныхъ по сей части земледѣльческихъ снарядовъ; ему ввѣрить также присмотръ за содержимымъ при заводѣ, для обработки и удобренія плантацій, скотомъ.

Управленіе завода выписываетъ всѣ необходимые аппараты изъ-за границы, заказываетъ ихъ на русскихъ фабрикахъ, или приготовляетъ своими средствами.

Всѣ собственно заводскія работы производятся преимущественно заводскими учениками, подъ руководствомъ мастеровъ.

Въ ученики принимаются не моложе 15 лѣтъ, здороваго телосложенія и обученные грамотѣ мальчики, отдаваемые учредителями, изъ свободныхъ сословій, или крестьянскихъ дѣтей постороннихъ владѣльцевъ, а также изъ дѣтей государственныхъ поселковъ и питомцевъ воспитательныхъ домовъ. Плата за этихъ мальчиковъ должна быть самая незначительная; впрочемъ могутъ быть принимаемы мальчики вовсе безъ платы, за то они обязаны прослужить на заводѣ, за ихъ обученіе, не больше трехъ лѣтъ.

Отданные въ обученіе мальчики могутъ получать образованіе, или по одному какому-либо отдѣленію, или по вѣстямъ; сообразно этому продолжается терминъ ихъ ученія—отъ 3 до 6 лѣтъ.

По окончаніи ученія, ученики выпускаются съ аттестатами, смотря по успѣхамъ, на званіе мастеровъ или подмастерьевъ.

Управленіе завода принимаетъ заказы на постройку аппаратовъ, которые готовятся въ своихъ мастерскихъ, или входить въ сношеніе по этому предмету съ тѣми фабриками и заводами, которыхъ издѣлія отличаются прочностію и дешевизною. Нѣтъ сомнѣній, что при постоянныхъ заказахъ будетъ дѣлаема значительная уступка.

Въ рафинированномъ отдѣленіи, кромѣ заводскихъ производится также переварка песковъ, доставляемыхъ съ другихъ заводовъ; за эту передѣлку принимается уплата сахаромъ, полагая извѣстный процентъ съ пуда, обращаемого въ рафинадъ, песка.

Учредители не платятъ ничего за коммиссіонерство; постороннія же требованія удовлетворяются съ небольшимъ, въ пользу завода, вознагражденіемъ.

Образцовому заводу предоставляется иметь оцѣнку комиссіонеромъ въ главнѣйшихъ пунктахъ сбыта сахарныхъ издѣлій въ комиссіонерство уредители и сторовніе заводчики могутъ обращаться съ порученіями о продажѣ сахара.

Управленіе завода слѣдуетъ за постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ свѣтлосахарной промышленности въ Россіи, и для того собираетъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ этой промышленности за границею, и о тѣхъ собственно открытіяхъ, которыя окажутся, по испытаніи на заводѣ, совершенно удовлетворительными; для такого испытанія могутъ обращаться на заводъ и тѣ, которые получаютъ на свои изобрѣтенія привилегіи.

Всѣ таковыя свѣдѣнія и годичный отчетъ о дѣйствіяхъ завода, управленіе сообщаетъ учредителямъ своевременно, посредствомъ объявленій, печатаемыхъ въ видѣ особаго прибавленія къ какому-либо изъ періодическихъ изданій.

Ревизія заводскихъ счетовъ производится ежегодно учредителями, или уполномоченными отъ нихъ, поочередно. Расходы на перѣздъ этихъ лицъ относятся на счетъ завода.

Изъ заводскихъ доходовъ: 1, покрываются всѣ расходы по содержанію и ремонту завода; 2, отдѣляется вѣдѣльный процентъ въ запасный капиталъ и 3, остальная сумма раздѣляется для выдачи дивиденда учредителямъ.

Польза отъ учрежденія подобнаго образцоваго завода столь очевидна, что едвали можетъ быть и возраженіе противъ этого; между тѣмъ можно напередъ предвидѣть, что учрежденіе это, столько благопріятно для тѣхъ, которые имѣютъ заводы съ плохюю конструціею и нуждаются въ хорошихъ мастерахъ и усовершенствованныхъ аппаратахъ, столько же, быть можетъ, встрѣтитъ равнодушія тѣхъ, которые имѣютъ заводы въ огромномъ размѣрѣ, снабженные всеми возможными улучшеніями. Въ такихъ обстоятельствахъ нужно разсчитывать на первыхъ, а оныхъ не вѣе всего могутъ убавить изъ своихъ доходовъ нужную, для учрежденія образцоваго завода, сумму.

При такомъ положеніи дѣла одна только надежда, что въ случаѣ необходимости въ немъ приметъ участіе наше вполнѣтельное правительство, которое всегда и во всемя, что только можетъ доставить общую пользу, принимаетъ наибѣе участіе, — а оно можетъ быть возбуждено не иначе, какъ при общемъ, со

стороны всѣхъ нуждающихся въ подобномъ учрежденіи заводчиковъ, единодушнѣ и показаніи готовности споспѣшествовать ему всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Предпріятіе это можно бы осуществить на слѣдующихъ основаніяхъ:

На первоначальное устройство образцоваго завода въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, какой ему предполагается дать, по всей вѣроятности не потребуется болѣе 100 тыс. р. сер., полагая на эту сумму устроить и всѣ мастерскія, въ которыхъ будетъ надобность.

Сумма эта должна быть раздѣлена на пав, примѣрно въ 200 р. сер. каждый, всего 500 павевъ.

Каждый заводчикъ, желающій участвовать въ этомъ учрежденіи, по количеству производимаго имъ сахара, имѣетъ право воспользоваться павами въ такомъ порядкѣ:

На заводъ отъ 100 до 200 п., ежегодно добываемаго песку, получается

	— — — —	3 пав.
500	— — — —	5 —
800	— — — —	8 —
1000	— — — —	10 —
2000	— — — —	20 —

Если бы оказалось, что нѣкоторые изъ заводчиковъ взяли меньшее число павевъ, то остальные предоставить прочимъ заводчикамъ, по порядку поступившихъ отъ нихъ требованій. Если и за тѣмъ не всѣ пав будутъ разобраны, то предоставить ихъ лицамъ, преимущественно занимающимся воздѣлываніемъ свеклы.

Принявшимъ пав, предоставляется внести за нихъ наличныхъ денегъ только половину; остальная же половина можетъ быть позанимствована изъ кредитныхъ установленій, на правахъ займа подъ залогъ домовъ, съ обезпеченіемъ этого займа самымъ заводомъ, который при томъ долженъ быть застрахованъ.

Вся причитающаяся ежегодно сумма, въ уплату на занятый такимъ образомъ капиталъ, должна быть бездомочно выплачиваема изъ общихъ заводскихъ доходовъ.

Учредителямъ предоставляется: или приобрѣсть нужную для завода землю отъ частныхъ владѣльцевъ, въ постоянное владѣніе, или исходатайствовать въ управленіи министерства государственныхъ имуществъ отводъ участка изъ казеннаго вѣ-

домства, на правилахъ аренднаго безпереоброчнаго содержанія.

Приобрѣтенный такимъ образомъ участокъ долженъ имѣть всѣ нужныя условія, для благопріятныхъ дѣйствій завода: по качеству земли; по сосѣдству съ значительными селеніями, преимущественно казенными, для безпрепятственнаго найма рабочихъ; по находженію въ окрестностяхъ значительныхъ дѣшевыхъ дачъ, и по недалекому разстоянію отъ судоходной или, по крайней мѣрѣ, славной рѣки.

Учрежденіе образцоваго свеклосахарнаго завода не только дастъ правильное направленіе этому дѣлу, но и принесетъ несомнѣнную пользу вообще нашему сельскому хозяйству, и въ особенности земледѣлію, для развитія котораго правительство съ своей стороны прилагаетъ всѣ возможныя пособія;—мы это видимъ въ учрежденіи образцовыхъ фермъ, Горыгорѣцкой земледѣльческой школы и другихъ въ этомъ родѣ, открытыхъ по министерству государственныхъ имуществъ учреждений. Но какой ни общали бы успѣхъ эти учрежденія для сельскихъ хозяйствъ, въ правильномъ устройствѣ ихъ хозяйства, — намъ предстоитъ непошранный трудъ заохотить къ подобнымъ нововведеніямъ, не по причинѣ пристрастія, какъ многіе думаютъ, къ старинѣ, или неосознанія несовершенства нашей обработки земель, а отъ того, что не всегда бываетъ равномерно вознагражденъ трудъ земледѣльца, по причинамъ часто отъ него не зависящимъ. Быть можетъ намъ укажутъ на тѣ огромныя суммы, которыя принесло земледѣліе Россіи въ предшествовавшемъ году; но часто ли бываютъ такіе годы? ихъ нужно ожидать десятки лѣтъ, а по нашему мнѣнію тотъ только промыслъ заохочиваетъ къ труду, который всегда одинаково вознаграждаетъ безъ подобныхъ ожиданій, — да и всѣ ли ваши хлѣбородныя губерніи представляютъ одинаковыя выгоды для заграничнаго сбыта?—конечно, нѣтъ;—а только тѣ, которыя могутъ удобно доставлять свой хлѣбъ къ мортамъ. Что же остается прочимъ?—выжидать неурожаевъ. Правда, при плохомъ хозяйствѣ, они бываютъ часто, и при нашей беззаботливости, которая намъ мѣшаетъ подумать объ этомъ, и отложить хлѣбъ въ запасъ, неурожаи бываютъ весьма гибельны для нашихъ земледѣльцевъ; но это неумѣние именно и происходитъ отъ того, что при недостаткѣ средствъ мы принуждены за безцѣнокъ сбывать весь хлѣбъ, а послѣ жить на авось, хотя за это авось намъ приходится дорого расплачиваться. Ука-

жите земледѣльцу статью, которая бы его одинаково вознаграждала; укажите ему на нее какъ на средство покрывать свои ежегодные расходы, и тогда, повѣрьте, онъ съумѣетъ нагнать на себя лучше приберечь свой хлѣбъ, и не продать его надрѣвности за безцѣнокъ. Кажется ежеловичинъ промышлять экономически указалъ намъ, что подобная статья въ нашемъ хозяйствѣ не можетъ быть: даже и у насъ развитъ сахарный промыселъ, и посмотрите, съ какою поразительною дѣятельностью все брошено на разработку свеклы!—можно ли было ожидать такого гугантскаго успѣха, какой этотъ промыселъ сдѣлалъ въ немногіе годы, и вотъ, послѣ этого, слушайте многорѣчные возгласы мелкихъ экономистовъ, будто у насъ нѣтъ энергій, нѣтъ дѣятельности, для развитія правильного и болѣе сообразнаго съ нашими потребностями сельскаго хозяйства. Нѣтъ дѣлности, небреженіе проеиходитъ часто не отъ характера, не отъ взорлившихся привычекъ, а отъ застоя; подъ вліяніемъ его образуются эти невыгодныя наклонности. Укажите нашему хозяину, какъ заработать вѣрныя деньги,—онъ не подѣнится подвѣсти отъ веры, и проработать до поздней ночи; но если онъ видитъ, что всѣ труды его тщетны, тогда онъ веволѣ дѣлается бездѣльничь.

Убѣдившись сами, мы говоримъ это и для убѣжденія другихъ, ибо настоящее предпріятіе, если только осуществится, не можетъ встрѣтить такого же равнодушія, какое постигло почти всѣ наши агрономическія предпріятія на почвѣ улучшеній. При общемъ размѣщеніи у насъ стремленіи къ свеклосахарному производству, стоить только указать на правильное его, во всѣхъ отношеніяхъ, направленіе, и мы не сомнѣваемся что въ охотникахъ учиться этому дѣлу не будетъ недостатка, начиная отъ помѣщика сахаровара, имѣющаго свой заводъ и обширныя свекловичныя плантаціи, до поселянна, имѣющаго одну или двѣ десятины для посадки свеклы. Смѣло можемъ утвердить, что въ ученикахъ не будетъ недостатка, а этого уже достаточно, чтобы предвидѣть, какую огромную пользу принесетъ учрежденіе образцоваго свеклосахарнаго завода всему земледѣльческому классу средней и южной полосы Россіи,—не говоря уже о великой прибыли, какую извлекутъ учредители образцоваго завода изъ его доходовъ и тѣхъ улучшеній, которыя не только отвратятъ неизбежное паденіе мелкихъ заводовъ, но дурному имъ

дѣльному устройству ихъ, но удовольствіе, утратить получаемые отъ нихъ доходы. Этимъ не ограничится польза подобаго учрежденія.

Правильное устройство плантаціи, для разведенія свекловична, по свойству своему разрыхляющей, но неистощающей сильно землю, ведетъ къ измѣненію трехъ-польной на улучшенную систему хозяйства, многопольную, съ посѣвомъ кормовыхъ травъ; къ тому будетъ способствовать потребность усилить скотоводство, по необходимости удобрять и отъ желанія увеличить свекловичныя плантаціи. Къ увеличенію скотоводства не мало будутъ способствовать—выкидываемыя съ сахарныхъ заводовъ жижки, которыя дадутъ скоту отличный кормъ.

При такомъ направленіи земледѣлія, наше сельское хозяйство, во всѣхъ частяхъ, получить правильное развитіе, подъ вліяніемъ превосходныхъ, по этой части, учрежденій министерства государственныхъ имуществъ, о которыхъ упомянуто выше, и которыми, къ сожалѣнію въ настоящее время мало пользуются наши сельскіе хозяева, какъ единственнымъ, быть можетъ, средствомъ образовать на нихъ отличныхъ, по этой части, людей.

Умноженіе свеклосахарныхъ заводовъ, а особливо мелкихъ, которые подъ могущественнымъ вліяніемъ, производимыхъ въ нихъ образцовымъ заводомъ, усовершенствованіи, не могутъ бояться соперничества огромныхъ заводовъ,—откроетъ новые промыслы, дающіе возможность поселянамъ зарабатывать деньги, не отлучаясь отъ домовъ своихъ, и тѣмъ важнѣе, что промыслы эти открываются въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

Всѣ эти выгоды, тѣсно связанныя съ учрежденіемъ практическаго, усовершенствованнаго свеклосахароваренія, открывающія для внутренней жизни государства новыя силы,—объясняютъ еще несравненно большій результатъ въ будущемъ для такого государства, какъ Россія, имѣющаго главное богатство въ землѣ, но не пользующагося имъ вполне, по отдаленности морей и трудности сообщеній. Будемъ ожидать и надѣяться, что изложенная—въ этомъ краткомъ обзорѣ нынѣшняго состоянія свеклосахарнаго промысла въ Россіи—мысль: объ учрежденіи образцоваго завода, какъ проявленіе общей потребности, не останется незамѣченной, и встрѣтитъ въ нашихъ сахароварахъ готовность

сю воспользоваться; съ своей же стороны прибавить что къ полному развитію и осуществленію этой мысли на самомъ дѣлѣ, мы готовы способствовать тѣмъ совѣтанъ, какіе опытность нашихъ сахароваровъ и дѣйствительная ихъ потребность намъ укажутъ.

А. С.—ий.

Критика и Библиографія.

Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи.—Соч. А. Бутовскаго.

(Отвѣтъ на некоторыя изъ критикъ).

Давно уже слышалъ я отвсюду о критикахъ, которыми прѣвѣтствовали трудъ мой въ С. Петербургѣ, но не имѣлъ возможности не только объясниться съ моими рецензентами, но даже и прочесть ихъ статьи. Русскіе журналы въ Европѣ—библиографическая рѣдкость: нашъ языкъ мало читается иностранцами, а соотечественники, живущіе въ роднны, кромѣ немногихъ газетъ, и то рѣдко, ничего не выписываютъ*. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, явился на моемъ письменномъ столѣ толстый пакетъ, изъ котораго вышелъ одинъ за другимъ три полновѣсные номера *Современника* (за октябрь, ноябрь и декабрь 1847) и два номера *Библиотеки для Чтенія* (за ноябрь и декабрь 1847). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ журналѣ нашелъ я въ отдѣлѣ критикъ пространныя статьи о моемъ сочиненіи: *Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи*.

Обращаюсь къ г. Редактору *Сына Отечества* съ покорнѣйшею просьбою о помѣщеніи въ его журналъ моего отвѣта на

* Почтенный авторъ этой статьи находится за границею по обязанностямъ службы. Ред.

эти рецензии. Критика есть разговоръ о предметахъ достойныхъ вниманія публики; разговоръ оживаетъ возраженіями, преемъ; предметъ лучше обсуживается, яснѣе представляется читателямъ.

Къ сожалѣнію, я не получилъ еще конца рецензій *Библиотеки для Чтенія*, вѣроятно помѣщеннаго въ январской книжкѣ 1848 года; но въ первыхъ двухъ статьяхъ авторъ критики касается такихъ важныхъ предметовъ, что намъ будетъ о чемъ съ нимъ спорить на этомъ разѣ.

Приступая къ разсужденію, касающемуся собственно науки, я хотѣлъ бы отложить въ сторону все, что напоминаетъ личность. Однако не могу не изъявить благодарности рецензенту за нѣкоторыя замѣчанія лестныя для автора: онъ признаетъ въ моемъ трудѣ *«примѣчательную ясность методы»*; находитъ, что мысли въ немъ изложены *«пріятнымъ и красивымъ слоюзъ, однако книжкомъ красивымъ»*, прибавляетъ онъ *«для экономической экономіи.»* Отчего же *«книжкомъ красивымъ»*? въ этихъ выраженіяхъ не хочу видѣть ироніи: ее нельзя было бы согласить съ явною благосклонностію рецензента. Вѣроятно, онъ считаетъ блестящія слога излишними, или не идущими къ важности предмета. Онъ былъ бы правъ, можетъ статься, если бъ эта книга предлагалась публикѣ въ качествѣ учебнаго руководства или даже академической диссертациі, допускающей одни только аргументы, говорящіе разсудку, и пренебрегающей всѣмъ, что можетъ дѣйствовать на воображеніе. Но цѣль автора не была такъ исключительна: онъ обращается ко всей читающей публикѣ безъ различія, къ людямъ всѣхъ сословій, желающимъ познакомиться съ наукою, но не любящимъ изложенія слишкомъ сухаго, тягостнаго для внимательнаго чтенія. Авторъ испыталъ на самомъ себѣ, и самъ рецензентъ, говоря *«о высокопарности и невпротѣцѣ терминовъ учениковъ нѣмецкой школы»*, весьма справедливо замѣчаетъ, какъ много вредитъ распространенію научныхъ понятій излишняя приверженность писателей къ слогу диалектическому, строгому до педантизма, слогу, которымъ ученость иногда облекается какъ покровомъ, скрывающимъ ея тайны отъ любознательности профановъ. Истинныя экономическія можно излагать, какъ и математическія, въ видѣ теоремъ, можно употреблять даже алгебраическія термины; но такимъ изложеніемъ суждено вѣчно покоиться въ *«библиотекахъ немногихъ адептовъ»*. Чтобы сдѣлаться доступною общему умъ

Зумѣнню, наука должна говорить сколько можно общинъ, простымъ, разговорнымъ языкомъ, не только понятнымъ для всѣхъ, но даже и неутомительнымъ. Вотъ почему, авторъ *Опыта*, стараясь всегда выражаться какъ можно яснѣе, давая иногда волю перу своему и по временамъ призывалъ на помощь воображеніе, чтобы существеннѣе дѣйствовать на разсудокъ. Конечно, онъ могъ впасть въ излишества: дѣло критики ихъ доказывать; но нельзя кажется отнять у писателя права на употребленіе художественнаго слога, потому только, что онъ пишетъ о предметѣ ученомъ: иначе надлежало бы вырвать, какъ шпильки, враскорѣчивыя страницы изъ твореній: *Гумбольдта*, *Лангѣса*, *Бюффона*, *Гердера* и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, уиѣвшихъ согласить заманчивость и величайшую игривость слога съ самыми глубокими научными трактатами.

Съ первыхъ словъ критики, нельзя не замѣтить, что почтенный рецензентъ *Библиотеки для Читенія* не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ *Опыта*; относительно свойствъ науки о народномъ богатствѣ или политической экономіи. Онъ разсматриваетъ ее какъ «сводъ умозрній», признаетъ «полезу и важность этихъ умозрній», но отказываетъ имъ въ свойствахъ «положительной, опытной науки»; находитъ, что «все въ ней дышетъ одиъ только теоріи, умозрній, гаданія, больше или меньше правдоподобныя.» Этому мнѣнію явно противорѣчатъ убѣжденія большей части европейскихъ академій и университетовъ, хотя оно и раздѣляется весьма многими, не принявшими на себя труда углубиться въ эту науку, или недовольными нѣкоторыми изъ ея практическихъ выводовъ. Но за что рецензентъ винитъ автора *Опыта* «въ сознаніи этой слабой стороны въ любимой науки?» Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, онъ называетъ ее, правда, еще недостроенною, какъ *Эм де-Боманъ* вырвался, въ своихъ лекціяхъ, о другой современной наукѣ—о геологіи: изъ того односторонняго взгляда заключить, что онъ считаетъ ее чисто-умозрительною. Напротивъ, на каждомъ шагѣ онъ доказываетъ, что политическая экономія есть наука въ высшей степени аналитическая или наблюдательная; этою чертою она отличается отъ всѣхъ общественныхъ системъ или утопій, во множествѣ созданныхъ въ послѣднее время и *privé* идеалистами,—системъ, основанныхъ на идеяхъ, совершенно отвлеченныхъ, ничего не выходящихъ общаго съ фактами. Въ противоположность этимъ системамъ, политическая экономія не обрабатываетъ человѣчества по-своему,

не начинается съ фальшиваго взгляда на природу человѣка, не посягаетъ на созданное Богомъ: вѣтъ, она беретъ человѣка, какъ онъ есть, съ его слабостями и нуждами, съ его силами и способностями, и съ міромъ, его окружающимъ, такъ точно, какъ зоологъ или ботаникъ беретъ животное или растеніе, предстоящее его изслѣдованіямъ. Немедленно она открываетъ глубокую, взаимную зависимость съ одной стороны между нуждами человѣка и его силами, съ другой—главною изъ его способностей, разумнымъ произволомъ. Она замѣчаетъ, что первыя развиваются и расширяются по той мѣрѣ, какъ развивается и пресѣщается послѣдній, и, принявъ этотъ несомнѣнный фактъ за основаніе, за первое начало, простираетъ свои дальнѣйшія наблюденія на условія внутреннія и внѣшнія, наиболѣе благопріятствующія этому двойному, обоюдному развитію.

Тутъ съ первыхъ шаговъ ея изслѣдованія, она встрѣчаетъ фактъ за фактомъ положительности, самой очевидной, каковы слѣдующіе:

Нужды требуютъ удовлетворенія;

Ихъ удовлетвореніе предполагаетъ средства;

Средства состоятъ въ полезностяхъ, которыхъ добываніе болѣею частію сопряжено съ усиліями или трудомъ;

Эти усилія, или трудъ, находятъ болѣе или менѣе опоры въ природѣ, а частію и въ пріобрѣтенныхъ уже полезностяхъ или произведеніяхъ, употребляемыхъ въ качествѣ капиталовъ;

Чтобъ человѣкъ могъ воспользоваться произведеніями, добытыми его трудомъ, ихъ собственность должна быть ему обезпечена;

Обезпеченіе собственности невозможно внѣ обществности;}

Общественность невозможна безъ законовъ или порядка общественнаго, т. е. безъ взаимнаго уваженія людямъ собственности и личности каждаго;

Въ состояніи обществности, люди усиливаютъ свою производительность раздѣленіемъ занятій;

Раздѣленіе занятій предполагаетъ обмѣны;

Обмѣны упрощаются и облегчаются введеніемъ монеты, и скою можно однообразныхъ мѣръ и вѣсовъ, и т. д.

Неужели эти факты, эта азбука экономическая, существуютъ только въ воображеніи теоретиковъ? Неужели ихъ существованіе не подтверждается наблюденіями самаго простаго, здраваго смысла, вездѣ, гдѣ только живутъ люди? Соображеніе безчис-

ленныхъ проявленій этихъ фактовъ ведетъ науку къ общимъ заключеніямъ, въ которыхъ нельзя не видѣть естественныхъ законовъ развитія народной дѣятельности въ ея стремленіи къ благосостоянію. Таковъ, напримѣръ, законъ о мѣновой цѣнности, составляющій первое звѣно науки экономической.

Цѣнность, говорятъ экономисты, не есть качество, заключающееся въ самомъ произведеніи (объективное), но проистекающее изъ отношенія человѣка къ полезности, въ которой онъ нуждается (субъективное). Не всѣ полезности требуютъ усилій съ нашей стороны для ихъ пріобрѣтенія, но мы цѣнимъ, въ собственномъ значеніи слова, только тѣ изъ нихъ, которыхъ пріобрѣтеніе намъ стѣитъ и пока оно стѣитъ усилій. Въ единичествѣ, человѣкъ, обладающій полнотою разумной способности, есть самъ единственный судья цѣнности: никто лучше его самого не можетъ опредѣлить, въ какой степени ему полезна вещь, ни чувствовать живѣе тягости ея недостатка, заботъ и усилій ея пріобрѣтенія. Въ быту общественномъ, при раздѣленіи занятій и водвореніи мѣны, когда человѣкъ посвящаетъ себя добыванію одного какого-либо рода полезностей, онъ по необходимости не можетъ съ совершенною точностію судить о потребности, обществомъ въ нихъ ощущаемой, такъ точно, какъ онъ еще менѣе можетъ правильно судить о стоимости другихъ полезностей, въ которыхъ самъ нуждается и которыя намѣренъ пріобрѣсть путемъ обмѣна. Отъ этого на рынкѣ общественномъ мѣновая цѣнность устанавливается не по личной оцѣнкѣ каждаго производителя, но въ силу взаимно-обратнаго тяготѣнія запроса и предложенія. Въ запросѣ проявляется потребность, ощущаемая обществомъ въ данномъ произведеніи; предложеніе зависитъ болѣе или менѣе отъ усилій, которыхъ требуетъ его добываніе; чѣмъ легче послѣднее, тѣмъ изобильнѣе снабжается рынокъ, и наоборотъ: мѣновая цѣнность всегда будетъ состоять въ прямомъ отношеніи съ запросомъ и въ обратномъ съ предложеніемъ; тѣмъ не менѣе однако она соразмѣряется болѣе или менѣе съ издержками производства или стоимостью; упавъ ниже этого предѣла, она отклоняется отъ производства и тѣмъ самымъ уменьшаетъ предложеніе, содѣйствуя собственному повышенію; подымаясь выше этого предѣла, она привлекаетъ новыхъ производителей и, усиливая предложеніе, сама клонится къ пониженію.

Вотъ законъ экономическій: что въ немъ метафизическаго,

чисто-умозрительнаго, отвлеченнаго? Чтобы постигнуть его сущность, наука не требует головоломныхъ умствованій и исчислѣній: стѣтъ только выйти на первый сосѣдній рынокъ и вступить въ разговоръ съ первымъ торговцемъ, наиримѣръ огородникомъ. Этотъ человекъ, вовсе не закушленный на чтеніемъ *Адама Смита*, на лекціями *Рая*, объяснить по здравому смыслу законъ, который въ книгахъ экономистовъ нынѣ кажется умозрительнымъ и загадочнымъ. Огородникъ скажетъ, что товаръ его дорогъ, потому-что его или мало народилось, или мало привезено; что если напротивъ онъ дешевле, то потому, что много навезли; а поразговоритесь съ нимъ побольше, то удалитесь отъ него, что если товаръ еще подешевѣетъ, то ему придется бросить работу. Теперь не ограничьтесь однимъ разговоромъ, а приглядитесь къ самому ходу вещей, и вы убѣдитесь, что дѣйствительно такъ и происходитъ, какъ свиста объясняетъ огородникъ. Наука экономическая подсмотрѣла законъ этого движенія такъ точно, какъ физика, наиримѣръ, подсмотрѣла законъ паденія тѣлъ, котораго скорость умноживается, какъ квадратъ времени. Физикъ, если вы не повѣрите ему на слово, подведетъ васъ къ инструменту, измѣряющему скорость паденія; экономистъ, чтобы васъ убѣдить, предложитъ вамъ зайти въ первую лавку и разспросить перваго торговца.

Нѣкоторые отвергаютъ этотъ законъ опредѣленія цѣнности взаимно-обратнымъ тяготѣніемъ вопроса и предложенія, потому-что видятъ въ немъ только соперничество или борьбу личныхъ интересовъ. Гонясь за сбытами, говорятъ они, производителю наперерывъ уменьшаютъ цѣну своихъ продуктовъ и отнимаютъ барыши другъ у друга. Согласенъ; но что до того, если не смотря на эту потерю въ барышахъ, всякій изъ нихъ находитъ однако въ цѣнѣ достаточное вознагражденіе для покрытія издержекъ производства? Но, скажутъ, что, заботясь каждый о своихъ личныхъ выгодахъ, они иногда разоряютъ своихъ братьевъ. И это случается, да развѣ наука виновата, что есть люди, не принимающіе въ разсужденіе ея выводы, и не соображающіе своего производства съ настоящею степенью общественной потребности? Къ тому же, какъ ни сожалѣть о такомъ порокѣ, его нельзя замѣчать, потому только, что онъ не правитъ чувствительному сердцу нинѣшнихъ мнимыхъ друзей человечества. Онъ существуетъ; онъ въ природѣ вещей; чтобы цѣнность е-предъявлялась иначе, надлежало бы замѣнить коренныя побужде-

нiя человѣка, заглушить въ людяхъ чувство личнаго интереса и замѣнять его вѣчно-горящимъ чувствомъ взаимнаго братства. Тогда, конечно, мѣна происходила бы на другихъ основанiяхъ: рыцки превратились бы въ арену самоотверженiя и благотворительности; о дороговизнѣ, о дешевизнѣ не было бы и помину; терговства не осталось бы и слѣдовъ. Производители только спрашивались бы одинъ у другихъ, о потребностяхъ и, въ увѣренности на обоедную услугу, просто дарили бы другъ друга своими произведенiями. Тебѣ нуженъ хлѣбъ: вотъ, бери, сколько хочешь, говорилъ бы одинъ; а ему въ отвѣтъ предлагали бы нанерывъ что одежды, что топлива, что посуду. О! это было бы великое, трогательное зрѣлище! Чтобъ сознаться въ томъ всякому, не нужно ни великолѣпныхъ фразъ, ни даже запутанной дилектики. Но вотъ бѣда: для постоянного снабженiя общества всѣмъ необходимымъ, при такомъ безкорыстномъ распредѣленiи богатствъ, надлежало бы людямъ питать настоящую страсть къ труду; работать, потѣть, занемогать надъ плугомъ, станкомъ, или раскаленнымъ тиглемъ, такъ точно, какъ иногда теперь мы пляшемъ до упаду или мучимъ себя до-нельзя, гоняясь за зайцами—ради охоты.

Пока люди не достигнутъ такой несбыточной степени совершенства, эта мнимая теорiя братства можетъ существовать только въ идиллическихъ утопистовъ, на дѣль же малѣйшее ея примѣненiе должно имѣть пагубныя послѣдствiя. Что ни говорите, трудъ всегда останется трудомъ, всегда будетъ тягостнымъ и несовсѣмъ приятнымъ для человѣка. Ужъ таковъ его жребiй. Отнимите рычагъ личнаго интереса, нынѣ побуждающiй каждого изъ насъ преодолевать весьма понятное отвращенiе къ тяжкимъ работамъ; замѣните это побужденiе увѣренностью въ пособiя другихъ, и немедленно вы наполните общество несмѣтнымъ множествомъ тунеядцовъ и трутней. Оно раздѣлится на двѣ половины: на празднолюбцевъ и простодушныхъ, и первые будутъ жить на счетъ послѣднихъ, пока будетъ чѣмъ жить, т. е. пока вслѣдъ за чистымъ продуктомъ не встощатся самые капиталы. Послѣдовала бы общая нищета, и всеобщiй голодъ.

Главное побужденiе, движущее людьми, есть чувство личнаго интереса, которое есть не что иное, какъ природное чувство самоохраненiя, просвѣщенное разумомъ, и въ которомъ, повинуясь другамъ природнымъ инстинктамъ, она сливаютъ свою личность съ личностью творенiя къ нимъ близкихъ, составляющихъ нѣкъ

семью. Оставьте же их руководиться этимъ добужденіемъ; старайтесь только его облагорожить нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ. Подъ влияніемъ этого чувства, мѣговая цѣнность всегда будетъ опредѣляться отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ и соразмѣряться съ издержками производства. Что же касается до соперничества, неразлучнаго съ этимъ порядкомъ, то напрасно его разсматриваютъ иные какъ зло, какъ бѣдствіе. Въ немъ нельзя не открыть премудраго закона распредѣлительной справедливости. Благодаря ему, человѣкъ, посвящая свой трудъ и свои средства на доставленіе обществу какихъ-либо полезностей, получаетъ отъ общества именно то, что ему слѣдуетъ, не въ видѣ подаянія, но въ видѣ заслуженнаго вознагражденія. Соперничество равно предохраняетъ отъ потерь и его, и собратій его, желающихъ воспользоваться его трудомъ. Въ немъ-то проявляется въ высшей степени всеобщая обоюдная отвѣтственность, или *солидарность*. Соперничество, освобожденное отъ всякихъ стѣсненій, именно ведетъ къ настоящей солидарности или равномѣрному разложенію отвѣтственности между всѣми. При немъ всякій, заботясь повидимому единственно о собственныхъ выгодахъ, въ то же время, хотя и безотчетно, заботится о выгодахъ всѣхъ другихъ; наступаетъ ли дороговизна, въ слѣдствіе внезапнаго уменьшенія въ предложеніи или усиленія въ запросѣ, неизбежныя потери распредѣляются между всѣми, и обратно выгоды дешевизны. Указываютъ на неудачи, на раззоренія, иногда постигающія производителей: кто имъ не соболѣзнуетъ! Къ тому же въ этомъ движеніи люди принимаютъ болѣе или менѣе участія по собственному разумѣнію и произволу, и ни на минуту не должно слагать съ человѣка той нравственной отвѣтственности, которая на немъ собственно лежитъ и которою онъ отличается изъ всѣхъ другихъ живыхъ тварей.

Прошу моего почтеннаго рецензента (Библиотеки для Чтенія) не принять за излишній эпизодъ этого разсужденія о законѣ цѣнности: у меня лежалъ на сердцѣ его упрекъ въ отвлеченной умозрительности, и я хотѣлъ доказать ему и нашимъ общимъ читателямъ, какъ мало заслуживаетъ этотъ упрекъ наука, которой, здѣсь въ немногихъ словахъ, я старался развить одно изъ главнѣйшихъ положеній. Къ тому же какъ ни просты и ни легки на-

блюденія, которыми всякій на дѣлѣ можетъ повѣрить сущность этого закона, знаніе его ведетъ къ результатамъ весьма полезнымъ и великимъ.

И, во-первыхъ, оно избавляетъ отъ гадательныхъ толкованій о томъ, что происходитъ передъ нами, предлагая ключъ къ настоящему объясненію. Дорожаетъ ли чрезъ мѣру какой-либо товаръ на рынкѣ общественномъ, мы знаемъ, овараясь на этотъ законъ, куда обратить наши наблюденія: не теряясь въ запутанныхъ лабиринтахъ эмпирическихъ сужденій объ изобиліи или недостаткѣ денегъ, о спекуляціяхъ и контра-спекуляціяхъ, мы прямо приступаемъ къ разсмотрѣнію состоянія предложенія и запроса, и если первое стѣснено какими-либо препятствіями, которые можно отвратить, то возможное врачеваніе само собой представляется. Тѣмъ же процессомъ объясняется и чрезмѣрная дешевизна, убыточная для производителей: разсмотрѣвъ внимательно положеніе предложенія и запроса, узнаемъ, что причиною зла, неосмотрательность ли самихъ производителей, или стѣсненіе какого-либо сбыта. Всякій пойметъ великую пользу этой методы, не только для лицъ, облеченныхъ властію, на которыхъ лежатъ заботы о благѣ общественномъ, но и для негоціантовъ, торговцевъ, фабрикантовъ, помѣщиковъ, земледѣльцевъ, обязанныхъ соображать свои предпріятія.

Во-вторыхъ, знаніе этого закона убѣждаетъ въ томъ, что при свободномъ соперничествѣ, всего лучше и правильнѣе распределяются богатства между людьми, участвовавшими въ ихъ производствѣ.

Но тутъ я опять встрѣчаюсь съ моимъ рецензентомъ и прошу дозволенія съ нимъ объясниться, и въ особенности не принять въ обиду, если я замѣчу, что онъ возноситъ напрасливу на политическую экономію, утверждая, что *она сама проповѣдывала съ юрлическимъ убѣжденіемъ запретительную или охранительную систему*. Происхожденіе политической экономіи, какъ науки, должно искать въ сочиненіяхъ такъ называемой школы *физиократовъ, Кеня, Дюпонъ-де-Немура, Тюро*, и особенно въ твореніи *Адама Смита: Изысканія о свойствахъ и причинахъ народнаго богатства*, изданномъ въ первый разъ 1776 года: запретительная система тамъ краснорѣчиво опровергается на каждомъ шагу, и этимъ-то писателемъ принадлежитъ знаменитая формула: *laissez faire, laissez passer*, выражающая главный смыслъ ученія экономическаго. До физиократовъ и Ада-

ла Смита существовала, правда, такъ называемая *жесткая система*, приписывавшая драгоценнымъ металламъ свойство главныхъ залоговъ народного богатства и передавая *систему торговаго баланса*, а вслѣдъ за нею и *систему запретительную*, но эта система никогда не возвышалась до степени науки; она никогда не выходила изъ престога сбора эмпирическихъ выводовъ и заключеній; и между нею и политическою экономіею столь же мало общаго, какъ напримѣръ, между настоящею ханіею и некогда процвѣтавшею теоріею «логастическою». Со времени же *Адама Смита*, я не знаю ни одного экономиста, заслуживающаго это названіе, который бы не представлялъ превратностей безусловной запретительной системы, и исключеніемъ, правда, германскаго профессора *Листа*; послѣдній какъ извѣстно, всего болѣе содѣйствовалъ учрежденію германскаго таможеннаго союза и въ особенности его одѣленію высокими привозными пошлинами. Я совершенно согласенъ съ почтеннымъ рецензентомъ, что эта послѣдняя мѣра только реализировала для Германіи благотворныя послѣдствія таможеннаго союза (Zollverein).

Еще одно замѣчаніе: рецензентъ признаетъ автора «*Опыта free-trader*» отъ перваго разряда, что очень лестно, — потому что въ этомъ названіи, онъ сходится съ людьми, каковы *сэръ Робертъ Пиль* и *Кобденъ*; но при этомъ напрасно безпокоить читателей: авторъ «*Опыта*» отнюдь не увѣренъ, что «свобода торговли есть единственное средство возстановить на землѣ рай». Отмѣна запретительныхъ постановленій, къ которой нынѣ видимо клонится торговая политика Европы, по его мнѣнію, конечно, должна имѣть многія благотворныя послѣдствія и между прочимъ отыратить частое повтореніе гибельныхъ торговыхъ кризисовъ, причиняемыхъ съ одной стороны искусственнымъ раздраженіемъ провозводства, съ другой же безпрестанными перемѣнами въ тарифахъ; но отъ этихъ послѣдствій до совершеннаго блаженства еще далеко, и авторъ отнюдь не желаетъ попасть въ чредо чародѣевъ, обѣщающихъ людямъ осуществленіе золотого вѣка, лишь бы они приняли ихъ идеи за руководство.

Впрочемъ, почтенный рецензентъ, въ короткихъ образахъ причисляетъ себя *какъ энциклопедистъ теоріи оальной торговли, какъ отличайшая блага, что не мнѣннеть ему видѣть въ то же время аля небезуловнннстн и тн неудобствн и препятствіа, которыми*

совершенно из прилежатель (стр. 37 декабрьской книжки). Но эти упреки не ссылаются также от внимания автора Оппеля, который неодносторонне о них упоминает между прочим на страницах 374—384 тома I, и в выдержки, самим рецензентомъ, приводимой, на страницахъ 22 ноябрьской книжки Библиотеки для Чтенія. Автора столь же мало трогаетъ упрекъ въ безусловности: касательно немедленнаго примѣненія на дѣлѣ теоріи вольной торговли, онъ не заслужилъ этого упрека; что же касается до истины самаго начала (principium), то онъ считаетъ его безусловнымъ. При этомъ авторъ искренно благодаритъ почтеннаго критика за весьма здравыя дополненія или разъясненія его мыслей о распространеніи невольности отъ искусственной дороговизны, высокими привозными пошлинами и отвозными преміями причиваемой, на самыхъ охраняемыхъ производителяхъ (стр. 11 и 12); также о невозможности создать купеческое мореплаваніе, помощію льготныхъ тарифовъ (стр. 14—17). Онъ дозволяетъ себѣ только замѣтить, что не распространялся объ этомъ послѣднемъ вопросѣ, совсѣмъ не потому, что не нашелъ ответа на него во французскихъ источникахъ, а потому, что не считалъ нужнымъ (можетъ-быть напрасно, въ чемъ и расказывается) входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о колониальномъ фактѣ, интересующемъ болѣе заманчивыя мореплавательныя державы, нежели наше отечество, которому собственно посвящался его трудъ.

Касаясь колониальной системы, я замѣтилъ между прочимъ, (стр. 62 т. II), что однимъ изъ ея послѣдствій во Франціи было возбужденіе свеклосахарной промышленности, которая созрѣла подъ кровомъ значительныхъ пошлинъ, обременяющихъ тростниковый сахаръ колониальный и иностранннй, и что это событіе причиняло и еще причиняетъ много затрудненій французскому правительству. Дѣйствительно, по мѣрѣ распространенія, свеклосахарнаго производства, съ одной стороны все болѣе и болѣе уменьшалась сбыты колоній, лишенныхъ права торговать съ иностранцами, а съ другой все болѣе и болѣе уменьшалась доходъ казенный отъ сахарной пошлины. Туземные сахаровары видяше пожимали огромные барыши на счетъ водатаго соседствія и въ ущербъ колоніямъ. Чтобъ исправить дѣлю, французское правительство обложило анцизомъ сахаръ изъ свекловицы, и, не смотря на возраженія заводчиковъ, анцизъ этотъ мало-помалу возвышенъ до односторонности съ колониальномъ пошлиномъ.

Что же оказалось? Этою мѣрою советамъ не «убитъ свеклосахарная промышленность во Франціи», какъ замѣчаетъ рецензентъ. Напротивъ, эта промышленность никогда можетъ быть не находилась въ такомъ двѣтущемъ положеніи. По мѣрѣ, какъ акцизъ возвышался въ послѣднее время, во Франціи увеличивалось не только количество производимаго сахару, но и самое число фабрикъ. Такъ

въ 1844—45	произведено сахару	36.457,936	килогр.	(акцизъ взималось по 24 р. 50 к. съ метр. квинтала).
— 1845—46	—	—	—	40.546,839 — (—29 р. 50 к.
— 1846—47	—	—	—	53.795,055 — (—34 р. 50 к.
— 1847—48	—	(приблиз.)	65.000,000	— (—49 р. 50 к.

Въ 1847 году считалось 298 заводовъ, въ 1848 — 308. Это явленіе объясняется: частию огромнымъ техническимъ преимуществомъ метрополіи надъ колоніями: наука и изобрѣтательность расточили во Франціи всѣ свои сокровища свеклосахарному дѣлу, тогда какъ колоніальные плантаторы не успѣли еще себѣ усвоить и важнѣйшихъ улучшеній, и кромѣ того продолжаютъ опираться на дорогой и мало производительный трудъ черныхъ невольниковъ; частию же я корчемству, которое съ большимъ удобствомъ производится на свеклосахарныхъ туземныхъ заводахъ. Казна много теряетъ на сахарномъ сборѣ; потребленіе этого продукта стѣснено его высокою цѣвною, которой главная причина кроется въ высокой пошлинѣ, обременяющей иностраннѣй привозный сахаръ. Уменьшенію этой пошлины равно противятся и плантаторы, и свеклосахарные заводчики; первые ссылаются на свою зависимость отъ метрополитанскаго сбыта; вторые — на невозможность состязаться съ дешевымъ гаванскимъ и бразильскимъ сахаромъ; и, *конецъ клинцовъ*, выходитъ, что изъ многихъ видовъ пользы общественной, французское правительство, поощряя то плантаторовъ въ своихъ колоніяхъ, то туземныхъ сахароваровъ, опустило изъ виду настоящую пользу государственную, водворило надолго у себя искусственную дороговизну сахара, тѣмъ самымъ стѣснено потребленіе и подорвало собственные доходы; купческаго же флота не только не успѣло расширить, а напротивъ повредило его развитію, лишивъ суда фрахтовъ своими запретительными мѣрами. Конечно, какъ замѣчаетъ почтеннѣйшій рецензентъ, и колонія и Франція «гораздо больше выиграли бы,

«приобрѣтае все себя нужное у друзей народов на правилѣхъ «свободной торговли». Тогда, правда, не возникла бы свеклосахарная промышленность, за то Французы въ изобиліи употребляли бы сахаръ по дешевой цѣнѣ; казна взимала бы съ этого потребленія въ видѣ умѣренной пошлины огромный доходъ, а колонія процвѣтали бы, какъ процвѣтаютъ болѣею частію всѣ порто-франко. Самое торговое мореплаваніе, безъ сомнѣнія, болѣе бы разширилось при такой системѣ. Примеръ Англіи ничего не доказываетъ противнаго этому мнѣнію: своимъ огромнымъ купеческимъ флотомъ, она обязана не знаменитому act of navigation Кроувелля, ни даже паденію Голландіи, но множеству другихъ обстоятельствъ, которыхъ разсмотрѣніе завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а въ особенности ея географическому положенію и успѣхамъ гражданственности, оказавшимся въ ней прежде, чѣмъ во всей остальной Европѣ.

Мнѣ такъ пріятно разсуждать съ мовимъ рецензентомъ о пунктахъ, въ которыхъ, мы съ нимъ согласны, что я съ большою неохотой перехожу къ мнѣнію, собственно ему принадлежащему, о торговлѣ хлѣбомъ,—мнѣнію, рѣзко противорѣчащему другимъ его идеямъ о свободѣ торговли. Для всего она хороша эта система, говоритъ онъ, но для хлѣба никакъ не годится, *вопросъ же о хлѣбѣ касается невидимо всѣхъ основаній политической экономіи... Самое важное и можетъ-быть единственное препятствіе къ достиженію тѣхъ благъ, которыя теорія предугадываетъ въ вольной торговлѣ, есть именно хлѣбъ: не будь она свѣтъ хлѣба, вольная торговля несомнѣнно доставляла бы намъ родимыя тѣ огромныя золотыя яблока, которыя мы видимъ сквозь розовый туманъ умозрѣнія въ ея волшебныхъ садахъ; но хлѣбъ—помѣха всему. Хлѣбъ—такая статья, которая въ практикѣ должна непременно производить страшныя торговыя потрясенія». По его мнѣнію никакихъ выгодъ не можетъ придать Россіи вольная торговля хлѣбомъ, а еще менѣе этихъ выгодъ предетонть, наприкладъ, Англичанамъ, которые, бѣдные, такъ долго трудились объ отмѣнѣ своихъ *corn-laws*. Доказательствомъ же всему этому служитъ торговый кризисъ, разразившійся въ Англіи, въ прошедшемъ году, и который, какъ полагаетъ рецензентъ, «долженъ безпрестанно повторяться періодически до скончанія вѣковъ». «Таковъ, прибавляетъ онъ, законъ природы, который сильнѣе всего—не въ обиду а будь сказано законамъ политической экономіи.»*

Наука не обижается возраженіями; она благодарна за всякій поводъ, ей представляемый, для возможности или исправленія ея выводовъ. Критика утверждаетъ, напромавъ, что въ повтореніи кризисовъ въ хлѣбной торговлѣ заключается законъ природы; наука въ правѣ отвѣтить, что кризисъ есть явленіе аномальное, возмущающее естественный порядокъ вещей, и что по этому онъ не есть законъ, а только результатъ умноженія отъ закона въ слѣдствіе какихъ-либо причинъ. Такъ, дѣйствительно объясняется и кризисъ, постигшій Англію въ 1847 году. Отъ него безспорно, пострадала торговля хлѣбомъ, какъ и всѣ вообще вѣтви промышленности, но его причина не въ отливѣ *silver-laws* и еще менѣе въ волевой торговлѣ хлѣбомъ. Въ немногихъ словахъ постараюсь здѣсь объяснить эту причину.

Капиталъ или производительный фондъ всякаго народа, составляющій его главное богатство, раздѣляется на двѣ части: на *постоянный* или *вкладочный*, и на *оборотный*. Первый состоитъ изъ земледѣльческихъ, горныхъ, фабричныхъ и заводскихъ устройствъ, домовъ, путей сообщенія, оборонительныхъ построекъ; въ составъ втораго входятъ фонды, предназначенныя на содержаніе трудовыхъ классовъ, на поддержаніе и сокращеніе въ цѣлости вкладочнаго капитала, первообразный матеріалъ, орудія. Ясно, что полезное дѣйствіе капитала вкладочнаго въ высшей степени зависитъ, отъ постоянной наличности достаточнаго количества капитала оборотнаго: соразмѣрность между тѣмъ и другимъ есть необходимое условіе правильнаго движенія промышленности. Въ націи трудолюбивой и добропорядочной, производство постоянно превышаетъ потребленіе; избытокъ присоединяется къ производительному фонду; но въ этомъ обращеніи необходимо должна соблюдаться соразмѣрность между капиталами вкладочнымъ и оборотнымъ: излишнее усиліе перваго въ ущербъ послѣднему неминуемо должно повредить ходу промышленности, лишивъ ее достаточной степени живучаго элемента. Въ эту ошибку знали Англичане: слишкомъ завистливые желаніемъ увеличить свой вкладочный фондъ, они нарушали этотъ естественный законъ равновѣсія и подвергались вслѣдствіе его невыгоднымъ послѣдствіямъ.

Англійскіе экономисты опредѣляютъ въ 125 и до 130 милліоновъ рублей серебромъ ежегодную капитализацію Великобританіи.

ли: при нормальномъ теченіи дѣлъ, эта зависимость распределяется между различными вѣтвями промышленности, съдѣйствуя ихъ расширенію. Въ послѣднее время, она не только сама помогалась своему роду предпріятіями—железными дорогами, но еще обращеніе капиталовъ на этотъ предметъ далеко превзошло ее *тацититъ*. Г. Вильсонъ доказываетъ это до очевидности простымъ изложеніемъ фактовъ **. Въ концѣ 1844 года, въ Англіи оказалось 2070 милл. желѣзныхъ дорогъ, совершенно оконченныхъ и стоявшихъ 64 милліона фунтовъ стерлинговъ; разложивъ эту сумму на 11 лѣтъ съ 1834 по 1844 годъ, получимъ годовую издержку на желѣзныя дороги въ 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (31.250,000 р. сереб.), что не выводитъ изъ предѣловъ благоразумной умѣренности. Съ 1844 по 1846, парламентъ разрѣшилъ построение 3543 милл. новыхъ желѣзныхъ дорогъ, которыхъ издержка по сѣбѣ простиралась до 74 милліоновъ ф. ст. (почти 500 милліоновъ руб. сер.) Линіи, утвержденныя въ 1846 году, потребовали новой издержки въ 110 милліоновъ ф. ст. (около 612,500,000 р. сер.), а утвержденныя въ 1847—еще 40 милліоновъ ф. ст. (около 250 милліоновъ р. сер.) И такъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1844 по 47, Англія предприняла желѣзныхъ дорогъ на 224 милліона ф. ст. или почти 1.400.000,000 р. сер. Иначе, она обратила на усиленіе своего вкладочнаго капитала, состоящаго въ путяхъ сообщенія,—если распределить эту сумму на пять лѣтъ, включивъ и текущій 1848 годъ,—болѣе 220 милліоновъ р. сер. ежегодно, т. е. на 70 милліоновъ р. сер. болѣе, чѣмъ въ состояніи была бы располагать на расширеніе всѣхъ вѣтвей своего капитала, какъ вкладочнаго такъ и оборотнаго.

Всѣ эти огромныя проекты состоялись не на бумагѣ только. Съ 1844 года понынѣ компаніи требовали и неотступно тре-

* Критика опредѣляетъ въ 1.700,000,000 р. сер. текущій оборотный капиталъ Англіи: эта оцѣнка выражаетъ приблизительно чистый годовей доходъ Англіи, который полагается въ 240 милліоновъ ф. ст., оборотный же капиталъ этого государства несравненно значительнѣе: Макъ-Куллохъ оцѣниваетъ количество звонкой монеты, обращающейся въ Англіи, не болѣе какъ въ 30.000,000 ф. ст. (около 190 тыс. р. с.) Податей Англія платитъ не 1.250,000 р. сер., а свыше 52 милліоновъ ф. ст. или 325 милл. р. сер. Изъ этой суммы 149.750,000 р. сер. подлежатъ оцѣнѣ платежей процентовъ государственнаго долга. См. Бюджетъ 1847 года.

** Capital currency and banking by J. Wilson.

бухнуть отъ акціонеромъ внесенія слѣдующихъ съ нихъ паевъ по акціямъ. Такъ въ 1846 году платежи акціонеромъ въ Лондонѣ простирались до милліона фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю; въ октябрѣ же 1847 года, въ самый разгаръ кризиса, требованія компаній доходили до 3 милліоновъ ф. ст. въ недѣлю, а въ ноябрѣ того же года были не менѣе полтора милліона ф. ст. При этомъ мы не упоминаемъ еще о фондахъ, обращенныхъ въ то же самое время Англичанами на строеніе желѣзныхъ дорогъ на материкѣ Европы. Можно себѣ представить какія затрудненія причинила въ торговлѣ и въ промышленности вообще эта чрезмѣрная, явно преувеличенная растрата капиталовъ на желѣзныя дороги, когда къ ней присоединились сильный неурожай въ Великобританіи, а въ Ирландіи настоящій голодъ. Англія принуждена была издержать до 30.000.000 ф. ст. на покрытіе недостатковъ въ продовольствіи какъ въ 1845 такъ и въ 1846 и 1847 по августъ мѣсяць. Несмотря на то цѣна хлѣбу удержалась въ теченіе этого періода времени весьма высокая: кварталъ пшеницы не упалъ ниже 72 шиллинговъ, а въ маѣ 1847 года поднялся свыше 100 шиллинговъ: столь необыкновенная дороговизна сдѣлала внутреннее потребленіе. Нисшія и среднія сословія принуждены были посвятить собственно на прокормленіе тѣ средства, которыя могли бы въ противномъ случаѣ обратитъ на покупку одежды, колоніальныхъ товаровъ и другихъ продуктовъ. Застой, оказавшійся въ мануфактурахъ, еще усилился неурожаемъ, постигшимъ въ то же время большую часть другихъ европейскихъ государствъ, въ слѣдствіе котораго стѣнялась тамъ сбыты англійскихъ фабрикъ. Производство по необходимости остановилось, тогда какъ напротивъ необходимѣйшее потребленіе болѣе и болѣе нуждалось въ пожертвованіяхъ. Недостатокъ разомъ оказался и въ капиталѣ, и въ трудѣ, и въ наличныхъ средствахъ. Удивительно ли, что банкротства быстро послѣдовали одно за другимъ: негоціанты нашлись въ невозможности платить по векселямъ, выданнымъ въ зачетъ выписанныхъ ими зерна и муки; акціонеры — въ невозможности отвѣчать на требованія компаній; провинціальныя банки, и въ томъ числѣ одинъ изъ важнѣйшихъ, королевскій банкъ ливерпульскій, крайне затруднились, не получая уплаты съ своихъ должниковъ и въ то же время назаемная подъ бременемъ требованій звонкой монеты со стороны билетодержателей; многіе изъ нихъ лопнули; даже банкъ Англіи въ Лондонѣ поколе-

балея на своиях основаніяхъ, а принужденъ былъ рѣшиться на отиѣну благоууднаго закона сэра Роберта Пила (1844 года), которыми положены были предѣлы выпуску его билетовъ.

Какую же роль во всемъ этомъ играла вольная торговля хлѣбомъ? Быстро слабѣвъ авглійскіе, ирландскіе и шотландскіе порты хлѣбомъ, преимущественно изъ Россіи и Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ навезеннымъ, она не отвратила, конечно, крайней дороговизны, но видимо спасла множество подданныхъ соединеннаго великобританскаго королевства отъ голодной смерти. Она понесла свою долю убытковъ и потерь; многіе изъ спекуляторовъ, ею занимавшихся, вовлечены въ неплатность, но главная причина этихъ потерь, этихъ разореній именно въ чрезмѣрной растратѣ фондовъ на желѣзныя дороги. Не будь этой растраты, Англія не подверглась бы разплатѣ бѣдствіямъ неурожая и легко нашла бы средства на открытіе 30 милліоновъ ф. ст. для пополненія недостатковъ въ ея продовольствіи въ 1845, 1846 и 1847 годахъ. Безъ сомнѣнія и тогда не избѣгнула бы она всѣхъ гибельныхъ послѣдствій неурожая, но по крайней мѣрѣ эти послѣдствія не были бы такъ жестоки. Безспорно, спекуляторы потерпѣли также отъ внезапнаго пониженія цѣны на хлѣбъ съ половины 1847 года, при изобильномъ урожаѣ, тогда оказавшемся, по счастью для Англіи, въ ней самой и во всей Европѣ, но даже эти потери тѣсно связаны съ разстройствомъ, постигнувшимъ торговлю и промышленность въ слѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь упоминается: съ одной стороны сложность кризиса могла скрыть отъ спекуляторовъ настоящее положеніе запроса, съ другой въ самомъ запросѣ оказалось совершенно непредвидимое для нихъ стѣсненіе вскорѣ за затрудненіемъ сбытовъ мануфактурной промышленности. Впрочемъ, нельзя не присовокупить, если бы негоціанты, торгующіе хлѣбомъ въ этомъ случаѣ воспользовались болѣе сѣвѣтами политической экономіи, то, вѣроятно, не подверглись бы и этой ошибкѣ и не завлеклись бы въ излишніе подвозы, столь много ихъ затруднившіе.

Винить же въ этомъ саму вольную торговлю хлѣбомъ, которую Англія такъ недавно привѣтствовала громкими рукоплесканіями, и за водвореніе которой принесла въ подарокъ *Кобдену* болѣе 600,000 руб. сер., собранныхъ по подпискѣ, не значить ли возетавать противъ обстоятельства, наиболѣе содѣйствовавшаго облегченію кризиса. Подумайте о томъ, что про-

необходимо бы въ этомъ государствѣ, если бы не чрезвычайная и въ другихъ причинамъ разстройствъ, въ немъ присоединившихся еще высокія привозныя пошлины на хлѣбъ, мясо, и другіе предметы продовольствія. Сэръ Робертъ Пилъ чувствовалъ ошкось; онъ правильно предусматривалъ, что съ разрѣшеніемъ вопроса о *Corn-laws* глубоко связаны могущество и благообстояніе государства; для него этотъ вопросъ былъ не только экономическій, но въ высшей степени политическій. Съ рѣшимостію и твердостью, вопреки сильному, сильному сопротивленію своей собственной партіи, онъ присталъ къ Кобдену. Запретительные законы о хлѣбѣ неа и неа справедливо. *Corn-laws*, известно, поддерживали постоянно на англійскихъ рынкахъ искусственную дороговизну хлѣба, обеспечивали непомерную откупную плату землевладѣльцамъ: подъ вліяніемъ новаго законодательства, Англичане будутъ платить за хлѣбъ именно то, чего онъ стоитъ: дешевле при изобильномъ урожаѣ въ Европѣ, или, пожалуй, во всея свѣтѣ; дороже при всеобщемъ неурожаѣ; но съ ними ни въ какомъ случаѣ не будутъ взимать несправедливой премии за плодородіе грунта. Что же касается до торгующихъ хлѣбомъ въ Англіи съ Англіею, то отмена *Corn-laws* избавляетъ ихъ отъ гадательныхъ, неопредѣленныхъ и ошкельныхъ соображеній, при безпросчетныхъ и непредвидимыхъ переменахъ въ привозныхъ пошлинахъ, взимаемыхъ англійскими таможенниками; имъ остается только наблюдать состояніе урожаевъ и соразвѣрять съ ними значность своихъ привозовъ хлѣба изъ-за границы. Эти соображенія, безспорно, требуютъ опытности, осторожности, искусства, но они много упрощаются конечнымъ удаленіемъ одной лишней операции—*позвольте* подвижнаго тарифа (*sliding-scale*).

Но оставимъ Англію и обратимся къ Россіи. 1846-й годъ отличается весьма значительнымъ противу прошлыхъ годовъ извозомъ хлѣба изъ нашего отечества; вотъ числа, вычеркнуты изъ Вѣдомъ государственной вѣдальной торговли:

въ 1841 году отпущено хлѣба всякаго на	10.382.509 р. сер.
— 1842 — — — —	12.491.527 — —
— 1843 — — — —	12.699.941 — —
— 1844 — — — —	16.340.025 — —
— 1845 — — — —	16.572.784 — —
— 1846 — — — —	26.929.916 — —

- Это условіе сбыта благаго товара должно принадлежать, собственно торговцам въ Европѣ, но какия бы ни были тому причины, оно никакъ не разсматривать какъ весьма выгодныя для нашего земледѣлія. Въ 1847 году, вывозъ продолжалъ быть значительнымъ; отъ послѣдствій же англійскаго кризиса вслѣдствіе ограниченнаго нашего купечества, то весьма немного. Затрудненіи, ограниченности, вѣроятно, необходимою протестовать кой-какіе аксесы и отсрочить окончательный вѣдѣжъ со другими. Нераспределенъ хлѣба въ Лондонѣ не можетъ касаться нашихъ торговцевъ, не экспортирующихъ товара на свой собственный счетъ, а просто его продающихъ на чистыя деньги или подъ вѣрныя векселя иностранныхъ торговыхъ домовъ или ихъ корреспондентовъ на биржахъ петербургской, рижской, архангельской, одесской. Впрочемъ, вѣсть съ почтеннымъ рецензентомъ, я отнюдь не совѣтую никому, ни пошлякамъ, ни торговцамъ «предъстать», по его выраженію, «благами случайнаго голода за моремъ, полагая, что голодъ тамъ будетъ ошчымъ, что теперь-тѣ и побѣдетъ на Нѣмецкѣ семь египетскихъ голодныхъ годовъ грлду.» Боже избави насъ отъ такихъ невѣрныхъ и притомъ нехристіанскихъ расчетовъ. Какъ и г. критикъ, я считаю все это движеніе совершенно случайнымъ, скоропреходящимъ, и уже конечно утихнувшимъ, мало зависшимъ отъ отмены *corn-law* въ Англии, и еще болѣе, я готовъ съ нимъ согласиться, что провозглашеніе вольной торговли хлѣбомъ въ послѣднемъ государствѣ можетъ-быть не принести ни малѣйшей пользы Россіи.

Въ 1846 и 47 годахъ, Англичане бросились къ намъ за хлѣбомъ, именно потому, что подъ гнѣтомъ знаменитой ихъ подвижной таксы, *sliding-scale*, не имѣли правильнаго торговаго этимъ важнымъ продуктомъ; рынки никогда не снабжались запасами впередъ; торговли для выписки хлѣба всегда ожидали законнаго пониженія таксы. Поэтому неурожай захватилъ ихъ врасплохъ; голоднымъ людямъ нельзя выбрать, и расчетливѣйшимъ изъ самыхъ расчетливыхъ негоціантовъ пришлось покупать хлѣбъ на чистыя деньги и гдѣ поближе. Всѣхъ блажо оказалась Россія.

Но такъ ли будутъ происходить дѣла въ будущемъ? Не думаю. Англичане въ своихъ торговыхъ операціяхъ не любятъ ограничиваться одною спекуляціей; имъ неизмѣнно нужна контра-спекуляція, и это слово, право, не такъ страшно, какъ оно ка-

жестокъ рецензенту. Англійскій negociантъ спекулируетъ на вынисканіи чужихъ товаровъ, но только тамъ, гдѣ можетъ контра-спекулировать на сбытъ своихъ собственныхъ. Такъ напр. у насъ онъ спекулируетъ на львѣ и пенькѣ, контраспекулируетъ на бумажной яржѣ или даже на бумажной хлопкѣ. Выгода въ этихъ двойныхъ спекуляціяхъ очевидна: онъ позволяетъ, во-первыхъ, заработать два фрахта, одинъ на привозѣ товаровъ въ Россію, другой на вывозѣ; во-вторыхъ, — два барыша, одинъ на вывезенныхъ въ Россію, другой на привезенныхъ изъ Россіи товарахъ. Если жъ такіа двойныя операціа возможны для Англичанъ въ Россіи только до нѣкоторой степени, то легко можетъ быть, что Англичане и обратятся въ другое государство, гдѣ тарифы имъ представляютъ поле обширнѣе, напр. въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Такъ какъ Американцы такіе же контраспекулянты, какъ и французскіе братья — и притомъ же уже нѣсколько лѣтъ отишли у себя всѣ запретительныя пошлины, то Англичане могутъ рассчитывать у нихъ на вѣрный сбытъ своихъ товаровъ, и такимъ образомъ естественно возникнетъ между Америкою и Англіею постоянный обмѣнъ, въ которомъ первая будетъ сбывать избытки своего хлѣба, а послѣдняя избытки своихъ фабрикъ. Сношенія Россіи съ Англіею останутся на прежнемъ основаніи, какъ и съ отибною *corn-laws*. Когда водворятся такіа правильныя и постоянныя сношенія англійской хлѣбной торговли съ Америкою, и конечно еще съ другими странами, то Англичанамъ не будутъ такъ бѣдственно отзываться послѣдствія ихъ собственныхъ неурожаевъ; но врядъ ли впередъ такіе неурожаи будутъ имѣть собственно для Россіи тѣ выгоды, которыми ее подарилъ кризисъ 1846—47 годовъ.

Почтенный рецензентъ напрасно приписываетъ автору Олмидиѣннѣ, что производство хлѣба въ Россіи зависитъ исключительно отъ иностраннаго запроса. Въ нашей Имперіи считается болѣе 62 милліоновъ жителей: ихъ нужно прокормить; при этомъ у насъ выкуривается огромное количество хлѣбной воли: потребны такъ же значительныя запасы на кормъ скота; слѣдовательно, внутренній сбытъ уже самъ по себѣ чрезвычайно обширенъ для хлѣба у насъ производимаго. Но кто не знаетъ, что за покрытіемъ внутренней потребности, не только хлѣбомъ, но и всѣми другими земледѣльческими продуктами, у насъ еще остается значительный избытокъ, который мы, съ большою въ-

годою для себя, можем обогнать на иностранные продукты намъ полезные? Часть этого избытка, дѣйствительно, служить главнымъ основаніемъ нашей внешней торговли. Такъ, напр. въ 1846 году, вромѣ хлѣба изъ Россіи отпущено:

пеньки	—	—	2.695.652	пуда
льна	—	—	2.504.550	—
сала	—	—	3.522.614	—
шерсти	—	—	498.763	—
щетины	—	—	80.851	—
семенъ льпанаго и				
коноплянаго	—		928.826	четвертей
лѣсу на	—	—	3.745.356	руб. сереб.
кожъ невыдѣлан. на			1.119.552	— — *

Какъ ни значителенъ этотъ заграничный вывозъ, тѣмъ не менѣе однако наше земледѣліе почти постоянно страдаетъ отъ недостатка сбытовъ, отъ непродажи, отъ малоцѣвности. Авторъ *Опыта* объясняетъ, какимъ образомъ этому горю помогло бы разширеніе нашей торговли съ иностранцами. Привозы къ намъ болѣе своихъ продуктовъ, иностранцы болѣе покушали бы нашихъ; запросъ на наши сырые продукты усилился бы, и цѣна бы имъ держалась постоянно вознаградительная. Безъ сомнѣнія, осуществленіе этого результата зависить, и очень много, еще отъ другихъ условій, и частію отъ снабженія государства хорошими путями сообщенія; о послѣднемъ дѣятельно заботится правительство, и можно надѣяться, что это условіе въ близкомъ времени не будетъ служить препятствіемъ.

Рецензентъ не замѣчаетъ колебаній въ произведеніи хлѣба въ Россіи и считаетъ ихъ умозрительнымъ заключеніемъ теоріи. Съ какою радостію авторъ *Опыта* согласился бы съ нимъ, самъ бы къ несчастію, факты не убѣждали его въ противномъ. Что цѣны на хлѣбъ у насъ измѣняются съ удивительнымъ и неуловимымъ своенравіемъ в во времени и въ пространствѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію: чтобы въ томъ удостовѣриться, стоить только справиться съ газетами *Земледѣльческою* или *Кор-*

* Эти числа заимствованы изъ Видовъ государственной внешней торговли за 1846 годъ.

морально за любой годъ. Вспомните также, что говоритъ объ этомъ экономиста г. Заблоцкий въ своей замѣчательной статьѣ: *О причинахъ колебанія цѣны на хлѣбъ въ Россіи**. Повторяетъ, что къ сожалѣнію эти сведенія: умозрѣнія слишкомъ подтверждаются на практикѣ. Впрочемъ, авторъ *Опыта* еще разъ говоритъ, что отнюдь не ожидаетъ совершеннаго прекращенія этихъ колебаній отъ одного измѣненія въ тарифахъ: оно зависитъ отъ многихъ другихъ причинъ, которыхъ онъ не имѣетъ здѣсь касаться.

Въ заключеніе этого отзыва на рецензію *Библиотеки для Чтенія*, мнѣ остается упомянуть о средствѣ, которое въ ней считается необходимымъ для благовольной торговли. «Для этого, говоритъ рецензентъ, хлѣбъ долженъ быть устраненъ изъ круга свободной торговли: онъ долженъ быть статьей правительственной монополіи, какъ единственной власти, способной принимать его вѣрно и безошибочно къ народной нуждѣ безъ обиды голодному человечеству.» — Мы увѣрены, что онъ указываетъ на это средство во всей полнотѣ добросовѣстнаго убѣжденія, но разсмотрѣлъ ли онъ со всѣхъ сторонъ, что такое значить монополія хлѣбной торговли? значеніе этого слова весьма обширно.

Онъ можетъ-быть подразумѣваетъ единственно монополію продажи въ родѣ той, которая у насъ въ Россіи принадлежитъ казнѣ для хлѣбнаго вина: конечно, онъ предполагаетъ, что такая монополія отнюдь не будетъ разсматриваться казною, какъ косвенный налогъ, и что казна будетъ только скупать хлѣбъ у землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и по обиходной же цѣнѣ безъ барыша распродавать потребителямъ изъ своихъ магазиновъ или депо! Но содержаніе такой монополіи потребовало бы огромныя расходы, превышающія издержки самаго сложнаго инвентаря; они бы неминуемо входили въ цѣну хлѣба и значительно ее возвышали. Къ тому же при такой системѣ, какъ отягчить злоупотребленія, недоумѣнія? Каковъ основаніе принять для восстановленія покупныхъ и продажныхъ цѣнъ? значить ли вслѣдъ одноклѣн; или различныя смотря по мѣстности? во раздѣлкѣ завершенъ или съ публичныхъ подрядовъ? допустить или запретить перепродажу? какому надзору подчинить

* Помѣщена въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1847 года.

производителей, для избѣжанія этого новаго рода корчемства. И какъ собразить всё эти условія, чтобъ изъ нихъ не произошло никакой вопіющей несправедливости, никакихъ опасныхъ сполкновеній? Какъ согласить, наконецъ, съ такою монополіей, существованіе поземельной собственности? Не могу придумать, какъ можна было бы осуществить эту ивру, не только во всей ея полнотѣ, но даже что-либо ей подобное, не поколебая гдубоко этого кореннаго основанія общественности.

Другой видъ монополіи состоялъ бы въ предоставленіи казнѣ исключительнаго права заграничной торговли хлѣбомъ, и вѣроятно, почтенный рецензентъ указываетъ на это средство, когда утверждаетъ, что правительство одно можетъ правильно судить о томъ, въ какой степени государство избыточествуетъ или нуждается въ хлѣбѣ. Поэтому для блага общественнаго, правительство, уже и безъ того обремененное множествомъ самыхъ тягостныхъ заботъ, должно сдѣлаться огромнымъ хлѣбнымъ негодіантомъ; оно одно по усмотрѣнію будетъ вывозить хлѣбъ за границу, или выписывать хлѣбъ иностранный. Но и въ этихъ предѣлахъ, хлѣбная монополія составила бы для казны немовѣрно сложную и трудную вѣтъ управленія. Сдѣлавшись единственнымъ покупателемъ всего избытка въ хлѣбѣ, который можетъ оказываться въ государствѣ, она подверглась бы докучливымъ просьбамъ и требованіямъ со стороны земледѣльцевъ. Сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю наличность продажнаго хлѣба, она превратилась бы въ единственную мишень всѣхъ заграничныхъ спекуляторовъ и принуждена была бы покоряться ихъ условіямъ въ опредѣленіи цѣнъ. Конечно люди, облеченные властію, съ высоты, на которую она поставлены своимъ положеніемъ, лучше и правильнѣе могутъ судить о потребностяхъ государства, но отъ нихъ невольно иногда ускользають такіа потребности, за которыми лучше слѣдить частный интересъ; въ торговлѣ же хлѣбомъ, какъ и во всякой другой все дѣлать въ подробностяхъ, и потому изъ всѣхъ товаровъ, хлѣбъ наименѣе способенъ къ монополіи.

Настоящій интересъ Европы состоитъ повидному въ томъ, чтобъ торговля хлѣбомъ производилась безпрепятственно; чтобъ беспрестанныя перемѣны въ тарифахъ не овращали и не путали спекуляторовъ, ею занимающихся. Хлѣбъ, какъ

правильно замѣчаетъ рецензентъ, есть товаръ, который *«необходится повсюду.»* Его изобиліе однако не вездѣ бываетъ равное, но рѣдко также всѣ торгующія между собою страны нестигаются разомъ и въ одинакой степени неурожаемъ. Спекуляція, слѣдя безпрестанно со всѣмъ вниманіемъ личнаго интереса за недостатками однихъ мѣстъ, за избытками другихъ, лучше всякихъ экстраординарныхъ мѣръ облегчить послѣдніе, пополнить первые и уравнитъ продовольствіе. И если въ этихъ операціяхъ, ные банкиры или негоціанты и заработаютъ себѣ порядочные барыши, на нихъ не за что кричать, какъ на злодѣевъ рода человѣческаго. Эти барыши, будьте увѣрены, не достаются имъ даромъ: они стоять и многихъ хлопотъ, и большаго риска; и, право, оправдываются великою пользою, приносимою этими спекуляціями обществамъ человѣческимъ.

Что же касается собственно до нашего отечества, то отъ расширенія сбытовъ, въ настоящемъ его положеніи, всего болѣе можно ожидать и усиленія доходовъ помѣщичьихъ, и успѣховъ въ благосостояніи крестьянскаго сословія.

Не знаю, убѣдится ли наконецъ почтенный рецензентъ, въ томъ, что вольная торговля хлѣбомъ не есть *«общественное бдѣствіе,»* или, по-крайней-мѣрѣ, что не въ учрежденіи монополіи заключается верховное врачеваніе зомъ, съ нею сопряженныхъ. Онъ угрожаетъ еще однимъ аргументомъ: *«До этой монополіи, говоритъ онъ, доведетъ чрезмѣрное усиленіе европейскаго народонаселенія, черезъ два, три столѣтія, и можеть быть и ранѣе.»* По полученіи его третьей статьи, гдѣ по всему вѣроятію имъ подробнѣе развита эта мысль, имѣю себѣ въ пріятную обязанность еще съ нимъ поспорить. Онъ не можетъ на это сердиться, потому-что самъ въ началѣ рецензіи выдаетъ себя за охотника до такихъ преній, или, лучше сказать, письменныхъ бесѣдъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о статьѣ г. *Милютина*, помѣщенной въ трехъ послѣднихъ книжкахъ *Современника* за 1847 годъ. Хотя г. *Милютинъ* и предлагаетъ эту статью читателямъ *Современника*, какъ критику моего сочиненія: *Опытъ о народномъ богатствѣ* и въ концѣ называетъ ее даже *«подробнымъ разборомъ,»* однако въ ней нѣтъ ничего похожего на разборъ, и, прочитавъ ее,

никто не может итти ни малѣйшаго порятія объ этомъ трудѣ. Г. Миллютинъ просто воспользовался случаемъ, чтобы составить довольно подробное историческое изложеніе постепеннаго развитія науки экономической. Ничто не мѣшало ему, конечно, сдѣлать и то, и другое: разборъ самъ по себѣ; изложеніе само по себѣ. Не у всякаго своя фантазія, и никакъ нельзя его винить въ томъ, что онъ сдѣлалъ пріятный сюрпризъ своимъ читателямъ, подъ предлогомъ разбора чужаго сочиненія, представивъ имъ свое собственное. Жаль только, что г. Миллютинъ, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ дарованіяхъ вдается въ слогъ слишкомъ туманный. Діалектика его растянута и завутама; и ея неясности способствуютъ чрезмѣрное множество словъ иностранныхъ, одѣтыхъ въ русскія грамматическія формы, тогда какъ въ нашемъ словарѣ нѣтъ недостатка въ равносильныхъ синонимахъ. Такъ, безпрестанно въ его статьяхъ встрѣчаются выраженія: *принципы, формулировать, рационализировать, абстракція, диспуты, прогрессъ, антрепренеры, аргументація, абсолютное, конкретное, гарантія, коллизія, антагонизмъ, конкуренція, тенденція, протесты, карьера, иллюзіи, реакція* и проч. и проч. Не думаю, чтобы научное изложеніе могло что-либо выиграть въ ясности отъ этихъ терминовъ, непріятныхъ и даже непонятныхъ для русскаго уха большинства нашихъ читателей. Безъ сомнѣнія, можно и даже должно употребить кое-гдѣ иностранный терминъ для поясненія, но ничто не извиняетъ излишества.

Г. Миллютинъ предпринялъ писать свою статью съ твердою рѣшимостью испровергнуть все зданіе политической экономіи, по мнѣнію его, совершенно неправильно возведенное доселѣ писавшими экономистами. Хотя онъ и называетъ эту науку «*новой*», но признаетъ еще существованіе какой-то другой «*новѣйшей*» объ отличіи которой однако отъ устарѣвшей, изъ его словъ, если и можно догадываться, то рѣшительное мнѣніе составить себѣ нельзя. Замѣтно только, что г. Миллютинъ расточаетъ всякаго рода упреки поборникамъ настоящаго ученія *Адама Смита*. Вообще основныя идеи г. Миллютина неуловимы; за ними даже невозможно слѣдить, посреди безпрестанныхъ противорѣчій; мѣстами читателя озадачиваютъ рѣзкіе и безусловные приговоры, къ принятію которыхъ предшествующія сужденія совсѣмъ не приготовляли его вниманія; г. Миллютинъ ведетъ настоящую войну партизанскую; завязываетъ дѣло съ экономистами на каж-

домъ шагу, но нигдѣ не доходить до рѣшительнаго боя; напротивъ сарывается при первой переманѣ, и тѣмъ же мѣста безпрестанно трубитъ побѣду, тогда какъ врагъ его еще спавъ во всей силѣ на ногахъ и не знаетъ, кому и на что отвѣчать.

Но это не мѣшаетъ сознаться, что г. Миллюмилль довольно хорошо объясняетъ въ своей статьѣ, почему между древними не было и не могло быть здравыхъ идей экономическихъ. Именное меркантильной системы также заслуживаетъ одобреніе; г. Миллюмилль правильно замѣчаетъ, «что эта школа имѣла скорее характеръ искусства, нежели науки, и что ее составляли не столько ученые, сколько администраторы», а что собственно «идея политико-экономической науки пробудилась не раньше половины XVIII столѣтія», а именно въ ученіи физиократовъ. Доктрины Кеня и его послѣдователей, равно какъ и въ происхожденіе и вліяніе на науку, объяснены также удовлетворительно; замѣтитъ только, что говоря о физиократахъ, г. Миллюмилль не можетъ удержаться, чтобы не пустить язвительной стрѣлы въ враждебный ему лагерь повдѣйшихъ экономистовъ, которыхъ онъ упрекаетъ тутъ же, невѣдѣнаго почему, «въ умаленіи ограниченнаго понятія о своей наукѣ.» Въ сужденіяхъ г. Миллюмилля объ Адамѣ Смитѣ, вглядываясь въ немъ самую страшную борьбу: его здравый смыслъ, его совѣсть явно побуждаютъ его признать великія услуги, оказанныя человѣчеству шотландскимъ философомъ; онъ охотно о нихъ распространяется: «эти заслуги», говоритъ онъ, «огромны и неоцѣнимы, и потверждать ихъ возможность, опровергать ихъ значеніе, по нашему мнѣнію, могутъ только люди недобросовѣстные или вовсе непонимающіе дѣла (стр. 79).... Въ сущности въ томъ, что ученіе Адама Смита имѣло самое огромное, самое рѣшительное вліяніе на науку и жизнь. Но очевидно, что оно не могло бы имѣть такого вліянія, если бы не удовлетворяло собой действительныя потребности науки и жизни, если бы не имѣло въ себѣ внутренняго достоинства и значенія. (idem.)..... Адамъ Смитъ первый высказалъ и положилъ въ основаніе науки эту очевидную и великую истину, что трудъ есть настоящій источникъ богатства, и что вся отрасль промышленности единственно производительна, какъ скоро имѣеетъ удачу создать въ предметъ новую цѣнность» (слѣдовало бы сказать не цѣнность, а полезность), «прежде не существовавшую (стр. 83).» Но послѣ этихъ самыхъ словъ, съ удивленіемъ читаемъ: «что для рѣ-

«иногда многих свожить кинуть задачи науки, знаменитый экономист не сделал почти ничего или по-крайней-мере. одылали весьма немногие (стр. 78)... что она не поняла всей глубины и всего значения основанія начала (труда), не сумела вывести из него *всѣхъ тѣхъ послѣдствій*, которыя можно и должно было изъ него вывести» (стр. 83).» Отчего же эти противорѣчія и на такомъ близкомъ разстояніи? просто оттого, что пристрастїе невольно увлекаетъ г. *Милютина* къ тому повѣйшему ученью; которое, сколько мы понимаемъ, рѣшительно отвергаетъ начала, открытыя и доказанныя *Смитомъ*.

Эта неосознанная наклонность г. *Милютина* обнаруживается во всей силѣ, когда онъ переходитъ къ разсужденію того, что слышалъ; по его выраженію, изъ науки *Смита*, его многочисленные послѣдователи, образующіе выпѣ собственно такъ называемую школу экономистовъ. Для пятихъ-то несчастныхъ экономистовъ берегъ онъ свой арсеналъ самыхъ убійственныхъ критикъ; но по странному стеченію выраженій, большая часть этихъ критикъ сами уничтожаются одна другою, и въ своихъ эволюціяхъ, г. *Милютинъ* на каждомъ шагу стрѣляетъ въ свои собственные ряды. Такъ, напр. онъ не признаетъ между экономистами ни *единодушія*, ни общности убѣжденій и *взглядовъ*» (стр. 21, Т. VI), различаетъ между ними какія-то небывавшія школы «*метафизическую, фаталистическую, описательную, эклектическую, эрмитаическую.*» между тѣмъ на тѣхъ же страницахъ, можетъ-быть для удобства критики, замѣчаетъ, что всѣ эти школы сливаются въ одну общую школу *Смита*. А въ-сколько строкъ ниже замѣчаетъ что *послѣдователи Смита придерживались однако однихъ и тѣхъ же взглядовъ на существо науки, ея цель, ея основное начало, ея практическія примѣненія...* «что каждый изъ нихъ въ этомъ случаѣ можетъ быть принять за представителя всѣхъ и что слѣды общаго стремленія цѣлой школы замѣтны въ трудахъ каждого изъ отдѣльныхъ членовъ» (стр. 43)... И поэтому онъ избираетъ себя жертвою *Жанъ-Батиста-Се.* — Далѣе г. *Милютинъ* упрекаетъ экономистовъ въ тошъ, что «отвернувшись отъ дѣйствительности и ея интересовъ, они вращались исключительно въ сферѣ безвозвратныхъ абстракцій, и большей части оставались чуждыми самымъ живымъ вопросамъ, шевелившимъ умы ихъ современниковъ и вытекавшимъ логически изъ экономической жизни европейскихъ обществъ» (стр. 5).» Не такъ согласенъ это сужденію съ слѣдующими, которое встрѣча-

емъ на стр. 11-й: «Сравнить политическую экономию съ науками естественными и признать способъ обработыванія послѣднихъ единственно-возможнымъ для первой, экономисты стали неумолимо собирать отовсюду факты, изучать экономическія явленія во всей ихъ подробности, сравнивать и слѣдить изъ «между собой, сортировать по категоріямъ и разрядамъ, разлагать на составные элементы, отлекать общее отъ частнаго, а схожее отъ различнаго.» И такъ одна и та же школа и «сражалась исключительно въ сферѣ безжизненныхъ абстракцій,» и «неумолимо собирала отовсюду факты:» чему прикажете вѣрить? Впрочемъ, такія противорѣчія изобилуютъ въ статьѣ г. Милютина. Мы не намѣрены вступать съ нимъ въ единоборство, а не предпринимаемъ опроверженія, явъ, по-крайней-мѣрѣ, разъясненія его аргументаціи, растянутой на 70 или 80 страницъ мелкаго шрифта. Въ такомъ трудѣ намъ довелось бы преимущественно бороться съ словами, что почти все равно, что сражаться съ вѣтряною мельницей. Ограничимся нѣсколькими словами о главныхъ упрекахъ, которымъ экономисты подвергаются отъ г. Милютина.

Они состоятъ въ томъ: 1-е, что экономисты въ своихъ книгахъ вездѣ поддерживаютъ начало свободнаго соперничества, которое г. Милютинъ называетъ *безпорядочною конкуренціей* и считаетъ источникомъ бездны золь; 2-е, что экономисты признаютъ единство, согласіе между интересами частными и общими, о которомъ г. Милютинъ и слышать не хочетъ; и 3-е, что нигдѣ у нихъ не предлагается особенной программы *твердой и разумной организаціи труда*, отчего, по мнѣнію г. Милютина, не достается всѣмъ довольно богатства при распределеніи производства.—На первые два упрека, читатели найдутъ отвѣтъ нашъ въ началѣ этой статьи, гдѣ объясняется законъ цѣнности; что же касается послѣдняго, то онъ долженъ пасть передъ самымъ простымъ анализомъ. Можно ль считать экономистовъ достойными всякаго порицанія, за то, что они находятъ согласнымъ съ природою человѣчества и выгодами общества производство, въ которомъ всѣ члены общества участвуютъ безъ всякаго посторонняго понужденія, каждый по внушенію собственнаго личнаго интереса; въ которомъ они стараются, всѣ наперорывъ одни передъ другими, сколь можно улучшать и удешевлять произведенія; и плоды котораго, въ слѣдствіе совершенной свободы слѣлокъ, договоровъ и контрактовъ, распределяются между

всѣмъ соразмѣрно съ полезнымъ участіемъ каждого въ нихъ со-
зданіи. Можно ль предать ихъ хулѣ за то, что заботясь только
объ удаленіи всякихъ препятствій къ такому естественному
экономическому устройству обществъ, они отвергаютъ, какъ из-
лишнюю и опасную, всякую искусственную организацію труда и
считаютъ ненужнымъ и даже вреднымъ всякое иное вмѣша-
тельство власти общественной въ частныя дѣла, кромѣ того
надзора, который ей принадлежитъ, за охраненіемъ личности
и собственности каждого и за возможнымъ обезпеченіемъ об-
щаго благосостоянія.

«Отрицая такое смѣшательство, экономисты,» по словамъ
г. Миллтона, «предполагаютъ недобросовѣстно существованіе
этого, къ чему мы еще только стремимся—существованіе все-
общей солидарности и прочной ассоціаціи между производитель-
ными силами.» Такъ, господинъ Милютинъ, тутъ-то вся раз-
ница между ученіемъ экономистовъ и тѣмъ новѣйшимъ учени-
емъ, на которое вы весьма ясно намекаете. Экономисты дѣй-
ствительно видятъ и солидарность и ассоціацію въ общественной
жизни, основанной на свободномъ примѣненіи къ производству
труда, земли и капиталовъ, ему принадлежащихъ, на уваженіи
собственности и личности, и на безпрепятственномъ развѣтѣ
богатствъ и произведеній. Это, пожалуй, ихъ утопія, идеаль,
къ которому, они полагаютъ, вопреки всѣмъ велерѣчивымъ вы-
ходкамъ противниковъ экономистовъ, стремятся сами собою об-
щества не только европейскія, но и всѣ вообще. Противники же
не видятъ или не хотятъ видѣть этихъ естественныхъ узъ, ко-
торыми само Провидѣніе связало общество; не понимая, что лич-
ный интересъ есть коренное свойство нашей природы, не пони-
мая также, какимъ путемъ этотъ интересъ, озаряемый разумомъ,
ведетъ людей къ прочной ассоціаціи, они хотятъ осуществить
эту ассоціацію помощію искусственныхъ и даже насильствен-
ныхъ мѣръ, которыя всѣ подходятъ подъ общее названіе *ор-
ганизациіи труда*.

Послѣ этого неудивительно, что рецензенту очень нравятся
краснорѣчивыя, но совершенно не логическія выходки *Симондъ-
де-Сисмонди* противъ ученія *Смита* и его послѣдователей.
Сомнѣваюсь однако, чтобъ этотъ добродѣтельный, но слабосер-
дый писатель, очень польстился ролью, которую впрочемъ ему
въ правѣ приписывать г. Милютинъ, ролью «звена между си-
стемой учениковъ *Смита* и теоріями новѣйшихъ школъ.»

Въ этихъ-то школахъ, или уранилахъ, которыхъ, какъ должно извѣстно, есть безчисленное множество, г. Миллютинъ полагаетъ по, что называть пошѣею политическую экономію. Это не мешаетъ ему однако на оборотѣ страницы замѣтить, что такія утѣхи не есть явленіе новое, что цѣль много существовала и въ древности и въ средніе вѣка, и что «исправленные науки утопистамъ суть только последователи, отчасти подражатели перенять.» Этихъ утопистамъ или апошѣеимъ экономистамъ, » рецензентъ отдастъ, по нашему, преимущество предъ устарѣлыми послѣдователями Смита, именно потому, что первые отвергаютъ, какъ ложное, начало свободы промышленности, требуютъ каждый по своей программѣ организаціи труда, обузданія капиталовъ, скованія личныя интересовъ и т. п. Но, по свойственному ему пристрастію, не можетъ не замѣчать однако, что «эти новыя школы предоставили слишкомъ много воли воображенію и пообыкли о необходимости узаконить его разулъ трезвымъ взглядомъ на практическую жизнь и постояннымъ наученіемъ ея законовъ и силъ. Отъ этого и произошло, что утопичныя школы остановились не болѣе какъ утопіями и остановились упорно на первомъ моментѣ своего развитія, вмѣсто того, чтобы войти даже и «вперекти мало-по-малу изъ сферы воображенія въ сферу науки.» «Отъ этого произошло также и то, что дѣятельность апошѣеившихъ школъ сообщила политической экономіи направленіе болѣе широкое и благородное, но вмѣстѣ съ тѣмъ возродило также «научное и совершенно чуждое положительное характеры (стр. 154.)...»

Не правъ ли я, когда замѣчаю, что г. Миллютинъ иногда стрѣляетъ въ свои собственные ряды, и даже очень жестоко: приведенныя строкы, изъ-подъ его же пера вышедшія, превосходно выставляютъ все ничтожество этихъ лжеученій, которыхъ отдають вѣнокъ торжества и превосходства надъ ученіемъ Смита и его послѣдователей. Напрасно только рецензентъ успокоится за политическую экономію: между нею и этими школами нѣтъ ничего общаго. Последнія не могутъ придать первой ни болѣе обширности, ни болѣе благородства, да въ томъ и не нуждается наука, открывающая великіе законы Провидѣнія, въ силу которыхъ успѣхи и благосостояніе людей всего болѣе зависятъ отъ самихъ людей, — наука возвышающая насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Помянутыя школы не успѣютъ

также обративъ эту науку къ пути научнаго и философскаго, именно потому, что истинные экономисты отвергаютъ и будутъ всегда отвергать всё эти ложныя системы и строго запереть въодъ для ишимымъ началамъ въ свои сужденія. Для нихъ, докторю, эти системы останутся *еседа, жалкими и безлюдными усилками ума человеческаго* совратить непреложныя законы Провидѣнія, уничтожить неагладимый индивидуализмъ въ человѣкѣ, измѣнить самыя естественныя черты его природы, и на оныхъ измѣненіяхъ, невозможныхъ, утопическихкихъ, основать нѣжныя организаціи общественныя. Эта мпра въ идеалы, эти мечтанія смѣшны и жалки въ поэзіи и въ литературѣ вообще; но она становится опасною, когда обращается не въ одному воображенію, но еще къ пылкамъ страстямъ человѣческимъ.

Вотъ почему, и по долгу, и по здравому смыслу, и по совѣсти, экономисты отпавываютъ въ научной важности подобнымъ ученіямъ (такъ неправильно присвоивающимъ себѣ названіе новѣйшей политической экономіи), и почему авторъ *Опыта о народномъ богатствѣ* не счелъ нужнымъ много распространяться объ ихъ существѣ и направленіи, а упоминалъ о нихъ только мимоходомъ *, сказавъ между прочимъ, что «эти системы начинаютъ съ того, что создаютъ себѣ мысленно какіхъ-то небывалыхъ людей, и на этомъ рухломъ, воображаемомъ фундаментѣ строятъ, въ своей мечтѣ, новыя общества, какъ дѣти строятъ домики изъ картъ.» Противъ этого исключенія идей новѣйшихъ школъ, или, по выраженію г. рецензента «*благородныхъ и возвышенныхъ стремленій новѣйшей науки*», направлень главный упрекъ его критики. Но за такой упрекъ, авторъ *Опыта* отъ души благодаренъ критику. Если можно что-либо вмѣнить моему труду въ достоинство, такъ именно то, что въ немъ излагается собственно чистая политическая экономія, такъ какъ ее понимаютъ послѣдователи *Адама Смита* и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италиі, и у насъ въ Россіи, и то, что онъ совершенно чуждъ превратныхъ внушеній противниковъ *Смита*го ученія.

Впрочемъ, въ своей критикѣ, г. *Миллютинъ* весьма мало касается собственно моего труда; онъ нападаетъ на экономистовъ

* См. Томъ II стр. 18 и Томъ III стр. 206.

вообще, а въ концѣ приговариваетъ «что все сказанное о насъ *можетъ быть вполне приложено и къ г. Бутовскому.*» Напрасно только онъ прибавляетъ, что я придерживаюсь исключительно мнѣній и взглядовъ *Жанъ-Батиста-Се* и некоторыхъ другихъ писателей французскихъ, принадлежащихъ къ той же школѣ: этимъ онъ доказываетъ, что или не успѣлъ прочесть съ достаточнымъ вниманіемъ мою книгу, или, что не знакомъ вполне съ современными англійскими и французскими экономистами. Что же касается до браваго заключенія о достоинствѣ *Омыта о народномъ богатствѣ*, то я позволю себѣ только заметить, что порицаніе вездѣ и особенно въ литературѣ есть орудіе о двухъ остріяхъ, менѣе опасное для того, противъ кого направлено, нежели для того, кто рѣшается его употребить.

Последнюю фразу могутъ принять себѣ въ отвѣтъ и *Отечественнымъ Запискамъ*, помѣстившія, въ хроникѣ своей сентябрьской книжки 1847 года, отзывъ о моемъ трудѣ: подробнаго разбора, ими возвѣщеннаго въ этомъ отзывѣ, еще я не получалъ.

А. ВУТОВСКИЙ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОМПЕИ И ПРОЧ. Соч. В. Класовскаго.

(Окончаніе).

Въ продолженіе двухъ главъ толковавши намъ объ архитектурѣ помпейскихъ домовъ и о распредѣленіи въ нихъ комнатъ; о лавкахъ и магазинахъ, о произведеніяхъ живописи, скульптуры и мозаики; о надписяхъ, вывѣскахъ и объявленіяхъ—авторъ, въ началѣ V главы, сдѣлалъ намъ премилый сюрпризъ—свѣжимъ путевымъ впечатлѣніемъ, какихъ не бываетъ въ систематическомъ описаніи чего бы то ни было, и какія находишь только въ *путевыхъ запискахъ* или *замѣткахъ*: это переѣздъ автора изъ Неаполя въ Помпею.

«Черезъ часть ѣзды по желѣзной дорогѣ, ведущей вдоль очаровательнаго поморья изъ Неаполя въ Ночерру, поѣздъ, обогнувъ южную часть подошвы Везувія, останавливается въ четвертый разъ, и кондукторъ, отворяя дверцы въ вагонахъ, извѣщаетъ пассажировъ, что они пріѣхали въ Помпею. Разноязычная толпа

поспѣшно выходитъ изъ экипажей; вы дѣлаете то же; но, оглянувшись во всѣ стороны, ничего не видите передъ собою, кромѣ станціи—а поодаль отъ нея, только песчаные бугры и матовая зелень ольвовыхъ деревь, напудренныхъ пылью; непримѣтно никакихъ слѣдовъ не только сохранившагося древняго города, но даже и разваливъ его. Гдѣ же настоящая Помпея? Еще недоумѣніе это не разрѣшено,—какъ снова раздаются сигнальные свистки; паровозъ тронулся съ мѣста и съ дребезжаніемъ поначался далѣе на востокъ. Между тѣмъ, ваши неаполитанскіе спутники и спутницы двинулись впередъ; запаситесь терпѣніемъ и слѣдуйте за ними, или еще лучше, возьмите одного изъ мальчишекъ, предлагающихъ себя «вашему превосходительству» въ проводники. Когда вы пройдете съ нимъ маленькій садикъ, насаженный хлопчатникомъ, розами и клещевиною, потомъ пыльное шоссе, ведущее изъ Неаполя въ Салерно,—передъ вами наконецъ открывается что-то необыкновенное, не замѣченное въ минуту прїѣзда: это насыпь, въ видѣ вала, длиною версты въ полторы и сажени въ три вышнюю, искусственная гора песку, мусора и лапилла, вынутыхъ изъ открытой части Помпеи. Сія-то могильная земля заслоняетъ собою отъ новопрїѣзжаго святилище древности, куда мыслящій путешественникъ входитъ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ любопытствомъ.»

Здѣсь кончается свѣжее путевое впечатлѣніе; авторъ входитъ опять въ свою систему и, вслѣдъ за другими систематиками, пускается въ разсужденія, съ какими никакъ не согласишься. Напримѣръ:

«Надобно однако прежде всего сознаться, что впечатлѣніе, производимое Помпеею на посѣщающихъ ее въ первый разъ, далеко не соотвѣтствуетъ ихъ обыкновеннымъ ожиданіямъ; оно скорѣе сходно съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ, чѣмъ съ *восторгомъ* (!!), подъ который не рѣдко поддаются путешественники, чтобы не показаться невѣждами въ глазахъ другихъ и передъ самимъ собою. Но въ избитыхъ похвалахъ видимому, уже примѣтно ихъ разочарованіе, слышна *внутренняя догада на преувеличенную знаменитость* (!!) разваливъ, *противорѣчащихъ* вѣрованіямъ въ грандіозность и поэзію классической древности. Откуда происходитъ это разочарованіе?»

Какъ ни бываютъ различны впечатлѣнія, производимыя на людей однимъ и тѣмъ же предметомъ, но есть предметы, опредѣ-

ляющие общій характеръ производимаго ими на насъ впечатлѣнія; знаменатель этого впечатлѣнія долженъ быть одинаковъ у всѣхъ, и только числитель можетъ быть различенъ у каждаго; а *разочарованіе, внутренняя досада* у одного, — у другаго же *восторгъ, обированіе* — это два весьма различные знаменателя! Лишь къ одной изъ этихъ противоположностей относится столь существенный по своему характеру предметъ, какова Помпея. Кто жъ преувеличилъ знаменитость ея? Помпеею находишь именно такую, какою себя представлялъ ее, по описаніямъ; видъ оригинала свидѣтельствуесть о вѣрности копій! Потому на вопросъ: «Откуда происходитъ это разочарованіе?» одинъ отвѣтъ: отъ невѣдѣній римской древности, отъ того, что знаютъ ее только по наслышкѣ, не по собственному изученію; отъ того, что знаютъ ее только какъ великую — или не читанную — поэму, къ которой воображеніе не читавшаго привыкаетъ много не бываемо! Единственное, что могло не соответствовать ожиданіямъ *перомъ* открывателей Помпеи, это — тѣснота кабинетовъ и снагъ въ древне-римскихъ домахъ! Не понимаемъ, какъ можетъ быть рѣчь о *леудовлетворенномъ* любопытствѣ тамъ, гдѣ просто не достаесть васъ и совокупности вашихъ умственныхъ силъ, чтобы развѣдывать все достопримѣчательное въ этомъ микрокосмѣ древности, въ которомъ для васъ ново и любопытно все, до послѣдней бездѣлицы. Еще менѣе понимаемъ тотъ *восторгъ*, долъ который не рѣдко будто бы поддѣлываются путешественники, чтобы не показаться невѣждами! Когда я посѣщалъ Помпею, было тамъ полсотни, или болѣе, путешественниковъ обоего пола; всѣ они гуляли молча, съ серьезнымъ лицомъ; весьма рѣдко вырывалось у нихъ слово; даже молодые Французеня не вѣтренничали; всѣ, казалось, находились подъ очарованіемъ той поэтической меланхоліи, которою дышетъ геній Помпеи. И можетъ ли быть иначе? Подходишь къ ней черезъ *кладбище*, по «улицѣ гробницъ»; это предмѣстіе города! Самый же городъ въ которомъ не имѣется крыши ни на одномъ зданіи, да еще соскоблена штукатурка стѣнъ, для снѣтія фресковъ, какъ-то уподобляется мертвому, ободранному тѣлу. Какія же тутъ побужденія къ *восторгу*? Сначала нажется печальнымъ и то, что всѣ дома обращены *зедомъ* наружу — на улицу — а лицомъ вънутрь; но въ послѣдствіи, именно это обстоятельство способствуетъ нашему духу одолѣть наконецъ свою страдальную скорбь и живительнымъ дѣйствіемъ мысли коснуться мертвой, ободран-

ной Помпеи—и ее воскресить и разубрать. Вотъ какимъ путемъ доходишь до такого живительнаго дѣйствія:

Мы, новѣйшіе, какъ-то не склонные къ общественной жизни, строимся однако лицомъ, душою, окнами *на улицу*, такъ, что съ улицы—не только въ переносномъ, но и въ прямомъ иногда смыслѣ—можно бы всмотрѣться въ нашу домашнюю жизнь. Древніе, напротивъ, вѣковали въ публикѣ, въ народѣ, но домашній бытъ свой обращали къ публикѣ тыломъ. *Гинекейонъ* эллинскій какъ-то напоминаетъ еще *гаремъ*, по-крайней-мѣрѣ какое-то восточное необщезителство съ прекраснымъ поломъ; но у Римлянина, жена была уже хозяйка въ домѣ, на полныхъ правахъ супружескаго и политическаго общезитія, и потому эта черта римскихъ правовъ, эта совершенная отдѣльность хозяйства отъ волноворота общественнаго быта, отъ посторонняго соглядатанія свидѣлствуетъ о какой-то теплотѣ и сердечности чувства, о чемъ-то цѣломудренномъ въ понятіяхъ о домашней жизни. Передъ нами мертвое тѣло Помпеи—пластическое изображеніе римской будничности; по немъ проведено тысяча свѣжихъ слѣдовъ мелкой ежедневности и суетливости людской; но, при всемъ томъ, *всемирная*—по-крайней-мѣрѣ *всенародная*—статуя римская, относительно сердечности своихъ чувствъ, обращена *тыломъ* къ этой мелкой будничности общезитія уличнаго, или форумскаго, — *лицомъ* же къ своему міру домашнему, какъ бы углубленная душою въ святилище своихъ Пенатовъ, въ чисто и вѣчночеловѣческое въ преходящемъ челоуѣкъ—и *къ* же, какъ *не* нами, новѣйшими, должно быть оцѣнено такое граціозное цѣломудріе чувства домашняго! Присовокупите къ этому прекрасное впечатлѣніе, при самомъ входѣ въ домъ—я разумю перспективу, черезъ атриумы и перистили, во всю длину дома! Простота и прелесть этой архитектуры согласуются вполне съ идеею о домашней жизни; непремѣнно наводятъ на такое понятіе, если оно вамъ не прежде сказалось уже тѣмъ многозначительнымъ отвращеніемъ жилища отъ уличнаго міра—и эта совокупность и полное согласіе чувствъ моральнаго и изящнаго отражаются въ насъ возникновеніемъ поэтической идеи, а подъ идеею истинно-поэтической воскресаетъ всякая жизнь, въ своемъ лучшемъ видѣ и освѣщеніи—въ идеальномъ свѣтѣ. Разумѣется, подъ вліяніемъ такой идеи чувствуешь восторгъ—но не тотъ восторгъ, который изливается въ громкихъ

словахъ — и подавно не тотъ восторгъ, который боятся, по своему *безмолвію*, прослѣить *невѣжествомъ*!

Авторъ нашъ иначе смотрѣлъ на Помпею и, раздѣляя съ другими разочарованіе — можетъ статья и «внутреннюю досаду на преувеличенную знаменитость развалить, противорѣчащихъ гѣрованіямъ въ грандіозность и поэзію классической древности,» и на свой вопросъ: «Откуда происходитъ это разочарованіе?» отвѣчаетъ такъ: «Мы изучаемъ древнихъ по книгамъ; смотримъ на отдаленные эпохи не прямо, а сквозь исторію, при чемъ лучи истины, прежде нежели дойдутъ до насъ, должны, такъ сказать, сперва переломиться въ средѣ науки, подвергаясь всѣмъ условіямъ преломленія, порождая оптическіе и перспективныя обманы.»

Прерываемъ продолжительный цитатъ, чтобъ отвѣчать вразумительнѣе на каждый пунктъ его. Авторъ нашъ, наводя здѣсь подозрѣніе на науку этимъ преломленіемъ лучей, забываетъ, что, и въ чувственномъ мірѣ, ни одинъ предметъ не дается намъ иначе, какъ посредствомъ *преломленія лучей*, т. е. посредствомъ *образа, калымъ, по законамъ діоптрики*, чувственный предметъ *отражается* въ нашемъ чувственномъ окѣ. Поэтому совершенно правы тѣ, кто говоритъ, что мы ничего не знаемъ о *сущности* предметовъ въ видимомъ мірѣ; они для насъ лишь *явленія* — (феномены); мы не знаемъ о нихъ ничего иного, кромѣ того, какъ они представляются намъ, какъ они *отражаются* въ нашихъ понятіяхъ и въ нашихъ чувствахъ; соотвѣтствуетъ ли видъ, или отраженіе предмета — сущности его, этого нито доказать не можетъ. Съ *этой* точки зрѣнія, *все* подъ земнымъ горизонтомъ — иллюзія; но люди условились называть чувственною и умственною правдами эти отраженія внѣшнихъ предметовъ въ нашихъ чувствахъ и въ нашемъ умѣ. По *тѣмъ же* законамъ діоптрики, какъ и чувственный глазъ, наше умственное око пріемлетъ впечатлѣнія и образы отъ окружающаго насъ міра, но эти впечатлѣнія и образы идеализируются въ нашемъ умѣ, т. е. возсоздаются въ немъ, открываясь ему съ своей *духовной* стороны, въ своей высшей правдѣ — и матерія подчиняется врожденному ей духу, нестройное получаетъ форму. Все, существующее въ чувственномъ мірѣ, не можетъ и не *способно* быть воспроизводимо человѣческимъ умомъ иначе, какъ посредствомъ такого преобразительнаго дѣйствія ума; тотъ умъ, который занимался бы воспроизвожденіемъ только чувственнаго въ

немъ отраженія вѣшняго предмета,—былъ бы будничнымъ копистъ, а не художникъ, не творецъ, какъ слѣдуетъ быть уму человѣческому.—Авторъ продолжаетъ: «Съ другой стороны, тутъ встрѣчается еще то *важное неудобство* (?!), что всѣ почти историки, по пристрастію къ рѣзкому и громкому, къ характеристикамъ скорѣе общаго, чѣмъ частнаго, занимаютъ насъ разгадываніемъ путей Провидѣнія и собственными воззрѣніями на судьбу человѣчества, а въ области фактовъ знакомятъ только съ военною и правительственною стороною государствъ, оставляя въ тѣни и неопредѣленности домашнюю жизнь народовъ, ихъ нравы, религію, искусства и т. д.»

Неужели авторъ намъ видитъ «важное неудобство» въ томъ, что исторія стала на высотѣ прагматизма, т. е. что она, открывая внутреннюю и необходимую связь происшествій, относит все къ одному главному пункту, группируетъ вокругъ этого центра, т. е. приводитъ въ единство и порядокъ—массу событій, которая, безъ этой стройности, была бы и безъ жизни, безъ цѣны для насъ, безъ пользы? Прагматизмъ исключаетъ микрологию. Мы очень благодарны отцу Исторіи, старикку Геродоту, за микрологию его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ французская экспедиція въ Египетъ, изслѣдовавъ, на мѣстѣ, показанія его, нашла ихъ довольно вѣрными и отдала имъ преимущество передъ показаніями гораздо позднѣйшаго Страбона; но, послѣ Геродота, долженъ былъ скорѣе явиться—и явился—*Фукидидъ*, т. е. послѣ микрологин—*прагматизма*! Какъ-то странно распространяться объ этомъ предметѣ; отсюда всякій уже легко видитъ, до какой степени парадоксально это «важное неудобство» подъ перомъ нашего автора. Здѣсь только ошибочная идея; но, дажѣ, бросается въ глаза невѣдѣніе фактовъ! Сожалѣемъ, что для нашего автора остаются «въ тѣни и неопредѣленности» жизнь и нравы, религія и искусства Грековъ и Римлянъ: другимъ *известны* они до микрологин. Изъ тысячи примѣровъ приведемъ хоть два. Мы знаемъ, что былъ только одинъ плащъ у Эпаминонда, и что онъ долженъ былъ сидѣть дома, когда плащъ этотъ былъ отданъ въ мытье, или въ чистку! Мы знаемъ, что Курій Дентатъ, побѣдитель страшнаго для Римлянъ царя Царра вилротскаго, готовилъ себѣ ужинъ изъ рѣпъ въ глиняномъ горшкѣ, когда явились къ нему въ кухню послы самнитянскіе и предлагали ему въ подарокъ серебряные сосуды, которые онъ отвергъ, замѣтивъ, что ему пріятно изъ-за

главнѣйшихъ горшковъ повелѣвать тѣми, кто владѣетъ такимъ богатствомъ. Въ этомъ мѣждѣвнѣ, авторъ продолжаетъ:

«Зная о Римлянахъ и Грекахъ только побѣды ихъ воиновъ; преслѣдивъ лишь за великими ихъ общественными движеніями, за героизмомъ добродѣтелей и колоссальностью пороковъ, мы естественно начинаемъ вѣрять, что, по закону послѣдовательности, и все, безъ исключенія, относящееся къ Римлянамъ и Грекамъ, стояло на высотѣ ихъ характера, переданнаго ими эпопеями и исторіею; запечатлѣно державною громадностью ихъ государственныхъ учрежденій.»

Отвѣчаемъ: не только эпопеями и исторіею, но и другими чувственными памятниками наукъ и искусствъ переданы намъ изящество и величіе этихъ классическихъ народовъ. До насъ дошла хотя не бѣлая, но лучшая часть литературъ эллинской и римской; найденное въ афинскомъ Парѣнонѣ, и въ другихъ мѣстахъ Греціи; въ римскихъ термахъ; уцѣлѣвшее и полу-уцѣлѣвшее, какъ-то римскій Пантеонъ и Коллизей и прочее. Слѣды римскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ свѣта и все тому подобное свидѣтельствуетъ о правдивости исторіи, относительно классицизма и умственной высоты Грековъ и Римлянъ. Что это за диковинный законъ послѣдовательности, по которому я долженъ «значитъ вѣрять», что Гомеръ, Софоклъ, Фукидидъ, Фабрицій, Курій Дентатъ, Юлій Цезарь, творцы афинскаго Парѣнона, римскихъ Пантеона и Коллизея, создатели Венеръ Капитолійской и Медицейской и проч. грандіознѣе скоркали свой носъ, грандіознѣе страпали свой обѣдъ и ужинъ, грандіознѣе отправляли другія ежедневныя потребности житейскія, нежели мы, новѣйшіе? А именно на это намъ бьетъ авторъ нашъ, продолжая такъ:

«Стѣдуетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ Помпей, и вы тотчасъ убѣждаетесь, что это вѣрованіе (въ тотъ диковинный законъ послѣдовательности) — заблужденіе, какъ большая часть предвзятыхъ идей теорій; вашимъ взорамъ представляется узкія, кривыя улицы, обставленныя съ обѣихъ сторонъ лавками, — это передняя, лицевая часть домовъ, — а самые дома почти вошь сходны между собою *мелкостью* эолическаго *стиля*» (напротивъ: грандіозностью и изяществомъ *стиля* въ небольшихъ размѣрахъ) «и странною тѣсототою комнатъ! Однимъ словомъ, въ Помпей, именно потому, что она есть древность живая, *вѣчная* и осязаемая, а не гальванизированная наукою, труднѣе,

что въ гдѣ либо представить себѣ могучихъ Римлянъ и утончен-
ныхъ Грековъ, похожихъ на наши объ нихъ идеалы.»

Удивительное для насъ понятіе! Если бы въ Римѣ и въ дру-
гихъ мѣстахъ не сохранились значительные памятники римска-
го зодчества, то именно Помпея своими театрами, амфитеат-
ромъ, форумомъ, гробницами и тому подобнымъ могла бы сви-
дѣтельствовать въ пользу нашихъ идеаловъ о грандіозности
римскаго характера, относительно общественной жизни; объ
изяществѣ архитектуры классической и о вкусѣ въ украшеніи
жилищъ. Посмотрѣвъ только въ увеличительное стекло на ам-
фитеатръ небольшого провинціального города, мы даже чув-
ственнымъ глазомъ увидѣли бы римскій Колизей; помпейскій
форумъ могъ бы дать намъ ясное понятіе о римскомъ форумѣ
и такъ далѣе. Неужели архитектура и внутреннее украшеніе
комнатъ такихъ домовъ, даковы дома Фавна, Саллюстія и дру-
гихъ въ Помпее, не наводятъ насъ на самую богатую идею объ
изяществѣ и роскоши палатъ Лукулла, Гортензія, Крисса, Пом-
пел, Мецената? Одна мозаика въ домѣ Фавна—Александровская
битва—могла бы уже оправдать наши грандіознѣйшія понятія о
классицизмѣ древнихъ—и эта же мозаика затмеваетъ мнимое
изящество и всю роскошь нашихъ новѣйшихъ палатъ. Какая
же «древность жинная, видная и осязаемая» уничтожила идеалы
г-на Классовскаго о Грекахъ и Римлянахъ? вѣроятно, не иное
что, какъ *мелкіе размеры* покоевъ въ помпейскихъ домахъ—и,
конечно, не кривизна улицъ небольшого провинціального горо-
да, не лавки и прочіе слѣды промышленности и суетливой жиз-
ни чернаго народа! И такъ одно лишь «странная тѣснота ком-
наты»—какъ выражается нашъ авторъ, причинила его горь-
кое, тутъ же и высказанное разочарованіе. Если бы Шекспиръ
жилъ на чердакѣ, въ самой бѣдной квартирѣ,—то ужели такое
«видимое и осязаемое» обстоятельство помѣшало бы намъ пред-
ставить себѣ могучесть и величіе Шекспира? Жанъ-Жакъ-Рус-
со, дѣйствительно, жилъ почти нищенски—по-крайней-мѣрѣ, до-
вольно тѣсно и очень чисто, какъ самъ сознается,—но бывалъ
посѣщаемъ важными людьми, понимавшими, что именно *житью*,
такого рода свойственны простота домашняго быта, нерадѣніе о
комфортѣ жизни; наоборотъ, умы обыкновенные думаютъ все-
го прежде объ этомъ комфортѣ, о разширеніи и утонченности
материальныхъ потребностей человека. Первая мысль, мелькнув-
шая въ моемъ умѣ, когда я впервые вошелъ въ одну изъ

этнхъ тѣсныхъ спаленъ помпейскихъ, была та: не отъ того ли, что Римлянинъ спалъ такъ тѣсно,—Римъ такъ широко разлегся по всему міру? Какъ бы то ни было, человекъ, необыкновенный по своимъ дѣйствіямъ, подвигамъ умственымъ или гражданственнымъ, всего любезнѣе въ тѣсной простотѣ своего домашняго быта, въ огривченіи физическихъ потребностей только необходимѣйшимъ.... Невольно вспомнишь опять о Руссо, когда къ нему приходилъ маршалъ Луксабургскій, и о Куріи Дентагъ, стреляющемъ свой ужинъ въ глиняной посудинѣ и отвергающемъ посуду серебряную.

«Согласимся же»—продолжаетъ авторъ нашъ—«что исторія, сведенная здѣсь (въ Помпей), такъ сказать, на очвия ставки съ памятниками, стоющими дѣйствительныхъ фактовъ, являетъ *сбичечность* и *подозрительное* съ ними разнорѣчіе, которое не мало должно удивлять чаящихъ истины отъ непреложности ея приговорогъ и выводовъ!»

Мы уже опровергли этотъ гиперболическій парадоксъ, и потому нѣтъ надобности согласиться съ нимъ, церемониться съ лекачить; мы только улыбнемся *возможности* появленія его.

Послѣдуемъ за нашимъ авторомъ на *виллу Аррія Діоміда*, которою начинается «Улица Гробницъ», а древле начиналась «слобода военныхъ поселенцевъ»—*Augusta felix*. Не останавливаясь на описаніи этой виллы, входимъ въ подвалы ея—«для лучше сказать, въ *нмжнюю крытую галерею* весьма хорошо освѣщенную и прохладную, потому служившую мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ. Вотъ что пишетъ объ ней ученый Девонъ, видѣвшій ее въ 1777 году, то есть черезъ три года послѣ открытія:

«Мы сошли въ подземный корридоръ и видѣли скелеты 27-ми женщинъ, которыя во время общаго испуга и сматенія спрятались сюда, какъ въ мѣсто, показавшееся имъ безопаснѣе другихъ. Не довольствуясь сводомъ подвала, онѣ устроили надъ собою еще родъ навѣса изъ досокъ,—и подъ ними-то найдены теперь ихъ кости! Бѣдняжки стояли рядомъ одна возлѣ другой, прижавшись къ стѣнѣ; но пепель проникъ вѣсть съ удумальными испареніями въ предательское убѣжище, засыпалъ сарывавшихся тамъ, туго наполнилъ промежутки между ними и, мало-по-малу, отвердѣлъ въ плотную массу; она сохранила на себѣ разные отпечатки женскихъ формъ, такъ, что одинъ кусокъ ея съ оттискомъ прекрасныхъ грудей и плечь спрятанъ въ музей, какъ любопытная рѣдкость. Тутъ же найдены кольца, за-

плетья, цѣпочки и серьги, все изъ чистаго золота,—доказательство, что тѣ, кому онѣ принадлежали, были не простаго званія. Изъ видѣнныхъ тутъ нами 27-ми головъ, одна съ уцѣлѣвшими на затылкѣ волосами, отправлена въ послѣдствіи въ музей, для храненія подъ стекломъ. Не знаю, продолжаютъ ли показывать другимъ путешественникамъ, бывшимъ въ Помпеѣ послѣ насъ, всего 26 череповъ, но утвердительно говорю, что настоящихъ древнихъ могло тамъ остаться только 25, потому, что я, не устоявъ противъ искушенія присвоить себѣ втихомолку голову древней Римлянки, *утащилъ* ее съ собою подъ мовиъ широкинѣ плащомъ. Теперь она во Франціи, и нѣкоторыя дамы уже любовались формою и размѣрами моей *покражм*, свойственными только богатырской красотѣ древнихъ».

Чтобы съ такою наивностью, съ такими геройскимъ безстыдствомъ признаться печатно въ своей *покражм*, надобно быть Вивантомъ Денономъ, то—есть *тѣмъ*, кто, подъ побѣдоносными знаменами Наволеона, съ такою недостойною образованнаго челоука неделекатностью грабилъ и германскіе музеи! Ужели французскій *повѣренный въ дѣлахъ*, при неаполитанскомъ дворѣ, не могъ бы достать позволительнымъ образомъ одинъ изъ этихъ остальныхъ 26 древнихъ дамскихъ череповъ? Когда только *одинъ* изъ нихъ, съ уцѣлѣвшими волосами, взялъ въ неаполитанскій музей, то, навѣрное, не отказали бы ученому археологу въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ воровствомъ. Деновъ не избѣгнулъ Немезиды: въ 1815 году, все, похищенное изъ музея въ Италиіи и Германіи, возвращалось восвою, — и Деновъ, съ развитымъ сердцемъ, сложилъ съ себя званіе директора парижскаго музея.

«Приступая къ частному обзору помпейскаго кладбища»—говоритъ авторъ (стр. 94) «постарася, при помощи краткихъ извлеченій, составить себѣ точное вонятіе о погребальныхъ обрядахъ у древнихъ Римлянъ». Далѣе: «я назначилъ для себя скромную цѣль—бесѣдовать о классической древности съ людьми, не вочерпнувшими о ней систематическихъ свѣдѣній изъ первыхъ источниковъ науки». — Эти первые источники науки, означенные въ выноскѣ, суть: Cic. in Ver. V, 45; Suet: Aug. 99; Ovid: Amor. III. 9. v. 49 и такъ далѣе. Изъ этихъ словъ должно было заключить, что авторъ нашъ, для *краткихъ извлеченій*, по сему предмету, пробѣжалъ всю римскую литературу. Мы пожалѣли—было о г. Классовскомъ, принявшемся, по невѣдѣнію, за

огромный трудъ классическій, давно уже совершенный учеными, но утѣшились съ первыхъ цитатовъ, убѣдившись въ томъ, что всѣ эти извлеченія изъ Цицерона, Свтонія, Овидія, Сенеки, Тибулла и проч. взяты просто у Шарля Дезобри, что единственно на его описанія римскихъ похоронъ, въ книгѣ: Rome au siècle d'Auguste, основанъ весь рассказъ нашего автора о томъ предметѣ. Французскій языкъ и книга Дезобри такъ вѣстны въ Россіи, что авторъ нашъ не имѣлъ особенной надобности описывать римскія похороны,—«бесѣдовать о классической древности съ людьми, не дочерпнувшими о ней систематическихъ свѣдѣній изъ *первыхъ источниковъ науки*», то есть изъ римскихъ классиковъ.

«Трудно выразить словами *грустное* и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйное чувство, испытываемое *странникомъ*, когда взоръ его въ первый разъ пробѣгаетъ ряды монументовъ въ улицѣ помпейскаго кладбища».

Такъ какъ авторъ свое индивидуальное ощущеніе выдѣляетъ здѣсь за *общее* всѣмъ странникамъ, то я, по мѣстному отъ того же предмета впечатлѣнію *мною* рода, долженъ противорѣчить этой почти невыразимой *грусти*, повѣряя естественность *своею* впечатлѣнія. — Въ области *жизни*, всякое кладбище наводитъ грустныя чувства, серьезныя размышленія; но въ области *смерти* — самъ авторъ нашъ называетъ Помпею «величайшею въ свѣтѣ гробницею» — въ области смерти, говорю, *кладбищу*, то-есть совокупность уцѣлѣвшихъ, изяществомъ своей формы привѣтливо сообщительныхъ монументовъ, должно имѣть и дѣйствительно имѣть совсѣмъ другое для насъ значеніе. Еще не входявши въ Геркуланскія ворота, вы уже знаете, изъ описаній Помпеи, что тамъ не уцѣлѣло ни одно жилище людское; что найдете только прахъ и развалины, ознаменованныя слѣдами буличной суетливости свѣта; потому «Улица Гробницъ» (ссылаемся на приложенную къ книгѣ нашего автора гравюру № 1, представляющую рядъ красивыхъ античныхъ монументовъ) дышетъ чѣмъ-то милымъ, непреходящимъ, вѣчно живымъ — въ самомъ святилищѣ смерти. На первомъ шагу по этому строю гробницъ, чичероне, при словахъ: La tomba del piccolo Grato! (гробница маленькаго Грата) указываетъ на памятникъ очень занимательный: въ полукруглой нишѣ, подъ мраморнымъ фронтономъ, вы видите мальчика съ вѣнкомъ на головѣ; подъ нимъ надпись: «Веласіо Грату, жившему 12 лѣтъ». Этотъ

отрокъ съ слезами, на могильномъ памятникѣ; самое имя *родооца* этого отрока—*Gratus* (милый, милосердный); мысль, что родители его, пропавшіе для насъ безъ вѣсти, увѣковѣчили для потомства своего рано отшедшаго отрока... право, это священное умиленіе, внушаемое намъ живымъ наивнымъ дитятемъ, въ которомъ вѣтъ еще ничего опредѣленнаго, но есть безконечная опредѣлительность—переходить и на изображеніе милого въ вѣнкѣ мальчика на гробницѣ... и этотъ умилительный плашатай безсмертія, этотъ дѣйствительный геній античный—геній гробовой Помпей—это воплощенное дуновение *жизни* привѣтствуетъ васъ при самомъ входѣ въ область *смерти*—и ужели иначе, какъ съ поэтическимъ чувствомъ легкой, свѣтлой меланхолич, пройдете всю «Улицу Гробницъ»? Мнѣ показалось, что именно въ *этой* улицѣ болѣе *жизни*, нежели во всей прочей Помпей!

Предоставляя читателю двигаться медленно впередъ, по «Улицѣ Гробницъ», при умныхъ рѣчахъ автора-чичероне, поспѣшаемъ въ городъ и ждемъ ихъ у Пріапова знаменія. Авторъ могъ бы обойтись безъ *ученой диссертациі* по этому предмету—въ книгѣ, назначаемой не для ученыхъ исключительно, а *учеными* это давно извѣстно—и сказать по просту, для публики, что древніе, по своимъ понятіямъ, не стыдятся ничего *натурально* въ образовательныхъ искусствахъ,—какъ и мы новѣйшіе, не стыдимся Венеры Медицейской, или Геркулеса въ полномъ видѣ—что и великій Сезострисъ отнюдь не думалъ дурачиться, изображая, по свидѣтельству Диодора, впрочемъ несогласному съ Геродотомъ, такую же *ученую диссертацию*, но гораздо кратчайшую, содержащуюся только въ одномъ выразительномъ іероглифѣ, на монументахъ, въ память покоренія народовъ, *мужественно* съ нимъ дравшихся, и на памятникахъ покоренія народовъ, подпавшихъ власти его *безъ битвы*, другаго рода іероглифъ, еще выразительнѣйшій и вполне соответствующій какъ трусости сихъ народовъ, такъ и предъдущему іероглифу—и этого *другаго* рода іероглифъ видѣлъ своими глазами Геродотъ (кн. II § CVI).

Перейдемъ къ миному жившу Весталокъ. Авторъ нашъ говоритъ: «Какъ будто вопреки всему, что извѣстно объ оффиціальной непорочности жриць Весты, здѣсь именно найдена одна изъ самыхъ неблагопристойныхъ картинъ: *Фаанъ, обнажающій нълку Вакханку*». (Стр. 125).

Ужели г. Классовскому неизвестно, что *со* *всѣхъ* римской

республикѣ, въ послѣдствіи имперіи, было сначала 4, а потомъ, до прекращенія языческаго жречества Граціаномъ, только 6 Весталокъ, имѣвшихъ свою резиденцію въ самомъ Римѣ, близъ форума, подъ холмомъ Палатинскимъ, и что поэтому, ни въ Помпей, ни въ другомъ какомъ-либо городѣ римской республики, или имперіи, не могло быть Весталокъ? Стало быть, въ Помпей могли обитать только бывшія, оставныя Весталки, пущенныя въ міръ и безпрепятственно допущенныя ко всему мірскому! Но сороколѣтнія Весталки (онѣ выбирались изъ дѣвочекъ отъ шести до десяти лѣтъ, и должны были служить въ безпорочномъ дѣвствѣ 30 лѣтъ) весьма рѣдко выходили изъ своего ордена, добровольно оставаясь Весталками во всю жизнь свою. Это замѣчаніе было бы неизлишнее, по поводу открытія вышеупомянутой картины.

Въ главѣ VII, авторъ повелъ рѣчь о *термахъ* или общественныхъ баняхъ. «Мы Русскіе» говорятъ онѣ «одни между всѣми Европейцами знакомые съ наслажденіями и цѣлительными дѣйствіями бани, конечно, не станемъ удивляться, что древніе Римляне не только держались обычая; ежедневно мыться посреди горячихъ паровъ, но даже, какъ увѣряютъ Сенека и Светоній, долго не знали, кромѣ бани, другаго лекарства отъ недуговъ. Наши простолудины того же мнѣнія о ней, и ихъ богатырское здоровье служить яснымъ доказательствомъ, что она, какъ гігіеническое и цѣлебное средство, въ весьма многихъ случаяхъ, едва ли не дѣйствительнѣе заморскихъ сладобъевъ ученой медицины.— Не великолѣпіе однако жъ и не богатая изысканность» (какъ, напримѣръ, въ римскихъ термахъ), «бросаются въ глаза, при обозрѣніи публичныхъ бань въ Помпей, а пріятная простота орнаментовъ и благоразумная сообразность съ ихъ прямымъ назначеніемъ. Онѣ раздѣлены на двѣ равныя половинны, *можетъ быть* на мужскую и женскую. Первая комната отъ улицы, *родъ прихожей*, была мѣстопребываніемъ банщика-сторожа (*balneator*), которому, заплативъ при входѣ *кодрантъ* (!!) то-есть не больше нашей копѣйки, посѣтителя переходила въ *пергобанникъ* (*spoliatorium*), гдѣ раздѣвались и проч.»

Мы поставили три восклицательныя знака послѣ слова *кодрантъ*, убѣдившись, что это не опечатка: оно *посторядется* въ выноскѣ и не означено въ «замѣченныхъ погрѣшностяхъ», на концѣ книги. Ошибаться весьма не мудрено; но есть *ошибки*

непонятныя. Въ авторѣ, имѣющемъ явную претензію на классическую ученость, принявшемъ за «Систематическое описание Помпей» и часто ссылающемся на римскихъ классиковъ, мы должны предполагать знаніе *латинскаго* языка; стало быть ему извѣстенъ — или долженъ быть извѣстенъ — латинскій глаголь *quadro*, причастіе котораго, въ настоящемъ времени, по *первому* спряженію, есть *quadrans*. Употребляемое, какъ существительное, оно, — одна изъ мельчайшихъ раздѣльныхъ монетъ римскихъ, — означало *четвертую* часть асса, десятую сестерціи — и должно быть переведено по-русски: *четверть*, *четверку*, или *квадрантъ*! Есть же у насъ слово: *квадратъ*, *квадратная* сажень, *квадратура* круга! Какъ же могло родиться, подъ перомъ нашего автора, слово: *кодраить*? «Чудная вещь! непотная вещь!» восклицаемъ мы съ любопытнымъ поэтомъ нашимъ Федоромъ Николаевичемъ Глинкою. *Повторяемъ*: если бы, на концѣ разбираемой нами книги, не было страницы, посвященной «замѣченными погрѣшностямъ», въ которой отмѣчены самыя ничтожныя, очевидныя опечатки, мы и не упоминали бы о *кодраить* г. Классовскаго. Мы знаемъ, по собственному опыту, *какія* случаются опечатки, *особенно* въ поврежденныхъ изданіяхъ, когда рукопись твоя не очень разборчива. Но очевидно, что слово: *кодраить*, у нашего автора, не опечатка! Неужели ему было неизвѣстно, что старшую сестру ославленнаго *Клодія*, врага Цицеронова, *Клодію*, супругу свѣтлѣйшаго консулара Квинта Метелла Целера, прозвали: *Квадрантарія*, отъ того, что она, — вопреки приличію, подобающему свѣтлости ея — ходила всегда въ публичныя бани, за входъ въ которыя платили только *квадрантъ*, и даже не платила *это*, установленнаго закономъ *квадранта*. Цицеронъ, въ *Coel.* 26, утвердилъ за нею, увѣковѣчилъ это прозвище: *mulier quadrantaria*; а вслѣдъ за нимъ и Квинтилианъ своею: *Clytaemnestra quadrantaria*.

Поспѣвшимъ въ «Домъ Фавна, или Большаго Мозаика.» Авторъ, распространившійся столько о предметахъ меньшей важности, какъковы фаллъ, харчевня, публичныя бани и прочая, конечно вознаграждаетъ насъ за все это занимательнымъ разсужденіемъ о чудной мозаической картинѣ. Упомянувъ мимоходомъ о множествѣ глиняныхъ амфоръ, прежде всего оказавшихся при открытіи этого дома,

о бронзовой статуѣ Фавна, давшей названіе этому дому, еще кое-о чемъ неважномъ, онъ продолжаетъ: «Теперь скажемъ о самомъ важномъ. На полу трекливіума, въ каменномъ помостѣ вѣланы были знаменитый мозанкъ изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ камня, нынѣ лучшее украшеніе неаполитанскаго музея.» (Не ошибается ли авторъ нашъ, помѣстивъ эту картину въ неаполитанскомъ музеѣ? Она осталась въ Помпѣяхъ, на своемъ мѣстѣ, въ домѣ Фавна. Тамъ я видѣлъ ее, семь лѣтъ послѣ открытія ея; и позднѣйшіе меня путешественники видѣли ее тамъ же. Когда же перевезли ее въ Неаполь? Невѣроятно, чтобы рѣшилась на такое варварство!) «По колориту и технической сторонѣ работы, мозанкъ неподражаемъ; по композиціи, выдержитъ сравненіе съ первоклассными произведеніями даже Рафаэля и Джуліо-Романо, каковы, напримѣръ, «Побѣда Льва IV-го надъ Сарацинами въ Остіи» и «Битва Константина Великаго съ Максентіемъ».

«Вотъ его сюжетъ (см. гравюру XII): на четвероугольной поверхности (длинною въ 16 ф. 11 д. 4¹/₂, лин. и шириною въ 8 ф. 10 д. 3¹/₄ лин.) изображено пораженіе Дарія Александромъ Великимъ при *Иссѣ*. На разныхъ планахъ представлены пѣшие и конные воины. Македонскій герой, верхомъ на прекрасномъ конѣ, пронзаетъ оружіемъ непобѣдимой фаланги — длинною пикою (*сарисса*) спѣшеннаго сатрапа, возлѣ котораго лежитъ на землѣ суковатая палка, *вооруженіе* (!) персидскихъ *рабдофоровъ*» (жезлоносцевъ — стало быть не вооруженіе, а атрибутъ отличительный!). «Среди боя, равно ожесточеннаго съ обѣихъ сторонъ, фizioноміи 26-ти воиновъ, столько же исполнены выразительности, различной по характеру каждаго, сколько съ другой стороны проникнуты *сходствомъ съ живою дѣйствительностью*. (*) Несмотря на сложность дѣйствія въ группѣ, интересъ битвы, рѣшающей участь двухъ народовъ, воплощенъ въ немногихъ лицахъ, первенствующихъ въ дѣлѣ. Но до того краснорѣчивы своею истинною всѣ прочія частности, и такъ строго согласованы съ главною идеею цѣлаго, что видишь, кажется, страшное столкновеніе въ ту самую минуту, когда двѣ арміи возведены были мужествомъ до наступленія; одна увѣрена въ непобѣдимости своего несравненнаго вождя; другая — сильная отчаяніемъ, храбростью несчастныхъ, уже предвидитъ бѣдственную развязку.» Слѣдуетъ описаніе костюмовъ и вооруженія вою-

ющихъ сторонъ, въ доказательство, что это битва Грековъ съ Персами, а именно битва, при *Иссъ*, какъ опредѣлялъ ученый археологъ Кваранта, или *Каранта*, какъ пишетъ г. Классовскій. Авторъ продолжаетъ: «Войнъ въ колесницѣ, вооруженный лукомъ, бдльшимъ, чѣмъ употребляемые солдатами, облеченный въ хламиду и на головѣ имѣющій высокую тиару, по всему вѣроятію, есть Дарій. Герой битвы, блестящій всадникъ, чертами лица *увълковъчечный* на медаляхъ» (страанный образъ выраженія!)—«не кто иной, какъ Александръ Великій; онъ окруженъ македонскими копьеносцами (дорифорами.)»—Этого не видать на картинѣ, поврежденной на этомъ мѣстѣ!

«Но почему это битва при *Иссъ*, а не какаля-нибудь другая?—При *Граникъ*, сраженіе произошло *льтомъ*; на мозанкѣ же не безъ цѣли представлено *дерево, обнаженное отъ листьевъ*, какъ бываетъ *зимомъ*.» (Это не дерево, обнаженное отъ листьевъ, а просто *скелетъ* отжившаго дерева!) «Тамъ было употреблено въ дѣлѣ много колесницъ съ желѣзными *косами*; здѣсь только одна колесница и та не вооруженная; наконецъ, тамъ Александръ не встрѣчался съ Даріемъ. При *Арбелъ*, онъ ранилъ изъ *лука* возницу Дарія,—на нашей картинѣ онъ дѣйствуетъ *копьемъ*, а не стрѣлами.»

Къ этому—вполнѣ приведенному отзыву нашего автора о *лучшемъ* художественномъ сокровищѣ помпейскомъ—присовокупимъ нѣсколько замѣчаній—неизлишнихъ, хотя приложенная гравюра и пополняетъ, для знатока искусства, не совсѣмъ удовлетворительный отзывъ автора.—Два ученые археолога, *Авеллино* и *Кваранта*, признали эту мозанку за битву Александра съ Даріемъ; но они разнствуютъ въ томъ, что *первый* изъ нихъ видать въ ней битву при *Граникъ*, ссылаясь на сбитый съ головы Александровой шлемъ и на собственноручное Александромъ убіеніе Перса Ройсаки, сбившаго въ схваткѣ царскій шлемъ; а *другой*—Кваранта—именуетъ битву при *Иссъ*, ссылаясь на *отсутствіе* Дарія при *Граникъ*, и на другія обстоятельства. Мнѣніе Кваранта, именно изъ-за этого отсутствія Дарія при *Граникъ*, одержало верхъ; и всѣ археологи и путешественники, совершенно отстранивъ *Арбелу*—последнюю рѣшительную побѣду надъ Даріемъ—видать въ мозанкѣ одну только битву при *Иссъ*. Вопреки всѣмъ этимъ ученымъ авторитетамъ, сомнѣвается быть *именю* мнѣнія, которое я сей же часъ изложу, замѣтивъ омерза,

что одно изъ доказательствъ нашего автора въ пользу Иссы, будто бы, при Арбелѣ, Александръ дѣйствовалъ стрѣлами, основано на невярномъ изъ Діодора переводѣ Кваранта, и потому само собою падаетъ. Греческое *ασπίζο* (пишу это слово латинскими литерами, потому-что оно принято и латинскимъ языкомъ) значить: *метать копье*, а не стрѣлы; стало быть, Александръ, въ обѣихъ битвахъ, въ которыхъ встрѣчался онъ съ Даріемъ, дѣйствовалъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ, т. е. копьемъ, а не стрѣлами! Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить, что герою македонскому, по греческимъ понятіямъ, было бы немыслимо дѣйствовать стрѣлами! Въ *Иліадѣ* Парисъ, изъ-за угла, то-есть изъ-за могильнаго памятника *Ила*, метнулъ стрѣлу въ Діомеда, который, легко раненый въ ногу, издвѣается надъ нимъ, называя его *лучникомъ*, блестятельнымъ *рогоносцемъ*,—не по нашимъ понятіямъ, а потому, что лукъ былъ *роговой*! Даже до VI-го вѣка нашего лѣтосчисленія, названіе *лучника* считалось *прозвѣщемъ* у Грековъ, то-есть Византійцевъ, противъ чего возражаетъ историкъ *Прокопій*, (въ I гл. своихъ Персидскихъ *Записокъ*), указывая на то, что, во время Троянской войны, лучники были мѣшіе, безъ копья и даже безъ щита, и потому изъ-за угла или изъ-за щита другаго воина метали свои стрѣлы; но что въ его вѣкъ—въ вѣкъ Велларія—лучники суть конники, панцирники, вооруженные мечомъ, иногда даже копьемъ и проч., и потому суть воины столь же почтенные, какъ и рукопашные бойцы — (*ἀρχιμυχοί*).

Очень вѣроятно—по крайней-мѣрѣ *трудно* быть инаго мнѣнія—что эта мозаика помпейская—*копія* съ одного изъ превосходѣйшихъ произведеній эллинской живописи, въ лучшую эпоху ея, въ вѣкъ Александра: только мастеръ первоклассный могъ приняться за подобный предметъ, и въ *Александровской битвѣ* такъ живо выразить и *Александровскую бурю* движеній! А смѣлость сокращеній (фигуръ въ перспективѣ), вѣрность рисовки, превосходство композиціи—во всемъ открывается эллинскій художникъ лучшихъ временъ! Одинъ германскій археологъ подалъ мысль, что эта мозаика—копія, можетъ быть, съ знаменитой картины Филоксена Эретрійскаго, упоминаемой Плиніемъ: «Филоксенова картина, ни одной (изъ превосходѣйшихъ картинъ) не уступавшая въ достоинствѣ, писанная для царя Кассандра, и имѣла содержаніемъ *битву Александра съ Даріемъ*.» (Philo-

хемі tabula wallis postferenda, Cassandro regi picta, continuit Alexandri proelium cum Dario). Вѣрна ли догадка германскаго археолога, дѣйствительно ли царь Кассандръ заказалъ такую картину?—Изъ общаго выраженія Плинія: «*Alexandreeskaja bitva съ Даріемъ*» явствуетъ, что художнику не указали ни на Граникъ, ни на Исса, ни на Арбелу, предоставляя это на его полную волю. А если помпейская мозаика есть копія не съ картины Филоксеновой, а съ другой картины, то какъ долженъ былъ дѣйствовать эллинскій—лучшаго періода живописецъ—художникъ, задавшій себѣ подобный сюжетъ? Всѣ три битвы Александра съ Персами, различая только въ нѣкоторыхъ особенностяхъ, сходствовали между собою въ главномъ, то-есть въ томъ, что всѣ три были полныя, блистательныя побѣды. Которую изъ нихъ избересть истинный художникъ, возымѣвъ идею воспроизвести одну изъ нихъ? Ни которую! онъ всѣ три битвы представитъ въ одной картинѣ, помѣщая въ ней нѣкоторыя отличительныя особенности каждой и картина его будетъ не Граникъ, не Исса, не Арбела, а вообще—«Александровская битва съ Даріемъ», по выраженію Плинія. Такъ долженъ былъ поступить—и дѣйствительно поступилъ—эллинскій художникъ: *сбитый шлемъ съ головы Александра и собственноручное имъ убіеніе сатрапа явно указываютъ на Граникъ! Встрѣча же Александра съ Даріемъ, возвышенное положеніе сего послѣдняго на колесницѣ, тѣсная схватка, дерево обнаженное, означающее мѣсяць мениктеріонъ (октябрь или ноябрь) и проч. явно относятся къ Иссы, по описаніямъ Діодора и Курція. Теперь любопытенъ вопросъ, чѣмъ ознаменуетъ художникъ битву при Арбелѣ? Тамъ случилось нѣчто очень интересное, по описанію Плутарха: въ началѣ битвы, гадальщикъ Аристандръ, въ бѣлой одеждѣ и въ золотомъ вѣнкѣ, вѣхалъ верхомъ подлѣ Александра, и указывалъ Македонянамъ, на орла, надъ нимъ парящаго и, по направленію своему, будто ведущаго ихъ на врага! Если бы художникъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, то картина его означала бы рѣшительно только битву при Арбелѣ! Стало быть, онъ не могъ воспользоваться этимъ орломъ! Чѣмъ же означивалъ онъ особенности Арбелы въ своей картинѣ? Однимъ маловажнымъ и однимъ важнѣйшимъ обстоятельствомъ! Маловажное—есть *надѣтое подъ кольчугу платье Александра съ рукавами*, которое, по Плутарху, носилъ онъ при Арбелѣ (особенность,*

не потерпелась ни на одну из дошедших до нас античных глинянок); замечание же относительно есть выражение *ante Daria* и положение его на этой картине: очевидно, что он совершенно потерялся; что ему не приближался никакой беды (Александр уже слишком близок от него), что уже не бывать другой битвы с Александром, что Дарий решительно погиб; он не успеет спастись и бегством! Вот на чем основывал свое мнение, что помпейская мозаика представляла *близкую* Александровскую битву, в которой видны и Граникъ и Иксу и Арбелу. Ужасна эта востановленная мозаика, не далась донынѣ ни одному ученому археологу?

Удивлялся, что авторъ нашъ, посвятившій цѣлую и стоющую ученому диссертацию такому будничному и уже самому по себѣ довольно разнумительному предмету, каково Принцове знаменіе, не промолвилъ ни слова о великой, въ художественно-историческомъ отношеніи, важности этой мозаичной картины, радикально переобразовавшей наши понятія о древней живописи. Новѣйшіе думали, что древняя живопись руководствовалась другимъ основнымъ правиломъ, избѣгая, или не зная живописно и перспективно-стѣсненной композиціи живописцевъ XVI-го вѣка, и ограничивалась только композиціею *reliefной*. Такую систему объясняли уваженіемъ древнихъ къ красотѣ человеческого образа, вообще не любившихъ, посредствомъ сокращенія (въ перспективѣ) *скрывать*, или другимъ предметомъ *заслонять* важныя части образа человеческого. Мнѣніе это подтверждали обыкновенно ссылкой на отзывъ Плинія объ одной картинѣ Аппелеса: *Pinxit Alexandrum magnum fulmen tenentem, in templo Ephesiae Dianae etc... digiti eminere videntur et fulmen extra tabulam esse*, т. е. что на этой картинѣ, во храмѣ Діаны Эфесской, рука Александра, держащая молнію, *выдавалась*, а молнія казалась *снѣ* картины; да еще ссылались на того же Плинія, относительно *чернаго сокращеннаго быка* Пасивеа—и этими примѣрами доказывали, что такой обыкновенный въ новѣйшей живописи приемъ художественный былъ какиньто чудомъ искусства въ древности. Мозаичная картина помпейская опровергла это понятіе; съ удивленіемъ новѣйшіе артисты увидѣли, что эллинская живопись держалась *того же* основного правила, какъ и живопись XVI-го вѣка, изобретеніемъ котораго оно считалось. Однимъ словомъ, если бы

эта картина была открыта до Рафаэля, то называли бы лучшим еѣ подражаніемъ «битву Константина съ Максентіемъ»: совершенно тѣ же приемы, даже въ манерѣ изображенія костюмовъ.

Еще, по нашему мнѣнію, систематическій описатель Помпей, не скѣпящій себя въ описаніяхъ предметовъ мелкихъ, не долженъ бы былъ пропустить безъ вниманія одну замѣтную особенность и почти неповторимую для насъ многоотрудности этой же мозаичной картины. Она состоитъ не изъ отдельныхъ крашеныхъ частей (кусковъ, штифтиковъ, Глазуровъ) какъ обыкновенно, но изъ *мрамора самоцвѣтнаго*, и всѣхъ цвѣтовъ, такъ что живою, свѣжей колоритъ этой дивной картины, обоевался безъ искусственной краски. Авторъ нашъ говоритъ только о разноцвѣтныхъ *камяхъ*. Теперь о тонкости и многотрудности технического исполненія. Директоръ королевскаго института художествъ въ Неаполѣ, Никколини, считалъ, сколько этихъ самоцвѣтныхъ разнаго цвѣта мраморныхъ штифтиковъ содержитъ въ себѣ *одна* квадратная палема, и вышло 6942 штифика, а вся картина имѣетъ около 196 квадратныхъ палемъ. Каковъ трудъ!—Правда, столь же тонкой работы есть и другія античныя мозаики, но *ни одна* не имѣетъ такихъ *большихъ* фигуръ.

Авторъ нашъ видитъ въ этой картинѣ «страшное столкновеніе въ ту самую минуту, когда двѣ арміи возведены были мужествомъ до изступленія» и проч. (зри выше). Напротивъ при первомъ взглядѣ на картину поймешь, что представленъ *моментъ* передъ *разсылкою* *быстрого* Персовъ. Всѣ около Дарія суетятся въ страхѣ. Дориэоры его позади колесницы, какъ видно по копьямъ, закинутымъ за плечо для защиты, уже дали *тыло*; самъ Дарій представляетъ воплощенную безпомощность, образецъ панического страха при видѣ прозеннаго сатрапа, быть-можетъ брата царскаго, во всякомъ случаѣ: *храброго* изъ *храбрыхъ* (*le brave des braves*), державшаго мѣряться съ Александромъ и побѣжденнаго имъ въ ту невыгодную для коннаго бѣйца минуту, когда онъ соскакиваетъ съ убитаго подъ нимъ коня. Мужествоуютъ еще только два Персы: *одинъ*, съ оровавлонною головою (между Александромъ и сатрапомъ) хочетъ, по-видимому, только *честной смерти* въ бою; *другой же* (подъ прозеннымъ сатрапомъ), водивъ свой атаганъ, грозитъ местию македонскому царю, жоторый, замѣтивъ это, готовится прогнать, аго томъ же

длинною *sarissou* (пикой), уже выдергиваемую изъ живота сатрапа, но ихъ еще удерживаемую правою рукою. Очевидно, что повороченная уже къ бѣгству квадрига Даріева не можетъ тронуться съ мѣста, что возница безусловно дѣйствуетъ своими кнутами: кони испугались, запутались... позволить Дарію коня, чтобъ ему спастись хоть верхомъ; но онъ, какъ сказано, *потерялся* — не спасется и на этомъ конѣ! Представлена мнута совершеннаго смятенія, самой безпорядочной суматохи Персовъ, предшествующая *конечному* ихъ поражению! И моментъ такой безпорядочной суматохи художникъ съумѣлъ дивнымъ образомъ привести въ художественный порядокъ, въ томъ-то и состоитъ высокое изящество этой картины, достойной, какъ *ко.позиція*, — Рафаэля — и превосходящей Рафаэля эллинскимъ изяществомъ формъ, эллинскою естественностью и благородствомъ выраженія.

Замѣчательно, что авторъ нашъ не сказалъ ни слова о *трехъ* главныхъ лицахъ въ этой картинѣ: объ Александрѣ, о Даріи, и о пронзенномъ сатрапѣ. Въ *Александрѣ* такъ живо олицетворена всепокоряющая сила, вдохнувшая въ эту картину такое бурное движеніе. Въ *Даріи*, мы видимъ, какъ уже сказано, воплощенный *панический страхъ*, предвѣстника *конечной* гибели — и *этимъ* именно, повторяемъ — означается *Арбала*! Но самая превосходная, по исполненію, фигура въ этой картинѣ есть *пронзенный сатрапъ*! Здѣсь нельзя не похвалить врожденнаго Эллинамъ *чувства правоты*, которое, будтобы довольно, превозмогаетъ въ нихъ даже патриотизмъ! Въ *Иліадѣ*, сочиненной *Грекомъ*, или, по-крайней-мѣрѣ *Греками*, достойнѣйшій, въ чисто-человѣческомъ отношеніи — *герой* Троянецъ *Гекторъ*, *врагъ* Грековъ! Роль его, какъ храбрѣйшаго защитника своего несчастнаго отечества, была *намилучшая*, и потому представленъ онъ въ такомъ чистомъ блескѣ какъ витязь, какъ супругъ, какъ челоуѣкъ! Въ разсматриваемой нами картинѣ, занимательнѣйшее, выразительнѣйшее лицо — *врагъ же* Грековъ, персидскій сатрапъ! Какъ мы благодарны почтенному автору за гравюру № XII. По ней всѣ наши читатели (мы каждому изъ нихъ совѣтуемъ купить книгу г-на Классовскаго) могутъ повѣрить наши сужденія. Роль сатрапа также *намилучшая* въ этой картинѣ: храбрѣйшій изъ воиновъ жертвуетъ собою для спасенія своего несчастнаго царя, *крѣпкою* рукою

удерживая въ своемъ животѣ страшную пику Александрову, чтобы дать время Дарію избѣжать ея—и вотъ почему онъ долженъ былъ быть превосходнѣйшею, по выраженію, фигурою картины! Наглядитесь на этого сатрапа! Какой рисунокъ, сколько движенія и геройской граціи въ этой позѣ умирающаго! Онъ не успѣлъ соскочить съ своего падшаго коня, только правую, протянутою ногою касался земли; лѣвая рука его страдальчески закинута по головѣ; онъ наклоненъ на правую сторону, для того, чтобы долѣе удерживать правую рукою въ себѣ пику Александрову: она должна выйти изъ этой стороны. Лицо его выражаетъ болѣе душевной скорби о потерянной битвѣ, нежели физическаго страданія: потому это выраженіе такъ благородно, такъ трогательно! И тутъ же, подлѣ этой патетической фигуры, находимъ черту ѣдко-сатирическую. Всякій, конечно съ изумленіемъ, замѣтитъ, какъ *странно* поставленъ подведенный къ колесницѣ конь и въ чему онъ готовится: это явно относится къ *карикатурному страху* Дарія въ особенноти, а къ извѣженности Персовъ вообще. Какъ могъ художникъ допустить эту шутовскую черту въ своемъ возвышенномъ твореніи? По греческимъ понятіямъ это допускалось; злѣсь же оно ознаменовываетъ національную ненависть Грека къ Персамъ—изъ чего справедливо заключаютъ, что картина написана или во времена Александра, или вскорѣ послѣ него, когда войны съ Персами еще были въ живой памяти греческаго народа. Во время римскаго надъ Греціею владычества, эллинскій художникъ не пошѣствилъ бы, въ своей картинѣ, такой эпиграммы на Персовъ.

Кромѣ упомянутаго *дерева безъ листьевъ*, картина не имѣетъ грунта лавшафтной перспективы, горизонта! Но, безъ сомнѣнія, не только грунтъ, но еще кое-что было въ *оригиналь*, чего не могло передать мозаичное искусство.

Оканчиваемъ свой разборъ на этой дивной картинѣ, молча сопровождая нашего автора черезъ остальные четыре главы о храмахъ, театрахъ, казармахъ и такъ далѣе до конца, съ искреннею благодарностью за приложенныя гравюры.

Баронъ Розенъ.

Письма о магометанствѣ. С. Петербургъ. 1848. 459 стр. Эти письма вышли изъ-подъ пера того же автора, которому принадлежатъ «Письма о богослуженіи восточной церкви», «Русскія письма» и нѣкоторыя другія сочиненія, хорошо извѣстныя публикѣ, которая всегда находила и находитъ въ нихъ и пользу и удовольствіе. Новое произведеніе этого автора, вышедшее небольшою книжкою изъ 159 страницъ, заключаетъ въ себѣ семь писемъ, изъ которыхъ шесть адресованы были къ какому-то другу автора, христіанину, а седьмое (по мѣсту, занимаемому имъ въ книгѣ, шестое) хотя и было написано къ другому личному знакомцу автора, изъ числа образованныхъ и благомысленныхъ магометанъ, но внесено въ составъ этой книжки по сходству его содержанія съ содержаніемъ другихъ писемъ.

Изъ перваго письма узнаемъ причину появленія въ свѣтъ Писемъ о магометанствѣ. Оно начинается такъ: «Ты такъ убѣдительно просишь меня, любезный другъ, написать тебѣ, о превосходствѣ христіанской вѣры надъ магометанствомъ; ты такъ живо представляешь мнѣ затруднительное твое положеніе въ кругу магометанъ, когда между нами зайдетъ рѣчь о вѣрѣ, что наконецъ рѣшился удовлетворить твоему желанію.» Мы позволимъ себѣ думать, что авторъ, своими выраженіями, измѣнилъ нѣсколько смыслъ просьбы, съ которою обратился къ нему его другъ. Какъ-то навѣрится, чтобы христіанинъ сталъ спрашивать о превосходствѣ христіанской религіи надъ магометанствомъ. Такой вопросъ можетъ родиться только или изъ неутраченнаго божественнаго происхожденія христіанской религіи, или изъ крайне невѣжественныхъ понятій объ истинной вѣрѣ. Другое дѣло, если бы авторъ писалъ къ магометанину; послѣднему очень свойственно сдѣлать подобный вопросъ, потому-что въ его глазахъ Магометъ такой же посланникъ Божій, какъ и Основатель христіанской религіи. Въ этомъ смыслѣ мы разбираемъ, наиримѣръ, превосходство одной философской школы передъ другою, потому-что всѣ эти школы имѣютъ одно общее начало: ученіе какого-нибудь философа. Но христіанство и исламизмъ, въ глазахъ каждаго христіанина, такъ же противоположны между собою, какъ свѣтъ и тьма, какъ небо и земля. Между тѣмъ, авторъ, кажется, считаетъ большою услугою своему другу даже то, что раскрылъ ему различіе между нашею вѣрою и магометанствомъ. Въ седьмомъ письмѣ онъ говоритъ такъ: «Не знаю, любезный другъ, останешься ли ты доволенъ

тѣмъ; что, въ крайнихъ словахъ, старался и отгнать всѣмъ на чьемъ вопросы о магометанствѣ. По крайней мѣрѣ мы здѣсь увидимъ, въ чемъ состоитъ различіе между истинною вѣрою въ Христа и вѣрованіемъ въ пророка, котораго самъ себя называлъ снѣмъ пріемлемъ, но ни чѣмъ не засвидѣтельствовалъ своего небеснаго посольства: ибо собственнаго утѣренія недостаточно.» Опять скажемъ, что какъ-то не вѣрится, чтобы нашелся русскій человекъ, любознательствующій узнать по крайней мѣрѣ различіе между такими религіями, которыя, для самаго простаго взгляда, представляются столько же различными, какъ истина и ложь. Впрочемъ, мы нисколько не думаемъ подозревать въ этомъ случаѣ что-либо подобное привычнымъ приемамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ фельетонистовъ; намъ не разъ случалось замѣчать, что въ фельетонѣ вдругъ, ни съ того ни съ сего, выступаетъ на сцену какой-то пріятель фельетониста, нисколько не дѣлающій ему чести своимъ знакомствомъ, — не по правдивости, которая можетъ быть совершенно безукоризненна, но по тѣмъ сужденіямъ и изрѣченіямъ, которыя онъ позволяетъ себѣ высказывать въ дружескомъ обществѣ, и которыя фельетонистъ, вопреки законамъ дружбы, дѣлаетъ гласными, публично осмѣивая ихъ. Но этотъ приемъ объясняется очень просто. Фельетонисту прійдетъ въ голову мысль, сама по себѣ очень плохая и ни мало не остроумная; за неимѣніемъ другой мысли, онъ ухватывается за нее, приписываетъ ее своему пріятелю и подшучиваетъ надъ нимъ, отклоняя такимъ образомъ отъ себя отвѣтственность въ подобной поборѣтельности, и въ то же время изощряя свое остроуміе. Повторяемъ, что мы не думаемъ находить ничего подобнаго въ «Письмахъ о Магометанствѣ.» Вся вина здѣсь въ неудачномъ выраженіи. При чтеніи писемъ, мы увидѣли прямую цѣль автора: онъ имѣлъ въ виду не друга своего, который, какъ христіанинъ, безъ сомнѣнія, глубоко возмущенъ въ своей душѣ, — на какой бы степени образованія онъ не находился, — безконечную высоту нашей божественной религіи надъ всѣми религіями, основанными людьми; но «тѣхъ изъ Магометанъ, которые по своему образованію отдѣлялись совершенно Русскими, кромѣ христіанства.» И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Смотря на христіанство съ точки зрѣнія магометанъ, можно говорить и о преимуществахъ одной религіи передъ другою, и объ ихъ различіи, потому что послѣдователи Магомета подмалютъ лишь одинъ уровень ученіе Христа и исцера

пророка. Другъ автора былъ только посредникомъ, отъ котораго авторъ слышалъ вопросы, дѣлаемые магометанами касательно «религiозныхъ» предметовъ. «Съ дѣтскими смиренiемъ, говоритъ онъ, и безъ малѣйшаго превозношенiя, ничто не приписывая своему мелкому разуму, выскажемъ другъ другу, что у насъ на сердцахъ, и я помня смѣшанные отъ тебя вопросы, буду стараться, по крайнему моему разумiю, удовлетворить имъ, основываясь на истинахъ вѣры. Трудную однако возложилъ ты на меня обязанность, любезный другъ, трудную не столько по существу предмета, потому-что не отъ себя и не свое буду излагать тебѣ въ своихъ письмахъ....» Отъ кого же и чье? Это что-то загадочно, и притомъ противорѣчитъ сейчасъ высказанному общанiю отвѣчать на вопросы, по крайнему своему разумiю.

Во второмъ письмѣ, объясняется исторически: кто былъ Магометъ? Рассказывая исторiю жизни арабiйскаго же-пророка, авторъ противопоставляетъ личному характеру и нравственнымъ правиламъ Магомета дѣйствiя и ученiе Божественнаго основателя христiанской религiи. Можно было бы пожелать только большей простоты въ изложенiи; не свойственные русскому языку обороты и слова и какая-то неумѣстная торжественность слога врѣзались въ сознанiе историческаго разсказа. «Смутались Кореншиты, услышавъ о вооруженномъ шествiи отверженнаго имъ пророка (стр. 37).» «Прогнѣвался могущественный властитель Персiа надмѣннымъ титуломъ невѣдомаго ему Араба (стр. 41).» «Отчаянное ихъ (Арабовъ) мужество одолѣло надъ многолюдствомъ Грековъ. Плачь, о множествѣ своихъ погибшихъ, умалилъ радость побѣды, и погребальнымъ представилось первое торжество Магомета надъ христiанами (стр. 44).» Къ чему эта эническая важность тамъ, гдѣ требуется простота и ясность? Къ чему также употреблять славянскiя выраженiя, которыя ни мало не способствуютъ къ уразумѣнiю дѣла, а напротивъ, какъ слова не для всякаго читателя понятныя, затемняютъ мысль? «Онъ (Магометъ), послалъ своихъ присныхъ съ вооруженною проповѣдiю, по всѣмъ предѣламъ Аравiи (стр. 46).» «Войско его (Магомета) разсѣялось внезапнымъ страхомъ; самъ онъ остался только съ небольшою горстiю присныхъ ... Уже онъ хотѣлъ броситься съ отчаянiемъ въ толпу враговъ, чтобы тамъ найти себѣ славную смерть, но одинъ изъ его присныхъ в пр. (стр. 47).» «Самъ онъ и всѣ его присные сдѣлали большiя пожертвованiя денегъ (стр.

40).» «Магометъ уже не могъ двигаться съ болѣзненнаго одра своего, но еще не переставалъ увѣрять *присмыкъ* въ непрестанныхъ видѣнiяхъ Ангеловъ.» Что за честь слову: *присмыкъ*? Уже ли въ русскомъ языкѣ не отыскалось равнозначещаго слова?

Въ остальныхъ письмахъ авторъ коротко раскрываетъ ученiе Корана, сравнивая его съ евангельскимъ; въ особенности онъ указываетъ тѣ произвольныя отступленiя отъ подлинныхъ словъ Ветхаго и Новаго Завета, которыя позволялъ себѣ Магометъ, повелѣвая однакожъ вѣрять книгамъ Моисеевымъ и Евангелiю. Говоря о нравственномъ ученiи Корана, авторъ касается, между прочимъ, вопроса о многоженствѣ, разрѣшенномъ исповѣдникамъ ислама. Это разрѣшенiе было слѣдствiемъ того послабленiя, которое предоставилъ себѣ Магометъ, оправдывая себя дозволенiемъ, полученнымъ свыше. Онъ имѣлъ до пятнадцати женъ и не опускалъ случаевъ, въ походахъ и даже на богомольи, вступать въ новыя супружества. Оправданiя Магомета, послѣ вступленiя въ недозволенный бракъ съ родственницами и даже съ женою усыновленнаго имъ приемыша, Саида, внесены въ Коранъ, и служатъ основанiемъ мусульманскихъ законовъ касательно браковъ. Когда по случаю вступленiя его въ бракъ съ женою Саида, произошелъ ропотъ въ Мединѣ, то онъ передалъ недовольнымъ слѣдующiе стихи, внушенные ему будто бы небомъ: «Когда ты говорилъ тому, кто былъ облагодѣтельствованъ дарами Божиими и твоими (т. е. Саиду): сохрани свою супругу и бойся Бога, ты самъ тайлъ въ сердцѣ своемъ любовь, готовую обнаружиться по волѣ небесной. Ты остерегался сужденiй человѣческихъ, но должно бояться только Бога. Саидъ развелся съ своею женою и мы тебя соединили съ нею для того, чтобы вѣрные имѣли свободу вступать въ бракъ съ женами усыновленныхъ ими, послѣ ихъ развода; божественная заповѣдь должна исполниться.» Воослѣдствiи, когда ему вздумалось еще умножить своихъ женъ, онъ объявилъ, что услышалъ опять небесный голосъ: «О Магометъ, тебѣ позволено брать себѣ въ супруги женщинъ, которымъ ты далъ приданое, рабынь, которыхъ предалъ Богъ въ твои руки, дочерей твоихъ дядей и тетокъ, которыя бѣжали съ тобою, и всякую вѣрную женщину, которая сама собою предала душу свою пророку, если пророкъ хочетъ на ней жениться. Это есть преимущество, которое мы тебѣ даруемъ предъ прочими вѣрными. Мы знаемъ уставы брака, учрежденнаго нами; не бойся сдѣлаться виновнымъ, пользуясь своими правами: Богъ снисхо-

читатель и милостивъ. Ты можешь подавать надежду эскапъ, которую только пожелаешь, и принять на ложе свое ту, которую пожелаешь, послѣ того, какъ ее уже разъ оставилъ. Ты не будешь въ этомъ виновенъ; такимъ образомъ лучше будетъ угнѣтать ихъ. Ни одна изъ нихъ не должна быть огорчена, и всѣ должны быть довольны тѣмъ, что ты имъ дѣлаешь. Богъ знаетъ то, что въ сердцахъ вашихъ; Онъ всевидущъ и человеколюбивъ.» Такой законодатель не могъ быть не снисходителенъ къ своимъ послѣдователямъ. «Когда Магометъ, говоритъ авторъ *Писемъ*, позволилъ себѣ столь много и общалъ столько грубыхъ наслажденій въ будущей жизни (разумеется, обещаніе небесныхъ Гурій), конечно, и въ этой жизни онъ озабоченъ удовлетворить своихъ послѣдователей, въ ихъ плотскихъ похотяхъ, чтобы крѣпче привязать ихъ къ себѣ сими нечистыми узамъ. «Женщины ваше поле, говоритъ онъ, ходите на ваше поле, когда хотите.»

Рассматривая вліяніе многоженства на семейный бытъ мусульманъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что многоженство служитъ источникомъ многихъ безпорядковъ въ домашней жизни послѣдователей Магомета, а въ слѣдствіе этого и въ жизни общественной. И такъ въ постановленіяхъ Корана скрывается разрушительное начало, вредящее и семейному счастью и общественному благоустройству въ земляхъ магометанскихъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Доказывая что Коранъ противодѣйствуетъ образованію народа, авторъ приводитъ въ примѣръ поступокъ халифа Омара, который отвѣчалъ на вопросъ военачальника своего Аиру: какъ поступить ему съ великолѣпною библіотекою александрійскою?—«Если она заключаетъ въ себѣ то же, что есть и въ Коранѣ, то она безполезна, и слѣдственно ее надобно сжечь; если же заключаетъ противное, то *тѣмъ паче* подлежитъ сожженію.» И такимъ образомъ, прибавляетъ авторъ *Писемъ*, погибавъ въ племени драгоценнѣйшее хранилище познаній человѣческихъ, собранное многими вѣками, въ которомъ совокуплено было все ученіе древнихъ. Приговоръ сей надъ образованіемъ и ученостію цѣлаго міра послужилъ основнымъ камнемъ и для крушительнаго халифа, а потому, обвиненнымъ послѣдствіемъ распространенія Корана было *оседа угашеніе свѣта науки, искривленіе только не многихъ отраслей, и совершенное истребленіе искусства, что смотря на всю видимую славу быстро распространявшагося халифата.*» Сначала замѣтимъ, что разсказъ о печальной участи

александрійской библиотекѣ, уничтоженной будто бы Омаромъ, давно уже признанъ вымысломъ. Если Омаръ и приказалъ сжечь какія-нибудь книги, найденныя въ александрийской библиотекѣ, то все-таки не ему принадлежитъ несчастная слава истребленія драгоценныхъ памятниковъ древняго образованія, которые были уничтожены гораздо раньше. Далѣе, на чемъ основывается мысль, что другіе халифы дѣйствовали въ духѣ Омара противъ просвѣщенія? Исторія халифата не подтверждаетъ этого. Въ государствѣ халифовъ были съ блистательнымъ успѣхомъ обрабатываемы точныя науки: алгебра, геометрія и астрономія были чрезвычайно усовершенствованы Арабами, медицинскія науки много обязаны имъ своимъ развитіемъ; у нихъ превосходно развилась поэзія и образовалась собственная архитектура. Съ изученіемъ естественныхъ наукъ, у нихъ было соединено изученіе философіи, преимущественно Аристотелевой. Дамасскій дворъ былъ наполненъ поэтами; въ числѣ семяхъ халифовъ были знаменитые стихотворцы. При багдадскомъ дворѣ, въ Магомеда I Магали, науки и искусства нашли покровительство, которое способствовало къ ихъ процвѣтанію. Въ Багдадѣ были заведены академіи и публичныя школы; другіе города подражали столицѣ. Магометанскіе князья даже соревновали другъ другу въ поощреніи наукъ; отличившій поэтъ, знаменитый естественный испытатель и остроумный диалектикъ вочитались украшеніемъ каждаго двора. Халифы Альмамунъ и Мотассемъ прилагали все стараніе, чтобы важнѣйшія литературныя творенія были переведены на арабскій языкъ. Можно вспомнить здѣсь, что въ X вѣкѣ, въ испанскихъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ халифамъ, было семьдесятъ публичныхъ библиотекъ и двѣнадцать частныхъ учебныхъ заведеній или академій. Въ то время, просвѣщеніе на Востокѣ было гораздо на высшей ступени, чѣмъ на Западѣ. Въ Каирѣ, въ 1004 году, была учреждена академія, въ которой преподавались логика, математика, правовѣдѣніе, медицина и еще тайное ученіе, приготовлявшее слушателей постепенно къ диспузу, и въ которой халифы присутствовали при диспутахъ ученыхъ. Вообще, въ цвѣтущее время халифата, поклонники Магомета были вовсе не похожи на вымышленнаго магометапѣ. Они отличались любовью къ искусствамъ, любили поэзію и читали богатую литературу. Только съ упадкомъ могущества Арабовъ, начали угасать эти просвѣщенія, когда другіе

Турки Сельджуки пріобрѣли силу и сдѣлались главными властелинами въ мусульманскомъ мірѣ.

Публика привыкла находить въ произведеніяхъ автора чистый и правильный языкъ, ясность изложенія и основательность въ сужденіяхъ; но эти качества не преобладаютъ въ *Письмахъ о Магометанствѣ*. Во всякомъ случаѣ, этотъ трудъ заслуживаетъ одобренія по благой цѣли, достиженія которой искренно ему желаемъ.

О свиданіи загробномъ. *Составлено работъ Божиимъ Иоанномъ, сочинителемъ Духовно-врачебнаго ученія. С.-Петербургъ. 1848. 154 стр.*

Въ дни какихъ-нибудь тяжелыхъ испытаній, въ дни глубокой горести сердца, пораженного, напримѣръ, жестокимъ ударомъ судьбы, какъ утрата любимыхъ намъ людей, съ которыми мы сжились душою, въ которыхъ сосредоточивались всѣ отрадныя мечты о нашемъ счастьи, — въ эти угрюмые дни, нашъ духъ, не находя утѣшенія ни въ видимомъ мірѣ, ни въ обществѣ людей, свободнѣе и съ бѣльшею готовностію погружается въ созерцаніе міра невидимаго, духовнаго, — міра, озаряемаго для насъ свѣтомъ христіанства, за темнымъ рубежемъ могилы, и вмѣсто погасшихъ земныхъ надеждъ и радостей, тогда лучъ иныхъ надеждъ и ожиданій ниспадаетъ въ унылое, разтерзанное сердце, и разливаетъ въ нешь отраду и успокоеніе. Если человѣкъ, проникнутый живительною теплотою этихъ возвышенныхъ чувствованій, сумѣетъ передать тѣ идеи и ощущенія, которыя наполняютъ его нравственное бытіе; то его слово найдетъ сочувствіе въ каждомъ, кому не чужды свѣтлыя минуты размышленія о вопросахъ жизни. Языкъ истиннаго чувства имѣетъ не только плѣнительность, но и силу убѣжденія. Но если эти идеи и чувства, по какимъ-нибудь причинамъ, напримѣръ по привязанности къ языку выскопарному, темному, выливаются въ тяжелой формѣ; то если несовсѣмъ теряютъ свою природную, проникающую душу, силу, по-крайней-мѣрѣ утрачиваютъ значительную ея часть.

Авторъ книги: *О свиданіи загробномъ*, на заглавномъ листѣ наименовавшій себя работъ Божиимъ, а въ посвященіи и предисловіи, подписавшійся: Иванъ Аригольтъ, испыталъ одну изъ жестокихъ утратъ, какъ объясняется въ предисловіи, и на-

писалъ эту книгу, которую посвящаетъ: «Христіанамъ, любящимъ и любимымъ, ликующимъ и скорбящимъ, въ назиданіе и утѣшеніе.» Цѣль его была прекрасная. «Сочиненіе это имѣеть цѣлю, говорится въ предисловіи: утвердить (?) вѣру въ безсмертіе души, и на этой незыблемой опорѣ основать и утвердить надежду на свиданіе въ странѣ загробной, давъ такое понятіе объ участи нашей въ будущей жизни, какое только доступно для разума, покоряющагося въ послушаніе вѣры. Увѣренность въ этихъ важнѣйшихъ предметахъ православныхъ Христіанъ, должна пролить отраду на скорбящее сердце, разогнать сомнѣніе въ душѣ и, погасивъ уныніе, воспламенить въ груди болѣзную радостное ожиданіе блаженной будущности и поощрить людей къ жизни благочестивой, праведной, святой.... Предметъ сей поучителенъ, отраденъ и утѣшателенъ для Христіанъ вообще, въ особенности для душъ скорбящихъ; а потому я и передаю его соотечественникамъ моимъ съ душевнымъ желаніемъ, чтобы и они нашли въ немъ то отрадное успокоеніе въ скорбяхъ, то утвержденіе въ вѣрѣ, любви и удованіи, то убѣжденіе ума и увѣренность въ истинѣ, то поощреніе къ жизни благочестивой, святой и сообразной съ цѣлюю челоуѣка,—какія я почерпнулъ изъ этого предмета, при изученіи его.» Повторяемъ, что авторъ имѣлъ прекрасную идею. Но каково исполненіе этой идеи? Изъ того же предисловія видимъ, что какіе-то «Современники», въ прежнемъ сочиненіи автора, *Духовно-грачебное ученіе*, нашли слогъ *страннымъ*. Этотъ отзывъ о слогѣ намъ кажется темнымъ, неопредѣленнымъ; но авторъ, видно, поваялъ значеніе его, и отвѣчаетъ на него такъ: «Смѣю предугадать, что, по моему убѣжденію, этотъ языкъ вполне соответствуетъ высокому достоинству предмета, который налагается въ настоящемъ сочиненіи, и для простаго чувства, кажется, бесполезно витійство «Современниковъ».—«Притомъ же, продолжаетъ авторъ я небольшой литераторъ, но усердный; если же знаменитые литераторы не прославляютъ истины и славы Божіей, то кто же виною въ томъ? Ужели по тому самому и всѣ должны молчать? Я ищу не славы литератора, но мудрости небесной, ибо я старъ и готовлюсь въ путь, въ отечество небесное, чтобы дать отчетъ въ жизни этой и свидѣться съ избранными Божіими и возлюбленными сердца моего. Но въ томъ я увѣренъ, что православные Христіане, которые алчутъ ишеницы евангельской, найдутъ ее здѣсь и насытятся. И для этой-то

цѣля издавъ я настоящее сочиненіе. Въ особенности же я желаю эту отраду моего сердца любезнымъ моимъ, иужамъ. Сдѣлаемъ одну выписку изъ этой книги: «Памяти о прошломъ въ странѣ загробной принадлежатъ къ сущности нашей самоличности, и мы съ радостною болѣзненностію будемъ вспоминать объ оставшихся на землѣ, о тѣлѣ, которая смерть разлучила съ нами на время. Они представляются къ намъ въ воспоминаніи. И такъ мы соединяемъ обѣ стороны нашего бытія въ памяти нашей. Если это воспоминаніе соединено съ прискорбіемъ и печалью, то должно замечать, что жизнь ограниченныхъ существъ не бываетъ безъ огорченія. Это само служитъ доказательствомъ, что съ истлѣніемъ тѣла нашего, въ слѣдствіе земной зависимости, ни какъ не можетъ быть согласено уничтоженіе воспоминанія, ибо тогда бы изъ той же самой зависимости и уничтоженіе всего въ человѣкѣ и само почитіе о безсмертіи было бы невозможнымъ.» (Стр. 116—117)

Сумскій, или нечто въ родъ была. *Сочиненіе Александра Плохова. Москва. Въ типографіи Готье и Монистти. 1844 года. Стр. 84 в. 8 д. л.*

Недавно прочитали мы въ газетахъ объявленіе, что поступила въ продажу книга: *Сумскій, соч. Александра Плохова*. Получивъ эту книгу, для разбора, мы принялись читать ее съ некоторымъ невыгоднымъ предубѣжденіемъ, полагая, что объявленій въ газетахъ господинъ *Плоховъ* принадлежитъ къ вѣстному литературному созвѣздію, которое некогда блистало и угасло въ Москвѣ подъ именемъ Орлова, Сигова, Кузичевъ и компаніи. Беремъ книгу, читаемъ ее заглавіе и видимъ, что газеты ввели насъ въ заблужденіе; что не Александръ Плоховъ сочинитель *Сумскаго*, а Александра Плохова, слѣдовательно и ма или дѣвица. Предубѣжденіе наше, сами не знаемъ отчего, вмнѣ исчезло; критическое наше перо, взятое на переѣздъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ уколоть господина Плохова, вдругъ само-собою поднялось на плечо и отдало честь сочинительницѣ, еще прежде прочитанія ея книги. Вотъ оно, безпристрастіе-то, въ которомъ многіе критики, въ особенности молодые и натуральные, такъ чувствительно и краснорѣчиво увѣряютъ без-

простою свѣжкѣ читатель: Кое-къ въ прѣкъ и откровенно сознается, что слогъ дрн. нѣтъго дрн. совершенно землицъ на- идреніе ума и сердца.

Впрочемъ, это была минутная слабость съ нашей стороны, въ которой мы торжественно и публично покалясь, и тѣмъ, какъ надѣмся, заглядили ее.

Безъ всякаго выгоднаго или невыгоднаго предубѣжденія, начали мы читать *Сумскаго*, прочитали и призадумались. Чтò сказать объ этомъ произведеніи госпожи Плохово? Книга ея произвела на насъ странное дѣйствіе. Мы прочитали ее съ удовольствіемъ, она пріятно заняла насъ, потому—что у сочинительницы, по нашему мнѣнію, есть вкусъ, есть воображеніе, есть талантъ; но жаль, что сочинительница вовсе не владѣетъ слоюмъ, безъ котораго никому нельзя обойтись, кто желаетъ писать. Разстановка словъ у нея часто самая неправильная; знаки препинанія поставлены или для красоты, или по слѣпому случаю; очевидно, что сочинительница, вѣроятно, молодая, отдавая въ печать свой первый опытъ, не познакомилась еще съ устройствомъ *періодовъ* и *предложеній* различныхъ свойствъ и видовъ. Совѣтуемъ ей, если она намѣрена еще писать, заняться основательнымъ изученіемъ *слова* въ высшемъ и обширномъ его значеніи.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ. Соч. И. Срезневскаго. Санктпетербургъ, въ тип. К. Жернакова, 1848 года. Въ 8 д. л. 96 стр.

Предметъ настоящаго сочиненія такъ еще мало былъ у насъ рассмотренъ основательнымъ и ученымъ образомъ, что нельзя не благодарить почтеннаго автора за сло любопытныя и для всякаго образованнаго чловѣка занимательныя изслѣдованія. Каждое его предположеніе, каждая догадка, почти каждая мысль подкрѣплены цитатами изъ древнихъ авторовъ или ссылками на ихъ сочиненіе. Трудъ огромный, который могутъ оцѣнить въ полной мѣрѣ только тѣ, которые сами занимались историческими и этнографическими изслѣдованіями. Совѣтуемъ всѣмъ

любителямъ исторіи и отечественныхъ древностей прочитать эту книгу. Каждый изъ нихъ на опытъ увидитъ, что наша похвала ей внушена справедливымъ и безпристрастнымъ убѣжденіемъ.

=

Слѣсъ.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Веймаръ.

Налѣво отъ нѣскольکو возвышенной станціи желѣзной дороги, я могъ обозрѣть группу изъ тысячи, не болѣе, домовъ, чистыхъ, милонидныхъ, окруженныхъ прелестнымъ мѣстопо-
ложеніемъ и рѣзко отдѣлявшихся отъ синевы тюрингенскихъ лѣсовъ....

Это *Веймаръ*.

Сколько чудныхъ воспоминаній пробуждаетъ въ умѣ одно это ния! Съ Веймаромъ тѣсно связана *вся* германская литература, сосредоточивающаяся въ двухъ именахъ:

Шиллеръ и Гѣте.

Но о нихъ послѣ.

Я остановился въ *лучшей* гостинницѣ: Zum Russischen Hof. Въ Веймарѣ мнѣ предстояло большое удовольствіе, потребность котораго становилась для меня болѣе и болѣе оцутительною, по мѣрѣ моего удаленія отъ Россіи.

Въ Веймарѣ я могъ *поговорить порусски* съ Русскими. У меня было письмо къ Д. П. К.

Въ чистенькой улицѣ, во второмъ этажѣ аккуратнаго нѣмецкаго дома, отыскалъ я квартиру Д. П. К.

Я позвонилъ.

К. VIII. — Отд. VII.

Служанка отворила дверь... но какая служанка! Не какая-нибудь Рихонъ, Минхенъ или Юльхенъ, а коренная страпуха, у которой было написано на лицѣ, что ее звали Федосьей, Акулиной или Устиньей!

— *Вась одленъ-зи?* спросила она довольно угрюмо.

Сердце мое ёкнуло.

Слышалъ я въ теченіе двухъ недѣль много нѣмецкихъ [диалектовъ, но такого не слышалъ еще, который можно смѣло написать русскими буквами.

— *Вась зи воленъ?* поправились кухарка, заключая, вѣроятно, изъ моего молчанія, что первый вопросъ былъ не совсѣмъ правленъ.

Я обрадовался душе прежняго. Теперь вопросъ кухарки, кромѣ русскаго произношенія, заключалъ и русскій оборотъ.

— *Геръ нитъ цу хаус!* сердито прибавила кухарка, въ слѣдствіе моего упорнаго молчанія: — Прямой нѣмец! проворчала она порусски, запирая дверь, — и говорить-то не умѣть!

— А скоро ли будетъ Дмитрій Петровичъ домой? спросилъ я наконецъ.

— Ахти, батюшка! вскричала кухарка, поднявъ руки; порусски, родимой, говорить! Зайдите, батюшка, пожалуйста; я барынѣ доложу!....

Но въ это время появилась сама хозяйка, полная, здоровая, красивая... чисто русская хозяйка. Родные звуки вызвали ее въ прихожую.

Пока я разговаривалъ съ нею, кухарка не спускала съ меня глазъ. Она пожимала плечами, покачивала головой и твердила про себя:

— Голубчикъ ты мой!... Изъ Питера пріѣхалъ... И его занесло сюда... Ахъ, родимый! такъ и рѣжетъ порусски....

Желая пользоваться каждой минутой и имѣя еще дѣло въ городѣ, я простился съ хозяйкой, обѣщая ей вернуться къ вечеру, когда мужъ ея будетъ дома.

— Смотрите же, батюшка, не обманите, сказала кухарка, провожая меня: приходите! То-то будетъ радость Дмитрію Петровичу....

Вы не повѣрите, какое пріятное, утѣшительное впечатлѣніе произвела на меня эта минута. Погрузившись въ воспоминанія, вышелъ я на улицу. Мнѣ нужно было идти къ банкиру, адресъ котораго мнѣ подробно объяснилъ кельнеръ, но — я забылъ его; помнилъ только имя банкира — *Юлиуса Эльмана*.

Я подошелъ къ прохожему и, находясь еще подъ вліяніемъ предшествовавшаго разговора, спросилъ разсѣянно:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ живетъ....

— Was? перебилъ меня Немецъ, съ неумиленнымъ поднятъ плечу.

Улыбаясь я извинился и потому выслушивать со вниманіемъ, приобрѣлн свѣдѣнія: направо, прямо, сълать направо, направо направо, поворните уломъ, поворните направо, направо направо направо, со стороны этажъ, дверь направо....

Если вы будете въ Веймарѣ и если вамъ понадобится раздѣлнать рекасель, то спншите этотъ адресъ; вы непремѣнно увидите въ концѣ его свѣтлый лмкъ германокнхъ талеровъ.

Что за чудная вещь деньги! Деньги — алмазъ и омега неслоднвспнхл дѣйствій.

Мнѣ кажется, что на томъ же основаніи вы бравите и человекѣ и всасывающій всѣ внутренніа качества его.

Недостатокъ денегъ — внутренняя пустота, въ которой вытнать не просторѣ и растутъ нравственныа свойства человека, проявленіе которнхъ есть добро или зло; но такъ какъ рѣшнтельные крайности соприкасаются, то и добро и зло въ этомъ случаѣ проявляются въ полномъ разлитіи.

О поэты, поэты! Что всѣ ваши возгласы противъ золота! Не для того ли вы бравите его, чтобы хоть концемъ пера каснуться до него? И за что такая малость серебра?... Не за то ли, что оно удободостигаемье?....

Мнѣ кажется, что на томъ же основаніи вы бравите и славу, покоясь иногда на лаврахъ, — виновать, на лавровнхъ листьяхъ маленькой репутаціи....

Золото — презрѣнный металлъ, химера.

Слава — дымъ, химера тожъ.

Виноградъ — зелень.

Если есть на свѣтѣ одна тяжесть, которую пріятно вѣсть, такъ это, безспорно, тяжесть собственныа денегъ.

Такая тяжесть придаетъ человекѣ вѣсть.

Какъ человекѣ съ вѣсомъ, вышелъ я отъ банкира Элькана. Прямо противъ его дома находится велико-герцогскій замокъ, прѣзрѣсное зданіе, напоминающее, если не громадностью, то колоритомъ и нѣкоторыми подробностями нашъ Зимній Дворецъ.

Чтобы пристуиить къ описанію дворца, я долженъ броснть краткій взглядъ на исторію Веймара.

Веймаръ, основаніе котораго относить къ десятому столѣтію, становится достоверно извѣстнымъ съ тринадцатаго столѣтіа какъ давно извѣстный городъ — arpidum, vetus civitas; — во второй половинѣ четырнадцатаго, графы орлеанскіе и вей-

марскіе, въ началѣ пятнадцатаго столѣтія ландграфы тюрингенскіе, а впослѣдствіи и герцоги саксонскіе даровали городу таможенныя права и свой ограниченный судъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія Веймаръ становится постоянною резиденціею саксонскихъ герцоговъ эрнестинской линіи, съ 1741 года герцоговъ саксенъ-веймаръ-эйзенахскихъ, а съ 1815 резиденціею великихъ герцоговъ.

Послѣ смерти курфюрста Фридриха Кроткаго или Добродушнаго, въ 1484, вступила на престолъ сыновья его Эрнестъ и Альбертъ или, вѣрнѣе, Альбрехтъ.

Послѣ смерти дяди ихъ, въ 1482 году, братья рѣшились приступить къ раздѣлу, въ слѣдствіе котораго Эрнестъ получалъ большую часть Тюрингін и значительную сумму денегъ, Альбертъ же большую часть Мейсена или Мисніи.

Эрнесту наследовалъ, въ 1486 году, старшій сынъ его, Фридрихъ Мудрый. Фридрихъ увеличилъ свою страну пріобрѣтеніемъ Кверфурта. Два замѣчательные факта въ исторіи его: отреченіе отъ имперской короны послѣ смерти Максимилиана и предоставленіе ея Карлу V испанскому, и покровительство реформациіи.

Крестьянскую, буйную, варварскую войну смирилъ братъ и наследникъ его, Іоганнъ Постоянный. Онъ же положилъ основаніе Шмалькальдскому союзу.

Сынъ его, Іоганнъ-Фридрихъ Великодушный, лишился владѣній и званія Курфюрста.

Однакожь дѣти Іоганна-Фридриха получили въ наследство часть тюрингенскихъ земель, къ которымъ въ 1554 году, въ слѣдствіе Наумбургскаго договора присоединились: Альтенбургъ, Саксенбургъ и другіе города.

Эти земли составляютъ владѣніе саксенъ-эрнестинскаго дома.

Въ 1572 году образовались еще двѣ линіи: кобургская и эйзенахская, но въ 1638 году, послѣ смерти герцога Іоганна-Эрнеста, онѣ присоединились къ Веймару и Альтенбургу.

Веймаръ получилъ двѣ трети и между прочимъ Эйзенахъ; Альтенбургъ одну треть.

Герцогъ Бернгардъ принимаетъ дѣятельное участіе въ тридцатилѣтней войнѣ.

Въ 1640 дѣти Іоганна: Вильгельмъ, Альбрехтъ и Эрнестъ дѣлятся между собою и образуютъ три линіи: Веймаръ, Эйзенахъ и Гота. Въ 1644 умираетъ Альбрехтъ безъ наследниковъ, и братья его дѣлятся между собою Эйзенахъ.

Герцогъ Вильгельмъ оставилъ четырехъ сыновей, основав-

ныхъ четыре линіи: Веймаръ, Эйзенахъ, Маркбуль и Йена. Но вторая и четвертая угасаютъ и опять остаются только двѣ.

Герцогъ первой линіи оставляетъ нѣсколькихъ сыновей, которые однакожъ владѣютъ въ Веймарѣ безраздѣльно.

Вильгельмъ-Эрнестъ ознаменовалъ свое правленіе учрежденіемъ многихъ учебныхъ и общепользныхъ заведеній.

Эрнестъ-Августъ увеличилъ свои владѣнія въ 1741 году наследственнымъ приобрѣтеніемъ Йены и Маркбуля.

Супруга его, правительница во время малолѣтства своего сына Карла-Августа, прославила свое правленіе и первая положила основаніе литературной славы Веймара.

Карлъ-Августъ создалъ въ Веймарѣ и Йену отличнѣйшихъ ученыхъ и славнѣйшихъ поэтовъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ Пруссіи противъ Франціи; послѣ несчастной битвы при Йенѣ онъ нашелся вынужденнымъ присоединиться къ Рейпскому союзу, въ 1806 году. Послѣ Лейпцигской битвы онъ присоединился къ союзникамъ и принялъ начальство надъ Нидерландскимъ корпусомъ. Вѣнскій конгрессъ увеличилъ владѣнія его 77,000 людяныхъ и доставилъ ему велико-герцогское званіе. Онъ приобрѣлъ любовь современниковъ и уваженіе потомства улучшеніями законовѣднія, и возведеніемъ словесности на блистательную степень.

Съ 1828 года царствуетъ въ духѣ отца и предшественника своего, Великій-Герцогъ Карлъ-Фридрихъ, въ супружествѣ съ Ея Величествомъ Великою Княгинею Марією Павловною....

Видъ замка или дворца величественъ. Архитектура его благородна и граціозна. Замокъ перестроенъ послѣ ужаснаго пожара, разрушившаго въ 1744 году значительную часть его; но и теперь еще надъ входомъ сохранился четырехугольный камень, на которомъ высѣченъ ландграфскій гербъ и слѣдующая надпись:

A nativitate div. MCCCCXXXIX sunt hec arma Thuringica et structura valse completa.

«Въ 1439 году этотъ Тюрингскій гербъ и постройка воротъ кончены.»

Внутренность замка — но, я не стану описывать вамъ ни парадной лѣстницы, со статуями, ни большой залы съ барельефнымъ фризомъ, работы Тика, ни Бернгардовой залы... а между тѣмъ, еслибъ вы видѣли послѣднюю, съ готическими окнами, рѣзными кипарисными стѣнами, нишами краснаго дерева, съ гербами, во фризѣ, 48 городовъ, завоеванныхъ герцогомъ Бернгардомъ!... Не могу однакожъ умолчать о томъ, что въ одной нишѣ на кругломъ пьедесталѣ стоитъ латы гер-

чего Берггарда, и при вѣтѣ камня съ пола Люденской Сивы и, наконецъ, въ сугубѣ, остроблюнный палецъ Берггарда. Тутъ же лежитъ шляпа другаго Берггарда, сына герцога Карла-Августа, прострѣленная на вѣтѣ при Выграмѣ.

Покон Великой Герцогини убранны съ рѣдкимъ вкусомъ и изяществомъ. Ея же Высочеству принадлежитъ мысль расположенія *Комната-Поэтовъ*, — *Dichtergemmet*; — мысль высокая, благородная. Великая Герцогиня достойнымъ образомъ почтаю помнить четырехъ гениальныхъ людей, прославившихъ Веймаръ.

Возле библиотеки Ея Высочества находится *комната Шиллера*.

Посреди главной стѣны надъ каминомъ въ круглой нишѣ стоитъ мраморный бюстъ Шиллера. Ниша обвита золоченымъ лавровымъ вѣнкомъ, а подъ бюстомъ написано золотыми литерами известное стихотвореніе Шиллера:

Mich hält kein Band, и т. д.

Этимъ безсмертнымъ стихотвореніемъ встрѣтилъ Шиллеръ Великую Княгиню, и этимъ же стихотвореніемъ Великая Герцогиня почтила память поэта.

Вся комната украшена живописью, картинами, сюжеты которыхъ взяты изъ сочиненій поэта. Тутъ войны произносятъ клятву; далѣе *Донъ-Карлосъ* прощается съ королевой; омыкаетъ смерть графа Моза; тамъ веселый лагерь *Валлепителли*; *Мессинская невеста*; *Марія Стюартъ*; *Орлеанская дѣва*; *Вильгельмъ Телль*....

Во фризахъ надъ окнами и дверями изображены баллады: *рыцарь Гомбургъ*, *графъ Габобургскій*, *битва съ драконами* и другія.

Въ арабескахъ аллегорія колокола.

Далѣе находится *галерея Гёте*.

Главную стѣну ея, раздѣленную пополамъ дверью, украшаютъ двѣ сцены изъ первой и второй части *Фауста*. Надъ ниш во фризахъ сцены изъ балладъ.

На боковыхъ стѣнахъ *Гёцъ фонъ-Верлихингенъ* и *графъ Эмонтъ*.

Между окнами *Тассо*, *Антоніо* и *Германъ и Доротея*; во фризахъ надъ ними *Вертеръ* и *Вильгельмъ Meisterъ*.

Во фризѣ средней двери прекрасный медальонъ Гёте, а по сторонамъ его фигуры Поэзии и Истины, поддерживающія *Докровъ Поэзии*.

Архитектурныя украшенія этой галереи исполнены по рисунку Шиллера.

За этой галереей слѣдуетъ небольшая, но очаровательная комната Виланда.

Въ нишѣ на колоннѣ стоитъ мраморный бюстъ Виланда. Главныя картины этой комнаты замѣтнованы изъ *Оберона*.

Наконецъ изъ галереи же Гёте ходъ въ комнату Гердера.

Стѣны покрыты желтоватымъ мраморомъ, двери краснаго дерева украшены красивою рѣзбою, плафонъ расписанъ орнаментами, въ центрѣ которыхъ девизъ Гердера: змѣя, свернутая кольцомъ, символъ вѣчности, и вокругъ три слова:

Свѣтъ, Любовь, Жизнь.

Licht, Liebe, Leben.

На кронштейнѣ мраморный бюстъ Гердера.

Фрески расписаны фресками....

За дворцомъ протекаетъ рѣка *Ильмъ*, на берегахъ которой часто мечталъ Гёте. По ту сторону рѣки простирается обширный паркъ; темныя, фиолетовыя массы липъ бросали голубыя, прозрачныя тѣни на равнины, покрытыя снѣгомъ.

Веймаръ южнѣе Берлина, климатъ его гораздо умѣреннѣе; не смотря на то здѣсь земля была покрыта глубокимъ снѣгомъ.

Близъ велико-герцогскаго замка находятся еще три, меньшіе замка: *зеленый, красный и ослѣпый*.

Въ первомъ помѣщается *библиотека*.

Я узналъ случайно, что однимъ изъ первыхъ бібліотечарей былъ *Христианъ-Августъ Вульпиусъ*. Неужели это имя не напоминаетъ вамъ ничего?... Читали ли вы «Романтическія повѣсти былыхъ временъ»? Нѣтъ. Читали ли вы «Романтическую Библиотеку»? Тоже нѣтъ? Но вы, вѣрно, читали «Рѣдкости» господина Вульпиуса? Опять нѣтъ.

А—готовьтесь отвѣчать громогласное *да*, — а «Ринальдо Ринальдини?»

У кого, въ отдаленномъ уголкѣ памяти не сохранилось смутное воспоминаніе о *гомерическихъ* подвигахъ славнаго Ринальдо, по батюшкѣ Ринальдини? Чудное произведеніе! Зачѣмъ неблагодарное потомство загнало тебя въ тѣ мрачныя уголки бібліотекъ, гдѣ только крысы занимаютъ чтеніемъ и гдѣ выль, накопляясь густыми слоями, образуетъ мягкую, пушистую ткань, которой не достаетъ только капли воды, чтобы превратиться въ осенній коверъ петербургскихъ мостовыхъ?

Сколько вышло переводовъ этого романа? Сколько изданій?

Несмотря на множество ихъ, русскій теперь смысленный издатель украситъ похождения знаменитаго Ринальдо красивыми дощипками или *деревашиками*, какъ ихъ очень забавно называлъ Несторъ Васильевичъ до изданія Иллюстрацій, и, будьте увѣрены, Ринальдо *пойдетъ!* Безъ малѣйшей обиды, безъ малѣйшаго сокращенія выйдетъ онъ изъ-подъ печатныхъ стокъ....

Вникните хорошенько въ это сочиненіе Вульпіуса, которое въ свое время пользовалось такою же и даже болѣею славою, нежели новѣйшія сочиненія Дюма, Сю и Занда, — вникните, повторяю, въ это сочиненіе, и вы удостовѣритесь, что изъ него, какъ изъ представителя цѣлой школы, возникъ *новый* родъ литературы. Произведенія Гёте и Шиллера въ отношеніи къ Ринальдо Ринальдони то же, что изваянная статуя къ драгоценному, но необтѣсанному куску мрамора.

Несмотря на преувеличенныя, манерныя формы романа Вульпіуса, въ немъ есть идея—и эта-то идея и ускользаетъ отъ читателей.

Стараніями великой герцогини Амалии, великаго герцога Карла-Августа и Ея Высочества Маріи Павловны, веймарская бібліотека значительно умножилась и теперь заключаетъ въ себѣ до 150,000 томовъ.

Въ залѣ, овальная середина которой опоясана граціозными колоннами, замѣчательнъ плафонъ, изображающій *Генія Славы*. Это копія съ Анибала Караччи. На одной изъ стѣнъ виситъ портретъ, во весь ростъ, Карла-Августа. Тутъ же находятся бюсты Ихъ Высочествъ Анны-Амалии, Маріи Павловны, Карла-Августа и Карла-Фридриха. Далѣе колоссальная мраморная голова Гёте, съ надписью художника:

A Goethe P. J. David d'Angers.

Литографированный портретъ знаменитаго скульптора виситъ тутъ же; на пьедесталѣ стихъ Шиллера:

Selig, welchen die Götter, die gnädigen, vor der Geburt schon
Liebten, welchen als Kind Venus im Arme gewiegt,
Welchen Phöbus die Augen, die Lippen Hermes gelüftet,
Und das Siegel der Macht Zeus auf die Stirne gedrückt!

Это начало стихотворенія: *Счастіе*.

«Блаженъ, кого боги, милостивые, уже передъ рожденіемъ любили, кого ребенкомъ Венера на рукахъ качала, кому Фебъ глаза, уста Гермесъ развязалъ, и печать могущества Зевсъ на челѣ напечатывалъ!»

Направо находится колоссальный же бюстъ Шиллера, работы Данскера; на пьедесталѣ слова изъ стихотворенія Гёте на смерть Шиллера:

«Denn er war unser! Mag das stolze Wort den lauten Schmetz gewaltig übertönen, и т. д.

«Онъ былъ нашъ! Пусть гордое слово могущественно проклетъ громкое горе» и т. д.

Послѣ многихъ бюстовъ опять бюстъ Гёте, работы Рауха; далѣе—Шиллеръ и Гёте. Подъ первымъ оттискъ съ его черепа; письмо Шиллера къ режиссеру послѣ перваго представленія *Мессинской невесты*, и переписка его съ Гёте.

Подъ бюстомъ Гёте: письма родителей его; собственныя письма его; нѣсколько брошюръ и медаль по случаю юбилея въ честь Гёте, 7 ноября, 1825 года; роскошное изданіе его *Ифигенія*; послѣдняя подпись Гёте, за двое сутокъ до его кончины; брошюры и стихотворенія по случаю его кончины и собраніе иностранныхъ сочиненій, журнальныхъ статей о Гёте и нѣсколько другихъ рукописей и брошюръ.

Мраморные бюсты Виланда и Гердера.

Подъ обоями рукописи.

Въ проходной галереѣ замѣчательны пастельные портреты Маріи-Терезини, Юсифа II, Маріи-Антоанеты, Вильгельмины Гессенъ-Дармштатской. Надъ ними портреты, написанные масляными красками: Петра Великаго и, рядомъ, Петра III и Екатерины Великой.

Въ большой галереѣ между портретами многихъ ученыхъ мужей, замѣчательны портреты: Канта, Тика, Вивкельманна, Рабенера, Геллерта, Лессинга, Кнебеля. Между бюстами: госпожи Сталь, проведеншей часть звымы 1803 года въ Веймарѣ. Великая Герцогиня приняла знаменитую писательницу достойнымъ образомъ; необыкновенная дѣятельность Герцога и лучезарная группа, его окружавшихъ геніевъ, произвели глубокое впечатлѣніе на госпожу Сталь. Она хотѣла все видѣть, со всѣми познакомиться.

Добрый Виландъ, ворчавшій дома на то, что для удовлетворенія любопытства проезжей писательницы, долженъ былъ раз-

становясь со своимъ мужемъ, былъ, однакожь, увлеченъ традионою любезностью госпожи Сталь.

Шиллеръ съ первой встрѣчи оцѣнилъ свѣтлый, веселый умъ ея, и самъ заслужилъ теплую дружбу писательницы.

Гёте остался недоволенъ ея, какъ онъ говорить, притязательностию, приписывая ея неуваженію къ его славіи и незванію притячіи; не смотря на то, онъ, быть-можетъ, невольно выказался передъ нею, ибо сама герцогиня Амалия говорить, что госпожа Сталь имѣла свѣтлое понятіе о Гёте.

Далѣе находится бюстъ Гердера, въ одеждѣ пастора.

Гердеръ родился въ Пруссіи, образовался въ Кёнигсбергѣ и переселился въ Ригу, гдѣ получилъ мѣсто пастора и ректора при высшемъ училищѣ. Но оставивъ Ригу, онъ путешествовалъ нѣсколько лѣтъ; въ 1770 году былъ призванъ въ Бюккебургъ и назначенъ совѣтникомъ консисторіи; въ 1775 году сдѣлался профессоромъ богословія въ Гёттингенѣ; но въ слѣдствіе встрѣченныхъ непріятностей и затрудненій принялъ мѣсто старшаго придворнаго пастора и генераль-суперинтендента въ Веймартѣ, гдѣ и скончался въ 1803 году въ званіи президента обер-консисторіи и дворяниномъ баварскаго курфюршества.

Гердеръ проповѣдывалъ, по словамъ Виланда, лучше всѣхъ современныхъ проповѣдниковъ.

Одна изъ принцессъ желала вѣчно слышать Гердера; великая герцогиня Амалия передъ своею смертію по цѣлымъ ночамъ слушала чтеніе проповѣдей Гердера и, наконецъ, за нѣскольکو часовъ до своей кончины сказала:

— Теперь довольно. Теперь я скоро соединюсь съ моимъ братомъ и Гердеромъ....

Во второй галереѣ портреты: Карла-Августа, Валленштейна, герцога Бургундскаго, Лаулона и Суворова, котораго Ньшиль со свойственнымъ ему упорствомъ (вошедшимъ, впрочемъ, изъ словца) называютъ Суваровымъ.

Въ трехъ покояхъ, слѣдующихъ за первой галереей находится музеевъ кабинетъ. Въ немъ виситъ на одной стѣнѣ перламутровый щитъ *Плодотворнаго общества*. На щитѣ изображена женщина, пересѣкаемая рѣкою, а на первомъ планѣ символъ общества: *Кековское дерево*, у подножія котораго представляется издѣлаваемое звание деревомъ и выработываемое изъ него вино. Внизу полнѣе: *Плодотворное общество*; сверху: *Все въ пользу*; и оборотѣ стихотвореніе, въ которомъ многосторонняя польза кековского дерева примѣнена къ цѣли общества.

На стволѣ дерева изображены грудной портреты Людвигъ Аг-

галльскаго, первого главы в оселетелъ общества, въ 1647 году.

Въ бытность свою при веймарскомъ дворе, по случаю погребенія сестры своей, вдовствующей герцогини, Людвигъ вступилъ въ разговоръ съ нѣкоторыми придворными объ испорченности нѣмецкаго языка. Въ то же время Людвигъ рѣшился учредить, по примѣру итальянскихъ академій, общество, главною цѣлю котораго было сохраненіе чистоты нѣмецкаго языка....

Что бы сказалъ князь Ангальтскій теперь, когда грубая прихоть или, лучше сказать, безвкусіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ парияли философію къ таинственнымъ формуламъ египетскихъ мудрецовъ? Мы сѣдемся надъ высокопарнымъ слогомъ прошедшаго вѣка, а между тѣмъ, что дѣлается у насъ черезъ глаза? Воля ваша, а по моему даже высокопарный, вельрѣчивый слогъ лучше тяжелаго, безкуснаго, дикаго слога новейшей философіи! Какое усиліе ума нужно иногда, чтобы добраться до вѣи! И, къ сожалѣнію, вѣи, часто свѣтлой, высокой.... Но это неизбежное послѣдствіе учености, лишеной граціи; ума, часто глубокаго, но лишенаго изящности формъ. Съ завистію смотрите эта ученость на произведенія, въ которыхъ сердце дружно дѣлится съ умомъ, и не будучи въ состояніи подражать величеству ихъ, не умѣя *идеализировать*, она хочетъ *удалить*....

И удивляется такъ, какъ паяцъ, клотнущій вакхическую паньку.

Тогда, разинувъ ротъ, удивляется, потому-что не понимаетъ.

— Ай, Ванька! лихо! говорятъ *товарищи*.

А бѣдный паяцъ, вздыхая, думаетъ про себя, что онъ гораздо охотѣе свѣтъ бы простую сайку, да—пѣтъ ее!

Нельзя не порадоваться, что у насъ подражаніе *иллитернымъ формамъ* германской философіи не имѣло успѣха. Русскій человѣкъ правдивъ, по своей природѣ, а потому требуетъ положительнаго и, преимущественно, яснаго. Единодушное принялъ онъ нѣкоторыя нововведенія въ словесности, согласовавшіяся со здравымъ смысломъ и съ потребностью вѣка; но тѣмъ же единодушно отрекся онъ отъ нововведеній людей, умалчившихъ утѣхомъ побѣдителя смѣть и *онимать* и издумавшихъ основать общія правила на исключеніяхъ.

Для нововведеній нужны не только вѣрный взглядъ и *добросѣдность*, но и—авторитетъ; а къ дѣлу *преобразованій* нашего языка, авторитетъ, безспорно, на сторонѣ старика и *благотѣли* чистоты *русскаго слова*.

Общество Людвигъ Ангальтскаго приняло названіе *пледма-*

скаго и избрало общимъ символомъ *Кокосовое дерево*; каждый же членъ долженъ былъ избрать себѣ символомъ какое-либо растеніе, съ приличнымъ девизомъ.

Это первое нѣмецкое словесное общество имѣло въ 1680 году болѣе восьмисотъ членовъ, въ числѣ которыхъ были многія царствующія особы, князья, министры и полководцы. Впоследствии оно распространилось во всѣ концы Германіи и приобрѣло членовъ даже во Франціи, Италіи и Скандинавіи.

Противъ этого щита виситъ акварельный портретъ Виланда, работы Гёте, занимавагася въ молодости живописью.

Въ шкапахъ находятся древности, реликвіи, амфоры, вазы, медали, раковины, часы и, между прочимъ, табакерка Виланда съ миниатюрнымъ портретомъ графини Брюль; алебастровый снимокъ съ руки Ифланда; алебастровая маска Шиллера; сапоги и нагрудникъ Густава-Адольфа, доставленные сюда герцогомъ Беригарломъ послѣ Люценской битвы; придворный нарядъ Гёте и т. п.

Въ нижней части башни Зеленаго замка хранится драгоценное собраніе саксонскихъ монетъ, весьма цѣнное нумизматиками; тамъ же находится *Военная бібліотека*, содержащая болѣе 6000 томовъ и многія чрезвычайно замѣчательныя рукописи. Коллекція *ландкартъ* простирается до 8000; особенно замѣчательны между ними морская карта Европы, Африки и Азіи, на которой выставлено 1484 годъ и уже обозначены Антильскіе острова; карта Японіи, подаренная Крузенштерномъ, и полная коллекція лучшихъ русскихъ картъ. Собраніе рисунковъ и чертежей многочисленно.

Любопытно собраніе *альбомовъ*; ихъ числомъ до 400. Въ одномъ изъ нихъ находятся автографы Лютера и Меланхтона.

Рукописей множество: китайскихъ, японскихъ, персидскихъ, еврейскихъ, арабскихъ, турецкихъ; римскихъ и греческихъ классиковъ, и средневѣковыхъ: магическихъ, астрологическихъ и алхимическихъ.

Изъ первыхъ произведеній книгопечатанія заслуживаютъ вниманія *Biblia pauperum*, нѣмецкая *Vulgata*, напечатанная Фустомъ (Фаустомъ) и Шефферомъ, Библія 1471 года и многія другія.

Въ Библіотекѣ находится Полное Собраніе *Русскихъ Законовъ*, отъ 1649 года до нашихъ временъ, весь парижскій *Moniteur* и собраніе всѣхъ нѣмецкихъ *трагедій, комедій, оперъ и водевилей*, съ 1450 по 1750 годъ....

Красный замокъ построенъ въ 1576 году. Послѣ пожара, разрушившаго главный замокъ, овъ служилъ мѣстопребываніемъ двора.

Желтый замокъ построень въ 1704 году. Теперь въ немъ, какъ и въ Красномъ, находятя присутственныя мѣста. Оба построены вдовствующими герцогинями, такъ же какъ и третій *Блудный замокъ*, называемый попросту *дворцомъ*.

Это было любимое мѣстопребываніе герцогини Амалии. Здѣсь жила она въ кругу друзей; заботясь о благѣ своихъ подданныхъ и занимаясь науками и искусствами. Здѣсь, съ 1791 года, завела она ученые вечера, на которые въ первую пятницу каждаго мѣсяца собирались литераторы, ученые и профессоры іенскаго университета. Здѣсь читали свои философическія сочиненія Гердеръ, Кнебель и Боде; здѣсь Гёте впервые развивалъ свои наблюденія о цвѣтахъ, краскахъ; Гуселандъ разсуждалъ о долговѣчности человека....

Умъ, искренняя дружба и граціозная простота оживляли эти собранія. Здѣсь, безъ всякаго предписанія, чины оставались внѣ дверей, равномерно какъ и шляпы, а наипаче шпаги; здѣсь всѣ были воодушевлены искреннею веселостію. Въ этомъ прелестномъ убѣжищѣ герцогиня Амалия была велика въ полномъ смыслѣ этого слова, потому-что умомъ и сердцемъ владычествовала надъ гениями, вліяніе которыхъ сохранятся изъ рода въ родъ.

Грозная эпоха войны разрушила это мирное счастье.

Тамъ, гдѣ до-сихъ-поръ господствовали гений наукъ и искусствъ, явился гений войны: Наполеонъ прожилъ нѣсколько времени въ герцогскомъ дворцѣ.

Возвратившись въ свой дворецъ, послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ дому ея, герцогиня Амалия прожила недолго. Весною 1807 года она скончалась на 68 году отъ рожденія...

Спальня, въ которой она скончалась, находится по сію пору въ томъ же видѣ, въ какомъ находилась до кончины ея.

Къ дворцовымъ зданіямъ должно причислить еще такъ называемый *Княжескій-домъ*—*Fürstenhaus*,—въ которомъ жила герцогская фамилія, до возобновленія замка, 28-лѣтъ. Сюда часто приходилъ любимецъ Карла-Августа, Гёте, къ столу или на балъ, на концерты или спектакли; здѣсь онъ часто ночевалъ послѣ охоты и утромъ отправлялся въ присутствіе, въ верхній этажъ...

Теперь въ этомъ домѣ *Музей для чтенія и Художественная галерея*.

Первый, снабженный многими газетами и журналами, содержится частію на счетъ герцога, частію на счетъ членовъ. Музей открытъ съ 10 часовъ утра до 10 вечера. Между этимъ временемъ члены могутъ брать газеты на домъ. Иностранецъ, введенный членомъ, можетъ посѣщать музей четыре недѣли бесплатно.

Художественная галерея богата прекрасными картинами, коллекцией гравюр и соединена съ королевскими драматическ. залами, находящимися въ Петербургѣ.

Продолжая бродить по городу, я вышелъ на рынчешую площадь, довольно обширную, окруженную зданиями, о которыхъ уже упоминалъ, и прекраснымъ зеленымъ садикомъ и дворомъ Городского дома, Stadt-Haus, — служившимъ, если я не ошибаюсь, ремесленной управой.

Это тотъ самый домъ, въ которомъ въ 1802 году произошло празднество, неудачу котораго Гёте рассказываетъ очень забавно. Вотъ въ чемъ заключалось дѣло:

Кецебу пріѣхалъ въ Веймаръ. Гёте на него не былъ ему и принялъ довольно холодно. Шиллеръ же встрѣтилъ плодовитаго драматическаго писателя радушно.

Желая отомстить Гёте, Кецебу уговорилъ многихъ частныхъ особъ, любителей театра, дать представленіе въ честь Шиллера. Мѣстомъ представленія они выбрали Городской домъ. Долго на приготовления; наконецъ, роли были выучены, репетиція ужасно прекрасна; недоставало только для антуража бюста Шиллера. Во всемъ Веймарѣ былъ въ то время одинъ только бюстъ знаменитаго писателя; но онъ находился въ Библіотекѣ.

Любители обратились къ Гёте, съ просьбой одолжить имъ этотъ бюстъ на одно представленіе. Гёте отвѣчалъ довольно колко, что бюста дать нельзя, потому-что онъ можетъ быть поврежденъ во время спектакля.

Любители рѣшились обойтись безъ бюста, но Гёте говорилъ имъ новый уларъ.

Въ то самое время, когда они шафрелились приступить къ постановкѣ демаршій, нѣтъ объявила, что замъ Городскаго дома вновь вырванъ, но зобѣжаніе поврежденій, особенно которыхъ, вѣроятно, никто не возьметъ на себя, въ немъ не можетъ быть дано представленіе...

Замѣчательно, что взлѣвъ прямой, широкой дороги благороднѣйшихъ качествъ чловѣка есть узкія, кривыя, извилистыя тропинки, по которымъ онъ иногда блуждаетъ въ полной утѣренности, что никто не замѣтитъ этого, потому-что всѣ взоры должны быть обращены на большую дорогу. Напротивъ, на это тропинки и обращены всѣ взоры. Въ болѣе или менѣе чистомъ уклоненіи на эти тропинки проявляется чловѣкъ.

Начинало смеркаться, когда я направилъ опять шаги къ императору Д. П. К.

Радушно встрѣтилъ меня красивый, здоровый мужчина, въ

добрѣ жить, и я забавляю себя-иронично, что между нами и Петербургомъ огромное разстояніе.

Долго бесѣдовали мы. Время летѣло. Много интереснаго разсказывала мнѣ Д. П. Съ сердечнымъ теплотомъ произнесъ онъ имя Великой Герцогини, и всякій разъ это имя заглушало въ груди его невольный шепотъ по роднѣ....

Доброе, русское сердце! Никогда сухая, западная цивилизація не остудитъ твоей теплоты; никакая личная тоска не подавитъ въ тебѣ дивнаго самоотверженія! Ясна твоя философія: она вся основана на любви....

Не знаю, сколько пробило на часахъ, но что-то очень много, когда я, заслушавшись родныхъ звуковъ, вспомнилъ, что пора и честь знать; но—какой истинно-русскій человекъ отпустить гостя безъ ужина?

Съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что и козлева на этотъ разъ не варила часовою стрѣлкою, которая никогда не забываетъ часовъ и все идетъ впередъ, впередъ.....

День, начатый довольно непріятнымъ пробужденіемъ въ Лейпцигѣ, я кончилъ въ Веймарѣ тихо, мирно, въ умной русской бесѣдѣ, и *русской закуской*... Простите мнѣ, но если бы я былъ въ Петербургѣ, то быть можетъ, вытерпелъ бы два послѣдніа савоя; но, право, не медь со сливочнымъ масломъ, ни *женковская брюква* съ изюмомъ и корицею, ни сандръ, не могутъ заглушить невольнаго вздоха по домашней шкѣ, по бѣлымъ грибамъ въ уксусѣ, по кашу...

А ржаной хлѣбъ?...

О, *vade retro, vade retro, vade retro!*...

Прекода, на другой день, мною красиваго званія театра, я взглянула на афишу. Она извѣщала о представленіи комедіи:

Stadt und Land,

оригинальной нѣмецкой комедіи; имя автора было выставлено крупными буквами.

Я стала въ-тушинъ.

Комедія «Stadt und Land» идетъ на французской сценѣ подъ названіемъ «L'oncle Artiste», на русской «Дядя Пахомъ.»

Мало того; эту же трижды *оригинальную* комедію написалъ еще одинъ нѣмецкій драматическій писатель, подъ заглавіемъ «Onkel Sebastian»!

Спрашивается: кто сочинилъ эту комедію? Два ли нѣмца, писавшіе отдѣльно, два ли Француза, писавшіе вмѣстѣ, или я одинъ?

Не я. *Дядя Пасомъ*, комедія чрезвычайно умная и интересная, имѣвшая на сценѣ Александринскаго театра успѣхъ, не смотря на то, что почти ни одинъ изъ артистовъ не былъ въ своей роли, *передѣлана* мною съ французскаго. Говорю: *передѣлана*, а не переложена на русскіе нравы.

Я жилъ на дачѣ до самаго дня представленія, и съ дачи прѣхалъ прямо въ театръ. Не мало удивился я, прочитавъ и афишѣ, что *Дядя Пасомъ* мое сочиненіе. Во время же представленія я прибѣгнувъ къ услужливости тогдашняго редактора *Репертуара и Пантеона*, прося его напечатать отъ моего имени объясненіе по этому случаю.

Газеты предупредили это объясненіе, обвинивъ меня въ присвоеніи французскаго продукта.

Какая суровая литературная нравственность!... То ли дѣло въ Германіи! Тамъ двое написали одну и ту же комедію, и ни одинъ не упомянулъ о томъ, что она *передѣлана* съ французскаго. То ли дѣло во Франціи! Тамъ двое написали одну комедію и не упомянули, что сюжетъ ея заимствованъ изъ старой нѣмецкой комедіи...

Ничто не ново подъ луною.

Гёте, Шиллеръ и Ифландъ прославили веймарскій театръ. Первый болѣе какъ редакторъ, второй своими гениальными, безсмертными произведеніями, третій игрою.

Не знаю, въ какомъ состояніи теперь здѣшняя труппа. Говорятъ, что хороша; но я самъ не имѣлъ времени удостовѣриться въ томъ.

Познакомившись уже нѣсколько съ городомъ во время вчерашнихъ прогулокъ, я легко отыскалъ строеніе, въ которомъ находится греко-россійская церковь и живетъ духовникъ Е. В. Великой Герцогини, Степанъ Степановичъ Сабининъ.

Съ признательностію вспоминаю о милomъ, радушномъ пріемѣ Степана Степановича Сабинина, объ умной бесѣдѣ и о милomъ семействѣ его.

Степанъ Степановичъ Сабининъ извѣстенъ въ ученomъ мірѣ изслѣдованіями скандинавскихъ древностей. Поводомъ къ этому труду послужило многолѣтнее пребываніе его въ Даніи. Съ умомъ здравымъ и прямымъ, съ ученостію необыкновенною, Степанъ Степановичъ соединяетъ рѣдкое добродушіе. Религіи и семейство предписываютъ человѣку обязанности, первое условіе которыхъ самоотверженіе.

Человѣка религіознаго и добраго отца семейства никакая ученость не сдѣлаетъ педагогомъ, потому-что педагогизмъ есть частное проявленіе *эгоизма*.

Степанъ Степановичъ собирался въ церковь, по случаю поминковенія Ея Высочества Великой Княгини Маріи Михайловны, преждевременною смертію унесенной въ лучшій міръ...

Я охотно послѣдовалъ за нимъ.

Церковь не велика. Иконостасъ написанъ прекрасно. Передъ окнами простирается обширный паркъ, съ прекрасными лугами, пышными деревьями, а надъ нами сводъ небесъ, вѣчно дивный, вѣчно величественный...

Невольно перенесся я къ лѣтамъ моего дѣтства, когда и я, на клиросѣ нашей академической церкви, смѣшивалъ свой дискантъ съ голосами товарищей... Какъ сильно, радостно сочувствовало сердце хвалебнымъ гимнамъ Единородному Сыну Творца вселенной! Какъ болѣзненно сжималось сердце и какъ горячи были слезы во время грустнаго, прощальнаго пѣнія надъ гробомъ товарища, костлявою, неумолимою рукою смерти вычеркнутого изъ нашихъ списковъ...

Пока Степанъ Степановичъ одѣвался, пока старшій сѣдой сторожъ раздувалъ въ каплѣ угля, собирались пѣвчіе.

Ихъ было пятеро; остались четверо. Пятый уже не вернется въ Россію. Всѣ они пріѣхали въ Веймаръ въ одно время, если не ошибаюсь, съ Великою Герцогинею. Они были молоды, голоса ихъ были свѣжи, звучны. Теперь они состарѣлись, и слѣдовъ прежнихъ голосовъ не осталось.

Но Великая Герцогиня такъ привыкла къ нимъ, что ни за что не хочетъ разстаться съ ними.

— Пѣніе ихъ, говоритъ она, такъ запечатлѣлось въ сердцѣ моемъ, что я не нахожу въ немъ никакой перемѣны.

Тихо заняли всѣ свои мѣста, и наступила глубокая тишина.

Вдругъ на каменной мостовой передъ церковью послышались шаги. Придворные лакеи несли паланкинъ. Изъ него вышла Ея Высочество Великая Герцогиня Марія Павловна, въ глубокомъ траурѣ.

Вслѣдъ за нею подѣхала карета съ придворными дамами.

Великой Герцогинѣ шестьдесятъ одинъ годъ; въ 1804 году вступила въ супружество съ Великимъ Герцогомъ Веймарскимъ Карломъ-Фридрихомъ. Лицо ея еще прекрасно, величественно, не смотря на вѣжное выраженіе душевной кротости и неизмѣримой доброты.

Началось богослуженіе.

Прекрасная идея поминовенія мертвыхъ составляетъ божественнѣйшую черту христіанской религіи. Можетъ ли быть что-либо возвышеннѣе, трогательнѣе молитвы, съ помощію которой

мы вступаемъ въ духовное сообщеніе съ міромъ вѣчнаго блженства или искупленія, мы, оставшіеся въ земномъ мірѣ, гдѣ, быть-можетъ, ждутъ насъ еще тяжкія испытанія!...

По окончаніи служенія, Великая Герцогиня сказала нѣско-ко ласковыхъ словъ почтенному священнику и удалилась.

Невозможно, и какъ бы провинуясь тайному влеченію сердца, расположенному къ грустнымъ ощущеніямъ, отправился я совершить другія поминки,—поминки по славѣ Веймара.

Я пошелъ на кладбище, на *дворъ мира*, какъ говорятъ Нѣмцы.

У входа находится небольшой домикъ, выстроенный старши-ни *Губеланда*, и въ слѣдствіе диссертаций его объ опасности быть погребеннымъ за-живо. Въ этомъ домикѣ находится залъ, гдѣ выставляютъ покойниковъ до погребенія и тутъ же живетъ погребальщикъ.

И тамъ при первомъ входѣ на кладбище встрѣчается уже знаменитое имя—имя *Губеланда*, грознаго и противника смерти, часто вырывавшаго у нея добычу, которую она сжимала ужъ въ своихъ восталыхъ объятіяхъ....

Дальше, на возвышеніи, стоитъ *Килжескій склепъ*, квадратное зданіе съ дорическимъ портикомъ, куполомъ и полукруглыми окнами. Круглая каменная лѣстница ведетъ въ склепъ, низкій сводъ котораго покоится на четырехъ широкихъ столбахъ.

Направо стоятъ въ порядкѣ двадцать шесть гробовъ герцо-говъ.

Близъ нихъ два гроба, *Шиллера* и *Гёте*.

Останки Шиллера помѣщены здѣсь по волѣ знаменитаго во-кровителя его, великаго герцога Карла—Августа, въ 1827 годѣ. У средней стѣны стоитъ бронзовый саркофагъ самого герцога, а передъ нимъ гробъ супруга его, великой герцогини Луизы, пережившей супруга двумя годами....

Карлъ—Августъ отошелъ въ вѣчность на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія, совершивъ много великаго, много прекра-снаго въ теченіе своего пятидесятитрехлѣтняго царствованія. На девятнадцатомъ году отъ рожденія, въ 1775 году вступилъ онъ на престолъ. Полгода спустя онъ сочетался бракомъ съ прин-цессой гессенъ-дармштадтской Луизой, съ которою познако-мился во время поѣздки своей въ Парижъ.

Во время этой поѣздки, онъ сблизился и съ Гёте, который, по приглашенію герцога, въ томъ же году переселился въ Вей-маръ.

Въ слѣдующемъ году туда же прабылъ Гердеръ, и съ тѣмъ поръ Веймаръ сдѣлался центромъ, къ которому безпрерывно сте-

кались величайшіе умы не только Германіи, но и дружишь государствъ.

Сношенія великаго герцога съ знаменитѣйшими людьми въ области наукъ и искусствъ, умныя придворныя увеселенія, частыя охоты, путешествія по Германіи и Швейцаріи, нѣтъ ни истощеніемъ не тщеславіе, не стремленіе къ развлеченію, не простеками изъ души могущественной, благородной, шумавшей въ высокой дѣятельности. Впрочемъ самое проявленіе этой дѣятельности служатъ высѣйшимъ доказательствомъ нравственной силы воледаго монарха.

Онъ хотѣлъ лично изучить свѣтъ и людей; обладая необъятною любовью къ ближнему, съ благороднымъ любопытствомъ слѣди въ всѣхъ самобытныи талантахъ, увлекался всѣми великими, мощными, угадалъ онъ направленіе умовъ въ Германіи, направленіе, изъ котораго возникли Шиллеръ и Гёте.

Не впадая въ односторонность, недостатокъ, проявляющійся часто въ умахъ высодихъ, послѣшкомъ исключительныхъ, Карль-Августъ исправлялъ и дополнялъ законы своего герцогства, распространялъ первоначальное образованіе, улучшалъ земледѣліе, дѣятельно занимался лѣсоводствомъ и луговодствомъ.

Повято, что, обладая такимъ энергическимъ характеромъ, герцогъ желалъ познаться на практикѣ и съ военнымъ искусствомъ. На тринадцатомъ году вступалъ онъ волонтеромъ подъ прусскія знамена, участвовалъ въ походѣ въ Голландію, потомъ, въ 1792 году, былъ во Франціи и содѣйствовалъ освобожденію Рейна и возвращенію Майнца. Военныя занятія и трудности не ослабляли, однакожь, духа его: онъ постоянно оставался бодрымъ и свѣтлымъ.

Гёте безпрерывно находилъ при герцогѣ и часто, въ палаткѣ, она бесѣдовалъ о средствахъ распространенія просвѣщенія въ Германіи; изъ палатки писалъ Карль-Августъ Гердеру письма о челоѣчности, Шпллеру о военныхъ дѣйствіяхъ....

Я употребилъ слово *челоѣчность*, *humanité*, *humanität* потому-что, по моему мнѣнію, понятіе, въ немъ заключающееся, гораздо обширнѣе понятія, выражаемаго словомъ *челоѣрколюбіе*. Въ послѣднемъ чувствѣ, пронтекающемъ непосредственно изъ сердца, проявляется нѣрѣдко нѣкоторая слабость; въ понятія перваго, сердце и умъ вступаютъ въ могущественный союзъ и ясно, энергически оцѣиваютъ высочайшіе интересы челоѣчества.

Въ 1793 году Карль-Августъ вернулся въ свое герцогство и ревностно занялся благоустройствомъ его. Онъ придалъ новую жазвь земледѣлію и промышленности, завелъ многія богоугодныя завсденія, улучшилъ школы, руководствуясь совѣтами Герде-

ра, и вмѣстѣ съ Гёте возвелъ университетъ въ Іенѣ на степень перваго университета въ мірѣ.

Знаменитѣйшіе мужи стеклись въ Іену: *Ленцъ* читалъ минералогію, *Гуфеландъ*—медицину, *Федербахъ*—юриспруденцію, *Шиллеръ*—исторію.

Что касается до философіи, то въ Іенѣ она пустала глубокіе корни. Первый прославившійся тамъ философъ былъ *Рейнгольдъ*, потомъ *Фихте*. Недоразумѣніе заставило послѣдняго удалиться изъ Іены, къ сожалѣнію герцога; но мѣсто Фихте заступилъ *Шеллингъ*, къ которому въ 1800 году присоединился *Гегель*.

Кенигсбергскій философъ, знаменитый *Кантъ*, далъ уже новое направленіе философіи, основалъ новую школу. Не входя въ разсужденія объ идеяхъ Канта, скажу только, что онъ улекся своими безчисленными категоріями и воздвигъ непреодолимую преграду между *субъектомъ* и *объектомъ*, то есть между *Я* и *Не-я*, между міромъ идей и міромъ представленій, *мнимостяй*, какъ онъ говоритъ. Тщетно требовалъ отъ него, чтобы онъ соорудилъ мостъ черезъ пропасть, проведенную изъ между міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ, Кантъ отказался отъ этого труда и предоставилъ другимъ рѣшить задачу.

Вотъ первая и главная причина той запутанности и туманности, которая съ тѣхъ поръ является въ нѣмецкой философіи.

Два ученика Канта взялись разрѣшить задачу между *субъектомъ* и *объектомъ*; ученики эти были люди высокаго ума: *Фихте* и *Шеллингъ*. Оба гораздо яснѣе и краснорѣчивѣе своего учителя; но, къ сожалѣнію, у обоихъ замѣтна страсть къ преувеличенію и слишкомъ рѣзкій тонъ.

Чтобы основать сообщеніе между міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ, каждый занялъ мѣсто на противоположномъ берегу и, вмѣсто того, чтобы соединенными силами пополювать существовавшую между ними пустоту, и тотъ, и другой, сваливали этотъ трудъ другъ на друга, и пропасть только расширилась.

Фихте такъ забился въ свое *Я*, что не зналъ, какъ выйти изъ него. Внѣшній міръ для него не существовалъ.

Шеллингъ сожалѣлся надъ бѣднымъ обиженнымъ внѣшнимъ міромъ и весь переселился въ него, то есть въ *Не-я*. Что восплѣдовало? *Я* исчезло во мнѣніи Шеллинга, оно погрузилось въ массу существъ.

Гегель пошелъ по стопамъ Шеллинга и, очерта голову, окунулся въ пантензмъ, то есть, болѣе прежняго запуталъ дѣлю.

Гегель взялся передѣлать *лѣтнку*, не формы изложенія, а основныя начала ея!...

И въ то самое время, когда Фихте и Шеллингъ развивали свои теоріи, когда братья *Гумбольдтъ*, Александръ и Вильгельмъ, расшарили кругъ практической естественной исторіи, между ними выше и выше поднимались, подъ вліяніемъ теоріи и практики, два гения—Шиллеръ и Гёте.

Къ нимъ присоединились братья *Шлегель*, *Тикъ*, *Бодѣ*, *Гердеръ*, *Виландъ*, *Кнебель*, *Жанъ-Поль-Рихтеръ*, *Галль*, *Кёрнеръ*, *Вольфъ*.

Знаменитая госпожа де-Сталь пріѣхала въ Веймаръ, который, подобно солнцу, разливалъ лучи свѣта по всей Германіи, по всей Европѣ. Присутствіе умной писательницы, придадо новую жизнь германскимъ Аоннамъ.

Госпожа де-Сталь поддержала свою славу. Она бесѣдовала со всѣми и обо всемъ. Любезная Парижанка становилась то вдохновеннымъ поэтомъ, то глубокомысленнымъ философомъ, то ораторомъ, увлекавшимъ слушателей. Она умѣла завлечь каждого въ свою сферу, потому-что обладала рѣдкимъ талантомъ: *умить емъ слушать*.

Слушать иногда труднѣе нежели говорить.

Природа отказала госпожѣ Сталь въ красотѣ; но она даровала ей очаровательный голосъ, прелестные глаза. Несмотря на всю силу своего ума, она была подвержена слабостямъ женщины и любила видѣть у ногъ своихъ мужчинъ, побѣждая ихъ умомъ и граціей. Но болѣе всего старалась она распространять свое вліяніе на людей государственныхъ, политическихъ.

Вотъ главная причина ссоры ея съ Наполеономъ.

Сначала она пристрастилась всею душою къ герою Италіи, но въ послѣдствіи страсть эта остыла: она хотѣла создать изъ Наполеона новаго Вашингтона, между тѣмъ какъ сама природа создала его Цесаремъ.

Раздраженная *непокорностью* перваго консула, которому покорялась уже вся Франція, госпожа де-Сталь уѣхала изъ Парижа.

Присутствіе ея въ Веймарѣ имѣло необыкновенное вліяніе на тамошній прекрасный полъ. Явилось множество писательницъ: *Софія Меро*, *Вильгельмина фонъ-Зебахъ*, *Каролина фонъ-Вольцогентъ*, *Амалия фонъ-Имофъ*, *и-жа фонъ-Берлеппъ*, и другія.

Въ полномъ блескѣ стояло солнце надъ Веймаромъ.... вдругъ набѣжали тучи.

Гердеръ умеръ. Шиллеръ умеръ.

Тучи сгустились и разразились страшной грозой.

Наступила война.

Послѣ достопамятной Лейпскаго битвы, Французы ворвались къ Веймару. Много потерялъ этотъ городъ.

Наконецъ бурный потокъ хлынулъ къ Берлину. Французы завладѣли всѣми прусскими крѣпостями.

Но ударилъ и часъ Наполеона. Разстроенныя толпы побѣдоносной арміи бѣжали въ безпорядкѣ черезъ Веймаръ и когда послѣдніе стоны ихъ замолкли въ отдаленіи, солнце счастья и мира опять возсіяло надъ Веймаромъ....

Посѣщеніе союзныхъ государей придало ему новый блескъ, новую славу.

Послѣ взятія Парижа, Карлъ-Августъ прибылъ туда, чтобы быть близкимъ свидѣтелемъ податки, послѣдовавшей за побѣдой. Изъ Парижа онъ поѣхалъ въ Англию, а оттуда въ Вѣну, гдѣ присутствовалъ на конгрессѣ, какъ членъ Германскаго союза и съ титуломъ Великаго Герцога вернулся онъ въ свое, увеличенное государство.

Въ 1816 году постигъ Карла-Августа новый горестный ударъ. Онъ лишился дочери, Каролины, супруга наслѣдника великаго-герцога мекленбургъ-шверинскаго, и матери двукрѣстной, въ то время, принцессы *Елены*, нынѣ вдовствующей герцогини Орлеанской.

Снова занялся Карлъ-Августъ государственными дѣлами и увеличеніемъ благосостоянія своихъ подданныхъ. Опять Веймаръ сдѣлался средоточіемъ, къ которому стекались замѣчательнѣйшіе люди Германіи: Гюбландъ, Рудольфи, Хладинъ, Блумбахъ, Гумбольдтъ, Фарнгагенъ, Вольфъ, Квадтъ, Арпшицъ, Шикель, Тикъ, Раухъ и многіе другіе.

Празднества слѣдовали за празднествами. Ихъ Величества Императрица Марія Теодоровна и Императрица Елизавета Алексѣевна посѣтили Веймаръ.

Такимъ образомъ наступилъ юбилей пятидесятилѣтняго царствованія Карла-Августа. Искренна была радость подданныхъ его. Слезы умиленія проливалъ старый солдатъ, стоявшій на часахъ во дворцѣ въ тотъ самый день и часъ, когда Карлъ-Августъ вступилъ на престолъ. Въ томъ же году праздновалъ онъ тихо, въ семейномъ кругу, свою *золотую свадьбу*....

Во второй половинѣ 1828 года глубокая тишина царствовала въ Веймарѣ. На лицахъ всѣхъ жителей была написана искренняя, душевная печаль.

День былъ душный. Свинцовыя тучи закрывали небо; громъ, но грозно грохоталъ громъ, сопровождаемый яркою молніею...

Въ этотъ день, 9 іюля 1828 года, жители Веймара провозили останки любимаго герцога въ вѣчную обитель.

Не прележа двухъ лѣтъ, и супруга послѣдовала за нею.

Направо отъ княжескаго склепа погребена графиня *Геммель фонъ-Донтерсмарк*, вдова менингбергскаго губернатора и бабушка Оттильи Гёте.

Далѣе, близъ ограды, могила кроткаго юмориста *Стефана Шютце*, скончавшагося въ 1839 году.

Еще далѣе, возлѣ ограды же, находится памятникъ, украшенный рельефнымъ изображеніемъ знаменитаго *Гуммеля*.

Гуммель родился въ 1778 году въ Пресбургѣ, учился сначала у своего отца, потомъ, когда послѣдній сдѣлался директоромъ капеллы въ Вѣнѣ, поступилъ къ Моцарту. Обѣзавидъ всю Европу, Гуммель поселился въ Веймарѣ, гдѣ цѣлымъ 18 лѣтъ съ честью занималъ должность капельмейстера.

Гуммель не мало содѣйствовалъ распространенію музыкальных обществъ, — *Musikvereine* — которыя существуютъ теперь въ каждомъ, нѣсколько значительномъ, вѣмецкомъ городѣ. Они имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ сохраненіе чистоты музыкальнаго стиля, представителями котораго Гайднъ, Моцартъ и Бетговень; во-вторыхъ распространеніе вкуса къ музыкѣ. Со второю цѣлью музыкальныя общества дѣлятся на два разряда: *пѣніе стамъ* (*Liedertafeln*) и *пѣніе кружъ* (*Liederkränze*). Первые существуютъ, преимущественно, на сѣверѣ Германіи и закупаются церковнымъ пѣніемъ. Вторые стараются о развитіи и улучшеніи народной, національной музыки. Они собираются, болѣею частію, на югѣ.

Самое замѣчательное изъ германскихъ празднествъ пѣніа происходитъ на берегахъ Неккара. Всѣ сосѣдніе жители и депутаціи всѣхъ другихъ обществъ принимаютъ въ немъ участіе. Трудно представить, себѣ какое глубокое впечатлѣніе произведетъ пѣніе, исполненное шестью стаями и болѣе, мужественныхъ, звучныхъ голосовъ.

Эти многочисленныя и часто повторяемыя собранія, вмѣстѣ съ музыкальнымъ образованіемъ, входящимъ въ составъ всѣхъ степеней германскаго воспитанія, отъ сельскихъ школъ до университетовъ и даже воскресныхъ школъ для молодыхъ ремесленниковъ, эта универсальность, въ слѣдствіе которой музыка доступна и бѣдному, и богатому, знакома, сблизая его со всѣми ощущеніями души, имѣютъ важныя выгоды и кромѣ того поддерживаютъ музыкальную славу Германіи...

Во Франціи также существуютъ подобныя общества, но только частныя и въ высшемъ кругу. Впрочемъ у Французовъ нѣтъ того, что, въ простомъ, послужило первымъ поводомъ къ образо-

ванію этихъ обществъ, а именно *хорально пѣнія*, которое составляетъ, вмѣстѣ съ проповѣдью, главнѣйшіе обряды протестантскаго богослуженія. Сердечной, такъ сказать, музыки, тихой, мелодической, вдохновляющей или вызывающей слезы на тысячи глазъ, у Французовъ не ищите.

Предшественникъ Гуммеля въ Веймарѣ былъ капельмейстеръ *Георгъ Бенда*, о разсѣянности и странностяхъ котораго сохранились весьма забавные разсказы.

Бенда сочинялъ музыку къ оперѣ *Ромео и Юлія*, либретто которой было написано Готтеромъ. Однажды онъ просидѣлъ ю третьяго часа ночи за одною арією; но, наконецъ, она удалась. Приведенный въ восторгъ успѣхомъ, Бенда взялъ подъ мышку свое маленькое, дорожное фортепіано, схватилъ фонарь и во все забывъ о времени побѣжалъ къ Готтеру.

Служанка, не зная, что случилось, крестясь впустила восторженнаго музыканта въ спальню своего господина.

— Кто тамъ?.... Что тамъ?.... вскричалъ Готтеръ, со страхомъ соскочивъ съ постели.

— Кончено! съ торжествующимъ видомъ отвѣчалъ Бенда.

— Что кончено?....

— Слушайте, слушайте!

Бенда положилъ фортепіано на столъ, сыгралъ арію, обнявъ своего пріятеля, изумленіе или, лучше сказать, столбнякъ котораго онъ принялъ за восторгъ и преспокойно отправился домой.

Однажды онъ поѣхалъ съ женою въ Готу, навѣстить нѣкоторыхъ пріятелей. Въ Эрфуртѣ онъ имѣлъ дѣла, а потому пробылъ въ этомъ городѣ нѣсколько часовъ. Жена его воспользовалась этимъ временемъ, чтобы повидаться со знакомыми.

Бенда вернулся ранѣе жены въ гостиницу, велѣлъ запрячь лошадей и преспокойно отправился далѣе.

Счастливо прибывъ въ Готу, онъ остановился у своего пріятеля.

— Отчего ваша жена не пріѣхала? съ сожалѣніемъ спросилъ послѣдній.

— Она пріѣхала со мною, спокойно возразилъ Бенда.

— Гдѣ же она?

— Кто?

— Ваша жена.

— Моя жена?.... Ахъ, чортъ возьми! вскричалъ Бенда, удививъ себя по лбу, — забылъ ее въ Эрфуртѣ.

Онъ тотчасъ же поѣхалъ за нею.

Обѣдая однажды у пріятеля, Бенда спросилъ его:

— Гдѣ вы покупаете ваше вино?

— Я выписываю его изъ Штеттина, съ французскаго корабля.

Послѣ обѣда они пошли гулять.

Дорогой пріятель, недавно возвратившійся изъ путешествія, сталъ разсказывать, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ.

Бенда слушалъ, по-видимому, очень внимательно, опустивъ обѣ руки въ карманы.

— На морѣ поднялась страшная буря, разсказывалъ пріятель, всѣ пассажиры были больны, я самъ думалъ, что не переживу мученій, которыя претерпѣвалъ; женщины плакали, визжали, мужчины валялись на палубѣ, въ каютахъ или ходили по-вѣся головы..... ужасъ, да и только!... Но Господь сжалился надъ нами, и на пятый день мы счастливо доплыли до Штеттина.....

— Ага! вскричалъ Бенда, какъ бы проснувшись: изъ Штеттана! славное вино, славное вино!

Онъ не слышалъ ни одного слова изъ всего разсказа пріятеля.....

Много еще достойныхъ, хотя и менѣе извѣстныхъ именъ украшаютъ памятники веймарскаго кладбища. Скончались люди, но дѣла ихъ живы, безсмертны..... Можно ли сомнѣваться въ безсмертіи души, когда даже земныя дѣйствія, земное проявленіе ея переживаетъ плоть и переходитъ изъ рода въ родъ?

Прекраснѣйшее развитіе общества и человѣческой души основано на вѣрованіи въ безсмертіе души. Видѣть Бога, быть еще орудіемъ Его милосердія, посредникомъ между Нимъ и людьми, вотъ награда, ожидающая праведныхъ: одна мысль о ней наполняетъ душу блаженствомъ и любовью..... Быть удаленнымъ отъ лица Всевышняго, вотъ страшное наказаніе злыхъ, валопляющее сердце ужасными мученіями: раскаяніемъ и отчаяніемъ.....

Медленно возвращаясь съ кладбища, я повторилъ про себя стихотвореніе *Гуцкова*:

Ausgeweht hat milder West,
Herbst bringt trübe Wetter,
Schüttle, Baum, den welken Rest
Deiner letzten Blätter!

Offen ist einmal das Grab,
Alles geht zur Reige,
Streif auch du dies Blättchen ab
Vom erstorb'nen Zweige!

Gehe hin, was sterben soll!
 Aus des Winters Dedem
 Wird's der Frühling blüthenvoll
 Um so früher werden!

«Выдулъ теплый восточный вѣтеръ, осень несетъ пасмурную погоду; страхни, дерево, валый остатокъ твоихъ послѣднихъ листьевъ!»

«Разверзлась могила, все клонится къ ней; сбрось и ты этотъ листякъ съ мертваго сучка!»

«Прости, чему умереть суждено! Изъ-подъ зимаго покроя тебя весна, въ полномъ цвѣтѣ, тѣмъ скорѣй пробудить!»

Отъ вѣчной обители я направилъ шаги къ временнымъ жилищамъ людей, память которыхъ сохранилась въ исторіи Веймара.

Къ городскому дому, о которомъ я уже упоминалъ, примыкаетъ старинный домъ, построенный въ 1519 году, канцлеромъ *Христіаномъ Брюкомъ*, затемъ знаменитаго живописца *Луки Кранаха*, виттенбергскаго бургомаистра, который провелъ послѣдніе годы своей жизни въ этомъ домѣ.

Лука Кранахъ, котораго настоящая фамилія *Зундербъ*, принялъ ту, подъ которой онъ извѣстенъ, отъ мѣстечка Кранахъ, близъ Бамберга, гдѣ онъ родился въ 1478 году. Въ 1504 году поступилъ онъ на службу саксонскаго курфирста Фридриха Мудраго, старшаго сына Эрнеста, родоначальника эрнестинской линіи. Фридрихъ Мудрый основалъ виттенбергскій университетъ, пригласилъ туда Лютера и былъ однимъ изъ ревностѣйшихъ защитниковъ его.

Картины Кранаха, особенно его портреты Лютера, весьма замѣчательны по тщательной отдѣлкѣ. Въ свое время Кранахъ пользовался славой достойнаго наследника Альберта Дюрера. Одинъ изъ современниковъ, приведенный въ восторгъ портретомъ Лютера, наивно восклицаетъ:

«..... Лютеръ какъ живой! По портрету его можно видѣть, что въ покоѣ, въ которомъ онъ находился, были окна съ круглыми стеклами, ибо они отражаются въ зрачкахъ Лютера.»

Чтобы достойнымъ образомъ почтить своего придворнаго живописца, Фридрихъ Мудрый пожаловалъ ему въ 1508 году гербъ, часто встрѣчающійся вмѣсто подмиса подъ картинами Кранаха. Въ дипломѣ гербъ этотъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«..... Желтый щитъ; въ немъ черная змѣя, шипюща посреди черныхъ крыльяхъ летучей мыши, на главѣ черную корону, а во

рту золотыи перстенокъ, и въ ономъ рубинчикъ, и на шитьи племь съ черныи и желтыи забразомъ, и на шлемъ желтыи буетъ изъ тершиа сплетенный, но на немъ змѣя, такожде въ шитьи;— дабы онъ и законныи его наслѣдники и оныхъ наслѣдниковъ на вѣчныи времена симъ украшеніемъ и гербомъ владѣли, и во всѣхъ честныхъ случаяхъ, въ шутку и въ правду, въ ссорѣ, бояхъ, сраженіяхъ и войнахъ, на палаткахъ, утвари, печатяхъ и перстняхъ, на крещеніяхъ, свадьбахъ и погребеніяхъ, имъ пользовались и такъ далѣе.

Курфюрстъ подарилъ кромѣ того своему любимцу нѣсколько домовъ и даровалъ ему привилегію на мервугу, завезенную въ Веймаръ, аптеку.

Во время похоронъ Фридриха Мудраго, Кранаху была поручена раздача денегъ бѣднымъ. Живописецъ пережилъ еще одного курфюрста, Іоганна Постоаннаго, и всею душою привязался къ наслѣднику его, Іоганну-Фридриху.

Послѣдній курфюрстъ былъ несчастливъ. Императоръ Карлъ Пятый, преслѣдовавшій протестантовъ, вступилъ съ многочисленною арміею въ Саксонію. Іоганнъ-Фридрихъ сопротивлялся мужественно, но подавленный множествомъ, утомленный и раненый, былъ взятъ въ плѣнъ.

Пораженіе смирило гордость курфюрста; авившись передъ императоромъ, онъ поцѣловалъ руку его и сказалъ:

— Могушественный и всемоштивѣйшій государь, теперь я вашъ плѣнникъ и, надѣюсь...

— Ага! теперь ты называешь меня всемоштивѣйшимъ государемъ твоимъ! гнѣвно перебилъ его императоръ: давно ли ты не признавалъ моей власти?

Супруга Іоганна-Фридриха скрылась въ Виттенбергъ и мужественно отстояла этотъ городъ. Карлъ Пятый отступилъ; но, раздраженный неуспѣхомъ, созвалъ военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ жестокаго герцога Альбы, и приказалъ судить плѣнника.

Между тѣмъ Карлъ Пятый, любившій искусства и уважавшій личныи достоинства Кранаха, призвалъ его къ себѣ.

Художникъ явился, но мшлостивый пріемъ побѣдителя не могъ разсѣять печали его. Желая показать, что и онъ умѣлъ цѣнить талантъ, императоръ предложилъ Кранаху свое покровительство.

— Одной мшлости прошу у васъ, государь! съ чувствомъ провнесъ семидесятилѣтній старецъ; возвратите свободу курфюрсту, моему благодѣтелю!...

— Старецъ съ неудовольствіемъ возразилъ Карлъ-Пятый: кур-

фирсть въ рукахъ правосудія... проси за себя, а не за другихъ!
Кранахъ съ грустію опустилъ голову.

Императоръ наполнилъ серебряную тарелку червонцами и приказалъ отдать ее художнику. Старикъ взялъ одну только монету.

— Государы! сказалъ онъ: мнѣ не прилично принимать награду изъ рукъ, карающихъ моего благодѣтеля. Позвольте мнѣ сберечь одну эту монету на память вашей милости...

Карлъ Пятый пожалъ плечами. Послѣ минутнаго молчанія, онъ опять обратился къ Кранаху.

— Я беру тебя къ своему двору, сказалъ онъ, не только какъ искуснаго живописца, но и какъ друга, какъ признательнаго и вѣрнаго слугу.

— Государь, возразилъ Кранахъ, если вы хотите, чтобы я сохранилъ ния признательнаго и вѣрнаго слуги, то позвольте мнѣ послѣдовать за моимъ курфирстомъ въ заточеніе.

Карлъ-Пятый отвернулся съ досадою.

Съ того часа Кранахъ сдѣлался добровольнымъ плѣнникомъ.

Два дня спустя, въ то самое время, когда живописецъ и курфирсть играли въ шахматы, въ темницу послѣдняго вошелъ герцогъ Альба.

— Курфирсть, произнесъ онъ холоднымъ голосомъ, остановившись въ дверяхъ: готовься!

— Къ чему? спросилъ Іоганнъ-Фридрихъ.

— Къ смерти!

Кранахъ поблѣднѣлъ.

— Военный совѣтъ призналъ тебя виновнымъ, продолжалъ герцогъ.

— Когда казнь? спросилъ курфирсть спокойно.

— Завтра.

— Такъ пришлите мнѣ сегодня вечеромъ пастора, да поблагодарите отъ меня Карла за скорое рѣшеніе.

Герцогъ, изумленный мужественнымъ спокойствіемъ плѣнника, удалился.

Кранахъ рыдая бросился къ ногамъ своего благодѣтеля.

— Полно, другъ мой! Слезы приличны женщинамъ, сказалъ послѣдній: вставай!

Живописецъ всталъ; но, удрученный горестью, въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Тебѣ ходить, сказалъ курфирсть, спокойно принимаясь за шахматы.

Въ тотъ же день Карлъ Пятый приказалъ сказать Іоганну-Фридриху, что помилуетъ его, если онъ уступитъ ему Виттей-

бергъ. Долго отказывался курфирстъ, но наконецъ, уступилъ просьбамъ и слезамъ родныхъ и приближенныхъ.

Карлъ V съ торжествомъ вступилъ въ Виттенбергъ и поступилъ великодушіе, нежели прежде. Онъ удивился, что во всѣхъ церквахъ было прекращено лютеранское богослуженіе, и восхитилъ могилу Лютера. Испанскіе полководцы совѣтовали ему вырыть останки реформатора и сжечь ихъ.

— Я воюю не съ мертвыми, возразилъ Карлъ: пусть прахъ его покоится съ миромъ, душа его предъ престоломъ Всевышняго Судии...

Иоганнъ-Фридрихъ, лишенный курфиршескаго званія, слѣдовалъ всюду за побѣдителемъ, какъ живой трофеей. Кранахъ не отставалъ отъ него, отказавшись отъ жалованья и всѣхъ преимуществъ придворнаго живописца. Все имѣніе свое раздѣлилъ онъ между дѣтьми.

Наконецъ въ 1552 году курфирстъ вернулся въ Веймаръ послѣ тягостнаго, унизительнаго плѣна. Кранахъ поселился въ домъ Брюка и годъ спустя, въ октябрѣ 1553 года скончался, за четыре мѣсяца до кончины курфирста...

Чему болѣе удивляться: привязанности ли живописца или великодушію курфирста, заслужившаго эту привязанность?

Кранахъ находился въ тѣсной дружбѣ съ Лютеромъ, былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ послѣдняго, крестнымъ отцомъ перваго сына его. Замѣчательно, что Лютеръ, при переводѣ Апокалипсиса затруднился въ названіи драгоценныхъ камней. Кранахъ помогалъ ему въ этомъ случаѣ, освѣдомляясь въ сокровищницѣ курфирста. Украшая переводы Библии рисунками, Лука Кранахъ не мало содѣйствовалъ распространенію реформациі.

Сынъ Кранаха, также живописецъ и бургомистръ въ Виттенбергѣ, шелъ по стопамъ отца, но менѣе извѣстенъ, быть-можетъ, потому, что произведенія его часто приписываютъ отцу...

На Городскомъ домѣ, находящемся возлѣ дома, въ которомъ жилъ Кранахъ, и на нѣкоторыхъ другихъ зданіяхъ и памятникахъ я замѣтилъ латинскія литеры:

V. D. M. I. Æ.

Это девизъ саксонскихъ курфирстовъ и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ владѣтелей, послѣ реформациі:

Verbum Domini Manet In Æternum.

Слово Господне пребываетъ во вѣкъ.

Буквы эти были вышиты на правомъ рукавѣ одежды курфирстовъ и всѣхъ придворныхъ.

Девизъ этотъ находился и подъ гербомъ герцога Ульриха Виртембергскаго.

За громадною церковью, доживающею нѣкое столѣтiе, находится домъ, въ которомъ жила Гердеръ.

Въ темную осеннюю ночь, въ 1776 году, у этого дома остановился дорожный экипажъ, изъ котораго вышелъ мужчина въ цвѣтъ лѣтъ, съ двухлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ; за нимъ слѣдовала молодая жена съ груднымъ ребенкомъ.

Это былъ Гердеръ со своимъ семействомъ, прїѣхавшій по приглашенiю герцогини занять покой, съ которыми позволила ему уже юмористическiя письма Гёте.

Только увидя вѣсть ночнаго стража прїѣхавшаго въ эту минуту прїѣзжаго... Но за те утро въ квартирѣ его лежали люди, съ которыми ему суждено было прославить Веймаръ, прославить свой вѣкъ...

М. Фурманнъ.

ДѢТСТВО ШЕКСПИРА.

(РАЗСКАЗЪ ТЕКА.)

1. Домъ въ Стратфордѣ.

Въ началѣ iюля, замѣтно было всеобщее движенiе въ окрестностяхъ Кенильворта. Блестящiе праздники, которые лордъ Лейчестеръ приготовлялъ въ честь королевы Елисаветы, возбуждали любопытство каждаго. Старики, дѣти, молодые люди, женщины, всѣ стѣснили въ дорогу, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ экипажѣ. Въ одною только маленькомъ домѣ въ Стратфордѣ на Авонѣ, все было по-прежнему тихо, спокойно. Мрачный характеръ хозяина, говорившаго всегда стрывисто, наводилъ страхъ на всѣхъ домашнихъ; поэтому и разговоръ ихъ былъ всегда однообразный, рассчитанный.

Физиономiя этого угрюмаго челоуѣка, которому было не болѣе тридцати шести лѣтъ, становилась мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ, сводя счеты должниковъ своихъ, находилъ, что итогъ не покрываетъ его собственнаго долга. Жена его, сидѣвшая у окна, которое она открывала, чтобъ освѣжить воздухъ небольшою и низкой комнаты, отводила по временамъ глаза отъ работы, и раскланивалась съ прохожими, спѣвавшими на праздникъ въ Кенильвортѣ.

— Эта торговля шерстью, вскричалъ хозяинъ, требуетъ тѣмъ болѣе хлопотъ, чѣмъ менше отъ нея выгоды. У меня довольно собственныхъ моихъ дѣлъ; мнѣ некогда заниматься городскими. У другихъ больше свободнаго времени!

— Кто это тамъ кричитъ? прибавилъ онъ.

— Это кумъ нашъ, Томасъ Натавай, отиѣчала съ протестію жена: веселачакъ умѣетъ пользоваться жизнію!

— Глупецъ, возразилъ мужъ. Найдеть слово для каждаго. Но спроси у него совѣта, онъ будетъ нѣтъ какъ рыба.

Вильямъ, старшій сынъ, двѣнадцати лѣтъ, всталъ робко въ комнату и сталъ въ уголокъ съ книгой въ рукѣ.

— Чтѣ тебѣ надобно? спросилъ его отецъ.

— Маленькія сестры, отиѣчалъ мальчикъ; такъ шумятъ, что я не могу заниматься.

— Заниматься! повторилъ отецъ, дѣлая удареніе на этомъ словѣ: да, совѣтую тебѣ заниматься лучше, ты до-сихъ-поръ лишнего заботился о своей пользѣ.

Глубокое молчаніе послѣдовало за этими словами. Отецъ сводилъ счеты, Вильямъ занимался чтеніемъ, а мать смотрѣла долго, съ трогательною нѣжностію на сына, не смѣя произнести ни слова. Время отъ времени Вильямъ бросалъ умоляющій взоръ на мать, но она качала ему отрицательно головой, чтобъ показать, что еще не время.

— Войдите! вскричалъ грубо отецъ. Чтѣ за шумъ такой?

— Это я, любезный Шекспиръ, отиѣчала молодой человекъ, входя въ комнату.

Это былъ тотъ же самый Томасъ Натавай, который, не долго передъ тѣмъ, прошелъ мимо окна и нѣлъ во все горло.

— Не помѣшалъ ли я вамъ?

— Нѣтъ, возразилъ Шекспиръ съ досадою, оставляя свои счета. Я думалъ, что вы уже въ дорогѣ.

— Сестра еще не докончила своего туалета; нѣтъ это не такъ-то скоро дѣлается. А вы? Впрочемъ, я знаю, что вы не любите этихъ дурачествъ, какъ вы ихъ называете.

— И конечно; я не пошелъ бы и въ томъ случаѣ, если бъ былъ свободенъ; но я долженъ ѣхать, и раньше четырехъ дней не возвращусь домой.

— Вотъ и прекрасно. Такъ вы позволите намъ увезти вашего Вильяма, о которомъ мы будемъ заботиться, какъ о нашемъ родинѣ сынѣ!

— А! вскричалъ отецъ, да я замѣчаю, что это уже нѣсколько дней бродитъ у всѣхъ васъ въ головахъ, не исключая и матери. Этотъ мальчикъ не только худо учится, да еще ца-

попяетъ свою голову романами и разными другими бреднями. Онъ даже не приготовилъ своихъ уроковъ.

— Но вѣдь на этой недѣлѣ нѣтъ классовъ.

— Все равно; онъ не пойдетъ!

Мать встала, тяжело вздохнувъ; однако Томась, взявъ руку Шекспира, сказалъ:

— Любезный другъ, быть-можетъ пройдутъ столѣтiя прежде, чѣмъ повторится подобный праздникъ. Приготовленiя, сдѣланныя знаменитымъ лордомъ, превышаютъ всякое описанiе.

Въ это время молодая и хорошенькая восемнадцатилѣтняя дѣвушка просунула свою головку въ полу-растворенную дверь, и спросила съ прiятливою улыбкою:

— Можно войти?

— Войди, Анна, сказалъ ей Томась: и помоги мнѣ уговорить нашего угрюмаго друга, чтобъ онъ отпустилъ съ нами своего сына.

Стройная дѣвушка вошла въ комнату припрыгивая и, положивъ свою бѣлую, полную ручку на плечо хозяина, лицо котораго немного прояснилось, сказала:

— Когда же наконецъ я увижу васъ въ веселомъ расположенiи духа?

— Смѣшные вы люди! вскричалъ Шекспиръ, вы хотите тронуть меня вашими ласками; но жестоко ошибаетесь. Мальчикъ, котораго вы видите, и безъ того обращаетъ мало вниманiя на серьезное и полезное. Я часто застаю его на чердакѣ, гдѣ онъ учитъ стихи и декламируетъ ихъ вслухъ. Оставьте меня въ покоѣ! Мысль, что одинъ изъ сыновей моихъ будетъ обучаться этому постыдному ремеслу, меня пугаетъ. И безъ того слишкомъ много молодыхъ людей, которые расположены къ распутству; но для меня непостижимо, что есть родители — христiане, которые добровольно на это соглашаются.

При этихъ словахъ Вильямъ покраснѣлъ и, отбросивъ назадъ свои бѣлокурые локоны, задумчиво смотрѣлъ на отца.

— Нѣтъ, мой сынъ, продолжалъ отецъ; я увѣренъ, что ты не дойдешь до этого сумасбродства. Я тебя слишкомъ хорошо воспиталъ.

— Поэтому, любезный батюшка, возразилъ Вильямъ кроткимъ голосомъ: позвольте же мнѣ присутствовать на праздникъ, который будетъ данъ при дворѣ. Я обещаю вамъ заниматься прележибе.

— Нашъ дядюшка Стрэмджъ съ женою и съ сестрою будутъ смотрѣть за всѣми нами, сказалъ Томась.

— О дѣти! о сумасброды! отвѣчалъ Шекспиръ, сопровождая эти слова принужденнымъ смѣхомъ. У Вильяма такія слабыя ноги, что онъ будетъ не въ состояніи слѣдовать за вами.

— Они пойдутъ тихимъ шагомъ, возразила мать, которая также присоединилась къ этой умоляющей группѣ. Къ тому же онъ крѣпче, нежели кажется на видъ. Онъ мастерски бѣгаетъ и прыгаетъ на улицѣ. Но случай къ тому такъ рѣдко представляется.

Анна между тѣмъ поцѣловала хорошенькаго мальчика.

— Папа Шекспиръ! сказала она улыбаясь, вы знаете, что Вильямъ мой маленькій мужъ, мое сокровище! Онъ мнѣ принадлежитъ столько же, сколько и вамъ. Мы уже давно обручились, и такъ какъ я иду въ Кенильвортъ, то и онъ долженъ идти, чтобы наблюдать за мною.

Смущенный Вильямъ старался вырваться изъ рукъ Анны.

— Оставьте же меня, сказалъ онъ обиженнымъ тономъ: вы знаете, что я не люблю этихъ шутокъ. Я слишкомъ малъ для васъ, а когда я доживу до того времени, что мнѣ можно будетъ жениться, то у васъ будутъ такія же большія дѣти, какъ я.

— Злой мальчикъ, отвѣчала она, дѣлая видъ, будто сердится, и ударивъ его по плечу. Чтò ты толкуешь о дѣтяхъ? Я подожду, чтобы ты возмужалъ, и сдѣлался умнѣе. Я никогда не буду женою другаго!

Говоря это, она еще поцѣловала его, не смотря на сопротивление.

— Да, мой милый, продолжала она кроткимъ, но торжественнымъ тономъ: увидишь, что ты будешь моимъ мужемъ; но я постараюсь не слишкомъ состарѣться къ тому времени. Почтенный и достойный отецъ твой будетъ тогда моимъ тестемъ и будетъ давать намъ полезныя совѣты. Кстати, знаете ли вы замѣчательный сонъ, который приснился Вильяму вывѣшную весну? Онъ только разсказалъ его своей матери и мнѣ.

— Сонъ? возразилъ отецъ вопросительнымъ тономъ. Посмотримъ, чтò это такое?

— Вильямъ купилъ во снѣ, отвѣчала Анна, тотъ прекрасный домъ, который называется Большимъ и находится на Большой улицѣ противъ часовни. Меблровка въ немъ была самая изящная и роскошная. Вы переселились жить въ этотъ домъ, и Вильямъ велѣлъ повѣсить надъ дверями вашъ гербъ, мечъ съ серебрянымъ оконечникомъ на красномъ полѣ. Этотъ домъ такъ увеличился и такъ прославился, что сама королева хотѣла пріѣхать къ вамъ въ гости, проведетъ въ Стратфордъ

вѣсколку дней, и за неизвѣданнымъ лучшею погнѣщеніемъ дѣлка была оставлена у насъ*.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ отецъ улыбаясь. Вотъ какія вещи ему видятся во снѣ. Ну такъ и быть! я согласенъ; пусть онъ идетъ съ вами, потому-что онъ былъ умнѣе вчера и сегодня.

Всѣ присутствовавшіе обнаружили непринужденную радость. Одинъ только Вильямъ отвернулся со слезами на глазахъ, и пошелъ въ уголокъ комнаты, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Вы слишкомъ добры и снисходительны ко мнѣ, любезный батюшка!

— Нѣтъ! сынъ мой, ты это заслужилъ. Потомъ, обратившись къ другимъ, онъ прибавилъ: вотъ книга, которую Вильямъ постоянно занимался со вчерашняго дня.

Тутъ послѣдовало молчаніе, во время котораго отецъ перелистывалъ книгу; вдругъ, задрожавъ отъ гнѣва, онъ бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: нѣтъ, онъ негодяй! учителя жалуются на него! Тогда какъ товарищи его идутъ въ школу, онъ стоитъ на мосту, смотритъ въ воду, заставляетъ себя рассказывать сказки и бредить Гіемъ и Бевонъ. Я думалъ, что это грамматика или какая-нибудь латинская книга, но вижу, что это поэмы сумасброда, сумасшедшаго солдата, Гасгойна! Этотъ вразношатающійся шутъ изъ числа тѣхъ людей, которые проводятъ жизнь, обманывая другихъ и сочиняя пустые стихи. Прежде онъ сочинялъ глупости, вотокъ занимался грабительствомъ въ Голландіи, а теперь возвратился снова поэтомъ, извѣстнымъ поэтомъ, то есть извѣстнымъ глупцомъ и бредягой. Я разъ отпаялъ у Вильяма эту проклятую книгу, а онъ снова взялъ ее. Положи, я справлюсь съ тобой! Отправься сейчасъ же на верхъ, въ комнату, и не смѣй выходить оттуда до моего возвращенія изъ Бристоля. Обѣдать ты будешь также на верху одинъ и не долженъ видѣть ни братьевъ, ни сестеръ, ни инимыхъ твоихъ друзей. Чтобъ всѣ латинскіе уроки были приготовлены до моего возвращенія.

Всѣ просьбы въ пользу Вильяма были тщетны. Отецъ взялъ за руку сына и заперъ его въ небольшой комнатѣ.

* Этотъ сонъ, приписанный въ Мѣстѣ Шекспиру, есть дѣйствительная жизнь его. Извѣстно также, что Анна Галлей была его супругою.

II. Побы.

Шекспиръ въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ города съ однимъ изъ своихъ пріятелей, а сосѣди его еще не отправлялись въ дорогу. Анна, убѣдивъ старика Странджа подождать немного, пошла съ Томасомъ еще разъ посоветоваться съ мистриссъ Шекспиръ, которую неприятное происшествіе, случившееся съ сыномъ, крайне обезпокоило. Неожиданная радость и внезапный испугъ могли легко разстроить здоровье этого пѣжнаго и чувствительнаго ребенка, который, въ своей однообразной и уединенной жизни, не испытывалъ никогда такихъ огорченій. Съ отчаянія мальчикъ катался по полу, плакалъ, рыдалъ и произносилъ то угрозы, то жалобы. Томасъ былъ того мнѣнія, что на этотъ разъ можно было не исполнить во всей строгости приказанія раздраженнаго отца, тѣмъ болѣе, что онъ сначала позволилъ мальчику сопровождать ихъ и что отчаяніе могло довести его до крайности. Анна сперва испугалась этой мысли, но потомъ обрадовалась ей. Она совѣтовала только не говорить отцу, что сынъ выходилъ изъ комнаты. Мистриссъ Шекспиръ, благодаря ихъ за расположеніе къ сыну, принуждена была однако замѣтить, что стратфордскіе жители могли увидѣть мальчика и открыть ихъ тайну отцу.

— Не безпокойтесь объ этомъ, отвѣчалъ Томасъ, но поспрайте только скрыть это въ первый вечеръ, чтобъ онъ не изложилъ на васъ всего своего негодованія. На другой день мы его сведемъ къ господину Люси, котораго онъ такъ уважаетъ, и который имѣетъ на него такое вліяніе. Все кончатся любовью, и вашъ бѣдный сытъ, по-крайней-мѣрѣ, воспользуется удовольствіемъ и будетъ имѣть хоть одно пріятное воспоминаніе въ своей скучной и однообразной жизни и съ большею твердостью перенесетъ гнѣвъ отца.

Они пошли въ комнату Вильяма. Онъ сидѣлъ блѣдный съ заплаканными глазами и читалъ книгу.

— Какъ ты себя чувствуешь, сынъ мой? спросила его мать.

— Я былъ виноватъ, отвѣчалъ мальчикъ, но отецъ мой такъ же не правъ, заставляя меня только дѣлать псалмы, учить грамматику, заниматься законами, чтобъ впоследствии быть писаремъ какого-нибудь страпчача или купца. Мнѣ запрещено стоять на мосту, любоваться видами и смотрѣть на воду; я не смѣю, какъ товарищи мои, бѣгать по деревнѣ. Мнѣ не даютъ

ни малѣйшей свободы, заниматься тѣмъ, къ чему есть охота.

— Успокойся, мой милый, возразила Анна: ты пойдешь съ нами сегодня же вечеромъ! Мать твоя согласна, а Томасъ и я беремъ на себя всю отвѣтственность

Измученный мальчикъ смотрѣлъ на нихъ, то блѣднѣя, то краснѣя. Радостныя слезы полились изъ глазъ его; онъ поспѣшно отеръ ихъ и бросился въ объятія Анны.

— Вы нѣкогда не были такъ прекрасны, какъ въ эту минуту, вскричалъ онъ: и потому позволяю вамъ называть меня вашимъ маленькимъ мужемъ во время нашего путешествія и объѣзжаю не сердиться за то. Поцѣлуйте меня, моя милая супруга, я болѣе не сопротивляюсь вамъ.

Онъ произнесъ съ важностію эти послѣднія слова. Анна, держа одной рукой голову Вильяма, другою перебирая его бѣлокурые, шелковистые волосы, цѣловала его, смѣясь и прыгая.

Мистриссъ Шекспиръ сдѣлала имъ еще нѣсколько замѣчаній. Потомъ, взявъ съ собой все нужное, наши путешественники пустились въ дорогу. Они должны были зайти въ ближнюю деревню за старикомъ Стрэнджемъ и его семействомъ, которые ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ.

III. Путешествіе.

Вотъ наше веселое общество въ дорогѣ. Къ вечеру они прибыли въ небольшое селеніе, находящееся между Стратфордъ и Варвикомъ. Тамъ они осмотрѣли церковь и варвикскій замокъ. Вильямъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Не усталъ ли ты? спросила его Анна.

— О нѣтъ, нисколько. Какъ пріятно путешествовать, видѣть новые города, замки! Я не имѣлъ понятія объ этомъ! Видѣли ли вы изъ окошекъ замка рѣчку Авоиъ и уединенно стоящую мельницу? Слышали ли вы пѣніе птицъ, невнятный ропотъ деревьевъ и журчаніе воды? Здѣсь жилъ знаменитый и могущественный Варвикъ, котораго постигла такая ужасная смерть! А великанъ Ги, предокъ славныхъ князей, вотъ здѣсь онъ жилъ долго авохоретомъ. О, какъ великъ этотъ Ги, неустрашимый рыцарь-великанъ! Онъ побѣдилъ чудовище, и изъ простаго и бѣднаго оруженосца сдѣлался зятемъ богатаго и знаменитаго князя. Но когда онъ достигъ величія, совѣсть въ немъ

заговорила, и онъ рѣшился отправиться въ Иерусалимъ и нѣсколько лѣтъ сражался тамъ съ врагами христіанства. Наконецъ, послѣ продолжительнаго отсутствія, онъ возвращается на родину, видитъ уже свой замокъ, но скалы и волшебныя пещеры поражаютъ его воображеніе. Сердце его наполняется вѣрою; онъ поселяется здѣсь жить анахоретомъ и всякій день приходитъ просить милостину у своей прекрасной и добродѣтельной супруги. Эта послѣдняя наконецъ узнаетъ его и выслушиваетъ разсказъ о его подвигахъ. Много лѣтъ прошло послѣ того; наконецъ, предчувствуя приближеніе своей смерти, онъ посылаетъ за своей супругой и велитъ доставить ей обручальное кольцо. Она приходитъ и видитъ его—мертвого.

— Это ужасно, но трогательно!

Наши путешественники отдыхали, сидя подъ тѣнью густаго дерева.

Анна, смотрѣвшая пристально на Вильяма, вдругъ расхохоталась.

— Ребенокъ, сказала она, и ты вѣришь всѣмъ этимъ сказкамъ.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Вильямъ: если это и чистый вымыселъ, лишь бы мнѣ вѣрилось. Во всякомъ случаѣ онъ основанъ на чемъ-нибудь. Развѣ вѣра, которая служила утѣшеніемъ нашихъ предковъ, можетъ быть вымысломъ? Это была первая исторія, которую я слышалъ отъ матушки, когда еще былъ ребенкомъ трехъ лѣтъ. Я помню разсказъ ея о томъ, какъ она посѣщала эту страну. И Генрихъ V, герой азинкурскій, также ходилъ на поклоненіе въ эту пещеру, какъ набожный странникъ. Видно, что и онъ вѣрилъ, иначе зачѣмъ было и ходить ему; но мы считаемъ себя умнѣе и разумнѣе величайшаго изъ англійскихъ героевъ.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Кенильворту, толпа все увеличивалась. Дворяне, мѣщане и простой народъ встрѣчались, сталкивались и расходились въ разныя стороны, одни побуждаемые выгодною, другіе просто изъ любопытства; многіе проводили ночь подъ открытымъ небомъ, не имѣя приюта; другіе укрывались въ лѣсу, потому что всѣ комнаты, даже чердаки и погреба, были заняты. Наши странники остались бы также безъ приюта, если бы старикъ Стрэнджъ не навялъ, еще два мѣсяца тому назадъ, маленькую квартиру у одного лѣсничаго.

Семейство лѣсничаго и посѣтителя ихъ не могли нахвалиться чудесами, которыхъ они были свидѣтелями: торжественнымъ шествіемъ королевы и ея свиты, роскошью дамскихъ

нарядовъ и великолѣпнѣе мужскихъ. Давали разныя аллегорическія представленія, составленныя изъ всего, что только можно придумать воображеніе, соединеннаго съ искусствомъ. Бегини привносили дары королевъ. Всякій сочинялъ и пѣлъ стихи, и королева принимала всѣхъ и все съ особенною благосклонностію и говорила каждому ласковое слово.

На другой день (это было въ попятный) все общество рано утромъ отправилось въ путь. Ночью было чрезвычайно жарко, и хотя небо было покрыто тучами, но днемъ жаръ не уменьшился.

Королева объявила, что она намѣрена провести этотъ день въ комнатахъ дворца, чтобъ избѣжать жара, и потому благородный лордъ приказалъ отложить всѣ праздничныя церемоніи; только къ вечеру назначена была охота на оленей. Охота же на всѣхъ и всѣ другія увеселенія были отложены на слѣдующіе дни.

Наше общество съ трудомъ пробиралось сквозь толпу, особенно по близости большихъ дорогъ. Путешественники встрѣчались на каждомъ шагу, кто пѣшкомъ, кто верхомъ; прислуга лордовъ, свита дворянъ—все это толпилось, толкалось, ругалось, кричало, смѣялось.

Вдругъ, на одномъ перекрестіи, Вильямъ исчезъ. Его искали, гдѣ только можно было, кричали во все горло, но все напрасно! Томасъ былъ огорченъ, а Анна была въ отчаяніи. Но ни она, ни Томасъ не могли придумать средства, какъ бы нагнать Вильяма и увидѣли себя принужденными оставить его на произволъ судьбы. Однако Странджъ вскричалъ:

— Этотъ мальчишка мнѣ давно надоѣлъ, онъ ужъ разъ пропалъ; зачѣмъ онъ зѣваетъ? Идите дальше и не будете думать объ немъ. Сегодня вечеромъ мы всѣ сойдемся у двора.

IV. Эпъ.

Вильямъ отсталъ отъ своего общества не безъ умысла. Строгий надзоръ казался ему непріятнымъ уже во время самого путешествія. Это былъ первый его выходъ; лѣса, горы, замки съ ихъ памятниками, потомъ великолѣпнѣе праздника, яркіе лучи солнца, придававшіе еще болѣе блеска красотѣ прихвальныхъ каменеровъ и даже въ роскошныхъ нарядахъ и, въ противоположность имъ, грубыя и часто смѣшныя лица поселянъ, — все это

воспламенило его молодое воображеніе. Онъ находилъ удовольствіе проходить мимо этихъ грунцъ на свободѣ и не давать никому отчета въ своихъ поступкахъ; ему вѣсело слушать пустословіе своихъ спутниковъ. Думая притомъ найти домъ лѣсничаго безъ всякаго проводника, онъ навѣялъ свое поведеніе.

Сверхъ того онъ замѣтилъ въ лѣсу дикаго, полу-вагаго человѣка, увѣнчавшаго цвѣтами, плющемъ, мхомъ и дубовыми листьями, который былъ одѣтъ Фавномъ и держалъ въ одной рукѣ большую булаву. Лицо этого человѣка казалось ему знакомымъ. Воспользовавшись вновь нахлынувшей толпою, онъ отступилъ назадъ и, пока спутники его разсматривали странныя наряды комедіантовъ, онъ пустился бѣжать навъ всѣхъ силъ въ противоположную сторону, оглядываясь по временамъ, чтобы удостовѣриться, не преслѣдуютъ ли его. Пробѣжавъ довольно большое пространство, онъ пошелъ въ уединенную рощу. Тамъ не было толпы; народъ весь бросился къ замку и къ городу. Не смотря на то, что мысль о дикомъ заставляла его невольно вдрогивать, любопытство влекло его все впередъ, въ чащу лѣса. Наконецъ, до него уже не доходилъ шумъ толпы и стукъ экипажей. Онъ сталъ прислушиваться и услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ звонкимъ и чистымъ голосомъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вскорѣ очутился возлѣ дикаря, который сидѣлъ у хижины, составленной изъ дрезесныхъ цѣтвей, досокъ и ковра. Возлѣ него стоялъ мальчикъ, который казался большимъ и недовольнымъ. Вильямъ и дикій смотрѣли во всѣ глаза другъ на друга; послѣдній, который былъ человѣкъ крѣпкаго, здороваго сложенія и высокаго роста, всталъ. Высокъ, надѣтый на его головѣ, густыя и сросшіяся брови, исполненные жизни глаза, черныя и густыя локоны, покрытыя мхомъ, плющемъ, обвивавшій его плечи, сандалинъ и ноги плотно обтянутыя матеріей тѣльнаго цвѣта—все это придавало ему странный и поразительный видъ.

— Кто ты такой? И чего ты хочешь отъ меня? закричалъ онъ удивленному мальчику.

— А кто ты самъ, дикарь? спросилъ его въ свою очередь Вильямъ безъ страха.

При этихъ словахъ раздался громкій хохотъ.

— Ты меня и въ самомъ дѣлѣ принимаешь за настрашаго дикаря? Но, мой милый, это только маскарадное платье, въ которомъ я долженъ явиться къ нашей королеви. Я думаю, если бы ты зналъ, что я знаменитый Гасгойнтъ, ты обошелся бы со мною поучтивѣе. Всѣ тѣ, которые меня знаютъ какъ поэта, а за границей какъ воина, зовутъ меня этимъ именемъ.

— Какъ вскричалъ Вильямъ, нѣсколько оправившись: неужели ты извѣстный и прекрасный сочинитель: Там Marte quam Mercurio?

— Ну да, конечно, дитя мое, возразилъ Фавиль, польщенный этимъ вопросомъ. Да развѣ ты обо мнѣ слышала? Мои поэмы тебѣ знакомы?

— И очень, возразилъ мальчикъ. Мнѣ много доставалось и нихъ отъ моего отца, который полагаетъ, что я теряю время, читая ваши превосходные стихи.

— Твой голосъ чистъ и звученъ, но слабъ. Произведи что-нибудь такъ громко, какъ только можешь, но чтобъ было внятно.

Вильямъ повиновался. Дикарь, выслушавъ его, началъ прыгать и пѣть отъ радости, жая свою булавою.

— Нашелъ! вскричалъ онъ, нашелъ; судьба сжалась надъ бѣднымъ поэтомъ и послала мнѣ тебя, мой ангелъ; ты избавилъ меня отъ отчаянiя и стыда. Позволь мнѣ поцѣловать тебя, моя радость; но смотри, поосторожиже, не сотри моихъ румянъ и не испорти моей прически, слышишь ли? Онъ прижалъ Вильяма крѣпко къ своей груди и сказалъ больному мальчику:

— Ты, хилый, войди въ хижину, поѣшь, попей, закутайся хорошенько, постарайся согрѣться; вечеромъ ты можешь вернуться къ твоимъ роднымъ.

Мальчикъ повиновался.

— Видишь ли, любезный другъ, продолжалъ Гасгойцъ, вчера поздно вечеромъ нашъ Робертъ Дудлей, графъ лейчестерскiй прислалъ мнѣ сказать, что онъ проситъ меня сочинить нѣсколько строфъ въ похвалу нашей королевы и желаетъ, чтобъ стихи были оказаны Сильваномъ; онъ отмѣнилъ всѣ увеселенiя и назначилъ охоту въ лѣсу. Я въ торопяхъ сочинилъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ эхо играетъ не послѣднюю роль. Въ этомъ сочиненiи я говорю о великолѣпныхъ праздникахъ и обо многомъ такомъ, что, я думаю, понравится королевы. Я пошелъ за мальчикомъ, который уже нѣсколько разъ помогалъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ, но къ несчастiю—онъ обѣлся вышнями, захворалъ и такъ охрипъ, что не въ состоянiи выговорить ни одного слова. Я былъ въ большомъ затрудненiи, но Юпитеръ или Панъ сжался надо мною и послалъ тебя для моего спасенiя.

— Но, любезный Гасгойцъ, отвѣчалъ Вильямъ: я никогда не игралъ никакой роли, не имѣю никакого объ этомъ понятiя; теперь же остается слишкомъ мало времени, чтобъ выучить стихи.

— Полно, отговорки твои очень не кстати. У тебя звонкiй голосъ, ты уменъ, потому что былъ битъ за чтенiе моихъ сти-

завъ; твой отецъ этими самыми ударами сдѣлалъ тебя рыцаремъ; и такъ, будь же моимъ оруженосцемъ. Къ тому же ты не будешь играть; королева тебя и не увидитъ, а самъ буду читать стихи, а ты долженъ повторать одно слово двадцать вѣтъ разъ, послѣ каждаго двухъ стиховъ, ясно и съ выраженіемъ, какъ бы представляя эхо. Но скажи, мой другъ, можешь ли ты остаться со мной? Твои родные не будутъ искать тебя?

— Я въ восхищеніи, господинъ Гасгойнъ, отвѣчалъ мальчикъ, что встрѣтилъ васъ такъ неожиданно и готовъ для васъ пожертвовать своею жизнью. Друзья, съ которыми я пришелъ, обойдутся сегодняшній вечеръ и безъ меня. Не высочайшее ли для меня счастье быть въ обществѣ такого знаменитаго поэта!

— И такъ, начнемъ нашъ урокъ, но береги, пожалуйста, листокъ, который я тебѣ поручаю. У меня всего одинъ только экземпляръ; я не имѣю времени переписать его. Если ты его потеряешь, тогда мнѣ нельзя будетъ его напечатать; береги же его, какъ собственный глазъ.

— О, будьте спокойны, отвѣчалъ Вильямъ: вѣдь я не ребенокъ.

Приступили къ репетиціи. Сильванъ читалъ стихи, а Вильямъ, послѣ нѣкотораго молчанія, повторялъ послѣднее слово ясно, съ увѣренностію и какъ бы заставляя звукъ теряться въ отдаленіи. Поэтъ-воинъ былъ въ восторгѣ и увѣрялъ, что отъ роду не слышалъ болѣе естественнаго эха. Проведя время до полудни, въ повторенія и въ ученіи, они вошли въ хижину, чтобъ закусать чего-нибудь.

— Но будь увѣренъ, мой маленькій поэтъ, сказалъ Гасгойнъ, бери съ меня примѣръ; наши голоса должны сохранить звучность, и мы покажемъ себя болѣе достойными благоволенія музъ, чѣмъ этотъ большой мальчишка, который лежитъ тутъ какъ угорь, пойманный въ тростникѣ.

Около четырехъ часовъ пріѣхало нѣсколько человекъ, которые должны были пересѣсть въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ, одни въ платьѣ дикарей, другіе въ одежду поселанъ, и съ факелами въ рукахъ, освѣщать лѣсъ при вступленіи сумерекъ. Тогда оба поэта отправились къ большой дорогѣ, гдѣ, въ обширной долинѣ, королева и свита ея должны были остановиться послѣ охоты. Вильямъ повторилъ еще разъ свое эхо, и эффектъ былъ еще поразительнѣе. Солдаты и разная прислуга были разставлены по сторонамъ, чтобъ не допускать толпу къ мѣсту, назначенному для королевы. Вечеръ былъ свѣжій; легкій вѣтерокъ свободно пробѣгалъ по долинѣ, чтобъ укрыться въ зелени роши. Вскорѣ послышался звукъ охотничьяго рога. Тогда

наклянула се всѣхъ сторонъ и съ шумомъ разсыпалась по долину. Королева и охотники преслѣдовали оленя; лорды, прекраснѣе кавалеры и дамы, на богато украшенныхъ лошадяхъ, слѣдовали за нею. Когда олень убитъ, восклицанія охотниковъ раздались со всѣхъ сторонъ. Окаленный лай гонимыхъ собакъ, греки возмущающаго, сопровождаемаго рѣвкимъ звукомъ трубъ и роговъ, производили разнообразный и чудесный отголосокъ. Наконецъ стало смеркаться. Вильямъ такъ былъ пораженъ, что зачленалъ.

— Что съ тобой, спросилъ его Гасгойнъ; пожалуйста, не дѣлай такой жалкой мины.

— Ахъ! отвѣчалъ Вильямъ, слышали ли вы? Наше эхо, въ сравненіи съ этимъ шумомъ, будетъ почти новорожденный ребенокъ.

— Замолчи, маленькій поэтъ. Это безумное эхо, тогда какъ наше будетъ поэтическое и разумное. Посмотримъ, которое изъ двухъ, — эхо собакъ или поэтовъ понравится болѣе королеви. Молчи! вотъ и она! Будь готовъ, мой мальчикъ.

V. Королева Елисавета.

Въ скоромъ времени появилась и королева. На ней было длинное зеленое бархатное платье, обшитое жемчугомъ, съ кружевами, шитыми золотомъ, рукавами. Бѣлыя и красныя перья величественно развѣвались на зеленой, съ выгнутыми полями, шпѣ, а бриллантовая луна, украшавшая ея чело, полускрывалась въ бѣлокурыхъ ея волосахъ. Лошадь покрыта была также зеленымъ бархатомъ и, казалось, гордилась своею всадницей. Вѣлы королевы стояли Дудлей, въ полномъ блескѣ мужественной красоты, одѣтый въ охотничье платье. Въ это самое время факельщики въ маскахъ заняли мѣсто у опушки лѣса. Бриллианты и драгоценные камни, украшавшіе королеву и сопровождавшихъ ея дамъ, заискрились, отражая въ себѣ свѣтъ факелей. Торжественное молчаніе смѣнилось оглушающимъ шумъ охоты. Вдругъ, по данному знаку, явился Сильванъ, махая своей булавой. Онъ сталъ призывать боговъ и вопрошалъ ихъ о вращеніи этихъ праздниковъ, но не получалъ отвѣта. Потомъ обратился къ эху, и оно отвѣчало, что все это дѣлается въ честь божественной королевы. Этотъ поэтический разговоръ продолжался нѣсколько времени; казалось, и королева и графъ Дудлей были довольны тонкой лестью поэта. Только въ концѣ, испредавая

лвй случай возбуждалъ общій смѣхъ зрителей. Шумъ отъ топота лошадей и стука оружія немишалъ Вильяму разслушать слова Сильвана, и онъ провозвѣстъ слово: королева, прежде, чѣмъ оно было сказано. Дулей громко свѣялся этому преждевременному эху, и королева также не могла удержаться отъ смѣха. Когда Гасгойня кончила, то преклонила колѣна передъ королевой и, отъ избытка радости, сломала свою булаву, которая затрещала въ его рукахъ. Въ восторгѣ онъ хотѣлъ бросить обломки назадъ, но одинъ кусоокъ, вырвавшись изъ его рукъ, ударилъ по головѣ лошадь королевы. Лошадь поднялась на дыбы, и послѣднія слова замерли на устахъ дрожащаго дикаря. Графъ лейчестерскій хотѣлъ броситься на него, но королева удержала его и сказала съ кротостію:

— Ничего, оставьте.

Часть булавы была поднята молодымъ человекомъ, который хотѣлъ сохранить ее въ память этого дня. Гасгойня все еще стоялъ на колѣняхъ передъ королевой, которая говорила съ нимъ очень милостиво, какъ вдругъ новое зрѣлище поразило вниманіе публики. Вильямъ, исполнивъ свою обязанность, не могъ насмотрѣться на блескъ придворныхъ, а особенно на королеву; но вотъ рѣзвый зефиръ воспользовался его разсѣянностію и унесъ листокъ, на которомъ написаны были стихи. Онъ замѣтилъ это только тогда, когда листокъ носился уже надъ его головой, какъ птица въ воздухѣ; онъ пустился бѣжать за нимъ, скача и дѣлая прыжки до самаго выхода изъ лѣса. Изъ присутствовавшихъ больше всѣхъ были поражены, безъ сомнѣнія, обладатель булавы и Томасъ, который узналъ въ этомъ отчаянномъ плясунѣ своего милаго Вильяма.

Анна, стоявшая возлѣ Томаса, вскрикнула отъ радости, но Вильямъ, не обращая вниманія, ни на крики, ни на ропотъ толпы, преслѣдовалъ свой листокъ, который въ ту минуту упалъ на факель. Опасность была неминуема. Однимъ прыжкомъ онъ бросился на пламя, схватилъ листокъ и нечаянно прижалъ его къ лицу одного прислужника, у котораго накладные волосы, левъ и мохъ вспыхнули въ одно мгновеніе. Этотъ послѣдній началъ кричать во все горло и побѣжалъ къ лѣсу. Графъ лейчестерскій, взбѣшенный хотѣлъ броситься на Вильяма; но королева остановила его, говоря:

— Прошу васъ, не будьте такъ вспыльчивы, любезный Дулей, вы видите, это ребенокъ; что касается до того человека, ему подадутъ помощь.

Вильямъ между тѣмъ справился и внесъ листокъ поэту, ко-

торый ожидалъ его съ стѣсненнымъ сердцемъ; но, по знаку, поданному королевой, подошелъ къ ней.

— Кто ты такой, дитя мое? спросила его королева.

Гастойнъ, видя, что эхо его не смѣетъ отвѣчать, сказалъ ей него:

— Прошу извиненія у вашего величества, это мое эхо, которое по счастливому случаю, я встрѣтилъ въ лѣсу, и которое, исключая одной ошибки, прекрасно выполнило свою роль.

Вильямъ, по примѣру своего наставника, также всталъ на колѣни, когда королева, наклонившись къ нему, спросила какъ его зовутъ.

— Меня зовутъ Вильямомъ, отвѣчалъ онъ твердо, я старшій изъ сыновей Джона Шекспира. Мой отецъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ вашего величества, альдерманъ въ Стратфордѣ.

Елисавета сдѣлала знакъ одному придворному, который поданъ мальчику медаль, украшенную ея портретомъ.

— Возьми это, любезное эхо, сказала она, въ память сегоднешняго торжества. Не имѣешь ли ты еще какой-нибудь прощбы ко мнѣ?

— Ваше величество, смѣю ли я просить у васъ позволенія присутствовать, съ супругой моей, на праздникахъ, которые будутъ завтра?

— Съ твоей супругой! вскричала Елисавета; ты женатъ уже!

— Прошу извинить меня, великая королева, это шутка, съ которою я свыкъся. Анна Галльвэй называется моей женою.

Стройная молодая дѣвушка, покрасивъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Дудлей, котораго эта сцена забавляла, отдалъ приказаніе впускать этого мальчюка съ семействомъ на всѣ праздники. Поэтъ поцѣловалъ еще разъ свое эхо, и Анна и Томасъ не смѣли бранить его за побѣгъ и упрекать за хлопоты, которые онъ имъ надѣлалъ. Они смотрѣли на него съ какимъ-то почтениемъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ съ королевой и получилъ отъ нея золотую медаль.

VI. Возвращеніе.

Старикъ Шекспиръ, наперекоръ всѣмъ расчетамъ, возвратился домой на другой день послѣ своего отъѣзда; онъ не нашелъ купца, съ которымъ долженъ былъ увидѣться.

Поздоровавшись съ женой, поцѣловавъ маленькихъ дѣтей и приведа въ порядокъ нѣкоторыя бумаги, онъ сказалъ измол-

вувши: О времена! о нравы! Самый степенный и основательный человекъ Англіи, и тотъ не могъ устоять противъ этого общаго увлеченія, оставилъ домъ, дѣла, чтобъ пойдти смотрѣть кенильвортскія дурачества. Да! если старикъ, которые, кромѣ обыкновенныхъ своихъ занятій, должны бы были думать о приближеніи своей смерти, если они увлекаются подобными глупостями, то дѣтей нечего и винить въ этомъ. Поди, жена, приведи ко мнѣ моего маленькаго негодая, я хочу съ нимъ поговорить.

Мистриссъ Шекспиръ дрожала будто въ лихорадкѣ; она не смѣла и взглянуть на мужа.

Шекспиръ, видя блѣдность и нерѣшительность своей жены и воображивъ, что сынъ его боленъ или умеръ, тоже поблѣднѣлъ.

— Нечего дѣлать, отвѣчала наконецъ его жена, надобно во всемъ признаться. Томасъ и сестра его совершенно сбави меня съ толку, и я позволила имъ увести Вильяма. Мы не думали, что ты такъ скоро воротишься. Къ тому же это первый разъ, что я поступила противъ твоей воли.

— Въ самомъ дѣлѣ! возразилъ Шекспиръ въ бѣшенствѣ; теперь я удостовѣрился въ твоёмъ повповеніи и въ твоей ко мнѣ привязанности. Ты смѣла ослушаться моихъ приказаній!

И не бросивъ даже взгляда на свою жену, онъ вышелъ и вечеромъ не возвратился домой. Но наши странники также вышли изъ Кенильворта днемъ раньше.

Вскорѣ, послѣ ихъ прибытія, Шекспиръ возвратился тоже домой. Мать чувствовала радость и боязнь, ожидая съ безпокойствомъ, чѣмъ кончится это происшествіе. Но къ ея удивленію, отецъ протянулъ сыну свою руку и сказалъ съ веселымъ видомъ:

— На этотъ разъ я тебя прощаю, потому-что старый Бенсонъ Бристольскій сдѣлалъ то же, что и ты.

Обрадованная мать цѣловала своего сына и даже не замѣтила, что Странджъ прощается съ нею. Томасъ и Анна оставались еще для того, чтобъ извиниться передъ старикомъ и рассказать все, что они видѣли. Они рѣшились не говорить Шексппру, что Вильямъ участвовалъ въ представленіи, зная, какую ненависть старикъ имѣлъ ко всѣмъ подобнымъ забавамъ. Когда Анна рассказала, какъ Вильямъ былъ замѣченъ королевой, какъ она милостиво съ нимъ говорила, и подарила ему медаль, въ воспоминаніе того дня, мать плакала отъ радости и удивленія, а глаза старика оживились. Вильямъ, подойдя къ отцу, сказалъ ему:

— Любезный батюшка, я знаю, какъ вы любите нашу королеву; примите эту медаль, которую я получилъ отъ нея. Она мнѣ

не нужна, потому-что я имѣлъ счастье говорить съ королевою лично и сохранию на всегда ея божественный взоръ въ душѣ моей.

Отецъ принялъ медаль съ трепетомъ, долго разсматривалъ ее и крѣпко прижалъ къ устамъ своимъ, потомъ, поцѣловавъ ее на, сказалъ ему:

— Богъ да благословитъ тебя, за то, что ты мнѣ принесъ такую неоцѣненную драгоценность. Я буду беречь ее, пока ты не вырастешь, и никогда не забуду, что Елисавета удостоила тебя чести говорить съ нею.

Сказавъ это, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, чтобъ скрыть свои чувства. Мать была внѣ себя отъ радости, видя, что мужъ не только помирился съ нею, но еще сталъ гораздо ласковѣе обыкновеннаго съ сыномъ. Она благодарила отъ души своихъ друзей и навела разговоръ опять на тотъ же рассказъ, который ей повториши съ тѣми же самыми пропусками.

Вдругъ послышался громкій и продолжительный смѣхъ, удивившій всѣхъ, тѣмъ болѣе, что смѣющійся былъ самъ Джонъ Шекспиръ. Это была большая рѣкость, потому-что онъ почти никогда не хохоталъ. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости, держа въ рукѣ булаву, которую Томасъ принесъ изъ Кенильворта.

— О безумцы! вскричалъ Джонъ, переставъ смѣяться; надобно же, чтобъ главное было неразрѣдно съ трогательнымъ и благороднымъ. Въ одно время съ медалью мнѣ принесли и булаву, которою махалъ шутъ Гасгойвъ и ударилъ по головѣ моего Томаса, чтобъ возбудить въ мозгу его нѣсколько поэтическихъ мыслей и заставить его помнить свое путешествіе въ Аркадію въ Кенильвортъ. Господи! Люси мнѣ все рассказала. Онъ самъ былъ очевидцемъ. А ты, мой любезный Вильямъ, ты сдѣлался такимъ актеромъ, артистомъ, эхомъ, ренетитеромъ какихъ-то словъ этого стараго глупца-поэта. Мой сынъ былъ эхо! Но знаешь ли, что это дурное предзнаменованіе! Когда прилетъ тебѣ охота испытать твои силы на скользкомъ поприщѣ поэзіи, ты будешь подражателемъ, эхомъ прежнихъ глупцовъ поэтовъ. Будь же прилеженъ и дѣятеленъ... Мой сынъ представлялъ эхо! да, мой дитя, ты надѣлаешь шуму въ свѣтѣ, ишь сомнѣнія; тотъ, кто такъ начинаетъ поприще, пойдетъ далеко.

Онъ произнесъ эти послѣднія слова съ иронією, но Томасъ, видя, что это огорчило Вильяма, сказалъ:

— Если уже вы знаете все, то надобно еще вамъ сказать, что эта самая шутка и была причиной, что королева его зинтила. Какъ часто бездѣляцы ведутъ къ великому! А поэзія не есть ли эхо, отголосокъ существенности?

Шекспиръ похвалъ руку Томасу и, подойдя къ конторѣй, возвратилъ книгу въ переплетѣ.

— Любезный Вильямъ, сказалъ опъ ему: я долженъ дать тебѣ что-нибудь въ замѣнъ медали. Эту книгу, сочиненія Чаусера, я хотѣлъ подарить тебѣ въ день твоего рожденія; возьми ее тебѣ, хотя ты ее еще не понимаешь. Такъ-то мы, благообразные люди, часто сами потакаемъ глупостямъ, несколько того не подозревая.

НАПОЛЕОНЪ ВЪ БУЛОНСКОМЪ ЛАГЕРѢ. *Изъ воспоминаній Германца.* Подъ командою маршала Нея, выступили мы изъ Мон-тревеля и расположились лагеремъ при Этаплѣ, напротивъ Диепа, вдоль берега Булонскаго залива. Меня во время похода произвели въ сержанты. Въ первый разъ вступилъ я въ караулъ на береговую батарею, гдѣ мои товарищи, артиллеристы, вздумали познакомиться меня съ пріятностями морской жизни. Одинъ изъ нихъ, окунувъ палецъ свой въ морскую воду, выразилъ слѣдующую мысль: «Какъ ты, товарищъ, думаешь, вѣдь едвали что можно найти соловѣ морской воды?»—Когда же я началъ свѣтлѣться надъ такимъ его простосердечіемъ, по-видимому онъ успокоился въ моемъ вѣрованіи и въ ту жъ минуту махнулъ меня покрывъ пальцемъ по губамъ. Выплюнувъ такую горечь, я утвердительно сказалъ: «Да, правда, товарищъ, очень, очень солона!» Сперва мнѣ не вѣрилось, что на землѣ есть такіе огромные запасы солевой воды, въ которой можно сварить кашу для самой огромнѣйшей арміи, и сколько не прибавили соли. Никогда не елилась соленая вода, когда жилъ я на моей родинѣ въ Овернѣ, пилъ всегда только свѣжую воду и ѣлъ морели. «Ну, можно объ этомъ! Намъ, кажется непремѣнно надобно завоевать Англію!» «А какъ ты думаешь, возможно ли это?»—спросилъ я. «Чортъ побери, конечно нѣтъ ничего невозможнаго»—отвѣчалъ онъ, а потомъ вынулъ изъ кармана прокламацію адмирала Брюи и какъ казалось съ немалымъ трудомъ прочиталъ слѣдующее: «Храбрые солдаты и матросы! По избранію Бонапарте, мнѣ вѣршена главнѣя команда надъ вами... Вы уже слышали призывъ къ ищенію; всѣ Французы должны соединиться и наказать правительство непризнательное славы и благоденствію нашего отечества. Возлагая исполненіе попеченій своихъ на васъ первыхъ, сово вызываетъ къ вамъ и объ отмщеніи за права свои... Взгляните на корабли англійскіе, съ такою дерзостію крейсирующіе у береговъ нашихъ.» Онъ слова свернулъ прокламацію, указавъ намъ на нѣсколько точекъ, видѣвшихся вдаль и сердито произнесъ: «Смотри-ка, видишь ли видишь-то собакъ, Англичанъ? Угос-

тнѣ же ихъ порядкомъ! вотъ, шѣловья-то скалы, что бѣлѣются вдаль, это британскій берегъ; кажется туда легко и кошка перепрыгнетъ! Въ иракѣ ночью явится къ намъ Бонапарте, да какъ скажетъ: «здорово ребята, впередъ!» Теперь совершенный штиль и англійскіе крейсера лежатъ, какъ будто-бы свицовые чурбаны. Мы распустимъ паруса, много пролетимъ по каналу, очутимся у другаго берега и прежде чѣмъ еще успѣютъ опомниться Англичане, мы явимся въ Лондонъ:

«En Angleterre nous irons
«Votre de bon vin en flacons».

Замѣчаніе мое, если бы сдѣлали мы счастливую высадку на непріятельскій берегъ, то могли бы уничтожить силы Великобританіи, остановило его иѣніе: «Мы ихъ кошекъ!»—сказалъ онъ,—вынимая изъ кармана «Аргуса» (парижскую газету), гдѣ заключались разные насмѣшки надъ предположеніемъ Англичанъ—собрать милицію, и рассказы о разныхъ несчастіяхъ, будто-бы случившихся во время англійскихъ экзерцицій—эта англійская сволочь—продолжалъ онъ—«совсѣмъ не умѣетъ обращаться съ ружьями. Одинъ изъ нихъ оставилъ шомполъ въ дулѣ, приложился—бацъ! а тамъ и зарядить не чѣмъ; другой забилъ три, четыре патрона—пуфъ! и ружье въ дребезги. Мы же, мы построились во фронтъ. Пальба изводима, батальонами, полкомъ! вуфъ, пафъ, пивъ! Примыкай штыкъ! Барабаны загремятъ наступленіе, и мы опрокинемъ Англичанъ, какъ вѣтеръ мякину.

Только что начала прибывать вода, мы возвратились на батарею; повѣдалъ свѣжій вѣтеръ, я взглянулъ на волнующееся море и замѣтилъ подъ бѣлыми парусами корпусъ непріятельскаго корабля: «Посмотрите-ка на собакъ-то Англичанъ!»—сказалъ я съ насмѣшкою моему товарищу—«имъ вѣрно хочется воспользоваться приливомъ. Вода идетъ на прибыль!»—«Нуте-ка дѣти!»—сказалъ сперва съ равнодушіемъ товарищъ мой канонерамъ, постепенно возвышая голосъ—«зададимъ же имъ каменши; ирготовте-ка рѣшетки!»—Два фрегата, на всѣхъ парусахъ, неслись одинъ за другимъ и въ такомъ же разстояніи слѣдовали за ними трехъ-дечный корабль, величественно поднимался изъ волнъ норскихъ. Эскадръ предшествовало множество рыбацкихъ лодокъ и сторожевыхъ шлюповъ, плывшихъ по вѣтру подобно стаду лебедей. Тихиона и безмолвіе царствовали на баттаретъ; нельзя было разговаривать иначе, какъ только знаками. Какъ скоро фрегаты начали выбирать вѣтеръ, чтобы обратить къ берегу баттаретъ свои, артиллеристы ожидали команды и старшіи, разглядывъ уса

свои, проворчалъ сквозь зубы: «Не сдѣлать!» Съ отнятъ оловомъ баттарей непріятельскихъ судовъ покрылись густымъ дымомъ и на берегу запрыгало нѣсколько ядеръ. Береговая баттарей молчала. Чѣмъ ближе подплывала непріятель къ берегу, тѣмъ сильнѣе производилъ канонаду, полными лаганами ядра его досягали до насъ. Наши канониры кричали свои ляды, — казалось уже и терпѣнія ихъ лопало. Одинъ нашъ старый сержантъ улыбался лукаво: орудія были наведены и горяшіе ядра тѣкали въ рукахъ канонировъ, но не было еще команды открыть огонь. Вдругъ громъ орудій дальней баттарей, устроенной на выдавшейся въ море возы, огласилъ окрестность. «О! О! Чего еще намъ хочется?» — кричали канониры. Къ общему однакожъ ихъ удивленію, большая часть ядеръ ушла въ воду и немногія могли достать до непріятельскихъ судовъ. Вслѣдъ за этою баттарей и мы выстрѣль съ претвсю открыли канонаду. Поднялся всеобщій крикъ радости, когда рухнула за фортъ фокъ-мачта одного изъ непріятельскихъ фрегатовъ; прочіе непріятельскіе корабли стали удаляться отъ берега и огонь постепенно замолкъ.

Если я не очень тонко изображено мною описываемое нападеніе, то по крайней мѣрѣ могу поручиться за вѣрность очерковъ характеристичныхъ тогдашнихъ французскихъ солдатъ.

Сперва такое дѣйствіе казалось намъ совершенной новизной, но впоследствии подобныя событія можно было видѣть почти каждый день; эти нападенія скорбе можно было принять за комедію, чѣмъ за дѣйствительное сраженіе. Ползуясь приливомъ, непріятельскіе корабли приближались къ нашимъ баттарейкамъ и открывали огонь, при чемъ съ обѣихъ сторонъ разстрѣливалось множество пороку, а въ сущности вредъ былъ самый незначительный. Казалось, будто бы для обѣихъ сторонъ такая скучная и однообразная жизнь была необходима и должна была прерываться важными эволюціями, перевѣсъ которыхъ всегда оставался на сторонѣ Англичанъ.

Флотъ канала составляли пачекодонныя суда; на верхней палубѣ самыхъ меньшихъ изъ нихъ находились 24-хъ фунтовыхъ орудій; канонерскія лодки были на кормовой и носовой частяхъ, по одному 24-хъ фунтовому орудію, а борты вооружены были 12-ти фунтовыми пушками; самыми величайшими судами въ этомъ флотѣ считались суда отъ 12 до 16 пушекъ. Экипажъ ихъ состоялъ отъ 45 до 12 матросовъ и отъ 20 до 50 солдатъ, долженствовавшихъ много терпѣть отъ чрезвычайной тѣсноты помѣщенія. При предположенной высадкѣ въ Англію, на каждое судно должны были помѣститься полевые орудія съ лафетами и отъ 100 до 200 че-

ловить солдатъ; приведенные тогда примеры показали, что и на лубках нельзя было погнотиться шеею, какъ боги водятъ боя. Если бы во время переправы поднялся вѣтеръ, естественный маневрировать англійскія кораблики, въ такомъ случаѣ они, и дѣлая на одного вѣстрѣла, однимъ только затискомъ поруга, могли бы утопить все наше углейъ флотъ. Французскіе солдаты были увѣрены въ безсмертной возможности и осуществленіи усилій высадки.

Суданъ, расположенный въ будонской гавани, утормил и другая опасность—сожженіе, потому что снган гавань значительно мѣлче въ время отлива, а потому большая часть судовъ должна становится бортью къ бортью, такъ что въ случаѣ пожара неминуемо могъ бы сгорѣть цѣлый флотъ. Въ предупрежденіе погущей быть въ подобныя обстоятельства извѣстна, военное число экипажей, и продолженіе всего ночного армян, обывалось содержать на лубкахъ караулы, окружили то же время гавань брантвахтами, чтобы отгнать приближеніи непріятельскихъ брандеровъ. Странно трогавое при темнотѣ ищной поютонное восклицаніе грубыхъ голосовъ: «Вон quart!» На возвышеніяхъ, находившихся по обѣ стороны гавани, ишла бѣгачные огни и голоса караульничъ, разоглажившихъ идею берегъ, звучали: «Часовые, будьте осторожны!»

Въ хорошую погоду часть флотилии выходила на рейдъ и останавливалась даже на лиоръ, а во время бурной погоды, когда удалялись отъ береговъ Франціи англійскіе крейсера, флотъ втапливался въ будонскую гавань. Значительное количество истребителей судовъ, которыя, не сообразивъ шестоты характера, снбнли входить въ портъ, сопряжено было съ немалыми опасностями. Во время одной изъ такихъ свалокъ и нѣтъ случилась великая опасность, угрожающую крушеніемъ. Буря, сопровождаемая сильными порекмихъ волненіемъ, метривляемость одного командира судна и неловкость маневра произвели между множествомъ судовъ, составлявшихъ флотъ, при входѣ въ гавань, страшный беспорядокъ. Тысячи народа, спятаннн опасности по очень важную, покрывали набережныя и ворота. При самомъ входѣ въ гавань, мы столкнулись съ одною канонеркою лодкою. Не успѣвъ «закрыть порты!» заглушаемымъ волненіемъ и вѣтромъ, не буди на то, что теченіе наперло насъ въ правый, весьма остроконечный городской воротъ, когда мы сблизись съ саратора, такъ хотя и удалось избѣгнуть удара, но одна минута и наше судно сокрушилось бы объ стѣну. Такой случай привелъ насъ въ снтененіе. Тысячи голосовъ съ берега выражали свое удивленіе. Въ то мгновенье успѣлъ я замѣтить матроса, бросающагося съ

смертною блѣдностію къ заднему деку, который такъ удачно бросилъ якорь, что послѣдній, унавь, захватилъ дно, — иначе мы погибли бы неизбежно. У самой стѣны мы должны были вытерпѣть ужасную качку, — но если бы и тогда еще, якорь сдалъ, или оборвался, насъ поглотили бы разъяренныя волны. Спустили ботъ, чтобъ завести на берегъ верпъ, но волненіе бросило его до самого марса и спускало до кила; перебрасываемый съ волни на волну, подобно скорлупкѣ, ботъ лишился всякой возможности отчалить отъ корабля. Для подавія намъ помощи, изъ гавани выслали множество ботовъ, снабженныхъ канатами, но и ихъ страшное волненіе не допускало на значительное разстояніе и угрожало опасностію; сокрушить въ щепки о корабельный корпусъ. На носовой части одного изъ посланныхъ къ намъ ботовъ, стоялъ матросъ, съ верпомъ, замотаннымъ вокругъ руки, для того, чтобы закинуть его къ намъ на валубу. Небачастнѣй промахнулся и унавь въ воду, на корабль поднялся сильный крикъ, слышійся съ крикомъ нѣсколькихъ тысячъ, находившихся на набережной. Отъ безнадёжности на лучшій жребій, мы пришли въ отчаяніе; съ форта начали спускать пробочную лодку, какъ послѣднее спасительное средство для погибающихъ отъ кораблекрушенія. Лодка, имѣя трехцвѣтннй флагъ, неслась по волнамъ и перепрыгивала съ волны на волну. Связъ съ себя верхнее платье, съ обнаженными ногами, безъ шапки, стояли мы на верхней валубѣ, въ однихъ рубашкахъ, готовые прыгнуть за бортъ, ежели бы чуть только сдалъ якорь.

Тяжело въцарилась на берегу; всё находилось въ трепетномъ ожиданіи, прерываемомъ глухими и жалобными воплями, которые достигали до нашего слуха, подобно надгробному пѣнію. Спасительное мгновеніе! Изъ гавани показался большой ботъ, на которомъ находилось 12 сильныхъ гребцовъ, сидѣвшихъ на банкахъ и искусно управлявшихъ ботомъ, не глядя на сильное противоборство волнъ и вѣтра. И на этомъ ботѣ, также, какъ и на прежнихъ, стоялъ ловкій матросъ, съ намотаннымъ на правую руку верпомъ, упершійся всѣмъ корпусомъ на лѣвую ногу, правая же рука его была отставлена назадъ. Едва только приблизились они къ кораблю, какъ ботъ ихъ подняло на поверхность вала, гребцы сильнѣе грянули веслами, — и въ ту жь секунду матросъ, стоявшій на носовой части, подался впередъ всѣмъ тѣломъ и жилистою рукою своею съ такою силой успѣлъ бросить верпъ, что одинъ конецъ его попалъ на самую средину валубы. Громкій крикъ стоявшихъ на берегу былъ наградою смѣлцаку; мы закрепили брошенный конецъ верпа и съ торжественными криками были втянуты въ гавань.

Наполеонъ помѣщался на одномъ изъ возвышеній, откуда видѣть былъ англійскій берегъ залива. Жилище его востроено было изъ досокъ и по произволію постройка и уничтоженіе могли быть произведены въ нѣсколько часовъ. Въ немъ находились: мастерская, столовая, спальня, а въ особенной пристройкѣ, гдѣ располагалась кухня, помѣщалась прислуга. Было очень тѣсно — и когда, въ ясную погоду, императоръ приглашалъ многихъ гостей, то оба метрдотели Решо и Форно готовили кушанье на открытомъ воздухѣ, какъ рядовые солдаты въ лагерь.

Отъ императорской ставки шаговъ на сто, находилось помѣщеніе адмирала Брюн (Brun), съ устроеннымъ при немъ морскимъ телеграфомъ, по знакамъ котораго суда, находившіяся на рейдѣ, производили маневры. Невдалекѣ находились квартиры маршала Сульта и морскаго министра Декре (Decres). Императоръ изъ спальни своей чрезъ телескопъ могъ ясно наблюдать морскіе маневры, британскій берегъ и блокадные корабли англійской эскадры. Гренадеры гвардейской пѣхоты, конной и морской гвардіи, очередовались службою въ главной квартирѣ.

Неподалеку отъ флагштокаморскаго телеграфа, востроена была грозная батарея, носившая названіе: «*Fort d'Ordre*», вооруженная 6 мортирами, такимъ же числомъ гаубицъ и 12-ю 24-хъ-фунтовыми орудіями. Мортиры огромнѣйшаго калибра заряжались 45-ю фунтами пороха и ядрами, имѣвшими вѣсу 600 фунтовъ, которые выбрасывались въ море на разстояніе часа. Эти страшныя орудія выстрѣливали канонеры, называвшіяся «чудовищами», которые для поджиганія затравки употребляли шесты, длиною въ 12 футовъ, ложились на землю, затыкали руками уши, и не прежде вставали съ земли, какъ спустя нѣсколько времени, послѣ грома выстрѣла. Первый выстрѣлъ сдѣлалъ самъ Наполеонъ. Громъ былъ столь жестокъ, что кровь подалась изъ ушей императора, — и въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ онъ чувствовалъ глухоту.

У входа въ гавань лежало на якорѣ нѣсколько сотъ судовъ, бортъ о бортъ замыкавшихся на ночь огромною цѣпью. Они защищались пятью грозными верками, кромѣ огромныхъ батарей, расположенныхъ по всему берегу. Въ задней части гавани находилась небольшой деревянный мостъ, называвшійся «дежурнымъ», а за нимъ огромныя магазины съ порохомъ и зарядами. Мостъ охраняли двое часовыхъ не пропускавшихъ никого за черту, кто не зналъ лозунга втораго караула, потому-что первый караульный безпрятственно пропускалъ всякаго походяго, кромѣ возвращавшихся съ противоположной стороны. Не

звѣвшіе, или забывшіе лезунгъ, цѣлую ночь должны были бѣгать на мосту. Подобная предосторожность, по причинѣ смѣжности пороковыхъ магазиновъ, была совершенно необходима, потому что одной искрой можно было взорвать флотъ, городъ и оба лагеря, куда Англичане рѣдкую ночь не посылали своихъ шпионовъ и поджигателей.

Однажды, среди темной и дождливой ночи, часовъ около осьми вечера, загорѣлась кухня одной рестораціи. Дымъ и пламя начавшагося пожара, показавшіеся изъ-за мачтъ флота, внезапною своею перепугали командира поста. Въ испугъ онъ далъ сигналъ, что горитъ флотъ. Ударили тревогу, распространившую всеобщій страхъ и суматоху; набатъ гудѣлъ, гремѣли сигнальные выстрѣлы и войска встали въ ружье. Городъ представлялъ ужасное зрѣлище: женщины, нося на рукахъ грудныхъ младенцевъ, какъ одичалыя, бѣгали изъ улицы въ улицу и наполняли воздухъ воплями; мужчины таскали на себѣ лучшее имущество; на всѣхъ улицахъ сдѣлалась страшная тѣснота, раздавались крики: «Мы погибли! Нашъ скоро взорветъ!»—повторяемые тысячею голосовъ. Спустя уже довольно времени, увѣрились въ напрасной тревогѣ и всѣ возвратились въ свои дома. Слѣдствіемъ такого случая было усиленіе дѣятельности полиціи, на будущее время. Взятіе подъ стражу тронхъ англійскихъ шпионовъ, которые тотчасъ же были разстрѣляны.

Наполеонъ прибылъ въ Булонь въ іюль 1804 года. Нельсонъ, дѣля въ командѣ блокадную эскадру, замѣтилъ съ своего адмиральскаго корабля императора, объѣзжавшаго съ генеральнымъ штабомъ лагерь, расположенный на берегу залива. Въ три часа дня загремѣла страшная канонада. Британскій адмиралъ рѣшился на корабль своемъ, при помощи четырехъ фрегатовъ, множества бриговъ, канонерскихъ лодокъ и брандеровъ, напасть на флотилію, стоящую на рейдѣ. Французскіе корабли и береговые батареи живо отвѣтствовали на огонь непріятельскій, такъ что страшная канонада сдѣлалась вскорѣ общою. Пятисотъ огненныхъ жерлъ французской эскадры, береговыхъ батарей и кораблей англійскихъ, гремѣли безпрерывно, съ такой жестокостію, что нельзя было ни говорить, ни слышать. Дымъ, гонимый на берегъ вѣтромъ, закрывалъ предметы. Земля дрожала; самое небо покрылось какимъ-то густымъ красноватаго цвѣта туманомъ. Бой продолжался до глухой полночи и представлялъ зрѣлище страшное и примѣрное. Полетъ бомбъ и начиненныхъ снарядовъ, при темнотѣ ночи, описывалъ надъ гаванью и городомъ, въ разныхъ направленіяхъ, страшныя огненные радуги. Непрерывный громъ многочисленной артиллеріи и эхо, вторившееся на водахъ залива

производилъ столь оглушительный трескъ, что никакое перо не въ состояніи изобразить это. Усилія Нельсона прорваться сквозь французскую флотилію остались безплодными, и непріятельскій адмиралъ къ 11 часамъ ночи долженъ былъ отступить.

При первой тревогѣ, Наполеонъ, сопровождаемый адмираломъ Брюмъ, бросился въ шлюпку и, осыпавъ градомъ ядеръ, пустился объѣзжать линію кораблей французскихъ. Императоръ наиревался обогнуть укрѣпленіе «Сгоі», но адмиралъ осмѣлился представить ему, сколь неблагоприятно и даже опасно подобное предпріятіе. Наполеонъ отвергнувъ адмиральское представленіе, обратясь къ гребцамъ, выбраннымъ изъ своей гвардіи матросамъ, сказалъ: «Впередъ! Впередъ! Я вамъ приказываю.»—Ваше величество, — прервалъ его адмиралъ—нѣтъ никакой пользы объѣзжать укрѣпленіе! Намъ можетъ нанести на непріятельскія ядра Императоръ оставался непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи; адмиралу хотѣлось запретить матросамъ исполненіе подобнаго повелѣнія—и онъ даже сказалъ Наполеону: «Тенерь я на моей стѣнѣ, государь, а потому каждый морякъ, будучи въ моихъ вѣдѣніяхъ, обязывается быть послушнымъ моимъ повелѣніямъ. Даже и самые матросы морской гвардіи должны повиноваться моему адмиралу.» Дѣйствительно послѣдніе пришли въ замѣтельство.—«Я приказываю положить весла»—присовокупилъ адмиралъ—«и если кто ослушается, тотчасъ же прикажу разстрѣлять,» произнесъ адмиралъ громовымъ голосомъ. Ботъ летѣлъ, какъ стрѣла, и едва лишь успѣлъ удалиться на десять, или на двѣнадцать сажень, какъ корабль, огибавшій баттарейю «Сгоі», былъ потопленъ непріятельскими ядрами; вѣскольکو времени надъ поверхностью воды разбѣгался флагъ корабельный, вскарь погрушій въ глубинѣ. «Вотъ каково, государь!»—сказалъ Брюмъ, смотря на императора. Наполеонъ то молчалъ, то насвистывалъ маршъ. Съ этого самаго дня онъ сталъ читать тайную вражду къ адмиралу.

Когда они пристали къ берегу, Наполеонъ отираался, на одну изъ устроенныхъ тамъ, баттарей; онъ успѣлъ замѣтить одного изъ гвардейскихъ артиллеристовъ, причудливаго провансіала, ревностно занимавшагося своимъ орудіемъ; съ нимъ онъ нерѣдко шутилъ прежде и теперь потрещавъ по плечу, сказалъ: «Ты брава!» Помераль, мастеръ своего дѣла!» И артиллеристъ увидѣвъ императора, съ довѣрчивостію возразилъ на провансіальномъ нарѣчій: «Боже мой, Боже мой! Это вы, государь,—пу какое къ вамъ поживаете?»—«Очень хорошо! Однакожъ я вижу, ты степъ зашить, другъ мой!»—«Такъ точно! Вотъ все, гдѣ заливаетъ

ся ядра.—Точнее же артиллеристы наши навели орудія, выстрѣль гранулы, и пушечное ядро орязало флагъ съ константинопольскаго брѣста. «Раши!»—произнесъ Наполеонъ—«дай двадцать франковъ доброму моему пріятелю.» Генераль выдалъ ему двойной лундоръ, потому что не было съ нимъ назначенной императоромъ монеты. Другимъ выстрѣломъ изъ того же орудія, сбѣло съ фрегата гротъ-мачту. «Браво!»—воскликнулъ Наполеонъ—«Раши, отсчитайте же этому молодцу сто франковъ».—«При мнѣ нѣтъ денегъ!»—отвѣчалъ генераль.—«При васъ нѣтъ денегъ! Для чего жъ вы не требовали ихъ сегодня утромъ?»—съ нетерпѣніемъ произнесъ императоръ, ощупывая карманы свои.

— «Съ вами Бога! прервалъ добродушный канонеръ. Не сердитесь Государь; вѣдь этотъ храбрецъ готовъ отдать за васъ жизнь свою.» Императоръ ничего не имѣлъ въ карманахъ своихъ, кромѣ золотой табакерки, которую и принудилъ канонера взять, хотя послѣдній и отговаривался принять ее. Подобные анекдоты быстро дѣлались извѣстными въ лагеряхъ и усиливали привязанность къ Наполеону.

Въ приводимомъ здѣсь описаніи морскаго сраженія отличились солдаты трехъ пѣхотныхъ полковъ, находившіеся на флотѣ. Изъ числа стяжавшихъ отличіе, унтеръ-офицеры, въ тотъ же вечеръ, отправились пировать въ одну изъ гостиницъ, гдѣ обыкновенно собирались одни только старые гренадеры. Принятые пріятельски старыми усачами, за круговой чашей, рассказывали они о своихъ походахъ. Все шло чинно до тѣхъ поръ, пока нѣсколько молодыхъ Булонцевъ 2-го полка не начали шѣть нарочно сощивеннаго на этотъ праздникъ канта, который не могъ нравиться гренадерамъ. Изъ среды послѣднихъ, нѣкто Морландъ, мужчина исполнскаго роста, покрутилъ усы свои и, чокуившись стакамомъ, сказалъ: «Оставьте же это вѣще! Оно не можетъ быть терпимо въ нашемъ обществѣ! Или вѣче вонъ отсюда всѣ тѣ конскрипты, которые ничего не помютъ!» Соора вскорѣ отдѣдалась общему: наговорено было провастъ взаимныхъ грубостей и брань кончилась назначеніемъ явиться на слѣдующее утро въ деревню, находящуюся отъ Булони на разстояніи часа.

До двухъ сотъ гренадеровъ старой гвардіи отправились на назначенное мѣсто, гдѣ ихъ ожидало такое же число линейныхъ солдатъ. Съ обѣихъ сторонъ выбрали искуснѣйшіе фехтовальщики. Всякому предоставлялось избрать себѣ противника; ратоборцы наши съ обуюдною яростію потушала въ бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ, и незначительность уступыла ужасъ схватки. Морландъ, при боатырекой ерси оидъ и искуснѣйшій фехтовальщикъ, одинъ удержалъ на пещѣ семнадцати солдатъ, а

съ ними вѣстѣ и того Булонца, который нанесъ ему личное оскорбленіе. Нельзя ручаться, что бы могло выйти изъ этой страшной рѣзни, ежели бы эскортъ не узнали о ней и не прислалъ отряда кавалеріи, для взятія Буяновъ, который къ счастью окончилъ все благополучно. Подобныя сватки толпами были весьма обыкновенны во французской арміи.

Въ августѣ 1804 года, Наполеонъ роздалъ своимъ войскамъ кресты учрежденнаго имъ ордена, «Почетнаго-Легіона». На возвышеніи, находившемся на морскомъ берегу, устроенномъ изъ дерна, сооруженъ былъ тронъ, который окружали 80,000 воиновъ, стоявшихъ съ ружьемъ. Наполеонъ возсѣдалъ на тронѣ, окруженномъ знаменитыми сановниками имперіи: министрами, сенаторами и генералитетомъ. Отличившіеся пѣхотницы и кавалеристы принимали кресты изъ собственныхъ рукъ императора. Ко дню этого торжества прибыло изъ Гавра въ гавань булонскую сорокъ судовъ, составлявшихъ флотъ французскій.

Во время роздыха, въ лагерѣ солдаты увеселялись разными играми и плясками. Собравшись толпami передъ ставкой Наполеона на обширномъ лугу, молодые солдаты, по немѣтнiю танцовщицы, принимали на себя роли первыхъ, засучивали до локтей рукава мундировъ, снимали галстухи, откидывали до самыхъ плечъ воротники своихъ рубашекъ, брали жеманно большіи и указательными пальцами фалды мундировъ своихъ, и въ такомъ положеніи, потупивъ глаза въ землю, дѣлали маленькія на. Императоръ всегда любовался игрой и пляской солдатъ и даже съ удовольствіемъ смотрѣлъ изъ-за рѣшетки. Когда начинали бить зарю, онъ показывался въ окнѣ, и былъ привѣтствуемъ громкими восклицаніями: «Да здравствуетъ императоръ!»

Высшее лагерное общество имѣло развлеченія другаго рода: оно препровождало время въ балахъ, концертахъ и каруселяхъ, заступившихъ мѣсто театра. При подобныхъ случаяхъ, свита, окружавшая императора, блистала серебромъ и золотомъ. Довольно забавно было видѣть старыхъ республиканскихъ генераловъ въ мундирахъ, облитыхъ золотомъ.

Не задолго до отъѣзда своего изъ Булони, Наполеонъ воиѣтрился осмотрѣть флотъ и чрезъ адъютанта приказалъ адмиралу Брюн вывести суда на рейдъ и построить въ линіи. Адмиралъ отвѣчалъ, «что въ назначенный день нельзя произвести маневръ».

Несмотря ни на какія убѣжденія, Наполеонъ настоялъ, чтобы флотъ, снявшись съ якоря, построился на рейдѣ линіями. Едва успѣли поднять шаруса, какъ началась буря. Молнія остѣтила гершонтъ, громъ грохоталъ безпрерывно и сильное волше-

не забросало суда. Жалобные крики погубившихъ досягали берега. Наполеонъ взялъ шляпу и отправился на мѣсто происшествія, гдѣ нашелъ многочисленныя толпы праздныхъ зрителей. Многія суда были выброшены на берегъ—и крики терпѣвшихъ крушеніе навывали воздухъ. Казалось, въ эту минуту императоръ вынуждался отчаяніемъ произнести: «О, Брюн! что я надѣлалъ!» Но онъ остался спокоенъ и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Ботъ! Живѣй, проворнѣй, ботъ!» Глубокая тишина.... нѣтъ никакого движенія... Приказаніе повторилось, и уже тогда только послышалось нѣсколько голосовъ: «Нельзя пускаться въ море!» Наполеонъ отвѣтствовалъ имъ съ сильнымъ негодованіемъ: «Э, господа моряки, вы бонтесь моря!» и въ ту жъ минуту приказалъ нѣсколькимъ изъ своихъ гвардейцевъ, которые съ нимъ находились, сѣсть въ огромный ботъ, подведенный двѣнадцатью сильными гребцами. «Отваливай!» произнесъ императоръ.—Люди грянули сильно, но разъяренная стихія боролась съ человѣческими усиліями. Волны, стремившіяся къ берегу, пренятствовали боту отчаливаться, такъ что Наполеонъ долженъ былъ возвратиться въ лагерь. На слѣдующее утро заливъ покрылся обломками кораблей и человѣческими трупами. Находясь на островѣ Св. Елены, Наполеонъ вспомнилъ объ этомъ событіи и съ соболѣзнованіемъ сказалъ: «Бѣдный Брюн, ты имѣлъ справедливыя причины меня удерживать. Ежели бы окружавшіе меня были также, какъ и ты, искренни, можетъ—быть и я бы не былъ здѣсь; самые небеса отомстили мнѣ за Брюн!» Брюн умеръ, спустя годъ послѣ своего увольненія, не оставивъ ничего въ наслѣдство дѣтямъ своимъ, кромѣ одной только памяти о благородномъ характерѣ и славной службѣ своей.

Жанилья и ея жители. Послѣ острововъ Зондскаго архипелага, не найдется, можетъ-быть, на всемъ необозримомъ Южномъ океанѣ, острова прелестнѣе Люсона, величайшаго и значительнѣйшаго изъ группы Филиппинскихъ острововъ.

Уже самый видъ этого острова съ открытаго моря необыкновенно величественъ; высокія горы, покрытыя роскошнѣйшею зеленью, ясно доказываютъ, какъ щедро природа надѣлила своими дарами эту страну. И дѣйствительно, если бы она не подвергалась частымъ землетрясеніямъ и удушливымъ весеннимъ вѣтрамъ въ то время, когда сѣверный вѣтеръ затихаетъ, а южный, называемый муссономъ, еще не начинаетъ дуть, и если бы въ ней не господствовали, въ продолженіе дождливаго времени, нѣкоторыя болѣзни, то можно бы было назвать эту страну благословеннѣйшею въ мірѣ. Впрочемъ, пріѣхавшій сюда Европейецъ,

обращаетъ на все это весьма мало вниманія, потому что легко переноситъ все эти неудобства тому, кто принужденъ былъ во время пути, испытывать бури на мысѣ Доброй Надежды, и сильные порывы вѣтра въ Мозамбикскомъ каналѣ, или подвергаться подъ экваторомъ, при совершенномъ безвѣтріи, сильнымъ проливнымъ дождямъ.

Горы острова Люсона, покрытыя лѣсомъ, представляютъ рядъ еще дымящихся вулкановъ. Вдоль живописныхъ береговъ этого острова находятся множество заливовъ и гаваней, въ которыхъ могутъ найти себѣ убѣжище корабли всѣхъ націй, и въ этомъ отношеніи берега одной только Греціи могутъ сравниться съ Филиппинскими островами. Въ гавани города Майили останавливаются все иностранные корабли, потому что, съ давнихъ уже временъ, это есть единственное мѣсто, открытое испанскимъ правительствомъ для свободной торговли.

Необыкновенное богатство и разнообразіе произведеній этого острова могли бы доставить ему не мало важности и значенія въ торговомъ отношеніи, если бы только имъ владела не Испанія, а другая болѣе промышленная нація. Рисомъ, получаемымъ здѣсь ежегодно отъ двухъ жатвъ, снабжается почти вся китайская имперія, а табакъ, растущій на островѣ Люсонѣ и составляющій главный предметъ вывоза, пользуется всемірною извѣстностію, такъ что сумма на которую его ежегодно отсюда вывозятъ, равняется суммѣ вывоза всѣхъ другихъ произведеній, взятыхъ вмѣстѣ. Кромѣ того разведеніе сахарнаго тростника и кофе сопряжено здѣсь съ мельшими издержками, чѣмъ въ другихъ странахъ. Мы находимъ еще, между произведеніями этого острова, корицу, нидиго, хлопчатую бумагу, пеньку и множество другихъ, годныхъ для тканья и почти нигдѣ не встрѣчаемыхъ растений, сверхъ того, кокосовое масло, кожи, поташъ, разный лѣсъ, красильныя вещества, бамбукъ, ротангъ, черное и красное дерево, все пахучія эссенціи, бальзамы и все растительныя вещества, находимыя только здѣсь и на восточныхъ берегахъ Бенгальскаго и Малабарскаго заливовъ.

Можно себѣ составить приблизительное понятіе о богатствѣ этой страны, если скажемъ, что къ одной изъ девятинадцати провинцій, на которыя дѣлится островъ, встрѣчается сто шестидесятъ родовъ деревьевъ. Многія изъ нихъ отличаются не только прекраснымъ цвѣтомъ своимъ, но и необыкновенною прочностью и твердостью; не менѣе замѣчательны также объемъ этихъ деревьевъ, достигающій иногда до огромнѣйшихъ размѣровъ, а потому здѣсь не рѣдкость видѣть сдѣланныя изъ одного куска

дерева двери, даже стоны, за которыми могутъ удобно помѣститься до 20 человекъ.

Къ этимъ многообразнымъ произведеніямъ земли, составляющимъ главный предметъ вывоза, присоединяются еще и другіе предметы, которые имѣютъ большую цѣнность, какъ то: перецъ, гвоздика, мускатный орѣхъ, и всѣ другія, извѣстныя пряныя коренья, черепаховая кость, перламутръ, и золотой песокъ, находящій во всѣхъ филиппинскихъ рѣкахъ, и доказывающій существованіе на этомъ островѣ значительныхъ рудниковъ. При исследованіи всѣхъ предметовъ вывоза, надобно упомянуть также и о тѣхъ тонкихъ драгоценныхъ тканяхъ, которыя выдѣлываются туземцами и извѣстны подъ именемъ: абака, вппств, патадюдсъ, таписъ и проч. Одинъ родъ этихъ тканей, выдѣлываемыхъ изъ ананасовыхъ нитей, и потому называемыхъ pina (это слово испанское и означаетъ ананасъ), можно почесть тончайшимъ и изящѣйшимъ издѣліемъ рукъ человеческихъ, и по своей матовой бѣлизнѣ, красотѣ и наружности, превосходить даже наши тончайшіе батисты.

Жители Манилы ведутъ довольно безпечную жизнь. Утомленные душнойвою, жаркою ночью, они утромъ отправляются къ морю, чтобъ освѣжиться купаньемъ. Съ первыми лучами восходящаго солнца, весь морской берегъ, прилегающій къ городу, начинается пародяться мужчинами и женщинами, которые потомъ купаются всѣ вмѣстѣ. Вольные испанскіе нравы не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго, и женщина несколько не стѣсняется, если и видитъ, что съ нею купаются одни незнакомые ей мужчины. Всѣ жители Манилы очень искусны въ плаваніи, и женщины въ этомъ отношеніи несколько не уступаютъ мужчинамъ. Здѣсь купанье составляетъ для всѣхъ самое любимое препровожденіе времени, такъ что нѣкоторые въ водѣ даже завтракаютъ.

Гастрономія никогда не находилась въ двѣтущемъ состояніи въ Испаніи, а тѣмъ менѣе въ ея колоніяхъ; обѣды въ городѣ Манилы приготовляются весьма просто и отличаются только особеннымъ разнообразіемъ кушаньевъ, къ чему, вѣроятно, способствуетъ безчисленное множество имѣющихся тамъ овощей, плодовъ, и разной рыбы. Послѣ обѣда, впріизжій Европеецъ, подрезавъ шейного, садится въ свою карету (собственный экипажъ составляетъ первую потребность въ Манилѣ; а потому и находится у каждаго жителя), и ѣдетъ въ Salcada, мѣсто прогулки, находящееся на берегу моря; здѣсь все общество города наслаждается свѣжимъ воздухомъ и расходится почти передъ самымъ наступленіемъ вѣчи. Большая часть здѣшнихъ

экипажей, похожих на одностынные кареты, въ которыхъ съ трудомъ могутъ помѣститься двое, — запрягаются обыкновенно двумя лошадьми. Наши кабриолеты и другіе новѣйшіе европейскіе и въ особенности крытые экипажи здѣсь совершенно не въ употребленіи; потому-что въ нихъ можно было бы легко задохнуться. На отдѣлку, и вообще на наружность экипажей здѣсь не обращаютъ никакого вниманія. Отъ ветошенныхъ грязныхъ улицъ, кузова и колеса покрываются всегда толстымъ слоемъ грязи, которую, однако же, весьма рѣдко смываютъ; ливреи кучеровъ и лакеевъ не отличаются ни изяществомъ, ни новизною; однимъ словомъ, по всему видно, что находишься въ испанской землѣ. Здѣсь, конечно, на прогулкахъ вы уже не встрѣтите тѣхъ блестящихъ, запряженныхъ чудеснѣйшими лошадьми экипажей, въ которыхъ обыкновенно разъѣзжаютъ въ Калькуттѣ на балы владѣтельные князья, банкиры, военные и гражданскіе чиновники; по за то въ Манильѣ, пріѣзжающее на прогулку общество весело, непринужденно, радушно, свободно, между тѣмъ какъ въ Калькуттѣ высшій кругъ скучаетъ, разъѣзжая церемонно передъ дворцомъ генералъ-губернатора. Въ Манильѣ всѣ жители, въ особенности же Европейцы, знакомы между собою, и никто изъ нихъ не опасается увидѣться въ глазахъ другихъ, если раскладывается на прогулкахъ съ знакомыми ему людьми изъ низшаго состоянія. Самое оживленное зрѣлище представляетъ Salcada вечеромъ, въ то время, когда все движется и веселится; случается иногда, что вдругъ, посреди этого веселья, все какъ будто камнетѣтъ, говоръ умолкаетъ, а ѣздки и кареты останавливаются. Причиной этому бываетъ то, что съ башни города раздается первый звонъ колокола, призывающій къ вечерней молитвѣ, Angelus; въ это время работникъ также прерываетъ свою работу, пѣшеходъ останавливается на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ засталъ его звукъ колокола. Каждый житель города, бѣдный и богатый, старый и малый, господинъ и невольникъ, однимъ словомъ, можно сказать, что все народонаселеніе какъ будто соединяется одною мыслію и возноситъ молитвы свои къ Подателю всѣхъ благъ земныхъ; вся эта сцена имѣетъ въ себѣ особенно торжественное и производитъ на всякаго путешественника глубокое впечатлѣніе. Какъ только колоколъ умолкаетъ, то по-прежнему приходитъ все въ движеніе и начинается шумный, оживленный разговоръ; послѣ того, однакоже, въ скоромъ времени толпа прогуливающихся разбѣвается, потому что подъ экваторомъ ночь наступаетъ мгновенно, безъ всякаго перехода, и не совсѣмъ безопасно, находясь безъ движенія въ

открытомъ экипажѣ, подвергаться дѣйствию сильной росы, падающей съ наступленіемъ ночи.

Но вотъ наступаетъ часъ, въ который всѣ ѣдутъ въ Tertulia, или вечернее собраніе; чужестранецъ также получаетъ пріятливое приглашеніе, литься туда, но получаетъ его такъ поздно, что, слѣдуя англійскому строгому этикету, оно могло бы показаться скорѣе за оскорбленіе; но въ Манильѣ всѣ вообще обычан не церемонны, а потому и приглашеніе, сдѣланное отъ добраго сердца, столь же охотно принимается, какъ и было сдѣлано. Къ тому же эти вечернія собранія совершенно отличны отъ европейскихъ. Мѣстомъ собранія служатъ большія, оштукатуренныя и выбѣленные залы, мебель которыхъ состоитъ изъ плетеныхъ стульевъ и дивановъ; обои не годятся для здѣшняго климата, потому-что произвели бы удушливый жаръ и служили бы убѣжищемъ множеству насѣкомыхъ. Пара восковыхъ свѣчей, покрытыхъ колпакомъ, и нѣсколько простыхъ лампъ, составляютъ все освѣщеніе залы. Если время года дозволяетъ, то окна и двери открываются съ той стороны, съ которой дуетъ вѣтеръ, для того чтобы какъ можно болѣе освѣжить комнату; стулья ставятся обыкновенно въ два ряда, и такимъ образомъ, чтобъ находились подъ вліяніемъ сквознаго вѣтра; одинъ рядъ стульевъ занимаютъ мужчины, а другой женщины. Большая часть жителей принимаетъ гостей на большомъ балконѣ, который находится при каждомъ домѣ; входъ со двора и, подобно монастырскимъ галереямъ, эти балконы идутъ вокругъ всего дома; въ британскихъ и голландскихъ тропическихъ колоніяхъ, балконы эти обращены бывають на улицу, а въ испанскихъ во внутреннюю сторону дома. Всякой этикетъ и церемонія изгнаны изъ общества города Маниль, особенно же въ отношеніи костюма, гости никогда и ничѣмъ не стѣснены. Единственная роскошь, которую мужчины себѣ дозволяютъ, состоятъ въ тонкомъ и всегда свѣжемъ бѣльѣ; верхняя одежда ихъ состоитъ обыкновенно изъ куртки, или сюртука изъ бѣлой бумажной матеріи: очень рѣдко надѣвають здѣсь фракъ, еще рѣже мундиръ. Существующее здѣсь обыкновеніе, чтобъ женщины сидѣли противъ мужчинъ и не составляли бы своего отдѣльнаго круга, какъ это обыкновенно у насъ дѣлается, принуждаетъ ихъ, нѣкоторымъ образомъ, принимать участіе въ общемъ разговорѣ, и тѣмъ изгоняетъ изъ собраній скучные и серьезные разговоры. Здѣсь не спорятъ ни о религіи, ни о политикѣ, но смѣются, шутятъ, рассказываютъ анекдоты и исторіи и занимаются музыкою. Проведя такимъ образомъ нѣсколько часовъ, всѣ садятся за ужинъ, состоящій

обыкновенно изъ разныхъ следкихъ напитковъ, събавлен-
ныхъ напитковъ и вареній, и потому всѣ имѣютъ выходъ изъ
собранія, чтобъ отправиться домой, и верѣдно, приглашенный
на эти собранія иностранецъ, оставляя его, удивляется, какъ
ногъ онъ при столь ограниченнхъ средствахъ изъ размоченю,
столь пріятно провести вечеръ.

Во время маслиницы, представляется еще другое средство, ли
приспровожденія времени и оставленія знакомствъ, но изъ ко-
рое только что прѣѣхавшій Европеецъ не всегда рѣшается, хо-
тя испанскіе обычаи ему это дозволяютъ. Все дѣло состоитъ въ
томъ, чтобъ узнать, въ какомъ домѣ приглашены гости; тогда
сбѣить только надѣть маску и отправиться туда, какъ бы полу-
чивъ приглашеніе по формѣ. Какъ только хозяинъ дома замѣ-
титъ ваше присутствіе, тотчасъ же подходитъ къ вамъ, прѣ-
вѣтствуетъ васъ со всею церемонною вѣжливостію испанскихъ
дворянъ и благодаритъ васъ за честь, оказанную вами его дому;
за тѣмъ проситъ прекратить ваше никогдѣ и принять участіе
въ увеселеніяхъ вечера. Хотите оказать вѣжливость, то
снимаете маску, если же имѣете причину оставаться не узна-
нымъ, то остаетесь замаскированнымъ, и это никому не пока-
жется страннымъ; хотя бы вы и пребыли довольно долго,
танцевали со всѣми дамами и всѣхъ изъ интриговали и по-
томъ зашли въ другіе дома, въ которыхъ находится также
Tertulia, — свобода испанскихъ обычаевъ не нашла бы въ этомъ
ничего предосудительнаго. Кромѣ маслиницы, обычаи дозво-
ляютъ чужестранцу принимать участіе и въ семейныхъ праздни-
ствахъ, какъ-то: свадьбахъ, сговорахъ, крестинахъ и т. д.
только подъ условіемъ, чтобы онъ велъ себя, какъ прилично
истинному джентльмену. Этотъ обычай, принятый въ испанскомъ
обществѣ и овященный уже временемъ, поражаетъ всякаго
чужестранца, но было бы неосторожно со стороны его выхва-
ливать объ этомъ громко свое мнѣніе, или не собиравши обычая.
Богатый англійскій купецъ О... испыталъ всѣ невыгоды послѣд-
ствія несоблюденія этого обычая. Въ 1844 году посѣтилъ Фи-
липпинскіе острова англійскій адмиралъ сэръ Томасъ Кофрей
и былъ принятъ самымъ учтивымъ образомъ Англичанами,
находящимися въ Манилѣ. Въ честь адмирала и штаба его,
О... вздумалъ дать блистательный балъ, для котораго понадо-
бился огромныя приготовления, такъ что за недѣлю уже до
бала всѣ говорили объ немъ въ городѣ. Такъ какъ Англичане
извѣстны своимъ высокоуміемъ и негостеприимствомъ, то, кромѣ
приглашенныхъ, никто изъ жителей Манилы не вздумалъ воспользо-
ваться существующимъ обычаемъ, за исключеніемъ юртыяго

господинъ О..., которая немедленно любѣзныѣе увидѣть баскакіе мушкетры и шарды дамъ. Едва только господинъ О... узналъ въ непріятельномъ гостѣ своего портнаго, то пришелъ въ такое негодованіе и забился до того, что послѣ грубаго выговора вытолкнулъ его изъ залы и такъ сильно столкнулъ съ стѣплицы, что тотъ упалъ и получилъ значительныя ушибы. Это неуваженіе къ обычаямъ страны такъ оскорбило испанскихъ гостей, находившихся на балѣ, что они тотчасъ же удалились. На другой день всѣ знакомые господину О... Новавцы отказались отъ званій съ нимъ емошеній, портной же подавъ на него жалобу въ судъ, въ слѣдствіе которой начался настоящій испанскій процессъ, кловнившійся къ тому, чтобы выманить какъ можно болѣе денегъ отъ подсудимаго. Благодаря посредничеству британскаго консула, господинъ О... послѣ двухмѣсячнаго тюремнаго заключенія, былъ наконецъ освобожденъ съ условіемъ заплатить обиженому портному, до окончанія процесса, въ видѣ вознагражденія, 1500 долларовъ. Кроме того, ему пришлось заплатить еще всѣ издержки за леченіе портнаго; каждое посѣщеніе доктора стоило ежедневно одной унціи золота; къ тому же господинъ О... принужденъ былъ давать еще портному пенсію, потому что у этого несчастнаго, въ теченіе 20 мѣсяцевъ, голова была обвязана, и онъ отъ этого не могъ заниматься своимъ мастерствомъ. Черезъ полтора года кончился процессъ мировою сдѣлкою между тяжущимися; этотъ процессъ стоилъ господину О... около 2.000⁰⁰ рт.; онъ долженъ былъ продать свое недвижимое имущество, привести всѣ свои дѣла въ порядокъ и выѣхать изъ Манилы, потому что сдѣлался до того ненавистнымъ всѣмъ жителямъ города, что въ него чуть не бросали камни, въ то время, когда онъ проходилъ по улицамъ.

Въ городѣ Манилѣ, какъ и во всѣхъ тропическихъ странахъ, ночь посвящается удовольствіямъ, отъ того, что дневной жаръ бываетъ всегда чрезвычайно душный, вечера же прохлада совсѣмъ лѣтняя. Пріѣзжавшій въ Манилю Европеецъ никогда не чувствуетъ недостатка въ увеселеніяхъ и въ средствахъ къ препровожденію времени. Если нѣтъ приглашенія въ частный домъ, то можно отправиться въ большой театръ, въ которомъ составленная изъ Индійцевъ труппа актеровъ разыгрываетъ въ ненастоящемъ испанскомъ переводѣ, французскія мелодрамы; кто любитъ народныя оригинальныя зрѣлища, тотъ отправляется въ одинъ изъ театровъ предмѣстій, на которыхъ обыкновенно индійскія пьесы разыгрываются на туземномъ языкѣ. Здѣсь, къ сожалѣнію, ничего нельзя почитать, за то можно узнать нѣкоторыя занимательныя черты характера низшихъ классовъ на-

родонаселенія. Кромя того, прїѣзжавшій сюда иностранецъ и ходитъ еще развлеченіе на мосту, соединяющемъ верхнюю часть города съ военною, на которомъ три раза въ недѣлю играетъ музыка здѣшняго гарнизона. Въ это время стекается сюда высшее общество Мавильи. Музыка здѣсь не отличная, но прїѣзжіе и не ищутъ концерта, а желаютъ только видѣть нѣкоторые нравы и обычаи. Вокругъ этого мѣста прогулки, располагаются на каменныхъ скамьяхъ, или подъ деревьями, Индѣйцы и негры съ трубками во рту, между тѣмъ какъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ садятся молодыя женщины, не совсѣмъ скромной наружности и одѣтыя въ разноцвѣтныя яркія платья. Вообще здѣсь женщины не слишкомъ строгой нравственности, тѣмъ болѣе, что роскошная жизнь Европейцевъ и легкое пріобрѣтеніе отъ нихъ денегъ не мало прельщаютъ этихъ женщинъ. Въ тропическихъ странахъ мало обращается на все это вниманіе и многое извиняется жаромъ южной крови и пылкостью страстей.

НЕОБЫКНОВЕННО-ЛЕГКАЯ, НО ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ САМАЯ НЕВЫНОСИМАЯ РАБОТА. Одинъ изъ извѣстныхъ богачей вѣка Едгерини II, господинъ Д....., жившій нѣсколько лѣтъ въ Англїи, посмотрѣлся тамъ на причуды богатыхъ Англичанъ, возвратился въ Россію и началъ себя тѣшить, по-англійски, различными испытаніями надъ родомъ человѣческимъ посредствомъ силы и огня. Эта сила, — какъ давно уже удостовѣрились въ насъъ девятнадцатомъ вѣкѣ, — важнѣе электрической и гальванической, превосходитъ электро-магнитную, и не уступаетъ даже силѣ паровъ.

Изъ многихъ опытовъ господина Д.... расскажемъ теперь одинъ. Впослѣдствіи сообщимъ и другіе его замѣчательные опыты.

Господинъ Д..... услышалъ разъ отъ своего управителя, что крестьяне одной изъ деревень его, бывшіе на заамкѣ, просятъ облегчить урочную ихъ работу, которая, по совѣсти сказать, была очень легка и справедлива. Крестьяне справлялись съ нею шутя, богатѣли и жили прїѣвваючи. Черезъ нѣсколько дней тотъ же управитель доложилъ господину Д....., что дворовые люди его, узнавшіе о просьбѣ крестьянъ, считаютъ себя крайне обремененными работою, и просятъ увеличить штатъ ихъ, который и безъ того былъ чрезчуръ огроменъ.

— Вотъ что! сказалъ господинъ Д....., патрїая добъ. Что же ты думаешь, любезный Савельичъ? (Такъ оидъ. называлъ своего управителя).

Савельичъ, показавъ плечами и поклонясь, отвѣчалъ:

— Дѣло мудрое, ваше превосходительство! Не нашему брату рѣшить его. Какъ изволите приказать сами, такъ тому и быть.

— Вотъ что! повторилъ господинъ Д.... А послушай-ка, Савельичъ; мнѣ крайне нуженъ работникъ. Прийди ты мнѣ его завтра.

— Какого прикажете?

— Лежебока.

— Какъ вы изволили сказать?

— Лежебока.

— Признательно объясни, не слыхивалъ никогда такого мастерства и искусства. По какой онъ части ремесло свое промывать?

— Лежебокъ обязанъ цѣлый день ничего не дѣлать и лежать: то на одномъ боку, то на другомъ, и, пожалуй, на спинѣ, но ни въ ночь, ни въ день не вставать съ постели ни подъ какимъ видомъ. Сыщи ты мнѣ такого художника для моего дома. Я дамъ ему сто рублей въ мѣсяцъ жалованья, готовый столъ, готовое платье, все, что онъ только пожелаетъ; но съ тѣмъ, чтобы онъ точно и старательно исполнялъ свою должность.

— Шутить изволите, ваше превосходительство?

— Какое, братецъ, шутить! Безъ всякихъ шутокъ говорю.

— Да я вамъ за десять рублей въ мѣсяцъ и даже дешевле приведу такого работника.

— Хвастаешь, Савельичъ! Ремесло трудное!

— Помните! Какой тутъ трудъ!

— Не говори, братецъ! Ты этого дѣла не разумѣешь.

— Можетъ-быть, ваше превосходительство, но если ужъ нуженъ такой работникъ, то завтра же представлю и не за такую цѣну, какую вы назначить изволили.

— Очень тебѣ буду благодаренъ! Однако жъ не торгуйся. Иди до ста рублей въ мѣсяцъ, какъ я сказалъ. Я денегъ не пожалю! Главное, чтобы завтра же былъ у меня такой работникъ. Онъ мнѣ необходимъ.

— Слушайте-съ!

Вотъ, подумайте! размышлялъ управитель Савельичъ, топчась прямою головою, когда вышелъ изъ кабинета господина Д.... Приходятъ же въ голову барамъ такія штуки! Лежать и ничего не дѣлать, на всемъ готовомъ содержаніи, да сверхъ того сто рублѣвъ въ мѣсяцъ жалованья! Да я готовъ и самъ предложить себя въ такую должность. Мало ли у меня хлопотъ-то, а я и самъ не болѣе получаю. Впрочемъ, баранъ, можетъ-быть, путитъ, такъ оно, тово, чтобы не осрамиться. Нѣтъ, лучше когданибудь рекомендую и посмотрю, что будетъ.

У Савельича былъ двоюродный братъ Антошъ Антиповъ, мужчина сильный и здоровый, вершковъ десяти съ двумя аршинами роста. Онъ ремесломъ былъ носильщикъ, таскалъ каждый день по меньшей мѣшкѣ девятипудоваго вѣса, носилъ на головѣ тяжелую шабелю и разныя разнощи, съ ранняго утра до поздняго вечера, прибрѣтая въ день не болѣе рубля.

— Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!

Такъ сказалъ Грибоѣдовъ; въ слѣдствіе этого Савельичъ призвалъ своего двоюроднаго брата къ себѣ. Объяснились, и на завтра Антиповъ былъ представленъ господину Д....

— Вотъ, ваше превосходительство, нашомъ! скажите, позво-
нясь, Савельичъ.

— Спасибо! Но опасаюсь ли онъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свою должность?

— А позвольте спросить всенижайше, въ чемъ она будетъ въ точности состоять? спросилъ робкимъ голосомъ Антиповъ.

— Вотъ видишь, братецъ! Мнѣ нуженъ хорошій лежебокъ. Я былъ за границей и видѣлъ тамъ много такихъ художниковъ. Вздумалось мнѣ завести своего. Должность лежебока состоитъ въ томъ, чтобы цѣлый день и цѣлую ночь лежать на тише, или, если хочешь, на перекѣ, не вставая никогда съ постели, есть и пить, что хочешь и сколько хочешь. За это я дамъ сто рублѣвъ въ мѣсяцъ жалованья. Если же увижу твое усердіе, то прибавлю жалованья впоследствии, и буду еще давать особенныя награды.

— Такъ-съ! отвѣчалъ Антиповъ, потиравъ бороду. Но позвольте спросить только на счетъ теплаго, то, вотъ май, или ко-

бѣдъ, если понадобится, будутъ подаваться на ваше, или на мой счетъ?

— Конечно, на мой! Спроси хоть шеколаду, шербету или ананаснаго варенья, такъ тебѣ все подадутъ.

— Такъ-съ! А если понадобится къ чаю маленькая толстая ромпу?

— И ромпу подадутъ.

— Такъ-съ! А какъ цѣна? Вашъ управитель, Савельичъ, говорилъ, что вы изволите давать сорокъ рубливъ въ мѣсяць.

— Врать онъ! Я даю сто рублей въ мѣсяць! А мало, — такъ прибавлю. Согласенъ ли?

— Да ужъ положите, ваше превосходительство, по четыре рубля въ день.

— То-есть, сто двадцать рублей въ мѣсяць? Изволь! По рукамъ! Но только, чуръ, исполнять свою должность со всею усердіемъ и стараніемъ.

— Останетесь нами довольны, ваше превосходительство! То есть, всѣхъ заграничныхъ Нѣмцевъ и прочихъ разныхъ — другихъ иностранцевъ за полсъ заткнемъ!

— Ну, ладно! Савельичъ! отведи его въ назначенную мною комнату, уложи, и приставь къ нему двухъ дежурныхъ, одного на день, другаго на ночь, да скажи имъ, чтобы строго наблюдали за Антиповымъ, помогали въ случаѣ нужды другъ-другу, и доносили бы мнѣ, черезъ тебя, каждое утро: исполняетъ ли онъ въ точности свою должность.

— Слушаю-съ.

Савельичъ и его двоюродный братъ вышли изъ кабинета, поглядывая другъ на друга изъ-подлобья и улыбаясь въ молчаніи.

Наковецъ дюжій и рослый Антиповъ громко и раскатисто захохоталъ.

— Что ты?

— Эку баринъ работу выдумалъ! Лежи себѣ на боку, ничего не дѣлай, ѣшь и пей, что хочешь, катяйся, какъ сыръ въ масле,

и за все это сто двадцать рублей жалованья въ мѣсяцъ, да еще и награды! Эко счастье привалило! Да не шутить ли онъ?

— Ни, ни! Я его спрашивалъ! отвѣчалъ глубокомысленно Савельичъ, замотавъ голову.

— Чудное дѣло! И не поймешь всѣхъ барскихъ затѣй.

Антиповъ улегся на приготовленную для него, мягкую постель, въ назначенной ему комнатѣ. Определенные при немъ дежурные явились, для деннаго и ночнаго надзора за нимъ.

— Прошло пять дней.

— Ну что, Савельичъ? спросилъ господинъ Д..... своего управителя утромъ, на шестой день послѣ заключенія условія съ Антиповымъ. Что нашъ лежебокъ?

— Лежить, ваше превосходительство!

— Право? И ни разу не вставалъ съ постели?

— Нѣтъ-съ, ни разу! Дежурные за нимъ строго наблюдаютъ, по вашему приказу.

— Хорошо, братецъ! Скажи имъ, что я ихъ награжу за ихъ усильное стараніе и наблюденіе.

— Слушаю-съ!

Прошли еще три дня. Управитель явился утромъ въ кабинетъ господина Д..... съ весьма озабоченнымъ и разстроеннымъ лицомъ.

— Что съ тобой, Савельичъ? спросилъ Д.....

— Бунтуетъ, ваше превосходительство!

— Кто?

— Антонъ Антиповъ!

— Что съ нимъ?

— Вскочилъ, прибилъ дежурныхъ и не хочетъ ни за что лежать!

— Какъ такъ? Кормили ли его и поили ли его, какъ слѣдуетъ?

— Подавали все, что ни спросить, кромѣ птичьяго молока, ваше превосходительство! Дурь какая-то на него нашла. Хо-

четь непременно вамъ лично представиться, да я сказалъ, что онъ дуракъ, и велѣлъ дежурнымъ уложить его въ постель-сплою. Они кликнули, на подмогу себѣ, кучера да дворника, и вчетверомъ кое-какъ справились: уложили.

— Напрасно. Вели его позвать ко мнѣ. Надобно узнать: чѣго онъ хочетъ?

Вскорѣ явился Антонъ Антиповъ, котораго растрепанные волосы и борода, и вообще вся наружность, показывали, что онъ выдержалъ съ дежурными и ихъ помощницами жаркое и отчаянное сраженіе.

— Что ты, Антиповъ? спросилъ Д.....

— Нѣтъ, ваше превосходительство! Увольте, сдѣлайте такую отеческую милость! Чуть съ ума не сошелъ, лежа! Что мнѣ ваши сто двадцать рублѣвъ въ мѣсяцъ! Богъ съ ними! Не хочу! Отпустите, увольте меня!

— Послушай, братецъ! Я знаю, что должность лежебока очень трудная. Я тебѣ вавое дамъ, только служи усердно.

— Ни за что, ваше превосходительство! Вчетверо, дватера, вдесятеро давайте, такъ не соглашусь! Да это хуже маторги!

— Ну, братецъ, какъ хочешь! сказалъ господинъ Д..... и потомъ прибавилъ, обратясь къ управителю Савельичу:—Заплати ему, что слѣдуетъ по расчету, дай десять рублей награды, и отпусти, а потомъ расскажи объ этомъ лежебокѣ моимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ той деревни, которые жаловались мнѣ на обременительность ихъ трудовъ, да рассказывай и всѣмъ, кому только заблагоразсудишь. Это для всѣхъ пригодится.

НЕОБЫЧНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БОГАТСТВА РУССКАГО ЯЗЫКА. Мы знали одного магистра, очень любезнаго, добраго и ученаго человека. Онъ былъ большой знатокъ русскаго языка, и вѣроятно сдѣлалъ бы для нашей словесности много пользы, если бы смерть не захватила его почти въ началѣ его поприща. Однажды этотъ магистръ сидѣлъ вечеромъ въ дружескомъ обществѣ литераторовъ, записныхъ грамматиковъ и любителей отечественнаго слова. Въ томъ же обществѣ участвовало нѣсколько молодыхъ людей. Зашла рѣчь о богатствѣ русскаго языка. Одинъ изъ молодыхъ людей началъ доказывать, что

русский языкъ нисколько не богаче французскаго, и что не только можно выразить на французскомъ языкѣ все, что говорится и пишется на русскомъ, но что, напротивъ, многія французскія фразы и выраженія нельзя перевести на русский языкъ; следовательно, говорил молодой человекъ, русский языкъ бѣднѣ французскаго. Поднялись жаркіе споры, которые ничѣмъ бы не кончились, какъ и всѣ споры; но одинъ изъ мнимыхъ знатоковъ русскаго языка началъ поддерживать мнѣніе молодого человека и тѣмъ подалъ средство къ рѣшенію спора. Этотъ знатокъ, не смотря на свои среднія лѣта, былъ уже порядочно плѣшивъ. Въ собраніи находилось, кромѣ него, много плѣшивыхъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ. Всѣ были безъ париковъ, впервыхъ, по случаю жаркаго іюльскаго дня, восторжъ потому, что компанія была дружеская, безъ прекраснаго пола. Магистръ, у котораго на макушѣ волосы были уже довольно рѣдки, посмотрѣлъ на спорящихъ собесѣдниковъ, улыбнулся и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что очень легко доказать богатство и превосходство русскаго языка передъ французскимъ.

— Какъ? Что? Докажите! закричало ему нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ, господа! Про меня можно сказать, что я *заплывившійся*. Этотъ глаголъ выражаетъ начало, основаніе къ дальнѣйшему слѣдетвію. Про Ивана Ивановича (онъ указывъ на своего пріятеля) должно сказать, что онъ *воплывившійся*. Этотъ глаголъ, какъ вы сами понимаете, выражаетъ, что Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ еще плѣшивъ, но порядочно подвинулся къ своей цѣли. Петръ Петровичъ (это былъ мнимый знатокъ русскаго языка и главный спорщикъ) конечно не обидится и не станетъ спорить, если я скажу про него, что онъ *оплывившійся*, такъ какъ этотъ глаголъ означаетъ почти конченное уже событіе. Про Сергея Ильича я имѣю полное право сказать, что онъ *переплывившійся*, то-есть вдался въ излишество по части потери волосъ, а если бы здѣсь былъ Трофимъ Петровичъ, котораго вы всѣ знаете, то онъ навѣрное согласился бы со мною, безъ всякаго возраженія, что онъ *уже оплывившійся*, то-есть исполнилъ все на этой части и болѣе ничего уже сдѣлать не можетъ. Ибо какъ переплывившійся всѣмъ глаголомъ на французскій языкъ, и тогда и согласенъ, что онъ богаче русскаго.

Всѣ расхохотались и согласились съ мнѣніемъ магистра.

ДЕНЕЖНАЯ ПОЖИТКА. Одинъ молодой лѣзь, только что вступившій въ большой свѣтъ, захотѣвъ воспользоваться выгодною покупкою лошади, которая продавалась за чрезвычайно дешевою

дѣву. Онъ купилъ ее, по одному красивому виду, не наследовать другихъ ея качествъ. Въ полномъ удовольствіи отъ своего приобрѣтенія, левъ напередъ уже мечталъ, что щегольнетъ передъ своими знакомыми статнымъ конемъ, запряженнымъ въ сѣдло. На другой день онъ велѣлъ заложить своего коня, сѣсть въ сѣдло, граціозно подобралъ возжи и хлопнулъ бичемъ, чтобы выѣхать съ двора на улицу. Лошадь начала описывать самые правильные круги по обширному двору. Левъ никакъ не могъ принудить, чтобы она перемѣнила кругъ на прямую линію, выбился изъ силъ и отказался отъ прогулки, замѣтивъ, что изъ дома торчатъ головы мужскія и женскія, съ любопытствомъ на него смотрятъ и смѣются. Въ сильной досадѣ молодой человекъ отправился къ барышнику, у котораго купилъ лошадь.

— Что за лошадь ты продалъ мнѣ! Ты, просто, меня извелъ.

— Какъ такъ-съ?

— Да, именно извелъ! Она только кружилась по двору, и никакъ не хотѣла выѣхать на улицу.

— Вотъ что! Странно-съ. Впрочемъ, можетъ быть это происходитъ оттого-съ, что она долгое время употребляема была въ циркѣ, гдѣ, какъ изволите сами знать, лошади всегда скачутъ кругомъ-съ.

— Да что жъ ты мнѣ этого прежде не сказалъ?

— Да вы не изволили меня ни о чемъ спрашивать. Лошадь вамъ понравилась, и въ самомъ дѣлѣ конь-то знатный! Кабы онъ не кружился, такъ не такихъ бы денегъ стоилъ. Я думалъ, что она нужна вамъ для цирковой ѣзды-съ.

— Дуракъ ты, братецъ!

— Да за что же вы изволите браниться? Купили такъ дешево, и еще на меня же гнѣваетесь!

Это было, но еслибы это была басня то, древній Взонъ прибавилъ бы къ ней слѣдующее правочеліе: не пренебрегай дешевой и не покупай лошади, не узнавъ всѣхъ ея достоинствъ и недостатковъ.

Нѣсколько словъ о Шатобрианѣ. Недавно умеръ въ Парижѣ знаменитый французскій писатель виконтъ де-Шатобрианъ. Похороны его происходили 8 іюля и. ст. въ церкви иностранныхъ Миссіѣ, при многочисленномъ собраніи народа. Шатобрианъ былъ деканомъ во французской академіи и занималъ кресла подъ номеромъ шестымъ. Онъ былъ избранъ въ академику въ 1811 году. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе тридцати-семи лѣтъ, онъ

постоянно занималъ шестыя кресла въ этомъ знаменитомъ обществѣ.

Шатобрианъ родился въ 1769 году, въ Шербургѣ, въ округѣ Сент-Мало. Онъ прожилъ семьдесятъ девять лѣтъ.

Семнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Наварскій полкъ подпоручикомъ.

Въ 1790 году, Шатобрианъ отправился въ Америку и жилъ между дикими Индѣйцами. Тамъ онъ написалъ Натше (Natchez).

Возвратясь во Францію въ 1792 году, онъ участвовалъ при осадѣ Тианьши, гдѣ былъ раненъ. Потомъ онъ переправился въ Англію, гдѣ издалъ: *Историческій опытъ, политическій и моральный, о древнихъ и новѣйшихъ переворотахъ, разсматриваемыхъ въ отношеніи къ французской революціи.*

Первое изданіе *Генія Христіанства* вышло въ Лондовѣ, въ 1802 году.

Послѣ 18-го брюмера, Шатобрианъ возвратился во Францію и скоро былъ опредѣленъ секретаремъ посольства въ Римъ, при кардиналѣ Фешѣ.

Въ 1804 году онъ былъ избранъ уполномоченнымъ въ Валъ. Но смерть герцога Ангіенскаго въ венсенской темницѣ принудила его оставить эту должность.

Въ іюль 1806 года онъ отправился въ Іерусалимъ, и возвратился оттуда въ 1807 году. Въ этомъ году появилось его сочиненіе: *Мученики.*

«Путевыя записки изъ Парижа въ Іерусалимъ» вышли не прежде 1812 года.

Въ 1814 году онъ издалъ очень смѣлую брошюру подъ названіемъ: *Бонапарте и Бурбоны.*

Людвикъ XVIII назначилъ его посланникомъ въ Швецію; но возвращеніе Наполеона воспрепятствовало ему отправиться къ своему назначенію.

Въ продолженіе *Ста-Дней*, онъ удалился въ городъ Ганъ, гдѣ вмѣстѣ съ Гизо образовалъ знаменитый журналъ: *Moniteur.*

Въ 1815 году, онъ сдѣлался перомъ Франціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ; но 5 сентября 1817 года, по королевскому декрету онъ былъ уволенъ отъ званія министра.

Возвратившись изъ путешествія въ Иерусалимъ, онъ привезъ воду изъ Иордана, которая служила при крещеніи герцога Бордоскаго.

Нѣсколько времени Шатобрианъ былъ посланникомъ въ Пруссію; потомъ, въ 1821 году, посланникомъ въ Лондонъ.

22 декабря 1822-го года, онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и впоследствии участвовалъ въ Веронскомъ конгрессѣ.

Наконецъ, послѣ июльскаго переворота 1830 года, Шатобрианъ отказался отъ званія пера Франціи, не захотѣвъ отказаться отъ присяги, данной имъ старшей и законной линіи Бурбоновъ, и велъ до самой смерти домашнюю жизнь, уважаемый и чтимый всеми образованными людьми.

По его завѣщанію, онъ будетъ похороненъ на своей родинѣ, въ городѣ Сентъ-Мало, на берегу океана, въ гробницѣ, еще при жизни имъ самимъ приготовленной.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Настаетъ пора лѣтнихъ бѣловъ. Для платьевъ, конечно, бѣлый цвѣтъ предпочитается другимъ, особенно для бѣловъ и водахъ.—Вотъ изящные костюмы, которые стоятъ вниманія: бѣлое платье изъ легкой матеріи съ шестью воланами, которые обшиты узкою розовой бахромкой. Талія открытая съ широкой бертой, которая также обшита бахромкой въ четыре ряда. Рукава короткіе, украшенные опять-таки бахромкой и бантами изъ розовыхъ лентъ съ длинными концами. Розовый широкій кушакъ-шарфъ, завязанный напередѣ, съ длинными концами. На голоѣ вѣнокъ изъ настоящихъ розъ.—Другой костюмъ: бѣлое платье съ тремя воланами, вырѣзанными зубцами, которые вышиты по иряямъ разноцвѣтной шерстью. На таліи и рукавахъ то же украшеніе. Кушакъ разноцвѣтный изъ яркихъ цвѣтовъ. На голоѣ вѣнокъ изъ васильковъ, колосьевъ и другихъ пестрыхъ цвѣтовъ.

Этотъ нарядъ былъ поразительно хорошъ. Вышивка разноцвѣтной шерстью, на зубчатыхъ воланахъ, казалась узенькими гирляндами изъ цвѣтовъ. Еще сообщимъ хотя уже не новую новость, что на балахъ башмаки опять взяли верхъ надъ сапожками.

Что касается до мантилій, то кажется фасонъ à la Charlotte Corday предпочитается другимъ. Вездѣ виданшь мантильи съ округленною косынкою назадъ и съ концами напередѣ. Черные кружевные шарфы и косынки, по видимому, никогда не выйдутъ изъ моды.—Для прогулокъ пестрыя и клѣтчатыя баржевыя платья въ большой модѣ. Ихъ отдѣлываютъ косыми воланами и очень мало собранными, такъ что они имѣютъ видъ бізъ. Такихъ бізъ дѣлаютъ по крайней мѣрѣ шесть. Нижнее дѣлается довольно

широкнѣе, а остальные уже и уже. Въ жаркіе дни много видно бѣлыхъ легкихъ платьевъ съ воланами, обшитыми узенькими кружевами. Талія обыкновенно высокая, сборчатая, безъ шнипа, и обхваченная бѣлымъ кушакомъ, застегнутымъ небольшою пряжкой. Легкія мантильи изъ одинаковой съ платьемъ матеріи. Но вотъ еще новый фасонъ платья, который, признаемся, сразилъ насъ своею странностью, когда мы въ первый разъ увидѣли его привезеннымъ изъ-за границы. Постараемся передать этотъ чудный покрой. Это платье изъ темнаго дра-де-дама. Талія гладкая, застегнутая напередъ большими бронзовыми пуговицами. Спинка изъ трехъ кусковъ. Рукава гладкіе. Спереди отъ пуговицъ талія идетъ ниже въ двѣ разныя стороны и образуетъ два шнипа, отъ которыхъ продолжается каракъ кругомъ всей таліи и которое назади составляетъ еще мысокъ. Сзади на перехватѣ таліи двѣ большія пуговицы. Надобно замѣтить, что все это выкроено изъ одного куска, то есть, каракъ не пришитое; эта курточка совершенно гладко обтягиваетъ талію и бока. Юбка для такой таліи дѣлается на обшивкѣ. Самый маленькій отогнутый воротничекъ довершаетъ этотъ фасонъ. Намъ увѣряютъ, что эта новость очень понравилась, и что уже многія петербургскія дамы завязали себѣ подобныя костюмы.

Вотъ еще новость по части шляпокъ. Говорятъ, что въ фасонѣ шляпокъ произойдетъ значительная перемѣна. Вмѣсто круглыхъ полей, ихъ будутъ дѣлать наверху согнутыми à la Marie Stuart, подъ названіемъ: mouvementé. Будетъ ли это хорошо, увидимъ. Теперь же сообщимъ, что вытѣшныя изящныя шляпки очень много украшаются цвѣтами, которые даже вытѣсили изъ-подъ полей шляпокъ бульона, такъ долго ничему не уступавшее своего мѣста.

=

Сестр.

ассе В. П. Подьяков продаются:

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНЮ ФРАНЦУЗ-

ИСТ
русскомъ и въ
составл. Ико-
скаго.
ц. 2 руб.

дворъ по Суу
продаются
ГО ЯЗЫКА, раздѣленная на
75 коп. сер.
окера, въ пользу русскаго
окера, 2 ч. Ц. 60 коп. сер.

... ирсоваться въ естемъ со-
... публикуемымъ и отъ другихъ книгопрода-
цевъ, на имя Василья Петровича Балакова.
Требованія исполняются съ первоотходящею почтою.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера военпо-учебныхъ заведеній и библіотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ПСАБОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

Histoire du clergé de France depuis l'introduction du christianisme dans les Gaules jusqu' à nos jours. par Bousquet, tome 1 in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Histoire des Souverains pontifes romains, par le Chev. Artaud, tomes 1 à 4. in 8. Paris. 1847. 7 r.

Traité de l'Instruction écrite et du reglement de la competence en matière criminelle, par Mangin, ouvrage revu, mis en ordre et annoté par Faustin Hélie. 2. vol. 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.

Chemins de fer. Code annoté, contenant la législation applicable aux chemins de fer en général, etc, etc, par N. Basqua. Un vol. in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Armorial universel, précédé d'un traité complet de la Science du blason, par Jouffroy d'Eschavannes, tome 2-e gr. in 8. Paris. 1848. 4 r. 30 c.

Le même ouvrage en toile, tranche doré. 7 r. 15 c.

Lettres à une dame sur la charité, par Dufaut. Un vol. 12. Paris. 1847. 1 r.

Etuales sur le commerce au moyen age, —histoire du commerce de la mer noir et des colonies Genoises de la Krimée. par Prinaudais. Un vol. 8. Paris. 1848. 2 r. 20 c.

Memoires de la société géologique de France, 2-e Serie t. 1 et 2. in 4. avec pl. Paris. 17 r. 50 c.

Paleontologie des Coquilles et des mollusques étrangers à la France, par D'Orbigny. Liv. 1 in 8. avec pl. color. Paris. 1847. prix de la livrais à. 2 r. 30 c.

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯКОВА,

въ гостинномъ дворѣ по Суконной линіи подѣ № 17-мъ,

продаются слѣдующія книги:

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МІРА

ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ,

въ двухъ частяхъ, съ хронологическою таблицей достопамятныхъ лицъ и событій Ветхаго Завета С.п.б. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. сер. съ пересыл.

Здѣсь изложены исторія судей, царей и пророковъ, и указаны писанія послѣднихъ. Земная жизнь Господа Нашего Иисуса Христа изложена авторомъ подробно. Жизнь и дѣянія св. Апостоловъ соединены съ ихъ ученіемъ, и изложены и объяснены ихъ боговдохновенныя писанія: четыре Евангелія, дѣянія Апостольскія, посланія Апостоловъ Петра, Іоанна, Іакова, Іуды и всѣхъ посланія Ап. Павла и откровеніе Іоанна Богослова. Далѣе подробно объяснены соборы и ихъ правила, раздѣленіе церкви на восточную и западную, духъ пастырей ихъ, бѣдствія церкви и перенесеніе свѣтильника христіанства въ наше отечество; отсѣга идетъ непрерывный рядъ святителей нашей церкви; излагаются ихъ подвиги и писанія, и доводится исторія русской церкви до настоящаго времени; не опускается изъ виду и римско-католическая церковь; описывается происхожденіе реформациі, излагается исторія Іезуитовъ и пр.

У него же В. П. Поллова продается:

НАЧАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА, соч. Зейденштюкера, раздѣленное на три курса; составлено въ пользу русскаго юношества, обучающагося французскому языку, Яковомъ Лангеномъ. 2 ч. Ц. 1 руб. сер. отдѣльно выпускъ 1-й 50 коп. сер. 2-й 75 коп. сер.

УЧЕБНАЯ КНИГА НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА, раздѣленная на три курса по руководству Зейденштюкера, въ пользу русскаго юношества составл. Яковомъ Лангеномъ. 2 ч. Ц. 60 коп. сер. отдѣльно каждая часть по 30коп. сер.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ пользу русскаго юношества составл. Яковомъ Лангеномъ Ц. 60 коп. сер.

ОБОЗРѢНІЕ ЗЕМНАГО ГЛОБУСА, соч. Оболовскаго.

АРИѐМЕТИКА составл. П. Гурьевымъ въ 2. част. Ц. 2 руб. сер. съ перес. 2 руб. 50 коп. сер.

АРИѐМЕТИКА составл. Цегловымъ. Ц. 1 руб. сер. съ перес. 1 руб. 25 коп. сер.

АРИѐМЕТИКА для военно-учебныхъ заведеній, составл. А. Киндеревымъ, изд. 2. Ц. 75 коп. сер. съ перес. 1 руб. сер.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ АЛГЕБРЫ для военно-учебныхъ заведеній, составл. А. Я. Кушакевичемъ и А. С. Киндеревымъ Ц. 2 руб. сер. съ перес. 2 руб. 50 коп. сер.

ОБЩЕНАРОДНАЯ ГЕОМЕТРІЯ, соч. Литрова съ 8 листами чертежей Ц. 75 коп. сер.

ГЕОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, составл. Павловскимъ. 2. час. Ц. 2 руб. сер.

ГЕОГРАФІЯ ВСЕОБЩАЯ, составл. Соколовскимъ. 4 час. Ц. 3 руб. сер. съ перес. 3 руб. 50 коп. сер.

ГРАММАТИКА НѢМЕЦКАЯ съ русскимъ, составл. Шмидтомъ Ц. 1 руб. сер.

ГРАММАТИКА ЛАТИНСКАЯ Кошанскаго съ словаремъ. Ц. 1 руб. сер.

ГРАММАТИКА РУССКАЯ Воробьева. Ц. 75 коп. сер.

ГРАММАТИКА КРАТКАЯ Н. Претъ. Ц. 72 коп. сер. съ перес.
1 руб. сер.

ГРАММАТИКА РУССКАЯ Иванова. Ц. 72 коп. сер. съ перес.
1 руб. сер.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ, соч. Максимовича. Ц. 85 коп. сер. съ перес.
1 руб. 15 коп. сер.

КРАТКАЯ СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ Полянского. Ц. 30 коп.
сер. съ перес. 50 коп. сер.

МЕТОДА РОБЕРТСОНА, практическіе уроки англійскаго языка съ грамматическимъ ихъ обзоромъ въ пользу Русскихъ, состав. Яковъ Лангенъ. Ц. 75 коп. сер.

УЧЕБНАЯ КНИГА АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА, составл. Г. Кочманъ. Ц. 75 коп. сер.

УЧЕБНАЯ КНИГА ИТАЛІЙСКАГО ЯЗЫКА для Русскихъ, въ 3 час. Ц. 1 руб. сер.

УРОКИ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА, составл. Э. Ро. Ц. 75 коп. сер.

Также можно получить всѣ книги, издаваемыя департаментомъ народнаго просвѣщенія, по цѣнамъ назначеннымъ отъ департамента.

Гдѣ многорядные благотворители адресоваться въ всѣхъ вообще книжкахъ, публикуемыхъ и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василья Петровича Полякова.

Требованія исполняются съ первоотходящею притомъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ комиссіонера во-
енно-учебныхъ заведеній и библіотекъ гвардейскаго корпуса,

Я. А. ИСАЕВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22.

Цѣны на серебро безъ пересылки.

*Histoire du clergé de France depuis l'introduction du christia-
nisme dans les Gaules jusqu' à nos jours.* par Bousquet, tome
1 in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Histoire des Souverains pontifes romains, par le Chev. Artaud,
tomes 1 à 4. in 8. Paris. 1847. 7 r.

*Traité de l'Instruction écrite et du reglement de la competence
en matière criminelle,* par Mangin, ouvrage revu, mis en
ordre et annoté par Faustin Hélie. 2. vol. 8. Paris. 1847.
4 r. 35 c.

Chemins de fer. Code annoté, contenant la législation appli-
cable aux chemins de fer en général, etc, etc, par N. Basqua.
Un vol. in 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Armorial universel, précédé d'un traité complet de la Science du
Blason, par Jouffroy d'Eschavannes, tome 2-e gr. in 8. Pa-
ris. 1848. 4 r. 30 c.

Le même ouvrage en toile, tranche doré. 7 r. 15 c.

Lettres à une dame sur la charité, par Dufaut. Un vol. 12. Pa-
ris. 1847. 1 r.

Etudes sur le commerce au moyen age, —histoire du commerce
de la mer noir et des colonies Genoises de la Krimée. par
Primaudais. Un vol. 8. Paris. 1848. 2 r. 20 c.

Memoires de la société géologique de France, 2-e Serie t. 1 et
2. in 4. avec pl. Paris. 17 r. 50 c.

*Paleontologie des Coquilles et des mollusques étrangers à la
France,* par D'Orbigny. Liv. 1 in 8. avec pl. color. Paris.
1847. prix de la livrais à. 2 r. 30 c.

Des Eaux relatevement à l'agriculture, par Polonceau. Un vol. 12. Paris. 90 c.

Récherches sur la végétation appliquée à l'agriculture, par Bouchardat, un vol 18. Paris. 1847. 65 c.

Des fumiers considérées comme engrais, par Girardin. 5-e édition. Paris. 1847. 50

Traité théorique de la Syphilis, par Barbe. Un vol. 8. Paris. 1 r. 75 c.

Traité des maladies des pays chauds, 1-e partie.—De la Dysenterie et des maladies du foie qui la compliquent, par Combay. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 30 c.

Annuaire de thérapeutique pour 1848, publié par Bouchardat. Un vol. in 18. 40 c.

Annuaire de médecine et de chirurgie pour 1848 public par Wahu. in 18. 40 c.

Memorial thérapeutique et pharmaceutique des officiers de Santé de l'armée de terre, par Wahu. Un vol. 18. Paris. 1 r.

Abregé pratique des maladies de la peau, par Cazenave. Un fort vol in 8. Paris. 1847. 3 r. 20 c.

De l'analyse qualitative, instruction pratique à l'usage des laboratoires de chimie, par Will, trad. de l'allemand. Paris. 1847, 90 c.

Expériences chimiques et agronomiques, par Kuhlmann, un vol. 8. Paris 1847. 1 r.

Leçons d'arithmétique, par Cirrode, 7-e édition. Un vol. 8. Paris 1847. 1 r. 20 c.

Leçons de géométrie analytique, précédées des elemens de la trigonométrie rectiligne et spherique, par Cirrode, 2-e edet. Un vol. 8. Paris. 1847. 2 r. 20 c.

Annuaire du bureaux des longitudes, pour l'année de 1848. Un vol. 18. 35 c.

Architecture Toscane, ou Palais, maisons, et autres édifices de la Toscane, par Gronjean de Montigny. nouv. édition 136 plans in folio. Paris. 18 r.

Гг. иигородниие благоволят относится съ требованіи ми своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

==

Печатать позволяется, 28 іюля 1848 г. Старшіи ценсоръ *Рочфорте*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ

«ЧТЕНІЯ ДЛЯ СОЛДАТЪ»

съ 15-го Сентября 1848 года.

Журналъ «Чтеніе для солдатъ,» издаваемый съ Высочайшаго соизволенія, вступаетъ, съ 15-го Сентября 1848 года, во второй годъ своего существованія и будетъ, по прежнему, выходить, каждые два мѣсяца 15-го числа, книжками отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ въ 8-ю долю.

Въ составъ изданія будутъ входить, какъ статьи оригинальныя, написанныя въ духъ русскаго солдата, такъ и статьи, заимствованныя изъ всѣхъ русскихъ книгъ и журналовъ, съ примѣненіемъ ихъ къ понятіямъ солдата, и имѣющія цѣлю *нравственное* образованіе солдата въ отношеніи къ Богу, Государю и Отечеству.

Каждая книжка будетъ состоять изъ слѣдующихъ пяти отдѣленій:

ОТДѢЛЕНІЕ I. Бесѣды и поученія о христіанскихъ обязанностяхъ; слова и рѣчи, говоренныя при торжественныхъ случаяхъ, напримеръ: при освященіи знаменъ, при выступленіи войскъ въ походъ, и такъ далѣе; толкованія Евангелій и важнѣйшихъ праздниковъ, замѣствованныя изъ книгъ, напечатанныхъ съ одобренія духовной цензуры; нравственныя наставленія и замѣчанія, внушающія повиновеніе начальству, любовь къ порядку, трезвости, трудолюбію и прочая.

ОТДѢЛЕНІЕ II. Повѣствованія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ русской исторіи; разсказы о славныхъ подвигахъ русскихъ войскъ на полѣ брани и о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ русскихъ полководцевъ: жизнеописанія лицъ, совершившихъ блистательные подвиги или заслугами дошедшихъ отъ простаго воинскаго званія до высшихъ степеней.

ОТДѢЛЕНІЕ III. Извлеченія изъ нѣкоторыхъ, необходимыхъ и для солдата важнѣйшихъ военныхъ постановленій, въ особенности тѣхъ, которыми обезпечивается и вознаграждается служба нижнихъ воинскихъ чиновъ, и, просто, по-

нятно изложенныя практическія свѣдѣнія по части хозяйства, ремесль и другихъ полезныхъ знаній въ быту солдатскомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. Сказки и солдатскіе рассказы, военныя пѣсни и стихотворенія.

ОТДѢЛЕНІЕ V. Смѣсь: анекдоты, показывающіе преданность Государю, любовь къ отечеству, неустрашимость въ опасностяхъ и твердость духа въ разныхъ обстоятельствахъ; пословицы, загадки, задачи и прочая.

Кромѣ того, по временамъ, къ книжкамъ будутъ прилагаемы портреты Высочайшихъ особъ Императорской фамиліи и замѣчательныхъ военныхъ генераловъ, отличившихся на полѣ брани и на службѣ Государю и Отечеству, также картинки и чертежи, относящіеся къ тексту.

Редакція приложитъ все свое стараніе, чтобъ доставить нижнимъ воинскимъ чинамъ полезное и занимательное чтеніе, ознакомитъ русскаго солдата съ подвигами и геройскимъ мужествомъ его предковъ и распространитъ свѣдѣнія, необходимыя въ солдатскомъ быту.

Условія подписки остаются прежнія: за годовое изданіе *Чтенія для Солдатъ*, состоящее изъ шести книжекъ, съ портретами, картинами и чертежами **ТРИ РУБЛЯ** серебромъ. За поч-

товую пересылку, или за доставленіе въ С. Петербургѣ на домъ, прилагается 25 рол. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- 1) Въ С. Петербургѣ, въ магазинѣ русскихъ и французскихъ книгъ издателя, книгопродавца Василя Исакова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви, въ домѣ Яковлева; и
- 2) въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

Конторою «Чтенія для Солдатъ» будутъ приняты всѣ возможные мѣры для исправнаго и своевременнаго доставленія журнала Гг. подписчикамъ. Каждая книжка будетъ разсылаема въ конвертѣ, заклеенномъ на-глухо, и за печатью издателя. Въ случаѣ потери какой-либо книжки, Гг. подписчики благоволятъ увѣдомлять о томъ редактора или издателя журнала, которыми дѣлаемо будетъ немедленное распоряженіе къ удовлетворенію каждой поступившей жалобы.

Воевно-Ценсурный Комитетъ сіе объявленіе печатать разрѣшаетъ.
С. Петербургъ, 6-го Іюля 1848 г.

Предсѣдатель Комитета *Михайловскій-Данилевскій*.

Въ типографіи К. Крайя.

2730

